авленія.

1) АКТЫ Б
ОМОРСКАГО
МА

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Губернскаго Правленія.

1872.

АКТЫ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ВИЛЕНСКОЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

Томъ VI,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ:

1) АКТЫ БРЕСТСКАГО ГРОДСКАГО СУДА (поточные), 2) АКТЫ БРЕСТСКАГО ПОДКОМОРСКАГО СУДА, 3) АКТЫ БРЕСТСКОЙ МАГДЕБУРГІИ, 4) АКТЫ КОБРИНСКОЙ МАГДЕБУРГІИ и 5) АКТЫ КАМЕНЕЦКОЙ МАГДЕБУРГІИ.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Губернскаго Правленія.

1872.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ КОММИССІИ:

Предсѣдатель: *Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій.*

Члены:
Никита Ивановичъ Горбачевскій.
Семенъ Вуколовичъ Шолковичъ и
Иванъ Яковлевичъ Спрогисъ.

ПРѢДИСЛОВІЕ.

Въ составъ настоящаго VI тома входятъ: 1) Поточные акты Брестскаго гродскаго суда, 2) акты Брестскаго подкоморскаго суда, 3) Брестской магдебургіи, 4) Кобринской магдебургіи, и, наконецъ, 5) Каменецкой магдебургіи. Настоящимъ томомъ заканчиваются труды Археографической Коммиссіи по разсмотрѣнію и зданію актовъ какъ собственно Брестскихъ судовъ, такъ равно и судовъ другихъ городовъ, входившихъ въ составъ древняго Берестейскаго воеводства. Правда, еще находится въ Виленскомъ центральномъ архивѣ значительное количество инвентарей, относящихся къ нѣкоторымъ городамъ и мѣстечкамъ этого воеводства, которые еще не вполнѣ разсмотрѣны Коммиссіею; но разсмотрѣніе и изданіе ихъ составятъ отдѣльныя монографіи. Такимъ образомъ, для желающихъ съ возможною полнотою изучить историческія судьбы и экономическій бытъ одной изъ древнѣйшихъ областей Западной Руси — Берестейскаго воеводства, Коммиссія смѣетъ надѣяться, ея труды, въ главнѣйшемъ заканчиваемые настоящимъ VI томомъ актовъ и состоящіе вообще изъ пяти довольно объемистыхъ томовъ, представятъ не мало интереснаго и новаго матеріала. Матеріалъ этотъ, правда, не представляетъ систематически развитой какой либо стороны народной жизни и вообще разбросанъ и отрывоченъ; но онъ драгоцѣненъ въ томъ отношеніи, что онъ заимствованъ прямо изъ офиціальнаго источника, т. е. изъ древнихъ актовыхъ книгъ разныхъ судебныхъ учрежденій въ б. вел. кн. Литовскомъ.

Не находя нужнымъ болѣе распространяться относительно этого предмета, переходимъ къ подробному разсмотрѣнію актовъ, заключающихся въ настоящемъ VI томѣ.

I.

Акты Брестскаго гродскаго суда (поточные).

Поточные акты, libri relationum et manifestationum, по своему содержанію составляли особаго рода судебныя книги, въ которыя вносились донесенія возныхъ

о врученіи позвовъ къ суду, разнаго рода обдукціи или посвидѣтельствованія и такъ называемые вводные акты въ имѣнія. Но сюда же, кромѣ того, вносились различнаго рода жалобы частныхъ и официальныхъ лицъ о побояхъ, насиліяхъ, захватѣ чужой собственности, а иногда и другаго рода акты, какъ то: королевскіе универсалы, духовныя завѣщанія, продажныя записи, реестры имуществъ. Въ Виленскомъ центральномъ архивѣ имѣется 60 поточныхъ книгъ Брестскаго гродскаго суда. Разсмотрѣвъ ихъ, Коммиссія рѣшилась воспользоваться актами, выбранными только изъ книгъ древнѣйшихъ, а именно съ конца XVI и начала XVII столѣтій, оставивъ безъ вниманія акты позднѣйшаго времени, такъ какъ они и по самому времени и по своему содержанію особаго интереса не представляютъ. Между древнѣйшими актами Коммиссія нашла значительное количество такихъ, которые болѣе или менѣе касаются положенія крестьянъ въ Берестейскомъ повѣтѣ. Такъ какъ найти вообще какіе бы-то ни было документы о крестьянахъ въ древнихъ актовыхъ книгахъ составляетъ большую рѣдкость, то Коммиссія, именно въ виду этого важнаго обстоятельства, сочла необходимымъ обратить особенное вниманіе на этого рода акты и напечатать изъ нихъ въ настоящемъ томѣ все, что хотя съ какой нибудь стороны характеризуетъ положеніе и устройство крестьянъ въ въ Берестейскомъ воевотствѣ. Но какого же именно содержанія эти акты?

Для того, чтобы удовлетворительнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ, удобнѣе всего представляется раздѣлить всѣ акты о крестьянахъ на нижеслѣдующія рубрики, съ показаніемъ ихъ экономическаго значенія.

а) Акты *«о копѣ»* или *древнемъ крестьянскомъ общинномъ судѣ*. Документы эти находятся подъ №№ 25, 27 и 62. Они имѣютъ весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что указываютъ не только на существованіе этого древнѣйшаго народнаго обычая въ Берестейскомъ воеводствѣ во второй половинѣ XVI столѣтія (1589 г.), но вмѣстѣ съ тѣмъ выясняютъ намъ многіе юридическіе обычаи, при которыхъ отправлялся этотъ народный самосудъ.

Въ виду особенной важности этихъ документовъ мы считаемъ необходимымъ — во первыхъ изложить здѣсь подробно ихъ содержаніе, а во-вторыхъ провести паралель между заключающимися въ нихъ данными и тѣми свѣдѣніями, какія представляетъ для русскаго ученаго общества статья Н. Иванишева «о древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи,» напечатанная въ Московскомъ журналѣ «Русская Бесѣда“ за 1857 годъ, въ 3-ей книгѣ, и составленная имъ на основаніи найденныхъ имъ древнихъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомірскихъ актовъ *о копѣ*.

Содержаніе вышеприведенныхъ актовъ слѣдуюшее:

Въ № 25 (1589 г.) Возный Берестейскаго повѣта Константинъ Михайловичъ Непо-

койчицкій, описываетъ въ своемъ донесеніи суду, что онъ, вмѣстѣ съ другимъ вознымъ Яномъ Казновскимъ, въ 1589 году, 16 апрѣля, присутствовалъ накопѣ, которую собралъ помѣщикъ (земянинъ) Николай Костюшко Сехновицкій въ своемъ имѣніи Сехновичахъ, на урочищѣ Грады, съ цѣлію открыть слѣдъ совершеной въ его домѣ покражи. Дѣло въ томъ, что у Костюшки 11 Апрѣля 1589 года была украдена изъ комнаты шкатулка («скриня, шкатула») съ разными документами на земли, деньгами и драгоцѣнными вещами (чему слѣдуетъ поименный перечень въ актѣ). На первыхъ двухъ собраніяхъ копы Непокойчицкій не былъ. Но на третьей и послѣдней копѣ, «вся копа, какъ говорится въ актѣ, признала» предъ нимъ, вознымъ, что на другой же день послѣ случившейся у Костюшки покражи, онъ «слѣдъ гонилъ,» т. е. старался съ помощью копы открыть слѣдъ похитителя, и показывалъ предъ нею рукавицу, которая была найдена имъ въ той комнатѣ, гдѣ случилась покража. Далѣе копа заявила предъ вознымъ, что послѣ того, какъ сосѣдніе помѣщики и крестьяне, первые изъ (семи) своихъ дворовъ, а послѣдніе изъ (семи же) своихъ селъ, выслали на ея первыя два собранія своихъ представителей, одинъ только помѣщикъ Димитрій Здитовецкій не явился на эти собранія, ни самъ лично, ни чрезъ своего представителя, для того, чтобы съ своей стороны дать отвѣтъ по разсматриваемому дѣлу. Впрочемъ, на послѣднюю—третью копу, на которой присутствовалъ вышепомянутый возный, явился и Димитрій Здитовецкій и привелъ съ собой многихъ своихъ крестьянъ, нѣсколькихъ своихъ пріятелей и брата Яна Мочульскаго. Ставши на копу, онъ обратился къ послѣдней съ такимъ вопросомъ: «мужеве, что се есте тутъ зобрали а о што копуете?», т. е. для какой цѣли собралась эта копа и о чемъ ведетъ свой копный судъ? Послѣ этого онъ объявилъ, что такъ какъ на первыхъ двухъ своихъ собраніяхъ копа *приказала* («указали») ему явиться самому, поставить своихъ гостей и брата Мочульскаго, то вотъ онъ становится теперь, какъ самъ лично, такъ равно ставитъ и своихъ гостей и брата Мочульскаго. Послѣ такого отвѣта его всталъ Костюшко и вновь предъ всею копою повторилъ свою жалобу о случившейся у него покражѣ и вновь показалъ вышепомянутую рукавицу. Здитовецкій, къ которому вѣроятно главнымъ образомъ относилось предъявленіе найденнаго предмета улики, прямо призналъ, что эта рукавица его брата Яна Мочульскаго. Мочульскій подтвердилъ, что это дѣйствительно его рукавица, но что она была у него украдена въ Сехновичахъ, въ то время, когда изъ этого имѣнія выѣзжала мать Костюшки. На это Костюшко возразилъ и представилъ трехъ свидѣтелей, которые, напротивъ, видѣли помянутую рукавицу на Мочульскомъ еще во время русскаго праздника св. Пасхи, въ церкви св. Никиты въ имѣніи Здитовичахъ. Послѣ такого вѣскаго довода, копа прямо объявила, что нечего ее, копу, и долго задерживать; если уже Мочульскій признался къ своей рукавицѣ, то значитъ имъ же и совершено самое воровство. Послѣ такого рѣшенія копы Костюшко предложилъ Димитрію Здитовецкому взять Мочульскаго на поруку въ 500 копахъ (въ суммѣ, въ которую оцѣни-

вались похищенныя вещи). Но Здитовецкій, объявивъ, что Мочульскій у него не служитъ, отказался брать его на поруку. Послѣ этого Костюшко сталъ домогаться, какъ сказано въ актѣ, чтобы копа по настоящему дѣлу «декретъ свой выдала,» т. е. положила свое окончательное рѣшеніе, что дѣлать съ похитителемъ. На это вся копа дала такой отвѣтъ: что если бы это было лице изъ ея среды, т. е. крестьянинъ («если бы то былъ братъ нашъ мужикъ»), то она распорядилась бы схватить его и посадить на колъ («на пеньку»), или—если-бы отъ обвиняемаго она не допыталась сознанія въ его виновности, тогда, сдѣлавши сборъ по грошу или по два (вѣроятно съ каждаго лица, участвовавшаго на копѣ), вознаградила бы его (за напрасно имъ понесенныя муки на пыткѣ); но такъ какъ виновный изъ шляхетскаго званія, то копа предоставляетъ Костюшкѣ самому развѣдываться съ нимъ, схватить его и отправить въ судъ. Выслушавши такой приговоръ копы и закрывши затѣмъ ея дальнѣйшія дѣйствія, Костюшко тотчасъ велѣлъ своимъ слугамъ взять Мочульскаго. Но послѣдній сталъ обороняться оружіемъ и ранилъ нѣсколько человѣкъ; однакожъ былъ схваченъ. Димитрій Здитовецкій, вѣроятно опасаясь, чтобы Мочулькій тутъ же не выдалъ настоящаго виновника своего преступленія, сталъ теперь требовать, чтобы Костюшко отдалъ ему брата на поруку; но, получивъ отказъ, самъ поручилъ ему Мочульскаго въ 500 копахъ, съ тѣмъ, чтобы онъ не подвергалъ его пыткамъ въ своемъ домѣ. Мочульскій былъ увезенъ въ Сехновицкій дворъ, гдѣ, по показанію вознаго, не былъ подвергаемъ никакимъ мукамъ, но самъ добровольно признался здѣсь въ своей винѣ и разсказалъ подробности, при которыхъ была совершена имъ кража; при этомъ онъ прямо объявилъ, что преступленіе совершено имъ по наущенію его брата Димитрія Здитовецкаго. На утро преступникъ былъ отправленъ въ Берестейскій замокъ. На этомъ въ актѣ и остановилось дѣло.

Въ №№ 27 (1589 г.) находится донесеніе въ судъ того же вознаго и по тому же дѣлу, которое изложено выше. Донесеніе это по духу своему совершенно противоположно первому. Тамъ всѣ дѣйствія Костюшки по отношенію къ Яну Мочульскому представляются въ совершенно законномъ и безукоризненномъ видѣ; здѣсь же, на оборотъ, Костюшко является какимъ-то жестокимъ и несправедливымъ обидчикомъ Молульскаго; здѣсь онъ первый подымаетъ на Мочульскаго оружіе, бьетъ его съ своими слугами, наноситъ ему раны, вяжетъ и водитъ его «яко одного злодѣя,» не выслушавши предварительно его оправданій. Впрочемъ, такое странное явленіе по видимому легко объясняется замѣткою на концѣ акта, гдѣ сказано, что донесеніе это писано вознымъ въ им. Здитовичахъ. Очевидно, что возный этимъ хотѣлъ нѣсколько поддержать сторону его владѣльца—Димитрія Здитовецкаго, прямаго соучастника въ преступленіи Яна Мочульскаго...

Въ № 62 (1589 г.) возный Берестейскаго повѣта Яковъ Бѣлоусовичъ Лепесовскій пишетъ въ своемъ донесеніи, что 1589 г. 10 сентября онъ былъ позванъ по дѣлу по-

мѣщика (землянина) Захаріяша Винцентовича Гузельфа для выслушанія копы («ку выслуханью копы»). Копу эту «збіяли,» т. е. собрали трое Гузельфовыхъ крестьянъ, изъ села Березой, по поводу пропажи у нихъ трехъ свиней подъ дворомъ сосѣдняго помѣщика Ивана Барсобы. Для обсужденія этого предмета собралось на урочищѣ Стѣпѣ, въ имѣніи Барсобы—Босечѣ, много народу изъ разныхъ селъ. Предъ копою вышепомянутые трое крестьянъ объявили, что они ни отъ кого другого не терпятъ себѣ вреда, какъ только отъ помянутаго помѣщика Барсобы; что указанныя ихъ свиньи ходили подъ его дворъ и тамъ пропали; что они увѣдомили объ этомъ Барсобу, съ тѣмъ, чтобы онъ вышелъ на копу для отвѣта по этому дѣлу, но онъ не идетъ—ни самъ лично, ни другого кого-либо за себя не высылаетъ. Выслушавъ эту жалобу, копа «обмовившися съ собою,» т. е. поразсудивъ, послала вознаго Бѣлоусовича къ Барсобѣ, для новаго напоминанія ему, чтобы онъ вышелъ на копу—лично самъ, или выслалъ своего повѣреннаго. Барсоба далъ посланному такой отвѣтъ, что онъ не пастухъ для Захарьяшевыхъ крестьянъ, что свиней ихъ не забиралъ и ничего не знаетъ; на копу не пойдетъ и не пошлетъ, потому что, какъ только онъ явится на копу, его тотчасъ назовутъ воромъ. А ты возный, замѣтилъ ему Барсоба, скажи Захарьяшу, чтобы онъ приказалъ своимъ крестьянамъ не пускать своей скотины на мой грунтъ, потому что она дѣлаетъ мнѣ вредъ. Этотъ отвѣтъ возный передалъ копѣ. Тогда Захарьяшевые крестьяне вновь стали жаловаться предъ копою, что они терпятъ большой вредъ отъ Барсобы, а онъ на копу не является для отвѣта. Отсюда, заключили они, мы убѣждаемся, что этотъ вредъ мы терпимъ именно отъ его двора. За этимъ вся копа единогласно («одностайне») постановила слѣдующее рѣшеніе: что для той цѣли по сосѣдству и копы собираютъ, чтобы въ случаѣ, если у кого приключится вредъ, можно было найти виновника («шкодника»). Но такъ какъ, продолжаетъ она въ своемъ рѣшеніи, помянутыя свиньи, по собственному показанію помѣщика Барсобы, ходили подъ его дворъ и тамъ онѣ пропали, а онъ не хочетъ явиться на копу для отвѣта, то мы въ помянутомъ вредѣ за трое свиней «*невыходомъ его винуемо и виннымъ находимо*,» т. е. признаемъ его виновнымъ за его неявку; пусть онъ, согласно статуту, заплатитъ за пропавшихъ свиней. А затѣмъ, прибавила копа, пусть онъ (Барсоба) и другихъ предостерегаетъ, а на копу, когда напомнятъ («коли кажутъ») чтобы являлся.

Обращаясь отсюда къ сравненію изложенныхъ въ вышеприведенныхъ актахъ данныхъ съ тѣми свѣдѣніями, какія находятся въ вышепомянутой статьѣ Н. Иванишева о древнемъ копномъ судѣ, мы должны повторить, что статья эта составлена имъ на основаніи изученія актовъ о дѣйствіи копы въ двухъ смежныхъ повѣтахъ — Луцкомъ и Владимірскомъ. Берестейскій повѣтъ *) лежитъ отъ этихъ повѣтовъ на сѣвероза-

---

*) Въ этомъ же повѣтѣ, на границѣ Великаго Княж. Литовскаго и Короны Польской, между королевскими селами Орѣховымъ и Шацкомъ, находилось (въ 1586 году) урочище—*Побій-*

надъ въ незначительномъ отъ нихъ разстояніи, всего въ ста и полтораста верстахъ. Если къ этому незначительному разстоянію прибавить еще то обстоятельство, что вся полоса эта была покрыта сплошнымъ русскимъ населеніемъ, то отсюда сдѣлается по-

---

коня, «гдѣ се, какъ говорится въ актѣ, *на копы люди съ Короны и зъ Литвы* сходити звыкли.» (Акты Вилен. Археографич. Ком., т. VI, стр. 146).

Кромѣ настоящаго примѣчанія и вышеприведенныхъ свѣдѣній о существованіи *древняго копнаго суда въ Берестейскомъ повѣтѣ*, въ актовой книгѣ Троскаго подкоморскаго суда, за 1585—1606 годы, при ея описаніи, найдено *пятнадцать* документовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи *копнаго суда въ Трокскомъ воеводствѣ*. Документы эти содержатъ въ себѣ опредѣленіе Трокскаго подкоморія Богдана Огинскаго, гдѣ должно находиться *коповище* или *мѣсто собранія копы каждой околицы*. Послѣ указанія коповища, въ каждомъ документѣ подробно перечисляются всѣ *села, королевскіе и помѣщичьи дворы, корчмы* и т. под., поименовываются сословія людей, какъ-то *крестьяне, бояре, мѣщане, татаре, шляхта* («и иншая вся шляхта въ Русок оль нихъ», стр. 70.) и т. под,, какіе только находились въ извѣстной околицѣ и которые обязаны были принимать участіе въ учрежденномъ къ ней копномъ судѣ. Надъ каждымъ помянутымъ документомъ стоитъ оглавленіе, показывающее въ какомъ именно селѣ, мѣстечкѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ коповище находится и начинающееся одною и тою же фразою: «Коповище въ селѣ, мѣстечкѣ... и проч. Послѣ указанія самаго коповища, вездѣ прибавляются одни и тѣ же—слѣдующія слова: «*До которого коповища тая околица—на вси стороны по мили, и съ тыхъ селъ люди становити се маютъ и повинны будутъ*».

Опредѣленіе коповищъ вышепомянутымъ подкоморіемъ произведено *въ 1590 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ*, при чемъ каждый документъ начинается одними и тѣми же вступительными словами: «За выѣханьемъ моимъ, черезъ мене Богдана Огинского, подкоморого Троцкого, державцы Дорсуниского, съ повинности моее, враду моему подкоморскому належачое, водлугъ артыкулу девятого зъ роздѣлу чотырнадцатого, назначиломъ *коповище* и села тыхъ, которые тамъ становити се повинни будутъ, описаломъ, *кгды бы хто копою шкоды своее доходити хотѣлъ*».

Перечень коповищъ, обозначенныхъ въ разсматриваемыхъ документахъ:

1) (стр. 68, 5 нояб.): «Коповище въ селѣ его королевское милости *Жижморскомъ*, у *Крыванахъ*. До которого коповища тая околица»... и проч.

2) (стр. 69, 6 нояб.): «Коповище въ *Бекштанахъ*, въ селѣ *Попортскомъ* пана Кищиномъ».

3) (стр. 69, 7 нояб.): «Коповище на *Вевью*» (мѣстечко).

4) (стр. 70, 8 нояб.): «Коповище въ *Красномъ селѣ* пана Претоцкого».

5) (стр. 71, 9 нояб.): «Коповище въ *Старыхъ Трокахъ*, при кляшторѣ мурованомъ».

6) (стр. 71, 10 нояб.): Коповище въ селѣ *Сорокъ-Татарахъ*».

7) (стр. 72, 11 нояб.): «Коповище въ *Рудникахъ*—мѣстечку его королевское милости».

8) (стр. 72, 12 нояб.): «Коповище въ *Полукню*, надъ рѣчкою Лукною, за мостомъ, противъ дому возного Петра Кудры».

9) (стр. 72, 13 нояб.): «Коповище въ *Лепунахъ*—мѣстечку Волькиницкомъ».

10) (стр. 73, 14 нояб.): «Коповище у *Волькиникахъ*—мѣстечкѣ его королевское милости».

11) (стр. 74, 15 нояб.): «Коповище въ мѣстечку ее милости паней подскарбиное *Ганусискомъ* (Ганусишки»).

12) (стр. 74, 15 нояб.): «Коповище подъ Стравою у корчмы пана Станислава Щасновича Стравинского, на *Олитьскомъ гостинцу*».

13) (стр. 75, 15 нояб-): «Коповище въ *Сомилишкахъ*».

14) (стр. 80, 16 нояб.): «Коповище у *Бирулишкахъ*, подъ липами Держшковыми».

15) (стр. 81, 17 нояб.): «Коповище въ *Новосадахъ*, селѣ пана войского Троцкого пана Балцера Раецкого».

Сверхъ сего, въ Археографическомъ Сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣ-

нятнымъ, что юридическіе обычаи и пріемы, употребляемые въ повѣтахъ — Луцкомъ и Владимірскомъ при отправленіи копнаго суда, не могли имѣть какихъ-либо существенныхъ отличій отъ тѣхъ, какіе употреблялись здѣсь—въ повѣтѣ Берестейскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, все, что мы находимъ здѣсь повидимому особеннаго, должно считатьс лишь дополненіемъ и выясненіемъ того, что сказано объ нихъ въ статьѣ Н. Иванишева. Но обратимся къ самимъ актамъ и стаьѣ Н. Иванишева.

Въ статьѣ Н. Иванишева (стр. 4), селенія, составлявшія древнюю крестьянскую общину подъ именемъ копы, называются *селами околичными*. Здѣсь для выраженія этого понятія употреблено самою копою слово, имѣющее, какъ намъ кажется, болѣе широкое и точное значеніе—*сусѣдство*. (№ 62, стр. 93). Понятіе *сосѣдства* включаетъ въ себѣ не одни только *окрестныя села* (какъ показано выше), но и *окрестные помѣщичіе дворы*, которые, по смыслу нашихъ актовъ, если не прямо обязаны были, то добровольно принимали участіе въ отправленіи копнаго суда—наравнѣ съ крестьянскими поселеніями (№ 25, стр. 35 и 36).

Изъ многихъ названій, которыя носитъ тамъ (стр. 7) древняя народная община и ея представители, здѣсь встрѣчаются только слѣдующія — *копа* и *мужове* (№ 25, стр. 36, № 62).

О томъ, какія именно лица изъ крестьянъ и по сколько ихъ изъ каждаго села должны были являться на собраніе копы, здѣсь говорится неопредѣленно, указывается только, что изъ такого-то села явились такіе то (поименованы двѣ - три фамиліи) и затѣмъ прибавлено, что *«и иншихъ немало*, или—*«все село и иншіе»* (№ 25, стр. 25 и 26).

Тамъ (стр. 8) мѣста собранія копы назывались *коповищемъ*; изслѣдованіе дѣла производилось *подъ открытымъ небомъ*. Здѣсь тоже (№ 25, стр. 35; № 62, стр. 93; о коповищахъ смотри примѣч. на стр. V VII). При производствѣ копнаго суда тамъ въ качествѣ свидѣтеля и составителя донесенія въ судъ о его рѣшеніяхъ былъ приглашаемъ возный; здѣсь тоже (№ 25, стр 35; № 62, стр. 92).

Тамъ (стр. 8, 9) мы видимъ, что помѣщики имѣли только стороннее отношеніе

веро-Западной Руси, издаваемомъ при управленіи Виленскаго Учебнаго Округа, напечатаны три документа, указывающіе на существованіе тогоже копнаго суда въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) *въ Ошмянскомъ повѣтѣ*, (въ имѣніи *Сипелевичахъ*, въ 1584 г.—Донесеніе вознаго о томъ, какъ было имъ исполнено рѣшеніе сельской копы по дѣлу о потравѣ овса у помѣщика Адама Амвросіевича скотомъ помѣщика Матвѣя Балтромеевича. Т. I, стр. 166); 2) *въ Пинскомъ повѣтѣ*), въ имѣніи *Кретовѣ*, въ 1625 г. — Донесеніе вознаго о собраніи и рѣшеніи копнаго суда по дѣлу о покражѣ двумя крестьянами Пинскаго владыки девяти ульевъ и трехъ бортей у помѣщика Андрея Терлецкаго. Т. VI, стр. 217), и 3) въ *Оршанскомъ повѣтѣ* («копа звычайная»—подъ городомъ *Бобромъ*», въ 1632 г.— Позывъ Льву Львовичу Сапѣгѣ по дѣлу о вооруженномъ нападеніи помѣщика Милашевича, б. служебника Александра Сапѣги, на копу и самовольномъ преданіи жестокому истязанію и пыткамъ трехъ копниковъ— одного мѣщанина и двухъ крестьянъ).

къ копѣ: приводили на нее своихъ крестьянъ; по добровольному согласію могли предоставлять копѣ рѣшеніе своихъ споровъ; могли даже сами созывать копу — въ томъ случаѣ, если въ округѣ общины случился у нихъ вредъ и подозрѣніе падало на ихъ же собрата—помѣщика, живущаго въ чертѣ того же округа; въ этомъ случаѣ копа должна была *гнать слѣдъ*, т. е. розыскивать слѣды преступленія. Здѣсь же участіе помѣщиковъ въ отправленіи копнаго суда представляется какъ бы болѣе непосредственнымъ. Вопервыхъ, какъ мы замѣтили выше, округъ, въ которомъ производилась дѣятельность копы, самою копою опредѣленъ понятіемъ *сосѣдства*. Во-вторыхъ мы видимъ, что здѣсь на копу, собранную помѣщикомъ Костюшкомъ, явились не одни крестьяне, или какъ они сами выражаются—*были согнаны*—изъ разныхъ селъ, но точно также явились на нее и представители *отъ всѣхъ помѣщичьихъ дворовъ*, *которые были въ округѣ настоящей копы*. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, не существовало обычая, по которому помѣщики, если не всегда обязаны были, то во всякомъ случаѣ временно и въ опредѣленныхъ случаяхъ принимали добровольное участіе въ отправленіи копнаго суда, то трудно допустить, чтобы въ настоящемъ случаѣ, по одному простому желанію помѣщика Костюшки, явились на копу ихъ представители изъ всѣхъ дворовъ въ округѣ копы. Именно какъ бы въ смыслѣ существованія этого обычая, вся копа по дѣлу Костюшки заявила и предъ вознымъ, что послѣ того, какъ изъ разныхъ селъ и дворовъ явились на первыя ея два собранія надлежащіе представители, не явился *только одинъ* помѣщикъ Димитрій Здитовецкій, ни самъ лично, ни тѣхъ не поставилъ, на кого жаловался Костюшко. Впрочемъ, необходимо здѣсь прибавить, что въ актѣ подъ № 62, по поводу собранія копы о пропажѣ трехъ крестьянскихъ свиней, сказано, что на нее сошлись крестьяне *изъ разныхъ селъ;* но объ участіи въ ней *помѣщичьихъ представителей* изъ окружныхъ дворовъ ничего не сказано.

Теперъ рождается вопросъ: что же дѣлали на копѣ явившіеся сюда помѣщики или ихъ представители? Принимали ли они тутъ *непосредственное участіе въ совѣщаніяхъ копы и постановленіи ея приговоровъ* или же только исполняли *роль свидѣтелей*, которые должны были въ данныхъ случаяхъ давать копѣ отвѣтъ за свой дворъ? По крайней мѣрѣ на основаніи тѣхъ данныхъ, какія можно позаимствовать изъ разсматриваемыхъ нами актахъ, слѣдуетъ склониться на послѣднее, т. е. что участіе помѣщиковъ въ копномъ судѣ было только *въ качествѣ свидѣтелей*, но не болѣе. Такъ напр. когда Костюшко домогался, чтобы копа положила свое окончательное рѣшеніе касательно уже уличеннаго вора Яна Мочульскаго, копа, удовлетворяя его желаніе, упо-

требила такой оборотъ рѣчи: «*пане Костюшку*, если бы то былъ *братъ нашъ мужикъ*, теды бысмы».. и проч. Если бы предположить, что въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи рѣшенія настоящей копы не принимали непосредственнаго, равнаго участія всѣ присутствующіе здѣсь помѣщичьи представители, то копа не могла бы такъ выразиться, если бы то былъ *братъ нашъ мужикъ*; въ противномъ случаѣ, она бы должна была употребить покрайней мѣрѣ такой оборотъ—если бы то былъ *мужикъ*, безъ добавленія слова *нашъ братъ*, потому что участвующіе тутъ представители помѣщиковъ, конечно, были *шляхтичи* и потому ни коимъ образомъ не могли бы быть названы копою словомъ—*нашъ братъ мужикъ*.

Такимъ образомъ отсюда уже можно вывести заключеніе для слѣдующаго новаго вопроса: *о какихъ лицахъ* копа могла постановлять свои приговоры? Изъ статьи Н. Иванишева видно, что только *о лицахъ простаго*, не *шляхетскаго сословія*. Здѣсь видно тоже самое. На предложеніе Костюшки—сдѣлать свой окончательный приговоръ надъ уличеннымъ похитителемъ Мочульскимъ копа прямо уклонилась отъ произнесенія такого приговора надъ виновнымъ—*какъ шляхтичемъ*, замѣтивъ при этомъ, что она охотно бы это сдѣлала относительно *своего брата мужика*. Но во всякомъ случаѣ здѣсь весьма важно то обстоятельство, что помѣщикъ Костюшко именно домагался отъ копы подобнаго приговора надъ *шляхтичемъ*. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить предположенія, чтобы Костюшко въ данномъ случаѣ не зналъ: кого можетъ судить копа и кого нѣтъ? Не служитъ ли настоящій случай указаніемъ на то, что еще не вымерло въ народѣ преданіе, по которому въ болѣе отдаленную старину судились на народныхъ вѣчахъ, безъ сомнѣнія, *не одни крестьяне*, *но и лица всѣхъ сословій—безъ различій*, какъ напр. было въ древнемъ Новгородѣ, Псковѣ и др. городахъ? Вспомня это старинное преданіе, Костюшко безъ сомнѣнія могъ совершенно основательно обратиться къ копѣ съ вышеприведеннымъ своимъ предложеніемъ—*судить шляхтича*. Копа отреклась отъ этого. Но это отреченіе могло произойти отъ разныхъ причинъ,—и во-первыхъ отъ *сильнаго стѣсненія въ данную эпоху разныхъ древнихъ*, *не однихъ копныхъ*, *крестьянскихъ правъ*, а во-вторыхъ *по простой скромности и нежеланію брать на себя отвѣтственности въ дѣлѣ лица* (Мочульскаго), *котораго братъ*—Димитрій Здитовецкій *былъ* сосѣднимъ помѣщикомъ, слѣдовательно лицемъ довольно сильнымъ для того, чтобы и самимъ копнымъ судьямъ надѣлать впослѣдствіи довольно непріятностей...

Далѣе, въ статьѣ Иванишева перечисляются слѣдующія подробности: (стр. 9) въ случаѣ неявки помѣщика на копу по первому извѣщенію, копа посылала къ нему *вознаго* съ новымъ напоминаніемъ; здѣсь тоже (№ 62, стр. 93). Изъ нѣскольких случаевъ, перечисленныхъ тамъ (стр. 11), по которымъ собирались копы, здѣсь указаны только два: *воровство*, совершенное у помѣщика шляхтичемъ, и *пропажа* у крестьянъ трехъ свиней подъ помѣщичьимъ дворомъ (№ 25, стр.

62). Виновный тамъ (стр. 12) называется *шкодникомъ*; здѣсь тоже (№ 62, стр. 93). Тамъ (стр. 12) юридическое выраженіе: «невыходъ платитъ шкоду»; здѣсь:» невыходомъ его винуемо и виннымъ находимо» (№ 62, стр. 93). Тамъ (стр. 13) право производить опытъ, т. е. дознаніе, подвергать виновнаго пыткѣ, и наконецъ обязанность уплатить за муку, принадлежатъ *одному истцу*; здѣсь, повидимому, *всей копѣ* (№ 25, стр. 37); для всѣхъ подобныхъ дѣйствій надъ виновнымъ, копа здѣсь постоянно выражается, дѣлая обращеніе къ себѣ—*мы бысьмы*... и проч. Изъ родовъ казни, къ которой иногда виновные были присуждаемы копою, тамъ (стр. 16) упоминается *о висѣлицѣ*. Здѣсь же говорится *о сажаніи виновнаго на пень*, («мы бысьмы его—виновнаго—выражается копа—*на пеньку посадили*», № 25, стр. 37). Тамъ (стр. 14) истецъ отдавалъ виновнаго *на поруку*; здѣсь тоже (№ 25, стр. 37). Тамъ (стр. 14) истецъ могъ собирать по своему дѣлу *три раза копу*, но такъ, что между каждою сходкою назначались *три дня промежутка*; здѣсь тоже самое—въ первомъ случаѣ; но во второмъ, изъ дѣла Костюшки видно, что копа собиралась не чрезъ три дня, *а чрезъ день* (№ 25, стр. 35). Тамъ (стр. 15) юридическое выраженіе: «гнать слѣдъ», т. е. открывать слѣдъ преступленія; здѣсь тоже (№ 25, стр. 35).

Кромѣ всего вышесказаннаго въ нашей сравнительной замѣткѣ, здѣсь полезно будетъ еще привести то мѣсто изъ трехъ разсмотрѣнныхъ нами копныхъ актовъ, въ которомъ самою копою опредѣляется цѣль копныхъ собраній, и за тѣмъ встрѣчающіяся въ нихъ болѣе замѣчательныя юридическія выраженія и отдѣльныя слова, касающіяся копы. Цѣль копныхъ собраній выражена въ такихъ словахъ (№ 62, стр. 93): *«въ сусѣдствѣ того дѣля копы збираютъ, кому шкода станетъ, абы шкодника доисть могли»*, Юридическія выраженія и слова, касающіяся копы—слѣдующія: *Отказъ чинить, учинить отказъ, отказывать* (за кого въ чемъ)—давать отвѣтъ; *збѣять, збирать копу*—собирать копу; *коповать* («о што копуете?», № 25, стр. 36)—разсуждать, толковать, вести рѣчь на копѣ; *памятнымъ заложить копу* (№ 25, стр. 37)—закрыть копу, принявъ къ свѣдѣнію и исполненію ея рѣшеніе; *выдать копный декретъ* (№ 25, стр. 37)—выдать копное рѣшеніе, декретъ; *опытъ чинить* (№ 62, стр. 93)—производить дознаніе, изслѣдованіе дѣла; *выйти, стать, становиться на копу* (№№ 25 и 62)—явиться на копу; *указать стать на копу* (№ 25), *сказывать на копу*, *казать выходить на копу* (№ 62)—приказать, сдѣлать напоминаніе явиться на копу.

Б) Актъ о *пріятельскомъ судѣ* подъ № 79 (1625 г.). Настоящій судъ былъ составленъ изъ трехъ помѣщиковъ Луцкимъ суфраганомъ Франциском Заерскимъ по поводу принесенныхъ ему жалобъ отъ Шебринскихъ его крестьянъ на притѣсненія и жестокое обращеніе съ ними своего управляющаго. Интересно привести здѣсь изъ вышепомянутаго акта важнѣйшіе пункты крестьянскихъ жалобъ, какъ для того, чтобы видѣть, какъ поступали въ данное время управляющіе съ подвластными имъ крестьянами, такъ и для того, чтобы убѣдиться—какихъ результатовъ достигали мѣры, въ

родѣ настоящаго пріятельскаго суда, которыя предпринимали землевладѣльцы для огражденія правъ притѣсняемыхъ.

Первымъ предъ пріятельскими судьями предсталъ Шебринскій мельникъ Ярошка съ жалобою, что управляющій *его билъ*. Выслушавъ обѣ стороны, судьи *оправдали* управляющаго. Оказалось, что управляющій дѣйствительно билъ мельника, но за то, что засталъ его празднымъ. Управляющій только долженъ былъ присягнуть на томъ, что не билъ истца по какой либо *простой злобѣ*.

Крестьянинъ Офрицъ Самуиловичъ жаловался, что управляющій *побилъ его обухомъ*, что и доказывалъ двумя свидѣтелями. Судьи обвинили управляющаго и присудили на немъ двѣ копы грош. лит., замѣтивъ при этомъ, что вообще *не годится бить крестьянина обухомъ*.

Крестьянка Терескова жаловалась, что управляющій *сдѣлалъ нападеніе на ея домъ*, *стрѣлялъ предъ нимъ*, *выискивалъ случая, чтобы ее убить*. Судъ постановилъ, что *такъ какъ отъ мести управляющаго ей ничего худаго не приключилось*, а самъ онъ чрезъ этотъ поступокъ навлекъ на себя *безславіе*, то они объявляютъ послѣдняго отъ обвиненія *свободнымъ*.

Крестьянинъ Грицъ жаловался, что управляющій *избилъ саблею* его отца бобровника, который отъ этихъ побоевъ и умеръ, за то, что онъ носилъ епископу Заерскому листы съ жалобами на его притѣсненія и жестокіе поступки. Управляющій объявилъ, что онъ билъ бобровника на работѣ. Грицъ доказывалъ, что его отецъ получилъ отъ него кровавыя раны. Судьи рѣшили, *что не годилось наказывать хлопа даже на работѣ до окровавленія; довольно*, прибавили они какъ бы въ назиданіе управляющему, *ударить его бичемъ* (korbaczem) *или веревкою* (powrozem), *и это въ порядкѣ вещей* (y‚to obyczaynie). По этой причинѣ управляющій долженъ уплатить вдовѣ бобровника 5 злотыхъ.

Крестьянка Вокулина жаловалась, чво вслѣдствіе неоднократнаго *избитія* управляющимъ ея мужа Вакулы, послѣдній умеръ (poległ). Управляющій признался, что ударилъ его бичемъ четыре раза, но *не окровавилъ*, что готовъ подтвердить это присягою. Судьи опредѣлили, что такъ какъ управляющій готовъ присягою засвидѣтельствовать, *что не нанесъ ему кровавыхъ ранъ*, и что не отъ его руки умеръ Вакула, то, по принесеніи имъ присяги, считать его свободнымъ отъ обвиненія.

Когда пришелъ день, въ который упраяляющій долженъ былъ совершить присягу, послѣдній рѣшительно заявилъ предъ пріятельскими судьями, *что онъ присягать не будетъ, и крестьянъ къ присягѣ не поведетъ, что онъ не желаетъ губить ни своей души, ни души крестьянъ своего пана, и что послѣдняго онъ объявляетъ на всегда свободнымъ отъ всего имъ заслуженнаго*. Послѣ такого заявленія управляющаго, которымъ было обращено въ ничто все рѣшеніе пріятельскихъ судей, послѣдніе предо-

ставили *самому епископу Заерскому вѣдаться съ управляющимъ въ надлежащемъ судѣ.*

Епископъ Заерскій, безъ сомнѣнія, съ того могъ бы и начать, чтобы предать вышепомянутаго управляющаго *надлежащему суду*. Но онъ отдалъ разсмотрѣніе его дѣла *пріятельскому суду*, конечно, не изъ иного побужденія, какъ для его же личной пользы, зная, что пріятельскій судъ будетъ къ нему гораздо снисходительнѣе, чѣмъ настоящій. И мы дѣйствительно видѣли, какъ удивительно мягокъ былъ для управляющаго приговоръ пріятельскаго суда, по которому ему *вволю можно было бить подвѣдомственныхъ себѣ крестьянъ,* лишь бы можно было доказать, что не нанесены имъ *кровавыя раны; о свидѣтеляхъ же* здѣсь съ его стороны вовсе не упоминается, слѣдовательно тѣмъ какъ бы подтверждается, что и самъ онъ не нуждался въ томъ, чтобы на нихъ ссылаться, да и самый судъ, какъ мы видѣли выше, тоже ни разу ихъ не потребовалъ. И не смотря на такой благопріятный исходъ дѣла управляющій *остался недоволенъ* приговоромъ пріятельскаго суда, отрекаясь сдѣлать по нему какое бы-то ни было удовлетвореніе.

Это явленіе можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что самовластіе и гнетъ помѣщиковъ и подобныхъ управляющихъ были слишкомъ обыкновеннымъ явленіемъ въ началѣ XVI вѣка—для того, чтобы давать за нихъ кому бы-то ни было и какой бы-то ни было отчетъ.

В) Акты *о возмущеніи и неповиновеніи крестьянъ*—подъ № 6, 47 и 20.

Подъ № 6 говорится о неповиновеніи крестьянъ своему арендатору, безъ объясненія, впрочемъ, причинъ такого неповиновенія. Въ послѣднемъ документѣ мельникъ королев. Вортольскаго села возмущаетъ другихъ крестьянъ этого села и съ ихъ помощію, вооруженною рукою, раскапываетъ плотину сосѣдняго помѣщика и чрезъ то наноситъ большой вредъ его мельницамъ. И здѣсь поступокъ этотъ оставленъ безъ объясненія.

Что же касается акта подъ № 47, то онъ можетъ служить важнымъ доказательствомъ того, что въ концѣ XVI столѣтія крестьяне еще сознавали свои древнія права и подъ часъ умѣли дать отпоръ тѣмъ, которые явно покушались ихъ нарушать. Придавая особенное значеніе этой чертѣ, мы считаемъ полезнымъ изложить здѣсь полное содержаніе настоящаго документа. Дѣло въ слѣдующемъ. Возный доноситъ въ судъ, что 1589 г., 26 мая онъ былъ призванъ въ село Горисдричи, Берест. повѣта, по дѣлу помѣщика Беняша Львовича Буховецкаго. Буховецкій объяснилъ ему, что его крестьяне вышепомянутаго села, неизвѣстно по какой причинѣ, по постороннему ли наущенію, или по своей собственной волѣ, увлекшись злымъ умысломъ и сговорившись между собою, не хотятъ оказывать ему должнаго повиновенія и не идутъ на положенныя работы. Отправившись засимъ вмѣстѣ съ вознымъ въ помянутое село, онъ

сталъ спрашивать крестьянъ: отчего они такимъ образомъ поступаютъ? Крестьяне ему отвѣчали, что они уже его работу сдѣлали, засѣявъ его поля; что затѣмъ на другія его работы они не пойдутъ, пока не обсѣменятъ собственныхъ полей; когда же это будетъ сдѣлано, тогда они вновь пойдутъ на требуемыя работы. Такой отвѣтъ не понравился Буховецкому и онъ объявилъ имъ, что не тогда, когда они хотятъ, но въ то время, когда онъ приказываетъ, они должны служить ему (*«ижъ дей не въ тотъ часъ, коли вы хочете, але коли я кажу, тогды мнѣ служите»*). Затѣмъ онъ добавилъ, что такъ какъ они выказали непослушаніе его волѣ, то онъ имѣетъ право вдвойнѣ считать ихъ всѣхъ за бунтовщиковъ и наказывать. При этомъ онъ приказалъ немедленно взять двухъ крестьянъ и заковать въ цѣпи. При этихъ словахъ и этомъ распоряженіи между крестьянами поднялась буря и они стали кричать: *«кіевъ на пана, кіевъ!»*, т. е. палокъ пану, палокъ! За такой крикъ Буховецкій ударилъ одного крестьянина нагайкою. Тогда уже крестьяне дѣйствительно схватились за палки и колья и начали свою расправу. Всѣмъ слугамъ Буховецкаго достались порядочные удары; не былъ обойденъ однимъ ударомъ и лично самъ Буховецкій; при этомъ одинъ изъ его слугъ былъ даже подстрѣленъ изъ ручницы. Когда этотъ шумъ и расправа кончилась, то, по приказанію Буховецкаго, все таки были взяты два болѣе виновныхъ крестьянина, и на этотъ разъ уже болѣе не видно сопротивленія со стороны прочихъ ихъ сотоварищей—крестьянъ. На этомъ и кончилось это въ высшей степени достойное вниманія столкновеніе между *самовластіемъ* помѣщика и *правами* крестьянъ, между правами *пана* и правами его *подчиненныхъ!*

Г) Акты, содержащіе въ себѣ указаніе на *крестьянскія повинности* во второй половинѣ XVI столѣтія; они находятся подъ №№ 1, 11, 37 и 58.

Повинности эти, состоящіе изъ барщины и разныхъ даней — деньгами, ссыпкою хлѣба, медомъ и проч., въ разсматриваемое время далеко не были вездѣ одинаковы. Безъ сомнѣнія, подобное явленіе можетъ быть объяснено не инымъ чѣмъ, какъ лишь постепеннымъ стремленіемъ землевладѣльцевъ увеличить свои доходы на счетъ увеличиваемыхъ крестьянскихъ повинностей. Такъ изъ № 1 мы видимъ, что вся повинность крестьянъ села Мокрянъ ограничивалась въ годъ только *одною чиншовою платою* въ *83 гроша съ уволоки.* *) Въ № 11 она показана уже въ слѣдующемъ видѣ; съ уволоки *два дня работы въ недѣлю;* за тѣмъ дань—*грошовая отъ 30 до 37 грошей;* ссыпка хлѣба—*отъ 3 шанковъ до одной бочки овса;* дань медовая—*отъ полсака до цѣлаго сака.* Изъ № 37 видно, что въ одномъ и томъ же имѣніи въ двухъ селахъ крестьяне отправляли не равныя повинности, и въ обоихъ случаяхъ большія, нежели какія показаны въ предъидущемъ актѣ. Такъ крестьяне села При-

---

*) Крестьяне королевскіе Свѣтличевскато двора, Берестейскаго повѣта, платили въ 1579 г. съ уволоки—*дани 20 гр., четыре дочки ржи, 1 бочку овса и 1 возъ сѣна.* (Вилен. Археогрвфич. Ком. т. II, № 93, стр. 221).

шифостъ должны были отправлять съ уволоки: *два дня работы, а третій толочный въ лѣтнее время—на панскомъ хлѣбѣ;* дани они уплачивали *20 грошей*, кромѣ того, со всѣхъ тѣхъ, которые имѣли бортное дерево, взималось *по 2½ и четверти сака меду*. О послѣдней—медовой дани въ актѣ замѣчено, что крестьяне утверждаютъ, что она была имъ отпущена. Значитъ въ настоящемъ случаѣ она является уже *очевидною прибавкою и новымъ обремененіемъ для крестьянъ*. Крестьяне села Хомичичъ должны были отбывать работные дни въ томъ порядкѣ, какъ въ селѣ Пришифостахъ; но дани ихъ только увеличены и умножены; они платили съ уволоки: *30 грошей, овса—одну мацу* *); *одного гуся*, *одну курицу*. А тѣ у кого были пчолы—въ бортяхъ ли, или просто въ ульяхъ, обязаны были давать пану *половину своего меду*. И здѣсь медовая дань опять является *прибавкою,* потому что въ актѣ опять замѣчено, что крестьяне стоятъ за ея отпущеніе прежнимъ владѣльцемъ.

Изъ послѣдняго акта подъ № 58 мы убѣждаемся, что повинности крестьянъ въ имѣніи Болотковѣ, сравнительно съ предыдущими, достигли еще большихъ размѣровъ. Здѣсь крестьяне обязаны отправлять съ уволоки: *три полныхъ дня работы въ недѣлю*, *шесть толокъ въ году* (въ актѣ уже болѣе не прибавлено, что на панскомъ хлѣбѣ), *давать подводу куда потребуется*, *платить 30 грошей, бочку овса*, *гуся, курицу и десять яицъ.*

Касаясь крестьянскихъ повинностей и правъ, полезно здѣсь привести мѣсто изъ акта подъ № 1, гдѣ король Сигизмундъ Августъ, утвердивъ своимъ листомъ замѣну двухъ фольварковъ, принадлежащихъ прежде помѣщику Михнѣ Рощицу и отчисленныхъ теперь къ грунтамъ Берестейскаго замка, на королевское село Мокраны, подтверждаетъ для крестьянъ послѣдняго села весьма древнее и извѣстное по всей Восточной и Западной Руси *право свободнаго перехода отъ одного помѣщика или владѣльца къ другому.* Король говоритъ: «вѣдь же, если бы оные люди, въ томъ сельцы (Мокранахъ) теперь оселые, ему (настоящему ихъ владѣльцу Рощицу) *служити не хотѣли, тогды вольно имъ будетъ съ тыхъ кгрунтовъ за насъ—господара, альбо гдѣ хотечи, знестися*».

Д) Акты *о побѣгахъ крестьянъ* — подъ №№ 24, 57, 60, 63, 64, 65, 88, 89 и 91.

Въ приведенныхъ актахъ мы не находимъ никакихъ данныхъ, объясняющихъ причины этихъ побѣговъ. Но не будетъ погрѣшностью, если мы скажемъ, что объясненіе этого явленія скрывается главнѣйшимъ образомъ въ неудовлетворительной экономической и нравственной обстановкѣ крестьянскаго быта. Въ самомъ дѣлѣ, выше мы уже видѣли, какъ неравномѣрно распредѣлялось отпраленіе крестьянскихъ повинностей въ одномъ и томъ же Берестейскомъ повѣтѣ, а изъ послѣдующихъ актовъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться, какой нравственный гнетъ крестьяне должны были нести

*) Маца, нѣм. Metzen—мѣра, равняющаяся двумъ русскимъ четверикамъ.

отъ своихъ и чужихъ пановъ. Неудивительно послѣ этого, что крестьянинъ часто оставлялъ своего владѣльца и старался перебраться туда, гдѣ, по его мнѣнію, предстояло ему въ томъ или другомъ отношеніи облегченіе.

Побѣги крестьянъ, на сколько свидѣтельствуютъ вышеприведенные акты, совершались большею частью *цѣлыми семействами*. Если какой нибудь крестьянъ задумалъ бѣжать, то, выбравъ для этого благопріятное время, онъ увозилъ съ собою жену, дѣтей, даже другихъ родственниковъ, если это оказывалось сподручнымъ. Уходя, онъ забиралъ съ собою и все свое имущество, какъ-то: скотъ, лошадей, домашнюю птицу, всякую одежду, все, что можно было взять. Подъ часъ онъ прихватывалъ къ собственному пожитку и часть панскаго имущества, напр. пару воловъ, коня и т. под.

Бѣжали отъ своихъ пановъ крестьяне *всѣхъ подраздѣленій данной эпохи*: *отчизные*, *вѣчистые или дѣдичные*, т. е. настоящіе крѣпостные, которые составляли неотъемлемую собственность помѣщиковъ и не могли свободно переходить съ мѣста на мѣсто (№№ 57, 64, 65, и 89) *похожіе,* т. е. считавшіеся свободными, переходящіе съ мѣста на мѣсто и по свободному согласію нанимающіе у помѣщиковъ землю на извѣстныхъ условіяхъ (№ 24 и 63).

Владѣльцы бѣжавшихъ крестьянъ не знали и не вдругъ могли открыть, куда былъ направленъ путь убѣжавшихъ; оттого въ своихъ донесеніяхъ и жалобахъ по этому поводу они всегда вставляютъ замѣчаніе, что *неизвѣстно куда* бѣжалъ такой-то; а въ одномъ случаѣ (№ 57) прибавлено такое выраженіе: *неизвѣстно въ какой край, землю и повѣтъ.* Слова эти могутъ свидѣтельствовать, что бывали случаи, когда крестьяне убѣгали отъ своихъ владѣльцевъ очень далеко, даже совсѣмъ въ другой повѣтъ, въ иной край и землю. Иногда же крестьяне перебѣгали тутъ же къ сосѣднимъ помѣщикамъ, и тогда ихъ убѣжище скоро открывали ихъ настоящіе владѣльцы (№№ 64 и 89). Во всякомъ случаѣ помѣщики всегда заявляли въ своихъ донесеніяхъ суду, что они будутъ отыскивать своихъ бѣжавшихъ крестьянъ всюду и всѣми мѣрами; тѣхъ же, которые приняли бѣглецовъ въ услуженіе къ себѣ или дали имъ временное убѣжище, они обѣщаются преслѣдовать путемъ закона.

Крестьянскіе побѣги, по крайней мѣрѣ на сколько видно изъ вышеприведеныхъ актовъ, большею частію совершались *одиночными семействами.* Но если такіе одиночные случаи побѣговъ повторялись часто въ одномъ и томъ же имѣніи или селѣ, то вредъ для помѣщика могъ быть отсюда весьма чувствительный. Такъ въ №60 помѣщикъ Вацлавъ Жардецкій дѣлаетъ заявленіе въ судъ, что въ разное время убѣжало у него *трое слугъ,* причинившихъ ему убытка на 62 копы, и *семь крестьянскихъ семействъ со всѣмъ имуществомъ.*

Е) Акты, свидѣтельствующіе *о насиліяхъ, какимъ обыкновенно подвергались крестьяне* при такъ называемыхъ наѣздахъ и нападеніяхъ помѣщиковъ другъ на дру-

га; они находятся подъ №№ 7, 9, 14, 15, 17, 20, 30, 32, 39, 45, 46, 48, 52, 67, 70, 71, 72, 82, 83, 90, 91, 93 и 95.

Безъ сомнѣнія, нѣтъ болѣе вѣрнаго средства и лучшаго способа совершенно правильно и безобидно рѣшить всякое спорное дѣло, какъ путемъ существующаго въ странѣ закона, когда ему оказывается должное уваженіе и довѣріе. Но такое уваженіе и довѣріе къ закону, къ несчастію, всего менѣе существовало въ древней Рѣчи-посполитой. Здѣсь люди, по преимуществу сильные и важные, при рѣшеніи возникавшихъ взаимныхъ споровъ и неудовольствій, больше всего любили обращаться къ собственной своей силѣ, чѣмъ къ закону; собственная, большею частію свирѣпая, расправа была у нихъ въ большомъ уваженіи, чѣмъ мирное разрѣшеніе дѣла путемъ законности и суда. По крайней мѣрѣ такой взглядъ на дѣло вполнѣ оправдывается вышеприведенными актами. Въ самомъ дѣлѣ, что кажется могло быть проще: возникаетъ между двумя помѣщиками-сосѣдями, недоумѣніе или споръ изъ-за права владѣнія какою нибудь нивою, сѣножатью, или крестьяниномъ, слѣдовало бы тотчасъ обратиться въ судъ и рѣшить дѣло мирнымъ путемъ на основаніи закона. Но нѣтъ! Тотъ, кто считаетъ себя обиженнымъ или правымъ, весьма часто, немедленно предпринимаетъ на своего противника настоящій военный походъ, собираетъ большую толпу людей, часто въ нѣсколько сотъ человѣкъ (№ 48), вооружаетъ ее ружьями (ручницами и пулгаками), саблями и луками, и подъ личнымъ ли предводительствомъ, или, по большей части, подъ руководствомъ какого нибудь довѣреннаго урядника, отправляетъ ее на избранное мѣсто. Достигнувъ его, вся эта толпа съ шумомъ, гикомъ и гамомъ бросается на то, что ей указано, стрѣляетъ, бьетъ рубитъ до тѣхъ поръ, пока все сопротивное не будетъ ею сокрушено и цѣль наѣзда вполнѣ достигнута. И что же собственно было главною цѣлью всѣхъ подобныхъ наѣздовъ? Безъ сомнѣнія то (такъ покрайней довольно безошибочно можно заключить изъ разсматриваемыхъ подъ этою рубрикою актовъ), чтобы надѣлать своему противнику возможно болѣе *матеріальныхъ убытковъ* и такимъ образомъ дать ему вполнѣ почувствовать свою силу. Но такъ какъ *подданные*, т. е. *крестьяне* составляли у каждаго помѣщика *самую цѣнную хозяйственную принадлежность*, то на нихъ-то главнымъ образомъ и падали всѣ жестокіе удары наѣзжающаго, въ нихъ-то по преимуществу нападающіе стрѣляли, ихъ-то всегда били, рубили и калѣчили. Въ этомъ-то, покрайней мѣрѣ какъ намъ кажется, скрывается настоящее разъясненіе того постояннаго выраженія, которое повторяется почти въ каждой жалобѣ о наѣздахъ и нападеніяхъ, что такимъ-то крестьяне и слуги такого-то избиты *невинно, «безъ жадное причины»*. Да и въ самомъ дѣлѣ, при чемъ тутъ могли быть крестьяне или слуги, и въ чемъ тутъ могла заключаться ихъ личная вина ?!

Обращаясь отсюда къ вышеприведеннымъ актамъ и разсматривая ихъ въ подробности, не можемъ не убѣдиться, что жизнь крестьянина представляла въ ту эпоху весьма печальную картину именно вслѣдствіе вышеописаннаго нами помѣщичьяго само-

управства. Послѣдстія этого самоуправства именно были таковы, что жизнь и имущество крестьянина ни въ какое время и ни въ какомъ мѣстѣ не могли считаться въ полной безопасности.

Крестьянинъ мирно сидитъ дома; уставши отъ тяжкихъ дневныхъ трудовъ, онъ сладко предается ночному покою и отдыху; но вдругъ его будитъ внезапный шумъ, крикъ, гамъ, стрѣльба изъ ружей; его хату, окружаютъ словно берлогу дикаго звѣря, насланные панскіе слуги. Проснувшійся не успѣлъ еще прійти въ себя, какъ уже летятъ вонъ двери, окна его убогаго жилища и крѣпкія руки неизвѣстныхъ людей хватаютъ его самого, берутъ его жену и дѣтей, и вмѣстѣ съ забраннымъ его имуществомъ отвозятъ туда, куда, конечно, ему не желалось бы добровольно попасть (№№ 15, 39, 90 и 91). Точно также мирно ѣдетъ крестьянинъ дорогою, по барскому ли приказанію или по собственной нуждѣ; встрѣчаетъ его чужой панъ и безъ всякой причины подвергаетъ его побоямъ, отнимаетъ у него лошадь, телѣгу и все прочее (№№ 17, 71 и 93). Пріѣхалъ крестьянинъ въ городъ— и здѣсь онъ не можетъ считать себя въ безопасности; случайно встрѣтившіе его на улицѣ чьи нибудь панскіе люди подвергаютъ его побоямъ и истязанію (№№ 20 и 45). Въ то время, когда крестьяне мирно собрались на сельскую ярмарку и беззаботно занимаются обычнымъ торгомъ, вдругъ какой нибудь буйный шляхтичъ съ толпою не менѣе буйныхъ сотоварищей дѣлаетъ набѣгъ на ярмарку и разгоняетъ въ разныя стороны всѣхъ торгующихъ (№ 95). Вошли крестьяне въ пивное заведеніе выпить пива; не понравились они здѣсь какому нибудь сельскому войту—и тотъ начинаетъ ихъ колотить (№ 14). Не помышляя ни о чемъ дурномъ, крестьяне пасутъ скотъ на землѣ своего владѣльца; но вдругъ налетаетъ на нихъ съ своими слугами сосѣдній панъ—помѣщикъ и подвергаетъ ихъ побоямъ, отъ которыхъ они остаются на мѣстѣ полуживыми (№ 30). Въ другомъ мѣстѣ сидитъ крестьянинъ безпечно и ловитъ рыбу въ рѣкѣ или прудѣ собственнаго владѣльца; но внезапно нападаетъ на него чужой панъ и предаетъ его варварской смерти—*убиваетъ и топитъ* (№ 34). Крестьянскій хлѣбъ на поляхъ и трава на лугахъ не были обезпеченными, потому что нежданно является какой нибудь жестокій сосѣдъ съ цѣлою шайкою и снимаетъ его часто до чиста, или скашиваетъ траву на лугахъ (№№ 32 и 48). Отдаетъ одинъ помѣщикъ свое имѣніе съ своими крестьянами въ заставу или въ залогъ другому помѣщику—и здѣсь крестьянамъ нѣтъ покоя. Между панами, учинившими сдѣлку, начинаются непріятности, и всѣ дурныя послѣдствія ихъ крестьяне должны принять на свои плечи и спины (№№ 46, 72 и 82). Тяжелую долю также приходилось испытывать арендньшъ крестьянамъ (№№ 70 и 83).

6) Акты, изображающіе *собственные пороки и испорченные нравы крестьянъ*, подъ №№ 3, 8, 18, 23, 49, 66, 76, 78, 85 и 87.

Жизнь, нравы, убѣжденія и поступки лицъ высшихъ сословій въ древней Рѣчи-

посполитой не моги не отразиться на жизни и нравахъ крестьянъ, которымъ волею-неволею приходилось быть постоянными свидѣтелями ихъ образа дѣйствій. Принимая на свои спины, какъ мы видѣли выше, панскіе удары, крестьяне въ тоже время сами же должны были служить въ панскихъ рукахъ невольнымъ орудіемъ нанесенія этихъ ударовъ. Неудивительно послѣ этого, что крестьяне въ собственной жизни, въ малой мѣрѣ, творили тоже, что дѣлали ихъ паны.

Изъ приведенныхъ здѣсь актовъ мы усматриваемъ, что крестьяне, конечно, мало помышляя о правахъ чужой собственности, дѣлаютъ порубки въ чужихъ лѣсахъ, подвергая при этомъ жестокимъ побоямъ, даже самой смерти лѣсничихъ, которые осмѣливаются явиться къ нимъ на мѣсто преступленія (№№ 3 и 8); забиваютъ сваи въ чужомъ озерѣ — съ цѣлію портить чужіе рыболовные снаряды (№ 18); безъ причины подвергаютъ своего же собрата—крестьянина варварскимъ мукамъ, *жаря его на огнѣ— торжественно на улицѣ* (№ 49); дѣлаютъ нападенія и жестоко бьютъ другъ друга (№№ 76, 78 и 85); портятъ бортныя деревья въ лѣсу и крадутъ медъ (№ 66); валятъ въ лѣсу дерево на чужую лошадь (№ 87).

Акты подъ слѣдующими №№ 12, 13, 28, 31, 33, 35, 41, 44, 56, 59 и 61 касаются интересовъ и нѣкоторыхъ сторонъ *мѣщанской жизни.* Но мы не считаемъ нужнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этихъ актовъ, такъ какъ главная наша рѣчь о мѣщанахъ будетъ впереди; въ то время мы будемъ имѣть случай коснуться и этихъ документовъ.

Декретъ, листъ и универсалы короля Сигизмунда III-го— подъ №№ 26, 51, 34, 36, 53, 75 и 80.

Декретомъ № 26) осуждается на вѣчную баницію служебникъ—шляхтичъ Трокскаго каштеляна Николая Радивила, за убійство другаго его слуги; родственникамъ убитаго предоставляется право подвергнуть смерти убійцу, если онъ вернется въ предѣлы вел. княж. Литовскаго. Листомъ (№ 51) король дѣлаетъ выговоръ Берестейскому старостѣ Яну Кишкѣ за несвоевременную уплату съ Берестейскаго староства *костельной десятины* Берестейскому римско-католическому епископу. Изъ универсаловъ—три (№№ 34, 36 и 53) касаются постановленія *новой возвышенной таможенной пошлины*, подъ именемъ «ново повышеннаго мыта»; четвертымъ (№ 73) приказывается вывезти изъ г. Берестья въ г. Кобринъ гродскія книги, по поводу вновь появившагося въ первомъ мороваго повѣтрія; въ пятомъ же (№ 80) король возбуждаетъ дворянство къ вооруженію противъ шведскаго короля Густава Адольфа, который началъ военныя дѣйствія, не дождавшись конца мирныхъ переговоровъ.

Акты *разнаго содержанія*, подъ №№ 2, 4, 16, 19, 21, 22, 38, 40, 51, 54, 68, 69, 84, 86 и 94. Здѣсь полезно сдѣлать указаніе на болѣе интересные изъ нихъ. Такъ въ № 2 (1589 г.) находится духовное завѣщаніе помѣщика Берестейскаго повѣта Ивана Ѳедоровича Бѣлевскаго, содержащее въ себѣ интересное указаніе на

одинъ изъ весьма замѣчательныхъ древнихъ обычаевъ — *уничтожать чрезъ официальное лице т.е. вознаго печать покойника на его могилѣ*. Къ этому предмету относится и актъ подъ № 4. Въ №№ 38 и 69 содержатся подробности, свидѣтельствующія о томъ, какими трудностями и опасностями сопровождалась *для возныхъ подача позвовъ*, не смотря на то, что законъ грозилъ *строгимъ наказаніемъ* всякому, кто сдѣлаетъ возному какое либо оскорбленіе во время исполненія имъ своей обязанности (Литовскій Статутъ 3-го изд,, разд. I, арт. 24. Volum. II, § 986). Наконецъ, подъ № 54 (1589 г.) мы находимъ продажную запись, имѣющую весьма важное значеніе въ дѣлѣ рѣшенія процесса, возникшаго въ 1669 году между Берестейскою капитулою— съ одной стороны и Берестейскими евреями—съ другой, по тому вопросу: существовала ли когда либо въ городѣ Берестьѣ на такъ называемомъ *Кузьмо-Демьянскомъ плацу*, арендуемомъ евреями, *церковь во имя святыхъ мучениковъ Косьмы и Дамiана*, или нѣтъ? Процессъ этотъ подробно изложенъ и обслѣдованъ въ предисловіи къ V тому актовъ.

II.

Акты Брестскаго Подкоморскаго суда.

Подкоморскiй судъ составляло *одно лицо*, выбираемое и утверждаемое королемъ изъ четырехъ кандидатовъ, представляемыхъ ему извѣстнымъ воеводствомъ или повѣтомъ. Утвержденное королемъ лице получало названіе *подкоморія*. Цѣль и назначеніе подкоморскаго суда состояли *въ рѣшеніи споровъ о поземельной собственности на спорной же землѣ, будетъ ли дѣло происходить между частными лицами, или частными лицами и казною*. Въ кругу своей дѣятельности подкоморій былъ облеченъ слѣдующею властію и полномочіемъ: онъ давалъ позвы спорящимъ сторонамъ, назначая время явки на спорную землю; обходилъ границы и осматривалъ знаки спорной земли; разсматривалъ документы, относящіеся къ спорному дѣлу, приводилъ свидѣтелей къ присягѣ, собирая отъ нихъ нужныя показанія; опредѣлялъ убытокъ, понесенный обиженною стороною и, наконецъ, выдавалъ свое рѣшеніе, которое, впрочемъ, недовольная сторона могла обжаловать въ каштелянскомъ судѣ или въ трибуналѣ. Рѣшеніе это, обыкновенно, отсылалось подкоморіемъ въ тѣ судебныя инстанціи (въ земскій или гродскій суды или къ самому королю), откуда поступило къ нему дѣло на обслѣдо-

Разсматривая тѣ или другія подкоморскія рѣшенія, записанныя въ древнихъ *подкоморскихъ книгахъ*, нельзя не согласиться, что *должность подкоморія была одна изъ труднѣйшихъ*, требовавшая отъ него и зрѣлаго ума и большой сообразительности. При рѣшеніи спорнаго дѣла ему очень часто приходилось соображать цѣлую массу документовъ, предъявляемыхъ тою и другою спорящими сторонами и тою и другою толкуемыхъ въ свою пользу; ему приходилось опредѣлять истинную границу спорной земли по самымъ ничтожнымъ даннымъ, которыми большею частію служили зглаженные временемъ или умышленно испорченные копцы и знаки на деревьяхъ; и, наконецъ, ему приходилось добывать истину изъ массы свидѣтелей, искусно настроенныхъ и наученыхъ показывать только то, что служило въ пользу той или другой сторонѣ. Но всю массу этихъ затрудненій подкоморій, въ большинствѣ случаевъ, успѣвалъ преодолѣвать довольно благополучно.

Но обратимся къ вышеназваннымъ подкоморскимъ актамъ. Акты эти представляютъ нѣсколько случаевъ, достойныхъ вниманія въ практической дѣятельности подкоморія.

Выше мы замѣтили, что одна изъ труднѣйшихъ задачъ для подкоморія было дѣло соображенія массы документовъ, которые представлялись ему спорящими сторонами. Здѣсь необходимо замѣтить, что такое затрудненіе прежде всего рождалось именно при разсмотрѣніи и сравненіи самыхъ важныхъ документовъ—*королевскихъ листовъ и привилегій. Неясности, несогласія и противорѣчія* въ этихъ документахъ уже въ то время (въ концѣ XVI вѣка) сильно обращали на себя вниманіе. И это ненормальное явленіе въ дѣлѣ гражданскаго права, видно, уже до такой степени стало обычно, что въ акты могло войти слѣдующее рельефное выраженіе одной спорной стороны, возражающей противъ другой при предъявленіи этою послѣднею ей королевской привилегіи: «*бо яко прошоно, такъ дано*» (стр. 216), т. е. смыслъ этого выраженія именно такой: чтоже особеннаго еще въ томъ, что предъявляется королевская привилегія? Привилегія дана—это справедливо; но она дана на то, о чемъ просили.... Для всякаго ясно, что дальше у возражающей стороны само собою подразумѣвается слѣдующая мысль: просили о *незаконномъ, то и получили*.. Два случая такого затруднительнаго положенія подкоморія, или вѣрнѣе—подкоморія вмѣстѣ съ королевскими коммиссарами, при столкновеніи съ неясностями и разнорѣчіями въ королевскихъ документахъ по одному и тому же дѣлу, представляютъ документы подъ № 6 и 11.

Но чтоже дѣлалъ и какъ поступалъ въ подобныхъ случаяхъ подкоморій—одинъ или совмѣстно съ другими лицами? Въ такихъ именно случаяхъ подкоморій писалъ въ своемъ рѣшеніи, что такъ какъ ему предъявлены по разсматриваемому дѣлу документы, въ которыхъ оказываются разнорѣчія, то онъ, не отвергая ихъ законности, но не будучи самъ въ правѣ ихъ разсудить, («не могучи отъ нихъ розсудку дѣ-

лати»), отсылаетъ все спорное дѣло на окончательное благоусмотрѣніе и рѣшеніе самого короля (№№ 6 и 11, срр. 176 и 219).

Отысканіе и установленіе *правильной границы* на спорной землѣ, мы замѣтили выше, весьма часто представляло для подкоморія также величайшее затрудненіе. Документъ подъ № 2 представляетъ въ данномъ случаѣ полное подтвержденіе нашей мысли. На границѣ вел. кн. Литовскаго и Короны Польской, между двумя королевскими селами—Орѣховымъ (на Литовской сторонѣ) и Шацкомъ (на Коронной сторонѣ), возникли серьезныя затрудненія на счетъ черты, по которой проходила древняя граница между помянутыми селами. Крестьяне съ той и съ другой стороны переходили свои границы и дѣлали великія опустошенія въ чужомъ лѣсу и на чужихъ поляхъ, считая ихъ своими и стараясь это доказать даже съ оружіемъ въ рукахъ. Чтобы прекратить эти ссоры и враждебныя столкновенія, король назначилъ двухъ подкоморіевъ—одного съ Литовской стороны, и другого съ Коронной. Подкоморіи пріѣхали на мѣсто спора. Спорящія стороны не могли предъявить никакихъ письменныхъ документовъ относительно прохода настоящей границы по тому или другому направленію. Оставалось одно—рѣшить дѣло разысканіемъ старыхъ знаковъ дѣйствительной границы и показаніемъ свидѣтелей. Съ этого подкоморіями и было начато дѣло. Крестьяне села Шацка первые обвели подкоморіевъ по одному направленію. Затѣмъ крестьяне села Орѣхова обвели ихъ по другому направленію. Единственными данными, на основаніи которыхъ каждая сторона утверждала, что показанное ею направленіе есть правильное, служили въ настоящемъ случаѣ только *копцы* и знаки на деревьяхъ. Но тутъ-то, при показаніи каждаго подобнаго знака, между заинтересованными сторонами возникали безконечные споры: одна сторона указывала на *старые копцы*, обросшіе кустарникомъ и деревомъ; другая возражала, что ихъ нельзя признать за копцы, что ихъ тутъ никогда не было. Одна сторона указывала знаки на деревьяхъ, нерѣдко замѣчая, что враждебная ей сторона ихъ попортила—*вытесала и выжгла*; враждебная же сторона доказывала, что истинныхъ, ревизорскихъ, знаковъ тутъ никогда не было, а настящіе, конечно, подѣланы тѣми, которые оспариваютъ у нихъ законную собственность... Обѣ стороны то и дѣло, при всякомъ удобномъ случаѣ, повторяли предъ подкоморіями, что по тому именно направленію, которое указывается каждою изъ нихъ, шла *стародавная, старовѣчная граница*.

Изъ этихъ равносильныхъ и равнобезсильныхъ доказательствъ, какія были представляемы при обводѣ границъ обѣими спорящими сторонами, подкоморіи ничего не могли вывести положительнаго.

Далѣе, стороны потребовали, чтобы допустить свидѣтелей къ присягѣ.

Но подкоморіи отклонили это послѣднее требованіе, какъ мало помогающее существу дѣла. Не выдавая по настоящему спорному дѣлу своего положительнаго рѣшенія, оба подкоморія отложили его *до выѣзда главныхъ ревизоровъ*, которые будутъ

назначены на будущемъ сеймѣ. Но для прекращенія враждебныхъ столкновеній между жителями обоихъ селъ, подкоморіи провели между спорными землями свою собственную, новую, границу, такъ, конечно, чтобы обѣимъ сторонамъ не показалось обиднымъ; насыпали на новой границѣ новые копцы, нарубили на деревьяхъ новые знаки и настрого наказали обѣимъ сторонамъ не переходить новоустановленной границы до пріѣзда и окончательнаго рѣшенія ихъ спора главными ревизорами.

Добыть *истину изъ свидѣтельскихъ показаній*, составляло для подкоморія также одно изъ немаловажныхъ затрудненій. Изъ всѣхъ, разсматриваемыхъ нами подкоморскихъ актовъ нѣтъ ни одного, изъ котораго бы было видно, что свидѣтели оказали ему существенную пользу. Напротивъ, во всѣхъ актахъ, гдѣ только выступаютъ свидѣтели съ своими показаніями, виденъ одинъ и тотъ же для подкоморія печальный ресзультатъ: обѣ свидѣтельствующія стороны (часто каждая въ 20 и болѣе человѣкъ) всегда показывали все *совершенно единогласно* въ пользу той стороны, которою были призваны. Конечно, такое явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что во-первыхъ сами заинтересованныя въ спорномъ дѣлѣ стороны умѣли превосходно подбирать своихъ свидѣтелей и еще лучше наставить и научить, что имъ слѣдовало показывать и о чемъ молчать, а во-вторыхъ, что самъ подкоморій, по видимому не отличался достаточною проницательностію и способностію, чтобы изъ распросовъ свидѣтелей уловить нить истины. Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ актовъ, подкоморій всегда придавалъ больше значенія документальнымъ доказательствамъ, чѣмъ показаніямъ свидѣтелей. Все здѣсь сказанное въ достаточной степени можно прослѣдить въ документахъ подъ №№ 2, 5, 6, 8 и 11.

Теперь полезно сказать нѣсколько словъ *о самыхъ пріемахъ*, употребляемыхъ подкоморіями при обводѣ границъ на спорной землѣ, и о существующихъ и употребляемыхъ подкоморіями *въ старину граничныхъ знакахъ*.

Обводъ границъ подкоморій всегда начиналъ съ такъ называемой *граничной пяты* (стр. 143, 157, и 221), т: е. исходной точки, откуда, обыкновенно, начиналось измѣреніе. Пята эта могла начинаться со всякаго болѣе выдающагося пункта земли, напр. *съ копца* (159). Начинать пяту *съ воды*, напр. озера, если въ водѣ не было вколочено сваи или насыпано копца, почиталось *неправильнымъ*; вообще былъ обычай начинать ее съ пункта на *сухой землѣ*, «яко есть звычай»—замѣчается въ актѣ (стр. 144).

Ставши на пяту и начиная съ нея граничный обходъ, подкоморій, на своемъ пути, часто опредѣлялъ *разстояніе* между проходимыми имъ пунктами. Изъ названій и оборотовъ рѣчи, которые при этомъ случаѣ употреблялъ подкоморій, особенно любопытно указать на слѣдующее выраженіе: «могло быть съ четверо *стрѣлянья*», «могло

быть съ осьмеро *стрѣляньѧ съ лука*»*) (стр. 143), это значитъ—такое разстояніе между указываемыми пунктами, какъ если бы четыре, восемь разъ выстрѣлить по одному направленію изъ лука, начиная каждый разъ стрѣльбу оттуда, гдѣ упала стрѣла. Кромѣ того встрѣчаются еще слѣдующія названія разстояній—*стая* и *гоны*; подкоморій выражается: «далѣй—*на двои стаи*... отъѣхавши далѣй *съ четверти стай*... недалеко *на полстаи*... *на стаи* (стр. 144)... недалеко *на колько стаи* (стр. 171)... отъѣхавши далѣй—*гоновъ* съ четверти (стр. 144).

Что же касается до употребленія *граничныхъ знаковъ*, то, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, они состояли изъ *копцовъ* или земляныхъ насыпей и *знаковъ и граней на деревьяхъ*.

Копцы сыпались двухъ родовъ—*малые* и *великіе* (стр.145 и 157). Копцые стоящіе на углахъ ограничиваемой земли, назывались *нарожными копцами* (scopulus acialis, angularis) (стр. 157). Вокругъ насыпаннаго копца часто вырубалось небольшо пространство лѣса, что въ актахъ называлось *копецъ обрубомъ обвести* (стр. 146). На верху копца вставлялся *палъ* (т. е. колъ), на которомъ иногда ставился *граничный знакъ* (*бортный*, стр. 145). Копецъ отъ копца сыпался, по одной замѣткѣ въ актѣ, на разстояніи *шести мѣрничьихъ шнуровъ* (стр. 221). Насыпанные такимъ образомъ копцы оставлялись на волю судьбы, почему и свободно обростали *лозою*, *деревомъ* (стр. 144—145). На выросшихъ на копцахъ деревьяхъ впослѣдствіи дѣлались *граничные знаки* (стр. 145). Но такое запущеніе копцовъ вело ко вреду для собственниковъ земли, потому что впослѣдствіи, при возникновеніи граничныхъ споровъ, копцы обросшіе кустарникомъ и потому самому уже значительно стушевавшіеся съ землею, и въ тѣхъ случаяхъ, когда вокругъ нихъ не замѣтно было *обруба*, очень много теряли въ своемъ значеніи, какъ дѣйствительные граничные знаки, и вообще возбуждали въ противной сторонѣ сильное сомнѣніе (стр. 146). Порча копцовъ, которую обыкновенно производила враждебная сторона, въ актахъ носитъ названія—*роскопать попсовать, копцы* (стр. 156 и 163). Ограничить имѣніе копцами называлось—*копцами обвести* (160), *осыпать копцами* (163).

Граничная линія вокругъ земли называлась въ древнихъ актахъ *стѣною* (стр. 160 и 163); провести линію называлось—*заложить стѣну* (стр. 162, 165 и 174), *остѣнить* (стр. 163), *застѣнить* (стр. 168), *заграничить стѣною* (имѣніе, землю) стр. 165, поправить граничную линію—*стѣну починить* (стр. 160 и 202), испортить граничную линію—*стѣну зопсовать* (стр. 165), находившейся внутри граничной линіи—*въ застѣненью, въ стѣнѣ, за стѣною* быть (стр. 160, 171 и172).

---

*) Весьма древнее выраженіе, встрѣчающееся въ путешествіи Даніила Паломника, въ XII вѣкѣ.

Граничные знаки на деревьяхъ состояли изъ *крестовъ* («крыжи») и угловъ, *граней*. Какъ кресты, такъ и эти грани довольно глубоко врубались, по большой части съ обѣихъ сторонъ, во всякомъ большомъ деревѣ, какое стояло на линіи проводимой границы, будетъ ли то *дубъ, сосна, ольха* и т. под. Порча этихъ знаковъ, какъ показываютъ акты, производилась враждебною стороною двумя простыми способами— *вытесываніемъ топоромъ, или выжиганіемъ огнемъ.* Враждебное это дѣйствіе вообще называлось—*выжечь*, *выказить*, *выколоть*, *витесать*, *выпсовать*, *попсовать*, *губить граничные знаки, грани* (стр. 143—146, 153—158).

Въ исключительныхъ случаяхъ подкоморій употреблялъ иногда *свой особенный знакъ*. Такой случай именно представляетъ актъ подъ № 14. Дѣло въ томъ, что одинъ помѣщикъ построилъ на собственной землѣ новую мельницу, для дѣйствія которой была насыпана и новая плотина на рѣкѣ. Вслѣдствіе этого обстоятельства уровень воды въ рѣкѣ поднялся высоко и вода стала затоплять луга, поля и лѣсъ другихъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Послѣдніе начали съ владѣльцемъ мельницы судебный процессъ. Судъ отправилъ дѣло на подкоморское рѣшеніе. Подкоморій, разобравъ дѣло, постановилъ такое рѣшеніе, *чтобы предъ плотиною вбить въ воду сваю* (палю); *на сваѣ онъ положилъ собственный свой знакъ и свое клеймо—выше чего уровень воды не могъ быть допускаемъ въ рѣкѣ содержателемъ мельницы, за исключеніемъ весеннихъ и осеннихъ разливовъ.* Какъ на образецъ, какую *хлопотливую работу* часто приходилось производить подкоморію, можно указать на документъ подъ № 7. Здѣсь подкоморію предстояло роздѣлить имѣніе *Добрини,* лежащее въ Берестейск. пов., *на шесть частей*, но такъ, чтобы каждому претенденту досталась законная часть всякой земли имѣнія, и оромыхъ полей и луговъ, и лѣсовъ и т. под. И надо отдать полную справедливость терпѣнію и искуству, съ которыми подкоморіемъ произведенъ этотъ подѣлъ. По этому документу знатокъ и охотникъ смѣло можетъ начертить самую полную и самую точную карту древняго имѣнія *Добринь*.

Слѣдуетъ здѣсь еще прибавить относительно дѣятельности подкоморія то, что въ особенно важныхъ случаяхъ, когда спорное дѣло присылалось отъ самого короля, подкоморій рѣшалъ дѣло *не одинъ*, а большею частію въ совмѣстничествѣ съ такъ называемыми *королевскими коммиссарами,* которые для этой цѣли нарочно были отправляемы самимъ же королемъ. (№№ 6, 9, 10, 11 и 12).

Покончивъ этимъ *съ внѣшнею стороною подкоморской дѣятельности,* на сколько она раскрыта въ разсматриваемыхъ нами подкоморскихъ актахъ, мы считаемъ необходимимъ обратить теперь вниманіе *на внутреннее содержаніе этихъ документовъ*.

Съ этой стороны особенный интересъ представляетъ во-первыхъ документъ подъ № 6. Въ немъ изложено подкоморское рѣшеніе по поводу великаго спора, возникшаго между Берестейскими мѣщанами—съ одной стороны и помѣщикомъ

Иваномъ Колиховичемъ Брезовскимъ—съ другой о правѣ владѣнія землею подъ городомъ Берестьемъ.

Дѣло въ томъ, что въ 1390 году король польскій Владиславъ Ягелло надалъ городу Берестью особою привилегіею «*60-ть лановъ франконское* (т. е. французской) *мѣры.*» Эта привилегія была потверждена послѣдующими королями: Сигизмундомъ Августомъ (въ 1554 г.), Стефаномъ Баторіемъ (1579 г.) и Сигизмундомъ III-мъ (въ 1589 г.). Два королевскихъ ревизора—Николай Нарушеничъ (въ 1554 г.) и Димитрій Сапѣга (въ 1566 г.) поморговали и помѣрили (разогнали) на 60-ть уволокъ всю городскую землю. Мѣщане доказывали, что предки Брезовскаго, будучи Берестейскими бургомистрами, держали за собой 36 уволокъ и 27 морговъ городской земли, что въ это время часть этой земли и была обращена ими въ свою собственность. Въ подтвержденіе этой мысли мѣщане приводили и много другихъ документовъ и доказательствъ.

Брезовскій же съ своей стороны представлялъ, что оспариваемая у него мѣщанами земля есть его собственность, находящаяся не подъ юриздикціею города, а «*подъ земствомъ*», есть земля *шляхецкая,* а не *мѣстская* (городская), и что его предки никогда не были *мѣщанами,* какъ утверждаютъ мѣщане, а были всегда *шляхтичами.* Въ потвержденіе этого своего показанія онъ представилъ цѣлый рядъ документовъ, по которымъ спорные грунты были продаваемы послѣдовательно разными лицами и наконецъ путемъ покупки достались его предкамъ. Документы эти были подтверждены королями, начиная съ Александра, и числящіяся по нимъ земли всегда были принимаемы *какъ земли шляхетскія,* но не *какъ мѣщанскія.*

Свидѣтели, представленные въ большомъ числѣ обѣими спорящими сторонами, единогласно показали, — мѣщанскіе, что спорная земля искони была городскою и незаконно занята Брезовскимъ, а Брезовскаго—что земля эта всегда принадлежала Брезовскому, что городъ никогда не имѣлъ къ ней никакого отношенія и права; обѣ стороны свидѣтелей готовы были подтвердить свое показаніе присягою.

Но разбиравшіе это дѣло королевскіе коммиссары и Берестейскій подкоморій нашли, что обѣ спорящія стороны имѣютъ на своей сторонѣ право, что документы представленные тою и другою стороною имѣютъ свою полную силу, хотя на сторонѣ Брезовскаго оказывается преимущество. Въ виду этого важнаго обстоятельства, коммиссарско-подкоморскій судъ, считая себя не вправѣ входить въ разсужденіе касательно обнаруженнаго *внутренняго противорѣчія въ королевскихъ бумагахъ* (декретахъ и привилегіяхъ), «которыхъ се намъ—выражается онъ—не годило розознавати, ани въ жадную вонтпливость приводити», отослалъ все настоящее дѣло на окончательное *благоизволеніе и разрѣшеніе самого короля.* Какъ рѣшилъ его король, въ Брестейскихъ подкоморскихъ книгахъ, къ сожалѣнію, не найдено.

Здѣсь мы не можемъ еще не прибавить, что въ разсматриваемомъ документѣ споръ между мѣщанами и Брезовскимъ веденъ съ удивительною тонкостію и большимъ зна-

ніемъ дѣла съ той и другой стороны, что въ немъ вообще есть много подробностей, крайне интересныхъ, какъ для юриста, такъ и для топографа.

Документы подъ №№ 1, 2, 3, 5, 13 и 19, со стороны своего содержанія, представляютъ интересъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: въ первомъ и во второмъ указывается *черта границы между Литвою и Короною* съ поименованіемъ многихъ урочищъ на этой граничной чертѣ, между прочимъ урочища—*Побійконя*, «*гдѣ* се—какъ замѣчается въ актѣ—*на копы люди съ Короны и зъ Литвы сходити звыкли*» (стр. 144). Въ третьемъ идетъ дѣло о вознагражденіи Кобринскаго Спасскаго монастыря землею и денежною суммою за монастырскую землю, которою пользовались помѣщики Именинскіе; въ пятомъ перечисляется *множество интересныхъ древнихъ урочищъ* въ имѣніяхъ—Опольѣ, Крусиловѣ, Вишницахъ и Луневѣ, лежащихъ въ Берестейскомъ повѣтѣ; въ тринадцатомъ встрѣчается интересное указаніе на *поперечное дѣленіе рѣки между пограничными имѣніями* (стр. 225, 226, 228); въ четырнадцатомъ же опять указывается *черта границы между Литвою и Короною*, совпадающая съ рѣкою *Нурцомъ*.

Въ документахъ № 10, 11, изложенъ коммиссарско-подкоморскій судъ по дѣлу Каменецкихъ мѣщанъ съ Троскимъ воеводою Николаемъ Радивиломъ о присвоеніи этимъ послѣднимъ части Каменецкой пущи, гдѣ мѣщане имѣли свои входы. По усмотрѣнному этимъ судомъ *внутреннему противорѣчію въ королевскихъ документахъ*, предъявленныхъ обѣими спорящими сторонами, дѣло это было отослано на *окончательное рѣшеніе самого короля*, который въ № 12 рѣшаетъ его въ пользу Радивила. Здѣсь слѣдуетъ указать на интересную замѣтку въ № 11, стр. 219, гдѣ вышепомянутый судъ приказалъ *вымалевать (т. е. снять на картѣ) спорный грунтъ* и этотъ снимокъ также отправилъ къ королю.

III.

Акты Брестской магдебургіи.

Два *мѣщанскихъ суда* или вѣрнѣе—*двѣ вѣтви*, *два отдѣленія одного магдебургскаго суда*, болѣе извѣстнаго въ актахъ подъ общимъ именемъ *магистрата*, который мы по нашимъ актамъ застаемъ дѣйствующими въ г. Берестьѣ во второй половинѣ XVI и въ первой XVII столѣтій, называются—первый *бурмистровско-радецкій*, а второй—*войтовско-* или нерѣдко *ландвойтовско-лавничій судъ*. Время образованія здѣсь перваго не извѣстно. Но несомнѣнно одно, что онъ дѣйствовалъ, наравнѣ съ войтовско-лавничимъ судомъ, на основаніи *одного и того же магдебурскаго права*. Подтвержденіемъ этой мысли могутъ служить всѣ тѣ мѣста въ разсматриваемыхъ нами актахъ, гдѣ во-первыхъ бурмистровско-радецкій судъ при своихъ рѣшеніяхъ ссылается на магдебурское право (стр. 249, 255, 293, 294, 244, 390, и 400) и во-вторыхъ прямо

называетъ себя магдебургскимъ судомъ («przed nami urzędem maydeburskim», стр. 472 и 477). Изъ актовъ Кобринской и Каменецкой магдебургій это становится еще яснѣе. Магдебургское право дано Берестью великимъ княземъ Витовтомъ въ 1390 году; въ польскихъ актахъ оно очень часто называется spectrum saxonicum, т. е. *саксонское зерцало* или *образъ*. Въ разсматриваемую нами эпоху бургомистровско-радецкій судъ состоялъ изъ *двухъ бургомистровъ* (избираемыхъ изъ мѣщанъ)—одного *русскаго* или *религіи греческой*, а другаго *польскаго* или *религіи римской* (№ 19, стр. 24, 1589 г., и № 98, стр. 381, 1641 г.,) и изъ *райцевъ* или *радцевъ* (совѣтниковъ)—одна половина которыхъ была также *русскою*, а другая *польскою*. Войтовско-лавничій же судъ состоялъ изъ *войта* или *ландвойта* (который могъ быть мѣщаниномъ и въ такомъ случаѣ избирался самими мѣщанами, или же шляхтичемъ, и тогда его избиралъ и утверждалъ самъ король) и *лавниковъ*—мѣщанъ, половина которыхъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, избиралась изъ *русскихъ* и *поляковъ*. Что таковъ именно былъ въ обоихъ судахъ составъ лицъ въ смыслѣ ихъ происхожденія и вѣроисповѣданія, въ этомъ во-первыхъ отчасти убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что во могихъ документахъ мы встрѣчаемъ *русскіе подписи* бургомистровъ, лавниковъ и радцевъ, очевидно лицъ русскаго происхожденія и вѣры (№№ 26, 43, 75, 104, 142 и мн. др.) Во-вторыхъ изъ Виленскихъ магдебурскихъ актовъ обнаруживается, что въ соотвѣтственную эпоху *лавники* въ Вильнѣ прямо называются *двумя лавицами* (двумя скамьями)—«лавица русская» и «*лавица польская*». Суду бурмистровско-радецкому, судя по содержанію актовъ, подлежали *дѣла гражданскія*, а войтовско-лавничьему—*дѣла уголовныя*. Впрочемъ, тѣ и другія дѣла не рѣдко появлялись въ обоихъ судахъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда оба суда дѣйствовали вмѣстѣ. Совмѣстное же дѣйствіе обоихъ судовъ мы видимъ подъ №№ 104, 130, 154, 156 и 157.

Въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ находиться *11 актовыхъ книгъ Берестейскаго магдебурскаго суда*. Онѣ начинаются съ довольно позднаго времени—съ 1623 года. Языкъ, на которомъ онѣ писаны, *польскій*. Но слѣдуетъ замѣтить, что не было прямаго возбраненія вносить въ нихъ документы и на *русскомъ языкѣ*. Покрайней мѣрѣ такіе случаи представляютъ акты подъ №№ 4, 21 и 92. Кромѣ того, какъ нами было замѣчено выше, *русскія должностныя лица*, какъ-то бургомистръ, радцы и лавники, русскіе священники, во многихъ документахъ подписывались *по-русски*, что ясно можно усмотрѣть подъ №№ 26, 31, 43, 57, 58, 75, 93, 96, 97, 104, 108, 130, 134, 135, 136, 142 и 147. Нельзя пройти при этомъ молчаніемъ маленькаго обстоятельства, что въ то время, когда младшіе члены Берестейскаго уніятскаго капитула большею частію подписывались *по-русски*, только одинъ предсѣдатель и глава ея—протопопъ *Петръ Рогозницкій* всегда подписывался *по-польски* (№ 57, 96 и 97). Явленіе это, впрочемъ, въ эпоху всеобщаго стремленія русской мѣстной интелигенціи

облечься въ мнимо-блестящую польскую цивилизацію—*даже по языку*, не требуетъ особаго пояснения.

Въ разсматриваемыя книги, нужно прибавить—не однѣ Берестейскія, а вообще всѣхъ магдебургскихъ судовъ въ древней Рѣчи-посполитой, въ продолженіи довольно долгаго времени дѣлались *явки совершенно постороннихъ документовъ* (духовныя завѣщанія, продажныя и дарственныя записи, протестаціи и т. под.), не имѣющихъ ни какого соотношенія къ кругу мѣщанской жизни и дѣятельности. Такой обычай уничтоженъ въ 1764 году постановленіемъ конвокаційнаго сейма. Въ силу этого постановленія дозволены въ нихъ только явки документовъ, касающихся *городскихъ плацовъ и городской поземельной собственности вообще.*

Возвращаясь отсюда, въ частности, къ Берестейскому магдебургскому суду, мы не можемъ не указать еще на одну достойную вниманія особенность актовъ, заключающихся въ книгахъ этого суда. Въ актахъ такъ называемыхъ судовъ дворянскихъ сословій—*земскаго, гродскаго, трибунальскаго* и др., какъ извѣстно всякому, хотя въ малой степени имѣющему съ ними знакомство, невольно бросается въ глаза ихъ *чрезвычайное многословіе*; многословіе это особенно поразительно въ такъ называемыхъ инструкціяхъ, даваемыхъ дворянствомъ посламъ на сеймы. Неимовѣрное количество латинскихъ терминовъ, напыщенносъ рѣчи, безконечная растянутость мысли—дѣлаютъ эти документы почти неодолимыми въ томъ отношеніи, чтобы добраться до ихъ настоящаго смысла и имѣть терпѣніе дочитать ихъ до конца... Актовый же языкъ разсматриваемыхъ нами магдебургскихъ книгъ совсѣмъ другаго состава. Здѣсь нѣтъ ни такого обилія въ латинскихъ терминахъ (къ нимъ прибѣгаютъ по преимуществу пленипотенты — *шляхтичи*), ни такой напыщенности и растянутости въ рѣчи; здѣсь все пишется *простымъ языкомъ* (польскимъ), пишется *коротко и ясно.* Читая эти документы, невольно убѣждаешься, что они писались людьми, у которыхъ не было ни лишняго времени, ни охоты заниматься безплоднымъ витійствомъ...

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній, которыя намъ показалось необходимымъ высказать какъ о самомъ Берестейскомъ дву-составномъ магдебургскомъ судѣ, такъ и о свойствѣ актовъ, заключающихся въ книгахъ этого суда, мы, наконецъ, переходимъ къ изложенію содержанія тѣхъ документовъ, которые избраны Археографической Коммиссіею изъ разсматриваемыхъ книгъ и напечатаны въ настоящемъ V томѣ.

Документы эти, для лучшаго обозрѣнія, мы считаемъ полезнымъ раздѣлить, подобно документамъ о крестьянахъ, на нижеслѣдующія группы и разсматривать ихъ въ такомъ порядкѣ.

А) Документы, касающіеся *церковныхъ дѣлъ*. Ихъ—26 и они находятся подъ №№ 23, 24, 28, 30, 32, 56, 57, 70, 79, 82, 89, 96, 97, 102, 110, 115, 122, 125, 130, 131, 134, 136, 137, 138, 139 и 141.

Извѣстно, что въ 1596 году въ городѣ Берестьѣ соборомъ русскихъ православныхъ епископовъ была проклята провозглашенная здѣсь и принятая *церковная унія*. Но эта клятва мало подѣйствовала на сѣмя раскола, брошенное провозгласителями уніи на почву единой доселѣ въ Западной Руси Православной церкви; сѣмя это быстро стало расти и постепенно заглушать слабые остатки Православной церкви. Но и эти слабые остатки—въ лицѣ главнымъ образомъ низшаго духовенства мѣщанъ и крестьянскаго сословія--не вдругъ поддались напору, который дѣлали на нихъ ихъ сильные враги. Борьба завязалась страшная и вѣковая, хотя между неравными силами; сила древняго Православія погнулась предъ превосходствомъ силъ защитниковъ новаго уніатскаго ученія; но церковъ Православная никогда не была побѣждена до конца. Подъ величайшимъ гнетомъ, въ крайнемъ убожествѣ матеріальномъ и послѣднемъ нравственномъ униженіи, она, подобно тлѣвшей искрѣ подъ грудою пепла, сохранила свое внутреннее величіе *непобѣдимости*, для того, чтобы въ новую эру (разумѣемъ возвращеніе уніатовъ къ Православной церкви въ 1839 г.) возстать изъ своего вѣковаго униженія въ прежнемъ блескѣ и величіи.

Здѣсь мы не имѣемъ ни цѣли, ни времени, ни достаточныхъ данныхъ для того, чтобы входить въ подробное разъясненіе исторіи этой религіозной борьбы; мы хотимъ только здѣсь замѣтить, что для всякаго собирателя и изыскателя историческихъ древностей составляетъ священный долгъ собирать и дѣлать извѣстнымъ ученому міру все, что хотя въ малой степени касается этой великой религіозной борьбы. Въ виду этой важной задачи и Виленская Археографическая Коммиссія положила себѣ цѣлью тщательно собирать и издавать все, что только будетъ ею найдено достойнаго вниманія касательно разсматриваемаго вопроса въ древнихъ актовыхъ книгахъ Виленскаго центральнаго архива, разработка котораго составляетъ главнѣйшую задачу ея дѣятельности.

Но все, что по настоящему предмету доселѣ найдено Коммиссіею въ актовыхъ книгахъ центральнаго архива, относится лишь *къ времени позднѣйшему*. Докутентовъ же, которые бы относились къ первоначалу возникновенія уніи, т. е. къ *первому, второму и третьему десятилѣтіямъ* ея существованія, она не нашла вовсе. Вѣроятная причина тому указана въ предисловіи къ III тому актовъ, стр. XV. Изъ нѣсколькихъ сдѣланныхъ тамъ соображеній, мы приведемъ здѣсь только то, что актовыхъ книгъ *Брестскаго гродскаго суда за* періодъ двухъ десятилѣтій—*отъ 1562 по 1621 годъ*—въ Виленскомъ центральномъ архивѣ *не существуетъ*, хотя слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что онѣ — *послѣдовательно, годъ за годомъ, до и послѣ разсматриваемаго нами періода* [1]) находятся въ Центральномъ Архивѣ.

---

[1]) Въ Берестейскомъ *земскомъ судѣ* хотя и существуютъ актовыя книги за помянутый періодъ, но въ нихъ не найдено *ни одного документа*, который бы за все это время касался *борьбы православія съ уніатствомъ*. См. II т. актовъ, изданный Ком. въ 1866 г.

Коммиссія могла еще расчитывать, что этотъ пробѣлъ будетъ нѣсколько пополненъ поисками ея въ актовыхъ книгахъ двухъ Берестейскихъ же *магдебургскихъ судовъ.* Книги эти, какъ извѣстно, цѣликомъ состоятъ изъ документовъ, обнимающихъ всѣ стороны мѣщанской жизни и дѣятельности. И такъ какъ городъ Берестье издревле былъ населенъ по преимуществу русскимъ народомъ, то безъ всякаго сомнѣнія борьба введенія и отверженія уніи въ этомъ городѣ должна была сильно отразиться и на русскихъ мѣщанахъ и въ свою очередь, наравнѣ съ разными другими явленіями жизни, перейдти въ актовыя книги. Но, къ крайнему сожалѣнію, Коммиссія и здѣсь *не нашла такихъ книгъ за вышепомянутый періодъ;* онѣ начинаются здѣсь лишь съ 1623 года.

Но покрайней мѣрѣ Коммиссія считаетъ себя нѣсколько утѣшенною тѣмъ, что *за третье и послѣдующія десятилѣтія* ею найдены въ вышепомянутыхъ актовыхъ книгахъ нѣсколько документовъ такихъ, которые довольно ярко рисуютъ въ данное время борьбу православія съ уніятствомъ и которые способны пролить свѣтъ на эту борьбу и за первыя два десятилѣтія.

Основываясь на нижеслѣдующихъ актахъ, необходимо допустить, *что всѣ Берестейскія православныя церкви* *), *при введеніи уніи, силою были обращены въ уніятскія;* по крайней мѣрѣ таково несомнѣнно было здѣсь положеніе церковныхъ дѣлъ предъ вступленіемъ на польскій престолъ короля Владислава IV-го, т. е. до 1632 г.

Во II томѣ актовъ, издан. Вилен. Археографч. Ком., въ документахъ подъ №№ 23 и 24 (стр. 61—66), изложена исторія пріобрѣтенія *Берестейскими православными жителями первой православной церкви въ этомъ городѣ, подъ именемъ церкви съ монастыремъ святаго Симеона Столпника.* Въ 1632 году Берестейскій уніятскій капитулъ внесъ въ земскій судъ свой «жалостный» протестъ на помѣщика Берест. пов. Сигизмунда Пильневсаго, на подданныхъ державы Бѣльскаго воеводы Рафала Рѣшнинскаго, на нѣкоторыхъ Берестейскихъ мѣщанъ и, наконецъ, на подданныхъ архіепископа Гроховскаго (изъ Грохова) и епископа Луцкаго—по тому поводу, что лица эти вмѣстѣ съ другими сообщниками уже съ давняго времени всячески домогались завладѣть *церковью св. Симеона, что за Мухавцомъ*, съ тѣмъ, чтобы обратить ее на отправленіе своего богослуженія. Лица эти составили тайный воровской заговоръ и, письмено снесшись другъ съ другомъ, дали клятву до смерти стоять другъ за друга и не отступать отъ своего дѣла; однихъ привлекли они къ себѣ угрозами; другихъ на самомъ дѣлѣ подвергли побоямъ; третьихъ подкупили деньгами. Они произвели по домамъ тайный сборъ денегъ. Собравъ большую сумму, они купили готовый домъ, и

---

*) Числомъ *девять*; см. алфавитн. указатель къ II, III, IV и V т. актовъ Вилен. Археографич. Ком. и таковой же указатель при VI т. актовъ.

землю и огороды къ нему. Затѣмъ отправились въ Милейцы къ схизматическому владыкѣ и выпросили у него за подарки трехъ монаховъ. Эти монахи, прибывъ ночью въ городъ Берестье, съ вышепомянутыми бунтовщиками заняли *въ 1632 году, 4 октября*, вышепомянутую церковь. Когда на слѣдующій день, говорится въ протестаціи, члены капитула услышали звонъ въ Семеновской церкви и узнали, что схизматическіе монахи готовятся отправлять въ ней свое богослуженіе, тогда немедленно отправились туда, пригласивъ съ собою и многія городскія власти. Пришедши въ церковь, которая всегда была, выражаются члены капитула, въ послушаніи Берест. и Владимір. владыки и въ которой уже *нѣсколько десятковъ* («отъ килька десятъ») *лѣтъ* совершалось уніятское богослуженіе, они застали здѣсь вышепомянутыхъ монаховъ, стоящихъ предъ царскими вратами, и множество народа—мужескаго и женскаго пола. Присутствующіе вели между собой какія-то возбуждающія къ бунту рѣчи. Члены капитула обратились къ монахамъ съ вопросомъ: откуда они и какимъ образомъ пришли сюда? По какому праву они рѣшились занять уніятскую церковь для отправленія въ ней своего богослуженія? Монахи дали такой отвѣтъ, что они дѣлаютъ это не отъ себя, а по приглашенію и съ соизволенія Бѣльскаго воеводы Рафала Рѣщинскаго, въ державѣ котораго находится настоящая церковь. При этомъ выступилъ впередъ служебникъ и повѣренный Рѣщинскаго Янъ Бальцеровичъ и объявилъ, что настоящая церковь вмѣстѣ съ монастыремъ дѣйствительно передаются нынѣ неунитамъ по приказанію его господина. А что послѣдній имѣетъ на это право, онъ предъявилъ его фундушовый листъ. Присутствующія судебныя власти, прочитавъ и осмотрѣвъ предъявленный фундушовый документъ, ничего не могли возразить ни противъ его подлинности, ни противъ его права. Одни только члены капитула упорно стояли на своемъ, требуя немедленнаго удаленія православныхъ монаховъ и возвращенія церкви уніятскому причту. Видя такое упорство и неправильное притязаніе членовъ капитула, Бальцеровичъ объявилъ, что онъ, на основаніи фундушоваго права Бѣльскаго воеводы, совсѣмъ запираетъ Семеновскую церковь (какъ для православныхъ, такъ и для уніятовъ) до личнаго возвращенія съ Варшавскаго элекційнаго сейма его господина. Закончилась вся эта исторія произнесеніемъ взаимныхъ угрозъ и брани, какъ со стороны уніятовъ, такъ и со стороны православныхъ. При выходѣ послѣднихъ изъ церкви, явился еще на сцену мѣстный приходскій ксендзъ Станиславъ. Онъ сталъ поносить жестокою бранью православныхъ монаховъ, называя ихъ *схизматиками и отщепенцами* отъ уніятской и римско-католической церквей; другимъ же православнымъ онъ произносилъ угрозы, повторяя, что *въ непродолжительномъ времени ихъ всѣхъ съ камнемъ на шеѣ перетопятъ и изъ городскаго рынка повыгоняютъ.*

Но не смотря на это видимое препятствіе *церковь св. Симеона Столпника съ принадлежащимъ къ ней монастыремъ* съ этого времени, какъ открывается изъ послѣдующихъ актовъ, стала *вновь навсегда православною.*

Около этого же времени Берестейскіе православные жители получили еще другую

церковь *во имя Рождества Пресвятыя Богородицы*. Церковь эта была имъ дана по привилегіи короля Владислава IV-го, данной въ 1633 году. Король, подтверждая этою привилегію декларацію элекційнаго сейма (1632 года), чтобы всѣ нежелающіе принять уніи свободно могли оставаться при своей вѣрѣ, въ то же время обнародовалъ ею, *чтобы во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ* (Великаго Княжества Литовскаго и Короны Польской) *было возвращено неуніятамъ по одной церкви для совершенія въ ней православнаго богослуженія* (т. VI, № 70, стр. 338). Въ силу этой-то привилегіи мы и видимъ вышепомянутую церковь—Рождества Богородицы открытою для православнаго богослуженія въ томъ же 1633 году. Въ III т. актовъ, въ документѣ подъ № 153, въ привилегіи короля Михаила упоминется о коммиссарахъ короля Владислава IV-го, которые, безъ сомнѣнія въ силу вышеуказанной его привилегіи, передали эту церковь въ 1633 году *въ вѣдѣніе православнаго духовенства*. Впослѣдствіи она со всѣмъ приходомъ была причислена къ вѣдомству Замухавецкаго православнаго монастыря св. Симеона Столпника (т. III, № 109).

Какъ только Берестейскіе православные жители пріобрѣли вышепомянутыя двѣ церкви, *тотчасъ начались сильныя колебанія между уніятами, выражавшими явное желаніе оставить унію и вновь присоединиться къ древней православной церкви*. Искра этого внутренняго недовольства нововведенною уніею, слѣдуя смыслу подлежащихъ нашему разсмотрѣнію актовъ, уже давно тлѣла въ умахъ и сердцахъ уніятовъ; но до поры до времени она не могла обнаружиться съ полною силою. Пока въ Берестьѣ не было ни одной православной церкви, всѣмъ мѣщанамъ, обращеннымъ въ унію, волею, неволею приходилось ходить въ уніятскія церкви и оставаться хотя по одной внѣшности вѣрными уніи. Теперь дѣло было совсѣмъ другое! Теперь у православныхъ уже были двѣ свои церкви, гдѣ они свободно могли отправлять свое богослуженіе. Теперь-то, повторяемъ, давно тлѣвшая искра внутренняго недовольства уніей вдругъ вспыхнула довольно яркимъ пламенемъ; унія въ г. Берестьѣ почувствовала подъ собою довольно сильное колебаніе.

Подъ №№ 56, 57, 96 и 97 (стр. 321, 322, 379 и 380) находятся четыре протестаціи, внесенныя въ магистратскій судъ—первыя двѣ въ 1639 г., 2 мая, отъ имени Берестейскаго уніятскаго капитула, а послѣднія двѣ въ 1641 г., 8 мая, отъ имени того же капитула и Берест. и Владимір. епископа. Эти протестаціи направлены противъ всѣхъ Берестейскихъ (русскихъ) мѣщанъ (стр. 321 и 379), но въ особенности противъ *трехъ Берестейскихъ цеховъ — сапожническаго, кожевеннаго и скорняжскаго*. Въ нихъ говорится, что какъ вообще мѣщане, такъ въ особенности русскіе старшіе и младшіе братчики вышепомянутыхъ цеховъ совсѣмъ вышли изъ послушанія своего законнаго архипастыря—епископа Берест. и Владимірскаго, побросали свои приходы и церкви (ostawiwszy prawie pustkami cerkwie y parafie swoie), которые въ продолженіи вѣковъ были ихъ достояніемъ, и перешли къ чуждой церкви св. Симеона,

котору они *силою обратили въ проклятую схизму* (православіе,—стр. 380), и отдались подъ послушаніе *схизматика Пузины—незаконнаго* (nienależnego) *владыки Луцкаго* (стр. 379). Пагубный примѣръ этихъ цеховъ, замѣчается въ одной протестаціи (стр. 380), былъ такъ великъ, что *увлекъ за собой и многіе другіе цехи.* Далѣе, члены капитула излагаютъ въ своихъ жалобахъ, что вышепомянутые братчики, въ силу своихъ древнихъ цеховыхъ привилегій, всегда должны были по отношененію къ Берестейскому каѳедральному собору св. Николая исполнять слѣдующія обязательства: *въ великую пятницу и субботу, и въ пасхальную заутреню участвовать въ церковной процессіи съ братскими свѣчами, давать большія и малыя свѣчи, и наконецъ, доставлять шолковую матерію* (kamcha) *для украшенія гроба Господня.* Но нынѣ (въ 1639 г.), въ продолженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, заявляютъ протестующіе, вышепомянутые цеховые братчики ничего этого не исполняютъ и ничего не даютъ на помянутый соборъ, о чемъ въ свое время и были вносимы въ судъ надлежащія жалобы (стр. 381). *Кожевенный и Сапожническій цехи* (надо полагать—вслѣдствіе этихъ жалобъ) уже разъ письменно обязались предъ судомъ исполнять всѣ свои древнія обязательства по отношенію къ Николаевскому собору; но на дѣлѣ ничего ровно изъ своего обязательства предъ судомъ не исполнили, о чемъ опять, въ свою очередь, слѣдовали на нихъ протесты. Въ заключеніе всего члены капитула грозятъ искать на отступниковъ и ослушниковъ надлежащаго суда всюду.

Кромѣ этихъ четырехъ протестацій, направленныхъ противъ отдѣляющихся отъ уніи мѣщанъ и цеховыхъ братчиковъ, мы имѣемъ еще двѣ подобнаго же рода протестаціи.

Въ первой изъ нихъ, подъ № 89, стр. 371, священникъ Берестейской Пречистенской церкви жалуется суду на своего церковнаго старосту—райцу Ивана Бѣлькевича, который *отступилъ отъ своей церкви.* Примѣромъ его, какъ старшаго члена церкви, говоритъ протестующій, *увлеклись и другіе прихожане*, также обратившись *въ отступничество:* Впродолженіи уже шести лѣтъ ни староста, ни эти прихожане ничего не даютъ на свою церковь. Кромѣ одного преступленія—отступничества, помянутый староста еще опустошилъ и ограбилъ покинутую имъ церковь, забравъ съ собою нѣкоторыя церковныя вещи, деньги и присвоивъ себѣ часть церковной земли.

Во второй протестаціи, подъ № 115, стр. 404, опять обращается къ суду Берестейскій уніатскій протопопъ, отъ имени Берест. и Владимір. епископа Іосифа Мокосея Буховецкаго, жалуясь на старосту *Берест. Пятницкой церкви* Семена Борсука и всѣхъ ея прихожанъ, которые также совершенно *отступились отъ своей церкви.* Протопопъ описываетъ, что еще въ 1636 г. онъ имѣлъ дѣло въ судѣ съ помянутымъ старостою по поводу подобнаго же его отступничества и увлеченія за собой цѣлаго прихода. Но тогда судъ, принимая во вниманіе его готовность покориться своему долгу и вновь со-

всѣмъ приходомъ вернуться къ своей церкви и исполнять по отношенію къ ней всѣ свои обязательства, уволилъ его отъ взысканія по принесенной на него протопопской жалобѣ. Но нынѣ (въ 1642 г.) помянутый староста Борсукъ вступилъ на старый путь отступничества и вмѣстѣ со всѣмъ приходомъ обратился къ другой церкви (св. Симеона). Съ 1636 года, не обращая никакого вниманія на судовый декретъ, онъ—Борсукъ не давалъ никакой отчетности по завѣдуемой имъ церкви, въ качествѣ церковнаго старосты. А теперь оказывается, что онъ бросилъ свою церковь, совсѣмъ опустошивъ ее: онъ продалъ церковный домъ и деньги обратилъ въ свою собственною пользу; должность же свою, безъ всякаго увѣдомленія протопопа, передалъ другому лицу.

На предыдущія протестаціи Берестейскаго капитула мы находимъ подъ № 70, стр. 338, только одну *контръ-протестацію двухъ цеховъ сапожническаго и кожевеннаго*. Въ этой контръ-протестаціи русскіе представители настоящихъ цеховъ объясняютъ, что капитулъ напрасно обжаловалъ ихъ, будто они не исполняютъ своихъ обязанностей по отношенію къ каѳедральному собору св. Николая. Обязанности эти вовсе для нихъ не существуютъ. Въ доказательство этой своей мысли они ссылаются на декларацію конвокаційнаго Варшавскаго сейма 1632 года и подтвердительную привилегію Владислава IV-го, данную въ 1633 году. Въ силу этой декларацiи и привилегіи имъ предоставлено полное право исповѣдывать вѣру, которую они желаютъ. Для этой же цѣли имъ, неунитамъ, въ силу той же королевской привилегіи, отведено для православнаго богослуженія по одной церкви во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ (братчики поясняютъ, что это надо разумѣть какъ относительно Великаго Княжества Литовскаго, такъ равно и Короны Польской), между прочемъ и въ городѣ Берестьѣ—*церковь Рождества Пресвятыя Богородицы*. Такимъ образомъ, на выясненномъ здѣсь основаніи, они — неуниты считаютъ себя не только освобожденными отъ хожденія на уніятскія торжественныя церковныя церемоніи, но и отъ всякихъ даней по отношенію къ уніатскому каѳедральному собору. Однакожъ, помимо своего полноправія и принимая еще во вниманіе то обстоятельство, что между ними есть нѣкоторые братчики—уніаты, они по одной своей доброй волѣ, но отнюдь не по принужденію, давали и продолжаютъ давать на вышепомянутый уніятскій соборъ и большія и малыя свѣчи, и шолковую матерію для украшенія гроба Господня.

Въ виду всего этого становится яснымъ, заключаютъ свою контръ-протестацію православные русскіе цеховые братчики, что капитулъ обжаловалъ ихъ цехи совершенно по напрасну, преднамѣренно нарушая тѣмъ спокойствіе церкви, которое обезпечено королевскою привилегіею подъ зарукою въ 100,000 копъ гр. лит. на тѣхъ, которые бы рѣшились сопротивляться королевской волѣ и дѣлать притѣсненія неунитамъ.

Но вовсе не такъ смотрѣли на дѣло и не такъ поступали представители уніи. Изъ приведенныхъ выше шести протестацій Берестейскаго капитула и другихъ лицъ мы достаточно ясно убѣдились, что для нихъ какъ бы вовсе не существовало ни

деклярацiи конвокацiйнаго сейма 1632 года, ни королевской привилегiи 1633 года съ ея стотысячною зарукою, обезпечивающихъ свободу вѣроисповѣданiя и миръ неунитамъ. Они продолжали дѣлать свое — преслѣдовать неунитовъ и всячески препятствовать имъ увеличиваться въ числѣ чрезъ отторженiе отъ унiи. Православiе — *эта проклятая схизма* (стр. 380), было въ ихъ глазахъ ненормальнымъ и ненавистнымъ явленiемъ, съ которымъ они никакъ не могли и не должны были мириться. И необходимо прибавить, это тѣмъ болѣе казалось имъ невозможнымъ, что они чувствовали на своей сторонѣ все превосходство силъ, будучи поддерживаемы и подкрѣпляемы всѣми высшими представителями римско-католическаго исповѣданiя, начиная отъ самого короля. А какъ на самомъ дѣлѣ могущественно было это покровительство, достаточно убѣждаетъ насъ нижеслѣдующiй документъ.

Въ документѣ этомъ, подъ № 114, стр. 402, король Владиславъ IV рѣшаетъ дѣло по жалобѣ представителей Берестейскаго римско-католическаго приходскаго костела и каѳедральнаго унiятскаго собора на православныхъ братчиковъ *сапожническаго и кожевеннаго цеховъ* — по тому поводу, что эти послѣднiе, къ явному неуваженiю къ римско-католической церкви, уклоняются отъ своей обязанности *ходить въ костелъ для присутствованiя на поминальныхъ обѣдняхъ* (na żałosnę mszę nie chodzą), *не даютъ какъ на костелъ, такъ и на унiятскiй Николаевскiй соборъ воску;* неизвѣстно, куда дѣваютъ свои цеховые сборы; католическихъ и унiатскихъ мастеровъ (мистровъ) лишаютъ цеховыхъ правъ, обходя ихъ выборомъ въ старшiе братчики; вообще, не исполняютъ многаго, что приводится въ пунктахъ привилегiи предшественника короля Владислава IV-го. Принявъ настоящую жалобу и разобравъ дѣло въ присутствiи повѣренныхъ обѣихъ спорныхъ сторонъ въ задворномъ ассесорскомъ судѣ, король нашелъ справедливымъ постановить по нему слѣдующее свое рѣшенiе: *привилегiя*, которую онъ прежде далъ *неунитамъ* (вѣроятно 1633 года) симъ декретомъ, по силѣ настоящей привилегiи — vigore praesentium, *уничтожается* (znosiemy y anihiluiemy). За неунитами остается только право *свободнаго совершенiя богослуженiя* (oprócz nabożeństwa ich zwyczaynego). За тѣмъ, обжалованные православные цеховые братчики обязываются — *давать воскъ на унiятскiй соборъ, ходить на римско-католическiя и унiятскiя погребальныя процессiи.* Римско-католическiе и унiатскiе цеховые братчики также обязаны бывать на погребальныхъ процессiяхъ умершихъ неунитскихъ братчиковъ, но они сопровождаютъ тѣла умершихъ *только до церковныхъ воротъ.* Въ старшинство цеховыхъ братчиковъ должны быть производимы — половина изъ католиковъ и половина изъ унiятовъ и неунитовъ. Но при этомъ *верховное преимущество* должно всегда оставаться при старшинствѣ римско-католическихъ братчиковъ. Унiятскiе и православные братчики не могутъ дѣлать никакихъ собранiй, если не присутствуютъ братчики римско-католической вѣры. Прошедшiя упущенiя православныхъ братчиковъ по отношенiю къ разнымъ данямъ въ пользу Николаевскаго собора имъ прощаются. Что же касается *будки*

и *лавки* сапожническаго и кожевеннаго цеховъ, доходами которыхъ доселѣ завѣдывали и пользовались православные, то съ настоящаго времени онѣ переходятъ во власть и пользованіе католиковъ и уніятовъ. Въ заключеніе всего король приказываетъ цеховымъ братчикамъ всѣхъ вѣроисповѣданій принять на будущее время въ руководство привилегію, данную имъ въ 1640 году 16 мая (см. ее подъ № 80, стр. 354) католической и уніятской половинѣ этихъ братчиковъ, и сохранять между собой полный миръ и согласіе. На ослушниковъ настоящаго декрета и нарушителей устанавливаемаго теперь мира и согласія, король кладетъ заруку въ 1,000 копъ гр. литов., каковая сумма будетъ взыскана съ виновныхъ въ пользу римско-католическаго костела и самихъ цеховъ. Этотъ достопамятный декретъ данъ въ Варшавѣ, въ 1641 году, 1 февраля.

Гораздо справедливѣе, чѣмъ настоящій королевскій судъ, относился *къ православному церковному дѣлу мѣстный Берестейскій магистратскій судъ*. Подъ № 82, 122 и 125 мы имѣемъ три опредѣленія этого суда по разсматриваемому вопросу.

Подъ № 82 находится судебное опредѣленіе магистратскаго суда по жалобѣ братчиковъ римско-католическаго исповѣданія *сапожническаго цеха* на православныхъ братчиковъ того же цеха, что эти послѣдніе, къ явному униженію католической вѣры и королевскихъ привилегій, не ходятъ въ костелъ на поминальныя обѣдни и уніятскій соборъ, не даютъ на нихъ воску и свѣчей, не уступаютъ католическому цеху своихъ доходовъ, не допускаютъ въ своемъ цехѣ къ старшинству римско-католическихъ мастеровъ (о чемъ и была внесена ими протестація въ бурмистровско-радецкій судъ въ 1640 г. 15 мая). Судъ, принимая во-первыхъ во вниманіе заявленіе православныхъ братчиковъ, что предметъ жалобы ихъ католическихъ товарищей есть чисто дѣло духовное, подлежащее вѣдѣнію Берестейскаго и Владимірскаго уніятскаго епископа и представителей Берестейскаго фарскаго костела, и во-вторыхъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что по настоящему дѣлу не явилось на судъ ни одного пленипотента со стороны вышепомянутыхъ духовныхъ представителей, уступилъ желанію православныхъ братчиковъ—не разбирать настоящаго дѣла мѣстнымъ судомъ, а прямо перенести его въ королевскій судъ. Каковымъ дозволеніемъ и рѣшеніемъ суда остались недовольны римско-католическіе братчики и въ свою очередь аппелировали къ королю. (Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что разсмотренный нами выше королевскій декретъ подъ № 114 служитъ отвѣтомъ и по настоящему дѣлу).

Второе опредѣленіе (1643 г.) касается приведенной выше протестаціи подъ № 89, стр. 371, въ которой, какъ мы видѣли выше, священникъ Пречистенской церкви жаловался на старосту этой церкви Ивана Бѣлькевича—по поводу его отступленія отъ церкви, увлеченія своимъ примѣромъ многихъ прихожанъ и, наконецъ, присвоенія себѣ части церковнаго имущества. Судъ, разбирая это дѣло, поставилъ на видъ *только одни экономическіе вопросы*, т. е. на сколько виновенъ бывшій староста Пречистенской церкви Иванъ Бѣлькевичъ въ присвоеніи себѣ части церковнаго имущества? По

разобраніи дѣла оказалось, что дѣйствительно малая часть этого имущества была растрачена послѣднимъ по его упущенію. Судъ постановилъ, чтобы эта часть была уплачена Бѣлькевичомъ. Что же касается того важнѣйшаго пункта въ помянутой протестаціи, что Бѣлькевичъ перешолъ съ частью прихода изъ уніи въ православіе, то судъ, какъ мы уже замѣтили, даже не ставилъ объ этомъ вопроса. Но протестующій остался не доволенъ такимъ мягкимъ приговоромъ суда и аппеллировалъ въ королевскій задворный судъ.

Третье опредѣленіе магистратскаго суда (1643 года) касается протесаціи священника Берестейской *Воскресенской церкви* также на своего церковнаго старосту Яроша Сороку. Изъ разбираемаго на судѣ дѣла оказывается, что Сорока *измѣнилъ своей церкви и отдался чуждой во имя св. Симеона.* Протестующій доказывалъ, что вѣроотступникъ ограбилъ покинутую имъ церковь, забравъ много ея имущества въ вещахъ, деньгахъ и землѣ. Сорока доказывалъ, что довѣренное ему имущество Воскресенской церкви было употреблено имъ совершенно законно, на что онъ и представилъ надлежащія доказательства. Судъ приговорилъ Сороку къ уплатѣ той малой части церковнаго имущества, которая дѣйствительно была обращена имъ въ собственность и въ чемъ онъ самъ сознался; равнымъ образомъ, онъ же долженъ былъ уплатить судебныя издержки, такъ какъ судебное разбирательство нѣсколько разъ было пріостанавливаемо по его просьбѣ и желанію. Истецъ остался недоволенъ настоящимъ судебнымъ приговоромъ и какъ въ предыдущемъ случаѣ аппелировалъ къ королю.

Аппеляція къ королевскому суду, замѣтимъ мы отъ себя, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, служила и могла служить для уніятовъ вѣрнымъ обезпеченімъ выиграть свое дѣло. Вокругъ короля въ данное время было слишкомъ достаточно людей, которые готовы были всѣми средствами поддерживать еще неокрѣпшую и колеблющуюся унію. Въ этомъ мы уже имѣли случай достаточно убѣдиться изъ разсмотрѣннаго нами документа подъ № 114. Мы видѣли здѣсь, какъ кончилось въ королевскомъ задворномъ судѣ дѣло между представителями римско-католической и уніатской церквей и православными братчиками сапожническаго и кожевеннаго цеховъ; въ пользу первыхъ, какъ истцовъ, оно кончилось блистательно, въ пользу же послѣднихъ, какъ отвѣтчиковъ, весьма печально. Можно сдѣлать безошибочное предположеніе, что и вышепомянутыя два судебныя рѣшенія магистратскаго суда, перенесенныя по аппеляціи въ королевскій задворный судъ, кончились также въ пользу аппелирующихъ.

Но каковы бы по своему существу ни были рѣшенія—королевскаго ли задворнаго суда, или другихъ частныхъ судовъ по дѣламъ уніатовъ съ неунитами, *желанный миръ между тѣми и другими не могъ состояться.* То, что хотя въ малой степени рѣшалось въ пользу православныхъ, раздражало уніятовъ, и напротивъ, всѣ несправедливыя рѣшенія въ пользу уніатовъ, должны были сильно вооружать православныхъ. Страсти съ обѣихъ сторонъ были сильно возбуждены. Это мы уже имѣли случай за-

мѣтить при столкновеніи православныхъ съ уніятами во время занятія первыми Семеновской церкви. Нижеслѣдующіе акты также могутъ служить подтвержденіемъ той же мысли.

Въ № 130, стр. 436, производится судебное разслѣдованіе по жалобѣ прихожанъ Берестейской Троицкой церкви на двухъ Берест. мѣщанъ—Миску и Маца Кулбидовъ. Лица эти произносили угрозы — убить трехъ Берест. же мѣщанъ и сжечь ихъ дома *вмѣстѣ съ ихъ (уніятскими) церквами — Троицкою и Воскресенскою.* Трудно допустить другую связь между желаніемъ Кулбидовъ сжечь дома вышеномянутыхъ мѣщанъ вмѣстѣ съ ихъ церквами, кромѣ той, что вражда первыхъ къ послѣднимъ была не одною простою враждою, но вмѣстѣ съ тѣмъ *и враждою религіозною.* Совершенно основательно можно предположить, что Кульбиды были не болѣе какъ не въ мѣру усердные *поборники православія*, точно также, какъ и враги ихъ были тоже не болѣе, какъ не въ мѣру усердные *уніяты*, дѣлавшіе много вреда православнымъ. И что, спрашивается, удивительнаго, что въ пору этого великаго религіознаго боренія, у первыхъ могла вырваться изъ устъ угроза истребить послѣднихъ, какъ своихъ притѣснителей, вмѣстѣ съ ихъ домами и приходскими церквами!

Въ № 141, стр. 456, настоятель Берест. уніятскаго монастыря св. Петра и Павла внесъ въ 1670 году въ лантвойтовско-лавничій судъ жалобу на Берест. мѣщанина—радцу Романа Матеевича по слѣдующему поводу. Базиліане этого монастыря основали уніатскую школу. Въ одно время нѣсколько учениковъ этой школы, по причинѣ своей бѣдности и *по старинному обычаю*, какъ говорится въ протестаціи, *пошли по городу собирать подаяніе, распѣвая при этомъ духовныя пѣсни.* Ходя по городу они взошли и въ (православный) приходъ Семеновской церкви и стали пѣть пѣснь въ честь Божіей Матери предъ домомъ вышепомянутаго мѣщанина-радцы. Когда они окончили свою пѣсню, вышелъ изъ дома Романъ Матеевичъ и съ озлобленіемъ сказалъ ученикамъ; «откуда вы, псы, пришли въ нашъ приходъ собирать подачки» (akcyzya)? Ученики объяснили что они воспитанники изъ базиліанской Петро-павловской школы. На это разсерженный хозяинъ дома крикнулъ имъ, что базиліане—*«это вовсе не настоящіе базиліане, а змѣиная кровь, и что всѣ тѣ, которые съ ними, съ одного съ ними діавола вѣруютъ»*. Услышавъ такія бранныя слова, ученики стали уходить, но Романъ Матеевичъ съ своими помощниками нагналъ и поколотилъ ихъ палками.

Остальные документы, касающіеся церковныхъ дѣлъ въ городѣ Берестьѣ, всѣ относятся къ вопросу *о церковномъ имуществѣ, его пріобрѣтеніи и употребленіи.*

Церковное имущество, какъ движимое, такъ въ особенности недвижимое, въ старину главнымъ образомъ пріобрѣталось путемъ *дара.* Дары эти дѣлались различными лицами—по разнымъ побужденіямъ и поводамъ. Здѣсь нѣтъ мѣста и нужды говорить объ этомъ подробнѣе. Скажемъ только, что изъ актовъ подъ настоящею рубрикою:

подъ №№ 134 и 126 находятся двѣ дарственныя записи на сѣножати—одна Спасской (Преображенской) церкви, а другая Семеновской; подъ №№ 137 и 138—два ввода въ земли, пріобрѣтенныя базиліанскимъ Петро-павловскимъ монастыремъ; подъ № 139—покупка земли помянутымъ монастыремъ, и подъ № 146—подобная же покупка земли Семеновскимъ монастыремъ. Земли, вещи и деньги главнѣйшимъ образомъ доставались церквамъ по духовнымъ завѣщаніямъ (См. рубрику *Б) о духовныхъ завѣщаніяхъ*).

Право распоряженія церковнымъ имуществомъ въ старину принадлежало *цѣлому приходу*, но главнымъ образомъ *церковному старостѣ и затѣмъ церковному причту*. Къ подтвержденію и разъясненію этой мысли относятся слѣдующіе документы. Въ №№ 23 и 24 староста и прихожане Троицкой церкви—въ первомъ случаѣ продаютъ церковный огородъ, а во второмъ отдаютъ въ аренду пивоварню. Въ № 28 староста и прихожане Воскресенской церкви продаютъ участокъ земли.

Въ № 32 священникомъ и прихожанами Троицкой церкви дѣлается замѣна церковной земли.

Но если обращеніе съ церковнымъ имуществомъ въ особенно важныхъ случаяхъ происходило *не вполнѣ съ всеобщаго согласія прихода и причта*, *въ такомъ случаѣ остальная часть прихода протестовала въ судѣ противъ подобнаго безправія*. Такой именно случай представляетъ документъ подъ № 30, стр. 279. Здѣсь священникъ и часть прихожанъ Троицкой церкви протестуютъ въ судѣ противъ своего церковнаго старосты и половины прихожанъ, которые, какъ говорится въ актѣ, *безъ согласія священника и полнаго собранія прихожанъ,* продали и отдали въ аренду церковный огородъ и пивоварню, о которыхъ упомянуто выше подъ №№ 23 и 24. Сюда же отчасти должны быть отнесены вышеприведенные документы по вопросу объ отступленіи отъ уніи трехъ церковныхъ старостъ и растратѣ ими довѣреннаго имъ церковнаго имущества (№ 89, 115, 122 и 125).

Для огражденія церковнаго имущества какъ отъ собственныхъ своихъ членовъ, такъ и отъ лицъ постороннихъ, церковные представители во всѣхъ случаяхъ обращались въ старину *къ гражданскимъ судамъ*. Объ этомъ во-первыхъ ясно могутъ свидѣтельствовать всѣ вышеприведенные и въ своихъ важнѣйшихъ отношеніяхъ объясненные документы подъ рубрикою А) *о церковныхъ дѣлахъ*. Во-вторыхъ, здѣсь въ частности, приводимъ еще три документа, имѣющіе интересъ и въ другихъ отношеніяхъ. Въ № 79 находится судебное опредѣленіе Берест. магистрата по дѣлу жалобы священника Воскресенской церкви на мѣщанку Куцовую, которая, во время мороваго повѣтрія, завѣщавъ землю, послѣ стала отнимать ее. Судъ, принимая во вниманіе то обстоятельство что послѣ мороваго повѣтрія Куцовая *осталась въ живыхъ* (что было ея собственнымъ условіемъ) рѣшилъ дѣло въ ея пользу. Въ № 102 находится судебное рѣшеніе по подобному же дѣлу, гдѣ завѣщанная земля Пятницкой церкви отнималась родственницею завѣщателя. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу церкви. Королевскій судъ № 110, къ ко-

торому послѣдовала аппеляція недовольной стороны, подтвердилъ настоящее судебное рѣшеніе. Наконецъ, въ № 131 находится судебное рѣшеніе по спорному дѣлу священника Спасской церкви съ мѣщаниномъ о занятіи будто бы послѣднимъ церковной сѣножати на р. Бугѣ. Судъ нашелъ притязанія священника неправильными.

Б) Духовныя завѣщанія — числомъ 18 — находятся подъ №№ 4, 18, 26, 31, 34, 43, 79, 87, 88, 93, 123, 135, 142, 143, 145, 147, 151 и 155.

Духовныя завѣщанія вообще, какъ извѣстно, составляютъ тотъ родъ документовъ, въ которыхъ человѣкъ дѣлаетъ извѣстною свою послѣднюю — предсмертную волю. Исходя изъ этой точки зрѣнія, необходимо признать за этими документами большой и многосторонній интерессъ. Эти документы должны дать отвѣтъ какъ за нравственное и умственное настроеніе человѣка, такъ равно свидѣтельствовать о матеріальной обстановкѣ его жизни.

Что за симъ, въ частности, касается духовныхъ завѣщаній Берестейскихъ мѣщанъ и мѣщанокъ, то по своей краткости (отличительной чертѣ всѣхъ официальныхъ документовъ, касающихся мѣщанской жизни и дѣятельности вообще) содержаніе ихъ не представляетъ ни особеннаго богатства, ни разнообразія. Но и изъ того немногаго, что въ нихъ находится, мы можемъ извлечь довольно много любопытныхъ данныхъ.

Изъ разсматриваемыхъ документовъ 12 принадлежатъ лицамъ *православнаго исповѣданія*, 7—лицамъ *уніятскаго* и, наконецъ, 2—лицамъ неизвѣстно котораго изъ двухъ вѣроисповѣданій.

Слѣдуя древнему христіанскому обычаю, лица эти завѣщаютъ похоронить себя— православныя *въ двухъ православныхъ Берестейскихъ церквахъ—св. Симеона Столпника и Рождества Пресвятыя Богородицы*, а уніятскія — въ своихъ уніятскихъ церквахъ— одни въ *церкви Пречистенской* (Покровской), другія въ *Пятницкой*, третьи въ *Николаевскомъ каѳедральномъ соборѣ*; прочія же просто велятъ себя похоронить по христіанскоку обычаю (т. е., гдѣ придется). Почти во всѣхъ этихъ завѣщаніяхъ дѣлается напоминаніе, чтобы похороны близкими или дальными родственниками были устроены съ почестію — соотвѣтственно средствамъ и общественному положенію завѣщателей. Изъ № 26 мы убѣждаемся, что при похоронахъ соблюдался у русскихъ людей искони древній на всей Руси и до нашихъ дней дошедшій обычай— устроять такъ называемый *угостительный столъ* или по просту—*поминки*. Православная мѣщанка Закапина ассигнуетъ на этотъ предметъ, равно какъ и на всю погребальную церемонію, 30 копъ гр. литов. Угостительный столъ въ ту пору назывался польскимъ словомъ *стыпа* (stypa).

Духовныя завѣщанія большею частію писались предъ самою смертію, въ то время, когда человѣкъ, находясь въ тяжкой болѣзни, уже болѣе не расчитывалъ встать

съ постели и остаться въ живыхъ. Во избѣжаніе вѣроятно какихъ либо случайныхъ непріятностей, иные завѣщатели дѣлаютъ въ своихъ завѣщаніяхъ оговорку, *что въ томъ случаѣ, если они останутся въ живыхъ, настоящія ихъ завѣщанія теряютъ свою силу.* Такую именно оговорку мы встрѣчаемъ въ документахъ подъ №№ 18, 26 и 79.

Умирающіе желали, чтобы ихъ послѣдняя предсмертная воля въ точности была исполнена тѣми, кого она касалась, и потому они часто грозятъ призвать предъ страшный судъ Божій ея нарушителей (№№ 143, 145, 151 и 152).

Иные завѣщевали своимъ дѣтямъ вести благочестивую и богобоязненную христіанскую жизнь (№ 4). Для того, чтобы за гробомъ заслужить прощеніе своихъ грѣховъ, многіе въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ дѣлали записи или пожертвованія въ пользу церквей или ихъ служителей (духовныя книги—№ 4; серебряные пояса—№№ 26 и 43; деньги—№№ 123 и 142; кораллы—№ 135; Берестейскому и Владимірскому уніатскому епископу — домъ съ пивоварней и двумя коровами и телятами; Берестейскому капитулу—шесть свиней,—№ 123; плата за отправленіе *сорокоуста*—№ 143).

Оставшееся имущество распредѣлялось между ближайшими и дальнѣйшими родственниками умершаго. Если послѣ него оставались малолѣтнія дѣти, то въ духовномъ завѣщаніи назначались имъ опекуны (№ 145).

Духовныя завѣщанія всегда составлялись и подписывались завѣщателями въ присутствіи офиціальныхъ лицъ, напр. радцевъ и лавниковъ. Послѣдніе въ свою очередь также подписывались подъ этими документами въ качествѣ свидѣтелей.

Переходя отсюда къ матеріальной или имущественной сторонѣ, выясненной въ духовныхъ завѣщаніяхъ Берестейскихъ мѣщанъ, мы позволяемъ себѣ вывести изъ нихъ слѣдующія данныя.

Въ разсматриваемую нами эпоху, т. е. въ началѣ XVII столѣтія, внѣшняя жизнь и обстановка Берестейскихъ мѣщанъ, въ строгомъ смыслѣ, не походила на жизнь и матеріальную обстановку нынѣшнихъ горожанъ. Тогдашніе мѣщане занимали нѣчто среднее между нынѣшними горожанами и деревенскими жителями. Живя въ чертѣ города, рѣдкій мѣщанинъ не имѣлъ своего собственнаго дома, при которомъ всегда былъ кусокъ земли—огородъ ли, фруктовый ли садикъ, пашня ли, грунтъ и т. под. Кромѣ того, за чертою города точно также рѣдко у кого изъ нихъ не было своего грунта—сѣножати ли, пашни, поля и т. под. Соотвѣтственно владѣемому количеству земли, у каждаго было свое домашнее, большее или меньшее, хозяйство, т. е. лошади, коровы, свиньи, овцы, куры, гуси и т. дал.

Понятное дѣло, что при исправномъ веденіи подобнаго домашняго хозяйства и при другихъ доходахъ, получаемыхъ извнѣ—путемъ торговли или заработковъ, жизнь нѣкоторыхъ мѣщанъ отличалась не только полнымъ достаткомъ, но въ ней являются даже предметы роскоши, какъ-то: *столовое серебро—ложки* (№№ 26 и 87), *кубки* (№№ 34 и 43). Сюда

6

же должно отнести *оловянную и мѣдную посуду*. Изъ предметовъ роскоши въ одеждѣ можно указать на *серебряные пояса* (№№ 26, 34, 43), изъ которыхъ иные были очень дорогіе. Такъ мѣщанка Никоновская имѣла у себя въ залогѣ отъ мѣщанъ Демьяна и Мартина Никоновичей два серебряныхъ пояса—одинъ бѣлый, а другой вызолоченый, стоимостью въ 80 копъ гр. литов. Изъ предметовъ украшеній встрѣчаются *кораллы* (№ 135). Иные обладали значительною суммою свободныхъ денегъ, простиравшеюся не рѣдко до ста копъ; деньги эти лежали въ неподвижности или же пускались въ оборотъ—въ займы, на торговыя предпріятія и т. под. (№№ 4, 26, 34, 123, 135). Между единицами звонкой монеты въ одномъ завѣщаніи упоминается о какихъ-то *московскихъ деньгахъ* (dzięhy moskiewskie), *нанизанныхъ на шнуркѣ* (30 штукъ,—№ 135). Иные завѣщатели дѣлаютъ оговорку въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, что *золота, серебра, олова и мѣди у нихъ нѣтъ и не осталось*, чѣмъ ясно даютъ знать, что издѣлія изъ этихъ металловъ вообще были обычнымъ явленіемъ въ мѣщанской жизни.

У нѣкоторыхъ изъ мѣщанъ мы встрѣчаемъ наклонность заниматься чѣмъ-то вродѣ литературы или чтеніемъ разныхъ книгъ; для каковой цѣли у нихъ существовало нѣчто подобное на маленькую домашнюю библіотеку. Библіотека эта состояла, сообразно направленію духа того времени, почти исключительно изъ духовныхъ книгъ, употребляемыхъ при церковномъ богослуженіи или вообще служащихъ для духовнаго и религіознаго назиданія. Указаніе на столь интересную особенность мы встрѣчаемъ въ духовномъ завѣщаніи подъ № 4, писанномъ на русскомъ языкѣ и принадлежащемъ православному мѣщанину, радцѣ, Гурину Өедоровичу. Въ документѣ этомъ большею частію поименованы и самыя названія этихъ книгъ. Это были: напрестольное евангеліе, октоихъ, псалтирь, острожскій требникъ, учительское евангеліе, библія, апостолъ и псалтирь—друку (изданія) Скорины въ Прагѣ 1517*), маргаритъ, пчела, молитвенникъ, часословъ и требникъ; и кромѣ того прибавлено завѣщателемъ: «и всѣ польскія книжки»; но какъ назывались эти книги и какого онѣ были содержанія — не упомянуто **).

в) Документы, касающіеся устройства и дѣятельности *Берестейскихъ цеховъ*,—числомъ 42; они находятся подъ №№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 20, 25, 35, 37, 38, 40, 42, 47, 50, 53, 56, 66, 70, 73, 78, 80, 82, 90, 95, 96, 97, 105, 112, 114, 117, 120, 121, 126 и 140.

На основаніи этихъ документовъ мы застаемъ дѣйствующими въ городѣ Берестьѣ въ первой половинѣ XVII столѣтія слѣдующіе *шеснадцать цеховъ: гончарный* или

---

*) Книга нынѣ чрезвычайно рѣдкая. Единственный экземп. находится въ собр. Хлудова. Ундольск. Очеркъ Славяно-русск. библіогр. Спб. 1871.

**) *Примѣчаніе.* Въ духовномъ завѣщаніи подъ № 18 встрѣчается интересное указаніе на то, что нѣкоторые мѣщане въ началѣ XVII столѣтія (1625 годъ) еще держались стараго обычая вести *свое лѣтосчисленіе «по старому календарю»* (или стилю), не смотря на то, что во второй половинѣ XVI вѣка королемъ польскимъ Стефаномъ Баторіемъ (въ 1586 г.) было постановлено вести его—какъ въ Коронѣ Польской, такъ и въ Вел. Княж. Литовскомъ *по новому календарю или стилю.* Какъ видно изъ вышеприведеннаго документа, такой обычай еще уважался и самими судебными учрежденіями:

цехъ горшечниковъ (№ 50), цехъ *золотыхъ дѣлъ мастеровъ* (№№ 14, 15, 120 и 121), *кожевенный* (№№ 56, 80 и 97), *кузнецкій* (№№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 35 и 42), *мечный* (№ 42), *пекарскій* (№ 13), *портняжскій* (№№ 7, 40 и 126), *рѣзницкій* или *мясницкій* (№ 140), *сапожническій* (№№ 37, 56, 70, 80, 82, 90, 95 и 97), *скорняжескій* (№№ 6, 38, 56, 73, 96, 105, 112 и 114), *слесарскій* (№ 6), *столярный* (№ 42), *цирульничій* или *фельдшерскій* (№№ 78 и 117), *шаповальный* (№ 95) и *шорницкій* или *сѣдельническій* (№№ 1, 2, 3, 5, 6 и 42). Кромѣ этого въ документѣ подъ №№ 9 и 42 упоминаются какіе-то *шинковые цехи*.

Время перваго возникновенія цеховъ въ городѣ Берестьѣ не извѣстно. Но принимая во ниманіе древность самого города, необходимо допустить, что и цехи появились въ немъ довольно рано, покрайней мѣрѣ не позже того времени, съ котораго мы начинаемъ встрѣчать разныя законодательныя мѣры касательно ихъ существованія и устройства въ древней Рѣчи-посполитой. Такъ мы знаемъ, что король польскій Владиславъ Ягелло въ 1420 году совершенно уничтожилъ ихъ существованіе (vol. leg. III, стр. 81). Затѣмъ являются статуты Сигизмунда I-го 1538 и 1543 годовъ, въ силу которыхъ цехи вновь возстановляются, но съ различными ограниченіями (vol. leg. I, fol. 568). Наконецъ Сигизмундъ Аугустъ II-й статутомъ 1550 года снимаетъ съ цеховъ всѣ прежнія ограниченія и возстановляетъ ихъ во всей прежней силѣ и полнотѣ. Сколько можно видѣть изъ вышеприведенныхъ нами документовъ, то существованіе Берестейскихъ цеховъ главнымъ образомъ опирается на привилегіяхъ Сигизмунда Августа, Стефана Баторія и Владислава IV-го; ссылокъ же на привилегіи болѣе древняго времени не встрѣчается (№№ 9, 80, 140).

Кромѣ королевскихъ привилегій, обезпечивавшихъ существованіе Берестейскихъ цеховъ, каждый изъ нихъ имѣлъ свой уставъ, называемый въ актахъ *вилькеромъ* (wilkierz) (№№ 240, 249, 255, 295, 300, 301, 304, 362, 378, 379, 401, 424 и 443). Въ вилькерахъ этихъ, утверждаемыхъ королями, излагались подробныя правила, которыми руководствовался тотъ или другой цехъ въ своей практической дѣятельности. Кромѣ отдѣльныхъ вилькеровъ, изъ которыхъ каждый цехъ имѣлъ свой, въ документѣ подъ № 112 упоминается еще о какомъ-то общемъ *Виленскомъ вилькерѣ, наданномъ* (королемъ Владиславомъ IV-мъ?) *городу Берестію для сужденія всѣхъ цеховъ и своевольныхъ братчиковъ*.

Впрочемъ, цехи не всегда возникали по исключительной волѣ королей и въ силу однихъ привилегій, которыя ими давались. Документъ подъ № 95 представляетъ случай образованія шаповальнаго цеха только на основаніи полученія имъ изъ магистрата вилькера и подтвержденія его Берестейскимъ воеводою и войтомъ.

Въ данное время цехи еще отчасти сохранили свое древнее наименованіе *братствъ*.

Въ каждомъ цехѣ, кромѣ вышеуказанныхъ привилегій и вилькера, существовали еще особыя *цеховыя книги и реестры*, въ которыя вписывались какъ имена вновь посту-

пающихъ братчиковъ, такъ равно и всѣ приходо-расходо-денежныя статьи (№№ 2, 40 и 117).

Главнымъ представителемъ каждаго цеха былъ *цеховой старшина* (цехмистръ) или вѣрнѣе *двое цеховыхъ старшинъ* — одинъ *русскій* или *религіи греческой*, а другой *полякъ* или *религіи римско-католической*. Цеховые старшины нерѣдко въ одно и тоже время состояли членами мѣстныхъ судовъ - въ качествѣ *лавниковъ и радцевъ* (№ 40).

Въ отношеніи исполненія своихъ цеховыхъ обязанностей, многіе цеховые старшины далеко не отличались безукоризненностію въ своемъ образѣ дѣйствій. Такъ изъ разсматриваемыхъ нами актовъ мы видимъ, что одни изъ нихъ мало дорожили своимъ цеховымъ судомъ, обращаясь для достиженія своихъ личныхъ цѣлей въ ландвойтовскій или бурмистровскій суды (№ 35); другіе не исполняли цеховыхъ уставовъ, не читали для вновьпостуающихъ членовъ королевскихъ привилегій и вымогали съ нихъ лишніе взносы (№№ 40 и 126); третьи добивались своей должности путемъ интриги, безъ единодушнаго избранія всѣми братчиками (№ 37), четвертые самовольно и безотчетно тратили цеховую казну (№ 40); и, наконецъ, пятые небрежно относились къ своимъ цеховымъ привилегіямъ, позволяя себѣ вынимать ихъ изъ цеховыхъ ящиковъ и уносить къ себѣ домой (№ 78).

Какъ относились къ цеховымъ установленіямъ сами цеховые старшины, такъ точно смотрѣли на нихъ и ихъ подчиненные, т. е. цеховые братчики. Бывали не рѣдкіе примѣры, когда эти послѣдніе съ неуваженіемъ отзывались о самыхъ цеховыхъ привилегіяхъ (№ 20); глумились надъ цеховымъ судомъ, позволяя себѣ въ виду его разныя неприличныя выходки и грубую брань (№ 11); безъ вѣдома и дозволенія своего цеха производили частный торгъ предметами своего ремесла въ ущербъ общему интересу цеха (№ 13); притѣсняли своихъ учениковъ (№ 6); производили нестроенія и смуты между своими товарищами (112). Бывали въ цехахъ случаи, когда старшіе и младшіе братчики, для прекращенія какихъ-либо внутреннихъ дрязгъ, прибѣгали къ *мировой сдѣлкѣ* (№ 5).

Неповиновеніе цеховымъ уставамъ и желаніе выдѣлиться изъ цеховой корпораціи въ первой половинѣ XVII вѣка стали и не между одними братчиками Берестейскихъ цеховъ столь обычнымъ явленіемъ, что король Владиславъ IV долженъ былъ издать особый декретъ, которымъ приглашалъ *всѣ гродскіе и земскіе суды предпринять мѣры строгости противъ отпадающихъ и своевольныхъ братчиковъ* (№ 42).

Какъ внутренняя жизнь и взаимныя отношенія между братчиками каждаго изъ разсматриваемыхъ нами Берестейскихъ цеховъ не были свободны отъ частыхъ смутъ и нестроеній, такъ равно взаимныя отношенія одной цеховой корпораціи къ другой представляютъ довольно неутѣшительную исторію *частой и мелочной борьбы*. Поводомъ къ такой борьбѣ главнымъ образомъ служило желаніе каждаго цеха выдвинуться на первый

планъ и, главное, ни въ чемъ не уронить предъ другимъ своей мнимой чести и значенія. Какъ на образчикъ такой борьбы мы можемъ указать на *процессъ кузнецнаго, слесарскаго и шорницкаго цеховъ съ цехомъ скорняковъ*, возникшаго по слѣдующему поводу. Вышепомянутые цехи были приглашены сопровождать погребальную процессію Кіевецкаго урядника Криштофа Венцковскаго. Какъ обнаруживается изъ дѣла, при выносѣ тѣла цехи шествовали предъ гробомъ въ такомъ порядкѣ: сперва шли скорняки, потомъ кузнецы, слесаря и шорники. Въ день погребенія, при выносѣ тѣла изъ костела, этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился: на первомъ мѣстѣ сталъ портняжскій цехъ, за тѣмъ кузнецкій и другіе. Шествіе церемоніи открылось. Но на пути скорняжескій цехъ—поспѣшилъ присоединиться къ церемоніи съ своими цеховыми знаками и знаменами; онъ сталъ ломиться между портняжскимъ и кузнецкимъ цехами. Произошелъ скандалъ въ виду всѣхъ христіанъ и евреевъ. Скорняки обругали и вытолкали съ мѣста кузнецовъ. Кузнецы при натискѣ скорняковъ дали имъ соотвѣтственный отпоръ, т. е. порастолкали ихъ знаменоносцевъ, порвавъ и попортивъ самыя знамена, и обнесли ихъ неприличною бранью. Магистратскій судъ, послѣ долгаго разбирательства этого дѣла и продолжительныхъ препирательствъ спорныхъ сторонъ, которыя и при этомъ случаѣ не проминули искать себѣ опоры въ своихъ королевскихъ привилегіяхъ, призналъ скорняковъ виновными въ нарушеніи общественнаго спокойствія и произведеніи соблазна, за что и присудилъ ихъ цеховыхъ старшинъ къ недѣльному заключенію въ тюрьмѣ; кузнецы же, въ силу этого же рѣшенія, должны были извиниться предъ своими противниками за неприличную брань, дозволенную ими въ публичномъ мѣстѣ (№№ 6, 7, 8, 9 и 10).

Берестейскіе цехи въ разсматриваемую эпоху являются *непосредственными участниками въ религіозной борьбѣ, возбужденной введеніемъ церковной уніи*. Можно сказать, что этимъ религіознымъ событіемъ всѣ цеховые братчики были раздѣлены на три враждебныхъ лагера: *католиковъ, уніятовъ и православныхъ*. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что первые два лагера, т. е. католики и уніяты, болѣе или менѣе, всегда становились на одну сторону и дѣйствовали подъ однимъ общимъ знаменемъ. Православные же вездѣ должны были бороться одни противъ двойнаго непріятеля.

Католики и уніяты всѣми мѣрами старались подчинить православныхъ цеховыхъ братчиковъ полному своему вліянію и силѣ. Такъ подъ № 82 мы находимъ судебное опредѣленіе магистрата, гдѣ католическая половина братчиковъ сапожническаго цеха протестуетъ противъ православныхъ братчиковъ этого же цеха по тому поводу, что эти послѣдніе не исполняютъ своихъ обязанностей по отношенію къ костелу и уніятскому собору: не ходятъ въ нихъ на заупокойныя службы, не даютъ воску и свѣчъ, скрываютъ свои доходы, которые должны принадлежать католикамъ. Православные представители помянутаго цеха, въ виду столь несправедливыхъ требованій своихъ

противниковъ, переносятъ свое дѣло прямо въ королевскій судъ.—Подъ № 80 католическіе и уніятскіе представители сапожническаго и кожевеннаго цеховъ, безъ полномочія со стороны православныхъ братчиковъ этихъ же цеховъ, обманомъ получаютъ отъ короля Владислава IV-го привилегію съ новымъ уставомъ на *соединенное устройство этихъ цеховъ.* Въ новыхъ соединенныхъ цехахъ, въ силу помянутой привилегіи, все подчиняется *главенству католическихъ братчиковъ*; кое-что оставляется на долю и самостоятельность уніятовъ; имя же *православныхъ совершенно исчезаетъ;* въ дѣлѣ религіи они должны исполнять одинаковыя обязанности съ католиками и уніятами по отношенію къ Берестейскому фарскому костелу и уніятскому Николаевскому собору.—Противъ такого ухищренія католикоаъ и уніятовъ, православные братчики помянутыхъ двухъ цеховъ въ документѣ подъ № 90 вносятъ въ магистратскій судъ свою протестацію, въ которой подробно изъясняють, что на подобное ходатайство предъ королемъ они не давали отъ себя католикамъ и уніятамъ никакого полномочія, что они не желаютъ никакого соединенія своихъ цеховъ съ ихъ новыми цехами, такъ какъ ихъ русскіе православные цехи—издревле цехи самостоятельные и пользуются своими королевскими привилегіями. Въ документахъ подъ №№ 56, 57, 96 и 97 излагается исторія *возвращенія изъ уніи къ православной церкви русскихъ братчиковъ сапожническаго, кожевеннаго и скорняжскаго цеховъ.*

Верховное наблюденіе надъ цеховыми дѣлами принадлежало магистратскому суду. Онъ имѣлъ полномочіе (декретъ Владислава IV-го, № 126) и слѣдилъ за исполненіемъ цеховыхъ привилегій и уставовъ. Цеховые братчики обращались къ нему или съ аппелляціями на рѣшенія цеховыхъ судовъ или же непосредственно входили къ нему съ своими жалобами. Недовольные магистратскимъ рѣшеніемъ могли аппеллировать въ королевскій судъ. Магистратъ производилъ свой судъ надъ цеховыми корпораціями на основаніи *магдебургскаго права* (№№ 9, 10, 13, 37, 73 и 112). Магистратъ, сколько видно изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами цеховыхъ документовъ, всѣми мѣрами старался исправлять злоупотребленія цеховъ и установить въ нихъ правильное теченіе жизни; но, какъ достаточно можно убѣдиться изъ тѣхъ же актовъ, множество, мелочность и сложность этого рода дѣлъ положительно занимали большую часть его времени, истощали всѣ его силы и терпѣніе.

Г) Документы, касающіеся *положенія евреевъ въ г. Берестьѣ, ихъ отношеній къ христіанамъ и обратно—христіанъ къ евреямъ.* Ихъ числомъ 17 и они находятся подъ слѣд. №№ 22, 29, 36, 39, 46, 48, 59, 65, 68, 108, 132, 144, 148, 149, 150, 152 и 153.

Сводя въ одинъ общій итогъ все сказанное о Берестейскихъ евреяхъ въ предыдущихъ томахъ актовъ (особенно въ V-мъ), напечатанныхъ Виленскою Археографическою Коммиссіею, съ тѣми свѣдѣніями, какія можно почерпнуть о нихъ изъ настоящаго VI-го тома, необходимо придти къ заключенію, что евреи въ г. Берестьѣ въ

разсматриваемую нами эпоху, т. е. въ первой половинѣ XVII столѣтія, положительно держали въ рукахъ своихъ ключи его благосостоянія: численностію своею они не уступали христіанамъ; экономическимъ своимъ богатствомъ стояли несравненно выше ихъ; нравственною твердостью своего кагальнаго союза смѣло попирали христіанскіе законы не только настоящаго города, но и цѣлой страны; сдѣлали христіанъ предметомъ своей немилосердной эксплуатаціи, и, наконецъ, старательно отстраняли отъ себя все, что могло кореннымъ образомъ мирить ихъ съ христіанами и сломить ту вѣковѣчную преграду ненависти, которая всегда существовала между тѣми и другими; словомъ, евреи въ Берестьѣ были *полными и самостоятельными его хозяевами*.

Но обратимся къ изложенію собственно тѣхъ данныхъ, которыя можно найти о Берестейскихъ евреяхъ въ документахъ, напечатанныхъ въ настоящемъ VI томѣ.

Къ потвержденію вышепомянутой мысли о полноправномъ хозяйничаньѣ и господствѣ еврейскаго населенія въ г. Берестьѣ можетъ между прочимъ отчасти служить и слѣдующій документъ подъ № 36, гдѣ изложанъ *договоръ* Берестейскихъ евреевъ съ христіанами—мѣщанами. Поводомъ къ его составленію послужилъ пожаръ, происшедшій, какъ выражаются евреи, отъ какого-то *тумульта, т. е. возмущенія*. Послѣдствіемъ пожара было истребленіе всѣхъ еврейскихъ и христіанскихъ лавокъ. Въ договорѣ этомъ три пункта касаются во-первыхъ преданія вѣчному забвенію дѣлъ, которыхъ документы истреблены пожаромъ, а во-вторыхъ отысканія части имущества, погибшаго черезъ похищеніе злонамѣренными людьми во время этого несчестнаго событія. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ очень глухо говорится о содѣйствіи къ этому самихъ евреевъ, когда дѣло идетъ о привлеченіи къ суду виновныхъ изъ ихъ среды; но за то очень настойчиво требуется, чтобы христіане, съ своей стороны, и сами употребили все свое усиліе и евреямъ оказали всяую помощь для розысканія и привлеченія къ суду виновныхъ изъ христіанъ. Въ остальныхъ пунктахъ договора евреи предлагаютъ магисрату—строить на будущее время лавки съ воротами на улицу, котрыя бы во время большихъ христіанскихъ праздниковъ, въ случаѣ возникновенія какого нибудь *новаго тумульта,* могли быть запираемы. Для большой безопасности лавокъ отъ пожара они предлагаютъ учредить постоянную ночную стражу—половину изъ евреевъ и половину изъ христіанъ. Христіане—мѣщане безпрекословно подписали всѣ пункты этого договора.

Кромѣ разныхъ правъ и привилегій, какими пользовались Берест. евреи, мы находимъ въ документахъ подъ №№ 22 и 29 весьма важное право, въ силу котораго они *въ чертѣ городской юрисдикціи могли свободно покупать и продавать земли* (наравнѣ съ христіанами) *на вѣчныя времена.*

Магистратъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, нуждаясь въ деньгахъ, часто прибѣгалъ къ еврейской помощи, для каковой цѣли отдавалъ имъ въ арендное содержаніе разныя свои доходныя статьи. При этомъ случаѣ евреи, какъ и въ наше время, всегда

спѣшили значительную сумму уплатить впередъ. Такъ подъ № 48 отдается еврею городской плацъ, *при чемъ магистратъ на весь арендный срокъ освобождаетъ его отъ всѣхъ городскихъ повинностей*. Въ документѣ подъ № 108 передается еврею въ аренду подратушный погребъ, съ правомъ производить въ немъ торгъ всякаго рода напитками; при чемъ магистратъ обѣщается *возбранять какъ христіанамъ, такъ и евреямъ мелочную торговлю этими напитками вокругъ ратушнаго зданія*. Въ документѣ подъ № 132 еврей беретъ отъ магистрата въ аренду на годичный срокъ за 500 злотыхъ всѣ городскіе доходы, какъ то: *сѣнную будку, мѣрное, соловенное, мостовое, рѣзницкое и многія другія мыта*.

Основыясь на документахъ подъ №№ 22 и 39 необходимо допустить мысль, что Берест. евреи свое *недвижимое имущество* пріобрѣтали отъ христіанъ главн. обр. *путемъ долга*. Пріобрѣтенное такимъ образомъ имущество они старались очень ловко и тонко навсегда сдѣлать своею вѣчною собственностію. Послѣдній документъ (№ 39— споръ между мѣщаниномъ и евреемъ *о двухъ лавкахъ*) представляетъ въ этомъ родѣ довольно интересное магистратское судебное рѣшеніе. Рѣшеніе это, будучи обжаловано евреемъ въ задворномъ ассесорскомъ судѣ, было утверждено королемъ (№ 46).

Какъ хозяйничали евреи въ г. Берестьѣ, необращая никакого вниманія на постановленія и требованія христіанскихъ властей, рисуетъ довольно яркую картину слѣдующій документъ подъ № 144. Коморникъ Берест. воеводства, намѣстникъ Берест. воеводы и директора каптуры Курча—Александръ Чеховскій жалуется на Берест. кагалъ и всѣхъ евреевъ по тому поводу, что они подвергли его большимъ преслѣдованіямъ. Причинами, вызвавшими такія преслѣдованія, какъ оказывается изъ акта, послужило то обстоятельство, что Чеховскій не разъ имѣлъ смѣлость разоблачать слѣдующія еврейскія плутни.

Берестейскіе евреи, не придавая никакого значенія силѣ конституціи о присягахъ касательно состоящаго на лице у нихъ количества *дымовъ*, показали подъ своею еврейскою присягою, что таковыхъ у нихъ имѣется только 133. Но на дѣлѣ—у нихъ *болѣе 800 большихъ дымовъ съ каменными домами* (z kamienicami). Въ каждомъ дымѣ проживаетъ отъ *четырехъ до семи отдѣльныхъ хозяевъ или семействъ*. Они—евреи имѣютъ *болѣе 300 пивоварныхъ заведеній* (броваровъ), *изъ которыхъ въ каждомъ укрываютъ не менѣе шести христіанъ* (своихъ слугъ)—*мущинъ и женщинъ*. Обо всемъ этомъ онъ—Чеховскій неоднократно заявлялъ предъ мѣстными сеймиками, домогаясь того, чтобы евреи покрайней мѣрѣ платили съ своихъ дымовъ столько, сколько платитъ съ своего дыма каждый бѣдный шляхтичъ; но всѣ его заявленія остались безъ успѣха.

Далѣе, каждый еврей имѣетъ *свою мѣру* и мѣритъ хлѣбъ, какъ хочетъ. Уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ они незаконно берутъ себѣ отъ пива *шеляжное*, и, не обращая никакого вниманія на таксы и постановленія судовъ, къ явному угнетенію

бѣдной шляхтты, ставятъ *цѣну пиву* по своему произволу, такъ что дороговизна этого напитка доведена ими въ настоящее время (въ 1674 г.) до *5-ти грошей за гарнецъ.*

Засимъ, евреи потаеннымъ образомъ, ночью, утащили *съ Кузьмо—Демьянскаго плаца крестъ, который былъ водруженъ на мѣстѣ бывшей здѣсь нѣкогда церкви св. Косьмы и Дамiана и вокругъ котораго отправлялись христiанскiя молебствiя.*

Когда Чеховскiй хотѣлъ произвести обычный поборъ въ пользу назначенныхъ въ Берестьѣ каптуровыхъ судей съ привозимыхъ въ городъ предметовъ торговли, то евреи не позволили на *своемъ рынкѣ* произвести подобнаго побора не только съ прiѣзжихъ евреевъ, но и съ христiанъ; прогнали съ базара его челядника—сборщика и лично ему самому не позволили дѣлать сбора, объявивъ ему, что-де «*у насъ нѣтъ и мы не знаемъ никакой каптуры; у насъ есть свои права и дома* (gospody)». То, что Чеховскiй записывалъ, они стирали.

Въ заключенiе этой жалобы Чеховскiй описываетъ довольно длинную исторiю всяческихъ оскорбленiй, какiя дѣломъ и словами наносили лично ему евреи.

Нѣкоторые изъ христiанъ имѣли неопытность или слабость давать довольно значительныя сумы *въ займы* евреямъ. Полученiе такого долга обратно становилось рѣшительно невозможнымъ, если только сами евреи не хотѣли его возвращать по своей доброй волѣ, конечно при такихъ условiяхъ, какiя имъ лично угодно было предписать своему заимодавцу. Послѣднiй могъ положительно разориться прежде, ходя по всевозможнымъ судамъ, чѣмъ возвратить что либо изъ собственнаго добра. Превосходнымъ свидѣтельствомъ тому могутъ служить нижеслѣдующiе два акта подъ №№ 68 и 148, въ которыхъ изложены всѣ продѣлки и отважные прiемы евреевъ въ подобныхъ случаяхъ, т. е. когда они рѣшались не возвращать долга добровольно.

Въ первомъ документѣ Копыськiй мѣщанинъ Андрей Корниловичъ приноситъ въ магистратскiй судъ жалобу на Берест. кагальнаго старшину Шмуйловича по тому поводу, что этотъ послѣднiй, при передачѣ ему первымъ мандатовъ и королевскаго упоминальнаго листа, писанныхъ къ Берест. евреямъ, не исполнившимъ по отношенiю къ нему своихъ долговыхъ обязательствъ и выпустившимъ изъ тюрмы его должника—еврея, не только не оказалъ никакого уваженiя къ этимъ королевсимъ бумагамъ, но, напротивъ, обозвалъ ихъ непристойными словами, и затѣмъ его самого—Корниловича обнесъ всякою бранью и сдѣлалъ угрозу убить его. Крниловичъ придаетъ этой угрозѣ столь серьезнсе значенiе, что, отправляясь въ дорогу, считаетъ своею обязанностiю заявить, что въ случаѣ приключенiя съ нимъ на пути какого нибудь большого несчастiя—виновниками его необходимо считать вышепомянутыхъ свреевъ.

Во второмъ документѣ (№ 148) мѣщанинъ Петръ Огильвiй въ своей жалобѣ на Тереспольскаго мѣщанина—еврея Файвиша Яхимовича, по поводу нежеланiя этимъ послѣднимъ уплатить ему долга въ 2000 злотыхъ, разсказываетъ, что послѣ де-

кретовъ, кондемнатъ, баницій, послѣдовавшихъ на вышепомянутаго еврея отъ великаго коронnаго маршалка и маршалка вел. кн. Литов., также отъ Виленскаго каштеляна и великаго гетмана вел. кн. Литов., и, наконецъ, послѣ экзекуціоннаго листа, привезеннаго имъ изъ Варшавы, ему напослѣдокъ удалось занять домъ должника. Занявъ его, Огильвій тотчасъ поставилъ въ немъ своего жильца. Еврей увидѣлъ, что такимъ образомъ дѣло выходитъ плохо и ему, волею или неволею, придется расчитаться съ своимъ заимодавцемъ. Онъ бросился въ Варшаву и получилъ ad male narrata отъ тогоже Виленскаго каштеляна листъ противоположнаго содержанія, т. е. чтобы спорное дѣло покончить *пріятельскимъ* (компромисарскимъ) *судомъ*. Истецъ и обжалованный избрали въ пріятельскіе судьи — первый двухъ старшихъ Тереспольскаго кагала, а послѣдній двухъ Пинскихъ евреевъ—раввина и фактора Виленскаго каштеляна. Когда пришелъ назначенный день засѣданія пріятельскаго суда, евреи всѣ отказались въ этотъ день производить судъ; положили быть ему въ пятницу, но и въ пятницу отложили. Наконецъ они нарочно назначили засѣданіе въ воскресный день, когда истецъ, изъ уваженія къ своему христіанскому празднику, не могъ да и не желалъ явиться въ засѣданіе. Между тѣмъ засѣданіе это, на которое обжалованный уже успѣлъ двухъ евреевъ, избранныхъ истцемъ, замѣнить своими пріятелями, состоялось именно въ воскресенье. На немъ, безъ личнаго выслушанія доказательствъ со стороны истца, пріятельскіе судьи все-таки постановили свой приговоръ въ томъ смыслѣ, чтобы долгъ былъ уплаченъ, хотя съ весьма невыгодными условіями для заимодавца и крайне богопріятными для должника. Огильвій готовъ былъ согласиться и на это рѣшеніе. Но подговоренные должникомъ судьи-евреи не хотѣли выдавать ему формальнаго декрета своего компромисарскаго рѣшенія. Огильвій вновъ обратился въ Тереспольскій судъ съ жалобою на Файвиша. Файвишъ предложилъ теперь Огильвію составить пріятельскій судъ изъ *христіанъ*. Огильвій и на это далъ свое согласіе. Но лишь только нужно было приступить съ образованію этого суда, какъ Файвишъ снова уклонился отъ всякаго участія. Такимъ образомъ несчастный истецъ былъ вовлекаемъ все въ большіе и большіе убытки. На этомъ должникъ, впрочемъ, не остановился: онъ употреблялъ все усиліе, чтобы выжить постановленнаго Огильвіемъ жильца изъ своего дома, для чего неоднократно приходилъ къ этому жильцу, поносилъ его всяческою бранью и, наконецъ, угрожалъ ему смертью. Сильно безпокоимый жилецъ уже рѣшился выбраться изъ несчастнаго дома, какъ предъ самымъ выѣздомъ вдругъ заболѣлъ самъ и все его семейство, при чемъ одинъ изъ его людей умеръ. Огильвій убѣжденъ, что эта внезапная болѣзнь цѣлаго семейства и смерть одного человѣка есть предумышленное дѣло Файвиша, который такимъ образомъ наѣмревался угрозу свою привести въ исполненіе. Когда выѣхалъ первый жилецъ, Огильвій поставилъ въ домѣ своего сторожа. Но Файвишъ сталъ угрожать ему тѣмъ же, чѣмъ уже успѣлъ выжить перваго жильца; наконецъ встрѣтивъ въ своемъ домѣ самого Огильвія, онъ жестоко обругалъ его и прямо объявилъ,

что и ему не сдобровать жизнью. На этомъ дѣло въ актѣ остановилось. Чѣмъ оно могло кончиться — трудно даже предвидѣть.

На чемъ же опиралось могущество евреевъ, что напр. въ подобныхъ случаяхъ не могли подѣйствовать на нихъ ни декреты, ни кондемнаты, ни баниціи, ни инквизиціонные листы? Конечно, тайна этого могущества скрывалась не въ чемъ иномъ, какъ въ туго набитомъ еврейскомъ карманѣ... А презрѣнный металлъ, какъ извѣстно, въ древней Рѣчи-посполитой игралъ одну изъ самыхъ великихъ ролей... Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ другимъ можетъ быть объяснено то явленіе, что какой нибудь безъизвѣстный Тереспольскій еврей, какъ мы видѣли въ вышеприведенномъ актѣ, знать не хочетъ никакихъ предписаній ясневельможныхъ пановъ—великихъ маршалковъ, гетмановъ и воеводъ, или отъ нихъ же получаетъ листы ad male narrata? И чѣмъ другимъ можетъ быть объясненъ напр. троекратный отказъ Берест. гродскаго суда принять въ свои книги жалобы христіанъ на евреевъ (№№ 69, 152 и 153)?

Въ началѣ настоящей рубрики объ евреяхъ мы замѣтили, что они протироборствовали всему, что могло бы внутренно мирить ихъ съ христіанами и так. обр. образовать одинъ общій человѣческій союзъ. Документъ подъ № 150 можетъ служить тому сильнымъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и печальнымъ доказательствомъ. Здѣсь представители еврейской мысли и образованія рѣзкимъ образомъ показали, что таланты, дарованія, равно какъ и матеріальныя средства евреевъ, не должны быть направлены къ возвышенію христіанскаго благосостоянія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда чрезъ это, болѣе или менѣе, страдаютъ еврейскіе интересы. Содержаніе настоящаго документа слѣдующее.

Богатый шляхтичъ Андрей Яковъ Скальскій, ставшій въ близкія отношенія къ Берест. кагалу, такъ какъ ссудилъ ему въ видѣ займа сумму въ 4500 злот., нашелъ въ имѣніи Чарнавчицахъ, Берест. пов., бѣднаго еврея, по имени Юдку Израеловича, въ которомъ открылъ великія финансовыя способности и непритворное желаніе, какъ замѣчаетъ Скальскій, служить пользамъ христіанъ. Скальскій перевезъ его въ Берестье, гдѣ на собственный счетъ купилъ для него домъ на Кузнецкой улицѣ, на Пескахъ, и навсегда сдѣлалъ его своимъ факторомъ. Юдка показалъ здѣсь себя съ такой блестящей стороны и заслужилъ такую довѣренность своего пана, что послѣдній сталъ довѣрять ему для его факторскихъ оборотовъ довольно значительныя суммы. Въ актѣ объясняется, что Израеловичъ удостоился такой благосклонности и не отъ одного Скальскаго, но и вся шляхта Берестейскаго воеводства имѣла къ нему благоволеніе, потому что онъ для всѣхъ ихъ był szczery w pokazaniu sposobów do fortuny (стр. 473). Но такое отношеніе Юдки къ христіанамъ, а главное—такое блестящее проявленіе его талантовъ, обращенныхъ исключительно къ служенію пользамъ христіанъ, тотчасъ обратили на себя серьезное вниманіе представителей двухъ кагаловъ—Берестейскаго и Тереспольскаго и возбудили въ нихъ сильное неудовольствіе. Они стали рѣшительнымъ образомъ предостерегать фактора, чтобы онъ измѣнилъ свой образъ дѣйствій и

главное—не бралъ на себя роли взыскивать съ евреевъ довѣренныхъ имъ христіанами долговыхъ суммъ (между прочимъ суммы въ 4500 злот., которую ссудилъ Скальскій Берест. кагалу). Такъ Берест. кагальный старшина Матысъ Лапичъ, встрѣтивъ однажды Юдку въ банѣ, сказалъ ему: «Юдка, ты будешь проклятъ (т. е. отлученъ отъ синагоги») за то, что тебѣ бродягѣ (hultajowi) шляхта довѣряетъ деньги и ты усердно служишь ихъ интересамъ; а намъ—людямъ осѣдлымъ шляхта ничего не даетъ... Запомни ты это, что и самъ ты не будешь знать, куда дѣнешься...» Юдку не на шутку испугала такая рѣшительная угроза и онъ сталъ умолять своего пана, чтобы онъ побывалъ у кагальныхъ старшинъ и примирилъ ихъ съ его положеніемъ. Скальскій, по какимъ-то спѣшнымъ дѣламъ, не успѣлъ исполнить просьбы и совѣта своего фактора. Но для послѣдняго уже насталъ послѣдній часъ, когда мѣра долготерпѣнія и гнѣва его враговъ переполнилась. Въ одно время (въ 1701 г., 26 Нояб.) Юдка, послѣ шабаша, возвращался изъ синагоги въ сообществѣ съ кагальными старшинами, отправляясь къ своему пану на Пески; не подозрѣвая ничего худого, онъ уже вступилъ на мостъ подъ Мельвецкими мельницами, какъ вдругъ изъ засады выскочили скрытые евреи, заступили ему дорогу и немедленно начали его бить, колотить палками самымъ звѣрскимъ образомъ; наконецъ, задушивши его, уже мертваго потопили, сбросивъ съ моста въ воду подъ вышепомянутыми мельницами. Возный, при освидѣтельствованіи трупа несчастаго фактора, нашелъ, что у него вся голова и все тѣло были избиты, исколоты, повсюду были видны кровавыя и синія пятна; глаза совсѣмъ выкатились вонъ. Убійцы и ихъ участники съ кагальными старшинами этимъ не удовольствовались: они немедленно бросились къ дому убитаго и ограбили его дочиста. При этомъ, какъ показалъ въ своей жалобѣ Скальскій, ими было похищено до 140,000 битыхъ талеровъ, каковая сумма была ввѣрена имъ убитому фактору для его факторскихъ оборотовъ. Скальскій въ заключеніе своего протеста обѣщается путемъ суда взыскивать съ представителей вышепомянутыхъ кагаловъ какъ за голову убитаго фактора, такъ и за похищенную въ факторскомъ домѣ сумму денегъ.

Берестейскіе евреи не упускали случая *поживиться на счетъ имущества христіанъ*, лишь бы только найти къ тому, для собственнаго оправданія, какой нибудь благовидный предлогъ. Документы подъ №№ 152 и 153 могутъ служить въ этомъ отношеніи предметомъ довольно любопытнаго наблюденія.

Первый изъ нихъ содержитъ въ себѣ жалобу такого рода. Въ 1703 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ городъ Берестье отрядъ Шведскаго войска. Смѣтливые еврейскіе жители этого города, въ сообщничествѣ съ Тереспольскими своими единоплеменниками, тутъ немедленно рѣшились обратить это обстоятельство въ свою пользу. Они открыли Шведамъ, гдѣ находился надъ рѣкою Бугомъ хлѣбный складъ (szpichlerz) и нагруженныя пшеницею, рожью и др. товарами, шкуты Волынскаго ловчаго Яна Яловецкаго. Шведы, конечно, за хорошую плату, предложенную имъ евреями, немедленно

сдѣлали нападеніе на помянутый складъ хлѣба и нагруженныя суда и отбивъ ихъ у хозяевъ, передали евреямъ. Послѣдніе тотчасъ начали забирать и увозить въ Берестье такъ легко доставшееся имъ богатство. Съ нагруженной шкуты они, кромѣ пшеницы и ржи, забрали еще и другіе цѣнные товары, какъ-то: олова на сумму 3000 злот., пряжи на 3000 мотковъ и мн. др. Въ заключеніе всего, чтобы отвести отъ себя всякую тѣнь подозрѣнія, что этотъ грабежъ былъ учиненъ по ихъ инициативѣ и для ихъ пользы, они посовѣтовали шведскому войску попортить и потопить самыя суда, изъ которыхъ ими былъ вывезенъ хлѣбъ. Шведы дѣйствительно и въ семъ случаѣ послѣдовали ихъ совѣту, начали рубить стоявшіе тутъ порожнія шкуты и дѣлать изъ нихъ мостъ черезъ р. Бугъ.

Во второмъ документѣ описывается подобный же случай, какъ Берест. кагальные старшины навели тотъ же Шведскій отрядъ на хлѣбный складъ и нагруженную хлѣбомъ шкуту Вавринца Станислава Поплавскаго—Луцкаго гродскаго писаря. Шведы опять за хорошую плату предоставили и складъ и шкуту въ полное хозяйничанье евреевъ, которые, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, немедленно поспѣшили ихъ опустошить, отправивъ весь хлѣбъ въ городъ. Для отведенія отъ себя подозрѣнія, они вынудили у шкипера ограбленнаго судна квитанцію, что грабежъ состоялся по волѣ Шведовъ и они—евреи по принужденію тѣхъ же Шведовъ должны были перевести хлѣбъ въ городъ.

Д) Документы, касающіяся *положенія и устройства Берестейскихъ ратушныхъ крестьянъ*—подъ №№ 44, 56, 62, 64, 75, 86, 99, 100, 104 и 111.

Помянутые здѣсь крестьяне принадлежали къ городскому селу Козловичамъ. Вышеприведенные нами документы свидѣтельствуютъ о томъ, что крестьяне эти пользовались важнымъ правомъ—*пріобрѣтать себѣ Козловичскія и другія земли въ вѣчную собственность и распоряжаться ими по своему желанію*. И, дѣйствительно, мы видимъ, что на основаніи этого права одни изъ Козловичскихъ крестьянъ *дарятъ* свои участки *на вѣчныя времена* (№ 44); другіе *продаютъ на вѣчность* (№ 99); третьи *покупаютъ въ вѣчную собственность* (№ 62); четвертые отдаютъ ихъ въ заставу на весьма продолжительные сроки (½ ув. въ 20 копахъ на 15 лѣтъ,—№ 56), наконецъ, пятые дѣлятъ ихъ между своими товарищами и родственниками (№№ 64 и 111). Впрочемъ, въ документѣ подъ № 99, при продажѣ одного подобнаго участка земли на вѣчность, сдѣлана продавцемъ слѣдующая важная оговорка: «a czynsz roczny do skrzynki miesckiey o ś. Marcinie Maniutik (покупщикъ) podług regestrów miesckich płacić powinien będzie». Оговорка эта необходимо заставляетъ понимать дѣло въ томъ смыслѣ, что вышепомянутое право крестьянъ свободно распоряжаться своею поземельною собственностію было *право условное*, т. е. такое право, по которому вышепомянутые участки земли, тѣмъ или другимъ путемъ становясь *вѣчною собственностію* крестьянъ, не могли быть *навсегда выдѣляемы изъ ратушныхъ грунтовъ*,

а должны были вѣчно оставаться подъ городскою юрисдикціею на правѣ вѣчной чиншовой оплаты (*).

(*) Въ трехъ актовыхъ книгахъ Городненскаго земскаго суда за 1539—1541 годы находится довольно много документовъ (они наравнѣ съ другими крестьянскими актами будутъ напечатаны Коммиссіею особымъ томомъ послѣ VII т. актовъ), въ которыхъ королевскіе крестьяне древняго Городенскаго повѣта довольно часто *продають, покупають и дарять свои земли на вѣчность, на вѣчныя времена*.

Подобный же документъ найденъ нами при описаніи актовой книги (№ 14) Россіенскаго земскаго суда за 1588 годъ, гдѣ (актъ 92-й, листы 158—159) господарскій крестьянинъ Поюрской волости, села Войкъ, Станиславъ Павловичъ, продаетъ въ 1587 г., 11 іюня, за 20 копъ гр. литов. господарскимъ боярамъ той же вол. Матею, Петру и Войтеху Павловичамъ Петкевича «*на вѣчность*» свою землю, лежащую въ Поюрской вол., называемую Блавздю Лавкасъ, въ уживаніи которой онъ былъ «большъ двадцати годовъ, *на вѣчность* купленую отъ боярина господарскаго земли Жомоитской Симона Яновича».

Но здѣсь теперь рождается весьма важный вопросъ: что надобно понимать подъ словами: крестьянинъ покупаетъ у крестьянина, или одинъ другому продаетъ, даритъ свои земли *на вѣчность, на вѣчныя времена*? Дѣйствительно ли крестьяне имѣли право, наравнѣ съ лицами шляхетскаго сословія, пріобрѣтать себѣ земли *въ вѣчную собственность и распоряжаться ими по полному своему благоусмотрѣнію*? На этотъ, повторяемъ, весьма важный вопросъ мы не находимъ никакого отвѣта въ древнихъ Литовскихъ статутахъ. Но въ юридической практикѣ, т. е. въ актовыхъ книгахъ встрѣчается нѣсколько указаній, которыя хотя отчасти могутъ служить отвѣтомъ на предложенный вопросъ. Такъ выше мы уже имѣли случай привести актъ подъ № 99, стр. 382, и на основаніи его пояснить, что право Берестейскихъ ратушныхъ крестьянъ села Козловичъ пріобрѣтать себѣ тѣмъ или другимъ путемъ земли *въ вѣчную собственность* было право условное—право *вѣчной чиншовой зависимости отъ города*.

Въ актовой книгѣ (№ 3) Городненскаго земскаго суда за 1541 годъ, въ документѣ стр. 139—140, мы встрѣчаемъ прямо такое категорическое заявленіе, что *вообще крестьянинъ у крестьянина не вправѣ покупать земли на вѣчныя времена* («мужикъ у мужика земли *на вѣчность* купити не можетъ»). Чтобы смыслъ настоящаго заявленія могъ сдѣлаться болѣе понятнымъ, мы считаемъ необходимымъ передать здѣсь самое содержаніе разсматриваемаго документа.

Дѣло въ слѣдующемъ. КъГороденскому старостѣ и судьѣ Требскому обратились съ жалобой два Бѣльскихъ господарскихъ крестьянина («старожилъ Бяльскій») Терешка Мечевичъ и Иванецъ Павлюковичъ на Городенскихъ господар. крестьянъ Стецку Богуславовича и племянника его («дядковича») Янку Ониськовича по тому поводу, что эти послѣдніе держатъ у себя ихъ отчизну Терентеевщину и не хотятъ ея возвратить имъ. Послѣдніе возразили на судѣ, что Терентеевщина куплена ихъ отцами у предковъ истцовъ за 9 копъ и 15 гр. *на вѣчныя времена*, («ижъ дей еще отцы ихъ (истцовъ) тую землю нашимъ отцамъ у 9 копахъ и въ 15 грошей на *вѣчность продали*»), на что они предъявили на судѣ формальный купчій листъ, и что на основаніи этого листа они владѣютъ вышепомянутою землю какъ своею вѣчною собственностію. Судья Требскій, разбирая это дѣло въ соучастіи съ Бѣльскимъ старостою Левицкимъ и Городенскимъ войтомъ Станиславомъ Дубровою, призналъ предъявленный отвѣтчиками купчій документъ подлиннымъ; но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что «*мужикъ у мужика земли на вѣчность купити не можетъ*», постановилъ такое рѣшеніе: обжалованные— Стецко Богуславовичъ и Янко Ониськовичъ должны возвратить Мелентеевщину истцамъ—Терешкѣ Мечевичу и Иванцу Павлюковичу по уплатѣ послѣдними 9 копъ и 15 гр.—суммы, каковая была за нее уплочена по купчему листу отцами первыхъ.

Одно здѣсь необходимо прибавить, что, къ крайнему сожалѣнію, изъ разсмотрѣннаго нами акта совершенно не видно—откуда взяты Требскимъ вышепомянутыя знаменательныя слова,

Какъ велика была эта чиншовая плата, которую въ настоящемъ случаѣ мы можемъ принимать и за самую *крестьянскую повинность*, можно усмотрѣть изъ документовъ подъ №№ 75 и 104. Въ одномъ случаѣ (№ 75) ратуша предоставляетъ своему арендатору села Козловичъ взимать *съ уволоки въ годъ по 5 злотыхъ чиншу*, а въ другомъ № (104)—*по 2 копы литов. гр.*

Кромѣ этой денежной платы Козловицкіе крестьяне должны были еще отправлять *панщину*, которую магистратъ строго и точно опредѣлялъ для всѣхъ своихъ арендаторовъ. Панщина эта состояла въ томъ, что крестьяне должны были ходить съ уволоки на арендаторскую работу *одинъ день въ недѣлю*, а въ лѣтнюю пору, во время жатвы, въ продолженіи срока—отъ 4-хъ до 6-ти недѣль—*по два дня въ недѣлю*. Кромѣ этихъ двухъ обязательныхъ статей, т. е. платы и рабочихъ дней, крестьяне еще обязаны были давать своимъ арендаторамъ *подводы*—въ городъ и въ лѣсъ (въ королев. Гершоновскую пущу и пущу Луцкаго и Берест. римско-католич. епископа, за селомъ Каменицею), но не далѣе; но арендаторы обязаны были зачитывать крестьянамъ эти подводы въ панщину.

Въ смыслѣ *нравственнаго и юридическаго вліянія* арендаторы имѣли власть надъ Козловицкими крестьянами только въ томъ одномъ случаѣ, когда крестьяне рѣшились бы не исполнять по отношенію къ нимъ своихъ прямыхъ обязанностей, т. е. отрекались бы отъ взноса платы и исполненія работы.

Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ вышепомянутые крестьяне подлежали наблюденію и суду магистрата. Всѣ чрезвычайные сборы, какіе были объявляемы на сеймахъ, крестьяне, по старинному обычаю, производили у себя сами и уже полною суммою представляли ихъ магистрату. Помимо всѣхъ своихъ обязанностей къ своимъ арендаторамъ, крестьяне всегда должны были исполнять и слѣдующія небольшія городскія повинности: весною и осенью возить хворостъ на городскую греблю и три раза въ годъ ходить на починки дорогъ и мостовъ.

Оговаривая предъ арендаторами разныя случайныя несчастія, которыя могли бы постигнуть Козловицкихъ крестьянъ, напр. моровое повѣтріе, пожары и т. под., магистратъ включаетъ въ это число и возможность *крестьянскихъ побѣговъ*. Это обстоя-

---

что мужикъ у мужика земли на вѣчность не можетъ купить, слова, которыя въ данномъ случаѣ онъ прямо выдаетъ какъ *слова законодательныя* или *имѣющія полную законодательную силу*: заимствованы ли они изъ юридической, шляхетской практики, установившейся обычаемъ, или же взяты изъ какого либо письменнаго законодательнаго акта? По отношенію къ этой послѣдней мысли слѣдуетъ здѣсь впрочемъ замѣтить, что Требскій, при рѣшеніи тѣхъ или другихъ судебныхъ дѣлъ, довольно часто упоминаетъ и ссылается на «*писанный статутъ земской уставы*». Надо полагать, что вышепомянутыя слова Требскаго именно были заимствованы имъ изъ этого писаннаго статута земской уставы, хотя въ позднѣйшіе (Литовскіе) ,печатные, статуты не вошли. (См. вышепомян. акт. книги за 1539—1541 г.).

тельство, какъ намъ кажется, довольно ярко намекаетъ на то, что жизнь ратушныхъ крестьянъ, подобно тому, какъ и жизнь помѣщичьихъ крестьянъ, въ данную эпоху не отличалась особымъ благоденствіемъ. Въ противномъ случаѣ опасеніе магистрата за бѣгство своихъ крестьянъ было бы совершенно излишнею вещью.

На сколько можно убѣдиться изъ документовъ подъ №№ 81, 83 и 103, то правомъ *пріобрѣтать земли въ вѣчную собственность путемъ покупки* пользовались не одни Берест. ратушные крестьяне, но также и *королевскіе крестьяне* двухъ подберескихъ селъ *Гершоновичъ и Плоской*. Такъ въ первомъ документѣ Лукомскій священникъ продаетъ Гершоновичскому крестьянину свой огородъ въ Берестьѣ *на вѣчныя времена*; во второмъ Берест. мѣщанинъ продаетъ крестьянину того же села *на вѣчность* свою подгородную сѣножать; въ послѣднемъ Берестейскій мѣщанинъ продаетъ крестьянину села Плоской свою землю на *вѣчныя же времена*.

Е) Документы, характеризующіе *нѣкоторыхъ представителей Берестейскихъ судовъ и городской власти*, — подъ №№ 61, 67, 69, 71, 72, 91, 106, 107, 109, 113 и 133).

Приведенные здѣсь документы изображаютъ во-первыхъ въ весьма печальномъ свѣтѣ *ландвойтовско-лавничій судъ*. Поведеніе одного высшаго представителя этого суда, именно ландвойта (къ сожалѣнію изъ мѣщанъ, (№ 71) *Ивана Курьяновича*, представляетъ цѣлый рядъ весьма грустныхъ поступковъ, исторію которыхъ мы рѣшаемся разсказать здѣсь въ краткомъ видѣ.

Берестейскій мѣщанинъ Каплуникъ (№ 72), вошелъ съ жалобою въ ландвойтовскій судъ на мѣщанку скорнячку Ярошовую, которая дѣлала нападенія на его домъ и произносила угрозы на его жизнь. Вышепомянутый ландвойтъ къ разбирательству этого дѣла не пригласилъ ни одного лавника, отказался выслушать свидѣтелей истца и одинъ своею властію постановилъ рѣшеніе, которымъ обвинялся онъ же—истецъ. Когда пленипотентъ послѣдняго хотѣлъ подать аппеляцію на это незаконное рѣшеніе, то Курьяновичъ не допустилъ ея, и кромѣ того объявилъ пленипотенту, чтобы онъ на будущее время никогда не смѣлъ болѣе являться въ его судъ въ качествѣ защитника.

Два почтенныхъ Берестейскіхъ мѣщанина и лавника—Адамъ Козловскій и Иванъ Букріевичъ, весь свой вѣкъ засѣдавшіе въ лавничемъ судѣ, какъ они сами выражаются въ своей жалобѣ (№ 72), были оскорблены и обеславлены Курьяновичемъ и его писаремъ Раповичемъ самымъ жестокимъ образомъ. Во время торжественнаго засѣданія лавничаго суда первый, въ присутствіи разныхъ постороннихъ лицъ — мѣщанъ, шляхты и евреевъ, обругалъ ихъ самыми обидными словами, называя ихъ *бунтовщиками* и сверхъ того велѣлъ ихъ совсѣмъ выгнать изъ засѣданія суда; а послѣдній при ихъ выходѣ, кричалъ имъ вслѣдъ: *такъ васъ бунтовщиковъ не одного выгонятъ изъ суда!*

Берестейскій мѣщанинъ Иванъ Кобылинскій (№ 91), зашелъ разъ въ еврей-

скую пивную; спросилъ себѣ пива и началъ пить. Въ это же время вошелъ туда же и ландвойтъ Курьяновичъ. Первый, изъ почтенія, предложилъ ему вмѣстѣ выпить пива. Но второй выхватилъ свою саблю и началъ угощать предлагателя пива сабельными ударами, отъ которыхъ тотъ едва спасъ жизнь свою бѣгствомъ.

Курьяновичу случилось поселиться (№ 106) подлѣ мѣщанина Андрея Чемерницкаго и онъ принялся оскорблять дочь своего сосѣда, постоянно обзывая ее всякими неблагопристойными словами. Отецъ долго терпѣлъ оскорбленіе, наносимое его дочери; но когда дерзость ландвойта стала выходить изъ всякихъ предѣловъ, онъ обратился на него съ жалобою въ магистратскій судъ. Узнавъ объ этомъ, Курьяновичъ (№ 109) написалъ контръ-протестацію, въ которой оправдываетъ свою брань тѣмъ, что будто бы онъ зналъ дочь своего сосѣда за дѣвицу дурнаго поведенія и которая кромѣ того будто бы поносила бранью его собственную жену.

Въ одно время (№ 107) Курьяновичъ пригласилъ къ себѣ на домъ королевскаго замлемѣра Станислава Чемерницкаго. Когда тотъ пришелъ, онъ принялся ругать его. Гость счелъ своею обязанностію удалиться; но хозяинъ бросился за уходящимъ съ обнаженною саблею, нагналъ его на рынкѣ и здѣсь предъ всѣмъ народомъ избилъ его. Но этимъ мщеніе ландвойта еще не удовлетворилось. Когда избитый зашелъ къ ксендзамъ доминиканамъ, Курьяновичъ явился за нимъ и туда и вновь хотѣлъ подвергнуть его побоямъ; но ксендзы вступились за своего гостя.

Документъ подъ № 71 представляетъ только одинъ случай наказанія этого буйнаго предсѣдателя ландвойтовско-лавничаго суда. У Орловскаго мѣщанина Язвинскаго, проѣздомъ черезъ Берестье, была украдена лошадь. Ему счастливо удалось схватить вора, котораго онъ немедленно и представилъ ландвойту Курьяновичу. Послѣдній, вмѣсто того, чтобы по закону посадить его въ свою ландвойтовскую тюрьму, отослалъ его въ замковую, откуда тотъ ушелъ. Лошадь Язвинскому была возвращена, но чрезъ двоекратное хожденіе по этому дѣлу изъ Орла въ Берестье, онъ понесъ большіе убытки, которые и хотѣлъ взыскать съ вора; но такъ какъ воръ ушелъ по винѣ ландвойта, то онъ и подалъ на послѣдняго жалобу въ бурмистровскій судъ, прося взыскать съ него свои убытки. Помянутый судъ нашелъ жалобу Язвинскаго основательною, почему и присудилъ ему на Курьяновичѣ 100 злотыхъ. Это рѣшеніе послѣдній обжаловалъ предъ королемъ. Король утвердилъ опредѣленіе бурмистровскаго суда, уменьшивъ только сумму 100 зл. на 70.

Въ королевскомъ декретѣ Владислава IV-го, подъ №133, излагается не менѣе печальная исторія, какъ и та, которая описана нами выше, какого-то *крамольнаго лжелавника, по имени Станислава Ясицкаго*, который, помимо всеобщаго избранія, безъ всякихъ заслугъ, человѣкъ новоприбывшій, попалъ въ эту должность какимъ-то непонятнымъ образомъ. Получивши отъ урожденнаго войта какій-то листъ и именуя себя его слугою, онъ сталъ дѣлать въ городѣ вещи невѣроятныя: подъ покровительствомъ и ободре-

ніемъ войта, попирая всѣ права и привилегіи города, отказываясь являться въ бурмистровскій судъ и не обращая никакого вниманія на его постановленія и декреты, Ясицкій сталъ дѣйствовать точно настоящій разбойникъ. Такъ имъ, въ соучастничествѣ съ ландвойтомъ, (изъ сопоставленія времени слѣдуетъ утверждать, что это былъ извѣстный намъ Иванъ Курьяновичъ), немилосердо были избиты засѣдатели войтовско-лавничьяго суда—*мѣщане лавники*. Далѣе Ясицкій сталъ дѣйствовать одинъ. Онъ ворвался въ домъ мѣщанина Яна Здановича и здѣсь жестоко избилъ его жену; мѣщанину Олешкѣ Рымаровичу вырвалъ бороду; у мѣщанина Николая Качичова убилъ ребенка, а самого его засадилъ въ тюрьму, дѣлалъ нападенія на его домъ; многимъ мѣщанамъ, въ томъ числѣ Яну Качинскому дѣлалъ угрозы на жизнь; писарю радецкаго суда Раповичу не позволилъ взять выписи изъ книгъ ландвойтовскаго суда, и т. под. Король Владиславъ IV-й, къ которому бурмистровскій судъ въ настоящемъ случаѣ обратился съ жалобою на крамольнаго лжелавника, рѣшилъ нарядить по этому дѣлу слѣдствіе, для каковой цѣли и отправилъ отъ себя въ Берестье двухъ ксендзовъ.

Документы подъ №№ 61 и 69 заключаютъ въ себѣ двѣ жалобы на незаконныя дѣйствія Берестейскаго городскаго намѣстника Іосифа Сосновскаго. Въ первой изъ нихъ разсказывается слѣдующее: Пинскій мѣщанинъ Матвѣй Стрепковичъ, возвращаясь съ товарами изъ Шлёнской земли, (Слезія), остановился на время въ Берестьѣ. Здѣсь явился къ нему Берестейскій еврей Якубъ Іозефовичъ и сторговалъ у него 600 косъ, обѣщаясь отдать деньги чрезъ нѣсколько дней. Время уходило — еврей косы взялъ, но денегъ не уплачивалъ. Стрепковичъ наконецъ принужденъ былъ обратиться съ жалобою къ вышепомянутому намѣстнику Сосновскому. Послѣдній рѣшилъ дѣло такъ, чтобы по присягѣ истца въ томъ, что дѣйствительно имъ проданы 600 косъ, покупщикъ еврей немедленно, не сходя съ суда, уплатилъ ему должную сумму. Истецъ присягнулъ; но въ это время намѣстникъ, подкупленный евреемъ, перемѣнилъ свое прежнее рѣшеніе на новое — такого рода, чтобы еврей расчитался съ истцомъ чрезъ десять дней. Чрезъ такое незаконное и подкупное рѣшеніе намѣстника, истецъ, какъ заявляетъ самъ въ своей жалобѣ, долженъ былъ понести большіе убытки, такъ какъ имъ замедлялось его возвращеніе въ Пинскъ, гдѣ онъ долженъ былъ произвести срочные расчеты съ своими кредиторами. Въ виду всего этого онъ обѣщаетъ судиться съ намѣстникомъ и взыскивать съ него всѣ убытки, какіе онъ понесъ теперь и какіе еще болѣе предстоитъ ему потерпѣть въ будущемъ.

Во второй жалобѣ (подъ № 69) передается, какъ этотъ же намѣстникъ, явно покровительствуя евреямъ, отказался принять отъ Копыскаго мѣщанина Андрея Корниловича жалобы на Берестейскихъ евреевъ, которые не приняли отъ него королевскаго упоминальнаго листа, касающагося неисполненія ими долговыхъ къ нему обязательствъ.

Въ документѣ подъ № 113 находятся довольно любопытныя данныя касательно того, *какъ Берестейскій гродскій писарь Сигизмундъ Онихимовскій обращался съ своими крестьянами.* Лидскій чашникъ Гиларій Чижъ дѣлаетъ въ магистратскій судъ слѣдующее заявленіе, что вышепомянутый городской писарь заставилъ ему восемь крестьянскихъ семействъ своего села Мазичъ въ Берестейскомъ повѣтѣ. Но послѣ этой заставы, онъ сталъ обращаться съ этими крестьянами такъ, какъ будто они живутъ у него на прежнихъ условіяхъ, т. е. сталъ принуждать ихъ къ работамъ для себя, требовать отъ нихъ подводъ и т. под. Своими притѣсненіями и грабежами онъ довелъ помянутыхъ крестьянъ до того, что одинъ изъ нихъ, по имени Левонъ, не имѣя болѣе силъ вынести такого гнета, бѣжалъ неизвѣстно куда со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ. По поводу этого печальнаго случая и другіе крестьяне объявили Чижу, что если ихъ все также будетъ притѣснять ихъ панъ Онихимовскій, то и они вынуждены будутъ нехотя послѣдовать примѣру своего товарища и разойтись въ разныя стороны.

Ж) Документы изображающіе *нѣкоторыя частныя стороны жизни Берестейскихъ мѣщанъ*—подъ №№ 16, 27, 52, 54, 74, 85, 116, 118, 120, 121 и 154.

Въ документѣ подъ № 16 мы встрѣчаемъ указаніе, что иногда мѣщане при взаимныхъ ссорахъ прибѣгали *къ вызову на дуель*. Въ актѣ приводятся конституція коронацыйнаго Краковскаго сейма 1588 года *о дуеляхъ* и 14-й артикулъ 11-го раздѣла Литовскаго Статута, возбраняющіе дуели.

Въ документѣ подъ № 27 приведенъ любопытный случай продажи Берестейскимъ мѣщаниномъ *своей женѣ* огорода въ г. Берестьѣ—съ тѣмъ условіемъ, чтобы покупщица во-первыхъ *выплатила всѣ долги*, которые были имъ сдѣланы до настоящей продажи, а во-вторыхъ *кормила его до смерти*, ничѣмъ его не обижая; въ случаѣ, если покупщица умретъ прежде его, то обязательство это должны исполнять ея родственники и наслѣдники.

Подъ № 52 находится любопытный перечень вещей, составлявшихъ *приданое Берестейской мѣщанки — невѣсты*. Здѣсь достаточно сказать, что приданое это, сравнительно, было довольно и богато и разнообразно. Самая цѣнная вещь въ немъ—это *серебреный поясъ*—стоимостью въ 30 лит. копъ.

Документы подъ №№ 85 и 116 любопытны по противоположности своего содержанія. Первый изъ нихъ содержитъ въ себѣ жалобу Берестейскаго мѣщанина - мужа на *распутную жену*, которая дошла до такого униженія, что стала открыто гулять по улицамъ; а второй—жалобу мѣщанки - жены на *горькаго пьяницы мужа*, который грабитъ ее, насильно забираетъ всѣ вещи ея приданаго (здѣсь поименовано нѣсколько такихъ вещей, между ними особенно цѣнныя—*вызолоченный серебреный поясъ*—въ 10 копъ, а другой *простой серебреный поясъ*— въ 6 копъ, два *золотыхъ перстня* — каждый въ два червоныхъ) *и пропиваетъ ихъ;* въ концѣ всего онъ грозитъ ее искалѣчить и самъ уйти.

Документы подъ №№ 118, 120 и 121 касаются одного дѣла — *вскрытія и прочтенія* золотыхъ дѣлъ мастеромъ Ганусомъ Митнахтомъ, *аріаниномъ* по религіи, *писемъ*, принадлежащихъ мѣщанину Симену Сапальскому. Любопытны здѣсь гаданія Сапальскаго: что именно могло побудить Митнахта къ такому поступку, строго возбраненному закономъ? Сапальскій думаетъ, что Митнахъ, «какъ непріятель Божаго костела и святой католической вѣры», по всему вѣроятію рѣшился на это съ тою цѣлью, чтобы узнать: «не касаются ли католили въ своихъ письмахъ другъ къ другу ихъ еретической вѣры, чтобы не держать ихъ (аріанъ) въ своей средѣ, не сообщаться съ ними, не допускать ни до какого суда, равно какъ и въ цехи не принимать?» Магистратскій судъ, гдѣ это дѣло разбиралось, нашелъ Митнахта виновнымъ и потому обязалъ его сдѣлать на свой счетъ окно въ новой ратушѣ, извиниться предъ Сапальскимъ и заплатить судебныя издержки.

Изъ документа подъ № 74 мы убѣждаемся, что вѣра въ *колдовство* или *чародѣйство* у Берестейскихъ мѣщанъ въ первой половинѣ XVII столѣтія была еще до того сильна, что по этому вопросу могли возникать серьезные процессы, доходящіе даже до короля. Въ настоящемъ случаѣ мѣщанинъ Станиставъ Матысовичъ ведетъ процессъ съ своимъ адвокатомъ шляхтичемъ Брезницкимъ, который, по убѣжденію истца, слабо обвинялъ въ судѣ мѣщанку скорнячку Ярошовую, *зачаровавшую его дочь,* и оттого процессъ его съ чаровницею былъ проигранъ. Когда магистратъ оправдалъ дѣйствія Брезницкаго, Матысовичъ подалъ на это рѣшеніе аппеляцію въ королевскій судъ.

Подъ № 154 соединенный бурмистровско-радецкій и войтовско-лавничій судъ судитъ *двухъ воровъ-крестьянъ* съ употребленіемъ для дознанія ихъ *пытокъ*.

IV.

Акты Кобринской магдебургіи.

Городъ Кобринь получилъ *магдебургское право* въ 1589 году, при королѣ Сигизмундѣ III. Чрезъ 177 лѣтъ, а именно въ 1766 году, право это было имъ потеряно вслѣдствіе совершеннаго его упадка. Упадокъ же этотъ, главнымъ образомъ, произошелъ отъ нападенія и разоренія его Шведами въ 1655 году, отъ моровато повѣтрія, погубившаго великое множество его жителей, и наконецъ отъ опустошительнаго пожара, что все случилось въ одномъ и томъ же 1711 году.

Обращаясь отсюда къ разсмотрѣнію актовъ Кобринской магдебургіи, напечатанныхъ въ настоящемъ VI томѣ, мы считаемъ необходимымъ предварительно замѣтить, что все сказанное нами въ видѣ общихъ замѣчаній о происхожденіи, составѣ и другихъ отличіяхъ Берестейскихъ бурмистровско-радецкаго и ландвойтовско-лавничьяго судовъ, необходимо отнести и къ разсматриваемой Кобринской магдебургіи, съ слѣдующими лишь небольшими отличіями: здѣсь дѣйствуетъ только *одинъ бургомистръ*, а

тамъ — *два;* здѣсь, повидимому, совсѣмъ нѣтъ раздѣленія между бурмистровско-радецкимъ и ландвойтовско-лавничьимъ судами: при всѣхъ совѣщаніяхъ и судебныхъ рѣшеніяхъ они постоянно дѣйствуютъ здѣсь *вмѣстѣ — какъ одинъ нераздѣльный судъ*, и при томъ всегда подъ *главенствомъ ландвойта* или что тоже — *войта;* тамъ же — въ Берестейскихъ судахъ, какъ мы видѣли, напротивъ, оба суда постоянно дѣйствуютъ *отдѣльно* и только въ немногихъ, важныхъ, случаяхъ, болѣе или менѣе касающихся цѣлаго города, соединяются *въ одинъ общій судъ,* и при томъ всегда *подъ главенствомъ бургомистровъ*.

Изъ 40-ка документовъ, выбранныхъ изъ книгъ Кобринской магдебургіи и здѣсь напечатанныхъ, большая часть, а именно 27 посредственно или непосредственно относятся *къ церковному вопросу*. Церкви и монастыри, которыхъ касаются этого рода акты, слѣдующіе: *Антопольскій монастырь* (№ 32), *Берестейскій Петро-Павловскій монастырь* (№ 3), *Гарбанская церковь* (№ 8), *Здитовская* или *Здитовецкая церковь* (№№ 4, 7, 18, 26 и 27), *Кобринская церковь въ имя св. мученика Николая* (№№ 8 и 36), *Кобринская церковь во имя Рождества Богородицы* (№ 16), *Кобринскій Спасскій монастырь* (№№ 2, 17, 19, 28, 33, 34, 35, 39 и 40), *Лепесовскій монастырь* (№№ 8, 29, 30, 38 и 39), *Рогожская Троицкая церковь* (№ 6), *Хабовичская церковь* (№ 5), *Чаповичская церковь* (№ 1). Здѣсь мы считаемъ излишнимъ входить въ подробное разсмотрѣніе каждаго порознь изъ показанныхъ здѣсь церковныхъ документовъ. Замѣтимъ только, что они всѣ, за исключеніемъ первыхъ трехъ, относятся къ позднѣйшему времени, т. е. къ началу и вообще къ первой половинѣ XVIII столѣтія. По большей части они состоятъ изъ фундушей, записанныхъ разными лицами — съ цѣлію поддержать обѣднѣвшія уніятскія церкви. Значительная часть ихъ касается также борьбы духовенства за церковную поземельную собственность со шляхтою и дворянствомъ, старавшихся въ данную эпоху всѣми мѣрами расхищать ее. Это особенно необходимо замѣтить относительно затруднительнаго положенія Кобринскаго (базиліянскаго) Спасскаго монастыря.

Изъ всѣхъ приведенныхъ и объясненныхъ здѣсь церковныхъ документовъ заслуживаетъ особаго вниманія актъ подъ № 2. Онъ заключаетъ въ себѣ *инвентарное описаніе*, на русскомъ языкѣ, Кобринскаго Спасскаго монастыря, составленное по приказанію королевы Боны, дворяниномъ Семеномъ Есковичемъ Пришихвостскимъ въ 1549 году.

Описаніе это произведено по слѣдующимъ, исчисленнымъ въ актѣ, рубрикамъ:

«Списаніе скарбу церкви святого Спаса». Тутъ перечисляются — надпрестольная утварь и церковное облаченіе. Какъ на особенно цѣнныя вещи, здѣсь можно указать на оправленное въ серебро и позолоченное евангеліе, серебреный позолоченный крестъ, серебреную чашу, камчатныя и атласныя ризы и т. под.

«Попись образовъ въ церкви св. Спаса». Замѣчательно здѣсь то обстоятельство,

что между образами Христа Спасителя и Божіей Матери, въ разныхъ видахъ украшавшихъ иконостасъ, не упоминается ни одной иконы святыхъ или угодниковъ Божіихъ. Изъ драгоцѣнныхъ украшеній иконъ здѣсь все говорится *гривнахъ серебра*, изъ коихъ однѣ были *великія, малыя, витыя и плоскія*, иныя *съ драгоцѣннымъ камнемъ*. На нѣкоторыхъ иконахъ такихъ гривенъ было по *двѣ и болѣе*. Многіе образа были писаны на *золотѣ*, т. е. на золотомъ фонѣ. Посреди церкви висѣло *мѣдное* (мосяжовое) *паникадило* о девяти свѣчникахъ. Предъ иконостасомъ стояли четыре *деревянныхъ вызолоченныхъ подсвѣчника*.

«*А на хорахъ книги церковные*». Здѣсь перечисляются: въ серебро оправленное учительское евангеліе, двѣ тріоди, два октоиха, минеи «на всѣ дванадцать мѣсяцей новоприбавлены», два пролога, требникъ, апостолъ, уставъ и служебникъ. Всѣ эти книги были, большею частью, какъ замѣчено въ самомъ описаніи, въ *десть* величиною. Особая драгоцѣнность ихъ, конечно, заключалась въ томъ, что это, безъ всякаго сомнѣнія, были все книги *рукописныя*, и иныя можетъ быть древняго происхожденія, Октоихъ и Тріоди, можетъ быть,Краковской печати 1491 г. и, такъ какъ въ то время типографское искусство едва начинало заводиться *).

«*Въ предѣлѣ Воскресенія Господня*» перечисляются опять иконы и утварь, употребляемая на престолѣ и жертвенникѣ; тутъ же замѣчается, что на колокольнѣ четыре колокола, а одинъ звонокъ въ церкви.

«*У свирни*» оказались: „два камни сала, двое гусей, колбасъ и кадка капусты».

„*Попись пашни гумна архимандрицкого*». Идетъ перечень количества разнаго зерноваго хлѣба и монастырскаго скота.

«*Попись людей церковныхъ, съ повинностями и службою ихъ*». *Село Кустовичи*. Крестьяне его обязаны были въ году: въ недѣлю три дня косить, а четвертый сыпать греблю (на нововырываемомъ прудѣ), давать подводу, платить подати 23 гроша. *Село Брилево*. Крестьяне его исправляютъ работу въ субботній день, ходятъ на толоки на монастырскомъ хлѣбѣ, роютъ прудъ («ставъ ставятъ») наравнѣ съ Кустовичанами; одинъ крестьянинъ даетъ два сака меду. На монастырскія постройки ходятъ всѣ. *Село Корчицы*. Крестьяне платятъ: 45 грошей за вепра, 8 грошей дани, 8 саковъ меду, колоду овса, двухъ куръ, 8 повисемъ прядива, два сака хмѣлю, сукно и еще какія-то неизвѣстныя дани — *бойтлни и азовы*.

Касательно повинностей и даней, здѣсь описанныхъ, вообще необходимо замѣтить, что касательно ихъ въ инвентарномъ описаніи сказано *очень смутно и неясно*, вѣроятно сами монахи не могли дать его составителю на этотъ счетъ ясныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній.

---

*) Первая русская типографія основана въ Вильнѣ въ 1525 году Виленскимъ мѣщаниномъ — бургомистромъ Бабичемъ, который въ этомъ же году напечаталъ въ ней *кириллицей Апостолъ*— въ форматѣ малой октавы.

Этими замѣчаніями мы и покончимъ съ церковными документами.

Изъ остальныхъ актовъ особенное вниманіе обращаютъ на тебя слѣдующіе:

Въ актахъ Беретейской магдебургіи мы въ одномъ мѣстѣ (№ 74) замѣтили, что Берестейскіе жители въ первой полсвинѣ XVII столѣтія проявляли сильную вѣру въ *колдовство*, или какъ это говорится въ актахъ—*въ чары, въ зачарованіе*. Документъ подъ № 11 (1700 г.) заставляетъ насъ отдать въ этомъ отношеніи преимущество Кобринцамъ, которые изъ-за этого вѣрованія привлекали людей въ судъ позднѣе полстолѣтіемъ, причемъ уличенные въ этомъ несчастномъ искусствѣ, были довольно строго наказываемы судомъ. Дѣло въслѣдующемъ. У дѣвицы Маріанны, дочери Кобринскаго мѣщанина Яна Герича возродилось желаніе къ замужеству Какъ бы въ отвѣтъ на это ея желаніе явилась къ ней *чародѣйка*, Кобринская же мѣщанка Апполонія Кушелевна Павловичовая, перенявшая, какъ сама показала впослѣдствіи, свое искусство отъ Чарнавчицкой мѣщанки кузнечихи Барановской. Въ русскую пасхальную ночь Апполонія пришла къ Маріаннѣ и принесла съ собою какіе-то *древесные вѣточки* и *цвѣточки*. Объяснивъ, безъ сомнѣнія, таинственную силу этого зелья, она предложила Маріаннѣ умыться водою отъ этого состава въ пасхальное утро предъ солнечнымъ восходомъ, что тою и было исполнено. Послѣ этого чаровница, забравъ свое зелье, въ одной рубахѣ поспѣшила съ ними къ сосѣднему дому мѣщанина Онуфрія Сацевича, у котораго былъ братъ—молодой парень, съ тѣмъ, чтобы не опоздать закопать его здѣсь въ землю предъ солнечнымъ же восходомъ, чтобы такимъ образомъ оно не потеряло своей таинственной силы и молодецъ былъ пойманъ... Но въ то самое время, когда она, уже зарывъ свой таинственный кладъ подъ хлѣвомъ сосѣда, готовилась уйти, послѣдній, къ великому ея несчастію, поймалъ ее на самомъ мѣстѣ преступленія. Онъ сталъ разрывать землю, и, къ ужасу своему, нашелъ здѣсь уже не одни *древесные вѣточки и цвѣточки*, но также *какія-то кости—одну большую, а другія маленькія*... Преступница немедленно съ поличнымъ была отправлена въ тюрьму. Въ тюрьмѣ, при производствѣ слѣдствія по этому дѣлу, ее подвергли *двоекратнымъ пыткамъ*, но она рѣшительно отказалась отъ *костей*... На засѣданіи суда это дѣло было рѣшено такъ: такъ какъ Апполонія не почтила столь великаго праздника, какъ св. Пасха, то должна *вылежать крыжемъ* (крестообразно распостершись на полу) *всю, обѣдню въ Пречистенской церкви;* а за то, что ею нанесено оскорбленіе дому Сацевича чрезъ закапываніе подъ его хлѣвомъ ея зельевъ, *подвергнуть ее 50 ударамъ постронками, публично, предъ ратушею*. Что же касается отца Маріанны Яна Герича, то, за все случившееся въ его домѣ, онъ долженъ дать въ церковь *два фунта воску и насучить изъ него свѣчей*.

Документы подъ №№ 14, 23 и 25 объясняютъ намъ, какъ уже въ довольно позднее время, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, еще крайне строго были судимы въ Кобринѣ

такъ называемыя преступленія *лишенія и потери женской чести.* Въ виду особой важности этого рода преступленій и въ современномъ уголовномъ судопроизводствѣ, мы рѣшаемся здѣсь подробно передать содержаніе вышепомянутыхъ актовъ.

Въ первомъ изъ нихъ (№ 14) разсказывается, какъ Кобринскій мѣщанинъ, б. радца, Самуилъ Ярмоховичъ, послѣ нѣсколькихъ подозрительныхъ встрѣчъ мѣщанина-Яна Яцевича съ своею женою, уличилъ ихъ *въ прелюбодѣйной связи*, и уличивъ, предалъ ихъ суду. Впрочемъ, на судебномъ разбирательствѣ этого дѣла онъ объявилъ, что лично отъ себя онъ прощаетъ (nie instygował) обоихъ, жену — въ надеждѣ на ея исправленіе, а послѣдняго предоставляетъ суду судить по собственному благо-усмотрѣнію. Но при этомъ выступилъ предъ судомъ братъ обвиненной — мѣщанинъ Янъ Гордѣевичъ и объявилъ, что мужъ воленъ прощать свою преступную жену, но онъ — братъ не можетъ равнодушно смотрѣть на дурное поведеніе своей сестры, хотя бы это касалось простаго неповиновенія ея мужу, и потому настаиваетъ, чтобы вина ея была разсмотрена предъ судомъ самымъ тщательнымъ образомъ. Судъ, по разобраніи этого дѣла, нашелъ жалобу Ярмоховича основательною и потому постановилъ такое рѣшеніе: Яцевича по праву надлежало бы казнить смертію; но принимая во вниманіе, что обиженный мужъ лично его не преслѣдуетъ (że instygatora nie masz) и уважая въ немъ образъ Божій, присуждаетъ *подвергнуть его публично, предъ ратушею, 100 ударамъ постронками.* А за тѣмъ, если онъ хоть кѣмъ либо будетъ уличенъ, *въ тайномъ или явномъ свиданіи, или въ одномъ простомъ разговорѣ* съ обольщенною имъ женою, *то будетъ казненъ смертію.* Отецъ его съ своими сыновьями долженъ поручиться за него, что имъ никому не будетъ учинено *мести* по настоящему дѣлу. Что же касаетси другой участницы преступленія — жены Ярмоховича, то, во-первыхъ принимая во вниманіе совершенное прощеніе ея мужа, во-вторыхъ болѣзнь его физической неспособности, и, наконецъ, въ третьихъ, просьбу и поручительство ея брата за ея будущее благонравіе, судъ освобождаетъ ее отъ публичнаго наказанія постромками; но взамѣнъ этого она должна понести меньшее наказаніе: *выстоять три дня при ратушѣ въ кунѣ* (т. е. въ желѣзномъ *ошейникѣ*, прикованномъ къ стѣнѣ), а затѣмъ—*въ продолженіи четырехъ недѣль вылежать въ четырехъ церквахъ крижемъ во время обѣдни.* А буде и послѣ этого она дозволитъ себѣ тайное или явное свиданіе съ Яцевичемъ и станетъ продолжать распутную жизнь съ нимъ или кѣмъ либо другимъ,— *то будетъ также казнена смертію.*

Во второмъ документѣ (№ 23) разсказывается, что дѣвица Ульяна Романовна, королев. крестьянка изъ с. Столповъ, уже разъ была посажена въ тюрьму *на полугодичный срокъ* по рѣшенію Кобринскаго магистрата за свои любовныя отношенія къ двумъ крестьянскимъ парнямъ, еще въ то время, когда жила въ мѣстечкѣ Глубокомъ, въ услуженіи у одной еврейки. Въ настоящее время, продолжая жить у той же еврейки, дѣвица Ульяна забеременѣла; замѣтивъ это, еврейка ее отпустила отъ себя за недѣли три-

до родовъ. Ульяна отправилась къ своимъ роднымъ въ село Столбы, но здѣсь ее не приняли. Случилось, что въ эту же деревню пріѣхалъ Кобринскій кузнецъ съ своею женою Евою Гребеничкою. Ульяна пристала къ нимъ и вмѣстѣ съ ними же прибыла въ г. Кобринь, гдѣ временно остановилась въ ихъ же домѣ. Въ первую же ночь она родила здѣсь сына, котораго тутъ же задушила, вынесла въ огородъ и закопала въ землю. Судъ, во вниманіе къ тому обстоятельству, что за начало настоящаго своего преступленія Ульяна уже высидѣла полгода въ тюрьмѣ, освобождаетъ ее отъ смертной казни, которую она заслужила; но за то присуждаетъ *дать ей публично* 300 *ударовъ розгами*, *привязавши ее къ столбу* а за тѣмъ немедленно, тутъ же съ мѣста наказанія, *выгнать ее изъ города*. При чемъ объявляется, что 10 копъ штрафу заплатитъ въ судъ всякій—будетъ ли то христіанинъ или еврей, кто приметъ ее подъ свой кровъ или какимъ нибудь инымъ образомъ окажетъ ей свою помощь и вниманіе. А если и послѣ этого дойдутъ до суда достовѣрные слухи о продолженіи ею своего прежняго порочнаго образа жизни, то она будетъ казнена смертію. Что же за тѣмъ касается Евы Гребенички, которая знала о положеніи Ульяны и не услѣдила за нею, то она будетъ привлечена къ отвѣтственности впослѣдствіи, такъ какъ въ данное время сама ходитъ беременною.

Въ третьемъ документѣ (№ 25) излагается подобная же печальная исторія съ Кобринскою мѣщанкою дѣвицею Мариною Давидовною, которая, родивъ незаконнымъ образомъ мертваго ребенка, закопала его въ землю, откуда вырыли его свиньи и съѣли. На предварительномъ слѣдствіи и на судѣ Марина показала, что ее изнасиловалъ Кобринскій мѣщанинъ Ѳедоръ Ягнюковичъ въ то время, когда они вмѣстѣ ѣхали на ярмарку въ Ковнятычи. Но такого показанія она ничѣмъ не могла подтвердить, потому что въ свое время ни кому и ни чѣмъ не заявила о лишеніи своей чести. Изъ этого обстоятельства судъ убѣдился, что пріобрѣтеніе ею ребенка произошло добровольно, и на этомъ основаніи присуждаетъ ее *къ тому же тяжкому наказанію*, какое описано въ предыдущемъ актѣ для дѣвицы Ульяны. Сестра же Марины—Софья, въ домѣ которой произошло незаконное рожденіе, подвергается *публично 50-ти ударамъ постронками* за то, что не дослѣдила за нею. Что же касается Ягнюковича, то, хотя вина его не доказана, но такъ какъ именно ему приписано Мариною лишеніе ея чести, онъ долженъ въ срѣтенскій праздникъ *всенародно пролежать крижемъ всю обѣдню въ Пречистенской церкви*, а на Николаевскую церковь *дать два фунта воску*.

Документы подъ №№ 20 и 21 касаются двухъ Кобринскихъ цеховъ — *порτнижскаго и скорняжскаго*. Замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что между Берестейскими цехами послѣдній, на основаніи королевскихъ привилегій (№ 9, стр. 250) игралъ первую роль; здѣсь же онъ является въ совершенномъ подчиненіи и зависимости отъ перваго. Въ обоихъ документахъ излагается рядъ насилій, оскорбленій и истязаній, которымъ подвергся скорняжскій цеховой старшина Токаревичъ отъ такого же цехо-

ваго старшины портняжскаго цеха, б. бургомистра, Андрея Яхимовича, по поводу противорѣчія перваго послѣднему на актѣ избранія новаго бургомистра.

Въ двухъ документахъ подъ №№ 22 и 24, касающихся Кобринскихъ евреевъ, идетъ дѣло—въ первомъ *объ убійствѣ въ еврейскомъ домѣ королевскаго крестьянина*, смерть котораго народная молва приписала евреямъ же, а во второмъ — о *займѣ кагаломъ суммы въ 1,000 злотыхъ на имя простаго еврея*, котораго за эту услугу кагалъ освобождаетъ вмѣстѣ съ его семействомъ отъ государственныхъ податей. Весьма кажется непонятнымъ въ послѣднемъ случаѣ, почему кагалъ прибѣгалъ къ такой сложной комбинаціи? Не проще ли было бы самому кагалу дѣлать заемъ на свое собственное имя? Очевидно, что тутъ скрывался какой нибудь свой дальній расчетъ кагала въ родѣ желанія въ свое время уклониться отъ уплаты этого долга...

Въ документѣ подъ № 10 передается любопытная исторія о томъ, какъ Кобринскій мѣщанинъ — купецъ Токаревичъ *былъ обкраденъ* на Ловической ярмаркѣ *Бѣльскимъ войтомъ*, тоже мѣщаниномъ — купцомъ, Гавріиломъ Дмитровичемъ; какъ послѣдній былъ пойманъ первымъ на мѣстѣ преступленія и извинялся тѣмъ, что «діаволъ привелъ его къ коробкѣ съ чужими деньгами», обѣщаясь немедленно возвратить ему недостающее число талеровъ; какъ онъ послѣ бѣжалъ изъ города, не смотря на оказанное ему великодушіе пострадавшимъ, который, уступая просьбѣ другихъ купцовъ — *не срамить купечества*, первоначально вовсе не хотѣлъ этого дѣла переносить въ судъ, лишь бы ему была возвращена похищенная часть денегъ. Когда же это дѣло, наконецъ, перешло въ судъ, то послѣдній, основываясь на томъ обстоятельствѣ, что обжалованный Дмитровичъ отказался явиться на судебное разбирательство, присудилъ Токаревичу: взыскать на имуществѣ вора всѣ его убытки, а самого его искать и ловить для поступленія съ нимъ по закону.

Документъ—№ 9 представляетъ случай, гдѣ *цыгане* во взаимныхъ ссорахъ и обидахъ прибѣгали подъ покровительство и защиту *законнаго суда*.

Изъ документовъ подъ №№ 31 и 37 обнаруживается—во что оцѣнивались въ первой половинѣ XVIII столѣтія *продаваемые панами крестьяне*. Такъ въ первомъ случаѣ мостовничій Берестейскаго воеводства Непокойчицкій, вмѣстѣ съ своею женою, продаютъ на вѣчныя времена двухъ своихъ «*выростковъ*» крестьянъ за 200 тынфовъ Яхимовичамъ. Во второмъ же подсудковичъ того же воеводства Леонъ Махвицъ продаетъ за 1,000 злотыхъ крестьянское семейство, состоящее изъ 5-ти душъ, со всѣмъ его движимымъ имуществомъ Задерновскому, также на вѣчныя времена.

V.

Акты Каменецкой магдебургіи.

Выборъ актовъ изъ книгъ Каменецкой магдебургіи оказался крайне скуднымъ. Но и тѣ семь актовъ, которые напечатаны въ настоящемъ VI томѣ, относятся къ времени позднѣйшему, т. е. къ первой половинѣ XVIII столѣтія. Четыре изъ нихъ касаются фундушовыхъ записей, данныхъ церквамъ—*Пашуцкой* (№ 3), *Еленской* (№№ 4 и 6) и *Христо-Рождественской въ м. Каменцѣ* (№ 5). Изъ записей этихъ болѣе интересна подъ № 3, гдѣ фундаторъ, Клепацкій староста, Александръ Гедеонъ Тышковскій даетъ презенту на церковь сыну настоящаго своего священника, съ обѣщаніемъ *изъять какъ лично его самого, такъ и все будущее его потомство изъ своего подданства и инвентаря* (т. е. *изъ крѣпостныхъ сдѣлать свободными*). Изъ остальныхъ же документовъ въ № 1 дѣлается заявленіе о погорѣніи въ 1724 г. Луцкаго каѳедральнаго костела со всѣми церковными записями; въ № 2 Каменецкій Семеновскій священникъ, распредѣляя по духовному завѣщанію имущество свое между своими дѣтьми, отчисляетъ *30 тынфовъ на колокольчикъ Семеновской церковной бани;* въ № 7 помѣщикъ Выгановскій протестуетъ противъ другого помѣщика Сузина, которой вмѣстѣ съ своими крестьянами дѣлаетъ нападенія на его земли.

Къ Каменецкимъ дѣламъ относятся еще шесть документовъ 1589 года, напечатанные въ отдѣлѣ Берестейскихъ поточныхъ актовъ, подъ слѣдующими №№ 21, 23, 35, 41 и 56. Изъ нихъ два — первый и послѣдній касаются Каменецкаго Семеновскаго священника Леонтія Мартиновича, который понесъ двойную обиду — отъ магистрата, который отнялъ у него домъ, и отъ Берестейскаго и Владимірскаго владыки, который лишилъ его Семеновскаго прихода по проискамъ одной части Каменецкихъ мѣщанъ; владыка далъ ему листъ на новую Берестейскую Воскресенскую церковь, но здѣсь не приняли его прихожане—мѣщане. Въ № 28 излагается жалоба Каменецкой мѣщанки Авдотьи — поповны Семеновской на Каменецкаго ландвойта, бургомистровъ и лавниковъ, которые постановили несправедливое рѣшеніе отнять у ней домъ; когда она не соглашалась уступить своего дома добровольно, они вломились къ ней силою, вывели ее на дворъ и жестоко избили, а имущество ея разграбили. Въ №№ 35 и 41 идетъ дѣло о томъ, что двое Каменецкихъ мѣщанъ убили въ Каменцѣ одного крестьянина, а другаго жестоко избили; крестьяне принадлежали помѣщицѣ Костюшковой.

Къ Каменецкимъ же дѣламъ относятся и слѣдующіе три документа подъ №№ 127, 128 и 129, явленные въ книгахъ Берестейскаго магистрата. Въ первомъ изъ нихъ излагается печальная исторія цѣлаго ряда оскорбленій и истязаній, которымъ подвергалъ свою мать и брата Каменецкій бургомистръ, а впослѣдствіи войтъ—Николай Ка-

шубичъ. Во второмъ король Владиславъ IV подъ зарукою 900 злотыхъ напоминаетъ Каменецкому магистрату не дѣлать потворства вышепомянутому бургомистру Кашубичу при уклоненіи его удовлетворить претензіи мѣщанина Троцевича, такъ какъ, по жалобѣ ксендза, страдаетъ чрезъ это и частный интересъ мѣстнаго костела. Въ послѣднемъ же излагается горькая жалоба трехъ бывшихъ Каменецкихъ ландвойтовъ, двухъ бургомистровъ и другихъ лицъ на Кашубича же, который въ дѣлѣ мѣщанина Остафіевича съ помянутымъ Троцевичемъ дѣлалъ явное потворство первому и откладывалъ каждый разъ срокъ присяги, назначенный судомъ для послѣдняго, не пускалъ на судебное засѣданіе радцевъ и писаря и ни во что ставилъ; напоминальный листъ, посланый ему Владиславомъ IV-мъ.

Кончая этимъ наши замѣчанія о Каменецкихъ актахъ, мы должны здѣсь прибавить, что въ разсматриваемомъ нами VI томѣ разсѣяно еще нѣсколько небезинтересныхъ документовъ, которые еще не вошли въ наше обозрѣніе и относятся къ мѣщанамъ слѣдующихъ городовъ. Такъ подъ № 33, стр. 49, *Замостскіе мѣщане* ведутъ споръ съ Берестейскою таможнею: *объязаны ли они платить старое мыто съ комягъ или нѣтъ?* Подъ №№ 33, 41 и 77 (Берестейской магдебургіи) *Ломазскіе мѣщане* жалуются на *явное неправосудіе* своего войта—шляхтича Мартина Семятковскаго. Подъ № 12, (стр. 18, 1589 г.) *Милейчицкіе мѣщане* отказываются платить *чиншовую повинность;* а подъ №№ 44 и 54 (поточные акты, 1589 г.) жалуются на королевскихъ мытниковъ — *евреевъ* Ломазской и Володавской таможенъ, которые дѣлаютъ имъ *великія несправедливости* при провозѣ ими своихъ товаровъ чрезъ помянутыя таможни. Подъ № 21, (стр. 269 (1635 г.) встрѣчается указаніе, что въ *Пинскомъ вѣсѣ* вѣсовая единица *камень* равнялась *36 фунтамъ.* Подъ № 63, стр. 330, король Владиславъ IV *даритъ* коронному стольнику Гембицкому движимое и недвижимое имущество *Торунскаго мѣщанина радцы*, которое перешло въ королевскую собственность по *кадуковому* (выморочному) *праву*, при чемъ предписываетъ Берестейскимъ купцамъ, чтобы они поспѣшили уплатить новому донатаріушу то, что они были должны покойнику. Наконецъ, подъ № 13, стр. 19 (1589 г.) *Яновицкіе мѣщане* отказываются платить въ королевскій скарбъ *старое мыто съ воска, соли и скота.*

Кончая на этомъ наше предисловіе къ настоящему VI тому актовъ, мы считаемъ необходимымъ присовокупить здѣсь, что въ настоящее время Виленская Археографическая Коммиссія уже приступила къ печатанію VII-го тома своихъ трудовъ, состоящаго изъ актовъ *Городненскаго гродскаго суда.* Единовременно съ этимъ томомъ актовъ Коммиссія печатаетъ *писцовую книгу древняго Пинскаго староства*, составлен-

ную въ 1566 году королевскимъ ревизоромъ *Лавриномъ Войною.* Книга эта выйдетъ единовременно въ двухъ частяхъ, изъ коихъ первая *уже напечатана*, а печатаніе второй продолжается. Подлинный — *польскій текстъ* настоящей книги печатается *съ русскимъ переводомъ.* Къ обѣимъ частямъ будетъ приложенъ *алфавитный указатель.*

Иванъ Спрогисъ.

I.

АКТЫ БРЕСТСКАГО ГОРОДСКАГО СУДА.

(поточныя).

1564 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 1714—1720.

1. Замѣна двухъ фольварковъ, причисленныхъ къ королевскимъ имѣніямъ, на село Мокраны, данное Михаилу Рощицу-Збирожскому.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Декабря 8 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ — подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ панъ Олексѣй Рожчичъ-Збирозскій покладалъ листъ короля его милости Жикгимонта Августа и листъ другій увежчій въ справѣ своей, просечи, абы, для сгубы и всякое речи пригодное, до книгъ кгродскихъ уписаны были, въ чомъ бачачи речь и просьбу его слушную, тые листы помененые, на врадѣ покладаные, его королевское милости и другій увежчій въ книги кгродскіе Берестейскіе уписаны есть, (которые вписуючи до книгъ) въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маютъ:

Жикгимонтъ Августъ, Божою милостью король Польскій, и проч. Подканцлерому в. кн. Литовского, маршалку дворному, старостѣ Берестейскому и Кобринскому, пану Остафью Воловичу, и на потомъ будучимъ старостамъ Берестейскимъ. Што которые два дворцы земенина повѣту Берестейского Михна Рожчича, на име Збирозскій и Кгершоновицкій, въ повѣтѣ Берестейскомъ лежачіе, зъ людьми и зо всимъ, яко се въ собѣ маетъ, заняты у помѣру чрезъ дворянина нашого Дмитра Сопѣгу а писаря староства Берестейского отъ зешлого воеводы Виленского пана Миколая Радивила, Криштофа Кграевского; ино они, заховываючисе въ томъ, водлугъ уставы нашое ревизорское, дали ему за то отмѣною сельцо нашо въ тамошнемъ староствѣ Берестейскомъ, у волости Полѣской, на име Мокраны, при границы Коронной лежачое, зъ людьми, землями и зо всими пожитками, яко ся тое сельцо само въ собѣ, въ границахъ и обходахъ своихъ маетъ, на штожъ Сапѣга и Кграевскій и листъ свой дали, въ которомъ то достаточно описано. Который же передъ нами онъ покладалъ, бьючи намъ челомъ, абыхмо тую отмѣну листомъ нашимъ ему утвердили. Якожъ мы, за чоломъ битьемъ, водлугъ листу ревизорского, при той отмѣнѣ

его заставивши, привильемъ нашимъ то ему утвердили вѣчне. Твоя бы (вѣрность) листъ, пане подканцлерій, и на потомъ будучимъ старостомъ Берестейскимъ приказуемъ, абы есте того сельца Мокранского замку нашому тамошнему не приворочали и въ пожитки никоторые, зъ оного селца приходячіе, не вступовали и людемъ, въ томъ сельцы оселымъ, послушенство всякое ку ему чинити велѣли, заховываючисе водлугъ потверженья нашого, на то ему даного. Вѣдь же, еслибы оные люди, въ томъ сельцы теперь оселые, ему служити не хотѣли, тогды вольно имъ будетъ съ тыхъ кгрунтовъ за насъ господаря, або кгдѣ хотѣчи, знестися. Писанъ у Кнышинѣ. Лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ шестдесятъ ссьмого, мѣсеца Августа осьмого дня.

У того листу печать его королевское милости, а подписъ руки тыми словы: Базиліусъ Древинскій писарь.

Я Павелъ Кголишовскій — служебникъ и мѣрникъ его милости пана Дмитра Сапѣги, ревизора короля его милости на Подляшу, а я Лукашъ Микита — служебникъ его милости пана Криштофа Кграевскаго — писаря пожитковъ староства Берестейского, зознаваемъ тымъ нашимъ увяжчимъ листомъ, ижъ за росказаньемъ ихъ милости пановъ нашихъ и листомъ, писаннымъ до войта Ляховецкого, радца Сенчуковича и мужовъ Ляховицкихъ, также до лавника и мужовъ села Лукого и до войта, лавниковъ и мужовъ Дивинскихъ, которые сугpаничники суть зъ сельцомъ Мокраны — волости Полѣское, и кгды есьмо пріѣхали до сельца Мокранъ, давши знати войту Ляховицкому, который до насъ пріѣхалъ, взявши зъ собою мужовъ зъ села Ляховицкото—Федьку, Максима Наумовичовъ, Тымоша Соливоновича, Конона Есковича а Курила Гриневича, которые, кгды пріѣхали до насъ, до Мокранъ, показали есьмо войту и мужомъ листъ, писаный до войта и мужовъ Мокранскихъ, ижъ быхмо сельцо Мокраны земенину господарскому пану Михну Рожчицу Збирозскому, за отмѣну двохъ фольварковъ его — Зберозского, Кгершоновского, которые уволоки господарскіе забраны и до замку Берестейского привернены, подали зо всими пожитками того села — чиншами, данью медовою и увесь обрубъ того сельца, змѣрявши кграницу, при достатку, при людехъ селъ приселыхъ списали. И запытали есьмо на первей подданыхъ Мокранскихъ: отъколь бы се починала иета я съ кимъ границы ихъ Мокранскіе? Которые вси подданые Мокранскіе повѣдали пету, почавши отъ петы Осовское, врочищомъ Перевисья, которую пету призналъ войтъ Дивинскій Хилимонъ Носковичъ а лавники Дивинскіе—Трохимъ Носковичъ, Мось Кононовичъ, Пронецъ Калениковичъ, а зъ Осое—Панасъ Губоловичъ, Романъ Сеньковичъ и иншихъ немало, ижъ здавна въ покою у границы зъ мокранцы мѣшкаютъ; и отъ той петы границою Осовскою до границы Корунное, рѣчки Вепрое; оттоль границою Корунною до петы Ляховецкое у Тютчи. На которую пету войтъ Ляховецкій звышпомененый зъ мужами, при немъ написаными, повѣдили и признали. А отъ Тютчина границою зъ Ляховчаны, селомъ волости Полѣское, на врочища На-Бочки, до млынца Мокранского на рѣчкѣ Деревенцы, до болота Замыслечи, до Косина, гдѣ пришла пета Луковская, которую пету признали Луковцы, тутъ же стоячи, то есть: Хома Олифоровичъ — лавникъ,

Лецъ Овечка, Лукіянъ Грицковичъ, Жукъ Сенютичъ, Юрко Чечель. И отъ тое петы Косина Луковцы повѣдили границу свою зъ Мокраны: отъ петы у Косина, болотомъ надъ боромъ, межи Ворща—наши Луковскіе, а по тое—Мокранскіе, у рѣчку Клачевицу; а съ Клачевицы берегъ Орлею, въ рѣку Ральковy, а рѣкою Ранковую (sic) въ озеро Луковское, у которомъ озерѣ повѣдили Луковцы двѣ тони Мокранскихъ, и вже дей одъ тое рѣчки Ралковы починаютсе надъ озеромъ ровы копаные Мокранскіе, которыхъ здавна Мокране уживаютъ и зъ намѣре у границы у покойной живутъ. А зъ озера Луковского, по волочку на Осовцохъ, а отъ Осовцовъ граница зъ Заболотчаны, которую признали тутъ же стоячіе, то есть: Сидоръ Баличь Кикоть, Нестеръ Аростовичъ а Бакунъ Дворянииовичъ и Козакъ, ижъ тутъ починаетсе намъ зъ Мокраны граница и идетъ до Першовыхъ, отъ Першовыхъ болотомъ надъ краемъ нашимъ Заболотскимъ до петы Осовское у мостка Перевися. И кгды есьмо усихъ тыхъ сугграничниковъ селъ свышпомененыхъ опытали: куды тымъ селомъ и зъ Мокранцы граница идетъ; теды тежъ и подданыхъ сельца Мокранского, меновите имены ихъ выписали, то-есть, на первей: волока першая—Сенько а Юръ Ивашковичи, волы чотыри, конь оденъ, другая—Волосъ Корчичъ а Яцко Расевичъ, волы чотыры, конь оденъ, и Хведько Панковичъ; третяя—Сидоръ а Марко Конаховичи, волы четыры, коня нѣтъ; четвертая—Юсько Михалевичъ а Антонъ Лисъ, волы три, конь одинъ; пятая—Федько а Ярмсшъ Дацковичи, волы чотыры, конь оденъ; шостая—Ивашко Панковичъ, волы два, конь оденъ; семая — Сенько а Хвецъ Гладковичи, Иванъ Коксовичъ, волы четыры, конь оденъ; осьмая—Савка а Жукъ Расевичи, Ониско Жуковичъ, волы четыры, коня нѣтъ; девятая — Илько а Михно Максимовичи, волы два, конь оденъ; десятая—Тарасъ Носковичъ, волы чотыры, конь оденъ; одинадцатая—Юцъ а Максимъ Носковичи, волы чотыры, коневъ два. Тые вси подданые на одинадцати волокахъ сѣдятъ съ товаришами и сынми своими. Повинность ихъ зъ волоки: цыншу платятъ по грошей осьмьдесятъ три. Застѣнковъ усихъ при томъ селѣ моркговъ сто тридцать. Дани медовое повинны всѣ давать полъ-чверта ведра. Што все есмо по достатку списали и подданыхъ пану Ярошу Розчичу Збирозскому подали, увезали и послушными быть розказали, яко пана ихъ. И на то есмо дали тотъ листъ нашъ увежчій подъ печатьми нашими, и кто умѣлъ и руки свои подписалъ. Писанъ у Мокранъ, подле Божого Нароженья тысеча пятьсотъ шестьдесятъ четвертого, мѣсеца Ноября двадцатого дня. У того листу печати двѣ приложены, а подписъ руки тыми словы: Paweł Poliszewski ręką własną; Лукашъ Микита рукою власною.

1588 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 23—28.

2. Духовное завѣщаніе земянина Берестейскаго повѣт Ивана Θеодоровича Бѣлевскаго, которымъ онъ отписываетъ своей женѣ все свое движимое имущество.

Року 1589, мѣсеца Января 17 дня. Передо мною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Бересеейскимъ, ставши на врадѣ замку Берестейского панъ Иванъ Ивановичъ Волковицкій, панъ Янъ Гавриловичъ Мутикальскій, а панъ Станиславъ Доленговскій а панъ Василій Волковицкій—возный, покладали тестаментъ остаточной воли небощика пана Ивана Θедоровича Бѣлевскаго, за печатью его и за печатьми и съ подписы рукъ своихъ, признаваючи, ижъ на то все, што въ немъ описано есть, остаточная воля небощиковская была, которого дей они тестаменту при справованью были, просячи, абы до книгъ врадовыхъ уписанъ былъ. А такъ я очевистого признанья ихъ выслушавши и того тестаменту печатей и подписы рукъ у него оглядѣвши, велѣлъ есмо его до книгъ врадовыхъ уписать. Который же въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Во имя Божое станьсе. Аменъ. Я Иванъ Федоровичъ Бѣлевскій чиню явно симъ моимъ тестаментомъ всѣмъ вобецъ и каждому зособна, кому бы то вѣдати належало. Ижъ я будучи отъ Пана Бога навежоный великою и обложною хоробою, съ которой не вѣмъ, если живъ зостати могу, а маючи то предъ собою, ижъ што кольвекъ живо родится, то умерети муситъ, а до кресу замѣроного прудко бѣжитъ, прото я, въ той хоробѣ моей будучи, полецаю душу мою Богу Всемогущему, а тѣло мое грѣшное маетъ быти поховано при церкви святое Тройцы и пророка Ильи, въ имѣнью его милости пана Андрея Войны, подскарбича земскаго, въ Расной. Што се дотычетъ дочокъ моихъ трохъ—Марины, Ганны, Овдотьи, которые есмо сплодилъ изъ женою моею Θедорою Θедоровною Мутикальскою, тые дочки мое—Марыну, Ганну, Овдотью поручаю въ опеку женѣ моей Θеодорѣ Θеодоровнѣ; а жона моя кому похочетъ, того себѣ нехай за опекуна возьметъ. Которымъ дочкамъ моимъ, тремъ—паннѣ Маринѣ, Ганнѣ, Овдотьи даю, дарую и симъ тестаментомъ моимъ остаточною волею моею отписую на вѣно имъ сумы пѣнезей копъ шестьдесятъ литовскихъ грошей, которую суму пожичила была у мене на заставу, на Волковичи, жона моя Θедора въ року прошломъ семьдесятъ второмъ, мѣсеца Мая двадцатого дня, всею сумою полтораста копъ грошей литовскихъ, которую копъ шестьдесятъ зъ имѣнья моего жена моя Θедора дочкамъ моимъ повинна будетъ вѣна дати. А остаткомъ тое сумы пѣнезей, которую мѣлъ есми заставою на имѣнію томъ Волковицкомъ, съ тое сумы пѣнезей полтораста копъ грошей, остатокъ тое сумы пѣнезей, деветьдесятъ копъ грошей литовскихъ, даю, дарую и симъ тестамен-

томъ моимъ остаточною волею моею отписую жонѣ моей Ѳеодорѣ Ѳеодоровнѣ, и тые листы ее. которые она мнѣ была дала на туую полтораста копъ, уморяю, касую и остаточною волею моею въ нивечъ ихъ оборочаю вѣчными часы, отдалаючи отъ того всѣхъ близкихъ, кревныхъ и повиноватыхъ моихъ мужскаго и женскаго стану. А што ся дотычетъ убогой маетности моее рухомое и быдла, коней, шатъ и грошей готовыхъ, всего риштунку моего, и штомъ кольвекъ въ немъ былъ въ дому малжонки моее, то все отъ мала до велика, все женѣ моей Ѳедорѣ Ѳедоровнѣ даю, дарую и симъ тестаментомъ моимъ остаточною волею моею, отписую ей, отдаляючи отъ того всего всихъ близкихъ, кревныхъ и повиноватыхъ моихъ мужского и женского стану. А што ся дотычетъ золота, серебра, того есмо не мѣлъ. Такъ тежъ, што ми люде подданные пана Войны винни долгу грошей, тые листы першые: Салая — мѣщанина Рашенского, который ми еще не заплатилъ чотырехъ грошей копъ; другій листъ Никодима — поповича Рашенскаго на копу грошей; третій листъ Игната—мѣщанина Рашенскаго,—тые вси долги, за тыми моими листы, позволяю, отписую справляти жонѣ моей Ѳедорѣ Ѳедоровнѣ, и тые ей дарую вѣчными часы, и симъ тестаментомъ моимъ остаточною волею ей отписую. Яко для лѣпщое вѣры и вѣдомости познымъ людемъ зосталымъ далъ есми сей мой тестаментъ жонѣ моей Ѳедорѣ Ѳедоровнѣ, печатью моею припечатавши. Которую *печать* мою пану Василю Макаровичу, возному повѣту Берестейского, яко враду, заразъ *до рукъ оддалъ* есми. А при справованью сего тестамента моего были и сей остаточной воли моей свѣдоми будучи, за устною и очевистою прозьбою моею, печати свои приложить рачили: панъ Янъ Гавриловичъ, панъ Иванъ Ивановичъ, панъ Станиславъ Доленговскій, панъ Охремъ Ивановичъ Волковицкій, а возный повѣту Берестейского Василій Макаровичъ, а священникъ Рашенскій отецъ Аврамъ Панкратьевичъ, который, печати своей не маючи, руку свою подписалъ до сего моего тестаменту письмомъ рускимъ. Писанъ у Волковичѣхъ, року отъ Нароженья Сына Божего тысеча пятьсотъ осмьдесятъ осьмого, мѣсяца Декабря двадцать пятого дня.

У того тестаменту печати приложены цѣлые, а подписы рукъ тыми словы: Za oczewisty prożbą pana Iana Bielewskiego, Stanisław Dolengowski ręką swą podpisał; за очевистою а устною прозьбою пана Ивана Ѳедоровича Бѣлевского я Аврамъ Панкратьевиль священникъ Расенскій, рукою власною сей тестаментъ подписалъ; я Янъ Гавриловичъ Мутикальскій, за очевистою прозьбою а устною пана Ивана Ѳедоровича Бѣлевского рукою власною сей тестаментъ подписалъ.

589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 7—8.

3. Жалоба земянина Ивана Мелешки на Красенскихъ крестьянъ земянина Ивана Грекова по поводу сдѣланной ими порубки лѣса.

Писалъ и присылалъ до враду кгродского староства Берестейского, до меме Мальхера Райского — подстаростего Берестейского, земенинъ повѣту Берестейского панъ Янъ Мелешко, оповѣдаючи на подданныхъ пана Яна Кгрековыхъ — старосты Бѣльского, зъ имѣнья и зъ мѣстечка его Докудовского, на име на Грица, Харка, Ярмоша а Михна Кобзниковъ, которые дей не вѣдати для которые причины, если за розсказаньемъ пана Кгрековымъ, пана своего, если тежъ сами своею волею, забравшисе зъ много помощниковъ своихъ, дня вчерашнего девятого Генваря, року теперешнего осмьдееятъ девятого, наѣхавши моцно кгвалтомъ зъ много помочниками своими, зобравшисе на власный гай и лѣсъ Зарощаный имѣнья его и малжонки его Красенского, названный въ Толстомъ грудѣ, тамъже въ томъ гаю его дерева, на будованье годного, не малого, которое се зошло на клѣти и на избу, грабового и ольховоrо, барзо много, зо пня суровоrо, кгвалтомъ порубали, а другое дей отвозили до домовъ своихъ. И кгды подданные его Красенскіе, два бортника тые, которые бору и гаевъ его Красенскихъ стерегутъ, на имя Хведько Грыневичъ, а другій Иванъ Шарко, услышавши въ томъ гаю момъ Красенскомъ тое рубанье отъ нихъ, прышли дей были до нихъ, пытаючи: для чого бы они, такъ своволне и кгвалтомъ наѣхавши великою громадою людей, рубили тотъ гай его пана Мелешковъ; тогды дей они, заразомъ скочивши до тыхъ бортниковъ его, оныхъ самыхъ безвинне, окрутне въ томъ же гаю его побили и поранили, которые заледве живо одъ нихъ ушли. И просилъ панъ Янъ Мелешко, абы тое оповѣданье его до книгъ врадовыхъ было записано. Што есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 14—15.

4. Посвидѣтельствованіе возныиъ духовнаго завѣщанія земянина Ивана Бѣлевскаго съ уничтоженіемъ печати послѣдняго на его гробѣ.

Року 1589, месеца Генваря 13 дня. Передо мною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Василій Макаровичъ Волковицкій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который же за печатью своею ку записанью до

книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Василей Макаровичъ Волковицкій, возный повѣту Берестейского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Генваря десятого дня, быломъ въ справе пани Ивановое Белевское Федоры Федоровны, кгды небощика Ивана Белевского, мужа своего, въ Рясной ховала, тогды на погребы пани Бѣлевская оповѣдала и оказовала тестаментъ небощика мужа своего подъ печатьми и съ подписы людей добрыхъ и съ подписомъ руки попа Расненского Аврама, которымъ тестаментомъ отписалъ ей все одъ мала до велика, грощи готовые, быдло, кони, шаты, рыштунки вси и речи рухомые, такъ тежъ и суму на Волковичахъ копъ деветьдесятъ, а дочкамъ тромъ на вѣно тоежъ сумы позычоной копъ шестьдесятъ, которую суму позычилъ былъ ей малжонце своей на Волковичи копъ полтораста, такъ тежъ и дочки свое—Марыну, Ганну, Овдотью ей Федоре въ опеку отписалъ; а по прочитанью тестаменту и *печать* есьми я возный небощика Ивана Белевского *на гробе збилъ*, што пани Белевская все то мною вознымъ и многими людми осветчила. А при мне на тотъ часъ были стороною: панъ Иванъ Федоровичъ Волковицкій а Янъ Мутикальскій. И на томъ далъ сей мой квитъ сознанья моего оповеданья пани Белевское ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, подъ печатью моею. Писанъ у Волковичехъ, року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, месеца Генваря одинадцатого дня.

Которое жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 31—32.

5. Посвидѣтельствованіе featureвознаго о побояхъ, причиненныхъ крестьянину Михаилу Ракутѣ крестьяниномъ Симона Свирскаго Гацемъ Скордаевичемъ.

Року 1589, месеца Генваря 14 дня. Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на враде возный повету Берестейского Павелъ Розчичъ, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справе нижейменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собе маетъ:

Я Павелъ Рожчичъ Зберозскій возный повету Берестейского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперешнемъ тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятого, месеца Генваря двонадцатого дня, быломъ въ справе земянки повету Берестейского, пани Павловое Подаровское Ганны Гайковны, за оказаньемъ врадника пани Подаровское Александра Громницкого, ижъ якобы въ томъ же року звышменованомъ, тогожъ месеца одинадцатого дня, подданый его милости пана Ви-

леньского державцы пана Сымона Свирского, села Веленскoто, на имя неякій Гацъ Скордаевичъ и зъ сынами своими, нашедши ночнымъ обычаемъ на домъ подданого пани Павловое Подаровское, панее его, на-име до Михна Ракуты, тамъже дей, коли того Ракута послышалъ, што се они вломили до схованья его, того то Ракуты, тогды на подворьѣ своемъ около почалъ, за ними бѣгучи, кликать кгвалту, тогды они, тамъ его поймавши, на власномъ гумнѣ его, и выволокши за плотъ, тамъже, на навозъ его, окрутне збили и змордовали. Якоже я возный, за оказаньемъ врадника панее Подаровское, видѣломъ въ того подданого панее Подаревское въ голове ранъ двѣ, битыхъ, крывавыхъ, вельми шкодливыхъ, на руцѣ правой рана шкодливая, за которою раною не вѣдаю, если будетъ рукою владать; на лѣвой руцѣ видѣломъ локоть барзо спухлый, все кіями збитый, синій, вельми шкодливый. При которомъ ихъ найстью того-то Гаца Скордаевича и сыновъ его при ономъ нашестью и при мордованью починили му шкодъ одного зъ другимъ копъ на десеть грошей. Которое то збитье и змордованье и вси шкоды повѣдилъ тотъ подданый панее Подаревское, на-име Михно Ракута, отъ подданого его милости пана Виленского державцы, пана Симона Свирского, неякій Гацъ Скордаевичъ и зъ сынами своими. При которомъ оповѣданью были при мнѣ вознымъ люде добрые, шляхта, врадникъ его милости пана подкоморого Андрей Стома. И на томъ я далъ тотъ мой квитъ до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ. Писанъ у Берести, року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Генваря дванадцатого дня. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 16—18.

6. Посвидѣтельствованіе вознаго о неповиновеніи Костомолотскихъ крестьянъ своему арендатору Очастному Яновичу.

Року 1589, мѣсеца Генваря 13 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ— подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Костентинъ Михайловичъ Непокойчицкій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Костентинъ Михайловичъ Непокойчицкій—возный повѣту Берестейского сознаваю симъ квитомъ моимъ, ижъ въ року теперь идучомъ тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ осьмомъ, мѣсеца Декабря третего дня, быломъ въ справѣ мѣщанина Берестейского пана Щасного Яновича — арендатора Костомолотского, который мною возным и стороною людьми добрыми, шляхтою, при

мнѣ будучими, паномъ Миколаемъ а Юріемъ Кголимонтами—земяны повѣту Берестейского, пришедши до кляштора Светоей Троицы, тутъ у Берести, тамъ пана Войтѣха Боровского—пріятеля зосланого отъ князя Шимона Линешевского — доктора провинціала, преора Берестейского, при мнѣ возномъ и сторонѣ шляхтѣ, помененый Щасный Яновичъ домовлялсе у помененого пана Боровского, яко пріятеля зосланого князя провинціалова, абы онъ водлѣ жалобы его а обѣтницы листовное князя провинціаловы учинилъ ему скутечную справедливость съ подданыхъ его Костомолотскихъ, на имя Сенька Темниковича и иныхъ всѣхъ бунтовниковъ, на оповѣданью и жалобѣ его меновите описаныхъ, ижъ они недавными часы его самого Щасного и слугъ его тамъ въ Костомолотѣхъ позбіяли и поранили и зельживость на тотъ часъ пану своему вырадили и огурившисе, ажъ до того часу подданства и послушенства повинного, яко винни, ему не отдаютъ и роботъ не полнятъ. Помененый панъ Войтѣхъ Боровскій повѣдилъ на тое упоминанье Щасного, ижъ онъ ему справедливости съ тыхъ подданныхъ Костомолотскихъ чинити не можетъ: бо дей ихъ въ моцы своей не маю, хотяжъ дей естемъ посланый отъ князя провинціала. Што помененый Щасный Яновичъ мною вознымъ и тою стороною шляхтою свѣтчилъ, ижъ въ мѣсто учиненья справедливости отъ князя провинціала черезъ того пріятеля его пана Боровского, тымъ большей подданнымъ Костомолотскимъ поблажанья и отухи противо нему межи рокомъ держанья аренды его додано,— кгдыжъ дей за прибытьемъ того пана Боровского тамъ до Костомолотъ мѣсеца Декабря двадцатого дня, въ року нынѣшнемъ, вси подданные Костомолотскіе аренды его не почали его Щасного слухати, ани послушны быть, и овшемъ еще такъ, яко почали отповѣди и похвалки на здоровье его чинять, такъ Костомолотцы, яко и нѣкоторые пріятели того пана Боровского и князя провинціаловы, грозячисе его забить, або якую лезкгость ему выpадить. За которымъ таковымъ неповстягненьемъ своей воли и неучиненьемъ справедливости отъ князя провинціала съ тыхъ Костомолотцовъ и незастягненьемъ ихъ, помененый Щасный менуючи собѣ немалые шкоды въ той арендѣ, котороей менуючи большъ съ тоей причины самого князя провинціаловы держать, а менуючи собѣ въ томъ отъ него межи рокомъ значную быть переказу и шкоду не малую, надъ листъ опись его арендовный и заруки въ немъ описаные удѣланую, ижъ тое аренды и подданыхъ Костомолотскихъ успокоити и завстягнути справедливости учиненьемъ не хотѣлъ, мною вознымъ и помененою стороною шляхтою свѣтчилъ, варуючи собѣ зъ нимъ, часу своего о заруку и о вшелякіе шкоды, за тымъ поднятые мовити. Якожъ того сознанья моего я возный помененый даломъ сей мой квитъ ку записанью до книгъ кгродскихъ, подъ печатью моею. Писанъ у Берести, року и дня вышейпомененого. Которое то сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 39—40.

7. Жалоба земянина Ѳедора Вагановскаго на земянина Николая Богушевича Горновскаго по поводу произведеннаго симъ последнимъ грабежа въ его Комарницкой мельницѣ, на р. Полвѣ, и сожженія самой мельницы.

Року 1589, месеца Генваря 15 дня.

Писалъ и присылалъ до враду кгродского староства Берестейского, до мене Малхера Райского—подстаростего Берестейского, зeменинъ повету Берестейского панъ Федоръ Вагановскій, оповедаючи на земенина тогожъ повету пана Миколая Богушевича Горновского, ижъ дей онъ не пооднокроть наежжаючи кгвалтовне на млынъ его Комарницкій на реце Полви, спольный съ паномъ Яномъ Вагановскимъ—сыновцомъ его, вымерки часть его кгвалтовне зъ оного млына беручи, млынаровъ, до которыхъ дей ничого не мелъ, кгвалтовне беручи у везенью своемъ, мордовалъ и мордовавши ихъ съ того млына одогналъ. И въ тыхъ дей кгвалтовныхъ наездехъ и мордованью, такъ тежъ и одогнанью мельниковъ съ того млына Комарницкого року теперешнего тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, месеца Генваря дня шостого, въ ночи, съ пятницы на суботу, за причиною дей пана Миколая Богушевича Горновского, тотъ млынъ его Комарницкій на реце Полви, спольный съ паномъ Яномъ Вагановскимъ, огнемъ згорелъ. Въ которомъ дей млыне черезъ того Миколая Горновского шкоду онъ немалую подняяъ, то-есть: збожья згорело дей въ томъ млыне, которое было завезено до того млына для млива на дворную потребу, жита бочокъ двадцать, пшеницы бочокъ десеть, солоду бочокъ десеть, а особливе вымерку збожа посполитого могло дей быть бочокъ зъ осьмъ. Чого всее шкоды, которую онъ подняяъ одъ пана Миколая Богушевича Горновского, за тымъ спаленьемъ млына, на часть свою съ двохъ колъ, двесте копъ грошей, якожъ дей тое спаленье и шкоду свою онъ вознымъ повету Берестейского Яномъ Гуриновичомъ Токаровскимъ оказалъ и осведчилъ. Которое-жъ оповеданье жалобы помененое, за прозьбою пана Федора Вагановского, до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 40.

8. Жалоба земянина Петра Грека на королевскихъ крестьянъ, села Михалки, Кіевецкой державы, по поводу порубки дерева въ его Кленовицкомъ лѣсу и убійства его лѣсника Сеньки Вершука.

Року 1589, месеца Генваря 16 дня.

Писалъ и присылалъ до враду кгродского староства Берестейского, до мене Мальхера Райского—подстаростего Берестейского, панъ Янъ Кгрекъ—врадникъ его княжачое милости пана Троцкого Бельскій, оповедаючи и жалуючи на подданыхъ короля его милости державы Кіевецкое, на село все Михалки, ижъ дей они дня вчерашнего чотырнадцатого Генваря, въ року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятомъ, не ведати якимъ духомъ заведены, альбо тежъ за чіимъ росказаньемъ наехавши моцью, кгвалтомъ на власный боръ его милости, пана его м. Кленовницкій, шкоды немалые въ нимъ кгвалтовне исполнеными, тамъ же дей лесниковъ его милости пана его нашодши, одного зъ нихъ забили, на име Сенька Вершука, съ части ей милости паней воеводиноей Подляшскоей, которую его милость панъ его заставою держитъ, а двохъ дей такъ барзо збили, зранили и змордовали, не ведати будутъ ли живы, власныхъ дей отчицовъ его милости пана его, на име Петра Шидку, а другого Яна. Который дей кгвалтъ и забойство и помордованье тыхъ подданыхъ его милости пана его княжати Радивила, пана Троцкого, и шкоды вси, черезъ тыхъ же подданыхъ кгвалтовне поделаные, не омешкалъ онъ вознымъ и стороною при нимъ обвести, што дей будетъ ширей и достаточней на его реляцеей доложоно. И просилъ панъ Янъ Кгрекъ, абы тое оповеданье жалобы сей до книгъ врадовыхъ кгродскихъ было записано. Што есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 55—58.

9. Жалоба земянки Екатерины Оленской на земянку Томилу Заранковую по поводу отнятія послѣднею у нея крестьянъ, которыми она владѣла по заставному праву.

Року 1589, месеца Генваря 16 дня.

Передо мною Малхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, оповедала и жаловала на враду замку его королевскоей милости Берестейского земянка господарская повету Берестейского пана Миколаевая Оленская Катерина Ловинецкая на земянку тогожъ

повѣту Берестейского пани Өедоровую Заранковую Гербовскую Томилу Львовну о томъ, ижъ што дей которое имѣнья Именины, въ повѣтѣ тутошнемъ Берестейскомъ лежачое, маючи она въ спокойномъ держанью и уживанью своемъ, въ певной сумѣ за записомъ той пани Заранковой, заставнымъ обычаемъ, а оного за правомъ своимъ отъ часу немалого держала и уживала,— то пакъ дей тая пани Заранковая, не учинивши и не уиствившисе первей водле листу запису своего, такъ яко есть повинна, року теперь идучого осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Генваря шестогонадцать дня, наславши дей моцно, кгвалтомъ повинного пріятеля своего пана Дмитра Букрабу, а при немъ много помощниковъ своихъ, которыхъ она сама лѣпѣй вѣдаетъ и ихъ знаетъ, на тое имѣнье ее Именинъ, тамъ дей тотъ Букраба взвышменованый, за розказаньемъ тоей пани Заранковоей усихъ людей, подданыхъ и заставныхъ Именинскихъ, зъ моцы, владзы, держанья и уживанья отнялъ, и тамъ дей тая пани Заранковая спокойного держанья и уживанья кгвалтовне, упорне и безправне выбила. А то дей есть меновите подданые тые, съ которыми ее пани Заранковая выбила: Хома Кунцовичъ, Матей Кунцовичъ, Гацукъ Малыщичъ, Сименъ Малыщичъ, Федюкъ Малыщичъ, Панасъ Иваневичъ, Васько Кунцовичъ, Максимъ Савчичъ, Кацъ Гринцевичъ, Микита Гринцевичъ, Василей Веприкъ, Матей Заецъ, Иванъ Литвиновичъ, Сенько Литвиновичъ, Иванъ Полупановичъ, Супронъ Полупановичъ, Олехно Полупанъ, Данило Андросовичъ, Андрей Криско, Стецукъ Максимовичъ, Иващковая Волковая вдова, Гапонъ Панизовскій. Которое дей тое кгвалтовное выбитье съ тыхъ менованыхъ подданыхъ заразъ дей она водлѣ права сусѣдомъ околичнымъ, шляхтѣ, людемъ добрымъ оповѣдала и вознымъ дей повѣту Берестейского—Якубомъ Бѣлоусовичомъ Лѣпесовскимъ освѣтчила. Который возный помененый, въ той справѣ того свѣдомъ будучи, сознанья своего квитъ, за печатью и съ подписомъ руки своей, ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Якубъ Бѣлоусовичъ Лѣпесовскій—возный повѣту Берестейского сознавамъ симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ семьдесятъ девятого, мѣсеца Генваря шостогонадцать дня, въ имѣнью Именинскомъ пани Миколаевая Оленская Катерина Ловенецкая оповѣдала и освѣтчала мною вознымъ, ижъ дей дня сегоднешнего, звышмененого, пани Томила Федоровая Заранковая, наславши на имѣнье мое Именинское, которое дей маю отъ еежъ самое въ заставѣ у двохъ сотъ копахъ грошей и въ десети копахъ грошей, внука своего пана Дмитра Букрабу, зъ многими слугами и помощниками своими, а зъ волею и вѣдомостью ее самое Заранковое, подданыхъ дей моихъ, отъ ее заставныхъ, усихъ огуломъ, моцно и кгвалтомъ, зъ моцы и держанья моего отняла, а мене зъ дей спокойного держанья отъ тыхъ людей выбила и въ послушенство дей свое Заранковая ихъ взяла. Якожъ зо мною вознымъ она Оленская ходила до тыхъ подданыхъ своихъ Именинскихъ, пытаючи ихъ: для чого до ее панее своее на роботу не пошли? Зъ оныхъ подданыхъ три человѣка, именемъ Федюкъ Малыщичъ, другій Олюкъ Малыщичъ, третій Панасъ Ивацевичъ повѣдили: ижъ дей

намъ пани Заранковая черезъ внука своего пана Дмитра Букрабу тобѣ, Оленская, больше послушенства чинити намъ заказала, подъ горломъ нашимъ и маетностью нашею, и вже дей на роботу до тебѣ не пойдемъ. Якожъ она пани Оленская до себе тые люде передо мною вознымъ на работу выганяла, але они не пошли. А первей, нижли до села есьмо ходили пытать тыхъ подданыхъ, тогды о того Букрабы по войта Хому Концевича присылано, абы до ихъ шолъ, которого пани Оленская не пустила зъ двора своего Именинского, давши ему до рукъ отъ схованья своего ключи, и то повѣдила пани Оленская: же дей я уже двѣ недѣли зъ вознымъ и зъ шляхтою чинила отъ пани Заранковой, еслибы сама и либо хто отъ ее до мене прибылъ шацовати будованья моего въ дворѣ Именинскомъ, нижли нихто отъ ее не былъ, однакожъ дей панове пріятеле мои, шляхта, люди добрые, панъ Сегень Здитовецкій, панъ Петръ Якубовичъ Именинскій и панъ Валентый Михальскій, тое усе будованье мое шацовали и положили дей шацункомъ сорокъ копъ грошей усе будованье, якожъ тые люде добрые, панъ Сегень а панъ Петръ и панъ Михальскій при мне возномъ стороною были, кгдысьмо до подданыхъ съ пани Оленскою ходили и при освѣдченью ее, то тежъ повѣдели, же тое усе будованье пани Оленское у дворѣ ее Именинскимъ за сорокъ копъ грошей ошацовали. Которого сознанья моего даломъ Миколаевой Оленской сей мой квитъ ку записанью до кгнигъ кгродскихъ Берестейскихъ за печатью и съ подписомъ руки моее. Писанъ во Имениnѣ. Которое-жъ оповѣданье жалобы пани Оленское и возного помененого сознанье до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 67—69.

10. Донесеніе вознаго о грабежѣ, произведенномъ земянкою Екатериною Оленскою въ имѣніи Именинѣ земянки Томилы Заранковой.

Року 1589, мѣсеца Генваря 20 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ его кор. мил. возный повѣту Берестейского Томко Токаровскій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижей менованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Томашъ Токаровскій—возный воеводства Берестейского ознаймую тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осемьдесятъ девятого, мѣсяца Генваря семогонадцать дня, быломъ взятый въ справѣ земянки господарское воеводства Берестейского панее Ѳеодоровне Заранковое Томилы Львовны, до имѣнья ее Именина, на огледанье и починенье шкодъ одъ пани

Миколаевое Оленское панее Катарины Ловенецкое, которая тое именье зъ малжонкомъ своимъ мела, то пакъ по ономъ року и взятью пенезей за тое именье тыи шкоды не малые и знищенья именья розумеючи, ижъ отъ нее отыйдетъ починила. А такъ тогожъ року и дня вышемененого за оказаньемъ отъ пани Заранковое и войта Хомы Концевича, виделъ есьми пустокъ семеры, съ которыхъ пустокъ розогнала а иншыхъ выпровадила отчичовъ власныхъ и зъ маетностями, то есть, по ономъ року взявши пенези, то-есть, меновали передо мною напервей: Юсифа пани отогнавши отчича самого съ сынми двема, маетность дей у его забрала, то-есть, пчолъ зъ ульями тридцать, воловъ отобрала, быдла рогатого, коровъ и телятъ осмеро, овецъ десетеро, грошей готовыхъ копъ двадцати, коней двое, кобылу съ жеребятемъ; Андрея Полупановича отчича съ сынми трема—Яцкомъ, Андреемъ, Антономъ, на Подляше дей до мужа своего выпровадила, въ поветъ Дрогичинскій, забравши маетности его воловъ оромыхъ пять, коровъ чотыри, коней трое, овецъ тридцатеро, пчолъ зъ ульями старыхъ двадцатеро пятеро; Тимоша Полупановича и зъ сынми тремя, тежъ отчича на Русь дей выпровадила до мужа своего; Андрея Тимошевича и зъ сынми тремя прочъ зогнала и зграбила, то-есть, грошей готовыхъ копъ петнадцать, коровъ пять, воловъ чотыри и иншый спрятъ домовый отъ мала до велика побрала; Тимоша Яцковича и зъ сынми четырмя зграбила и прочъ согнала, волы, коровы и всю маетность отъ мала до велика побрала и на Подляше выпровадила; Юрка Кузьмича и зъ сынми четырма тежъ на Подляше выпроводила зо всею маетностью; Евтуха Боруковича и зъ сынми тремя зъ дому выгнала, а побрала маетность, пчолъ тридцать зъ ульями, старыхъ коровъ пять, воловъ чотыре и инше быдло усе и маетность побрала и попродавала; Наума и зъ сынми петьми и зо всею маетностью прочь дей загнала; Андрея и зъ сынми дей петьма отчича прочь согнала. А особливе оповѣдили передо мною подданые грабежъ свой, который менили, ижъ теперь учинила, по взятію пенязей, а напервей: у Малычича воловъ два, копъ петнадцати грошей; у Яцыка Малышчича воловъ три, корову, овса бочокъ шесть, копъ три грошей; у Ивана Полупановича воловъ, барановъ два, пчолъ тритцатеро; у Максима Яневича коровъ двѣ, пять копъ грошей, барановъ три; у Супруна воловъ два, коровъ двѣ, копу грошей; у Понизовского воловъ два, корову, пять копъ грошей; у Олехна Полупановича копъ двѣ грошей, барана, яловицу. Ку тому тежъ гай увесь менили, ижъ она вырубала и продала на будованье годный и иншихъ шкодъ и спустошенья немало починила. Што все менила собе пани Заранковая шкодъ за все четыри тысечи золотыхъ польскихъ. А такъ я, возный, штомъ слышалъ, даю ку записанью до книгъ сей мой квитъ подъ моею печатью. А при семъ стороною были шляхта, люди добрые, панъ Себестьянъ Островскій а панъ Валентый Кутновскій. Писанъ у Берестю, року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Генваря двадцатого дня. Которое сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1789 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 65.

11. Инвентарная запись на 13 душъ крестьянъ, выданная земяниномъ Николаемъ Чановицкимъ земянину Вацлаву Жардецкому.

Року 1589, мѣсеца Генваря 29 дня. Передо мною Малхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ кгродскомъ Берестейскомъ панъ Миколай Чановицкій—земянинъ господарскій повѣту Берестейского, покладалъ и очевисте призналъ реестръ, за печатью и подписомъ руки своее, и за печатью возного врадового Григорья Волошанина, поданья и заведенья подданыхъ своихъ тринадцати во имѣнью Бакахъ, зъ грунты и землями и зо вшелякими повинностями ихъ, зъ нихъ належачими, пану Вацлаву Жардецкому въ певной суммѣ пенезей ве сту тридесятъ и въ четырохъ копахъ грошей личбы и монеты Литовской, о чомъ ширей меновите на томъ реестрѣ описано и доложоно есть, и просилъ панъ Миколай Чановицкій, абы тотъ реестръ его помененый до книгъ врадовыхъ уписанъ былъ, который же, письмомъ польскимъ писаный, въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Regestr podania ludziey moich, którem zawiódł w summie pieniędzy w stu w pięcidziesiąt y w czotyroch kopach monety y liczby w. x. Litewskiego iegomści panu Wacławowi Żardeckiemu przez Hrihora Wołoszina—woźnego woiewodztwa Brzeskiego zawiódł, w moc y dzierżenie podał, człowieka trzynaście, z ich ziemiami y w roku tysiąc pięćset ośmdziesiąt dziewiątym, miesiąca Stycznia dnia wtórego, a to iest mianowicie: Hricz Karpelewicz a Michno Karpelewicz człowieków dwa, służba iedna; z niey powinności w każdy tydzień roboty dni po dwa, groszy trzydzieści siedm, owsa beczka iedna, miodu po saku daią, maią wołów soch trzy, klacz dwie; Staś Zakrewski a Okzawelia Trochimicza człowieków dwa, służba iedna; z niey powinności w każdy tydzień dni po dwa robią, groszy dwadzieścia dziewięć, owsa szanki trzy daią, maią klacz trzy, wołów soch dwie; Ihnat Litwinowicz, służba iedna; powinności w każdy tydzień roboty dni dwa, groszy dwadzieścia ośm, owsa szanków trzy dać, ma woła y klacze; Ławrisz Dmitrowicz, służba iedna, powinności w każdy tydzień roboty dni dwa, groszy dwadzieścia ośm, owsa szanki trzy, miodu pół saki, ma klacze dwie, wołów soch dwie; Fiedor Hłodzewicz, dzedzicz, służba iedna, powinność w każdy tydzień roboty dni dwa, groszy dwadzieścia ośm, owsa szanki trzy daie, ma woła y klacze; Miś Semnikowicz, służba iedna; powinności roboty dni po dwa w każdy tydzień, groszy dwadzieścia ośm, owsa szanki trzy, miodu puł saku daią, ma wołów soch dwie, klacz dwie; Maksim Daniłowicz, służba iedna; powinności roboty w każdy tydzień dni po dwa, groszy dwadzieścia ośm, miodu puł saku, owsa szanki trzy, ma wołów

soch dwie, klacz dwie; Mikłusz Łomowicz, służba iedna; powinności roboty dni po dwa w każdy tydzień, groszy dwadzieścia dziewięć, owsa szanki trzy, ma woła iednego; Zin Bakułowicz a Jachim Bakułowicz, a Iwan Pawlukowicz, ci trzey człowieków, służbie dwie; z tych dwóch służb roboty dni cztery w każdy tydzień, powinności: daią groszy sześćdziesiąt, miodu saków dwa, owsa beczek półtory, maią klacze troie, wołów soch cztery. I na tem dał ten regestr panu Wacławowi Żardeckiemu, własną moią ręką pisany, pod pieczęcią moią y podpisem ręki mey, y pieczęcią woźnego wyżeymienionego.

У того реестру печати двѣ, а подпись руки тыми словы: Mikołay Czanowicki—ręką własną.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 102.

12. Заявленіе Милейчицкаго намѣстника Ивана Телятицкаго о явномъ неповиновеніи ему Милейчицкихъ мѣщанъ при уплатѣ ими чиншовой повинности, согласно королевскому уставу и распоряженію владѣльца города Яна Кишки—пана Виленскаго.

Року 1589, мѣсеца Января 29 дня.

Писалъ и присылалъ до враду кгродского старостства Берестейского, до мене Мальхера Райского, подстаростего Берестейского, намѣстникъ его милости ясневельможного пана Яна Кишки, пана Виленского, Милечицкій— панъ Янъ Телятицкій, оповѣдаючи, штожъ дей онъ, ведле листу росказанья его королевское милости, росказалъ былъ бурмистру, лентвойту и мѣщаномъ Милейчицкимъ решту зосталую на нихъ чиншу выдавати водле уставы его королевское милости и росказанья его милости пана своего; а пакъ дей они, будучи противни воли и росказанью его королевскоей милости, за неоднократнымъ его упоминаніемъ, тоей решты выдавать до него не хотѣли. И кгды дей онъ за таковое непослушенство, водле росказанья его королевскоей милости, взялъ былъ до везенья дворного въ року нинѣшнемъ осмьдесятъ девятомъ, мѣсеца Генваря двадцать семого дня, лентвойта тамошнего Милейчицкого Каспора Климовича, то пакъ дей войтъ Милейчицкій, панъ Янъ Бацевскій зъ бурмистромъ тамошнимъ Миколаемъ Устіяновичомь и зъ Онискомъ Михновичомъ, раднымъ, и зо всимъ мѣстомъ Милечицкимъ збунтовавшисе, а заволавши кгвалту и у звонокъ на ратушу звонити казавши, съ бронями добытыми, догонивши его пана Яна Теля-

тыцкого въ полъ-улицы, его дей самого зшарпали и обелжили, и того лентвойта Каспора Климовича у него кгвалтовне отняли, не будучи въ томъ послушны воли и росказанью его королевскоей милости и не хотечи тоей решты, на нихъ зосталое, платить. А надто дей тотъ же панъ войтъ Милейчицкій и зъ лентвойтомъ и зъ иными отповѣди и пофалки на него пана Яна Телятицкого, на здоровье его, на онъ же часъ приславши до него до двору Милейчицкаго нѣкого служалого пахолка зъ ручницою, чинили, грозечи ему черезъ него паномъ Каспромъ Дембинскимъ а паномъ старостою Мельницкимъ. Въ чомъ всемъ бачечи онъ панъ Телятицкій быть отъ пана войта и помененыхъ мѣщанъ воли его королевскоей милости спротивенствомъ, за неотданьемъ решты помененоей, ихъ упоръ и непослушенство, о которомъ хотечи его милость пану своему вѣдомость дати, для отнесенья того его королевскоей милости, тое оповѣданье свое до книгъ врадовыхъ записать далъ.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 184.

13. Посвидѣтельствованіе вознаго по жалобѣ скарбнаго в. кн. Лит. Лукаша Мамонича на Яновскихъ мѣщанъ, въ томъ, что послѣдніе не платили и отказывались платить слѣдующее съ нихъ по королевскому уставу старое мыто—съ воска, соли и скота.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Февраля 10 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Война Логвицкій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своее ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Война Логвицкій—возный повѣти Берестейского вызнаваю, ижъ въ року теперь идучемъ тысеча пятьсотъ осьмдесятъ девятомъ, мѣсеца Февраля девятого дня, взятый въ справѣ пана Лукаша Мамонича-скарбного великого князства Литовского, писарь его милости мытный панъ Янъ Кгротковскій при мнѣ возномъ въ Яновѣ оддалъ пану Валеріяну Ольбенцкому—старостѣ Яновскому листъ короля его милости, подъ датою въ Городнѣ, року осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Генваря двадцатого дня, до его милости князя Берната Матеевского—бискупа Луцкого и Берестейского, а въ небытности его милости до старосты Яновского, писаный, жедаючи и напоминаючи, абы пану скарбному зъ мѣщанъ Яновскихъ, которыхъ бы справца его реестры подалъ за мыто короля его милости старое великого князства Литовского заплату, справедливость и одправу вчинено. Который листъ короля его милости панъ староста Яновскій, зъ

учтивостью принявши и прочитать казавши, пыталъ Григора Хотентовского и радецъ Яновскихъ, при немъ будучихъ: што бы на то мовили? Они отказали, ижъ на старое мыто николи тутъ въ Яновҍ прикоморка не бывало и мыта жадного тутошные мҍщане не давали, только дей на новое мыто, за добровольнымъ позволеніемъ его милости князя бискупа зешлого, тутъ стражь бывала. На што панъ Кгротковскій одказалъ, ижъ се дей то ясне покажетъ зъ листовъ першихъ цҍльниковъ, которые панове Яновяне маютъ, же тутъ и старое и новое мыто бирано, только просилъ, абы тые листы показали, въ которыхъ кгды нҍкоторые сами мҍщане читали, значитсе, ижъ въ Яновҍ новое и старое мыто биривано. А за тымъ панъ Кгротковскій покладалъ передъ паномъ старостою выписъ кгродскій Виленскій, подъ датою року осьмдесятъ осьмого, Февраля десятого дня, листу господарского светое памети короля его милости Стефана, съ подписомъ руки его королевское милости, до книгъ кгродскихъ Виленскихъ въведеного, подъ датою въ Городнҍ, року осьмдесятъ шостого, мҍсеца Февраля второго дня, писаного до всихъ становъ вобецъ ознаймуючи, ижъ вси мыта старые великого княжества Литовского король его милость пану скарбному до вҍрныхъ рукъ злецить рачилъ, и росказуючи, абы всюды, гдҍ бы потреба указала, прикоморковъ для мыта не боронено. Покладалъ тежъ и другій листъ короля его милости Стефана, съ подписью руки господарское, подъ датою въ Городнҍ, року осьмдесятъ шостого, мҍсеца Іюля двадцать четвертого дня, до небожчика его милости князя Викторина—князя бискупа Луцкого писаный, абы мыта короля его милости старые великого княжства Литовского купцы до пана скарбного оддавали и прикоморокъ въ Яновҍ для мыта абы поступилъ. А по показанью тыхъ листовъ, панъ Кгротковскій повҍдилъ, ижъ будучи дей онъ у небожчика его милости князя бискупа, съ тыхъ листовъ его королевское милости копей его милости давши, при нихъ мҍщанҍхъ застановеные, зъ его милостью княземъ бискупомъ о прикоморокъ и мыто вчинилъ, которого застановенья маютъ дей они Яновяне листъ. Которымъ листомъ, кгды дей онъ Кгротковскій у теперешнего его милости князя бискупа тутъ въ Яновҍ на новое лҍто, близко прошлое, зъ стороны мыта былъ, они дей-бурмистръ и радцы Яновскіе передъ милостью княземъ бискупомъ вымовлялисе, ижъ его на тотъ часъ при собҍ не маютъ, але дей при вашей милости панъ староста быть повҍдели, про то ачъкольвекъ дей тое постановенье вже мҍсца не маетъ для того, ижъ постановенье одъ пана скарбного потомъ Яновцомъ прислано и по смерти небожчика князя бискупа передъ капитулою тутъ въ Яновҍ также и листъ пана скарбного до небожчика князя бискупа писаный, покладано и читаны были, которые онъ самъ показовалъ; вҍдь же дей и тое постановенье мое нехай укажутъ, кгдыжъ се на оное передъ его милостью княземъ бискупомъ отозвали, съ которого покажетъ се, одъ чого они мыто платити повинны. Потомъ бурмистръ Яновскій показалъ тое постановенье, въ которомъ двҍ кондиціи описаны суть: першая, абы тые, которые бы на торгъ зъ якимъ кольвекъ товаромъ пріѣжчали, отъ плаченья мыта старого вольни были, абы се торги не псовали; другая, абы мҍщане Янов-

скіе водле правъ своихъ также отъ мыта старого вольны были; але одъ восковъ, соли и одъ быдла мыто короля его милости старое водлугъ уставы мытное абы платили. А по прочитанью того постановленья, панъ староста Яновскій пыталъ мѣщанъ: естлибы се того постановенья держали и водлугъ него мыто одъ тыхъ трохъ речей платити были винни? А если бы мыта платити не были винни, штобы за оборону на то мѣли? При чомъ се и панъ Кгротковскій домовялъ, абы право свое на вольность одъ старого мыта, если бы якое мѣли, показали. Бурмистръ Яновскій повѣделъ: же дей водлугъ того постановенья мыто платить повинно, але права жадного на вольность одъ старого мыта не показалъ. А то паномъ старостою и мною вознымъ панъ Кгротковскій освѣтчивши домовялсе. Кгдыжъ дей панъ бурмистръ изъ иншими вольности жадное на мыто не показалъ, тогды я заховую пану скарбному здоровое право и вольное мовенье о мыто короля его милости одъ всякихъ иншихъ товаровъ черезъ три лѣта—осьмьдесятъ шостый, осьмьдесятъ семый и осьмьдесятъ осьмый, черезъ нихъ Яновянъ задержаные; кгдыжъ се за огуренствомъ своимъ и до регестру мытного вписовати не хотѣли, а теперь дей, ижъ тое постановенье признаваютъ, прошу, абы тые, которые винни водле реестру, которые польскимъ и жидовскимъ письмомъ писаны покладали, одъ соли мыто короля его милости заплатили. Бурмистръ съ другими повѣдели: ижъ дей платить не будемо, бо бы дей то пошло въ пошлину, што дей беремо собѣ до его милости князя бискупа, пана нашого. Панъ староста затымъ рекъ: поневажъ дей, панове бурмистры постановенье тое признаваете, лѣпей абысте мыто короля его милости одъ соли, хто виненъ, водлугъ реестру заплатили, абы шкоды скарбу господарскому не было, нижли дей потомъ большое трудности заживаги, онымъ переставаючи, на томѣ одозвалисе до его милости князя бискупа, чого имъ панъ староста не боронилъ. А панъ Кгротковскій на то повѣдилъ: ижъ дей они до его милости одзыватисе въ той речи другій разъ не могутъ, бо се передъ его милостью...... *) только до того постановенья, которое при семъ быть менили, одзывали...... большей собѣ въ помочь не беручи, а тую справу его милости до пріѣханья его милости одложилъ, про то ижъ своволъну и умысльну заплату мытную пану скарбному зволочатъ ку великой шкодѣ пана скарбного, протестовалсе передъ паномъ старостою и мною вознымъ на бурмистра Кгрегора Хоментовского и Томка Цаплюка, о шкоды, ѣздечи въ той справѣ мытной колько разъ тутъ до Янова, на десеть копъ грошей литовскихъ, о шкоды на три лѣта за мыто на триста копъ грошей литовскихъ, а особливе за соленничое на триста злотыхъ польскихъ и о шкоды до приточенья тоей справы на сто копъ грошей литовскихъ. И на то дей есьми я помененый возный тотъ мой квитъ (далъ) для записанья до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, за печатью моею и съ подписомъ руки моей. Писанъ у Берести, року тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятого, мѣсеца Февраля десятого дня. Которое жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

*) Нѣсколько словъ въ подлинникѣ вылиняло—нельзя вычитать.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 222.

14. Посвидѣтельствованіе Брестскаго вознаго объ избитіи Кругельскихъ крестьянъ войтомъ Иваномъ Гулевичемъ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Февраля 21 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный енералъ воеводства Берестейского—Тимофей Васильевичъ Кругельскій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своее ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Тимофей Васильевичъ Кругельскій, енералъ воеводства Берестейского, вызнаваю тымъ квитомъ, ижъ року теперь идучого осмьдесятъ девятого, мѣсеца Февраля четвертогонадцать дня, у вовторокъ, заосвѣтченьемъ у селѣ Клепачохъ войта Кленачовского Ивана Мартишевича, его милости пана Петра Прокулеи Литвиновского, видѣломъ на подданныхъ Клепачовскихъ раны: у Ляпка у головѣ рана битая крывавая, рука правая и нога вельми збито, а въ сына его Грица нога лѣвая и хрибетъ побито, раны синіе; у Евхима Кондратовича у головѣ рана битая, крывавая и хрибетъ побито; у брата его Максима руку правую збито и на хрибтѣ у трохъ мѣстахъ сино, знать же ударено. И менили тые подданные, ижъ дей насъ билъ и поранилъ войтъ Гулевскій—Иванъ Гулевичъ у дому своемъ, у селѣ Гулевѣ, у корчмѣ, кгды есьмо у него пили року теперь идучого осмьдесятъ девятого, мѣсеца Февраля дванадцатого дня. И на тотъ дей часъ намъ шкоды стали: у Ляпка згинуло дей грошей дванадцать, а сермяга за грошей тридцать, шапка за грошей пять, а въ сына дей моего—грошей тридцать, шапка за грошей пять, поясъ за грошей чотыри; у мене дей Евхима згинуло грошей осмьдесятъ и шапка за грошей двадцать чотыри, сокѣрка за грошей шесть, а въ брата его згинуло шапка за грошей двадцать чотыри. А на тотъ часъ при огледанью ранъ и повѣсти ихъ былъ при мне стороною земенинъ повѣту Берестейского панъ Григорій Кругельскій. И на томъ далъ войту Клепачовскому до книгъ ку запису сей мой квитъ, зъ моею печатью и власною рукою написавши. Писанъ у Кругелю, року осмьдесятъ девятого, мѣсеца Февраля пятогонадцатого дня. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 199.

15. Жалоба Брестскаго городничаго Андрея Львовича Горновскаго на земянина Андрея Пашковскаго по тому поводу, что онъ наслалъ своихъ слугъ на его крестьянина Ивана Харвановича, которые избили его самаго, его жену и мать и пограбили его имущество.

Лѣта Божого Нароженья 1589 мѣсеца, Февраля 15 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ— подстаростимъ Берестейскимъ, жаловалъ и оповѣдалъ панъ Андрей Львовичъ Горновскій — городничій Берестейскій о томъ, ижъ дей року тепер решнего тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Февраля тринадцатого дня, уже вечоръ, его милость панъ Андрей Пашковскій, наславши кгвалтомъ слугъ своихъ, Миколая и иншыхъ не мало слугъ и помочниковъ, на домъ подданного его, въ селѣ Велешницы мѣшкаючого, которого дей онъ держитъ въ заставѣ отъ пана Адама Войны, именемъ Ивана Харвановича. Тамъ дей, за тымъ властнымъ насланьемъ и росказаньемъ пана Пашковского, тые слуги его того подданого самого зшарпали, жону его и матку его збили, окна, двери кгвалтовне порубали, посякли, и два вола, одного чорнаго а другого жъ чирвоного перестего, которые коштовали дей шесть копъ грошей, и клячу шерстью гнѣдую, купленную за копъ чотыри, кожухъ новый бараній, купленый за копу грошей литовскихъ, сукна сермяжнаго локоть чотырнадцать, которое дей коштовало сорока грошей литовскихъ, въ того дей подданого помененого въ дому его пограбили и то все до двора пана Андрея Пашковского, до двора Велешницы отпровадили, и просилъ, абы тое оповѣданье его было до книгъ врадовыхъ записано. Што есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 224.

16. Донесеніе Брестскаго вознаго о томъ, что онъ произвелъ освидѣтельствованіе мѣста, гдѣ стрѣльцы Полоцкаго воеводы Понятовскаго, изъ Шерешева, убили лося въ Бѣловѣжской пущѣ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Февраля 21 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставщи

на врадѣ возный повѣту Берестейского, Тимофей Васильевичъ Кругельскій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своей ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Тимофей Васильевичъ Кругельскій, енералъ воеводства Берестейского, признавамъ тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого осмьдесятъ девятого, мѣсеца Февраля шостогонадцать дня, въ пущи короля его милости Бѣловѣжской, подъ оступомъ Ясенемъ урочищомъ у Воротъ, за освѣтченьемъ пана лѣсничого и осочниковъ, видѣломъ мѣсцо, гдѣ лося забито, кровь и шерсть лосиная на томъ мѣстцу лежитъ; и повѣдилъ войтъ осочницкій Иванъ Полтичъ и осочники другіе, ижъ дей того лося забили стрѣльцы его милости пана воеводы Полоцкого зъ Шерешова, съ которыхъ одного сторожа осочники познали — слугу его милости Понятовскаго, который одъ его милости въ Чепеляхъ мѣшкаетъ; которого дей лося забивши року теперь идучого осмьдесятъ девятого, мѣсеца Февраля третегонадцать дня, съ понѣделка на волторокъ, въ ночи, кгвалтовнѣ съ пущи, съ поддаными зъ Вегинее до Вешнее выпровадили и до Шерешова гостинцомъ Виленскимъ одвезли до его милости самого пана воеводы. А на тотъ часъ при оповѣданью и повѣсти ихъ была при мнѣ сторона шляхта, люди добрые, земяне повѣту Берестейского, панъ Григорій Кругельскій а панъ Богданъ Волковицкій. И на томъ далъ пану лѣсничему Бѣловѣзскому сесь мой квитъ зъ моею печатью и съ подписомъ руки моей ку записанью до книгъ. Писанъ въ Ямной, Февраля осьмогонадцать дня, року тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятого. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 202.

17. Жалоба Полоцкаго воеводы Николая Монвида Дорогостайскаго на земенина Ивана Крупицкаго по поводу похищенія послѣднимъ двухъ его крестьянъ изъ села Вишней, Шерешевской державы, и пограбленія ихъ имущества.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Февраля 17 дня.

Писалъ и присылалъ до враду господарского староства Берестейского до мене Мальхера Райского, подстаростего Берестейского, велеможный панъ его милость панъ Миколай Монвидъ Дорогостайскій — воевода Полоцкій, оповѣдаючи, ижъ дей въ року теперь идучемъ тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятомъ, мѣсеца Февраля одинадцатого дня, въ суботу, земенинъ повѣту Берестейского панъ Янъ Крупицкій въ мѣстѣ его королевской милости Каменцу,

на добровольномъ торгу, подданого его королевское милости державы его милости Шерешовское, зъ села Вишней, на имя Сенька, кгвалтовне а безправне поймалъ зъ возомъ и зъ двѣма волами, а другого дей подданого короля его милости съ тогожъ села Вишней Ивана Ходакова, и иныхъ речей немало тыхъ обѣюхъ подданыхъ его королевское милости побравши, того Сенька, нѣтъ дей вѣдома, якимъ обычаемъ, съ тыми двѣма взявши возъ зъ дровами и иныхъ не мало речей побравши, до дому своего отпровадилъ и до сего часу у себе ихъ держитъ. О што жедать рачилъ его милости панъ воевода, абы тое оповѣданье его милости до книгъ врадовыхъ записано было, што есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 250—251.

18. Посвидѣтельствованіе Берестейского возного о томъ, что крестьяне села Кринокъ вбили сваи въ озерѣ Григорія Вагановскаго и чрезъ то попортили его тони.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Февраля 27 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского — Василей Макаровичъ Волковицкій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Василей Макаровичъ Волковицкій, возный воеводства Берестейского, вызнавамъ тымъ квитомъ моимъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятого быломъ въ справѣ его милости пана Вагановского — войского Берестейского, во имѣнью его милости Поникважъ, въ которомъ, за освѣтченьемъ его милости пана войского, видѣломъ озеро, которое идетъ зъ рѣки Буга, одъ млына пани Немѣриное, подле села короля его милости Кринокъ, въ томъ озерѣ бачиломъ въ першой тони паль одна посередъ тони убита, а далѣй поступуючи ку границамъ Пониковскимъ въ трохъ мѣстцахъ, то-есть, въ трохъ тоняхъ видаломъ палей убитыхъ осьмь, знать ни для чего иншого, только на забороненье и перешкоженье воloченья неводу. Якожъ и я бачиломъ неводъ новый въ одномъ крылѣ зедраный и ужища новые подраны. О которое забитье палей и о шкоды свое его милость панъ войскій даючи вину подданымъ короля его милости всему селу Кринкамъ оповѣдѣлъ, ижъ тые подданые дня осьмого мѣсеца Февраля, сего року осмьдесятъ девятого, кгвалтовне нашедши на тое властное озеро его милости пана Пониковскаго, пали побили и кгвалтовне ку переказѣ ловенья рыбъ учинили. Тогды мене возного и зъ шляхтою, людь-

ми добрыми, посылалъ его милость панъ войскій, пытаючи войта Кринского: есть-ли за вѣдомостью его тые пали во властной тони его милости побиты? Войтъ Кринскій, на имя Олиферъ, одказалъ: ижъ се они уси змовивши зо всимъ селомъ то учинили, а пали набили, тольконъ до битья палей у першой тони не зналъ се, а панъ войскій далъ вину во всихъ забитыхъ палѣхъ. Чого хотечи часу своего довести менилъ шкоды собѣ быть одъ тыхъ Криньчанъ на десеть копъ грошей литовскихъ. А на тотъ часъ при мнѣ возномъ были стороною шляхта, люди добрые, Вацлавъ и Матысъ Островскіе. Которого сознанья моего даломъ его милости пану Григорью Вагановскому, войскому Берестейскому, сесь мой листъ ку записанью до книгъ кгродскихъ подъ моею печатью. Писанъ у Берести, року осмьдесятъ девятого, мѣсеца Февраля четвертого дня. Которое сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 319—322.

19. Донесеніе вознаго о присутствіи его на актѣ формальнаго выбора бургомистровъ и ратмановъ для города Берестя, причемъ всѣми сословіями города были выбраны: одинъ бургомирстъ «зъ стороны лядской» (т. е. польской,—римско-католической) и одинъ «зъ стороны руское» (т. е. православной), а также ратманы съ той и другой стороны.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Марца 8 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Янъ Касперовичъ Остромечовскій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Янъ Каспоровичъ Остромечовскій—возный повѣту Берестейского сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Марца осьмого дня, на середупосной недѣли посту теперешнего великого у середу, быломъ въ справѣ его милости пана Остафіяна Тышковича Логойского—воеводича и войта дѣдичного Берестейского, при панѣ Янѣ Горновскомъ. Кгды водлугъ обычаю, въ мѣстѣ Берестейскомъ звыклого, именемъ и моцью его милости пана войта Берестейского елекцею обиранья бурмистровъ и радецъ на ратушу отправовалъ, при бытности бывшихъ старшихъ бурмистровъ, то-есть, Адама Щепановича и Михаила Ропа, и радецъ Андрея Хмѣльницкого, Станислава Курелевского, Януша Олиферовича, Станислава Щенявского, Ивана Стативки, Авкгуштына Шпаковича, Щасного Яновича, также лавниковъ присяглыхъ въ колѣ ихъ Василья Скибича—лентвойта, Андрея Слупского,

Адама Ростка, Шимона Рудковского. Федора Накрайка, Максима Ждановича и при всихъ цехохъ и посполству мѣста Берестейского; то на первей, засѣвши мѣстцо его милости папа войтово, моцью привилеевъ, отъ королей ихъ милости Польскихъ, пану войту на войтовство Берестейское наданыхъ, и моцью декрету недавно у Бозѣ зешлого пана нашого, годное и свѣтое памети, короля его милости Стефана, межи мѣщаны Берестейскими а его милостью паномъ войтомъ зъ стороны елекціей обиранья бурмистровъ учиненыхъ, казавши актъ алекцей (sic) записать на урадъ бурмистровскій людей на то годныхъ обиралъ, на которыхъ и цѣхове зо всимъ человѣкомъ пана Горновского просили, абы имъ людей побожныхъ, боязнь Божую передо всѣмъ маючихъ и рѣчи ихъ посполитое пожиточныхъ потомужъ и радѣ ихъ до кола раецского моцою права его милости пана войта обралъ и потвердилъ и слушный порядокъ учинилъ, ускаржаючисе на нѣкоторыхъ старшихъ бурмистровъ о непорядокъ ихъ прошлый. И гды панъ Горновскій особъ на урадъ бурмистровскій годныхъ обералъ, цѣхове и посполство, выступивши вси спольнѣ съ прозьбами своими, просили пана Горновского, жебы имъ на тотъ урадъ бурмистровскій зъ стороны лядской Андрея Слупского, а зъ стороны руское Яна Бѣлковича были обраны и потвердилъ. Панъ Янъ Горновскій, обачивши оныхъ особъ помененыхъ быть на урадъ годныхъ, и за прозьбою цѣховъ и всего посполства, моцью права и привилеевъ его милости пана Остафіяна Тишковича, яко войта головного, также и водлугъ декрету короля его милости Стефана, пререненыхъ особъ—Андрея Слупского и Яна Бѣлковича бурмистрами обралъ и потвердилъ; тамъ же ку нимъ до кола радецкого Адама Щепановича, Андрея Хмѣльницкого, Станислава Куреленского, Щасного Яновича, Кгрегора Кучковского, Августина Шпаковича, съ стороны мѣстской, тоюжъ моцью и вѣрностью пана войтову обравши, ствердилъ,—за што цѣхове и все посполство подяковали; а зъ стороны руское радцами Михала Ропа, Ивана Стативку, Дороша Тинцовича, Демяна Ханевича обрали. Которые, яко бурмистры, такъ и вси радцы каждый зъособна присегу выданьемъ роты презъ писаря войтовского Томаша Ропя учинили. А на тотъ (часъ) при мнѣ возномъ были стороною шляхта, люде добрые, Юрій Гозіюшъ а Криштофъ Томковичъ Кривицкій. Которого сознанья моего ку запису до книгъ кгродскихъ даломъ его милости пану Остафію Тишковичу—воеводичу и войту Берестейскому сесь мой квитъ подъ моею печатью. Писанъ у Берести, року осьмъдесятъ девятого, мѣсеца Марца осьмого дня. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1586—1566 г., стр. 1071—1074.

20. Посвидѣтельствованіе вознаго въ дѣлѣ разбойничьяго нападенія слугъ Ивана Кишки—пана Виленскаго, старосты Жомоитскаго и Берестейскаго, на людей Владимірскаго и Берестейскаго владыки Мелетія Хребтовича, въ городѣ Берестѣ, и нанесенія имъ тяжкихъ ранъ острымъ оружіемъ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Августа 16 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Себестіянъ Стоцкій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки свое ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Себестіянъ Стоцкій—возный воеводства Берестейского—вызнаваю тымъ квитомъ моимъ, ижъ року теперешнего тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Августа шостогонадцать дня, маючи я при собѣ сторону шляхту, людей добрыхъ, пана Яна Терлецкого, а пана Дугана Ильинского быломъ въ справѣ его милости отца владыки Володимирского и Берестейского отца Мелетія Хребтовича. Оповѣдалъ передо мною отецъ владыка, ижъ дей року теперешнего тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Августа четырнадцатого дня, слуги вельможного пана его милости пана Яна Кишки, пана Виленского, старосты Жомоитского и Берестейского, Андреяшъ Зердецкій и зъ иншими слугами его милости а помощниками своими, которыхъ они сами лѣпей знаютъ и прозвати ихъ вѣдаютъ, которыхъ было кольконадцать чловѣка, зъ розмаитыми бронями, запомневши покою въ рѣчи-посполитой варованого, нашедши моцью кгвалтовне на господу и слугъ его милости отца владычныхъ въ дому лентвойта Берестейского Василья Свибича, въ рынку въ мѣстѣ Берестейскомъ, тамъ же въ той господѣ высѣкли фортку и ворота и повыбіяли оболоны въ окнахъ въ томъ дому, невинныхъ слугъ его милости отца владычныхъ людей побили и помордовали. Якожъ, за оказаньемъ и за освѣтченьемъ его милости, видѣлъ есьми въ той господѣ въ дому лентвойтовомъ фортку и ворота высѣчоные и оболоны зъ оконъ повыбіяные, а слугъ его милости видѣломъ ранныхъ: у пана Ивана Нечаевского на руцѣ лѣвой подъ локтемъ рана крывавая, шкодливая; у пана Юрья Журавицкого видѣломъ раны двѣ, одна на лѣвой руцѣ рана тятая черезъ усю долонь, а на руцѣ правой рана тятая кровавая; у пана Ивана Островицкого видѣломъ на руцѣ лѣвой три пальцы шкодливе подтятые. Тые три слуги его милости отца владычины меновали, ижъ ихъ въ дому вышейменованомъ лянтвойтовомъ помененые слуги его милости пана Виленского побили и поранили. А особливе его милость отецъ

владыка оповѣдалъ передо мною вознымъ, ижъ тые жь слуги его милости пана Виленского вышейменованые того жъ дня чотырнадцатого мѣсеца Августа, въ року теперешнемъ осьмьдесятъ девятомъ, въ мѣстѣ Берестейскомъ, поткавши на добровольной дорозѣ, на улицы, которая идетъ отъ церкви мурованое въ рынокъ, служебника его милости отца владычиного пана Юрья Василевского, шляхтича, почтивого чловѣка, невинного, покоемъ посполитомъ убеспечоного, безъ обороны передъ домомъ Трохима—священника его милости князя бискупа Луцкого, немилостиве збили, зранили и змордовали, ледве живого оставили. Якожъ за оказованьемъ отца владыки у пана Яна Василевского рану на твары съ правой стороны отъ уха ажъ до губы тятую, барзо шкодливую, за которымъ разомъ три зубы зъ щоки вытяты, другая рана тятая, барзо шкодливе, съ тоежъ стороны у головѣ подъ ухомъ правымъ, третяя рана тятая бардзо шкодливая надъ лѣвымъ ухомъ на рогу головы, четвертая рана надъ очима на чолѣ тятая и на головѣ шкодливе зсѣчона, у тогожъ пана Василевского видѣломъ на пальцу правой руки тятый шкодливе, а на руцѣ лѣвой палецъ середній оттятый и другій палецъ до половицы надтятый. А другого слуги его милости отца владычины—у пана Ивана Журовицкого видѣломъ на локтю рану тятую шкодливе; которые раны онъ поведилъ быти сталые(?) и менилъ тое зраненье отъ тѣхъ же слугъ его милости пана Виленского, безъ обороны, въ улицѣ, зъ рынку до костела идучи, ему вчиненое. И на томъ далъ той мой квитъ за моею печатью и съ подписомъ руки моее власное его милости отцу владыцѣ. Писанъ у Берести, року тысеча пятсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Августа шостогонадцать дня. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 469—473.

21. Посвидѣтельствованіе Брестскаго вознаго по жалобѣ священника Каменецкой церкви Леонтія Семеновскаго на войтовско-лавничій судъ о неправильномъ завладѣніи его домомъ.

Лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля 20 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Александеръ Немѣра Кругельскій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижей менованое, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:—Я Александеръ Немѣра Кругельскій, возный повѣту Берестейского, вызнаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучомъ тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣ-

сеца Марца двадцатого дня, ижъ будучи мнѣ въ справѣ свещенника мѣста господарского Каменецкого Леонтія Мартиновича Семеновского до враду мѣстского войтовского Мартина Вишневского, лентвойта Каменецкого и всее лавицей лавниковъ Каменецкихъ: Грицка Мисковича, Стецана Уцевича, Васька Цявалу, Сенка Павлюковича, Остапія Климовича, Гордѣя Скибича; якожъ пыталъ Леонтей передо мною вознымъ и стороною Леонтей Мартиновичъ свещенникъ Семеновскій Каменецкій враду мѣстского войтовского Каменецкого лентвойта Мартина Вишневского и всее лавицы его тыми словы: Пане милый враде! Пытаю вашу милость, въ чомъ вашмость домъ мой подали Коцу Борысовичу за декретомъ короля его милости по присезе Коцовой, хотяжъ еси выписъ замковый передъ декретомъ покладалъ передъ нами врадомъ, незгодливый зъ выписомъ мѣстскимъ. О тую-жъ речь оповѣданья першого Коцова тамъ было тобѣ тымъ выписомъ боронить передъ ихъ милостями паны асесорами короля его милости, а теперь по тому выпису замковомъ началъ, а пытаешь насъ о домъ свой, въ чомъ подали домъ твой есьмо черезъ лавниковъ подали, то есть, черезъ Грицка Мисковича, Гордія Скибича и иншихъ лавниковъ, Флоріяна Гордѣевича, писара мѣстского, у десети золотыхъ польскихъ въ навезци и у шкодахъ у пятинадцать золотыхъ польскихъ, а у петидесети золотыхъ чирвоныхъ згубныхъ, то есть, у полдворища Коца увезали отъ улицы до стѣны усвитлицу, въ комору, у сѣни, у двѣ клѣти, у лазню, по колодязь бокомъ на всемъ томъ водлугъ декрету короля его милости присегнулъ и зложили есьмо рокъ свещеннику за шесть недѣль до оддань сумы пенязей. Якожъ бралъ мене свещенникъ возного на огледанье дому своего, съ которого дому своего передъ рокомъ шести недѣль вышолъ вонъ зъ него за росказаньемъ врадовымъ и въ томъ собѣ свещенникъ Семеновскій Каменецкій менилъ быти шкодъ отъ враду мѣстского войтовского Каменецкого на двѣстѣ копъ грошей Литовскихъ, и просилъ свещенникъ Семеновскій о видимусъ пана Мартина—лентвойта Каменецкого, подъ печатію мѣстскою, якъ есте и въ чо есте вашмость подали домъ мой. И панъ лентвойтъ Мартинъ зо всею лавицою повѣдилъ: Дамо тобѣ, свещеннику, выписъ за тыйдень поданья нашого въ домъ твой Коцеви; то панъ кгды тыйдень вышолъ тогожъ року осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Марца двадцать семого дня, и Леонтей свещенникъ Семеновскій упоминалсе передо мною вознымъ, просечи Мартина—лентвойта Каменецкого и лавниковъ о выписъ, и Мартинъ лентвойтъ зо всею лавицою, водлугъ декрету короля его милости и водлугъ увезанья и поданья въ домъ свещенниковъ, того видимуса подъ печатью мѣстскою, яко се обѣцали, не выдали, указуючи на его милость пана войта головного Каменецкого. По которомъ указованью лентвойтовомъ и всего кола лавничого, водлугъ декрету короля его милости теперешнего, по присязѣ Коца Борысовича и за поданьемъ врадовымъ дому моего отъ вашмость, пане враде, просилъ Леонтей—свещенникъ Семеновскій, водлугъ листовъ королевскихъ, которые листы Мартинъ Вишневскій, лентвойтъ Каменецкій, передо мною вознымъ до уписованья до книгъ мѣстскихъ Каменецкихъ взяли и опять мнѣ ихъ до рукъ моихъ оддали, перепи-

савши. И повѣдилъ Мартинъ лентвойтъ Каменецкій: бо тые листы ихъ королевскихъ милостей писаны у Головахъ до его милости пана войта головного. И священникъ на то повѣдилъ: Его милость панъ войтъ головный не возитъ за собою справедливости, але на мѣсцу ее зоставуетъ, бо вашмость, пане Мартине Вишневскій, на мѣстцу его милости лентвойтомъ Каменецкимъ. Якожъ за листы королевскими при бытности бурмистра Каменецкого Троца Ильящевича на ратушу просилъ священникъ Семеновскій, абы зъ лентвойта справедливость учинилъ за то, ижъ мнѣ Коца Борисовича за збитье и зраненье мое и за выданье и осажованье до замку у винѣ справедливости чинити не хочетъ и зъ иншихъ, до которыхъ мнѣ потреба будетъ. И бурмистръ повѣдилъ тыми словы: не нашъ то судъ бурмистровскій, але то судъ войтовскій, зъ лентвойта справедливость чинити жадаломъ, абы тежъ за моимъ позвомъ помененого Коца за зраненье шкодливое была мнѣ учинена справедливость водлугъ листовъ королевскихъ и о иншіе кривды на жалобу мою съ того Коца и зъ иншихъ до кого мнѣ потреба будетъ. Нижли ихъ маетъ яко врадъ, сусѣдомъ своимъ фолькгуючи, жалобы моее до себѣ приступить и напротивко позванымъ слухати нехочете, што не только въ той справѣ моей о зраненье мое, але и о иншіе справы жельживости моей передъ вами собѣ справедливости довести не могу, для чого короля его милости светое помяти Стефана змерлого и теперешнего его милости короля Жикгимонта до вашмость листы вынесъ о скутечное учиненіе справедливости, которые листы королей ихъ милостей на сторону отложивши, мнѣ до того часу справедливости одволоку чините и моихъ оповѣданій врадовыхъ не пріймуете и пословъ на позовъ придавати не хочете, въ чомъ великую шкоду и кривду и зельживость ни отъ кого иншого, одно одъ вашмость, враду отношу, прето и теперь передъ вознымъ и стороною прошу съ того адверсаріи моего Коца Борисовича и зъ иншихъ сусѣдей своихъ о учиненіе справедливости и о приданіе посла на позовъ по сторону мою и день певный зложенья права. На которую повѣсть и пытанье врадъ войтовскій мѣстскій Каменецкій повѣдилъ: мы тобѣ року не складаемъ, ани посла придаемъ, нехай повѣдаетъ его милость панъ войтъ нашъ головный, прибудетъ тутъ до Каменца, той тобѣ справедливость учинитъ за листы королевскими, бо до его милости писаны листы у Головахъ. А священникъ Семеновскій тыми словы: а нужъ его милость панъ войтъ головный за рокъ, або и за килька роковъ не будетъ тутъ до Каменца, а не справедливости чинити не хочете, одно повѣдаеть, што до того бо вышей лба очи не ростутъ. Которое пыталсе и одповѣдь зъ обоихъ сторонъ поданыхъ священникъ Семеновскій мною вознымъ и стороною освѣтчилъ, а на тотъ часъ было на ратушу шляхты немало. А при мнѣ вознымъ стороною были шляхетные служебники велеможного пана его милости, пана Северина Быковского—земенина повѣту Берестейского, панъ Станиславъ Кицкій, панъ Янъ Бзовскій. И чого всего достатечне выслухавши, будучи добро свѣдомы, сесь мой квитъ подъ печатью моею сознанье ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ

далъ. Писанъ въ Каменцу, року осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Марца двадцать семого дня. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 377—378.

22. Жалоба земянина Николая Горновскаго на земянина Өедора Телятицкаго, который, пользуясь его отсутствіемъ, насильственнымъ образомъ забралъ у него, въ Светицкомъ дворѣ, восемь копъ изразцовъ муравленныхъ и др. предметы.

Року 1589, мѣсеца Апрѣля 5 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ земенинъ повѣту Берестейского панъ Миколай Горновскій, оповѣдалъ и жаловалъ на врадѣ, ижъ дей року теперъ идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Марца четвертого дня панъ Федоръ Телятицкій, самъ особою своею съ помоцниками наѣхавши кгвалтовне на дворъ Светицкій, которого дей онъ зъ братомъ своимъ маетъ и держитъ въ суммѣ пенязей отъ пана Вагановского Яна, тамъ же дей въ томъ дворѣ кгвалтовне побралъ кафлевъ поливаныхъ его властныхъ копъ осьмь, кождая дей копа куплена по золотыхъ пяти; столовъ два роботы цудное, коштовали дей золотыхъ петнадцать, двери одни роботы цудное, коштовали дей копу одну литовскую. Што дей то все кгвалтовне панъ Федоръ Петровичъ Телятицкій въ небытности его въ дворѣ кгвалтовне побралъ, и слугу его, которого дей онъ зоставилъ на мѣсцу своемъ у дворѣ въ Светичахъ, на имя Миколая Туровского, того дей слугу его панъ Федоръ Телятицкій, кгды его упоминалъ, абы кгвалтовне тыхъ речей звышпомененыхъ не бралъ, зсоромотилъ словы неучтивыми. И просилъ панъ Горновскій, абы тое оповѣданье до книгъ врадовыхъ было записано, што есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 393—394.

23. Посвидѣтельствованіе вознаго по поводу жалобы еврея Глѣбки Вольфовича, арендатора двухъ Ломазскихъ мельницъ, на мельника этихъ мельницъ Тимоша, который допустилъ въ нихъ порчу и неисправности и чрезъ то причинилъ еврею убытковъ на 60 копъ литов. гр.

Лѣта Божого Нароженья 1586, мѣсеца Апрѣля 10 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Павелъ Пресмыцкій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своей ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Павелъ Пресмыцкій—возный воеводства Берестейского, вызнавамъ тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля девятого дня, оповѣдалъ се и освѣтчалъ передо мною вознымъ Глѣбко Вольфовичъ—арендарь Ломазскій на млынаря Ломазского, на име Тимоша, ижъ онъ не направилъ млына на гребли Ломазской, который млынъ стоитъ у двора, и въ другой мельницы коло одно злое, але направное, которое коло порожнюеть отъ девети недѣль; а тотъ млынъ, што у двора, ужо стоитъ ненаправный отъ року. И меновалъ собѣ Глѣбко шкоды въ томъ ненаправяныо млына передо мною вознымъ, который отъ року не мелѐ, сорокъ копъ литовскихъ; а што другое коло не мелетъ отъ десети недѣль, меновалъ шкоды копъ двадцать литовскихъ, съ тое причины, ижъ подданые короля его милости и мѣщане Ломазскіе, ижъ до Росошскихъ млыновъ ѣздятъ молоть, же не маютъ гдѣ молоть. Якожъ я возный звышпомененый, за показаньемъ и освѣтченьемъ Глѣбка Вольфовича, видѣломъ млынъ ненаправный у двора и упусту немаешь, одно гать передъ упустомъ загачоно хростомъ и пѣскомъ засыпано, который не есть направный. А въ другой млыницы видѣломъ коло ненаправное на тойже гребли Ломазской. Што то все мною вознымъ Глѣбко освѣтчилъ на Тимоша млынаря. А на тотъ часъ при мнѣ возномъ были стороною шляхта—панъ Беняшъ Ласкій а панъ Миколай Сколимовскій. И на томъ я возный звышпомененый даломъ тотъ мой квитъ ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ съ печатью моею и съ подписомъ руки. Писанъ въ Ломазѣхъ, року и дня звышпомененого. Которое-жъ сознанье вознего поменененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 408

24. Заявленіе земянина Аѳанасія Куцука Лазуцкаго о томъ, что изъ его села Вороблина въ Брестскомъ повѣтѣ убѣжалъ неизвѣстно куда крестьянинъ Михно Ковалевичъ, съ женою, двумя сыновьями и тремя дочерьми, забравъ при этомъ съ собою своедвижимое имущество, какъ-то лошадей, воловъ, коровъ и пр.,

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Апреля 16 дня.

Присылалъ на врадъ кгродскій замку Берестейского до мене Мальхера Райскаго — подстаростего Берестейского, панъ Офанасъ Куцукъ Лазуцскій брата своего пана Андрея Куцука, оповѣдаючи о томъ, ижъ дей року таперь идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Апреля четвертогонадцать дня, подданый дей ихъ пановъ Лузцкій отчизный и похожій зъ села Вороблина, въ повѣтѣ Берестейскомъ лежачого, на имя Михно Ковалевичъ, зъ жоною, на имя Настею, и зъ дѣтьми, на имя: сынми—Вавришомъ и Сацомъ, и зъ дочками тремя—Мелахою, Тацою и Марушою, также зо всею маетностью, то есть, дей меновите: воловъ два робочихъ—копъ по двѣ, коровъ три -копъ по полтрети, коней пятеро—копъ по чотыри, озимковъ двое годовъ по два—грошей по сороку, овецъ двое—грошей по полъ копы, гусей двое, статки домовые и иншіе речи маетностью ихъ немалою отъ нихъ дей, пановъ Лазуцкихъ, пановъ своихъ, отъ его именья Вороблинского, прочь утѣкли, збѣгли и выкотилисе, нѣтъ вѣдома гдѣ и до кого. И до взятья певнѣйшое о томъ вѣдомости заховуючи и варуючи собѣ о томъ, у кого бы се на именью тотъ подданый ихъ помененый показалъ и мѣшканье, мѣлъ, правное мовенье панъ Лазуцкій именемъ брата своего пана Офанаса и всимъ отъ себе и всее братьи своее молодшое для часу пришлого просилъ, абы то его оповѣданье, жалоба его, до книгъ врадовыхъ было записано. Што есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 423—433.

25. Свидѣтельство возныхъ о производствѣ слѣдствія посредствомъ копы (копнаго суда) по поводу кражи, произведенной въ домѣ Николая Костюшки-Сехновицкаго Яномъ Мочульскимъ.

Року 1589, мѣсеца Апрѣля 18 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Костентинъ Михайловичъ Непокойчицкій, очевисте призналъ квитъ сознанья

своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки другого возного Яна Казновского ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ и такъ се въ собѣ маетъ: Я Костентинъ Махайловичъ Непокойчицкій—возный воеводства Берестейского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ рокy теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля шостогонадцать дня, будучи мнѣ въ справѣ пана Миколая Костюшка Сехновицкого на гоненье слѣду на копи, врочищомъ Уградъ, о покраденье скрынки съ коморы его власное въ имѣнью его Сехновицкомъ, въ дворѣ, а то есть: менитъ быть панъ Миколай Костюшко передо мною вознымъ въ той дей скрынцы, въ шкатулѣ, были дей листы потребные и мѣлъ справъ, то есть: напередъ листъ, ижъ што выкупилъ имѣнье Пелепилки у пана Павла Кричковского на полтораста копъ грошей, на имѣнье Пелепелки; ку тому мамрамъ неписаный, листъ подъ чотырмя печатьми, што дей выкупилъ онъ же панъ Миколай Костюшко въ того же пана Павла Кричковского; листъ еднацкій о розницы съ паномъ Павломъ Кричковскимъ о розницы; ку тому справы листы съ паномъ Григорьемъ Костею, такъ тежъ и позвы, которые были положены отъ пана Ивана Шляхты, два позвы на имѣнью его Сехновицкомъ, такъ тежъ и позвы положоные отъ пана Михайла Сосновского и отъ пана Беняша хоружича и иншихъ справъ дей не мало менитъ быть панъ Миколай Костюшко у той скрынцы были, которыхъ и спомнеть не можетъ. Еще тежъ у той же скрынцы было грошей готовыхъ копъ двѣстѣ литовскихъ, и ложокъ дей сребрныхъ шесть, кубковъ два, перстень зъ жабинцомъ золотый, и иншихъ дей речей не мало. Нижели панъ Миколай Костюшко на той шкодѣ и на томъ дей слѣду, кгды въ его покрадено тые речи и справы, заразомъ дей на завтрее копу и слѣдъ гонилъ, мѣсеца Апрѣля второгонадцать дня. Але я возный на двухъ слѣдахъ не былъ. Вѣдь-же кгдымъ былъ зъ руки пана Миколаевы Костюшка, тамже на той третей копѣ, которая была врочищомъ Уградъ, вся копа передо мною вознымъ признала: же панъ Миколай Костюшко слѣдъ гонилъ у середу и въ пятницу, и показовалъ передъ нами, яко на першой копѣ, такъ и на другой копѣ рукавицу, которую по той шкодѣ тоежъ ночи въ коморѣ нашолъ своей у Сехновичахъ. И кгды се вже на копу и зъ селъ розныхъ, такъ тежъ и зъ дворовъ зышли, а то-есть: за дворъ его милости пана Мальхера Райского королевскій отказывалъ Петрукъ Жедиковичъ, а за дворъ его милости пана Федора Патея, судьи земского Берестейского отказъ чинилъ подданый его милости Марко Човжевичъ, а зъ двора его милости пана Рудольфа Рудницкого, отказъ чинилъ Фалько Бикуновичъ, за дворъ его милости пана Остафья Здетовецкого, отказъ чинилъ бояринъ его милости Каленикъ Пучичъ, а за дворъ пана Ивана Данильевича шляхты Юско Колотушичъ отказъ чинилъ, а зъ двора пана Лаврина Здетовецкого Андрей Сенковичъ Олексіевичъ отказъ чинилъ передъ усею копою и передо мною вознымъ. И то тежъ вся копа передо мною вознымъ вызнала: же се панъ Дмитръ, ани самъ на тыхъ двухъ копахъ не становилъ, ани тыхъ, на кого панъ Костюшко жалуетъ, а то есть, зъ селъ, которые на копи были зогнаны, яко на слѣду звыклый, село его милости пана Федора Патея—судьи зем-

ского Берестейского, зъ Дремлева все село, то есть, Занонъ Федоровичъ а Грицъ Микуличъ и иншихъ немало; село Степанки розныхъ пановъ, а то есть, пана Мальхера Райского—подстаростего Берестейского, подданый Андрей Сушко и Данило Евтуховичъ и иныхъ немало; съ тогожъ села его милости пана Марка Яцынича Андросъ Дорошевичъ и иншіе; съ тогожъ села его милости пана Рудецкого—чашника земли Волынское, Стецъ Рощинка и иншихъ немало, все село его милости пана Федора Патея—судьи земского Берестейского; зъ улицы, прозываемое Кривое, Петрукъ Будиловичъ и иншихъ немало; все село Ханки его милости пана Марка Яцынича—Гарасимъ Волосовичъ и иншихъ немало; село все а бояре его милости пана Мальхера Райского—подстаростего Берестейского, то есть, Петрукъ Жедиковичъ и отъ себе село Блышино его милости пана Ивана шляхты Здетовецкое, то есть: Сидоръ Драчъ, Трохимъ Вакуличъ, усе село и иншіе; село Матіевичи его милости пана Беняша Федюшка—хоружича Пинского, то-есть: Антонъ Масюковичъ, Евхимъ Довбенчичъ, все село; село Бахново его милости пана Лаврина Здетовецкого: Олисей Лизейко, Тицъ Мелашичъ и иншихъ не мало; село пана Сасина Старовольского, Пилиповичъ Омельянъ, Солоничичъ и иншіе; село Грыцевичи, подданые пана Рудольфа Рудницкого: Андрей Гречичъ и иншіе; село Грынцевичи, подданые пана Тимофея Тишка: Максимъ Гресевичъ и иншіе; село его милости пана Судино Семеновцы: Мартинъ Пужичъ и иншихъ; село пана Федора Костюшка Сехновицкого Сехновичи, то-есть: Томашъ Миколаеня, Степанъ Очковичъ, Вакула Хомичъ, Дорошъ Трусеня и иншихъ немало; а зъ двора его милости Сехновицкого Федоръ Сенютичъ отказъ чинилъ. А кгды се уже зышли яко за тые дворы звышпомененые, такъ тежъ и зъ селъ отказъ чинили на тую копу, яко на день шестьнастый мѣсеца Апрѣля, року осьмьдесятъ девятого, то вжо опослѣ потомъ панъ Дмитръ Здетовецкій пріѣхалъ зъ многими людьми, поддаными своими, такъ тежъ и пріятельми, то-есть: паномъ Миколаемъ Телятицкимъ, а урядникомъ владычнимъ зъ Берестья Симономъ Лазовскимъ, а подданые его пана Дмитровы Гордей и Семенъ, Андрей и Лукашъ, и иншихъ немало, которыхъ онъ самъ имены налепей вѣдаетъ. Нижели кгды пріѣхалъ, мовилъ тыми словы: Мужеве, чого се есте тутъ зобрали а о што копуете? Ижъ што есте ми съ першихъ копъ указали стать, абыхъ самъ сталъ и гости свои поставилъ, и Мочульского Яна, отожъ я и самъ се становлю и гости ставлю, и Мочульского. А потомъ, кгды панъ Миколай Костюшко жалобу свою передъ копою учинилъ о вылупенье коморы и о згиненье съ тое коморы шкатулы, яко вышшей описано, а на потомъ рукавицу указалъ, а скоро одно указалъ, повѣдилъ самъ панъ Дмитръ Здетовецкій, ижъ дей то рукавица брата моего Мочульского, который тутъ же на томъ мѣсцу заразомъ тыми словы мовилъ: Же дей то рукавица моя властная, которая дей у мене украдена, коли дей матка твоя зъ Сехновичъ вывозиласе. А панъ Миколай Костюшко на то такъ повѣдилъ и свѣдки ставилъ: же у него на Великъ-день свята Руского у церкви, у Микитья бачилъ у Здетовцахъ, а то-есть першій свѣдокъ Андрей—тивунъ его милости пана Лаврина Здетовецкого, а другій земенинъ повѣту Берестейского панъ Федоръ и панъ

Сегень Себестьяновичи Богуславскіе. Нижели потомъ копа мовила: Чого дей насъ бавите? Коли вже онъ до рукавицы признался, то вжо и дѣло его. А панъ Миколай Костюшко потомъ пана Дмитра пыталъ, разъ, другій и третій: естлибы ему пану Дмитру служилъ.? Онъ повѣдилъ, же минѣ не служитъ. Потомъ панъ Миколай Костюшко ему пану Дмитру оного Яна Мочульского припоручалъ въ пети сотъ копахъ грошей. А панъ Дмитръ повѣдилъ: яко ми не служитъ, такъ и въ припаруцѣ его не пріймаю и пріймовать не хочу. Еще панъ Миколай Костюшко его пана Дмитра пыталъ: естлиже бы его боронить не хотѣлъ. Онъ панъ Дмитръ повѣдилъ, же его не бороню и боронить не буду, бо онъ маетъ пана. То пакъ панъ Миколай Костюшко потомъ домовлялсе, абы декретъ свой копный выдали. Нижели копа вся на то повѣдила: Пане Костюшку, естлибы то былъ братъ нашъ мужикъ, теды бысьмы его поймали, а на пеньку посадили и по грошу, або по два скинули; естли бысмы его не допыталисе, мыбысмо его навезали; а теперъ домышляйсе ваша милость, а его поймай, а до ураду отвези. Нижели скоро то копа вся вымовила, осветчившисе мною вознымъ и стороною, панъ Миколай Костюшко паметнымъ заложилъ копу, и оного Яна Мочульского имать казалъ. А кгды тотъ Мочульскій то услышалъ, же его имать хочуть, онъ заразомъ добывши шабли почалъ сѣчи и боронитися и на тотъ часъ яко слугу пана Миколая Костюшкового Себестьяна Савиньского, такъ тежъ и его самого пана Миколая Костюшка, такъ тежъ и сторону пана Сегеня, такъ тежъ и менѣ самого возного Костентина Непокойчицкого раны позадавалъ; а потомъ, кгды уже его поймали, тыми словы тотъ то Мочульскій мовилъ: Пане брате! пане Дмитре! Для чего я маю за кого терпѣти, кгдыжъ есть виннѣйшій? А панъ Миколай и то мною вознымъ свѣтчилъ и стороною. Нижели панъ Дмитръ уже будучи пойманого Мочульского на поруку просилъ. А панъ Костюшко на то повѣдилъ такъ: Коли дей ты на тотъ часъ въ припаруцѣ не пріймовалъ, коли я тобѣ его припоручалъ, теды я и тобѣ на рукоемство его недамъ. И то тежъ панъ Дмитръ мовилъ ж припоручалъ его въ петисотъ копахъ грошей, абы ему жадного мордерства не чинилъ. А панъ Костюшко боячисе того, абы за то якое заруки на немъ панъ Дмитръ не презыскалъ, мене возного заразомъ до дому своего съ тогожъ мѣсца, где копа была, и сторону съ тѣмъ же Яномъ Мочульскимъ узялъ. Нижлимъ я возный, якомъ тамъ пріѣхалъ и ночовалъ есми у пана Миколая Костюшка въ одной свѣтлицы зъ нимъ паномъ Костюшкомъ и зъ нимъ Яномъ Мочульскимъ ночовалъ, и сторона, люди добрые, шляхта; а панъ Костюшко ани жадное муки и деспектовъ ему Мочульскому не задавалъ, але яко его съ копы взялъ, такъ и до замку отвезъ его королевское милости Берестейского. Але онъ самъ добровольне тамъже въ Сехновичахъ передъ нами возными и стороною людьми добрыми признался тыми словы: Правда дей, же шкатулу пана Миколая Костюшкову зъ Юркомъ, возницою пана Костюшкова, укралъ, самъ дей у окна того коморного стоялъ, а тотъ Юрко одорвавши сокерою оконницу и оболону шкляную выбивши тамъ влѣзъ Якожъ мнѣ возному, панъ Миколай Костюшко оказовалъ окно въ коморы шкляное половица выбита; и мѣнитъ тотъ Мочульскій передъ нами возными Яномъ

Казновскимъ и Костентиномъ Непокойчицкимъ, же и шкатулу съ тое коморы ему тотъ истый Юрко тому Мочульскому окномъ подалъ, а самъ лѣзучи съ тое коморы въ окнѣ коморномъ тамъ завязъ; а потомъ, кгдымъ дей его ратовалъ съ того окна, псы се на насъ кинули, а я дей на тотъ часъ ратуючи товариша своего Юрка рукавицу у комору упустилъ тую, которую панъ Миколай Костюшко покладалъ на копѣ, и для того есьмо ее у коморѣ отбѣгли, ижъ есьмо почули голосъ Себестьяновъ, а псы се до насъ кинули. А панъ Миколай Костюшко нами возными и стороною свѣтчилъ ку тому и то тежъ повѣдилъ тотъ Мочульскій тыми словы: Ижъ дей скоро до тебе припадутъ и схочутъ имать, ты дей боронисе, яко могучи, то ми чинить казалъ панъ Дмитръ. А ку тому передо мною возньмъ панъ Миколай Телятицкій упоминалсе шабли своее у него Мочульского, абы ему вернулъ, а панъ Костюшко вернути ему не казалъ. И то тежъ повѣдилъ тотъ-то Янъ Мочульскій, ижъ есьмо то учинили и до коморы пана Костюшковы уломившисе тотъ Юрко а я тамъ-же дей былъ за прозьбою пана Дмитра Здетовецкого—брата моего, и за прозьбою пана Миколая Телятицкого и за прозьбою пана Льва Рудницкого и за намовою пани Костюшковое, а за то все, што мы шкатулу украли зъ листы и што въ ней было, намъ коня обѣцали. И кгды есьмо тую шкатулу принесли, дали есьмо тымъ всимъ особамъ звышпомененымъ у дому пана Дмитра Здитовецкого и ему самому. А панъ Костюшко мною возньмъ и стороною свѣтчилъ ку тому, ижъ што поранилъ тотъ-то Мочульскій за огледаньемъ и оказаньемъ ранъ, то-есть, на слузѣ пана Костюшковомъ на Себестьяну Савиньскомъ рана на плечи тятая ажъ до кости, а на головѣ за ухомъ рана спухлая битая, а на уху рана крывавая на правой сторонѣ, а на самомъ пану Костюшку ухо правое сине спухлое, а на лѣвой руцѣ жупанъ протятъ, а на сторонѣ на пану Сегеню Богуславскомъ рана крывавая на правой руцѣ на мезиномъ пальцу, якожъ и мнѣ возному Непокойчицкому въ носъ досталосе. А при всей той справѣ были того добре свѣдомы будучи при насъ ихъ милость стороною были панъ Сегень, панъ Федоръ Себестьяновичи Богуславскіе и панъ Василей Леньковичъ, и на то есьмо дали тотъ нашъ квитъ подъ нашими печатьми и съ подписомъ руки мене Яна Казновского письмомъ польскимъ. Писанъ у Берести, року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля семогонадцать дня. Котороежъ сознанье возныхъ звышпомененыхъ до книгъ врадовыхъ кгродскихъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 812—814.

28. Декретъ короля Сигизмунда III-го, осуждающій на баницію и казнь шляхтича Станислава Здитовецкаго за убійство слуги Троскаго воеводы Радивила, по имени Константина Пукля.

Року 1589, мѣсеца Іюня 3 дня.

Передъ нами врадниками кгродскими Берестейскими, Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ и Адамомъ Кричевскимъ—судьею, ставши на врадѣ панъ Грегорей Полчицкій — врадникъ Чорнавчицкій ясне вельможного княжати на Олыцѣ и Несвѣжу и граби на Шидловцу и Миру, пана Миколая Криштофа Радивила, оповѣдалъ и намъ врадови до рукъ отъ его милости пана своего ку запису до книгъ врадовыхъ подалъ декретъ его королевское милости, сказаного на горло и выволанье съ подданства его королевское милости великаго князства Литовского и земель, ку нему приналежачихъ, Станислава Здитовецкаго—шляхты о забитье и замордованье пахоляти его милости пана Трокского, небожчика Костантина Пукля и просилъ, абы тотъ декретъ его королевское милости для вѣдомости всихъ до книгъ врадовыхъ уписанъ былъ, который же въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Жикгимонтъ третій, Божью милостью король польскій, и проч. Слухали есьмо тое справы съ паны радами нашими на соймѣ теперешнемъ, при насъ господари будучими, которая приточила се передъ насъ за припозваньемъ отъ кашталяна Трокского пана Миколая Криштофа Радивила—княжя на Олыцѣ и Несвѣжу, служебника его милости Станислава Здитовского—шляхты о то, ижъ тотъ помененый Здитовецкій, служачи у его милости часъ нѣкоторый и будучи слугою рукодайнымъ, а потомъ отступивши повинности своее шляхетское и не паметаючи на боязнь Божую, ани на срокгость права посполитого, своволне и непристойне, въ року недавно минуломъ осьмьдесятъ осьмомъ, мѣсеца Августа десятого дня, вземши передъ себе злый умыслъ, зо вторка на середу, въ ночи, пришедши до кгмаху, тамъ, гдѣ его милость мѣшканье свое мѣлъ, у дверей покоевыхъ, при бытности его милости самого, коли се вже былъ спати положилъ, въ имѣнью его милости въ замку Мирскомъ, похоля его милости Костентина Пукля—человѣка спячого на ложку, здрадливе и неотповѣдне шаблею на смерть забилъ и замордовалъ, а потомъ и самъ заразъ невѣдати гдѣ уѣхалъ. На которомъ року за тымъ позвомъ припалымъ тотъ обвиненный Станиславъ Здитовецкій черезъ енерала нашого возного дворного ку праву передъ насъ господаря былъ воланъ. Нижли онъ за тымъ воланьемъ ни самъ не сталъ, такъ же никоторое вѣдомости намъ господарю и сторонѣ своей противной не далъ, только отецъ того обвиненного, Станислава Здитовецкаго, Янъ Здитовецкій — шляхта, приповѣдалъ се, зносечи позевъ зъ имѣнья своего Здитовя, на которымъ тые позвы

по того сына, его милости пана Троцкого покладаны были, ижъ тымъ спиралъ, ижъ по того сына его яко по неоселого на томъ имѣнью его власнымъ, до которого еще тотъ обвиненый сынъ его жадного права не маетъ, тые позвы неслушне, а не водлугъ права положоны суть. просечи, абы за учинокъ сынный на добрахъ его никоторая отправа чинена не была. А стороны его милости пана Троцкого показовано въ статутѣ новомъ, который вже законъ моци его нашого господарского до уживанья у великомъ князствѣ Литовскомъ пришолъ, въ роздѣлѣ оденадцатомъ, артикулъ пятьдесять семый, и уфалу сойму корунацѣей нашое въ року прошломъ осьмьдесятъ осьмомъ, въ Краковѣ учиненную, ижъ слушне водлугъ тое науки статутовое на томъ имѣнью позвы покладаны были, кгдыжъ не того имѣнья, або кгрунтовъ позыскуютъ, але только виноватого для усправедливенья позывано и слушне на томъ имѣнью позвы суть положены. А ижъ помененый Станиславъ Здитовецкій—шляхта ку росправѣ того обвиненья своего не становилсе, домовилсе служебникъ его милости пана Троцкого АдамъМархачъ, абы тотъ обвиненный за тотъ злый учинокъ свой на горлѣ отсуженьемъ почтивости каранъ былъ, водлугъ артикулу семьнадцатого и четвертого тогожъ роздѣлу оденадцатого. А такъ мы, намовившисе въ томъ зъ ихъ милостью панами радами нашими и узнавши тое положенье позву быти слушное и правное, на томъ имѣнью Здитовѣ, кгдыжъ не о имѣнье позывано, только для вѣдомости позванья на томъ имѣнью позовъ покладанъ, за который ижъ се обвиненый въ такой рѣчи ку праву не становилъ, того Станислава Здитовского — шляхту, яко непослушного права посполитого и зверхности нашое господарское, симъ декретомъ нашимъ за забойство на горло всказуемъ. И хотяжбы водлугъ права посполитого за таковый свой злый улинокъ почтивости отсужонъ быти маетъ; нижели мы за чоломъ битьемъ и покорною прозьбою Яна Здитовского—шляхты, отца его, срокгости права посполитого ухиляючи мѣсто почтивости отсуженья, съ панства нашого великого князства Литовского и зо всихъ земъ, до его належачихъ,вѣчне Станислава Здитовецкого—шляхту, выволываемъ, которому поднесеньемъ листу канцеляріи нашое давано и ку росправѣ ужо припущоно ужо быти не маетъ; и гдѣ бы кольвекъ по семъ декретѣ нашомъ близкіе и кровные того забитого гдѣжъ кольвекъ оного Станислава—шляхту пристегнули, тогды врадъ кождый, гдѣ будетъ пристигненъ, маетъ его, яко мужобуйцу, правомъ поконаного поймати и не чинечи ему въ томъ жадное фолькги, за симъ декретомъ нашимъ, на горлѣ скарати. Што про паметь до книгъ нашихъ канцелярскихъ есть записано, съ которыхъ и сесь декретъ подъ печатью нашою его милости пану Троцкому выданъ есть. Писанъ у Варшавѣ, лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Априля осьмьогонадцать дня.

Утого декрету печать его королевское милости великого князства Литовскаго а подписъ руки его милости пана подканцлера тыми словы подписано: Левъ Сапѣга—подканцлерій великого князства Литовского.

1589.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 437—439.

27. Донесеніе вознаго о присутствіи его «на копѣ» (копномъ судѣ) при допросѣ земянина Яна Мочульского, уличеннаго въ кражѣ въ домѣ земянина Николая Костюшки-Сехновицкаго.

Року 1589, месеца Апрѣля 18 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на враду возный повѣту Берестейского Костентинъ Михайловичъ Непокойчицкій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маеть:

Я Костентинъ Махайловичъ Непокойчицкій, возный повѣту Берестейского, зезнавамъ симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперешнего осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля шестнадцатого дня, будучи мнѣ на копѣ, отъ пана Миколая Костюшки забраный, врочищомъ на Градахъ, и кгды ку той копѣ пріѣхалъ, земенинъ повѣту Берестейского панъ Дмитръ Семеновичъ Здетовецкій мовилъ до пана Костюшки тыми словы: Ото дей подданые мои вси и я самъ и гости мои! нехай се тобѣ въ той школдѣ твоей справуютъ. Якожъ при немъ пану Дмитру и панъ Янъ Мочульскій пріѣхалъ, до которого мовилъ Костюшко: ото дей то мой злодѣй, и рукавицу крайчоную чирвоную съ кишени вынявши повѣдилъ: Чія дей то рукавица? А панъ Янъ Мочульскій повѣдилъ: Моя дей то рукавица, у мене дей тая рукавица згибла еще тотъ часъ, коли матка твоя пани Костюшковая изъ Сехновичъ се вывоживала, але дей я тобѣ не есть жаднымъ шкодникомъ и готовъ ся есьми тобѣ въ томъ во всемъ усправедливити, а наветъ дей готовъ есьми на томъ присегнути, и повѣдилъ: ижъ дей я тое ночи, которое се тобѣ повѣдаешь шкода стала, и тутъ не былъ, алемъ ночовалъ съ сыномъ пана Дмитровымъ у подданыхъ пани Володковичовое въ Чемерохъ. А панъ Костюшко повѣдилъ до пана Дмитра: Ото дей я тобѣ его припоручаю въ петисотъ копахъ грошей. А панъ Дмитръ повѣдилъ: Нашто дей ты мнѣ его припоручаешь, кгдыже се вонъ тобѣ заразъ хочетъ усправедливить и вcase справедливаетъ. А панъ Костюшко на то ничого не дбаючи, што се онъ справляти хотѣлъ, але за разомъ заволавши на копу и на подданыхъ своихъ, такъ тежъ на слугъ и пріятелей своихъ, абы Яна Мочульского яко злодѣя его имали и били и забили. А потомъ самъ и зъ слугами своими порвавшисе до шабель, почалъ на Мочульского сѣчь, который тежъ ему боронилъ; а потомъ Мочульского изранили, изсѣкли и звезали яко одного злодѣя и назадъ руки ему завязавши его водили. А панъ Дмитръ въ томъ замѣшанью ани шабли добывалъ, ено по той всей бурдѣ пріѣхавши до пана Костюшка, мовилъ тыми словы: Пане дей Костюшку, за што еси брата моего, учтивого шляхтича, безъ лица збивши и зранивши

и звязалъ и теперь его, яко одного злодѣя, водити кажешь? Иле дей если што онъ твоей милости виненъ, я дей твоей милости справедливость за него вчиню, або на врадѣ кгродскомъ его твоей милости ку усправедливенью поставлю и проше дей твоее милости его на паруку. А панъ Костюшко ему пану Дмитру его на поруку не далъ и дати не хотѣлъ. А панъ Дмитръ повторе и потретье его на паруку просилъ, жебы его ему на паруку далъ. Нижли онъ дей ему на паруку не далъ. А панъ Дмитръ предъсе ему пану Костюшку припоручилъ подъ петисотъ копами грошей, жебы его большей не мучилъ, ани мордовалъ; але если вже собѣ то умыслилъ, абы его тогожъ дня велъ, або везъ до враду кгродского Берестейского, жебы его большей въ дому своемъ не мучилъ и до дому своего не велъ. На што панъ Костюшко позволилъ. Што все панъ Дмитръ мною возным и стороною людьми добрими, которыхъ на тотъ часъ при собѣ мѣлъ, свѣтчилъ, то-есть, паномъ Миколаемъ Телятицкимъ а паномъ Юхномъ Крыштофовичомъ, а паномъ Симономъ Лазовскимъ. И на томъ далъ до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ сесь мой квитъ подъ моею печатью и подъ печатьми тыхъ пановъ верхуменованыхъ. Писанъ у Здитовцахъ, року и дня вышеписаного. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ есть записано.

1589.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 443.

28. Посвидѣтельствованіе вознаго о насильственномъ вторженіи членовъ Каменецкаго магдебургіи въ домъ Каменецкой мѣщанки Авдотьи Андреевны поповны Семеновской съ цѣлью ввести въ ея домъ Олехна и Остапка Затемячичовъ Рудницкихъ на основаніи королевского декрета а также объ изгнаніи ея изъ дому, побояхъ и разграбленіи ея имущества.

Лѣта Божого Нароженья 1589, месеца Апрѣля 20 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Александеръ Немѣра Кругельскій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ ся въ собѣ маетъ:

Я Александеръ Немѣра Кругельскій, возный повету Берестейского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого осьмдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля осьмого дня, будучи мнѣ на справѣ у мѣстѣ господарскомъ у Каменцы, у мѣщанки господарскоей Каменецкоей, у жоны Федора Сеньковича Овдотьи Андреевны поповны Семеновскоей ку огледанью нахоженья на домъ ее властный, отчизный. Пославши дей Троцъ

Ильяшевичъ—бурмистръ, а Мартинко Вишневскій — лентвойтъ Каменецкій, врадниковъ мѣстскихъ Каменецкихъ Андрея Озимка, Кузьму Подорозского—радскихъ, Грицка Мисковича, Гордея Михновича, Стеца Науцевича, Сенька Павловича—лавниковъ, Флоріяна Гордіевича—писара, Олехна и Останка Затемячичовъ Рудницкихъ, на домъ ее властный, который есть дей на рогу улицы Семеновскоей. Пришедши дей до дому ее, почали колотати у двери. Жона Федора Сеньковича почела пытати: хто колотаетъ? Врадники вышпомененые озвалисе: Пусти насъ до дому, ижъ панъ бурмистръ и лентвойтъ послалъ, жебы есьмо увезали у тотъ домъ Олехна и Остапка Рудницкихъ, водлѣ декрету его королевское милости, за раны ихъ. Жона дей Федора Сеньковича Овдотья поповна отказала дей врадникомъ на слова ихъ тыми словы: ижъ дей я, якомъ первей передъ вами врадомъ на ратуши повѣдила и протестовалася, ижъ я въ домъ мой властный увязованья не поступлю, и теперь першіе слова свои ствержаю, штомъ мовила на ратуши, ижъ я не поступлю и не поступаю, бо и сами вѣдаете, ижъ то домъ мой дѣдичный и отчизный, бо дей мужъ мой маетъ свою властную маетность—домъ и половица фольварка зъ кгрунтами, якожъ на ратуши вамъ показывалъ; у тую маетность увязуйтеся, естли што онъ виненъ, а до моего дей дому не маете ничого, якомъ первей мовила, не поступлю и теперь дей не поступаю. Врадники дей, ничого не дбаючи на слова ее и будучи склонни за пріязнею тамъ тое стороны, кгвалтомъ дей до дому моего двое двери сокирами, друками выломали и у свѣтлицы дей двери и зависы и защепки поламали, и вшедши дей до свѣтлицы, казали дей врадники ее взяти Олехну и Остапку Затемячичомъ Рудницкимъ и вонъ вывести. А кгды дей вывели вонъ зъ дому, тамъ же на дворѣ ее били, изранили, и при томъ дей бою десять копъ грошей литовскихъ у мене Олехно зъ запазуша вырвалъ, которые дей я гроши за жито и поле отъ Крупнички и отъ иншихъ людей взяла. А кгдымъ дей почала волати, жебы мене невинне не били и што гроши отнялъ, ино еще мене дей больше бити почали. Потомъ люде збѣглися, жебы мене невинне не били, ледво мене ратовали. То пакъ потомъ дей до коморы двери выбили, замокъ и прибой выламали, скрынки носячи, замки ламали. Въ которыхъ скрынкахъ были грошы пятьдесятъ копъ грошей литовскихъ, и поясъ сребрный, заставный у чотырохъ копахъ; въ тойже скринцы листы дей потребные, церокграфы, квиты: першій листъ на сто копъ грошей на Криницкого, и листъ его королевскоей милости, жебы зъ него Криницкого увездѣ справедливость учинено; третій листъ на домъ Котковскій на одинадцать копъ грошей; сѣмь квитовъ дей отъ его милости пана воеводы Берестейского на пятьсотъ копъ грошей. У другой дей скринцы листы гродскіе, декрета на презыски, и листы науповинальные, мандатовъ шесть по врадъ мѣстскій Каменецкій, справы, которые маетъ зъ Улемъ на шестьдесятъ копъ и на двѣ копѣ, реестра дей шафованья; яко служилъ пану воеводѣ Берестейскому; ланцуховъ дей желѣзныхъ згинуло два, панва, рожновъ желѣзныхъ два, сѣдло, зъ скрини дей великое—хустъ бѣлыхъ, кошуль мужскихъ коленскихъ двѣ, кошуль женскихъ коленскихъ двѣ, рантуховъ дей коленскихъ три, ручникъ оденъ ткацкій, шапка оксамитная, ку-

нами дей подшитая. Тое дей все погинуло за ихъ найстьемъ и выкиданьемъ зъ дому. А о иншихъ речахъ ещемъ ся не оглядѣла, естьли есть въ цѣлости. Якожъ я возный, за освѣтченьемъ и оказаньемъ жоны Федора Сеньковича Овдотьи поповны Семеновское, имаючи я при собѣ людей добрыхъ, шляхту, врадника его милости пана Оникея Еленского, Яна Лидского а Грица Щотку— войта плебанского, видѣломъ на жонѣ Федора Сеньковича, на Овдотьи поповне раны: тваръ збитая, спухлая, губы розбитые, крывавые, за плечима межи лопатками раны битые синіе, на персяхъ рана синяя; а у сына ее, на Грицку, видѣломъ рану синюю, битую на правой руцѣ; видѣломъ тежъ у сѣнохъ у дому ее двое двери выламаные, у свѣтлицы у дверей завесы и защепки поламаны, у коморы замокъ нутрный и прибой зломаны, у скринокъ двохъ замки поотлупованы, а у третей замокъ збитый. Которого освѣтченья и сознанья своего даломъ до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ на квитѣ своемъ ку записанью подъ моею печатью. Писанъ у Каменцѣ. Котороежъ сознанье возного до книгъ врадовыхъ кгродскихъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1586 г, стр 484

29. Контрактъ конюшаго великаго кн. Литовскаго Іеронима Ходкевича въ каменьщикомъ Григоріемъ Клепачемъ, на постройку печей и каминовъ и на постройку каменнаго фундамента дома въ Трощинскомъ имѣніи.

Лѣта Божого Нароженя 1589, мѣсеца Апрѣля 24 дня.

Пришедши на врадъ замку Берестейского передъ мене Мальхера Райского— подстаростего Берестейского, Грицъ Клепачъ Здунь, очевисте созналъ и на письмѣ сознанія своего ку уписанью до книгъ врадовыхъ подалъ, которое такъ се въ собѣ маетъ:

Я Грегорій Клепачъ зознавамъ, ижемъ ся поднялъ зробити его милости пану Еромимови Ходкевичови—конюшему великого княжества Литовского до дому нового, въ имѣнью его милости Трощинскимъ, который теперь въ року осмьдесятъ девятымъ почато будовати, печовъ до издобъ бѣлыхъ съ кахли поливаныхъ, печей пять, а коминовъ мурованыхъ три и домъ тотъ увесь каменемъ подмуровати и цеглою въ коло каменя обмуровать; а его милость мнѣ за тую роботу змовити и поступить рачилъ золотыхъ семьдесятъ, то есть, копъ Литовскихъ двадцать осмь, жита бочекъ десеть, солоду бочекъ шесть, крупъ бочку одну, гороху бочку одну, сыровъ копу, масла фасну, солонины полти три, салъ двѣ, соли тысечу одну. Которую роботу, его милости, маю кромъ вшелякого омѣшканья готовати и почати робити, ничимъ се не вымавляючи, скоро ми

урадникъ его милости Трощенскій, панъ Решетарскій, дасть знать и до той роботы роскаже. А дотого ми по шести чоловѣка до тое роботы маетъ тотъ же урадникъ его милости придавати на каждый день. Которое зознанье Григора для певности лѣпшое до книгъ кгродскихъ его милость панъ конюшій далъ записати. Которое-жъ зсозналье Грица за прозбою его до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 479.

30. Жалоба священника Пречистенской церкви отъ имени Владимірскаго и Берестейского епископа Ѳеодосія, на земянина Ивана Брезовскаго, по наущенію которого избиты и ограблены епископскіе крестьяне.

Року Божого Нароженья 1589, мѣсеца Апреля 24 дня.

Пришедши до враду господарского передъ мене Мальхера Райского—подстаростего Берестейского, урадникъ Тришинскій и Шпаковскій его милости велебного въ Бозѣ отца Киръ Ѳеодосія, епископа Володимирского и Берестейского, отецъ Иванъ Пречистскій, обтяжливе жаловалъ и оповѣдалъ именемъ его милости отца владыки, пана своего, на земенина повѣту Берестейского пана Ивана Калиховича Брезовского ото, ижъ дей дня учерашнего у недѣлю порану подданные его милости отца владыки имѣнія Шпаковского, на имя Ничипоръ Сацовичъ, Леско Тарасовичъ, Занко Тарасовичъ, Иванъ Свиридовичъ быдло дей свое властное на полю на властный кгрунтъ владыки, его милости, пана своего, врочищомъ у Востровъ, зъ домовъ своихъ на пашу до пастуховъ выгнали и выгнавщи пасли; то пакъ дей тотъ панъ Иванъ Брезовскій, росказавши служебнику своему Яну Фуниковскому, а до него дей зобравши и збунтовавши всѣхъ подданыхъ и паробковъ своихъ дворныхъ, а то-есть меновите: тивуна дворного Мелешка Бондаровича, Янюка Матеевича и инщихъ, онъ самъ лѣпей вѣдаетъ и знаетъ, тыхъ всѣхъ пославши дей, моцно, кгвалтомъ, зъ стрѣльбою, бронью, войнѣ належачою, на тотъ властный кгрунтъ его милости отца владыки, врочищомъ звышпомененый у Вострове, то дей тыхъ подданыхъ его милости Шпаковскихъ именъ звышъ помененыхъ, Янъ Хуниковскій съ тыми подданными пана своего кгвалтовне забіяли, ранили и помордовали, на полы змарлыхъ зоставили и лупъ учинили, што дей есть и урадовне сусѣдомъ околичнымъ оповѣдано и (въ процессѣ) врадовымъ шырей и достатолней освѣтчоно. Яко и возный повѣту Берестейского Костентинъ Михайловичъ Ненокойчицкій въ той справѣ чого свѣдомъ будучи, сознанья своего квитъ за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Костентинъ Михайловичъ Непокойчицкій — возный воеводства Берестейского, сознаваю тымъ квитомъ моимъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ девятого, мѣсеца Апрѣля двадцать четвертого дня, быломъ въ справѣ подданыхъ его милости велебнаго въ Бозѣ Киръ Ѳеодосія—владыки Володимирского и Берестейского, имѣнья его милости Шпаковскаго, за ужитьемъ врадника его милости Трышинского, отца Ивана Пречистского, ку огледанью збитья и зраненья подданыхъ его милости Шпаковскихъ и освѣтченью кгвалту, учиненого дей дня учорашнего, въ недѣлю, за кгвалтовнымъ насланьемъ земенина господарского повѣту Берестейского пана Ивана Калиховича Брозовского на властномъ кгрунтѣ владыки его милости Шпаковскомъ, врочищомъ у Востровѣ, гдѣжъ за освѣтченьемъ и оказаньемъ помѣненного отца Ивана Пречистского въ селѣ Шпаковичахъ: напервей видѣлъ есьми Ничипора Сацовича, въ постели лежачого, збитого, всего сине спухлого, такъ ижъ собою не владаетъ, у Леска Тарасовича видѣлъ есьми хрибетъ а плечи, руки и ноги, увесь синь, збитъ, спухлый; а у Занка Тарасовича видѣлъ есьми хрибетъ, руки обѣ и стегна збито, сини спухло; Иванъ Свиридовичъ повѣдилъ и мене и до . . . . его такъ же збито, але ранъ не оказовалъ. При которомъ збитью и зраненью своемъ тые подданые владыки его милости Шпаковскихъ звышпомененые мѣнили шкодъ: Ничипоръ мѣнилъ, ижъ знето зъ него поесъ кованый, зъ ножами, съ калитою, въ калетѣ дей было пенензей копа грошей литовскихъ, то есть, съ колитою и ножи коштовало дей грошей дванадцать, сермягъ знето двѣ—одна чорная, а другая бѣлая, новые, купленые по полтора золотого польского, шапка новая, купленная за чотыры гроши; у Занка Тарасовича взято дей поесъ съ колитою, зъ ножами, у калитѣ дей было грошей двадцать, ножи коштовали грошей три, поесъ полтора гроша, калита грошей чотыры литовскихъ, сермягу сѣрую, купленную за полъ копы грошей, сорочку кужольную, коштовала дей грошей шесть литовскихъ; Иванъ Свиридовичъ мѣнилъ, ижъ знято дей зъ него сермягу чорную, купленную за сорокъ грошей литовскихъ. Которое збитье и зраненье свое и шкоды звышъ помѣненые подданыхъ отца владыки мѣнили собѣ быть удѣлано на властномъ грунтѣ отца владыки, пана своего, Шпаковскимъ, врочищемъ у Востровѣ, за кгвалтовнымъ насланьемъ пана Ивана Калиховича Брезовского отъ слуги его Яна Хуниковского и тивона его дворного Мелешка Бондаровича, Янука Матеевича и иныхъ подданыхъ пана Брозовского, которыхъ онъ самъ лепѣй вѣдаетъ и знаетъ, што дей ширей протестація того отца Пречистского именемъ владыки его милости до книгъ кгродскихъ въ тые роки внесеная ознаймываетъ. И на томъ далъ ку записанью до книгъ врадовыхъ кгродскихъ сей мой квитъ подъ печатью моею. Писанъ въ Брестью, року и дня вышпомененного. Котороежъ оповѣданье жалобы и возного помененного сознанье до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

1589.

Изъ Книги за 1589—1596 г., стр. 502.

31. Донесеніе вознаго о присутствіи его на спорѣ, происходившемъ въ Брестской ратушѣ между польскимъ бургомистромъ и радцами съ одной стороны и русскимъ бургомистромъ и мѣщанами съ другой касательно возбужденнаго русскою стороною вопроса: Кому должна принадлежать городская баня: городу или польскому госпиталю.

Лѣта Божого Нароженя 1589, мѣсеца Апрѣля 27 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Янъ Остромечовскій очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ ся въ собѣ маетъ:

Я Янъ Остромечовскій—возный повѣту Берестейского, въ року теперь идучомъ тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Марца чотырнадцатого дня, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ быломъ на ратуши въ справѣ бурмисторовъ и райцовъ мѣста Берестейского, рады старой польской, кгды се домовлялъ панъ Мальхеръ Каменскій—инстикгаторъ его королевское милости великого князства Литовского, абы передъ нимъ личбу чинили бурмистры, райцы польскіи зъ лазни шпитальной, которую Янъ Бильковичъ зъ новообраной бурмистровской и вси райцы зъ райской стороны передъ паномъ инстикгаторомъ мѣнили, абы мяла быць мискою, передъ которымъ менили, абы мѣли листъ якись его королевское милости на лазню мѣстскую. Нижли Адамъ Степановичъ и Станиславъ Куреліовскій и иншіе райцы съ польской стороны до пана инстикгатора тыми словы мовили: ижъ та лазня, которую они менятъ, никгды мисцкою не была, але здавна, зъ вѣковъ шпитальная, якопредъ тыми продкове ихъ тримали до шпиталя ляцкого въ покою, такъ и они по нихъ до тыхъ часовъ съ лазни потребы зъ доходу шпитального огледали и теперь пригледаютъ и на убозство, пожитки вси оборачаютъ, кгдыжъ шпиталь лядскій иншого огледанья не маетъ, одно тую лазню. Што тамже тые бурмистры и радцы лядскіе пытали передъ паномъ инстикгаторомъ бургомистра мисцкого: якобы давно тотъ листъ, который менятъ листъ, на лазню мѣсчанскую у себе быць мѣли. Што онъ на ихъ пытанье одказалъ: ижъ рокъ въ лазни о тымъ часѣ, яко до насъ тенъ листъ дошолъ, ещо мною вознымъ ихъ зезнанье старою радою свидчило. Якожъ назавтріе дня тысеча пятьсотъ, Марца, о томъ же року осьмьдесятъ девятого, тамже будучи на ратуши, въ справѣ тыхъ же радцевъ съ пульской (sic) стороны при слуханью личбы, при его милости пану инстикгаторѣ пытали тогожъ бурмистра Руского и иншихъ посполства: прочъ а для чого бы кгвалтомъ одеймовали зъ моци ихъ, яко туторовъ тую лазню шпитальную? На што онъ отказалъ: Не маете до ней ничего, бо

та есть властна лазня мѣсцкая, а не шпиталя ляцкого. Што радцы старой рады зъ лядской стороны до нихъ мовили: Панове видите о тымъ, ижъ жаденъ съ польской не малый выбитъ, хотяжбы тожъ што злымъ правомъ держалъ, ажбы правомъ былъ перекона̂ный. Што мною возным ся свѣтчили противку бургомистрови Рускому и поспульству о шкоды за отнятьемъ тое лазни шпитальной, што тотъ же панъ инстикгаторъ обумъ сторонамъ рокъ зложилъ передъ его королевское милостью становитися о тую лазню для росправы въ понидилокъ по провудной недели, на день девятый Априля до Варшавы на сеймъ въ тумъ року тысеча пятсотъ осмдесетъ девятомъ. Которое сознанье мое даломъ за печатью моею до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ ку записанью. Которое сознаніе возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—165 г., стр. 755.

32. Посвидѣтельствованіе вознаго, выданное землянкѣ Берестейского повѣта Аннѣ Малаховской для внесенія его ею въ гродскія книги и состоящіее въ томъ что земянинъ Иванъ Барсоба не смотря ни на какія напоминанія, умышленно производилъ потравленія своими лошадьми и скотомъ на засѣянныхъ поляхъ и сѣножатяхъ какъ самой Малаховской такъ ея крестьянъ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Мая 28 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Якубъ Лепесовскій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Якубъ Бѣлоусовичъ Лепесовскій — возный повѣту Берестейского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмдесятъ девятого, мѣсеца Мая семогонадцать дня, освѣтчала мною возным земянка повѣту Берестейского, пани Захарьяшовая и Кгузельфовая, пани Ганна Малаховска, тыми словы: ижъ дей на тотъ часъ въ небытности пана малжонка моего, пана Захарьяша Кгузельфа, земенинъ повѣту Берестейского, панъ Иванъ Костюшковичъ Барсоба чинитъ намъ самымъ и подданымъ нашимъ великіе кривды быдломъ своимъ пашни нашой, збожью и сѣножатямъ и подданымъ нашимъ, зъ дому своего Босеча тровитъ, допчетъ, а займовать дей его быдла нельзя, сторожомъ грозитъ, за ними дей гонить, хотечи ихъ бить; а якъ дей кони, або быдло займутъ, онъ по быдло пошлетъ, и еще дей змышленые рѣчи на пана малжонка моего и на мне оповѣдаетъ и записуетъ, яко быхмо ему кгвалтомъ брать и въ десетеро-насобъ повѣда быдла або коней,

ежели што его займуть, пропо дей якось мы первей его черезъ тебе-жъ возного навпоминали, абы намъ коньми своими шкоды не чинилъ, а онъ дей и о то ничего недбаючи своволне кони по збожью и по сѣножатѣхъ пускаетъ, якожъ дей дня вчорашнего, у вовторокъ, занялъ сторожъ нашъ коней его трохъ— гнѣдого а шпаковатого, а третего жарого, на сѣножатѣхъ у Колбаскомъ, и посылали зо мною вознымъ служебниковъ своихъ Ивана Даниловича Клотыша и зъ стороною, людми добрыми, до пана Ивана Борсобы, напоминаючи его, абы шкоды не чинилъ коньми, и кони ему три-шерстые вышмененые отослано до дому его на Босячъ. Панъ Иванъ коней своихъ одъ слугъ ее брать не хотѣлъ, менуючи, же кгвалтомъ побраны у его. Они ему хотѣли на дворъ увести, онъ ворота замкнулъ и зачинилъ. Они передъ вороты у воселицы его кони пустили и его напоминали, абы больще шкоды не чинилъ. Онъ вышедши зъ дому своего и заваливши прасло жердей, знову кони свои выгналъ на тую сѣножать его пана Захарьяшову, у Колбаскомъ. Што слуги пани Захарьяшовое мною вознымъ свѣтчили. А при мнѣ въ тотъ часъ были люде добрые, зъ его дому вышли панъ Михно Ждановичъ Именинскій и панъ Шимонъ Лозовскій, а стороною при мнѣ былъ сынъ пана Дементія Кумена панъ Еско Дементьевичъ. И на томъ далъ паней Захарьяшовой сесь мой квитъ ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ за печатью моею властною писанья моего. Писанъ у Березой, даты вышейписаное. Которое-жъ сознанье возного помененего до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 339.

33. Донесеніе вознаго о присутствіи его въ Брестской таможнѣ при возникшемъ спорѣ: обязаны ли Замостьскіе мѣщане, состоящіе во владѣніи подканцлера вел. кн. Литовскаго Льва Сапѣги, платить старое мыто съ комягъ, или нѣтъ?

Лѣта Божего Нароженья 1589, мѣсеца Мая 1 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Тимофей Волковицкій очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью своею и за печатьми сторонъ шляхты, при немъ будучое, ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Тимофей Волковицкій—возный воеводства Берестейского сознавамъ, ижъ дня нынѣшняго, даты нижейписаное, дня перваго мѣсеца Мая, въ року нынѣшнемъ осмьдесятъ девятомъ панъ Ярошъ Павловскій, пришодши въ домъ мытный у Берести, пыталъ писаровъ мытныхъ Берестейскихъ—Грегорія Заровскаго и

Мойзеша Тобіяшевича: для которое бы причины они мыто изъ комягъ одинадцати,попеломъ наладованыхъ,брати хотѣли, кгдыжъдей такая вольность есть, ижъ его королевскоей милости надана, мѣщаномъ Замостскимъ, подданымъ его велеможное милости пана канцлера корунного, же нигде оные мѣщане не повинни мыта никоторого отъ товаровъ своихъ платити, отъ его королевской милости показовалъ писанье до его мости вельможного пана Льва Сапѣги, подканцлерого великого князства Литовского, жебы товары ихъ нацiей, у великомъ князствѣ Литовскимъ проваженые безмытьне пропущоны были, такъ же и листъ его милости пана подканцлерого, помененый Павловскій покладалъ; то пакъ тые писары передо мною вознымъ и при сторонѣ, при мнѣ будучими, преречоному Павловскому, первей учтиве листъ его королевское милости принявши и прочитавши, зась его съ почтивостью ему Павловскому отдали, повѣдаючи тые причины: ижъ дей въ томъ листѣ его королевское милости не есть писано о старое мыто Берестейское, которое не только купцы, але ихъ милость князи, панове, воеводе, каштелянове, старостове и иные вшелякого зацного и шляхетского стану люде, зъ давныхъ старовѣчныхъ часовъ, одъ товаровъ своихъ лѣсныхъ, съ пущъ своихъ власныхъ выробленыхъ, также одъ шкутъ и комягъ даютъ и платятъ, што все приходитъ на пожитокъ столовый скарбу его королевское милости великого княжества Литовского; а звлаща дей тотъ листъ господарскій не есть писаный до его милости пана воеводы Витебского, пана ихъ, которому они, на тыхъ справахъ мытныхъ будучи, служатъ, а панъ дей ихъ его милость панъ воевода Витебскій съ тыхъ целъ старыхъ Берестейскихъ вже и аренду до скарбу его королевское милости заплатилъ; а вѣдь же дей, естли бы тые купцы Замостскіе мѣли якій инщій вшелякій товаръ, чимъ есть звычай уставичный людямъ купецкимъ гандлевати, хотябы се одъ таковыхъ товаровъ звыклыхъ купецкихъ и тысеча золотыхъ мыта пришло, тедыбы ничего не беручи добровольне за тымъ листомъ и росказаньемъ его королевское милости, господаря своего милостивого, пропустили, нижли отъ таковыхъ товаровъ лѣсныхъ, отъ которыхъ ихъ милость кнези, панове, шляхта, рыцерство, такъ свѣтского яко и духовного стану, платятъ, непристойно дей имъ писаромъ важитися такъ велико важныхъ справъ давныхъ, а звыклыхъ часовъ пожиточныхъ столови его королевское милости, таковымъ людямъ купецкимъ отпускать, и то мною вознымъ освѣтчили. А при мнѣ на тотъ часъ были стороною панъ Мартинъ Конашовичъ Токаровскій и панъ Василей Макаровичъ Волковицкій. И на томъ далъ писаромъ мытнымъ вышеймененымъ сее мое сознанье подъ печатью моею и подъ печатьми двохъ особъ стороны помененое. Писанъ у Брести, рому тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая первого дня. Которое жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 724.

34. Универсалъ короля Сигизмунда III о новоповышенномъ таможенномъ сборѣ на два года, который поручается собирать скарбному в. к. Лит. Лукѣ Мамоничу.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Мая 23 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на враду панъ Янъ Кгротковскій—писаръ коморы мытное Берестейское, покладалъ нижейменованый выпис кгродскій Виленскій, просечи, абы до книгъ врадовыхъ уписанъ былъ, который въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Выписъ съ книгъ кгродскихъ враду воеводства Виленского. Лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая двадцатого дня.

На врадѣ господарскомъ кгродскомъ воеводства Виленского, передо мною Яномъ Болеславовичемъ Свирскимъ—маршалкомъ господарскимъ, державцею Мойшакгольскимъ, намѣстникомъ Виленскимъ, постановившисе очевисто панъ Лукашъ Мамоничъ—скарбный великого князства Литовского, оказывалъ листъ его королевское милости, нашого милостивого пана, писаный до всихъ вобецъ становъ у великомъ князствѣ Литовскомъ, абы мыта ново подвышоные и водные, которые суть постановлены за позволеньемъ спольнымъ одъ всихъ craновъ великого князства Литовского, на сеймѣ теперь прошломъ у Варшавѣ, черезъ два годы зуполныхъ, по собѣ идучихъ, почавши одъ дня двадцать першого Мая, въ року теперешнемъ осьмьдесятъ девятомъ ажъ до другого-жъ таковою-жъ мѣсеца Мая двадцать першого дня въ року тысеча пятьсотъ девятьдесять першомъ прійдучого, по всему великому князству Литовскому, тые мыта новоподвышоные, такъ стану шляхетского, яко и купецкого люди, не закладаючися вольностями ніякими, одъ вшелякихъ товаровъ, якимъ-кольвекъ способомъ названыхъ, никому иншому давати не смѣли, одно до рукъ помененому пану скарбному, або справцамъ его, на мѣсцахъ одъ него установленыхъ, яко ширей и достаточней въ ономъ листѣ короля его милости есть описано и доложоно, и жадалъ панъ скарбный, абы тотъ листъ короля его милости универсальный до книгъ кгродскихъ Виленскихъ уписанъ былъ, который одъ слова до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Жикгимонтъ третій, Божею милостью король польскій и проч. Княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ вдовамъ, врадникомъ земскимъ и дворнымъ, земяномъ и дворяномъ нашимъ, и всей шляхтѣ, обывателямъ панства нашого великого князства Литовского, также вознымъ, бурмистромъ, райцамъ, лавникомъ и всему поспольству въ мѣстахъ и въ селахъ нашихъ господарскихъ, князскихъ, панскихъ, земянскихъ, духовныхъ и свѣцкихъ, ижъ за позволеніемъ спольнымъ одъ всихъ становъ

великого князства Литовского, на томъ сеймѣ теперешнемъ у Варшавѣ съ потребъ пильныхъ речи-посполитое мыто новоподвышоное и водное намъ уфалены и постановлены суть, по всему панству нашому великому князству Литовскому, на два годы зуполныхъ, по собѣ идучихъ, то есть, почавши одъ дня двадцать первого мѣсеца Мая, въ року теперешнемъ тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятомъ, ажъ до таковогожъ дня двадцать первого мѣсеца Мая, въ року прійдучомъ тысеча пятьсотъ девятьдесятъ першомъ, которые то мыта новоподвышоные и водные по всѣмъ панствѣ нашомъ великомъ князствѣ Литовскомъ и въ земли Жомоитской дали есьме выбирати на тые два годы скарбному нашому великого княжества Литовского Лукашу Мамоничу. Прото хочемъ мѣти и приказуемъ вамъ, абы есте, о томъ вѣдаючи, одъ вшелякихъ товаровъ, якимъ кольвекъ способомъ званыхъ, такъ стану шляхетского, якожъ купецкихъ людей, не закладаючися никими вольностями, мыто новоподвышоное и водное никому иншому давати не смѣли, одно до рукъ скарбному нашому Лукашу Мамоничу, альбо справцамъ его, на мѣстцахъ певныхъ одъ него установленыхъ. По тому яко и первей сего одъ продка нашого славное памети короля его милости Стефана, воевода Троцкій, державца Упитскій, панъ Янъ Глѣбовичъ, на Дубровнѣ, тые мыта новоподвыщоные держалъ, ни въ чомъ незмнѣйшаючи ихъ, а ку тому для пожитку скарбу нашого прикоморки такъ стародавные, яко и теперешніе на мѣстцахъ потребныхъ, гдѣ бы того мѣть потреба указывала, жебы есте установлять и упевнять не боронили и допомагали, постерегаючи того съ пилностью, абы въ томъ ни якое шкоды скарбъ нашъ не поносилъ, чого бы есьмо на томъ, хтобы сплошенствомъ и непослушенствомъ своимъ шкоду якую скарбу нашому чинилъ, смотрѣти и на маетности его одправити казали конечне. Писанъ у Варшавѣ, лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая второго дня. У того листу печать и подписъ руки его королевское милости тыми словы: Sigismundus rex; и подпись руки писарское: Ярошъ—Воловичъ-писарь.

Который листъ, за прозбою пана скарбного, до книгъ кгродскихъ воеводства Виленского есть уписанъ; съ которого уписанья и сесь выпись съ книгъ пану Лукашу Мамоничу—скарбному великого князства Литовского, подъ моею печатью, есть выданъ. Писанъ у Вильни.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 507.

35. Жалоба земянки Берестейскаго повѣта Анны Костюшковой на Каменецкихъ мѣщанъ о томъ, что они одного ея крестьянина убили, а другого избили въ г. Каменцѣ, на Литовской улицѣ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Мая 4 дня.

Писала и присылала до враду кгродского староства Берестейского, до мене

Мальхера Райского—подстаростего Берестейского, земянка господарская повѣту Берестейского пани Ивановая Костюшковая Ганна Фурсовна, оповѣдаючи и жалуючи на мѣщанъ Каменецкихъ Матфея Мартиновича Тригузовича, на Ивана Желѣзновича, ижъ дей они съ помочниками своими, которыхъ они лѣпей ихъ знаютъ, въ року дей теперешнемъ тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятомъ, мѣсеца Мая третягодня, у вечеръ, переневши на добровольной дорозѣ, въ мѣстѣ Каменецкомъ, на улицы Литовской, подданыхъ ее, идучихъ до дому, одного дей подданого Леску Пичовского, Яна Островского, забили и на смерть замордовали, а другого дей подданого Грица Тишевича збили, изранили школдливе, съ которыхъ ранъ нѣтъ вѣдома дей, естли живъ будетъ, якожъ при томъ забитью подданыхъ ее шкоды ся дей имъ стали, и просила пани Костюшковая, абы тое оповѣданье ее было до книгъ записано. Што есть записано.

1589.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 721

36. Универсалъ короля Сигизмунда III-го о новоповышенномъ таможенномъ сборѣ на два года въ вел. кн. Литовскомъ и землѣ Жмудской.

Лѣта Божого Нароженя 1589, мѣсеца Мая 23 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ панъ Янъ Кгротковскій—писаръ коморы мытное Берестейское, покладалъ нижеменованый листъ его королевское милости, за печатью великого князства Литовского и съ подписомъ руки подканцлерого великого князства Литовского, пана Кгабрыеля Войны, просечи, абы до книгъ врадовыхъ уписанъ былъ, который-же въ слове до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Жикгимонтъ третій Божою милостью король Польскій, и проч. Кнезямъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, маршалкомъ, старостомъ, державцамъ, тивономъ, врадникомъ земскимъ и дворнымъ, земяномъ и дворяномъ нашимъ, также войтомъ, бурмистромъ, радцамъ, лавникомъ и всимъ подданымъ нашимъ, обывателемъ воеводства Берестейского, всимъ вобецъ и кождому зособна, кому то вѣдати належитъ. Ознамуемъ, ижъ яко за згоднымъ зезволеньемъ и уфалою всихъ griffстановъ великого князства Литовского, на теперешнемъ соймѣ вальномъ Варшавскомъ, для опатренья потребъ нашихъ и речи-посполитое, такъ тежъ припатруючисе тому, же станы корунные и на соймѣ коронацій нашое и на теперешнемъ Варшавскомъ, станъ нашъ розными приходами и податками ратовать не занехали, абы тежъ не меншую хуть и зычливость противко намъ и особѣ нашой, также и речипосполитой оказали, тогды одъ становъ великого князства Литовского цла и мыта новоподвышоные сухимъ и воденымъ путемъ по всемъ великомъ князствѣ Литовскомъ и землѣ Жомоитской, по всихъ коморахъ и прико-

моркахъ мытныхъ, на двѣ лѣтѣ зуполные намъ позволены суть; которыхъ то выбиранье починати се маетъ одъ двадцать первого дня Мая року теперешнего осьмьдесятъ девятого, черезъ двѣ лѣтѣ зуполные, то есть, до таковогожъ дня двадцать первого дня Мая, въ року тысеча пятьсотъ деветьдесятъ первомъ пришлого, а то водлугъ уфалы и постановенья зъѣзду въ року прошломъ тысеча пятеотъ семдесятъ семомъ учиненого. Про то, абы таковые мыта новоподвышоные насъ певне доходили и намъ оддаваны были, поручили и дали есьмо оные до вѣрныхъ рукъ и справы скарбному нашому великого князства Литовского Лукашу Мамоничу, ижъ онъ черезъ справцы свои, за тые двѣ лѣтѣ зуполные тые мыта водлугъ звычаю давного и конституціи теперешнее, выбирати маетъ, оддаючи оные сполна до рукъ нашихъ господарскихъ. Про то абы кождый о томъ вѣдаючи а чинечи то для ласки нашое господарское, на поратованье потребъ нашихъ и речи-посполитое, и кромъ всякого затрудненья и омешканья, одъ всихъ товаровъ, што кольвекъ ихъ хто мѣти будетъ, подъ присегою все справедливе кождый до реестровъ мытныхъ уписати давши, а ничого не укрываючи и не утаиваючи, якобы въ томъ нихто зъ васъ не улегъ, ровно кождый зъ другими понесъ ведле тое теперешнее уставы и постановенья до справцы скарбного оддавали. А хто бы за симъ листомъ и росказаньемъ нашимъ упорне и своволькне того новоподвышоного мыта не оддалъ, або коморы и прикоморки мытные потаемне съ товары своими проѣжати и минати важился, у таковыхъ вси товары росказали есьмо у промытѣ забирати, въ чомъ яко во властной промытѣ нашой и земской, абы се нихто противити не смѣлъ. А хтобы таковымъ своволькнымъ, якожъ кольвекъ помагати и ихъ въ томъ укрывати и утаивати смѣлъ, таковый кождый не инакшою, одно таковоюжъ виною безъ всякого милосердья каранъ быти маетъ. О чомъ кождый вѣдаючи, абы есте таковыхъ упорныхъ и своволькныхъ шкодниковъ скарбу нашого земского и тыхъ помочниковъ ихъ ничимъ не утаиваючи и не укрываючи на врадѣхъ обвѣщалъ и оповѣдалъ, съ которыхъ на врадѣхъ кгродскихъ скутечная справедливость чинена быти маетъ. Што абы всимъ ку вѣдомости приходило, тогды сіе листы наши врадъ кгродскій, кождый въ повѣтѣ своимъ, при костелехъ, на торгохъ, обволати и копеи зъ нихъ списаные прибивати, росказати маютъ. Писанъ у Варшавѣ, лѣта Божого Нароженья тысеча пьятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая четвертого дня. Въ того листу печать его королевское милости есть приложена и подписъ руки его милости пана подканцлерого тыми словы: Кгабріель Война—подканцлерій великого князства Литовского.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 587—596.

37. Вводъ во владѣніе имѣніемъ Пришихвостами, расположеннымъ въ Брестскомъ повѣтѣ, Жмудского каштеляна Николая Нарушевича, съ прописаніемъ инвентаря этого имѣнія.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца, Мая 4 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши очевисте на врадѣ возный повѣту Берестейского Павелъ Еськовичъ Анцута очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ его милости велеможного пана Миколая Нарушевича—каштеляна Жомоитского, имѣнья его милости Пришифостского, отъ его милости пана старосты Ушпольского и пани малжонки его милости, который же тотъ квитъ и при немъ реестръ инвентарь списанья того всего имѣнья, двора, людей и кгрунтовъ, за печатью и съ подписомъ руки своее и за печатьми и подписы рукъ людей добрыхъ шляхты, стороною при немъ будучихъ, ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, который же квитъ, яко инвентарь одинъ по другомъ въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Я возный повѣту Берестейского Павелъ Еськовичъ Анцута сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперешнего тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля двадцать семого дня, былъ есьми, я возный, за приданьемъ врадовымъ на справѣ велеможного его милости пана Миколая Нарушевича — каштеляна Жомоитского, старосты Ушпольского и Пенянского, при враднику его милости Бородицкомъ пану Андрею Войнѣ, а при мнѣ на тотъ часъ были сторона люди добрые, земяне господарскіе повѣту Берестейского, панъ Юрій Семеновичъ Пришифостскій, панъ Василей Юревичъ Пришифостскій, панъ Матей Подбѣльскій и панъ Федоръ Яцковичъ Прилуцкій. То пакъ того року мѣсеца и дня вышеописаного, будучи мнѣ возному и зъ стороною людьми добрыми, имены вышей описаными, во имѣнью велеможного его милости пана Северина Бонара зъ Болицъ, на Каменцу и Окгроденцу, старосты Рапштынского, Юрборгского и Жарновецкого, и пани малжонки его милости Реины Водовичовны, въ дворѣ ихъ милости, называемомъ въ Пришифостѣхъ, въ повѣтѣ Берестейскомъ лежачомъ, и передо мною вознымъ и стороною, людми добрыми, вышей написаными, помененый врадникъ его милости пана Жомоитского Бородицкій панъ Андрей Война черезъ мене возного подалъ листъ его милости пана старосты Рапштынского и ее милости пани старостиное Рапштынское враднику ихъ милости Пришифостскому пану яну Рожковскому, до него и до всихъ подданыхъ того имѣнья Пришифостского писаный, который врадникъ Пришифостскій панъ Янъ Рожковскій тотъ листъ его милости пана старосты Рапштынского и пани малжонки его милости до рукъ своихъ взявши, печатемъ и подписомъ рукъ добре се присмотрѣвши и тотъ листъ вычитавши, враднику его милости пана Жомоитского Бородицкому пану Войнѣ повѣдилъ:

нижъ дей я съ того листу его милости пана моего и ее милость панее старостиное Рапштинское, панее мое добре есьми зрозумѣлъ и воли его милости пана моего и ее милости панее моее, нижъ ихъ милость то имѣнье свое Пришифосты все правомъ своимъ, которое на тое имѣнье мѣли, рачили пустити его милости пану Жомоитскому пану вашей милости и розсказують мнѣ ихъ милость въ томъ листѣ своемъ, абыхъ тое имѣнье ихъ милости Пришифосты со всимъ на все, яко ся само въ собѣ маетъ, ничого не зоставуючи, ани уймуючи, его милости пану Жомоитскому пану вашей милости заразъ поступилъ, и вашей милости вр催нику его милости, на то посланому, подалъ; прото дей такъ учиню, яко есть воля ихъ милости. Якожъ тотъ врадникъ Пришифостскій панъ Янъ Рожковскій тое имѣнье Пришифосты, дворъ будованый, дворное гумно, обору, быдло и што въ дворѣ было, збоже, на пашни дворней засѣяное, имена подданыхъ и повинности ихъ на реестръ инвентарь списавши, тое имѣнье Пришифосты, дворъ, зъ будованьемъ дворнымъ, зъ быдломъ, зъ гумномъ, съ пашнею дворною, зе збожьемъ засѣяннымъ и у клѣти зсыпанымъ, зъ людьми, зъ ихъ повинностями, зъ грунты пашными и непашными, зъ сѣножатьми, зъ лѣсы, боры, зъ деревомъ бортнымъ, зъ рѣками, водами, зъ ловы звѣриными, пташними, рыбными, со всякими пожитками и со всѣмъ навсе, яко ся тое имѣнье Пришифосты, часть небожчиковъ Григорья и части Станислава Богушевичовъ Пришифостскихъ само въ собѣ здавна мѣло и теперь маетъ, ничого не уймуючи, ани зоставуючи, его милости пану Жомоитскому водлугъ листу его милости пана старосты Рапштынского и ее милости панее старостиное Рапштынское отвороное, до него врадника ихъ милости писаного, въ моць, въ держанье и уживанье передо мною возным и передъ стороною, людьми добрыми, вышей описаными, врадовне и добровольне поступилъ и врднику его милости пана Жомоитского пану Андрею Войнѣ, на то посланому, подалъ и подданымъ того имѣнья Пришифостского, якосе на Пришифостского, такъ и села Хомичичъ, тутъ же въ дворѣ стоячимъ, очевисто всимъ, именемъ его милости пана старосты Рапштынского и ее милости панее старостиное Рапштынское росказалъ, абы ужо одъ сего часу его милости пана Жомоитского, яко пана своего, во всемъ послушни были и повинности всякія его милости полнили. А поступивши тое имѣнье Пришифосты со всимъ его милости пану Жомоитскому и инвентарь реестръ списанья того имѣнья Пришифостского съ печатью и съ подписомъ руки своее и съ печатью и съ подписомъ руки моее возного и съ печатьми тыхъ людей добрыхъ, стороны, земянъ господарскихъ повѣту Берестейского, имены вышейнаписаныхъ, его милости пану Жоитсккому черезъ руки тогожъ врадника его милости Бородицкого пана Войны далъ, а за тымъ и самъ съ того двора Пришифостского добровольне одъѣхалъ. Якожъ я возный тотъ реестръ инвентарь одъ того врадника Пришифостского пана Яна Рожковского, списанья и поданья имѣнья Пришифостского его милости пану Жомоитскому, черезъ урадника его милости пана Войну даный, передъ вашей милостью на врадѣ покладаю, при которой всей справѣ я возный помененый Павелъ Анцута и зъ стороною людми добрыми былъ есьми и штомъ

видѣлъ и слышалъ сесь квитъ сознанья моего, зъ моею печатью и съ подписомъ руки моее и съ печатьми тыхъ всихъ людей добрыхъ, стороны, земянъ господарскихъ повѣту Берестейского, имены звышнаписаныхъ, а кто зъ нихъ писати умѣлъ и съ подписомъ рукъ ихъ, даю до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ. Писанъ въ Пришифостахъ, року, мѣсеца и дня вышейописаного. *Реестръ инвентарь списанья имѣнья велеможного пана его милости пана Северина Бонаря зъ Балицъ, на Каменцу и Окгроденцу, старосты Рапштенского, Юрборгского и Жорновецкого*, и панее малжонки его милости, ее милости панее Реины Воловичовны, прозываемого Пришифосты, двора, будованья дворного, пашни дворное, збожа на немъ засѣяного и въ клѣтѣхъ зсыпаного, быдла, спряту домового и иншихъ речей, въ томъ дворѣ будучихъ, людей, кгрунтовъ и всякихъ пожитковъ того имѣнья Пришифостского, одъ его милости пана старосты Рапштынского и одъ ее милости панее старостиное Рапштынское, вышейменованыхъ, велеможному его милости пану Миколаю Нарушевичу—каштеляну Жомоитскому, старостѣ Упшольскому и Пенянскому, одну половицу вѣчнымъ, а другую половицу заставнымъ обычаемъ пущоного и черезъ мене Яна Рожковского—врадника Пришифостского, за листомъ его милости пана старосты Рапштынского, пана моего, и ее милости панее старостиное Рапштынское, панее моее, до мене писанымъ, отворовымъ передъ вознымъ и стороною людми добрыми, имены въ семъ инвентарю нижейописаными, поступленого и враднику его милости пана Жомоитского Бородицкому пану Андрею Войнѣ, на то одъ его милости посланому, врадовне поданого, року тысеча пятьсотъ осьмьдесять девятого, мѣсеца Апрѣля двадцать семого дня. *Дворъ Пришифоцкій.* Будованье того двора: домъ нискій при земли, въ немъ свѣтлица безъ оконъ, безъ дверей и безъ печи; въ тое свѣтлицы комора; тая свѣтлица драницами покрыта; при свѣтлицы сѣнь непокрыта; зъ сѣни въ боку свѣтлица, въ ней печь бѣлый, у дверей защепки; оболонъ скленыхъ въ нихъ выбитыхъ шибъ пять; черезъ тыежъ сѣни на противъ свѣтлицы гридня, тесницами покрыта; броваръ съ подклѣтомъ; двери зъ защепками, клѣтка, на подклѣтѣхъ гридня зъ сѣньми, сырница, обора на быдло, въ немъ быдла вельме худого и хорого: корова одна, телицъ тринадцать, бычковъ подростковъ девять, свиней шестеро, поросять десятеро, гумно на молоченье збожа, свиронъ для сыпанья збожа, въ которомъ свирнѣ овса бочокъ осьмь и полъ. На старомъ дворищи будованья свѣтлицъ противъ себѣ двѣ съ коморами, межи нихъ сѣни; въ тыхъ свѣтлицахъ дверей, оконъ и печей нѣтъ, свиронъ безъ дверей, лазня драницами покрыта; пашня дворная: збожа на ней засѣяного: жита бочокъ двадцать осьмь, пшеницы корецъ одинъ, ярицы бочекъ полторы, ечменю бочекъ пол-чварты гороху корцы три, овса бочокъ полъ чварты. *Подданые того имѣнья Пришифостского, села Пришифостъ:* Сенюта Ходоровичъ, сынъ его—Иванъ, волока одна; Якубъ Кухаровичъ, сынъ его—Волосъ и Степанъ, волока одна; Юшко Панасовичъ, сыны его—Андрей, Охремъ, Яцко, волока одна; Пархомъ Василевичъ, сынъ его Остапко, полъ волоки; Иванъ Луцевичъ, сыны его—Федько, Ивашко, волока одна; Максимъ Яцевичъ, сыны его—Иванъ, Трохимъ, Гришко, Матфей, волока одна; Костюкъ

Антоновичъ, сынъ его—Сидоръ, волока одна; Юхно Антоновичъ, сыны его—Иванъ и Федько, волока одна; Кузьма Андрицевичъ, сынъ его—Иванъ и братъ его Михно, волока одна; Мордасъ Панасовичъ, сыны его—Мартинъ, Андрей и Якимъ, волока одна; Андрей Жуковичъ а Панасъ Жуковичъ, волока одна; Луцъ Васюковичъ, сыны его—Сенько и Трохимъ, волокъ двѣ; Сенько Рѣшетникъ, сыны его—Сергѣй и Олисей, а прыймичъ Олисей, волокъ двѣ; Милошъ Василевичъ, сынъ—его Кондратъ, волока одна; Степанъ Юшковичъ, сынъ его—Микита, полъ волоки, Стецъ Трохимовичъ, полъ волоки; Гаврило Мордасовичъ, сынъ его—Андрей, полъ волоки. Въ пустѣ лежачихъ волокъ три. *Повинность подданыхъ того села:* служатъ въ кождой недѣли зъ волоки по два дни, съ чимъ имъ росказано будетъ, а третій день толоки лѣтѣ за хлѣбомъ дворнымъ; платятъ зъ волоки по грошей двадцати дани; хто дерево держитъ, даютъ вси саковъ полътретья и чверть сака; вѣдьже повѣдаютъ, же имъ то было отпущено. *Застѣнокъ подъ Холмномъ.* На томъ застѣнку: Занецъ Янковичъ, сыны его—Иванъ, Сидоръ, волока одна; служитъ также и платитъ, яко и село Пришифостъ. *Село Хомичичи:* Якимъ Гуцевичъ а Миско Поповичъ, полъ волоки; Ярута Карповичъ, сыны его—Грицъ и Павелъ, полъ волоки; Юрей Мицевичъ, сынъ его—Денисъ, полъ волоки; Левко Бѣлоусовичъ, сыны его—Иванъ, Михно, полъ волоки; Стецъ Бѣлоусовичъ, полъ волоки; Савка Хренцевичъ, сыны его—Степанъ и Яцко, двѣ трети волоки; Сенько Гузенчичъ, двѣ трети волоки; Иванъ Данцовичъ а Кузьма Данцовичъ, двѣ трети волоки; Гуцъ Лаврищевичъ, сыны его—Васько, Федько и Яцъ, двѣ трети, шостая часть волоки. *Повинность подданыхъ* того села: служатъ въ кождой недѣли зъ волоки по два дни съ чимъ имъ росказано будетъ, а третій день толоки лѣтѣ за хлѣбомъ дворнымъ; платятъ зъ волоки грошей тридцать, овса маца одна, гусь одна, курица одна, пчолы который маетъ, такъ въ бортяхъ, яко и въ уляхъ, за вѣдомостью врадничею подбираютъ, и меду половицу на дворъ давать здавна повинни. Нижли подданые повѣдаютъ, ижъ небожчикъ его милость панъ Виленскій тотъ медъ имъ одпустилъ и того задержанья его милости небирано. Который реестръ-инвентаръ я Янъ Рожковскій—врадникъ Пришифостскій, за росказаньемъ и листомъ его милости пана старосты Рапштынского, пана моего, и ее милость панее старостиное Рапштынское, панее моее, отворонымъ до мене писанымъ, справивши тое имѣнье помененое Пришифостъ, зъ дворомъ, зъ будованьемъ дворнымъ, зъ быдломъ и съ тымъ всимъ, што въ дворѣ есть, съ пашнею дворною, зъ збожемъ засѣянымъ и незасѣянымъ, зъ людьми и грунты пашными и непашными, зъ сѣножатьми и со всимъ навсе, яко се тое имѣнье Пришифосты, часть небожчика Григорья Богушевича Пришифостского и часть небозчика Станислава Богушевича Пришифостского, само въ собѣ здавна мѣло и теперь маетъ, ничого не вымуючи, его милости пану Жомоитскому есьми врадовне поступилъ и врадннку его милости Бородицкому пану Андрею Войнѣ, на то одъ его милости посланому, подалъ и подданымъ того имѣнья всимъ яко Пришифостскимъ, такъ Хомичицкимъ, тутъ же въ дворѣ Пришифостскимъ на тотъ часъ очевисто стоячимъ, именемъ его милости пана старосты

Рапштинского пана моего, и именемъ ее милости панее старостиное Рапштынское, пане моее, росказалъ есьми, абы вже отъ сего часу его милости пана Жомоитского, яко пана своего, во всимъ послушни были и повинности полнили. И на то его милости пану Жомоитскому черезъ руки врадника его Бородицкого пана Андрея Войну дадъ есьми сесь реестръ-инвентарь, зъ моею печатью и съ подписомъ властное руки моее. А при томъ были и того добра сведоми будучи, за устною и очевистою прозьбою моею, до сего реестру-инвентарю печати свои приложити рачили, а хто писати умѣлъ и руки свои подписали, возный повѣту Берестейского панъ Павелъ Еськовичъ Анцута, а земяне повѣту Берестейского Юрей и панъ Василей Пришифостскіе, панъ Матей Подбѣльскій и панъ Федоръ Яцковичъ Прилуцкій. Писанъ въ Пришифостѣхъ, року, мѣсеца и дня вышейописаного. Которое-жъ сознанье возного помененого и тотъ реестръ-инвентарь до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 613—616.

38. Посвидѣтельствованіе Берестейского вознаго Павла Анцуты о нанесеніи другому возному, Якову Бѣлоусовичу, побоевъ и причиненіи насилія земяниномъ, нареченымъ Кобринскимъ архимандритомъ Спаской церкви, Иваномъ Богушевичемъ Гоголемъ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Мая 4 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Павелъ Есковичъ Анцута очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своее ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Павелъ Есковичъ Анцута, возный повѣту Берестейского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля семнадцатого дня, въ понедѣлокъ оповѣдалъ мнѣ возному и обтежливе жаловалъ земенинъ и возный повѣту Берестейского панъ Якубъ Бѣлоусовичъ Лепесовскій на земенина тогожъ повѣту Берестейского а нареченого архимандрита Кобринского церкви светого Спаса, на пана Ивана Богушевича Гоголя тыми словы: ижъ дей дня сегоднешнего въ датѣ вышеменованого, чинечи я съ повинности враду моего возновства досыть, будучи дей мнѣ посланымъ по справахъ земенина сегожъ повѣту Берестейского князя Андрея Данилевича Жижемского, презъ пріятеля его пана Остафея Буховицкого—войта Кобринского и Городецкого, съ позвы одъ суду земского Берестейского взятыми, писаными въ жалобѣ того князя Жижемского на пана Ивана Гоголя. Ино яко то дня сегоднеш-

него, торгового тутъ въ мѣстѣ Кобринскомъ, маючи дей я при собѣ сторону двохъ земениновъ повѣту Берестейского, пана Федора Петровича и пана Богдана Ивановича Карповичовъ, одъ тогожъ пана Буховецкого по справѣ зо мною посланыхъ, и заставши дей мнѣ того пана Ивана Гоголя въ монастыру Кобринскомъ на дворѣ стоячого, онъ дей насъ обачивши, до себе идучихъ, пошолъ зъ монастыра на берви, которые лежатъ черезъ рѣку Кобринку, врочищомъ черезъ Сажавки, до дворца монастырского. Я дей возный и съ тою стороною людьми добрыми шолъ за нимъ, даючи ему тые позвы одъ князя Жижемского, то какъ дей, онъ панъ Иванъ Гоголь, самъ особою своею, не доходечи того дворца, вернулся на тыхъ бервахъ, и поткавши мене, тотъ позовъ одъ мене зъ рукъ торгнувши, взялъ, а мене дей возного по видѣнью рукою ударилъ, и взявши за перси мене, зъ бервей у воду вельми глубокую у рѣку Кобринку, на Сажавцѣ, зопхнулъ, хотечи дей мене на смерть утопити, съ которое дей рѣки ледво я живъ выбрынулъ, а въ мене дей возного за надромъ въ пазусѣ, было справъ шляхетскихъ не мало, то-есть, листовъ вызнаныхъ на сумы пенезей и выписовъ врадовыхъ, которыхъ дей я въ тотъ часъ одъ пановъ шляхты для писанья позвовъ у себе мѣлъ, также и позвовъ писаныхъ за титуломъ и печатью его королевское милости, которыемъ дей мѣлъ давати нѣкоторымъ паномъ шляхтѣ одъ иншое шляхты, то-есть, меновите: листы пана Матысовыхъ два, одинъ на двадцать копъ грошей, а другій на три копы грошей, третій листъ пана Захарьяшова слуги на двадцать шесть копъ грошей, Войны Лозовицкого шесть выписовъ, Ивана Костюшковича три выписы, Миколаевое Оленское позовъ по пана Захаріяша тогожъ князя Жижемского, позовъ по Станислава Мрочка, а моихъ дей листовъ властныхъ два, одинъ на шесть копъ, а другій на полъпяти копы грошей литовскихъ. Тые дей листы у водѣ розмокли, пошарпалися и вниве чъ обернули, а иншіе дей погинули. Меновалъ тежъ, же и иншіе шкоды въ той водѣ ему се стали, то-есть: оборвалсе дей поясъ и згинулъ дей мѣшокъ, въ которомъ дей было полторы копы грошей монеты а чирвоный золотый одинъ; печать серебряная, коштовала дей зъ роботою осьмнадцать грошей; годинникъ компасъ костеный, купленый за осьмъ грошей; хустка дей згинула коленская за четыри гроши; коломаръ за три гроши; книжка паркгаменовая, за шесть грошей; минуцекъ, за два гроши. А на мнѣ дей попсовалъ хусты: кафтаникъ новый, замшовый, коштовалъ дей три золотыхъ, тотъ вниве чъ ся обернулъ; копенякъ бѣлый, убранье, боты, то все у водѣ попсовалъ. Якожъ я возный за оказаньемъ его видѣлъ есьми того пана Якуба возного, усего змочоного, такъ сукно на нимъ, кафтанъ замшовый, убранье, боты и кошуля уся мокра; и то меновалъ, же дей панъ Иванъ Гоголь мало мене на смерть не утопилъ, якожъ и листовъ съ печатями, также и позвовъ мокрыхъ, пошарпаныхъ мнѣ не мало показовалъ. А при мнѣ возномъ при освѣтченью и оказанью его были стороною земяне повѣту Берестейского: панъ Янъ Жембоцкій и панъ Юрій Прилуцкій. Якожъ тогожъ дня въ датѣ вышмененого, панъ Остафей Буховицкій—войтъ Кобринскій, Кгродецкій, оповѣдалъ мнѣ возному, же за его посланьемъ панъ Иванъ Гоголь возного Якуба збилъ и

у воду зопхнулъ, также и панъ Богданъ Карповичъ оповѣдалъ, же тотъ панъ Иванъ Гоголь его збилъ по виденью, якъ былъ стороною при возномъ, вышедши съ тыхъ бервей, гдѣ возного у воду зопхнулъ, а панъ Федоръ дей Карповичъ ледво утекъ одъ него. Которого ихъ освѣтченья даломъ пану Якубу возному и пану Остафью Буховецкому и тому Богдану сесь мой квитъ, за пачатью моею, и съ подписомъ руки моее ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ. Писанъ у Кобрыню, даты вышейнаписаное. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 1071—1074.

39. Донесеніе вознаго по жалобѣ земянина Михаила Черневскаго на земянина Ивана Коробку, который забралъ его крестьянина со всѣмъ его имуществомъ и переселилъ въ свой участокъ.

Лѣта Божого Нароженя 1589, мѣсеца Мая 5 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Василей Макаровичъ Волвовицкій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который-же за печатью своею и за печатьми стороны шляхты, при немъ будучихъ, ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Василій Макаровичъ Волковицкій—возный воеводства Берестейского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперешнего тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля двадцать третего дня, оповѣдалъ мнѣ возному панъ Михайло Ивановичъ Черневскій на земенина повѣту Берестейского пана Ивана Коробчича Черневского, ижъ дей дня вчерашнего мѣсеца Апрѣля двадцать второго, зъ суботы на недѣлю, въ ночи, наѣхавши дей моцно, кгвалтомъ, на кгрунтъ его Черневскій, до села Заболотья, на домъ подданого его Нелѣпка зъ слугами и поддаными своими, тамъ дей того подданого Нелѣпка, самого, съ женою и зъ дѣтьми, зъ быдломъ, и зо всею маетностью съ того дому взявши, въ томъ-же селѣ Заболотьи, за собою въ пустыхъ а одышлыхъ хоромахъ осадилъ. Который дей тотъ подданый Нелѣпко за нимъ паномъ Михномъ Черневскимъ одъ лѣтъ пятнадцати мѣшкалъ; въ которого дей маетности быдла было: воловъ два, корова одна съ телемъ, яловица одна, подътелковъ два, свиней пятеро, гусей шестеро, куръ десетеро, збожа молочоного жита бочокъ чотыры, ячменя бочокъ двѣ, овса бочокъ три, гречки бочокъ полторы, и иншіе дей вшелякіе статки домовые, все одъ мала до велика забравши, на часть свою спровадилъ. И кгды дей услышалъ былъ тотъ кгвалтовный наѣздъ другій подданый его пана Михайла Черневского, сусѣдъ и

тесть того Нелѣпка, который на одной волоцѣ зъ нимъ мѣшкалъ, на име Войтко и кгвалту дей волати хотѣлъ, то пакъ тотъ же панъ Иванъ Коробка зъ слугами и поддаными своими того подданого его Войтка Шимковича кгвалтовне прибивши, а держачи въ рукахъ поки бы все выпровадилъ, кгвалту волати не далъ. А такъ я за оказаньемъ пана Михайла Черневского видѣлъ есьми на подданомъ его Войтку Шимковичу раны на руцѣ правой, на плечи рана битая, синея, спухлая, а другую рану въ головѣ, въ тылѣ рану битую жъ, спухлую. Которые раны тотъ подданый пана Михна Черневского Войтко меновалъ быти одъ пана Ивана Коробки, слугъ и подданыхъ его. И за оказованьемъ пана Михайла Черневского видѣломъ въ томъ селѣ Заболотьи, на волоцѣ той, гдѣ подданый его Войтко мѣшкаетъ, халупа пуста и якъ въ халупѣ, такъ въ гумнѣ и въ хлѣвѣ ничего нѣтъ. Што панъ Черневскій передо мною вознымъ именовалъ, ижъ съ того дому того подданого его Нелѣпка панъ Иванъ Коробка зо всею маетностью кгвалтовне вывелъ и забралъ. А при мнѣ вознымъ на тотъ часъ были стороною люди добрые, шляхта, панъ Василей Богдановичъ Черневскій а панъ Силоянъ Волковицкій. И на томъ далъ тотъ мой квитъ сего сознанья моего для записанья до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ зъ моею печатью, при которой печати моей и панове шляхта печати свои приложили. Писанъ у Черневѣ, року осмьдесятъ девятого мѣсеца Апрѣля двадцать третего дня. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 734.

40. Донесеніе Берестейскаго вознаго о неуплатѣ головщизны 20 к. л. гр. Ярмошемъ Малоцевичемъ за убитаго крестьянина.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Мая 27 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на враду возный повѣту Берестейского Янъ Гуриновичъ Токаревскій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью своею и за печатьми шляхты стороны, при нимъ будучое, ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Янъ Гуриновичъ Токаревскій—возный воеводства Берестейского ознаймую тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперешнего тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая дня семого, будичи мнѣ въ справѣ его милости пана Федора Вагановского, а при мнѣ были стороною панъ Матысъ Конашевичъ а панъ Федоръ Сенковичъ Токаровскіе, ку учиненью заплаты двадцати копъ грошей литовскихъ за забитого подданого пана Федора Вагановского Долебиновского Стася Стукаловича, водлугъ суду и декрету пана Яна

Телетицкого—намѣстника Милейчицкого, на Ярмошу Малоцевичу. А такъ умоцованый его милости пана Федора Вагановского панъ Стефанъ Волковицкій упоминалсе, абы была тая головщизна готовыми ненезми плачона а служебникъ пана Яна Телятицкого—намѣстника Милейчицкого Станиславъ Гонцевичъ повѣдилъ: а томъ я готовъ одправу чинити зъ маетности того подданого короля его милости Ярмошовы, якую маетность маетъ, бо готовыхъ пѣнезей помененый Ярмошъ не маетъ, тымъ чиню одправу, што тотъ подданый короля его милости маетъ и выставилъ клячъ двое худыхъ, недзныхъ, волы два, свиней двое, куръ четверо, речей домовыхъ, то-есть: полотна посполитого толстого поставцовъ чотыри, сорочокъ жоноцкихъ шесть, толѣстка чирвоная одна, другая чорная, кожухъ заячій, скатерть, ручниковъ пять, радно одно; и повѣдилъ служебникъ пана Телятицкого Станиславъ Гонцевичъ умоцованому пана Вагановского: бери тую маетность у водправѣ. Умоцованый его милости пана Вагановского, папъ Стефанъ Волковицкій, показавши моць, одъ папа Вогановского писаную, которую передо мною читавши, пыталъ, естли маетъ моць одъ пана своего чинити одправу пану Вагановскому. Служебникъ пана Яна Телятицкого повѣдилъ: ижъ я жадное моци одъ пана Телятицкого не маю, але служу пану Телятицкому; и зъ росказанья пана моего естемъ посланный чинити одправу пану Вагановскому на Ярмошу Малашевичу изъ маетности его, котóрую маетъ; только, пане Волковицкій, бери у тыхъ двадцати копахъ грошей. Нижли умоцованый пана Вагановского повѣдилъ: ижъ дей я пріѣхалъ за декретомъ пана Телятицкого по суму сказаную за головщизну двадцати копъ грошей литовскихъ, а кгды моцы на одправу не показуешь, я дей примовати не хочу, бо дей бы и кіемъ мнѣ подданые его королевское милости дали. Кгдыжъ дей до одправы моци не маешь а служебникъ Станиставъ Гонцевичъ моци въ себѣ не мѣнилъ и показати одъ пана Телятицкого не хотѣлъ, одно голыми словы до умоцованого пана Вагановского мовилъ, абы въ одправѣ маетностью бралъ, а въ недостатку въ той сумѣ и кгрунтомъ, и упоминалсе пана Вагановского умоцованному, абы зъ кгрунтовъ такую повинность панъ Вагановскій выполнялъ, яко тотъ подданый короля его милости полнитъ. А умоцованый пана Вагановского панъ Стефанъ Волковицкій жадное повинности не подыймовалъ; клячъ двохъ, воловъ двохъ, свиней двойга не бралъ, одно мовилъ: абы пѣнезми была плачона, або за показаньемъ моци слушную одправу чинено, на што слуга одъ пана Телятицкого моци не показовалъ. А оный умоцованый пана Вагановского мною вознымъ и стороною при мнѣ будучою свѣтчилъ, ижъ сумы копъ двадцати не плачоно речами неслушными, фантами ледаякими, не водлѣ права, тотъ слуга, который се менилъ быть пана Телятицкого не показуючи моци, одправу одно голыми словы чинити хочеть, и не взявши одправы тотъ умоцованый пана Вагановского съ того села Пужицкого ѣхалъ прочъ. А такъ я, чого будучи свѣдомъ, даю тотъ свой квитъ сознанья своего до враду и для записованья до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ подъ моею печатью и подъ печатьми людей добрыхъ шляхты, въ томъ квитѣ вышейнапи-

саныхъ. Писанъ въ Пужичахъ, року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого мѣсеца Мая семого дня. Которое-жъ сознанье возного номененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 628—630.

41. Посвидѣтельствованіе и осмотръ вознымъ крестьянъ земянки Анны Костюшковой Сехновицкой, одного убитаго, а другого сильно избитаго Каменецкими мѣщанами.

Лѣта Божого Нароженія 1589, мѣсеца Мая 10 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на вравѣ возный повѣту Берестейского Александеръ Немѣра Кругельскій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхь подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Александеръ Немѣра Кругельскій, возный воеводства Берестейского, вызнаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ въ року нынѣшнемъ тысечапятьсотъосьмьдесятъ девятомъ, мѣсяца Мая четвертого дня, будучи мнѣ въ справѣ земянки господарское повѣту Берестейского панее Ивановое Костюшковое Сехновицкое, панее Ганны Фурсовны, на огледанье забитья и зраненья подданыхъ панее Костюшковое, зъ имѣнья ее Ступичова, то есть: Яська Островского а Грица Тишевича, которого видѣлъ есьми Яська забитого, замордованого до смерти, то-есть, на кгрунтѣ мѣстскомъ, подъ мѣстомъ Каменецкимъ; видѣлъ есми въ него горло передавлено и нога перебитая и увесь збитъ, синь, измордованъ. А на Грицу Тишевичу видѣлъ есьми рану въ головѣ, въ чолѣ надъ бровью лѣвою, рану крывавую, битую, шкодливую, и менилъ тотъ подданый ее милости тое збитье свое и замордованье Ясковое одъ мѣщанъ Каменецкихъ Матфея Тригузовича, Ивана Желѣзковича и одъ помочниковъ ихъ, которыхъ они собѣ лепѣй вѣдаютъ. Бо дей мы были на ярмарку въ мѣстѣ и коли есьмо шли насъ пять человѣковъ улицою Литовскою додомовъ своихъ, то гды оные мѣщане звышмененые съ помочники своими окрикъ великій на насъ учинили и почали на насъ каменьемъ кидати и бѣгати, тогды насъ чотыры чоловѣка ледво повтѣкали, а пятый не втекъ, Яско; тогды они его забили и замордовали. А тое се дѣяло у середу у вечери. А при мнѣ возномъ были на тотъ часъ люди добрые панъ Миколай Телятицкій а панъ Павелъ Воротынскій. Чого я того свѣдомъ будучи до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ одношу и далъ есми мой квитъ подъ моею печатью. Котороежъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 701—703.

42. Жалоба земянина Юрія Данилевича на крестьянина Оксина и его семейство которые обокрали его и ушли.

Лѣта Божого Нароженя 1589, мѣсеца Мая 20 дня. Писалъ и присылалъ до враду кгродского староства Берестейского, до мене Мальхера Райского—подстаростего Берестейского земенинъ повѣту Берестейского панъ Юрій Данилевичъ шляхта, оповѣдаючи великую кривду и шкоду свою немалую, ижъ дей въ небытности его самого и малжонки его въ дому ихъ Здитовѣцкомъ, року дей теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая семого дня, зъ недѣли на понедѣлокъ, въ ночи, челядь его невольная, именемъ Зофея, зъ дѣтьми своими, Якимомъ, Лукашомъ, Фединою, Ромашкомъ, зъ дочкою Настею, а другіе дѣвки дорослые двѣ, одна Катерина, а другая Марина, также невольницы, которая тая Зофія съ тыми дѣвками змовившисе, пропомнявши боязнь Божую, и его пана своего и жону его окравши и забравши немалую маетность ихъ изъ свирна и здрадивши ихъ и не учтивши, злодѣйскимь способомъ-обычаемъ, зъ дому и зъ двора ихъ Здитовецкого, не вѣдати у который край, будь у великое князство Литовское, альбо у Коруну Польскую, альбо тежъ до земли Волынское, прочь поутѣкали. Также тежъ того року осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая двѣнадцатого дня, мужъ той Зофеи а невольный ихъ, именемъ Оксанъ, который былъ зъ нимъ и зъ женою его у пріятеля ихъ у пана Павла Лопотя, тотъ скоро дей пріѣхавши зъ ними до дому его Здитовецкого, не учтивши и здрадивши ихъ, пановъ своихъ, также зъ жоною своею Зофіею вышейменованою и зъ дѣтьми своими одъ нихъ прочь утекъ; который бѣгучи укралъ кожухъ новый бараній, который коштовалъ грошей сорокъ, сермягу бѣлую новую, которая коштовала полъ копы грошей. Которые рѣчи рухомые, маетность ихъ, зъ дому ихъ и клѣти тая Зофія съ тыми дѣвками дорослыми, съ помочниками и выкотчими, припросивши къ собѣ, побрала; то-есть шкоды: сукманъ шарый муравскій, жоноцкій, купленный копъ за двѣ; однорадка чорная муровская, купленная копъ за двѣ, зъ строкою шолковою; жупица лосяя; шапка оксамитная, кунами подшитая; другая шапка китайчаная, кунами жъ подшитая, которые у клѣтцы висѣли, платовъ коленскихъ три; кошулекъ коленскихъ пять, полотна кужелю локоть сто; обрусовъ поставъ локоть тридцать, а гребного полотна локоть шестьдесятъ; ручниковъ локоть тридцать; простицъ синихъ двадцать волынскихъ, купленыхъ по полъ копы грошей; простица чирвоная, купленная за полъ копы и за пять грошей; домовое роботы простицъ чорныхъ чотыри; кожуховъ два, одинъ новый, другій старый, бараніе; сермягъ двѣ бѣлыхъ, новыхъ, третяя чорная, также новая; кошуль жоноцкихъ осьмь,

а мужскихъ пять. То дей покравши зъ собою побрали и сами прочь зышли. О што просилъ, абы тое оповѣданье его было до книгъ записано. Што есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 727.

43. Донесеніе Берестейскаго вознаго объ осмотрѣ имъ въ селѣ Шаличахъ убитаго земяниномъ Андреемъ крестьянина.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Мая 24 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на враду возный повѣту Берестейского Янъ Казновскій очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который же за печатью и зъ подписомъ руки своее ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Янъ Казновскій—возный воеводства Берестейского, вызнаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая двадцать второго дня, быломъ въ справѣ велеможного пана его милости пана Яна Паца—тивона Виленского, старосты Каменецкого, за освѣтченьемъ и оказаньемъ подстаростего его милости Каменецкого пана Александра Винского, у селѣ Шалицкомъ, державы Каменецкое, якожемъ видѣлъ чоловѣка забитого на смерть, на имя Матея, зятя Климова; у которого видѣломъ у потылицы рана кривавая, рука лѣвая збитая. Якожъ передо мною вознымъ повѣдили подданые короля его милости Шалицкіе, ижъ того чоловѣка звышпомененого забилъ дей на берегу властномъ нашомъ у рѣки, которого есьмо дей у водѣ нашли утопленого, зраненого, одъ земенина повѣту Берестейского пана Андрея Стефановича Кругельского и одъ помочниковъ его; якожъ дей передо мною вознымъ подданые короля его милости, сынъ Трухоновъ зъ Шаличъ, на име Юсько, который съ тымъ небожчикомъ на берегу своимъ рыбы болталъ, ижъ дей его панъ Стефановичъ звышпомененый забилъ и утопилъ, а Есько товаришъ небожчиковъ ледво дей одъ него утекъ, одъ усее одежи своее, якожъ повѣдили, ижъ дей тую одежу одъ обѣихъ побралъ панъ Андрей Стефановичъ, то-есть, повѣдили меновите: у небожчика Мацька сермяга новая, за грошей сорокъ, кошуля тонкая, убранье, шапка коштовала дей грошей тридцать, поясъ зъ мошною, у которой было полъ копы грошей литовскихъ; а у Юська дей сына Трухонового сермягу за грошей сорокъ, убранье, кошуля, шапка за грошей двадцать, у мошнѣ было грошей двадцать чотыры. Которое дей забитье и грабежи менили быть одъ пана Андрея Стефановича и одъ помощниковъ его. А при мнѣ возномъ на тотъ часъ были стороною шляхта, люди добрые, панъ Миколай Сорвило,

земянинъ повѣту Лидского, а панъ Янъ Фащинскій. И на томъ далъ тотъ мой квитъ подъ печатью моею. Писанъ у Шаличахъ. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 761—762.

44. Жалоба Милейчицкихъ мѣщанъ на жидовъ мытниковъ Ломазской и Володавской таможенъ, причинившихъ первымъ разныя обиды и несправедливости при провозѣ товаровъ чрезъ помянутыя таможни.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Мая 29 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, жаловалъ и оповѣдалъ мѣщанинъ его королевское милости мѣста Милейчицкого, на имя Минъ Долбичъ, самъ одъ себе и именемъ иншихъ мѣщанъ тамошнихъ сусѣдовъ и товаришовъ своихъ, на жидовъ Ломазского и Володавского, мытниковъ господарскихъ, на Лейбка Вольфовича и на Ицка о томъ, ижъ дей они не пооднокроть великіе кривды, шкоды и трудности на тыхъ ихъ двохъ коморахъ, за не доброю згодою своею, въ забиранью товаровъ и коней, окромъ вшелякое винности ихъ, чинятъ; о што дей тому Миню и товаришомъ его они-жъ жиды передъ мытниками коморы Берестейское, яко на день двадцать восьмый Мая, въ року теперешнимъ осьмьдесятъ девятомъ, усправедливитисе и за шкоды досыть чинити мѣли и обѣцалисе, але дей тому водлугъ обѣцанья и умовы ихъ зъ нами учинено досыть, яко на року певномъ, не учинили. На чомъ дей онъ съ товаришами своими того всего на двадцать золотыхъ польскихъ шкодуетъ и просилъ, абы тое оповѣданье до книгъ врадовыхъ было записано. Што есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 763.

45, Посвѣдѣтельствованіе возного о побояхъ и ограбленіи крестьянъ Александра Горбовскаго, совершенныхъ Вистицкими боярами.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Мая 29 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на враду возный повѣту Берестейского Матѣй Ивановичъ Волковицкій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который

же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Матѣй Ивановичъ Волковицкій—возный повѣту Берстейского, сознаваю тымъ квитомъ моимъ, ижъ року теперь идучого осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая двадцать осьмого дня, маючи я при собѣ сторону шляхту, людей добрыхъ, земянъ повѣту Берестейского, пана Ивана Токаровского а пана Льва Заранка, огледаломъ за освѣтченьемъ пана Александра Заранка Горбовского и малжонки его пани Марины Скоковское збитья и враненья подданыхъ имѣнья Скоковского. И видѣлъ есьми напервей: у Трохима Осташевича голова зорвана и волосья жушмо мнѣ оказовалъ, и видѣнье по лѣвой сторонѣ зорвано, а на хрыбтѣ раны синіе, битые; а въ жоны его Ориши видѣлъ есьми на руцѣ правой вышей локтя рана синяя, битая, кровью набѣглая; а въ служебницы ихъ дворное, на имя Маруши Ивановны видѣломъ персь правая шкодливе збита, спухла, кровью набѣглая. Которые тые подданые пана Заранковы и малжонки его, также и тая служебница ихъ дворная менили и свѣтчилисе мнѣ возному и сторонѣ звышмененой, ижъ дей тое збитье и враненье имъ стало одъ бояръ Вистицкихъ его милости пана воеводы Берестейского пана Криштофа Зеновича и малжонки его милости, быть имъ удѣланое дня звышпомененого Мая двадцать осьмого, року осьмьдесятъ девятого, у Вистичѣхъ, передъ церковью, на имя одъ Яна и . . . . . *) Томковичовъ и помочниковъ ихъ; ижъ дей тые бояре его милости пана воеводы и малжонки его милости, звышпомененые, тамъ у Вистичахъ, ихъ передъ церковью, безъ вины а кгвалтовне позбіяли и поранили и грабежъ учинили, то есть: зняли дей зъ нее Марины, служебницы пана Заранковы, сермягу чорную, которая дей коштовала грошей тридцати. И на томъ далъ той мой квитъ подъ моею печатью ку записанью до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ. Писанъ року и дня звышпомененого. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано есть.

*) Слово вырвано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 785—787.

46. Донесеніе Берестейскаго вознаго по поводу жалобы земянки Богданны Черкасовой Пятигорцовой на земянина Ивана Костюшковича, который отнялъ у нея крестьянина, бывшаго въ залогѣ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Іюня 1 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный воеводства Берестейского Якубъ Бѣлоусовичъ, призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который же за печатью

и за печатьми стороны шляхты, при немъ будучое, ку записанью до книгъ подалъ, который слова до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Я Якубъ Бѣлоусовичъ Лепесовскій—возный повѣту Берестейского, сознавамъ симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Мая двадцать третего дня, освѣтчала мною вознымъ земянка повѣту Берестейского пани Якубовая Черкасовая Пятигорцова, на име Богдана, на земенина повѣту Берестейского, на пана Ивана Костюшковича Барсобу тыми словы: ижъ дей тотъ панъ Иванъ Костюшковичъ Барсоба, заставивши малжонкови моему пану Якубу Пятигорскому и мнѣ подданого своего, зъ кгрунтомъ его, на име Мица Жоховца, и зъ сыномъ его Степаномъ, въ которого дей подданого не мѣлъ ничимъ се уступовать, не оддавши малжонкови моему тое суммы пѣнезей, въ листѣ его вызнаномъ, описаное, подъ заруками, такъ на врадъ, яко и на сторону, што дей меновите въ томъ листѣ его вызнаномъ, малжонкови моему данъ, описано есть. То пакъ дей дня вчорашнего сего мѣсеца Мая двадцать второго тотъ панъ Иванъ Костюшковичъ Барсоба, пришедши кгвалтомъ, самъ особою своею, зъ многими помочниками своими, которыхъ дей имена онъ самъ лѣпѣй вѣдаетъ, въ домъ до того подданого нашого Мица Жоховца, его дей зъ моцы и держанья нашого отнялъ и собѣ на роботу выгналъ до двора своего на Босячъ; а малжонка дей моего пана Якуба на тотъ часъ въ дому нѣтъ, до Кгданьска одъѣхалъ; а я дей вельми хора, не вѣмъ если жива буду. Якожъ и тотъ подданый пана Якубовъ заставный Мицъ Жоховичъ и сынъ его Степанъ передо мною вознымъ повѣдили: же панъ Иванъ Костюшковичъ дня вчорашнего зъ моцы и зъ держанья пана Якубова намъ дей узялъ и до себе на роботу выгналъ. Вчорашнего дей дня я Степанъ, сынъ Жоховцовъ, гной зъ двора его на Босячу возилъ и ему дей служилъ, а кгдымъ дей до дому своего хотѣлъ у вечеръ отъѣхать, онъ панъ Иванъ клячу зъ возомъ у мене дей узялъ; а сего дня дей жона моя Мицова тамъ у его у дворѣ на дѣло. Што пани Якубовая меновала, же подданого заставного пограбилъ, за чимъ дей у заруки водлугъ листу своего малжонкови моему попалъ. А онъ Мицъ Жоховецъ меновалъ, же ему панъ Иванъ Костюшковичъ заказалъ подъ виною, абыхъ дей на роботу, до пана Якуба Пятигорца не ходилъ, я самъ, ани сынъ мой, але дей до себе на роботу, до двора своего, на Босячъ, намъ ходить и собѣ служить розказалъ. А при мнѣ возномъ были стороною земяне повѣту Берестейского, панъ Михайло Карповичъ а панъ Дементей Куленъ. И на томъ далъ паней Якубовой Пятигорцовой сесь мой квитъ ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, подъ печатью моею властною писанья моего и за печатьми тыхъ пановъ шляхты вышеймененыхъ. Писанъ на Босячу, даты вышейнаписаное. Которое сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 789.

47. Донесеніе Берестейскаго вознаго о возмущеніи крестьянъ земянина Буховецкаго въ селѣ Горездричахъ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Іюня 1 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Якубъ Бѣлоусовичъ Лепесовскій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью своею и съ подписомъ руки своее и за печатьми стороны шляхты, при немъ будучой, ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Якубъ Бѣлоусовичъ Лепесовскій—возный повѣту Берестейского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмдесятъ девятого, мѣсеца Мая двадцать пятого дня, былъ есми въ справѣ земенина повѣту Берестейского пана Беняша Львовича Буховецкого, который передо мною вознымъ повѣдилъ, ижъ дей подданые моего села Гоpесдрицкого, не вѣдати для которое причины, або зъ намовы людское, чили по своей доброволи, взявши передъ себе злый умыслъ и огурившися, послушенства водлугъ денное повинности своее мнѣ пану своему не чинятъ, на роботу не идутъ и росказанья моего николи послушни быти не хочутъ. Якожъ панъ Буховецкій зо мною вознымъ и стороною, людьми добрыми, шляхтою, до тыхъ подданыхъ своихъ, до села Гориздрицкого ѣздилъ, пытаючи ихъ: для чого бы ему, пану своему, послушенства повинного не чинили и на роботу водлугъ повинности своее, за росказаньемъ его, не ходили? А подданные того села Гориздрицкого, зобравшисе до купы, пану Буховецкому повѣдили: ижъ дей недавно есьмо были тобѣ дило заслужили водлугъ повинности своее, а теперь дей ачъ есьмо дило засудили, предъ се дей тобѣ на роботу не пойдемъ: бо дей еще собѣ не посѣяли; а кгды собѣ посіемъ, тогды тобѣ на роботу пойдемъ. А панъ Буховецкій повѣдилъ: ижъ дей не въ тотъ часъ, коли вы хочете, але коли я кажу, тогды мнѣ служите; а ижъ дей есте непослушны мнѣ чиненья своего, тогды дей вольно мнѣ васъ, звлаща бунтовниковъ, скарати. И за непослушенство ихъ казалъ взять двохъ подданыхъ до ланцуха. Въ тымъ се подданые обуривши почали волати: кіевъ дей на пана, кіевъ! А панъ Буховецкій за тое воланье нагайкою мужика ударилъ. А оные тежъ, допадши кіевъ и колья, слугу пана Буховецкого бити почали. Въ тымъ же часѣ, кгды розрухъ сталъ межи нами, зъ ручницы съ пулею у подданого пана Буховецкого, которого панъ Буховецкій въ заставѣ одъ пана Авдія Буховецкого мѣлъ, на име Паца, пострѣлено. Што панъ Буховецкій мною вознымъ и стороною шляхтою, при мнѣ на тотъ часъ будучими, свѣтчилъ. А потымъ, кгды се подданые вгамовали, панъ Буховецкій сказалъ двохъ подданыхъ виннѣйшихъ до вензеня своего взяти, то есть: Юр-

ку а Андроса. А скоро потымъ бою, теды панъ Буховецкій и слуги его оказывали раны, отъ тыхъ подданыхъ имъ сталые. Якожъ я возный, за оказаньемъ пана Буховецкого, видѣлъ есьми на самомъ пану Буховецкомъ, на плечахъ рана синяя, кіемъ битая; а въ слугъ его, на име Тишку Буховецкому, на хрибтѣ и на плечахъ ранъ синихъ битыхъ пять кіевыхъ, а на головѣ ошарпнено, рана крвавая; на Янѣ Залѣскомъ, на врднику пана Буховецкого, на твари по лѣвой сторонѣ рана битая крывавая, на руцѣ лѣвой ранъ синихъ битыхъ три, а на плечахъ не далеко шіи рана синя битая; а на Федорѣ Моксому на плечахъ ранъ синихъ, битыхъ чотыри, на рукахъ обѣихъ ранъ двѣ; а подданого пана Буховецкого, на име Паца, видѣломъ у вудѣ правое стороны пострѣлено зъ ручницы и куля зъ него не вышла. Которое збитье панъ Буховецкій, свое, такъ слугъ и пострѣленье того подданого Паца, менилъ тое збитье сталое отъ тыхъ подданыхъ своихъ села Горезрицкого. А при мнѣ возномъ при всей той справѣ были стороной, люде добрые, шляхта, панъ Янъ Мокрецкій, а панъ Мартинъ Лычко Остромецкій, панъ Тышъ Свадба Остромецкій, панъ Станиславъ Лавришевскій, а видъ замку Кобринского, приданый одъ пана подстаростего Кобринского Семенъ Степановичъ. И на то я возный вышейпомененый даломъ пану Беняшу Буховецкому тотъ мой квитъ подъ печатью и съ подписомъ руки моее и подъ печатьми пановъ шляхты, при мнѣ на тотъ часъ будучими, и съ подписомъ рукъ ихъ, которые писати умѣли, ку записанью до книгъ кгродскихъ. Писанъ у Берести. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 годы, стр. 837.

48. Донесеніе возного о произведенномъ имъ посвидѣтельствованіи въ дѣлѣ нападенія слугъ и людей Мельницкаго подкоморія Каспера Дембинскаго на земли королевскихъ крестьянъ, Воинской волости, села Ворончa, и произведенные первыми грабежѣ и побояхъ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Іюля 10 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на враду возный повѣту Берестейского Якубъ Бучинскій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижеменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своее ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Якубъ Бучинскій, возный-енералъ воеводства Берестейского, сознаваю тымъ квитомъ моимъ, ижъ року нынѣшнего тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Іюля осьмого дня, быломъ въ справѣ подданыхъ короля его милости, волости Воинское, у него

села Ворнча и намѣстника Воинского пана Яна Вольского, ку освѣтченью кгвалту, пожатья жита, избитья, пораненья одъ пана Каспра Дембинского зъ Дембянъ, подкоморого Мельницкого, и малжонки его пани Марины Ивановны Коптевны, черезъ слугъ и урядниковъ ихъ учиненого. Которые то помененые подданые короля его милости Воронецкіе и панъ Янъ Вольскій, намѣстникъ Воинскій, оповѣдали и освѣтчали передо мною вознымъ и стороною шляхтою, при мнѣ будучое, ижъ помененый панъ Каспоръ Дембинскій, также и малжонка его пани Марина Коптевна, року нынѣшнего тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Іюля четвертого дня, наславши моцно кгвалтомъ слугъ, урядниковъ своихъ, имѣнья Городиского, Матѣя Соболевского—Руденецкого, Мартина Ярошковского, урядника Яблонского—Станислава Кучинского и врадника Ясенского—Висбицкого, зъ иншими слугами, бояры и поддаными помененыхъ именъ своихъ, о килька сотъ чоловѣка, зъ розмаитою и разною бронью и стрѣльбою, до бою приготованою, съ полгаки, ручницами, конно и пѣшо, на власный кгрунтъ короля его милости подъ село Воронецъ у третемъ полю одъ Королевого Броду, тамъ дей жито властное подданыхъ короля его милости Ворончанъ, на петнадцати волокахъ, кгвалтовне пожали и побрали и до имѣнья своего Городиского тымижъ поддаными своими звезли, всего копъ двѣстѣ, и подданыхъ короля его милости Юська Гриневича и Осексу Заневича зъ Рудна кгвалтовне тамъ же, на томъ же кгрунтѣ короля его милости, збили и поранили. О чомъ дей, за даньемъ справы подданыхъ короля его милости, взявши вѣдомость, онъ Янъ Вольскій—намѣстникъ Воинскій, маючи зъ собою людей добрыхъ, шляхту, пана Мартина Слому а пана Громоцкого, ѣхалъ тамъ на тотъ кгрунтъ короля его милости, хотечи се довѣдати: для чого бы таковый кгвалтъ въ кгрунтѣ короля его милости чинили, и упомнети, абы таковыхъ кгвалтовъ занехали, а покой посполитый заховали. То пакъ дей, кгды тамъ пріѣхалъ и пристойне упоминалъ урядниковъ пана Дембинского, абы дали покой кгрунтомъ и подданымъ короля его милости, тые-жъ помененые слуги, урядники пана Каспра Дембинскаго и малжонки его панее Марины Коптевны, Матѣй Соболевскій, Мартинъ Ярошковскій и Вистицкій и Станиславъ Кучинскій, не дбаючи на тое упоминанье и пристойне ничого ему не отказуючи, за тымъ насланьемъ пановъ своихъ, пана Дембинского и малжонки его, заразъ кинулись до стрѣльбы и обычаемъ непріятельскимъ, запомнивши боязни Божое и срокгости права посполитого, почали съ полгаковъ и ручницъ стрѣляти, якожъ заразомъ самого пана Яна Вольского съ полгаку пострѣлили, который заразомъ съ коня спалъ и не вѣдати, будетъ-ли съ того пострѣлу живъ; а потомъ и при немъ будучихъ пана Мартина Слому и Яна Громоцкого тогожъ дня помененого, Іюля четвертого, на томъ же кгрунтѣ короля его милости помененомъ, безвинне и шкодливе позбіяли и поранили, и подданыхъ короля его милости, при нихъ будучихъ. Якожъ при томъ оповѣданью своемъ вышейпомененые подданые короля его милости Воронецкіе Станиславъ Ольшевскій—войтъ зъ иными поддаными свѣтчили и оказовали мнѣ возному тые кгрунты короля его милости помененые, въ которыхъ се кгвалтъ сталъ, подъ селомъ Ворон-

цомъ, въ третимъ полю одъ Королевого Броду, гдѣмъ я возный огледалъ и видѣлъ на шестнадцать стаи выжато и жито побрано и съ того мѣстца звезено, съ которого знать колею свѣжо, же съ тамтоля жито съ поля везено, просто до имѣнья Городиского, може быть жита выжатого на томъ мѣстцу копъ двѣстѣ, гдѣ собѣ кгвалтъ и бой учиненый быти меновали Олеска Заневичъ зъ Рудна, а Юско Гриневичъ, ижъ его збивши у везенью у Руденцу черезъ два дни и двѣ ночи держали, ледве се съ темницы и того везенья выгреблъ. А за освѣтченьемъ пана Яна Вольского, намѣстника Воинского, видѣломъ самого его пострѣленного съ полгаку въ удъ правое ноги, шкодливе, у которого рана пострѣленная; а у пана Мартина Сломы видѣломъ надъ бровью лѣвой рану синюю, а на пальцу мезиномъ лѣвое руки рана тятая, кровавая. У Яна Громинского видѣломъ надъ окомъ лѣвымъ: рана тятая, кривавая и око збито, сине, спухло. Которое то збитье, пораненье свое, кгвалтъ, вышейпомененые подданые короля его милости Воронецкіе и панъ Янъ Вольскій меновали быти учинено одъ пана Каспора Дембинского и малжонки его панее Марины Коптевны, за кгвалтовнымъ насланьемъ ихъ слугъ, урядниковъ ихъ, вышейпомененыхъ, съ слугами, бояры и поддаными ихъ на властный кгрунтъ короля его милости. А при мнѣ возномъ при томъ освѣтченью кгвалту и ранъ на тотъ часъ были стороною люде добрые, шляхта, панъ Матѣй Рачинскій—возный и панъ Стефанъ Оздебскій. Якожъ я возный енералъ Якубъ Бучинскій въ той справѣ, чого свѣдомъ будучи, даломъ тотъ мой квитъ ку записанью до книгъ урядовыхъ подъ печатью и съ подписомъ руки моее властное. Писанъ року и дня вышейпомененого. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 842.

49. Донесеніе возного о произведенномъ имъ освидѣтельствованіи мертваго тѣла замученнаго крестьянина Никифора Сеньковича изъ села Лютой Воли, каковое злодѣйство совершено крестьянами того же села Мартиномъ Вѣщиковичемъ и его тремя сыновьями.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Іюля 12 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Янъ Гуриновичъ Токаровскій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью своею ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Янъ Гуриновичъ Токаровскій, возный повѣту Берестейского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Іюля четвертого дня,

быломъ въ справѣ его милости пана Давида Солтана, старосты Острынского, и за оказованьемъ врадника его милости Волчинского,—пана Лаврина Григорьевича, видѣломъ подданого его милости Волчинского, зъ села Воли Лютое, на име Ничипора Сеньковича, знать замучоного, вже неживого и на смерть замордованого; у которого видѣломъ раны на хребтѣ, на рукахъ и на ногахъ, на всѣмъ тѣлѣ, огнемъ попаленые и пожженые. Што менилъ и оповѣдалъ тотъ врадникъ пана Солтановъ, ижъ дей того подданого пана его помененого беввинне и кгвалтовне и кромъ жадное даное причины, безправне, въ року нынѣшнемъ осьмьдесятъ девятомъ, мѣсеца Іюля второго дня, въ томъ же селѣ Воли Лютой, на улицы сельской, который дей подданый, ни о чомъ ничого не вѣдаючи и никому ничого не будучи виненъ, безпечонъ былъ въ селѣ, стоячого, взявши, спалили, измучили и о смерть приправили подданые его милости пана Ярослава Солтана, старосты Острынского, съ тогожъ села Воли Лютое, на имя Мартинъ Вещиковичъ зъ сынами своими, на име Денисомъ, Хомою и Овдеемъ; съ которыхъ дей ранъ тотъ небожчикъ Ничипоръ зъ сего свѣта зшолъ дня прошлого мѣсеца Іюля девятого, въ семъ же року осьмьдесятъ девятомъ. А стороною при мнѣ возныиъ при томъ огледанью были шляхта, люди добрые, панъ Иванъ Ивановичъ а панъ Марко Лукашевичъ Токаровскій. И на томъ далъ тотъ мой квитъ ку записанью до книгъ подъ моею печатью. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 260.

50. Жалоба королевскаго секретаря Якова Кресимскаго на Ломазскаго мѣщанина и мельника королевского села Вортоля Өедора Березу о томъ, что онъ взбунтовавшися, умышленно съ многими крестьянами, раскопалъ его плотину на рѣкѣ Желявѣ.

Лѣта Божого Нароженья 1586, мѣсеца Іюля 15 дня.

Писалъ и присылалъ до враду кгродского староства Берестейского, до мене Мальхера Райского, постаростего Берестейского, его милость панъ Якубъ Кресимскій, секретарь его корол. милости, и зъ малжонкою своею, ее милостью панею Матроною Александроою Ивановною Боговитиновною, съ Козерадъ, Якубовою Кресимскою, служебника своего Миколая Розносинского, о томъ жалуючи и оповѣдаючи, ижъ дей въ року нынѣшнемъ тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятомъ, мѣсеца Іюля осьмого дня, наполнившисе воли своее злой, запомневши боязни Божей, срокгости права посполитого и покою, правомъ посполитымъ обварованого, опатрный Хведько Береза, мѣщанинъ Ломазскій, а мельникъ млына села короля его милости Вортольского, на однози рѣки Желявы, збунтовавшися, змовивши съ поддаными короля его милости села Вор-

тольского, на име: зъ Стасемъ, Остапкомъ, Адамомъ и Ярмошомъ, Вавришемъ, братанкомъ Пилипомъ Гацомъ Левковичомъ, братомъ Трохимовымъ Гарасимовымъ Грыневичомъ, зъ Вацомъ сыномъ Игнатовымъ, Сенькомъ Гриневичомъ—лентвойтомъ, съ Кохановъ Шевчикомъ, Хведькомъ Ротковичомъ, съ Хведькомъ Мостовникомъ, зъ Васькомъ Левоневичомъ,, зъ Макаромъ Левоневичомъ, съ Тимошемъ Курьяновымъ зятемъ, зъ Михномъ Литвиномъ, зъ Васькомъ Сачковымъ зятемъ, зъ Занемъ Гребуликомъ, съ Тимошемъ Симоновичомъ, Тимошъ зъ братомъ своимъ зъ Гацомъ Вельмовичомъ, Петръ зъ Лыщиней, зъ братомъ Луцомъ, зъ Маркомъ Гобачевичомъ, зъ Иваномъ зятемъ его, зъ Войткомъ Почеревчикомъ, зъ Васькомъ Кушнеромъ, зъ Иваномъ Игнатовичомъ, съ Пашкомъ Бойневичомъ, Степаномъ Лыжичемъ, зъ Грицомъ Мѣрникомъ, съ Хведькомъ Барбакомъ, Ярмошковомъ, зъ Максимомъ Рудкою, зъ Леонцемъ, зъ Іоцемъ подлѣ господъ. . . зъ Іовомъ Богдановичомъ, зъ Серафимомъ и Стасемъ Сиропомъ, зъ Андреемъ Смаченемъ, зъ Антономъ Цвиликомъ, зъ Семеномъ Спачкомъ, зъ Грицомъ Вельмовичомъ, зъ Мартиномъ Жорновикомъ, зъ Максимомъ Сорокою, моцно и кгвалтомъ нашедши зъ розными бронями своими, ручницами, ощепами, секерами на имѣнье ихъ и кгрунтъ его и малжонки его Вортольскій, въ небытности дей ихъ, на греблю, которая есть на рѣцѣ Желявѣ, которая то гребля его и малжонки его есть, на кгрунтѣ имѣнья его Вортольского и малжонки его, на той же рѣцѣ Желявѣ всыпана, до кгрунтовъ короля его милости села Вортольского стародавна и водле привилеевъ и наданья светое памети короля Александра Польского и князя великого Литовского и млыны на той же рѣцѣ суть збудованые, чого всего продкове его отъ лѣтъ деветидесятъ, онъ дей Якубъ Кресимскій зъ малжонкою своею Матроною Александрою Ивановною Боговитиновною Якубовою Кресимскою, за правомъ своимъ отъ лѣтъ десети суть въ спокойномъ держанью и уживанью, тое гробли на рѣцѣ Желявѣ и млыновъ на ней, яко се сама въ собѣ маетъ, которую маетъ зъ малжонкою своею, также декрету светое памети Степана, короля его милости польского и великого князя Литовсвого, и за записомъ власнымъ его милости пана Михала Ивановича Боговитина Козерадского—маршалка короля его милости, швакгра своего а брата рожоного малжонки своее Матроны Александры Ивановны Боговитиновны Якубовой Кресимской;—то пакъ тотъ то помененый Хведько Береза, мѣщанинъ Ломаскій, мельникъ млына села короля его милости Вортольского, на однози той рѣки Желявы, моцно, кгвалтомъ нашедши, съ тыми вышпоменеными поддаными короля его милости села Вортольского, на тотъ кгрунтъ имѣнья моего Вортольского, на греблю мою, на той рѣцѣ Желявѣ всыпаную, на которой млыны имѣнья моего Вортольского есть, спустъ на той гробли, здавна збудованый, правомъ и привилеями и декретами утвержоный, кгвалтовне зрубавши, зъ кгрунтовъ стародавныхъ розкидали, роскопали, ку кривдѣ и шкодѣ ставу моего зъ млыновъ моихъ и малжонки моее великой, которую то шкоду себѣ на копъ двѣстѣ личбы Литовское шацуемы. Якожъ возный повѣту Берестейского Станиславъ Пресмыцкій, въ той справѣ чого свѣдомъ, квитъ сознанья своего за печатью и съ подпи-

сомъ руки своее и за печатьми стороны шляхты, при мнѣ будучое, ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ: Я Станиславъ Пресмыцкій, возный воеводства Берестейского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Липца чотырнадцатого дня, быломъ въ справѣ его милости пану Якубова Кресимскому—секретарови короля его милости и паней малжонки его милости панее Матруны Александры Боговитиновны Козерацкой, ку огледанью кгвалтовного розметанья и порубанья спусту и розкопанья гребли втрое на однозѣ рѣки Желявы. Которое то розметанье, порубанье спусту и перекопанье гребли меновали ихъ милость передо мною возным, же тотъ кгвалтъ сталъ отъ подданого короля его милости Ломазского Хведора Березы, мельника Вортольского, на однозѣ Желявы. Якожъ я возный звышпомененый, за освѣтченьемъ его милости пана Якуба Кресимского и паней малжонки его милости, маючи на тотъ часъ при собѣ сторону шляхту, людей учтивыхъ, пана Криштофа Гожецкого а пана Щасного Карского, видѣломъ на гребли Вортольской спустъ розметаный и порубаный, кгреблю втрое перекопаную. За которымъ розметаньемъ спусту и розкопаньемъ кгребли меновали ихъ милость собѣ шкоды одъ того Хведора Березы, млынаря звышпомененого, и одъ помочниковъ его подданыхъ короля его милости Вортольскихъ, на двѣстѣ копъ Литовскихъ. О чомъ ширей и достаточней въ оповѣданью ихъ милости доложено есть на урадѣ кгродскомъ. И на томъ я возный звышпомененый даломъ тотъ мой квитъ ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, съ печатью моею и съ подписью руки моее и съ печатьми стороны моее. Писанъ у Вортолю, року и дня звышпомененого. Которое-жъ оповѣданье жалобы возного помененого сознанье до книгъ врадовыхъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 947.

51. Листъ короля Сигизмунда III-го Брестскому старостѣ Ивану Кишкѣ о томъ, чтобы слѣдующая съ фольварковъ Берестскаго староства костелу десятина была отдаваема оному прежде, нежели будетъ взиматься съ нихъ доходъ на старосту и короля.

Року Божого 1589, мѣсеца Іюля 25 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ служебникъ велебного въ Бозѣ его милости князя Берната Матеевского—бискупа Луцкого и Берестейского, панъ Флеринесъ Каменскій, покладалъ нижеменованый листъ его королевское милости, за печатью и съ подписомъ его милости господарское и съ подписомъ руки писаря его королевское милости, пана Матея Войны, просечи, (штобы) для вшелякое потребы при-

палое, до книгъ врадовыхъ уписанъ былъ, который же письмомъ польскимъ писаный въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Zigmunt trzeci, z łaski Bożey król polski, etc. Wielmożnemu Janowi Kiszcze, panu Wileńskiemu, staroście Brzeskiemu, dzierżawcy Bystryckiemu, szczerze nam miłemu. Wielmożny, szczerze nam miły! Przysyłał do nas wielebny w Bodze xiądz Bernat Macieiewsky, biskup Łuczki y Brzesky, daiąc nam znać, iż urzędnicy wierności twoiey, w starostwie Brzeskim będące, niedbaiąc nic na fundusz, zwyczay, także y listy nasze, o tem do wiern. twoiey przed tym iuż przez xiędza biskupa Łuczskiego wyniesione, ogułu części na biskupstwo Brzezskie powinney z folwarków starostwa Brzeskiego przychodzący wydawać zwykłym sposobem zabraniaią, daiąc iepsze części pierwiey ma być wszelkie zboże tak na starostwo nasze strącać snopy przychodzące, iako y nam nasze . . . . należące odbierana, a potym dziesięcina kościelna ma być wydawana, zaczem się wielka krzywda y szkoda w dochodach biskupstwa z plebaniy Brzeskiey dzieie. A iż mamy tę wiadomość od urzędników naszych skarbowych, że wszędzie, gdzie ieno w starostwach y dzierżawach dziesięciny na kościoł się pierwiey, niż na starost, dzierżawec y nam na pożytek nasz zboża przychodzące wybiraią, wydawać się zwykły, przeto y wierność twoia według tegoż zwyczaiu urzędnikom swym tamoyszym starostwa Brzeskiego w tym się ku xiędzu biskupowi y sprawcom tam iego mość x. biskupa oddawaiąc, zawsze te dziesięciny tym, komu to od iego mość x. biskupa zlecono będzie, wcale y pierwéy, niż zboża na wiern. twoią, iako starosty tamoyszego,, także y do gumien naszych odbierać się będą, iakoby się niiakie zatrudnienie, szkoda y ukrzywdzenie w pożytkach tamieyszych kościelnych nad fundusz y zwyczay dawny nie działo. Data w Wilnie, dnia pietnastego Iulia, anno Domini tysiąc pięćset ośmdziesiąt dziewiątego.

У того листу его королевское милости подписъ руки его милости господарское тыми словы: Sigmundus rex; и печать его королевское милости великого князства Литовского, также подпись руки писара его королевское милости тыми словы: Maciey Woyna—pisarz. Которого-жъ листу его королевское милости помененого до книгъ врадовыхъ вписалъ я.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г. стр. 927.

52. Донесеніе вознаго о нападеніи земянина Ивана Калиховича на сѣножать крестьянъ епископа Владимірскаго и Брестскаго и о захватѣ сѣна.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Іюля 22 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Себестіянъ Стоцкій, очевисте призналъ

квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своее ку записанью до книгъ кгродскихъ подалъ и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Себестіянъ Стоцкій, возный повѣту Берестейского, вызнаваю тымъ моимъ квитомъ ку записанью до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ, ижъ року теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Іюля осьмогонадцать дня, быломъ въ справѣ его милости въ Бозѣ велебного отца Мелетія Хребтовича Богуринского—владыки Володимирского и Берестейского и архимандрита Кіевского монастыра Печерского и подданыхъ его епископіи Берестейское, съ села Шпановичъ, которые оповѣдали и свѣтчили мною вознымъ на земенина повѣту Берестейского пана Ивана Калиховича Брезовского о томъ, ижъ дей панъ Иванъ Калиховичъ, самъ особою своею, и зъ многими поддаными своими имѣнья Брозовского, наѣхавши моцно, кгвалтомъ на властный кгрунтъ его милости отца владыки Шпановскій, врочищомъ въ Островы, и зъ Вересовцы на сѣножати, которые дей зъ давныхъ вѣковъ подданые его милости владыки Шпановскіе держали и уживали, тамъ дей тотъ панъ Калиховичъ, тые сѣножати кгвалтовне покосивши, и сѣно побралъ; которого сѣна могло дей быть съ тое сѣножати побраного возовъ на осьмъ. Якожъ я возный, за освѣтченьемъ и оказаньемъ намѣстника его милости владыки Берестейского, отца Ивана Пречистского и войта Тришинского, Тиша Кгротковича, видѣлъ есьми на томъ помененомъ врочищу сѣна покошеного и побраного, а иншое еще на покосѣ лежитъ, знать ижъ кгвалтовне, а не порадне, не яко самъ истый господарь свою властность бралъ. Которое покошенье и побранье своего сѣна помененые подданые владыки его милости менили и свѣтчили мною вознымъ быть учиненое дня сегоднешнего, у вовторокъ Іюля осьмнадцатого дня, а косилъ дей у понедѣлокъ прошлый тогожъ мѣсеца Іюля семогонадцать дня, року осьмьдесятъ девятого. А при мнѣ вознымъ при той справѣ были стороною шляхта, люди добрые, панъ Иванъ Михаловскій. И на томъ далъ ку записанью до книгъ врадовыхъ кгродскихъ сесь мой квитъ, подъ печатью и съ подписомъ руки моее. Писанъ у Берестью, року и дня звышпомененого. Которое-жъ то сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ записано есть.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 912.

53. Универсалъ короля Сигизмунда III-го объ установленіи новоповышенной таможенной пошлины, которую предоставляется собирать скарбному Лукѣ Мамоничу со всего Великаго княжества Литовскаго и Жмудской земли.

Выписъ съ книгъ кгродскихъ уряду воеводства Виленского. Лѣта Божого нароженья тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Іюля двадцатого

дня. На врадѣ господарскомъ кгродскомъ воеводства Виленского, передо мною Яномъ Болеславовичомъ Свирскимъ— маршалкомъ господарскимъ, державцою Мойшакгольскимъ, намѣстникомъ Виленскимъ, постановившися очевисто панъ Лукашъ Мамоничъ—скарбный великого князства Литовского, оказывалъ листъ его королевское милости, нашого милостивого пана, писаный до всѣхъ вобецъ становъ у великомъ князствѣ Литовскомъ, такъ тежъ и до всѣхъ мѣстъ и людей купецкихъ о томъ, абы се вольностьми своими никоторые люди купецкіе не щитичися, до его милости пана скарбного мыто новоподвышоное платили, яко то на томъ листу его королевское милости ширей о томъ и достаточней есть описано и доложено, и просилъ панъ скарбный, абы тотъ листъ до книгъ былъ вписанъ, который одъ слова до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Жыкгимонтъ третій, Божою милостью король польскій, и проч. Княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ вдовамъ, врадникомъ земскимъ и дворовымъ, земяномъ, дворяномъ нашимъ и всей шляхтѣ, обывателемъ панства нашого великого князства Литовского, также войтомъ, бурмистромъ, радцамъ, лавникомъ и всему поспольству въ мѣстахъ и селахъ нашихъ господарскихъ, князскихъ, панскихъ, земянскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Ижъ на томъ теперь и не давно прошломъ сейму у Варшавѣ съ потребъ пильныхъ речи-посполитое, за позволенемъ спольнымъ отъ всѣхъ становъ, сойму належачихъ, мыта новоподвышоные и водные уфалены и постановлены суть по всему панству нашему великому князству Литовскому и въ земли Жомоитской до часу певного, въ универсалѣ сеймовомъ помененого. А ижъ, то мыто новоподвышоное въ справу, завѣданье и въ порадное отбиранье есть отъ насъ злецоно скарбному нашому великого князства Литовского Лукашу Мамоничу: прото хочемъ мѣти и приказуемъ вамъ всѣмъ людемъ купецкимъ, якъ въ мѣстѣхъ, такъ мѣстечкахъ нашихъ господарскихъ, якожъ тежъ кнезскихъ, панскихъ и шляхетскихъ, духовныхъ и свѣцкихъ, штобы есте, не боронечися никоторыми вольностями, ани листами, такъ отъ тыхъ продковъ нашихъ, славное памети королевъ ихъ милости польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, яко тежъ и отъ насъ господаря, комужъ кольвекъ на вольности мытные, будь паномъ радамъ нашимъ и инымъ станомъ, также и вамъ самымъ наданымъ, ажъ до выстя часу назначоного выбиранья того мыта новоподвышоного и отъ вшелякихъ товаровъ своихъ, якимъ-кольвекъ способомъ называныхъ, тое мыто новоподвышеное и водное увездѣ на коморахъ и мѣстахъ звыклыхъ мытныхъ до скарбного нашего, альбо справецъ его мытныхъ, ничого не укрываючи, правдиве отдавали; кгдыжъ конституція сеймовая никого отъ даванья мыта вольнымъ не чинитъ. А гдѣбы се есте надъ сее росказанье и волю нашу господарскую того чинити, а вольностьми, або листами якимижъ-кольвекъ боронечисе, мыта новоподвышоного и водного отъ товаровъ своихъ платити не хотѣли, тогды росказали есьмо зъ верхности нашое господарское скарбному нашому и справцамъ его мытнымъ, кромъ вшелякое фольги, таковые товары ваши моцно въ промытѣ забирати, постерегаючи въ томъ шкоды скарбу нашого господарского, а вы штобы есте ни въ чомъ противны не были подъ зарукою на насъ госпо-

даря двѣма сты копами грошей. А вашихъ милостей пановъ радъ нашихъ, также врадниковъ земскихъ и дворныхъ и всѣхъ становъ народу шляхетского жедаемъ и напоминаемъ, штобы есте тому противны ни въ чомъ не были, маючи взглядъ и баченье на кгвалтовные и пильные потребы речи-посполитое и къ тому чинечи то для ласки нашое господарское, кгдыжъ то вольностямъ вашимъ, одъ продковъ нашихъ, королей ихъ милостей, также и отъ насъ господаря вамъ наданымъ, теперъ и на потомъ ничого шкодити не будетъ. А въ тому особливе хочемъ мѣти, жебы старостове и державцы наши и иные особы со всѣхъ староствъ, державъ и именей нашихъ господарскихъ отъ вшелякого збожья, также и отъ товаровъ лѣсныхъ, кгды ихъ спускати будутъ, абы тое мыто новоподвышоное и водное платили водлугъ универсалу поборового; потомужъ кгды назадъ соль провадити будутъ, жебы тое мыто новоподвышоное водлугъ уставы давное платили, чого если бы учинити, а отъ тыхъ товаровъ гуменныхъ и лѣсныхъ и отъ соли, яко ся вышей поменило, мыта новоподвышоного платити не хотѣли, тогды также тые товары въ промыту забирати есьмо казали. Што ижъ бы всѣмъ ку вѣдомости приходило вашимъ милостямъ паномъ воеводамъ, старостамъ, державцамъ, а въ небытности ихъ милости, тогды вамъ намѣстникомъ ихъ, приказуемъ, штобы есте сесь листъ нашъ увездѣ при костелехъ и на торгахъ обволати и въ вѣдомости кождому привести казали. Писанъ у Вильни, лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Іюля осьмьнадцатого дня.

У того листу печать и подписъ руки его королевское милости тыми словы: Sigismundus rex, и подписъ руки писарское: Матѣй Война—писарь. Который листъ за прозьбою пана скарбного до книгъ кгродскихъ воеводства Виленского есть вписанъ. Съ которого уписанья и сесь выписъ съ книгъ пану Лукашу Мамоничу—скарбному великого князства Литовского, подъ кгродскою печатью, есть выданъ. Писанъ у Вильни. У того выпису печать кгродская а подпись руки писаря тыми словы: Миколай Вильчекъ—кгродскій Виленскій писарь.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 901—904.

54. Продажная запись отъ земянина Григорья Заровскаго Берестейскому жиду Пейсаху Шаломовичу на плацъ въ городѣ Берестѣ, прилегающій къ церковному плацу Свв. Козьмы и Даміана.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Іюля 20 дня.

Ставши на врадѣ его королевское милости замку Берестейского передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, панъ Грегорій Заровскій покладалъ и очевисте признавалъ листъ свой записный, за печатью и съ

подписомъ руки своее, и съ печатьми и съ подписы рукъ людей добрыхъ, продажи его вѣчистое кгрунту его Перцовского въ мѣстѣ Берестейскомъ, на улицы Великой Пѣсоцкой, Песаху Шаломовичу, рѣзнику жиду Берестейскому, за осьмнадцать копъ грошей личбы литовское, жонѣ, дѣтемъ и потомкамъ его часы вѣчными, и просилъ, абы тотъ листъ, записъ его продажный до книгъ врадовыхъ уписанъ былъ, который же въ словѣ до слова такъ ся въ собѣ маетъ:

Я Григорій Заровскій вызнаваю самъ на себѣ тымъ моимъ листомъ, чинечи явно кождому, кому будетъ потреба того вѣдати, альбо чтучи сесь мой листъ слышети, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ я, кромъ всякого примушенья и намовы людское, только самъ по своей доброй воли, продалъ и спустилъ есми на вѣчность кгрунтъ мой земленый, садибный, урочищомъ Перцовскій, который есми въ спокойномъ держанью и уживанью своемъ мѣлъ черезъ лѣтъ осьмьнадцать за записомъ и листомъ вызнанымъ жида Берестейского, небощика Перца Гелиловича и жоны его Ганны, лежачій въ мѣстѣ Берестейскомъ, на улицѣ Великой Пѣсоцкой, у парканѣ, зъ рынку идучи по лѣвой сторонѣ, подлѣ улочки и пляцу, гдѣ кгелда замковая была, зъ солодовнями, а зъ другое стороны отъ дому и пляцу жида Берестейского, бывшаго Ицхака, Кишлова зятя, а теперь отъ дому и пляцу Якововое Лазаровичъ Гошковича вдовы, а съ приходу отъ тое улицы Великое Пѣсоцкое, *а тыломъ прилеглый къ пляцу церковному светого Кузьмы и Демьяна*, зовсимъ навсе, такъ долго и широко, яко се тотъ пляцъ самъ въ собѣ зъ давныхъ часовъ въ своихъ межахъ и обыходѣхъ маетъ, увесь огуломъ, ничого на себе не зоставуючи, ани уймуючи, обель вѣчно и непорушне жиду Берестейскому Писаху Шаломовичу—рѣзнику, за осьмнадцать копъ грошей личбы и монеты литовское; на которомъ то пляцу, кгрунтѣ моемъ помененомъ Перцовскомъ, вже preречоный Песахъ, и домъ свой збудованый маючи, черезъ колько лѣтъ за наймомъ цыншовымъ мнѣ платечи, мѣшкаетъ. А вже одъ сего часу, дня и даты въ томъ моемъ листѣ нижейписаное помененый Песахъ воленъ тотъ мой кгрунтъ Перцовскій въ моцы и въ держанью своемъ мѣти и его уживати, яко своее властное купли, и также, естли похочетъ, воленъ будетъ тотъ мой кгрунтъ вышеймененый кому хотечи отдати, продати, заставити, и яко самъ налѣпѣй розумѣючи, ку пожитку своему обернути маетъ. А я самъ, жона, дѣти, близкіе кровные мои, никгды напотомъ о тотъ кгрунтъ мой помененый Песаха, жоны, дѣтей и потомковъ его, нигдѣ ку праву позывати, и о то ему никоторое трудности задавати не мають вѣчными часы. Якожъ я preречоный Грегорей ку оборонѣ правной, право свое листовное, котороемъ мѣлъ у себе на тотъ кгрунтъ, заставнымъ обычаемъ, то-есть, листъ вызнаный жида Перцовъ, писаный на датѣ року тысеча пятьсотъ семьдесятъ первого, мѣсеца Генваря тридцатого дня, подъ печатьми двѣма и съ подписами рукъ письмомъ жидовскимъ оного самого Перца и тежъ Еська Хиловича. А къ тому выписъ враду кгродского Берестейского сознанья очевистого Перцова и жоны его Ганны, писаный на датѣ року тысеча пятьсотъ семьдесятъ первого, мѣсеца Февраля второго дня, у пятницу, подъ печатью подстаростего Бе-

рестейского, зешлого славное памяти пана Миколая Суходольского, и тежъ съ подписомъ руки писаря кгродского Берестейского, зешлого доброе памяти небощика пана Василья Григорьевича, тому Песаху подалъ, и все тое право свое, на него есми вливши, далемъ ему Песаху сесь мой листъ вызнаный подъ печатью и съ подписомъ руки моее власное. А если бы хто зъ близкихъ, кровныхъ Перцовыхъ, альбо жены его Ганны, схотѣлъ подъ Песахомъ того кгрунту правомъ спадковымъ доискиватися; тогды повиненъ будетъ Песаху перво всю суму пѣнезей истизную зъ совитостью сорокъ и осьмь копъ грошей литовскихъ, водлугъ запису Перцова и жоны его Ганны и забудованье Песаху отложивши, тежъ суму пѣнезей его, тогдыжъ тотъ кгрунтъ можетъ собѣ мѣти. Вѣдь же я за живота моего, кгды будетъ того потреба, за ознайменьемъ Песаховымъ урадовне и за положеньемъ слушного часу, маю ему тутъ на врадѣ кгродскомъ Берестейскомъ у права отъ таковаго близкого Перцова, хто бы се озвалъ, заступовати, очищати и освобожати, за тымъ же правомъ, котороемъ Песаху подалъ, которыхъ листовъ часу потребы маетъ мнѣ Песахъ ку праву взычати. А для лѣпшое вѣдомости и певности, за очевистою прозьбою моею, люде добрые, ихъ милость панъ Янъ Кгротковскій—писаръ мытъ новоподвышоныхъ Берестейскихъ и панъ Гендрихъ Петринусъ—цыруликъ Берестейскій, печати свои къ тому моему листу приложивши и руками своими сесь мой листъ подписали. А надто я, ствержаючи и змоцняючи тое право мое листовное, Песаху даное, маю очевисто, ставши на врадѣ кгродскомъ Берестейскомъ, сознати и сесь мой листъ позволити дати до книгъ уписати. Писанъ у Берести, лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Іюля двадцатого дня.

У того листу печати приложены цѣлы, а подписъ рукъ тыми словы: Грегорей Заровскій—рукою властною. Za ustną prożbą pana Zarowskiego Jan Grotkowski ręką swą; za ustną prożbą pana Zarowskiego Henrich Peterinus ręką.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г, стр. 939.

55. Жалоба земянина Филона Ольшевскаго на шляхтичей, слугъ своихъ, которые ушли отъ него, захвативъ съ собою его лошадей и другіе вещи.

Року 1589, мѣсеца Іюля 22 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, оповѣдалъ на врадѣ земенинъ господарскій повѣту Слонимского панъ Филонъ Ольшевскій, ижъ дей року теперь идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого мѣсеца Іюля двадцать первого дня, съ пятницы на суботу, слуги его Ольшевского, на имя Мальхеръ Песковскій и другій Дроличинскій, въ ночи отъ него прочъ утекли, зъ имѣнья его Ольшева, лежачого въ повѣтѣ Слонимскомъ, не учтивши его пана своего и не мало

шкодъ ему починивши, то есть: Напервей взяли дей коня сивого, за которого онъ былъ далъ дванадцать копъ грошей Литовскихъ, зъ двѣма петнами, стада его милости князя воеводы Браславского Ожоговского, а другого гнѣдого, за десять копъ грошей литовскихъ купленного, а третего вороного, змышаста, также купленного за осьмь копъ грошей литовскихъ; сѣделъ двѣ, одно гусарское, купленное за осьмь золотыхъ польскихъ, зъ радомъ, стременами и мунштукомъ, а другое козацкое, крытое сафьяномъ чирвонымъ, купленое за пять золотыхъ польскихъ; полгаковъ два, купленные за десять золотыхъ польскихъ; ручница короткая, купленная за чотыре таляры; кончеръ, купленый за три таляры; шатъ паръ двѣ, то есть: жупанъ одомашки чирвоное, а другій зеленое: чугъ двѣ фалондишовыхъ, одна чирвоная, а другая зеленая; грошей готовыхъ сто золотыхъ польскихъ. Которые дей то слуги, злочиньцы его, утекаючи отъ него, и листъ тотъ Пясковскій писанья руки своее, письмомъ польскимъ до него писаный, знаючисе до тое шкоды учиненое и отповѣдаючи ему на здоровье, на столѣ во имѣнью его зоставили; который то листъ панъ Филонъ Ольшевскій и передо мною на врадѣ покладалъ, просечи, абы при томъ оповѣданью его до книгъ врадовыхъ уписанъ былъ, который же въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маетъ: Ласкавый пане! Знамся до того, жемъ былъ слугою вашей милости и приться того не буду, бобымъ не мѣлъ чого, кгдыжъ демъ вашей милости собѣ ровному во всѣмъ служилъ, але и на маетности своее хотечи возрить, теды ваша милость своею противко моей николи незровнилъ, а предсе я на сторону опустивши не збороняломся и не ведле стану моего послугъ чинить, што ми ваша милость все пробачивши, мене ховалъ не такъ, яко цнотливыхъ ховаютъ, алесь ме ваша милость ховалъ такъ власне, яко ойчича своего Олешовского; на тое ваша милость не паметалъ, жемъ се не подъ вашей милости у Вольшовѣ вродилъ. Напередъ быломъ у вашей милости возницею, потымъ быломъ хлопцемъ, пахолкомъ, машталеремъ, писаремъ, служиломъ вашей милости рокъ цалый; а того ваша милость не нагородилъ и еще ваша милость на менѣ собѣ не слушне речи писалъ. На которое писанье свое ваша милость хотѣлъ, абымъ вашей милости такъ много заплатилъ; якожъ ваша милость написалъ, а то все фальшиве было. Далъ ми ваша милость подъѣздка былъ, бачачи цнотливые службы моей, а кгдымъ вашей милости вже служить не хотѣлъ, теды се ваша милость на мене розгнѣвавши, мене самого безъ причины въ ланцухъ усадилъ, подъѣздка взявши промѣнялъ, которогомъ я за тотъ рокъ былъ добре съ працою заслужилъ. Свѣтчу Богомъ и добрыми людьми, же и сукни доброе спортилъ и знаку за тотъ рокъ одъ вашей милости не мамъ, а иншихъ речей ани вспоминай, бомъ згола ничого не взялъ за рокъ одъ вашей милости. А до тогомъ тежъ слыщалъ, же ваша милость сторожу якуюсъ надо мною мѣлъ, невѣмъ для якое причины, кгды же я цнотливе служилъ, нижли ваша милость мнѣ шляхтичови почтивому платилъ; отожъ ме жаль увелъ, же ме ваша милость при собѣ забавивши, не мѣлъ чимъ нагородити послугъ моихъ, хотѣлъ ме ваша милость одъ себе такъ одбыть, жебымъ я еще за фальшивымъ писаньемъ вашей милости за то пла-

тилъ, што ямъ вашей милости служилъ. Але я то припомневши собѣ, жемъ я былъ близшій до бранья заплаты, нижли ваша милость, взялемъ за то коня сивого зъ сѣдломъ, кгдыжъ ме ваша милость слушне заплативши ми не хотѣлъ одправить, кгдымъ се не разъ черезъ людей пристойне просилъ. До того ваша милость помни добре, же ми ваша милость выфукавши золотыхъ двадцати Зубковскому вернулъ, которые былъ цнотливѣ щастьемъ своимъ выигралъ, не покрыйне, але предъ вашей милостью самымъ и предъ паномъ Михаломъ, также предъ иншими товаришами; а если ваша милость то мови, жебы того такъ много не было, теды ваша милость собѣ порахуй: жупанъ бѣлый каразеевый, то копъ литовскихъ чтыри; сагайдакъ зо всѣмъ—копа; шабля грошей литовскихъ сорокъ, на подъѣздку маломъ копъ полъ-трети, то все чини копъ десеть и грошей десеть. За томъ взялъ подъѣздка гнѣдого и зъ сѣдломъ, бы ме ваша милость былъ пристойне доховалъ, тогды бымъ все на сторону опустивши, былъ другого присталъ; але ми ваша милость самъ немаючи чимъ платить, до другого ме выпустить не хотѣлъ, а я худый пахолокъ, такъ далеко позвы давать вашей милости. Панъ рачь ваша мил. пріѣхать до Великое Польски, тамъ ме ваша милость о кони позывай, а я се на шкодѣ своей ленитисе не буду, самъ до Ольшова пріѣхать и такіе деспекты вырадить, якіе ми ваша милость вырадилъ, сажалъ ме ваша милость въ ланцухъ, зле, а нецнотливѣ билъ ме ваша милость кіемъ, яко пса поволокаючи по земли, и еще ваша милость за то все одъ мене хотѣлъ фальшиве осьми копъ, але пріѣде ваша милость по нихъ до мене, до Великое Польское, дамъ одно вашей милости мей мѣшокъ добрый, або ме ваша милость почекай у войчизнѣ своей до недѣль осьми, я и самъ вашей милости привезу копъ осьмь и кони вашей милости зо мною будутъ, ваша милость ихъ у менѣ возмешь и полгаки; одно прошу будь ваша милость въ Ольшевѣ на тотъ часъ, я певнѣ буду съ помоцью доброю, а ледве ме то буде коштовало, хоча золотыхъ двѣстѣ, одно бымъ за свое оддалъ, хочабымъ всего позбылъ. Делію свою, туюмъ взялъ и товальню хустку, бомъ я то не у вашей милости выслужилъ, о што все хочу мовить зъ вашей мил. всюды; пытайся ваша мил. въ Берестю, што за оповѣданье учиню и вывисъ собѣ возьму, бомъ се тежъ людей правныхъ радилъ тыхъ, которые статутъ новый и старый добре вѣдаютъ. А хочешь ли ваша мил. пріѣхать за мною, рачъ ваша мил. пытать за Познаньемъ до Пескъ, тамъ вже далей вашей милости поведутъ въ цесарскую землю. Не стараломся николи о здоровье вашей милости, а теперь не тылько о здоровье вашей милости, але и о маетность вашей мил. промышлять буду, того ваша мил. будь певенъ. Доброличинскій (sic) есть при мнѣ, тамъ его ваша милость найде и мене одно ваша милость шукай, альбо въ Ольщевѣ чекай. Дата зъ Ольшева, року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого. Вашей милости во всемъ ровный Мальхеръ Пѣсковскій, власною рукою. У того листу зверху тытулъ подписаный тыми словы: Зацне уроженому пану его милости пану Филону Ольшевскому, пану моему бывшему, оддан быть маетъ. Листъ мой тотъ сховай ваша милость до узрѣнья зо мною, бо я маю копію его, а треба его буде. Якожъ помененый панъ Филонъ Оль-

шевскій тыхъ збѣговъ злочинцовъ, шкодниковъ своихъ, хотечи на кождомъ мѣстцу шукати, тое оповѣданье жалобы своее помененое и листъ того Мальхера Пѣсковского, давщи до книгъ врадовыхъ записать, и выписъ собѣ подъ печатью моею взялъ.

1589.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 1279—1280.

56. Протестъ однихъ Каменецкихъ мѣщанъ противъ другихъ Каменецкихъ мѣщанъ по поводу притѣсненій, дѣлаемыхъ сими послѣдними Каменецкому священнику.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Сентября 5 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, оповѣдалъ на врадѣ панъ Каменецкій Великовскій, ижъ недавно часу прошлого, въ року теперешнемъ осьмьдесятъ девятомъ, мѣсеца Августа шестого дня, дали справу мѣщане Каменецкіе, на имя Ильяшевичъ Богданъ, Турчиновичъ Степанъ, Романъ, Остапій Климовичи, Мартинъ Южно Павлюкъ Ворчичъ, Грицко Мисковичъ, Васько Цевела, Гринько Степанцевичъ, Мартинъ Вишневскій, Андрей Пилиповичъ, Андрей Озимко и иншіи товариши а помочники ихъ, которыхъ они знаютъ и вѣдаютъ, што се дей на него збунтовали, первей сего домъ его (священника) купленый отнели, также землю церковную волоки, а потомъ дей предъ его милостью отцемъ владыкою теперешнимъ Володимерскимъ и Берестейскимъ оскаржили его, якобы се онъ у своемъ пастырствѣ нестатечне справовати мѣлъ, за которымъ дей оскарженьемъ его милость отецъ владыка его до себя призвавши, до которого дей онъ пріѣхалъ и зъ привильемъ своимъ и зъ иншими листы его королевское милости, и кгды дей при его милости владыцѣ былъ, тамже дей въ невѣдомости его церковь отнято; и кгды дей ему казалъ пріѣхать до Володимера, также дей узялъ у него привилей короля его милости Стефана на тую церковь, съ подписомъ руки его королевское милости и писарское, тамъ-же дей тотъ привилей и листъ судовый отца Өеодосея—владыки старого у себе загамовалъ и далъ ему листъ на другую церковь Воскресенья Христова у Берести, але дей ему парафеянове не допустили. За чимъ онъ собѣ шкодуетъ, за оскарженьемъ тѣхъ мѣщанъ Каменецкихъ, на тысечу копъ грошей литовскихъ. Которое оповѣданье попа Каменецкого, за прозьбою его, до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 1300.

57, Донесеніе шляхтича Юрія Данилевича о побѣгѣ его крестьянина съ семействомъ и имуществомъ изъ его имѣнія Здитовичъ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Сентября 15 дня.

Писалъ и присылалъ до враду кгродского Берестейского панъ Юрей Данилевичъ — шляхта, оповѣдаючи, ижъ дня минулого, зъ четверга на пятницу у ночи, безъ бытности дей его, року теперь идучого осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Сентября семого дня, подданый его властный отчичъ, именемъ Ярмошъ Ѳедцевичъ Ижиковичъ и зъ жоною своею ночнымъ а злодѣйскимъ обычаемъ, зрадивши дей его пана своего, прочь не вѣдати у который край и землю и повѣтъ пошолъ, зъ маетностью не малою, зъ имѣнья его Здетовецъ, то есть: укралъ дей зъ двора его Здетовецкого вола полового шерстью и корову половую и зъ телятемъ, быкъ рыжій и сошники новые, купленные за шесть грошей; а одъ своего быдла погналъ и зъ собою четверо: вола рыжего шерстью, корову чорную и зъ телятемъ, а яловицу половую; а жита околотомъ помолотилъ дей, которого могло дей быть жита бочокъ семь, а овса двѣ бочки, пшеницы полъ бочки, ячменю бочка; а одежи не мало, статку домового не мало изъ собою дей забралъ и втекъ. О што просилъ панъ Юрей—шляхта, абы тое оповѣданье его до книгъ врадовыхъ записано было. Што есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 1381—1386.

58. Донесеніе вознаго по дѣлу земянина Андрея Скиндера, который, вслѣдствіе неуплаты долга воеводиною Горностаевой, забралъ имѣніе ея Болотково, при которомъ поименованы многіе крестьяне съ ихъ повинностями.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Октябра 3 дня.

Передо мною Мальхеромь Райскимъ— подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Кгрекгоръ Кграбовскій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижейменованой, который-же за печатью своею и за печатьми и съ подписомъ руки людей добрыхъ шляхты ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Кгрекгоръ Кграбовскій—возный повѣту Берестейского, вызнаваю тымъ моимъ квитомъ, жемъ былъ въ справѣ року теперь идучого тысеча пятьсотъ

осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Октября первшого дня у его милости пана Андрея Миколаевича Скиндера — судича Троцкого, ижъ панъ Андрей Скиндеръ, то-есть, маючи у себе запись водлугъ листу и запису о суму грошей пятисотъ копъ Литовскихъ и о совитость другую пятьсотъ копъ Литовскихъ, въ томъ-же листѣ доложоно о шкоды и о наклады и о што ширей и достаточней въ томъ листѣ есть доложоно и написано отъ ее милости панее Гавриловое Горностаевое—воеводиное Берестейское, и отъ сына ее милости пана Яронима Горностая—пана воеводича Берестейского, листъ даный, за которымъ листомъ панъ Андрей Скиндеръ и за записомъ былъ готовъ водлугъ запису ее милости, пани воеводиное Берестейское, въ томъже року идучомъ осмьдесятъ девятомъ, мѣсеца Августа второго дня, на день светого Петра, водлугъ Римского календару нового, панъ Андрей Скиндеръ былъ готовъ пинези брати въ Житинью, имѣнью своимъ, лежачое въ повѣтѣ Берестейскомъ; а ижъ была прозьба ее милости панее воеводиное Берестейское устная до пана Андрея Скиндера, панъ Андрей Скиндеръ учинилъ то на прозьбу ее милости и былъ терпливый, то-есть, не рушаючи ни въ чомъ листу своего до дня светого Михайла Римского свята, которое было въ томъ же року идучомъ осмьдесятъ девятомъ Сентября двадцать девятого дня. Якожъ панъ Андрей Скиндеръ, кгды тотъ рокъ Михайла пришолъ, былъ тую суму готовъ отбирати во имѣнью своимъ Житонью, на день светого Михайла, нижли съ тоею суммою никого не было, а потомъ панъ Андрей Скиндеръ прїѣхавъ до Болоткова, до имѣнья ее милости, въ повѣтѣ Берестейскомъ лежачое, зо мною вознымъ до двора, тамъ-же того часу ее милости не засталъ, ани сына ее милости, одно урадника ее милости пана Януця — войта Болотковского, Клима Марковича, панъ Андрей Скиндеръ, заставши ихъ у дворѣ, пыталъ: если же ее милость есть? Повѣдили, же ее милости немашъ и сумы грошей немашъ, на тотъ часъ и отдавати пане Скиндеру вамъ не маемо. Чого панъ Скиндеръ на то отповѣдилъ, ижъ сумы грошей отдавати не маете; я ведле листу и запису у дворъ уѣхалъ и до того двора въ фольварекъ зо всимъ и на всимъ, яко се въ собѣ маетъ, якожъ реестръ того всего списаный, такъ се въ собѣ маетъ:

Напередъ домъ што ее милость мѣшкивала, зо свѣтлицами, коморами, зъ свѣтлицами, зъ сѣньми, зъ блонами, зъ столами, зъ лавами, съ коминами, съ пецами, съ повѣтрниками, саля около оконъ зъверху малеваная, столъ одинъ, другїй малый, замокъ нутреный, около кганокъ, подъ исподомъ двѣ коморы; поле, сажавки, двѣ старые свѣтлицы, немашъ у нихъ ничого ни оконъ, печи потовчены, сини, комины глиняные, съ повѣтрниками свѣтлицы, ткацкая зъ сѣньми, зъ защепками, съ пробоями; передъ тою свѣтлицою на дворѣ кадки три, бочка одна, стайня старая, нимашъ у ней ничого, за сажавкою старая гридница, свирновъ поспол у три, вси замкненые, ключи у того пана Януця съ повѣтрниками, за свирнами свѣтлицы двѣ, въ тылѣ старое будованье, зъ боку коморка замкнена замочкомъ малымъ, коморка малая, сѣни, окна зле и пецы полеваные съ повѣтрниками, подле саду свиренъ замкненый, подле свирна стайня нова, въ стайни жлобъ одинъ, колибка одна не прикрыта

съ кольми, лектика одна, кола подъ нею три, карета розебраная съ кольми; кухня безъ оконъ, коминъ мурованый, столъ около кганку треный, замокъ малый, зъ двѣмя кольми, скрыня пытлована, въ тылѣ старое будованье, пекарня, за ними броваръ, подлѣ пекарни середъ двора склепъ, драницами покрытый, вси двери позамыканыи, ключи у того пана Януця. Дылованье до половицы двора зъ вротами, около сажовки вербы, садъ, у саду кганокъ, колодезь запалый прикрытый; а потомъ дворецъ, такъ яко се въ собѣ маетъ: пекарня зъ сѣньми и съ коморою, свѣтлица съ коморою, клѣть, свирень; при томъ же дей дворцу оборы и хлѣвы, въ тыхъ оборахъ быдла рогатого и посполитого шестьдесятъ и осьмеро, волъ одинъ дворный, на селѣ свиней сорокъ и одна, гусей копа, каплуновъ двадцать чотыре, курицъ дванадцать, пѣтуховъ два. А потомъ што было въ гумнѣ Болотковскомъ: напередъ ве двухъ стогахъ ечменю осмьдесятъ копъ, пшеницы въ козлѣ шесть копъ, овса стокгъ, въ которомь войтъ казалъ сорокъ копъ, а другій стожокъ начатый, войтъ повѣдилъ десеть копъ, гречки копъ сто безъ чотырохъ копъ, ярицы двадцать копъ въ стожку, гороху во двохъ стожкахъ копъ шестнадцать, жита, што привезли зъ Ломазъ, сорокъ осьмь копъ и полъ копы, што на насѣнье молотять, сѣна три стырты, а четвертый стожокъ. Такъ войтъ справу далъ. А потомъ подданые тогожъ двора Болотковского, такъ войтъ повѣдалъ, на передъ: Мартинъ Прихожій, подъ нимъ полъ-волоки, на службѣ, а полъ-волоки на чиншу; Лукіянъ Литвинъ, подъ нимъ полъ-волоки; Пашко Грицевичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Яцко Хведоровичъ, подъ нимъ волока; Андрей Прихожій, подъ нимъ полъ-волоки; Гаврило Хведоровичъ, подъ нимъ полъ-волоки; подлѣ него волока пустая Ивашковская, а другая Мешковская, пустая волока; Грыцъ Савоневичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Грыцъ Басарабъ, подъ нимъ полъ-волоки; Гарасимъ Хведоровичъ, подъ нимъ полъ-волоки — на чиншу, полъ-волоки; — на службѣ Куцъ Дмиховичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Грыцъ Бобриковичъ, подъ нимъ полъ-волоки; войтъ, подъ нимъ полъ волоки; Демьянъ Мархан, подъ нимъ полъ-волоки; Михно Швейка, подъ нимъ полъ-волоки; Пилипъ Василевичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Яцко Кнышевичъ, подъ нимъ волока цалая; Остапко Савоневичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Семенъ Кнышевичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Иванъ Наумовичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Пашко Ковшковичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Прокопъ Ивановичъ, подъ нимъ полъ-волоки—на службѣ, полъ волоки на чиншу; Якоцко Хведоровичъ унукъ, подъ нимъ полъ-волоки; Грыцъ братъ его, подъ нимъ полъ-волоки; Петрашиха, подъ нею полъ-волоки; Курило Антоновичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Якимъ Бобриковичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Грыцъ Лосевичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Сакъ Клебановичъ, подъ нимъ полъ-волоки; вдова Сеньковая, подъ нею полъ-волоки; Сакъ Денисовичъ, подъ нимъ полъ-волоки; Рась, подъ нимъ полъ-волоки; Хома Крывчичъ, подъ нимъ полъ-волоки; волока пустая Прокоповская, другая волока пустая Мартиновская, третья волока пустая Козоризовская. Повѣдилъ войтъ повинность: полъ-волоки по петнадцать грошей литовскихъ на рокъ, а съ цалое волоки по полъ-копы грошей литовскихъ, бочка овса, гусь, курей десеть,

яецъ, по три дни роботы на кождый тый-день, на рокъ шесть толокъ и подводу, гдѣ потреба; а кто держить на чиншу волоку цалую, повиненъ дать копу грошей литовскихъ, бочка овса. Огородниковъ осьмъ: Семенъ Юсковичъ, Грицъ Савоневичъ, Ониско Лѣсничій, Иванъ Василевичъ, Занько Товстычичъ, Волосъ Прихожій, Масъ, пивоваръ Стецко, повинность каждому на тыждень роботы день, на рокъ каждый повиненъ толокъ шесть, по шести грошей литовскихъ повиненъ каждый дати на рокъ. Въ томъже имѣнью корчма на гостинцу Любельскомъ. Сверипъ стадныхъ старыхъ пять а лонъ, сверепокъ чотыри, а жеребицъ чотыри, жеребецъ Турецкое кобылы, а другіе въ стайни, всихъ тыхъ петьнадцать поголовя. Якожъ я возный Кграбовскій вшистко то видѣлъ, и при мнѣ се то все стало. А при мнѣ были люде добрые шляхта панъ Янъ Чижовскій а панъ Станиславъ Рожковскій, который панъ Чижовскій писати умѣлъ руку свою подписалъ и печать свою приложилъ, а который писати не умѣлъ, руку свою не подписовалъ, але печать свою приложилъ. Которое зезнанье до книгъ кгродскихъ воеводства Берестейского подъ печатью своею далъ. Писанъ въ Берестью, мѣсеца Октября третего дня, року тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятого. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 1424.

59. Жалоба Милейчицкихъ мѣщанъ на Володавскаго таможеннаго жида Шлому Янушевича, который неправильно заарестовалъ ихъ возы съ хмѣлемъ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Октобра 7 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, жаловали обтяжливе, оповѣдали подданые короля его милости мѣста Милейчицкого—мѣщане, на име Федько Юнковичъ, Ямина Жуковичъ на Шлому Янушевича—жида Влодавского, который се имъ меновалъ быть писаромъ прикоморку Володавского, на мыто новоподвышоное, отъ пана Яна Кгротковского—справцы коморы мытное Берестейское о томъ, штожъ дей они, помененые мѣщане, уставичне тамъ у волости того мѣста Володавского звыкли были куповати хмѣль, и теперь дей тыми часы купили были хмѣлю возовъ два, и яко люде купецкіе, ѣхали были тамже еще для прикупу, хотечи добре доложить возовъ, а доложивши мѣли дорогу ѣхать звыклую на прикоморокъ Берестейскій, до Ломазъ, для отправы мытное; то пакъ дей онъ помененый Шлома, жидъ, въ року теперь идучомъ тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Октября первого дня, у недѣлю прошлую, заѣхавши имъ дорогу, въ мили отъ Володавы, зъ Выриковъ выѣхавши, а допровадивши до села Каплиносовъ, до Влодавы належачого, имѣнья его милости княжати Романа Санкгушковича,

змысливши на нихъ неякуюсь промыту, въ томъ селѣ Каплиносахъ самыхъ купцовъ съ тымъ хмѣлемъ возы двѣма наложоныхъ и сакми загамовалъ, возы въ село съ хмѣлемъ, заставивши кони, до себе въ домъ до Володавы помененый Шлома побралъ. Они дей хотечи въ томъ слушне зъ нимъ Шломою правне росправити до вpаду тамошнего Володавского до урадника того Шлому жида позывали, хотечи се вывести того, ижъ они не проѣхали прикоморка, ани границы Литовское, але дей до прикоморка для отправы мытное до Ломазъ певный гостинецъ и звыклую дорогу собѣ мѣли. Урядъ дей тамошній ихъ мѣщанъ Милейчицкихъ въ томъ судить и росправить зборэнилсе, але зъ него Шлому, яко се менилъ быть слугою мытнымъ, панъ Янъ Кгротковскій—писарь и справца мытный коморы Берестейское зъ нимъ васъ въ такихъ рѣчахъ росправить будетъ виненъ. Для чого дей они мѣщане до пана Кгродковского пріѣздили, хотечи невинность свою въ томъ проваженью хмѣлю преложити и съ того се вывести. На што дей панъ Янъ Кгротковскій повѣдилъ: же онъ о такомъ промытѣ не вѣдалъ, ани о томъ вѣдать не хочетъ, ани ему давано знать, кгдыжъ дей ихъ неслушне забрано. А они дей мѣщане Милейчицкіе, звышменованые, въ томъ же панствѣ тотъ хмѣль куповали и зъ границы Литовское не вывезли, коморы ани прикоморка не мѣнули, але дей для отправы мытное дорогу мѣли ѣхать на Ломазы, и што дей безъ моее вѣдомости чинилъ, на свой карбъ чинилъ, а онъ дей еще ото зъ нимъ, яко слугою и писаромъ мытнымъ, особливе мовить будетъ, о такомъ промытѣ ему не давалъ знать. Прото дей они мѣщане, маючи вѣдомость отъ пана Яна Кгротковского, же тотъ Шлома—жидъ Володавскій не зъ росказанья и безъ вѣдомости пана Кгротковского ихъ неслушне загамовалъ и товары имъ съ коньми до себе забралъ, за такимъ дей неслушнымъ гамованьемъ и забраньемъ товару ихъ отъ помененого Шломы—жида меновали собѣ шкоды быть учиненое, што дей они, яко люде купецкіе, съ нимъ певнымъ торгъ на тотъ хмѣль были учинили и пѣнези на то побрали, на часъ певный не постановили, зачимъ и тымъ купцомъ въ шкоды не малые и въ совитость впали, на сто копъ грошей личбы литовское; и хотечи въ томъ правне поступовать, просили помененые мѣщане Милейчицкіе, абы то имъ было до книгъ врадовыхъ кгродскихъ записано. Писанъ у Берести. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 1464.

60. Заявленіе земянина Вацлава Жардецкаго о побѣгѣ многихъ его слугъ и крестьянъ.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Октябра 8 дня.

Присылалъ до враду кгродского староства Берестейского, до мене Мальхера Райского—подстаростего Берестейского, земенинъ господарскій повѣту Берестейского панъ Вацлавъ Жардецкій оповѣдаючи, што-жъ дей слуги и подданые его властные отъ него разными часы прочъ поутекали, зашкодившй ему немало, а то дей есть: мѣщанинъ Шерешевскій, который отъ него взялъ дей пѣнезей готовыхъ, которые онъ черезъ него послалъ до Польски, копъ петьдесятъ, въ мѣсецу Февралю, въ року нынѣшнемъ, утекъ; другій слуга рукодайный Янъ Дрождча, тотъ дей отнесъ шаблю, кожухъ новый, подъѣздка зъ сѣдломъ, што дей все коштовало двонадцать копъ грошей Литовскихъ; третій слуга Станиславъ Цишковичъ—отчичъ его властный и дворникомъ у него былъ, отъ кильку лѣтъ все господарство на рукахъ своихъ маючи и личбы не учинивши, прочъ утекъ; а зъ Старой Воли подданые его Василь, зъ жоною, зъ дѣтьми и зо всею маетностью; а зъ имѣнья дей Передильска подданыхъ его властныхъ утекло шесть, мѣсеца Октября чотырнадцатого дня, въ ночи; тотъ дей Омельянъ Ковалевичъ, зъ жоною Марухною, зъ Масью, Тенькою, зъ сыномъ Андреемъ, а дочкою Гричнею, зъ волы, клячью и бочкою жита позычаною; другій Кузьма Касютичъ, зъ жоною Ганною, зъ дочкою Мариньцою, съ клячою, зъ волы, съ коровами двѣма, овецъ десять, гусей шесть куръ дванадцать, жита позычоного бочку, ечменя бочку, золотый, который дей за ночь заплатилъ; третій Мелентей Маткевичъ, зъ жоною Катериною московкою, зъ сыномъ Адамомъ, зъ дочкою Ганною и другою Маркгаритою, маткою своею, съ конемъ, зъ волы, съ коровою, овецъ осьмь, гусей пять, куръ шесть, бочву жита осѣннего, овса бочокъ двѣ и побору золотый; четвертый Юркель Ковалевичъ, зъ жоною Марьюхою Счепановною и дочкою Ульяною и Жданкою, съ клячею, зъ волы, съ коровою, зъ бочкою жита, а зъ двѣма овса и поборомъ; Янко Минуценя, зъ жоною Богданою Касперовною, зъ малымъ дитятомъ, съ клячою, зъ волы, съ коровою, зъ бочкою жита, зъ двѣма бочки овса, съ поборомъ; Юхимъ Кубоевичъ, зъ жоною съ Дробушою Мякутіевною, зъ сыномъ Матеемъ, зъ дочкою Ядвигою, зъ маткою, съ клячою, зъ волы, съ коровою, зъ бочкою жита, зъ двѣма овса, гусей чотыри, куръ осьми, съ поборомъ; и Протасъ Яцковичъ. Которыхъ збѣговъ, слугъ и подданыхъ своихъ панъ Венцлавъ Жардецкій, хотечи на кождомъ мѣстьцу поискивати, тое оповѣданье свое до книгъ врадовыхъ записать далъ.

1589.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 1429.

61. Жалоба двухъ Берестейскихъ мѣщанъ на земянина Амвросія Остромечовскаго, который разогналъ сорокъ козъ ихъ, изъ коихъ четыре пропало.

Лѣта Божого Нароженья 1589, мѣсеца Октября 9 дня.

Передо мною Мальхеромъ Райскимъ, подстаростимъ Берестейскимъ, оповѣдали на враду мѣщанинъ его милости пана воеводы Берестейского, зъ улицы Войтовское, Лавринъ Патаповичъ а Микита Янковичъ, ижъ дей женучи имъ козы свои властныи, которые по разныхъ селахъ скупили, тогды дей воперенявши ихъ на добровольной дорозѣ, за селомъ Тюхиничами у Дубинкахъ, на поли земенинъ повѣту Берестейского панъ Амброжій Касперовичъ Остромечовскій зъ иными помочниками своими, дня пятого Октябра, року осьмьдесятъ девятого, оныхъ дей невинно, кгвалтовне, зъ добытыми бронями, по полѣ гонили и козъ дей его сорокъ занявши, нѣтъ вѣдому гдѣ порозганяли, межи которыми дей козъ четверо згинуло, которыхъ дей они и теперь не нашли, и въ томъ дей еще и сермяга его Микитина чорная зъ воза згинула, а сами дей они заледво передъ ними утечи могли; о што хотечи зъ нимъ мовити, просили абы было записано.

1589 г.

Изъ книги за 1589—1596 г., стр. 1378—1380.

62, Донесеніе Берестейскаго вознаго о судѣ копы села Березье по поводу пропажи трехъ свиней.

Лѣта Божого Нароженя 1589, мѣсеца Октября 11 дня.

Передомною Мальхеромъ Райскимъ—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ возный повѣту Берестейского Якубъ Бѣлоусовичъ Лепесовскій, очевисте призналъ квитъ сознанья своего, въ справѣ нижейменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своее ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Я Якубъ Бѣлоусовичъ Лепесовскій—возный повѣту Берестейского, сознавамъ симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперъ идучого тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого, мѣсеца Сентябра десятого дня, былъ есми въ справѣ земенина повѣту Берестейского пана Захаріяша Вицентовича Кгузельфа, ку прислуханью копы, которую то копу збіяли подданые его села Березое Остапко Мача зъ зятемъ своимъ въ шкодѣ своей, же дей имъ згинулъ вепръ ве-

ликій, кормный, на пасовищу, за селомъ Березою, въ пятницу прошлую, сегожъ дей мѣсеца Сентября осьмого дня; а Малыха Мешковичъ также въ шкодѣ своей, ижъ дей въ него згинула свиня и вепръ, также кормленые, невеликіе, въ четвергъ прошлый Сентября семого дня, на пасовищу, за селомъ Березою. На которой копѣ, на врочищу на Стѣнѣ, на Босечу, было людей много и розныхъ селъ. Передъ которыми оные подданые пана Захарьяшовы, чинечи опытъ повѣдили, же дей ни отъ кого тые шкоды не маемо, только зъ дому пана Ивана Костюшковича Барсобы, бо дей тамъ свиньи наши ходятъ подъ его дворъ на горроховищо; а мы дей на копу и ему всказовали, але онъ самъ не вышолъ и ни кого зъ дому своего не послалъ. Тогды копа, обмовившися зъ собою, послали мене возного и съ стороною, людьми добрыми, съ паномъ Станиславомъ Яновицкимъ а съ паномъ Петромъ Якубовичомъ, съ копы до пана Ивана Костюшковича, впоминаючи его, абы на копу вышолъ, або кого выслалъ, жебы зъ дому своего на Босечу въ той шкодѣ отказъ учинилъ. Панъ Иванъ вышедши зъ дому своего на Босечу передъ ворота намъ отказъ (чинилъ): я дей подданымъ Захарьяшовымъ не пастухъ, свиней ихъ не займовалъ, ани вѣдаю; на копу не пойду, ани пошлю, бо я дей, коли выйду на копу, мене дей подданые его злодѣемъ (на) зовутъ. А ты дей возный мовъ пану Захарьяшу, абы на кгрунтъ мой быдла подданымъ своимъ пусчати не казалъ, бо ми шкоды чинятъ. Тосьмы всей копѣ то отказали, и подданые пана Захарьяшовы домовялися, же имъ шкоды великіе ся дѣютъ, а на копу тотъ Иванъ не посылаетъ и самъ не идетъ, зъ дому своего отказу не чинитъ. То пакъ дей собѣ розумѣемъ, же тые шкоды зъ дому его маемо. Ино копа вся, одностайне намовившися то осудили: же въ сусѣдствѣ того дѣля копы збираютъ, кому шкода станетъ, абы шкодника доисть могли, а ижъ дей тые свине подъ домъ его пана Иванова, яко повѣдаетъ, хоживали и погинули, а онъ зъ дому своего отказу на копѣ учинить не хочетъ, мы дей его въ той шкодѣ за трое свиней, яко менуетъ, невыходомъ его винуемо и виннымъ находимо, абы водлугъ статуту тые свинье поплатилъ, а потомъ, абы се и другимъ каялъ, а на копу, коли кажуть, выходилъ. Што вся копа одностайне волали: же панъ Иванъ виненъ, кгдыжъ на копу не вышолъ, нехай тые свини поплатитъ. Што подданые пана Захарьяшовы мною вознымъ свѣтчили. А при мнѣ въ тотъ часъ стороною были земяне повѣту Берестейского: панъ Михно, панъ Харко, панъ Кондратъ, панъ Зенько Карповичи, а панъ Петръ и панъ Станиславъ Именинскіе, и панъ Станиславъ Яновицкій. И на томъ далъ тымъ подданымъ пана Захаряшовымъ, вышейменнымъ, сесь мой квитъ за печатью и съ подписомъ руки моее ку записанью до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ. Писанъ на Босечу, даты вышейписаное. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1612 г.

Изъ книги за 1612—1617 годы, стр. 47.

63. Донесеніе земянина Каликста Горновскаго о побѣгѣ крестьянина его, возницы, Мацки Литвина съ двора имѣнія Остромеча.

Лѣта Божого Нароженья 1612, мѣсеца Марца 12 дня.

Прислалъ на врадъ кгродской Берестейскій, до мене Прецлава Горбовского—стольника и подстаростего Берестейского, земенинъ господарскій воеводства Берестейского, панъ Каликстый Горновскій оповѣданье свое на письмѣ, ку записанью до книгъ врадовыхъ, въ тые слова:

Мой ласкавый пане подстаростій! Оповѣдамсе передъ вашею милостью, ижъ въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ дванадцатомъ, мѣсеца Марца осьмого дня, въ небытности моей въ имѣнью моемъ, въ дворѣ Остромечовѣ, у повѣтѣ Берестейскомъ лежачомъ, возница мой, на имя Мацко Литвинъ, который ми часъ не малый служечи, оженившисе и понявши за себе подданую мою ойчицку зъ села Остромечова, мешкаючи и оселость принявши, которого есми грошми готовыми и иншымъ домовствомъ запомогши, дослужбъ своихъ принявши за слугу и ойчича своего мѣти хотѣлъ, то пакъ тенъ Мацько, здрадивши мене, пана своего властне яко ойчизного и не мало шкодъ у дворѣ моемъ Остромечовѣ подѣлавши, не учтивши и не оповѣдавшисе, потаемне отъ мене, нѣтъ вѣдома, гдѣ прочъ утекъ. О которого я, яко здрайцу своего, на кождомъ мѣсцу правомъ доходити не занехамъ, а проше, абы тое оповѣданье мое до книгъ было записано. Што есть записано.

1612 г.

Изъ книги за 1612—1617 годы, стр. 45.

64. Донесеніе войта Вещиковича о побѣгѣ крестьянина Саца съ имуществомъ изъ села Ужиковъ, имѣнія Новаго Волчина Гремячой земянина Станислава Горновскаго.

Лѣта Божого Нороженья 1612, мѣсеца Марца 12 дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Прецлава Горбовского—стольника и подстаростего Берестейского, войтъ Нового Волчина Гримячое Петрашъ Вѣщиковичъ оповѣданье свое на письмѣ, ку записанью до книгъ врадовыхъ, въ тые слова:

Милостивый пане подстаростій! Вашей милости оповѣдамъ, ижъ въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ дванадцатомъ, Февраля зе дня двадцать первого на день двадцать вторый, въ но-

чи безъ бытности его милости пана моего арендового, пана Станислава Горновского, подданый дѣдичный его милости пана моего его милости пана Александра Корвина Кгосевского, зъ села Ужиковъ, имѣнья его милости Нового Волчина Гримячое, у воеводствѣ Берестейскомъ лежачого, меновите Сацъ, не маючи жадное кривды, окрадши свою жону шлюбную Марту Сидоровну и двѣ пасербицы—Татяну и Оксимку Грицовны Вѣщиковичовны, пожутивши и сына своего, то есть, окрадъ воловъ доморослыхъ чотыри, коровъ доморослыхъ три, яловица третячка, яловицъ лонскихъ двѣ, кляча, купленная за копъ чотыри литовскихъ. То все взявши, выкрадши, утекъ прочъ до села Бобля, имѣнья Янова, его милости ксендза Павла Волуцкого, бискупа Луцкого и Берестейского, въ томъ же воеводствѣ Берестейскомъ лежачого. Прето проше, абы тое оповѣданье мое до книгъ записано было. Што есть записано.

1612 г.

Изъ книги за 1612—1617 г., стр. 44.

65. Заявленіе въ судъ земянина Брестскаго повѣта Станислава Горновскаго о побѣгѣ крестьянина его Герасима Коваля съ семействомъ и имуществомъ изъ его имѣнія Горнова.

Лѣта Божого Нароженья 1612, мѣсеца Марца 12 дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Прецлава Горбовского—стольника и подстаростего Берестейского, земенинъ господарскій воеводства Берестейского панъ Станиславъ Горновскій оповѣданье свое на писмѣ, ку записанью до книгъ врадовыхъ, въ тые слова:

Милостивый пане подстаростій! Вашей милости оповѣдамъ, ижъ въ року тысеча шестьсотъ дванадцатомъ, Марца зе дня второго на третій день, подданый мой ойчистый имѣнья моего Горнова, у воеводствѣ Берестейскомъ лежачого, мяновите Гарасимъ Коваль, и зъ жоною своею Ганною и зъ сынами своими—Семеномъ, Матьѳіемъ, Тимошемъ, Охримомъ, Васькомъ, Бартошемъ, Мискомъ, зъ дочкою Даркою и зъ маетностью своею, меновите: воловъ три, корова одна, зъ быкомъ лонщакомъ: овецъ пятеро, гусей четверо,—съ тымъ всимъ утекъ прочь, не вѣдати гдѣ и зъ якихъ причинъ. Который то подданый мой отчистый съ тымъ имѣньемъ моимъ у заставѣ у его милости пана Мартина Костецкого есть. Прето проше, абы тое оповѣданье мое до гнигъ записано было. Што есть записано.

1612 г.

Изъ книгу за 1612—1617 г., стр. 58.

66. Письменное донесеніе въ судъ урядника Виленскаго воеводы Даніила Пекарскаго о поимкѣ на мѣстѣ преступленія крестьянина Греся съ др. его помощниками, которий производилъ кражу меда въ Бѣловѣжской пущѣ—въ уходѣ, принадлежащемъ къ имѣнію Чарнавчицкому Виленскаго воеводы.

Лѣта Божого Нароженья 1612, мѣсеца Марца 14 дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій до мене Претцлава Горбовского, стольника и подстаростего Берестейского, панъ Даніелъ Пекарскій, урядникъ Демeницкій, оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Милостивый пане подстаростій Берестейскій! Оповѣдамъ вашей милости яко урадови, ижъ княже его милость панъ воевода Виленскій, маючи старожитные вольные уходы до дерева бортного въ пущи короля его милости Бѣловѣжской зъ имѣнья своего Чарнавчицкого и съ фольварковъ, до него належачихъ—Пѣслищъ и Деменичъ, презъ часъ немалый мялъ шкоды одъ злодѣйства у подранью пчолъ и въ порубанью зъ деревомъ; а никгды шкодника потрафить, застать и на шкодѣ поймать неможоно, ажъ доперо дня прешлого десятого мѣсеца Марца въ року тысеча шестьсотнымъ двѣнадцатомъ бортницы Деменицкіе—Патей Малыщчичъ, зъ братомъ своимъ Гарасимомъ и зъ иншими товаришами, ѣздили до пущи догледаючи шкоды, абы въ бортяхъ, въ пчолахъ одъ шкодниковъ не было. Кгды были на врочищу въ пущи за ставами, тамъ нашли за ставами и застали шкодниковъ княжети его милости и своихъ подданыхъ короля его милости зъ села Пруски, волости Каменецкое, на имя: Кгреся съ помочниками его, которыхъ онъ лѣпѣй самъ знаетъ и товариство зъ ними маетъ. А они, звыклымъ злымъ а праве злодѣйскимъ обычаемъ своимъ порубавши въ пень сосну сушицу съ пчолами уходовъ бортниковъ Деменицкихъ, уль выкружили и на сани уль зо пчолами зложивши уѣждчали, который то Гресь и съ товариствомъ своимъ, съ тымъ лицемъ, зъ ульемъ и зо пчолами, былъ пойманый. И кгды проважены до ураду слуга его милости пана лѣсничого пана Маѳіевича, на има Верба, который пущи пrестерегаетъ, оное лице, пчолы, до пана своего взялъ, за чимъ и тые злочиньцы отъ коня и отъ лица своего повтекали. Съ которыми, яко о тую шкоду новую, такъ и о прошлые, презъ немалый часъ шкоды чиненые заховуючи я кнежати его милости, пану моему и всимъ подданымъ поступокъ, яко противко злочиньцовъ и шкодниковъ до права, проше, абы тая протестація моя до книгъ урядовыхъ была записана. Што есть записано.

1612 г.

Изъ книги за 1612—1617 г., стр. 66—68.

67. Жалоба Флоріяна Духновскаго—урядника Берестейскаго подкоморія Луки Коптя на земянъ Клембовскаго и Закревскаго по поводу нападенія ихъ на его крестьянъ и лѣсничихъ имѣнія Хмѣлева.

Лѣта Божого Нароженья 1612, мѣсеца Марца 16 дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Прецлава Горбовского—стольника и подстаростего Берестейского, панъ Флоріянъ Духновскій, урядникъ Опольскій оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Милостивый пане стольнику и подстаростій Берестейскій! Оповѣдамсе вашей милости, зъ даньемъ справы подданыхъ и лѣсничихъ его милости пана Лукаша Коптя, подкоморого Берестейского, пана моего, во имѣнью и въ селѣ Хмѣлевѣ, на Литовской сторонѣ мѣшкаючихъ, а меновите, Мартина Тесли и сына его Миколая Мартиновича, на земенина короля его милости пана Андрея Томашевича Клембовского и на помочника земенина Короны Польское Яна Закревского, арендара пана Андрея Матеевича Коханика Хмѣлевского, во имѣнью Хмѣлевѣ, на Литовской сторонѣ мѣшкаючихъ о томъ, ижъ року теперешнего тысеча шестсотъ дванадцатого, мѣсеца Февраля двадцать семого дня, мѣлъ дей тотъ Мартинъ Тесля въ дому своемъ корчемное пиво, то пакъ дей тые панъ Андрей Клембовскій и съ тымъ паномъ Закревскимъ, будучи въ него на бесѣдѣ въ дому на томъ пивѣ и подпили собѣ, а потомъ подпивши, не вѣдати зъ якихъ мѣръ зачели зваду, яко то они здавна чинити звыкли, торгнувшисе до злыхъ словъ, а потомъ до брони на того то Тесля и на сына его Миколая, за чимъ на тотъ часъ, за погамованьемъ людей добрыхъ, которые на тотъ часъ были, ничого такъ злого не сталосе, и оный панъ Клембовскій съ тымъ паномъ Закревскимъ зъ дому прочь отошли. То пакъ дей по малой фили знову взявши передъ себе злый умыслъ а вернувшисе назадъ и набѣгши на подворье того Мартина Тесли зъ бронями добытыми, на властный кгрунтъ его милости пана моего, подкоморого Берестейского, почали злыми словы выволывати, а кгды тотъ Мартинъ Тесля зъ сыномъ своимъ Миколаемъ, для погамованья ихъ упоминаючи, абы имъ покой дали, зъ дому вышли, а тотъ Андрей Клембовскій съ тымъ Закревскимъ, торгнувшисе до нихъ зъ броньми добытыми, оныхъ вжо безъ жадного данья причины окрутне а нелитостиве посѣкли, позабіяли и поранили такъ въ головы, по рукахъ и по плечахъ, по твари. Съ которого дей позбиванья и зраненья обадва тые подданные и лѣсничіе его милости на смертельной постели лежатъ и не вѣдати, если живы будутъ. О што пильне вашей милости прошу, абы тое оповѣданье мое до книгъ кгродскихъ было записано. Што принято. При

которомъ оповѣданью также ставши возный воеводства Берестейского, Флоріянъ Хмѣлевскій, очевисто призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ вышеменованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своее и за печатьми стороны шляхты, при немъ будучей, ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ: Я Флоріянъ Хмѣлевскій—возный воеводства Бересгейского, сознаваю тымъ моимъ квитомъ, ижъ року теперешнего тысеча шестьсотъ дванадцатого, мѣсеца Марца первого дня, маючи при собѣ стороною двохъ шляхтичовъ, людей добрыхъ, на имя пана Бартоша и пана Андрея Стоцкихъ, былемъ взятымъ отъ урадника Опольского пана Флоріяна Духновского до имѣнья и села Хмѣлева, до справы нижей менованое, то-есть, на огледанье подданыхъ и лѣсничихъ его милости пана Лукаша Коптя, подкоморого Берестейского, пана его, збитыхъ и зраненыхъ. И кгдымъ тамъ пріехалъ до дому Мартина Тесля, видѣломъ на немъ рану обличную, тятую, барзо шкодливую, носъ оттятый, двѣ раны тятыхъ, шкодливыхъ, въ головѣ и надъ ухомъ, на руцѣ лѣвой въ должъ надъ пальцами растято; на сыну его Миколаю видѣломъ рану обличную, тятую, на чолѣ и въ головѣ, шкодливе тятую,—которыхъ бардзо хорыхъ, ледво живыхъ лежачихъ, въ дому засталомъ. Што все они передо мною вознымъ и тыми людьми добрыми меновали сталое въ подворью Тесли отъ пана Андрея Клембовского и Яна Закревского, за набѣженьемъ ихъ того року мѣсеца и дня. Въ оповѣданью вышейпомененого, то врадникъ Опольскій мною вознымъ и тыми людьми добрыми свѣтчилъ, а я чого будучи свѣдомъ, штомъ слышалъ и виделъ, даломъ ку записанью до книгъ кгродскихъ тотъ мой квитъ зъ моею печатью и съ подписью руки моее и за печатьми тыхъ людей добрыхъ, при мнѣ на тотъ часъ стороною будучихъ. Писанъ року и дня звышъ помененого Которое-жъ оповѣданье и возного помененого сознанье до книгъ врадовыхъ есть записано.

1612 г.

Изъ книги за 1612—1617 г. стр. 171.

68. Протестація Саула Юдича противъ Берестейскаго бургомистра Емильяна о несправедливомъ на него доносѣ.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ дванадцатого, мѣсеца Апрѣля девятого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Прецлава Горбовского—стольника и подстаростего Берестейского, панъ Шауль Юдичъ оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Милостивый пане подстаростій! Оповѣдамъ вамъ, ижъ дошла ме вѣдомость съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, же Омельянъ Рымаръ—бургомистръ мѣста Берестейского, ижъ въ року

теперешнемъ тысеча шестьсотъ дванадцатомъ, мѣсеца Апрѣля шостого дня, донесъ на мене протестацію до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, же якобы за насланьемъ и наводомъ отъ мене въ домъ до него коморника его милости пана канцлерового и за направою якобы моею оного въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ дванадцатомъ, мѣсеца Апрѣля пятого дня, деспектъ и зраненье поткать мѣло; теды то тотъ Омельянъ учинилъ на мене, чоловѣка учтивого, спокойного, о тымъ се николи непораючого зъ якоесь ти, яко маю вѣдомость, же коморникъ его милости пана канцлеровъ панъ Матей Бернацкій, пришедши до него, яко до бурмистра, просилъ о промъ, жебы речи его милости пана канцлеровы, съ которыми съ Кракова туть до Берестья онъ ѣхалъ отъ карчмы его милости пана маршалковы, тутъ перевезены были; которому коморнику онъ Омельянъ за покольковкротнымъ бытьемъ того коморника въ дому его пріобѣцалъ му оные речи перевезти, а потомъ одоелалъ до мене того коморника, его милости пана канцлерового, съ тымъ мовечи: если бымъ я позволилъ оному бурмистрови перевезти оного коморника, его милости пана канцлерового, и зъ речами, удаючи то, жебы се въ доводъ якій въ перевозное на Бугу невтручалъ. И кеды тотъ коморникъ его милости пана канцлеровъ до мене пришолъ, просилъ ме, абымъ я отъ себе до того бурмистра дослалъ, Што я, на прозьбу коморника его милости пана канцлерового чекавши, пославомъ хлопца своего, мовечи тыми словы: ижъ пане бурмистре, за перевозъ жадныхъ доходовъ не беру и до того перевозу ничого не маю и невинне ты до мене оного отсылаешь; але если се всхочешь заховать и прислужить его милости пану канцлерови насъ всихъ перевезть, и тамъ же кгды тотъ коморникъ его милости пана канцлеровъ до него пришолъ, тамъ се они съ собою премовили, и того не вѣдаю, если се тамъ яке зраненье оному стало, што повѣдаетъ, якобы за направою моею. А такъ я за часомъ такое отнесенье на мене, да Богъ, зложивши и невинность свою оказавши, въ чомъ мене помовляетъ и чого правдою показать не можетъ, бо кгдыжъ вѣстъ панъ Богъ и люди учтивые, жемъ нерадъ никому прикрости жадныхъ выражать, и учтиве стану моего звыклъ провадить. И ото съ тымъ паномъ бурмистромъ о такое донесенье и о помолвку въ невинности моей у права належачого, гдѣ ми право дорогу покажетъ, чинить незанехамъ, и прошу, абы тая репротестація моя до книгъ врадовыхъ записана была. Што есть записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 425—426.

69. Донесеніе вознаго Лаврина Петровскаго о подачѣ позва земянину Юрію Терлецкому черезъ его войта Богдана Ткача, такъ какъ Терлецкій не хотѣлъ принять отъ него, вознаго, лично этого позва и угрожалъ ему побоями.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсяца Апрѣля семьнадцатого дня.

Передо мною Теодоромъ Букрабою — подстаростимъ Берестейскимъ, ставши очевисто на урадѣ енералъ воеводства Берестейского Лавринъ Бобръ Петровецкій, призналъ квитъ сознанья своего въ справѣ нижей менованой, который же за печатью и съ подписомъ руки своее ку записанью до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ подалъ, и такъ се въ собѣ маетъ:

Ja Ławryn Bobr Pietrowiecki — ienerał woiewództwa Brzeskiego, zeznawam tym relacyinym kwitem moim, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym, miesiąca Kwietnia siódmego dnia, za posłaniem ziemianina woiewództwa Brzeskiego iego mość pana Floryana Połuiana, ieździłem do ziemianina powiatu Pińskiego pana Jerzego Terleckiego, do maiętności y do dworu iego Rudkowicz, w którey mieszka, chcąc mu oczewisto według listu obligu iego panu Połuianowi na summę pieniędzy danego, iż się na rok w liście iego naznaczony w oddaniu tey summy nieuiścił, za czym we wszelakie obowiązki, w liście iego mianowane, płacić popadł, pozew podać, za którym, aby się stanowił na trybunał do Wilna w tym roku tysiąc sześćset dwudziestym piątym, w którymkolwiek terminie. Tedy, gdym przyiechał w dwór y przyszedł do izby iego y zastawszy iego samego, oddałem naprzód list od iaśnie wielmożnego imci pana Jarosza Wołowicza — starosty generalnego ziemi Żmóydzkiey, za panem Połuianem, iako za sługą iego, w tey sprawie pisany, przy którym liście, iż się iścić nie chciał, za zleceniem od pana Połuiana, zaraz nie odieżdżaiąc, ani wychodząc z tey izby, podawałem mu oczewisto pozew do trybunału Wileńskiego. Tamże pomieniony pan Jerzy Terlecki, przyiąwszy list od iegomość pana starosty Żmóydzkiego y przeczytawszy, rzucił się naprzód uszczypliwemi słowami do mnie, nie chcąc przyimować oczewisto pozwu, mówiąc w te słowa: gdzie mi go podasz, zaraz cię każę obuchami stłuc y zabić. Którego pozwu nie tylko nie chciał oczewisto przyiąć, ale rozkazawszy mię wyprowadzić ze dworu, przykazał czeladzi, aby strzegli przez dzień y przez noc, aby we wrota nie był wetkniony. Widząc tedy ia takowy postępek iego surowy przeciwko mnie generała y przeciwko prawu pospolitemu, nie będąc bezpieczen w podawaniu pozwu zdrowia swego, iakoż każdemu zdrowie miło, odiechać ztamtąd musiałem. Jednakże powinności swey dosyć czyniąc, aby sprawiedliwość święta ukrzywdzonemu nie ginęła, iadąc ze dworu iego, zaiechałem do wioski iego nazwaney Wolki, oddałem ten pozew w ręce woytowi tey wioski Bohdanowi Tkaczowi w domu iego, mówiwszy mu, aby ten pozew zaraz do pana swego pana Jerzego Terleckiego odniósł, iakoż powiedział: że

zaraz odniosę. Y na to ia generał daię ten móy relacyiny kwit ku zapisaniu do xiąg grodzkich Brzeskich, ku dowodzeniu sprawiedliwości przed sądem głównym trybunalnym, pod pieczęcią moią y z podpisem ręki mey. Pisan w Ziołowie, dnia y roku wyżey pisanego. Которое-жъ то сознанье енерала верхуменeного до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ есть записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 34—35.

70. Жалоба Верстоцкихъ крестьянъ о разныхъ притѣсненіяхъ причиняемыхъ имъ арендаторами.

Королевскіе крестьяне Верстоцкой державы жалуются на своихъ арендаторовъ, Немѣру и Оборскаго, что они преемственно притѣсняли ихъ незаконными поборами и роботами: такъ Немѣра, завладѣвши ими, кромѣ того что ограбилъ ихъ, послалъ еще въ робочее время въ Немѣровъ; когда они ихъ окончили, заставилъ копать рвы; затѣмъ передалъ ихъ Оборскому, который заставилъ ихъ возить лѣсъ изъ Бѣловѣжской пущи въ имѣніе, Долубово, Дрогичинского повѣта не смотря на голодный годъ.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Марта десятого дня.

Передо мною Теодоромъ Букрабою—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши очевисто на врадѣ подданыи его королевское милости державы Верстоцкое, особы въ той протестацiи нижей менованыи, оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ подали въ тые слова:

Miłościwy panie podstarości Brzeski! My ubodzy poddani i. kr. mości, dzierżawy Wierstockiey, którą trzymał iegomość pan Przecław Horbowski—sędzia ziemski Brzeski, a potym synowi swemu spuścił prawo, panu Łukaszowi Horbowskiemu, nie wiemy tedy, iakim sposobem y od kogo otrzymał arendę na tę dzierżawę Wierstocką pan Mateusz Rogowski, człowiek nieosiadły nigdzie, y ten mało co trzymawszy, spuścił tę arendę wielmożnemu iegomość panu Stanisławowi Niemierze—kasztelanowi Podlaskiemu, który nas obiąwszy z półtory ćwierci dzierżawszy, wielkie nam krzywdy, bezprawie czynił, biorąc gwałtem niesłuszne podatki y stacie, a słudzy iegomości wielkie nam gwałty y szkody, łupiezstwa czynili, biorąc z gumien, z komór, z obór, bez wszelkiego miłosierdzia, zwłaszcza kozacy z niemcy iegomości w tak ciężki nieurodzay; a nadto że nas obecni iegomość pan Podlaski pędził do Niemierowa y z wozami y z sochami y z wołami y do żniwa, gdzie chodzić tak daleko na robotę, zbyliśmy dobytku, koni, wołów y sami do wielkiey nędzy przyszli robiąc ciężko: bo gdyśmy iuż w polu wszystko iegomość panu Podlaskiemu zarobili y zasieli, tedy nam kazał iegomość sobie sypać wał koło miasta Niemierowa niedziel kilka, nie daiąc nam wytchnąć y odpoczynku. A potym puścił nas iegomość pan Podlaski iegomość

panu Oborskiemu, który także nas ciemięży, pędząc nas w tydzień z drzewem z puszczy Białowieżskiey do maiętności swey do Dołubowa w powiecie Drogickim y na różne mieysca podwody nas posyłaiąc, a obecnie biią, do więzienia sadzaią, grabią, tak że iuż przed łupiezstwem zumrzeć nam przyidzie. A my sąśmy ludzie wolni-królewscy, maiąc swoie ustawy rewizorskie y nie powinniśmy robić, tylko w Wierstoku, tylko trzy dni w tydzień, a podwoda w rok raz koleią nadaley za trzy mile do targu, albo po co by kazano, tylko nie daley. A iż mamy takie uciski pierwiey od iegomości pana Podlaskiego, który dostał tey arendy Wierstockiey od pana Rogowskiego, potym teraz od iegomości pana Oborskiego, który na nas żadnego prawa nie ma, a nas trapi; tedy to protestuiemy y opowiadamy na każdego z ichmościów do kogo nam iedno prawo drogę ukaże, chcąc z ichmościami prawnie czynić, którykolwiek był przyczyną takiego uciężstwa naszego. My tedy y od siebie y imieniem wszystkich poddanych króla iegomości dzierżawy Wierstockiey wnosim tę protestacyą naszą do xiąg grodzkich Brzeskich: ia Paszko z Wersztoka, Hryc Konachowicz z Wersztoka, Wakuła z Wersztoka, Omelan z Wierzstoka Deniskowicz, Korniło z Wierzstoka; a z Kuraszewa: Waśko Borys z Skuraszewa, Kuszlamanowicz z Kuraszewa, Małycha z Kuraszewa; a z Wołgostawca ia Sycz, Moysiey, Trochim Snipka; z Wołgostawca: Jędrzey Popikowicz z Wołgostawca. My mianowani imieniem wszystkich Wierzstockiey dzierżawy tę protestacią naszą wnosimy do xiąg grodzkich Brzeskich y prosimy, aby była przyięta. Pisan w Brześciu, dnia siedmnastego Marca, roku tysiąc sześćset dwudziestego piątego. Которое-жъ то оповѣданье до книгъ врадовыхъ есть записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 43—44.

71. Жалоба земянина Даніила Телятицкаго на Юрія Славошевскаго о захватѣ имъ его лошадей и вещей.

Земянинъ Даміянъ Телятицкій жалуется на другого земянина Славошевскаго, что этотъ последній увидѣвши его съ четверьмя телѣгами, въ то время, когда Телятицкій вывозилъ на свою уволоку хворостъ, попалъ на его крестьянъ и насильно завладѣлъ его лошадьми и упряжью. При этой жалобѣ находится и посвидѣтельствованіе вознаго.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Марца девятьнадцатого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы—подстаростего Берестейского, панъ Даніилъ Телятицкій оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Miłościwy panie urzędzie grodzki Brzeski! Opowiadam się waszey miłości, iako urzędowy na pana Jerzego Sławoszewskiego y na panią Katarzynę Kościuszkownę, bywszą Telatycką, a teraźnieyszą

małżonkę iego panią Sławoszewską, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym, miesiąca Lutego dwudziestego ósmego dnia, iegomość pan Abram Sołtyk z łaski swey dał mi cztery wozy na potrzebę moią; gdym ich posłał dla chróstu sobie na włókę swoią, przezywaiące z Wierzchu, który pan Sławoszewski y z naprawy małżonki swey, roku, miesiąca y dnia zwysz mianowanego, naiechawszy mocno, gwałtem, sam osobą swoią, y z czeladzią, sługami swemi, których on sam zna y imiony ich wie, na gruncie własnym nagoniwszy, w maiętności naszey Telaticzach leżącą, w województwie Brzeskim będącą, ten pan Sławoszewski konie, wozy, chomąty, siekiery, kiie, sprzęt do wozów należący, to iest: konie dwa gniade, kupione za sto trzydzieści złotych, klacza siwa, kupna za złotych sześćdziesiąt, klacza płowa kupna za złotych pięćdziesiąt, chomątów cztery z duhami, z leycami, każdy kupiony po kopie litewskiey, siekier cztery, kupione każda po półkopy litewskiey, wozów kowanych dwa, kupne po złotych dwudziestu, dwa wozy proste, kupione po złotych sześciu, chłopów przy tych wozach, koniach, będących odpędziwszy, gwałtem pobrał, pograbił y do domu żony swey teraźnieyszey, do dworu iey wprowadzil; w Telaticzach, iako żem ia do nich panów przyiaciół posyłał, aby tę grabież wyż mianowany wrócili, oddali, nie maiąc żadney szkody ode mnie uczynioney. A tak ia, chcąc z niemi o tę grabież gwałtowny y winy w prawie opisany, prawnie czynić chcę, proszę aby to moie opowiadanie było do xiąg zapisano.

При которомъ оповѣданью тутъ же ставши енералъ воеводства Берестейского Миколай Токаревскій очевисто призналъ и ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ реляцію свою, въ тые слова писаную:

Ja Mikołay Tokarzewski—ienerał województwa Brzeskiego, zeznawam tym moim kwitem, iż roku teraźnieyszego tysiąc sześćset dwudziestego piątego, miesiąca Lutego dwudziestego ósmego dnia, byłem posłany od pana Daniela Telatickiego w Telaticzach, do pana Jerzego Sławoszewskiego y małżonki iego, paniey Katarzyny Kościuszkowny, bywszey Telatickiey, a teraźnieyszey Sławoszewskiey, dla wzięcia na parękę koni, wozów, siekier, chomątów y do wozów należących potrzeb, pograbionych na gruncie iego.. A tak ia ienerał, zastawszy w domu paniey Sławoszewskiey teraźnieyszey w Telaticzach, prosiłem, aby to wszystko pograbione przeze mnie wrócili, a ieśliby iaką szkodę mianował, aby ukazał pan Sławoszewski. Pani Sławoszewska przyznawszy u siebie, panu Danielowi wróciła, to iest: koni gniadych dwa, trzecia klacz siwa, czwarta płowa, dwa wozy kowane, a dwa wozy niekowane, cztery chomąty, cztery duhi, cztery uzdy, cztery leyce, cztery siekiery, szkody żadney, ieśliby iaką miał nieokazywał, a delacyi, protestacyi y relacyi nie doniósł prędko do xiąg, wtedy dla choroby mey wielkiey. A tak ia ienerał, o com wiadom, dałem ku zapisaniu ten móy kwit, pod pieczęcią y z podpisem ręki moiey, maiąc przy sobie szlachtę, pana Mateusza Tokarzewskiego a pana Jana Wołkowyckiego. Pisan roku y dnia wyż mianowanego. Которое-жъ то оповѣданье и сознанье енерала помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 914—916.

72. Жалоба земянина Θедора Буреца на земянина Матеея Голецкаго о неисполненiи имъ закладной сдѣлки.

Земянинъ Бурецъ жалуется на земянина Галецкаго, что этотъ послѣднiй, отдавши ему подъ залогъ $3^1/_2$ уволоки земли съ крестьянами, крестьянъ этихъ частiю перевелъ къ себѣ, частiю разогналъ, чѣмъ причинилъ ему большiе убытки.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Мая тридцать первого дня.

Передо мною Миколаемъ Пришихотскимъ—писаромъ кгродскимъ Берестейскимъ, подчасъ небезпеченства у Берестью будучого, постановившисе очевисто панъ Теодоръ Бурецъ оповѣдалъ и на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, писаное въ тые слова:

Miłościwy panie podstarości Brzeski! Ja Teodor Burzec, sam od siebie, imieniem małżonki moiey Rayny Niepokoyczyckiey Teodorowey Burzcowey, ziemianie woiewództwa Brzeskiego, iakośmy pierwszy raz nie poiednokroć protestowali y relacyi woźnych do xiąg grodzkich Brzeskich donosili o różnych krzywdach swych na ziemian hospodarskich woiewództwa Brzeskiego, na iegomość pana Macieia Goleckiego y małżonkę iegomości panią Zofią Myszetankę— starościankę Owrucką, Macieiową Golecką, różnymi miesiącami y dniami, które zostawiwszy nam maiętności swey Niepokoyczycach, we wsi Steżyczach, pół trzeci włoki chłopów osiadłych z żonami, z dziećmi z maiętnością ich wszelką, na inwentarzu opisaną, w siedmiuset złotych polskich, opisawszy się listem zapisem swym, żadney przeszkody sami nie czynić, ale y owszem od każdego bronić, co miasto bronienia, tedy samych poddanych iednych do siebie z maiętnością ich z żonami pobrali, poodymowali y teraz ich zażywaią, u siebie maią, a y inszych precz nie wiedzieć gdzie porozganiali. Za którą przeszkodą ich iawno y znaczno odięciem poddanych do żadnych pożytków w zaoraniu y w zasianiu zboża przyiść nie mogąc, ponosim szkod nie mało, które szkody czasu prawa ustnie mianować chcemy y będziemy, a osobliwie protestuiemy na tychże osób wyż mianowanych. Gdyśmy obaczyli, że na tey zastawie nie wskuramy pierwiey zachowuiąc się wedle zapisu ich, że zapisali nam, ieśliby tę zastawę ich nam trzymać nie podobało, tedy ichmość oznaymie, a za oznaymieniem ichmość opisali nam za niedziel sześć tę summę pieniędzy siedmset złotych oddać, a maiętność swą do siebie wziąść, czemu ichmość za oznaymieniem naszym dosyć nie uczynili, za czym osobno w taką zarękę płacić popadli, iuż ostatniego poratowania szukaiąc. A chcąc swoie u siebie mieć, naleźliśmy byli zastawnika, aby nam na tęż zastawę też summę siedmset złotych dał y że go ichmość mocno zabronili y niedopuścili y w tym iawno przeszkodę uczynili; potrzecie w zarękę płacić popadli, o co wszystko wedle pierwszych protestacyi swych,

zaniesionych do grodu, także y tey teraznieyszey, iako nayrychley wedle zapisu y obowiązków w nich opisanych, o zaręki y o szkody w niedopuszczeniu używania y spokoynego szafowania, prosim, aby ta protestacya nasza do xiąg grodzkich Brzeskich przyięta y zapisana była.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 881.

73. Универсалъ короля Сигизмунда III-го о перенесеніи актовъ Берестскаго гродскаго суда въ Кобринъ, по причинѣ появившагося въ Брестѣ морового повѣтрія.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Мая шестьнадцатого дня.

Передо мною Миколаемъ Пришихотскимъ — писаромъ кгродскимъ Берестейскимъ, подъ часъ небеспеченства повѣтрія у Берестью, постановившисе очевисто урожоный панъ Лавринецъ Ясколдъ, покладалъ и ку активованью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ подалъ универсалъ его королевское милости подъ печатью меньшою великого князства Литовского и съ подписомъ руки его королевское милости письмомъ польскимъ, въ тые слова писаный:

Zygmunt III-ci z Bożey łaski, król polski etc. Wszystkim w obec y każdemu z osobna obywatelom woiewództwa Brzeskiego oznaymuiemy. Iż maiąc wiadomość, że z dopuszczenia Bożego powietrze morowe w Brześciu się ponawiać znowu poczęło, zaczym posyłać tam każdemu dla spraw do xiąg grodzkich z niebezpieczeństwem być bacząc, pozwoliliśmy urodzonemu Giedeonowi Tryznie — staroście naszemu Brzeskiemu, do tego czasu, póki się ta zaraza powietrza morowego za łaską Bożą uskromi, przenieść xięgi grodzkie do dworu naszego Kobryńskiego. Przetoż my nakazuiemy, aby każdy o tym wiedząc tam protestacye y relacye woźnych donosili, które tak ważne będą, iako y te, któreby w zamku naszym Brzeskim przyimowane były. Ażeby ten uniwersał nasz do wiadomości wszystkim był przywiedziony urzędowi grodzkiemu Brzeskiemu przykazniemy, aby go do act wpisawszy na miescach zwykłych obwołać y publikować kazał. Pisan w Warszawie, dnia dwunastego miesiąca Maia, roku Pańskiego tysiąc sześćset dwudziestego szóstego, panowania królestw naszych trzydziestego ósmego, a szwedzkiego trzydziestego wtórego.

У того универсалу его королевское милости печать меньшая великого князства Литовского и подписъ руки тыми словы: Sigismundus rex; Alexander Corvin Gonsewski — referendarz y pisarz wielkiego xięstwa Litewskiego. Который же универсалъ активованый и до книгъ враДовыхъ есть записанъ.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 479—485.

74. Донесеніе Яновскаго старосты Мартина Старинскаго о буйствѣ и разбоѣ, произведенныхъ въ г. Яновѣ и деревнѣ Кленовницѣ Русиновскимъ, котораго впрочемъ убилъ гайдукъ Василій Тереховскій, защищая отъ него собственную жизнь.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Мая первого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы, подстаростего Берестейского, панъ Мартинъ Старинскій—староста Яновскій въ Бозѣ велебного его милости ксендза бискупа Луцкого, Берестейского, подканцлерого коронного его милости отца Станислава Лубенецкого, оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ письмомъ польскимъ, которое слово до слова, такъ се въ собѣ маетъ:

Miłościwy panie podstarości Brzeski! Ja Marcin Starzyński— starosta Janowski w Bodze przewielebnego iegomość xiędza biskupa Łuckiego, Brzeskiego, podkanclerzego koronnego iego król. mości, oyca Stanisława Łubienieckiego, za daniem sprawy poddanych iego mości Janowskich ze wsi Klonowney, Stasia woyta y wszystkich poddanych tamecznych, w tey wsi będących, opowiadam y protestuię na człeka służałego, iako potym wziął wiadomość, że się być mianował nieiakim Rusinowskim, snadź że bez pana żyiąc hultaysko y do gromady kupy swawolney do Lisowczyków iechał y brał do oney się, pytał roku teraźnieyszego tysiąc sześćset dwudziestego piątego, miesiąca Kwietnia dwudziestego czwartego dnia, ten Rusinowski, iako się być mianował imienia własnego, wiedzieć nie mogę o sarzy, tu w mieście iego mości w Janowie różnym poddanym, mieszczanom miesckim, różne despecta czynił, wyrządzał, biegaiąc na koniu potrącał, podeptywał, bił, strzelał, okna siekł, a nie tylko poddanym iego mości, ale y obcym różnym poddanym szlacheckim toż wyrządzał. W drodze tegoż dnia dwudziestego czwartego przyiechawszy do wsi Klonownicy, tamże takież despecta y gwałty, naiazdy na domy czynił, ludzie w gromadach stoiące na koniu biegaiąc bił, strzelał y iednego poddanego hayduka iegomości, w tey wsi Klonownicy będącego, na imie Wasila Terechowskiego, iako mi daią sprawę poddani tey wsi, bez dania żadney przyczyny, natarłszy y naiechawszy na niego koniem, do onego z rucznicy krótkiey strzelił y wierzch głowy z oney rucznicy postrzelił y ranił, że mu włosy y z mięsem po kość hoła zderła; od którego postrzału, gdy rozumiał, że go zabił y znowu tenże Rusinowski rucznicę nabił odwrót uczyniwszy, na końcu pomieniony Waśka hayduk, maiąc na sobie muszkiet, przyszedłszy do siebie, zdiąwszy onego z siebie, a widząc, że znowu do niego chce strzelić, gdy poskoczył powtóre do niego, w tym czasie broniąc zdrowia swego, będąc przymuszony y iuż postrzelony od niego, z rucznicy strzelił y w tym razie onego Ruzieckiego postrzelił, nie z umysłu, aby onego miał zabić, ale w obronie broniąc się onemu to uczynić musiał, że go za-

bił, ratuiąc ostatek zdrowia swego. I gdy o takim uczynku pomieniony wóyt dał mi znać, ia starosta zarazem, czyniąc prawu pospolitemu dosyć, po ienerała województwa Brzeskiego, pana Hrehora Sieleckiego, po stronę szlachtę posłał, gwałty, znaki postrzelenie hayduka y inszych poddanych iegomości, także y ciało zabite w tey wsi pomienionego Rusinowskiego gwałtownika y naiezdnika okazał y okazać oświadczyć nie zaniechał, co szyrzey w relacyi pomienionego ienerała będzie pisano y dołożono. O który naiazd, gwałt, postrzelenie poddanego iego mości, za wzięciem pewney wiadomości, zkądby y kto-to był, ieśli osiadły szlachcic, a ieśli też nieosiadły y człek lozny, za odezwem przyiaciół powinnych zabitego, iako gwałtownika o to wszystko wolne prawo iego mość w powodzeniu sprawiedliwości poddanym iego mości wsi Klonowniey dowodzić nie zaniecha ukrzywdzonym, a teraz proszę, aby ta protestatia do xiąg urzędu waszey mości przyięta y zapisana była. При которомъ оповѣданью тутъ же ставши на врадѣ и возный воеводства Берестейского Григорій Селецкій очевисто призналъ квитъ свой ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, писаный въ тые слова:

Ja Hrehory Sielecki — woźny województwa Brzeskiego, zeznawam tą relacią moią roku teraźnieyszego tysiąc sześćset dwudziestym piątym, miesiąca Apryla dwudziestego piątego dnia, iż maiąc ia przy sobie stronę dwóch szlachciców, pana Kaspra y Stefana Sieleckich, z tą stroną, szlachtą, byłem wziętym od iegomości pana Marcina Starzyńskiego — starosty Janowskiego do maiętności y do wsi Klonownicy w Bodze przewielebnego iegomości xiędza biskupa Łuckiego Brzeskiego, podkanclerzego koronnego, maiętności iegomości Janowskiey, do sioła Klonownicy. Tamże mnie woźnemu, stronie szlachcie, przy mnie będącey, iegomość pan Starzyński — starosta Janowski opowiadał na człowieka nieznaiomego y niewiadomego, nie wiedzieć, ieśli miał pana y komu służył, tylko iako wziął wiadomość w mieście Janowie, że się mienił być Rusinowskim, który roku teraźnieyszego tysiąc sześćset dwudziestego piątego, miesiąca Kwietnia dwudziestego czwartego dnia, był w mieście Janowie, pił y tam tego dnia w mieście ożarłszy się y opiwszy się, na koniu biegał, ludzi potrącał, podeptywał, okna powysiekał, a po drodze różne despecta różnym ludziom y poddanym szlacheckim poczynił; y tu do wsi iegomości Klonownicy przyiechawszy, będąc człekiem opiłym, też despecta, naiazdy, gwałty czynił, bił, strzelał, ludzi gonił, koniem trącał, deptał, a potrafiwszy człeka służałego, hayduka iegomości na imie Wasila Terechowskiego, ze wsi Klonownicy będącego, człeka niewinnego, bez dania żadney przyczyny onego z rucznicy krótkiey postrzelił w wierzch głowy, od którego postrzału, Pan Bóg wie, ieśli żyw będzie. Takowę daie sprawę woyt w teyże wsi Klonownicy, że postrzeliwszy, uczyniwszy odwrót na koniu, znowu nabiwszy rucznicę, chciał do niego drugi raz strzelić; w tym czasie pomieniony Wasili Terechowski, maiąc rucznicę, będąc przymuszony do ratowania zdrowia swego, nie z namysłu, ale w obronie, strzelił do niego, w którey obronie zdrowia swego zabił onego Rusinowskiego, iako się zwał, na tym miescu we wsi Klonownicy, iako naiezdnika y gwałtownika zabić musiał, o czem protestacya w sobie szyrzey specifikuię. A tak ia woźny, z tą stroną szlachtą, za okazaniem iegomości pana starosty Janowskiego, w tey wsi Klonownicy widziałem Wasila Terechowskiego, w domu iego leżącego, postrzelonego

w wierzch głowy, snadź że kula włosy y skórę po ciemieniu samym zdarła y odszarpnęła, mianował być przede mną woźnym y stroną, że z krótkiey rucznicy, bez dania żadney przyczyny, człowiek niewiadomy y nieznaiomy postrzelił; iakoż broniąc y ratuiąc ostatka zdrowia swego, gdy powtóre do mnie chciał strzelić, nie w sposób, abym go miał zabić, ale broniąc zdrowie moie od onego, z rucznicy y w tym razie onegom zabił, iako gwałtownika. Jakoż iegomość tenże pan starosta Janowski y ciało zabitego w tey wsi Klonownicy okazywał mnie woźnemu y stronie szlachcie, iakożem ciało zabitego oglądał w teyże wsi Klonownicy, znać z rucznicy postrzelono w same czoło y kula snać że we łbie została, gdyż na wylot rany nie uczyniła. A iż był człowiek nieznaiomy y nie wiedzieć zkąd y komu by służył, tedy rzeczy iego, które przy tym zabiciu pozostały, a mianowicie: koń szerścią płowy y z siodłem kulbaką, z woyłokiem, z uzdą, kilim turski nadnoszony, stary, rucznica krótka wileńskiey roboty, ładownica prosta, łuk z sahaydakiem, dołoman błękitny z rękawami odmiennymi, pieniędzy złotych cztery y groszy siedmnaście y szeląg ieden, szabla z fordimentem, kołpaczek lazurowy; te rzeczy wszystkie, które przy nim nalezione, mnie woźnemu y stronie szlachcie okazał y opowiedział y przeze mnie do grodu Brzesckiego na urząd wszystko odsyłał, wedle prawa. Z którymi rzeczami gdym chciał iuż iechać, w tym czasie ziemianin woiewództwa Brzeskiego, pan Alexander Mikołaiewicz Zdzitowiecki przyiechał, goniąc zbiega swego, a mianowicie tego zabitego Rusinowskiego. Który to pan Zdzitowiecki dawał sprawę, iż ten Rusinowski, przystawszy za sługę do niego, maiętności iego mało służąc onemu, onego zdradził y uciekł, okradłszy, to iest: klacz gniadą z siodłem, którą mianował być kosztowała złotych półtorasta, do tego ładownicę oprawna śrebrem sutą, rucznicę krótką wileńską, sahaydak z łukiem, pieniędzy złotych trzydzieści y pięć, kilim turski stary. Którego to zbiega y zdraycę swego po różnych mieyscach szukałem y tu za nim poszlakiem biegłem, a prawie mało nie w tropy tu za nim przyiechałem, a iż zdrayca każdy zapłatę swoią bierze, ale y on widzę zabity, tych rzeczy upominam y domawiam się. A iegomość pan starosta Janowski, pan Marcin Starzyński, rzeczy, które po nim pozostałe, iegomości panu Zdzitowieckiemu okazał, mianowicie: konia siwego, rucznicę z ładownicą sutą, łuk z sahaydakiem, kilim turski stary, szabla, dołoman, siodło y pieniędzy gotowych złotych pięć y groszy szesnaście litewskich oddał. A iegomość pan Zdzitowiecki powiedział, że to koń nie móy, ale iako mam wiadomość, że klacz moią przefrimarczył do panów Talipskich, którego konia ia brać nie chcę y nie mogę.....*) pytał, którzy pod sumnieniem powiedzieli: że ...... iako mam wiadomość, że w Janowie komuś między żydami przedał. A strony pieniędzy przy tych, które przy nim naydziono y drugich nieupominam złotych trzydziestu y pięciu y tych ciż poddani powiedzieli pod sumnieniem, że zostało się tylko, iako wyżey pomieniło, które te rzeczy iegomość pan starosta iegomości panu Zdzitowieckiemu wydał y przeze mnie woźnego iegomość powracał, a iegomość pan Zdzitowiecki, co było iego y pochowawszy ciało zabite za wsią Klonownicą. Co iegomość pan starosta y iegomość pan Zdzitowiecki mną woźnym y stroną szlachtą oświadczyli. A tak ia woźny, com widział y słyszał, daię tę relatią moią ku

*) Здѣсь въ подлинникѣ пропущены три строки.

zapisaniu do xiąg grodzkich Brzeskich z pieczęcią y z podpisem ręki moiey, tak że y za pieczęciami strony szlachty przy mnie będącey. Pisan roku miesiąca y dnia wzwyż mianowanego. Которое-жъ то оповѣданье возного помененого сознанье до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ есть записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 г, стр, 879—880.

75. Заявленіе земенина Берестейского повѣта Николая Анцуты о побѣгѣ изъ его имѣнія Именина заставленнаго крестьянина Олиса Костюшковича, съ семействомъ и имуществомъ.

Лѣта Божого Нароженья 1625, мѣсеца Мая 13 дня.

Передо мною Николаемъ Пришиходскимъ—писаромъ кгродскимъ Берестейскимъ, подчасъ небезпеченства у Берестю, ставши очевисте панъ Миколай Анцута, оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ въ тые слова:

Милостивый пане подстаростій Берестейскій! Оповѣдамъ вашей милости я Миколай Анцута о томъ, ижъ што маю въ суммѣ пѣнезей въ семисотъ золотыхъ польскихъ заставою отъ пана Яна Гановицкого и малжонки его кгрунты и подданые осѣлые шести, каждыхъ зъ нихъ на полуволоку мѣшкаючихъ во имѣнью ихъ и въ селѣ Именинѣ, лежачого у воеводствѣ Берестейскомъ, за правомъ заставнымъ и на врадѣ земнянымъ зо всими варунками въ томъ записѣ описаными, тогды въ року нынѣшнемъ тысеча шестьсотъ двадцать пятомъ, мѣсеца Априля тридцатого дня, подданый одинъ съ тое заставы моее, на име Олисъ Костюшковичъ, съ того села Имѣнья и зъ дому своего, гдѣ мѣшкалъ, зъ жоною и зъ четверьми дѣтей, и зъ маетностью своею рухомою, быдломъ, одежою, збожемъ, нѣтъ вѣдома гдѣ прочь пошолъ, безъ жадное причины до укривженяя отъ мене, яко заставника; тылькожъ не вѣдаю, если бы не мѣлъ кривды отъ пана своего отчизного пана Яна Гановицкого. Якожъ скоро по одейстью того подданного тотъ же панъ Гановицкій скоро се довѣдалъ, же прочь пошолъ, пришедши до того дому, того статки и спратки домовые, по немъ позосталые до клѣти зложивши, своимъ замкомъ замкнулъ и запечатовалъ и дробное быдло, то есть, свиней двое, чого вести было трудно, до себе забрать казалъ, о што все прошу, абы тое оповѣданье мое до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ было принято и записано.

При которомъ оповѣданью тутъ же ставши на врадѣ возный воеводства Берестейского Иванъ (sic) Остромецкій, очевисто призналъ и до книгъ врадовыхъ подалъ въ тые слова: Я Филонъ Остромецкій, возный воеводства Берестейского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ въ року нынѣшнемъ тысеча шестьсотъ двадцать пятомъ, мѣсеца Мая осьмого оня, маючи я при собѣ стороною двохъ шляхтичовъ, пана Ермогена Остромец-

кого а пана Станислава Славка, былемъ у справѣ земенина воеводства Берестейского пана Миколая Анцуты и зъ самимъ ѣздили есмо до имѣнья и села Именинского, весь оного пана Яна Гановицкого, а заставы шести чоловиковъ пану Анцуту, то гдѣ въ томъ селѣ за оказаньемъ пана Миколая Анцуты видѣломъ одну хату пустую, съ полуволока земли Олисъ Костюшковичъ въ семъ року, мѣсеца Априля тридцатого, прочь зышолъ. А за оказоньемъ пана Миколая Анцуты быломъ въ томъ дому, клѣть замкнена и запечатована, и до тое дей клѣти статки и спратки домовые позосталые самъ панъ Гановицкій покладалъ; и пыталъ дей панъ Миколай Анцута подданыхъ пана Гановского: хто тое схованье въ тыхъ пусткахъ замкнулъ? Тогды подданый пана Яна Гановицкого Федоръ Герлонъ повѣдилъ, же дей панъ нашъ тые статки въ томъ дому того Олисея позосталые склавши у въ одно схованье, замкнути и запечатовати казалъ, а свини до двора заняти казалъ. Што панъ Миколай Анцута видечи такую трудность и перешкоду на пана Яна Гановицкого *)

*) Недостаетъ листа до конца акта.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 929—932.

76. Жалоба Кобринскаго урядника Өомы Горышевскаго на крестьянъ Петра Пекарскаго по тому поводу, что эти послѣдніе, во время посѣщенія крестьянами ярмарки въ г. Берестѣ, напали на нихъ, избили и ограбили. При жалобѣ находится посвидѣтельствованіе возного.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Іюня пятого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Миколая Припихоского — писаря кгродского Берестейского, подчасъ небезпеченства отъ повѣтра у Берестю, панъ Томашъ Кгорышевскій — урядникъ Берестейскій оповѣданье свое на письмѣ, ку записанью до книгъ врадовыхъ, въ тые слова:

Miłościwy panie urzędzie grodzki Brzeski! Ja Tomasz Goryszewski — urzędnik Kobryński, od iego mości xiędza Zaiezskiego — sufragana Łuckiego, proboszcza Brzeskiego, Olickiego, w maiętności iego mści Kobryńskiey, leżącey w woiewództwie Brzeskim, opowiadam się waszey mości, iako urzędowi, na poddanych iegomości pana Piotra Piekarskiego, imienia iego mości Tryszyna, leżącego w woiewództwie Brzeskim, z sioła Wyczołków y Kosicz, na imie: na Woytka Rozmyszlenia y Ignacego z Wyczołków, Lewka z Koszyłowa, Nazarka z Kosicz z synem, na Jaśka z Kosicz y na Hryca Kostyżenia, za poddanym iego mości pana mego xiędza sufragana Łuckiego o to, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym, miesiąca Maia dziewiętnastego dnia, będąc poddanym iego mości pana mego xiędza sufraganowym w mieście i. kr. mści Brze-

ściu, iako dnia targowego, y podczas iarmarku świętego Mikołaia święta Ruskiego, po niektórych pilnych potrzebach swych, na imie Kasian, Marcin, Sac Wieliczkowicze, Sawka Sulko, Iwan Zdanowicz, którzy ci pomienieni poddani iego mości xiędza sufraganowi, gdy szli do domów swych, wstąpili w dom mieszczanki iego mości pana mego, domem mieszkaiącey na Plebańskiey ulicy, u Waśkowey Hayduczki w Brześciu, gdzie kazawszy sobie piwa dać, iako mi ci poddani sprawę daią, y chleba, poczęli ieść w izbie; nie wiedząc zkąd wziąwszy się pomienieni poddani iego mości pana Piotra Piekarskiego, zasiadłszy y zastąpiwszy im w sieniach drzwi, bez dania żadney przyczyny, snać będąc ludźmi opiłemi, poczęli ich łaiać y sromocić, a mało na tém maiąc, porwawszy się do drzwi, poczęli ich wyzywać, wymieniać: wy tacy, owacy, złodzieie, obaczycie, że tu z was żaden żywo nie odeydzie, poznacie nas poddanych pana Piekarskiego! Porwawszy iednego Marcina Wieliczkowicza przez drzwi, położywszy go na ziemi, kiymi bili a mordowali, prawie że go na śmierć nie zabili. Co widząc drudzy, ci poddani iego mości pana mego, będąc od nich bardzo przymuszeni, za początkiem od nich y za daniem przyczyny, za wielkim przymusem od nich, ochraniaiąc zdrowia swego y chcący od nich żywo wyiść, ledwo od nich obroną poranieni i pobici uszli z tego domu. A ieśliby się też co od nich tym poddanym iego mości pana Piekarskiego stało, to się mogło stać za przymusem y za początkiem wszystkiey zwady od nich zaczętey; przy którym boiu y zranieniu swoim iako mianowali przede mną y szkody sobie na ten czas być stałe od tych poddanych iego mości pana Piotra Piekarskiego, to iest: u Kasiana pograbili pieniądzmi z chustką kop dwie, u Marcina pograbili kop trzy, u Sawki kop dwie, a u Iwana Zdanowicza kop półtrzeci litewskich. To wszystko przy tem boiu pograbiwszy y na pożytek swóy obrócili. A tak widząc ia wielką krzywdę y szkodę tym poddanym iego mości pana mego z sioła Zalesia Telunów od tych poddanych iego mości pana Piotra Piekarskiego, chcący im sprawiedliwości dochodzić, waszey mości, iako urzędu, opowiadam y proszę, aby to moie opowiedanie było do xiąg grodzkich Brzeskich przyięto y zapisano.

При которомъ оповѣданью, тутъ же ставши и возный воеводства Берестейского Щасный Лясота, ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ и признаъ релящію свою, въ тые слова писаную:

Ja Szczęsny Lasota — woźny woiewództwa Brzeskiego, zeznawam tym moim kwitem, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym, miesiąca Maia dwudziestego trzeciego dnia, maiąc ia przy sobie stronę dwóch szlachciców pana Hrehorego Jahołkowskiego a pana Hrehorego Terpiłowskiego, z którymi byłem wzięty na sprawę niżey mianowaną od urzędnika iego mości xiędza Franciszka Zaiezskiego sufragana Łuckiego, proboszcza Brzeskiego y Olickiego, do maiętności Szczebrynia, leżącey w województwie Brzeskim, od pana Tomasza Goryszewskiego, na oglądanie zbicia y zranienia poddanych iegomości xiędza sufraganowych Szczebryńskich, na imia Kasiana, Marcina, Saca Wieliczkowiczów, Sawki Sulka y Iwana Zdanowicza, z sioła Telunów, za których okazowaniem widziałem na nich rany sinie, bite: na Kasianu na lewey ręce, na łopatce y na łokciu rany; na Sawce także widziałem ranę na czele, nad okiem lewem ranę bitą, krwawą na obudwóch; na Sacu na nosie rana krwawa, bita; na Iwanu Zdanowiczu widziałem rany na plecach sinie, bite, spuchłe. Któ-

re to zbicie y zranienie mianowali ci poddani xiędza sufraganowi sobie być stałe od poddanych iegomości pana Piotra Piekarskiego imienia iego mości Tryszyna, leżącego w woiewództwie Brzeskim, z sioła Wyczołków y z sioła Kosicz, na imie od Woytka Rozmyszlenia y syna iego Kaspra, od Lewka z Koszyłowa, Marka z Kosicz y Nazarka z Kosicz y z inszymi pomocnikami ich, których oni sami lepiey znaią, w dzień iarmarkowy świętego Mikoły święta Ruskiego na ulicy Woytowskiey, w domu Waśkowey Hayduczki, w mieście i. kr. mości Brześciu. Jakoż y szkody mianowali sobie być stałe na tenczas przy tem boiu w opowiedaniu wyżey mianowane. A tak ia woźny, czego będąc dobrze wiadom, com widział y słyszał y com oglądał, daię ten quit móy ku zapisaniu do xiąg grodzkich Brzeskich, pod pieczęcią, z podpisem ręki mey y za pieczęćmi strony szlachty, przy mnie na tenczas będącey. Pisan roku, miesiąca y dnia wyż pisanego. Которое-жъ то оповѣданье и сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 993—995.

77. Опись вещамъ оставшимся по смерти шляхтича Стагорскаго въ Новоселкахъ.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Іюня шестьнадцатого дня.

Передо мною Миколаемъ Припихотскимъ—писаромъ кгродскимъ Берестейскимъ, ставши очевисто возный воеводства Берестейского Якубъ Вольскій ку записанью до книгъ врадовыхъ, за печатью и съ подписомъ руки своее, также за печатьми стороны шляхты, подалъ реестръ списанья маетности въ Новоселкахъ зошлого небожчика пана Криштофа Стагорского, въ тые слова писаный:

W roku tysiąc sześćset dwudziestym piątym, miesiąca Junii dwunastego dnia: reiestr spisania budowania y rzeczy ruchomych po nieboszczyku panu Krzysztofie Stahorskim w Nowosiołkach, uroczyszczem nazwane na Zoziule, na kupnie od pana Hrehora Iwanowicza Bielskiego nowo poczętem budować, który był dworek y wszystkie rzeczy w schowaniu y w zamknieniu długi nieboszczykowskie pana Floriana Pęskiego, to iest. Naprzód budowanie: świetełka biała z komorą, z ławami z dwiema, piec poliewany zielony y kominek w niey prosty, sień ze dwiema ścianу, piekarnia naprzeciwko także z dwiema ławami, drzwi u tego czworo, wszystkie na biegunach bez zawies, dranicami pokryty, sieneczek chróstem opleciony y słomą przykryty, dworek ten nieogrodzony. Przy tem dworku żyta posianego we dwóch polach, iako mi czeladnik nieboszczykowski powiedział: żyta posianego beczek cztéry bez ćwierci. Znowu we dworze pana Ruckiego od tegoż nieboszczyka pana Krzysztofa Stahorskiego zastawnem tamże w Nowosiołkach, w woiewództwie Brzeskim lężącem. U tegoż sługi nieboszczykowskiego Floriana Pęskiego w świr-

nie rzeczy w schowaniu za zamkiem, to iest, rzeczy ruchome: naprzód szuby, delia zielona falendyszowa, adamaszkiem czerwonym podszyta, w plecach tylko samo sukno, w rękawach lisztwa y około adamaszku starego podszewki z filctuchu błękitnego, kobierzec stary na stół domowey roboty starey, futro wilcze stare złe, rękawów niemasz, wytarte, które sobie wziął urzędnik, za pozwoleniem pana Stahorskiego, uzdy dwie zadnich bez postronków dyszlowych, uzd dwie, woźnica iedna nowa a druga stara, uzdeczek dwie prostych, iedna nowa a druga stara, chomąt stary prosty, subrze (?) stare od łuku niciami przeszywane, rożen ieden cały, a drugiego ułamek, roszt cały, topor ciesielski złamany, cztery szyny od koł odebrane stare, łańcuch żelazny, dwadzieścia y siedm żelazek do walizy, dwie starych, podków cztery, kolasa prosta na podoskach, na niey koł prostych trzy a czwarte okowane; kociołków do warzenia trzy, dwa mnieysze, a trzeci większy, panwi dwie, iedna wielka a druga mała, trąby stare połamane na sześć sztuk; cyna: mis pięć, wszystko pourywane, półmisków dwanaście, nalewka bez rękoieści z miednicą cynową, konew cynowa we dwa garnce; przystaweczek sześć, trzy dobrych a trzy urwanych, talerzów półtrzecia tuzinów, między którymi trzy urwanych, lichtarzów cztery a piąty mosiądzowy, szczypiec ieden do świec, solniczka, miednica mosiądzowa, kłódek dwie, iedna wielka, a druga mała, ceber, wiadro, dzieżka, obrus ieden nie nowy, skrzynia wozowa okowana żelazem, nie zamkniona, skrzyneczka mała podróżna, skrzynka większa okowana, zamkniona; do których skrzynek ten to Pęski sługa nieboszczykowski, to iest, pana Krzysztofa Stahorskiego powiedział, iż u pomienionego nieboszczyka klucze byli, których w dwóch skrzynek nie patrzono, co by w nich było, nie dobywali y owszem pieczęcią swą przy pieczęci pana Floriana Pęskiego, sługi nieboszczykowskiego, także y dwóch szlachciców, na tenczas przy mnie będących, zapieczętowałem, to iest pana Jana Kamieńskiego *)

---

*) Актъ не окончень.

1625 г.

Изъ книги за 1623 годъ, стр. 1016—1018.

78. Донесеніе вознаго о побояхъ и грабежѣ, совершенныхъ королевскими крестьянами надъ крестьянами же земянина Верещаки.

Лѣта Божого Нароженья 1625, мѣсеца Іюля 1 дня.

Передо мною Миколаемъ Пришихотскимъ, писаромъ кгродскимъ Берестейскимъ, подчасъ небезпеченства отъ повѣтрія у Берестью, ставши очевисто возный воеводства Берестейского Жданъ Лясковскій очевисто призналъ и ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ реляцію свою, въ тые слова писаную:

Я Жданъ Лясковскій—возный воеводства Берестейского сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперь идучомъ тысеча шестьсотъ двадцать пятомъ, мѣсеца Іюня осьмнадцатого дня, маючи я при собѣ стороною двохъ шлях-

тичовъ, пана Тимофея Кульня Славенского а пана Семена Лѣсковского, съ которыми быломъ на справу узятымъ до земенина господарского воеводства Берестейского, до его милости пана Яна Верещаки, до имѣнья его милости до Буховичъ, до села Подолѣсья, лежачое маетности у воеводствѣ Берестейскомъ, тамъ же его милость панъ Янъ Верещака мнѣ возному и сторонѣ шляхтѣ освѣтчалъ и оказывалъ раны и бой на подданыхъ своихъ имѣнья Буховичъ и на жонахъ ихъ, въ селѣ Подолѣсью мѣшкаючихъ, которые то стали отъ подданыхъ его королевское милости волости Кобринское, въ селѣ Стрыяхъ мѣшкаючихъ, державы пана Адама Кгузельфа, невинне сталыми, на име отъ Миколая Федьковича Мизича и отъ братьи его рожоное, а помочниковъ его отъ Ивана Михновича Пронцевича и отъ Григорья Федьковича Понзуновича и отъ Ивана Жуковича и отъ иныхъ много сусѣдовъ и помочниковъ ихъ, которыхъ они сами лѣпей знаютъ и имена ихъ вѣдаютъ. И тотъ бой сталъ дей подданымъ моимъ въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ двадцать пятомъ, мѣсеца Іюня семнадцатого дня, въ селѣ Стрыяхъ, на добровольной дорозѣ подданымъ его. Якожъ я, за освѣтченьемъ и оказаньемъ, видѣломъ раны на подданыхъ пана Верещачиныхъ, на име на Сеньку войту Пацыничу рана у головѣ пробитая, кривавая и волосы порваны и по рукахъ и по хрибтѣ раны сине спухло битыхъ не мало, а на Нестеру Савчичу рана сине спухла, бита на хрибтѣ, а на Яську Романовичу раны по рукахъ и по хрибтѣ сине битыхъ немало, а на женѣ Настасіи видѣломъ на твари раны кровавые пробитые и на руцѣ правой также знаки бою, видѣломъ битыхъ, а на Сацу Андреевичу бондару и кушнеру, также и на жонѣ его Овдоти видѣломъ раны на ней на руцѣ правой и на хрибтѣ, бои битые, сине спухлые, а на самой Сацовой на хрибтѣ сине раны кровью спухлую, битую; на Сидору Степановичу доилидѣ, видѣломъ также раны у головѣ и по рукахъ и по хрибтѣ сине битые съ кровью спухлые, и на жонѣ его Сидорковой, на Настасіи, видѣломъ на хрибтѣ сине спухлую рану, и на руцѣ другую битую рану, а на Юхневой Кобцевичевой, кравцовой, Настасьѣ Васильевнѣ видѣломъ на хребтѣ снадь пробито кіемъ сине спухлую, а на сынѣ ее Андрею Юхневичу, на кравцу, видѣломъ рану пробитую кіемъ на хребтѣ сине спухлую, а на Михнѣ Яцуковичу, намѣснику, видѣломъ у головѣ и на руцѣ правой и по хрибтѣ раны сине збитые съ кровью спухлые. Которые то вышпомененые подданые пана Яна Верещаки и жоны ихъ, и та вдова меновали собѣ тотъ бой увесь сталый отъ тыхъ подданыхъ короля его милости волости Кобринское, изъ села Стрыевъ, въ томъ же селѣ Стрыяхъ, въ невинности сталыхъ, вышъ имены меновите въ семъ же квитѣ моемъ описаныхъ, въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ двадцать пятомъ, мѣсяца Іюня семнадцатого дня. При которомъ бою меновали собѣ грабежъ и шкоду сталую отъ нихъ же тогожъ часу тые-жъ подданые пана Верещачины, то есть: у вдовы Юхновое взяли и пограбили сермягу простого сукна, за полторы копы грошей личбы Литовское купленую, шапку юрбарку, за тридцать шесть грошей Литовскихъ купленую-жъ; у сына ее Андрея Юхновича взяли и пограбили шапку магерку, за золотый польскій купленую; а у Сенька Войта макгерку пограбили,

за золотый польскій купленую-жъ; а у Сергія Юхновича также пограбили и взяли магтерку, за золотый купленую; а у Юрковое жоны пограбили и взяли шапку юрбарку, за тридцать шесть грошей Литовскихъ купленую. Который тотъ бой увесь грабежъ отъ подданыхъ королевой ее милости зъ села Стрыевского особъ вышмененыхъ тымъ подданымъ пана Верещачинымъ, невинне имъ особомъ вышмененымъ сталый, мною вознымъ и стороною шляхтою освѣтчили и тые бои свои указывали, хотечи ото зъ ними правне чинить. Я возный, штомъ слышалъ и видѣлъ, далъ сесь квитъ мой признанья моего ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, за печатью моею и съ подписомъ руки, и за печатьми стороны шляхты, при мнѣ будучое, вышмененое. Писанъ у Буховичахъ, року и дня вышмененого. Которое-жъ то сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ есть записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 1050—1053.

79. Пріятельскій судъ между урядникомъ и крестьянами Луцкаго суфрагана.

Въ этомъ документѣ излагаются подробности такъ называемаго *пріятельскаго суда*, составленнаго изъ двухъ постороннихъ лицъ по назначенію Луцкаго суфрагана, вслѣдствіе жалобъ крестьянъ этого же суфрагана на своего управляющаго, позволявшаго дѣлать имъ разныя обиды и притѣсненія.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого, тысеча шестьсотъ двадцать пятого мѣсеца Іюля одинадцатого дня.

Передо мною Миколаемъ Пришихотскимъ—писаремъ кгродскимъ Берестейскимъ, подчасъ небезпеченства у Берестью, постановившисе очевисто панъ Дубровскій — урядникъ Шебринскій, подалъ ку активованью реестръ списанья въ немъ шкодъ починеныхъ суду пановъ пріятель высажоныхъ отъ въ Бозѣ велебного его милости ксендза Францишка Заерского — бискупа Аркгіевенского, суфрагана Луцкаго, пробоща Берестейского, въ тые слова писаный.

Wsprawie młynarza Jaroszka przesłuchawszy controwersii decernowali, wolnym czyniąc urzędnika; z tey przyczyny że Jaroszka nie zastał na robocie, sumieniem iednak miasto przysięgi obowiązali urzędnika, ieśli to nie ze złości iakiey uczynił, gdy tego młynarza bił. Strony Stachów pobranych wyniosł się urzędnik, że gdy się dowiedział o żołnierzach, zaraz piechotą poszedł do Szebrynia, a niżeli przyszedł, iuż byli Stachi zginęli. Strony kobyły także wolnym urzędnika ichmość uczynili, ponieważ się młynarz przyznał, że na tenczas miał oyca y żonę doma, którzy mogli klacze opatrzyć, aby nie zginęła. Ofryc Samuyłowicz skarżył się, ze go urzędnik obuchem pobił, czego dowiodł dwiema świadkami. Jchmość skazali na urzędniku dwie kopy Litewskich, gdyż to iawna rzecz, że bez dania przyczyny taki iuż odniósł y obuchem się poddanego bić niegodzi. Kuc skarżył się, że go urzędnik pobił niewinne y złoty winy wziął. Urzędnik deferował mu przysięgę, iako mu złoty dał, a po wykonaniu przysięgi wróci mu ten złoty. Jchmość panowie przyia-

ciele decernowali, aby chłop przysiągł przy urzędniku y świeszczenniku przy cerkwi. Strony pobicia po .... dowiódł ławnikom Miskiem Kruczkiem, który znaki pobicia obaczył. Jchmość skazali, aby za tym iuramentem przysiągł na to swoie pobicie, a gdy przysięże, za rany wezmie złotych pięć, a z osobna złoty, który dał urzędnikowi. Tereskowa skarżyła się, że ią naszedł na dom y strzelał przed domem, szukaiąc chwili na zabicie A iż się nic niestało iey od urzędnika pomsty, iednak despect y nieposzanowanie pan sobie zostawił, to ichmość wolnym uczynili urzędnika. Czernik Rybak skarżył sie, że go pobił niewinnie o ryby, że mu ich niechciał dać, bo te ryby położył osobno Rybiński w sadzu dla przedania, dawszy inszych ryb drobnych do kuchniey, ten poddany włożył krzywdę swą na pana, który tego urzędnikowi przebaczył. Bożko skarżył się, że urzędnik u niego napił złotych półtora y groszy sześć. Urzędnik puścił przysięgę Bożkowi, a po wykonaniu przysięgi ma mu urzędnik zapłacić złotych półtora y groszy sześć. Jaśko Potapienia skarżył się, że go pobił kiiem o to, że niechciał nieść stołu urzędnikowego do Brześcia na dniu pańskim? do czego się urzędnik przyznał. Ichmość o groszy dwanaście, które zgubił za służeniem moszenki, kazali los rzucić, przez który pokazało się, że urzędnik ma groszy dwanaście wrócić. Konach Miskowicz skarżył się, że go urzędnik pobił, że przyznał, yż widział, gdy za wskazaniem urzędnikowym brał z gomny stróż, bo na tenczas żyto wziął. Ichmość urzędnika wolnym uczynili. Hryc syn Bobrowników skarżył o zbicie oyca swego, na ten czas niebędącego, powiadaiąc, że szablą z pochwami ranił o to, że listy do pana w krzywdach poddanych nosił. Urzędnik powiedział, że go zbił na robocie. Hryc zaś powiedział, że oyciec móy miał rany krwawe. Jchmość uznali to, że się szablą niegodziło chłopa karać na robocie aż do rozkrwawienia, dosić skonać korbaczem albo powrozem y to obyczaynie; dla czego skazali na urzędniku, aby zapłacił złotych pięć Bobrownikowey żonie. Wakulina skarżyła się, że za zbiciem po kilku razy męża swego Wakuły, mąż iey poległ. Zna się urzędnik, że go uderzył korbaczem cztery razy, iednak nie zekrwawił, czego chce sumnieniem podeprzeć. Ichmość skazali, urzędnik przysiągł, że żadnych ran krwawych iemu niezadał y nie od iego ręki umarł, którą przysięgę ma wykonać w poniedziałek przy stronie, a po przysiędze będzie wolen od wszystkiego. Ad primum o pobicie Siomy y Kniza gumienników o zgoniny urzędnik zdał się na świadki. Pierwszy świadek Jwan Kucewicz z Telmowa zeznał, że gdy miał z drugiemi żyto, przyszedł stróż y nabrał plew z żytem, co było raz y drugi, potym za trzecim razem, gdy gumiennicy zabronili stróżowi brać z gomin z żytem, stróż odszedł y to powiedział użędnikowi, za czym urzędnik przyszedłszy poczoł bić gumięników, i Misko Konach tóż zeznał co y pierwszy, Ochrem Kniszko toż zeznał. Waśko Przypieszenia powiedział, że przy urzędniku wziął łopat ze trzy, i na tem maią gumiennicy przysięgę wykonać. O ięczmień, którego urzędnik kazał zerznąć snopów trzydzieścia y cztery dla koni przyznał się, że mu dał Sioma y Maciek kilkanaście snopów, czego się oni przeli. Na czem tem wszystkim gumiennikom przysięgę nakazano, a po wykonaniu przysięgi zapłacić ma urżędnik te pułtrzeci beczki żyta, którą przysięgę maią wykonać w poniedziałek blisko

przyszły. O szczupaków trzydzieścia urzędnik zeznał, że w niebytności ciwona wziąwszy u Serhiya klucza odemknął do skryni po dwa razy y wziął po dwie rybie małe, o ostatku niewie, czego y sumieniem chce dowieść. Jchmość nakazali, aby nrzędnik przysiągł, że ich nie iadł nad cztery ryby y z sadzki nie wyiął, a po przysiędze zapłaci te ryby. A gdy dzień trzeci przysięgi przypadł w roku teraznieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym, ultima Junii za tą wszystką żałobą, ile się tu napisało krzywd iego mości xiędza sufragana samego, iako y poddanych, pan Tomasz Gorzyszewski urzędnik, stanowiwszy się obłicznie przed nami y wszystką gromadą, powiedział w te słowa: Ja wam przysięgać ninaczem niechcę, poddanego żadnego do przysięgi nie wiodę y duszy swey i poddanych iego mości zawodzić nie chcę, iego mości pana mego ze wszystkiego zasłużonego wolnym czynię wiecznemi czasy. Co dla lepszey wiary my osoby niżey mianowane do tego sądu naszego, którzy przy tey sprawie byliśmy, pieczęci swe przyłożywszy z podpisami rąk naszych. A widząc my pana Gorzyszewskiego na dowodzie ustaiącego nakazuiemy, aby iego mość xiądz sufragan z nim w urzędzie należnym sprawiedliwości sobie dowodził. Pisan w Szebryniu, roku Pańskiego tysiąc sześćset dwudziestego piątego, Julii wtórego dnia. У того реестру при печатѣхъ и подписъ рукъ тыми словы: Raphał Kulikowsky ręką swą, Paweł Dąbrowski ręką swą, Woyciech Rybiński manu propria. Jan Lipiński. Который же то реестръ ку актикованью поданый и до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ есть уписаный.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 1151—1154.

80. Универсалъ короля Сигизмунда III-го, которымъ онъ приглашаетъ рыцарство и шляхту къ вооруженію противъ Шведскаго короля Густава Адольфа.

Сигизмундъ III-й жалуется дворянству на короля Густава Адольфа, что король этотъ, не смотря на то, что ведутся переговоры о мирѣ, не дождавшись ихъ конца, начинаетъ вести наступательную войну. Вслѣдствіе этого онъ убѣждаетъ дворянъ и рыцарство подняться на защиту отечества и не покоряться непріятелю.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Августа девятого дня.

Zygmunt III, z Bożey łaski król polski etc. Wszem wobec y każdemu zosobna, komu to wiedzieć należy, a mianowicie dignitarzom, starostom, urzędnikom ziemskim, grodzkim, rycerstwu, szlachcie, obywatelom woiewództwa Brzeskiego. Uprzeymie y wiernie nam mili łaskę naszą królewską! W pamięci uprzeymość y wierność waszych z sprawy Inflantskiey y z seymu blizko przeszłego wiadomy, że gdyby od nas clarigatia woyny wypowie-

dziana nie była inducie tak rocznie do drugiego roku trwać miały, do tego że y Gustaw xiąże Sudermański, nieprzyiaciel nasz y rzeczy-pospolitey przez listy senatorów swych do pp. senatorów naszych koronnych y wielkiego xięstwa Litewskiego znosząc się, iż od inducii y tractowania o pokoiu nie był, owszem czas oboygom commissarzom naznaczaiąc do prorogowania inducyi namawiał. Ozwaliśmy się przez panów senatorów naszych koronnych y wielkiego xięstwa Litewskiego z tymże circa finem Septembris do Wilna ziechać y zblizka tam z nieprzyiacielem, gdyby on do Rygi przybył, tractować gotowichmy byli. Nadto urodzeni kasztelan Wendeński y starosta nasz Derptski, za zleceniem naszym, z Puntusem, gubernatorem Ryzkim o to, że się Gustaw nie wypowiedziawszy clarigatii do woyny mu znosili, iakoż do czterech niedziel pokóy, aby tym czasem oboia strona po plenipotentiae do panów swoich na prorogowanie dalszych inducii wysłali, zawarli byli z koroną o tym dali znać. Posłalichmy plenipotentią naszą y pp. senatorów tak koronnych iako y wielkiego xięstwa Litewskiego; nie pomogło, bo nieprzyiaciel przewrótny zdradliwemi, chytremi wymiotami swemi nie iedno nas przywiódł do tego, że żadne subsidia belli na seymie nie stanęły, ale y czas iakieszkolwiek gotowości naszey do woyny wziąwszy teraz w przeszłych dniach, iakośmy o tym do powiatów, prowincyi Inflantskiey przyległych, aby przeciw tak nagłemu niebezpieczeństwu ostróżni y gotowi byli, pisali, przeciw induciom tak rocznym pokóy nam wypowiedział im z iawną y odkrytą woyną podiąć z nami sam się osobą swoią do Rygi stawił, Kokonauz obległ, do Derptu część ludzi swoich posłał, do Kurlandyi y na Żmuydzi zagony woyska swego rozpuściwszy, państwa nasze hostiliter prawie następuiąc pustoszyć umyślił. Chcąc tedy temu złemu zdradliwemu przedsięwzięciu iego zabieżeć, posłaliśmy listy przypowiedne, rozkazawszy hetmanowi wielkiego xięstwa Litewskiego żołnierza z pieniędzy skarbu wielkiego xięstwa Litewskiego zebrać y samiśmy się osobą naszą in fine Septembris do Litwy y granicom Inflantskim zbliżyć umyślili, obwieszczawszy tedy uprzeymości y wierności waszey o tak nagłym iawnym niebezpieczeństwie państw naszych, od tego nieprzyiaciela zachodzącym, żądamy y napominamy, aby uprzeymość y wierność wasza z miłości ku oyczyznie y dla samych siebie spólnemi siłami swemi do woyska naszego, do hetmana wielkiego xięstwa Litewskiego, kupili y temu nieprzyiacielowi odpór dawali, a oyczyzny swey y samych siebie in praedam nie podawali. Uczynicie to uprzeymość y wierność wasza dla łaski naszey, a dla sławy narodu swego, z miłości y powinności swey ku oyczyznie. Pisan w Warszawie, dnia trzeciego miesiąca Sierpnia, roku Pańskiego tysiąc sześćset dwudziestego piątego, panowania naszego polskiego trzydziestego ósmego, a szwedzkiego trzydziestego wtórego roku.

У того листу универсалу его королевское милости при печати и подписъ рукъ тыми словы: «Sigismundus rex». Который же то универсалъ и ку актикованью до книгъ судовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ есть принятъ и уписанъ.

1625 г.

Изъ книги за 1612—1617 г., стр. 208—209.

81. Жалоба земянки Авдотьи Буховецкой на брата своего Ивана Буховецкаго о томъ, что онъ не отдалъ ей слѣдующихъ по матери вещей и не уплатилъ приданнаго.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцатого, мѣсеца Апрѣля шестьнадцатого дня.

Прислала на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Прецлава Горбовского—стольника и подстаростего Берестейского, пани Овдотья Тишковна Буховецка Марковая Бортновская оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Милостивый пане подстаростій! Оповѣдамсе вашмости, моему милостивому пану, на земенина повѣту Берестейского, на пана Ивана Тишковича Буховецкого, брата своего рожоного, о томъ, што-жъ дей въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ дванадцатомъ, мѣсеца Апрѣля шестьнадцатого дня, маючи я при собѣ возного воеводства Берестейского, а при немъ сторону тогожъ воеводства земянъ господарскихъ въ мѣстѣ его королевское милости Кобрыню, передъ тымъ вознымъ и стороною упоминаласе и просила дей его, пана Ивана Буховецкого, о речи свое, которые я дала была до схованья матки своее и его пана Буховецкого Ганнѣ Оавицковнѣ Тишковой Буховецкой, о которыхъ и онъ Буховецкій мѣшкаючи при матцѣ вѣдалъ, которые то речи по смерти небощицы матки нашое при немъ Иванѣ Буховецкомъ, яко при сыну и опекуну во имѣнью и дворѣ Буховецкомъ зостали, а то есть меновите: брамокъ двѣ перловыхъ, за деветь копъ грошей литовскихъ справленыхъ, передники перловые за пять копъ грошей купленые, пасъ сребрный за шесть копъ грошей, поясъ—тесемка золотая, за три копы грошей, чепковъ золотыхъ два за пять копъ грошей, лѣтникъ адамашковый зъ брамами аксамитными за осмь копъ грошей, кошуль коленскихъ, едвабемъ шитыхъ за шесть копъ грошей литовскихъ, рубокъ флямскій за семьдесятъ грошей, шапка едвабная за сорокъ грошей, фартуховъ три едвабемъ шитыхъ, за одну копу грошей. Тые вси рѣчи звышмененые тотъ панъ Буховецкій, братъ мой, на пожитокъ свой обернулъ и ихъ вернути мнѣ теперь не хочетъ, ку не малой кривдѣ и шкодѣ моей. Ку тому оповѣдамсе вашмости на тогожъ пана Ивана Буховецкого, брата своего, о томъ, ижъ онъ, маючи по животѣ отца и матки своей въ моцы и въ держанью своемъ имѣнье Буховичи, у воеводствѣ Берестейскомъ лежачое, также и вси речи рухомые отъ мала и до велика, а мнѣ, сестрѣ своей, съ того имѣнья посагу, мнѣ належачого, не отдалъ и отдати не хочетъ. До того тежъ маетность материстую, у воеводствѣ Берестейскомъ лежачую, у Боховичахъ, которая мнѣ правомъ прирожонымъ по матцѣ моей приходитъ, онъ, панъ Иванъ Буховецкій, не вѣдати за якимъ правомъ, держитъ и вживаетъ, а мнѣ, сестрѣ своей, ничого дати и уступити не хочетъ. О што

все заховуючи я собѣ вольное у права мовенье зъ братомъ своимъ паномъ Иваномъ Буховецкимъ, прошу вашмость, абы тое оповѣданье мое было до книгъ записано. Што есть записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 г., стр. 756—760.

82. Донесеніе Берестейскаго вознаго о разныхъ насиліяхъ, дѣлаемыхъ Подляшскимъ каштеляномъ Станиславомъ Немѣрою крестьянамъ въ имѣніи Поникве.

Возный Брестскаго воеводства доноситъ, что будучи приглашенъ Брестскимъ судьею Горбовскимъ въ имѣніе Поникви, онъ былъ свидѣтелемъ противозаконныхъ поступковъ Подляшскаго каштеляна Немѣры, который, отдавши подъ залогъ населенное имѣніе Горбовскому, потомъ разогналъ крестьянъ въ свое имѣніе Немѣровъ на полевыя работы, напалъ на домъ самого Горбовскаго и произносилъ противъ него разныя угрозы.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Септембра двадцать второго дня.

Передо мною Теодоромъ Букрабою—подстаростимъ Берестейскимъ ставши очевисто возный воеводства Берестейского Миколай Немира ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ и прислалъ реляцію свою, въ тые слова писаную: Ja Mikołay Niemira— woźny woiewództwa Brzeskiego, tym relacyinym kwitem swoim zeznawam, iż w roku teraznieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym, dnia ośmnastego miesiąca Septembra, maiąc ia przy sobie stronę dwóch szlachciców, ludzi dobrych, pana Zygmunta Palniewskiego a pana Jana Rymunta, przy którey stronie szlachcie byłem wzięty do sprawy do sioła Ponikiew, w woiewództwie Brzeskim leżącego, od iegomości pana Przecława Gorbowskiego— sędziego ziemskiego Brzeskiego, tamże w tym siele w Ponikwach przede mną woźnym, przy tey stronie szlachcie, zwyż mianowaney, iegomość pan sędzia ziemski Brzeski swoim y ieymości paniey Katarzyny Bohowitanowny z Kozirad, małżonki swoiey imieniem, z wielkim żalem y oświadczeniem uskarżał się na wielmożnego iegomości pana Stanisława Niemierę—kasztelana Podlaskiego o tym, iż on przepomniawszy listu zapisu swego, którym się on sam y z nieboszczką małżonką swą, panią swą Mogilnicką, pod zarukami y pod nagrodzeniem szkód, w zapisie ich mianowanemi, opisał, żadney przeszkody w tey maiętności Ponikwach u iegomości pana sędziego ziemskiego Brzeskiego y u ieymości pani małżonki iego w zastawie będącey, im nie czynić; na to nie pomniąc, ale raczey przy upornym swym przedsięwzięciu stoiąc, iż iako im nie po ieden kroć tych przeszłych niedawno czasów w tey maiętności Ponikwach, przez nasyłanie sług y czeladzi swoiey przeszkod im dosyć naczynił, tak y teraz w roku ninieyszym zwyż pisanym w niebytności iego, gdym

był do Mińska na trybunał odiechał, maiąc z nim za trzema pozwy sprawę dnia piętnastego miesiąca Septembra, do tey maiętności ich Ponikiew, sługi y czeladź swoią, których on imiona y przezwiska lepiey wiè, iż nasławszy przez które poddanych tych ich z tego sioła Ponikiew z wołmi y z sochami dwadzieścia y iednego do maiętności swey Niemirowa na oranie pola mocą y siłą wygnał y wypędził, a którzy z poddanych ich, gdy na robotę wyniśdź zbraniali się, tedy ich półhakami y kiymi ich obkładali y bili, a zaś których w domiech nie zastali, tedy żony ich bili, przymuszaiąc, aby im o mężach swych powiedziały; a nie mogąc od nich wziąć wiadomości, tedy im woły pograbiwszy do Niemirowa odpędzili, ku wielkiey szkodzie y krzywdzie ich, omieszkaniu, oraniu pola na posiew ozimy. To czyniąc sługę ich pana Lisowskiego, gdy ich prosił y napominał, aby poddanych nie bili, którego słowy nieprzystoynymi zfukawszy, powiedzieli, że to czynią z rozkazu iegomości pana swego: teraz poddanych na robotę gonim, a mało poczekawszy y samego pana z dworu wypędzimy. Których poddanych iegomości pan Podlaski w maiętności swey, począwszy od dnia piętnastego aż do dnia ośmnastego miesiąca Septembra, przez dni cztery, chłopów w piekarni zamykaiąc, a woły y sochy ich za strażą czeladzi swey maiąc, każdey nocy trzymał. Na tym mało będąc, ale ieszcze, iako ma iegomość pan sędzia od ludzi wiadomość, że pochwałkę na zdrowie iego czyniono. Gdzie ia woźny przy tey stronie szlachcie tamże zarazem w tym siele Ponikwach będąc, pytałem woyta, gdzie poddani na robotę poszli; powiedział mi, że słudzy od iegomości pana Podlaskiego, z rozkazania iego, przyiechawszy do sioła, mocą y siłą poddanych ze dwudziestą y iedną sochą do Niemirowa na oranie pola wygnali, a którzy iść nie chcieli, półhakami y kiiami po grzbiecie ich okładaiąc, y biiąc przymuszali; a których zaś w domiech nie zastali, żony ich bili y woły ich pograbiwszy, do Niemirowa odpędzili. Jakoż ia woźny za okazaniem na kilkupoddanych męzkiey y białogłowskiey płci widziałem ciało zbite, sinością y krwią pozaciekali, na różnych mieyscach, które mianowali być stale od sług y czeladzi iegomości pana Podlaskiego. A gdym był we dworze Ponikiewskim, tedy gdy szli dnia ośmnastego Septembra ci poddani Ponikiewscy z wołmi y z sochami mimo dwór Ponikiewski do domów swoich, pytałem ich: gdzie byli, powiedzieli mi, żeśmy w maiętności Niemirowskiey ..... *) dać siłą y mocą przez sługi iegomości pana Podlaskiego wygnani y trzymali nas dni cztery, na noc zamykaiąc nas w piekarni, a woły y sochy nasze za strażą czeladzi pana Podlaskiego z rozkazu iego byli. Co iegomość pan sędzia to wszystko mną oświadczył. A tak ia woźny to, com słyszał y widział, to ku zapisaniu do xiąg grodzkich Brzeskich pod pieczęcią swą y pod pieczęciami strony szlachty, przy mnie będącey, dałem. Pisan w Ponikwach, roku, dnia, miesiąca zwyż pisanych. Которое-жъ то созананье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

*) Пропущено слово.

1625 г.

Изъ книги за 1625 годъ, стр. 709.

83. Заявленіе Берестейскаго земскаго судьи Предслава Горбовскаго объ опустошеніи арендаторами имѣнія и притѣсненіи крестьянъ.

Брестскій земскій судья Горбовскій жалуется на пана Роговскаго, который взялъ было у него въ аренду королевскую державу Верстоки на три года, съ условіемъ пользоваться только доходами по ревизорскому уставу, но потомъ передалъ ее пану Подляшскому; также Подляшскій вывелъ изъ этой державы крестьянъ въ свое имѣніе Немировъ на работы, и промучивши ихъ сколько ему было угодно, въ свою очередь передалъ ихъ своему шурину Оборскому, который посылалъ ихъ въ Долюбовъ и Дрогичинъ, не смотря на то, что крестьяне обязаны были только отбывать издѣльную повинность и давать подводы на ярмарки.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Августа першого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій, до мене Теодора Букрабы—подстаростего Берестейского, его милость панъ Прецлавъ Горбовскій—судья земскій Берестейскій оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Mości panie podstarości Brzeski! Opowiadam się waszey mości y protestuię na pana Macieia Rogowskiego y małżonkę iego pani Jadwigę Mikulską, którzy u mnie arendowali dzierżawę iego królewskiey mości Wierstok za pewną summę pieniędzy, którą mieli wydzierżywać na tym Wierstoku, co mi ostał był wynieść długu arendowego; warowali mi to w zapisie swym, że sami tylko mieli trzymać, nikomu nie puszczaiąc, ani pustoszyć, ani chłopów ubożać, tylko pożytki, sobie należące według inwentarza rewizorskiego biorąc przez lat trzy zupełne, począwszy od roku tysiąc sześćset dwudziestego czwartego aż do roku tysiąc sześćset dwudziestego siódmego, którzy nie mieli tego swego prawa nikomu spuszczać y nie mieli mocy tylko mnie, ieśliby się nie mnie podobało, tedy bym ia był im pieniądze wrócił. A iż ten Rogowski na szkodę moią zmówiwszy się z iegomością panem Podlaskim, nieprzyiacielem moim, z wielkim uciążeniem poddanych iego w arendę spuścił, sam dobrze połupiwszy poddane, na większą ieszcze tych ubogich ludzi krzywdę, iegomości panu Podlaskiemu puścił, bo iegomość pan Podlaski te poddane gonił na robotę do Niemierowa, którzy niezwyczayne tam roboty odprawowali w Niemierowie, w mieście odległym, zwłaszcza z sochami, z bronami, co nawiększa, przez niedziel kilka kopaiąc wały; więc y stacie niesłuszną słudzy iego brali z wiadomością pana; a mało na tym maiąc, tenże iegomość pan Podlaski, sam dobrze tych chłopów nadpustoszywszy, staw spuściwszy, puścił ich szwagrowi swemu panu Jaroszu Oborskiemu, który do końca tę maiętność spustoszył, złupił poddanych niemiłosierdnemi obecnemi robotami y podwodami, goniąc ich do Dolubowa y do Drogiczyna, biorąc winy niesprawiedliwie u poddanych, a ci poddany nie byli powinni tylko robo-

tę dworną odprawować, a podwodę do targu. I tak ta arenda była zawarta z Rogowskim, dopiero teraz, nie będąc osiadłym nigdzie ten Rogowski, że mi tak wielką szkodę uczynił y zkąd go patrzyć osiadłości iego niewiem, ale o zarękę wedle zapisu iego chcę z nim czynić prawnie y o szkody poczynione poddanym y w dworze y o grabieże poddanych wnoszę tę protestatią moią do xiąg na Rogowskiego y na małżonkę iego, proszę aby była przyięta. Што есть принято и записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 г. стр. 695.

84. Донесеніе Берестейскаго вознаго о подачѣ двухъ позвовъ земянину Калечицкому.

Въ этомъ донесеніи возный Токаревскій докладываетъ о способѣ передачи своихъ двухъ позывовъ земянину Калечицкому. Первый позывъ—явиться въ засѣданіе Литовскаго трибунала въ Минскѣ—онъ отдалъ крестьянамъ Калечицкаго, а второй—воткнулъ въ ворота его усадьбы, увѣдомивши объ этомъ прислугу; въ самый же домъ не входилъ по случаю бывшей въ немъ заразы.

Лѣта Божого Нароженья, тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Августа деветнадцатого дня.

Подчасъ небезпеченства отъ повѣтра въ Берестью, передо мною Теодоромъ Букрабою—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши наврадѣ енералъ воеводства Берестейского Миколай Томковичъ Токаревскій, реляцію свою очевисто призналъ и ку записанью до книгъ врадавыхъ подалъ въ тые слова:

Ja Mikołay Tomkowicz Tokarzewsky—ienerał y wozny woiewodstwa Brzeskiego, zeznawam tym moim kwitem ku zapisaniu do xiąg grodzkich Brzeskich, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym, miesiąca Augusta dnia ośmnastego, maiąc ia przy sobie stroną dwuch szlachciców, pana Jana Wołkowyckiego a pana Piotra Tokarzewskiego, podałem pozwy swoie do sądu głównego trybunalskiego w. x. Lit. do Mińska na liście, w żałobie ziemienina woiewodstwa Brzeskiego pana Woyny Okonoma y małżonki iegomości, mianowicie w tych pozwach opisaną, na ziemian woiewodztwa Brzeskiego, urodzonych iegomość pana Wasilia Kaleczyckiego y małżonkę iegomości paniey Zofii Kuropatnickiey Stanisławowey Wołkowyckiey, na dzieci y potomky onych y opiekuny, które pozwy w iegomość pana Kaleczyckiego y małżonki iegomości, do dwora Rohackiego należącey, w domu poddanego ichmość na imie . . . .*) położył y we wrota wiezdne wetknął y w tym domu mieszkaiącym ludziom y gospodarzowi obwołał y opowiedział y rozkazał, aby te pozwy do pana swego odnieśli, a w dworze Rohackim dla tegom tych niepołożył, iż się w nim zapowietrzyło. Drugi pozew położyłem y wetknąłem we wrota wiezdne dworu Rohackiego, ieymość paniey czeladzi y opo-

*) Въ подлинникѣ имя пропущено.

wiedziałem, aby o tym pozwie wiedzieli. Te pozwy sprzeciwnym pozwie w dacie y we wszystkim są spólnie nieskrobany y niemazany, pisane po ichmość osób woźnych mianowanych, za którym, pozwy obieium stronam złożyłem rok w Mińsku przed sądem głównym trybunalnym w. x. Lit., znać od poddanych tych pozwów za niedziel sześć w termin woiewodztwo to, które to się na tenczas będzie sądziło na roku teraznieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym. Który ten móy kwit podania y położenia pozwów, nie mogąc przyznać w Brześciu dla powietrza przed iegomość panem Teodorem Bukrabą—podstarościm Brzeskim przyznawam sam oczewiście do podparcia tych pozwów przed sądem głównym trybunalskim w Mińsku. Pisan w Rochacach roku y dnia niżey mianowanego. Которое-жъ сознанье енерала помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1625 г.

Изъ книги за 1625 г., стр. 758—760.

85. Жалоба урядника Клюковскаго на крестьянъ пана Лычевича, которые избили и изранили крестьянъ имѣнія Клюковичъ.

Клюковскій урядникъ жалуется на крестьянъ пана Лычевича, что они избили до полусмерти его крестьянъ и нѣкоторыхъ ограбили безъ всякой причины. При этой жалобѣ находится и посвидѣтельствованіе вознаго.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать пятого, мѣсеца Септембра двадцать второго дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы—подстаростего Берестейского панъ Касперъ Вшеборовскій оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Miłościwy panie urzędzie grodzki Brzeski! Ja Kasper Wszeborowski—sługa iegomości pana Jana Raduckiego, urzędnik Klukowicki, opowiadam waszey mości, iako urzędowi, na poddanego pana Abrama Łyczewicza na imie na Janka Misielewicza y syna iego Pawluka, iż ten pomieniony Janko Misielewicz z synem swym Pawlukiem y z inszymi pomocnikami swymi w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym, miesiąca Septembra iedynastego dnia, poddanych pana mego imienia Klukowicz, na imie Pawła Rapotę, Jaśka Dudkę, Nauma Stanilewicza z Tokarów, Jędrzeia woźnicy tak okrutnie pobili, poranili, że nie wiedzieć, będą li żywi, iakoż ten Paweł Rapota w kilka dni od tego zbicia umarł. Przy którym boiu temu Naumowi wzięto y pograbiono pieniędzy złotych cztery, siermięgę za kopę litewską, czapka letnia kupiona za złoty, ubranie proste za złoty. Waszę mość proszę, aby to opowiedanie moie było do xiąg grodzkich Brzeskich zapisano.

При которомъ оповѣданью тутъ же ставши очевисто на врадѣ возный вое-

водства Берестейского Андрей Залевскій квитъ свой реляцiйный на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ въ тые слова:

Ja Andrzey Zalewski — woźny woiewództwa Brzeskiego, zeznawam tym moim kwitem, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym piątym, miesiąca Septembra szesnastego dnia, byłem wziętym w sprawie iegomości pana Jana Radzickiego, od urzędnika iego pana Kaspra Wszeborowskiego do imienia Klukowicz, leżącego w woiewództwie Brzeskim. Tamże poddani iegomości pana Radzickiego imienia Klukowickiego, na imię Paweł Rapota, okazał ran dwie na czele y na głowie, y kołtun z głowy wyrwany, Jaśko Dudka okazał ran dwie w głowie krwawe y ręka prawa stłuczona szkodliwie, nie wiedzieć będzie li ręką władał, Naum Stanielewicz okazał krzyż, ręce, nogi sinie pobite, Andrzey woźny okazał chrybiet sini zbity. Które to zbicie y zranienie swe mienili ci poddani wzwyż mianowani być stałe w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestego piątego, miesiąca Septembra iedynastego dnia, od poddanego pana Abrama Łyczewicza Tokarewskiego od Janka Misielewicza y syna iego Pawluka y pomocników ich w siele Tokarach. Gdy wyszli z karczmy od poddanego pana Krzysztofa Tokarzewskiego od Siemiona, tamże na dobrowolney drodze przeiąwszy ten Misiel z synem, z żoną y z pomocnikami swymi ich pobili, poranili. A przy okazowaniu ran byli stroną szlachtą Andrzey Zalewski a pan Matfiey Sakorski. Czego ia woźny będąc świadom w tey sprawie, dałem ten móy kwit zeznania mego ku zapisaniu do xiąg grodzkich Brzeskich pod moią pieczęcią z podpisem ręki mey y z pieczęćmi strony szlachty przy mnie będącey. Pisan roku miesiąca y dnia zwyż mianowanego. Которое-жъ то сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1612 г.

Изъ книги за 1612—1617 г. стр. 170.

86. Протестъ Брестскаго бурмистра Емильяна Самсоновича противъ Матеея Бернацкаго о неправильномъ доносѣ послѣдняго, будто онъ Илія Самсоновичъ избилъ его въ собственномъ домѣ.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ дванадцатого, мѣсеца Апрѣля осьмого дня.

Передо мною Прецлавомъ Горбовскимъ—стольникомъ и подстаростимъ Берестейскимъ, ставши на врадѣ панъ Омельянъ Самсоновичъ—бурмистръ мѣста Берестейского, подалъ оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Милостивый пане подстаростій! Якомъ теперь взялъ вѣдомость съ книгъ кгродскихъ, ижъ въ невинности моей слуга ясневельможного пана Льва Сапѣги—канцлера великого князства Литовского, панъ Матеей Бернацкій

внесъ на мене протестацію свою, яко бымъ мѣсяца Априля пятого дня, року тысеча шестьсотъ дванадцатого, я на него въ дому своимъ словы таргатисе и до корда порывати мѣлъ, а такъ, ижъ то учинилъ, вижу кгволѣ тому чоловикови умысльне, который оного въ домъ мой съ посланцомъ слугою своимъ заслалъ, обельженье и раны мнѣ задавши, хотечи то ляда яко загомонить, што никгды, яко въ протестаціи своей мянуетъ, не тылько абымъ я тамъ, гдѣ мнѣ не належитъ и не маючи прому въ арендарской жидовской сторонѣ на Бугу перевозить подеймоватьсе обецовалъ, альбо словы и до брони торгатьсе мѣлъ, въ чимъ невинность свою на кождымъ мѣстцу вывести готовъ будучи, кгдыжъ ани то речь есть подобна, абымъ я, чоловикъ убогій въ дому своимъ трезвымъ будучи и успокойнымъ, безъ жадной брони, а што венкшая, а теперь свижо на другій день тотъ урядъ бурмистровскій на собѣ носечи, такъ спросне, яко мене удаетъ поступовать мѣлъ, ставечисе кождому такъ, яко доброму годитъ, лечъ ижъ и то не самого словы пана Бернацкого, але того, который его до того привелъ и черезъ три дни въ Берестью забавилъ подъ покрывкою звыклою застаралою практикою, въ чомъ яко тотъ, который то справилъ самъ зостать муситъ; прето ку показанью невинности моей и обележенья своего тамъ, гдѣ будетъ належало, противъ тому таковому отнесенью на урядѣ вашей милости репротестуюсе и прошу, абы та протестація моя до книгъ урядовыхъ записана была. Што есть записано.

—

1629 г.

Изъ книги за 1629 г., стр. 61—62.

87. Жалоба земянина Ивана Яновицкаго на земенина Николая Выриковскаго о томъ, что крестьяне послѣдняго въ Кобринской пущѣ убили лошадь принадлежащую крестьянину Яновицкаго,

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Февраля девятого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы, подстаростего Берестейского, земенинъ господарскій воеводства Берестейского панъ Яновицкій оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Милостивый пане враде кгродскій Берестейскій. Я Янъ Яновицкій, земенинъ воеводства Берестейского оповѣдамсе вашей милости, яко врадови, въ кривдѣ и што дей подданого своего Именинского, лежачое маетности у воеводствѣ Берестейскомъ, на име Ивана Костюковича, мѣшкаючого у селѣ моемъ Именинѣ, яко тотъ подданый мой Иванъ Костюковичъ мнѣ даетъ справу, на пана Миколая Вырыковского, что кгды подданый мой вышейменованый ѣздилъ по дрова собѣ до пущи короля его милости старостза Кобринского, они, упив-

шися у восочника, на име Еромы Годуновича, и уѣхавши у пущу наврочище, называемое Сосново, и поставивши клячу свою зъ саньми на дорозѣ, гдѣ люде дрова возятъ, а самъ тотъ подданый мой Годишевскій оподаль отъ клячи у пущу на опосли и подле клячи подданого моего дерево подле тое дороги подрубилъ и на клячу подданого моего спустилъ, которую клячу подданого моего вышейменованого шерстью половую, купленую за семь копъ грошей Литовскихъ, жеребную, деревомъ наполъ на посерединѣ перебилъ. Отъ которого перебитья на томъ же мѣстцу заразъ издохла року теперешнего тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсяца Генваря двадцать семого дня. То все учинилъ ку шкодѣ моей и подданому моему вышейменованому. О которую шкоду—забитье клячи подданого своего хотечи зъ нимъ паномъ Вырииковскимъ правомъ чинить, прошу абы сее оповѣданье мое до книгъ вашей милости врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ принято а записано было. Што есть записано.

1629 г.

Изъ книги за 1629 годъ, стр. 163—164.

88. Жалоба земенина Пришихотскаго о побѣгѣ изъ его селъ Хомичей и Волекъ въ Бѣльскомъ повѣтѣ двухъ его крестьянъ съ семействами и имуществами. Тутъ же находится и посвидѣтельствованіе вознаго.

Лѣта Божого Нароженья 1629, мѣсеца Марца 3 дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы, подстаростего Берестейского, земянинъ господарскій воеводства Берестейского, панъ Василь Пришихотскій, оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ въ тые слова:

Милостивый пане урáде кгродскій Берестейскій! Оповѣдамсе вашей милости моимъ милостивымъ паномъ, ижъ року теперешнего тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Февраля двадцать второго дня, зъ четверга на пятницу, у ночи пошли прочь два подданыхъ моихъ отчизныхъ, нѣтъ вѣдома зъ якихъ причинъ, любо тежъ ихъ кто выкотилъ зъ села моего Хомичъ, одинъ подданый на име Иванъ Ярмоновичъ, зъ жоною, зъ дѣтьми, то есть, сыновъ три, а дочокъ двѣ, зъ волами, съ конемъ, зъ быдломъ и зо всею маетностью рухомою, которое быдло не мало; а другій подданый зъ села Вольки, на име Ярмошъ Кипща, также зъ жоною, зъ дѣтьми, то есть, сыновъ два, дочка одна, зъ волами, зъ быдломъ и зо всею маетностью рухомою, лежачимъ тымъ моимъ селомъ обудвомъ у повѣтѣ Берестейскомъ. Кождый зъ нихъ вышменованый мѣшкалъ на половолоку земли, о которыхъ я жадное вѣдомости мѣть не могу, куды се обернули, и прошу, абы тое мое оповѣданье для часу пришлого до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ было принято и записано.

При которомъ оповѣданью тутъ же ставши на врадѣ возный Берестейскій Грегорей Лесковскій квитъ свой призналъ и ку записанью до книгъ подалъ въ тые слова:

Я Грегорей Лясковскій, возный воеводства Берестейского, будучи мнѣ узятому на справу пана Василья Пришихостского, до имѣнья его до Пришихостъ, до села Хомичи, до села Вольки, лежачимъ тымъ обудвумъ селомъ у повѣтѣ Берестейскомъ, дня двадцать четвертого Февраля, року шестьсотъ двадцать девятого, а маючи я при собѣ стороною шляхтою пана Яна Яблонского и пана Яна Пухальского, тамъ же оказалъ мнѣ у тыхъ обѣюхъ селахъ вышменованыхъ панъ Василей Пришихостскій у селѣ Хомичахъ пустку одну на половолоку, а у другомъ селѣ Вольцѣ другую пустку, также на половолоку стоячую, у которыхъ то пусткахъ я возный зъ стороною никого не засталъ, и повѣдилъ панъ Пришихостскій, же съ тыхъ обѣюхъ пустокъ халупъ два подданыхъ прочь пошли, нѣтъ дей вѣдома гдѣ, если тежъ ихъ кто выкотилъ, на име Иванъ Ярмоновичъ и Ярмошъ Кипша, и зъ ихъ жонами, зъ дѣтьми и зо всею маетностью рухомою. А такъ я возный въ той справѣ, чого будучи свѣдомъ, и штомъ слышалъ и видалъ, даломъ пану Василью Пришихостскому сесь мой квитъ реляцiйный ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ. Писанъ року, мѣсеца и дня выширсаного. Которое то оповѣданье возного помененого есть до книгъ записано.

1629 г.

Изъ книги за 1629 г. стр. 168—169.

89. Жалоба земянина Костюшки Сехновицкаго о побѣгѣ крестьянина съ семействомъ и имуществомъ, и посвидѣтельствованіе вознаго.

ЛѣтаБожогоНароженьятысечашестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Марца четвертого дня.

Передо мною Теодоромъ Букрабою— подстаростимъ Берестейскимъ, постановившисе очевисто на врадѣ земянинъ господарскій воеводства Берестейского его милости панъ Ярошъ Костюшко Сехновицкій, оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ въ тые слова:

Милостивый пане урадe кгродскій Берестейскій! Я Ярошъ Костюшко Сехновицкій вашей милости се оповѣдаю и до вѣдомости доношу, ижъ року теперешнего тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Февраля двадцатого дня, подданый мой вѣчистый на име Демьянъ Пекачовъ, зъ жоною и зъ дѣтьми и тещею, зъ маетности моей имѣнья Каменя за много се запомогши до взятья вѣдомости за чіимъ выкочевомъ прочь пошелъ и мене, пана своего, здрадилъ а нѣкоторую маетность, яко ми далъ справу тивунъ мой Каменскій, ижъ было того збѣга моего въ селѣ Каменю добръ въ воеводствѣ Берестейскомъ, спольномъ зо мною лежачомъ у подданыхъ его ми-

лости пана Ивана Верещаки, Игната Матеевича, Трохима Троцковича видѣлъ и посылаломъ до его милости пана Ивана Верещаки, просечи о вижа; абы тое быдло на тую маетность отшукатъ могъ. На што панъ Верещака не призволилъ и вижа до подданыхъ своихъ дати не хотѣлъ. А такъ я, хотечи того збѣга правне доходить и тыхъ маетностей, быдла у подданыхъ пана Верещачиныхъ поискивать, прошу, абы оповѣданье мое до книгъ было принято и записано.

При которомъ оповѣданью тутъ же ставши на врадѣ и возный воеводства Берестейского Филонъ Отромецкій, квитъ свой реляцiйный очевисто призналъ и ку записанью до книгъ врядовыхъ подалъ въ тые слова:

Я Филонъ Остромецкій—возный воеводства Берестейского сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперешнего тысеча шестьсотъ двадцат девятого, мѣсеца Февраля двадцат третяго дня, маючи я при собѣ стороною двохъ шляхтичовъ, пана Өедора и Ярмогена Остромецкихъ, быломъ взятый на справу его милости пана Яроша Костюшка Сехновицкого, до имѣнья Каменя. Тамъ же мною вознымъ оказовалъ пустки подданого своего Демьяна, который отъ его милости, нѣтъ вѣдома за чіимъ выкоченьемъ, прочь пошолъ, якожъ милостивый панъ Костюшко, при томъ повѣдалъ, же на сесь часъ у подданыхъ пана Ивана Верещаки быдло того збѣга есть, меновите въ томъ же селѣ Каменю, у Игната Матеевича, у Трохима Троцковича, въ чомъ я возный за посланьемъ его милости пана Костюшка, а съ повѣсти тивуна, ѣздиломъ до подданыхъ его милости пана Верещачиныхъ и пыталомъ: естьли бы што у себе въ маетности того збѣга мѣли? Тамъ же напервей Игнатъ Матеевичъ повѣдилъ мнѣ и сторонѣ, жемъ я купилъ у того земянина, передъ пойстемъ его прочь, вола червоного тутъ у селѣ, а Троцковичъ Трохимъ также се призналъ, же купилъ у тогожъ збѣга вола у мѣстѣ Кобриню на торгу. За которымъ то оказаньемъ лицемъ его милость панъ Костюшко до маетности того збѣга и до выпроваженья отъ тыхъ же подданыхъ пана Верешачиныхъ быть розумѣетъ. Про то я возный, штомъ видѣлъ и слышалъ, даю сесь мой квитъ реляцiйный съ печатью моею и за печатьми стороны шляхты, при мнѣ будучое, ку записаню до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ. Которое-жъ то оповѣданье и возного помененого сознанье до книгъ врадовыхъ есть записано.

1629 г.

Изъ книги за 1629 годъ, стр. 175—176.

90. Посвидѣтельствованіе вознаго о разграбленіи дома въ селѣ Старой Волѣ и захватѣ крестьянина съ семействомъ вооруженными людьми князя Огинскаго.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Марца четвертого дня.

Передо мною Теодоромъ Букрабою—подстаростимъ Берестейскимъ, ставши очевисто на врадѣ енералъ Александеръ Церанскій, квитъ свой призналъ и ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ, въ тые слова:

Я Александеръ Церанскій, енералъ воеводства Берестейского, сознаваю тымъ моимъ реляцыйнымъ квитомъ, ижъ року теперешнего тысеча шестьсотъ двадцать девятомъ, мѣсеца Февраля двадцать второго дня, былемъ взятый на справу отъ пана Андрея Кролевского—арендара Старовольского до маетности его милости пана Яна Старовольского, до Старой Воли, у воеводствѣ Берестейскомъ лежачое. Которымъ мною енераломъ и стороною шляхтою, на тотъ часъ при мнѣ будучою, паномъ Лукашомъ Кругельскимъ а паномъ Станиславомъ Терпиловскимъ, скликавши тивона и мужиковъ того села, обводилъ и указывалъ въ томъ селѣ Старой Воли хату и клѣти двѣ, свѣжо спустошоные, также и въ клуни збоже, въ сѣннику сѣно знать свѣжо выбраное. У которыхъ клѣтехъ пробое свѣжо посѣчоные и двери повыкиданые. И то передо мною енераломъ и передъ стороною шляхтою тотъ панъ Кролевскій, также тивонъ и подданые згодне повѣдили, же тое спустошенье тое хаты, клѣтей и клуни стало се за насланьемъ кгвалтовнымъ на тое село отъ его милости князя Самуеля Окгинского съ повѣту Волковыйского, зъ маетности его милости Кропивнице, чоловѣка до килькадесятъ ѣздно и зъ возами гарматно, зъ стрѣльбою, съ понедѣлку прошлого на вовторокъ, въ ночи праве въ первоспы, которые наѣхавши, окрикъ учинили, стрѣльбу отпустили зъ ручницъ, изъ села всихъ людей выстрашили, а тую хату оступивши, того чоловѣка, што въ ней мѣшкалъ, подданого его милости пана Яна Старовольского, на име Ждана Андріевича, зъ жоною зъ дѣтьми, зе двѣма сынами и съ чотырма дочками, отчичами власными, зо всимъ спратомъ, што одно было, коней двое, воловъ два, коровъ двѣ, подтѣлковъ два, свиней, гуси, куры, збоже, сѣно и кгрошей повѣдали, вѣдомостью дей нашою копъ колько надцать мѣлъ, што тотъ тивонъ Макаръ и подданые того села такъ его милости пана Старовольского, яко и пана Онихимовского, которые въ томъ же селѣ мѣшкаютъ, згодне о томъ кгвалтѣ и наѣханью и забранью того Андрея зо всимъ спратомъ домовымъ, передо мною енераломъ и передъ стороною шляхтою повѣдили, же такъ а ни иначей тотъ кгвалтъ се сталъ и тое спустошенье тое хаты и знаки за тымъ кгвалтовнымъ наѣздомъ сталое выспов҃ѣдали и того дей подданого пана Старовольско-

го съ тымъ усимъ на возы забравши, до его милости князя Огинского, до Кропивнице, маетности его милости, въ повѣтъ Волковыскій отвезли и отпровадили. А такъ я енералъ, за показаньемъ ихъ, тые знаки огледавши, штомъ видѣлъ и слышалъ, на то даю сесь мой квитъ и сознаваю ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, за печатью и съ подписомъ руки моее, и за печатьми стороны шляхты, на тотъ часъ при мнѣ будучое. Писанъ року, мѣсяца и дня звышменованого. Которое-жъ то енерала помененого сознанье до книгъ врадовыхъ есть записано.

1629 г.

Изъ книги за 1629 г., стр. 180—181.

91. Жалоба земянина Венедикта Новицкаго о побѣгѣ двухъ крестьянъ его съ семействами и со всѣмъ имуществомъ.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Марца пятого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы—подстаростего Берестейского, земенинъ господарскій воеводства Берестейского его милость панъ Бенедиктъ Новицкій оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Mości panie urzędzie grodzki Brzescky! Ja Benedykt Nowicky opowiadam y donoszę to do wiadomości wam urzędowey, iż w roku teraznieyszym tysiąc sześćset dwudziestym dziewiątym, miesiąca Februaryi z dnia dwudziestego piątego przeciwko dnia dwudziestego szóstego, w nocy, niewiedzieć, iakiś nieprzyiaciel móy, bez bytności na ten czas moiey w imieniu w domu moim Worotyniczach, w woiewodztwie Brzesckim leżącym, podiechawszy złodzieyskim nocnym obyczaiem pod domy moych dwuch oyczystey maiętności mey, wyżeymianowaney w Worotyniczach mianowicie Pietruka Dudkę a Gawryła Brycewiczów wykocił y wyprowadził z żonami, z dziećmi ich y ze wszystką maiętnością ich, z bydłem rogatym y małym y ze wszystką ruchomością, którey maiętności rachuiąc na złotych trzysta z nimi wykoczoną y wyprowadzoną. A niewiedząc na ten czas ia, iaki by to nieprzyiaciel móy uczynić miał, do którego by mi prawo służyło, pilnie proszę, aby to opowiadanie moie do xiąg urzędowych przyięte y zapisane było, żebym potym wziąwszy pewną wiadomość o tych zdraycach poddanych moich zwysz mianowanych, do kogo mi tor prawa pospolitego ukaże, snadnieyszy przystęp mieć mógł. Которое-жъ то помененое оповѣданье до книгъ врадовыхъ есть записано.

1629 г.

Изъ книги за 1629 г., стр. 193—194.

92. Донесеніе вознаго объ истребленіи пожаромъ домовъ и документовъ въ мѣстечкѣ Воинѣ,

Возный Залютинскій свидѣтельствуетъ о пожарѣ, истребившемъ въ м. Воинѣ 17 домовъ и всѣ документы этого мѣстечка, т. е. королевскіе листы и привилегіи, а равно и другія бумаги, относящіяся къ поземельному владѣнію въ смежныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ в. кн. Литовскаго и Польши.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Марца шестого дня.

Передо мною Теодоромъ Букрабою — подстаростимъ Берестейскимъ, ставши очевисто на врадѣ возный воеводства Берестейского, Иванъ Залютынскій, квитъ свой реляцiйный призналъ и ку записанью до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ подалъ въ тые слова:

Ja Iwan Zalutyński — woźny woiewództwa Brzeskiego, zeznawam tym moim kwitem relacyinym, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym dziewiątym, miesiąca Marca pierwszego dnia, maiąc przy sobie stronę szlachty, pana Andrzeia Kopińskiego a pana Piotra Przegalińskiego, byłem w sprawie mieszczan króla iego mości w mieście Wohiniu na oglądanie domów pogorzałych, gdzie za okazaniem Jana Panasikowicza, na ten czas burmistrza, y radziec Woińskich y sąsiad iego mieszczan tamecznych, widziałem na placach ulicznych na przeciwko kościoła Woińskiego w rynku domów siedmnaście ze szczętem pogorzałych. Tamże przede mną woźnym uskarżał się mianowany burmistrz z sąsiady swymi y ze wszystkim domówstwem sam pogorzał y oni z nim, że ledwie sami z duszami powybiegali, prawie w pierwospy w nocy, tak z dopuszczenia Bozkiego, ieśli przez złego człowieka zapaleni byli, zaczym nie mogli nic wyratować. A co naywiększa uskarżali się, iż im zgorzała skrzynia miescka z sprawami u mianowanego burmistrza, w którey byli listy przywileia na ograniczenie tego miasta Woynia z różnymi pogranicznikami, przyległymi tak od Korony Polskiey, iako y do wielkiego xięstwa Litewskiego, to iest, od panów Branickich, od Suchey Woli, także od dzierżawy Parcowskiey y od panów Kopińskich, na zamianę gruntów, na uroczyszczach: na Chmielinie, Poszkaradę, na Ramysku aż do granic Militanowskich; do tego pogorzeli listy od królów ich mości, dane na wybieranie czynszów y poborów, panu woytowi tamoszniemu y burmistrzowi należące, y regestra rewizorskie, xięgi, w które mieszczanie zastawy zapisowali y inne potoczne sprawy y innych niemało listów, obligów; tak też ducta, które wyięte byli z metryki króla iego mości, którymi broniono od dawnych czasów granic Woińskich, y list zastanowiony starostą Łukowskim od granic Branickich Ustczeskich, że nie miało być żadne rozgraniczenie między tymi maiętnościami z Woyniem

aż do rozgraniczenia Korony z wielkim xięstwem Litewskim. A tak ia woźny, zwysz mianowany, z szlachtą, przy mnie będącą, com widział y słyszał, dałem ten swóy kwit relacyiny ku zapisaniu do xiąg grodzkich Brzeskich, z pieczęcią y z podpisem ręki mey y z pieczęćmi szlacheckimi roku y dnia zwysz pisanego. Которое-жъ то сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ кгродскихъ Берестейскихъ есть записано.

1629 г.

Изъ книги за 1629 г., стр. 244—245.

93. Жалоба земянина Ивана Жардецкого на земянина Павла Одинца, который самъ лично вмѣстѣ съ крестьянами своими избилъ и изранилъ крестьянъ Жардецкого.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Марца шестьнадцатого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы — подстаростего Бересгейского, земенинъ воеводства Берестейского панъ Янъ Зардецкій оповѣданье свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Mości panie urzędzie grodzki Brzeski! Ja Jan Żardecki — ziemianin woiewództwa Brzeskiego żałośnie opowiadam przed waszą mością, iako urzędem, za daniem mnie sprawy poddanych moich zastawnych Kuplińskich ze wsi Podlesia, dóbr w woiewództwie Brzeskim leżących, na imie Łukiana Kuryłowicza, Olexia Siemienowicza y Waśka Czyża, na ziemianina i. kr. mości woiewództwa Brzeskiego, na pana Pawła Odyńca o tym, iż pan Odyniec, nieoglądaiąc nic na winy, w prawie opisane, zneważaiąc pokóy prawa pospolitego, w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym dziewiątym, miesiąca Marca trzeciego dnia, przeiąwszy pomienionych poddanych moich na drodze dobrowolney, iadących do chrustów ich własnych na błotach, tamże bez dania od nich onemu żadney przyczyny niewinnie pobił, posiekł, szkodliwie poranił, że ieden poddany móy Olexiey Siemienowicz szkodliwe rany od samego pana Odyńca pociskiem iego siekierą w krzyż, żebra dwie przecięte, odniósł y nie wiem, ieśli żyw będzie; o co chcąc z nim prawnie czynić proszę, aby to opowiadanie moie do xiąg grodzkich Brzeskich przyięto y zapisano było.

При которомъ оповѣданью, тутъ же ставши на врадѣ возный воеводства Берестейского Григорій Лѣсковскій, квитъ свой реляцiйный призналъ и ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ въ тые слова:

Ja Hrehory Laskowski — woźny woiewództwa Brzeskiego zeznawam tym moim relacyinym kwitem, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym dziewiątym, miesiąca Marca dwunastego dnia, maiąc przy sobie stronę szlachtę pana Jana Ancutę a pana Jana Sawickiego, byłem wzięty na sprawę od ziemianina i. kr. mości woiewództwa Brze-

skiego iegomość pana Jana Żardeckiego, do imienia Kuplińskiego, dóbr w woiewództwie Brzeskim leżących, do wsi Podlesia, na oglądanie poddanych iegomości od pana Pawła Odyńca, w roku teraźnieyszym pobitych y posieczonych na dobrowolney drodze iadących do własnych chrustów na błota. Jakoż ia woźny za przyiechaniem do tey wsi Podlesia, do poddanego iegomości pana Żardeckiego, na imie Olexia Siemienowicza, y za okazaniem onego ran, widziałem na tym Olexiu ranę siekierą w krzyż z tyłu ciętą, że żebra dwa przeciętych y na Łukianu Kuryłowiczu okrutnie grzbiet sinie zbity, spuchły, tak też na Waśku Czyżu grzbiet sinio zbity, spuchły. Które to rany stałe wyż mianowani poddani mianowali przede mną woźnym od pana Pawła Odyńca zadane, o czym szyrzey y podostatku na żałobie iest opisano y dołożono. Jakoż ia woźny, com widział y słyszał, dałem ten móy kwit zeznania mego ku zapisaniu do xiąg grodzkich Brzeskich, z pieczęcią moią y z podpisem ręki mey, y z pieczęćmi strony szlachty, przy mnie będącey. Pisan w Kuplinie, roku, miesiąca y dnia zwyż pisanego. Которое-жъ то оповѣданье и сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1629 г.

Изъ книги за 1629 годъ, стр. 513.

94. Жалоба священника Телятицкой церкви Терентія Голадовскаго на земянина Ивана Красускаго и жену его о побояхъ, нанесенныхъ послѣднею женѣ священника и его дочери.

Лѣта Божого Нароженья тысеча шестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Априля двадцать пятого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы, подстаростего Берестейского, урожоный панъ Терентій Голадовскій оповѣдане свое на письмѣ ку записанью до книгъ врадовыхъ въ тые слова:

Милостивый пане подстаростій Берестейскій! Я Терентій Голадовскій, священникъ церкви Телятицкое, зъ великимъ а незноснымъ жалемъ моимъ оповѣдаю се вашей милости, яко урадови, на пана Яна Красуского и пани малжонку его пани Кглуховску Яновую Красускую о томъ, ижъ они, взявши передъ себе злый умыслъ, а якую неслушную ненависть противко мене и малжонки моее, людей имъ ничого невинныхъ, розныхъ часовъ прикрости битьемъ челедь мою и добытокъ мой, што все я, яко чоловѣкъ духовный, покою Божого прагнечи, мимо себе пущалъ, и скромне то все отъ нихъ зносилъ. А видечи то они, ижъ ямъ деспектовъ своихъ, которые мнѣ выражаютъ, понехаючи, яко чоловѣкъ Пана Бога боячій и спокойный, теперь знову въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ двадцать девятомъ, мѣсеца Априля пятого дня, въ небытности мо-

ей въ дому моемъ, на тотъ часъ, кгдымъ се набоженствомъ своимъ звыклымъ въ церкви забавилъ, тая пани Красуская, зъ вѣдомостью и посланьемъ малжонка своего пана Красуского, съ паробками, слугами дворными и поддаными своими, сама пята, пришовши до дому моего, въ имѣнью Телятичахъ, воеводствѣ Берестейскомъ лежачомъ, и тамъ заставши въ дому малжонку мою на имя Настасію и дочку, безъ жадное причины кгвалтовне а немилостиве кіями збили и змордовали съ тыми слугами своими и поддаными, которыхъ они лѣпей сами имена вѣдаютъ. И кгдымъ я, взявши вѣдомость о такомъ кгвалтѣ и бою жоны и дочки своеи самому пану Красускому ускаржалъ, гдѣ панъ Красускій мѣсто справедливости и самого мнѣ зъ малжонкою своею, еще одповѣдь и похвалку на здоровье наше и маетность учинили, мовечи, ижъ не такъ тобѣ и жонѣ твоей еще отъ насъ будетъ, и тебе зъ жоною забьемъ и маетность всю огнемъ выпалимъ и конечне тутъ корениться не будешь. А такъ я, маючи великую кривду, кгвалтъ, отповѣдь отъ того пана Красуского и малжонки его, за которую не будучи беспечный и до остатка здоровья и маетности своее, а хотечи о то все зъ нимъ правне чинити, прошу абы тое оповѣданье мое было до книгъ принято и записано. Што есть записано.

При которомъ оповѣданью тутъ же ставши на урадѣ и возный воеводства Берестейского Матфей Токаревскій квитъ свой реляцыйный призналъ и ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ въ тые слова:

Я Матфей Токаревскій, возный воеводства Берестейского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ двадцать девятомъ мѣсеца Априля шестьнадцатого дня, маючи при собѣ стороною двохъ шляхтичовъ, пана Томаша Скредневского а пана Яна Липовского, съ которыми былъ есьми взятый отъ свещеника Телятицкого Терентія Голадовского на огледанье зраненья малжонки Настасіи Ляховское и дочки его. Гдѣ за оказаньемъ, видѣлемъ на малжонцѣ свещениковой на твари рану синюю и на руцѣ правой надъ локтемъ рану синюю спухлую, а на дочцѣ его на плечахъ ранъ двѣ синихъ. Которое тое збитье свое меновали собѣ быть сталое въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ двадцать девятомъ, мѣсеца Апрѣля пятого дня, отъ пани Яновое Красуское, слугъ и подданыхъ ее за кгвалтовнымъ найстьемъ зъ вѣдомостью ихъ самого пана Красуского и тотъ повѣдалъ свещенникъ, ижъ еще и отъ повѣдь на здоровье его, малжонки и маетность его учинилъ, кгды се ему скаржилъ, о чемъ ширей въ протестаціи есть описано и доложоно. А такъ я возный, штомъ слышалъ и видѣлъ и о чогомъ добре свѣдомъ, даломъ тотъ мой квитъ съ печатью и съ подписомъ руки моее и съ печатьми стороны шляхты, при мнѣ будучое, ку записанью до книгъ кгродскихъ Берестейскихъ. Писанъ, року, мѣсеца и дня звышписаного. Которое-жъ то сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

1629 г.

Изъ книги за 1629 г. стр. 867—869.

95. Жалоба Флоріана Курейши урядника Льва Сапѣги на урядника Адама Козловскаго о наѣздѣ послѣдняго на село Сычи, израненье крестьянъ и разогнанье ярмарки.

Лѣта Божого Нароженья тысечашестьсотъ двадцать девятого, мѣсеца Іюня семого дня.

Прислалъ на врадъ кгродскій Берестейскій, до мене Теодора Букрабы— подстаростего Берестейского, урожоный панъ Флоріянъ Курейша—слуга и намѣстникъ ясневельможного его милости пана Леона Сапѣги—воеводы Виленского, гетмана великого князства Литовского, Берестейского и Могилевского, ижъ самъ отъ себе и именемъ подданыхъ его королевское милости ключа Рѣчицкого, оповѣданье свое на письмѣ ку записаню до книгъ врадовыхъ подалъ въ тые слова:

Mości panie urzędzie grodzki Brzeski! Ja Floryan Kureysza—sługa y namiestnik iaśnie wielmożnego iegomości pana Leona Sapiehy—woiewody Wileńskiego, hetmana w. x. Lit., Brzesckiego y Mohilewskiego, wielkiego starosty Rzeczyckiego, sam od siebie y imieniem poddanych i. k. mści klucza Rzeczyckiego, z sioła Syczów, na ymię Tymofiia Sinkowicza, Jarmosza Macieiewicza, Hryca Sołowicza y Siły Sołowicza, do wiadomości waszmości urzędowey donoszę y protestuię się na urzędnika wielmożnego iegomości pana Alexandra Korwina Gąsiewskiego—woiewody Smoleńskiego, starosty Pińskiego y Wileńskiego, Szczytnickiego, na ymię Adama Kozłowskiego, który nie poglądaiąc nic na srogość prawa pospolitego, na pokaranie każdey swey woley opisanego, a wzruszaiąc pokóy pospolity, który iegomość pan woiewoda Smoleński z iegomością panem woiewodą Wileńskim panem moym y między poddanymi króla iegomości pana woiewody Smolenskiego uspokoyć y zastanowić raczyli, w roku teraznieyszym tysiąc sześćset dwudziestym dziewiątym, miesiąca Junii czwartego dnia, w dzień Przenayświętszey Tróycy. russkiego święta, na kiermasz przyiechawszy, pomieniony pan Kozłowski, z synem swoim panem Andrzeiem Kozłowskim, z sługami y pomocnikami swemi do wsi Syczów, poddanych i. k. mści. dzierżawy iegomości pana woiewody Wileńskiego, pana mego miłościwego, Syczewskich, imiony wyż mianowanych, z synem swym pomienionym, z sługami y pomocnikami swemi, okrutnie posiekł y poranił, drugich płazami, szablami pobił y poranił y kiermasz rozegnał, gdzie z sioła ludzi myta niedawawszy, rozbieglisię y szkodę w skarbie i. k. mści tym niemałą uczynili. Z którym urzędnikiem iego mości pana woiewody Smoleńskiego panem Kozłowskim ku dowodzie sprawiedliwości u iego mości pana woiewody Smoleńskiego iego mości panu woiewodzie Wileńskiemu, panu memu miłościwemu, zachowuiąc wolne prawo, tę protestacyą moią do urzędu waszmość donoszę y proszę, aby przyięta y zapisana była.

При которомъ оповѣданю тутъ же ставши на врадѣ и возный воеводства

Берестейского Янъ Рожицкій, квитъ свой реляційный очевисто призналъ и ку записанью до книгъ врадовыхъ подалъ въ тые слова:

Ja Jan Rożycky—woźny woiewodztwa Brzeskiego zeznawam tym moim relacynym kwitem, yż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym dziewiątym, miesiąca Junii szóstego dnia, maiąc ia przy sobie stronę dwuch szlachciców pana Pawła Kulnia a pana Hrehora Bosiackiego, z którą tą stroną szlachtą byłem wzięty na sprawę od podstarościego Rzeczyckiego, sługi iaśnie wielmożnego iegomości pana Leona Sapiehy—woiewody Wileńskiego, hetmana w. x. Lit., Brzeskiego y Mohilewskiego, wielmożnego starosty pana Floryana Kureyszy do folwarku Rzeczyckiego, tam że w tym folwarku, za okazaniem poddanych i. k. mści z sioła Syczów, na ymie na Jarmoszey Macieiowi widziałem na ręce prawey niżey łokcia rana szkodliwa cięta, na plecu lewym ran ciętych szkodliwych trzy, na Timoszu Sinkowiczu na ręce prawey na zapiaściu rana cięta, na Hrycu Sołowiczu widziałem w głowie rankę niewielką ciętą, ale że czapka była, nieszkodliwie zranił, a na Sile Sołowiczu widziałem na plecach ranę ciętą przez siermięgę y przez kaftan. Które te zbicie y zranienie swe poddany króla iegomości mienili być stałe w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset dwudziestym dziewiątym, miesiąca Junii czwartego dnia, za naiechaniem gwałtownym na wieś ych Sycze od urzędnika wielmożnego iegomości pana Alexandra Korwina Gąsiewskiego—woiewody Smoleńskiego, Pińskiego y Wieliżskiego starosty, od pana Adama Kozłowskiego, syna iego, sług y pomocników iego, iako szyrzey y dostateczniey na protestacyi pana Kureyszy iest opisano. I na to ia woźny z tą stroną szlachtą ku zapisaniu do xiąg grodzkich Brzeskich zeznania mego dałem ten móy relacyiny kwit z pieczęćmi strony szlachty przy mnie będącey. Pisan w Brześciu, roku, miesiąca y dnia zwyż pisanego. Которое-жъ то сознанье возного помененого до книгъ врадовыхъ есть записано.

II.

АКТЫ БРЕСТСКАГО ПОДКОМОРСКАГО СУДА.

1586 г.

Изъ книги Брестскаго подкоморскаго суда за 1584—1595 годы, стр. 51—55.

1. Листъ короля Стефана, выданый подкоморіямъ, о разрѣшеніи спора между королевскими крестьянами и сосѣдними о поземельной собственности.

Лѣта Божого Нароженья 1586, мѣсеца Марца 24 дня.

За власнымъ розсказаньемъ его королевское милости, пана нашого милостивого, черезъ листъ коммисейный, съ подписомъ руки его королевское милости и за двѣма печатьми господарскими, то-есть короля польского и великого князства Литовского, до насъ обудву подкоморихъ выданымъ, который листъ господарскій въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маетъ:

Stefan, z Bożey łaski król polski etc. Urodzonym Wacławowi Uhrowieckiemu—Chełmskiemu, Mikołaiowi Pacowi—Brzeskięmu podkomorzym, wiernie nam miłym łaskę naszę królewską. Urodzeni, wiernie nam mili! Wyrozumieliśmy ze skarg poddanych naszych, że u Orechowa starostwa Brzeskiego, dzierżawy wielmożnego Ostafia Wołowicza—kasztelana Wileńskiego, kanclerza wielkiego xięstwa Litewskiego, Brzeskiego, Kobryńskiego, naszego starosty, także ze wsi Batczan, starostwa Liubomskiego, dzierżawy urodzonego Stanisława Krasickiego—oboźnego naszego, starosty Liubomskiego y Zoliemowskiego, że się ci poddani nasze z obu stron w grunty do tych przynależne wdzieraią, sianożęci y drzewa bartne odeymuiąc, zaczepki też, naiazdy, gwałty y morderstwa między nimi dzieią, co my chcąc znieść y uspokoić .... *), o których wierze, baczeniu y w obwarowaniu rzeczy dzielności dobrze rozumiemy, póki kommisarze główni z seymu walnego ku rozgraniczeniu państw wysłani będą do tych praw zlecić, żeśmy umyślili, iakoż zliecami tym listem naszym, one ku temu rewizory naszymi naznaczamy, rozkazuiąc, żebyście się porozumiawszy z sobą w tydzień po Trzech Królach w roku tym przyszłym albo ieśliby to na ten czas być mogło, tedy y inszy potym dzień pewny y czas naznaczywszy do pomienionych wszy na to miesce, o które różnica iest, społem ziachali

*) Въ подлинникѣ пропускъ.

y przyzwawszy obódwu stron dobrze się im przesłuchawszy y wywiedziawszy, rzeczy pewny o używaniu dawnym tych tam gruntów naszych od ludzi starych tamecznych przypatrzywszy się sami pilnie, tym różnicę one zastanowiły y według starodawnego używania znakami, iednak nie granicznymi, iako która wieś tego gruntu naszego pomienionego używać ma, oznaczyli; a strony krzywd, które sobie ci poddani naszy po ten czas y zobopólnie poczynili, abyście sprawiedliwość słuszną, dostateczną y któraby się z prawem zgadzała uczynili. Co uczynicie wierność wasza z powinności swey dla łaski naszey. Dan w Grodnie, dnia dziewiątego miesiąca Grudnia, roku Pańskiego 1585, panowania naszego roku dziesiątego. Stephanus rex. Z liecenia własnego króla iego mości.

1586 г.

Изъ книги Брестскаго подкоморскаго суда за 1584—1595 годы, стр. 51—55.

2. Подкоморское опредѣленіе по спорному дѣлу о границахъ между Шатчанами и Орѣховцами.

Лѣта Божого Нароженья 1586, мѣсеца Марца 24 дня.

Передо мною Венцлавомъ Угровецкимъ—подкоморимъ Хелмскимъ, а передо мною Миколаемъ Пацомъ—подкоморимъ земскимъ воеводства Берестейского, ревизорми отъ его королевское милости выслаными, точилася тая справа нижейписаная въ розницахъ подданыхъ господарскихъ великого князства Литовского, села Орѣхова съ поддаными господарскими Короны Польское, зъ села Шацка, также тымъ Шатчаномъ зъ Орѣховцами при бытности на тотъ часъ зъ нами на той справѣ людей зацныхъ, зъ стороны Короны Польское, его милости пана Якуба Слонковского, пана Станислава Сеницкого, пана Миколая Волчка, пана Станислава Хмѣля и пана Якуба Добринского—подстаростего Любомского; а зъ стороны великого князства Литовского его милости пана Василія Горновского—судьи кгродского Берестейского, пана Василья Кирдея Гречины—писара земского Пинского и пана Григорья Кулня Ходиницкого—писара подкоморского Берестейского, пана Олекшого Рожчича Зберозского и пана Олександра Стокарского и возного повѣту Берестейского *) Пресмыцкого. Напервей жаловалъ передъ нами инстикгаторъ его королевское милости великого князства Литовского панъ Янъ Каменецкій,именемъ подданыхъ господарскихъ староства Берестейского вельможного пана его милости пана Остафія Воловича—пана Виленского, канцлера в. кн. Литовского, старосты Берестейского и Кобринского, зъ села Орѣхова, на име Сая Кунечича, Гриня а Олисея Желевичовъ, Климка Сергуновича, и отъ иншихъ потужниковъ ихъ, на всихъ подданыхъ господарскихъ зъ

*) Пропущено имя.

села Шацка, староства Любомского, съ Короны Польское, державы вельможного его милости пана Станислава Красицкого — обозного его королевское милости, старосты Любомского и Болемовского о томъ, ижъ дей тые Шатчане, не вѣдати для которое причины, частокроть способляючисе всѣ сполне съ помененымъ паномъ Якубомъ Добринскимъ — подстаростимъ Любомскимъ и зъ иншими многими помочники своими и зъ розными бронями на властный кгрунтъ ихъ Орѣховскій, за границу стародавную, ихъ дей самыхъ бьютъ, мордуютъ и кгвалты, бои, грабежи имъ чинятъ, жита на поляхъ побиваютъ и палятъ, боры, сѣножати и дерево бортное забираютъ, ку великой кривдѣ и шкодѣ ихъ. А зъ стороны подданыхъ господарскихъ Шатчанъ, при бытности ихъ самыхъ, подстаростій Любомскій панъ Якубъ Добринскій и панъ *) Бродовскій, менуючи тѣжъ отъ Орѣховцовъ Шатчаномъ въ забиранью бору, сѣножатей и дерева ихъ бортного, черезъ границу ихъ дей стародавную, кривды, грабежи и шкоды не малые, домовялисе, абы имъ первей границу выводити сказано. А Орѣховцы также первей границу свою выводити допиралисе, зачимъ споръ не малый межи собою мѣли. А такъ мы ревизорове казалихмо Шатчаномъ первей границу ихъ Шацскую выводити. Потомъ за разомъ панъ Добринскій и панъ Бродовскій и вси подданые Шацкіе, маючи при собѣ ку доводу свѣтковъ человѣка осьмнадцати — Любомскихъ и постороннихъ людей, бо дей въ правѣ коронномъ и своими сусѣды околичными и потужниками, не только людьми обчими доводити есть вольно, а ставши зъ нами на концу озера Орѣховского, отъ Песца, отъ гайку Березового, отъ краю могло быть съ четверо стрѣленья, оповѣдалисе, ачъ кольвекъ дей зъ озера вземши теперь пету границы зачинаютъ, але дей тамъ еще далей за озеромъ, отъ бору, врочищомъ отъ Кобрылки, граница Коронѣ польской зъ князствомъ Литовскимъ быти маетъ. Але ижъ дей тамъ еще непевно, прето вземши пету границы зъ самого озера, шли просто озеромъ Орѣховскимъ до болота, которое надъ озеромъ, а тымъ болотомъ до рову, который копанъ отъ млынца Орѣховского для спаданья воды у возеро, менуючи по правѣ усе кгрунты Короны польское, а по лѣву великого князства Литовского, ку Орѣхову онымъ ровомъ и болотомъ, привели просто до рѣчки и ку млынцу Орѣховскому, оставуючи млынецъ по праве у кгрунтъ Шацкій коронный, и повѣдили, ачъ кольвекъ дей млынецъ Орѣховскій, але кгвалтомъ побудованый на кгрунтѣ Шацкомъ, бо дей про мыту на томъ ставку отъ соли и иншихъ речей купецкихъ до Любомля бирано отъ килька лѣтъ, а противъ тогожъ млынка знаки бортные Шацкіе въ соснахъ бортныхъ въ бору вказывати и тымъ держанья своего доводити бралися. Якожъ вземши насъ вели за тотъ млынецъ Орѣховскій въ боръ, отъ млынка могло быть зъ осьмеро стрѣленья зъ луку, вдаючисе ку Шацку, и выкололи въ соснѣ бортной знакъ, бортный Шатскій, и повѣдели, же се дей то значитъ держанье Шацкое дерева бортного и бору. А отъ сосны вернулисе назадъ до млынца Орѣховского, отъ того млынца вели насъ подъ село Орѣховское, а отъ села Орѣховского вели насъ дорогою ажъ до мостка, отъ Орѣхова зъ милю, менуючи тотъ мостокъ

*) Имя пропущено.

границою Шацку зъ Орѣховомъ, оставуючи по праву кгрунтъ до Коруны польское, а по лѣву до Литвы. Нижли панъ Каменскій и Орѣховцы тотъ мостокъ властнымъ Орѣховскимъ, для пашни Орѣховцомъ на болотѣ збудованый быть меновали, а границы дей Шацкое въ томъ мостку нѣтъ. Отъ того мостка вели насъ до горы Пилиховое, а отъ Пилиховое до Лысое горы, и тутъ вжо другую пету границы своее скончили. А тамъ далей за горою кгрунту Ратенскому, Шацкому и Орѣховскому границы быти мѣнили, и вышедши тамъ границу домовялисе, абы свѣтки ихъ слуханы, а кгрунтъ увесь по правей при Коронѣ польской, а по лѣву до великого князства Литовского зоставленъ былъ. На то панъ Янъ Каменскій и Орѣховцы повѣдили: ижъ дей Шатчане не зъ кгрунту, яко есть звычай, доводу границъ чинити, але зъ озера властного Орѣховского, въ староствѣ Берестейскомъ лежачого, стоечи на водѣ пету границы зачали, а знаку никоторого, пали, ани копца — на озерѣ не оказали, и вели середъ кгрунтовъ Орѣховскихъ ку великой шкодѣ ихъ, не менуючи знаковъ граничныхъ въ деревѣ, ани копцовъ на землѣхъ, только словне, своимъ кгрунтомъ быти меновали, бо дей тотъ млынецъ и мостокъ и горы въ кгрунтѣ Орѣховскомъ зъ давныхъ часовъ лежатъ и досыть дей не слушная и овшемъ речь вонтпливая есть, абы за такими неслушными и непевными знаки Корона польская зъ великимъ князствомъ Литовскимъ кгрунты держати мѣла, и домовялисе, абы тежъ имъ знаки граничные выводити допущоно, хотечи ихъ значней и слушней водле права довести и оказати. А ижъ се дня сегоднешнего спознило, теды есьмо до дня завтрешнего и вторка для лепшого зрозуменья своего Орѣховцомъ ихъ границы выводити сказали. Которые ставши на завтрей на врочищу въ Перевѣсахъ, маючи тежъ при собѣ ку доводу двадцать и осьмь человѣка сусѣдъ околичныхъ, подданыхъ земянъ повѣту Берестейского и волости Ратенское, такъ границу свою выводили. Напервей взели и меновали быти пету стародавное границы своее Орѣховское, Шацкое и третему селу Пещу тамъ на врочищу помененомъ у Перевѣса, оказали копецъ, знакъ старый, на немъ дубокъ выросъ; за тымъ копцомъ у двохъ дубѣхъ знаки граничные крижи, а за копцомъ троха далей, на двои стаи ку Орѣхову идучи, у двохъ соснахъ великихъ зъ обудву боковъ знаки старые граничные; тамъ далей, отъѣхавши троха, у пни сосновомъ великомъ сухомъ, оказали грани зъ обу стронъ, выжжоные дей отъ Шатчанъ; отъѣхавши тамъ далей съ четвери стаи, оказали грани иншіе цѣлые, а другіе выкажоные; отъѣхавши далей, тамъ же въ Перевѣсахъ гоновъ съ четвери, въ сухой соснѣ зъ обу сторонъ грани старые цѣлые оказано тамъ за слушные знаки признано, тамъ же въ Перевѣсью надъ рѣчкою Оремъ и болотомъ, знаки граничные въ соснѣ сырой на обудвухъ сторонахъ и тамъ признано знакъ слушный; отътоль идучи до лѣска Ольховото, у въ угли надъ болотомъ, на одны стаи отъ тое сосны, будучой зеленой сосны грани отъ тое сосны недалеко на полъ стаи грани надъ болотомъ же отъ тое сосны на стаи у дубѣ въ кутѣ Перевѣсья, надъ болотомъ грани старые зъ обудву боковъ, тамъ же не далеко у двохъ дубѣхъ въ кутѣхъ на остатку Перевѣсья надъ болотомъ знаки граничные зъ обудву боковъ оныхъ дубовъ, тамъ же въ кутѣ въ дубѣ грани зъ обудвухъ

боковъ выколото глубоко, але предъ се крижи знать, же есть глубоко; отъ толь идучи черезъ болото просто отъ оныхъ знаковъ до лѣска Ольхового на болотѣ Перевѣскомъ копецъ старый, а на немъ ольха старая отъ бури зломлена, знати знаки въ ней граничные были, тамъ же въ ономъ лѣску подле того копца у трохъ ольхахъ знаки граничные старые вырубаные; тамъ далей болотомъ идучи привели до другого лѣска за Мошна середъ болота Перевѣсья, тамъ показаны знаки старые, зарослые у дубѣхъ зъ обудвухъ боковъ, теперь передъ нами выколоты, а въ концу того лѣска копецъ — старый великій, лозою и вербою обросъ и березина на немъ и теперь стоитъ; отъ того лѣска идучи болотомъ у должъ до Мошна верхъ озера Шацкого Мошна на борку у вси знакъ граничный передъ нами колотъ, але не найденъ; оттоле пришедши у Мошна на островку въ дубѣ великомъ старомъ знакъ граничный старый вырубанъ, тамъ же у Мошна у двохъ соснахъ знаки у въ одной вытесано, а въ другой выпалено; отъ толь идучи черезъ болото надъ тиневыми въ дубѣ великомъ знакъ гранный, тамъ же не далеко одъ дуба въ соснѣ великой, верху тиневы, зъ обудвухъ боковъ знаки граничные вытяты и выпсованы; отъ толь идучи болотомъ, середъ того болота верхъ тиневыхъ знакъ выпеслый, и менили быти старый копецъ Орѣховскій, березиною великою и лозою оброслый; въ коло взявши отъ того копца ѣхали есьмо болотомъ и рѣкою Оремъ, межи лѣсы до врочища Побійконя и до дуба, тамъ въ тыхъ мѣстцахъ топкихъ, ледве есьмо переѣхати могли, и въ ономъ дубѣ знакъ граничный быть менили, вшакже не вытинано отъ того дуба для спозненья и лихихъ не перебитыхъ болотъ вернулихмосе назадъ до Орѣхова. Але вжо третего дня въ середу панъ Янъ Каменскій и панъ Бродовскій за зесланьемъ нашимъ дославши и огледавши остатка границъ Орѣховскихъ сознали, ижъ далей до Выдерки межи середніе лѣски одъ середнихъ до Козиныхъ загородъ, отъ загородъ до Бабьего лѣску и до копцовъ двохъ, вжо далей пошла граница Ратенская зъ Орѣховцы, гдѣ спору Шатскимъ людемъ нѣтъ, тамъ одинъ копецъ верху Чернца, лозою, вербою и березинами великими оброслый, отъ котораго копца по правей кгрунтъ Шацкій, а по левѣ Орѣховскій; а подъ Бабьимъ лѣсомъ копецъ другій на болотѣ, который лозою и вербою обросъ есть, по серединѣ того копца паль осеновая, знакъ въ томъ палю бортный Ратенскій, а другій Орѣховскій, тотъ копецъ возный Хелмскій Петръ енералъ а Андрей Лазаровичъ зъ Залѣсъ, подданыи Ратенскіи, признали копцомъ Орѣховскимъ; за тымъ ужо копцомъ кгрунтъ залѣскій Ратенскій, тамъ вжо далей спору Шатчане зъ Орѣховцы не маютъ. И по оказанью тыхъ границъ, менуючи ихъ быти слушнѣйшихъ и водле права оказаныхъ, панъ Янъ Каменскій домовлялся именемъ подданыхъ господарскихъ Орѣховскихъ, абы они съ тыми свѣтками ихъ, ку доводу и присезѣ припущоны, а притомъ у семъ кгрунтѣ отъ оныхъ знаковъ граничныхъ по левѣ ку селу Орѣховскому зоставлены были, бо дей зъ стороны Короны польское границъ такъ значныхъ и певныхъ копцами и крижами въ деревѣ не показали, только дей голыми словы границы собѣ доводили, а письмомъ, ани реестрами ревизорскими, ани иншими знаки слушными того не подпирали. На то панъ До-

бринскій и панъ Бродовскій именемъ Шатчанъ повѣдили, же дей то все знаки досыть неслушные Орѣховцы ку помощи своей у власномъ дей кгрунтѣ Шацкомъ показуютъ на болотехъ копцы старые, безъ обрубувъ одержатисе дей не могутъ, якожъ дей и тростина на инщихъ копцахъ мало значныхъ, такъ яко и на болотѣ понаростала, а тыхъ крыжовъ въ дубѣхъ и въ соснахъ не вѣдати дей хтожъ имъ ку помочи надѣлалъ, чого письмомъ ревизорскимъ, ани иншимъ дей слушнымъ доводомъ не подпираютъ. Въ чомъ споръ не малый обоя сторона черезъ килька дней передъ нами зъ собою вѣдучи домовялисе, абыхмо ихъ кождую сторону при кгрунтахъ водле обводу границъ заставили и въ держанье имъ подали. А такъ мы, выслухавши жалобы и отпору ихъ обѣюхъ сторонъ, а намовившисе въ томъ и зрозумѣвши той справѣ достаточне, а прихиляючисе во всемъ воли и росказанью его королевское милости и праву посполитому, а видечи то, ижъ королевская милость тые кгрунты пенные межи селы своими поменеными Шацкомъ и Орѣховомъ не знаки граничными, але до зъѣханья ревизоровъ головныхъ, зъ сейму вального высланыхъ, намъ успокоити, имъ въ держанье подати росказати рачилъ; и хотяжъ зъ обудвухъ сторонъ при оказанью знаковъ граничныхъ свѣтки водле права передъ нами ку доводу ставлены были, вѣдь же зглядомъ того, же се то черезъ головныхъ ревизоровъ поправити, альбо тежъ и скасовати можетъ, съ тыхъ причинъ, не слухаючи свѣдецтва зъ обу сторонъ и не чинечи границъ тыми врочищами, куды они обводили, але знову безъ великое шкоды обудвухъ селъ Шацка и Орѣхова до зъѣханья головныхъ комисаровъ, такъ есьмо межи ними то успокоити и вчинивши знаки ростесы новые, тые кгрунты обудву сторонамъ ку уживанью роздали: почевши отъ початку болота моего Венцлава Угровецкого Песоцкого, зъ берегу болота отъ Орѣхова, бо тое болото обадва берега межи борами всѣ подданые господарскіе Берестейскіе Орѣховцы передо мною Миколаемъ Пацомъ признали быти его милости пана Венцлава Угровецкого; на што особливое сознанье отъ мене у его милости есть также и ото мха, гдѣ впала дорога зимняя въ болото до Песка, тамъ надъ болотомъ у бору на Пескѣ въ семи соснахъ крижи чинены; отъ толь простымъ трибомъ знаки натесы положоно, ажъ до дуба и врочища Побій-коня, гдѣ се на копы люди съ Короны и зъ Литвы сходити звыкли, то-есть отъ того болота до Побій-коня натесы въ деревѣ тыми врочищами идутъ верхъ дубровокъ у лѣска; отъ толь болотомъ Тиневскимъ, берегъ лѣса Унча, просто до того дуба врочищомъ Побій-коня, оставуючого лѣсъ Унче до Шацка зъ боромъ и деревомъ бортнымъ и съ польми, а до Орѣхова болото и боръ съ полями, надъ тымъ болотомъ и зъ деревомъ бортнымъ почевши отъ того дуба идетъ кгрунтъ Орѣховскій до Выдерки, до Кориныхъ загородъ и до Бабьего, до заднихъ копцовъ вышейменованыхъ. А такъ отъ тыхъ знаковъ и стѣнки теперь новоположоное увесь боръ зъ деревомъ бортнымъ и зъ пчолами и пробками Шацкими при Орѣховцахъ ку селу и млынцу ихъ Орѣховскому зоставуемъ и въ держанье подаемъ, а на другой сторонѣ тыхъ же знаковъ и за тою стѣнкою ку Шацку также увесь боръ зо пчолами и пробками Орѣховскими при Шатчанахъ зоставуемъ и

въ держанье подаемъ. И вжо Орѣховцы въ Шацкое, а Шатчане въ Орѣховское за тые знаки и за стѣнку теперь новоположоную уступу жадного въ боръ и до бортей чинити, ни пробокковъ новыхъ дѣлати не мають до выѣханья головныхъ комисаровъ, подъ закладомъ на его королевскую милость и на державцу стома рублями грошей. Вѣдь же естли на который пробокъ, то-есть на старое поле Орѣховское, альбо Шацкое стѣнка, альбо трибъ теперешній новый прійдетъ, теды и за трибомъ теперешнимъ новымъ старые поля, пробоки свои Орѣховцы, также и Шатчане кождый своего поля старого только около трибу уживати маетъ, а большей за трибомъ проробливати и за новый трибъ обудву сторонамъ уступовати не вольно. А ижъ за тою стѣнкою новою у кгрунтѣ Шатскомъ жита Орѣховскіе въ оной пенѣ первей есть засѣяны, теды жито свое засѣяное Орѣховцы зъ кгрунтовъ Шацкихъ въ року осьмьдесятъ шестомъ знемши, кгрунтовъ, которые далеко за трибомъ новымъ есть, Шатчаномъ уступити мають; а панскіе быдла Орѣховцомъ его милость панъ Угровецкій и Шатчане въ бору и на болотѣхъ за трибомъ и знаками новыми, теперь положоными, завжды на часъ пришлый уставичне на кгрунтахъ своихъ передо мною Миколаемъ Пацомъ, подкоморымъ Берестейскимъ, вольно мѣти позволити, водле стародавного обычаю, лечь безъ чиненья шкоды сѣножатемъ и збожу лете. А што се дотычетъ кгвалтовъ, боевъ, грабежовъ, подранье пчолъ и инщихъ многихъ шкодъ Орѣховскихъ и Шатскихъ, которыхъ собѣ зъ обу сторонъ не мало быти менуютъ, на што и выписы врадовне передъ нами покладали, то есьмо зоставили при зуполной моцы до выѣханья головныхъ комисаровъ, зъ сейму высланныхъ, которые зъ великимъ князствомъ Литовскимъ и о тые шкоды всѣ обудву сторонамъ скутечную справедливосьть чинить мають, а тымъ шкодомъ жадная давность для причины вышеймененое обудву сторонамъ шкодити не маетъ. Што для памети до книгъ подкоморскихъ воеводства Берестейского есть записано.

1592 г.

Изъ книги за 1584—1595 годы, стр. 164—166.

3. Подкоморское опредѣленіе о вознагражденіи архимандрита Кобринскаго Спасскаго монастыря Іоны Гоголя землею и денежною суммою за монастырскую землю, которою пользовались земяне Именинскіе.

Лѣта Божого Нароженья 1592, мѣсеца Сентября 12 дня.

Передо мною Миколаемъ Пацомъ— подкоморимъ земскимъ воеводства Берестейского, ставши очевисто и добровольне земяне повѣту Берестейского панъ Олехно Ждановичъ, панъ Петръ Якубовичъ, самъ отъ себе и именемъ сыновъ своихъ Яна, Лукаша, Балтромея и Павла, а Станиславъ и Петръ

Павловичи Именинскіе, а отъ пана Каспора Чановицкого врадникъ его именинскій Криштофъ Качановскій и панъ Федоръ Глядъ сознали то сами добровольне, ижъ што въ року прошломъ тысеча пятсотъ деветдесятомъ, мѣсеца Іюня шостого дня, забрано кгрунту монастыра Кобринского церкви Светого Спаса отъ архимандрита отца Іоны Гоголя помѣрою черезъ урядъ мой подкоморскій уволоки до имѣнья пановъ Именинскихъ Именина, а ижъ еще и до сего часу за то отмѣны ему отцу Іонѣ черезъ два годы отъ пановъ Именинскихъ не дано было, о што не молчечи помененый архимандритъ въ суду земского Берестейского съ паны Именинскими правомъ чинилъ, а судъ земскій, яко о добра церковные, власной оборонѣ господарской належачіе, не кончечи тое справы въ суду своего, отослалъ то на коммиссію до его королевское милости, за чимъ теперь и мандатомъ вси панове Именинскіе до его королевское милости отъ отца Іоны ку росправѣ въ той речи есть заложоны, яко ширей и меновитей тая вся справа ихъ есть письмомъ варована. Теды панове Именинскіе, забѣгаючи тому, абы оная справа ихъ остростью правною межи ними обѣма сторонами кончона не была, сами добровольне вѣчистую вгоду зъ отцомъ архимандритомъ Кобринскимъ въ той всей речи передо мною подкоморимъ принели. А зъ стороны пана Каспора Чановицкаго тотъ урядникъ его Качановскій и панъ Федоръ Глядъ, маючи до тое всее справы моцъ завѣроную и слушное злеценье къ тому, за написанемъ властное руки пана Чановицкого до мене подкоморего и до Олехна Ждановича на скутечное и вѣчистое скonченье тое всее справы, также вѣчистую угоду именемъ пана Чановицкого тежъ принели такимъ способомъ: ижъ што отецъ Іона менилъ собѣ того кгрунту своего церковного быти забраного на бочокъ шестьнадцать засѣянья, а особно шкодъ за невживанье того кгрунту черезъ лѣтъ двѣ ажъ до сего часу, жита копъ двѣстѣ, а накладовъ правныхъ сорокъ копъ грошей литовскихъ, нижли ижъ панове Именинскіе только до осьми бочокъ кгрунту забраного монастырского призналисе, а отъ шкодъ менованыхъ зъгола безъ отводу вольны быти хотѣли. Нижли, ижъ се то значне показано, же черезъ двѣ лѣте кгрунту монастырского вси они вживали, не давши за то отмѣны отцу Іонѣ, о што онъ зъ ними право ведучи до накладу и шкоды прійти муселъ. Што се зъ листовъ и доводовъ правныхъ, теперь отъ отца архимандрита значне передо мною показало; теды я подкоморый, за зезволеньемъ и прозьбою ихъ обѣюхъ сторонъ, а на большей зъ стороны зачатья тое всее справы первей сего передъ судомъ моимъ подкоморскимъ, а што большая безъ ображенья сумненья ихъ обѣюхъ сторонъ, не слухаючи я доводовъ, ани отводовъ ихъ обѣюхъ сторонъ, такемъ то межи ними обѣма сторонами вѣчне застановилъ: же пана Каспора Чановицкого, который имѣнья Именинского чотыри части держитъ, подаломъ отцу Іонѣ кгрунту его власного, нижли далеко подлѣйшого отъ того кгрунту забраного монастырского морквовъ шестьнадцать, а отъ пановъ Именинскихъ моркговъ чотыри, то есть всего моркговъ двадцать въ застѣнку при стѣнѣ мѣстской Кобринской и при другой стѣнѣ Легатовской, при концу Старомъ, якожъ около тыхъ двадцати моркговъ знаки граничные въ чотырехъ мѣстцахъ знову есть теперь подѣланы,

чинечи нагороду большей кгрунтомъ подлѣйшимъ за кгрунтъ далеко лѣпшій, забраный монастырскій, а зъ стороны шкодъ, то есть панъ Чановицкій отцу Гоголю съ чотырохъ частей своихъ жита маетъ дати копъ сорокъ, а грошей за наклады правные копъ дванадцать. Тому всему рокъ отданью отъ пана Чановицкого въ монастырѣ Кобринскомъ по сконченью сейму теперешнего Варшавского въ року деветьдесятъ второмъ, за двѣ недѣли. А панове Именинскіе съ пятое части своее теперь заразомъ отцу Гоголю дати маютъ жита копъ десять а грошей готовыхъ копъ чотыри литовскихъ, якожъ особливую квитанцію, яко панъ Чановицкій, такъ и панове Именинскіе, на вызволенье себѣ зъ мандату и зо всее тое справы и на вчиненье досыть за шкоды отъ отца Гоголя собѣ одержати маютъ. Што все для памети до книгъ подкоморскихъ воеводства Берестейского за позволеньемъ и прозьбою ихъ обѣюхъ сторонъ есть записано.

1594 г.

Изъ книги за 1584—1595 годы, стр..200

4. Подкоморское опредѣленіе на добровольный подѣлъ поземельной собственности между разными лицами.

Лѣта Божого Нароженья 1594, мѣсеца Сентебра 26 дня.

Передо мною Миколаемъ Пацомъ—подкоморымъ земскимъ воеводства Берестейского, за декретомъ земскимъ и за позвомъ моимъ подкоморскимъ сталсе ровный и вѣчистый дѣлъ во имѣнью Лепесовичахъ и въ другомъ имѣнью въ Лѣскове и въ Туличахъ, у воеводствѣ Берестейскомъ лежачихъ, земенину воеводства Берестейского пану Станиславу Вербовскому и малжонцѣ его панѣ Ядвизѣ Немстянцѣ въ особѣ земянина повѣту Берестейского пана Романа Верещаки и малжонки его пани Ганны Есковны Буховецкое, отъ которыхъ то панъ Вербовскій и малжонка его вѣчностью и заставою за певную сумму пенезей не мало кгрунтовъ и людей во имѣньяхъ помененыхъ мали тое съ паномъ Григорьемъ и съ паномъ Гавриломъ Сушками Лепесовицкими и съ потомками небощика Станислава Яновицкою съ пани Татьяною Семеновною Рожицкою, также съ потомками небожчика Каспора и Давида Ивановичовъ. А кгды оные имѣнья вышейменеными через мѣрниковъ—Миколая Гляда и Яна Закревского змѣрены и на реестра списаны были, тегды се съ помѣры показало и знашло кгрунту оремого и неоремого, гаевъ и зарослей, зъ сѣножатьями во имѣнію Лепесовичахъ, всего волокъ сорокъ пять, то дѣлечи на полъ, а отложивши пану Григорью и пану Гаврилу Сушкомъ и вчасникомъ ихъ, водле права ихъ листовного, половицу, то-есть волокъ двадцать двѣ, моркговъ петнадцать, осталосе на другую половицу пану Станиславу Вербовскому и малжонцѣ его зъ участниками его на пять частей

Ивановскую, Давыдовскую, Федоровскую, Семеновскую и Касперовскую, такъ же волокъ двадцат двѣ, моркговъ петнадцеть. А ижъ панъ Вербовскій оказалъ право слушное на письмѣ на першую часть Ивановскую, зешлого архимандрита Кобрынского, одно право на вѣчность, а другое на заставу, а на другую часть Федоровскую вѣчность купна, а засъ оказавъ тежъ вѣчность купна отъ Офанаса Бобра и жоны его Раины Каспоровны въ части Каспоровской, всю часть, што имъ въ Лепесахъ и въ Чуцевичахъ мѣти належало, теды се пришло и подано въ держанье пану Вербовскому и малжонцѣ его съ теперешнего вѣчистого дѣлу, на части Офанасовскую и Федоровскую и на половицу части Каспоровское, отъ Бобра и малжонки его купленную Лепесовицкомъ; кладучи на каждую часть по волокъ чотыри моркговъ петнадцать, чинитъ пану Вербовскому всего волокъ одинадцать, моркговъ семь, прутовъ петнадцать. А особно кгрунту закупного отъ небощика Яна Узловского съ части Каленицкого Околова есть подано пану Вербовскому въ Лепесовичахъ за однимъ листомъ на чотырнадцать копъ грошей Литовскихъ, за другимъ листомъ на копу грошей, за третимъ на двѣ копе грошей, также веле, яко передъ тымъ панъ Вербовскій кгрунтъ въ заставѣ держалъ до отданья тое сумы пенезей безъ року отъ того, кому оный кгрунтъ водле права належати будетъ. А ку тому особно панъ Григорей Сушко самъ добровольне чинечи пораду пану Вербовскому до приселенья его дворного, же приселенье его старое дворное барзо въ низкомъ мѣстцу лежитъ, поступилъ надаткомъ вѣчне кгрунту своего властного орешого на Чехаровѣ, надъ рѣкою Мухавцомъ, моркговъ чотыри, а что и заросли съ хмысомъ и непотребнымъ мѣстцомъ зъ лишку на двѣ волоки у приселенью пана Вербовского поступилъ панъ Сушко въ надотатокъ моркговъ пять. Кгды вжо пришло дорозбиранья тыхъ кгрунтовъ межи вчасниками, теды вси вчасники вышеймененые сами добровольне зезволили дворами своими тамъ седѣти, гдѣ теперь мѣшкаютъ, не нарушаючи ихъ ни въ чомъ; за которымъ зезволеньемъ ихъ добровольнымъ дворъ пана Вербовского на старомъ пляцу зосталсе которого приселенья пана Вербовского ....*)

*) Конца акта не достаетъ.

1597 г.

Изъ книги за 1597—1609 г., стр. 1—5.

5. Подкоморское определеніе по дѣлу о поземельной собственности между королевскимъ дворяниномъ Лукою Коптемъ и воеводою Витебскимъ Николаемъ Сапѣгою.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого 1597, мѣсеца Августа 25 дня.

Передо мною Яномъ Шуйскимъ—подкоморимъ воеводства Берестейского, на року за позвомъ моимъ подкоморскимъ припаломъ, и за отосланьемъ отъ суду

земского Берестейского, ставши очевисто его милость панъ Лукашъ Копоть — дворянинъ его королевское милости на кгрунтѣ пенномъ, на врочищу Островѣ, Забабиномъ Водью отъ лѣса Пересѣка, жаловалъ съ позву моего подкоморского, самъ отъ себѣ и именемъ братьи своее молодшое — пана Филона и пана Василья Васильевичовъ Коптевъ на вельможного его милости пана Миколая Сапѣгу — воеводу Витебского, Велижского и Суражского старосту, о томъ, ижъ дей отецъ его милости пана воеводы небожчикъ панъ Павелъ Сапѣга — воевода Новгородскій, звазнившисе невинне противко отца ихъ милости небожчика пана Василья и противко стрыя ихъ рожоного пана Ивана Васильевичовъ Коптевъ, въ кгрунты дей ихъ властные имѣнья отчизного Опольского Крусиловского, у Берестейскомъ повѣтѣ лежачого, упорне а кгвалтовне уступовалъ и поотнимавши кграницы звычайные и знаки граничные показивши и копцы выпсовавши, на себѣ позабиравши, ку имѣнію своему отчизному Вишницкому и Луневскому, въ томъ же повѣтѣ Берестейскомъ лежачому, привернулъ. А то дей есть меновите по тыхъ урочищахъ: островъ Забабино Водье отъ лѣса Пересѣка и отъ брода Пашля Охожою долиною до грань и до Дуба Граннего, а отъ дуба дей долиною граньми черезъ поле до лужка, межи польми отъ тогожъ лужка тоюжъ долиною до рѣчки Луневки, а рѣчкою Луневкою у Долгій лѣсъ, на которомъ дей Долгомъ лѣску къ Волку собѣ небожчикъ панъ отецъ пана воеводинъ былъ поселилъ, на власномъ дей кгрунтѣ ихъ милости пановъ Коптевъ Долголѣсье, а отъ того Долголѣсья и лѣса долиною у болото Вяжово, а болотомъ Вяжовымъ у сосну, которая стоитъ надъ тымъ болотомъ зъ гранью, а отъ сосны дей граньми и дубровою позаболотьемъ и польми новопроробленными и граньми покаженными дубровою, долиною позагорою до Корча Болотины, а отъ Корча у лѣсъ Грабовою и въ рѣчку Грабовку, которая рѣчка Грабовка упала у болото Челешево, до пяты кграницы зъ небожчикомъ его милостью княжатемъ Романомъ Санкгушкомъ, имѣнья Володавского и Каплиновского, зъ имѣньемъ ихъ милости пановъ Коптевъ Опольскимъ. И такъ дей по тыхъ урочищахъ и названскахъ небожчикъ панъ отецъ его милости пана воеводинъ, грани вѣчистые и знаки граничные попсовавши, тые кгрунты на себѣ упорне забравши, держалъ и уживалъ. То пакъ дей небожчикъ отецъ, также и стрый ихъ милости пановъ Коптевъ, въ року прошломъ тысеча пятьсотъ петьдесятъ четвертомъ, листы славное памяти короля его милости Жикгимонта Августа комисыйные о тые кгрунты противко небожчика пана отца его милости пана воеводы выносили и комисаровъ, такъ зъ стороны своее, яко изъ стороны пана отца его милости пана воеводина, на тотъ часъ бывшого маршалка его королевское милости, въ томъ же року петьдесятъ четвертомъ, мѣсеца Августа шостого дня, выводили и свѣтковъ водле права на тые кгрунты ставили, и тые дей кгрунты водле листовъ правъ и привилеевъ своихъ съ паны комисарми, въ листѣ дей ихъ милости судовомъ описаными, объѣждчали. Якожъ дей небожчикъ панъ отецъ его милости пана воеводинъ, также зъ свѣдками своими на тыхъ кгрунтахъ передъ паны комисарми чынечи отпоръ на жалобу, на онъ часъ ставилсе, а за споромъ дей обоюхъ сторонъ и за позволеньемъ ихъ милости пановъ Коп-

тевъ на тыхъ звышпомененыхъ кгрунтехъ пану отцу его милости пана воеводиному ихъ дей милость панове комисары зобопольные водле права зъ свѣдками своими доводъ присягою были выконати наказали и рокъ дей присязѣ до дня третего отложили; ино дей небожчикъ панъ отецъ его милости пана воеводинъ, на тотъ часъ ужилъ былъ ихъ милости пановъ Коптевъ, абы черезъ угоду тую справу скончити могли. На што дей обоя сторона были призволили, зоставуючи, естьли бы угода не дошла поступокъ правный уцале, а ихъ милость панове Коптеве вжо дей на тыхъ урочищахъ и границахъ перестати мѣли, почавши отъ границы князя Полубенского, а тепершнего пана Денбинского — подкоморого Мельницкого и малжонки его панеи Марины Коптевны Городинское и Яблоньского лѣсомъ Охожею просто до врочища Бабины Водки и къ тому Волки, Долголѣское и тежъ обрубъ земли и лѣсу на имя Жердина и острова Забабина Водья его милости небожчику пану отцу пана воеводиному на вѣчность зъ угоды пущали. А его дей милость панъ отецъ его милости пана воеводинъ на противко тыхъ кгрунтовъ власное земли своее такъ доброе, гдѣ найлѣпей зъ руки будетъ, петнадцать волокъ на три поля отмѣривши, ихъ милости паномъ Коптемъ дати мѣлъ и иншое дей земли, которое былъ позабиралъ доброволне поступити позволилъ, заведши тыми врочищами, которые дей панове Копти передъ паны комисарми и передъ паномъ отцемъ его милости пана воеводинымъ повѣдели и написали, кождое врочище оказали, почавши отъ границы Городишское, лѣсомъ Охожою, просто до Бабины Водки, отъ поля до Вяжова болота .... *), печатью и подъ печатьми тыхъ звышменованыхъ особъ при мнѣ на тотъ часъ стороною будучихъ. Писанъ року, мѣсеца и дня менованого. Которое-жъ сознанье возного помененого до книгъ урадовыхъ есть записано и сесь выписъ подъ печатью моею его милости пану Лукашу Коптю есть выданъ. Писанъ у Берестьи. У того выпису печати пана подстаростего Берестейского и подпись руки пана писара кгродского Берестейского тыми словы: Претславъ Горбовскій — писарь кгродскій Берестейскій. А доведши позву его милость панъ Лукашъ Копоть давалъ съ стороны своее позваное его милости пана воеводы Витебского черезъ возного Станислава Поплавского ку праву приволывати; а кгды его милость панъ воевода за потрикротнымъ приволываньемъ возного, яко самъ не сталъ, такъ и жадное вѣдомости нестанья своего мнѣ подкоморому Коптю водле права не ознаймилъ, его милость панъ Лукашъ Копоть, подавши по собѣ артыкулъ пятый и тринадцатый роздѣлу девятого, домовлялсе, абы его милость панъ воевода Витебскій, яко праву непослушный, водле артыкуловъ помененыхъ на упадъ въ речи запозваной зданый, а тотъ кгрунтъ, о который его милость панъ Лукашъ Копоть его милости пана воеводу запозвалъ, безъ присеги его милости пану Лукашу декретомъ моимъ сказанъ и присуженъ былъ. Въ чемъ я не скваплеючисе до зданья, а ожидаючи до тое справы его милости пана воеводы тую справу до завтрея отложиломъ. А кгды день зав-

*) Въ этомъ мѣстѣ недостаетъ въ книгѣ двухъ страницъ.

трешній двадцать шостый пришолъ, его милость панъ воевода знову не сталъ, и жадное вѣдомости яко первей мнѣ подкоморему и сторонѣ его милости пану Лукашу Коптю нестанья своего не ознаймилъ; а его милость панъ Лукашъ Копоть водле артыкуловъ помененыхъ пятого, дванаддатого и тринаддатого роздѣлу девятого домовлялсе, абы его милость панъ воевода Витебскій, яко на року завитомъ на упадъ въ речи запозванъ былъ, зданъ, а онъ панъ Лукашъ ку дальшому доводу правному водле артыкуловъ помененыхъ припущонъ. Въ чомъ я прихиляючися до артыкуловъ помененыхъ, отъ стороны поданыхъ, а водле домовенья стороны поводовое его милости пана воеводу Витебского о годинѣ нешпорной зналемъ на упадъ въ речи водле права и позву. А ижъ того дня было спознило, отложиломъ тую справу для прейзрѣнья до дня завтрешнего. А дня сегоднешнего двадцать семого мѣсеца Августа на томъ же кгрунтѣ за Бабиной Водцы отъ лѣса Пересѣка его милость панъ Лукашъ Копоть ставилъ передо мною водле права ку сведѣцтву девети свѣтковъ. Нижли ему мимо право я подкоморый того не позволилъ, але наказалемъ абы первей справы листы привилія, твердости декрета на тые кгрунты передо мною покладалъ. Его милость панъ Лукашъ Копоть, поступуючи далей ведле права, въ томъ покладалъ передо мною привилей его королевское милости Жикгимонта, даный дворянину его королевское милости Творіяну Дремлику на чотыры жеребьи во имѣньи Ополи, подъ датою мѣсеца Мая первого дня, индикта третегонадцать; а другій листъ тогожъ Творіяна, што пану Сапѣзѣ четыре жеребьи онъ Творіянъ Дремликъ продалъ, подъ датою Сентебра третего дня, индикта третего; третій листъ положилъ продажный Ивашка Богдановича Сапѣги — воеводы Витебского, што продалъ Федору Святоши чотыри жеребьи имѣнья Опольского, подъ датою лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ двадцать второго, мѣсеца Марца двадцать осьмого дня, индикта десятого; ку тому положилъ на тую куплю потверженье короля его милости Жикгимонта славное памети, подъ датою лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ двадцать третего, мѣсеца Іюня пятого дня, индикта десятого *); четвертый листъ положилъ Михаила Васильевича, што продалъ пану Федору Михайловичу Святоши осьмь жеребьевъ имѣнья Опольского, подъ датою лѣта Божого Нароженья тысеча пятьсотъ осьмнадцатого, мѣсеца Ноября двадцать шостого дня, индикта шостого; ку тому положилъ потверженье на тотъ листъ купчій его королевское милости славное памяти Жикгимонта, подъ датою тысеча пятьсотъ деветнадцатого году, мѣсеца Іюня пятогонадцать дня, индикта семого, съ подписью руки его королевское милости; пятый листъ того Светоши положилъ купчій, што купилъ у Яцка Черневского два жеребьи подъ датою Августа четвертого дня, индикта третегонадцать; ку тому листъ положилъ потверженье короля его милости славное памети Жикгимонта на тыи два жеребьи, што купилъ Светоша у Черневского, съ подписью руки его королевское милости, подъ датою тысеча пятьсотъ двадцать шостого, мѣсеца Февраля осьмого дня, индикта четвертогонадцать; шостый листъ положилъ купчій, што панъ Копоть у Федора Свя-

*) Индиктъ показанъ ошибочно — должно быть *одиннадцатаю*.

тоша купилъ, подъ датою року тысеча пятьсотъ двадцать осьмого, мѣсеца Генваря шостогонадцать дня; осьмый привилей на паркгаминѣ положилъ латинскій, подъ датою року тысеча пятьсотъ двадцать осьмого, съ подписью руки его королевское милости и съ печатью завѣсистою, потверженье всихъ листовъ и привилеевъ на все имѣнье Опольское. По вычытанью тыхъ всихъ привилеевъ, положилъ листовъ осьмь короля его милости светобливое памети Жикгимунта, писаные до пана Павла Ивановича Сапѣги—маршалка его королевское милости, почовши отъ року тысеча пятьсотъ двадцать семого, ажъ до року тысеча пятьсотъ пятьдесятъ четвертого, напоминаючи пана Павла Сапѣгу, абы се онъ въ кгрунты его милости пана Коптя Опольскіе и Русиловскіе, на врочищу у Островъ Забабины Водки подъ лѣсомъ Пересѣкомъ и Луневомъ не вступовалъ. При томъ подалъ и квиты чотыры дворянъ короля его милости подъ разными датами поданья тыхъ листовъ напоминальныхъ его милости пану Павлу Сапѣзѣ розными часы; покладалъ тежъ выпись съ книгъ замку Берестейского подъ датою року пятьдесятъ третего, мѣсеца Апрѣля деветнадцатого дня, оповѣданья пана Ивана и пана Василья Коптевъ на пана Павла Ивановича Сапѣгу о попсованье звѣчистыхъ границъ, въ роскопанью копцовъ, яко и въ попсованью знаковъ граничныхъ, въ розномъ деревѣ и на розныхъ мѣстцахъ и по врочищахъ, почавши островъ Забабино Водье подъ Пересѣкомъ и отъ брода Пашля, Охожою, лѣсомъ, долиною до грань и до дуба граннего, а отъ дуба долиною черезъ поле до лужка межи польми и до рѣчки Луневки и до лѣсу Долгого, у болото Вожево, до сосны, которая надъ тымъ же болотомъ стояла; а отъ сосны дубровою до корча Болотина, а отъ корча Болотина до лѣса Грабова и рѣчку Грабовку, ажъ до болота Голешова, о чомъ ширей въ томъ выписѣ о попсованью тыхъ границъ описано есть. При томъ покладалъ два листы короля его милости комисыйные, писаные за жалобою пановъ Коптевъ до пана Яна Шимковича—старосты Тыкотинского, а пана Адама Кочинскаго, абы они, рокъ певный пану Павлу Сапѣзѣ зложивши и сами на тотъ рокъ выѣхавши, о кгрунты островъ Забабины Водки подъ Пересѣкомъ, Луневомъ и иншыхъ урочищахъ, ку тому острову Забабины Водки належачими, также о кгвалты, бои, грабежи, на тыхъ кгрунтѣхъ сталые, розсудкомъ своимъ узнали, розсудили и то все на обѣ стороны успокоили; а другій листъ покладалъ короля его милости въ той же справѣ, до пана Павла Сапѣги писаный, абы онъ на рокъ, отъ пановъ комисаровъ зложоный, на тыхъ кгрунтѣхъ съ комисарми своими и зъ доводомъ ку росправѣ съ паны Копти становилсе. Тыи листы оба два, подъ датою року пятьдесятъ четвертого, мѣсеца Мая четвертого дня. Покладалъ тежъ листъ пановъ комисаровъ, пана Александра Ивановича Полубенского а пана Кирдея Кричевского, которые, за листы короля его милости комисейными, на тые кгрунты пенные выѣхавши, свѣтковъ, отъ пановъ Коптевъ ставеныхъ, слухали, подъ датою року тысеча пятьсотъ пятьдесятъ четвертого, мѣсеца Августа шостого дня. При томъ покладалъ другій листъ пановъ комисаровъ сполныхъ, такъ зъ стороны пановъ Коптевъ, яко и зъ стороны пана Павла Сапѣги, которые за листы короля его милости комисей-

ными, на рокъ припалый, на тые кгрунты пенные зъѣзджали и доводовъ зъ обудву сторовъ, такъ зъ стороны пановъ Коптевъ, яко и зъ стороны пана Павла Сапѣги, выслухавши, а за добровольнымъ пущеньемъ отъ пановъ Коптевъ на доводъ пану Павлу Сапѣзѣ присегу на кгрунтѣ были наказали и день третій присязѣ пану Сапѣзѣ зложили. А кгды на третемъ дню на онъ часъ панъ Сапѣга ку присязѣ на кгрунтѣ не сталъ и комисаровъ зъ руки своее не ставилъ, тогды панове комисаре, съ руки зъ стороны пановъ Коптевъ выведеные, не кончечи тое справы на узнанье его королевское милости отослали тотъ листъ, подъ датою року пятьдесятъ четвертого, мѣсяца Августа девятого дня. Покладалъ тежъ выпись съ книгъ замку Берестейского подъ датою тогожъ року петьдесятъ четвертого, августа десятого дня донесенья черезъ вижа, зъ уряду приданого, Франца Быстріевского тое справы, якосе передъ паны комисарми точила. Покладалъ тежъ два выписи зъ книгъ земскихъ Берестейскихъ року шестьдесятъ семого, жалобы пана Василья Коптя на пана Павла Сапѣгу о розные кгвалты, бои, грабежи, на кгрунтахъ села Грабовки сталыхъ. Покладалъ тежъ два выписа зъ книгъ земскихъ Берестейскихъ зъ роковъ Троецкихъ въ року деветьдесятъ четвертомъ, судовне отправованыхъ, жалобы его милости пана Лукаша Коптя на его милость пана Миколая Павловича Сапѣгу о розные кгвалты, бои, грабежи подданнымъ ихъ милости пановъ Коптевъ отъ подданыхъ, слугъ, бояръ его милости пана воеводы Витебского на кгрунтахъ ихъ милости пановъ Коптевъ села Грабовки сталыхъ; также о забитье служебника его милости пана Лукаша Коптя Миколая Зубрицкого на томъ же кгрунтѣ пенномъ, о чомъ ширей тая справа на декретахъ помененныхъ описана есть; а судъ земскій Берестейскій не разсуживаючи тое справы у столу судового на розсудокъ до мене подкоморого отослалъ. Яжъ подкоморій присмотрившисе тымъ всимъ листомъ, передо мною покладанымъ, также декретомъ суду земского Берестейского, съ которыхъ показало, ижъ судъ земскій Берестейскій, такъ за живота небожчика пана Василья Коптя и пана Павла Сапѣги, воеводы Новгродского, также и теперь, за позвы и жалобою его милости пана Лукаша Коптя и его милости пана воеводы Витебского, яко за забитье слуги его милости пана Лукаша Коптя, также о розные найстя, бои, грабежи, кгвалты, на кгрунтахъ села Грабовки сталыхъ, судъ земскій Берестейскій, не розсуживаючи тое справы у столу судового, на розсудокъ мой отослалъ; а его милость панъ Копоть его милости пана воеводы Витебского такъ о кгрунты села Грабовки, водле декретовъ земскихъ, яко тежъ и о кгрунты острова Забабины Водки подъ Пересѣкомъ и Луневомъ и о иншіе врочища, ку тому острову Забабины Водки належачіе, передъ мене показовалъ. А ижъ се то показало, же въ року пятьдесятъ четвертомъ комисаре за высланьемъ его кор. милости светобливое памети Жикгимонта на тые кгрунты Островъ Забабины Водки и иншыхъ урочищъ на розсудокъ тыхъ кгрунтовъ выѣждчали и, нескончивши тое справы, на узнанье его королевское милости отослали, и его милость панъ Василей Копоть, неодержавщи на то узнанья и розсудку его корол. мил. зъ гого света смертью зшолъ; также его милость панъ Лу-

кашъ Копоть, не припозываючи его милости пана воеводу Витебского, до суду належного, передо мною тую справу о островъ Забабины Водки подъ Пересѣкомъ и Луневомъ теперь за позвомъ моимъ подкоморскимъ кончити хотѣлъ. А ижъ въ артыкулѣ второмъ, роздѣлу девятого, ясная наука, же подкоморій за отосланьемъ отъ суду земского або кгродского маетъ моцъ всякіе розницы земленые розсуживати, прото и я, прихиляючися до артыкулу помененого, его милости пана воеводу Витебского о островъ Забобины Водки подъ Пересѣкомъ и Луневомъ, отъ року и того паракграфу, у позвѣ описаного, на сесь часъ вольнымъ чиню, зоставуючи его милости пану Лукашу Коптю и братьи его милости молодшой у зуполной моцы право зъ его милостью паномъ воеводою Витебскимъ у суду належного, о што, естли похочутъ, правомъ чинити. А што се дотычетъ кгрунтовъ села Грабовки, о которые отъ суду земского Берестейского до мене отосланые есть его милости паня Коптя ку дальшому доводу правному о тотъ кгрунтъ Грабовскій припустилъ есми, а его милость панъ Копоть свѣтчилъ се на мене, жемъ я о тые кгрунты Забабины Водки и врочищъ къ немъ належачихъ теперь за тымъ позвомъ моимъ не судилъ. А затымъ его милость панъ Лукашъ Копоть съ того врочища ѣхалъ зо мною подкоморимъ до кгрунтовъ села Грабовки, и на первей пріѣхалъ до болота названного Вожова, тамъ же менилъ, ижъ отъ того болота пята кгрунтомъ его милости пана Коптевыхъ починаетсе; а отъ того болота ѣхали есьмо троха на заходъ сонца и припроводилъ мене до пня соснового, тамъ же подле того пня ставилъ на свѣдство девети свѣтковъ, людей добрыхъ, то-есть мѣщанъ Ломазскихъ: Яна Пресмыцкого, Гармона Кридея Бартника, Серафима Миколаевича зъ Долгобобродъ, Василья Никоновича зъ Голешова, Гапона Кондратовича, Петра Гацевича, Голюбченя зъ волости Воинское, Осипа Гутовича зъ села Грабовки, Тимоша Книшевича, которые свѣтки, мною ку сведѣцтву припущоны, боязнью Божою напомнены, абы справедливе, чого въ той справѣ свѣдоми, передо мною подъ сумненьемъ своимъ сознали. Которые по напомненью ку сведѣцтву есть припущоны и по одному пытаны. А напервей Янъ Пресмыцкій повѣдилъ: ижъ онъ тому свѣдомъ, же дей тутъ надъ тымъ болотомъ Вожовымъ была сосна, у которой были знаки граничные и потоле дей граница старовѣчная кгрунтовъ его милости пана воеводы Витебского зъ кгрунтами ихъ милостей пановъ Коптевъ Опольскихъ села Грабовки, а отъ того дей пня со снового идетъ граница старовѣчная черезъ поле и дуброву до корча Болотина, а отъ корча Болотина въ лѣсъ Грабовую и въ рѣчку Грабовку, а рѣчкою дей Грабовкою тая граница упала у болото Голешово до петы границы тепершнего пана воеводы Брестья Куявского. Ярмошъ тожъ признавъ, также и иншіе вси свѣтки тоежъ признали. А по выслуханю сведѣцтва тыхъ свѣтковъ тамъ же подле того пня сосновогo усыпаломъ копецъ, а отъ того копца тыи свѣтки проводили мене подкоморого на всходъ сонца, полемъ и дубровою, до корча Болотина, указуючи мне полѣве все кгрунты его милости пана воеводины, а по праве ихъ милости пановъ Коптевъ, на которой стѣнѣ отъ того пня соснового до корча Болотина усыпано копцевъ петьнадцать для знаковъ граничныхъ; а отъ того корча

Болотина тые свѣтки проводили мене уверхъ лѣса Грабова и рѣчки Грабовки, тамже указали два пни сосновыхъ и меновали, ижъ дей у тыхъ соснахъ пчолы подданыхъ его милости пана Коптевыхъ были, нижли дей губечи знани граничные подданые его милости пана воеводы Витебского тые сосны вырубали; тамъ же отъ того корча Болотина проводили также на всходъ сонца до верхъ лѣса Грабова и рѣчки Грабовки, усыпано копцовъ два, а третій у того верха лѣса Грабова нарожный копецъ усыпано; а отъ того копца у верхъ лѣса Грабова усыпаного провадили мене на полудне рѣчкою Грабовкою, надъ которою указали у дубѣ знаки граничныи—крыжъ, и тою Грабовкою припровадили мене до поля и врочища Янковщизны, на которой стѣнѣ отъ того конка нарожнего уверхъ лѣса Грабова усыпаного до врочища Янковщизны копцовъ девять; а отъ того врочища провадили мене рѣчкою Грабовкою ажъ до болота Голешова до петы границы его милости пана воеводы Брестья Куявского. А ижъ отъ того урочища Янковщизны до болота Голешова вже рѣчка Грабовка значная идетъ, копцовъ не сыпано, только для знаковъ граничныхъ у деревѣ у восьми вольхахъ крижи починено; также на болотѣ Голешовѣ на петѣ отъ кгрунтовъ его милости пана воеводы Брестья Куявскаго на полудни усыпано копецъ нарожный великій. И подле того обводу своего тые свѣтки меновали быти границу старовѣчную кгрунтовъ его милости пана воеводы Витебского съ кгрунтами ихъ милости пановъ Коптевъ. А по томъ обводѣ свѣтковъ его милость панъ Лукашъ Копоть, заставившисе подле болота Голешова на новинѣ, повѣдилъ: ижемъ, дей слушно водле права, яко привильями продковъ моихъ, также дей листы пановъ комисаровъ и выписами оповѣданья на врадѣ то показалъ, же дей тые кгрунты, яко теперь зъ свѣтками моими границу завелъ, зъ давныхъ часовъ и теперь належатъ ку имѣнью моему Опольскому и кгрунтомъ Грабовскимъ; также дей кгвалтовъ, грабежовъ, забойствъ на тыхъ кгрунтахъ, отъ его милости пана воеводы сталыхъ, яко выписами оповѣданья, также декретами земскими довелъ, до которыхъ се дей грабежовъ кгвалтовъ и самъ его милость панъ воевода у суду земскомъ сознalъ, домовлялсе, абы водле артыкулу пятого, дванадцатого и тринадцатого, роздѣлу девятого, тотъ кгрунтъ, яко онъ панъ Копоть зъ свѣтками своими завелъ, безъ присеги его милости пану Коптю у держанье на вѣчность декретомъ моимъ былъ присужонъ; а ижъ дей тые кгвалты, грабежи и бои подданымъ въ небытности его милости пана Коптя въ томъ имѣнью Ополю сталисе, теды дей водле артыкулу петьдесятъ осьмого роздѣлу одинадцатого кгвалту онъ панъ Копоть отступуетъ, а тые дей шкоды, грабежи, бои, которые се на томъ кгрунтѣ подданымъ, яко за пана отца его милости, такъ и за его милости пана Коптя сталые, за присягою подданыхъ абы зъ навезкою сказаны были; также за забитье Миколая Зубрицкого жебы головщизна за выконаньемъ доводу дочки того Миколая Зубрицкого была сказана. А такъ я подкоморій, за нестаньемъ его милости пана воеводы Витебского, прихиляючисе до артыкулу пятого, дванадцатого и тринадцатого роздѣлу девятого о рокохъ завитыхъ, отъ стороны поводовое его милости пана Лукаша Коптя поданыхъ, тотъ кгрунтъ пенный

по тыхъ мѣстцахъ и врочищахъ, яко его милость панъ Лукашъ Копоть зъ свѣтками заводилъ, его милости пану Лукашу Коптю и братьи его милости молодшой, водле артыкуловъ помененыхъ, на вѣчность сказалъ и присудилъ. А о забитье Миколая Зубрицкого, яко шляхтича, до суду належного отсылаю. А што се дотычетъ кгвалтовъ, боевъ, шкодъ, грабежовъ, подданымъ ихъ милости пановъ Коптевъ сталыхъ, хочежъ его милость панъ Лукашъ Копоть домовлялсе, абы за присегою подданыхъ грабежи зъ навезкою сказалъ, але ижъ артыкулъ вторый въ раздѣлѣ девятомъ указуетъ, же подкоморій за присуженьемъ сторонѣ кгрунтовъ и шкоды, на томъ кгрунтѣ сталые, сказати и на отправу до суду належного отослати маетъ, а навезки за грабежъ и винъ сказывати не указуетъ, водле которого артыкулу о навезки о винъ за грабежи и отъ кгвалтовъ за отступеньемъ его милости пана Коптевымъ, водле артыкулу петьдесятъ осьмого, роздѣлу одинадцатого, его милости пана воеводу Витебского вольнымъ чиню вѣчными часы; а на грабежи быдла, которое граблено на томъ кгрунтѣ Грабовскомъ у подданыхъ пана Коптевыхъ и на бою Себестьяна Яковицкого боярину и слузѣ панцырному, подданымъ на грабежъ, а тому боярину на ранахъ присегу наказаломъ и рокъ присязѣ день третій зложиломъ. А што его милость панъ Лукашъ Копоть домовлялсе о шкоды за пана Василья Коптя, отца его милости, воеводы Новгородского, на томъ кгрунтѣ подданымъ сталые, ижъ до суду земского его милость панъ Лукашъ не позывалъ, о то вольное мовенье его милости пану Коптю зъ его милостью паномъ воеводою у права належного заховую. А тые вси кгрунты по тыхъ урочищахъ вышей помененыхъ, поколя его милость панъ Копоть зъ свѣтками своими завелъ и граница вѣчная черезъ мене подкоморого есть учинена и копцами засыпана, его милости пану Лукашу Коптю и брати его милости молодшей у вѣчное а спокойное держанье подалемъ. А постерегаючи того, абы тые кгрунты вѣчне въ покою были, жебы се его милость панъ воевода упорнѣ надъ право не уступовалъ, моцью зверхности господарское права посполитого и враду моего подкоморского закладалъ заруку на спротивного пятьсотъ копъ грошей литовскихъ. А кгды день третій присязѣ подданымъ припалъ, его милость панъ Лукашъ Копоть, хотечи о тые шкоды зъ его милостью паномъ воеводою пріятельско помярковати, подданымъ присеги выконывати не велѣлъ. Што все для памяти до книгъ подкоморскихъ есть записано.

1599.

Изъ книги за 1597—1609 г., стр. 79—105.

6. Комиссарское опредѣленіе по спорному дѣлу между Брестскими мѣщанами и земяниномъ Иваномъ Калиховичемъ Брезовскимъ о поземельной собственности.

Комисіею и росказаньемъ его королевское милости пана нашого милостивого Жигимонта третего, на року, отъ насъ обѣма сторонамъ дня нынешнего двадцатого мѣсеца Іюля, року тысеча пятьсотъ деветьдесятъ девятого зложономъ, мы—Григорей Война—кашталянъ Берестейскій, Янъ Шуйскій—подкоморій Берестейскій, Мальхеръ Райскій—дворанинъ его королевское милости, комисаре отъ его королевское милости стороны поводовое мѣщанъ Берестейскихъ высланые и комисіею уфундованые на вывѣданье, если панъ Иванъ Брозовскій опрочь кгрунтовъ своихъ, праву земскому подлеглыхъ, держитъ што кгрунтовъ або волокъ мѣстскихъ и ку выслуханью доводовъ листовныхъ, реестровъ ревизорскихъ и свѣдѣцства свѣтковъ зъ обѣихъ сторонъ, которые кгрунты, якобы продокъ пана Ивана Брозовского, то-есть дѣдъ его Михайло Калиховичъ до кгрунтовъ своихъ Мелентеевскихъ забрати и привернути мѣлъ, съ которыхъ никоторое повинности мѣстскіе, ани плату не чинитъ, але се съ тыми кгрунтами съподъ юриздицін мѣстское до земства выламуетъ, которые имъ отъ продковъ, королей ихъ милости, правомъ уфундованы суть, и маючи собѣ то отъ него за кривду, мѣли зъ нимъ о то росправу передъ его королевскою милостью въ року прошломъ деветьдесятъ осьмомъ, мѣсяца мая первого дня. А такъ, постановившисе обличне передъ нами урядъ мѣстскій и все поспольство мѣста Берестейского на кгрунтѣхъ, о которые съ паномъ Брозовскимъ споръ маютъ, чинечи досыть росказанью его королевское милости, пана нашего милостивого, впередъ доведши року сегоднешнего, въ датѣ вышейписаного, выписомъ съ книгъ кгродскихъ, датою року тысеча пятьсотъ деветьдесятъ девятого, мѣсяца Мая тридцать первого дня, въ шести недѣляхъ припалого объвѣщенья ему пану Брезовскому листомъ нашимъ комисаровъ о томъ року и бралисе за тымъ до объведенья съ свѣтками зъ девети селъ, которыхъ при собѣ мѣли человѣка семьдесятъ семь, кгрунтовъ черезъ ревизоры имъ заведеныхъ и остененыхъ, а черезъ продка пана Брезовского забраныхъ. И напередъ того дня вели насъ сами мѣщане зъ мѣста до конца, который водле реестру ревизорского дѣлитъ кгрунты двору короля его милости Рѣчицкіе зъ мѣскими, на мѣсцѣ, которое зовутъ Межиогороды, на заходъ, отъ которого повели границу тымъ же трибомъ; которою вели за пана Виленского, пущаючи кгрунты Рѣчицкіе полѣве, а мѣскіе поправѣ, ажъ до петы граничное, которая дѣлитъ кгрунты Рѣчицкіе и кгрунты ихъ милости пановъ Тышкевичовъ села Тюхиничъ и кгрунты мѣйскіе. На которое мѣстце пріѣхалъ тежъ и панъ Иванъ

Калиховичъ Брозовскій, вѣдаючи о року, отъ насъ зложономъ, съ комисармн своими, паномъ Оникіемъ Еленскимъ, паномъ Петромъ Доброниз̑кимъ и паномъ Лавриномъ Федюшкомъ — хорунжичомъ Пинскимъ. А такъ съ того мѣстца, споломъ ѣдучи, провадили насъ тыежъ мѣщане, по лѣвой руцѣ пущаючи кгрунты пановъ Тышкевичовъ, а по правой менили мѣйскіе. А панъ Брезовскій мовилъ: же то кгрунты поправѣ — отъ бору, што мѣскими менуютъ, его суть властные, подъ правомъ земскимъ, до кгрунтовъ Мелентеевскихъ належачіе, которые съ продками своими лѣтъ отъ осьмидесятъ за правомъ певнымъ держитъ. А мѣщане, признаваючи, же Мелентеевщизна есть его, але за стѣною, а не въ стѣнѣ, отъ ревизоровъ учиненой, отъ нихъ ему присужоно подъ правомъ земскимъ, але не тутъ, гдѣ онъ въ стѣнѣ показуетъ, а то менили рѣзы своими быть, которые намъ оказовали въ держанью ихъ. Якожъ и самъ панъ Брезовскій повѣдилъ: же тутъ рѣзы свое маютъ и держатъ, але не въ тыхъ поляхъ его, которые онъ держитъ. А тою стѣною привели насъ до дорожки Крижовое, черезъ тую стѣну ку мѣсту зъ бору пановъ Тышкевичовъ, которую панъ Брезовскій менилъ быть границою кгрунтомъ своимъ Абрамовичовскимъ; а далей привели насъ черезъ кгрунты Мелентеевскіе до дороги, которая идетъ зъ Берестья до Черневъ. А тамъ на той дорозѣ застановившисе мѣщане хотѣли того по пану Брозовскимъ, абы имъ указалъ тую Мелентеевщизну, собѣ присужоную, много ее есть, хотечи вѣдати, если же въ застѣненью, презъ ревизоры учиненую, чи за стѣною и много ей вздлужъ и въ шнрь, абы показалъ, а то для того, жебы ее не заѣждчали, бо имъ якобы до тое Мелентеевщизны и кгрунты Абрамовскіе мѣли быти забраны. Панъ Брезовскій взбранялсе права на Абрамовщизну, яко на властность свою, также и Мелентеевщизны много ее естъ показовати, кгдыжъ то подъ земскимъ, а не мѣстскимъ правомъ маетъ за слушными правы. А ижъ панъ Брезовскій права имъ взбранялсе показовати, тогды передъ нами комисармн, отъ пана Брезовского водле права при насъ до тое справы высажоными, вышейпоменеными, приступуючи до справы, покладали мѣщане привилей мѣсту на шестьдесятъ griffinовъ Франконское мѣры, черезъ короля Владислава въ року тысеча триста деветьдесятомъ наданыхъ; еще покладали и другій привилей короля Жикгимонта Августа, конфирмаціи, въ року тысеча пятьсотъ петьдесятъ четвертомъ; также привилей короля Стефана на конфирмацію тогожъ права мѣстского, датою року тысеча пятьсотъ семьдесятъ девятого; до того покладали тежъ привилей конфирмаціи теперешнего короля его милости Жикгимонта третего, року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятого; надъ то покладали реестръ ревизорскій его милости пана Миколая Нарушевича, который былъ ревизоромъ отъ короля его милости Жикгимонта Августа высланый въ року тысеча пятьсотъ петьдесятъ четвертомъ, на вымѣренье и поморкгованье до мѣста Берестейского; а другій реестръ его милости пана Дмитра Сапѣги, року шестьдесятъ шестого, который першую ревизію кончечи, кгрунты мѣстскіе на волоки попрогонявши, волокъ шестьдесятъ вымѣрилъ, стѣны починилъ и концами обвелъ. Съ которыхъ реестровъ показовали, же продкове пана Брозов-

ского, будучи мѣщаны и бурмистрами Берестейскими, пріймовали волоки, которыхъ держали волокъ тридцать шесть, моркговъ двадцать семь. Покладали тежъ панове мѣщане декретъ короля его милости Стефана межи Григорьемъ Калиховичомъ, яко поводомъ зъ одное, а мѣстомъ Берестейскимъ, яко позваными, зъ другое стороны, датою року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ четвертого учиненый, взглядомъ грабежу, черезъ коморника короля его милости, о невыполненье повинности военное зъ кгрунтовъ мѣсткихъ пану Калиховичу учиненый, которымъ декретомъ король его милость, тую справу на коммиссію до старосты Берестейского, небощика славное памети его милости пана Остафія Воловича — пана Виленского, одослати рачилъ, на вывѣданье, гдѣ се тотъ грабежъ сталъ: чили на кгрунтѣ мѣйскомъ, чи шляхетскомъ. Покладали тежъ и актъ комисарскій помененого пана Виленского, въ року осмьдесятъ пятомъ съ того декрету короля его милости урощоный, съ которого акту показовали, же мѣли споръ немалый межи собою о кгрунты и дворцы, меновите тые—Мелентеевскій, Абрамовичовскій, Козенковскій, Шаневскій, Тополевскій, Грешниковскій, Ивановскій, речоный Раниковскій, Березовецъ и Варшовскій, также поля: Черничины, Новины и иншіе, въ томъ актѣ коммиссарскомъ описаные, бо мѣщане менечи то все кгрунты и поля въ стѣнахъ своихъ отъ ревизора имъ починеныхъ, оные мѣскими быти доводили, гдѣ завше въ рукахъ мѣскихъ и водлугъ права майдебурского въ правѣ ихъ дыспонованы бывали. А панъ Брезовскій, менечи быть продковъ своихъ шляхтичами, то все менилъ быть кгрунтами не мѣскими, але земскими. Которую справу небощикъ панъ Виленскій, зъ онымъ часомъ объѣхавши кгрунты и заграниченья ихъ и доводовъ прислухавшисе, до короля его милости на когницію одослалъ,—якимъ правомъ маетъ быти сужоно чи земскимъ, або майдебурскимъ. На што въ той справѣ декретъ короля его милости Стефана, учиненый въ року тысеча пятьсотъ осмьдеесятъ шестомъ, показовали, которымъ декретомъ короля его милости не бачечи фундаменту жадного, абы коли тые дворцы, кгрунты, праву земскому подлегати мѣли, оные юриздикціи местской присудити рачилъ. Покладали и другій декретъ короля его милости, теперь счасливе пануючого, Жикгимонта третего, датою року тысеча пятьсотъ осмьдесятъ девятого, межи паномъ Иваномъ Брезовскимъ а тыми-жъ мѣщаны, гдѣ ихъ о злый переводъ позвалъ, одержаный, которымъ декретомъ король его милость ствердити рачилъ и при моцы заховалъ декретъ короля его милости Стефана, съ тымъ только объясненьемъ, же Мелентеевщизна маетъ праву земскому подлегати, яко о томъ тые декрета ширей освѣтчаютъ. А ижъ теды король его милость декретъ свой учинити рачилъ, зъ акту коммиссарского его милости пана Виленского, въ которомъ актѣ контроверсіе и споры о тые вси дворцы и кгрунты, которые и теперь взновляютъ были и на томъ актѣ коммиссарскомъ есть фундованы; а тымъ декретомъ тые то вси кгрунты и дворцы юриздиціи мѣстской суть присужоны, только же декретомъ послѣднѣйшимъ короля его милости теперешнего Мелентеевщизна подъ право земское есть узнана. Однакъже вси иншіе дворцы и кгды ствержеными декрету короля Стефанового юриздиціи мѣстской суть захованы, тог-

ды мѣщане потребовали, абы панъ Брезовскій Мелентеевщизну, гдѣ лежитъ, чи въ стѣнахъ ревизорскихъ, чили за стѣною и веле ее есть вздлужъ и въ ширь, абы ее первей ограничивши заѣзды свое кончили и то што мѣсту належитъ указали; а што се тычетъ Абрамовичевщизны, на тую абы право показалъ. А потомъ панъ Брезовскій, не розрываючи справы показалъ декретъ короля его милости Стефана, датою року семьдесятъ девятого, который урослъ дѣдови пана Брезовского зъ апеляціи зъ мѣстомъ Берестейскимъ, которымъ декретомъ есть ему присужоно вѣчностью пять волокъ Абрамовичовскихъ. Мѣщане видечи тотъ декретъ, задавали ему пригану, же у него при притисненью печати подпису руки никоторого урядника короля его милости не машъ, домовялися о показанье оригиналу апеляціи зъ мѣста, если была; которую показалъ, а по указанью тое апеляціи щитилсе давностью земскою до колькодесятъ лѣтъ, же былъ и есть въ держанью тыхъ всихъ фольварковъ и кгрунтовъ подъ правомъ земскимъ шляхецкимъ, а не мѣстскимъ. А потомъ мовили мѣщане, што тутъ панъ Брезовскій давность земскую и добра шляхецкіе, а не мѣйскіе привлащаетъ, теды то ведле права ити не можетъ, кгдыжъ водле привилеевъ, ремиссіи и декретовъ королевскихъ тые кгрунты юриздиціи мѣстской подлегаютъ, и не только мѣщанови, але тежъ шляхтичови противко листу давность не идетъ, бо добра речи-посполитое николи давности не могутъ мѣти. Ижъ теды добра, о которые теперь споръ идетъ, не есть приватными которое особы, але королевскими, теды тежъ давности панъ Брезовскій натегати за собою не можетъ противко мѣсту, бо кгды хто добра мѣйскіе купилъ, штобы всему мѣсту належати мѣли, теды ихъ давностью осѣсти не можетъ, если же теды право боронитъ тому, што купилъ давности, поготовю и тому, што безпечне держитъ, кгдыжъ злый посесоръ давностью ничого одержати не можетъ, а што большая, яко кондиціе людскіе не звыкли се отменяти декретами и давностями, але особливыми привилейми зъ ласки королевскихъ милости княжатъ надаными, такъ тежъ поготовю кгрунты ихъ, и тотъ декретъ не есть одержаный, ажь у шести лѣтъ по апеляціи; домагалисе при томъ о припозовъ тое апеляціи, альбо реляціи кладенья того припозву. Мы коммисаре, ничого не контрадыкуючи противъ тому декретови короля его милости все сполне, для спозненья се того дня отложили есьмо тую справу до завтрее подъ тоюжъ моцью; а пану Брозовскому наказали право на Абрамовщизну, Мелентеевщизну, гдѣ лежитъ и много ее есть показовать. А потомъ на завтре, мѣсеца Іюля тринадцатого дня, пріѣхали есьмо на туюжъ дорогу и на тоежъ мѣстце, съ которого есми дня вчорашнего зъѣхали были, заѣхавши Абрамовщизны и Мелентеевщизны, хотечи перво объѣхати всѣ кгрунты водле заложенья стѣны, черезъ ревизоры наказали есьмо, абы насъ мѣщане зъ девети свѣтками, зъ девети селъ, каждого по одному вели. Тогды на передъ съ той дороги, которая идетъ зъ Берестья до Черневъ, гдѣ есьмо стали просто отъ петы, до которой насъ были мѣщане привели, трибомъ черезъ жито и черезъ плоты ихъ, до каменя за Ольшовымъ гайкомъ и блоткомъ стоячій, а съ початку отъ тое дороги, гдѣ есьмо стали, менили быть копецъ мѣщане зопсованый и роскопаный, а тоежъ

конецъ менили быти собѣ границою мѣсту зъ владыкою и зъ селомъ Брезовцемъ. А панъ Брезовскій зо всихъ сторонъ менилъ то быть все своими кгрунтами шляхецкими. А отъ того копца привели насъ не оподаль на полько проробленое, гдѣ по правѣ менили быть кгрунтомъ Грешниковскимъ Иваниновскимъ, а по лѣве владычимъ, а съ того полька, провадили насъ надъ хростемъ на всходъ и заразъ черезъ хворостъ и багниско межи кгрунтами владычими и Грешниковскими до копца, знать же былъ копецъ; а тотъ копецъ менили быть попсованый. Панъ Брезовскій освѣтчилсе, ижъ не указуютъ власности границъ и знаковъ певныхъ, але его кгрунтъ властный зъ владыкою о границу маючи, до Березовца служачій, шляхецкій, обводятъ и объѣждчаютъ, бо яко Березовецъ такъ и Грешниковщизна, Ивановщизна есть его властная зъ давныхъ вѣковъ, а то подъ мѣстомъ николи не было. Мѣщане тежъ се оповѣдали, же панъ Брозовскій признаваетъ Грешниковщизну своею, а они на то право быть у собѣ маютъ. А отъ того копца трохи простымъ трибомъ обернулисе съ правой на полудне, а выводечи стѣну ревизорскую показовали знакъ стѣны по лѣве кгрунты владычіе, а по праве мѣстскіе Грешниковскіе, якобы отъ Калиховича забраные; а тою стѣнкою черезъ дорогу, которая идетъ зъ Берестья до Тришина пановъ Пекарскихъ, а тамъ менили копецъ роскопаный. А панъ Брезовскій то все менилъ своимъ властнымъ быть. И тоюжъ межою привели до стѣнки, до которое стегаютсе кгрунты села владычого Шпановскіе, именуючи, же просто граница быти мѣла, але Калиховичъ попсовалъ. А отътоль межами провадили насъ до Глинокъ, а зъ Глинокъ ажъ до гостинца Кобринского, который идетъ зъ Берестья, менечи все по лѣве кгрунты владычіе, а по-праве мѣскіе, отъ Калиховича забраные. А панъ Брезовскій мовилъ, же то все есть его властные кгрунты, куды мѣщане ведучи своими менятъ, зъ вѣковъ шляхецкіе. А тымъ гостинцомъ зъ Берестья до Кобрина идучи, ажъ подъ самое мѣсто и плоты, и яко одно што обвели, теды то все менили быть мѣскимъ зъ давныхъ часовъ, яко на то право свое вышей за ограниченьемъ ревизорскимъ, за остѣненьемъ и осыпаньемъ копцовъ показовали. И ставши есьмо на томъ мѣстцу у самыхъ могилокъ, гдѣ насъ привели, казали есьмо до дальшого поступку у права поступовати обѣма сторонамъ и права, если якіе маютъ, абы показовали. Панъ Брезовскій, не приступуючи еще до справы оповѣдалсе противъ Адаму Ростку, Станиславу Курелевскому и Яну Бѣликовичу въ тые слова: Милостивые панове коммиссари! Вашмостямъ оповѣдамъ и обтяжливе жалую, ижъ дня сегоднешнего, мѣсеца Юля тринадцатого, року теперешнего, 1599 часу отправованья справъ коммиссарскихъ, при бытности вашихъ милости, мѣщане его королевское милости мѣста Берестейского, зачавши справы свое зо мною, передъ вашими милостями хотечи справу мою до вонтпливости свѣтковъ и тежъ власныхъ, подданыхъ моихъ отъ мене отбиваючи и на мене самого погрозки и отповѣди чинечи, не ушановавши зъверхности его королевское милости и тежъ зацныхъ особъ вашихъ милости, взявши передъ себе злый умыслъ и своволенство, маючи при собѣ разныхъ броней до бою належачихъ, ручницъ, сагайдаковъ, ощеповъ, которыхъ бы броней подъ та-

кимъ часомъ заживати се имъ не годило, приведши вашихъ милостей на границу, мнѣ зъ мѣстомъ его королевское милости Берестейскимъ учиненое, у Могилокъ на передъмѣстью межи дорогами, гостинцами Кобринскими и Тришиникскими, на кгрунтѣ моемъ властномъ мѣщане его королевское милости Адамъ Ростекъ, Станиславъ Курелевскій, Янъ Бѣльковичъ, безъ данья причины, порвавши подданнаго моего Павла Матѣевича и другого подданого, боярина его милости пана Станислава Кишки зъ села Братилова, Андрея Зенковича, которогомъ я ку потребѣ моей для свѣдецтва ужилъ, подавши ихъ иншимъ мѣщаномъ Берестейскимъ, которыхъ они сами лѣпей знаютъ и ихъ имена и назвиска вѣдаютъ, оного подданого моего и того свѣдка боярина передъ особами вашихъ милостей, подъ часомъ отправованья судовъ коммиссарскихъ, бить, забить росказали, и далей, якожъ тые мѣщане за росказаньемъ Адама Ростка, Станислава Курелевского, Яна Бѣльковича оного подданого моего и свѣтка боярина окрутне а нелитостиве ручницами, корогатинами збили и зранили, съ которыхъ ранъ подданный мой Павелъ Матеевичъ, нѣтъ вѣдома, есьли живъ будетъ; о што прошу, абы тое оповѣданье мое до книгъ подкоморскихъ владзы вашей милости коммиссарское записана была, справедливость водлугъ права, зъ росудку вашей милости учинена была. А мѣщане, которымъ панъ Брезовскій вину далъ свѣтчилисе, ижъ ихъ людей невинныхъ въ томъ односить и ускаржаетъ, кгдыжъ, яко того подданого такъ и свѣтка пана Брезовского не били и не росказовали, хто билъ выдать и справедливость зъ него чинити хочутъ, чого хотечисе заразъ справити и панъ Брезовскій домовлялсе справедливости. Нижли мы на тотъ часъ того не судечи, отложили есьмо тую справу до суду належного межи ними. А потомъ мѣщане приступуючи до справы подавши по собѣ артыкулы, въ правѣ посполитомъ описаные, то есть, артыкулъ вторый и двانадцатый роздѣлу девятого, просили, абы водле привилеевъ, реестровъ ревизорскихъ и коммиссіи першое и обводу теперешнего съ свѣтками своими до доводу припущены, а яко при властности своей захованы были. А панъ Брезовскій на то одмовялъ, мовечи: ижъ по тыхъ всихъ мѣстцахъ, гдѣ обводъ мѣщане зъ свѣтками своими чинили, то все кгрунты его есть отчизные и материстые, добра земскіе, шляхецкіе, и онъ тудыжъ такъже зъ своими девети свѣтками, яко и мѣщане насъ велъ зъ вѣковъ то въ спокойномъ держанью своемъ быть поведаючи. На привилей светобливое памети короля Владислава Якгела мовилъ: ижъ што въ томъ привилею надаетъ мѣсту лановъ шестьдесятъ мѣры Франконское и потверженья на то маютъ другихъ королей ихъ милости, тогды не на мое кгрунты, кгдыжъ такъ не менитъ, ани урочищъ, ани положенья ихъ, абы на томъ мѣстцы быть мѣли; такъ же хотя въ реестрѣ пана Нарушевичовомъ мѣщане показуютъ написано, волоки дѣда и отца его, не вспоминаетъ урочища ани положенья мѣстца, невѣдати гдѣ то было и въ которомъ мѣстцу могло то быти, же дѣдъ и отецъ его, будучи межи ними за прозьбою ихъ врадникомъ мѣстскимъ, держали земли ихъ мѣстскіе, которые они самижъ теперь держатъ, але не тые, которые онъ держитъ свое властные и есть готовъ показать, же не мѣстскіе, але зъ

вѣковъ земскіе. А стороны пана Дмитра Сапѣги, яко менуютъ, заграниченье кгрунтовъ его земскихъ до мѣста стѣною и написанья въ реестръ небощика дѣда и отца его, тогды и то не водлугъ постановенья, на ревизю учиненого кгдыжъ ревизія у великомъ князствѣ Литовскомъ въ року петьдесятъ семомъ для достатечного постановенья кгрунтовъ королевскихъ была ухвалена, такимъ способомъ, же ревизоръ помѣраючи кгрунты, королевскіе межи, которые гдѣ бы зашли кгрунты шляхецкіе, безъ которыхъ не могли бы, въкгрунтахъ королевскихъ волоки быть моркгованые и рѣзаны, тогды ревизоръ первей шляхецкіе кгрунты вымѣривши, отмѣну шляхтичови дать мѣлъ; тежъ кгрунты шляхецкіе моркговати, на волоки рѣзати и роздавати было вольно; а поки отмѣна шляхтичови не была дана, поты ревизоръ кгрунтовъ шляхецкихъ брати и никому отдавати не могъ. Также и тотъ ревизоръ панъ Сапѣга водлугъ тое уфалы заховатисе мѣлъ, але за онымъ часомъ не заховалсе, бо пріѣхавши до Берестья, безъ бытности небощика дѣда его, нѣтъ въ дому его, кгды небощикъ былъ на мытахъ въ Коронѣ польской, отъ короля его милости светое памети Августа, пыталъ мѣщанъ Берестейскихъ: што за кгрунты около мѣста маютъ и за якимъ правомъ держатъ. Они меновали фольварки, кгрунты и сѣножати мѣстскіе за Мухавцемъ, около Буга и за Угринкою; межи которыми фольварками, безъ бытности дѣда его небощика, указали кгрунты его властные, земскіе, материстые, поменивши ихъ, якобы мѣстскіе быти мѣли, хотечи учинить широкость мѣсту; а ревизоръ яко невѣдомый мнимаючи, абы то были кгрунты мѣстскіе, стѣну заложилъ и на волоки порѣзалъ былъ. Потомъ мѣщане въ реестръ ревизорскій ку розбиранью писалисе и дѣда, отца его небощиковъ, самижъ мѣщане межи себе и безъ вѣдомости и безъ бытности ихъ, ревизорови написати казали и такимъ способомъ, а не инакшимъ, тая стѣна и вписанье до реестровъ кгрунтовъ его властныхъ материстыхъ, также небощика дѣда и отца его было сталосе. А ижъ ревизоръ водле постановленья, на ревизіи учиненого, незаховалъ се, не давши отмѣны и въ небытности дѣда отца его, стѣну по кгрунтахъ его материстыхъ зъ вѣковъ земскихъ закладалъ безъ вѣдомости и позволенья ихъ, за росказаньемъ мѣстскимъ, въ реестръ вписалъ; о чемъ взявши вѣдомость дѣдъ его небощикъ до дому пріѣхалъ, тое кривды не терпѣлъ, за разомъ тогожъ часу стѣну, яко на властности своей, зопсовалъ, прогоны пооралъ, въ держанье кгрунтовъ его земскихъ мѣщанъ не пустилъ, уживалъ того, яко добръ земскихъ, за правомъ своимъ доживотнымъ до живота своего, безъ жадного отъ мѣщанъ перенагабанья, котороежъ сами се и ревизіи тое зрекли и ее зганили; на што покладалъ листъ мѣщанъ Берестейскихъ датою року тысеча пятьсотъ шестьдесятъ пятого, мѣсеца Врешня первого дня, у суботу. А хотябысе тежъ и не зрекли, тогды то праву его материстому ничого щкодити не могло, бо небощикъ дѣдъ и отецъ его всее свое маетности добра земскіе, которыхъ мѣщане отъ ревизора собѣ даные быть менуютъ, продали матцѣ его Маринѣ Ярмолянцѣ вѣчностью до вшелякого шафунку и утратъ, описалисе починити, только зоставили собѣ до животовъ вольное мѣшканье. На што покладалъ привилей его королевское милости Жи-

кгимонта Августа, датою року петьдесять шестого, мѣсеца Іюня двадцатого дня, признанья очевистого передъ его королевскою милостью Михайла Калиховича и сына его Григорья Калиховича, гдѣ признаваютъ, же продали за три тысечи копъ грошей Маринѣ Ярмолянцѣ дворцы и земли свое съ сѣножатьми, тые меновите: дворецъ Мелентеевскій, Козенковскій, Шаневскій, Иваниновскій, Березовецкій, Варшовскій и тежъ сѣножать Хабихи и землю Абрамовскую, што и его королевская милость вырокомъ своимъ то на вѣчность ствердити тымъже привилеемъ рачилъ; съ чого и службу земскую военную зъ иншою шляхтою полнити наменилъ. И для того не могъ дѣдъ и отецъ его, властности его продавши то матцѣ его, по которой то на него, яко на властного потомка спало, утрачати водлугъ артикулу пятого и шостого зъ роздѣлу шостого и мѣщановъ въ держанье не пустилъ, до живота своего спокойне уживаючи, а обводъ тежъ тотъ не стѣнами ревизорскими, але черезъ кгрунты его блудечи, свѣтки ихъ ведутъ, ажъ ледво сами вывести могли, а потомъ межами, кграницами моими властными зъ кгрунтами владычими Шпановскими, которыхъ жаднымъ способомъ своими властными меновать не могутъ, кгдыжъ суть властные его. Выводечисе далей, покладалъ декретъ короля его милости Жикгимонта третего, датою року осьмьдесятъ девятого, справы мѣщанъ Берестейскихъ зъ нимъ паномъ Иваномъ Брезовскимъ. Тогды на тотъ часъ показовали мѣщане тотъ привилей свой светобливое памети короля Владислава Якгела и реестра ревизорскіе и выписи свое мѣстскіе, менуючи якобы то мѣщане за тымъ привилеемъ держали и продкомъ его продали, але кгрунты статечне показалъ, же то не тые кгрунты, которые въ привилею ихъ описано; то его королевская милость обачивши, ижъ въ привилею мѣстскомъ не описано ничого, меновите: ани границъ, абы на томъ мѣстцу, гдѣ кгрунты его лежатъ, ланы быть мѣли, тые вси доводы ихъ, привилей и реестра, не водлугъ уфалы учиненые и выписы, на сторону отложивши, кгрунты его земскіе водлугъ привилеевъ подъ вольность шляхецкую присудить ему рачилъ. Такъже онъ того усего, штокольвекъ мѣщане показуютъ, менечи быть своими доводами, недостаточными доводу такого ихъ, яко неправного и глухого примовати не могутъ. Далей се выправуючи на вси тые фольварки кгрунты и сѣножати за тымъ ихъ правомъ держитъ, же то кгрунты, фольварки Ивановскій и Ранковскій, зъ сѣножатью Хабихою, николи не были мѣстскіе, але зъ вѣковъ земскіе, данимою светобливое памети короля его милости Александра небощику пану Немѣри Гримайловичу—дворянину его королевской милости даные, на што покладалъ листъ до намѣстника Берестейского пана Сенька Олизаровича, абы му ихъ уступилъ, датою у Вильни, мѣсеца Мая двадцать третего дня, индикта тринадцатого. Ку тому покладалъ тежъ Федька Янушевича на паркгаминѣ за тремя печатьми, датою у Берестьи, Августа двадцатого, индикта тринадцатого, который Федько, купивши тые фольварки у пана Гримайловича, продалъ ихъ съ сѣножатью Хабихою Ванькови Грешникови. Ку тому покладалъ декретъ короля Александра межи Пашкомъ и Михаиломъ Хомичами зъ мѣщаны Берестейскими о кгрунты межи гостинцомъ Каменецкимъ а дорогою Корницкою, датою въ Каменцы, двадцать пятого

дня мѣсеца Іюня, индикта четвертого. Еще покладалъ листъ Пашка Хомича—боярина Берестейского, на паперѣ писаный, на вѣчность Семену Козеику кгрунтовъ, межи гостинцомъ Каменецкимъ а дорогою Корницкою, датою у Берестьи, Апрѣля десятого дня, индикта пятого. Еще покладалъ привилей короля Александра продажи фольварковъ Мелентеевского, Козенковского и двохъ поль у Мелентея Васка и Данька Козенковичовъ купныхъ черезъ Данка Семеновича, датою року семьтысечного, Февраля петнадцатого, индикта осьмого. Еще покладалъ выписъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ датою року осмьдесятъ шостого, Марца двадцать шостого дня, актикованья въ немъ семи листовъ: одинъ отъ Мартина Даниловича и жоны его на два фольварки,—Мелентеевскій и Козенковскій, проданыхъ вѣчностью Калиху Онисимовичу и сыну его Михну, и къ тымъ дворцомъ двѣ поли Рабіевское и Шаневское; а тотъ листъ датою року тысеча пятьсотъ двадцать третего, мѣсеца Іюня осмьнадцатого дня, индикта третего; другій листъ князя Василья Масальского,даванья серебщизны черезъ Мартина Данка зъ дворца Мелентеевского, датою въ Берестьи Іюня, второго, индикта пятого; третій листъ Юрья Клинича судовый межи мѣщаны а Данькомъ Семеновичемъ о непоступленье имъ пашни подле дворца Мелентеевского, датою мѣсеца Іюня осьмого дня, индикта третего; четвертый листъ Андрея Немѣровича судовый Гаврила Мелентеевича съ Пашкомъ Сухомеевичомъ въ чиненью ему кривды въ Мелентеевщизнѣ—купли его, датою мѣсеца Ноября двадцать четвертого дня, индикта третего; пятый листъ Левка Боговитина, который за росказаньемъ королевскимъ чинилъ вывѣданье, за чѣмъ бы Михалко и Пашко Хомичи держали земли подъ мѣстомъ Берестейскимъ, датою мѣсеца Іюля десятого дня, индикта третего; шостый листъ Михалка Хомича проданья конца земли зъ дубровою не прокопаною на обаполъ дороги Черневское Мелентееви Супруновичу, датою мѣсеца Мая второго дня, индикта осьмого; семый листъ въ томъ же выписѣ кгродскомъ, отъ пана Яна Абрамовича—подскарбего земского, старостича Ковельского, Михну и Миховичу на даръ бору за выслугу ему, датою року тысеча пятьсотъ тридцать семого, мѣсеца Генваря первого дня. Ку тому покладалъ квитовъ поборовыхъ и военныхъ двадцать два, отъ року петьдесятъ датою, ажъ до року семьдесятъ девятого. Еще покладалъ привилей короля его милости Жикгимонта, датою року тысеча пятьсотъ десятого, мѣсеца Іюня двадцатого дня, индикта петнадцатого, сознанья передъ его королевскою милостью Березовца фольварку Шаневского и Ранковского, Марку Гавриловичу належачого. А надъ то все покладалъ передъ нами привилей короля его милости Жикгимонта Августа, за датою року тысеча пятьсотъ шестьдесятъ шестого, мѣсеца Марца петнадцатого, потверженья Михайлу Калиховичу всихъ фольварковъ, то есть: Шаневскій, Ранковскій, Березовецкій, Варшовскій и Ивановскій и садечисе при тыхъ привилеяхъ и правахъ своихъ на давности земской, яко на кгрунтѣ, показалъ артикулъ петнадцатый зъ роздѣлу першого статуту старого короля его милости Жикгимонта, такъже артыкулъ вторый, третій и тридцать шостый роздѣлу четвертого статуту прошлого короля, его милости Августа и конституцію на уніи въ ро-

ку шестьдесятъ девятомъ учиненую, а статуту нового артыкулъ вторый, третій и сорокъ третій роздѣлу третего и деветьдесятъ первый роздѣлу четвертого, просилъ, абы есмо въ тую ясную справу его вглянувши, тотъ привилей и реестра на сторону отложивши зъ кгрунтами его, на которые право показуетъ зъ вѣковъ земскими спокойне держачими, которое давностями, статутами и конституціями и присегами королей ихъ милости ствержоно и змоцнено есть, отъ жалобы стороны противное вольнымъ учинили, а ку доводу зъ свѣтками водле артикулу второго и дванадцатого въ роздѣлѣ девятомъ припустили, а яко при властности его оного зоставили. А мѣщане мовили: што тутъ панъ Брезовскій привилея, декрета господарскіе и листы купчіе показуетъ на дворецъ Грешниковскій, названый Ивановскій, Шенявскій, Козенковскій, менечи ихъ быти боярщизнами, щитечисе ними и давностью земскою; для чого мѣщане моцно стоячи при привилеяхъ своихъ, вышейречоныхъ и реестрахъ ревизорскихъ и декретахъ королей ихъ милости, въ той справѣ учиненыхъ, доводечи того, же кгрунты мѣстскіе и тые, што дыспоновали ими, были мѣщане, брали собѣ налогъ, тыежъ привилея королей ихъ милости, которыми имъ шестьдесятъ лановъ позволити рачилъ, а опрочъ тыхъ поль иншихъ не маютъ и реестра ревизорскіе, же имъ тые кгрунты, а не иншіе за часу бурмистровства продка пана Брезовского безъ вшелякое контрадыкціи и его суть уволоки помѣроны, што и самъ признаваетъ, же было помѣроно, але въ невѣдомости дѣда его, который засъ пріѣхавши съ Польши, межи, копцы попсовалъ; то знать, же не яко шляхецкіе, але яко властные мѣстскіе и отъ сусѣдовъ околичныхъ добре заграничоно и застѣнено. А што панъ Брезовскій мовитъ, же свѣтки блудятъ и не водле остѣненья черезъ ревизоры ведутъ, тогды за попсованьемъ межъ и розсыпаньемъ копцовъ трудно стѣну могутъ трафить и щитилисе коммиссіею небощика пана Виленского, же о то все былъ споръ, также декретомъ короля его милости Стефана, которымъ тые єксцепціи пана Брезовского оттяти рачилъ. До того показвали диспозиціе тыхъ дворцовъ и кгрунтовъ на судѣ гайномъ Берестейскомъ починеные: а на первый на дворецъ Ивановскій, речоный Грешниковскій, положили записъ року тысеча чотыриста девятьдесятъ осьмого, который Сасинъ Ивановичъ, отъ которого есть тежъ и тотъ дворецъ назвискомъ взялъ, записалъ Сенютѣ дворецъ свой кролюку *) Святой Тройцы; положили тежъ записъ року тысеча пятьсотъ петьдесятъ третего, которымъ Миколай Грешниковичъ, отъ которого се тежъ и прозвище того дворца одмѣнило фольваркъ Иваниновскій ойчистый и поле Манковское Григорью Калиховичу продкови пана Брезовского продалъ; еще положили записъ року тысеча пятьсотъ осьмдесятого, которымъ помененый Григорей Калиховичъ дворецъ Минковскій его милости пану старостѣ Чечерскому на судѣ гайномъ, зоставивши собѣ поле Грешниковское, продалъ. То тежъ права земского не чинитъ, же король тѣ кгрунты далъ и овшемъ вольно завше и теперь королеви, а тымъ большей за оныхъ часовъ добра вшелякіе, которые до дыспозиціи короля его милости кадукомъ приходятъ, хотябы были земскіе, въ

---

*) Не клерику ли?

мѣйскіе оборочати, якожъ се то тутъ показуетъ и съ противное стороны листовъ, же рѣдко въ рукахъ шляхецкихъ бывали, большей въ жидовскихъ, або въ мѣстскихъ, а што большей ани орикгиналу, ани интромиссіи не показуе. Покладали тежъ мѣщане на дворецъ Козинковскій диспозыцію, а напередъ записъ року тысеча пятьсотъ осьмнадцатого, въ которомъ Данко чинилъ дѣлъ межи сыны и досталасе Козенковщизна Мартинови, тую Мартинъ, яко панъ Брезовскій показуе листомъ своимъ ручнымъ, въ року тысеча пятьсотъ двадцать третемъ продалъ пану Калиховичу и отъ того на первей шляхетцство уросло. Еще покладали записъ року тысеча пятьсотъ сорокъ третего, которымъ Михно Калиховичъ дѣлъ межи сыномъ Михномъ а дочкою Сумковскою и досталосе дочцѣ половица дворца Козиньского. Што се дотычетъ дворца Шенявского и иншихъ, самъ же панъ Брезовскій указуе диспозиціи, передъ судомъ кгайнымъ чиненые, што се показуе, же то были мѣщане и кгрунты мѣскіе; а ку тому и многихъ иншихъ записовъ зъ мѣстскихъ книгъ показовали на розные части кгрунтовъ и фольварковъ, што панъ Брезовскій теперь держитъ. А што се дотычетъ того слова *бояринъ*, которого часто взменку въ тыхъ листѣхъ, што съ печатьми на все и кождый зъ особно дворецъ служачіе, показуетъ, такъ повѣдаютъ, же быти може, того не посвѣтчаючи, же были боярове, але якіе? замковые, путные або панцерные, а не шляхта; а ревизору вольно то было за якою замѣною знести боярскіе волоки вымѣрити. Давность тежъ его жадная вспомочи не можетъ, бо противку мѣсту давности не маешь, а тежъ привилеевъ первшіе добре на шестьдесятъ лановъ, а иншихъ не маютъ и то собѣ за посесію берутъ, нижъ пана Брезовского права, которые и не ему служатъ, але иншимъ особомъ и за ними земства высковати не можетъ. А ижъ тежъ показуетъ конфирмацію тыхъ справъ короля его милости Жигимонта Августа, тому помочи не можетъ, кгдыжъ доложоно въ ней, же маетъ земскую службу съ тыхъ дворцовъ служити, яко передъ тымъ, а передъ тымъ службы земское не было, ани се показать можетъ; а што большая, же отецъ его выправилъ его будучи бурмистромъ у Берестьи въ року шестидесятъ четвертомъ, шестьдесятъ пятомъ и шестьдесятъ шестомъ, противко привилеемъ и ку сказѣ мѣста того, кдыжъ тые фольварки и кгрунты были подъ мѣстомъ, ажъ до антецесора самого пана Брозовского подъ правомъ мѣстскимъ и по сесь часъ суть, якожъ и его милость панъ инстигаторъ великого князства Литовского панъ Мальхеръ Каменскій, отъ короля его милости при мѣщанѣхъ до тое справы высланый, будучи постерегачомъ добръ короля его милости, подавалъ то намъ только для информаціи, абы добра столовые его королевской милости за неданьемъ причины и показаньемъ правъ новыхъ старшіе мѣли быти ломаны и не держаны, кгдыжъ тые добра въ диспозицію короля его милости пришли и яко зъ давныхъ часовъ почали выходити зъ рукъ мѣстскихъ, до мѣста ажъ и по сесь часъ суть, толькожъ того повѣдаетъ, яко то продокъ пана Брозовского мѣсту надъ привилья, декрета и ревизію отъ нихъ собѣ привлащилъ и добрами зъ вѣковъ земскими, а не мѣстскими быти менуетъ. А тутъ се съ показанья записовъ съ книгъ мѣста Берестейского кгайныхъ

значитъ, же тымъ всимъ передъ тымъ мѣщане, а не шляхта шафовали. А панъ Брезовскій на то отказъ чинилъ: же то кгрунты Иваниновскіе зъ сѣножатью Хабихами и вси иншіе фольварки кгрунты николи не были мѣстскіе, але и овшемъ зъ вѣковъ земскіе, даниною светобливое памети короля его милости Александра небощику пану Немѣрѣ Гримайловичу даные, а отъ того Немѣра небощику пану Федьку Янушевичу проданые, а тотъ Федько Янушевичъ такъ же продалъ тые добра Ивановскіе зъ сѣножатью Хабихою мѣщанину Берестейскому Васку Гришниковичу и съ тыхъ кгрунтовъ Иваниновскихъ и сѣножатью Хабихою, не мѣстской повинности, але службу земскую служить и такимъ правомъ тотъ Грешникъ тые добра Иваниновскіе на службѣ земской до живота своего държалъ, а по смерти Грешниковой сынъ его Михно продалъ тые кгрунты дѣдови его Михайлу Калиховичу шляхтичови, которую куплю тую, яко добра земскіе зъ домовъ шляхецкихъ вышлые, король его милость светобливое памети Жигимонтъ Августъ небощику дѣду его, яко шляхтичови, привильемъ своимъ ствердилъ и повинность земскую полнити описалъ, о томъ ширей опѣваютъ права его вышей датами описаные, передъ нами покладаные. А за спозненьемъ се отложили есьмо тую справу на выслуханье свѣтковъ зъ обу сторонъ и обведенья черезъ пана Брозовского Мелентеевщизны и Абрамовичовщизны подъ тоюжъ моцью до завтрея. А потомъ на завтрея, мѣсяца Іюля чотырнадцатого дня, привелъ тежъ насъ знову панъ Брезовскій на передъ мѣстечку Кобриню ѣдучи и тамъ же до того мѣстца, гдѣ насъ мѣщане были привели вчорахъ подъ самые Плоты и провадилъ насъ зъ деветьма свѣтками, чинечи свой обводъ и почавши отъ дороги Кобринское, зъ Берестья до Кобриня идучое, тымъ гостинцомъ троха черезъ бродъ на Болонье до перекопу, черезъ тое Болонье копаный, и пытали мѣщане, чійбы былъ кгрунтъ за перекопомъ отъ дворца Шенявского? Свѣтки повѣдили: отъ мѣста Кухтинишекъ, а отъ дворца кгрунтомъ пана Брезовского Шаневскимъ; а мѣщанинъ Берестейскій Омельянъ рымаръ оповѣдалъ се, ижъ то кгрунты Кухтинскіе за ровомъ съ сѣножатьми, яко се въ собѣ маютъ, есть его власные, правомъ ему дѣдизнымъ належачіе, безправне ему черезъ Калиховича забраные, о што и перво передъ его милостью небощикомъ паномъ Виленскимъ, также се оповѣдалъ на коммиссіи першой, хотечи правне за тымъ, до кого ему право дорогу покажетъ чинити, просилъ абы тое оповѣданье его было записано, што есьмо записать казали. А мѣщане се тежъ свѣтчили противъ пану Брозовскому, ижъ кгрунтъ Кухтинскій дѣдича мѣстского за ровомъ своимъ менуетъ, а выгонъ ихъ мѣстскій Кухтиньскимъ быти менуетъ, а тымъ Перекопомъ и Болоньемъ, который оперъ о плотъ мѣщанина Войтовского Стася Пупка; и черезъ плотъ вывели на дорогу зъ Берестья идучую до Черневъ; а тою дорогою Черневскою кгды есьмо выѣхали зъ самое улицы, пущаючи по правой сторонѣ кгрунтъ пана Брезовского Черничины, а тою дорогою троха пошедши зъ улицы привели до стѣнки, идучое ку гостинцови Виленьскому; а озвавшисе его милость панъ писарь земскій Берестейскій, панъ Левъ Потей, именемъ его милости пана Остафіяна Тишкевича—войта Берестейского, оповѣдалъ противъ пану

Ивану Брезовскому, ижъ кгрунты его милости войтовскіе, обводечи свое кгрунты заѣждчаетъ и до своихъ приворочаетъ, заховуючи его милости вольное мовенье, просилъ, абы тое оповѣданье его было записано. А тою стѣнкою ведучи до гостинца Виленьского, менили по правѣ кгрунты пана Брезовского Козенковскіе, а полѣве подданыхъ войтовскихъ; а привевши до гостинца Виленского менили, же противъ тое стѣнки на гостинцу былъ крыжъ на горкахъ, которого и знаку не показали. А мѣщане свѣтчилисе, ижъ крыжа, ани знаку никоторого не маешь, бо ихъ власный кгрунтъ объѣждчаетъ, а гостинцомъ Виленскимъ ведучи привели насъ ажъ до дорожки, идучое зъ за фольварковъ Янковскихъ, зъ Рѣчица, черезъ гостинецъ до Березовца; тамъ же на гостинцу у тое дорожки застановивши се, повѣдали то передъ нами, ижъ тутъ былъ боръ и недавно есть проробленый, въ которомъ столпъ мурованый менили быть и знакъ показовали; а отъ того столпа провадили насъ тою дорожкою указуючи кгрунты Козенковскіе и Абрамовичовскіе. Тамъ мѣщане оповѣдали, ижъ то они въ держанью отъ столпа полѣве маютъ. Далей тою дорожкою ку Кгурцѣ панъ Брезовскій менилъ, же то кгрунтъ полѣве мѣстскій, а поправе выслуга его на Абрамовичу. Тамже на той горцѣ мѣщанинъ и райца Берестейскій Станиславъ Курелевскій свѣтчилсе передъ нами, ижъ Калиховичъ тотъ выробокъ поля его кгвалтомъ отнялъ и выбилъ съ поссесіи, которого поля менилъ быти на бочокъ шесть, о которое поле и справу мѣлъ передъ его королевскою милостью Стефаномъ, на што и декретъ показовалъ, датою року тысеча пятьсотъ осмьдесятъ четвертого, и хотечи правнѣ чинить, просилъ, абы то ему было записано. А съ того мѣстца менили по правѣ Абрамовичовщизну пана Брезовского, што ему присужоно, а полѣве мѣское тежъ Абрамовичовщизну, и привели ажъ подъ боръ Корницкій до границы мѣское съ паны Тышкевичами, которую границу панъ Брезовскій своею менилъ быти съ паны Тышкевичами; а тою границею зась вели обернувшисе въ право не доходечи дороги, што до Берестья съ Черневъ идетъ, полемъ межи кгрунтами Абрамовичовскими и Мелентеевскими надъ дорогою не далеко на колько стаи и привевши на одно поле не малое на горку не подалеко дороги Черневское зъ Берестья, менили, же то есть отъ бору Корницкого Мелентеевщизна, а отъ Берестья Абрамовичовщизна, кгрунты пана Брезовского. Тамже на томъ мѣстцу указали мѣщане реляцію возного зъ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, датою року тысеча пятьсотъ осмьдесятъ пятого, въ которой возный сознаваетъ, ижъ кгды того року коммисіи отправовалъ небощикъ панъ Виленскій, пытано пана Брезовского, гдѣ се ему грабежъ сталъ черезъ коморника короля его милости, если въ стѣнѣ, або за стѣною; теды першого дня повѣдилъ: же въ застѣненью, а другого за стѣною; а тотъ грабежъ сталъ се былъ на Мелентеевщизнѣ, про то яко тотъ, который речь двоитъ, а певного мѣстца се не показуетъ, не маетъ быти въ той мѣрѣ слуханъ, але имъ рачей маетъ быти вѣра дана; указуютъ се теды, отъ того просто идучи ку кгрунтомъ пана Тышкевичовымъ, за стѣною ревизорскою и не была та Мелентеевщизна межи кгрунтами ихъ мѣстскими въ томъ застѣненью николи. А што се тычетъ

того запису, который сторона положенья се въ границахъ доводитъ, то се вспомочи не можетъ, бо и то продавалъ тотъ и границы меновалъ, а ничого иншого того тотъ перети не показуетъ; а што большей, же и съ тамъ тое стороны стѣны таковыжъ дуктъ власне може быти, яко и ту, бо тоежъ болото, у которого се граница водле того листу кончитъ, есть и въ стѣнѣ и за стѣною, якожъ бы то былъ бачилъ король его милость, же тые кгрунты въ стѣнѣ ревизорской, певне жебы того въ декретѣ не доложоно было, водле реестровъ ревизорскихъ, але ижъ ее король его милость бачилъ быти за стѣною, протожъ тежъ земству ее присудилъ, просечи однакъ насъ, абы тая Мелентеевщизна черезъ пана Брезовского показана могла быти въ пробу и въ помѣру пущона. Тамъ же домовлялисе, абы имъ волоки ихъ мѣстскіе указалъ, которые водле реестровъ ревизорскихъ продкове пана Брезовского на платъ взели, то есть волокъ тридцать шесть, моркговъ двадцать семь, которыхъ, ижъ не указалъ, теды мѣщане повѣдили: же се имъ отъ него въ указанью границъ не досыть стало, съ тое мѣры, же тымъ же дуктомъ и тымижъ стѣнами, черезъ паны ревизоры заложоными, насъ провадечи, ничого мѣского не указалъ, одно все земское, яко онъ повѣдаетъ зъ вѣковъ своимъ; а реестра ревизорскіе, которые тежъ стѣны закладали иначей свѣтчатъ. А панъ Брезовскій на такъ широкіе мовы мѣщанскіе повѣдилъ: же не повиненъ показовати, веле бы тое Мелентеевщизны было, бо се на свое властное никому не годитъ справовати, досыть на тымъ, же показалъ, гдѣ тая Мелентеевщизна есть и въ которомъ мѣстцу; а стороны Абрамовщизны, то тежъ есть власная выслуга дѣда его на небощику пану Абрамовичу, на што читалъ листъ Абрамовскій передъ нами вышейпокладаный актикованья его въ кгродѣ, потомъ и декретъ короля его милости Стефана присуженья пети волокъ того кгрунту показовалъ, менечи себѣ быть завше спокойне тыхъ кгрунтовъ державчого. На тотъ листъ мѣщане повѣдили, же тотъ кгрунтъ, ижъ его менуетъ шляхецкимъ, не есть водле права давного справленый, бо естъ ручный, а передъ его королевскою милостью, або радою его королевской милости не признаный, чогожъ ижъ не показуетъ, снадно се бачити може, же есть мѣстскій, а што большей посесія того кгрунту мѣйская и въ стѣнахъ мѣсткихъ лежитъ, то фримаркомъ пришолъ мѣсту за буяки, если же панъ Абрамовичъ далъ, тогды дати не могъ, бо бы войтовскіе давалъ, а што большая на ремиссіи его милости пана инстикгатора съ тымъ правомъ своимъ се не озывалъ, ани противъ помѣрѣ былъ, кгдыжъ властне тогожъ року, коли и ревизоръ помѣру чинилъ, дѣдъ его былъ рокъ по року три роки бурмистромъ. Для спозненья того дня, отложили есьмо тую справу до завтрея петнадцетого Іюля. А потомъ на завтрее, кгды есьмо засѣли для слуханья свѣтковъ поводовое и отпоровое стороны, тогды мѣщане ставили свѣтковъ девети, которыхъ есть вперодъ отъ насъ боязнью Божою упомнены, абы справедливое свѣдецство, чого свѣдоми суть, выдавали. А напервей до насъ Мацковичъ, подданый пана Пекарского, другій Мартинъ Шипиловичъ — подданый пана Кохановского, съ Тришина, третій Олиферъ Деменьтеевичъ зъ Братилова, четвертый Иванъ Трохимовичъ зъ Селехова — оба подданые его мило-

сти пана Кишчины, пятый Мартинъ Ромашковичъ зъ села Бердичъ, шостый Ѳеодоръ Сидоровичъ зъ села Скорбичъ— подданые пана Тышкевичовы, семый Гарасимъ Игнатовичъ, зъ села Шпановичъ,—подданый владычій, осьмый Луцъ Василевичъ, зъ Велена,— подданый пана зъ Сишчинъ, девятый Миколай Медвѣдевичъ зъ села Ямна— подданый пана Пекарского. Которые вси одностайне однаково тыми словы сознали: ижъ коли небощикъ панъ Нарушевичъ былъ высланый отъ короля его милости на переписанье кгрунтовъ мѣста Берестейского, и пописавши ѣхалъ зась съ тымъ до господара короля, а потомъ король знову зась выслалъ пана Дмитра Сапѣгу, который волоки помѣрилъ и копцы посыпалъ и стѣны починилъ, потомъ по померку, будучи Михайло Калиховичъ бурмистромъ, не вѣдаемъ, яко тые кгрунты забралъ, але зъ давныхъ вѣковъ было все мѣстское, то есьмо добре вѣдоми и отъ продковъ своихъ слыхали и яко есьмо обводили, то все справедливе, же по тыхъ мѣстцахъ были копцы и стѣны, только же попсованы. А потомъ тежъ были припущени свѣтки пана Брезовского, также ихъ деветь и суть также упомнени боязнью Божою и справедливостью светою, напервей, зъ села Плоского— Селивонъ Мартыновичъ, Сегенъ Мархановичъ, Сацъ Микитичъ — подданые короля его милости, Иванъ Черевко, Мартинъ Бултовичъ — зъ села Черневъ, подданые пана Кишчины— Мартинъ Павловичъ, Андрей Сеньковичъ, Курило Демидовичъ, Ничипоръ Сидоровичъ—зъ села Братилова пана Кишчины; которые кождый зъ нихъ слово въ слово такъ сознали: же есьмо зъ отцами своими, кгды до Берестья ѣждчивали, тогды то намъ они повѣдали, же то суть всѣ кгрунты пана Калиховичовы шляхецкіе, а не мѣстскіе, а яко обводъ чинили, тогды все справедливе, ижъ то есть властность пана Калиховичова подъ шляхецствомъ, а мѣсто тутъ николи ничого не мѣвало и ото молчали. А потомъ приступивши мѣщане подпирали обводу своего привилеями королевъ ихъ милости, светое памети змерлыхъ и теперь счасливе намъ панующого, которыми короли ихъ милости лановъ имъ шестьдесятъ Франконское мѣры надати рачили, щитечисе посессіею старою, же иншихъ кгрунтовъ, которые бы шестьдесятъ волокъ выносили, до мѣста не маешъ, одно тые; также подпирали его реестры ревизорскими, которыми тые кгрунты уволоки и рѣзы помѣрено и знаками граничными остѣнено и если же што кому кгрунту занято въ одмѣнѣ, иншій давано, яко пану войтови и владыцѣ учинено. А предокъ пана Брезовского, будучи на тотъ часъ бурмистромъ, съ тыми правы своими се не оповѣдалъ, ани тежъ протестаціи жадное чинилъ и овшемъ самъ же волоки мѣскіе на чиншъ пріймовалъ; также подпирали его, же его стѣнами звычайными въ ремиссіи описаными отправовали, а зъ другое стороны зась обводъ пана Брезовского ганили съ тое мѣры: напередъ, же подъ самые плоты мѣстскіе подъѣждчалъ, потомъ же его шаховницами отправовалъ; а што большая же его тымъ же обводомъ, которымъ и мѣщане вели велъ, а границъ, коли ихъ онъ, або продокъ его чинилъ, не указалъ, а што большая, если же шляхта на тыхъ кгрунтахъ мѣшкала, тогды вжды позвы межи собою мѣвали и розница оправы жонъ чинили, границе змѣрали, а того всего сторона не показуетъ, зачимъ лѣпшій обводъ свой, а

нижъ пана Брезовского зъ доводами певнѣйшими менили; право тежъ свое лѣпшое-привилея, ремисіи и декрета короля его милости меновали, просечи затымъ, абысьмо мѣрника придали, а тые кгрунты, въ застѣненью будучіе, въ пробу пустили мѣсту тридцать шесть волокъ, моркговъ двадцать семь, которые водле ревизіи продкове пана Брезовского зъ власныхъ кгрунтовъ мѣстскихъ на чиншъ взели, а на властность кгрунтовъ тыхъ же то ихъ властность мѣстская и правдивѣ обводъ чинимъ; а то свѣтки ставили водле артыкулу второго дванадцатого и шестьнадцатого зъ роздѣлу девятого и просили, абы имъ яко властность ихъ была присужона, а на Березовецъ фольварокъ и на Варшовскій и о иншіе кгрунты, за стѣною будучіе, вольное право было заховано; а о листъ ограничоный мѣстскій затымъ се у пана Брезовского упоминали, гдѣ дѣдъ его подѣлъ, о который право зъ нимъ мѣли и теперь зъ нимъ, яко потомкомъ хочутъ мовити у права. А панъ тежъ Брезовскій на обводѣ своемъ также на привиліяхъ конфирмаціяхъ, декретахъ королей ихъ милости садечисе водле сознанья свѣтковъ просилъ, абы тые обмовы мѣщанскіе яко голые и прожніе на сторону были отложоны, а онъ яко при властности своей былъ захованъ, кгдыжъ то николи не были мѣстскіе, але земскіе шляхецкіе кгрунты, подъ правомъ земскимъ.

Мы коммиссаре, зъ обое стороны на тую справу зъѣхавшисе и засѣвши сполечне, а чинечи досыть воли и росказанью его королевской милости и прихиляючисе до декрету короля его милости, въ той справѣ выданого, и на насъ тую справу преложоную, чинечи певное вывѣдованье, зъ листовъ, привилеевъ, вшелякихъ правныхъ доводовъ, передъ нами зъ обое стороны покладаныхъ,—если же панъ Брезовскій до добръ своихъ шляхецкихъ праву земскому подлеглыхъ, въ повѣтѣ Берестейскомъ лежачихъ, добръ мѣстскихъ, мѣсту Берестейскому наданыхъ, до маетности своее не забралъ и не привлащилъ: напередъ обачили есьмо съ привилею короля его милости Владислава Якгела, который мѣсту Берестейскому надавати рачилъ шестьдесятъ лановъ мѣри Франконское, на платѣ дорочномъ постановленомъ, который потомъ на ратушъ маетъ быти даванъ, а отъ того порадокъ мѣскій и потребы мѣли быти отправованы; лечъ въ тымъ привилею не описуетъ меновите мѣстца и урочища, гдѣ тые кгрунты мѣсту наданые лежатъ и границу свою маютъ, а реестра ревизорскіе, хотяжъ мѣщане показуютъ, лечъ однакъ по томъ привилею не рыхло учиненые, въ которыхъ хотяжъ описуетъ меновите стѣны заложоные и кгрунты на волоки порѣзаные и розданые на платѣ мѣщаномъ поданые, лечъ стороны пана Брезовского показалосе противко тому ясные, певные и неомыльные доводы на письмѣ привилеями, декретами, конфирмаціями королей ихъ милости добре передъ ревизіею и соймомъ уніи, же тые добра черезъ ревизора остѣненые и помѣроные его суть власные шляхецкіе, которые ревизоръ въ невѣдомости продка его за даньемъ собѣ омыльное справы, абы тые добра мѣли быть мѣскіе, а не земскіе, на волоки помѣралъ и роздавалъ; однакъ же продокъ его того не поступовалъ, але яко власности своее за правомъ земскимъ и вольностью шляхецкою спокойне уживалъ и ажъ до того часу уживаетъ; а выводечи то передъ нами же тые кгрун-

ты суть шляхецкіи, праву земскому подлеглые, а не мѣйскіе, покладалъ передъ нами листъ короля его милости светобливое памети Александра, до намѣстника Берестейского пана Сенька Олизаровича писаный, датою у Вильни, мѣсяца Мая двадцать третого дня, индикта тринадцатого на паркгаминѣ писаный, абы пану Немѣрѣ Гримайловичу—дворанинови его королевской милости поступилъ фольварковъ два жидовскихъ—Ранковскій и Иваниновскій и сѣножати Хабихи; ку тому покладалъ тежъ листъ Федька Янушевича, на паркгаменѣ писаный, за тремя печатьми, датою мѣсеца Августа осьмого дня, индикта тринадцатого, который Федько, купивши тые фольварки у пана Гримайловича, продалъ ихъ съ сѣножатью Васкови Грешникови; еще покладалъ привилей короля его милости Александра межи Пашкомъ и Михалкомъ Хомичами а мѣщаны Берестейскими о кгрунты межи гостинцомъ Каменецкимъ а дорогою Корницкою, датою въ Каменцы, двадцать пятого дня мѣсяца Іюня, индикта четвертого; еще покладалъ листъ Пашка Хомича — боярина Берестейского, на паперѣ писаный, на вѣчность Семену Козеньку кгрунтовъ межи гостинцомъ Каменецкимъ а дорогою Корницкою, датою въ Берестьи, Апрѣля десятого, индикта пятого; еще покладалъ привилей короля его милости Александра продажи фольварковъ Мелентеевского, Козеньковского и двохъ поль, у Мелентея, Васка и Дашка Козеньковъ купныхъ черезъ Данька Семеновича, датою року семьтысечного, Февраля петнадцатого, индикта осьмого; еще покладалъ привилей короля его милости Жикгимонта року тысеча петьсотъ десятого, мѣсяца Іюля двадцатого, индикта петнадцатого, сознанья передъ его королевскою милостью Березовца, фольварку Шаневсвого и Ранковского Марку Гавриловичу служачіи; ку тому покладалъ тежъ квиты поборовые и военные; а надто все покладалъ привилей короля его милости Жикгимонта Августа, за датою року тысеча пятьсотъ шестьдесятъ шостого, мѣсяца Марца петнадцатого дня, потверженья Михайлу Калиховичу всихъ фольварковъ въ немъ описаныхъ; и иншихъ не мало правъ вышей описаныхъ передъ нами покладалъ, и при такъ ясныхъ доводѣхъ листовныхъ ставилъ свѣтки певные людей на доводъ спокойного держанья своего и уживанья, яко кгрунтовъ шляхецкихъ, которые обвевши бралсе до остатнего доводу въ правѣ посполитомъ описаного съ тыми свѣтками до присеги. А хотяжъ тежъ и мѣщане ставили свѣтки и зъ ними обводъ учинивши бралисе до присеги, же то суть кгрунты мѣстскіе, имъ праву ихъ Майдебурскому прилеглые и зъ наданья короля ихъ милости належачіе, лечь мы, бачечи быть въ той справѣ слушнѣйшіе и яснѣйшіе права и доводы пана Брезовского и за тымъ близшого зъ свѣтками до присеги на стверженье форьварковъ, въ привилеяхъ и въ декретахъ конфирмаціяхъ его королевской милости описаныхъ, тоесть: Мелентеевскій, Козенковскій, Шаневскій, Иваниновскій, Грешниковскій, презваный Березовецъ, Раньковскій иВаршовскій, окромъ кгрунтовъ проробковъ новыхъ бору, Абрамовского называного, на которой панъ Брезовскій права достаточного передъ нами не показалъ, лечь ижъ яко въ той вышей справѣ зъ обоей стороны зошли и передъ нами показованы были привилея, потверженья, декрета, зезнанья продажи передъ его королевскою милостью, такъ

же и въ тыхъ Абрамовичовскихъ кгрунтѣхъ декретъ короля его милости зашолъ, которыхъ се намъ не годило розознавати, ани въ жадную вонтпливость приводити: про то тое вывѣдованье наше въ той справѣ до вѣдомости его королевское милости, пана нашого милостивого, отсыламы. Также и тые привилея, ревизіе, передъ нами покладаные, жадного декрету не чинечи въ нихъ, подъ розсудокъ маестату его королевское милости, яко судьи найвысшого, поддаемы и сторонамъ обѣма рокъ становитисе передъ его королевскою милостью и тое справы на дворѣ его королевское милости пильновати складаемо, по отвореню лимитаціи енеральное у три недѣли. А мѣщане отъ всее тое справы до короля его милости апелевали; такъ же тежъ и панъ Брезовскій отъ звонтпленья права на Абрамовщизну на тотъ же часъ апелевалъ, чого есьмо имъ допустили. И на то дали имъ обудвумъ сторонамъ тотъ нашъ актъ подъ нашими печатьми и съ подписы рукъ нашихъ. Писанъ у Берестьи, року, мѣсеца и дня звышписаного.

1599 г.

Изъ книги за 1597—1619 годы, стр. 105—141.

7. Подкоморское опредѣленіе, содержащее раздѣлъ поземельныхъ владѣній между Лукой Ивановичемъ Солтаномъ и участниками въ имѣніи Добриняхъ.

Лѣта Божого Нароженья 1599, мѣсяца Августа 24 дня, у вовторокъ.

За декретомъ земскимъ Берестейскимъ, также за позвомъ моимъ подкоморскимъ, а потомъ за интерцызою межи участниками Добрынскими, нижей имены меноваными, на сконченье о здержанье дѣлу вѣчистого во имѣнью ихъ Добринскомъ, черезъ декретъ мой подкоморскій и умоцненье его актомъ моимъ подкоморскимъ межи себе даною, приточиласе справа передъ мене Яна Шуйского—подкоморого воеводства Берестейского у во имѣнью Добринскомъ, въ повѣтѣ Берестейскомъ лежачомъ, пану Лукашу Ивановичу Солтану и малжонцѣ его паней Доротѣ Мицутянцѣ зъ участниками его Добринскими, паномъ Валентымъ Чарнавскимъ и зъ малжонкою его панею Ганною, и съ паномъ Криштофомъ Звѣромъ и малжонкою его панею Галжкою Петровнами Брошковскими, и съ потомками небожчика пана Станислава Бростовского—панною Ганною и Барбарою и паномъ Станиславомъ Бростовскими, также и съ панею Настазіею Солтановною, малжонкою небожчика пана Яна Кгрека, по той интерцызѣ межи нихъ участниковъ на сконченье того дѣлу даного змерлого о привлащенье черезъ нихъ участниковъ и держанье большости частей надъ належностью ихъ, во имѣнью Добрыню. Нижъ онъ панѣ Солтанъ, яко о томъ всемъ ширей декретъ земскій и позовъ мой подкоморскій, также интерцыза ихъ, межи себе даная, въ собѣ обмовляетъ, а

такъ того дня вышейпомененого на року припаломъ, черезъ мене зложономъ, тые вси участники вышейпомененые зъ малжонками своими, а пани Кгрековая сама, постановившисе очевисте передо мною, противъ интерцизѣ своей ничого не контрадикуючи, на дѣлъ вси спольне добровольне позволили и просили, абымъ водле ихъ постановенья на интерцызѣ кождому зъ нихъ часть его, ему належачую, водле помѣры и пробы, черезъ мѣрники, на то имъ въ семъ же року деветдесятъ девятомъ одъ мене приданые и тежъ замѣны межи нихъ починеные, роздалъ и имъ подалъ, поступилъ такъ въ людехъ, въ кгрунтехъ, въ борахъ, лѣсахъ, въ пашняхъ и въ будованьяхъ дворныхъ, въ сѣножатехъ, въ ставехъ, въ млынехъ, пожиткохъ во имѣнью Добрыньскомъ, штобы кому одно слушне на часъ его приналежало. Прото я, взявши вѣдомость зъ мѣрниковъ и зъ нихъ самыхъ пановъ участниковъ, ижъ се никому кривда въ пробѣ и въ помѣрѣ не дѣеть, водле реестру мѣрницкого Симона Вронческого, мнѣ поданого, такимъ есьми способомъ межи ними участниками дѣлъ вѣчистый учинилъ, изъ нихъ каждому часть его подалъ и поступилъ. А на-первей приселенья подданыхъ всихъ зъ одного Добриньскихъ, Погарскихъ, впередъ которымъ теперь должиню пущено по шнуровъ чотырнадцати, перечина одна за гумны есть шнуровъ петнадцати, прутовъ пять, перечина другая болотомъ одъ Городища шнуровъ петнадцать, прутовъ пять, учинитъ того волокъ двѣ, моркговъ дванадцать, прутовъ десеть. Тамже, подле тыхъ садыбъ есть здавна выгонъ, которогожъ таяжъ должина шнуровъ чотырнадцать, а перечина ровная по шести прутовъ, чинитъ моркговъ два, прутовъ двадцать чотыры. На томъ теперь сѣдитъ Борисъ Громовичъ—подданый панее Кгрековое. Тые садибы Погорскіе на четверо се дѣлятъ: першая часть отъ Подсмужца и отъ коловорота панее Яновое Кгрековое. Левонъ Богдановичъ полволоки, сынъ одинъ; Курило Юско—зять Левоновъ, волоки четвертина, сынъ одинъ; Иванъ Васько Цебневичъ—четвертина волоки, сынъ одинъ; Мартинъ Трохимъ Цебневичъ—полъ волоки, сыновъ три—Иванъ, Васько, Ярмошъ; Карпъ Цебневичъ полволоки, сыновъ три—Мартинъ, Павелъ, Максимъ; Михно Мицковичъ—полволоки, сыновъ два—Яцко, Федько: Гринь четвертина волоки, сыновъ два—Андрей, Макаръ; Иванъ Мицковичъ—полволоки, сыновъ два—Парфимъ, Филипъ; Волосъ Каруковичъ—полволоки, сыновъ чотыри—Иванъ, Яцко, Остапко, Ничипоръ; Остапа Вищуха — полволоки, сынъ одинъ—Мицъ; и внукъ Лазко Хотеновичъ—полволоки; Андрей Целовенчичъ—волоки одну третину; Федько Целовенчичъ—волоки одну третину, сынъ одинъ—Максимъ; Евтухъ Целовенчичъ—волоки одну третину, сынъ одинъ—Федоръ; Воца Богдановая—волока одна, сыновъ три—Сергѣй, Петрашъ, Федько; Тимощъ Миклашеня—полволоки, сынъ одинъ—Лукьянъ, братьи чотыры—Радко, Иванъ, Денисъ, Тарасъ; Кратъ Панасовичъ—пулволоки; Волосъ Панасовинъ—полволоки; Федько Панасовичъ—полволоки; Тимошъ —полволоки; Стецъ Полшковичъ—пулволоки, сынъ одинъ—Ивашко; и Иванъ Попикъ—пулволоки; Иванъ Шелупко—полволоки. То суть подданые панее Кгрековое вышейсписанные съ третее части, двѣ четвертыхъ частей съ части пана Копцевского и пана Брошковского купныхъ. А то се починають

подданые пана Чарнявского съ третее части, четвертая, на переродъ: Мартинъ Мойсичъ, сыновъ чотыры—Савка, Иванъ, Васько, Калихъ; Супрунъ Ганьковичъ, сыновъ два—Макаръ и Потапъ; Ганьчиха вдова, сыновъ два—Ивашко; Иванчаня вдова, сыновъ два—Иванъ, Ивашко; Иванъ Телешъ, сыновъ два—Панасъ, Васько; Хвалко Мойсичъ, сыновъ два—Нестеръ, Борисъ; Михно Литвинъ, сыновъ два—Грицъ, Тимошъ; Тишъ Мешковичъ, сыновъ три—Семенъ, Кондратъ, Мойсей; Иванъ Ганковичъ; Сенюта Цебневичъ, сынъ одинъ—Грицъ; Германъ Каруковичъ, сыновъ два—Ильяшъ, Исацъ; Наумъ Ивановичъ. А то суть подданые пана Звѣровы и малжонки его панее Галшки Брошковской части третее часть четвертая, а напередъ: Адамъ Демковичъ—полволоки, маетъ братей три—Андрей, Миско, Остафей; Вацъ, Иванъ, Олешко, Пронь Волошиновичове—волока одна, въ Ивана сыновъ два—Семенъ и Калихъ, Мицута Новикъ—полволоки, сыновъ два—Грицъ и Евтухъ, а у того Грица сынъ одинъ—Потапъ; Мицъ Филиповичъ—пулволоки, сынъ одинъ Яцко; Савонь Филиповичъ—полволоки, сыновъ два—Костюкъ и Лазко; Федько Тинецъ прочъ пошолъ, волока одна, у него сыновъ два—Иванъ.... Голодъ огородникъ, сынъ одинъ, Нестеръ; Янъ Гайдукъ—полволоки, сынъ одинъ— Яско; Федоръ. . . *) полъ волоки, сыновъ два—Яско, Ярошъ. То суть подданые списаны зупелное части третее, которая се на четверо дѣлитъ. Садибы за выгономъ ку дворови пана Солтановому, то суть шостые части, тымъ также должиню пущоно ровно по шнуровъ чотырнадцати, пречина одна, одъ лѣсу есть шнуровъ шесть, прутовъ два; пречина другая одъ улицы есть шнуровъ шесть, прутовъ шесть, учинитъ морговъ двадцать деветь, прутовъ двадцать шесть. Садибы подданыхъ за церковью и корчмою Кучаньскихъ, тыхъ же шостыхъ частей теперь подѣленыхъ должина одна, подле плота Хведька Прищепы, подданого пана Солтанового, одъ каменя до межи подъ житомъ шнуровъ осьмнадцать, прутовъ два; другая должина почавши одъ загуменъ Погорскихъ черезъ садъ Волошиновъ до песку подъ корчму пана Звѣрову шнуровъ шестьнадцать, пречина ровна стѣною отъ жита и одъ утинковъ по концахъ платовъ. Тыхъ седлищъ яко тежъ и улицою того шнуровъ деветнадцать, прутовъ пять, учинитъ того волокъ три, моргговъ двадцать одинъ, прутовъ полъ пета. Другіе садибы подрѣчные, почавши одъ гумна пани Кгрековое, ажъ до млына надъ рѣкою Кресною, должина подле гумна пани Кгрековое одъ рогу болота по криницу, поки здавна мѣривано, того есть, шнуровъ шесть; а въ посродку тыхъ садибъ должиня одъ мельника есть шнуръ одинъ, прутовъ пять, пречина ровная, отъ гумна пани Кгрековое ажъ до млына шнуровъ деветьнадцать. учинитъ того волока одна, прутовъ полъ сема, учинитъ того кгрунту на тыхъ мѣстцахъ трохъ, што належитъ на шестые части волокъ пять, моргговъ двадцать одинъ, прутовъ семь, которые шостые части теперь знову въ томъ року тысеча пятьсотъ деветдесятъ девятомъ, дня вышейпомененого подѣлено и розмѣроно тымъ способомъ. Съ того напередъ на попа есть вольный моргъ одинъ, прутовъ полчотырнадцати, ку тому на млынара есть вольныхъ прутовъ двадцать полтора, а во-

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

ставаетъ на шостые части садибъ подданыхъ волокъ пять, моркговъ деветнадцать, прутовъ два, которые подѣлено на шестеро, дано на кождую зособна шостую часть, сполна по моркговъ двадцати осьми, прутовъ пети и по одной третине прута. Напередъ отъ меня дано пану Солтанови въ одномъ мѣстцу моркговъ осьмнадцать, прутовъ полосьмнадцати, въ другомъ, гдѣ Цыганъ, въ третимъ, гдѣ Скибка, додано моркговъ семь, всего въ трехъ мѣстцахъ моркговъ двадцать осьмь, прутовъ пять и одна третина прута. Тутъ се починаютъ подданые шостыхъ частей, яко въ приселенью сѣдятъ: Напередъ подданые на шостую часть паней Звѣровой и пана Звѣра, на часть ихъ належачіе: Михно Ковалюкъ—полволоки, сыновъ два—Михалъ, Ясько Шутъ, у Михала сыновъ чотыры—Макаръ, Кузьма, Семенъ, Самуйло; Янко Ковалюковичъ Шутъ, на огородѣ, сыновъ два—Кондратъ и Мацко; Иванъ Дудченя—полволоки, сыновъ два—Ярошъ, Романъ; Опанасъ Дудченя зъ братомъ Зенькомъ — на полволоку, Мартинъ Поповичъ—полволоки; Стецъ Шимъ Болтовичъ—полволоки, пасербовъ два—Михно, Матфей; Мицъ Гупало—полволоки; Божкова вдова—полволоки, сыновъ два—Мойсей, Грицъ; Якубъ Стаценя Сломовскій—на огородѣ, сынъ одинъ—Ясько; Демьянъ Коваль, на огородѣ, сыновъ три—Федоръ, Тимошъ, Иванъ; Андрухъ, Марко, Иванъ, Федько, Ульянецъ, Куцъ Гуковичи—полволоки; Костюкъ Шепелевичъ—полволоки, сыновъ два; Супрунъ Башевичъ—полволоки, сыновъ два; Пархимъ Башевичъ—полволоки, сыновъ пять—Матфей, Юсько, Петрашъ, Грицъ, Мартинъ. А то другая часть шостая паней Кгрековой: Борисъ Кгромовичъ—одна третяя часть волоки, сыновъ три—Грицъ, Яцко, Демидъ; Иванъ Шадейко—полволоки, сынъ одинъ—Сацъ; Ивашко Хотеневичъ—полволоки, сынъ одинъ—Остапко; Федько Хотеновичъ—полволоки, сыновъ три—Семенъ, Ивашко, Ярошъ; Андрей Башевичъ—полволоки, сынъ одинъ—Левкій; Иванъ Саценя—полволоки, сынъ одинъ—Юско, братовъ два—Панасъ и Тимошъ; Германъ Дреглевичъ — полволоки, сыновъ три—Климъ, Иванъ, Мицъ; Федько Громовичъ—полволоки, сыновъ три—Демидъ, Терешко, Стецъ; Митрухъ Федьковичъ—полволоки, сыновъ чотыры—Васько, Демидъ, Романъ, Трохимъ; Остапко Дреглевичъ—полволоки, сыновъ два—Андрей, Трохимъ; Мартинъ Литвинъ—полволоки—Костюкъ Башевичъ—полволоки; Тимошъ Волчекъ—полволоки, сынъ одинъ—Андрей; Стась Ермяковичъ—одна четвертая часть волоки, сыновъ пять—Стецъ, Мисько, Мартинъ, Яцько, Мойсей; Антонъ Челевенчичъ—полволоки. А то тежъ другая часть купная пана Звѣрова въ шостой части: Игнатъ Шимъ Болтовичъ—полволоки, сыновъ три, а братанокъ Логвинъ; Михно Шевко—полволоки, сыновъ три—Федько, Федоръ Кглушій, Терешко, у Ѳедька сынъ одинъ Пархимъ; Максимъ Варивода—четвертая часть волоки; Куршиковичъ—полволоки, сынъ одинъ—Кузьма; Дацъ Басарабъ—полволоки, сыновъ три--Мойсей, Грицъ, Васько; Сычкова вдова — полволоки, сыновъ пять—Гаврило, Яцько, Ярошъ, Демидъ, Иванъ; Стецъ Мащеня зъ братомъ Яномъ—полволоки; Якимовая вдова, на огородѣ, пасербовъ два Якимовыхъ сыновъ; Волковая вдова, сынъ одинъ, пасербовъ два Волковичовъ, Мелешко, Дацъ, Тимошъ. А то часть шостая подданыхъ пана Чарнявского и малжонки

его: Федоръ, Юсько Ковалевы сынове съ половицою маетности; Яцько Федюковичъ, сыновъ два—Васько, Демидъ; ДавыдъСезноковичъ, сынъодинъ—Яцько, братовъ два—Романъ, Иванъ; Тишъ Цемяковичъ, Вацъ Пацъ, Филипъ Артишковичи, Панаско Братишковичъ, Семенъ Ждановичъ, сыновъ три—Митрухъ, Васько, Тимошъ; Васько Лышневичъ, сыновъ три—Андрей, Овхимъ, Гаврило Приступа; Гарася Лысневича, сыновъ три—Данило, Васько, Тимошъ; Иванъ Лысневичъ, сынъ одинъ—Артихъ; Иванъ Тюсикъ, сынъ одинъ—Васько. А то есть часть шестая подданыхъ въ Добрыню пана Солтановыхъ и малжонки его паней Дороты Мицутянки: Сацъ Бложковичъ — волока одна, сыновъ два—Васько, Яцько; Иванъ Артишковичъ, сыновъ три—Левонъ, Андрей, Семенъ, три четвертые волоки; Иванъ Прима Кужель—три четвертые волоки, сыновъ два—Иванъ, Калихъ, пасербовъ два—Левко, Петрашъ Стецевичы; Германъ Михновичъ — одна четвертина волоки, сыновъ три—Лукашъ, Кондратъ, Савка; Федько Прицѣпа—волока одна, пасербовъ три—Демидъ, Иванъ, Андрей Черняковичи; Давидъ Ивановичъ—одна четвертина волоки, сынъ одинъ—Кратъ; Карпъ Мелеховичъ--полволоки, зъ братомъ Семеномъ; Терешко Скибчичъ—одну шостую часть волоки, сынъ одинъ—Лавринъ; Иванъ Скибчичъ—двѣ шостины волоки, сыновъ два—Кондратъ, Матьфей; Демидко Винникъ — одна четвертая часть волоки, сыновъ два—Вакула, Миронъ; Матфей Громовичъ—одна четвертая часть волоки, сынъ одинъ—Певко, внукъ одинъ—Ивановъ сынъ Ясько; Грицъ Масюковичъ—полволоки. А то есть подданые на другую шестую часть купную у пана Брошковского, на часть панее Кгрековое: Дешко Олельховичъ — полволоки, сыновъ два—Курило, Лазко; Иванъ Громовичъ—одна третяя часть волоки; Курило Громовичъ - одна третяя часть волоки, сынъ одинъ—Мойсей; Мацко Громовичъ, Кравецъ, Федько Громовичъ — полволоки, сынъ одинъ — Радко; Овхимъ Громовичъ—полволоки, сыновъ три—Иванъ, Денисъ, Семенъ; Иванъ Корпышъ Скибчичъ—полволоки, сыновъ пять—Мосей, Данило, Олексей, Грицъ; Гарасимъ Викторъ—полволоки, сыновъ два—Семенъ, Лукашъ; Михно Бондаръ—полволоки, сыновъ два—Сакъ и Калихъ; Якимъ Мацковичъ — полволоки, сынъ одинъ—Хваль; Макариха вдова—на огородѣ, сыновъ чотыри—Кузьма, Якимъ, Костюкъ, Тимофей; попъ рускій на волоцѣ, тотъ отъ усихъ участниковъ Добринскихъ тую волоку на церковь держитъ, такъ съ третее части, которая се на четверо дѣлитъ, яко изъ двохъ, которые се на шесть частей дѣлять; такъ тежъ и млынарь изъ огородомъ своимъ до млына всимъ участникомъ належитъ. Дворъ пана Солтановъ, селища пана Солтанового при томъ тягненью, гдѣ навозы черезъ песокъ тягнено мимо грушку тую, надъ рѣкою Крсною, водле млыновъ есть двадцать полъ-сема прута, навозы и сѣножати водле трибовъ за приселеньемъ пана Солтановымъ концемъ до одного трибу, што идетъ отъ Погарцовъ за гумны, а другимъ до трибу, што идетъ отъ Залѣсья, дѣлечи Городище отъ Погарцовъ; должина одна межою Поповичовою есть шнуровъ чотырнадцать, другая должина отъ рѣки Крсны, то есть шнуровъ дванадцать, прутовъ шесть; пречина одна, надъ пескомъ одъ навозу мимо грушку и мимо дворъ пана Солтановъ, до рѣки

шнуровъ семь, прутовъ осьмь, а другая пречина одъ Залѣсья на клинъ есть шнуровъ пять, учинитъ моркговъ двадцать осьмь, прутовъ одинадцать и одная третяя часть прута. То на трое было роздѣлено въ розныхъ межахъ, учинитъ на кождую зособна часть третюю по моркговъ девети, прутовъ тринадцати и по двѣ третинѣ прута, съ которыхъ третяя на четверо се дѣлитъ, на кождую четвертую часть по моркговъ двохъ, прутовъ десети и по одинадцатой дванадцатое части прута; а двѣ части на шесть частей подѣливши, на кождую шостую часть по моркговъ три, прутовъ чотыри и пятой девятой части прута. А што се тыче замѣны въ тыхъ навозехъ, которую учинилъ панъ Чарновскій зъ малжонкою своею съ панее Кгрековою, о томъ ширей такъ, яко о замѣнахъ и иншихъ участниковъ, на концу есть доложоно въ томъ реестрѣ. *Пашня дворная*: первшое поле, што подъ житомъ одъ Малевское границы, того поля должина стѣною отъ паренинного поля ново переорано до границы Корощинское шнуровъ сорокъ пять; а ижъ въ концу граница Корощинская, а въ боку Малевская не просто идутъ, тогды моркговано, и есть того поля волокъ пять, моркговъ двадцать два, прутовъ двадцать полъ девета, то заразомъ подѣлено и розорано на три части, на кождую зособна часть по волоцѣ одной, моркговъ двадцать семи, прутовъ по деветнадцати и по полпрута. А пречину каждому дѣлови такую учинено: пречина тое штуки отъ паренинного поля ровная въ обу концахъ по шнуровъ чотырохъ и по одной четвертой части прута, тая третяя часть дѣлить се на четверо. Пречина другое штуки въ обудвухъ концахъ ровная по шнуровъ чотырохъ и полъ третя прута. Пречина третее штуки, ровнаючи въ трохъ мѣстцахъ, по шнуровъ чотырохъ, прутовъ по два. А тые двѣ третинѣ роздѣлено на шесть частей. Напередъ часть третюю, въ которой волока одна, моркговъ двадцать семь, прутовъ деветнадцать и по полпрута роздѣлено на четверо, на кождую четвертую часть по моркговъ чотырнадцати, прутовъ двадцати и по четвертой части прута. Которые тымъ способомъ роздѣлено: напередъ пану Звѣрови часть четвертая подле егожъ шостыхъ частей двухъ, за паномъ Звѣромъ часть пана Чернавского, а за паномъ Чарнавскимъ двѣ четвертыхъ частей пани Кгрековое; а двѣ третихъ частей дѣленное на шестеро на кождую зособна шостую часть по моркговъ деветьнадцати и по полъ сема прута, которые тымъ способомъ роздано: на передъ одъ Малевое горы зъ выдѣлку досталосе паней Кгрековой двѣ шостыхъ частей, а третяя шостая часть пришла въ одмѣнѣ паней-жъ Кгрековой одъ пана-жъ Лукаша Солтана и уже пани Кгрековая зуполна въ томъ полю держитъ три шостые части, за которую шостую часть пани Кгрековая пану Солтанови дала одмѣну кгрунтомъ своимъ въ томъ же полю съ третее части такъ много, яко се въ собѣ каждая шостая часть маетъ объ межу пана Чарновского. О третее части четвертизны тогожъ поля первшого четвертая шостая часть досталасе пану Чарновскому и малжонце его; пятая и шостая за паномъ Чарнавскимъ пану Звѣрови и малжонцѣ его досталисе ку егожъ третей части. Второе поле паренинное по старому въ межахъ заховавши знову розмѣрено; которого выморкговано волокъ чотыри, моркговъ семьнадцать, прутовъ

семь; то заразомъ также подѣлено на три части: дано на каждую третюю часть зособна по волоцѣ одной, моркговъ петнадцать, прутовъ двадцать и полъ третя прута. А пречину каждому дѣлови такую учинено: ту одъ Заповѣдника на кождую зъособна часть пречины по шнуровъ двохъ, прутовъ по три и по одной третей части прута, а въ посродку маетъ кождая часть пречины по шнуры три и прутовъ по шести; въ концу отъ Корощина маетъ першая пречины одъ яринъ шнуровъ три, прутовъ пять, а двѣ ку яринамъ; взглядомъ должины маютъ пречины по шнуровъ трохъ и по два пруты. Напередъ часть третюю, въ которой волока одна, моркговъ петнадцать, прутовъ двадцать и полъ третья прута роздѣлено на четверо, на кождую четвертую часть по моркговъ чотырнадцать, прутовъ чотырнадцать, а двѣ части на шестеро. На кождую зособна шостую часть приходитъ по моркговъ петнадцати и по полъ осьма прута. Тую третюю часть, которую роздѣлено на четверо, такъ тежъ и тые двѣ, которые роздѣлено на шестеро, тые роздано паномъ участникомъ Добринскимъ такимъ же порадкомъ, яко тое поле першое вышей описаное. Третее поле подъ ярими отъ стѣны волокъ подданыхъ Добринскимъ у Калила впущаючи въ той застѣнокъ отъ стѣны Малошевское; а того поля есть волокъ шесть, моркговъ семь, прутовъ двадцать полъ шоста. Тое поле заразомъ подѣлено на три части: на кождую зособна третюю часть по волокъ двѣ, моркговъ два и по полдеветанадцата прута; а пречину такую учинено: першая ту одъ Заповѣдника и отъ паренинного поля также по шнуровъ двохъ и по двохъ прутехъ, въ посродку вси три штуки маютъ пречины по шнуровъ двохъ и по семи прутовъ ровно, а въ концу отъ Корощина напершая штука, што отъ паренинного поля, ижъ зоставаетъ въ старыхъ межахъ, маетъ пречины шнуровъ семь, прутовъ три, а другая подле нее зашла троха моркговано въ застѣнокъ, третяя водле стѣны одъ волокъ подданыхъ Добрынскихъ, которого учинена теперь должина шнуровъ сорокъ пять, маетъ въ собѣ моркговъ тридцать девять и двадцать полъ третя прута. А на противко въ застѣнку продано еще моркговъ двадцать два, прутовъ двадцать шесть, што также учинитъ волокъ двѣ, моркговъ два, прутовъ полъ деветнадцети. А зосталосе еще застѣнку тогожъ у Калила моркговъ петнадцать, прутовъ чотырнадцать, которые впущоно въ третюю часть, потомъ, а ровно все тое поле на трое роздѣлено, гдѣ тежъ и панъ Солтанъ рѣзку маетъ. Першая третяя часть, въ которой волокъ двѣ, моркговъ два и полъ деветнадцата прута, дѣлитсе на четверо; на кождую четвертую часть приходитъ по моркговъ петнадцати, прутовъ по деветнадцати и по полпрута; а двѣ части дѣлятсе на шестеро; на кождую шостую часть приходитъ по моркговъ двадцати, прутовъ двадцати шести. Тую третюю часть, которую роздѣлено на четверо, такъ тежъ и тые двѣ, которые роздѣлено на шестеро, тые роздано паномъ участникомъ Добрынскимъ же, порадкомъ яко першіе и вторые вышей описаные поля кроме. Ижъ въ томъ полю рѣзы вси просто выходить, не могли концами до Корощеньское границы для застѣнку, который клиномъ зашолъ подъ кгрунты Корощинскіе и Малошевскіе, теды въ тымъ застѣнку, которого зоставало моркговъ петнадцать, прутовъ

чотырнадцать, иле належало пану Звѣрови и малжонцѣ его зъ двохъ двѣ шостые части, а съ третее часть четвертая, додано ку томужъ его дѣлови въ застѣнку всего моркговъ ..... *), а пану Чарнавскому додано подле пана Звѣра на шостую часть и съ третее на четвертую моркговъ осьмь, прутовъ двадцать полтора, тамже въ застѣнку; а пану Солтанови и малжонцѣ его додано на его шостую часть подле пана Чарнавского моркговъ два, прутовъ двадцать полтора; а за паномъ Солтаномъ съ краю пани Кгрековой отъ Малошевское границы въ томъ же застѣнку додано моркговъ шестнадцать, прутовъ полъ четверта. Сума всее пашни выморкговано, кладучи на кождую волоку по моркговъ тридцать, того есть: волокъ семнадцать, морговъ три, прутовъ петнадцать. *Волоки Добрынъскіе:* Першое поле отъ границы короля его милости села Малошевичъ, которое теперь есть подъ яринами. Въ томъ полю рѣзовъ пятдесятъ пять, должина одна, отъ ихъ же застѣнку, отъ волокъ села Малошевичъ до трибу, або стѣнки старое, которая идетъ черезъ болото, што здавна дѣлитъ тую волоку ложчиною отъ волокъ Добрынскихъ. Тое стѣны есть шнуровъ петьдесятъ; должина другая взворомъ отъ второго поля подъ житомъ почавши, также отъ randародавное стѣны, заложоное отъ волоки ажъ до пашней на Калилѣ вытягнено длужины шнуровъ шестьдесятъ, то-есть: полемъ щирымъ есть шнуровъ петьдесятъ семь, а болотомъ шнуровъ три, пречиня одна одъ пашней стѣною по концахъ тыхъ волокъ, поля першого, што подъ яринами вытягнено шнуровъ сорокъ два; пречина другая въ концу черезъ ярины отъ стѣны Малошевское по надлѣсью ажъ до поля подъ житомъ, есть шнуровъ сорокъ, прутовъ осьмь, учинитъ того поля подъ яринами волокъ двадцать пять, моркговъ осьмь, прутовъ двадцать семь. Съ того напередъ болота въ концу отъ Вольки противъ пупленымъ шостинамъ есть моркговъ осьмьнадцать, прутовъ петнадцать. А попова рѣза съ краю маетъ пречины прутовъ семь и одну четвертину, въ которой есть моркговъ тринадцать, прутовъ двадцать три и одна четвертина, зоставаетъ еще на подѣлъ того поля волокъ двадцать чотыри, моркговъ шесть, прутовъ осьмьнадцать и три четвертине прута. То порадне на трое подѣлено, на кождую зособна третюю часть, чинитъ по волокъ осьми, по моркговъ два, прутовъ по шести и по одной четвертине прута. Третяя часть теды, которая лежитъ отъ застѣнку и стѣны Малешовское, роздѣлена на четверо, маетъ пречины кождая четвертая часть въ собѣ такъ отъ Калила, яко и отъ Вольки, по шнуровъ три и по чотыри пруты. Которые тымъ спососбомъ роздано: напередъ отъ стѣны часть пани Кгрековое, другая часть подле нее пана Чарнавского, третяя часть засе паней Кгрековой, а четвертая часть пана Звѣрова и малжонки его; а двѣ третине за тыми ровно роздѣлено на шестеро, кождая зособна маетъ пречины по шнуровъ чотыри, прутовъ по чотыри и по пять осьмое части прута, бо никоторая зъ нихъ цѣлая пять прутовъ не дочеталасе; и другая пречина также шостань отъ Калила ровна по шнуровъ чотырохъ, прутовъ по шести и по одной четвертине прута. А попевое волоки пречина прутовъ семь и одна четвертина, але се тая волока не

*) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

маетъ класти въ заплату пѣнежную, кгдыжъ тая волока всихъ спольная есть. Роздаванье тыхъ шостинъ: першая отъ третее части пани Кгрековое, другая подле нее пана Солтанова, третяя часть пана Чарнавского, четвертая за тымъ пана Звѣрова и малжонки, пятая потымъ пани Кгрековое, а шостая отъ поповое волоки пана Звѣрова. Тые вси волоки вже теперь пущоно до самое стѣны отъ Калила, кгдыжъ се вже поровнали, же въ однаковой мѣрѣ суть постановены и черезъ утинки; а утинки вже не маютъ быти противъ тому полю, абовемъ отъ стѣны до стѣны вздлужъ на скрозь тые волоки пущоны зъ утинками. Второе поле подъ житомъ подле яринного поля, въ которымъ есть также розораныхъ зуполна рѣзовъ петьдесятъ пять; должина одна, узворомъ одъ пашней на Калилѣ, ажъ до стѣны давное старое, которая отдѣляетъ волоки Вольки ложчиною отъ волокъ Добрынскихъ. Вытягнено того должины шнуровъ шестьдесятъ, длужина другая таковая рѣзамъ сорокъ двомъ, шнуровъ шестьдесятъ осьмь до загуменъ Погарскихъ, а рѣзомъ пятемъ межою Скибчиною длужиня шнуровъ сорокъ девять, а пречины тымъ пятемъ рѣзамъ шнуровъ чотыри, а длужина коротшимъ рѣзамъ осьми есть шнуровъ двадцать пять, пречина одна въ концу крижа, почавши отъ яринъ ажъ до нового трибу за поповою волокою, заложоною въ квадратъ, въ которомъ се замкнуло и болонье. Тамъ пречиною вытягнено черезъ тое поле житное шнуровъ сорокъ чотыри, то-есть рѣзамъ сорокъ семи пречина шнуровъ тридцать два, а рѣзамъ осьми пречина по шнуровъ полтора, кождая зособна, што учинитъ шнуровъ двадцать, пречина другая за Погаромъ черезъ рѣзовъ сорокъ два, есть шнуровъ двадцать осьмь, а пятемъ рѣзомъ пана Солтановымъ троха вышей есть пречина шнуровъ чотыри, а осьмымъ рѣзомъ коротшимъ есть пречина шнуровъ дванадцать, учинитъ того поля второго водлугъ того тягненья и пораховалья квадратовъ волокъ двадцать пять, моркговъ двадцать, прутовъ двадцать; съ того третюю часть отдѣлено, которой должиня стянула на шнуровъ шесть, одинъ и по полчетверта прута, а пречину ровнаючи стянула на шнурахъ дванадцать и на полъ третя прута, того всего учинитъ волокъ осьмь, моркговъ чотырнадцать, прутовъ шесть и двѣ третине прута. То роздѣлено на четверо и роздано тымъ способомъ: першая часть напередъ отъ узвору есть пани Кгрековое, другая водле нее пана Чарнавского, третяя часть за тымъ пани Кгрековой, а четвертая часть пана Звѣрова и малжонки его, а на двѣ третинѣ зосталосе волокъ шестнадцать, моркговъ двадцать осьмь, прутовъ полчетвертанадцата, которыи роздѣлено на шестеро. Взглядомъ стѣнъ обычаемъ моркгованья, которые тымъ обычаемъ роздано: напередъ отъ части третее, першая часть пана Звѣрова и малжонки его, другая часть пани Кгрековое, третяя часть пана Звѣрова, четвертая часть пана Чарнавского, пятая часть пана Солтанова, вже коротшіе концемъ до садибъ Кучанскихъ, а шостая пани Кгрековое найкоротшая лежитъ отъ болонья, вшакожъ также въ собѣ маетъ веле кгрунту, яко и тые вышей описаные; а попова рѣза скраю отъ самое стѣны. Отъ болонья учинены утинки, которыхъ въ концу того поля всихъ есть моркговъ шестьдесятъ одинъ и прутовъ петнадцать, полю за садибами Погорскими, которые тымъ

способомъ подѣлено все на шестеро, на кождую шостиню по моркговъ десети, прутовъ по полъ осьма; а роздано ихъ тымъ способомъ: напередъ отъ третее части—есть часть пана Звѣрова и малжонки его, другая часть пана Чарнавского, третяя часть утинковъ пани Кгрековое, четвертая часть пана Звѣрова, пятая часть за тымъ пана Солтанова, а шестая часть утинковъ зосъ краю, отъ концовъ садибъ Кучанскихъ, пани Кгрековое, ано тые вси утинки вышли. Третее поле паренинное лежитъ отъ Горбова концами до бору, въ которомъ-то полю рѣзовъ петьдесятъ шесть и зъ выкгонными рѣзами; длужиня одна одъ застѣнку межою поповою, почавши отъ стѣны Боровое ажъ до дороги Кіевецкое надъ самымъ болотомъ ажъ въ до колка, чего вытягнено есть шнуровъ сорокъ пять; длужиня другая такъ се отъ бору почипаетъ, ажъ до стѣнки, отъ борку Бѣлого заложоное и розораное, трибомъ ново-заложонымъ, отъ волокъ Погарскихъ давныхъ, отъ Замостья, есть шнуровъ сорокъ пять; пречина одна отъ Бору Великого, теперь наровно помѣроного, стѣною боровою головною ажъ до квадрату великого — въ озимъ того есть шнуровъ сорокъ два, прутовъ осьмь; пречина другая почавши отъ колка при дорозѣ Кіевецкой ажъ до межи пановеное, што идетъ къ Замостью отъ волокъ Погарскихъ, по надъболотью стѣнка переораная, то есть шнуровъ петьдесятъ шесть, прутовъ пять: учинитъ того поля паренинного, въ которомъ и ставище есть, волокъ двадцать четыре, моркговъ двадцать четыре, прутовъ двадцать полтретя. При томъ поли вздлужъ при границы Горбовской есть застѣнокъ поля оромого, въ которомъ выморговано моркговъ петнадцать, прутовъ двадцать полдевети. Тотъ увесь застѣнокъ тымъ способомъ роздѣлено: въ томъ полю знашлосе злишку волокъ три, межи волоками Погарскими третею частью и двѣмя частями, а надъ ставищемъ съ того одогнано на третюю часть моркговъ тридцать, а на двѣ части одогнано ку тому моркговъ шестьдесятъ, чинитъ на кождую зособна шостую часть по моркговъ десяти. За то пану Солтанови, што му се прійти мѣло въ томъ злишку, зъ декрету моего подкоморского, десеть моркговъ; теды дано ему на иншомъ мѣстцу на урочищу Омелинѣ и отмѣрено моркговъ пять противко всимъ дѣломъ зъ шостыхъ частей, межи тымъ полемъ, а при Бѣломъ борку, на чомъ панъ Солтанъ престалъ, звыналѣску пріятельского, заховавши собѣ только вольные пашни зъ иншими участниками. Въ укгорѣ тое третее поле паренинное также ровно на трое подѣлено третюю часть напередъ отмѣрено отъ квадрату Озего и Квасного Болота, которую на ровные части на четверо роздѣлено: на передъ отъ Озего першая пани Кгрековое, другая подлѣ нее пана Чарнавского, третья часть паней же Кгрековое, а четвертая пана Звѣрова и малжонки его; а двѣ третихъ частей роздѣлено на шестеро: першая часть отъ третее части пана Звѣрова, другая за нею пани Кгрековое, третяя засе часть пана Звѣрова и малжонки его, четвертая часть пана Чарнавского, пятая подлѣ тое часть пана Солтанова, а шостая отъ поповое волоки часть пани Кгрековой. Выгонъ стародавный до бору, который былъ въ тымъ третимъ полю, у части пана Звѣровой, тотъ и теперь вцалѣ зосталъ неораный, которого длужины шнуровъ сорокъ пять, а пречи-

не есть прутовъ пять, учинитъ въ немъ моркговъ семь, прутовъ петнадцать, тотъ есть вольный за зезволеньемъ здавна всихъ участниковъ. Борекъ Бѣлый, въ которомъ и Сливинщизна, тотъ вже теперь вырobленый отъ дѣлины ажъ до садибъ подданыхъ пана Солтановыхъ, въ певномъ квадратѣ такъ се маетъ, въ которомъ и поле Оходникъ, урочищемъ противко седлищъ паней Кгрековой есть положоно, длужина отъ нарѣзовъ, то есть межею Скибчиною до плота садибного Федькового, того вытягнено шнуровъ двадцать три, прутовъ чотыри; длужина другая гостинцомъ мимо Кокошку и дворъ паней Кгрековое, почавши отъ трибу концового, теперь отъ волокъ и отъ болонья новорозораного до каменя отъ Хведька Прищепы—подданого пана Солтанового, то есть: длужина шнуровъ двадцать деветь, прутовъ шесть, пречина одна, по концахъ волокъ короткихъ осьми и по концу квадрату въ болонью и по концахъ волокъ паренинныхъ поля третего; того длужина стѣною новою есть шнуровъ тридцать чотыри, а двухъ частей борку Бѣлого, отъ короткихъ волокъ, длужина шнуровъ двадцать шесть, прутовъ семь; пречина другая отъ плота Хведькового, почавши отъ межи Скибчиное ажъ до каменя есть шнуровъ чотырнадцать, а тогожъ кгрунту за трибомъ зоставаетсе еще клинъ поля песку, гдѣ броднилинице зъ ставищемъ ажъ до стѣнки ново переораное и до трибу отъ двохъ частей того волока одна, морговъ десеть. Дворъ и седлище пани Кгрековое такъ се въ собѣ маетъ: длужина отъ Кокошки подле плота ажъ до рогу дылеванья отъ Мелеховича ровная, которое есть шнуровъ петнадцать, прутовъ семь; пречина одна отъ Кокошка шнуръ одинъ, пречина другая, отъ Мелеховича до криницы шнуровъ шесть, чинитъ того моргговъ шестнадцать, прутовъ полъчетырнадцета, учинитъ того кгрунту такъ въ тотъ квадратъ замѣненого борку и зъ Сливинщизною волокъ осмь, морговъ двадцать семь, прутовъ полчотырнадцета, который то кгрунтъ такъ се розумѣетъ и дѣлитъ: Напередъ Сливинщизны альбо Оходника, который се давно водле выпису дѣлилъ на шестеро; тотъ маетъ въ собѣ моркговъ петьдесятъ чотыри и зъ селищомъ пани Кгрековое, што се замыкаетъ въ тыхъ волокахъ осьми, моргахъ двадцать осьми, прутахъ полчотырнадцати; а у того еще, зъ декрету подкоморского выруцоно на ставище моркговъ три вольныхъ. А ижъ тотъ кгрунтъ увесь вцалѣ зосталъ водлугъ давного роздѣлку, теды съ пробы оказалосе, ижъ въ третей части поровнываючи зъ двѣмя частями большъ одинадцати моркговъ и двадцать одного прута, зъ дорогою, гостинцомъ и пескомъ, што вже для подлости такъ вцалѣ зостало водлугъ давныхъ выписовъ. Напередъ Оходникъ або Сливковщизна, который се стегаетъ до гостинца Клевецкого, гдѣ дворъ пани Кгрековой; того есть моркговъ петьдесятъ чотыри, то на шестеро роздѣлено: пани Кгрековая съ паномъ Солтаномъ взели Сливовщизну на двѣ шостые части моркговъ петнадцать, прутовъ полчетыренадцета. А остатокъ моркговъ тридцять шесть на чотыри шостые части подѣлено, на кождую шостую часть по моркговъ девети; и такъ ихъ розорано: напередъ панъ Звѣръ съ малжонкою своею держитъ двѣ шостые части подлѣ подданого пана Солтанового Федька Прищепы; за нимъ паномъ Звѣромъ часть пана Чарновского; за паномъ Чарновскимъ часть

пани Кгрековой шостая. Такимъ же обычаемъ Бѣлый борокъ розобрали: наперодъ отъ части пани Кгрековой часть першая тежъ пани Кгрековое — моркговъ осмьнадцать: другая часть пана Чарновского, третяя и четвертая часть пана Звѣрова и малжонки его, моркговъ тридцать шесть, за паномъ Звѣромъ часть пана Солтанова пятая; за паномъ Солтаномъ часть шостая отъ болонья, скраю пани Кгрековое, подлѣ стѣнки, которая дѣлитъ болонье и волоки съ тымъ Бѣлымъ боркомъ. А на третюю часть досталосе моркговъ петдесятъ, а злишку моркговъ одинадцать, прутовъ двадцать одинъ. Тую третюю часть участницы межи себе розобрали, иле кому належало. А што се тычетъ замѣны пани Кгрековой съ паномъ Звѣромъ и малжонкою его, ту въ Оходвику противъ двора пани Кгрековое, которую межи собою учинили, взявши панъ Звѣръ одмѣну въ подсмужью, теды ижъ тые вси замѣны на концу того реестру дѣльчого суть въ одномъ мѣстцѣ знесены, теды тамъ о томъ ширей и достатечней доложоно и описано. Болонье и квадратъ, ново теперь заложоный и зъ кгрунтами, такъ се въ собѣ маетъ: длужина одна отъ рѣзовъ осьми житныхъ до стѣны тежъ теперь новозаложоное, отъ Бѣлого болота, шнуровъ двадцать пять; длужина другая отъ Замостья, ровно той шнуровъ двадцать пять; пречина одна отъ квадрату великого въ Оземъ названого и отъ острова Квасного болота, того есть шнуровъ двадцать; пречина другая новою стѣною отъ Бѣлого борку шнуровъ дванадцать, а посродку пробы таковая ровно шнуровъ одинадцать. А ижъ се тотъ квадратъ дѣлитъ на шестеро, приходитъ пречина на кождую зособна шостую часть — по шнурови одному, прутовъ по осьми, и по одной третинѣ; только въ пойеродку учинитъ того квадрату болонья волокъ три, моркговъ пять, шнуровъ двадцать пять; а за то болонье на третюю часть также одогнано моркговъ петидесятъ; при тыхъ же болоньяхъ въ двохъ частяхъ отъ стѣны, што идетъ на то полю, а одъ волокъ Погарскихъ третей части, то самое болонье дѣлитсе на шестеро — приходятъ на кождую зособна шостайню по моркговъ петнадцати, прутовъ по двадцать девети и одной шостайни, которые тымъ способомъ роздѣлено: наперодъ першая часть отъ Поповое волоки въ середнимъ полю, скраю пана Солтанова; другая и третяя часть подлѣ пана Солтана паней Кгрековой, четвертая пана Чарновского и малжонки его, которые лежатъ отъ того поля; квадратъ великій, Щука, Ове, Квасное болото, што было здавна розно розмѣрено, теперь уже заварто въ одинъ огуломъ квадратъ, который такъ се въ собѣ маетъ: длужина того одна отъ волокъ Добрынскихъ житныхъ долгихъ и короткихъ и отъ болонья трибомъ до волокъ Замостьскихъ, што въ боку Погарскихъ, того есть шнуровъ сорокъ пять, прутовъ полдесета; длужина другая стѣною великою боровою, отъ третее части до бору волокъ Волянскихъ, того есть шнуровъ сорокъ пять, прутовъ пять; пречина одна отъ волокъ Волянскихъ, отъ трибу нового до стѣны боровое, вытягнено того шнуровъ двадцать одинъ, прутовъ осмь; пречина другая въ Замостью, вбоку волокъ Погарскихъ ажъ достѣны отъ болонья есть шнуровъ двадцать; учинитъ того квадрату розныхъ поль, кгрунтовъ волокъ десеть, моркговъ осмьнадцать, прутовъ двенадцать и три десятое части прута. Тотъ квадратъ на трое роздѣлено

на кождую зособна третю ю часть приходитъ по волокъ три, моркговъ по шеснадцать, прутовъ по три и по двѣ третинѣ прута. Съ того напередъ третяя часть роздѣлена на четверо; на кождую зособно четвертую часть приходится моркговъ двадцать шесть, прутовъ полшостанадцать и одна третина прута. Роздано тую третюю часть тымъ обычаемъ: напередъ отъ бору Великого пани Кгроковое дано посполу двѣ части, третяя часть за нею пана Чарновского, четвертая часть пана Звѣрова и малжонки его; потомъ двѣ третинъ роздѣлено на шестеро, на кождую зособна шостую часть приходится по моркговъ тридцати пети, шнуровъ одинадцать и по одной шостайни прута; дероздано ихъ тымъ способомъ: первшая и вторая часть отъ третее части пана Звѣрова и малжонки его, третяя часть пана Чарнавского, четвертая подлѣ тое паней Кгрековое, пятая подлѣ тое пана Солтанова, а шестая скраю отъ волокъ Добрынскихъ пани Кгрековое. А пречина тымъ шостайнямъ каждой зособна есть учинена и переорана по шнуровъ двохъ и по девети прутовъ впоперокъ. Боръ Великій водлугъ пробы давное, чиненое въ року тысеча пятьсотъ деветьдесять, четвертомъ, мѣсяца Сентебра, а потомъ еще знову пробованый въ року тысеча пять сотъ деветьдесетъ осьмомъ, въ мѣсецу Іюлю; а теперь за выѣздомъ моимъ мене подкоморого и за интерцызою угоды участниковъ добровольное въ томъ року тысеча пять сотъ деветь десеть девятомъ, дня двадцать семого Апрѣля учиненое, гдѣ вжо зъ одною злучено третюю часть, а только на четверо роздѣлено кождому, иле на часть его приналежитъ. Року тысеча пятьсотъ деветьдесятъ девятого, дня осьмого Мая напередъ небожчику пану Кгрекови, недавно въ томъ року змерлому, а теперь зась малжонцѣ его тутъ отъ Вольки есть злучено двѣ шостайни и съ третее части половина, чего учинитъ волокъ деветънадцать, моркговъ деветьнадцать, прутовъ двадцать пять. Вся теды должина новому трибови есть шнуровъ шестдесятъ, а пречина черезъ третюю часть есть шнуровъ осьмнадцать, которая есть впущона ко двомъ шостайнямъ зъ одною станула, теды вся пречина части боровое пани Кгрековой на шнурѣ тридцать одномъ и прутехъ пети, а должина станула ровнаючи ся зъ одною на шнурахъ пятьдесятъ шести и прутѣ одномъ, чего власне учинитъ волокъ деветьнадцать, моркговъ деветнадцать, прутовъ двадцать пять и то вже такъ власне оставлено и подано; другая часть пану Чарнавскому; одна шестайня и съ третее части четвертая часть, чого учинитъ волокъ деветь, моркговъ двадцать осмь, и идетъ отъ тое должины, гдѣ шнуровъ шестидесятъ отъ пани Кгрековое черезъ все и черезъ третюю часть; а одъ става станула поперокъ на шнуровъ тридцати, прутовъ шести; а должина станула поровнываючи на шнурахъ шести десять пети и полпрута, чего властне тая штука учинитъ волокъ деветь, моркговъ двадцать чотыры, прутовъ двадцать полосьма и вже такъ властне отъ ставу заложоно. Третяяя часть пана Солтанова, одна шостайня припадаетъ напередъ на давную часть пана Звѣрову, на новый трибъ, што шолъ до конца великого Горьбовского, гдѣ есть должины ровно шнуровъ семьдесятъ, а съ стороны пана Звѣровое черезъ пречину шнуровъ три, прутовъ шесть, чого учинитъ волокъ двѣ, моркговъ

двадцать чотыри; а на тую сторону зъ его части давное пана Солтановое приходитъ ему волокъ двѣ, моркговъ двадцать чотыри прутовъ тринадцать; а на то пречины пущоно шнуровъ четыри, прутовъ три; а должина маетъ шнуровъ шестьдесятъ. Вся теды пречина у пана Солтана въ его шостайни есть шнуровъ осьмь, прутовъ десетъ, чего учинитъ и такъ властне отставлено бору волокъ пять, моркговъ осьмьнадцать, прутовъ тринадцать. Четвертая часть пана Звѣрова и пани малжонки его съ клиномъ зоставаетъ се пречины отъ пана Солтана шнуровъ семь, прутовъ пять; въ той части суть зоставени бору двѣ шостайни и съ третее части четвертая часть, чого учинитъ властне волокъ петнадцать, моркговъ тринадцать и полпрута; бо четвертая часть прута дѣлечи на четверо, на кождого учинитъ по волокъ чотыри, моркговъ шести и прутовъ двадцати чотырохъ. Отнято теды тую всю часть отъ штуки пана Солтановое при границы Горбовской черезъ двѣ шостайни и черезъ третюю часть, чого властне оттято и розмѣроно и учинитъ волокъ петнадцать, моркговъ тринадцать и полпрута. Въ томъ бору дерева бортного кождый зособна участникъ того имѣнья Добриньского въ своей властной части и заграниченью уживати маетъ. Также тежъ и на поляхъ, иншихъ кгрунтехъ, только въ частехъ своихъ властныхъ уживати маютъ. Всего сума бору водлугъ давное пробы и теперешнего роздѣлку волокъ петьдесятъ, моркговъ петнадцать, прутовъ двадцать шесть. Болото Куденецкое, которое се починаетъ отъ границы Горбовское противъ Кіевца, а кончитъ се ажъ до Мелеховое межи за броваромъ пани Кгрековое и такъ се въ собѣ маетъ: должина одна боковая границою Горбовскою противъ Кіевца, почавши отъ концовъ волокъ третихъ пареннинныхъ Добринскихъ, ажъ до рѣки Крсны, того шнуровъ шестьнадцать; должина другая по серединѣ противко броду Квасовскому отъ волокъ коньцовыхъ третего поля до рѣки Крсны шнуровъ петнадцать; длужина третяя отъ бровару пани Кгрековое межою давною Мелеховою также до рѣки Крсны шнуровъ дванадцать; пречина ровная тягнучи по надъболотью, почавши за броваромъ пани Кгрековое на болотѣ, мимо Кокошку, а все краемъ болота ажъ до границы Горбовское, простуючи того вытягнено шнуровъ шестьдесятъ осмь; учинитъ тыхъ болотинныхъ сѣножатей волокъ десетъ, моркговъ двадцать чотыри, прутовъ чотыри. То все болото на трое роздѣлено; на каждую зособна третюю часть приходитъ по волокъ три, моркговъ осьмьнадцать, прутъ одинъ и одна третина прута. Съ того напередъ третюю часть постановено ту отъ межи Мелеховое, которую роздѣлено на четверо, на кождую зособна, четвертую часть приходитъ по моркговъ двадцать семи и по третинѣ одной прута. Роздано тую третюю часть болота тымъ способомъ: напередъ отъ Мелеховое межи пани Кгрековая держитъ двѣ четвертыхъ частей, третюю подлѣ держитъ панъ Чарнавскій, а четвертую держитъ отъ шостинъ панъ Звѣръ и зъ малжонкою своею. Потомъ двѣ третинѣ роздѣлено на шестеро; приходитъ на кождую зособна шостую часть по моркговъ тридцати шести и по одной третинѣ прута; роздано ихъ тымъ способомъ: напередъ отъ третее части первшая и вторая часть того болота пана Звѣро-

ва и малжонки его; третяя часть подлѣ тыхъ пана Чарновского, а четвертая и пятая часть за нимъ пани Кгрековое; шостая часть отъ границы Горбовское зъ самого краю пана Лукаша Солтана и малжонки его, подсмужье за селомъ Погорскимъ и за гостинцомъ отъ концовъ частей боровыхъ Заповѣдника, зоставивши при гостинцу только на выгонъ моркговъ два, прутовъ чотыри, того подсмужья вымѣроно и есть моркговъ тридцать два, прутовъ шестьнадцать. То роздѣлено на трое и порозорывано перегонами на кождую зособна третюю часть по моркговъ десети и по прутовъ двадцать пети и по одной третинѣ прута, съ того подсмужья, што се приходило паней Кгрековой зъ одное третее части половица, а зъ другое третее двѣ части поступила въ замѣнъ пану Звѣрови и малжонцѣ его, зоставаетъ теперь на томъ Подсмужью только часть пана Чарнавского, то-есть зъ одное третее четвертая часть, въ которой моркговъ два, прутовъ двадцать одинъ и одна четвертина прута, а зъ двохъ частей одна шостиня, въ которой есть моркговъ три, прутовъ полдеветнаста, учинитъ подсмужья на часть пана Чарнавского моркговъ шесть, прутовъ деветь и три четвертинѣ прута; а пану Солтанови зостала тамъже на томъ подсмужу одна шостиня въ личбѣ, вторая одъ Калила, въ которомъ моркговъ три, прутовъ полдеветнадцета. А ижъ панъ Чарнавскій и зъ малжонкою своею, также и панъ Лукашъ Солтанъ зъ малжонкою своею въ томъ подсмужью учинили замѣну съ паномъ Звѣромъ и малжонкою его, тогды тые вси замѣны суть достаточне ниже описаны въ томъ же реестрѣ помѣры волочное. Боръ Заповѣдникъ отъ Малевское границы, который такъ розмѣроно: тому борови Заповѣдникови тутъ отъ Залѣсья и отъ Городища есть должини шнуровъ двадцать два, прутовъ пять, которого того всего Заповѣдника выморкговано огуломъ зъ одного волокъ пять, моркговъ дванадцать; то на трое роздѣлено, приходитъ зособна на кождую третюю часть по моркговъ петдесятъ чотырохъ. Первшую третюю часть роздѣлено на четверо, на кождую четвертую часть приходитсе по моркговъ тринадцати, прутовъ петнадцати, которые тымъ способомъ роздано: первшую часть четвертую отъ Залѣсья, которую держитъ пани Кгрековая, а другая часть пана Чарнавского, третья часть подлѣ тое пани Кгрековое, а четвертая пана Звѣрова и малжонки его; потымъ двѣ части роздѣлено а шесть частей, приходитсе на кождую шостую часть по моркговъ осьмнадцати, которые тымъ способомъ роздано: первшая и другая часть отъ третее части пана Звѣрова и малжонки его, третяя шостая часть пана Чарнавского, четвертая часть подлѣ тое пани Кгрековое, а пятая за тымъ пана Солтанова, а шостая часть съ краю отъ пашней пани Кгрековое, Городище и Залѣсье въ боку бору Заповѣдника, а въ концу седлискъ Погорскихъ и навозовъ дворныхъ, ажъ по самую рѣку Крсну и до границы Малевское. Длужина того, напередъ отъ концовъ садыбъ Погарскихъ, гдѣ се длужина кончитъ, чотырнадцотомъ шнуромъ, тыхъ то садыбъ тая длужина идетъ до Малевское границы, которое есть шнуровъ двадцать два, а въ концу стѣною отъ Погарскихъ садыбъ и одъ навозовъ дворныхъ ажъ до рѣки Крсны есть шнуровъ двадцать чотыри; съ тое длужины, гдѣ шнуровъ двадцать

два, съ крижа пущоно трибъ ку рѣцѣ Крснѣ, которого вытягнено шнуровъ шестнадцать, а то обычаемъ моркгованья, ижъ не есть въ квадратѣ, потомъ на шестнастку шнурахъ учиненый крижъ, съ которого трибъ пущоно до болота отъ стѣны концовое садыбъ Погарскихъ и тежъ навозовъ дворныхъ, тою есть шнуровъ тринадцать, а еще тогожъ зоставаетъ клина ку рѣцѣ Крснѣ шнуровъ осьмь, учинитъ тыхъ сѣножатей водлугъ того тягненья волокъ три, моркговъ дванадцать, прутовъ девять. То на трое подѣлено, приходитсе зособна на кождую третюю часть по волоцѣ одной, моркговъ чотыри, прутовъ три. Першую третюю часть тую роздѣлено на четверо, на каждую четвертую часть приходитсе по моркговъ осьми, прутовъ петнадцати и по три четвертинѣ прута, которые тымъ способомъ роздано: першую и вторую часть тое третее части, которая лежитъ отъ бору Заповѣдника, досталасе паней Кгрековой, третяя часть подлѣ тыхъ пану Чарнавскому, а четвертая часть отъ шостыхъ частей пану Звѣрови и малжонцѣ его. А двѣ части роздѣлено на шесть частей, чинитъ на кождую зособна шостую часть по моркговъ одинадцати, прутовъ по одинадцати, которые такимъ порадкомъ роздано: напередъ отъ третее части першая часть пана Звѣрова, другая часть подлѣ тое пана Солтанова, третяя часть засе пана Звѣрова и малжонки его, четвертая подлѣ тое часть пана Чарнавского, пятая и шостая часть за тыми пани Кгрековое, которые уже зашли клиномъ и идутъ по надърѣчью Крснѣ въ ровныхъ частяхъ. Проба давная и теперешная село Вольки такъ се въ собѣ маетъ: водлугъ давное пробы въ року тысеча пятьсотъ осьмьдесятъ девятомъ, дня чотырнадцатого Мая, учиненое, черезъ пана Лукаша Солтана при коморнику пану Яну Каменскимъ, такъ тежъ и въ томъ року тысеча пятьсотъ деветьдесятъ девятомъ знову достаточне спробована; теды того всего обрубу села Волки водлугъ стародавныхъ границъ и стѣнъ, которые и теперь въ своей клюбѣ вцале зо всихъ сторонъ зостали, выморкговано зуполне и есть волокъ сорокъ три, моркговъ двадцать чотыри; вшакожъ въ томъ рахунку отъ стѣны Кобылянское есть болота и съ купиною въ застѣнку и въ волокахъ никчемного и ни начъ непожитечного волокъ двѣ, тыхъ въ рахунокъ не кладутъ здавна. Въ томъ селѣ Волцѣ здавна была рѣза одна съ краю въ третимъ полю водлѣ садибы поперокъ на шнуру однымъ, на выгонъ пущона, а ижъ тотъ выгонъ намней не былъ межи польми потребный, теды его за спольнымъ зезволеньемъ всихъ участниковъ межи себе розобрали тымъ способомъ: паней Кгрековой дали его половицу ку ей кгрунту, за нею отмѣрено пану Солтанови поперокъ одинъ прутъ и одна девятая часть прута, затымъ панъ Звѣръ и малжонка его, а съ краю отъ своее межи властное взялъ панъ Чарнавскій подлѣ садибного поля, а на то мѣстце пустили собѣ поперокъ черезъ волоки выгонъ до бору, который есть широкій на три пруты. Тое село Волка въ кгрунтехъ и въ подданыхъ такъ се въ собѣ маетъ. *А то суть подданые Волянскіе:* А напередъ на часть паней *Кгрековой* належачіе осьми волоки третину сыновъ два — Левко, Савка; Дацъ Волковичъ, сынъ одинъ — Яковъ; Супрунъ Хлисталовичъ — полволоки, сыновъ два — Петрашъ а Климъ; Игнатъ Юшковичъ — полволоки, сынъ

одинъ—Карпъ; Омельянъ Хлисталеня; Грицъ Чупаловичъ—полволоки, сыновъ два—Осько, Куцъ; Сенько Ворожбитъ—полволоки, сыновъ чотыри—Демидъ, Остапко, Федоръ, Омельянъ; Романъ Чупаловичъ—одну четвертину волоки; Волосъ Чупало—одну четвертину волоки, сынъ одинъ—Петрашъ; Лукашъ Волосовъ зять Чупаловъ, сыновъ два—Олиферъ, Омельянъ; Василь Волковичъ—полволоки, сыновъ два—Гаврило, Василь; Андрей Дымновичъ—полволоки, сыновъ два—Савонь, Демидъ; Куцъ Дымновичъ съ братомъ Васькомъ—полволоки, у того Куца сынъ одинъ—Грицъ. *А то суть подданые* на часть четвертую съ третее части и зъ двохъ на одну шостую часть пана *Звпрову* и малжонки его: Луцъ Ворожбитовичъ, сыновъ три—Яцко, Василь, Трохимъ; Стецъ Ворожбитовичъ, сынъ одинъ—Сакъ; Сергѣй Ворожбитовичъ, сынъ одинъ—Омельянъ; Логвинъ Шепетовичъ, сыновъ три—Федько, Лукашъ *); Левко Ворожбитовичъ, сынъ одинъ—Максимъ; Петрашъ Ворожбитовичъ, сыновъ пять—Гаврило, Сергѣй, Федоръ, Савичъ, Олексѣй; Янъ Ворожбитовичъ зъ братомъ Петромъ Шевчикомъ, сыновъ два—Хвалько, Андрей, тотъ же маетъ двохъ братанковъ; Марко Бунчицъ, сыновъ чотыри—Калихъ, Яцко, Мойсей, Мартинъ. *А то суть подданые пана Чарнавского* и панее малжонки его на четвертую съ третее и зъ двохъ частей на одну шостую часть: Романъ Ивановичъ, сыновъ пять—Федько, Михно, Ульянъ, Максимъ, Тишъ, братей два тогожъ Романа—Федько, Василь; Масюкъ Пашковичъ, сыновъ три—Андрей, Стецъ, Петрашъ; то съ третее части звышнаписанные Грицъ Савчичъ, сыновъ три—Федько, Тимошъ, Луцъ; Васко Бунчицовъ, сыновъ три—Тишъ, Иванъ, Игнатъ; Иванъ Кицевичъ, сыновъ три—Филипъ, Павелъ, Вакула; тотъ же Иванъ Кицевичъ маетъ брата Лукаша. *А то суть подданые Волляньскіе* на часть пана Лукаша Солтана и малжонки его на одну шостую часть зъ двухъ частей: Ильяшъ Петровичъ—полволоки, сыновъ два—Мартинъ, Грицъ; Остапко Кицевичъ—полволоки, братовъ чотыри—Патей, Стецъ, Яско, Грицъ; вдова Яцкова Бунчицова, сыновъ три—Хведько, Грицъ, Евхимъ. *А то суть замѣны.* А ижъ тые панове участницы Добрынскіе, водле старыхъ выдѣлковъ, розные части въ дробныхъ штукахъ и неприлеглыхъ собѣ по розныхъ мѣстцахъ мѣли; теды я подкоморій, уважаючи то, абы кождый прилеглость свою, што кому належитъ, мѣлъ посполу при сѣдлиску своемъ, учинилом межи ними за спольною згодою ихъ всихъ замѣны кгрунтами таковымъ способомъ: Напервей замѣна паней Кгрековой съ паномъ Звѣромъ и зъ малжонкою его водлугъ интерцызы, панъ Звѣръ зъ малжонкою своею уступилъ кгрунтовъ своихъ паней Кгрековой ку дворови ей Сливковщизны зъ Оходникомъ двѣ шостыхъ частей, чого учинитъ моркговъ осьмнадцать, а за то пани Кгрековая дала отмѣну пану Звѣрови и малжонцѣ его кгрунту своего на подсмужью съ третее части, такъ тежъ и зъ шостыхъ частей, чинитъ моркговъ дванадцать, прутовъ одинадцать и одна шостиня прута. А ижъ не выносило за Одходникъ такъ много подсмужья, яко и за Сливковщизну; теды пани Кгрековая еще додала также ку дворови пана Звѣровому противъ тогожъ подсмужья съ третихъ частей боровыхъ вздлужъ, яко

*) Одинъ пропущенъ.

естъ гумно зъ огородомъ моркговъ пять, прутовъ осьмнадцать и пять шостайней прута, што также зуполна чинитъ моркговъ осьмнадцать. Другая замѣна въ Залѣсью и въ погнояхъ дворныхъ: подъ садкомъ пани Кгрекова замѣну учинила съ паномъ Звѣромъ и малжонкою его, што се такъ съ помѣры приходило паней Кгрековой подъ поддаными ихъ Божкомъ и Чупаломъ, въ навозахъ дворныхъ съ третее части моркговъ два, прутовъ дванадцать, того ему уступила она; а за то панъ Звѣрь зъ малжонкою своею далъ паней Кгрековой тамже въ навозѣхъ дворныхъ подъ садкомъ, за гумномъ пана Солтановымъ, также моркговъ два, прутовъ дванадцать. Третяя замѣна въ Залѣсью: въ штукахъ въ третей части пани Кгрековая учинила и пустила въ замѣнъ пану Звѣрови и малжонцѣ его въ Залѣсью навозу и сѣножати въ третей части, которыя мѣла напротивко волокъ и сѣдлискъ Погарскихъ съ части пана Брошковского и пана Копцевского, займуючи и части лѣсныхъ, того уступила всего моркговъ десеть, прутовъ полтретя; а за то панъ Звѣрь зъ малжонкою своею далъ отмѣну паней Кгрековой и дѣтемъ ее ку прилеглости, то-есть, што мѣлъ въ навозахъ подлѣ подданого своего Божка и подлѣ ледницы кгрунту моркговъ два, прутовъ пять, концомъ отъ улицы и песку, а въ другомъ мѣстцу шостыхъ частей сѣножатей въ концу тогожъ навозу моркгъ одинъ, прутовъ двадцать, а въ другой штуцѣ сѣножати съ третее части его, здавна належачей прутовъ полтретя, ку тому садибы хлопское при подданомъ тогожъ пана Звѣра Мартина Поповича зъ кгрунтомъ оромымъ и зъ сѣножатью ажъ до стѣны вдолжъ садибное отъ песку моркговъ два, прутовъ семьнадцать; учитнитъ того всего замѣны морговъ шесть, прутовъ полпетанаста. Съ того еще далъ панъ Звѣръ зъ малжонкою своею пану Чарнавскому и малжонцѣ его прутовъ полдесета, за одмѣну подсмужья, а зоставаетъ уже только вцалѣ паней Кгрековой тое замѣны моркговъ шесть, прутовъ пять сполна. А ижъ се еще паней Кгрековой отъ пана Звѣра и малжонки его приходитъ за Залѣсье отдать кгрунту моркговъ три, прутовъ двадцать пять; теды за то панъ Звѣрь зъ малжонкою далъ паней Кгрековой отмѣну въ полю, въ пашн своей дворной, въ застѣнку, урочищемъ у Калила, концомъ до границы Корощинское, того далъ моркговъ три, прутовъ семьнадцать; а еще дополняючи ровности пани Кгрекова упустила зъ кгрунту Залѣского для подлости прутовъ осьмь ровно; чинитъ теды тая замѣна также ровно моркговъ десеть, прутовъ полтретья, такъ на тыхъ розныхъ мѣстцахъ отдавана. А ижъ тая пашня пана Звѣрова не при межи пащней паней Кгрековой, але подлѣ пашни пана Чарнавского лежитъ; теды панъ Чарнавскій зъ малжонкою своею взели тую моркговъ три, прутовъ семьнадцать у пана Звѣра и малжонки его до части своее, а съ части своее уступили такъ же при межи своей пану Солтанови также веле кгрунту, моркговъ три, прутовъ осьмнадцать; а панъ Солтанъ принявши тотъ кгрунтъ одъ нихъ, уступилъ съ части своее паней Кгрековой съ пашни своей въ томъ же застѣнку Калилѣ ку пашни паней Кгрековой тежъ моркговъ три, прутовъ семьнадцать, што вже также власне учинитъ замѣны моркговъ десеть, прутовъ полтретья. Четвертая замѣна въ подданыхъ Погарскихъ: пани Яновая Кгрековая уступила пану Звѣрови и

малжонцѣ его подданыхъ своихъ Погарскихъ, съ пріѣзду отъ коловорота Скорощина, почавши отъ коловорота и сѣдлиска подданого своего Левона, всю полпеты волоки съ третее части, которая есть отъ пана Врошковского Адама, такъ въ селискахъ, яко и въ волокахъ во всихъ трохъ поляхъ волочныхъ, до шостой третее части належачихъ; а за то панъ Звѣръ зъ малжонкою своею уступили паней Кгрековой и дѣткомъ ее и дали за то отмѣну: почавши зъ седлискомъ Кавалюсовымь, также полпеты волоки, ровно по собѣ идучихъ, такъ въ сѣдлискахъ, яко и въ волокахъ, во всихъ трехъ поляхъ зъ шостое части такъ, яко се тые полпеты волоки стегаютъ. А ижъ се пани Кгрековая съ паномъ Звѣромъ и малжонкою его фримарчила сѣдлисками подданыхъ своихъ Погарскихъ съ третее части подле коловорота, съ пріѣзду отъ Корощина, всю полпеты волоки на шостую часть сѣдлискъ пана Звѣровыхъ и малжонки его, почавши отъ Кавалюса ку дворови пана Солтановому, такъ много яко полпеты волоки выносило; теды при тыхъ сѣдлискахъ фримарчилисе тежъ и волоками тыхъ подданыхъ во всихъ трохъ поляхъ; а ижъ пани Звѣровая мѣла волоки подданыхъ своихъ такъ съ третее, яко и зъ шостое части посполу по обу сторонъ выгону, который лежитъ ку борови, ѣдучи ку Пещатцу, теды пани Звѣровая дала пани Кгрековой подлѣ выгону, ѣдучи зъ Добрыня до Пещатца, по правой руцѣ, волоки подданыхъ своихъ шостой части за ей полпеты волоки съ третее части волокъ чотыри. А ижъ се еще приходило паней Кгрековой на другую сторону полволочекъ выгону, теды жебы тотъ выгонъ шолъ не одного участника часть, але межи двохъ частей, то-есть зъ одну сторону абы были волоки подданыхъ паней Кгрековой, а зъ другое стороны волоки подданыхъ пана Звѣровыхъ и малжонки его, прото панъ Звѣръ зъ малжонкою своею паней Кгрековой за тотъ полволочокъ, который бы се мѣлъ прійти по другой сторонѣ выгону, дали полволочокъ подданого своего Дешковича въ третей части во всихъ трехъ поляхъ. А подданые тые яко пана Звѣровы, такъ и пани Кгрековой, ижъ уже почали на первшихъ волокахъ, на которыхъ первей сѣдѣли, жито озимое сѣяти, теды ижъ вже почали орати и сѣяти, маетъ кождый свою працу зобрати, а скоро зобравши, теды вже заразъ попустити и уступити маютъ до сѣдлискъ собѣ належачихъ. А зъ стороны перенесенья будованья, хороминъ хлопскихъ, теды надалей до святокъ пришлыхъ въ року тысеча шестьсотномъ вси перенестисе маютъ и будутъ повинни. Другая замѣна пана Солтанова съ панею Кгрековою: Пани Кгрековая уступила пану Солтанови кгрунтовъ и навозовъ своихъ, напередъ, почавши отъ дорожки давное подъ гумномъ пана Солтановымъ, которая идетъ въ навозы и въ городище, што только кгрунтовъ мѣла водлугъ старое помѣры: напередъ, подъ дворомъ пана Солтановымъ одъ третее части сѣдлища дворного надъ рѣкою Крсною кгрунту всего полосьма прута. На другомъ мѣстцу съ третее части за гумномъ тогожъ пана Солтана морктъ одинъ, прутовъ три; а въ томъ мѣлъ панъ Чарнавскій зъ малжонкою своею одинадцать прутовъ, што паней Кгрековой пустилъ. На третьемъ мѣстцу, што отъ пана Звѣра и паней малжонки его взела въ замѣну моркговъ два, прутовъ дванадцать, то ему пану Сол-

тану пустила за гумномъ его, подъ садкомъ вишневымъ, концемъ до рѣки Крсны. На четвертомъ мѣстцу подъ дальшимъ огородомъ тогожъ пана Солтана надъ стружкою части своее властное пустила моркгъ одинъ, прутовъ сѣмнадцать. Того всего кгрунту на тыхъ чтырохъ мѣстцахъ учинитъ моркговъ пять, прутовъ полдесета. А за то все панъ Солтанъ отдалъ отмѣну паней Кгрековой и дѣтемъ ее въ болоню съ части своее шостое въ поперокъ отъ стѣны квадрату великого на Щуцѣ и оземъ у Квасного болота тую отмѣну далъ поперокъ, а не вздлужъ, концемъ до стѣны великое, што идетъ межи болоньемъ и квадратомъ великимъ, также веле моркговъ пять, прутовъ полдесета; а длужина той одмѣнѣ есть шнуровъ осьмь, а пречина на шнуровъ два. Тотъ же панъ Солтанъ съ паномъ Чарнавскимъ и малжонкою его: Панъ Чарнавскій зъ малжонкою своею што мѣлъ здавного выдѣлку съ третее части сѣдлища часть свою четвертую подъ самымъ дворомъ пана Солтановымъ, чого естъ прутовъ три и три четвертины прута; то пустилъ пану Солтанови и за то панъ Солтанъ отдалъ ему отмѣну кгрунтомъ своимъ на Подсмужу въ части своей шостой, которая ему теперь зъ новое помѣри пришла, вздлужъ при его властной также шостой части отдалъ ему сполна чотыри пруты. Тотъ же панъ Солтанъ съ паномъ Звѣромъ и малжонкою его: На першомъ мѣстцу панъ Звѣръ зъ малжонкою своею пустилъ пану Солтанови сѣдлища дворного съ третее части, подъ дворомъ его прилеглой, три пруты и три четвертины прута; на другомъ мѣстцу также за пана Солтановымъ гумномъ съ третее части пустили ему прутовъ одинадцать; на третемъ мѣстцу также за гумномъ тогожъ пана Солтана дали зъ шостое части навозу концомъ до рѣки Крсны, которого моркговъ два, прутовъ тринадцать; а ту збыло одинъ прутъ, бо паней Кгрековой отдалъ моркговъ два, прутовъ дванадцать. На четвертомъ мѣстцу за огородомъ тогожъ пана Солтана и за сажовкою съ третее части двадцать одинъ прутъ, чинитъ того сумою моркгъ одинъ, прутовъ семь. А за то панъ Солтанъ отдалъ отмѣну пану Звѣрови и малжонцѣ его кгрунтомъ оромымъ на урочищу въ Подсмужу въ шестой части своей властной, которая му теперь пришла зъ новое помѣры, тую отмѣну далъ панъ Солтанъ пану Звѣрови и малжонцѣ его при части его, которая му се отъ пана Кгрека досталa, вздлужъ и вширъ также моркгъ одинъ, прутовъ семь; а то по обудву сторонъ гостинца Берестейского пустилъ пану Звѣрови. Тотъ же панъ Звѣръ съ паномъ Солтаномъ. Замѣна пана Лукаша Солтана и малжонки его съ паномъ Криштофомъ Звѣромъ и малжонкою его; то есть: панъ Солтанъ, што мѣлъ сѣножать и лѣсъ шостое части на Залѣсью и въ городищу подлѣ огорода пана Звѣрового и малжонки его тамъ въ Залѣсью, тую всю часть свою, яко се въ собѣ маетъ, для прилеглости ку огородови пустилъ въ Залѣсью и въ городищу панъ Солтанъ пану Звѣрови и малжонцѣ его въ одмѣну. А за то панъ Звѣръ зъ малжонкою своею уступили и дали пану Солтану и малжонцѣ его также на Залѣсью и въ городищу сѣножать и лѣсъ, также всю шостую часть тежъ свою, яко се въ собѣ маетъ, подлѣ части шостое пана Чарнавского и подлѣ тое части, которая се имъ при огородѣ ихъ отъ пана Солтана достала. Третяя за-

мѣна пана Чарнавского и малжонки его съ паномъ Звѣромъ и малжонкою его. Панъ Чарнавскій зъ малжонкою своею уступили пану Звѣрови и малжонцѣ его кгрунту своего властного оромого на урочищу подсмужу съ третее части подлѣ коловорота Погарского, того есть морkговъ два, прутовъ два, одна четвертина прута, а ровнаючи для прилеглости, абы мѣлъ ровную часть панъ Звѣръ зъ малжонкою своею, такъ въ Подсмужью, такъ яко отъ паней Кгрековой, теды уступилъ панъ Чарнавскій съ малжонкою своею пану Звѣрови и малжонцѣ его при томъ же подсмужу ровно съ тою частью боровою, што отъ панее Кгрековое моркговъ два, прутовъ двадцать чотыри и одну третину прута; а до того еще, што збывало въ навозехъ моркгъ одинъ, прутовъ шесть, чого всего чинитъ моркговъ шесть, прутовъ двадцать одинъ, третина и четвертина прута. А за то панъ Звѣръ зъ малжонкою своею дали отмѣну пану Чарнавскому и малжонцѣ его: напередъ на Волцѣ у коловорота Малошевского въ застѣнку моркговъ чотыри, а на выгонѣ Волянскимъ за селомъ съ краю третего поля дали моркгъ одинъ, прутовъ двадцать осьмь и одну третину прута; въ третемъ мѣстцу въ сеножатѣхъ при навозахъ за гумномъ пана Солтановымъ прутовъ полдесета; а ижъ се тамъ большъ кгрунту въ томъ выгонѣ приходило на часть пана Звѣрову и малжонки его, теды уважаючи подлость кгрунту Волянского, ижъ тамъ въ томъ выгонѣ бакгна, ниначь незгожого есть не мало, теды то все отдали пану Чарнавскому въ томъ выгонѣ за тые въ вышмѣнованые кгрунты моркговъ шесть, прутовъ двадцать одинъ, одна третина и четвертина прута. Тотъ же панъ Звѣръ съ паномъ Чарнавскимъ. Панъ Звѣръ зъ малжонкою своею, роспрестреняючи седлиско пану Чарнавскому и малжонцѣ его на Вольцѣ, што тамъ мѣли полуволочокъ въ подворью его, тогды тотъ полуволочокъ во всихъ трохъ поляхъ уступили и дали пану Чарнавскому и малжонцѣ его тамъ на Вольцѣ, а панъ Чарнавскій зъ малжонкою своею за тотъ полуволочокъ дали отмѣну пану Звѣрови и малжонцѣ его, также полуволочокъ и зъ седлискомъ въ Добринѣ, то есть, иже се приходило въ седлиску подданого пана Звѣрового и малжонки его Мащенята пану Чарнавскому зъ шостое части водлугъ помѣри теперешнее моркгъ одинъ, прутовъ двадцать чотыри, теды панъ Чарнавскій зъ малжонкою своею уступилъ того моркга одного прутовъ двадцать чотырохъ пану Звѣрови и малжонцѣ его, и до того, што му се приходило подъ поддаными пана Звѣровыми Божкомъ и Кгупаломъ въ навозахъ подъ садкомъ, за гумномъ пана Солтановымъ, кгрунту моркгъ одинъ, прутовъ шесть; въ томъ моркгу пустилъ пану Звѣрови прутовъ шестьнадцать шпритомъ полволочокъ свой пустый во всихъ трехъ поляхъ и зъ утинками при волокахъ ихъ краньскихъ подлѣ межи тогожъ подданого ихъ Мащенята. Замѣна небожчика пана Кгрека съ паномъ Чарнавскимъ. Въ навозехъ и сѣножатехъ за седлискомъ пана Солтановымъ учинена въ року тысеча пятьсотъ деветъдесятъ девятомъ дня шостого Мая, а теперь вже при мнѣ подкоморомъ по смерти его скончона, то-есть: паней Кгрековой съ паномъ Чарнавскимъ и малжонкою его, которое тое першое замѣны зачатое докончили, то-есть, ижъ панъ Чарнавскій зъ малжонкою своею тыхъ навозовъ, што се на часть его

зоставило, такъ съ третее, четвертое, яко и шостое части, пустилъ все паней Кгрековой, чого моркговъ чотыри, прутовъ полдесета; а въ Громовичу пустилъ ей въ садибѣ двадцать одинъ прутъ, учинитъ тое замѣны моркговъ пять и полпрута; а за то пани Кгрековая пустила пану Чорнавскому и малжонцѣ его на Вольцѣ одмѣною навозу старого ту отъ Ауца, почавши отъ улицы и дороги, яко вынесло моркговъ чотыри, а за оборою пана Чарнавского, также почавши отъ дороги, але вынесло, дано на полуволочку морг.. одинъ и полпрута, учинитъ также властне замѣны моркговъ пять и полпрута. А къ тому особливе тотъ-же панъ Чарнавскій, што замѣну взялъ отъ пани Кгрековое на Вольцѣ, моркгъ одинъ, прутовъ шесть, а теперъ еще придано полшостнаста прута, што учинитъ моркгъ одинъ, прутовъ двадцать полтора; за то панъ Чарнавскій въ середнемъ полю пашни дворное отъ границы Коращинского зъ малжонкою своею далъ паней Кгрековой кгрунтомъ оромымъ моркгъ одинъ, прутовъ дванадцать, а до того въ сѣножатехъ за огородомъ пана Солтановымъ пустилъ паней Кгрековой полдесета прута, тые, которые теперь мѣлъ замѣною отъ нана Звѣра и малжонки его, и учинитъ замѣны также властне моркгъ одинъ, прутовъ двадцать полтора. Пущено теды пану Чарнавскому и малжонцѣ его властне на противку воротомъ его за дорогою водле полволока ихъ властного должина шнуровъ десетъ, прутовъ три, а пречина пущона прутовъ пять, што властне чинитъ моркгъ одинъ, прутовъ двадцать полтора. А што се тыче еще о приступѣ до рѣки Крсны и до езовъ, теды тую дорожку, што идетъ межи навозами по концу огорода пана Солтановового, допустили се до тое стѣны, которая идетъ межи седлищами Погорскими и межи навозы, што отдѣляетъ навозы и городище, а тая стѣна идетъ до рѣки Крсны, абы кождый могъ мѣти приходъ и приступъ тою стѣною до рѣки, не чинечи новыхъ стежокъ, ани шкоды никому, только стѣною и старою стежкою доходити маютъ. А тая стѣна маетъ быть широка на одномъ прутѣ. Реестръ тотъ, што участники Добринскіе платили пану Солтанови и небожчику пану Кгрекови зъ малжонкою его и кгдѣ имъ кгрунту, што се подъ ними больше налезло, уступовали, и то есть до реесгру головного описано. А ижъ се подъ паномъ Чарнавскимъ и малжонкою его пани Ганною зъ Брошкова, также подъ паномъ Звѣромъ и малжонкою его пани Гальшкою зъ Брошкова, такъ въ третей, яко и въ шостой части большей налезло кгрунту, а нижели бы се имъ держати приходило, налезло се съ помѣри, ижъ большей держали, а нижели водлугъ першихъ выдѣлковъ имъ заплатили, теды то все, гдѣ се большей, чего такъ въ третей, яко и въ шостой части съ пробы мѣрничое показало, панъ Чарнавскій зъ малжонкою своею, также панъ Звѣръ зъ малжонкою своею съ третихъ и шостыхъ частей кгрунту тамъ всюду, гдѣ се приходило, уступили; а што се платити приходило, теды паней Кгрековой, также пану Солтанови и малжонцѣ его платить суть повинны. А ижъ здавна было при третей части болота сѣножатного моркговъ двадцать чотыри, теды и теперь такъ водлугъ теперешнее помѣры помежъ Ивана Скибки помѣроно, которое болото сѣножатное взела собѣ всю двадцать чоты-

ри моркги при седлиску своемъ дворномъ и съ части своее третее пани Кгрековая, а пану Звѣрови и съ панею малжонкою его, также тежъ и пану Чарнавскому и малжонцѣ его уступила болота такогожъ подле межи пана Чарнавского моркговъ двананадцать, то-есть: пану Чарнавскому моркговъ шесть, а пану Звѣрови и малжонцѣ его моркговъ шесть. А панъ Чарнавскій зъ малжонкою своею уступилъ съ части своее пану Звѣрови и малжонцѣ его моркговъ шесть, принявши тую дванадцать моркговъ отъ панее Кгрековой. А остатокъ того болота, што приходитъ на шостую часть ку млынови, то вси участницы сполне уживати маютъ во млынѣ, тежъ и въ ставѣ на Квасовцѣ всѣ спокойное держанье и уживанье маютъ мѣти кождый водле части своее. Ку тому, што се тежъ дотычетъ на Подсмужью двохъ моркговъ и шнуровъ чотырохъ, вышей помененыхъ, што перво бывало выгономъ, то также собѣ водле давного звычаю здержати обѣцали, вшакже за зезволеньемъ зобопольнымъ и за згодою могутъ на томъ выгонѣ и сѣяти. Дорога тая маетъ быти всимъ участникомъ и подданымъ ихъ кождому до своихъ пашенъ вольная, до Острова и Замостья, и ку тому вольные паши по знятью збожъ вездѣ на стернискахъ. Што тежъ былъ панъ Звѣръ нанялъ проробокъ поля подданому своему до знятья жита; а ижъ се тотъ проробокъ съ помѣры досталъ паней Кгрековой, теды зъ розсудку моего тотъ проробокъ поля заразомъ паней Кгрековой подъ юриздикцію ее вѣчне подаломъ и присудилъ, а жито, што хлопъ засѣялъ, за квитомъ панее Кгрековое, а не пана Звѣровымъ, маетъ въ року пришломъ тысеча шестьсотномъ собѣ знятн, а проробокъ при паней Кгрековой вже по знятью жита вѣчне зостати. А ижъ тежъ панъ Криштофъ Звѣръ зъ малжонкою своею, розумѣючи быти безъ шкоды пановъ участниковъ своихъ, просилъ ихъ, абы ему позволили черезъ поля свое по Подсмужью для живое воды криницу отворити и ровъ прокопати, не ширшій только на полтора локтя и до сажовки впровадити, на што панъ Солтанъ и панъ Чарнавскій зъ малжонками своими и пани Кгрековая передо мною позволили; штомъ и я ему пану Звѣру и малжонцѣ его симъ актомъ моимъ ствердилъ и ствержаю. Ку тому тотъ же панъ Звѣръ зъ малжонкою своею примовяли се, еслибы зась потомъ дѣти небожчика пана Бростовского, доросши лѣтъ, хотѣли въ томъ же имѣнью Добринскомъ, розумѣючи собѣ быть съ кривдою, пробу повторе чинити, они имъ о то дороги не загорожаютъ и просили, абы имъ вольное мовенье заховалъ, которымъ заховую. Што тежъ зосталъ виненъ панъ Звѣръ зъ малжонкою своею паней Кгрековой петдесятъ копъ грошей за кгрунты злишковые, которые се подъ ними съ помѣры показали, тогды на тотъ долгъ маетъ панъ Звѣръ и малжонка его листъ свой паней Кгрековой дати и оного признати въ року теперешнемъ тысеча пятьсотъ деветьдесятъ девятомъ, на рокохъ Михаловскихъ, тогожъ дня, коли дѣлъ тотъ свой признавати будутъ передъ судомъ земскимъ Берестейскимъ. Што се тежъ также приходило пану Солтанови отъ пана Звѣра и малжонки его, также и отъ пани Кгрековое и отъ пана Валентого Чарнавского и малжонки его за злишокъ кгрунтовъ немалая сума пѣнезей, тогды панъ Лукашъ Солтанъ

признал то передо мною, же се ему заплатою за вси тые кгрунты злишковые досыть стало от пана Чарнавского и малжонки его, также и от пани Кгрековое, с которого досыть учиненья квитовал их пан Солтан, которых и я вѣчне вольными от пана Солтана чиню. А на пана Звѣра и малжонку его оповѣдал се пан Солтан тыми словы: Милостивый пане подкоморій! Оповѣдам и освѣтчам вашей милости на пана Криштофа Звѣра и малжонку его, пани Гальшку з Брошкова, иж они при завартью справы роздѣлку и розобранью кгрунтов имѣнья нашого спольною Добрынскою, водле интерцызы и водле запису спольного, ачъкольвек в инших параграфех стороны дѣлу и розобранья кгрунтов, кромѣ бору, зе мною и з иншими паны участниками згодилисе и конец учинили, нижли одное кондиціи, в интерцызѣ мнѣ описаное, не выполнили, то-есть: листу запису мнѣ на суму в доплаченью крунтов, што с теперешнее пробы приходит правного и з варунками так, яко се годит и звыкло, в записех докладать не дали и затлумяючи тую справу ку великой кривдѣ, шкодѣ, трудности и волокитѣ досыть водлѣ уподобанья своего в земствѣ в Берестьи, в небытности и в невѣдомости моей учинили, на кшталт якобы запису сознанья своего на сумму коп сорок одну грошей двадцать литовских; о чем се я вывѣдавши и не примуючи оного сознанья их, яко неслушного мнѣ знаку неваровного, заразом противко тому сознанью их там же в земствѣ оповѣдалем се, при котором оповѣданью и теперь стоячи перед вашей милостью, яко урадом подкоморским, оповѣдаю се на того пана Звѣра и малжонку его о заклад тысечу золотых, в которую они мнѣ затым недосыть учиненьем водле интерцызы попали, также о шкоды свое, которые часу права и жалобы менованы будут и просил пан Солтан, абы тое оповѣданье его было записано. А пан теж Звѣр з малжонкою также се оповѣдали против пану Солтану, иж они чинечи досыть интерцызѣ, запись пану Солтану на суму в земствѣ признали, а он их, людей невинных до шкоды и утраты приводит. А потом пан Солтан водле интерцызы вернул передо мною пану Звѣру и малжонцѣ его лист на коп двадцать двѣ вливку права от пана Яна Кгрека на тую суму, с чого его пан Звѣр и малжонка его передо мною квитовали. Который же тот дѣл, через мене им учиненый, во всих пунктѣх, яко се выше поменило, я им подкоморій сим декретом моим дѣльчим ствержаю и вѣчне непорушне умочняю. И мают вже они уси участники от сего часу кождый з них части своее вѣчистое, на нено належачое, яко и замѣнъ, промежку собѣ чиненых, водле теперешнее помѣры вѣчне на собѣ держати, уживати и пожитки собе оттоль вшелякіе привлащати, водле уподобанья своего, яко власности своее. На котором же декретѣ роздѣлку моего в розобранью и розданью им через мене кгрунтов людей водле помѣры мѣрницкое, от них же мнѣ на реестрѣ поданое, они участники все добровольне, переставши, то межи себе вѣчне здержати обѣцали. А постерегаючи того, абы от дѣл межи ними, кром нарушенья, вѣчне тривалѣ, моцью права посполитого из владзы враду моего подкоморского, на

кождого спротивного зъ нихъ участника. А хтобы того дѣлу не держалъ, а онъ повторе зновлялъ, закладамъ заруку петьсотъ копъ грошей литовскихъ, которую заруку и они сами участники на себе добровольне принели. А при той всей справѣ былъ при мнѣ возный вовѣту Берестейского панъ Кгрекгоръ Кгробовскій и два шляхтичи, панъ Станиславъ Каменскій а панъ Амброжій Остромечовскій. Которая вся справа, яко се звышей поменило, для памети до книгъ подкоморскихъ есть записана.

1599 г.

Изъ книги за 1597—1609 г., стр. 160—166.

8. Подкоморское опредѣленіе по спорному дѣлу между королевскими крестьянами Яблоновца и земляниномъ Филиппомъ Махвицемъ о мельницѣ и о лѣсѣ, называемомъ Саловъ Грудъ, которые и присуждены Махвицу.

За коммиссіею и росказаньемъ его королевское милости, пана нашого милостивого, Жикгимонта третего, на року, отъ насъ обѣма сторонамъ зложономъ, дня нынешного, то-есть мѣсеца Ноября, року 1599, мы Григорей Война—кашталянъ Берестейскій, Мальхеръ Каменскій — стольникъ Берестейскій, инстигаторъ великого князства Литовского, стороны добръ его королевское милости ниже помененыхъ, коммиссаре, отъ его королевское милости высланыи и коммиссіею уфундованыи въ справѣ его милости пана Филипа Махвица—лѣсничогоКаменецкого и Бѣловѣзского зъ вельможнымъ паномъ ЯномъПацомъ—тивуномъВиленскимъ, старостою Каменецкимъ и Довкгалискимъ, о млынъ, якобы тотъ пана лѣсничого властый, до имѣнья его Городища належачій, который якобы ревизорове за даньемъ справы черезъ подданыхъ державы Каменецкое, отъ пана лѣсничого тымъ подданымъ мѣлъ быти привернен и платъ до скарбу его королевское милости постановленъ; а ку тому тежъ, якобы за попсованьемъ копцовъ подданые его королевское милости Яблонцы, державы Каменецкое, въ лѣсъ имѣнья того пана лѣсничого Городискій, названый Саловъ Грудъ, вступовать се и его собѣ привлащать мѣли, о што онъ, панъ лѣсничій, мѣлъ правную росправу передъ его королевскою милостью. Гдѣ поставившисе обличне передъ нами лѣсницій Каменскій и Бѣловѣзскій панъ Филипъ Махвицъ съ коммиссармі своими, его милостью паномъ Львомъ Потеемъ — писаромъ земскимъ Берестейскимъ и паномъ Яномъ Каменецкимъ, водле права и зъ доводомъ своимъ у того млына и вперодъ доведши року, за которымъ коммиссія припала, выписомъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, датою року 99, мѣсяца Октебра 4 дня у шести недѣляхъ припалого обвѣщенья ему, пану лѣсничому и его милости пану старостѣ Каменецкому, о томъ року домовялсе панъ лѣсни-

чій, абы есьмо на тотъ млынъ, выслушавши права и доводы его милость пана лѣсничого, оному тотъ млынъ присудили. А такъ мы коммиссаре, не бачечи при той справѣ его милость пана Яна Нарушевича — ловчого великого князства Литовского, въ коммиссіи помененого, ани тежъ отъ его милости, также изъ скарбу его королевское милости зъ никоторою информаціею никого неприсланого, жебы намъ былъ далъ хто вѣдомость, зачимъ бы тотъ млынъ до имѣнья Городиского належать мѣлъ: про то съ тыхъ мѣръ на тотъ паракграфъ на млынъ отложили есьмо тую справу на сторону, не чинечи о немъ никоторого узнанья. А изъ стороны лѣсу Салова-Ґруда, до которого кгды есьмо пріѣхали, тамъ же пріѣхалъ и его милость панъ староста Каменецкій, панъ Янъ Пацъ — тивунъ Виленскій и повѣдилъ то, ижъ онъ, маючи вѣдомость о томъ року коммиссіи, пріѣхалъ тутъ, яко староста и державца Каменецкій, того постерегать хотечи и вѣдать, за чимъ бы панъ лѣсничій того лѣсу Салова-Груда домагатисе хотѣлъ; кгдыжъ то добра короля его милости суть, хотѣлъ того, абы панъ лѣсничій право показалъ. Якожъ и подданые Яблоновскіе, державы его милости Каменецкое, менуютъ его добрами королевское милости, а Саловъ-Грудъ далей, а не тутъ въ томъ мѣстцу, гдѣ панъ лѣсничій показуетъ, быть менуютъ. А такъ панъ лѣсничій, учинивши тую премову, же тотъ Саловъ-Грудъ завше въ дому предковъ его пана лѣсничого до имѣнья Городища бывалъ и ему се засъ куплею достался, што показалъ впередъ привилей продка его королевское милости Жикгимонта Старого, датою року тысеча пятьсотъ осьмого, мѣсяца Іюня 29 дня индикта 11, данину дьяку писара его королевское милости Богуша Боговитиновича Каменскому Михайловичу земли пустовское въ Каменецкомъ повѣтѣ, въ Городищи, на име Кобылчинское, Вахновское, Мардинское, а къ тому придалъ я ему и двохъ землицъ на имя—Марковское и Саловское. До того показалъ привилей тогожъ короля его милости Жикгимонта, датою року семь-тысечного осьмьнадцатого *), мѣсеца Августа 23 дня, индикта 13, гдѣ за оплаченьемъ долговъ немалыхъ по смерти Каменецкого Михайловича черезъ брата Андрейка тому Андрейку зъ братью его, зъ Ильяшомъ а зъ Гринкомъ Михайловичи, король его милость тые всѣ землицы, вышейпомененые, вѣчне далъ, ствердилъ. Еще показовалъ привилей тогожъ короля его милости Жикгимонта, датою року 1535, мѣсеца Сентебра тридцатого дня, индикта 9, купна дворца Городища у земянъ повѣту Каменецкого, у Ганны Ильяшовое и сына ее Михна, а Гриска и Андрея Михайловичовъ, черезъ подкоморого и ловчого его королевское милости державы Каменецкое, пана Миколая Юрьевича Пацовича, съ тыми землями вышейпоменеными, Кобылчинскою, Вахновскою, Марденскою, Равковского, Саловскою и Щурьяновскою. А до того еще покладалъ листъ, на паркгаминѣ писаный, съ петьма печатьми завесистыми, датою року 1573 месяца Мая 12 дня, его милости пана Доминика Паца—кашталяна Смоленского, подкоморого Берестейского, продажи двора Городища, въ повѣтѣ Каменецкомъ лежачого, зо всимъ, яко се тое имѣнье Городиское въ собѣ мѣло, а ку тому

*) Отъ сотвор. міра или 1510 отъ Р. Х.

и островъ лѣсу, прозываемый Саловъ-Грудъ, вельможному пану Лаврину Войнѣ—подскарбему надворному и писару великого князства Литовского, яко о томъ тые привилея въ собѣ ширей опѣваютъ; а по смерти того его милости пана подскарбего тое имѣнье Городище зо всимъ правомъ прирожонымъ на его милость пана Андрея Войну—крайчого великого князства Литовского спало, которого Городища его милость панъ крайчій, будучи въ спокойномъ держанью и уживанью своемъ, черезъ часъ немалый, продалъ тое Городище вѣчными часы ему, пану лѣсничому, на што менилъ у себе быть листъ записъ пана крайчого и признанье его на врадѣ кгродскомъ Берестейскомъ, и за перенесеньемъ ее до земства интромисіе врадовые войштя въ тое Городище. А до того тотъ же панъ лѣсничій покладалъ передъ нами выписъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, датою 1598, мѣсяца Генвара 29 дня, оказанья вознымъ зопсованья копца, который якобы граничити мѣлъ имѣнье Городиское зъ Яблоновомъ, о порубанья въ лѣсѣ его Саловомъ-Грудѣ дерева, ку шкодѣ его пана лѣсничого немалое. А при томъ такъ ясномъ показанью права своего, ижъ тотъ лѣсъ Саловъ-Грудъ съ продковъ его, здавна до имѣнья Городиского належалъ, бралсе зъ свѣтками своими деветьми, водле права до обведенья того лѣсу Салова-Груда, и ставилъ свѣдки: напервей Ивана Бобровника Станкевича, Степана и Петраша Федюковичовъ, Василья Васильевича—зъ села Былева — подданыхъ князя Гаврила Петигорца, Ивашка Юсковича зъ села Леневичъ — подданого пана Костюшкова, Юска Рожка—зъ Воли Рожковое, Миська Климовича Ивашка, Микулича — зъ села Дмитровичъ, Максима Савоневича—Схойновскихъ осочниковъ его королевской милости, и почавши отъ дороги великое, гостинца, который идетъ съ Каменца до Шершева, отъ копца, знать попсованого, просто черезъ хворостъ и багна вели насъ ажъ до копца другого, на полудне усыпаного, а одъ того копца, якобы на заходъ слонца въколо тотъ Саловъ-Грудъ, ажъ знову до первого копца привели. И то одностайне свѣдкове сознали тыми словы: ижъ то-есть властный лѣсъ Саловъ-Грудъ, который продкове пана лѣсничого и онъ теперь, панъ лѣсничій, за правомъ своимъ купнымъ отъ пана крайчого маетъ, держали и онъ держитъ, а того не вѣдаютъ, для чого тые подданые короля его милости Яблоновскіе въ тотъ лѣсъ се вступуютъ,—и кгдыжъ имъ и ревизорове недавно, тому лѣтъ колько, яко стѣны починили; а они черезъ нихъ перешедши пану лѣсничому вступъ чинятъ, бо тотъ лѣсъ въ обрубѣ и ограниченью есть, яко есьмо и самъ обѣждчали, повѣдели, вколо того лѣсу быть кгрунтами княгини Вишневецкое, а отъ Яблонова села кгрунтъ короля его милости державы Каменецкое, а въ серединѣ лѣсомъ Саловымъ-Грудомъ. За которымъ обведеньемъ и оказаньемъ правне того лѣсу просилъ панъ лѣсничій, абы есьмо ему тотъ лѣсъ Саловъ-Грудъ, водле права его, ему присудили и знову копцами засыпали, якобы онъ вже большей отъ тыхъ Яблоновцовъ перешкоды не мѣлъ. А подданые Яблоновскіе, ижъ признавали Саловъ-Грудъ быть пана лѣсничого, але далей — не тутъ, гдѣ панъ лѣсничій зъ свѣдками обводъ чинилъ и тые копцы и знаки показованые менили быть учинены зъ кгрун-

тами королевскими князю Вишневецкому. А при томъ тежъ часѣ, кгды панъ лѣсничій тотъ лѣсъ Саловъ - Грудъ обводилъ, ставши на копцу при той дорозѣ помененой, идучой съ Каменца до Шерешова, пріятель княгини Вишневецкое панъ Флоріянъ Зеленскій съ поддаными ее милости, приповѣдалсе, абы кгрунтовъ, которые суть кнегини Вишневецкое панъ лѣсничій съ свѣтками своими до лѣса Салова-Груда не займовалъ, ани заѣздчалъ, кгдыжъ тотъ копецъ менили подданые быть границою кнегини Вишневецкое зъ Саловымъ-Грудомъ. А панъ лѣсничій повѣдилъ, же онъ не маетъ никоторого дѣла до кгрунтовъ кнегини Вишневецкое, только до своихъ и оные заводитъ и заѣждчаетъ. И пытали есьмо пана лѣсничого и его милости пана старосты Каменецкого, если бы еще што большъ передъ насъ правного мовити и вносити мѣли. А ижъ быть не повѣдили, але то на розсудокъ нашъ пустили—мы коммисаре въ той справѣ тотъ лѣсъ Саловъ-Грудъ, за выѣханьемъ нашимъ, все што се показало съ привилеевъ королевъ ихъ милости и зъ листовъ записовъ купныхъ, меновите: Съ першого привилею короля его милости Жикгимонта старого датою року 1508, мѣсеца Іюня 29 дня индикта одинадцатого, данину дьяку писарю его королевское милости Богуша Боговитиновича, Каменецкому Михайловичу, землей пустовскихъ въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Городищи на име Кобылчинскіе, Вахновское, Мординское и двохъ землицъ на имя, Миркевское и Саловское, зъ другого привилею тогожъ короля его милости, датою року 1528, мѣсеца Августа 23 дня, индикта 13, потверженья брату Михалковому, а дано и братьи его на вѣчность тыхъ же всихъ землицъ помененыхъ, межи которыми и Саловщизну вспоминаетъ; съ третего привилею тогожъ короля его милости, датою року 1535 мѣсеца Сентября 30 дня, индикта 9, потверженья купна дворца Городища и съ тыми всими землями поменеными и въ Саловщизною отъ тыхъ земянъ Каменецкихъ подкоморому и ловчому его королевское милости державы Каменецкое пану Миколаю Юрьевича Пацовича; и зъ листу четвертого, на паркгаминѣ писаного, одъ Доминика Паца—кашталяна Смоленского, подкоморого Берестейского, датою року 1573, мѣсеца Мая 12 дня проданья вѣчностью имѣнья Городищи и лѣсу Салова - Груда его милости пану Лаврину Войнѣ—подскарбьему дворному и писару великого князства Литовского, и зъ иншихъ справъ купныхъ пана лѣсничого, же тотъ лѣсъ Саловъ - Грудъ здавна до Городища належалъ. А подданые короля его милости, державы Каменецкое, Яблоновцы, за стѣны свое, одъ ревизоровъ положоные, вступовалисе. Чого хотечи мы певнейшую вѣдомость взять, объѣждчали есьмо водле обводу пана лѣсничого тотъ кгрунтъ лѣсъ Саловъ-Грудъ, гдѣ обачивши знаки стародавные и отъ свѣтковъ, подданыхъ сусѣдовъ околичныхъ, признаные, тотъ есьмо лѣсъ Саловъ - Грудъ пану лѣсничому водле тыхъ привилеевъ и листовъ его купчихъ, яко властность его ствердили и по старыхъ знакахъ новыми копцами засыпали, которыхъ засыпаныхъ есть дванадцать, а трибъ простый черезъ насъ учиненъ. На чомъ обоя сторона, презъ апеляціи безъ шкоды своее позволивши, перестала, за чимъ тыхъ подданыхъ короля его ми-

лости Яблоновцовъ вжо тые копцы, отъ насъ засыпаные, отъ пана лѣсничого вѣчне дѣлити мають. Што про память до книгъ подкоморскихъ есть записано.

1600 г.

Изъ книги Брестскаго подкоморскаго суда за 1597—1609 годы, стр. 175—185.

9. Коммиссія по дѣлу Каменецкихъ мѣщанъ съ Гомейскимъ старостою Андреемъ Сапѣгою о правѣ на входы въ Каменецкую пущу.

За листы комисійными волею и розказаньемъ его королевской милости, пана нашого милостивого, Жикгимонта третего въ справѣ добръ его королевской милости стороны розсуженья розницъ о часть пущи Каменецкое, на дриворубиско отъ королей ихъ милости мѣсту Каменецкому наданое, мы Григорей Война — каштелянъ Берестейскій, Янъ Шуйскій — подкоморій а Василей Букраба — хоружій, урядники земскіе воеводства Берестейского, коммиссари отъ его королевской милости комисійно уфундованые и умоцненые, кгды есьмо на мѣстцо певное, до лавъ у мосту надъ рѣкою Льсною, дня нынѣшнего Октебря шестнадцатого, въ року нынѣшнемъ 1600 на року, отъ насъ зложономъ, пріѣхали и тамъ юриздыкцію свою коммиссарскую ростегати почали; також установившисе передъ нами инстикгаторъ его корол. милости великого князства Литовского, его милость панъ Малхеръ Каменскій, указалъ намъ декретъ и листъ комисійный, датою року 1600, мѣсеца Апрѣля 24 дня, въ которомъ декретѣ его кор. милости оставивши на сторону мѣщанъ Каменецкихъ, о досланье першое коммиссарское межи мѣщаны Каменецкими, а его милостью паномъ Андреемъ Сапѣгою — старостою Гомельскимъ о тую пущу Каменецкую поднести. рачилъ съ тое мѣры, же только мѣщане вольный врубъ по дрова на огрѣванье и по дерево на будованье въ той пущи Каменецкой мѣли, а кгрунтъ самый никому иному только его королевской милости належалъ; о што не мѣщаномъ, але лѣсничому Каменецкому и инстикгатору его королевской милости, взглядомъ добръ его корол. милости, зъ его милостью паномъ старостою Гомейскимъ чинити належало. Прото его королевская милость, знову тую справу до насъ коммиссаровъ на сконченье тое справы одослалъ, придавши намъ до той справы вельможного его милость пана Яна Паца — воеводу Менского, старосту Каменецкого, и пана Филипа Махвица — лѣсничого Каменецкого, которымъ о добра его королевской милости чинити належитъ; а ижъ самого его милости пана старосты Гомельского не было, пріятель умоцованый его милости панъ Богданъ Холмовскій отъ его милости пильновалъ, а панъ лѣсничій самъ очевисто былъ. И доводечи року коммиссіи, на день нынѣшній припалого, покладалъ выписъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, датою року 1600, мѣсеца Сентября 6 дня, ознайменья о

томъ часѣ и року коммиссійнымъ. Напродъ одъ насъ черезъ возного енерала его королевской милости, Яна Кожуховского была обволана фундація коммиссіи, потомъ панъ инстикгаторъ черезъ тогожъ возного давалъ стороны, то-есть: его милости пана Андрея Сапѣгу— старосту Гомельского, приволывати до тое справы, абы его милость панъ староста водлѣ права посполитого коммиссаровъ своихъ на то способленыхъ меновалъ и спольне зъ нами коммиссарми его королевской милости оныхъ засадилъ. Въ томъ озвавшисе тотъ умоцованый его милости пана старостинъ панъ Богданъ Холмовскій повѣдилъ пану инстикгатору, абы се у него моцы зачимъ бы се отъ его милости пана старосты Гомейского отзывалъ упоминалъ. Панъ инстикгаторъ мовилъ: же коли засадить коммиссары свои и кгды вжо на той справѣ засядутъ съ коммисарми короля его милости и ямъ се того домышлилъ о моцъ пытати. А умоцованый его милости пана старосты незасажаючи, ани менуючи коммиссаровъ своихъ, подалъ намъ листъ умоцованый отъ его милости пана старосты Гомельского тыми словы: Я Андрей Сапѣга— староста Гомельскій, ознаймую симъ моимъ умоцованымъ листомъ, ижъ дано мнѣ вѣдомость о положенью двохъ копій черезъ енерала возного короля его милости Яна Кожуховского зъ листовъ его королевской милости, одна копія писаная до мене, а другая копія зъ листу коммиссарского отъ его королевской милости до ихъ милостей пановъ коммиссаровъ писаная, до его вельможное милости пана Григорья Войны—каштеляна Берестейского, до его милости пана Яна Нарушевича— ловчого великого князства Литовского, до его милости князя Яна Шуйского—подкоморого Берестейского, до его милости пана Василья Букрабы— хоружого тогожъ воеводства Берестейского, и листъ отъ ихъ милости пановъ коммиссаровъ звышменованыхъ, ознаймуючи о року на выслуханье якогото мниманого забранья отъ мене кгрунтовъ части пущи Бѣловѣжской и Каменецкой на день певный року теперь идучого 1600, мѣсеца Октебря 16 дня, припалый, на мѣстцу назначономъ у лавъ и въ Патеева става, которые то вси копіи маю тую вѣдомость, ижъ листъ положоный во имѣнью Чемерахъ вельможное ее милости панее Ганны Радивиловны Криштофовое Садовское— старостиное Остринское, которое имѣнье Чемеры вѣчностью ее милость отъ мене маетъ и ачбымъ не повиненъ за таковымъ неправнымъ положеньемъ таковыхъ копій и листу пановъ коммиссаровъ и его королевское милости въ року зложономъ становити, але чинечи розказанью досыть его королевской милости, ижъ самъ за иншими потребами своими тамъ на томъ року въ листехъ, ихъ милости пановъ коммиссаровъ его королевской милости назначономъ, и на томъ мѣстцу въ лавахъ и въ Патеева става быти не могу, поручиломъ то и симъ листомъ моимъ умоцованымъ поручаю и даю моцъ зуполную пріятелови своему пану Богдану Холмовскому—земенину воеводства Берестейского, передъ ихъ милость паны коммиссары, отъ его королевской милости на тую справу выданныхъ, не вступуючи въ жадные контроверсіи правные, обмову правную вчинити. И на томъ далемъ тому умоцованому пріятелеви своему сесь мой листъ зъ моею печатью и съ подписомъ руки моее, а зъ устною и очевистою прозьбою моею до того листу печати свои приложили

и руки подписать рачили его милость панъ Василей и панъ Троянъ Холмовскіе. Писанъ въ Лядѣ, року 1600, мѣсеца Октебря 6 дня. У тое моцы при печатехъ подписы рукъ тыми словы: Andrzey Sapieha—starosta Homelski ręką swą; Василей Холмовскій печать приложилъ и руку подписалъ; Troian Chołmowski własną ręką. А по прочитанью тое моцы, чинили такую обмову: ижъ я будучи посланымъ отъ его милости пана старосты Гомельского до вельможныхъ коммиссаровъ яко умоцованый на день теперешній, взглядомъ листу вашей милости, ознайменомъ о року якобы нѣякое коммиссіи на попиранье вельможного его милости пана Яна Паца — воеводы Менского, старосты Каменецкого, а его милость пана Яна Нарушевича — ловчого великого князства Литовского, его милости пана Филипа Махвица—лѣсничого Бѣловѣжского и Каменецкого и пана Малхера Каменского — инстикгатора великого князства Литовского о нiякое мниманое забранье пущи короля его милости, Каменецкое, водле данья справы мѣщанъ Каменецкихъ, и жесте ваша милость для тое менованое справы тутъ на тое мѣстце речоное у мостовъ зъѣхать рачили, хотечи юрисдикцію уряду своего коммиссарского фундовати и ростегати, вношу на то такіе правные обмовы отъ его милости пана старосты передъ вашею милостью, же его милость панъ староста жадного празного року теперь въ той неправной справѣ передъ вашею милостью не маетъ и безъ позву становитьсе, ани листамъ, противко права писанымъ, подлегати не повиненъ, веселечiйсе въ томъ заровно зъ вашею милостью паны братьею своею зъ вольности права посполитого, которое то право до вшелякихъ справъ кождому приступовати порядкомъ своимъ дорогу описуетъ, водлѣ артыкулу двадцатого зъ роздѣлу первого, гдѣ идетъ о кгрунты короля его милости зъ шляхтичомъ. Тогды король его милость однымъ правомъ зъ шляхтою судитьсе маетъ, а не иначе до того ясне се порадокъ стопневъ правныхъ описуетъ артыкулъ 15 въ томъ же роздѣлѣ первшомъ, водлѣ которого его милость панъ староста не есть, ани былъ отъ его милости пана старосты Каменецкого, альбо ловчого и пана лѣсничого позвомъ до короля его милости позваный, а безъ позву къ року правного жаденъ урядъ юриздикціи своее ни противъ кому ростегати не можетъ. То се тежъ маетъ розумѣти и въ теперешней справѣ передъ вашею милостью, еслибы хто хотѣлъ се отзывати, або указовать до декрету короля его милости въ справѣ зъ мѣщаны Каменецкими; тогды и тотъ декретъ короля его милости отсылать до права посполитого и меновите описуетъ, же належитъ чинити его милости пану старостѣ Каменецкому, то-есть, еслибы розумѣлъ въ чомъ быть шкоду въ кгрунтѣ короля его милости, о которую то мниманую шкоду его милость панъ староста, ани его милость панъ ловчій и панъ лѣсничій его милости пана старосты Гомельского не позывали и въ жадномъ року не стали и теперь не стоютъ, ани се коли его милость взглядомъ артыкулу 15 зъ роздѣлу первого бралъ на коммиссарей. Противко тому декретови короля его милости ничего его милость панъ староста Гомейскій не мовитъ и овшемъ, яко на прошлой коммиссіи было, такъ и теперь згодне зъ декретомъ короля его милости признаваетъ его милость, же мѣщане Каменецкіе акторами въ той спра-

вѣ не суть, права только посполитого пилнуетъ, до которого и самъ король его милость отсылаетъ, стережетъ, абы яко его милости самому, такъ и черезъ его милость никому иному отъ того часу на потомъ ненарушенье се въ правѣ посполитомъ не дѣяло. Суть то рѣчи певные, гдѣ бысте ваша милость теперь юриздикціи своее на року неправномъ и за порядкомъ и поступкомъ неправнымъ заживать хотѣли, далибы есте причину не малу не до права, але до экзекуціи противко иншимъ особомъ и дѣялобысе великое безправье и кгвалтъ праву посполитому, которого ваша милость сами себѣ и каждому зъ братьи своее стеречи повинни; кгдыжъ то есть фундаментъ шляхецкое вольности права посполитого, водлѣ которого кгды его милость панъ староста Гомельскій отъ его милости пана старосты Каменецкого правне будетъ позваный, готовъ справоваться водлугъ права посполитого, а безъ позву до того за чужою справою нихто никому отповѣдати и ни жаденъ урадъ ни надъ кимъ своее юриздикціи заживати не можетъ, просилъ абы его милость панъ староста водлугъ права посполитого и артыкуловъ вышей поданныхъ былъ захованъ. А панъ инстиктаторъ повѣдилъ: же не можетъ дей его милость панъ староста Гомельскій вонтплити тоей справы тою обмовою своею, овшемъ повиненъ досыть чинити декретови короля его милости, кгдыжъ король его милость ясне то въ декретѣ своемъ выразити рачилъ, же ссылаетъ коммиссары, а не кажетъ знову позывати; а тежъ то справа не новая, але отъ колько лѣтъ зачата есть за позвомъ съ контроверсіи и также за декреты и листы комисейными его королевское милости мѣщаномъ Каменецкимъ, зъ его милостью паномъ старостою. А ижъ коммиссари зъ онымъ часомъ одосланье до короля его милости учинили, король его милость обачилъ то, ижъ только мѣщаномъ врубъ былъ до пущи, а кгрунтъ королеви его милости належитъ, яко о томъ досыть значне въ декретѣ короля его милости есть описано. А што о позвѣ мовитъ умоцованый и артыкулы зъ статуту показуетъ, то сторону вспомочи не можетъ, кгдыжъ его королевская милость, будучи самъ фундаторомъ и надавцою правъ, не учинилъ то противъ праву и присязѣ своей съ паны радами своими, заховуючи се водлѣ права, знову на комисары тую справу, яко стороны добръ своихъ выслать рачилъ, бо если бы то сторона бачила, жебы то одосланье на комисарей противъ праву быти мѣло, не замолчалъ бы его милость панъ староста зъ онымъ часомъ передъ королемъ его милостью противъ тому контрадыковати, кгды се тотъ декретъ сталъ, але ижъ ничого противного праву не бачилъ, на декретѣ короля его милости пересталъ; а теперь засъ противъ декретови мовитъ, о што свѣдчилъ на сторону, же се декретови короля его милости противитъ. А при томъ домовлялъ се, абы комисаръ зъ другоей стороны умоцованый, его милости пана старостинъ меновалъ и оные засажалъ зъ умоцованымъ его милости пана старостинъ тежъ се свѣтчилъ, же его милость панъ староста декрета короля его милости у великой вадзѣ и ушанованью у себе маетъ и того тежъ, яко староста постерегаетъ, абы въ особѣ его милости права се никому не ламали, нехай водлѣ права призванъ будетъ его милость, теды зъ онымъ часомъ его милость, кгды на комисары одошлютъ, справоватьсе бу-

детъ повиненъ кождому, а потомъ то на децизію нашу пустилъ, если повиненъ его милость панъ староста тутъ на томъ мѣстцу справоватьсе; его королевская милость надъ право также комисаровъ своихъ ставить и оныхъ засаживать. А такъ мы, комисары зъ рамени его королевской милости до тое справы высажоные, видечи то зъ самого декрету его королевской милости, пана нашого милостивого, ижъ тая справа не яко новая, але перво того еще черезъ контроверсію и декретъ передъ его королевскою милостью сужона была зъ мѣщаны Каменецкими, а потомъ король его милость зъ розсудку своего на комисаре водлѣ права одослать рачилъ, а комисаре въ той справѣ видечи зъ обухъ сторонъ привилея и права на тую пущу собѣ подобные, на узнанье наше до его королевской милости одослали; а король его милость теперь бачечи то, ижъ мѣщаномъ не шло о кгрунтъ, только о вольный врубъ до пущи на дрова и будованье, а королеви его милости о кгрунтъ, знову до насъ съ тою справою выслать рачилъ, придавши намъ его милость пана воеводу Менского, яко державцу Каменецкого, ку тому пана ловчого и пана лѣсничого, а при ихъ инстикгатора, яко до своихъ добръ тое справы дозорцою быти и попирати, абысьмы въ той справѣ конецъ съ комисарми его милости пана старосты Гомельского, до насъ высажоными, порозумѣвшисе учинили, кгдыжъ тая справа зъ декрету его королевской милости есть на насъ вложона. Прото мы, бачечи слушность року теперь припалого, ку скonченью тое справы водле декрету короля его милости, которому абы сторона досыть чинила, коммиссаровъ своихъ меновала и до слуханья тое справы до насъ придала, всказалисьмы. Нижли умоцованый его милости пана старосты Гомельского комиссаровъ своихъ не менуючи, ани оныхъ до насъ присажаючи, отъ такого наказу нашого, беручи то собѣ за головную речь, аппеловали до его королевской милости на сеймъ и протестовалсе на насъ о такій всказъ, хотечи зъ нами у права належного чинити. Которое аппеляціи, абы допущоною была, инстикгаторъ его королевской милости боронилъ, кгдыжъ аппеляція идетъ только отъ головного всказу, а не отъ збуренья року. Мы, не бачечи того въ правѣ посполитомъ, ани въ декретѣ его королевской милости и въ листехъ, абыхмо мы мѣли сами одны тую справу судити и отправовати безъ комисаровъ другое стороны, кгдыжъ идетъ о добра его королевской милости и о декрета въ той справѣ выданые, которыхъ никто иншій, одно его королевская милость розсужать можетъ и моць маетъ, допустили есьмо сторонѣ аппеляціи до его королевское милости, пана нашого милостивого, отъ которого на насъ тая справа преложона была, которого выѣзду нашого комиссарского далисьмы сторонамъ тотъ нашъ листъ зъ нашими печатьми и съ подписами рукъ нашихъ. Писанъ у Лавъ, въ року 1600, мѣсеца Октебря 16 дня.

1600 г.

Изъ книги за 1597 — 1619 годы, стр. 169.

10. Коммиссарское опредѣленіе по дѣлу между воеводою Троцкимъ Николаемъ Радивиломъ и Каменецкими мѣщанами о поземельной собственности.

За листы коммиссійными, волею и росказаньемъ его королевское милости, пана нашого милостивого, Жикгимонта третего, въ справѣ добръ его королевское милости, стороны розсуженья розницъ о часть пущи Каменецкое на древорубиско, отъ короля его милости мѣсту Каменецкому наданой, мы Григорій Война—каштелянъ Берестейскій, Янъ Шуйскій — подкоморій, а Василь Букраба — хоружій, урадники земскіе воеводства Берестейского, коммиссаре, отъ его королевское милости коммисcіею уфундованые и умоцненые, кгды есьмо на мѣстцо первое до Лавъ, у мосту надъ рѣкою Льсною дня нынѣшнего Октебра шестнадцатого, въ року нынѣшнымъ 1600, на року отъ насъ зложономъ, пріѣхали и тамъ юрисдикцію свою коммисарскую ростегати почали; тамъ же установивши се передъ нами инстикгаторъ его королевской милости великого князства Литовского панъ Малхеръ Каменскій указалъ намъ декретъ и листъ коммисейный, до насъ отъ его королевской милости писаный, датою року 1600, мѣсеца Апреля 24 дня, въ которомъ декретѣ его королевская милость, отставивши на сторону мѣщанъ Каменецкихъ, одосланье першое коммисарское межи мѣщаны Каменецкими а ясне вельможнымъ его милостью княжатемъ Миколаемъ Крыштофомъ Радивиломъ — воеводою Троцкимъ, о тую пущу Каменецкую подnесть рачилъ съ тое мѣры, ижъ только мѣщане вольный врубъ по дрова на огрѣванье и по дерево на будованье въ той пущи Каменецкой мѣли, а самый кгрунтъ никому иншому, только его королевской милости належалъ, о што не мѣщаномъ, але лѣсничому Каменецкому, инстикгатору его королевское милости, взглядомъ добръ его королевской милости зъ его милостью паномъ воеводою чинить належало: про то его королевская милость знову тую справу до насъ коммиссаровъ на скончєнье тоей справы отослалъ, придавши намъ до той справы вельможного его милость пана Яна Паца—воеводу Менского, старосту Каменецкого, а пана Филипа Махвица—лѣсничого Каменецкого, которымъ о добра его королевской милости чинити належитъ. А ижъ самого его милости пана воеводы не было, подстаростій Каменецкій панъ Матей Режанка, за моцью отъ его милости пильновалъ, а панъ лѣсничій самъ очевисто былъ и доводечи року коммисіи, на день нынѣшній припалого, покладалъ выпись съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, датою року 1600, мѣсеца Сентебра 7 дня, ознаймялъ о томъ часѣ и року коммисійнымъ. И впередъ созналъ черезъ возного енерала его королевской милости Яна Кожуховского была обволана фундація коммисіи. Потомъ панъ инстикгаторъ давалъ черезъ тогожъ возного стороны, то-есть ясневельможного его милости княжати Миколая Криштофа Радивила — воеводы Троцкого, приво-

лывать до тое справы и абы его милость панъ воевода Троцкій водле права посполитого коммисаровъ своихъ, на то способленыхъ, меновалъ и спольне зъ нами коммисарми его королевское милости оныхъ засадилъ. Въ томъ озвавшисе два слуги умоцованые его милости пана воеводы Троцкого, то есть: панъ Войтѣхъ Першко и панъ Юрей Заливака, и повѣдили пану инстикгатору, абы се у нихъ моцы, за чимъ бы се отъ его милости пана воеводыТроцкого отзывали, упоминалъ. Панъ инстикгаторъ мовилъ: же коли засадите коммисаре свои и кгды вжо на той справѣ засядуть съ коммисарми его королевское милости, ямъ се того домышлить о моцѣ пытати. А умоцованые его милости пана воеводы, саживаючи, а не менуючи коммисаровъ своихъ, подали намъ листъ умоцованый отъ его милости пана воеводы Троцкого, пана своего, тыми словы: Миколай Криштофъ Радивилъ — княже на Олыцѣ и Несвѣжу, воевода Троцкій, ознаймую тымъ моимъ на обмову данымъ умоцованымъ листомъ, ижь дошла мнѣ вѣдомость о положенью двохъ копей на имѣнью моемъ Чарнавчицкомъ, одну якобы зъ листу его королевской милости складаючи панъ неякій сіи коммисии стороны пущи Каменецкой и Бѣловѣжской, якобы въ забранью черезъ мене неякихъ кгрунтовъ господарскихъ; а другую копею отъ вельможного пана его милости пана Григорія Войны— каштеляна Берестейского, а его милость пана Яна Нарушевича—ловчого великого князества Литовского, отъ его милости князя Яна Шуйского — подкоморого воеводства Берестейского и отъ его милости пана Василья Букрабы—хоружого тогожъ воеводства Берестейского, которыми то копіями черезъ енерала возного воеводства Берестейского, вышейпомеными особы, положили часъ и рокъ мнѣ ку росправѣ въ року теперешнемъ 1600, мѣсяца Октебра шестнадцатого дня, на мѣстцу названомъ у Лавъ, у мосту надъ рѣкою Льсною, становитисе. Ино хотяжъ быхъ водлугъ права и того ознайменья того чинити не повиненъ, однакъ поважаючи собѣ зверхность господарскую, не могучи тамъ самъ для иншихъ большихъ и важнѣйшихъ справъ моихъ прибыть, вмѣсто себе посылаю слугъ моихъ пана Войтѣха Першка и нана Юрья Заливаку, поручивши имъ въ той справѣ тою моцью моею правную обмову учинити, яко передъ коммисарми его королевской милости назначоными, такъ и передъ паны пріятели моими на прислуханье тое обмовы высажоными, въ жадніи контроверсіи не вдаючи се, тую обмову учинити и правне далей во всемъ поступовати. И на томъ далъ тымъ служебникамъ моимъ сесь мой листъ подъ печатью и съ подписомъ руки моее. Писанъ въ Несвѣжу лѣта отъ нароженья Христа Сына Божого 1600, мѣсеца Октебра десятого дня. У той моцы при печати подписъ руки тыми словы: Mikołay Krysztoph Radziwił ręką swą. А по прочитанью той моцы чинили такую обмову: Мы слуги и умоцованыи до обмовъ правныхъ отъ его милости пана воеводы Троцкого, пана нашого, будучи посланыи до вашой милости коммисаровъ на день теперешній, взглядомъ листу вашей милости; ознаймено бо о року неякоей якобы коммисіи на попиранье вельможпого его милости пана Яна Паца — воеводы Менского, старосты Каменецкого, а его милости пана Яна Нарушевича—ловчого вели-

кого князства Литовского, его милости пана Филипа Махвица—лѣсничого Бѣловѣзского, Каменецкого, и пана Мальхера Каменского—инстигатора великого князства Литовского, о неякое мнимание забранье части пущи королевское его милости Каменецкое, водлѣ данья справы мѣщанъ Каменецкихъ, ижъ есте се ваша милость для тоей менованой справы тутъ на мѣсца речоные у мостовъ зъѣхать рачили, хотечи юрисдикцію уряду коммисарского фундовати и ростегати, вносимъ на то такіи правныи обмовы отъ его милости пана своего передъ вашей милостью: же его милость панъ воевода, панъ нашъ, жадного правного року теперь въ той неправной справѣ передъ вашей милостью не маетъ и безъ позву становити, ани листовъ противко права писанымъ подлегати не повиненъ, веселечисе въ томъ заровно зъ вашей милостью панами братью своею зъ вольности права посполитого, которое то право до вшелякихъ справъ кождому приступовати порадкомъ своимъ дорогу описуетъ водле артыкулу двадцатого зъ роздѣлу первого, гдѣ идетъ о кгрунты короля его милости зъ шляхтичомъ, тогды король зъ шляхтою судитисе маетъ, а не иначей до того ясне сей порадокъ стопневъ правныхъ описуетъ артыкулъ 15 въ томъ же роздѣлѣ первшомъ, водле которого его милость панъ воевода не есть, ани былъ отъ его милости пана старосты Каменецкого, або ловчого и пана лѣсничого позвомъ до короля его милости позваный, а безъ позву и року правного жаденъ урядъ юрисдикціи своее ни противъ кому ростегати не можетъ. То се тежъ маетъ розумѣти и в теперешней справѣ передъ вашей милостью, еслибы хто хотѣлъ се отзывати, або указовати до декрету короля его милости въ справѣ зъ мѣщаны Каменецкими, тогды и тотъ декретъ короля его милости отсылаетъ до права посполитого и меновите описуетъ, же належитъ чинити его милости пану старостѣ Каменецкому, то есть, еслибы розумѣлъ, въ чомъ быть шкоду въ кгрунтѣ короля его милости, о которую то мнимануго шкоду его милость панъ староста, ани его милость панъ ловчій и панъ лѣсничій его милости пана воеводы не позывали и въ жаднымъ року не стали и теперь не стаютъ, ани се коли его милость взглядомъ артыкулу 15 зъ роздѣлу первого бралъ на коммисарей противко тому декретови короля его милости, ничого его милость не мовитъ и овшемъ яко на прошлой коммисіи было, такъ и теперь згодне зъ декретомъ короля его милости признаваетъ его милость, же мѣщане Каменецкіе акторми въ той справѣ не суть, права только посполитого пилнуетъ, до которого и самъ король его милость самому, такъ и черезъ его милость никому иному отъ того часу напотомъ ненарушоне се въ правѣ посполитомъ не дѣяло. Суть то речи первые гдѣбы сте ваша милость теперь юрисдикціи своей на року не правномъ и за порядкомъ и поступкомъ неправнымъ заживать хотѣли, дали бы есте причину не малую не до права, але до екзекуціи противко иншимъ особомъ и дѣяло бы се великое безправье и кгвалтъ праву посполитому, которого ваша милость сами себѣ и кождому зъ братьи своее стеречи повинни, кгдыжъ то есть фундаментъ вольности шляхетское права посполитого, водлѣ которого кгды его милость панъ воевода отъ его милости пана

старосты Каменецкого правне будетъ позваный, готовъ справоватьсе водлугъ права посполитого; а безъ позву до того за чужою справою никто никому отповѣдати, ани жаденъ урядъ ни надъ нимъ своее юриздикціи заживати не можетъ. Просили абы его милость панъ воевода водлугъ права посполитого и артыкуловъ вышейподаныхъ. А панъ инстикгаторъ повѣдилъ, же не можетъ дей его милость панъ воевода Троцкій востлити тоей справы тою обмовою своею, овшемъ повиненъ досыть чинити декретови короля его милости, кгдыжъ король его милость ясне то въ декретѣ своимъ выразити рачилъ, же зсылаетъ комисары, а не кажетъ знову позывати. А тежъ то справа не новая, але отъ колько лѣтъ зачата есть за позвомъ съ контроверсіи, также за декреты и листы комисейными его кор. милости, мѣщаномъ Каменецкимъ зъ его милостью паномъ воеводою. А ижъ коммисаре зъ онымъ часомъ одосланье до короля его милости учинили, король его милость обачилъ то, ижъ только мѣщаномъ врубъ былъ до пущи, а кгрунтъ королеви его милости належитъ, яко о томъ досыть значне въ декретѣ короля его милости есть описана. А што о позвѣ мовятъ умоцованые и артыкулы зъ статуту показуютъ, то старому вспомочи не можетъ, кгдыжъ его кол. милость будучи самъ фундаторомъ и надавцою правъ, не учинилъ то противъ праву и присязѣ своей съ паны радами своими, заховуючисе водле права, знову на комисаре тую справу, яко зъ стороны добръ своихъ выслать рачилъ; бо еслибы то сторона бачила, жебы одосланье на комисаре противъ праву быти мѣло, не замолчалъ бы его милость панъ воевода зъ онымъ часомъ передъ королемъ его милостью противъ тому контрадыковати, кгды се тотъ декретъ сталъ; але ижъ ничого противного праву не бачилъ, на декретѣ короля его милости пересталъ; а теперь засъ противъ декретови мовитъ, о што свѣтчилсе на сторону, же се декретови короля его молости противятъ. А при томъ домовлялсе, абы коммисаре, зъ другоей стороны умоцованые, его милости пана воеводины меновали и оныхъ засажали, а умоцованые его милости пана воеводины тежъ се свѣдчили, же его милость панъ воевода декрета короля его милости у великой вадзѣ и ушанованью у себе маетъ и того, яко сенаторъ постерегаетъ, абы въ особѣ его милости права се никому не ламали; нехай водле права припозванъ будетъ его милость, теды зъ онымъ часомъ, кгды его на коммисари одошлютъ справоватьсе будетъ повиненъ кождому. А потомъ то на децизію нашу пустили: если повиненъ его милость панъ воевода тутъ на томъ мѣстцу справоваться его королевской милости надъ право также коммисаровъ своихъ ставить и оныхъ засаживать? А такъ мы коммисаре, зъ рамени его королевской милости до тое справы высланые, видечи то зъ самого декрету его королевской милости пана нашого милостивого, ижъ тая справа есть не яко новая, але перво того еще черезъ контроверсію и декретъ передъ его кор. милостью сужона была зъ мѣщаны Каменецкими, а потомъ король его милость зъ розсудку своего на коммисарей водле права отослать рачилъ, а коммисаре въ той справѣ, видечи зъ обѣихъ сторонъ привилея и права на тую пущу собѣ подобные, на узнанье оныхъ до короля его милости отослали, а король засъ его милость, теперь бачечи то, ижъ

мѣщаномъ не шло о кгрунтъ, только о вольный врубъ до пущи на дрова и будованье, а его кор. милость о кгрунтъ зновудо насъ съ тою справою выслать рачилъ, придавши намъ его милость пана воеводу Менского, яко державцу Каменецкого, ку тому пана ловчого и пана лѣсничого, а при нихъ инстикгатора, яко до своихъ добръ тоей справы дозорцою быти и попирати, абысьмы въ той справѣ конецъ съ коммисарми его милости пана воеводы Троцкого, до насъ высажоными, порозумѣвшисе учинили, кгдыжъ тая справа зъ декрету его королевской милости есть на насъ вложона, прото мы, бачечи слушность, року теперь припалого, ку скончѣнью тоей справы водле декрету короля его милости, которому абы сторона досыть чинила комисаровъ своихъ меновала и до слуханья тоей справы до насъ придала, всказалисьмы. Нижли умоцованые, его милости пана воеводы коммисаровъ своихъ не менуючи, ани оныхъ до насъ присажаючи, отъ такого наказу нашого беручи то собѣ за головную речь аппелевали до его кор. милости на сеймъ и протестовали се на насъ о такій всказъ, хотечи зъ нами у права належного чинити, которое аппеляціи абы допущона не была инстикгаторъ его кор. милости боронилъ, кгдыжъ апеляція только идетъ отъ головного всказу, а не отъ збуренья року. Мы не бачечи того въ правѣ посполитомъ, ани въ декретахъ его кор. милости и въ листахъ, абыхмо мы мѣли сами одни тую справу судити и отправовати безъ коммисаровъ другое стороны, кгдыжъ идетъ о добра его кор. милости и о декрета въ той справѣ выданые, которыхъ нихто иншій одно его корол. милость розсужать и выкладать может и моцъ маетъ, допустили есьмо сторонѣ аппеляціи до его кор. милости, пана нашого милостивого, отъ которого на насъ тая справа преложона была. Которого въ незъѣзду намъ коммисарского дали есьмо сесь нашъ листъ съ печатьми и съ подписами рукъ нашихъ сторонѣ пану инстикгатору. Писанъ у Лавъ, року 1600, мѣсеца октября 17 дня.

1601 г.

Изъ книги за 1597—1609 г., стр. 199.

11. Коммиссарское опредѣленіе по спорному дѣлу о поземельной собственности между воеводою Троцкимъ Николаемъ Радивиломъ и королевскими крестьянами.

Григорей Война — каштаданъ Берестейскій, Ярошъ Воловичъ — подскарбій надворный и писарь великого князства Литовского, тивунъ Погорскій, лѣсничій Крынскій, Кузницкій и Одельскій, Янъ Шуйскій — подкоморей, Василей Бурнаба—хоружій, урядники воеводства Берестейского, коммисаре, зъ декрету наяснѣйшого пана Жикгимонта третего, зъ ласки Божое короля польского, великого князя Литовского, пана нашого милостивого, въ

року теперешнемъ мѣсеца Марца семого дня, до справы нижейписаное назначоныи и зосланыи, посполу съ коммисарьми ясневельможного пана Миколая Криштафа Радивила — княжати на Олыцѣ и Несвѣжу, воеводы Троцкого, урожоными ихъ милости паны Васильемъ Зенковичомъ Тихинскимъ— маршалкомъ его королевское милости, судьею земскимъ Новгородскимъ, Федоромъ — судьею, Львомъ — писаромъ— Потеями, земскими Брестейскими урадниками, а Миколаемъ Подаревскимъ, при бытности самого его милости пана воеводы Троцкого и урожоныхъ пановъ Мальхера Каменского—стольника Берестейского, инстыгатора великого князства Литовского, Филипа Махвица—лѣсничого Бѣловѣзского и Каменецкого, а Матея Режанки — подстаростего Каменецкого, ознаймуемъ тымъ нашимъ листомъ, ижъ кгды есьмо въ року теперешнемъ шестьсотъ першомъ, мѣсеца Сентебря третего дня, чинечи досыть декрету короля его милости, который се межи мѣщаны Каменецкими, поводовою, съ одное, а его милостью паномъ воеводою Троцкимъ, обжалованою, съ другое стороны, сталъ, яко о забраные части пущи Каменецкое, у повѣтѣ Берестейскокъ лежачое, отъ королевъ ихъ милостей мѣсту Каменецкому наданое и черезъ коммисаровъ ограничоное, мѣстцу назваеомъ у Лавъ, надъ рѣкою Льсною и Потеевымъ ставомъ, которую якобы его милость панъ воевода Троцкій, перешедши границу стародавную, розными часы, черезъ врадника своего Чернавчицкого, Станислава Могильницкого, забрать и до имѣнья своего Чернавчицъ привернут село Лѣсьи, надъ рѣкою Вешнею, на кгрунтѣ его королевское милости забудовать казать бы мѣлъ. Въ которой справѣ король его милость зъ очевистого мовенья сторонъ и съ привильевъ узнать то рачилъ, же только въ той пущи, о которой розница идетъ, мѣщане Каменецкіе вольный врубъ по дрова и дерево мѣли, не имъ, але державцы Каменецкому и лѣсничому Бѣловѣзскому и Каменецкому, при инстикгатору своемъ чинить правомъ наказалъ; водлугъ которого декрету, постановившисе вси спольне на мѣстцу певномъ, отъ Каменца въ мили, переѣхавши рѣку Льсну, за мостомъ, назвазванымъ у Лавъ, гдѣ заразъ владзою судовою постановившисе вси згодне пытали есьмо о границахъ, въ которыхъ бы тотъ кгрунтъ, о который споръ идетъ, лежати мѣлъ. Самъ же панъ инстыкгаторъ съ паномъ лѣсничимъ Бѣловѣзкимъ и подстаростимъ Каменецкимъ, маючи при собѣ мѣщанъ и подданыхъ волосныхъ Каменецкихъ, осочниковъ и подданыхъ тежъ Бѣловѣзкихъ, провадили насъ надъ рѣкою Льсною, ажъ до ставу Потеева, отъ толь черезъ болото и мшарину черезъ дорогу, которая до Каменца идетъ, въ конецъ села, названого Воля Ильиничова, въ липу, противко села стоячую, ажъ до болота, которое меновали Дубовая Смуга, переѣхавши тое болото у боръ ажъ до рѣчки Вешнеи, менуючи по тыхъ мѣстцахъ копцовъ двадцать быть усыпаныхъ, отъ тое рѣки Вешни у верхъ до дороги старого гостинца, который зъ Нового Двора до Каменца идетъ, тою дорогою ажъ до мосту, названого Лавы. И подданые его милости пана воеводы Троцкого вели границу, почавши отъ тогожъ врочища Лавъ у верхъ рѣкою Льсною ажъ до уштья, гдѣ рѣчка Вешняя въ тую рѣку Льсну упала, а одъ устья верху менованого у верхъ

рѣчкою Вешнею до гостинца старого, идучого зъ Нового Двора до Каменца, а тымъ гостинцомъ до болота Рашневки и тожъ петы Лавъ; а тамъ, гдѣ подданые его королевское милости отъ Потеева ставу до рѣчки Вешнее черезъ Смугу Дубовую шли, жадное границы не признавали, повѣдаючи, ижъ подданые господарскіе безъ знаковъ кгрунтомъ его милости пана воеводы Троцкого мѣти хочутъ тую границу. Зачимъ, кгды есьмо тую границу объѣхали, далей хотечи тую справу углявути и зъ обѣюхъ сторонъ прислухать, напервый панъ инстыкгаторъ, выводечи, ижъ то есть властный кгрунтъ его королевскке милости, гдѣ на онъ часъ пуща была, зъ которого-жъ съ позволенья господарского мѣщане Каменецкіе вольный вѣздъ по дрова и дерево на будованье мѣли, указалъ привилей славное памети короля его милости Жикгимонта первого, подъ датою у Краковѣ, року тысеча пятьсотъ тридцать первого, мѣсеца Ноября тринадцатого дня, индикта пятого, съ подписомъ руки его королевское милости и съ печатью великого князства Литовского, въ которомъ привилею межи иншими речми позволять король его милость рачитъ мѣщаномъ Каменецкимъ водлугъ давного уживанья ихъ дрова и дерева на будованье въ пущи Каменецкой брать по рѣку Вешню, ѣдучи до Нового Двора, зъ обѣюхъ сторонъ дороги, и по рѣку Бѣлую. Указалъ тежъ листъ подъ датою року 1535, мѣсеца Августа осьмого дня, индикта осьмого, годное памети пановъ Миколая Юрьевича Пацевича—подкоморого и ловчого короля его милости, старосты Каменецкого, Василія Богдановича Чижа—конюшого дворного, державцы Кричовского и Кажинского, Шимки Мацкевича — тивуна Виленского, державцы Ушпольского, Пенявского и Радунского, князя Семена Богдановича Одинцовича—городничого Городенского и Патея Тишкевича—лѣсничого Подляского, которые въ томъ листѣ своемъ пишутъ, ижъ за росказаньемъ листовнымъ и устною наукою его королевское милости завели мѣщаномъ Каменецкимъ на дрова и на будованье пущи, то-есть: переѣхавши съ Каменца рѣку Льсну, мостомъ, дорогою великою, который мостъ называетсе Лавы, отъ того мосту въ право подле тоежъ рѣки Льсны у гору, ажъ до млына Патеева, который на рѣцѣ Льснѣ, черезъ мшарину до дороги, идучое зъ Воли пана Иличичовы до Каменца, а черезъ тую дорогу боромъ, менаючи проробки подданыхъ пана Иличичовыхъ, черезъ назвищо Дубовая Смуга, отъ Дубовое Смуги боромъ у лѣсъ, отъ толь до рѣки Весни, которымъ мѣстцомъ двѣнадцать копцовъ усыпаныхъ меновали; отъ тыхъ копцовъ рѣкою Вешнею у гору до мосту до дороги великое, которая идетъ зъ Нового Двора до Каменца, тою дорогою до рѣки Льсны, на мостъ названый Лавы, въ которыхъ границахъ помененые панове коммисаре пущу мѣщаномъ Каменецкимъ до уживанья дровъ и дерева на будованье завели. До того положилъ потверженье тогожъ короля его милости, подъ датою у Вильни, року 1536, мѣсяца Генваря двадцатого дня, индикта десятого, съ подписомъ руки господарское, съ печатью великого князства Литовского, гдѣ король его милость помененую пущу водлугъ листу коммисарского въ тыхъ границахъ мѣщаномъ Каменецкимъ потвержать рачитъ; листъ тежъ короля его милости, тогожъ року и мѣсяца 21 дня, яко и по-

тверженье, писаное до пана Яна Юрьевича Илинича, абы мѣщаномъ Каменецкимъ въ тую пущу ограничоную ѣздить не боронилъ, ани се вступовалъ и урзднику своему вступовати не казалъ, подъ зарукою тысечма копами грошей. Надъ то указалъ листъ королевскій, подъ датою у Краковѣ, року 1527 мѣсеца Апрѣля 12 дня, съ подписомъ руки его королевское милости, писаный до пановъ Яна, Станислава и Щасного Юревичовъ Илинича, вспоминаючи имъ, ижъ отецъ ихъ забралъ былъ пущу Иловы господарскіе за дорогою великою, ѣдучи съ Каменца до Нового Двора, переѣхавши Вешну по обѣюхъ сторонахъ рачить росказуетъ король его милость, черезъ дворанина своего Патея Тишковича, тую пущу до Каменца привернуть и подданыхъ, посажоныхъ надъ рѣкою Льсною знести, подъ зарукою тремя тысечми копъ грошей; притомъ всемъ указалъ выписъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, подъ датою року деветьдесятъ второго, сознанья возного Яна Остромечовского, которымъ по оповѣданью мѣщане Каменецкіе передъ паны ревизоры, на онъ часъ до пущи Бѣловѣзское зослаными, обводили границу пущи забраное и копцы роскопаные. А указавши панъ инстыкгаторъ таковое право и привилья, домовилсе, абы тотъ кгрунтъ по границахъ помененыхъ на сторону его королевское милости присужонъ былъ, зоставуючи собѣ и далей мовенье и поводъ права по выслуханью отпорное стороны. На которую справу при самомъ его милости пану воеводѣ Троцкомъ панъ Юрей Заливака, выводечи, же тотъ кгрунтъ, въ границахъ помененый, властность его милости пана воеводы до имѣнья Деменицкого, въ повѣтѣ Берестейскомъ лежачого, которое именье его милости отъ пана Юрья Илинича досталосе, належитъ, повѣдилъ, ижъ тое ограниченье, которое отъ пана инстикгатора на письмѣ показовано было и на которомъ потвержденье короля его милости Жикгимонта фундуетъ се, ничого унять маетности шляхетское не могло и не можетъ, бо яко прошоно, такъ дано и границу въ небытности дѣдича въ его маетности дѣлано; про то тотъ листъ коммисарскій ничого на помочи въ той справѣ быть не можетъ, бо панове коммисаре на онъ часъ ани самого дѣдича, ани сусѣдъ околичныхъ не обвѣстили, который тотъ кгрунтъ ажъ до помененыхъ Дыменичъ належалъ, а мѣщане Каменецкіе свовольне вдералисе. Указалъ позовъ отъ Жикгимонта короля въ року 1528, мѣсяца Іюля тридцать первого дня, индикта шостого, подстаростича Берестейского пана Яна Юрьевича Ильинича на жалобу Патея Тишковича — лѣсничого Подляского, въ которомъ позвѣ пишетъ, ижъ за даньемъ справы пана Потея, выдано позовъ до пана Ильинича о вступованье черезъ него въ оступы Бѣловѣзскіе и о починенье въ нихъ шкоды; а за тымъ позвомъ, кгды коммисары отъ короля его милости зосланы были, а за отъѣханьемъ першимъ пана Потея, на онъ часъ лѣсничого, ничого справить не могли, але панъ Ильиничъ предъсе передъ ними границу кгрунту своего въ тыхъ границахъ, о што теперь споръ идетъ, выводилъ и оказовалъ. Покладалъ тежъ певные листы короля его милости; самому пану Ильиничу и малжонцѣ его по немъ съ канцеляріи господарское даваные и листы снадные, яко пану Патею панъ Ильиничъ берегу своего на рѣцѣ Льснѣ

для засыпанья ставу позволилъ; а черезъ листы свое его королевской милости пана Патея упоминалъ и заруку клалъ, абы памяталъ на угоду, а кривды и вступованья въ кгрунты за рѣкою Льсною не чинилъ. Што все указавши панъ Залевака листами господарскими, далей поступуючи, положилъ привилей славное памети короля его милости Александра, подъ датою року семьтысечного, которымъ привильемъ даетъ дворянину своему Олиферу Яковлевичу отмѣною за имѣнье его подъ Слонимомъ, въ повѣтѣ Каменецкомъ село Деменичи, зо всими уходами, принадлежностями и подаными. Тотъ Олиферъ 1516, за позволеньемъ короля его милости Жикгимонта продалъ тую маетность, менуючи и островъ надъ рѣкою Льсною, на которомъ былъ почалъ дворецъ будовать, двѣ мили отъ Деменичъ, што и король его милость въ томъ же року привильемъ своимъ пану Ильиничу то потвердилъ. Тую всю справу привилья указавши, мовилъ, ижъ передъ датою тыхъ всихъ листовъ, отъ пана инстикгатора покладаныхъ, урослъ привилей короля его милости Александра, даный пану Олиферови, на тую маетность. Сталасе потомъ на томъ имѣнью Деменичъ продажа пану Ильиничу и потверженье короля его милости Жикгимонта, гдѣ и островъ, на которомъ дворецъ былъ почалъ будовать надъ рѣкою Льсною, вспоминаетъ, потомъ сталъ се позовъ по пана Ильинича коммисіи и иншіе листы. Указалъ тежъ ревизію справы пана Беняша Воловича, подъ датою року петьдесятъ второго, мѣсеца Генваря двадцать шестого дня, который за росказаньемъ короля его милости будучи ревизоромъ до староства Каменецкого, замокъ, мѣсто и штоколвекъ до того належало, списалъ. Для чого на онъ часъ мѣщане Каменецкіе съ правомъ своимъ, добре передъ тою ревизіею выданымъ, альбо держаньемъ того острову не озвалисе; отъ коль-де се то значитъ то на штуку якую учинили, або привилья и справы свое, которыми теперь вѣчность его милости пана воеводину и держанье того кгрунту борить хочутъ, утаили. А ижъ дей его королевская милость подлугъ права и статуту земского артыкулу двадцатого зъ роздѣлу первого однымъ правомъ зъ шляхтою судитьсе обѣцуетъ, прото таковое право маючи его милость панъ воевода на тую маетность, отъ пана Ильинича собѣ записаную, не одну давность земскую задержалъ. И подавалъ артыкулъ вторый и сорокъ третій зъ роздѣлу третего, артыкулъ двадцать четвертый зъ роздѣлу первого; надъ то бралъ собѣ на помочь препись, менуючи съ привилью короля его милости Александра, подъ датою въ Мельнику, року 1529, гдѣ король его милость съ шляхтою о маетность и о давность подъ одно право подлегъ и давность короля его милости противку шляхтичу ровная. Причемъ всемъ просилъ панъ Залевака, абы его милость панъ воевода Троцкій, при помененомъ кгрунтѣ, яко властности захованъ былъ. Панъ инстикгаторъ повѣдилъ на то: ижъ за позвомъ и коммиссіею ничого се не стало и если о тотъ кгрунтъ, о который теперь споръ идетъ, альбо не была справа, не вспоминаетъ, угода тежъ пана Ильиничова съ паномъ Патеемъ, до тое справы не належитъ и што се указало листовъ, то все приватные, а въ правѣ Олиферовымъ Деменичи его королевскя милость даетъ, а Олиферъ продаючи вспоминаетъ фольварокъ двѣ

мили отъ Деменичъ, о который теперь никакое трудности его милость панъ воевода не маетъ; давность тежъ его королевское милости зъ шляхтичомъ о добра свои ити не можетъ. А што менуетъ короля его милости Александра въ Мельнику право, нехай не голою картою показуетъ, есть декретовъ сеймовыхъ и задворныхъ не мало, которыми зъ шляхтою была о добра справа, гдѣ ихъ давность земская не вспомогла; домовялъ се абы по указанью черезъ него таковый тотъ кгрунтъ до столу его королевское милости присужонъ былъ. Панъ Заливака на правѣ, на держанью давномъ и уживанью того кгрунту и артыкулахъ сперва поданыхъ фундуючисе, просилъ, абы при его милости пану воеводѣ зоставенъ былъ. Панъ инстикгаторъ, при першихъ оборонахъ стоячи и далей бралъ се доводу. А ижъ се было спознило, мы коммиссаре вси згодне отложили есьмо тую справу до завтрея. Якожъ на завтрее, дня четвертого мѣсеца Сентября, тамъ же у Лавъ, кгды се передъ нами весими обѣдвѣ сторонѣ постановили, панъ инстикгаторъ, будучи готовъ доводить, домовялсе, абы свѣдкове слуханы были, а панъ Заливака, боронечи того, мовилъ: же его милость панъ воевода вѣчнымъ паномъ и дѣдичомъ Деменичъ и того кгрунту есть, на который съ першого привилья короля его милости выданы суть, а водлугъ права зъ роздѣлу семого, артыкулу тринадцатого, гдѣ мовитъ: если бы при давности земской сторона позваная якійкольвекъ доводъ листовный показала, тогды и безъ присеги обжалованые при держанью своемъ давномъ вольны будутъ. Свѣтки тежъ если бы отъ пана инстикгатора поданые слуханы быть мѣли и на томъ бы се уближенье его милости пану воеводѣ дѣяло; вѣдь-же свѣдки маютъ быти люди сторонные, не подданые староствъ и лѣсництвъ его королевское милости, бо кгды се вжо его королевская милость акторомъ тое справы сталъ, подданые его королевское милости свѣдчити не могутъ, и подалъ артыкулъ семьдесятъ осьмый зъ роздѣлу четвертого. А надъ то дей, хочь надъ право отъ его милости пана воеводы свѣткове людей старыхъ чужопанцовъ, которые вѣдомы, ижъ то власный кгрунтъ его милссти пана воеводины, колько ихъ потреба будетъ ставити готовъ. Панъ инстикгаторъ, подавши свѣдковъ реестръ, повѣдилъ: ижъ вси поддаными его королевское милости суть и его королевское милости не собѣ, але рѣчи-посполитой, тотъ кгрунтъ выиграти хочетъ, прото подданые короля его милости свѣдчити могутъ. А по долгихъ мовеньяхъ, ижъ зъ обѣюхъ сторонъ для певное вѣдомости, казали есьмо свѣдки ставити каждой сторонѣ по осьмнадцати свѣдковъ. Напервей кгды постановлены передъ насъ были, будучи напомнены именемъ Божимъ, абы не ображаючи души своее то повѣдили, што власная правда за пытаньемъ свѣдковъ отъ пана инстикгатора подданыхъ зъ лѣсництва Бѣловѣзского осочниковъ изъ Вешнее, державы его милости пана маршалка великого, кождого зъ нихъ по одному; все осьмнадцать сознали у въ одно слово: же то кгрунтъ его королевское милости, почевши отъ Лавъ до Потеевого ставу, отъ толь черезъ мшарину у липу, которая надъ селомъ стоитъ у Дубовую Смугу, на великій Камень, боромъ у рѣку Вешнюю, а рѣкою Вешнею до дороги старого гостинца, тою дорогою ажъ до мосту, названого Лавы. Потомъ, кгды пытаны были сто-

роны его милости пана воеводы Троцкого подданые, такъ стану шляхецкого, яко и чужопанскіе люди, свѣдки, также осьмнадцать по одному, вси згодне сознали: ижъ тотъ кгрунтъ, о который споръ идетъ, власный Ильиничовскій, который се досталъ Ильиничу отъ Олифера, а то есть почавши отъ Патеева ставу, до Лядского ставу, до Лавъ, а отъ Лавъ до Рашенки, до мостища до рѣки Вешни, а рѣкою Вешнею у рѣку Льсну, на которой тые ставы вышейпомененые заняты суть. А отъ Ильинича ажъ до сего часу панъ Радивилъ дей Чарновчицкій панъ въ держанью своемъ есть. А по выслуханью свѣдковъ стороны обѣдвѣ отъ тыхъ же свѣдковъ до присеги, водлугъ права, съ котороежъ кольвекъ стороны приповѣдали и на узнанье наше тую справу пустили. Мы коммиссары, зъ обѣюхъ сторонъ вси згодне выслухавши достаточне доводовъ вышейпомененыхъ, передъ нами показованныхъ и покладаныхъ, огледавши границы и не бачечи тамъ никакихъ копцовъ, на которое оповѣданье, коли были роскопаны, вышей се поменило, только знаки мѣстцъ подданые его королевское милости меновали повѣдаючи, ижъ тутъ копцы были; въ которой той справѣ бачечи зъ обудву сторонъ права, привилья и листы господарскіе, за которыми стороны того кгрунту въ границахъ помененыхъ домагалисе, быть здоровые, ни въ чомъ не подозрѣные, не могучи отъ нихъ розсудку дѣлить, съ тое то причины, же о привильяхъ господарскихъ намъ розознавать не належитъ, хотяжъ свѣдки зъ обу сторонъ ставили, а тые свѣдки обои до присеги се брали. Съ тыхъ причинъ, не наказуючи ни одной сторонѣ выконанья остатнего доводу, первей на узнанье привильевъ, яко фундаменту въ той справѣ, до его королевское милости, яко зверхнего пана, отсылаемъ и рокъ за симъ декретомъ нашимъ передъ его королевскою милостью складаемъ становитисе и росправы пильновать тамъ, гдѣ его королевская милость на тотъ часъ быть рачитъ, если въ Коронѣ Польской, за недѣль осьмь, а если у великомъ князствѣ Литовскомъ—за чотыри недѣли. Якожъ чинечи досыть воли и росказанью его королевское милости тотъ кгрунтъ вымалевати велѣвши съ подписаньемъ рукъ нашихъ до его королевское милости отсылаемъ. Которая вся справа яко се передъ нами точила, дали есьмо сесь актъ нашъ коммиссарскій, съ печатьми и съ подписами рукъ нашихъ на обѣ сторонѣ. Писанъ у Лавъ, року 1601, мѣсеца Сентебря 6 дня.

1062 г.

Изъ книги за 1597—1609 г., стр. 222—226.

12. Коммиссарское определеніе по спорному делу о земле, называемой Островомъ, между Троцкимъ воеводою Николаемъ Радивиломъ и Каменецкими мещанами.

За листы комисейными и розказаньемъ короля его милости Жикгимонта третьего, зъ ласки Божое короля польского, и проч., мы комисары Левъ Сапега—канцлеръ великого князства Литовского, староста Сломинскій, Парнавскій и Мошловскій, Янъ Шуйскій—подкоморій Берестейскій; а съ стороны князя его милости на Олыце и Несвежу, граби на Шидловцу и Миру ясне вельможного пана Миколая Криштофа Радивила—воеводы Троцкого, Федоръ Патей—судья и Левъ Патей—писаръ, врадники земскіе воеводства Берестейского, ознаймуемъ, што перво сего не однокроть были споры и вынoшоны комисіи за жалобою мещанъ Каменецкихъ противъ княжати его милости пану воеводе Троцкому о кгрунты земленые Островъ надъ рекою Льсною, которого мещанове Каменецкіе доходили подъ княжатемъ его милостью паномъ воеводою Троцкимъ, менуючи его быти забранымъ ку именью его милости Деменичохъ. На который Островъ въ року прошломъ 1598, месяца Сентября 28 дня, панове геомитрове выеждчали и зъ обеюхъ сторонъ доводовъ и выводовъ слухали, а на уваженье лепшости права на розсудокъ короля его милости одослали; где его королевская милость, уважившы, ижъ водле привилею отъ мещанъ Каменецкихъ указованого не мещаномъ, але инстыкгаторови, яко о добра его королевской милости чинити належало, зновy на тую справу комисаровъ въ року прошломъ 1601 на тотъ же кгрунтъ Островъ надъ рекою Льсною высылати рачилъ, на которомъ зъехавши вельможный панъ Григорій Война—каштелянъ Берестейскій и его милость панъ Троянъ Воловичъ — подскарбій надворный и писаръ великого князства Литовского, Тивунъ Поюрскій, лесничій Кринскій, Кухницкій и Одельскій, и панъ Василей Букраба—хоружій Берестейскій; а зъ стороны княжати его милость пана воеводы Троцкого, ихъ милость панъ Василей Зенковичъ—маршалокъ его королевской милости, судья земскій Новгородскій, и мы Федоръ—судья и Левъ—писаръ Патеевы, врадни земскіе Берестейскіе, и панъ Миколай Подаревскій, доводовъ и выводовъ, листовъ, привилеевъ, зъ обеюхъ сторонъ покладаныхъ и объясненыхъ, слухали и тую всю справу, подостатку вырозумевши и списавши, сами не кончечи ее, на розсудокъ его королевской милости одослали. А его королевская милость съ паны радами великого князства Литовского такъ съ того одосланья комисарского, яко тежъ съ споровъ, оборонъ и мовенья обеюхъ сторонъ передъ его королевскою милостью вношоныхъ, тое справы прослухавши и добре ее зрозумевши лепшость права узнать и тотъ Островъ надъ рекою Льсною зъ селы—Речицою и Лесками, въ томъ же Острове здавна засажоными, декретомъ своимъ княжати его

милости пану воеводѣ Троцкому присудити и на достаточное ограниченье насъ комисаровъ назначити и зослати рачилъ, яко о томъ ширей и достаточней декретъ короля его милости въ собѣ обмовляетъ. А такъ мы, я Левъ Сапѣга—канцлеръ великого князства литовского и Янъ Шуйскій—подкоморій Берестейскій, а зъ стороны княжати его милости—я Федоръ Потей—судья и я Левъ Потей—писаръ, врадники земскіе Берестейскіе, коммиссаре, чинечи досыть розказанью его королевское милости и зложивши певный часъ, то-есть на день четырнадцатый мѣсеца Сентября, въ року нынѣшнемъ 1602, на тотъ Островъ помененый, о который спершого зъѣхали есьмо, который то Островъ водле выводу одъ княжати его милости пана воеводы Троцкого черезъ свѣтки, сусѣды околичные, которые и передъ тымъ не пооднокротно въ комисіяхъ свѣдецтвомъ своимъ заводили, при бытности его милости пана Филипа Махвица—лѣсничого его королевское милости Каменецкого и Бѣловѣзского и осочниковъ, сторожовъ пущи Каменецкое, такъ есьмо тотъ Островъ его милости пану воеводѣ Троцкому до имѣнья его милости Деменичъ отъ кгрунтовъ его королевское милости и мѣста Каменецкого одграничили, копцами сухимъ путемъ засыпали и тую справу окончили, то-есть, почавши тую границу провадити тыми врочищами, яко меновите нижей описано: напервей одъ рѣки Льсны, гдѣ надъ рѣкою копецъ першій нарожный усыпаный есть, простымъ трибомъ ажъ до урочища Мшарины, названое Рашенскій, и до гостинца дороги старое, съ Каменца до нового Двора лежачее, зоставуючи по лѣвой руцѣ кгрунты короля его милости, а по правой руцѣ кгрунты княжати его милости пана воеводы Троцкого. На томъ трибѣ копцовъ усыпано шесть, а семый нарожный, при самой дорозѣ, гостинцу старомъ граничномъ; а тою дорогою, гостинцомъ старымъ, идучи ажъ до рѣки Вешнее копцовъ усыпано двадцеть два, а оденъ одъ другого въ шести шнуровъ мѣрничихъ, также зоставуючи по лѣвой руцѣ кгрунты короля его милости, а по правѣ кгрунты княжати его милости, тою рѣчкою Вешнею нортомъ самымъ до рѣки Льсны, а рѣкою Льсною до ставу его милости пана воеводы Троцкого, а одъ ставу его милости до ставу пана Патеевого, одъ ставу пана Потеевого рѣкою Льсною ажъ до копца петы граничное надъ рѣкою Льсною усыпаного, одъ которого се граница вести почела. А ограничивши копцами, границъ поновивши и во всемъ досыть декретови короля его милости учинивши, дали есьмо княжати его милости пану воеводѣ Троцкому сесь нашъ листъ комисарскій подъ нашими печатьми и съ подписы рукъ своихъ, ознаймуючи то его королевское милости, пану нашому милостивому, для стверженья тое справы. Писанъ на томъ Островѣ въ селѣ Рѣчицы, лѣта Божого Нароженья 1602, мѣсеца Сентебря 14 дня.

1603 г.

Изъ книги за 1597—1609 г., стр. 227—236.

13. Подкоморское определеніе по спорному делу о владеніи рекою Крсною между Дрогицкою хоружиною и Горбовскими.

Лета Божого Нароженья 1603, месеца Марта 10 дня.

Передо мною Яномъ Шуйскимъ—подкоморимъ Берестейскимъ, за декретомъ головнымъ трибунальскимъ въ року прошломъ 1602 выданымъ и за позвомъ моимъ подкоморскимъ постановившисе очевисто на реце Крсне, въ повете Берестейскомъ лежачей, земяне повету Берестейского панъ Криштофъ Якубовичъ Мложевскій, панъ Андрей Яновичъ и панъ Прецлавъ Андреевичъ Горбовскіе, сторона поводовая, съ позву моего, жаловали на пани Зофею Ольбрихтовну съ Кавечина Яновую Мокгильницкую — хоружиную Дорогицкую и Мельницкую о томъ, штожъ дей которая река, названая Крсна, граничитъ именье пани хоружиное Воскрыничи зъ именьемъ ихъ Горбовомъ, почавши отъ урочища Кокота и такъ въдолжъ рекою мимо дворъ Воскрыницкихъ и млыны на той реце стоячіе, ажъ до урочища Перекопа, противко границы пана Станислава Садовского и по тыхъ дей местцахъ, яко се вышей поменило на той реце суть озера, тони и затоки, гожые до ловенья рыбъ вшелякимъ начиньемъ водянымъ; то пакъ дей въ року прошломъ 1591, месеца Марца 13 дня, небощикъ панъ Мокгильницкій — малжонокъ тое пани Мокгильницкое, хоружиное Дорогицкое, нетъ ведома для которой причины, ихъ участниковъ Горбовскихъ съ половицы тое реки Крсны, кгрунту водяного, отъ именья ихъ Горбова спокойного держанья и уживанья кгвалтовне выбилъ и ловенья рыбъ и уживанья вшелякихъ пожитковъ въ той реце, яко спольной граничной, надъ право ихъ дедичное и посполитое имъ заборонилъ, о которое кгвалтовное выбитье небощикъ Янъ Мокгильницкій не росправившисе, зъ ними зъ сего света смертью зшелъ. По которой смерти тая пани хоружиная, зоставившисе на именью Воскрыничахъ и съ участникомъ Горбовскимъ тое реки звышъ менованое уживанья, также яко и малжонокъ ее, заборонила, о што они участники Горбовскіе учинивши поступокъ правный, ее пани Мокгильницкую о тую реку по колькокротъ позывали до суду земского Берестейского; нижли судъ земскій, для никоторыхъ обмовъ ее, вольную ее одъ тыхъ позвовъ учинилъ. Зачимъ они участники Горбовскіе, занехавши поступку правного зъ нею зачатого, позвали были позвомъ земскимъ Берестейскимъ панну Еву Яновну Мокгильницкую, потомка небощика Яна Мокгильницкого, и оную самую пани хоружиную, яко опекунку ее до зачатое справы зъ небощикомъ Яномъ Мокгильницкимъ, отцемъ ее панны Евы, о выбитье спокойного держанья тое реки Крсны, которое се имъ стало въ року прошломъ 1591, месеца Марца тринадцотого дня. За которымъ позвомъ судъ земскій за доводами некоторыми ихъ участниковъ Горбовскихъ тую ре-

ку Крсну имъ Горбовскимъ присудивши, на имѣнью панны Евы Яновны Мокгильницкое Воскриничахъ кгвалту двадцать копъ грошей, а шкодъ тысечу копъ грошей литовскихъ, за присегою ихъ Горбовскихъ, всказалъ; одъ которого декрету умоцованый панны Евы и ее пани хоружиное, яко опекунки, чинечи нѣкоторые обмовы, подносилъ апеляцію до суду головного трибунальского. Зачимъ, кгды судъ земскій Берестейскій тое апеляціи не допустилъ, тая пани Мокгильницкая именемъ своимъ и именемъ тое цорки своее панны Евы, яко опекунка ее, позвала была о недопущенье апеляціи судъ земскій Берестейскій и ихъ участниковъ Горбовскихъ ку прислуханью тое справы передъ судъ головный трибунальскій; за которыми позвы, кгды въ року прошломъ 1602, мѣсеца Августа первого дня, у Вильни тая справа сужона была, тогды судъ головный трибунальскій, узнавши быть промолчанье давности кгвалту и шкодъ черезъ небощика пана Яна Мокгильницкого удѣланого, потомка его панну Еву Мокгильницкую и ея опекунку одъ тыхъ шкодъ и кгвалту вольную учинивши, а ихъ участниковъ Горбовскихъ водлугъ зачатое справы зъ нею самою пани хоружиною о тую рѣку Крсну до враду моего подкоморского правне чинити одослалъ. И маючи они участники Горбовскіе въ томъ отъ нее великую кривду и шкоду, которыхъ шкодъ въ неуживанью тое рѣки отъ часу того, яко имъ по смерти малжонка своего пана уживанья заборонила, менили собѣ быть на тысечу копъ грошей литовскихъ, о што все такъ и тую рѣку, яко и о помененые шкоды очевисто у права суду моего подкоморского мовити хотечи, доводили; того позву положенье выписомъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ на день нынѣшній въ датѣ вышей писаной недѣль за шесть року припалого поданья того позву на имѣнью Воскрыничахъ въ року нынѣшнемъ 1603, мѣсеца Генваря 26 дня, черезъ возного Станислава Доленкговского давали стороны своее позваное пани хоружиную Дорогицкую черезъ тогожъ возного Доленкговского приволывать ку праву. На которое приволыванье озвавшисе сама пани хоружиная очевисто въ той справѣ залецила моць зуполную пріятелеви умоцованому своему пану Арнольду Выриковскому — дворянину его королевской милости. И мовилъ тотъ умоцованый, ижъ дей въ томъ позвѣ при нихъ панохъ Горбовскихъ позываетъ и пани Ганна Миколаевна Горбовская Станиславовая Ерузальская зъ малжонкомъ и опекуномъ своимъ паномъ Станиславомъ Ерузальскимъ; а ижъ позвавши сами се не становятъ, а суть участниками Горбовскими, прото безъ нихъ пани хоружиная зъ дочкою своею ему, пану Мложевскому и паномъ Горбовскимъ на позовъ отказовать не повинна, водле артикулу семьдесятого роздѣлу четвертого, овшемъ ижъ се не становятъ, абы на упадъ въ речи водле артикулу сорокъ второго роздѣлу четвертого и артикулу пятого въ роздѣлѣ девятомъ домовлялся, абы зданы были. На што панъ Криштофъ Мложевскій самъ отъ себе и отъ всѣхъ участниковъ своихъ, при немъ стоячихъ, подалъ: если се Ерузальская зъ малжонкомъ своимъ не становитъ, то не имъ, але онымъ шкодитъ, въ чомъ собѣ сторона позваная нехай водле тыхъ артикуловъ подаваныхъ поступуетъ, а на жалобу ихъ отказъ чинитъ, они о нихъ хотя зъ ними въ позвехъ стоятъ сполом ничого вѣдати не хочутъ и

были разъ, другій и третій приволываны, которые не только сами не стали, але о собѣ и жадное вѣдомости сторонѣ и мнѣ подкоморому не учинили: прото съ тыхъ причинъ за домовеньемъ стороны отпоровое тую паню Ерузальскую и малжонка ее водле права артикуловъ помененыхъ, ижъ позвавши сами не стали, на упадъ въ речи здавши на жалобу пановъ участниковъ ей милости паней хоружиной отповѣдати наказаломъ. Затымъ панъ Арнольдъ Выриковскій домовлялсе, абы панове Горбовскіе, ижъ половица рѣки Крсны, почавши одъ урочища Кокота мимо дворъ и млыны Воскрыницкіе ажъ до урочища Перекопа, яко въ позвѣ своемъ поменили и належатъ до Горбова, а панъ Криштофъ Млажевскій мовилъ, ижъ то рѣка Крсна зъ давныхъ часовъ въ посессіи предковъ пановъ Горбовскихъ и ихъ была, такожъ черезъ небожчика пана Яна Мокгильницкого малжонка тое пани Мокгильницкое въ половицы своей тое рѣки суть выбиты съ спокойного держанья, на што показовалъ оповѣданье выписомъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, датою року деветдесятъ первого, мѣсеца Марта 15 дня, и реляцію возного съ тыхъ же книгъ кгродскихъ въ датѣ тогожъ року и мѣсеца Марта 22 дня огледанья поволоченья тоней свѣжо на рѣцѣ Крснѣ; дотого положилъ компромисъ также выписомъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ въ датѣ тогожъ року и мѣсеца Мая 4 дня межи небожчикомъ Яномъ Мокгильницкимъ а межи ними участниками Горбовскими зезволенья се межи ними, же мѣли по дву пріятель на тую рѣку вывести, а што бы они на которую сторону вынадезкомъ и розсудкомъ своимъ вынашли, на томъ перестать кождый зъ нихъ мѣлъ, чому се за смертью того небожчика Мокгильницкого досыть не стало. Ку тому покладалъ декретъ трибунальскій въ датѣ року 1602, мѣсеца Августа первого дня, въ которомъ минувши дѣдичку панну Еву зъ нею пани Мокгильницкую о тую рѣку чинити переде мною подкоморимъ не хочетъ ли наказано, яко то о то чинить теперь и оное половицы мѣти хочутъ, бо што се сторона домагаетъ, абы есьмо показали, для чего се отъ Кокота до Перекопа домагаемъ рѣки и если въ той рѣцѣ Горбовскіе што коли мѣли; теды на то покладалъ листъ короля его милости Александра на паперѣ писанный, только съ печатью на кустодіи, датою зъ Мѣльника, мѣсеца Ноября 4 дня, индикта пятого, безъ подпису, до намѣстника Берестейского пана Станислава Михайловича Петковича и до иншихъ писаный и на потверженье того листу черезъ короля его милость Жикгимонта, также только за печатью, безъ подпису, писаный съ Берестья, въ мѣсецу Маю 14 дня, индикта одинадцатого, до пана Виленского, старосты Берестейского, князя Александра Юрьевича, гдѣ описуетъ: ижъ король его милость Александеръ за чолобитьемъ Яна Горбовского, предка ихъ, греблю до берега своего Воскриницкого присыпати и млынъ поставити позволилъ, ижъ дей король его милость одинъ берегъ свой, а другій нашимъ признаваетъ, одъколь ся дей значитъ, ижъ рѣка Крсна по половицы отъ берега Воскриницкого до Воскриничъ, а изъ берега Горбовского до Горбова належитъ. И подавши артикулъ двадцатый зъ роздѣлу девятого, хотечи того свѣдками водле права доводити, ижъ тая половица рѣки Крсны при кгрунтѣ Горбовскомъ имъ участникомъ Горбовскимъ приналежитъ.

На што панъ Выриковскій повѣдилъ, ижъ тые листы королевскіе, которые панъ Мложевскій показуетъ, у него суть вонтпливые, а то съ тое причины: наперодъ, ижъ суть безъ подпису не только короля его милости, але и писарского и не суть знать нигдѣ актикованы. До того король его милость Александръ и Жикгимонтъ до старостъ Берестейскихъ пишетъ ознаймуючи, ижъ Яну Горбовскому кгреблю къ своему берегу Воскриницкому приткнути и млынъ поставити позволяетъ, абы панъ староста Берестейскій за тыми листы въ то пана Яна Горбовскаго увезати мѣлъ, того сторона не показуетъ. Зачимъ не только абы за такими вонтпливыми листы до половицы рѣки Крсны прійти мѣлъ, але и млынъ на той рѣцѣ Воскриницкой постановленный, слушне до Воскриничъ належать бы мѣлъ. А на остатокъ, хотябы такъ было, жебы тые листы за слушные узнаны были, чого онъ не признавалъ, теды предсе за ними до чого се берутъ, прійти не могутъ; а то для того, ижъ въ нихъ о рѣцѣ Крснѣ, абы имъ належати мѣла, ніякое взмѣнки не маешь, только ижъ греблю до берега Воскриницкого приткнути позволяетъ, для которое гребли рѣки зъ вѣковъ до Воскриничъ належачое собѣ привлащати не могутъ. На то панъ Мложевскій мовилъ: што листомъ короля его милости вонтпливость задаетъ мовечи, же ихъ не машь нигдѣ актикованыхъ, ани подпису въ нихъ не машь, теды то подобно къ тотъ часъ и такъ давно мало метрикъ было, а тежъ королей ихъ милость, ани писаровъ кгродскихъ не могъ нихто учити, яко выдано съ канцеляріи, такъ о то затымъ держатъ. А къ тому хотя бы тежъ и тыхъ листовъ гродскихъ не было отъ давного часу, водле артикулу второго и пятого въ роздѣлѣ третемъ, слушне при держанью каждый зостать бы могъ; але онъ листами се господарскими щититъ, и за ними яко млынъ держитъ, такъ и въ рѣцѣ держанья мѣти, яко перво держали съ предками своими допирается. А панъ Выриковскій мовилъ, ижъ бы се то ясне показало, теды яко заразъ наперодъ за даниною отъ короля его милости Жикгимонта пану Ильиничу Воскриничъ въ року 1509, такъ и потомъ же тая рѣка завжды до Воскриничъ належала и теперь належитъ. Покладалъ листъ комисаровъ отъ короля его милости Жикгимонта на розграниченье рѣки Крсны, бобровыхъ гоновъ, озеръ и сѣножатей межи паномъ Юрьемъ Ивановичемъ Ильиничомъ—старостою Берестейскимъ, държачимъ на тотъ часъ имѣнья Воскриничъ, а межи паномъ Мартиномъ, Богушомъ и Мацкомъ Заранковичи Горбовскими, держачими имѣнья Горбова, зосланыхъ подъ датою року 1520, мѣсеца Марта 10 дня, индикта 4, въ которомъ описуетъ, ижъ тые панове Заранковичи передъ ними комисарми на томъ и присегу учинили, ижъ почавши отъ урочища Быстрца, въ поперокъ рѣки идучи, внизъ рѣкою ку Горбову, то вся рѣка зъ обѣма берегами, зъ озеры, потоки, зъ бобровыми гоны и зо всимъ до Горбова належитъ; а отъ тогожъ Быстрца идучи на гору рѣкою къ селу Воскриничомъ, также вся рѣка зъ обѣма береги, зъ озеры, зъ затоки, зъ бобровыми гоны и зо всимъ до Воскриничъ належитъ; гдѣ еслибы што мѣло предкови ихъ Горбовскихъ належати, не занехали бы того помененые Заранковичи Горбовскіе комисаромъ объявити, бо если речи меньшое, сѣножати Блажковское, ижъ до Воскриничъ належитъ, не замолчали, по-

готову есливы съ кимъ другимъ опрочь Воскриничъ у того урочища Быстрца границу въ рѣцѣ мѣли, передъ комисарми бы не замолчали, але тую рѣку всю до Воскриничъ быть належачую признали и присегою ствердили. Водле которого роздѣлу комисарского, яко помененые Заранковичи Горбовскіе и по нихъ Погозскихъ тую рѣку, якъ есть въ томъ листѣ описано, зо всимъ держатъ, также и небожчикъ панъ Ильиничъ, а по немъ панъ Павелъ Кавечинскій, по пану Павлѣ Кавечинскомъ, малжонка его, а по ней панъ Ольбрихтъ Кавечинскій, по пану Ольбрихтѣ панъ Янъ Мокгильницкій, по пану Мокгильницкому малжонка его ажъ до сего часу черезъ колько давностей земскихъ спокойне держитъ и уживаетъ. Якожъ дей по той коммиссіи во три лѣта, тоесть року 1523, мѣсеца Мая 17 дня, индикта одинадцатого, подтверженье короля его милости Жикгимонта, а другій разъ въ року 1533, мѣсеца Марта двадцатого дня, индикта пятого, чинечи тые Заранковичи Горбовскіе зъ дядкомъ своимъ предкомъ стороны поводовое, во имѣнью Горбовѣ дѣлъ вѣчистый, до тогожъ урочища Быстрца копцы свои присыпывали, ажебы отъ того Быстрца въ гору ку Воскриничомъ до Кокота половица рѣки имъ належати мѣла, въ жадномъ дѣлѣ своимъ того не вспоминаетъ, одно ижъ Заранковичомъ рѣка вся отъ Быстрца до Кіевецкое границы се достала; а напротивко того предкови ихъ стороны жалобливое досталасе рѣка Желява зъ нагородою села Легутъ и зъ млыномъ, чому на помочь указовалъ до тогожъ потверженья короля его милости дѣлу, же се имъ за тую рѣку нагорода стала въ Легутахъ. А што дей панъ Мложевскій беретъ собѣ на помочь артикулъ двадцатый роздѣлу девятого, то его вспомочи не можетъ, а то съ тое причины, ижъ на тую половицу рѣки никакого права на письмѣ, абы имъ, або предкомъ ихъ коли належати мѣла, за которымъ бы они того уживали, такъ, яко пани хоружиная не показуетъ. А тежъ дей тая рѣка Крсна не вдолжъ, але всюды въ поперекъ се дѣлитъ, што се то съ того права отъ пани хоружиное показаного значитъ: бо если бы вдолжъ рѣкою граница ити мѣла, яко въ позвѣ описано, теды бы и имъ Заранковичомъ тамъ часть приходила; кгдыжъ того сторона не показуетъ, абы тая половица рѣки зъ Воскриничи, о которую и пани хоружиную позывалъ, предкомъ пана Мложевского и паномъ Горбовскимъ къ дѣлу достатисе мѣла, для чого не могли бы о то безъ нихъ участниковъ своихъ съ панею хорунжиною правомъ чинить. А панъ Мложевскій повѣдилъ, ижъ што сторона позваная рѣкою Желявою и Легутами очи имъ мыдлитъ и покладаетъ якую комисію о тую рѣку Крсну межи паномъ Ильиничомъ, а паны Заранками, теды тая справа ничого имъ шкодити не можетъ, абовемъ иншая суть панове Заранкове, а иншая панове Горбовскіе: бо панове Заранкове суть имъ сусѣдами заграничными и о ихъ комисіяхъ не хочутъ ничего вѣдати, только мовятъ о свое. А што се тычетъ рѣки Желявы, теды они тую Желяву съ паны Вортельскими, зъ иншими сусѣды своими маютъ, а не зъ Воскриничами, на што показовалъ и декретъ ассесоровъ, одъ короля его милости Жикгимонта высланыхъ, справы пановъ Заранковъ зъ Яномъ Горбовскимъ, дядкомъ ихъ, гдѣ Заранкове противъ Горбовскому, же дѣлу вѣчного въ имѣнье ихъ и листовъ дѣльчихъ

не мѣли, присегу на томъ были мѣли выконать, нижли за угодою их не пришло до того. И инщихъ не мало листовъ межи паны Заранками, а паномъ Яномъ Горбовскимъ, стороны дѣлу поискуючи, мовилъ, же отъ толь значитъ се, же справа иншая Горбовскихъ и зъ Заранками, а иншая справа имъ зъ Воскриничами, бо они о Быстрецъ ничого не мовятъ и о ихъ границу, только отъ урочища Кокота и такъ вдолжъ рѣкою мимо дворъ Воскриницкій и млыны на той рѣцѣ стоячіе, ажъ до урочища Перекопа противко границы пана Садовского своего се мѣти домагають. А яко то ихъ властность и уживанье въ половицы рѣки было, ставилъ свѣдковъ десети господарскихъ и чужопанскихъ на давномъ держанью и уживанью тое рѣки и по тыхъ мѣстцахъ и урочищахъ помененыхъ. Которые свѣдки, кгды были боязнью Божою напомнены, абы справедливе сознавали, чого въ той справѣ вѣдоми, теды всѣ одностайне признали, же въ той рѣцѣ Крснѣ панове Горбовскіе съ паны Воскриницкими здавна на полы лавливали, теперь недавно, яко имъ рѣку отнято отъ колконасту лѣтъ не ловятъ; и по свѣдецтвѣ тыхъ свѣдковъ и самъ панъ Мложевскій зъ участниками своими на уживанью тое рѣки давномъ и на выбитью спокойного держанья черезъ небожчика пана Яна Мокгильницкого и на шкодахъ въ позвѣ описаныхъ, бралсе до присеги. И за такимъ свѣдецтвомъ своимъ просили, абымъ ихъ, водле артыкулу двянадцатого и артыкулу двадцатого въ роздѣлѣ девятомъ, съ присуженьемъ половицы рѣки ихъ заховалъ и шкоды въ позвѣ описаные за неуживаньемъ рѣки вскязалъ. А панъ Выриковскій на то мовилъ, ижъ доводу ніякого слушного на письмѣ панъ Мложевскій зъ участниками своими, абы имъ, або предкомъ ихъ тая половица рѣки Крсны коли належати мѣла, не показуетъ, одно голыми словами то собѣ неслушне натегаючи, до доводу свѣдки ставили и сами се до присеги берутъ. Съ тыхъ причинъ просилъ тежъ панъ Выриковскій, абы за показаньемъ права помененого панее хоружиное на тую рѣку, такъ ясного, и за доводомъ спокойного держанья и уживанья тое рѣки, яко предковъ панее хоружиное, такъ и ее самое, водле права, зъ свѣдками, которыхъ въ личбѣ и надъ право, такъ королевскихъ, яко и чужопанцовъ, тридцать ку свѣдецтву ставилъ. Которые, также кгды будучи напомнены бояэніею Божою, все одностайне признали, же въ той рѣцѣ Крснѣ, о которую панове Горбовскіе прю маютъ, николи, яко паметь ихъ зноситъ, и отъ отцовъ своихъ не слыхали, абы панове Горбовскіе коли въ той рѣцѣ Крснѣ который вступъ чинили, овшемъ имъ боронили и не допущали, и теперь тамъ ничого не маютъ. По которыхъ свѣдецтвѣ щитилсе давностью земскою близко ста лѣтъ, и водле артыкулу деветъдесятъ второго въ роздѣлѣ четвертомъ и девятомъ водлѣ артыкулу дванадцатого въ роздѣлѣ при всѣй той рѣцѣ и пожиткахъ ей пани хорунжиная вѣчными часы зъ дочкою своею безъ присеги захована была. Также што ся тычетъ шкодъ, кгвалту, въ позвѣ описаныхъ, которые декретомъ трибунальскимъ вжо оттяты суть, абы и отъ того вольна учинена была. Панъ Мложевскій мовилъ, бы и до того пришло, жебы по паней хоружиной якожкольвекъ декретъ палъ, теды за тымъ свѣдецтвомъ своимъ, кгдыжъ они, яко

поводовая сторона, свѣдковъ ставили, и знаки показовали листами королевъ ихъ милостей, которые, дозволивши предкомъ ихъ млынъ ставити на той рѣцѣ, меновите въ томъ листѣ признаватюъ, же зъ давныхъ часовъ тое рѣки былъ одинъ берегъ Горбовскій, а другій Воскриницкій, або королевскій. Съ тыхъ причинъ безъ присеги тое рѣки, яко ихъ властной, одержати не можетъ. А ижъ се было спознило, взяломъ собѣ на декретъ до завтрея. А потомъ на завтрее я подкоморій въ той справѣ пана Мложевского и пановъ Горбовскихъ съ пани хорунжиною Дорогицкою, а добре оную зрозумѣвши, ижъ што панъ Мложевскій и участники его позвали позвомъ моимъ подкоморскимъ пани хорунжиную Дорогицкую водле декрету трибунальского о половицу рѣки Крсны, указуючи листы господарскіе, предку ихъ даные на присыпанье гребли и збудованье млына на той рѣцѣ отъ берегу Воскриницкого до берегу Горбовского, и держанье собѣ и предкомъ своимъ давное голыми словы тое рѣки до року 1591 быть менили, и въ томъ року якобысе небожчикъ панъ Янъ Мокгильницкій спокойного держанья и уживанья тое рѣки выбитъ мѣлъ, и не показуючи на письмѣ ніякого уживанья, только за оповѣданьемъ на врадѣ кгродскомъ Берестейскомъ о выбитьѣ учиненымъ; также за свѣдецтвомъ свѣдковъ и присегою своею хотѣли половицы рѣки мѣти, то-есть: почавши отъ урочища Кокота вдолжъ рѣкою мимо дворъ Воскриницкій и млыны, на той рѣцѣ стоячіе, ажъ до урочища Перекопа, противко границы пана Садовского. А зъ стороны зась пани хорунжиное то се показуетъ, впередъ: зъ листу коммисарского въ датѣ року 1591 Марца 10, индикта четвертого, покладаного дѣленья тое рѣки Крсны, зъ Заранковичи, Горбовскими и зъ Воскриничами, же се у гору до Воскриничъ отъ Быстрици врочища, по обаполъ рѣки до Воскриничъ достало, и зась зъ дѣлу вѣчистого межи Яномъ Горбовскимъ, предкомъ ихъ, и Заранковичами, черезъ короля его милость Жикгимонта въ року 1523, мѣсеца Мая 17 дня, индикта 11, потвержоного, же за всю рѣку Янъ Горбовскій, предокъ пана Мложевского и пановъ Горбовскихъ у Легутахъ отмѣну взялъ, а рѣку всю отъ Быстръца ажъ до Кіевца уступилъ; зачимъ се значитъ, же тые Заранковичи Горбовскіе, узнавши собѣ поперекъ рѣки обаполъ, водле присеги своее, передъ коммисарми учиненое, отъ Быстръца ку Воскриничамъ признали бытъ обаполъ рѣки къ Воскриничомъ и потомъ во три лѣта маючи дѣлъ съ паны Горбовскими имъ за тую рѣку, которую собѣ отъ Воскриничъ отприсегли брати своей у Легутахъ селѣ нагороду дали. Съ тыхъ теды причинъ, яко судъ головный трибунальскій зъ нею самою пани хорунжиною, не ждучи лѣтъ дѣтинныхъ, передо мною казалъ се роспирать: — прото тежъ я, яко при тыхъ листахъ вышей мененыхъ, такъ и при держанью давномъ, узнавши пани хорунжиную самую съ тремя свѣдками ее, водле артикулу дванадцатого розделу девятого, только на спокойномъ держанью, яко тое рѣки она спокойне держала, близшую до присеги, а тую рѣку Крсну всю до Воскриничъ ей присужаю, а съ потомкомъ пани хорунжиной, теперь лѣтне дорослымъ, похочетъ ли сторона поводовая, панъ Мложевскій и панове Горбовскіе, кгды лѣтъ доростетъ, о присегу ее власт-

ную, яко дѣдичку, на вѣчности держанья тое рѣки правне мовити, то имъ вольно будетъ. А што се тычетъ млына пановъ Горбовскихъ, участниковъ на рѣцѣ Крснѣ, который панове Горбовскіе за позволеньемъ господарскимъ збудовали, тони свои мѣшать врочищомъ надъ рѣкою Желявою унизъ млына ихъ, врочищомъ за Желявкою въ ставѣ ихъ, у верхъ того млына, также на низъ того млына ихъ предъ Вайловою просто тоней двохъ отъ вощу тоню лежачую надъ рѣкою Крсною, альбо озеръ пановъ Горбовскихъ было веля кгвалтовне въ нихъ рыбъ черезъ небожчика пана Яна Мокгильницкого; тогды, водле оповѣданья пана Мложевского и пановъ Горбовскихъ, за присегою ихъ, такъ тые тони, яко и кгвалтъ всказую. А ижъ шкодъ трибуналъ одсудилъ, я тежъ ихъ не всказую и вольною отъ нихъ пани хорунжиную и потомки ее вѣчне чиню. А панъ Выриковскій, умоцованый пани хорунжиной, розумѣючи быть въсказанье мое не водле права, жемъ паней хорунжиной, яко паней доживотной на властности детинной на держанью рѣки, также и потомку ей, кгды лѣтъ доростетъ, при ясныхъ доводахъ листовныхъ и свѣдецтвѣ, такъ много свѣдковъ присегу наказалъ, апелевалъ съ тымъ до суду головного трибунальского, чогомъ допустилъ; съ которою справою маютъ се обоя сторона становити въ року нынѣшнемъ 1603, передъ судомъ головнымъ трибунальскимъ, у Вильни, въ терминѣ воеводства Берестейского. А притомъ также заразъ тотъ же умоцованый свѣдчилъ се въ невинномъ поволованью о тую рѣку на две тысечи копъ грошей литовскихъ шкодъ, а панъ тежъ Мложевскій и панове Горбовскіе мовили:. же хотя маемъ укрывженье въ томъ отсуженью рѣки, але волимъ, ижбы она пани хорунжиная намъ нашу властность отприсегла, а ижъ апелюемъ, приводечи насъ до шкодъ, свѣдчили се противъ паней хорунжиной на двѣ тысечи копъ грошей литовскихъ шкоды. А при той справѣ былъ при мнѣ возный повѣту Берестейского Станиславъ Долетовсвій и два шляхтичи— панъ Янъ Ивановскій и панъ Флорьянъ Мдожевскій. Што все для памети до книгъ подкоморскихъ есть записано.

1619 г.

Изъ книги за 1617—1626 годы, стр. 38—45.

14. Подкоморское рѣшеніе по дѣлу между земянами Калечицкимъ и Кендеравскимъ о постройкѣ послѣднимъ мѣльницъ и плотинъ, которыя были причиною затопленія лѣсовъ Калечицкихъ.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого 1619, мѣсяца Мая 21 дня.

Передо мною Базилемъ Контемъ— подкоморымъ воеводства Берестейского, старостою Ожскимъ и Переломскимъ, за одосланьемъ отъ суду земского Берестейского, зъ роковъ Троецкихъ въ року тысеча шестьсот чо-

тырнадцатомъ, мѣсеца Іюня четвертого дня, а за позвомъ моимъ подкоморскимъ, надъ самою рѣкою Нурцомъ, которая граничитъ Литву съ Короною, у во именью Калечицахъ, добра у воеводствѣ Берестейскомъ лежачіе, на части купной черезъ пана Станислава Кендзеравского у небожчика пана Василья Сасина Калечицкого, постановившисе очевисто земяне господарскіе воеводства Берестейского, панъ Василей и панъ Грегорей Звѣровичъ Сасины-Калечицкіе,—сторона поводовая съ позву очевисто жаловали на земенина тогожъ воеводства Берестейского пана Бартоша Станиславовича Кендзеравского о засыпанье черезъ него новой гребли на рѣцѣ Нурцу и постановенье млыну о дву колахъ и фолюша, о залянье имъ паномъ Калечицкимъ сѣножатей, лѣсовъ и гаевъ, въ гору и въ низъ, въ року прошломъ тысеча шестьсотъ десятомъ певныхъ мѣсяцей и дней, одколь собѣ шкоду немалую быти розумѣли. Тамже за установеньемъ се обѣюхъ сторонъ, ижъ того дня было свето, волторокъ святочный, и припознилосе было, тедымъ до завтрея подъ тоюжъ моцью тую справу отложилъ. А на завтрее мѣсяца Мая двадцать вторюго дня, кгдымъ се тамъ у того млына на той гребли становилъ, панъ Василей и панъ Григорей Калечицкіе, указавши протестацію и реляцію возного о тотъ заливокъ выписомъ съ книгъ кгродскихъ Берестейскихъ, въ датѣ року тысеча шестьсотъ десятого, мѣсеца Декабра первого дня, домовляючисе водле артикулу двадцать первого роздѣлу девятого, абы тые млыны были знесены, а гребля была роскопана, жебы имъ жалобливымъ тымъ затопеньемъ въ сѣножатѣхъ, въ лѣсахъ и въ гаяхъ шкоды большей небыло. А панъ Бартошъ Кендзеравскій, показавши внеродъ артикулъ семьдесятый роздѣлу четвертого, ижъ онъ Кендзеравскій перво того, до земства кгды былъ позыванъ въ року тысеча шестьсотъ чотырнадцатомъ, теды съ паномъ Матеемъ Калечицкимъ, участникомъ своимъ, а теперь только одно двои, панъ Василей и панъ Григорей позываютъ, ничого не вспоминаючи пана Калечицкого, або по смерти потомковъ его, а до того есть еще и другіе участники яко то: панъ Александеръ, Якубъ и Янъ Евтиховичове Калечицкіе, до того потомкове пана Матея Калечицкого, Янъ и Якубъ и Щастный, безъ которыхъ абы напотомъ потворе о тоежъ перенагабанья и турбованья правного не мѣлъ, яко участниковъ отповѣдать не повиненъ, просилъ вольности. А панъ Василей Калечицкій черезъ умоцованого своего пана Жикгимонта Пальневского, тутъ же самъ стоячи, повѣдилъ, же онъ одъ тыхъ всѣхъ участниковъ, которыхъ панъ Кендзеравскій менуетъ, части ихъ всѣ покупилъ вѣчностью, вже они до того ничого не маютъ. Панъ тежъ Григорій, очевисто стоячи, повѣдилъ, же и онъ одъ одного участника, брата своего рожоного, одъ пана Александра Калечицкого часть его купномъ у себе маетъ. Гдѣ тутъ же стоячи передо мною подкоморимъ панъ Александеръ Калечицкій очевисто призналъ, же онъ, што мѣлъ въ Калечицахъ, то все продалъ пану Григорью, брату своему. Также потомкове небожчика пана Матея Калечицкого Янъ и Якубъ Калечицкіе признали, же они зъ маткою своею часть свою, што одно у Литвѣ мѣли, пану Василью Калечицкому продали, на што и права листовные признаные, такъ отъ тыхъ, яко и отъ другихъ участниковъ своихъ маетъ, и домовлялисе, абы

имъ, яко тымъ, которые суть укривжоные, успраеедливялсе не щитечисе жадными участниками—кгдыжъ онъ панъ Василій въ Калечицахъ частей три, а панъ Григорій четвертую, а панъ Кендзеравскій часть пятую межи ними маеть и онъ своею частью пятою въ гору и внизъ части ихъ чотыри затопилъ за сыпаньемъ тое новое гребли и постановеньемъ наней млыновъ. А панъ панъ Кендзеравскій домовлялсе, абы автентице книгами тыхъ куплей своихъ доводилъ, а не голою повѣстью; чого же не показуетъ, домовлялсе вольности отъ позву и рѣчи. Чого ему сторона боронила, же того не повинна учинити, бо тутъ не идетъ о показанье права, только о шкоду и позаливанье, тони кривду маютъ, а не тые, которые тутъ вжо попродававши, все съ тыхъ се краевъ вынесли, повиненъ имъ одповѣдати. А такъ я подкоморій видечи, же панъ Кендзеравскій непотребне се участниковъ домагаетъ, которые зъ ними и въ правѣ въ земствѣ не стояли, только была имъ самымъ справа и пана Матея Калечицкого, а теперь по смерти его потомкове, продавши ему пану Василью Калечицкому, части своее зреклисе, не узнавши автентице съ нимъ съ права показовать, наказаломъ, абы панъ Кендзеровскій имъ только двѣма на жалобу ихъ успраедливялсе и далей отповѣдалъ. А панъ Кендзеровскій далей отповѣдаючи повѣдилъ: чомужъ его сторона, яко учитъ артыкулъ семнадцатый и артикулъ шестьдесятъ шостый роздѣлу четвертого, не позволила зо млына, съ которого собѣ крывду быти розумѣетъ? А отъ пановъ Калечицкихъ на то повѣдено: же онъ зъ двору своего Калечицъ, въ которомъ мѣшкаетъ, зобравшисе тую греблю занялъ и млыны постановилъ и съ того тежъ двору его позвали, добре повиненъ отповѣдати. И я теды подкоморый, узнавши слушное поданье позву у дворѣ, а не во млынѣ, показаломъ и въ томъ пунктѣ далей быть въ отказѣ. А затымъ панъ Кендзеровскій тымижъ оборонами, яко и въ судѣ земскомъ Берестейскомъ въ року тысеча шестьсотъ чотырнадцатомъ щитилсе, же тотъ млынъ есть не въ Литвѣ, але въ Коронѣ Польской, половица до повѣту Дорогицкого, а другая половица до Бранска належитъ. На што покладалъ выпись (изъ книгъ) кгродскихъ Бранскихъ, подъ датою року тысеча шестьсотъ осьмого, признанья пана Матея Калечицкого, ижъ млынъ на томъ ставѣ на рѣцѣ Нурцу, названый Лучка, тотъ панъ Матей Калечицкій продалъ небожчику отцу его пану Станиславу Скендзеравскому, которую то продажу оного млына и до книгъ земскихъ Бранскихъ въ томъ же року тысеча шестьсотъ осьмомъ перенесено. До того квиты поборовые панъ Кендзеровскій покладалъ, ижъ одъ року деветдесятъ первого, ажъ и по сесь часъ, яко отецъ его, и онъ самъ поборы съ того млына до Бранска давалъ. Покладалъ тежъ онъ панъ Кендзеравскій запись пана Бобровницкого на другій млынъ, на томъ же ставѣ, на рѣцѣ Нурцу, на кгрунтѣ повѣту Дорогицкого, которого ему тотъ панъ Бобровницкій въ сумѣ... пѣнезей заставилъ. И домовлялсе панъ Кендзеравскій, абы водле артыкулу сорокъ четвертого роздѣлу четвертого за вызванье на тыхъ звышпомененыхъ особахъ вины всказаны были, ижъ его не до належного права вызвали, а онъ при купнѣ своемъ отцовскомъ и при добрахъ Коронныхъ, гдѣ се въ которомъ повѣтѣ записъ сталъ, вольнымъ зосталъ, домовлялсе не хотечи далей въ

отказѣ быти, яко будучи вызваный съ Короны до Литвы. А панове Калечицкіе, показавши передо мною листъ дѣлу своего вѣчистого межи петьма братью паны Калечицкими сталый, въ року тысеча пятьсотъ семдесятъ девятого, мѣсеца Апрѣля дванадцатого дня, а признаный въ земствѣ у Берестьи въ датѣ року тысеча пятьсотъ осьмдесятого, мѣсеца Іюня четвертого дня, въ которомъ то меновите описуетъ, яко се они братья участники, на пять частей дѣлечи, каждый часть свою на себе розобравши въ держанью былъ; а потомъ зась тыхъ братьи участниковъ водле воли каждый часть свою шафовалъ. Панъ Василей Калечицкій съ частью своею прикупивши у двохъ участниковъ отчичовъ, братьи своее стрыечное, маетъ частей три, а панъ Григорей свою четвертую часть съ купномъ у брата пана Александра, а оного пана Кендзеравского отецъ его купилъ часть пятую у пана Василья Калечицкого, другого брата, не въ Коронѣ, але въ Литвѣ, и на той малой части своей пятой, которою минувши, частей три опираетсе о рѣку Нурецъ, до половицы рѣки, наступила часть пана Кендзеравского четвертая, а въ низѣ часть пятая пана Григорья Калечицкого, и на той своей части онъ панъ Кендзеравскій, противъ своее части усыпалъ греблю и млыновъ два збудовалъ, одинъ фолюшъ, а другій для меленья збожа. Не можетъ се ексцыповать до Короны, съ тое причины, бо коли онъ панъ Кендзеравскій греблю засыпалъ и млыны на той рѣцѣ Нурцу побудовалъ, учинивши имъ въ гору и въ низъ заливокъ, учинили на него протестацію въ року тысеча шестьсотъ десятого, мѣсеца Декабра первого дня; а по учиненью протестаціи былъ позыванъ панъ Кендзеравскій на роки Михайловскіе въ року тысеча шестьсотъ одинадцатомъ, до заливокъ тымъ засыпаньемъ гребли и постановеньемъ млыновъ до суду земского Берестейского, гдѣ панъ Кендзеравскій, не припущаючи тое справы на розсудокъ правный, на угоду приятельскую, по межи себе до домовъ своихъ розняли, а еслибы се были не згодили, кождый се до права своего утечи мѣлъ. А потомъ и въ року тысеча шестьсотъ тринадцатомъ, на роки Троецкіе до Берестья передъ судъ земскій, кгды былъ позыванъ и тамъ панъ Кендзеравскій знову также на угоду рознялъ черезъ его милость пана подсудка земского Берестейского, пана Богдана Гуманского; а въ тотъ часъ колибы то такъ было, а тотъ млынъ зъ греблею новозбудованый до Короны належалъ, певне бы се былъ до Короны ексцыпованъ, а тыхъ розеймовъ не чинилъ, але завше тые млыны належали до Литвы, а яко се то зъ дѣлу ихъ показуетъ и теперь належатъ. Але онъ знать змовившисе зъ небожчикомъ паномъ Матеемъ Калечицкимъ казалъ собѣ тамъ признанье учинити и перенесенье учинилъ. А тежъ и тые квиты, которые показуетъ на плаченье поборовъ, теды въ тыхъ квитахъ не съ тыхъ млыновъ Лучки на рѣцѣ Нурцу, але съ того, што его держитъ въ заставѣ на той же рѣцѣ отъ пана Бобровницкого непотребне, яко урадъ, такъ и ихъ сторону тою обороною и отзываньемъ се въ иншій повѣтъ щитечися труднитъ, але тутъ въ томъ воеводствѣ Берестейскомъ, отъколь декретъ на выѣханье пана подкоморого вышолъ, такъ се успраеведливяти повиненъ,—жадные ему диляціе ити не могутъ. И домовляли се, абы далей въ отказѣ былъ, а имъ се жалобли-

вымъ усправедливяючи, яко тую греблю, такъ и млыны, водле артыкулу двадцать первого зъ роздѣлу девятого, знеслъ, абы они въ заляныю сѣножатей, лѣсовъ и гаевъ жадное шкоды въ гору и вънизъ одъ его части пятое не поносили. А такъ я подкоморій, узнавши передъ собою форумъ тое справы съ тое причины, же се панове Калечицкіе завше зъ добрами своими до Литвы, до Берестья позываютъ и тамъ съ певныхъ документовъ показалосе, же до половицы рѣки Нурца граница имъ въ Литвѣ съ Короною идетъ и панъ Кендзеравскій по колько кроть о тотъ заливокъ будучи позыванъ, зразу се Короною не ексциповалъ, але што разъ на угоду бралъ, а потомъ кгды вже былъ правомъ притисненъ, тожъ теперь по засыпанью гребли и поставенью млыновъ и по учиненью протестаціи въ лѣтъ тринадцать почалсе ексциповать, чого ему и урадъ земскій Берестейскій не принявши, до мене подкоморого одослалъ на оканчанье тое справы; на чомъ переставши не апелевалъ и всѣ тые обороны собѣ упустилъ, чого и я ему съ причинъ вышей помененыхъ, не допущаючи и за Литовскіе добра узнавши, далей въ отказѣ быти наказую. Одъ чото панъ Кендзеровскій на апеляцію бралсе до суду головного, же не одослано до повѣту, гдѣ се признанье того млына стало въ Коронѣ, але тутъ казано отповѣдати въ Литвѣ, которое апеляціи боронила сторона артикуломъ осмьдесять осмымъ роздѣлу четвертого, же отъ збитья позву только одъ самое речи апеляція не идетъ, чогомъ и я подкоморій не допустилъ. А потомъ одступивши апеляціи въ данномъ поступку, повѣдилъ, же если тую греблю и млыны збудовалъ, теды на властной части своей купной у участника пятого пановъ Калечицкихъ ничого имъ, яко сѣножатей, такъ лѣсовъ и гаевъ не залилъ, и хотя бы што тымъ ставомъ своимъ залилъ, теды му вольно: бо есть властне выразливе описано въ листѣ дѣльчимъ и заруками обваровано двѣма сотъ копами грошей литовскихъ, же о то одинъ другого труднити не мѣлъ. А же онъ на своей части властной гребли и млыны побудовалъ, не тыкаючи се ничого ихъ кгрунтовъ, показуючи притомъ мѣстца стожискъ, же они тамъ въ гору, што рокъ кошиваютъ и на нихъ сѣна кладутъ, а то только засъ зъ рѣчи ему его пожитку невинне труднятъ затопенье сѣножатей, лѣсовъ и хворостовъ, не маютъ о вказанье на нихъ зарукъ въ листѣ дѣльчомъ описаныхъ, а себе вѣчне вольности отъ всее речи домовляючисе, просилъ, абы при тыхъ млынахъ зосталъ безъ вшелякого ихъ зношенья и гребли роскопанья. А одъ пановъ Калечицкихъ на то отказуючи повѣдено, же суть двои стависка, старые у гору того его млына—на Красовщизнѣ и Пришовщизнѣ и то тамъ, колибы не онъ, але инщіе они сами участники, што въ гору дѣлы свои маютъ, засыпавши гребли и постановивши млыны, которому тамошнемужъ участникови заливокъ сталсе, о то зъ обохъ сторонъ молчати бы мѣли; але тутъ въ томъ мѣстцу николи жадное стависко старое не было, которого певне бы въ листѣ дѣльчомъ, яко иншихъ, не замолчано и того бы вписати не занехано; але онъ, ново збудовавши греблю и млыны межи нихъ нижей тыхъ ставискъ, заливокъ имъ учинилъ, абы его знеслъ, а они при пожиткахъ своихъ давныхъ зоставали. А што менитъ стожиска сѣнные, же они тамъ што рокъ

сѣно косить шкоды не мають; теды то суть старые стожиска еще передъ заляньемъ тыхъ сѣножатей и кривды имъ учиненью. А такъ я подкоморій, за выѣханьемъ моимъ до имѣнья Калечицъ въ справѣ пана Василья и пана Григорья Калецкихъ за усыпаньемъ новое гребли и постановеньемъ млыновъ, фолюша и на молотье збожа на рѣцѣ Нурцу зъ Литовское стороны, за подтопленье сѣножатей, лѣсовъ и хворостовъ черезъ пана Бартоша Кендзеравского, участника ихъ пятого во имѣнью Калечицахъ, межи чотырма частями ихъ частью пятою, въ которой справѣ ачъ не мало было оборонъ въ контроверсіяхъ, на своихъ мѣстцахъ описаныхъ, которые же на сесь часъ передо мною мѣстца не мѣли, прихиляючисе до права посполитого, артикулу двадцать первого роздѣлу девятого, якомъ былъ теперь знашолъ, же передъ упустомъ заливку значного ани въ горѣ, ани въ долѣ не бачечи, бо знать же вода передъ выѣханьемъ моимъ была спущона, теды и теперь такъ завше въ той мѣрѣ наказаломъ былъ палей два передъ упустомъ вбивши у водѣ петна гербу моего потоль, поколь вода заливаетъ, роспаливши въ огни, выпалити добре, жебы завше потоль вода бывала въ мѣрѣ, кромъ весны и осени до збѣженья ее, подъ закладомъ двохъ сотъ копъ грошей литовскихъ, въ листѣ дѣльчомъ ихъ описаномъ, зъ нагородою полволоки земли зуполного, штобы выносилъ моркговъ петнадцать имъ паномъ Калечицкимъ части пана Бартоша Кендзеравского, бо теперь передъ спущеньемъ знать, же мѣвали шкоду, на чомъ были изъ обохъ сторонъ перестали вѣчне. А потомъ тогожъ дня намовившисе и згодивши зъ собою, такое постановенье згодне и вѣчне учинили, уступивши того полволочка въ нагородѣ, черезъ мене имъ узнаного, а черезъ него пана Кендзеравского позволеного имъ дати и вымѣрити. Теперь вже тотъ млынъ на рѣцѣ Нурцу, названный Лучка, о который споръ ишолъ, сполне они всѣ три участники звышменованые держати мають по тыждню. А если бы се трафило которому зъ нихъ въ чужомъ тыждни на дворную потребу молоти, теды жита по двѣ бочки, а солоду также безъ мѣрки змолоти вольно и не маютъ того собѣ боронити. А млынара маютъ мѣти спольного, давши ему осѣлость спольную кождый зъ своее части и тотъ млынъ маютъ вшелякими потребами спольне опатровати, яко желѣзомъ, каменьми и деревомъ. А особливе греблю усыпати такъ маютъ, якобы вода была завше на кола водные для ихъ пожитку, хотябы и далей што кгрунтовъ, сѣножатей, гаевъ и лѣсовъ залила поднесеньемъ гребли, о то вже зъ обохъ сторонъ вѣчне молчати маютъ, яко спольные участники. Въ томъ тежъ ставѣ вольное ловенье рыбъ собѣ, коли хотечи ловити зоставили. А што се тычетъ фолюша, млына на той же рѣцѣ, теды тотъ фолюшъ такъ межи собою постановили зе спольною згодою ихъ, ижъ онъ панъ Грегорей Калечицкій, же заливку у горѣ не маетъ, теды только то собѣ зоставилъ, же му вольно збити сукна на потребу его дворную въ каждый рокъ, также и проса ку своей потребѣ вольно будетъ, а болшъ се въ тотъ фолюшъ вступовати не маетъ и на тотъ фолюшъ кошту жадного давать не повиненъ, только панъ Василей Калечицкій съ паномъ Бартошемъ Кендзеровскимъ по тыждню маютъ держати, одинъ другому перешкоды жадное не чинечи, и напраховати

маютъ тотъ фолюшъ вшелякими потребами, за ознайменьемъ собѣ одинъ другому, гдѣбы чого не доставало. Што все собѣ зыстити прирекли, подъ зарукою двохъ сотъ копъ грошей сторонѣ копъ сто, а на урадъ пану подкоморому другую копъ сто грошей литовскихъ заплатити черезъ недержачого такое спольное згоды, домовляючисе, абымъ то имъ паномъ участникомъ симъ декретомъ моимъ ствердилъ. Якожъ то все межи нихъ стверждаю и то межи ними такъ, якосе черезъ нихъ постановило, вѣчне трвати маетъ, подъ помененымъ закладомъ, яко они на собѣ сами и на урадъ заложили. А што се тычетъ ставища на той же рѣцѣ Нурцу, на Красовщизнѣ, маючи онъ панъ Василей Калечицкій съ паномъ Кендзеравскимъ тамъ часть, будутъ ли хотѣли ставъ займовати, теды онъ панъ Василей Калечицкій ровно съ паномъ Кендзеравскимъ ставъ занявши и греблю засыпавши спольне на млынъ и греблю накладати маютъ и на иншихъ мѣстцахъ маючи части съ паномъ Григорьемъ, онъ панъ Василей на рѣцѣ Нурцу и на рѣцѣ Нурѣ, еслибы хотѣли ставы копати и млыны будовати, теды се также зъ собою справовати маютъ и во всемъ спольнымъ коштомъ; то тежъ собѣ передо мною воровали. Котораяжъ вся справа, яко се вышей точила, до книгъ подкоморскихъ для памети есть записана и выписи суть сторонамъ выданы. Писанъ у Калечицахъ.

III.

АКТЫ БРЕСТСКОЙ МАГДЕБУРГІИ.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 годы, стр. 93—100.

1. Жалоба Берестейского мѣщанина Луки Чулковича на цеховаго старшину Якова Накрейковича о томъ, что онъ безъ всякой причины исключилъ его изъ цеха.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die 16 mensis Aprilis anno Domini 1624.

Przed nami urzędem burmistrowskim y radzieckim na mieście królewskim iego mości Brzeskim utściwy Łukasz Martinowicz Czułkowicz podał na piśmie opowiadanie swe w sprawie niżey mienowaney, które słowo do słowa tak się w sobie ma:

Móy łaskawy panie urzędzie burmistrzowski Brzeski! Z wielkim a prawie nieznosnym żalem moim opowiadam się y solenniter protestuię, iako urzędowi, na pana Jakowa Nakreykowicza—ławnika a cechmistrza cechu rzymarskiego religii Greckiey, który to pomieniony pan Nakrzéykowicz, nie wiem w iaki obyczay, zakazawszy cechowi rzymarskiemu religii Greckiey dnia onegdayszego w roku teraz idącym 1624, w niebytności mnie na tenczas w cechu żałobę tam iakąś uczynił pamięć opałzną y mnie, nie wiadomo przed bracia cechową,—snadź maiąc na mnie iakiś rankor, o którym ia nie wiem, mnie ubogiego człowieka do szkody, naprzód braćwy cechowey, a potym y wszystkiego miasta y waszmość samych, iako urzędników podawszy, rzemiosła mnie, brata cechowego dawnego, niwczym w cechu nie przekonanego, rzucił y robić rzemiosła zakazał, a nawet, czego y prawo zabrania, że y communii iakiey z ludzmi w domu, w cechu y na rynku zakazał, aby żaden ze mną spółkowania żadnego nie miał. Z którym tedy ia panem Nakréykowiczem, chcąc o to wszystko prawnie czynić y co się czasu żałoby szyréy położy y mówiono będzie, proszę, aby to opowiadanie moie było do wmość przyięto y zapisane. Pisan w Brześciu, szesnastego aprilis Anno tysiąc sześćset dwódziestego czwartego. U tego opowiadania podpis ręki tymi słowy: Łukasz Martinowicz Czułkowicz. Króra to takowa cedułą iest do xiąg mieskich radzieckich zapisana.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 г., стр. 127—129.

2. Опредѣленіе Брестскаго магистрата, которымъ присуждено цеху шорниковъ уплатить 30 злотыхъ мѣщанину Мартиновичу за незаконное исключеніе изъ цеха.

Въ магистратъ внесена была жалоба мѣщаниномъ Мартиновичомъ на цехъ сѣдельщиковъ въ томъ, что цехъ незаконно исключилъ его изъ своей среды и тѣмъ причинилъ ему убытки и и безславіе. При разбирательствѣ этого дѣла оказалось, что цехъ дѣйствительно застращалъ его тюрьмой и исключеніемъ; при этомъ указано было и на безпорядочную домашнюю жизнь Мартиновича. Магистратъ, разобравши это дѣло въ нѣсколько засѣданій, нашелъ виновнымъ цехъ и приговорилъ его къ уплатѣ Чулковичу 30 злотыхъ за противозаконное исключеніе имъ изъ своей среды своего же сочлена.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 24 mensis Aprilis anno Domini 1624.

Przed nami urzędem burmistrowskim y radzieckim w mieście królewskim iego k. mości Brzeskim, stanąwszy oczewiście utściwy Łukasz Marcinowicz, dowiodszy pozwu y roku, żałował przez przyiaciela swego pana Marka Janowicza na przeciwko cechu rzymarskiemu: Naypierwiéy pytał plenipotent, ieśli że tu wiadomością wszystkiego cechu ten Łukasz był zrzucony?—Przyznali, iż za wiadomością żałował na cech, iż oni nie pamiętaiąc na pokóy, zarazem za pierwszym obesłaniem zastraszywszy onego siedzeniem w turmie, zrzucili onego z rzemiosła y onego do osławy przywiedli. A strona obżałowana pokazali regestr spisania braciéy y dosyć uczynienia do cechu, s którego pokazało się to, iż Łukasz Marcinowicz do cechu ich dosyć nie uczynił. Nakazaliśmy, aby Łukasz tak, iako y inszy bracia, do cechu dosyć uczynił. A z strony nierządnego mieszkania z żoną nakazaliśmy, aby dowodzili y pokazali z wielkierzu artykuły, aże w tem cechu maią być ludzie stateczni nie cudzołożniki, nie kostykowie, nie pianicy, iedno ci, którzy by byli sławy dobréy y małżonki własne mieli.—Urząd nakazał, aby oni świadectwem albo pisaniem dowodzili. Odłożili do piątku; co iest zapisano. Die 26 Aprilis.

Na czasie złożonym strony się obiedwie stanowili, niżli iż z ciąg spraw do téy sprawy nie wyięli, odłożyliśmy, aby, pod utraceniem dnia iutrzeyszego w sobotę, aby się stanowili. Co iest zapisano die 27 Aprilis.

Na czasie złożonym cech rzymarski z Łukaszem Marcinowiczem, gdy się sprawa zaczęła, nakazaliśmy, aby cech wilkier w poniedziałek położili dla zrozumienia; na który czas pan Skołdycki odezwał się sam od siebie y imieniem pana Terpiłowskiego y innych powinnych, których mianował Terpiłowski braciéy siedm, chcąc go w tem nierządzie poprzysiądź y żądał, aby ta obmowa iego była zapisana. Die 29 Aprilis.

Cech rzymarski sprawy attentowali; niżli pan Wiszniewski, odłożywszy onego winą, zostawił go w więzieniu, w czem urząd tę sprawę odłożył do usprawiedliwienia się. Co iest zapisano die 30 Aprilis.

Połonia Terpiłowska Łukaszowa przypowiadała się naprzeciwko małżonka swego Łukasza Martinowicza, tak też y świekrow swą Martinową Czułkowiczową, iż oni przyznawszy onéy dom z gruntem, za Małą Uhrynką leżący y stoiący, teraz krom wiadomości onéy, w obce ręce zawodzi, którego zawiedzenią ona s prawem swym pierwszym przypowiadała się, broni y nie dopuszcza, y żądała, aby to onéy do xiąg było zapisano.

Die 2 Maii, anno Domini 1624, gdy sprawa cechowi z Martinowiczem Łukaszem, plenipotent domawiał się, iż Łukasz iuż to lat trzy z imi w cechu mieszka; y cechmistrz przyznał, iż y więcéy niż trzy lata, ale nam dosyć nie uczynił.

My urząd w sprawie miedzi cechem rzymarskim a Marcinowiczem Łukaszem, iż on będąc obżałowany o nierządne mieszkanie z małżonką swą, panowie to odstawiwszy na stronę, iż oni cech krom wiadomości urzędowéy, iako się w porządku w części pierwszéy list 38,—ieśliby który rozkazami swych starszych się sprzeciwiał, a bardzo spornym się y nieukarnym okazał, takiego starszy maią radzie opowiedzieć, którego potym raice wedle zasługi powinni karać y za wielkości występku z rzemiosła zrzucić. Acz oni według tego nie zachowali się, tedy onego, iako brata cechowi y przysiągłego przy cechu y rzemieśle zostawuiem, nakazuiąc Łukaszowi Marcinowiczowi przysiądz, iako przez ten czas zakazany rzemiosła nie robił y iako szkodzie okrom winy zapłaconéy w nierobieniu rzemiosła y w pewnych nakładach złotych trzydziestu; a po wykonaniu przysięgi, powinni będą cech Łukaszowi Marcinowiczowi te złotych trzydzieści zapłacić. Co iest urzędowi pamiętnym uznano y do act zapisano.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 г., стр. 131—132.

3. Заявленіе Брестскому магистрату цеховаго старшины Нарейковича на мѣщанина Луку Чулковича.

Цеховой старшина Накрейковичъ заявляетъ магистрату, что онъ исключилъ мѣщанина Чулковича изъ цѣха за его безпорядочную жизнь, такъ какъ онъ Накрейковичъ а равно и цехъ боялись подвергнуться за своего безнравственнаго члена отвѣтственности.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 29 mensis Aprilis, anno Domini 1624.

Przed nami urzędem burmistrzowskim y radzieckim, stanąwszy oczewiście utciwy Jakow Nakrzeykowicz—ławnik miasta Brzeskiego, podał na piśmie obmowę swą ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich w sprawie niżey mianowaney, która słowo do słowa tak się w sobie ma:

Łaskawy panie urzędzie! Iż iakośmy tu przed sądem w. mość nie po iednokroć do wiadomości w. mość urzędowey donosili strony nierządnego mieszkania Łukasza Marcinowicza z małżonką swą, na cośmy y extraktem z xiąg w. mość pod pie-

częcią mieską pokazowali, którą sprawę, iż się na on czas nie skończyła, teraz się znowu ponowiło, iako to wypisem z xiąg ławniczych pokazało, że ta Marcinowaia, mieszkaiąc za Bugiem, a tu ią w łaźni tego Marcinowicza na mieyscu podeyrzanym widziano, o czym my poczuwaiąc się wswey powinności, wedle pierwszego postępku przyiaciół małżonki iego, nie zaniechaliśmy tego w. mość, iako urzędowi zarazem opowiedzieć, na co pokazuiemy wypis z xiąg w. mość, na który czas pp. raycy byli przydani. Acz za nie poiednokrotnym upominaniem naszym, tak też y w. mość urzędowym, iako się to s tych wypisów pokazuie, poprawić żywota swego nie chciał, w czym my cech uchodząc, abyśmy za niego sami penowani nie byli, onego, iako zgniły członek, za wiadomością w. mość urzędową odrzucili do tego czasu, póki się kalumy, o którą powinni małżonki iego, to iest, pan Skołdycki y pan Terpiłowski onego obwinili, nie wywiedzie. A co strona pokazuie extrakt s xiąg w. mość wypełnienia przysięgi, tedy to onego wspomoc nie może, gdyż my żadnego do cechu wedle wilkierzów naszych przyiąć nie możemy, aż pierwiey przysięgę wykona. a teraz by y chciał wedle dekretu w. mość nam do cechu czynić, tedy my tego uczynić nie możemy, aż się on pierwiey z małżonką y s tymi przyiaciołmi swemy s tey calumnii, iako to s xiąg w. mość pokazuie się, wywiedzie, co puszczamy na rozsądek w. mość urzędowy, gdyż w. mość powinni tego postrzegać, iakoby żaden cech zmazy na sobie nie ponosił. Która obmowa osoby pomienioney iest do xiąg urzędowych przyięta y zapisana.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 г., стр. 136—138.

4. Духовное завѣщаніе Брестскаго мѣщанина Гурина Өедоровича, въ которомъ онъ записалъ дѣтямъ своимъ имущество, а книги духовнаго содержанія разнымъ церквамъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lihuaniae, die 24 mensis Maji, anni Domini 1624.

Przed nami urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście królewskim i. k. mości Brzeskim, stanąwszy oczęwiście na urzędzie pan Hurin Fedorowicz, rayca Brzeski, sam od siebie imieniem małżonki swey pokładał y ku aktikowaniu do xiąg mieskich Brzeskich podał testament ostatniey woli swey, własną ręką swą napisawszy, y małżonki iego, o który żądał nas urzędu, aby był przyięty y do xiąg wpisany. My urząd widząc być rzecz słuszną, onego przeczytawszy y dobrze zrozumiawszy, do xiąg mieskich Brzeskich wpisać rozkazali, który wpisuiąc pismem ruskim y w słowie do słowa tak się w sobie ma:

Во имя Отца и Сына и Светого Духа и Живоначальныя Троицы, аминь. Будучи мы на умыслѣ отъ милостивого Бога здоровый и розмышляючи часъ смертельный, порадившися изъ собою, около вбогое маетности, которую намъ милостивый Богъ зъ ласки своее све-

тое рачилъ дать, ижъ бы дѣти наши по смерти нашой межи собою спокойне, въ боязни Божой и въ страху его светомъ мѣшкаючи, и зъ собою, што на томъ листѣ будетъ отказано, на томъ перестали. Напервей, если милостивый Богъ души наши съ тѣла грѣшного взять рачитъ, тѣло наше грѣшное водлугъ звычаю христіянского поховаютъ. Василію и дочцѣ нашей Ганнѣ и ихъ дѣтемъ—домъ Нестеровскій и зъ огородомъ, крамница, въ которой я не торгую, поля полрѣза, которое мы робимо, сѣножать Кграбовскую, кгрунтъ Сецехниковскій,—то все зятю нашому и дочцѣ нашой а ихъ дѣтемъ, а внукомъ нашимъ даруемъ. Венцлаву и дочцѣ нашой Маринѣ—шпихлеръ зъ кгрунтомъ и зъ будованьемъ, поля полрѣза, которое мы сами робимо, сѣножать тестевская, крамница, гдѣ мы сами торгуемъ, то все зятю нашому и дочцѣ нашой и ихъ дѣтемъ, а внукомъ нашимъ даруемъ. Быдло, шаты, платье бѣлое, цынъ, мѣдь, статки домовые, дрова, отъ мала до велика, то все дочки наши маются на полы подѣлить по смерти нашой. Што будетъ товару, то все дочцѣ нашой Маринѣ, сошники, отказуемъ. Кгрунтъ Сегененскій за Мухавцемъ и крамница, которые я купилъ у Волихвера Сегеневича, то все зять мой Венцлавъ и зъ дочкою моею Мариною въ мене купили и право имъ все подавалъ подъ тымъ способомъ, ижъ того кгрунту не маютъ продавать, але сами вживать и ихъ дѣти; кгдыжъ тамъ тѣла небожчика Сегеня и жоны его и ихъ дѣтей лежатъ. Сыну жоны моей Корнилу и ихъ дѣтемъ сѣножать подъ Царихою и съ польцемъ даруемъ. И къ тому зять мой Василей маетъ дать имъ копъ десять, если схочутъ спокойне заховать. Поповымъ дѣтемъ, кгды лѣтъ доростутъ, зять мой Венцлавъ маетъ дать копъ десять грошей, рѣзку поля. На шпиталь Рускій отказуемъ, Евангелію напрестольную, охтаикъ, псалтыръ. А гдѣ грѣшное тѣло наше поховаютъ, тамъ отказуемъ требникъ Острозскій. До преображенья Светого Спаса отказуемъ евангеліе Вчительское; до Словатичъ, до Светое Покровы—библію; Грицку Фесеви, апостолъ, псалтырь друку Скоринина; Маргаритъ—Олесю, внуку нашему; книга Пчола и вси польскіе книжки и молитвенникъ Перхуру Поповичу; апостолъ друку Скоринина-Грицку Поповичу; часовникъ и молитвенникъ, другій требникъ зять мой Василій, гдѣ розумѣючи, до якое церкви отдать; Степану Олешковичу молитвенникъ. Што надъ тыми всими речми выпменоваными отъ мала до велика всю владзу и моць до животовъ своихъ оставуемъ и все милостивому Богу поручаемъ и ему въ моць ся подаемъ и остатнею волею своею росправу, ижъ бы они по смерти нашой въ боязни Божой и въ страху его светомъ мѣшкаючи, ему честь, хвалу вдавали, а за насъ грѣшныхъ милостивого Бога просили, ижъ бы намъ зъ милосердья своего светого грѣхи наши отпустить рачилъ, аминь. U tego testamentu podpis ręki pismem ruskim w te słowa: Многогрѣшный Гуринъ Федоровичъ и я Соломея Гуриновая. Który to takowy testament ostateczney woli pana Huryna Fedorowicza y małżonki iego, iest do xiąg urzędowych mieskich radzieckich przyięty y wpisany.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 г., стр. 188—190.

5. Мировая сдѣлка между цеховыми сѣдельщиками.

Мѣщанинъ Чулковичъ—съ одной стороны, а съ другой—цехъ сѣдельщиковъ заключили между собой мировую по поводу исключенія Чулковича изъ цеха подъ зарукой 100 литов. копъ на войтовскій судъ; при этомъ цехъ обязался уплатить Чулковичу 30 копъ гр. убытку и судебныя издержки.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 20 Julii, anno Domini 1624.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości w Brześciu Litewskim, stanąwszy oczewisto na zwykłym mieyscu sądowym pan Marek Janowicz, Fedor Onocewicz—cechmistrz rymarski, a przy nim Stephan Moysiewicz, Paweł Fedorowicz, bracia tegoż cechu, także pan Łukasz Czołkowicz y pan Jakow Fedorowicz—mieszczanie królewskiey iego mości Brzescy, podali na piśmie list zgody ku zapisaniu do xiąg urzędowych w sprawie niżey mianowaney; który list słowo do słowa tak się w sobie ma:

Roku tysiąc sześćsetnego dwudziestego czwartego, miesiąca Czerwca dziesiątego dnia, przy bytności sławetnych pana Tomasza Wiszniewskiego—lantwoyta Brzeskiego, pana Krzysztopha Luby, pana Woyciecha Rostka—ławników Brzeskich, pana łukasza, pana Raphała Korolkowicza—raycy Brzeskiego, pana Marka Janowicza, pana Romana Staniewicza—cechmistrza rzeźniczego, pana Fedora Onocewicza—cechmistrza rymarskiego, y przy zgromadzeniu braciey wszystkiey starszey y młodszey tegoż cechu rymarskiego w domu pana Fedora Onocewicza—cechmistrza rymarskiego, stała się ugoda między cechem wszystkiem y między panem Jakowem Nakrzeykowiczem y między panem Czołkowiczem Łukaszem, bracią tegoż cechu rymarskiego, a to w tym, iż co mieli między sobą zaście strony rzeczy cechowych, a mianowicie o degradacyą z rzemiosła pomienionego Łukasza; o czem y prawem się rozpierali y przed urzędem burmistrzowskim y przed urzędem woytowskim.—Tedy to wszystko mimo się na stronę iuż czasy wiecznemi odrzuciwszy stało, że słuszne pomiarkowanie za przyczyną ludzi, osob zwysz pomienionych tak, iż sobie wszystka bracia wszystko odpuściwszy, ręki daniem sprowadziwszy, pokóy wieczny iuż uczynili między sobą, nie chcąc iuż tey rzeczy czasy wiecznymi wznawiać y oney wypominać y ieden drugiemu tak w cechu, iako y na inszym mieyscu wspominać, ani ieden drugiego zadawać takowego. A ieśliby się na brata któregożkolwiek to pokazać miało, ieśliby który brat bratu, co w tey sprawie przypomniał y ieden drugiego się urągał, tedy na każdego takowego, za przeświadczeniem choć iednego świadka, włożili winy, zobopolnie winy kop. sto litewskich na urząd woytowski. Też iemu cech wszystek dobrowolnie postąpili, z swey dobrey woli, za

szkody Łukaszowi kop. trzydzieści Litewskich zapłacić żydowi długu Łukaszowego, sprawy y wszystkie processa prawne, tak u sądu radzieckiego y u sądu wóytowskiego, które się między onemi toczyli, czasy wiecznymi kasuią, umarzaią y wniwecz obracaią, nie chcąc ich wznawiać y iuż czasy wiecznemi, ale w przyiazni z sobą wiecznie mieszkać chcąc. I na to daiem ten list nasz dobrowolny ku aktykowaniu do xiąg w.mości. Pisan w Brześciu, roku, miesiąca y dnia wyszpomienionych. Który takowy list ugody wieczystey panów przyiacioł wysz mianowanych iest do xiąg urzędowych przyięty y wpisany.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 г. стр. 195—196.

6. Жалоба цехмистровъ цеховъ кузнецкаго, слесарскаго и сѣдельнаго на цехмистровъ скорняковъ о нанесенномъ послѣдними безчестіи.

Цеховые старшины цеховъ кузнецкаго, слесарскаго и сѣдельнаго внесли къ бурмистрамъ жалобу на цехъ скорняковъ въ томъ, что когда случилось имъ проводить на кладбище тѣло покойника и они заняли со своими марами мѣсто впереди скорняковъ; то эти послѣдніе, не смотря на присутствіе жидовъ и торжественность церемоніи, прогнали ихъ съ мѣста, сказавши, что они недостойны стоять впереди портныхъ, и изругали ихъ неприличными словами.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae die 11 Julii, anno Domini 1624.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckiem w mieście królewskim iego mości Brześcia Litewskiego, stanąwszy oczewisto na zwykłym mieyscu sądowym uczciwi panowie Stanisław Głowacki, Demian Kalichowicz—mieszczanie Brzescy y cechmistrze kowalscy, podali na piśmie opowiadanie swe w sprawie niżey mianowaney ku zapisaniu do xiąg urzędowych, które opowiadanie słowo do słowa tak się w sobie ma:

Móy łaskawy panie urzędzie burmistrzowski! Opowiadamy się w. mości iako urzędowi z wielkim żalem my cechmistrze cechu kowalskiego, słosarskiego y rymarskiego, ze wszystką bracią starszą y młodszą rzemiosła szynkownego, na panów cechmistrzów cechu kusznierskiego y ze wszystką bracią młodszą y starszą cechu ich, a mianowicie na pana Jakuba—cechmistrza religiey polskiey y na pana Hrehora Kliszewicza—cechmistrza religiey Greckiey, na Janowicza, na Philipa Igiełkę: będąc my naięci na pogrzeb dla utrzciwości cechu nieboszczyka sławney pamięci pana Więczkowskiego—urzędnika Kiiowieckiego, gdyśmi szli za marami y z świecami przed ciałem wyszszey mianowanym, przytym się ruszyli z marami y świecami przed ciałem panowie kusznierze, a za nimi nasz kowalski cech z marami, a za naszym cechem krawieckie mary; ale oni, zapomniawszy Pana Boga, boiażni Bożey, rozruch uczyniwszy przed gminem ludzi, wiele zacnych, tamże zaraz przed domem żydowskim, przed szkolnikiem, nas posromocili, słowy nieutczciwymi, mieniąc

to: żeście niegodni przed krawcami chodzić; atoli we wszystkiem na nieiakąś niegodność ukazuiąc y na bok nasze mary odepchneli y naszę bracią y nas wszystkich posromocili, którzy byli przy marach y na pogrzebie. A tak panie urzędzie prosimy, aby to nasze opowiadanie było przyięto, co my z tymi pany kusznierzami chcemy o tę sromotę y zelżywość, przy tak wielkiem gminie ludzi zacnych, prawnie sobie z niemi postąpić czasu przyszłego, y prosimy aby do xiąg w. mość to było przyięto y zapisano. Co iest przyięto y w xięgi wpisano.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 г., стр. 197—198.

7. Вторичная жалоба цехмистровъ скорняковъ на цехмистровъ кузнецкаго и слесарскаго цѣховъ о нанесеніи первымъ публичнаго безчестія.

Цеховые старшины цеха скорняковъ внесли на кузнецкій цехъ и слесарскій репротестацію въ томъ, что они скорняки нисколько невинны въ обвиненіяхъ, взносимыхъ на нихъ противниками,—что напротивъ они, кузнецы и слесаря, затѣяли съ ними драку, а именно: когда шли они скорняки впереди портныхъ, то пьяный слесарь Гавріилъ налетѣлъ на ихъ цѣховой знакъ и втопталъ его въ грязь, при чемъ онъ и другіе его единомышленники называли ихъ *лупикотами* и безчестили ихъ другими неучтивыми ругательствами, произнося угрозы на ихъ здоровье.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 12 mensis Julii, a. D. 1624.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckiem w mieście królewskim iego mościBrześciuLitewskim, stanąwszy oczewisto na zwykłym miejscu sądowym uczciwi panowie Jakub Sczasnowicz—cechmistrz religiey rzymskiey y Hrehory Iliaszewicz—cechmistz religiey greckiey, pospołu z bracią swą kuszniersk ą— mieszczanie Brzescy, podali na piśmie opowiadanie, albo reprotestacyą swą ku zapisaniu do xiąg urzędowych w prawie, niżey mianowany; które opowiadanie, albo reprotestacia, słowo do słowa tak się w sobie ma:

Łaskawi panowie burmistrzowie y panowie raycy miasta króla iego mości Brzeskiego! My cechmistrze — ja Jakób Szczasnowicz, a ja Hrehory Iliaszewicz Kliszewicz, a przy nas y bracia cechu naszego kusznierskiego, z wielkiem a prawie nieznośnym żalem opowiadamy się waszmość y reprotestuiemy na cechmistrzów kowalskich—Stanisława Wąsa—rymarza y Demiana Kalichowicza — kowala y na Gabryela slósarza, na Iwana Kalnieyka y na Jarmosza—kowala, jako na princypałów, którzy, przepomniawszy bojaźni Bożey y wstydu ludzkiego, znać z rozkazania tych panów cechmistrzów, nie wiedzieć z jakich przyczyn, w roku teraźnieyszym tysiąc sześćsetnym dwudziestym czwartym, miesiąca Lipca jedynastego dnia, uczynili na nas zmyśloną y potwarzliwą protestacyą, iakobyśmy onych mieli spierać z mieysca, iuż albo bunty iakie stroić, czego nigdy nie było; ale oni sami, nabrawszy się złego umysłu, gdychmy wedle starodawnego zwy-

czaiu prowadząc ciało nieboszczyka pana Krzysztopha Więczkowskiego, szliśmy, według ordynacyi, przed cechem krawieckiem, ten to Gabryel slósarz z innymi pomocnikami swymi, opiwszy się, napierwiey, gdy mary nasze kamchą przykryte niesiono, przypadszy potrącił, aż bracia, którzy nieśli, upadli, na który czas y kamchę naszę kusznierskę zepsowali y szarpali, czyniąc niepotrzebne sedycye w mieście króla iego mości, aż zaledwo się uhamowali za proźbą moią, Hryca Kaliszewicza — cechmistrza' kusznierskiego, lżąc, sromocąc, nazywaiąc nas łupikotami y nieutcziwey matki synami, y insze słowa uszczypliwe zadaiąc, czyniąc odpowiedź y pochwałkę na zdrowie nasze, grożąc obuchem, mówiąc ten to Jarmosz kowal, że szczęście wasze, że was Gabryel nie obuchował, gdyż nigdy tak płochi nie bywał. O które obelżenie nasze y odpowiedź, tak też y sedycye takowe, chcąc my z tymi pany cechmistrzami kowalskimi, iako też y Gabryelem slósarzem, Iwanem Kalnieykiem y Jarmoszem kowalem, iako princypałami prawnie mówić, prosim aby to opowiadanie y reprotestacya nasza do xiąg waszmość urzędowych była przyięta y zapisana. Które to opowiadanie, albo reprotestacya, na piśmie podana, panów cechmistrzów kusznierskich iest do xiąg urzędowych przyięta y zapisana.

1624 г.

Изъ книги за 1623 1627 г., стр. 200—202.

8. Жалобы цеховъ кузнецкаго, слесарскаго и сѣдельническаго на цехъ скорняковъ о нанесеніи первымъ безчестія.

Поименованные цехи внесли вторичную жалобу на скорняковъ въ нанесеніи имъ безчестія во время похоронъ Вяцковскаго. Скорняки чрезъ своего уполномоченнаго объяснялись, что они занимали во время шествія свое обычное мѣсто и требовали отстрочки дѣла; но кузнецы, слесаря сѣдельщики отвергали это полномочіе, какъ человѣка не подлежащаго вѣденію города. Судъ далъ отсрочку.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuanie, die 12 mensis Julii, anno Domini 1624.

Przed nami urzędem Wacławem Barczewskim y Wasilem Hrehorowiczem—burmistrzami miasta króla iego mości Brześcia Litewskiego, Pawłem Szczepanowiczem, Hrehorem Piotrowiczem, Stanisławem Sierzputowskim, Hurynem Fedorowiczem, Bohdanem Wasilewiczem—raycami, sławetny pan Marek Janowicz, iako princypał, za mocą sobie daną, wedle prawa dowiodszy pozwu y roku, żałował od cechmistrzów kowalskiego, ślosarskiego, rymarskiego y wszystkiey braciey starszey y młodszey rzemiosła szynkownego, na panów cechmistrzów cechu kusznierskiego y na wszystkę bracią ich, a mianowicie: na pana Jakuba—cechmistrza religiey polskiey, a na pana Hrehora Kliszewicza—cechmistrza religiey Greckiey, na Jana Cwira, na Philipa

Igiełkę, iż będąc oni naięci na pogrzeb dla uczciwości ciała nieboszczyka pana Więckowskiego, urzędnika Kiiowieckiego, gdy szli z marami y z świecami przed ciałem panowie kusznierze, a za nimi cech kowalski, z marami, za ich cechem krawieckie mary, ale oni, znać podobno zapomniawszy boiaźni Bożey y srogości prawa pospolitego, rozruch uczyniwszy przed gminem ludzi wielu zacnych, tamże zaraz przed domem żydowskim, przed szkolnikiem, onych posromocili słowy nieuczciwymi, mianuiąc to: żeście niegodni przed krawcami chodzić. Atoli we wszystkiem onym ręką̇ż niegodność ukazuiąc y na bok mary odepchneli, bracią onych wszystkich posromocili, którzy byli przy marach y na pogrzebie byli, a naybardziey kniażcy, pańscy, którzy miastu y cechowi na wierność y posłuszeństwo nie przysięgali, zbuntowawszy się, onych mieszczan iego królewskiey mości prawa Magdeburskiego obelżyli, z ordynku z marami wypchneli, niegodność przyznawaiąc, despekt, wstyd, obelżenie wielkie im wszystkim uczynili, żądali sprawiedliwości. A obżałowany Jakób—cechmistrz religiey polskiey y Hrehory Kliszewicz — cechmistrz religiey Greckiey, przez brata swego cechowego Philipa Igiełkę, nie wdaiąc się ieszcze w żadne prawo, żądali dyllacyi na początku, a nie w obyczay controwersyi, y powiedzieli: iż oni porządkiem swym, wedle starego zwyczaiu, tak na processii roczney w dzień Bożego ciała, iako na pogrzeby wszelakie chodzą, tedy naprzód krawcy idą, przed krawcami zaś oni z cechem swym, a potym cechowie inszy idą—y zdawali się, co krawieccy cechmistrze z cechem swym, przy nayściu strony porządku, który cech za którym chodzi, oni na tym wszyscy przestaią. A strona powodowa powiedziała, iż Philip Igiełka nie przysięgły miastu y mocy nie ma od braciey swey prokurować, do tego panski, miastu nieposłuszny. Urząd w tey sprawie dał dyllaciię obżałowanemu cechmistrzowi z bracią na przyiaciela do poniedziałku. Co iest zapisano.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 годы, стр. 208—213

9. Опредѣленіе Брестскаго магистрата, которымъ онъ присудилъ цехмистра Скорнявовъ подъ арестъ на цѣлую недѣлю въ ратушѣ за безпорядки, произведенныя имъ въ время торжественнаго похороннаго шествія.

Въ очередное засѣданіе магистратскаго суда явились уполномоченные обѣихъ тяжущихся сторонъ,—съ одной стороны уполномоченный цеха скорняковъ, а съ другой—кузнецевъ, слесарей, сѣдельщиковъ и шинкарей и повторили въ общихъ чертахъ жалобы своихъ довѣрителей. При этомъ скорняки сослались на свои цеховыя привилегіи, дарованныя ихъ цеху Стефаномъ Баторіемъ и Сигизмундомъ III, въ силу которыхъ имъ предоставлено было первенство между другими цехами, чѣмъ они и хотѣли воспользоваться въ дѣйствительности. Судъ, розсмотрѣвши все дѣло, призналъ старшину скорняковъ виновнымъ, и постановилъ: права, дарованныя королями скорнякамъ оставить въ полной силѣ и уважать, а за безпорядки, произведенные ими публично, посадить старшину ихъ на недѣлю въ ратушную тюрьму.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 17 mensis Julii, anno D. 1624.

Przed nami urzędem Wacławem Barczewskim—burmistrzem miasta króla iego mości Brześcia Litewskiego, Pawłem

Sczepanowiczem, Hrehorem Piotrowiczem, Hurynem Fedorowiczem, Stanisławem Sierzputowskim, Marcinem Kaczyńskim, Bieniaszem Strożewskim — raycami, uczciwy pan Marek Janowicz, umocowany principał od cechu kowalskiego, ślosarskiego y rymarskiego dowodził, iż z odkładu urzędowego dnia dzisieyszego przypadł rok zawity ku rozprawie w żałobie ich na cech kusznierski, domawiał się: aby wedle dekretu urzędowego naprzód na regiestrze bracia nieprzysięgła cechu swego kusznierskiego aby podali, przy tem zarazem przysięgę w ratuszu wedle prawa aby wykonali, a potem we wszystkiem w porządkach obyczaiach wedle wielkirzów, żeby się sprawowali.

A od strony obżałowaney principał umocowany pan Hrehory Omelianowicz naprzód obmowę uczynił, iż on maiąc niemało przyiacioł powinnych w tym cechu kusznierskim, broni sprawy tey, póki mu prawa stawać będzie,—bo oni, ludzie nieumieiętni prawa,użyli go w tym nieiako prokuratora, ale iako przyiaciela, nie wdaiąc się ieszcze w prawo—powiedział: co się tycze, strony cechu kusznierskiego, cechmistrze y bracia są iuż przysięgli, czego xięgami czasu swego gotowi dowieść y na rzegestrze bracią podać, ieśli by tego potrzeba była, co należy nie stronie, ale tylko wiedzieć o tym samemu urzędowi. Zatym pokazywali obiedwie stronie wielkierze cechów swoich y pan Marek Janowicz domawiał się: iż się dekretowi onegdayszemu dosyć doszło, strony obżałowaney braciey wszystkiey cechowey niemasz, a osobliwie kniażcy, pańscy nie przyszli do ratusza umyślnie, aby uszły przysięgi, iako nieposłuszni, wedle prawa y wielkierzów aby byli zdani y winą karani, domawiał się. Urząd, ponieważ obżałowani cechmistrze kusznierscy y bracia niektóra cechu ich iest przysięgłem, tym iuż drugi raz przysięgać nie potrzeba; a iż niektórzy na dzień dzisieyszy do ratusza, a osobliwie kniażcy, pańscy do przysięgi nie stali, ani żadnéy wiadomości o sobie nie dali, za które takowe nieposłuszeństwo, iako uporni, wedle porządku prawa Magdeburskiego y wielkierzów maią bydź winą karani. Których cechmistrze kusznierscy wszystkich nieposłusznych maią podać urzędowi na regiestrze, skoro dadzą znać do ratusza. Zatym stronom w tey sprawie nakazano rozprawować się, a od strony powodowey umocowany pan Marek Janowicz, wedle pierwszego processu swego, żałował wedle protestacyi od cechmistrzów kowalskiego, slósarskiego y rymarskiego ze wszystką bracią starszą y młodszą rzemiosła szynkowego, na panów cechmistrzów cechu kusznierskiego y na wszystką bracią ich, a mianowicie na pana Jakuba—cechmistrza religiey polskiey, a na pana Hrehora Kliszewicza—cechmistrza religiey greckiey, na pana Cwira, na Filipa Igiełkę y na inszych: iż będąc oni naięci na pogrzeb dla uczczywości ciała nieboszczyka pana Więczkowskiego, urzędnika Kiiowieckiego,gdy szli z marami y świeczami przed ciałem, panowie kusznierze, a za nimi ich kowalski cech z marami, za ich cechem krawieckie mary, ale oni, zapomniawszy znać podobno boiaźni Bożey y srogości prawney, rozruch uczyniwszy przed gminem ludzi wielu zacnych, tamże zaraz przed domem żydowskiem,przed szkolnikiem,onych posromocili słowy nieuczciwemi, mianuiąc to: żeście nie godni przed krawcami chodzić, a tak we wszystkiem nam iakąsz niegodność ukazuiąc, y na bok nasze mary odepchneli y naszą bracią y nas wszystkich posromocili, którzy byli przy marach y na pogrzebie, żądali spra-

wiedliwości. A kusznierze obżałowani ad directam responsionem powiedzieli: iż strona powodowa winna, a nie oni; uczynili na nich protestacyą zmyśloną, iakoby onych mieli spierać z mieysca ich, albo bunty iakie stroić, czego nigdy nie było, ale oni sami nabrawszy się złego umysłu, gdyż oni szli, wedle starodawnego zwyczaiu, prowadząc ciało do pogrzebu, wedle ordynacyi przed cechem krawieckiem, Gabryel slosasz z innemi pomocnikami swymi, opiwszy się napierwiey, gdy mary nasze kamchą przykryte niesiono, przypadszy potrącił, asz bracia, którzy nieśli, upadli, na który czas y kamchę naszą kusznierską zepsowali y szarpali, czyniąc niepotrzebne seditie w mieście królewskim iego mości, asz zaledwo się uhamowali za prośbą Hryca Kliszewicza—cechmistrza kusznierskiego, lżąc, sromocąc, nazywaiąc nas łupikotami y nieutczciwey matki synami· y insze słowa usczypliwe zadaiąc, czyniąc odpowiedź y pochwałkę na zdrowie nasze, grożąc obuchem, mówiąc ten to Jarmosz kowal: że szczęście wasze, że was Gabryel nie obuchował, gdysz nigdy tak płochy nie bywał. A co się tycze porządków, których oni zdawna zażywaią y za pierwszy cech maią, pokazali przywiley świętobliwey pamięci króla Stephana, pod datą roku 1579, dnia 1 Aprila, y drugi przywiley confirmacyą iego królewskiey mości Zygmunta trzeciego, z łaski Bożey teraznieyszego pana naszego miłościwego, pod datą roku 1591, dnia 10 mensis Januaryi, pod pieczęciami zawiesistemi maiestatowemi y s podpisy rąk, onym na cech nadany, którzy wedle takowych przywileiów przed wszystkiemi cechami naypierwsze, nastarsze y nalepsze prawo maią, niźli by ich celować y przodkować w processyą y na każdym miescu nie miał.—A co nam usczypki rozmaite czynią y łupikotami nazywaią, pokazuiemy to, że mamy w przywileiach za herb kuczmę sobolą nadaną, y we wszystkiem z cechem kusznierskiem Lubelskiem wolności y porządków zażywamy. A iż w processiey przy krawieckiem cechu chodzimy, tedyśmy dobrowolnie, dla porządków kościoła rzymskiego, krawcom postąpili chodzić y pierwsze mieysce maią na processyey, gdysz mało niepodobne rzemiosło knsznierskie krawieckiemu, bo także szyią ygłą iako y oni, y gotowi krawców stawić na świadectwo y inszych ludzi, że tak zdawna chodzą; brali się przytym do dowodu y żądali, aby byli przy przywileiach swych y wolnościach zachowani. Urząd pytał cechów, iakiem porządkiem na ten czas w processyą szli y który cech do kościoła ciało przyprowadził. Na co Gabriel, cechmistrz slosarski, powiedział: naypierwszy szedł kusznierski, potem kowalski z ślósarskiem, z rymarskiem, zaś krawiecki. Na ten czas w zamieszaniu ustąpili mieysca cech ślósarski z inszymi kusznierzom dla pokoiu. Urząd, w tey sprawie zrozumiawszy podostatku controwersyę z obu stron, a co większa weyrzawszy w przywileia świętobliwey pamięci króla Stephana y w drugi przywiley, confirmacyą teraznieyszego pana naszego miłościwego, cechowi kusznierskiemu Brześckiemu nadany, czego oni zdawna spokoynie, wedle przywileiów używaią, nikt im ote porządki żadney trudności nie czynił, uznali y przysądzili wedle wolności ich, asz cech kusznierski przed krawcami w processiach y gdzieby tego potrzeba było, maią chodzić zawsze, a po nich niższe cechowie wedle porządków swych. A iż natenczas rozruch za processyą niepotrzebny przy tak wielu ludzi uczynili, za takową swawolą, iż sobie sami sprawiedliwość czynili, za tę winę urzędową

nakazano cechmistrzom kusznierskim siedzieć w ratuszu w więzieniu tydzień z prożbą. Który dekret urzędowy obie stronie przyięli. Zatem pan Marek od strony swey o szkody y o szarpaninę protestował się na cech kusznierski; tak też pan Hrehory Omelianowicz, od strony swey od kusznierzów o szkody na dwieście złotych polskich, do tego o sromotę y o przymówkę protestował się. Co iest do xiąg urzędowych zapisano.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 г., стр. 214—216.

10. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу цеха скорняковъ съ цехами кузнецкимъ, слесарскимъ и сѣдельническимъ.

Уполномоченный отъ цеха скорняковъ, явившись предъ бургомистрами и радцами, повторилъ прежнюю жалобу своихъ довѣрителей и спрашивалъ: сидятъ ли еще въ тюрьмѣ цехмистры скорняки, или уже выпущены? При этомъ онъ заявилъ, что такъ какъ скорняки исполнили приговоръ магистрата, а ихъ противники, которымъ въ свою очередь было приказано извиниться предъ ними, не только не исполнили этого, но пожелали еще протестововать на магистратъ Брестскому войту, то чтобы и имъ позволено было также обратиться тудаже съ протестаціей. Судъ далъ свое согласіе.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 23 mensis Julii, anno Domini 1624.

Przed nami urzędem Waczławem Barczewskim, Wasilem Hrehorowiczem—burmistrzami miasta króla iego mościa Litewskiego, Pawłem Sczepanowiczem, Stanisławem Sierzputowskim, Hrehorem Piotrowiczem, Hurynem Fedorowiczem, Marcinem Kaczynskim, Bohdanem Wasilewiczem, Bieniaszem Strożewskim—raycami, na zwykłym miescu sądowym w ratuszu, stanąwszy oczewisto pan Hrerory Omelianowicz, iako przyiaciel umocowany, zapozwawszy urzędownie, żałował od cechmistrzów kusznierskich y od wszystkiey braciey na cechmistrzów cechu kowalskiego, slósarskie y rymarskiego y na wszystką bracią ich, iż oni przy pogrzebie onych polżyli, posromocili słowy uszczypliwemi dobrey sławie ich bardzo y szkodliwemi, do tego niegodność im zadali, łupikotami ich nazwali y inszych słów złych niemało zadali, o czym szyrzey w protestacyi dołożono; co uczynili na zniewagę przywileiów onym na cech nadanych, do tego do szkod ich przywiedli, żądali sprawiedliwości. A pan Marek Janowicz od wszystkiego cechu kowalskiego, slósarskiego y rymarskiego nie wdawał się w kontrowersyą, ale wszelakie obrony prawne wcale zachowawszy, powiedział, iż strona iego kusznierskiemu cechowi niepowinna się sprawować, gdyż ich pierwszy pozew y żałoba zaszła. Na ten czas urząd, dekretem swym uznawszy bydź kusznierzów winnieyszych, za winę swą urzędową y za zniewagę praw przywileiów, do więzienia do ratusza kusznierskich

cechmistrzów skazał; ieśli są iuż wolni z więzienia tego, nie wiedzą, ieśli wyszli, czyli siedzą, którzy napierwiey onym maią się usprawiedliwić, a to o sromotę y o szkody, tylko czekaią, póki kusznierze z więzienia wyidą, domawiał się, aby w tey sprawie prioritatem citationis onym uznali. A od panów kusznierzów umocowany powiedział: iż się cechowi kowalskiemu od nich dosyć stało, o co y więzieniem byli karani, a teraz o sromotę, o szkody, o obelżenie y o zniewagę przywileiów y wielkierzów kowalskich cechmistrzów y wszystkiego cechu, żądali sprawiedliwości. Urząd, ponieważ za żałobą pierwszą cechmistrzów kowalskich, za zniewagę przywileiów iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, y za winę urzędową cechmistrze kusznierscy więzieniem w ratuszu byli karani, którzy iż się spólnie z sobą powadzili, nakazano, aby też cechmistrze kowalscy z bracią cechmistrzów, kusznierskich y bracią przeprosili przed urzędem w ratuszu. A cechmistrze kowalscy od takowego dekretu urzędowego do iaśnie wielmożnego iego mości pana Ostaphyana Tyszkiewicza—woiewody y wóyta Brzeskiego, żeby appellowali; także y cechmistrze kusznierscy z bracią do iego mości appellowali. Czego urząd nie bronił, kiedy strona przy pozwie ku rosprawie w tey sprawie obiedwie stronie w Wisticzach przed iego mością stawić się maią. Co iest zapisano.

1624 г.

Изъ книги за 1623 1627 годъ, стр. 218—219.

11. Жалоба братьевъ кузнецкаго цеха на своего цехмистра Майрановскаго по поводу нанесенія послѣднимъ имъ безчестія.

Кузнецкій цехъ подалъ бургомистрамъ жалобу на своего старшину въ томъ, что онъ, будучи позванъ въ засѣданіе цеха, не явился, а спорилъ въ это время съ сѣдельщицей Станиславовой; явившись же на конецъ въ засѣданіе, изругалъ всѣхъ слѣдующими словами: *плуты, воры, цыганы, поганъ, негодяи, палачемъ васъ ставить съ вашимъ цехомъ и вашими правами.*

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 30 mensis Julii, anno Domini 1624.

Przed nami Wacławem Barczewskim, Wasilem Hrehorowiczem—burmistrzami miasta i. k. mści Brześcia Litewskiego, Pawłem Szczepanowiczem, Stanisławem Sierzputowskim, Hrehorym Omelkowiczem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oczewisto pan Gabryel Samborowski, Iwan Siergieiewicz—cechmistrze kowalscy z bracią swą podali na piśmie protestacyą ku zapisaniu do xiąg urzędowych w sprawie niżey pomienioney, która słowo do słowa tak się w sobie ma:

Móy łaskawy urzędzie burmistrzowski! Opowiadamy się w. mości naszym łaskawym panom, na Jana Mairanowskiego y na żonę iego. Będąc nam w cechu wszyscy bracia na zwykłym mieyscu u pana cechmistrza Jana Mayranowskiego, któ-

ry miał dosyć czynić cechowi w niedzielę miesiąca Lipca dwudziestego ósmego dnia, cośmy posyłali po niego po dwakroć z cechu, ale pan Jan Mayranowicz, zapomniawszy Pana Boga y powinności swey, na które przysięgał w ratuszu, miał bydź posłuszny panom burmistrzom y cechowi, co cechowi dosyć nie uczyniwszy, zwadę gdzieś zacząwszy z Stanisławową, z rymarką, przybiegł do cechu y rozruch uczynił, bracią rozegnał y na ulicy z żoną swą sromocili nas y prawa nasze, mówiąc tymi słowy: «Machlarze, złodzieie, cyganie, poganie, nic dobrego, katem was stawić z cechem y z prawami waszymi». Co my czuiemy się bydż cnotliwymi na wszystkiem, co chcemy z panem Janem prawnie począć, a tak prosim w. mość, panowie burmistrze, aby nasza protestacya była przyięta do xiąg urzędowych. Która takowa protestacya na urzędzie iest przyięta y do xiąg zapisana.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 годы, стр. 224—226.

12. Жалоба Ольшевскаго на мѣщанина Артема Андреевича о неуплатѣ ему долга и платы за службу.

Подмастерье Ольшевскій внесъ въ магистратъ жалобу на своего хозяина, мѣщанина Артема Андреевича въ томъ, что этотъ послѣдній не заплатилъ ему жалованья за 23 недѣли, по 20 литовскихъ грошей въ недѣлю, да еще взялъ у него въ займы 6 злот. ѣдучи въ Львовъ, и 14 злот. ѣдучи въ Гданскъ (Данцигъ); а такъ какъ хозяинъ его умеръ, то Ольшевскій и проситъ магистратъ произвести ему уплату изъ имущества того-же хозяина. При этомъ свидѣтели показали, что Андреевичъ упоминалъ о долгѣ Ольшевскому въ 14 злотыхъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 1 Augusti, anno Domini 1624.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście iego królewskiey mości w Brześciu-Litewskiem, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oczewisto uczywy Michał Olszewski obciążliwie żałował y opowiadał w te słowa:

Móy łaskawy panie urzędzie! Opowiadam się w. mości, iako urzędowi, na nieboszczyka Artema Andrzeiewicza—mieszczanina Brzeskiego, iżem onemu służył za czeladnika na tydzień po groszy dwudziestu litewskich, a to niedziel dwadzieścia trzy, co czyni zasłużonego złotych dziesięć polskich; a osobliwie temuż panu moiemu nieboszczykowi Artemowi, iadąc do Lwowa, pierwszym razem pożyczyłem złotych sześć polskich, a drugi raz do Gdańska iadąc pożyczyłem złotych czternaście polskich, które zasłużone mnie ubogiemu człowiekowi nie zapłacił, ani długu wyżey pomienionego nie oddał, który to pan móy Artem w roku teraźnieyszym 1624, ze Gdańska iadąc, na szkutach umarł. A chcąc ia o to zasłużone moie y dług prawnie czynić, proszę aby takowa protestacya moia do xiąg urzędowych była zapisana. Jakoż zaraz pomie-

niony Michał Olszewski przed urzędem stawił świadki, ludzi uczciwych, wiary godnych, Daca Panienczycza y Waśka Skrabę, mieszczan Brzeskich, którzy wedle prawa pod przysięgą zeznali, iż w roku teraźnieyszym 1624 nie dawno w Gdańsku będąc, ieszcze dobrze zdrów, pomieniony Artem Andrzeiewicz przy nich słudze swemu Michałowi Olszewskiemu obiecał długu zapłacić złotych czternaście polskich, a więcey nie wiadomi. Y żądał pomieniony Michał Olszewski, aby mu to było do xiąg urzędowych zapisano. Jakoż dla lepszey wiary y ten wypis pod pieczęcią urzędową mieską radziecką stronię potrzebuiącey iest wydany.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 г., стр. 387—389.

13. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по жалобѣ пекарскаго цеха на мѣщанина Кондрата Дудчича.

Пекарскій цехъ обратился въ магистратъ съ жалобой на своего собрата Кондрата Дудчича о томъ, что этотъ послѣдній не соблюдаетъ цеховыхъ правилъ и вмѣстѣ со своей женой продаетъ на базарѣ муку и соль безъ уплаты пошлинъ, вслѣдствіе чего происходитъ дороговизна; и когда мука и соль были заарестованы, то онъ объявилъ, будто онѣ принадлежатъ не ему, а какому-то Васькѣ Скрабу. Магистратъ постановилъ: посадить Дудчича на недѣлю въ тюрьму а на будущее время обязать строго подчиняться цеховому уставу.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 6 mensis Septembris, anno Domini 1624.

Przed nami urzędem Wacławem Barczewskim, Wasilem Hrehorowiczem—burmistrzami miasta iego królewskiey mości Brześcia Litewskiego, Hrehorem Piotrowiczem, Stanisławem Sierzputowskiem, Hrehorem Omelianowiczem, Marcinem Kuczyńskim, Beniaszem Strożewskim—raycami, na zwykłem miescu sądowym stanąwszy oczewisto utczywy Demian Lisica—mieszczanin Brzeski, pospołu z bracią cechu piekarskiego, imieniem Siemiona Anchimowicza — cechmistrza piekarskiego y od braciey wszystkiey, zapozwawszy urzędownie, żałował na Kondrata Dudzicza — mieszczanina Brzeskiego, iż ten obżałowany wedle prawa y wielkierza onym nadanego, nie zachowuie się y dosyć cechowi ich nie uczyniwszy, targi y handle rozmaite z żoną swą w mieście odprawuie, do tego mąkę pszenną, sól na rynku przedaie, szynkuie swawolnie, zaczym nierządy w mieście y drogość wielka się dzieie, a ustawom mieskim y ich artykułom cechowym bezprawie, za co urzędownie przez sługę Woyciecha Boiarskiego na żądanie cechowe na rynku iawnie mąki pszenney krobkę y soli drugą do cechu pograbiono, dla czego ten Kondrat Dudzicz z żoną swą naprawił przyiaciela swego nieiakiego Waśka Skraba, który mieszka pod iaśnie wielmożnym iego mością panem woiewodą Bielskim, że aby ten Waśko Skraba mienił, że to iego mąka y sól, za co cechmistrza ich Siemiona Anchimowicza do klasztornego

woyta, do pana Marcina Kuczewskiego pozywano, a to nie do prawa należnego; stąd teraz do sądu burmistrzowskiego radzieckiego tę sprawę odesłano, do ratusza, domawiał się cech piekarski s Kondrata Dudczycza sprawiedliwości. A obżałowany Kondrat Dudczycz, będąc oczewisto przed urzędem, powiedział: że to sól iego s króbką, a mąka pszenna s króbką Waśka Skraby, a cechu teraz nie ma czem przebywać, żądał wolności od takowego obżałowania. Zatym Demian Lisica z bracią cechu piekarskiego domawiał się, aby wedle prawa y wielkierza ich Kondrat Dudczycz był karany. Urząd zrozumiawszy żałobę y odpowiedź wedle prawa magdeburskiego y wielkierza, cechowi piekarskiemu nadanego, nakazał, aby Kondrat Dudczycz cechowi dosyć uczynił, nadaley do niedzieli przyszłey; a gdy cech poiedna, wolno mu będzie y żonie iego targować y wszelakich wolności wedle cechu piekarskiego y artykułów ich w wielkierzu opisanych zażywać, a za takowe swawolne postępki y przekupstwo w ratuszu więzieniu Kondrata Dudczycza kazano skarać. Zaczym Demian Lisica od cechu piekarskiego na Kondrata Dudczycza o szkody się na złotych dziesięć polskich protestował. Co iest do xiąg urzędowych zapisano.

1624.

Изъ книги за 1623—1627 г., стр. 346—349.

14. Опредѣленіе короля Сигизмунда III-го по дѣлу золотыхъ дѣлъ мастера, съ Брестскими мѣщанами.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ Горностайскій обратился къ королю съ жалобой на свой цехъ и въ частности на поименованныхъ въ этой жалобѣ своихъ же сотоварищей въ томъ, что вслѣдствіе приговора цеха, послѣдовавшого надъ какимъ-то Флавіемъ за его поступки, онъ Горностайскій понесъ убытки на 3,000 лит. копъ; что магистратъ, при разслѣдованіи этого дѣла, постановилъ только обжалованнымъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ учинить присягу, что не они были виной такихъ убытковъ Горностайского. Король, выслушавши обѣ тяжущіяся стороны, вполнѣ согласился съ постановленіемъ магистрата.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 18 mensis Octobris, anno Domini 1624.

Przed nami urzędem burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości w Brześciu Litewskiem, stanąwszy oczewisto na zwykłym miescu sądowym w ratuszu Michał Gronostayski—złotnik Brzeski, podał dekret króla iego mości s pieczęcią maiestatową wielkiego xieztwa Litewskiego y z podpiscm ręki iego mości pana Pawła Sapiehi — podkanclerzego wielkiego xięztwa Litewskiego, ku zapisaniu do xiąg urzędowych w sprawie niżey pomienioney, który dekret króla iego mości słowo do słowa tak się w sobie ma:

Zygmunt trzeci, z Bożey łaski król król Polski etc. Oznaymuiemy ninieyszym listem naszym, (wszem) wobec y każdemu zosobna, komu wiedzieć należy, iż gdy się przytoczyła do nas y sądu naszego

przez appellatią od urzędu radzieckiego, miasta naszego Brześcia wielkiego xięstwa Litewskiego, założoną sprawę y akcyą między sławetnemi Michałem Gronostayskim — złotnikiem Brzeskim, powodem, a Janem Dryznerem, Frydrychem Maltanem, Stanisławem Gutrowskim y inszemi złotnikami — mieszczany Brzeskiemi, pozwanemi o niesłuszne y złe udanie, a obwinienie pomienionego Gronostayskiego y towarzysza iego za występek niiakiego Alexandra Flawiusza— towarzysza cechu złotniczego, przed urzędem nienależnym, mimo prawa y przywileia, temu cechowi złotniczemu nadane, y stąd o nagrodzenie y oddanie szkod, które aktor s tego udania złego podeymował y ponosił na trzy tysiące kop litewskich przez actora szacowane, w którey sprawie przerzeczony urząd radziecki miasta naszego Brześcia, kontrowersyey stron obudwu y wywodów, to wybaczywszy, iż się pozwani złotnicy Brzescy, zwysz mianowani, nie znali do tego, aby powodową stronę mieli źle udawać, pokazuiąc pozew wielmożnego woiewody Brzeskiego po wszystek cech złotniczy, aby się stawił, pisany y dekret nasz; stąd się pokazowało, iż pozwani złotnicy żadney kontrowersyey s tym Michałem Gronostayskim nie mieli. Przychylaiąc się w tym do prawa, które uczy, że obwiniony bliższy się odwieść, a niż by go kto pokonać miał, przeto nakazał, aby Jan Dryzner, Frydrych Maltan y Stanisław Gutrowski, w tę rotę, iak opisano, przysięgę uczynili: iako pomieniony Michał Gronostayski nie za ich udaniem, do szkod y do niesławy przyszedł y inszego cechowego dekretu, z podpisem rąk pięciu towarzyszów nie maią, a iako oni sami towarzysza Flawiusza wolnym nie uczynili; a po takowem odwodzie pozwanych od żałoby actorowey Michała Gronostayskiego wolnemi bydź uznawał, zostawuiąc y naznaczaiąc termin do uczynienia przysięgi, a Borkowskiemu złotnikowi wolne mówienie z temi złotnikami, Janem Dreznerem, Frydrychem Maltanem y Stanisławem Gutrowskim zachował; od którego dekretu pomieniony Gronostayski actor do nas y sądu naszego appellował, iako o tem wszystkiem proces tey sprawy szerzey obmawia. Na roku tedy dzisieyszym s przerzeczoney appellacyi, do nas złożoney, przypadaiącym y dotąd się kończącym, gdy strony obiedwie, powodowa Michał Gronostayski, a pozwana Frydrych Maltan y Stanisław Gutrowski, imieniem swym y inszych złotników Brzeskich s plenipotentami umocowanemi swymi, oczewiście przed sądem naszym stawili y tego terminu pilnowali, a kontrowersye swoie przed urzędem radzieckim Brzeskim toczące się powtarzali, my s pany radnemi naszemi wysłuchawszy kontrowersyey, y dowodów obudwu stron y one pilnie zważywszy, sententią pomienionego urzędu radzieckiego Brzeskiego we wszystkiem utwierdzić y zmocnić umyśliliśmy, iakoż potwierdzamy y umacniamy mocą tego dekretu naszego, a na wykonanie iego odsyłamy strony obiedwie do tegoż urzędu radzieckiego Brzeskiego, na terminie za niedziel sześć, od dzisieyszego dnia rachuiąc, zawitym. Na co dla lepszey wiary pieczęć wielkiego xięztwa Litewskiego iest przyciśniona. Dan w Warszawie, dnia dziewiątego miesiąca Września, roku Pańskiego tysiąc sześćsetnego dwadziestego czwartego, panowania królestw naszych polskiego trzydziestego siódmego, szwedzkiego trzydziestego pierwszego. Paweł Sapieha — podkanclerzy wielkiego xięztwa Litewskiego. Za

sprawą iaśnie wielmożnego pana Pawła Sapiehi, na Olszanach wielkiego xięstwa Litewskiego, podkanclerzego Oszmiańskiego, Homelskiego etc. starosty.

Który takowy dekret króla iego mości iest do xiąg urzędowych wpisany.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 годы, стр. 351.

15. Присяга золотыхъ дѣлъ мастеровъ по требованію таковагожъ мастера Горностайскаго.

Вслѣдствіе опредѣленія короля Сигизмунда III-го по дѣлу Горностайскаго, золотыхъ дѣлъ мастера, произнесли въ ратушѣ присягу, что не они были причиной убытковъ Горностайскаго,

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 21 mensis Octobris, anno Domini 1624.

Przed nami urzędem Wacławem Barczewskim, Wasilem Hrehorowiczem—burmistrzami miasta i. k. mści Brześcia Litewskiego, Hrehorym Piotrowiczem, Stanisławem Sierzputowskim, Marcinem Kaczyńskim, Bohdanem Wasilewiczem, Janem Witem, Bieniaszem Strożewskim—raycami, na zwykłym miescu sądowym stanąwszy oczewisto pan Michał Gronostayski—mieszczanin y złotnik Brzescki, zapozwawszy urzędownie Jana Dryznera, Frydrycha Maltana, Stanisława Gutrowskiego—mieszczan, złotników Brzesckich, wedle przewodu prawnego do dekretu i. k. mści, pana naszego miłościwego, roku pilnował y domawiał się przed urzędem, aby wedle prawa osoby wyżey pomienione przysięgę na roku zawitym wykonali; którzy będąc zapozwani, a od urzędu wedle prawa napominani, wedle dekretu i. k. mści przysięgę wykonali w ratuszu w te słowa: Ja Jan Dryzner, ia Frydrych Maltan, ia Stanisław Gutrowski—złotnicy, przysięgamy panu Bogu Wszechmogącemu w Tróycy iedynemu na tym, iako Michał Gronostayski nie za naszym udaniem do szkody y do niesławy przyszedł y ninieyszego cechowego dekretu z podpisem rąk pięciu towarzyszów nie mamy y iako my sami towarzysza Flawiusa wolnym nie uczynili, y iako na tym sprawiedliwie przysięgamy, tak nam Panie Boże pomóż. A po wykonaniu w ratuszu wedle prawa y dekretu i. k. mści przysięgi takowey, Michał Gronostayski żądał, aby mu to było do xiąg urzędowych zapisano.

1624 г.

Изъ книги за 1623—1627 годы, стр. 352—363.

16. Ремиссійно-судебное опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу между мѣщанами Войтѣхомъ Ростокомъ и Николаемъ Адамовичемъ.

Мѣщанинъ Ростокъ внесъ въ магистратскій судъ жалобу на мѣщанина Адамовича въ томъ, что этотъ послѣдній, подъ вліяніемъ ненависти къ нему за то, что братъ его сдѣлалъ душеприкащикомъ не его— Адамовича, а Ростка, не однократно нападалъ на его домъ съ ругательствами и угрозами, разъ пришелъ даже вооружившись саблей и вызывалъ на дуэль. Дѣло это остановилось на судебномъ разслѣдованіи.

Actum in civitate Brestensis m. d. Lithuaniae, die 29 mensis Octobris, anno Domini 1624.

Przed nami urzędem Wacławem Barczewskim, Wasilem Hrehorowiczem—burmistrzami miasta iego królewskiey mości Brześcia-Litewskiego, Hrehorem Piotrowiczem, Hrehorem Omelkowiczem, Stanisławem Sierzputowskim, Marcinem Kaczyńskim, Bohdanem Wasilewiczem, Hurynem Fedorowiczem, Janem Witem, Bieniaszem Strożewskim—raycami, na zwykłem miescu sądowym w ratuszu stanąwszy oczewisto pan Woyciech Rostek—mieszczanin y pisarz miescki Brzeski, dowiodszy pozwu y zachowawszy sobie wcale wszelakie dobrodzieystwa prawne, żałował tymi słowy:

Mnie wielce łaskawy panie urzędzie! Z wielkim żalem obciąźliwie uskarżam się w. mość na pana Mikołaia Adamowicza—mieszczanina y ławnika Brzeskiego, za odesłaniem od w. mość do urzędu woytowskiego ku rozprawie, a to o tym: iż pan Mikołay Adamowicz, bez żadney winy y przyczyny, zwaśniwszy się na mię y maiąc rankor y przedsięwzięcie swoie, przeciwko mnie po śmierci s tego świata zeszłego nieboszczyka Pawła Szczepanowicza—raycy Brzeskiego, stryia swego, snać za to nawięcey, iż ia z bratem swym, panem Tomaszem Wiszniewskim, opiekunem iestem namianowanym w testamencie nieboszczykowskim małżonce pozostałey iego, a siestrze naszey, w roku ninieyszym 1624, począwszy od dnia piętnastego Septembra, różnymi czasy, a nabardziey dwudziestego wtórego dnia miesiąca Septembra, wziąwszy zły umysł przed się, czyniąc sedycye y rozruszaiąc pokoy pospolity, każdemu prawem warowany, podszedłszy swawolnie na dom móy, za Ostrynką Wielką leżący, u samych okien y drzwi, mnie samego y żonę moię słowy nieutczywymi, dobrey sławie dotkliwymi łżył, sromocił y odpowiedź, pofałkę na zdrowie moie uczynił y nie poiedenkroć to powtarzał, chcąc umysł y przedsięwzięcie swoie złe nade mną wykonać y nad prawo zakaz w prawie opisany mnie człowieka, ni w czym onego niewinnego, na poiedynek mnie wyzywał; czemu się ia sprzeciwiać nie mógł, iako człowiek pokoy miłuiący, pod prawem siedzący, a nie będąc ia bezpieczen zdrowia mego y referuiąc do prawa w niewinności moiey, to wszystko ludźmi dobrymi świadczył, którzy to widzieli y słyszeli, chcąc to onemi pokazać y na niego dowieść, gdyż się w onczas potem, y za strażą miescką

z bronią dobytą uganiał, po nocy strzelał y nazaiutrz z rucznicami, z szablą y siekierką iawnie po rynku na mie chodził y pogrożki czynił. Zachowawszy ia sobie o nayście domowe, wolne prawne mówienie u sądu należnego, teraz wedle odesłania urzędu woytowskiego o takowe uszczypliwe zadanie słów, dobrey sławie dotkliwych mnie samego y żony mey y odpowiedź, pofałkę y wyzywanie na poiedynek czynić .przed urzędem, w. mość prawnie proszę sprawiedliwości. A postępuiąc dałey dowodzę naprzód protestacyami czterma z urzędu burmistrzowskiego Brzeskiego w roku teraźnieyszym 1624: pierwsza protestacya dnia piętnastego Septembra, druga dwudziestego pierwszego Septembra, trzecia protestacya z tegoż urzędu dwudziestego wtórego Septembra, czwarta dwudziestego trzeciego Septembra roku tegoż 1624, o 'sromotę różnymi czasy mnie samego y żonę moię od pana Adamowicza, o pofałkę, odpowiedź na zdrowie y nayście na dom y wyrządzanie różnych despectów, a osobliwie w ostatniey protestacyi szerzey dołożono. A przytym po żałobie podawał s prawa artykułów list 104, gdzie pisze: cierpiącemu gwałt y szkodę będzie wolno czynić przeciwko gwałtownikowi, chce li criminaliter, chce li civiliter, to iest: chce li na gardło, chce li tylko o nagrodzenie krzywdy, abo o szkody, otoż, iż niż sprawa pernoctata nie czynić criminaliter, bo o naście domowe inforo fori wolne prawo zachowuię, ale według żałoby moiey civiliter postępuiąc, dowodzę y iako aktor żałobliwy po zaniesieniu protestacyi, iż się to w mieście iawnie działo, dowodzę świadkami y stawię ie u sądu oczewiście, bo prawo temu, kto żałuie, dowód ukazuie, regula iuris ei incumbit probatio, qui dicit non e', qui negat, affirmans debet probare. Spect. saxonicum liber 1, articulus VI et articulus XV in glossa, quidquid dixerit, probare debet. Spect. saxonicum liber 3, articulus 18 in glossa unica, podaie s porządku list 80, gdzie pisze dowód przeciw stronie na sądzie bywa rozmaitym obyczaiem przez świadki, przez własne strony obwinioney, zeznanie, przez urzędowe listy y przez przysięgę. Spect. saxonicum liber 3, articulus 26, in glossa, rerum incognitarum fides non datur, nisi testimonium sit illorum, qui viderunt et audierunt, probationes nullae certiores, nisi quae corporales ostenduntur. Spect. saxonicum liber 3, articulus 37 in glossa unica. Otoż tu pan Adamowicz, iż nań nie idzie żałoba criminaliter, przecz y do odwodu brać się nie może, ale powód przy protestacyach swoich świadkami, ia sam abo żona moia do dowodu, iako ukrzywdzona strona bliższa do convictiey przysięgą swą na tym, iako mię człowieka spokoynego, w domu będącego, swawolnie naszedłszy, łził, sromocił, odpowiadał y na poiedynek wyzywał, a za tą convictią moią aby iako występny dekretowan był, gdyż takowy swawolny inaczey się od swego złego zamysłu zawściągnąć nie może, ieno przez prawo, iako opisuie w porządku list 45, articulus 87: Kto iaki uczynek chciał wypełnić, a nie mógł, iuż takowe chcenie stoi za uczynek; co na urzędowym uznaniu należy, gdyż constitutia coronacyi seymu Krakowskiego anni 1588 de duellis y statut wielkiego xięztwa Litewskiego articulus 14, rozdziału 11, wyzywania na poiedynek zakazuie.

A potym strona obżałowana, pan Mikołay Adamowicz wywodząc się, podał na piśmie obmowę swą w te słowa:

Na żałobę strony powodowey odpowiedź czyniąc, zachowawszy wprzód sobie wolne mówienie o zadanie złych słów mnie człowieku ni w czym niewinnemu y dobrey sławie mey dotkliwych in foro com-

petenti taką replikę daię, co strona powodowa w protestacyach swoich y na żałobie kładzie przed urzędem waszmościów, abym ia miał do pana Rostka na dom nachodzić, czego nigdy nie było, iakoż y ludźmi zacnemi chcąc niewinność swą pokazać, żebym kiedy był początkiem do zwady, albo do poswaru, ale ieśli co było, tedy za początkiem onego samego, tak w pierwszey zwadzie, iako y w drugiey y w trzeciey, nie maiąc żadney przyczyny do mnie, ale znać z namowy czyiey zawsze mię łżył, sromocił, iam dawał pokoy, anim się do urzędu nie udawał nie chcąc xiąg mazać. A co pan Rostek powiada, abym nachodził na dom, tego nie pokazuie żadną rzeczą, ani dowodem słusznym, to iest oświadczeniem sędziego y ławników, posieczenia ścian, albo domu, na co podaie s Saxonii artykułu XXXVIII et XLV, gdzie pisze: zasadzki podróżne, albo zastępowania na dobrowolney drodze, także gwałty panieńskie y naścia domowe, burgrabia sądzi, a nie sołtysz, a ieśliby naście domowe mogło być dowiedzione potłuczeniem ścian, albo domu, a oświadczono było sędziem y ławnikami y niszemi ludźmi, którzy to słyszeli, bliższy iest, powód nań żałować szrankami, niżliby się on odwieść miał y juris municipalis articulus XC, lecz tego pan Rostek nie pokazuie, ale tylko iakieś wyzywanie wspomina, to gołe słowa, iakoż podaie s porządku o dowodziech y odwodziech, gdzie pisze: dowód żadny nie iest dostatecznieyszy a pewnieyszy, iedno który sądowy iest, bo tu iuż przysięgi nie trzeba, abowiem co się przed sądem stanie, tego iuż nikt zaprzeć nie może S. Sp. liber II, articulus 18 et articulus 19; y na drugiem miescu pisze: człowiek każdy bliższy iest, gdzieby mu szło karanie na gardle, albo na zdrowiu, albo też o imienie bronić tego, a odwodzić się, niżliby go kto pokonać miał, a to się ma rozumieć, gdzie iawna rzecz nie iest, Sp. Sax. liber I, articulus 8 et articulus 18 et articulus 64, liber II, a articulus 26 et liber II, articulus 38 et articulus 37 et jure municipali articulus III, tak iest y w Saxonii podaie o dowodziech, gdzie pisze: każdy bliższy niewinności swey dowieść, niżliby go kto pokonać miał, gdy słownie nań żałuią y o to, co się oprócz sądu dzieie, abowiem dowód dwoiaki iest, cielesny y goli. A co strony zadania słów złych, abych panu Rostkowi miał zadawać, tedy y na to replikę daię y podaię s porządku artykułu XVII o sędziach y o sprawiedliwości czynię mu, gdzie pisze: ieśliby komu łaiano, a on też zasię łaiał, a odmawiał, nie powinien takich słów oprawować, gdyż odmawia, a nie sam początkiem, aby przymawiał, bo nie powinien nikt nikomu czynić pocczywości, kto mu łaie, Sp. Sax. liber II, articulus 16 et liber III, articulus 45. Przy tych swoich obrońcach prawnych do dalszego odwodu biorę się, żem nie był początkiem do zwady, ani do poswaru, alem słowa za słowa oddawał y przed dekretem wolne mówienie zachowuię y podaię, tę controwersią swoię s podpisem ręki mey.

A strona powodowa, pan Woyciech Rostek, na to powiedział: że to artykuły pana Adamowiczowe niesłuszne, do tey sprawy nienależące, puszcza mgłę w oczy, wywodzi w pole, zbija z drogi, chcąc sprawiedliwość świętą zatłumić. Ja dowodzę ludźmi wiary godnymi y którzy na to patrzali, iakom ia człowiek spokoyny, nie raz obelżenie, odpowiedź na zdrowie, na poiedynek, z gołą bronią wywoływanie, na dom nachodzenie cierpiał y wszystko skromnie znosił. Zatym pan Woyciech Rostek przy protestacyach y attestacyach y inszych postępkach swych prawnych mianował świadków na dowod swey sprawy,

ludzi uczciwych, wiary godnych, mieszczan Brzeskich, na imie Zoia Mikiticza, wtórego Kassiana Kozorożicza, trzeciego Pawła Lesiewicza, czwartego Tomasza Olkowicza, piątego Chamuka cechmistrza.

A naprzód byli świadkowie wedle prawa od urzędu napominani, aby to co widzieli y słyszeli, prawdziwie świadczyli z boiaźnią Bożą. Zatym pierwszy świadek na imie Zoi przyznał pod przysięgą: iż słyszałem s soboty na niedzielę, będąc na straży, iż pan Mikołay Adamowicz, mogło być godzin trzy w noc, wyszedłszy od pana Dąbrowskiego z domu, łżył, sromocił pana Rostka, nazywaiąc skurwy synem, beznogim y inszych słów złych nie mało na pana Rostka mówił y żonę iego łaiał, a pan Rostek nic do niego nie mówił; a potem Kassyan Kozirożycz pod sumnieniem przyznał: iż słyszał s soboty na niedzielę, będąc na straży miesckiey, iż pan Adamowicz pana Rostka łżył, sromocił, nazywaiąc skurwy synem y pochwałki czynił na zdrowie. A zatym pan Rostek, na to y protestacyą pokazywał przed urzędem y dowodził dnia roku y miesiąca. A potem druga straż, którzy byli nazaiutrz w niedzielę świadczyli, naprzód Paweł Lesiewicz pod przysięgą przyznał: iż będąc na straży miesckiey słyszał y widział, iż pan Adamowicz z gołą bronią wyzywał pana Rostka: «Wynidź, mówiąc, taki-owaki, skurwy synie, na poiedynek», łżył, sromocił, a to się działo w niedzielę, chodził koło drzew y około okien domu pana Rostkowego z gołą bronią; na ten czas za panem Adamowiczem czeladnik iego chodził, gdzie ia chciałem się był piwa napić, podkawszy pan Adamowicz mało mię nie ranił, ale o zarukach żadnych nie słyszałem, a pan Rostek z domu nie wychodził, iedno się przez okna ludźmi świadczył. Czwarty świadek Tomasz Olkowicz, pod przysięgą przyznał dwa palca podniosłszy ku górze: będąc na straży słyszał y widział, iż pan Adamowicz z gołą bronią przyszedłszy pod dom pana Rostków ku drzwiom y ku oknom, wyzywał pana Rostka, mówiąc po kilka kroć: «Wyniydź taki-owaki, skurwy synu na poiedynek», łżył, sromocił, iako nagorzey mogło być, w głos wołał, na zdrowie iego odpowiedź uczynił; a pan Rostek, nie wychodził z domu swego, iedno się ludźmi przez okno świadczył na pana Adamowicza, a pani Pawłowa przede drzwiami pana Rostkowymi pana Adamowicza za nogi obłapiła, aby dał pokoy. I to też słyszał, że pana Rostkowa żona przy oświadczeniu swym, aby dał pokoy, pan Adamowicz zaruki wkładała, ale nie wie, iako wielkie. Które świadectwo takowego u sądu pan Rostek drugą protestacyą dowodził, pod datą roku 1624, miesiąca Septembra 22 dnia. Także y Chamuk cechmistrz pod sumnieniem przyznał: iż pan Mikołay Adamowicz nie raz pana Rostka y żonę iego różnymi czasy łżył, sromocił, pochwałkę na zdrowie uczynił, a osobliwie w niedzielę do okien y ku ludziom przypadaiąc pana Rostka na poiedynek wyzywał, z gołą bronią, z rucznicami y s parobkiem swym nachodził; na tenczas pani Rostkowa żona y zaruki dla pokoiu wnosiła kop sto groszy; a pan Rostek z domu nie wychodził, iedno ludźmi się świadczył, y nie raz tego było przed tym, że pana Rostka łżył, na całę ulicę wołał, iakoż y strażą miescką gonił, y iawnie potym po rynku z rucznicami dwiema chodził.

A zatym małżonka pana Rostkowa, przed urzędem stoiąc, powiedziała, za ciężką niewolą z boiaźni musiałam to uczynić, iako biała głowa, boiąc się, aby pan Adamowicz małżonka mego nie zabił, gdyż nie raz odpowiadał, łżył, sromocił, do tego na tenczas, żeby się Adamowicz prę-

dzey pohamował, zaruki kop sto włożyła na iegomość pana woiewodę Brzeskiego, gdyż się na tenczas do forty do drzwi napierał, ażem ledwo drzwi zamknęła przed nim, gdzie y parobek iego był, rucznice za nim nosił.

A potem będąc przed urzędem pan Marcin Kuczewski—woyt mieszczan, należących do klasztora oyców Augustyanów, pokładał protestacyą y do xiąg imieniem iegomościa oyca przeora, iż pan Adamowicz za mieszczany klasztornymi z gołą bronią z rucznic strzelaiąc, s czeladnikiem swym y z inszemi pomocnikami uganiał się za nimi, łżąc, sromocąc ich, którzy ledwo co pouciekali, dla tego y na straż drugi raz mieską obawia się mieszczan klasztornych posyłać; y bardzo xiądz przeor z oycami zakonnikami uskarża się na pana Adamowicza. Na ten czas pan Marcin Kuczewski—woyt klasztorny y kij posieczony ukazywał na urzędzie, którym się panu Adamowiczowi zakładał mieszczanin klasztorny. A pan Woyciech Rostek oświadczaiąc to przed urzędem przy tak iasnych dowodach, świadkach przysięgłych, wiary godnych, ieszcze dowodził wypisem s xiąg pod datą roku 1624, miesiąca Septembra dnia 23, wydanym, od Jendrzeia Czemiernickiego—woyta iego mościa xięcia Radziwiła, gdzie dway mieszczanie, do kościoła świętey Barbary należący, na imie Sawka Paniewicz y Sczasny Bohuszewicz, ludzie wiary godni, dobrze osiedli, przed urzędem pod przysięgą zeznali, iż oni widzieli, gdy z domu, gdzie mieszka pan Dąbrowski, pan Adamowicz wybiegł prosto do domu pana Rostka, łaiąc y sromocąc iego, z tą bronią stoiąc przed wroty pana Rostkowymi, łaiał, y wyzywał mówiąc: „Wynijdź sam, niecnotliwey matki synu, *skurwy synu*, bij się ze mną, ale niegodzieneś, abym cię bił sam, ale swemu parobkowi każę strzelić, iako do pnia.“ Jakoż zaraz na zdrowie pana Rostkowe odpowiedź uczynił; a to się działo, roku 1624, dnia 22 Septembra, w niedzielę, ale pan Rostek nie wychodził z domu swego, iedno się świadczył ludźmi, otworzywszy w domu swym kwaterę; a tego przed tym nie raz było, iż pan Adamowicz nachodził na pana Rostka y sromocił go, y żonę iego, o czem szerzey wypis świadectwa ich obmawia. A potem pan Rostek postępuiąc daley, drugi wypis s xiąg burmistrzowskich radzieckich Brzeskich podał, pod datą 1624, dnia 24 Octobra, gdzie na urzędzie utczywy Jakub Hayduk, mieszczanin Brzeski, pod przysięgą przyznał: iż pan Mikołay Adamowicz pana Rostka z gołą bronią wypadłszy od pana Dąbrowskiego wyzywał na poiedynek, łżył, sromocił, na zdrowie uczynił, mówiąc: wychodź s k u r w y s y n u, złodzieiu, zbóyco, y inszych słów, bardzo złych zadawał, na całą ulicę wołał: niegodzieneś rąk moich, czeladnikowi swemu każę cię bić, albo zabić; ale pan Rostek z domu swego nie wychodził, iedno oknem ludźmi się świadczył; a przedtym było tego nie raz, iż pan Adamowicz na pana Rostka nachodził, sromocił go y żonę iego.—A dowiodłszy tego wszystkiego, pan Rostek domawiał się, aby pan Adamowicz rękoiemstwo dał po sobie, iż on niebezpieczny zdrowia swego od niego, do tego żądał, aby wedle żałoby iego, we wszystkiem sprawiedliwość z pana Adamowicza była uczyniona. Zatym obżałowany pan Mikołay Adamowicz brał się na świadki, mianuiąc wiadomych bydź w tey sprawie, pana Thomasza Wiszniewskiego, pana Krzysztopa Lubę, a pana Pawła Dąbrowskiego y Demiana Lisicę, domawiał się, aby mu na świadki czasu dano. Urząd, nie skwapiaiąc się w tey sprawie, chcąc zrozumieć y widząc podostatku w tey spra-

wie z obu stron wiadomość, odłożono tę sprawę do czwartku blizko przyszłego, gdzie obie stronie maią się stawić ku rosprawie. Co iest do xiąg zapisano.

1625 г.

Изъ книги за 1623—1627 годы, стр. 462—463.

17. Жалоба Пинскаго крестьянина Станислава Левоновича на Пинскаго мѣщанина Данила Воскобойника.

Пинскій крестьянинъ Левоновичъ внесъ въ магистратскій судъ жалобу на Пинскаго же мѣщанина Данiила Воскобойника въ томъ, что помянутый Воскобойникъ пригласилъ его къ себѣ въ мастеровые съ платою по 16 лит. грошей въ недѣлю, но не только не заплатилъ ему жалованья, а еще избилъ его, возвратившись изъ Торуня, и заграбилъ часть его имущества, какъ то: 6¼ локтей сукна зеленаго, фадыша; 3¼ локтя лазуревой каразеи; колондскаго полотна на 30 злотыхъ; бѣлья на 8 копъ лит. грошей; готовыхъ денегъ 13 ортъ и два полторака, да еще остававшихся въ возѣ 10 копъ лит. грошей.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 25 mensis Februarii, anno Domini 1625.

Przed nami urzędem Wacławem Barczewskim, Wasilem Hrehorowiczem—burmistrzami miasta i. k. mści Brześcia Litewskiego, Janem Witem—raycą, stanąwszy oczewisto na zwykłym mieyscu sądowym uczciwy Stanisław Lewoniewicz z Pińska, z wielkim żalem opowiadali się na pana swego na pana Daniła Woskoboynika—mieszczanina Pińskiego, iż on na tydzień uiednał go za czeladnika po groszy szesnaście litewskich, któremu za kilka niedziel nie zapłacił zasłużone, do tego przyiechawszy z Torunia do Brześcia, onego niewinnie zbił, zesromocił, towaru iego Mołodeckiego nie dał w Brześciu przedawać, z czego dług miał zapłacić w Brześciu, z gospody od wozów odegnał, iakoż w wozie pańskim zostało przykładu towaru Mołodeckiego, za pieniądze iego własne kupionego, iako dawał sprawę, mianowicie: sukna fandyszu zielonego łokci sześć y cwierć; korazyi lazurowey łokci trzy y cwierć; płótna koleńskiego za złotych trzydzieście; bieli za kop ośm groszy litewskich; w drodze iadąc pożyczył panu swemu ortów trzynaście y dwa pułtoraki; do tego w wozie pańskim przy towarze pieniędzy swych ten czeladnik, iako mianował, odszedł kop dziesięcia groszy litewskich. O czym wszystkim czasu prawa wyszey pomieniony Stanisław Lewoniewicz na żałobie swey opowie, y żądał, aby mu takowa protestacya iego dla przyszłego czasu była do xiąg urzędowych zapisana. Iakoż y ten wypis stronie potrzebuiącey pod pieczęcią miescką radziecką iest wydany.

1625 г.

Изъ книги за 1623—1627 годы, стр. 552—55.

18. Духовное завѣщаніе Брестскаго мѣщанина Зенка Протасовича.

Брестскій мѣщанинъ — рыбакъ Зенько Протасовичъ, чувствуя приближеніе смерти, завѣщаетъ: тѣло его грѣшное похоронить въ церкви Пречистой Богородицы; домъ, огородъ, засѣянный овощами, движимое и недвижимое имущество передать во владѣніе его женѣ и малолѣтней дочери; аренду рыбную у Галинскаго передаетъ своему брату. Въ случаѣ смерти жены и дочери передаетъ брату же и все свое имущество. Но если Богу угодно будетъ сохранить его жизнь, то завѣщаніе это не можетъ имѣть силы.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 2 mensis Junii, anno Domini 1625.

Przed nami urzędem burmistrzowskiem y radzieckiem, w mieście iego królewskiey mości w Brześciu Litewskiem, na zwykłem miescu sądowym stanąwszy oczewisto pan Jan Wit — rayca miasta Brzeskiego, pan Woyciech Rostek — pisarz miasta Brzeskiego, maiąc przy sobie sługę urzędowego Iwana Michelewicza, przyznali, iż oni z urzędu od nas będąc przydani, byli na Hampolu za miastem Brzeskiem, w domu Zienka Protasowicza—rybaka, mieszczanina Brzeskiego, który to pomieniony Zienko Protasowicz, acz będąc na ciele chory, ale na umyśle y rozumie swym dobrze zdrowy, taki testament ostatniey woli swey uczynił:

Naprzód duszę swą mizerną w ręce Bogu w Trócycy iedynemu na miłosierdzie poruczywszy, ciało swe grzeszne ku pogrzebowi chrzescyianskiemu w cerkwi Przeczystey Swiętey; potym powiedział, iż chałupę swą własną z gruntem y pięć grządek ziemie zasiane warzywem, to żenie swey Nasci Chawraiownie y córce swey Hannie, którey ieszcze roku niemasz, tym testamentem ostatniey woli swey zapisał y odkazał wiecznymi czasy półogroda, co kupił pospołu z nieboszczykiem Woyciechem Maenorką cieślą, oddaliwszy brata swego Panasa Myszochrobowicza (sic) y siostry Kunicę y Marynę, wszystkich krewnych, powinnych swych. Zapisuie y odkazał ieszcze żonie swey y córce swey własney wiecznemi czasy krowę y byka, do tego cztyry gęsi, świni dwoie wielkich, a małych dwoie y wszystek sprzęt domowy, maiętność ruchomą y nieruchomą, iakokolwiek nazwaną, od mała do wiela, teyże małżonce swey Nasti Chowroiownie y córce swey Hannie, dziecięciu małemu, zapisał y odkazał wiecznymi czasy. A co naiął był na Muchawcu tonie do łowienia ryb u pomocnego pana Galinskiego, pospołu z bratem swym Panasem Protasowiczem, do roku do Philipowych zapust, według starego kalendarza, kończy się teraz ta arenda w tym roku 1625, tedy tę arendę spuścił wyżey pomienione bratu swemu pomienionemu Panasu Protasewiczu. Który będąc przy tym testamencie, oczewisto dobrowolnie przeiął na się tę arendę łowienia ryb sam na się y podiął się zasię część y za bra-

ta swego Zienka Protasowicza—rybaka, zapłaciwszy wszystkę arendę, to iest kop iedynaście groszy litewskich, a to iegomościu panu Janu Galimskiemu. Tenże testamentnik wyżey pomieniony przyznał za tak roczne łowy iegomość panu Galimskiemu winien groszy litewskich kop trzy, a iż teraz na ten rok 1625 na miesckie tonie kop trzy dał swych własnych pieniędzy, tedy to bratu swemu Panasu Protasowiczu zleca y daruie łowić ryby, a s tego kop trzy tak rocznie iegomości panu Galimskiemu brat wyżey pomieniony Panas dobrowolnie podiął się zapłacić. I to też przyznał testamentnik, iż winien kop siedm groszy litewskich szwagrowi swemu Matfieiowi Chawraiewiczowi, który dług żona iego ma zapłacić z ubogiey maiętności; więcey nikomu nie winien y iemu nikt żadnego długu nie winien. A ieśliby Pan Bóg wszechmogący na żonę iego Nastasię y na córkę iego śmierć dopuścić raczył, tedy tę maiętność wyżey pomienioną wszystkę bratu swemu Panasu Protasowiczu zapisuie y odkazuie; a ieśliby Pan Bóg wszechmogący testamentnika pomienionego Zienka z łaski swey świętey na tym świecie mizernym ieszcze chować raczył, tedy wolny szafunek we wszystkiem do śmierci swey y odmianę testamentu tego sobie wcale przy zupełney mocy wedle prawa zostawił. Przy którym testamencie takowym byli ludzi uczciwi, wiary godni, sąsiedzi: Matfiey Iwaszkowicz, Jasko Żywniewicz, Matfiey Baranowicz, Hawryło Sawczycz—miesczanie Brzescy. I żądał Zienko Protasowicz, aby ten testament ostatniey woli, po śmierci iego był w zupełney mocy zachowany. Który takowy testament iest do xiąg urzędowych zapisany.

1625 г.

Изъ книги за 1623—1627 г. стр. 632—628.

19. Привилея короля Сигизмунда III-го данная подстаростѣ Воинскому Высоцкому на домъ въ Берестѣ со всѣмъ имуществомъ.

Король Сигизмундъ III, желая почтить военныя заслуги Воинскаго подстаросты Высоцкаго, даетъ ему два дома въ Берестѣ,—одинъ на Пескахъ Корниловичей, а другой за Мухавцемъ, возлѣ церкви Воздвиженія Честнаго Креста Господня, которые дома поступили въ казну по случаю смерти бездѣтныхъ мѣщанъ (jure caduco). Тутъ же находятся и листы короля къ Берестейскому войту Тышкевичу и магистрату, а равно и войта къ магистрату, о вводѣ вышепомянутаго Высоцкаго во владѣніе этими домами съ всѣми причитающимися къ нимъ принадлежностями.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 15 mensis Aprilis, anno Domini 1626.

Przed nami urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście i. k. mści w Brześciu Litewskim, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oczewisto iego mość pan Jan Wysocki—podstarości Woinski, podał przywiley i. k. mści, pana naszego miłościwego, z podpisem ręki i. k. mści, y z pieczęcią w. x. Lit., ku zapisaniu do xiąg urzędowych, w sprawie

niżey mianowaney, który to przywiley, króla iego mości słowo do słowa tak się w sobie ma:

Zygmunt trzeci, z łaski Bożey król Polski, etc. Oznaymuiemy tym listem naszym wszem wobec, komu to wiedzieć należy, iż my urodzonego Jana Wysockiego — podstarościego Woinskiego, na różnych przed tym expediciach woiennych maiąc zalecone posługi, nam y rzecz-pospolitey oświadczone, tudzież za przyczyną pewnych panów rad naszych, łaskawie mu daiemy dom y plac Miszka y Jwana Korniłowiczów na Piaskach, z iedney strony od Bohdana Trusianki, a z drugiey w pobliżu dworu urodzonego Piotra Pocieia leżący; drugi dom za Muchawcem Salcowski, przeciwko cerkwi Podniesienia Świętego krzyża,—po śmierci pomienionych mieszczan y obywatelów miasta naszego Brześcia prawem kadukowym z pewnych przyczyn do dyspozitiey naszey należące, ze wszystkim tych domów y placów przynależnościami, mianowicie, rolami, ogrodami, sadami, łąkami śrebrem, złotem, towarami, sumami pieniężnymi, gdziekolwiek y u którychkolwiek osób będącymi, y z ynszemi dobrami ruchomymi y nie ruchomymi, którychkolwiek zmarli mieszczanie Korniłowiczowie y Sak Marcinowicz w possesyey byli, daiąc imci moc wszelaką, pomienione wszystkie dobra trzymać, spokoynie używać, dać, darować, zamienić y one na successory swe wedle upodobania obracać, wiecznymi czasy. Co do wiadomości wszystkich przywodząc, mianowicie urzędu y zamkowego y niemieckiego, albo pod czyią te dobra iurisdictią, rozkazuiemy, aby w dochodzeniu tych dobr donatariusz nasz nie był trudniony, ale co prędzey do possessiey ich przystąpił, dla łaski naszey. Y na to się ręką naszą podpisawszy y pieczęć w x. Lit. przycisnąć rozkazaliśmy. Dan w Osiecku, dnia dwudziestego miesiąca Pazdziernika, roku tysiąc sześćset dwudziestego piątego, panowania królestw naszych Polskiego trzydziestego ósmego, a Szwedskiego trzydziestego wtórego roku. U tego przywileiu przy pieczęci podpis ręki króla iego mści: Sigismundus rex; także podpis ręki tymi słowy: Martinus Borek correxit. Który takowy przywiley i. k. mści iest do xiąg urzędowych wpisany.

A potem, zaraz tenże iegomość pan Jan Wysocki — podstarości Woinski, podał ku przeczytaniu y zapisaniu do xiąg urzędowych list i. k. mści, pana naszego miłościwego, pod pieczęcią w. x. Lit., y z podpisem ręki i. k. mści, w te słowa:

Zygmunt trzeci, z Bożey łaski król polski etc. Wielmożnemu Ostaphianowi Tyszkiewiczowi — woiewodzie naszemu Brzeskiemu, staroście Kamienieckiemu, uprzeymie nam miłemu, łaskę naszą królewską. Wielmożny, uprzeymie nam miły! Żechmy z łaski naszey pewne domy y place, w mieście Brzesckim leżące, po zeyściu z tego świata Miska y Jana Kórniłowiczów y Saka Martinowicza — mieszczan Brzesckich, do dispositiey naszym prawem kadukowem przypadłe, dali urodzonemu Janowi Wysockiemu — podstarościemu Woinskiemu, przeto żądamy uprzeymości waszey abyś uprzeymość wasza z powinności urzędu woytowskiego, te domy y place ze wszystkiemi do nich przynależnościami y rzeczami ruchomymi, po przerzeczonych mieszczanach Brzesckich pozostałemi, podług przywileiu naszego w moc y possesyą urodzenemu Wysockiemu podać rozkazał. Pisan w Czemiernikach, dnia czwartego miesiąca Listopada, roku Pańskiego tysiąc sześset dwudziestego piątego, panowania królestw naszych polskiego trzydziestego ósmego,

a szwedskiego trzydziestego wtorego roku.

U tego listu przy pieczęci podpis ręki króla iego mości: Sigismundus rex; takiż drugi podpis ręki tymi słowy: Stephan Pac—pisarz. Który takowy list i. k. mści iest do xiąg urzędowych zapisany.

Jakoż zaraz na ten że czas y drugi list i. k. mści, z pieczęcią w. x. Lit., y z podpisem ręki i. k. mści ten że iegomość pan Jan Wysocki ku zapisaniu do xiąg urzędowych podał w te słowa: Zygmunt trzeci, z Bożey łaski król polski, etc. Sławetnym burmistrzom, raycom y ławnikom miasta naszego Brzesckiego, wiernie nam miłym łaskę naszą królewską. Sławetni, wiernie nam mili! Yżechmy z łaski naszey pewne domy y place w mieście Brzesckim leżące, po ześciu z tego świata Miska y Jana Korniłowiczów y Saka Martinowicza—mieszczan Brzesckich, do dispositiey naszey prawem kadukowym z pewnych przyczyn przypadłe, w przywileiu naszym mianowicie opisane, dali urodzonemu Janowi Wysockiemu—podstarościemu Woinskiemu, za zasługami iego. Przeto chcemy to mieć powinności waszey, abyście te domy y place ze wszystkiemi do nich przynależnościami y rzeczami ruchomemi, po przerzeczonych mieszczaniech Brzeskich pozostałemi, podług przywileiu naszego w moc y possesyą urodzonemu Wysockiemu podali, czyniąc to z powinności urzędu swego. Pisan w Czemiernikach, dnia czwartego miesiąca Listopada, roku Pańskiego tysiąc sześćset dwudziestego piątego, panowania królestw naszych polskiego trzydziestego ósmego, a Szwedskiego trzydziestego wtorego roku.

U tego listu podpis ręki króla iego mości tymi słowy: Sigismundus rex, drugi podpis ręki tymi słowy: Stephan Pac—pisarz. Który takowy list i. k. mści iest do xiąg urzędowych wpisany.

A potem zaraz tegoż dnia iegomość pan Jan Wysocki trzeci list podał ku zapisaniu do xiąg urzędowych w te słowa:

Ostaphian Tyszkiewicz—woiewoda y woyt Brzeski, czynię wiadomo, iż dom Sakowski na Za-Muchawcu, który iure caduco na mię, iako woyta dziedzicznego spadł, iako po bezpotomnym Saku—raycy Brzesckim, ten dom z budowaniem, ogrodami, grunty, sianożęćmi, iako ieno sam Sak trzymał, daię wiecznością panu Wysockiemu y urzędowi uwiązać kazałem z tym dokładem, iż z domu tego, kto ieno by go trzymał teraz y na potem, dochody miesckie wszystkie y powinność wszystkę, aby z niego szła iaka y przedtym y do iurisditiey miesckiey, iż należeć ma, iako y należał, na co daię panu Wysockiemu list móy z pieczęcią mą y podpisem ręki mey. Data w Wisticzach, iedynastego Aprila, anno Domini tysiąc sześćset dwudziestego szóstego. U tego listu przy pieczęci podpis ręki tymi słowy: Idem, qui supra, ręką swą. Który to list iegomości pana woiewody Brzeskiego pod pieczęcią y z podpisem ręki iegomości do xiąg urzędowych wpisany.

W którey sprawie, po przeczytaniu przywileiu i. k. mści, pana naszego miłościwego, także po podaniu do xiąg urzędowych listów niżey pomienionych, iegomość pan Jan Wysocki—podstarości Woinski, żądał o przydanie urzędu na wwiązanie y podanie dobr nieboszczyka Saka Martinowicza—mieszczanina y raycę Brzeskiego. Jakoż zaraz przydano z urzędu sławetnych panów Stanisława Sierzputowskiego, Bohdana Wasilewicza—radziec miasta Brzeskiego, którzy maiąc przy sobie sług urzędowych przysięgłych na imie Jwana Michelowicza y Waśka Sietczy-

cza, wspomieniony dom, grunt, ogród, ze wszystkim budowaniem, iako się w sobie ma, w miedzach, granicach swych, a to iegomość panu Janowi Wysockiemu intromissią wedle prawa podali, wwiązali wiecznymi czasy; którego takowe do wwiązania podania urzędowego nikt nie bronił, ani się z pierszym y poślednim prawem nikt nie odzywał, który to dom, grunt, ogrod, sad, leży w mieście Brzeskim, za Muchawcem, ob miedzę staień y ogroda Zamkowego, a z drugą stroną do ułeczki do Bugu leżącey, tyłem do Rybackiey ulicy y czołem do ulicy do cerkwi Podniesienia Krzyża Świętego. Wszakże powinności y wszelakie dochody mieskie, iako się wyżey pomieniło, na każdy rok maią być oddawane. A po podaniu intromissiey takowey przypominał się sławetny Jwan Kalnieyko—mieszczanin Brzeski, imieniem dzieci potomków swych z bliskością do tego domu; gruntu, do maiętności pomienioney nieboszczyka Saka Marcinowicza. Który przywiley i. k. mści pana naszego miłościwego y listy wyżey pomienione, także y intromissyą urzędową iest do xiąg urzędowych zapisana y ten wypis stronie potrzebuiącey pod pieczęcią mieską radziecką iest wydany.

1626 г.

Изъ книги за 1623—1627 г., стр. 641—643.

20. Протестація Брестскаго цехмистра золотыхъ дѣлъ мастеровъ на золотыхъ дѣлъ мастера Радванскаго предъ Брестскимъ магистратомъ.

Цеховой старшина золотыхъ дѣлъ мастеровъ отъ имени своего цеха внесъ къ бурмистрамъ жалобу на золотыхъ дѣлъ мастера Радванского, что этотъ последній, не смотря на то, что былъ принятъ въ цехъ больше по снисхожденію, нежели по праву, оказывается самымъ негоднымъ человѣкомъ, такъ: онъ бранитъ своихъ цеховыхъ сотоварищей и оскорбительно отзывается о королевскихъ грамотахъ; принимаетъ заказы и не исполняетъ, вслѣдствіе чего возбуждаетъ къ цѣлому цеху неудовольствіе со стороны общества; не подчиняется ни цеховымъ постановленіямъ, ни приговорамъ бургомистровъ; поноситъ своихъ сотоварищей *клятвопреступниками* и публично говоритъ имъ, что они *судятъ за водку*, и вообще ведетъ себя крайне оскорбительно для цѣлаго цеха.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 28 mensis Aprilis, anno Domini 1626.

Przed urzędem burmistrzowskiem y radzieckiem w mieście iego królewskiey mości Brześciu Litewskiem, na zwykłem mieyscu sądowym, stanąwszy oczewisto sławetni panowie Jan Dryzner, Frydrych Maltan, Stanisław Pitrowski—złotnicy Brzescy podali na piśmie protestacyą z podpisem rąk swych ku zapisaniu do xiąg urzędowych w sprawie niżey pomienioney, która słowo do słowa tak się w sobie ma:

Nam wielce łaskawi panowie burmistrzowie miasta iego królewskiey mości Brzeskiego! Opowiadamy się w. mości iako urzędowi, my wszyscy bracia starszy y młodszy cechu złotniczego Brzeskiego na pana Stanisława Radwańskiego o to,

iż on przystawszy do cechu naszego, podiąwszy się condicyom cechowym, dosyć czynić, czegośmy onemu pozwolili y do porządków naszych przyieli, życząc, żeby miasto iego królewskiey mości wstawione ludźmi dobremi było, ale on zapomniawszy boiaźni Bożey y srogości prawa, wziąwszy zły umysł naprzeciwko cechowi y braciey, nabrawszy się swey woli, czyni rozruchy w cechu, zneważaiąc starszych y nas wszystkich słowy nieuczciwymi, nie poieden kroć y na przywiley iego królewskiey mości słowy wspomnieć niegodnych targać się śmie; od ludzi różnych roboty nabrawszy, iścić się nie chce, a gdy o to nań skarga w cechu bywa, sądzić się nie da y posłusznym być nie chce, a ieśli który dekret cechowy przyimie, żadnemu nie czyni; skąd ludzie na nas niewinnych narzekaią, skąd nam ubogiey braciey wstyd roście. My tedy do wmość naszych łaskawych panów uciekamy się y do rosądku według przywileiu iego królewskiey mości, abowiem on w nadzieie cechową ludziom szkodę czyni, zastawiaiąc się cechem, y nam ubogiey braciey dosyć nie uczynił, bo do cecha powinności y dochodu nie oddał, listów od urodzaiu y od wyuczenia, według czasu naznaczonego, nie pokazał, mieskie prawa wedle porządku nie przyiął, dnia wczorayszego, dnia dwudziestego siódmego Aprilis będący zapozwany do cechu od pana Stanisława Żołkowskiego o robotę śrebrną, którą mu dał robić, o co iuż nie raz był do cechu odesłany, przyszedł do cechu s furyą, łżąc nas; my onego upominali słowy łagodnemi, aby się ludziom iścił y nas nie turbował, na to powiedział: nie macie przywileiu y za gorzałką sądzicie, muszę się sprawować, odszedł precz. Przytym na ten czas y iego mość pan Zaranek—namieśnik Brzescki był w swey sprawie do iego mość pana Piekarskiego. A do tego tegoż dnia przez residentią sądu w. mość na mieyscu króla iego mości nas krzywoprzysiężcami nazwał, skąd nie tylko nas zelżył, ale rządom wmość naganę dał, gdyż ta sprawa nie krzywo, ale prawnie toczyła się. O te my tedy excessy y krzywdy nasze y zniewagę praw naszych s tym swowolnikiem u prawa mówić chcemy, gdyż y czasu niedawnego pana Jana Dryznera starszego y o sprawę cechową do sądu w. mość zamkowego turbował, mimo prawo z wielką zelżywością y szkodą naszą, których szkod szacuiem sobie przez tego iego turbacie na złotych sześć set y prosim, aby to było do xiąg w. mość przyięto y zapisano. Która takowa protestacya iest do xiąg urzędowych zapisana.

1635 г.

Изъ книги Брестскаго Городскаго Магистрата, листъ 574.

21. Свидѣтельство Пинскаго лавника, выданное Пинскому мѣщанину Есьману Ножичу о томъ, что онъ взвѣсилъ купленные два пивныхъ котла у Брестскаго мѣщанина.

Przed urzędem burmistrzowskim y raieckym w mieście króla iego mości Brzeskim, stanąwszy oblicznie pan Esman Nożycz — mieszczanin Pinsky, po-

dał ku aktykowaniu atestatie woźnika Pińskiego, pisaną w te słowa:

Я Иванъ Лавриновичъ — лавникъ и важникъ мѣста Пинска, чиню свѣдомо тѣмъ коимъ атестацiйнымъ квитомъ, ижъ што панъ Есманъ Василевичъ Ножичъ—мѣщанинъ Пинскiй, важилъ тутъ въ Пинску котловъ два мѣдяныхъ старыхъ, оденъ великiй пивный, а другiй меншiй не великiй, которые то два котла купилъ, повѣдилъ, у мѣстѣ его королевской милости Берестейскомъ, у пана Василья Клишевича на камень Пинское ваги, которые то два котлы тутъ въ Пинску каменей шесть безъ чверти, а каждый камень важитъ по фунтовъ тридцати и шести, а де больше, што все пораховавши на фунты, чинитъ фунтовъ двѣсти и семь. Якожъ для лѣпшой певности и квитъ мой тотъ атестацiйный подъ печатью руки моей пану Есьману Ножичу на отваженье той мѣди тыхъ котловъ данъ. Писанъ въ Пинску, року 1635, мѣсеца Декабря 29 дня. Иванъ Лавриновичъ рукою власною. Która to takowa atestatia do xiąg mieyskich Brzeskich iest zapisana.

1737 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 1.

22. Продажная крѣпость отъ жида Мѣнка Ицхаковича Брестскому мѣщанину Хомѣ Буркiевичу на сѣножать.

Брестскiй жидъ Мѣнко Ицхаковичъ продаетъ свой сѣнокосный лугъ, лежащiй за городомъ Брестемъ, подлѣ сѣнокоса Русскаго госпиталя Каѳедральной церкви св. Николы, прiобрѣтенный имъ отъ Брестскаго же мѣщанина за долги, другому мѣщанину Букрiевичу за 30 копъ грошей. Земля эта считалась въ зависимости отъ городской юрисдикцiи·

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithvaniae, die 19 mensis Januari, anno Domini 1637.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Janem Jędrzeiewskim—burmistrzami, Marcinem Kuczyńskim, Łukaszem Pomorzańskim, Iwanem Bielkiewiczem, Stephanem Rapowiczem, Jaroszem Soroczyncem — raycami, na zwykłym mieyscu w ratuszu, stanąwszy oblicznie opatrzny, Mienko Jcchakowicz żyd Brzeski, iawnie y dobrowolnie zeznał, iż maiąc on sianożęć Korowatin od panów Iwana y Demiana Nikonowiczów Bukriewiczów, mieszczan Brzeskich, w przewodzie prawa za dług winny zostały otrzymaną y w intromisią urzędownie na wieczność podaną, pod przysądem y posłuszeństwem prawa Magdeburskiego leżącą, za miastem Brześciem, ob miedzę sianożęci szpitala Ruskiego cerkwi Katedralney oyca świętego Mikoły będącego, a z drugą stronę od rowu Petczyckiego, z trzeciey strony od sianożęci Butyrzyńskiey do ieziora, z czwartey strony od Bugu przerybki, która sianożęć za przewodem prawa, za ugodą z Hirszem Nahmanowiczem, żydem, wroku tysiąc sześć-

set trzydziestym czwartym Januarii dwudziestego trzeciego dnia uczynioną y przed urzędem burmistrzowskim Brzeskim zeznaną, trzymaiąc w spokoynem dzierżeniu przez lat dwie, a będąc potrzebny summy pienięd*zy, tymże prawem, iako Hirsz Nachmanowicz y Mienko Jcchakowicz, żydzi Brześci, trzymali, przedtym pomienioną sianożęć Korowatin, sławnemu panu Chomie Nikonowiczowi Bukrijewiczowi y małżonce iego Olenie Andrzeiewnie Daniłowiczownie, mieszczanom Brzeskim, y potomkom ich, za trzydzieści kop groszy liczby y monety litewskiey, y zarazem w moc, w dzierżenie y w spokoyne używanie na wieczność podał, z odebrania wszystkich pieniędzy kwitował, przyznawaiąc, że się onemu dosyć stało za wszystko, y iuż z tego przewodu prawa, na tę sianożęć służącego, zrzekłszy się na pomienionych kupicielów y na ich potomki wlał, wiecznie, pozwalaiąc Chomie Bukrijewiczu, małżonce y potomkom ich tą sianożęcią Korowatyńską, iako swą własnością szafować, dać, przedać, darować, zamienić y na swóy naylepszy pożytek obrócić, w czym żadney przeszkody czynić niema, y owszem od wszelkich osób, w tę sianożęć Krowatin wstępuiących y przeszkodę czyniących, za oznaymieniem urzędowym u wszelakiego sądu prawa swym własnym kosztem y nakładem bronić, zastępować, do wyiścia dawności, w prawie Magdeburskim opisaney zapisał się. Które takowe oczewiste zeznanie osoby wyż mianowaney do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest zapisane.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 19—20.

23. Продажная крѣпость отъ прихожанъ Брестской церкви св. Троицы татарину Щасному Богушевичу на огородъ.

Прихожане Брестской св. Троицкой церкви съ общаго своего согласія продаютъ татарину Богушевичу огородъ за 8 копъ грошей. Земля эта считается въ зависимости отъ городской юрисдикціи.

Actum in civitate Braestensi magni ducatus Lithuniae, die 12 mensis Martii, anno Domini 1637.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Janem Jędrzeiewskim—burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Wasilem Soroką, Stefanem Rapowiczem—raycami, stanąwszy oczewiście na mieyscu zwykłem w ratuszu sławetni panowie Ihnat Korbieczycz—iako starosta cerkwie świętey Tróycy, a przy nim Roman Jakowicz, Iwan Michayłowicz, Sawka Kuroszczycz, Choma Pietraszewicz, Iwan Zdanowicz, z pozwoleniem y radą wszystkich parafian, dobrowolnie przyznali, iż maiąc oni ogród Szostakowski, od nieboszczyka Demiana Szostaka, na cerkiew Świętey Tróycy legowany, leżący pod przysądem

y posłuszeństwem prawa magdeburskiego w mieście Brześciu, na ulicy Zawrzyneckiey, ob między z iedney strony gruntu kowala Hryniewicza, a zdrugiey strony od gruntu Tychczyńskiego, czołem od ułeczki, która idzie na wygon do błonia, a tyłem do ogrodu Homszeyowego, który to ogród wyszmianowany przedali panu Szczęsnemu Bohuszewiczu, Tatarzynowi y mieszczaninowi Brzeskiemu, za kop ośm groszy liczby y monety Litewskiey y zarazem w moc, w dzierżenie y w spokoyne używanie na wieczność podali, z odebrania pięniędzy złotych dwudziestu pana Szczęsnego kwitowali, sami się wiecznie imieniem swym y successorów swych zrzekli y iuż od daty tego przyznania, dali moc panu Szczęsnemu Bohuszewiczowi tym ogrodem, iako swą własnością szafować, dać, przedać, darować y na swóy naylepszy pożytek obrócić, w czym żadney przeszkody pomienione przedawce sami przez się y przez succesorów swych czynić nie maią y owszem od wszelakich osób wstępuiących w ten grunt ogród Szostakowski, swym własnym kosztem y nakładem u wszelakiego sądu y prawa, ze wszystkich dóbr swoich leżących y ruchomych, pod którą kolwiek iurysdikcyą będących, za oznaymieniem urzędowym bronić, zastępować, wolny y swiebodny czynić zapisalisię, do wyiścia dawności w prawie magdeburskim opisaney; który to ogród Szostakowski urzędownie, przez sławnych panów Marcina Kaczyńskiego y Wasila Sorokę—radziec miasta Brzeskiego, panu Szczęsnemu Bohuszewiczowi, Tatarzynowi, na wieczność podano, przy słudze urzędowym Marcinie Sebestyanowiczu, którey intromissyi nikt nie bronił y z prawem swym pierwszym y poślednim nie odzywał. Które to takowe oczewiste zeznanie osób zwyszmianowanych do xiąg wieczystych miestskich Brzestskich iest zapisano.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 18.

24. Арендная сдѣлка между прихожанами свято-Троицкой церкви въ Брестѣ Литовскомъ и татариномъ Щаснымъ Богушевичемъ.

Прихожане Св.-Троицкой церкви съ общаго согласія отдали въ арендное содержаніе винокуренный Глинниковскій заводъ Щасному Богушевичу татарину, Брестскому мѣщанину на 10 лѣтъ съ оплатою 60 литовскихъ копъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 12 mensis Martii, a. D. 1637.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Janem Jędrzejowskim—burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Wasilem Soroką, Stephanem Rapowiczem—raycami, na zwykłym miescu w ratuszu, stanąwszy oczewiście sławetni panowie—Ihnat Korbieczycz, iako starosta cerkwie świętey Tróycy, a przy nim Roman Sakowicz, Iwan Michayłowicz, Sawka Ku-

roszczycz, Choma Pietraszewicz, Iwan Zdanowicz, z pozwoleniem y radą wszystkich parafian, dobrowolnie przyznali, że browar Glinnikowski im parafianom od nieboszczyka Jakuba Bodulicza testamentem na lat dziesięć na cerkiew świętey Tróycy legowany, arendowali, na lat dziewięć od daty tego przyznania panu Szczęsnemu Bohuszewiczu, tatarzynowi y mieszczaninowi Brzeskiemu, za pewną summę pieniędzy, to iest za kop sześćdziesiąt litewskich, które pieniądze zpełna odebrawszy, Szczęsnego kwitowali. W którey arendzie browarney osoby zwyż mianowane żadney przeszkody czynić nie maią do wyiścia lat dziewięciu, y owszem od każdego, w ten browar wstępuiącego, bronić, zastępować według prawa magdeburskiego, submitowali się. Które takowe oczewiste zeznanie osób zwyż mianowanych do xiąg mieisckich Brzeskich iest zapisano.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 21.

25. Консенсъ Брестскаго магистрата на пожизненное владѣніе огородомъ съ уплатою чинша, данный бурмистру греческаго исповѣданія Сорокѣ.

Burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzeskiego.

Czyniemy wiadomo tym listem daniny naszey, komu by o tem wiedzieć przynależało, iżeśmy wspólnie zezwoliwszy się, będąc w zupełnem zgromadzeniu, rozmnażaiąc rzeczpospolitą mieską Brzeską, daliśmy ogród mieski ratuszny sławetnemu panu Jaroszowi Marcinowiczowi Soroce — burmistrzowi Brzeskiemu, religii greckiey, który przedtym trzymał nieboszczyk Stanisław Sierzputowski, leżący ob miedzę Foltina Ryzlera. Ma tedy ten ogród pan Jarosz Soroka spokoynie trzymać y używać, pożytki sobie przywłaszczać, aż do żywota swego, a czynsz roczny corok o świętym Marcinie po groszy trzy litewskich do skrzyni mieskiey płacić powinien będzie. Na co dla lepszego świadectwa pieczęć urzędową mieską radziecką Brzeską przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Brześciu, dnia 12 Marca, roku Pańskiego 1637.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 годъ, стр. 57—59.

26. Духовное завѣщаніе Брестской мѣщанки Соломеи Закапиной.

Саломея Закапина, Брестская мѣщанка, чувствуя приближеніе смерти, завѣщаетъ своему мужу: тѣло ея похоронить въ церкви св. Симеона по обрядамъ вѣры греческой, а имуще-

ство ея движимое раздѣлить между нимъ, родственниками, тремя госпиталями и церковью св. Симеона; при этомъ она дѣлаетъ оговорку, что въ случаѣ ея выздоровленія, завѣщаніе это не должно имѣть законной силы.

Roku 1637, miesiąca Maia 14 dnia, na żądanie sławney pamięci Sołomyi Doroszówny Bohdanowey Zakapioney, będąc z urzędu przydany sławny pan Folkin Ryzler—rayca miasta Brzeskiego, przy bytności sławnego Jarosza Soroki—burmistrza Brzeskiego religii Greckiey y przy pisarzu tegoż urzędu Bazilim Rapowiczu przerzeczona pani Sołomia Doroszowna Bohdanowa Zakapina, będąc chora na ciele, ale na umyśle dobrze zdrowa, z dobrym rozmysłem takowy testament ostatniey woli swey sprawiła:

W imie Pana Boga Wszechmogącego Oyca y Syna y Ducha Świętego, Amen. Zbawiciel nasz Pan Jezus Chrystus, prawdziwy Syn Boży, raczy nas upominać, ponieważ nie wiemy godziny śmierci naszey, abyśmy czuli na każdy czas modląc się Bogu y żebyśmy mogli z lepszym sumieniem stanąć przed sądem Bożym. A przez ten ninieyszy testament Bogu Stworzycielowi naszemu y wszystkim świętym y każdemu chrześciańskiemu człowiekowi, oświadczam tu y na sądzie Bożym, iż ia w prawdziwey świętey powszechney wierze chrześciańskiey, którą Chrystus Pan Zbawiciel nasz postanowić raczył, umrzeć chcę, duszę moią grzeszną w ręce miłosierdzia Bożego poruczam, maiąc zupełną a nieomylną wiarę w Jego Boskim miłosierdziu y w zasłudze męki Syna Bożego, iż nie będzie w sąd ze mną wchodził, ale mię w łaskę swoią do wieczney chwały przyimie; ciało moie grzeszne ku pogrzebowi, które pochowane być ma przez miłego małżonka moiego Bohdana Zakapę w cerkwi świętego Siemiona obyczaiem chrześciańskim, aby dotąd w ziemi odpoczywało, aż Pan Bóg z angieły swoiemi w maiestacie y wszechmocności swoiey przyidzie sądzić żywych y umarłych.

Maiętność moią ruchomą y pieniądze gotowe, któremi Pan Bóg z łaski swey raczył użyczyć chcąc wieczne rozrządzenie uczynić, tym ninieyszym testamentem moim rozporządzam y tak mieć chcę: Naprzód uczcziwemu panu Bohdanowi małżonkowi memu miłemu, doznawszy go przeciwko sobie uprzeymey wiary, życzliwości, usługowania, niemniey też w przypadkach, nieszczęściach na tym świecie mizernym, ratunku po nim doświadczywszy, a maiąc za umysł takową chęć y przyiaźń iego zawdzięczyć z sumy moiey, którom miała u niego z ugody przez iego mość pana Kurowickiego postanowioną, złotych dwieście, z tey sumy małżonkowi memu miłemu Bohdanowi Zakapie, złotych sto daię, daruię; przytym temuż małżonkowi memu szubkę czarną falendyszową, lisami podszytą, cyny talerzow dziewięć, mis cenowych sześć, łyżek trzy śrebnych y kociołek mosiędzowy o dwu wiadrach w wolny szafunek wiecznie zapisuię; szubkę czarną falendyszową, krolikami podszytą, y letnik żółtego muchoiarzu siestrze swey Hannie Perhurownie Arcienowey Paszkiewiczowey zapisuię. Bratowi swemu Hrycowi Doroszewiczowi iednoradek czarny falendyszowy, pasek srebrny y pieniędzy gotowych kop dziesięć zapisuię. Które rzeczy y pieniądze gotowe z teyże sumy złotych dwóchset małżonek mój po żywocie moim, nie puszczaiąc w prolonga-

tią, oddać powinien będzie, a ostatek z teyże sumy, co się zostaie, kop trzydzieści Litewskich na pogrzeb, na stypę, na pamiątki y na insze ceremonie, które się w religii greckiey zwykły odprawować, leguię. Na szpital ludzki stary, co wedle świętego Ducha stoi, złotych pięć, na szpitale dwa Ruskie po złotych pięciu, złotych dziesięć małżonek móy oddać powinien będzie, aby za duszę moią Pana Boga prosili, żeby mię nie raczył karać według wielkich występków moich, ale żeby mię z miłosierdzia swego, umysłem ludzkim niepoiętego, do chwały swey niebieskiey przyiąć raczył. Na ozdobę cerkwie Bożey świętego Siemiona, gdzie ciało moie grzeszne położone ma być, pas srebrny pozłocisty daruię y zapisuię, który pas po żywocie moim od małżonka mego Bohdana, starosta tey cerkwie utściwy Chawray, we społek z parafianami teyże cerkwie wziąwszy, co będzie naypotrzebnieyszego, tey cerkwie sprawić maią. A małżonek móy ten wolą moią ostatnią, która przy bytności iego samego urzędowi mieskiemu y innym sąsiadom iawnie oświadczona była, pełnić powinien y to com kolwiek, iako się zwysz specifikowało, legowała, to wszystko wcale przez zatrudnienia y omieszkania na daley do trzydziestego dnia po żywocie moim oddać ma, napominam y proszę, aby pomsty od Pana Boga Wszechmogącego nie odniosł. Prawo, którem miała z panią Inkonowiczową o zabranie rzeczy ruchomych po Doroszu Tyncewiczu, iakoż y dekretu przysięgę nakazano było, tedy tę przysięgę Nikonowiczowey z swey części odpuszczam, y wolną od wszystkiey żałoby czynię wiecznie. A zamykaiąc za ostatnią wolą moią, ieśliby mię Pan Bóg Wszechmogący, do pierwszego zdrowia przyprowadzić raczył, wolny sobie szafunek we wszystkim zachowała. Działo się w domu pana Bohdana Zakapy, przy bytności iego samego Zakapy, y syna iego, y przybytności Mikity Borsuka. Pisan w Brześciu, roku 1637, miesiąca marca 14 dnia. U tego testamentu podpis rąk tymi słowy: Przy tym testamencie będący ręką swoią podpisuię Folkin Ryzler—rayca. Ustnie proszony od pani Sołomyi Doroszowny Bohdanowey Zakapiney do tego testamentu podpisałem się: Jarosz Marcinowicz — burmistrz. Устне прошоный одъ Закапиное до того тестаменту Микита Филиповичъ рукою. Przytym testamencie będący y tego dobrze świadomy Bazyli Rapowicz—pisarz mieyski Brzeski.—Który to takowy testament do xiąg mieskich Brzeskich iest wpisany.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 53.

27. Продажная запись Берестейскаго мѣщанина Ивана Стасевича на огородъ, женѣ его Монѣ Наумовнѣ.

Жена вышепомянутаго Стасевича представила въ судъ продажную запись на землю, на слѣдующихъ условіяхъ: жена должна заплатить Стасевичу 70 злотыхъ готовыми деньгами, за-

платить его долги и прилично содержать до самой смерти; въ случаѣ ея смерти обязательства эти должны будутъ исполнять ее наслѣдники.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithvaniae, die prima mensis Aprilis, anno Domini 1637.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Jaroszem Soroczycem—burmistrzami, Marcinem Kuczyńskim, Łukaszem Pomorzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Stephanem Rapowiczem, Foltinem Ryzlerem — rąycami miasta Brzeskiego, na zwykłym miescu w ratuszu, stanąwszy oblicznie uczciwy Iwan Stasiewicz—mydlarz, mieszczanin Brzeski, iawnie y dobrowolnie zeznał, iż maiąc on ogród swóy własny, kupny, ni w czym nikomu niewinny, ani zawiedziony, pod przysądem y posłuszeństwem prawa magdeburskiego, na ulicy Zamuchawieckiey, ob miedzę z iedney strony ogrodu Hawryła Bukatki, a drugiey strony ogrodu Oleszka Rymarzowicza, tyłem do sianożęci Batyżyńskiey, do Hołowska, a czołem na ulicę Mudrycką, ze wszystkim, iako sam spokoynie trzymał, utściwey Monie Naumownie, małżonce swey, za złotych siedmdziesiąt przedał y zarazem w moc w dzierżenie na wieczność podał, z oddania y zapłacenia siedmiudziesiąt złotych kwitował. Jakoż z tego ogrodu Iwan Stasiewicz zrzekł się wiecznie y wszystkich potomków y przyiaciół swych oddalił y od wszelkich osób w ten ogród wstępuiących bronić, do śmierci swey zapisał się s tym dokładem, aby małżonka iego Monia Naumowna, używaiąc tego ogrodu, długi pomienionego Iwana Stasiewicza, męża swego, popłaciła, które się pokażą przed datą tego zapisu zadłużone. A któreby długi urosły po dacie tego zapisu iego, tych długów płacić nie powinna będzie. Osobliwie warował sobie Iwan Stasiewicz tym zapisem, aby małżonka iego Monia Naumowna do śmierci iego dochowała, a żadney zniewagi małżonkowi swemu w starości lat iego czynić niema; a ieśliby wprzód małżonka iego Monia Naumowna z tego świata zeszła, tedy potomkowie małżonki iego y dzierżący tego ogrodu iego Iwana Stasiewicza do śmierci dochować y wyżywienie słuszne dać maią. Na których obowiązkach małżonka iego przestawszy, żądała Monia Naumowna, aby te zeznanie męża iey do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich zapiane było. Co iest zapisano.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 37.

28. Продажная крѣпость отъ старосты и прихожанъ Воскресенской церкви въ г. Берестьѣ дворянину Андрею Шуйскому на землю.

Прихожане Берестейской Воскресенской церкви съ общаго согласія продаютъ участокъ земли за 30 злот. Андрею Шуйскому въ потомственное владѣніе. Земля эта считалась въ зависимости отъ городской юрисдикціи.

Actum inc. Brestensi m. d. Lithvaniae, die 3 mensis Aprilis, anno Domini 1637.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iegomości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim — burmistrzem religii rzymskiey, Iwanem Bielkiewiczem, subdelegatem na miescu pana Jarosza Soroki—burmistrza religii greckiey—będącym, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomorzańskim, Janem Jędrzejewskim, Stephanem Rapowiczem, Foltinem Ryslerem — raycami, na zwykłym mieścu w ratuszu, stanąwszy oblicznie sławny pan Jarosz Soroka— burmistrz Brzeski, starosta cerkwie świętego Woskresienia, a przy nim parafianie teyże cerkwi, bracia cerkiewna: Wasili Kliszewicz, Iwan Radziewicz, Jacko Miszeczkowicz, Hryc Jagodzicz, Piotr Żuk, dobrowolnie zeznali, iż maiąc oni grunt cerkiewny, do cerkwi świętego Woskresenia przynależący, pod przysądem y posłuszeństwem prawa magdeburskiego leżący w mieście Brześciu, w koncie Mikulińskim, ob miedzę z jedney strony gruntu pana Mikołaja Jadłowieckiego, a drugą stroną gruntu potomków nieboszczyka Hrehora Piotrowicza, tyłem do gruntu iegomość pana Szuyskiego, a czołem od ułeczki Mikulińskiey, przedali iegomość panu Andrzeiowi Szuyskiemu, ziemianinowi iego królewskiey mości, wowództwa Brzeskiego i potomkom iego mości, za złotych trzydzieście y zarazem urzędownie w possesyą na wieczność podali y postąpili, z odebrania y zpełna zapłacenia trzydziestu złotych kwitowali, lecz prawa żadnego na ten grunt, aby to do cerkwie Woskresieńskiey przynależeć miało nie pokazali, które pieniądze wszystkie zostały przy panu Jaroszu Soroce—staroście cerkiewnym. Jakoż pan Jarosz Soroka y parafianie zwyż opisani, z tego gruntu zrzekli się wiecznie, pozwalaiąc iego mości panu Andrzeiowi Szuyskiemu tym gruntem, iako chcąc disponować y na swóy naylepszy pożytek obrócić, w czym żadney przeszkody oni sami y sukcessorowie ich czynić nie maią, y owszem od wszelkich osób, w ten grunt wstępuiących, przeszkodę czyniących, u wszelkiego sądu y prawa tylekroć, ileby tego potrzeba ukazywała, swym własnym kosztem y nakładem, za obwieszczeniem urzędowym, bronić, zastępować, do wyiścia dawności, w prawie magdeburskim opisaney, zapisali się. Który to grunt urzędownie przez sławnego pana Jana Jędrzeiewskiego — raycę miasta Brzeskiego, iegomość panu Andrzejowi Szuyskiemu y potomkom iego mości, według zapisu przyznanego, w pos-

sesyą na wieczność podano przy słudze urzędowym Marcinie Sebastjanowiczu. Które takowe oczewiste zeznanie parafian zwyż mianowanych y intromissia urzędowa do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest zapisana.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 42.

29. Продажная крѣпость отъ Брестскихъ мѣщанъ Семена Корниловича и Грица Моки жиду Іонѣ Мойсеевичу на землю.

Брестскіе мѣщане Корниловичъ и Мока продаютъ свои участки земли, лежащіе въ Берестѣ подлѣ церкви *св. Пятницы*, Брестскому жиду за 150 польск. злотыхъ на вѣчныя времена. Земля эта находилась въ зависимости отъ городской юрисдикціи.

Actum in civitate Brestensis magni ducatus Lith., die 3 mensis Aprilis, anno Domini 1637.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Jaroszem Soroczycem—burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Foltinem Ryzlerem, Janem Jędrzeiowskim, Stephanem Rapowiczem, Ioanem Bielkiewiczem—raycami, na zwykłym mieyscu w ratuszu stanąwszy oblicznie utściwy Siemion Korniłowicz y Hrehory Hrehorowicz Moka, mieszczanie Brześcy, dobrowolnie zeznali, iż maiąc wszystkie dobra także y plac Suchomieiewski od pana Iwana Korniłowicza oyca swego onym zapisane, z wolnym szafunkiem na wieczność, który to plac Suchomieiewski Korniłowiczowski ze dwiema szpichlerzami na tym gruncie zbudowanemi, leżący, w mieście Brześciu, koniec ulicy Piaseckiey obmiedzę z iedney strony gruntu żyda Leyzera, a drugą stroną gruntu c e r k i e w n e g o ś w i ę t e y P i a t n i c y przezywaiomego Lewkowszczyzny, tyłem do ulicy Swiniey, a czołem do ulicy Złotarskiey, przedali panu Jonasowi Moyżeszowiczowi, żydowi Brzeskiemu, za półtorasta złotych polskich. Którą summę zpełna złotych półtorasta odebrawszy z wzięcia pieniędzy kwitowali, y zarazem w moc w dzierżenie y w spokoyne używanie pomieniony plac Suchomieiewski na wieczność podali, sami się wiecznie zrzekli y wszystkich przyiaciol, powinowatych, żon y potomków swych oddalili wiecznie. I iuż od daty tego zapisu wolno będzie panu Jonasowi Moyżeszowiczowi, małżonce y potomkom ich tym gruntem Kornilowiczowskim, iako swą własnością, szafować, dać, przedać, darować, zamienić y na swóy naylepszy pożytek obrócić, w czym żadney przeszkody czynić niemaią y owszem od wszelakich osob, w ten grunt wstępuiących y przeszkodę czyniących, swoim własnym kosztem y nakładem u wszelakiego sądu y prawa bronić, zastępować, do wyścia dawności, w prawie magdeburskim opisaney, zapisaliście. Po którym takowym przyznaniu żądał Jonas

Moyżeszowicz o intromissyę w ten grunt. A będąc z urzędu przydani sławni panowie Marcin Kaczyński y Jan Jędrzeiewski—rayca miasta Brzeskiego, maiąc przy sobie sługę urzędowego Marcina Sebestyanowicza, którzy zwróciwszy się zeznali intromisyę do xiąg, iż plac Korniłowiczowski, pod przysądem prawa magdeburskiego Brzeskiego leżący, w granicach zwyżopisanych, ze dwiema szpichlerzami, na tym gruncie stoiącemi, panu Jonasowi Moyżeszowiczowi, w moc, w dzierżenie y spokoyne używanie na wieczność podali; którey intromissyi takowego podania urzędowego nikt nie bronił y s prawem swym pierwszym y poślednim nie odzywał, z którego placu Korniłowiczowskiego pan Jonas żyd y succesorowie iego, czynszu do skrzynki mieyskiey co rok o świętym Marcinie po złotych dwa płacić maią wiecznie, nie szczycąc się żadnemi libertacyami. Względem tedy takowego czynszu zastanowionego, my urząd pana Jonasa Moyżeszowicza od wszelkich ciężarów mieskich wolnym czynimy. Które takowe oczewiste zeznanie osób zwyż mianowanych do xiąg wieczystych mieskich Brzesckich iest zapisano.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 47—48.

30. Протестъ священника Брестской св. Троицкой церкви и ея прихожанъ на счетъ неправильной продажи огорода и аренды пивоварни.

Священникъ Брестской св. Троицкой церкви и нѣкоторые изъ ея *колляторовъ* протестуютъ противъ другихъ прихожанъ этой же церкви по поводу отдачи ими въ арендное содержаніе винокурни и продажи огорода татарину Богушевичу, совершившейся безъ ихъ вѣдома и согласія, и требуютъ отчета въ израсходованіи полученныхъ по этимъ статьямъ денегъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 3 mensis Mai, anno Domini 1637.

Przed urzędem burmistrzowskim radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym mieyscu w ratuszu stanąwszy oblicznie, ociec Joan Krzeczewicz—prezbiter świętey Tróycy, cerkwie Greckiey, pisarz kapituły Brzeskiey, podał protestacyą na piśmie, ymieniem swym y imieniem parafian teyże cerkwie świętey Tróycy, w sprawie niżey mianowaney, ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich, pisaną w te słowa:

Móy łaskawy panie urzędzie Burmistrzowski Brzeski! Ja Joan Krzeczewicz—prezbiter świętcy Tróycy, pisarz kapituły Brzeskiey, sam od siebie y imieniem y pozwoleniem colatorów teyże cerkwie świętey Tróycy, mianowicie sławetnych panów Andrzeia Bodala, Panasa Korowczyca, Demiana Boczeczki, Nestera Dołhinki y innych parafian cerkwie teyże, iakośmy wzieli wiadomość z xiąg burmistrzowskich z przyznania arendy browaru Glinnikowskiego y sprzedania wiecznością gruntu Szostakowskiego, na cerkiew świętey Tróycy legowanego, a to przez osób w tey przedaży y arendzie

mianowanych, tedy zaraz protestatią naszą donosim do urzędu wielmożnym, o tym, iż w roku teraźnieyszym 1637 miesiąca Marca iedenastego dnia, pan Ihnat Kozka, iako na ten czas będący dozorca y starszy cerkwie świętey Tróycy, pod niebytność niektórey braci starszey cerkiewney y w niewiadomości tak mnie, prezbitera tey cerkwie, iako y inszych przy mnie protestuiących się, uczyniwszy condictamen z osobami tylko z temi w przyznaniu mianowanemi, snać na ubliżenie y wielką szkodę cerkwie Bożey, bez porady mnie duchownego, y zupełney schadzki, śmieli y ważyli się browar Glinikowski na lat dziewęć arendą panu Szczęsnemu Bohuszewiczowi, Tatarzynowi, w pół ceny puścić, także y ogród Szostakowski wiecznością bardzo tanio przedać; a chcąc my wiedzieć o tey summie, gdzieby się obracać y na co wydawać przez tych przedawców miała, także y o tak tanią arendę browaru y przedanie ogrodu z pomienionemi czasu prawa mówić, przeciwko onym protestuiemy się. A osobliwie ia oiciec Troiecki protestuię się na samego tylko pana Ihnata Kozkę, że on ogród nazwany Dołhinczyński, od tegoż niebosszczyka Glinnica na cerkiew wiecznością nadany, sam trzyma y używa na swóy pożytek, a mnie, iako tey cerkwie świętey służącemu, na wychowanie dać y puścić niechce, y oto ia chcąc z onym prawnie czynić, prosimy aby te opowiadanie y protestacya do xiąg w. mość mieskich przyięta y zapisana była. U tey protestacii podpis rąk tymi słowy: Joan Krzeczewicz—prezbiter świętey Tróycy, pisarz kapituły Brzeskiey ręką,—ustnie proszony od pana Mikołaia Krowczyca o podpis ręki, Mikołay Jarocki. Устне прошоный о подпись руки до тое протестацiи, самъ не умѣючи, яко братъ цеховый, Андрей Бодало. Ustnie proszony o podpis ręki od pana Panasa Korowczyca, iako pisać nieumieiętnego, do tey protestakyi Mikołay Jarocki własną ręką.—Która to takowa protestacya za oczewistym podaniem osoby zwyszmianowaney do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 54—57.

31. Духовное завѣщанiе Брестскаго мѣщанина Андрея Банковскаго.

Въ завѣщанiи этомъ вышеназванный мѣщанинъ проситъ похоронить его тѣло въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы; домъ и землю завѣщаетъ женѣ и дочери, а движимое имущество распредѣляетъ между другими родственниками.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 24 mensis Maji, anno Domini 1637.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego miłości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczyńskim—subdelegatem na ten czas na miescu sławnego pana Stanisława Bobrowskiego—burmistrza Brzeskiego, będącym, Jaroszem Soroczyczem — burmistrzem religii greckiey, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Foltinem Ryzlerem — raycami, na zwykłym

miescu w ratuszu stanąwszy oblicznie sławny pan Stefan Rapowicz — rayca miasta Brzeskiego, zeznał testament ostatniey woli Andrzeia Bańkowskiego, mieszczanina Brzeskiego, y ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich na piśmie podał, który wpisuiąc słowo do słowa tak się w sobie ma:

W Imię Oyca y Syna y Ducha świętego, amen. Ja Jędrzey Bańkowski czynię iawno tym testamentem moim, iż ia będąc na ciele chory, a na umyśle dobrze zdrowy, waruię aby po śmierci moiey, żona y dzieci moie w pokoiu byli. Naprzód, aby ciało moie grzeszne było pochowane przez małżonkę moię przy cerkwi Narodzenia Panny Maryi w mieście Brzeskim. A maiętność moię, którąm z pracy rąk moich nabył, rozporządzaiąc, to iest: dom z gruntem, stoiący y leżący w mieście Brzeskim, wedle ulicy Mikolińskiey, ob miedzę z iedney strony gruntu monastyra świętego Piotra, a z drugiey strony gruntu iego mości oyca władyki Brzeskiego — ten dom z gruntem małżonce mey Kuniey y córce mey Marynie, z nią spłodzoną, leguię wiecznemi czasy y zapisuię. Kramnica ganczarska, stoiąca na gruncie ratusznym, tę leguię Pawłowi zięciowi y córce moiey Tesi w wolny szafunek. Sprzęt domowy do żony moiey należy, a osobliwie naczynie ganczarskie, iako się w sobie ma: kafle, glina; do tego delia y ferezya falendyszowa, to leguię Pawłowi zięciowi swemu. Sawce zięciowi moiemu starszemu dołoman lazurowy kirem podszyty leguię. W tymże domie moim ma mieszkać zięć mòy Paweł do roku bez płacenia komornego. A zamykaiąc ten testament ostatniey woli moiey proszę y napominam, aby według tego testamentu mego, żony y dzieci moie zostawały, żyiąc w zgodzie y miłości chrześciańskiey. Y to wszystko spisawszy, prosiłem pana Stefana Rapowicza — raycę, z urzędu przydanego, aby ten testament do xiąg miesckich burmistrzowskich doniosł, który ma zostawać w nienaruszeniu wiecznemi czasy. Do którego testamentu prosiłem o podpis ręki pana Stefana Rapowicza — raycę.

Pisan w Brześciu, dnia dwudziestego czwartego miesiąca Oktobra, roku tysiąc sześćset trzydziestego szóstego. U tego testamentu podpis ręki radzieckiey tymi słowy: Stefan Rapowicz — rayca ręką swą. Który-to takowy testament przez osobę w wierzchu mianowaną oczewiście u sądu przyznany y do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest wpisany.

1637 r.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 64 и 60.

32. Замѣна земли между священникомъ и прихожанами Брестской св.-Троицкой церкви, съ одной стороны, и мѣщаниномъ Оноцомъ Савоневичемъ — съ другой.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 4 mensis Junii, Anno Domini 1637.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrow-

skim, Jaroszem Soroczycem—burmistrzami, Marcinem Kuczyńskim, Łukaszem Pomorzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Stefanem Rapowiczem, Foltinem Ryzlerem—raycami, na zwykłym miescu w ratuszu, stanąwszy oblicznie oyciec Joan Krzeczewicz — prezbiter cerkwi świętey Tróycy y przy nim parafianie teyże cerkwie, Ihnat Korbieczycz, Panas Wasilewicz Krowka, Roman Jakowowicz, Mikołay Ławrynowicz, Iwan Michayłowicz, Demian Ilaszewicz, sami od siebie y imieniem wszystkich parafian do teyże cerkwie świętey Tróycy przynależących, iawnie y dobrowolnie zeznali, iż maiąc oni chałupę z gruntem od nieboszczki Maryny Dmitrowey na cerkiew legowaną y od Maxima Homszeiowicza, dnia trzydziestegó miesiąca Marca, w roku 1632 na urzędzie burmistrzowskim, na wieczność przyznaną, leżącą w mieście iego królewskiey mości Brzeskim, na ulicy Zakrynki wielkiey, ob miedzę z iedney strony ogrodu nieboszczyka Romana Chacewicza, a z drugą stroną grunta Kurila Kolowszewicza, tyłem do ogrodów ratusznych, a czołem do gościńca Wileńskiego, który domek spustoszały z gruntem Dwitrowski dali zamianę za grunt Barancowski Onocowi Fiedkowiczu Sawoniewiczowi y małżonce iego Ohapie Hrycownie, mieszczanom Brzeskim y potomkom ich na wieczne czasy, iakoż oyciec Troiecki y wszyscy parafianie z tego gruntu Dmitrowskiego zrzekli się wiecznie, pozwalaiąc Onocowi, małżonce y potomkom ich, tym gruntem y domkiem Dmitrowskim, iako swą własnością, szafować, dać, przedać y na swóy naylepszy pożytek obrócić, w czym żadney przeszkody świeszczennik Troiecki teraźnieyszy y napotym będący Onocowi Sawoniewiczowi, małżonce y potomkom ich, także parafianie, teraz y napotym będące, czynić nie maią, pod zapłaceeniem zaręki na ratusz Brzeski kop dziesięciu litewskich. A Onoc Sawoniewicz, za takowym przyznaniem, gruntu swego własnego, kupnego od Iwana Baranca, dnia 28 miesiąca Decembra, w roku 1633, na urzędzie burmistrzowskim Brzeskim przyznanego, kontentuiąc się tą zamianą, ustąpił y ieszcze do tey zamiany parafianom kop trzy litewckich gotowych pieniędzy i dwie beczki iarki przydał, leżący ten grunt z ogrodem Barancowskim, ob miedzę z iedney strony gruntu nieboszczyka Rafała Korolkowicza, a z drugą stroną gruntu Zachariasza Siodłocza, tyłem do gruntu Jakuba Bodulicza, a głową do gościńca Wileńskiego, do przysądu prawa magdeburskiego przynależący,—w którym gruncie y ogrodzie Onoc Sawoniewicz żadnego sobie prawa wieczystego, ani dożywotniego, także małżonce, potomkom y krewnym, przyiaciołom swym nie zostawuiąc, w possesyą wieczystą oycowi Trojeckiemu y parafianom cerkwie teyże urzędownie podał y postąpił, z wolnym szafunkiem, z którego to gruntu y ogrodu Barancowego Onoc zrzekł się wiecznie y żadney przeszkody w spokoynem dzierżeniu tego gruntu y ogrodu, zamianą oddanego parafianom, czynić niema pod takowąż zaręką kop dziesięciu litewskich. Jakoż obiedwie stronie, parafianie Onocu Sawoniewiczu, a Onoc Sawoniewicz parafianom, ieśliby kto w zamianach przeszkodę czynił, bronić, zastępować, do wyiścia dawności, w prawie magdeburskim opisaney, zapisali się. Które to takowe zamiany urzędownie przez sławnego pana Jana Jędrzeiewskiego, raycę miasta Brzeskiego, to-iest grunt Dmitrowski Onocemu Sawoniewiczu, małżonce y potomkom iego, a grunt Barancowski z ogrodem świaszczennikowi Troiec-

kiemu y wszystkim parafianom cerkwie świętey Tróycy, obudwu stronom, w moc, w dzierżenie y w spokoyne używanie na wieczność podał—przy słudze urzędowym Marcinie Sebestianowiczu, którey intromissyi nikt nie bronił. Co iest do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich zapisano.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 168—169.

33. Протестъ бургомистровъ и ратмановъ мѣстечка Ломазъ противъ войта Ломазскаго о разныхъ обидахъ, причиняемыхъ мѣщанамъ.

Бургомистры и ратманы м. Ломазы приносятъ въ магдебурскій судъ жалобу по своего войта по поводу разныхъ его злоупотребленій, нарушающихъ магдебурскія права и оскорбляющихъ достоинство вышепоименованныхъ истцевъ; при этомъ они заявляютъ, что никогда не дѣлали вооруженныхъ нападеній на домъ своего войта.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 2 mensis Jannuarii, anno Domini 1638.

Przed urzędem burmistrowskim y radzieckim w mieście króla iegomości Brzeskim stanąwszy oblicznie uczciwy pan Adam Duchnowski—pisarz mieski Łomazski, podał protestatią pa piśmie imieniem panów burmistrzów, rayców y wszystkiego pospólstwa miasta Łomazskiego, ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich pisaną w te słowa:

Nam wielce łaskawy panie urzędzie burmistrowski Brzeski! Ja Matys Zawisza—burmistrz y rayce, na ten czas przy mnie będęce, tak y wszystkie pospólstwo Łomazskie, miasta iego królewskiey mości Łomaz, oskarżamy się y opowiadamy się przed waszmościami, iako urzędem burmistrzowskim Brzeskim, na pana Marcina Siemiatkowskiego—woyta Łomazskiego o to:

Iż pan woyth w roku tysiąc sześćset trzydziestym siódmym, niepoiednokroć, na sądach swych siedząc, nas urząd burmistrowski polżył, posromocił słowy uszczypliwemi, także też Adama Duchnowskiego — pisarza mieskiego, zadaiąc różne uszczypliwe słowa y inszych różnych mieszczan.

Druga: iż wedle obligaty swey Janowi Wyszomierskiemu y Adamowi Duchnowskiemu y innym mieszczanom iustifikować się chcąc pan woith, tak też wedle wizerunku Bielskiego, na co mamy dekret iego królewskiey mości, nie chce nas podług prawa in toto zachować, tak w sądach praeiudicie nam różne czyniąc, iako y w porządkach mieskich dekreta nasze burmistrzowskie przesądza, executię z akt burmistrzowskich szarpa, dekretami z nas nie według prawa trapi, appelacyi nam do maiestatu iego królewskiey mości niedopuszcza, różnym mieszczanom y nam urzędowi burmistrzowskiemu z Huszczany o grunt, stawiska, ale według upodobania swego do executii przywodzi, bezwinnie czci odsądza, iakoż y teraz

miasto nagrody Adamowi Duhnowskiemu, co miał nagradzać, iako szyrzey w obligatii się pan woyth opisał, że miał mu nagradzać, tedy teraz miasto nagrody z rankoru czci odsądza bezwinnie, y różnemi exactiami nas trapi, tak też tego Adama Duchnowskiego, co miał o list zaręczny poiednać, tedy nie poiednał.

Reprotestuiemy też y o to przed waszmośćmi, iako urzędem Brzeskim, iż pan Marcyan Siemiatkowski protestował się na mieszczan Łomazkich różnych osób, iż iakoby mieli naiść pod niebytność pana woytową na dom z gołemi szablami y strzelać w domu onego, o czym nigdyśmy nie słychali, ani widzieli, ani było tego, owo zgoła, różnych sposobów szukaiąc, ku zgubie nas urzędu y inszych mieszczan, aby nas w niwecz obrócił, przysposabia się;. O czym my się przed waszmośćmi urzędem burmistrzowskim Brzeskim oświadczywszy dolegliwość y niewinność naszą y protestuiemy się, tak o nastąpienie na prawo, iako y o insze praeiudicia, które się szyrzey regestrem pokażą;—chcąc oto wszystko z panem Marciianem Siemiatkowskim prawnie czynić, a teraz prosim, aby ta protestatia nasza była do xiąg waszmościów przyięta y zapisana.—Datt. dnia dziesiątego Septembra anno Domini tysiąc sześćset trzydziestego siódmego.

Która to takowa protestacya, za oczewistym podaniem osoby wyżmianowaney, do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 128.

34. Духовное завѣщаніе мѣщанина Аѳанасія Васильевича Коровки.

Въ завѣщаніи этомъ мѣщанинъ Коровка проситъ похоронить его въ Рождественской церкви, потомъ распредѣляетъ между своими родными и знакомыми движимое и недвижимое свое имущество.

Die 13 mensis Novembris, anno Domini 1637.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Jaroszem Soroczycem—burmistrzami, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomorskim, Joanem Bielkiewiczem, Foltinem Ryzlerem— raycami, na zwykłym mieyscu sądowym stanąwszy oblicznie sławni panowie Marcin Kaczyński, Jan Jędrzeiewski y Stefan Rapowicz— rayce miasta Brzeskiego, zeznali testament ostatniey woli nieboszczyka Panasa Wasilewicza Krówki y ku zapisaniu do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich na piśmie podali, który tak się w sobie ma:

W Imie Pana Boga wszechmogącego Oyca y Syna y Ducha świętego, amen. Zbawiciel nasz Pan Jezus Chrystus, prawdziwy Syn Boży, raczy nas upominać, ponieważ nie wiemy godziny śmierci naszey, abyśmy czuli na każdy czas modląc się Panu Bogu, iżbyśmy mogli z lepszym sumieniem stanąć przed sądem Bożym, a przez ten ninieyszy testament

Bogu Stworzycielowi naszemu y wszystkim świętym, ja Panas Wasilewicz ostatnią wolą moją oświadczam, iż ia w wierze chrześciańskiey umrzeć chcę. Duszę moią grzeszną w ręcę miłosierdzia Bożego poruczam, a ciało moie grzeszne ku pogrzebowi, które pochowane być ma przez miłą małżonkę y matkę moią w cerkwi Rożestwieńskiey, obyczaiem chrześciańskim, aby w ziemi odpoczywało, aż przyidzie Sędzia sprawiedliwy sądzić żywych y umarłych. Maiętność moią leżącą y ruchomą, którę Pan Bóg z łaski swey użyczyć raczył, chcąc wieczne rozporządzenie uczynić, tym ninieyszym testamentem moim rozporządzam y na wieczną pamiątkę mieć chcę, ja Panas Wasilewiez Krówka, mieszczanin Brzeski, będąc na umyśle dobrze zdrowy, z dobrym rozmysłem swym, ostatnią wolę moią oznaymuię. Nayprzód: dom móy wiezdny z gruntem na ulicy Wielkiey za Uhrynką w mieście Brzeskim, pod przysądem prawa magdeburgskiego, ob miedzę gruntu Pawłowskiego, w pewnych miedzach leżący, mnie od matki moiey Krystiny Chanieiowey, teraźnieyszey Guriney, na wieczność przyznany; do tego wszystkie grunty, pola, sianożęci, spólnie z Szczęsnym tatarzynem kupione, to iest: rez sianożęci Filipowiczowskiey, na uroczyszczu na Hrazkim leżący, drugi rez sianożęci Tyczyński, pół reza pola Tyczyńskiego, rezek w małych polech; ogród Tyczyński, na Zawhrynce leżący, przeciwko domu wiezdnego, zwyż mianowanego, grunt sadzibny Tyczyński, na ulicy Wietrzney leżący, iako to szyrzey prawa kupne spólney kupli, s panem Szczęsnym tatarzynem nabytey, opisuią; do tegoż kramnicę spólną Tyczyńską; a osobliwie półreza pola, com ia sam kupił u pana Wasila Soroki y kłunia nowa, niedawno zbudowana, na ulicy Zauhrynki Wielkiey, za domem wiezdnym stoiąca,—to wszystko, iako się zwyż pomieniło, Pawłowi Panasowiczowi Krówce, synowi memu, na wieczność zapisuię, z tym dokładem, yż z tych dóbr wszystkich córka moia Sołomia panna Sowiczowna wyposażona być ma, którey złotych sto posagu, a złotych pięćdziesiąt na ochędostwo dać maią. A iż małżonka moia brzemienną zostaie, ieśliby drugi syn urodził się, przed śmiercią, abo po śmierci moiey, tedy ta maiętność wszystka, iakom zwyż opisał, tak Pawłowi synowi memu, iako też y drugiemu nowonarodzonemu, wespół należeć ma. A gdyby córka urodziła się, tedy także ma być wyposażona, iako i Sałomia, którey posagu także złotych sto, a na ochędostwo złotych pięćdziesiąt należy. Waruiąc tym testamentem moim, ieślihy dziecie nowonarodzone umarło, a potomkowie moi Paweł y Sałomia żywi zostali, tedy więcey posagu córce moiey Sołomii ma być dano, według uwagi panów opiekunów moich, niżey mianowanych, a czego Boże strzeż, ieśliby potomstwo moie pierwiey niżeli matka y żona moia pomarli, tedy domu wiezdnego y gruntu połowica matce, a druga połowica żonie należeć ma. Kramnica oycowska, ob miedzę pana Wasila Soroki, a drugą stroną kramnice matki moiey Chaniowey Guriney, ta kramnica przy synie moim Pawle wiecznie zostawać ma. Dom, na gruncie iaśnie oświeconego xięcia iego mości Radziwiła— marszałka wielkiego xięstwa Litewskiego stoiący, ten dom małżonce swey Tatianie Chilkownie na wieczność zapisuię. Do tego ogród, na Łozkach leżący, pod tymże prawem xięcia iego mości, teyże małżonce swey zapisuię, którey pozwalam iako swą własnością sza-

fować. Krów cztyry doynych, a dwie trzeciaczek Sołomii, córce mey, y małżonce mey Tatianie Chilkownie wspólnie wpół podzielić się maią; pas śrebny, zastawny w kopach dwudziestu y dwa u Liczmana żyda, także kobieniak y bekiesza łazurówa, z guzikami śrebrnymi białymi, dętymi, których dwadzieścia y cztery, podszyta futrem smuszkami czarnemi, u kobieniaka, haftki srebne z kolcami, u tegoż Liczmana, w kopach dwunastu litewskich. A u Chilichi żydówki pas puklasty srebrny y kubek śrebrny, łyżek dwie śrebrnych y sukman brunatny, to wszystko we złotych pięddziesiąt y czterech. Siana w kłuni może być pod ten czas, iako drogość wynosi, za złotych sto, które siano małżonka moia sprzedawszy, zastawy zwyż mianowane okupić powinna będzie; lisów dziewięć, y to małżonka moia spieniężywszy długi drobne znosić ma. A okupiwszy zastawy, to iest, pas śrebrny wielki córce mey Sołomii należeć ma, a mały pas żenie, kobieniak y bekiesza ma być przedana, gdyż to do wzrostu lat syna mego mol popsuie, sukmany żenie y wszystkie rzeczy ruchome, cyn, miedź, świnie y wszystkie statki domowe, to wszystko małżonce swey Tatianie Chilkownie zapisuię. Długi mianował Szczęsnemu tatarzynowi kop piędziesiąt i pięć, a interesu kop pięć; na ten dług pieniądze u małżonki moiey są, który dług małżonka moia Tatiana Chilkowna zapłacić powinna będzie, takim sposobem gotowemi pieniędzmi kop piędziesiąt zapłacić ma, a kop dziesięć w rok z intraty przychodzącey z pol y z sianożęci zapłacono być ma. Długu do cerkwi świętey Tróycy zostałem winien złotych ośm, który dług małżonka moia z tychże dóbr zapłacić powinna będzie; Ławryszowi Borowikowi winienem został długu czerwony złoty, Nachanowi żydowi długu na kwit ręczny złotych dwadzieścia dwa, ten dług z intraty przychodzącey małżonka moia zapłacić ma. Gurze Łukaszowi, oyczymowi memu, zostałem winien kop siedm litewskich, w którym długu zastawiłem śrebra starych pieniędzy potróynych y guziczki śrebrne od żupana, na ten dług konia małżonka moia przedać ma. Janowi Zdanowiczowi winien został kop pięć za grunt, który kupił podle domu swego, leżący ob miedzę pana Kaczyńskiego, z drugiey strony mogiłek, końcem do gruntu pana Stanisława Bobrowskiego y pana Marcina Kaczyńskiego, czołem do gruntu Morozowskiego, za kop dziesięć litewskich; jakoż kop pięć oddałem, a drugą kop pięć winien zostałem; które kop pięć, gdy Zdanowicz brać zechce, powinien będzie ten grunt potomkowi memu Pawłowi na wieczność przyznać, a małżonka moia kop pięć spełna oddać ma. Hrycowi Tyszce wydatek na prawo przeciwko pana Wasila Soroki, także fura z Łucka do Brześcia przywożąc na prawo Hryca Tyszkę, także furę z Brześcia do Łucka odwożywaiąc y strawa kosztowała mnie kop trzydzieście litewskich, za które dobrodzieystwo Tyczka maiętność swoię mnie Panasowi y Szczęsnemu tatarzynowi puścił tanie. A Szczęsny na to na pomoc mnie nic nie dał, których kop trzydziestu na maiętnościach Tyczyńskich przez małżonkę y potomków moich niema być dochodzono, tym wszystkim wydatkiem pana Szczęsnego, daruię wiecznie. Wołczowi chłopcowi zostałem winien złotych półpięta, któremu żona moia zapłacić ma ten dług. Skrzynia cechowa s kamchą y z świecami ma być wolna braci cechowey. Matce moiey miłey Kristinie Łukaszowey Guriney w domie moim wiezdnym, na Zawhrynce

stoiącym, do żywota iey mieszkać pozwalam, a z tego domu z intraty przychodzącey dom wszystek naprawować matka powinna będzie, aby potomkom moim wcale nieoszarpany, niezawiedziony, ani żadnemi długami obciążony, oddała, czego maią doyrzeć opiekunowie moi niżey mianowani. Sołomia, córka moia, ma mieszkać przy matce moiey Kristinie Guriney do żywota matki mey. A ieśliby oyczym móy Łukasz Gura matkę moię Kristinę znieważał, albo bił, tedy z domu mego Gura ustąpić powinien będzie, czego opiekunowie doyrzeć maią, gdyż tylko matkę moią w tym domie przy dożywociu iey zostawuię, a nie dla oyczyma mego to czynię. A zamykaiąc ostateczną wolę swoię, zostawuię opiekunami pana Jarosza Sorokę y Bazylego Rapowicza—pisarza mieskiego Brzeskiego, których proszę, aby pobożnie y we wszystkim przystoynie ubogą wdową małżonką iego, a osobliwie sierotami pozostałemi, potomkami memi y majętnością moią pozostałą, w opiece y w obronie poruczoną maiąc rządzili, od wszelakich krzywd bronili, maiętności rozpraszać nie dopuszczali. I com komu tym testamentem odkazał, aby na tem przestawali, żyiąc w zgodzie i miłości chrześciańskiey do woli y łaski Pańskiey. Przy którym testamencie moim, na żądanie moie będąc z urzędu przydani sławni panowie: Marcin Kaczyński, Jan Jędrzejewski y Stephan Rapowicz—raiec, których prosiłem, aby ten testament móy, do urzędu doniosłszy, ostatnią wolę moią zeznali y do ksiąg zapisać kazali. Pisan w Brześciu, w domu u mię Panasa Wasilewicza, przy bytności Romana Jakowowicza y Mikołaia Korowki, w roku 1637, miesiąca Oktobra iedenastego dnia.

U tego testamentu podpisy rąk panów rayców, tymi słowy: Marcin Kaczyński—rayca, ręką swą; przy tym testamencie będący Jan Jędrzeiewski — rayca, pan Stephan Rapowicz — rayca miasta Brzeskiego. Który to takowy testament, oczewiście u sądu zeznany y do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest wpisany.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1643 г., стр. 115—117.

35. Судебное опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу кузнецкаго цеха съ мѣщаниномъ Андреемъ Бодаломъ.

Одинъ изъ товарищей кузнецкаго цеха Малашевскій внесъ жалобу на своего цеховаго старшину Бодало въ томъ, что онъ по подозрѣнію обвинилъ его въ кражѣ и продержалъ въ заключеніи цѣлыя сутки, а потомъ, когда обвиненный потребовалъ, чтобы обвинитель доказалъ его вину въ цехѣ, — послѣдній перенесъ свое дѣло въ ландвойтовскій судъ и такимъ образомъ оскорбилъ всѣхъ цеховыхъ. Въ свою очередь обвиняемый Бодало заявилъ, что Малашевскій при самомъ началѣ дѣла, когда оно переносилось въ судъ ландвойтовскій, просилъ у него прощенія съ тѣмъ, чтобы это дѣло на этомъ покончилось; потомъ, получивши декретъ отъ лавицы, когда пришелъ въ цехъ и сталъ читать его, то цеховые покрыли его ругательствами. Магистратскій судъ выслушавши обѣ стороны постановилъ: 1) такъ какъ Бодало не доказалъ своего обвине-

нія, то долженъ извиниться предъ товарищемъ, а за пренебреженіе цеховаго суда взыскать съ него 24 гр. и полкамня воску (16 ф.); 2) за ругательства, произнесенныя на Бодалу цеховыми товарищами, взыскать съ нихъ тоже по полкамня воску и 24 гр.; 3) принимая во вниманіе безпорядки, происходящіе въ кузнецкомъ цехѣ, лишить его права цеховаго суда безъ участія радцы.

Die 23 mensis Octobris, anno Domini 1637.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu Bartosza Małaszewskiego—towarzysza rzemiosła kowalskiego y wszystkich towarzyszów przy nim będących rzemiosła kowalskiego, slosarskiego, rymarskiego y innych towarzyszów różnych rzemiósł, do tegoż cechu kowalskiego przyłączonych, z Jędrzeiem Bodałem—magistrem kowalskim, za appelacyą od dekretu sądu cechu kowalskiego wytoczoną, o zadanie złodzieystwa towarzyszowi Bartoszowi Małaszewskiemu, iakoby przy odprawie niektóre naczynie kowalskie w tłómoczku znaleźć miał, który tłómoczek z naczyniem znalezionym do sądu lantwoytowskiego oddawszy, obwinił pomienionego Małaszewskiego o troie pogłowia kowalskiego naczynia, sposobem złodzieyskim zabranych, przy którym naczyniu y Małaszewskiego tamże do sądu lantwoytowskiego oddawszy niesłusznie, prawem nieprzekonanego dzień y noc więził, a potem uwolniwszy, przeprosili się zobopólnie, iednakże towarzysz obżałowany odzywał się, aby w cechu przy wszystkich braciach y towarzyszach oczyszczony był, iakoż Bodałowicz, będąc dekretem cechowym przykryty, niesłuszną appellatią, wykraczaiąc przeciwko przywileiowi iego królewskiey mości, do sądu lantwoytowskiego wytoczył y czeladź wszystką znieważył, za które swawoleństwo domawiali się, aby według artykułów w wielkierzu opisanych karany był. A pozwany Jędrzey Bodałowicz na żałobę wszystkich towarzyszów powiedział: że Bartosz Małaszewski—towarzysz iego, nie przypuszczaiąc tey sprawy ku rozsądkowi prawnemu, gdy nań instigować chciał, onego Bodała przed urzędem burmistrzowskim przeprosił, za którym przeproszeniem Jędrzey Bodała Bartosza wyzwolił y wolnym uczynił. A od tego czasu z obu stron tey sprawy wznawiać nie mieli y tę sprawę uspokoili. Którego uspokoienia dowodząc, pokładał Bodało extrakt z xiąg lantwoytowskich wydany, z pieczęcią ławnicką y z podpisem ręki pisarskiey, pod datą roku 1637, miesiąca Oktobra 13 dnia, po którym takowym uspokoieniu gdy przysiężni pan Fiedor Lewkowicz z urzędu na proźbę tychże towarzyszów różnych rzemiosł, będąc przydany, aby relacyą o wszystkim, iako się u sądu lantwoytowskiego działo, w cechu przed panami cechmistrzami y wszystką bracią opowiedział, a panowie cechmistrze po wysłuchaniu tey relacyi ławniczey inszy iakiś dekret cechowy nad uspokoienie zobopólne wynaleźli, pominąwszy prawa lantwoytowskie, dekretować ważyli się; y gdy przyszli do izby cechowey ku słuchaniu dekretu, tamże wszyscy towarzysze, nieuszanowawszy przywileiu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, y urzędu lantwoytowskiego, słowami uszczypliwemi zelżyli, zesromocili, a naybardziey Paweł stolarzczyk y Woyciechow stelmaszczyk pomienionego Bodała nieutściwego łoża synem nazywali. Czego dowodząc pokładał relacyą ławniczą wypisem z xiąg lantwoytowskich Brzeskich pod datą roku 1637, Oktobra 14 dnia, które dokumenta Bodałowicz pokazawszy, od obżałowania nie-

słusznego wolności żądał, a na pomienionych towarzyszach za niewinną turbatią wskazania szkod domawiał się. My, urząd w sprawie wszystkich towarzyszów kowalskich, slosarskich, rymarskich y innych, do tegoż cechu przynależących, z Jędrzeiem Bodałem—kowalem y mieszczaninem Brzeskim, o zadanie złodzieystwa towarzyszowi Bartoszowi Małaszewskiemu, wysłuchawszy kontrowersyi obudwu stron, ponieważ Jędrzey Bodała tego złodzieystwa dowodzić nie chciał, tedy my pomienionego Małaszewskiego przy dobrey sławie y uczciwości zostawuiemy, iakoż Bodałowi na pierwszey schadzce wszystkich towarzyszów w cechu przeprosić nakazuiemy przez żadnego kosztu, do tego groszy 24 nam urzędowi winy zapłacić powinien będzie, a do cechu czwartą część kamienia wosku, za niesłuszne wytoczenie appelacyi y za osławienie Małaszewskiego dać uznawamy, który wosk oddać ma na terminie w cechu złożonym; a towarzysze też dway, Paweł stolarczyk y Woyciechów stelmaszczyk, że się rzucili przy bytności ławniczey słowy nieuczciwemi na Bodała, także groszy 24 urzędowi winy wskazuiemy, a stronę przeprosić maią, a od większych win towarzyszów na ten czas wolnych czynimy. Jednakże widząc wielki nierząd cechu kowalskiego, który nie szanuiąc praw y przywileiów iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, temu cechowi nadanych, ale y owszem przywodząc ie do zniewagi, przy tych prawach y wolnościach nadanych sami się znieważaią, miasto porządku im daley tym większa zniewaga okazuie się; przeto my, postrzegaiąc aby dalsza zniewaga przywileiu iego królewskiey mości nie działa, uznawamy dla pohamowania złości braci cechu kowalskiego, aby od tego czasu cechmistrze kowalscy, teraźnieysze y napotem będące, żadnych sądów odprawować przez bytności radzieckiey nie ważyli się, ażby był rayca z urzędu przydany, pod winą na cechmistrzów za każdym razem pół kamienia wosku, waruiąc tym dekretem, aby się wszyscy spokoynie y uczciwie zachowali y nic nad ten dekret nowego nie wznawiali. Gdyby taki excess napotym pokazał się, abo tego podobny, pół kamieniem wosku winy y więzieniem za przeświadczeniem karany być ma y dalszym artykułom nie podlegać ma przez żadney folgi.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 141—144.

36. Договоръ между Берестейскими мѣщанами и Берестейскими жидами.

Вслѣдствіе пожара и происшедшихъ отъ него несчастій, жиды заключили съ Берестейскими мѣщанами слѣдующія условія: 1) магистратъ долженъ приказать мѣщанамъ возвратить жидамъ пропавшія у нихъ вещи, если таковыя отыщутся, а также чтобы мѣщане заявили о своихъ долгахъ жидамъ; 2) всѣ потерянныя вещи должны быть забыты, но жидамъ предоставляется право доискиваться оныхъ, еслибы таковыя оказались у кого-либо; 3) чтобы мѣщане содѣйствовали жидамъ въ поимкѣ преступниковъ, бѣжавшихъ изъ тюрьмы; 4) жидамъ и мѣщанамъ разрѣшается возобновить свои погорѣвшія лавки и дома, но только въ размѣрахъ прежнихъ строеній; 5) для без-

опасности на будущее время имѣть общую стражу; 5) принимать общія мѣры къ устраненію и прекращенію могущихъ возникнуть въ будущемъ безпорядковъ.

Ugoda między miastem a żydami Brzeskimi o tumult w mieście stały y o inne punkta, która ugoda na roczkach grodzkich Nowembrowych w roku 1637 dnia przyznana, y do xiąg mieskich dla przyszłych czasów wpisana w te słowa:

Roku tysiąc sześćset trzydziestego siódmego, miesiąca Nowembra ósmego dnia, stała się pewna a nieodmienna ugoda między nami burmistrzami, raycami y wszystkim pospólstwem, także urzędem woytowskim miasta i. k. mści Brześcia z iedney, a nami starszemi y innemi wszystkimi, pod iuryzdykcyą zamkową będącemi, zboru Brzeskiego żydami z drugiey strony o tumulty, popalenie kramów, y przez ogień poczynionę szkodę, także y o insze niesnaski między nami zachodzące, dla których pomiarkowania y pogodzenia aby tym gruntownieysza ugoda zawarta była, użyliśmy z obudwu stron tak my mieszczanie, iako y żydowie Brześci proźbami swemi, wielmożnych ichmościów panów Marcyana Tryznę—referendarza y pisarza w. x. Lit., Trockiego Gieranowskiego proboszcza, y Gedeona Michała Tryznę—stolnika w. x. Lit., Brzeskiego, Zdzitowskiego starostę, a ekonoma Grodzieńskiego, aby ich miłość między nami będąc mediatorami, pomiarkowanie uczynili. Na co my za wynalazkiem ichmościów y pomiarkowaniem na takowe mianowicie punkta y one między sobą na potomne czasy nienaruszenie trzymać zezwolili.

Naprzód: Ponieważ ten tumult w mieście Brzeskim nie z wiadomością mieszczan, burmistrzów, radziec y pospólstwa wszystkiego od swawolnych ludzi za nieszczęściem miasta wzniecił, iakoż y magistratus sam inquisitią w tey mierze czynił y za staraniem panów burmistrzów niektóre rzeczy znalezione powracane są; tedy napotem magistrat ma surowie przykazać, aby ieśliby się co znalazło, wracano było, a potym z sobą w zgodzie zabopolnie z obu stron żyć mogą, sprawiedliwość we wszystkich sprawach ad requisitionem z obu stron tak mieszczanom y żydom, iako z mieszczan żydom zabopólnie, skuteczna y nieodwłoczna czyniona bydź ma. Także o długi, ieśliby który mieszczanin u żydów będąc potrzebny pieniędzy pożyczał, tedy powinien do xiąg mieskich stanąć y przyznać ten dług, a iakie obligatie na się w przyznaniu do xiąg w mieście, według tych maią sądzić, y wszystkie obowiązki przyznane przy iśćiźnie przysądzać. Drugi punkt: Szkody, które się na ten czas w tym przypadku stały, maią bydź generaliter zabopólnie odpuszczone y listy na mieszczan tak do kommisarzów w tey sprawie wyniesione, iako y zaręczne y inne wszystkie prawne processa poczynione mogą bydź zabopólnie kassowane, iakoż od daty tego ugodliwego listu żadney iuż wagi mieć nie maią, z tym iednak dokładem, ieśliby się na potem gdziekolwiek rzeczy u którego z mieszczan w mieście w tym tumulcie wzięte okazały, z takowym prawo dochodzenia żydom u sądu należnego wolne zostawać ma. Także któryby był z miasta o ten excess na potym powołany, usprawiedliwić się także w należnym sądzie powinien będzie. Trzeci punkt. Więźnie, ponieważ przez nieostrożność, którzy byli do więzienia woytowskiego od żydów oddani z więzienia pouciekali, o tych

gdziebykolwiek zkąd wiadomość doszła y gdziebykolwiek się okazali, onych imać żydom wolno będzie. A ieśliby się tu w mieście znaydowali, tedy magistratus, od żydów requisitus, submituiesię dać widza y pomocy mieyskiey do łapania. Czwarty punkt: Na placach kramowych w rynku, na których przedtym kramnice pobudowane były, aby według dawnych zwyczaiów y pakt z miastem, strony tych placów postanowionych, po teraźnieyszym pogorzeniu znowu na swym mieyscu wolno kramy budować było, tak mieszczanom, iako y żydom, a nikt nad dawną pomiarę y nad dawne siedlisko więcey przymować niema, także y wzwysz nad pierwsze pobudowanie dachów chrześcianie y żydzi podnosić nie maią, a dla lepszego bezpieczeństwa obwarowania tych kramów, bramy do zamykania z obu stron pobudowane y każdego czasu otwarte, wyiąwszy niedziele y święta uroczyste, od kościoła Rzymskiego postanowione, bydź maią. Piąty punkt: Dla obwarowania, lepszego bezpieczeństwa miastu in genere wszystkiemu Brzeskiemu według teraźnieyszey ugody y postanowienia naszego, straż ma bydź doroczna każdey nocy odprawowana, którą panowie burmistrzowie zawiadywać maią, a do dawania tey straży wszystkie różne iurysdyktie, pod dzwonkiem miasta Brzeskiego będącego, należeć maią y straż z tych iuryzdyctiey do panów burmistrzów posyłana, iaka koley przyidzie, być ma. A ieśliby nie chcieli, tedy iyryzdyka mieska, iako y zamkowa niema onym handlów w mieście w rynku pozwalać. Tak też ani w rynku żydowskim przed szkołą, czego koniecznie z obu stron obiedwie te iurisdyki zgodnie tego postrzegać y bronić maią póty, ażby spólnie straż miastu dawali. A straże połowica ma być mieskiey, a druga połowica żydowskiey. Szósty punkt: Ieśliby też w mieście po takowym postanowieniu y ugodzie naszey na tumult iawny zanosiło y od kogokolwiek wszczynać miało, tedy magistrat z urzędem woytowskim, także z podstarościm, albo w niezbytności z namiestnikiem zamkowym y starszemi żydami, zniosłszy się, iako naylepiey zabiegać złemu, wspólnie wszyscy mogą, iakoby takowy swawolny tumult hamowany był. Czego strzeż Panie Boże, ieśliby w tym hamowaniu tumultu zranienie albo zabóistwo z iakieykolwiek strony stało się, tedy w tym wszystko miasto y żydzi spólnie tak do prawa, iako y pogodzenia przy sobie stać, z sobą się znośić y zgodnie na to nakładać maią, ażeby tym pewniey y stateczniey ta ugoda między nami dotrzymana była. Tych że ichmościów panów mediatorów naszych prośiliśmy o podpisy rąk y przyłożenie pieczęci do tego listu. Którą ugodę my zobopólnie zgodnie przyiąwszy cale, nienaruszenie trzymać między sobą obiecuiemy dobrą wiarą y słowem cnotliwym. Do którego listu dla lepszego utwierdzenia tey ugody rękami się naszemi podpisali y pieczęciami tak mieską iako y starszych żydów zapieczętowali. Pisan w Brześćiu, roku miesiąca y dnia wzwysz mianowanego. U tego listu ugodliwego przy pieczęciach przyciśnionych podpisy rąk temi słowy: Stanisław Bobrowski—burmistrz Brzeski, Jarosz Marcinowicz—burmistrz Brzeski, Marcin Kaczyński ręką swą, Jan Jędrzeiewski—rayca, Łukasz Pomaranski—rayca, Wacław Barszczewski, Foltin Ryzler ręką, Rozali Rapowicz pisarz mieyski, Jan Piotrowicki—wiceregerent woytowski ręką swą, Jan Kurianowicz—lantwoyt Brzeski, Mikołay Rapowicz—woitowski pisarz; tak też podpisy rąk starszeństwa żydowskiego, pismem żydowskim podpisane. A osobliwi

ich miłość panowie mediatorowie ręce swe podpisali na te słowa: Marcyan Tryzna—referendarz, pisarz w. x. Lit., iako mediator do tey sprawy od obustron użyty. Mediator w tey sprawie Gedeon Michał Tryzna—stolnik w. x. Lit., starosta Brzeski, pomocny mediator w tey sprawie, Bernart Aragony, x. Rafał Jęczyński—rektor kollegium sotietatis Jesu Brestensis, mediator w tey sprawie. Który to takowy list ugodliwy za oczewistym przyznaniem obudwu stron, przed iego miłością panem starostą Brzeskim, dnia dziewiątego, na roczkach sądownie odprawuiących nowembrowych, w roku zwysz pisanym, do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich dla lepszey pamięci iest wpisany.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 125—127.

37. Судебное опредѣленіе по дѣлу между Гавріиломъ Романовскимъ и Мартиномъ Грибовскимъ, цеховыми сапожническаго цеху.

Брестскій мѣщанинъ Гавріилъ Романовскій внесъ въ магистратскій судъ жалобу на другаго мѣщанина Грибовского въ томъ, что этотъ последній, сдѣлавшись незаконнымъ образомъ старшиной сапожническаго цеха, изъ ненависти къ Романовскому запретилъ ему заниматься ремесломъ и отнялъ у него ключи отъ цеховой казны, чѣмъ нанесъ ему оскорбленіе и безчестіе. Въ свою очередь Грибовскій заявилъ суду, что Романовскій самъ переставъ ходить въ цехъ; а что касается оскорбленій, то онъ Романовскій наносилъ ихъ Грибовскому неоднократно, въ чемъ и представилъ декретъ цеха. Судъ, разсмотрѣвши это дѣло, постановилъ: избраніе Грибовского считать незаконнымъ, а на будущее время вмѣнить сапожническому цеху—избирать двухъ кандидатовъ на мѣсто цеховаго магистра, представлять ихъ на усмотрѣніе старшины считать магистромъ того, кого утвердитъ магистратъ; ключи возвратить Романовскому; за самовольное запрещеніе заниматься ремесломъ взыскать съ виновнаго 24 гр. штрафа и на будущее время запретить дѣлать такія вещи безъ предварительнаго суда; прежнія жалобы и недоразумѣнія между Романовскимъ и Грибовскимъ считать оконченными; обѣимъ сторонамъ не поднимать больше этого дѣла подъ опасеніемъ уплаты 6 копъ на устройство ратуши; въ случаѣ неизбранія новаго магистра, цеховыя дѣла рѣшать при содѣйствіи радцы, назначеннаго магистратомъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 13 mensis Novembris anno Domini 1624.

Na urzędzie burmistrowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Jaroszem Soroczycem—burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomorzańskim; Janem Jędrzeiewskim, Stephanem Rapowiczem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym gdy sprawa przypadła ku sądzeniu utściwego Gabryela Romanowskiego z Marcinem Grzybowskim—mieszczany do probostwa kościoła świętego Ducha przynależącemi, w sprawie cechowey, tedy na terminie przypadłym, od urzędu złożonym, obiedwie stronie stanowili się. Jakoż Gabryel Romanowski dowiodłszy pozwu słusznie podanego żało-

wał na Marcina Grzybowskiego—cechmistrza szwieckiego, religii rzymskiey, nieprzysięgłego, który niebędąc zgodnie od wszystkiey braci na cechmistrzowstwo obrany, tym urzędem szafować waży się, iakoż niedawnemi czasy od niedziel sześciu przerzeczony Grzybowski, obesławszy onego Gabryela, iako brata cechowego, aby do cechu przyszedł, a gdy na rozkazanie Marcina Grzybowskiego y braci cechowey przyszedł, iako klucznik z kluczami od skrzynki cechowey maiącemi, tamże Marcin Grzybowski w cechu przerzeczonego Gabryela Romanowskiego zelżył, zesromocił słowy nieuczciwemi, dobrey sławie y urodzeniu iego dotkliwemi, a na większą zniewagę iego, na ten czas zarazem w cechu klucze od skrzynki cechowey Gabryelowi odiął, uczyniwszy zmowę z Bałazym y z innemi braty, a z rankoru z tych miar, że Gabriel Romanowski, iako namiestnik z woytowstwa probostwa świętęgo Ducha, o dług Grzybowskiego z żydem Hirszem sądził, z którego to rankoru mszcząc się Grzybowski, rozmaitemi sposobami nad żałobliwym Romanowskim nie maiąc żadney władzy, sprawy cechowi należące odprawiać waży się, czyniąc przeciwko prawu Magdeburskiemu, a artykułom w wilkierzu opisanym. Iakoż w roku teraźnieyszym 1637, miesiąca Nowembra wtórego dnia, priwatnie, nie pod czas schadzki przypadaiącey, żałobliwemu Gabryelowi Romanowskiemu rzemiosła robić zakazali y dwu braci do niego y do czeladzi iego posyłał: mianowicie Pawła Byczkowicza y Matyasza zięcia Sołomey, którzy przyszedszy przez bytności Gabryela do niego imieniem cechowym czeladzi rzemiosła robić zakazali, ku krzywdzie y szkodzie żałobliwego, czego dowodząc Gabriel pokładał protestacyą przed urzędem burmistrzowskim Brzeskim uczynioną, w dacie roku 1637, miesiąca Nowembra wtórego dnia, domawiaiąc się, aby tym urzędem cechmistrzowskim, iako człowiek nieprzysięgły, nie szafował y według prawa za posromocenie y za odięcie kluczyków karany był. A pozwany Marcin Grzybowski, czyniąc odkaz na żałobę powiedział, iż pan Gabryel Romanowski niesłusznie onego samego y bracią cechową turbuie, sam będąc winnym, do cechu nie chodzi, onego Marcina y bracią znieważa na różnych mieyscach, łży, sromoci, odpowiedzi y pochwałki na zdrowie czyni, grożąc bić, zabić; prawa cechowi naszemu nadane znieważa, p a r t a c z a m i nazywa innych, siła excessów wyrządza y bracią do zniszczenia przywodzi. Iakoż niedawnemi czasy, przyszedszy do cechu, przerzeczonego Marcina Grzybowskiego ozłodzieił, iakoby żyd Szilimowicz w roku 1635 u niego iakieś żelazka do wybiiania trzewików wykraść miał, zaczym bracia cechowa, słysząc takowe zadania złodzieystwa, kluczyki od skrzynki cechowey od Gabriela wzieli y rzemiosła tak Gabrielowi, iako y onemu Marcinowi robić zakazali, do usprawiedliwienia, o które to żelazka Gabriel w cech turbacią zadawał, a dowodu żadnego nie pokazał, iakoż z dekretu cechowego, włożona iest wina: ktoby napotym takowe rzeczy powtórnie zadawać miał, ma być karany pół kamieniem wosku. A ukazawszy Marcin Grzybowski dekret cechowy domawiał się, aby na Gabrielu pół kamienia wosku do cechu dać wskazano.—My urząd w sprawie Gabryela Romanowskiego z Marcinem Grzybowskim, wysłuchawszy kontrowersyi obudwu stron, a widząc, że za wielkim nierządem braci cechu szewieckiego religii Rzymskiey, spólney zgody na obranie cechmistrza nie pokazało się, zaczem pomienionego Mar-

cina Grzybowskiego za cechmistrza nie uznawamy, iakoż elekcią inszą cechowi uczynić nakazuiemy, y iuż od tego czasu cech szwiecki co rok dwuch braci na cechmistrzowstwo electów obrawszy, powinni będą nam prezentować, a z tych dwu my burmistrze, rayce iednego na cechmistrzowstwo confirmować mamy; który to cechmistrz, zarazem po confirmacyi przysięgę na cechmistrzowstwo wykonać powinien będzie, a przy dokończeniu liczbę w rok z prowentów cechowych wszystkiey braci w cechu czynić ma. Klucze od skrzynki cechowey, bezprawnie odięte, Gabryelowi Romanowskiemu przysądzamy, za posromocenie słowy nieutściwemi po przysiędze cechmistrzowskiey w cechu na pierwszey schadzce Marcin Grzybowski Romanowskiego przeprosić ma, według porządku prawa Magdeburskiego; za złożenie ręki rzemiosła Gabrielowi, na wszystkiey braci za takowy występek winy groszy 24 nam urzędowi zapłacić uznawamy, a od tego czasu żadnemu bratu ręki składać nie maią, ażby był prawem przekonany, pod winą półkamienia wosku. A strony zadania wytrzęsionych żelazek, ponieważ się ta sprawa uspokoiła dekretem cechowym, który dekret obie strony przyiąwszy appelacyey żadney nie wytaczali, tedy my dekret cechowy stwierdzamy, zostawuiąc przerzeczonego Grzybowskiego przy utściwości. Waruiąc tym dekretem, aby obie stronie y wszystka bracia cechowa spokoynie się zachowali y więcey zniewagi w cechu czynić nie ważyli się, ale podług tego dekretu we wszystkim sprawować się powinni będą, pod zapłaceniem zaręki na zbudowanie ratusza kop pięciu Litewskich, którą zarękę winy za przeświadczeniem zapłacić powinien będzie przez żadney folgi. A ieśli by się bracia na elekcią nie zgodzili, tedy ma być rayca z urzędu przydany za cechmistrza, szkody y przykłady prawne na obie stronie dochodzić odcinamy. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1637 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 145—146.

38. Опредѣленіе магистрата по дѣлу между Иваномъ Кожаномъ и цехомъ скорняковъ.

Цехъ скорняковъ вступилъ въ споръ съ мастеромъ Кожаномъ, по поводу задержанія послѣднимъ подмастерья по истеченіи узаконеннаго времени. Кожанъ не исполнилъ требованія цеха и нанесъ ему оскорбленіе. Магистратскій судъ постановилъ: подмастерье считать свободнымъ и на будущее время строго подтвердить мастерамъ, чтобы они не дѣлали подобныхъ злоупотребленій,— подъ страхомъ штрафа въ *полкамня* воску и однонедѣльнаго ареста въ ратушѣ; за оскорбленіе цеха взыскать съ Кожана 24 гроша; за самовольную отлучку подмастерья изъ дома хозяина, заставить его извиняться предъ послѣднимъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 4 mensis Decembris, anno Domini 1637.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, gdy sprawa przypadła ku

sądzeniu utściwego Iwana Kożana z panem Iwanem Bukriiewiczem — cechmistrzem kusznierskim y bracią starszą cechową, o niesłuszne pomienionego Kożana prowadzenie do sądu burmistrzowskiego, y o znieważenie w cechu onego. W którey sprawie pozwani bracia dawali sprawę, że Iwana Kożana nie znieważyli, ale Kożan dekretowi cechowemu dosyć nie czynił, chłopca swego według praw cechowych wyzwać nie chciał, za którego upornością do więzienia iść nakazano. A pomieniony Kożan, nie idąc sam dobrowolnie, słowa nieutściwe braci cechowey zadawał. Na dowód pokładali kopią z wilkierza, iako takowy swowol być ma, a do tego pokładali regestr wpisania y wyzwoleni[illegible] chłopiąt z rzemiosła, y domawiali się, aby chłopiec uwolniony był; lecz Kożan powiedział, że chłopiec swowolnie odszedł, któremu za półroku zasłużoną zapłacić submitował się, według rachunku, a więcey onego zatrzymywać do roku zupełnego nie chce y w posługach iego nie korzystuie. My urząd, zrozumiawszy z regestru cechowego y z kontrowersyi obudwu stron: ponieważ chłopcu lata wyszły y nad regestr czwarty rok służył, nakazuiemy, aby Kożan chłopca w cechu wyzwolił na pierwszey schadzce, przy którym wyzwoleniu zasłużonego złotych ośm chłopcu dać powinien będzie. A chłopiec pana na teyże schadzce w cechu za odeyście nieopowiedne przeprosić ma. Któremu chłopcu, po przeproszeniu, wolno robić gdzie chcąc. A strony zniewagi y szarpania Kożana, cech kuszńierski winy groszy 24 nam urzędowi zapłacić ma, podług porządku prawa magdeburgskiego, a od tego czasu mistrze chłopiąt swych, po wyiściu lat zupełnych, według zapisania xiąg cechowych, wyzwalać powinni będą, pod winą półkamienia wosku y siedzenia tydzień w ratuszu, którym woskiem y siedzeniem takowy każdy, za uznaniem słusznym nas burmistrzów y rayców, karany być ma, a szkody y przykłady prawne w tey sprawie podięte, na obie stronie dochodzić odcinamy. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 163—168.

39. Судебное опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу между радцою Иваномъ Андреевскимъ и жидомъ Шмеркомъ Якубовичемъ о двухъ лавкахъ.

Радца Иванъ Андреевичъ внесъ въ магистратскій судъ жалобу на жида Шмерку Якубовича въ томъ, что онъ завладѣлъ двумя крамами (лавками) его жены и владѣетъ ими и по настоящее время, не смотря на то, что первый мужъ ея завѣщалъ ей эти лавки съ тѣмъ, чтобы на доходы съ нихъ, она поддерживала въ соборной церкви постоянную свѣчу. Въ засѣданіе суда были приглашены обѣ тяжущіяся стороны. Андреевичъ предъявилъ завѣщаніе покойнаго мужа ея жены и протестацію объ отнятіи крамницъ отъ жида. Въ свою очередь жидъ чрезъ своего пленипотента объявилъ, что покойный не могъ завѣщать своей женѣ того, чѣмъ самъ не владѣлъ, и требовалъ копіи съ завѣщанія; что завѣщаніе это не имѣетъ законной силы, такъ

какъ оно не было явлено въ книги; что онъ купилъ вышепомянутыя лавки у Дацевича. На это пленипотентъ Андреевича пояснилъ, что жена послѣдняго никогда не продавала своихъ лавокъ Дацевичу, а отдала ихъ только подъ залогъ, за 100 зл.— часть которыхъ уже уплатила. А что касается до заявленія жида, что лавки жены Андреевичевой давно уже сгорѣли и на ихъ мѣсто выстроены новыя, которыми собственно и владѣетъ жидъ за долгъ Дацевича въ 100 злотыхъ, то оно не исключаетъ еще права Андреевичевой на владѣніе ими.

По соображенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, судъ постановилъ: право Андреевичевой на лавки считать дѣйствительнымъ, такъ какъ земля, на которой онѣ стоятъ, находится въ арендномъ ея содержаніи; за вновь выстроенныя лавки уплатить Дацевичу, а жиду удалить изъ нихъ, предоставивши ему право доискиваться своихъ долговъ на Дацевичѣ законнымъ путемъ. На такое рѣшеніе обѣ тяжущіяся стороны просили подать апелляцію; судъ разрѣшилъ оную.

Actum incivitate Brestensi m. d. Lith., die 2 mensis Januarii, anno Domini 1638.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Jaroszem Soroką — burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Stefanem Rapowiczem, Foltinem Ryzlerem— raycami, jako przyiaciel pan Stefan Kamieński od pana Jana Jędrzeiewskiego— raycy Brzeskiego y małżonki iego paniey Maryny Sawonianki, bywszey Bohdanowey Adamaszczyney, a teraźnieyszey Jędrzeiewskiey, żałował na Szmerka Jakubowicza— żyda Brzeskiego, o niesłuszne bezprawne trzymanie kramnic dwu Dacewiczowskich, które kramy nieboszczyk Adamaszka testamentem legował małżonce swey, teraźnieyszey paniey Jędrzeiewskiey, z pewną censitią, aby z tey arendy kramniczey świece w cerkwie Bożey katedralney świętego oyca Mikoły, za duszę iego stawiane były wieczne. A pomieniony Szmerko, nie wiedzieć iakim sposobem, trzyma y procent z tych kramnic przychodzący brać waży się ku krzywdzie Bożey y paniey Jędrzeiewskiey. Jakoż posłani będąc z kapituły Brzeskiey oyciec Joan Krzeczewicz — pisarz kapitulny y oyciec Michael Przeczyski imieniem iego mości oyca Piotra Rogoznickiego — protopopy Brzeskiego y wszystkiey kapituły, zeznali, że pani Maryna Sawonianka Jędrzeiewska y pan Jan Jędrzeiewski, czyniąc dosyć testamentowi nieboszczyka Bohdana Adamaszki, od roku tysiąc sześćset dwudziestego ósmego aż do teraźnieyszego roku tysiąc sześćset trzydziestego siódmego, świece w cerkwie Bożey świętego Mikoły stawili y po te lata dosyć czynili, o które zeznanie pan Jędrzeiewski dla podparcia sprawy żądał, aby do xiąg zapisano było. A Szmerko żyd w tey sprawie nie wstępuiąc w controversią dilacyi podług prawa do niedziel dwu żądał. Urząd, przychyliwszy się do prawa pospolitego artykułu 118 w porządku opisanego, dilacyi na przyiaciela do niedziel dwu pozwanemu użyczył, co iest do xiąg mieskich Brzeskich zapisano.

Die 18 Januarii, anno Dni 1638. Po wyiściu dilacyi na terminie przypadłym, tenże umocowany pan Stefan Kamieński od pana Jana Jędrzeiewskiego y małżonki iego, przy bytności ich samych u sądu, żałował na żyda Szmerka Jakubowicza, iako się zwyż pomieniło o dwie kramnice Dacewiczowskie, w mieście Brześciu, w rynku stoiące, od nieboszczyka Bohdana Adamaszki testamentem legowane, które legaty dowodząc pokładał testament nieboszczyka Bohdana Adamaszki, w dacie roku tysiąc sześćset dwudziestego ós-

mego, miesiąca Maia siódmego dnia. A na dalszy dowód pokładał protestatią w dacie roku tysiąc sześćset trzydziestego pierwszego, Augusta ósmego dnia, na urzędzie burmistrzowskim Brzeskim uczynioną, do których to kramnic przypowiadanie czynił pan Jędrzeiewski y areszt wnosił, gdy Kliszewicz żydowi Szmerkowi przyznawać chciał, przeciwko testamentowi nieboszczykowskiemu, który areszt stał się dnia dwudziestego Marca, roku tysiąc sześćset trzydziestego wtórego. A okazawszy strona powodowa takowe iasne dowody, domawiała się, aby te kramy Dacewiczowskie, podług legaty nieboszczyka Bohdana Adamaszki, przysądzone byli. A pozwany żyd Brzeski Szmerko Jakubowicz przez plenipotenta swego pana Adama Gostowicza przeciwko testamentowi nieboszczyka Bohdana Adamaszki powiedział, że nieboszczyk Adamaszka, czego sam w ręku nie miał, drugiemu legować nie mógł, y domawiał się pozwany, aby pan Jędrzeiewski prawa pokazał, ieżeli Adamaszka te kramy w possesyi swey trzymał, którego prawa pan Andrzeiewski nie pokazał, iakoż żyd Szmerka kopii testamentu Adamaszczyńskiego żądał. Urząd kopiie z testamentu dać uznał y tę sprawę do dnia dwudziestego Januarii suspendował. Na terminie tedy przypadłym plenipotent zwyż mianowany od żyda Szmerki, zrozumiawszy z testamentu Adamaszczyńskiego; powiedział, że testament Adamaszczyński na urzędzie nie przyznany, żadney wagi mieć nie ma. Które to kramy Dacewiczowskie żyd Szmerko od mieszczanina Brzeskiego Wasila Kliszewicza za własne swoie pieniądze kupiwszy, w possesyi swey przez lat dziesięć y więcey trzyma, a pan Jędrzeiewski y małżonka iego, będąc oblicznie tu w Brześciu, milczeli, chociaż wiedzieli o prawie magdeburskim y przy testamencie sami byli, a tych kramnic Dacewiczowskich nie dochodzili, według testamentu, y prawa do roku y sześciu niedziel, za którym milczeniem te kramy tracić powinni, gdyż prawo magdeburskie opisuie o wszystkie krzywdy, gdy nakoniec żałuią, póki rok nie minie ma odpowiadać, a gdzieby rok minął, tedy ten, który siebie mieni być krzywdę, nie ma iuż o to mieysca czynić Spec. Sax. libr. III, artykuł 31. Dawność rzeczy stoiących y leżących, o takie rzeczy kto siedzi pod iednym prawem, kto chce dochodzić, ma to czynić, niżli rok y sześć niedziel wynidzie, Spec. Sax. libr. III, artykuł 83, et libr. II, artic. 36 et articul. 44, et libr. I articul. 70, et articul. 28. A okazawszy te articuły o dawnościach opisane pomieniony żyd Szmerko na eviktora Wasila Kliszewicza, od którego te kramy we stu złotych trzyma, brał się, którego eviktora zarazem u sądu stawił. Który to eviktor stanąwszy w zastępie żyda Szmerka, dawał sprawę, że te kramy pani Maryna Sawonianka Adamaszczyna, teraźnieysza pani Janowa Jędrzeiewska, w długu we złotych stu te kramy Dacewiczowskie puściła Kliszewiczowi do oddania pieniędzy y prawo Dacewiczowskie oblig na złotych sto dała, które kramy Kliszewicz takimże prawem żydowi Szmerkowi puścił; a iż te kramy pogorzały, do których się powód nie odzywał y gdy teraz po pogorzeniu nowe kramy budował, tedy pan Jędrzeiewski y małżonka iego nie odzywali się y nie bronili, zaczym iuż dochodzić nie mogą, gdyż grunt ratuszny, a budowanie zgorzało. Przy którym dzierżeniu y do przysięgi, iako we złotych stu te kramy Dacewiczowskie puściła, brał się. Na co umocowany powodowey strony przeciwko tym obronom pozwanego y przeciwko dawności powiedział, że pozwany Szmerko żyd nie może się tym poszczycić, albowiem dawność iako kościołowi,

tak y cerkwie Bożey w legaciach ich nigdy nie idzie; a do tego że iako oycowie kapituły Brzeskiey, tak y strona powodowa ieszcze w roku tysiąc sześćset trzydziestym wtórym tych kramnic broniła na urzędzie panów burmistrzów y radziec przypowiadaniem swym, zaczym ieszcze lat dziesięciu nie wyszło, a chociażby y wyszło, tedy pod takową y dalszą choćby też y sto lat w niesłuszney possesyi trzymano, nigdy pod dawność nie podpada, a nadto, że te kramnice nieboszczykowi Adamaszcze, małżonkowi pierwszemu teraźnieyszey aktorki, w pewney summie zastawney we stu złotych polskich przez Antona Dacewicza y małżonkę iego puszczone byli, gdzie także dawności, by y sto lat kto trzymał, nie idzie; a do tego tenże nieboszczyk Adamaszka testamentem warował, aby po śmierci iego teraźnieysza aktorka dopłaciła tych kramnic nie Szmerkowi żydowi, ani Kliszewiczowi, tylko samemu Antonowi, albo małżonce iego, co pomieniona aktorka teraźnieysza, wedle woli y testamentu nieboszczyka małżonka swego, dosyć uczyniła, za ostatek summy złotych siedemdziesiąt y półósma samey Antonowey z wiadomością pana Iwana Bielkiewicza— raycy y Artema Kunieiewicza — cechmistrza kusznierskiego, mieszczan Brzeskich, za te kramy z gruntem dopłaciła. A Kliszewicz nie wiedzieć iakim sposobem y prawem, mimo testament, iakoby złotych sto Szmerkowi żydowi płacić, abo też Kliszewicz samey aktorce pożyczać y te kramnice w tey summie dzierżeć miał, czego iako Szmerko używania swego żadnym zapisem, ani possesią od Kliszewicza, iako też Kliszewicz od strony powodowey, za czymby trzymali, nie pokazali y pokazać z xiąg żadnych, ani z przyznania dotychczas nie mogą, ale tylko gołemi słowy, snać na zmowie y krzywdzie strony powodowey z tym żydem to wszystko czynią. A że strona pozwana pokazuie zapis od Dacewicza, Leyzerowi żydowi służący, tedy nie tylko tego zapisu, ale żadnego strona powodowa, tak temu Kliszewiczowi, pogotowiu żydowi Szmerkowi, nie dawała y ten zapis, którego Szmerko na urzędzie pokłada, iest podeyrzany, a to dla przypisu na zatyłku nowego. A co większa, że ten zapis nieboszczykowi Adamaszce, ale Leyzerowi żydowi na dług pewny, a nie na kramnicę służy, na co satisfactia Leyzerowi żydowi, w podaniu pewnych gruntów y ogrodów stała y iuż ten zapis u Leyzera żyda oswobodzony został. A co się tycze pokazania prawa na te kramy, tedy na to od strony moiey tak powiadam, że dosyć stronie moiey na pokazaniu testamentu, którym przy ostatniey woli swey wedla używania spokoynego swego pewną legacię na cerkiew soborną Brzeską odpisuie te kramy, zaczym y inszego prawa nie potrzeba stronie moiey pokazywać. Acz byli y prawa, tedy Jakób żyd oyciec Szmerków, skoro tylko po skonaniu y zeyściu z tego świata nieboszczyka Adamaszki, przyiaciela, iego wszystkie prawa nie tylko na te dwie kramnice y insze, ale na wszystkie dobra y maiętności, małżonce moiey testamentem należące, z torbą z domu nieboszczykowskiego do siebie wziął y przy sobie zatrzymał, przy czym y maiętności ruchomey nie mało zabrał, co y dotychczas przy nim zostaie. My urząd w sprawie pana Jana Jędrzeiewskiego — raycy miasta Brzeskiego, y małżonki iego paniey Maryny Sawonianki z Szmerkiem Jakubowiczem, żydem Brzeskim, o bezprawne trzymanie dwu kramnic Dacewiczowskich, które kramy nieboszczyk Bohdan Adamaszka testamentem swym legował małżonce swey paniey Marynie Sawoniance, teraźnieyszey paniey Janowey

Jędrzeiewskiey, z tą kondytią, aby z tych kramnic, świece do cerkwie katedralney Brzeskiey świętego Mikoły co rok stawiane byli wiecznie, iakoż tey legaty dowodząc, pokładali testament nieboszczykowski, w dacie roku tysiąc sześćset dwudziestego ósmego, a pozwany Szmerko żyd stawił evictora Wasila Kliszewicza, mieszczanina Brzeskiego, od którego te kramy w pewney summie pieniędzy trzyma, który to evictor stanąwszy w zastępie żyda Szmerki, dawał sprawę, że te kramy pani Janowa Jędrzeiewska w długu we stu złotych do oddania pieniędzy onemu puściła, które kramy przez lat dziesięć w spokoynem dzierżeniu trzymał, przy którey dawności y do przysięgi brał się. Przeto my, testament nieboszczyka Bohdana Adamaszki przy zupełney mocy zostawiwszy, ponieważ evictor Wasili Kliszewicz słusznego dowodu na ten dług nie ukazał, iednak uważaiąc, iż dawność zaszła, a żałobliwi pod iednym prawem będąc nie dochodzili, uznawamy być bliższą żałobliwą panią Jędrzeiewską do przysięgi na tym, iako długu Kliszewiczowi złotych sta niewinna y tych kramów w tym długu nie zastawowała y prawa żadnego nie dawała, a po przysiędze, iż kramy zgorzały, tedy miesca kramnicze paniey Jędrzeiewskiey z płaceniem czynszu przysądzamy, zostawuiąc wolne okupno tych kramnic potomkom y przyiaciołom Dacewiczowskim, a żydowi Szmerkowi do Wasila Kliszewicza y do dóbr iego o summę kop trzydzieści litewskich na te kramy daną, wolne prawo u sądu należnego zachowuiemy, którą przysięgę trzeciego dnia wykonać ma. A żyd Szmerko ze wszystką sprawą do dworu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, appelował. A pan Jędrzeiewski też od tego punktu, że mu bez przysięgi kramnic nie przysądzono, appelował. Urząd appelacyi dopuścił, za którą appelacyą przed sądem iego królewskiey mości assesorskim obiedwie strony za przypozwem od daty w pozwie opisaney, ieśli w Koronie Polskiey za niedziel sześć, a ieśli w wielkim xięztwie Litewskim za niedziel cztyry, gdzie iego królewska mość szczęśliwie dworem swym będzie, po otworzeniu limitacii, stanowić się maią. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 210—213.

40. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу между лавникомъ Иваномъ Диспутомъ и цехмистрами портняжескаго цеху.

Лавникъ Диспутъ подалъ въ судъ жалобу на цеховыхъ старшинъ портняжескаго цеха въ томъ, что они самовластно взыскиваютъ съ поступающихъ въ цехъ незаконные взносы по 50 злот.; самовластно разпоряжаются цеховой казной безъ всякаго отчета; пропиваютъ деньги *пуримовыя*, выручаемыя за участіе въ погребальныхъ шествіяхъ, и дѣлаютъ другія преступленія. Старшины въ свою очередь заявили, что взыскиваютъ съ поступающихъ въ цехъ по 50 зл. потому, что цеху дорого обходится выправка цеховыхъ бумагъ и привилегій; что Диспутъ еще до сихъ поръ не сдѣлалъ *колляціи*. Судъ постановилъ: взыскивать съ поступающихъ въ цехъ по 10

злотыхъ; недоданные Диспутомъ двадцать злотыхъ обратить на устройство ратуши; за неправильные реестры цеховыхъ денегъ взыскать со всего цеха 1 гривну, и на будущее время давать въ цехъ ежегодно отчетъ въ присутствіи радцевъ, подъ страхомъ уплаты 1 копы за неисполненіе этого требованія; погребальныя деньги отдавать лицамъ участвующимъ въ шествіяхъ; за оскорбленіе Диспута взыскать съ виновныхъ 24 гр. пени; Диспутъ же обязанъ устроить коляцію, подъ страхомъ уплаты 10 копъ штрафа.

Actum in civitate Brestensi m. duc. Lithuaniae, die 26 mensis Martii, a. D. 1638.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Jaroszem Soroczycem—burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Iwanem Bielkiewiczem, Stephanem Rapowiczem, Foltinem Ryzlerem — raycami, na zwykłym miescu sądowym, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu utściwego pana Jana Disputa — ławnika miasta Brzeskiego, z panem Janem Kozickim—ławnikiem y Fedorem Panasowiczem—cechmistrzami krawieckimi y bracią krawiecką, tedy obiedwie stronie u sądu stanowili się. Jakoż pan Jan Disput, dowiodszy pozwu słusznie podanego, żałował przez plenipotenta swego pana Stefana Kamieńskiego na cechmistrzów krawieckich y bracią o tem, iż oni, gdy brat do cechu przystępuie, nigdy przywileiu iego królewskiey mości nie czytaią y nad słuszność po złotych pięciudziesiąt y więcey na braci, prócz kolacyi wyciągaią y do zniszczenia ludzi ubogich przywodzą. Jakoż pomieniony Disput dał do cechu złotych trzydzieści, a ieszcze o złotych dwadzieścia niewinnie turbuią y poczęstki wyciągaią, a sami liczby brackich przychodów y s purimowych *) pieniędzy nie czynią y nie wiedzieć gdzie się to obraca; także y regestra nieporządne, z kilką braci zmówiwszy się, bez wiadomości wszystkiey braci, iako chcą, tak piszą, pogrzebowe pieniądze przepiiaią, a potem podpiwszy ieden drugiego słowy nieutściwemi łżą, sromocą, nie szanuiąc praw y przywileiów iego królewskiey mości, ku wielkiey zniewadze wszystkiego cechu krawieckiego czynią, iakoż niedawnemi czasy żałobliwego Disputa, przy bytności radzieckiey w cechu, przy schadzce, Roman Możayski—krawiec, niewinnie targnąwszy się, zelżył, zesromocił;—y domawiał się, aby panowie cechmistrze prawa przywileia przed nami urzędem pokazali, iako się w cechu sprawować powinni. A pozwani panowie cechmistrze krawieccy, zwyż mianowane, wespołek z bracią cechową, stanąwszy oblicznie u sądu, zdawali sprawę takową: że pan Jan Disput, będąc młodszym, cechu turbować nie miał, gdyż cechowi dosyć nie uczynił y onemu odpowiadać nię powinni, ale waszmościom, iako urzędowi sprawuiąc się, takową sprawę o sobie daiemy: że przedkowie naszy y my sami, wyprawuiąc wilkierze y przywileie iego królewskiey mości, koszt wielki podięli, zaczym gdy brat do cechu przystępuie, tedy przebywaiąc cechy, przy którym przebywaniu y za szkody, nakłady nałożone ogółem po złotych pięciudziesiąt, według dawnego zwyczaiu, każdy brat dać powinien; iakoż i panu Disputowi okazawszy łaskawość cechową, wyzwolonym uczynili w rzemieśle

*) Пура, мѣра сыпучихъ вещей, употребляема на Литвѣ и между Латышами. Содержитъ въ себѣ третью часть русской четверти.

krawieckim y do cechu go za brata przyięli, który przystępuiąc do cechu ręką swą własną w xięgach cechowych zapisał się pewnymi ratami dać złotych pięndziesiąt, iakoż złotych trzydzieści dał, a dwadzieścia złotych winien został y oddać nie chce; a nie tylko tych pieniędzy nie oddaie, ale posług cechowych odprawować, iako insza bracia odprawowali, nie chce, ku krzywdzie wszystkiego cechu; iakoż zażywaiąc zupełnego rzemiosła krawieckiego y pożytki maiąc, a kolacii, iako prawa opisuią, odprawić y cechowi posłuszny być nie chce;— iakoż okazawszy wilkierz y przywileia iego królewskiey mości, domawiali się pozwami, aby Disputowi ręka z rzemiosła złożona była póty, aż cechowi dosyć we wszystkiem uczyni. My urząd w sprawie pana Jana Disputa—ławnika miasta Brzeskiego, z pany Janem Kozickim y Fiedorem Panasowiczem — cechmistrzami y bracią krawiecką, o niesprawowanie się podług wilkierza y przywileiów iego krolewskiey mości, pana naszego miłościwego, cechowi krawieckiemu nadanych w tym, iż oni po złotych pięciudziesiąth w cechu z Disputa brać chcą, co się z przywileiu iego królewskiey mości iaśnie okazało, że tylko złotych dziesięć brać powinni,— przeto my, zabiegaiąc, aby większe uciążenie w cechu nie było, od tego czasu nic nad przywiley cechmistrze wyciągać nie maią. A ponieważ Disput dał złotych trzydzieści do cechu, tedy to przy cechu zostawać ma, a co cech Disputa o złotych dwadzieścia niewinnie turbuie, te pieniądze na ratusz przysądzamy, na co y Disput pozwolił y darował. Które pieniądze Disput na potrzebę rzeczypospolitey mieyskiey Brzeskiey do ręku nas burmistrzów oddał; za posługi cechowe temuż Disputowi, iż iest człowiek urzędowy, złotych sześć do cechu dać uznawamy za tydzień, a kolatią odprawić ma przez wymyślnych potraw w dzień świętego Jana Krzciciela, w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset trzydziestym ósmym, pod zapłaceniem zaręki kop dziesięciu y we wszystkim cechowi posłuszny być ma, pod winą za każde nieposłuszeństwo okazane, na urząd burmistrzowski kopy litewskiey. Strony pisania nieporządnych regestrów winy na wszystkim cechy grzywnę wskazuiemy, którą także za tydzień oddać powinien pod sowitością; a strony nieuczynienia liczby z purimowych pieniędzy, cech wolnym czynimy. A od tego czasu liczbę cechmistrze w rok tak s purimowych, iako też y ze wszystkich dochodów brackich czynić maią przy bytności radzieckiey, pod winą na urząd kopy litewskiey. Pogrzebowe za pracę tym tylko, którzy za pogrzebem będą, należeć ma, a ktoby nie był za pogrzebem, albo do początku nie przybył, ten traci poczęstkę, a przecie winę w wielkierzu opisaną płacić powinien będzie. Na Romanie Możayskim, ponieważ w cechu targnął się na Disputa słowem nieutściwym, winy groszy dwadzieścia cztery wskazuiemy, którą nie schodząc z urzędu zapłacić ma. A od tego czasu, aby się bracia y miasto pomnażało, po złotych dziesięciu za przebycie cechu cechmistrze brać maią, pod winą urzędową w prawie opisaną, a ktoby sztukę okazał, ten y tych dziesięciu złotych dać nie powinien, a starsza bracia, którzy niesłusznie po złotych piędziesiąth dawali, tedy pieniądze tracą y więcey w cechu upominać się nie maią wiecznie. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest zapisana.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 219.

41. Протестъ Ломазскихъ мѣщанъ противъ Ломазскаго войта, который не хотѣлъ судить двухъ пойманныхъ поджигателей.

Ломазскій писарь отъ имени Ломазскихъ же бургомистровъ и радцевъ, внесъ въ Брестскій магдебургскій судъ жалобу на Ломазскаго же войта, что онъ не хотѣлъ судить двухъ поджигателей, не смотря на неоднократныя просьбы по сему и радцевъ и всѣхъ горожанъ. Боясь опасности, Ломазскіе бургомистры и радцы просятъ Брестскій магистратъ внести эту ихъ жалобу въ свои книги, такъ какъ они намѣрены вчинить по сему дѣлу и по другимъ искъ со своимъ войтомъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 20 mensis Aprilis, anno Domini 1638.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Janem Jędrzeiewskim — burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Jaroszem Soroczycem — raycami, stanąwszy oblicznie sławni panowie Adam Duchnowski— pisarz bywszy mieski Łomazski, podał protestatią na pismie, imieniem panów burmistrzów y rayców y wszystkiego pospólstwa miasta Łomazskiego ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich, pisaną w te słowa:

Nam wielce łaskawy panie urzędzie burmistrzowski miasta króla iego mości Brześcia! My burmistrze, rayce y wszystko pospólstwo miasta iego królewskiey mości Łomazskiego uskarżamy się y opowiadamy żałobliwie przed waszmośćmi, iako urzędem burmistrzowskim Brzeskim, na urodzonego pana Marcina Siemiatkowskiego — woyta Łomazkiego o to: iż my urząd burmistrzowski y z ławicą pana woytową poymaliśmy złoczyńców dwóch, którzy według skarg mieszczan Łomazskich y dowodów domy y gumna mieskie podpalili; niźli gdy czas przyszedł przed Wielkonocą w roku tysiąc sześćset trzydziestym ósmym, do executii na sąd pana woyta o spalenie domów y gumien mieszczan Łomazskich, pan wóyt według prawa magdeburgskiego nie chciał sądzić, która sprawa, iako idzie o criminał y o commune periculum, nie chciał sądzić y odłożył znowu za niedziel trzy; potym znowu na czasie determinowanym, według złożonego terminu, znowu pan woyt sądzić nie chciał, iako dnia szesnastego Aprila, w temże roku, potym znowu posyłaliśmy dnia siedmnastego Aprila w temże roku 1638 pana Krzysztofa Trębickiego, ienerała iego królewskiey mości woiewodztwa Brzeskiego, y z raycami dwiema, prosząc pana woyta o sądzenie tey sprawy o tem spaleniu miasta Łomazskiego, pan wóyt odpowiedział, że nie póydę i nie będę sądził, aż znowu za niedziel dwie, potem znowu congregatio civitatis Łomaziensis będąc wszystka wespół, y od pospólstwa wszystkiego y od rady posyłaliśmy tegoż generała raz drugi y trzeci, prosząc, abyśmy mogli mieć sprawiedliwość, obawiaiąc się dalszego niebezpieczeństwa miastu temu; pan wóyt znowu odpowiedział: iż nie będę sądził raz drugi, trze-

ci, wolno mi to, kiedy zechce sądzić, upewniaiąc tych złoczyńców appelacyami. Zaczym my urząd burmistrzowski y pospólstwo wszystko na pana wóyta, iż sądzić tey sprawy nie chcą, ale gdzie o commune periculum protestuiemy na szkodach na złotych cztyry tysiące, cośmy gotowi czasu terminu prawnie postępować y o to czynić y o insze praeiuditia, które się słusznie pokażą, mówić y czynić na czasie determinowanym, a teraz prosim, aby ta protestacya była do xiąg burmistrzowskich Brzeskich przyięta y zapisana, data dnia dziesiątego, Aprila roku 1638. U tey protestacyi podpis ręki tymi słowy: Bartosz Rozbicki — pisarz przysięgły mieski Łomazki ręką swą. Która to takowa protestacya, za oczewistym podaniem osoby wyż mianowaney, do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 225—227.

42. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу между цехами столярскимъ и кузнецкимъ.

Рѣзчики города Берестя, не желая жить вмѣстѣ съ другими ремесленниками, къ которымъ они были приписаны, выхлопотали у короля листъ на отдѣленіе ихъ отъ цеха и на самостоятельность. Явившись въ магистратъ, они предъявили этотъ листъ и требовали выдачи установленнаго свидѣтельства. Въ свою очередь противники ихъ заявили, что на основаніи древнѣйшихъ привилегій рѣзчики не имѣютъ права отдѣляться отъ нихъ, какъ люди неосѣдлые, и требовали оставленія въ силѣ древнихъ привилегій, общихъ для всего города. Судъ постановилъ: согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ и послать оное на благоусмотрѣніе короля.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 23 mensis Julii, anno Domini 1638.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Janem Jędrzeiewskim — burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Stefanem Rapowiczem, Iwanem Bielkiewiczem, Jaroszem Soroczycem, Foltinem Ryzlerem — raycami, przytoczyła się sprawa za listem iego królewskiey mości od stolarzów, czychterzów y śnicerzów do nas wyniesionego, abyśmy onym za tym listem, przykładem inszych miast, wilkierz nowy wedle ich rzemiosła szynkowanego wydali. A okazawszy list iego królewskiey mości, przerzeczeni rzemieślnicy szynkownego rzemiosła pokładali protestacyą od kowalów przeciwko sobie uczynioną, iż kowale w swey protestacyi opisuią, mianuiąc, że iakoby ci szynkowni, nie maiąc żadney krzywdy zbuntowawszy się, od nich odrywaią y inne uszczypki w niey opisuią; a wywodząc krzywdę y przyczynę rozłączenia się, pokładali protestacyi kilka przeciwko kowalom y inszym, iakie się absurda dzieią, co iest bardzo szkodliwe szynkow-

nemu rzemiosłu, iako to o cechmistrzu Andrzeiu Bodale—kowalowi, także o inszych odpowiedzi y uszczypki brzydkie, dobrym szkodliwe; do tego przykładów y zwyczaiów inszych miast y cechów szynkownych, niechcąc łączyć z nieszynkownemi, okazawszy, to powiedzieli, że to nie w sposób controwersii, mówiemy, tylko wywodząc krzywdy swe y przyczyny szynkownego rzemiosła z nieszynkownym, a o tę uszczypliwą protestacyą świadczyli się, maiąc wolę o to z nimi prawnie czynić. A zatym stoiąc przy liście króla iego mości domawiali się, aby podłüg woli iego królewskiey mości, co szynkownemu rzemiosłu artikułów należy, z wilkierza wybrawszy przykładem inszych miast, na konfirmacyą do króla iego mości odesłano, a na tych upartych, którzy się łączą z kowalami szynkownego rzemiosła, będąc o szkody złotych pięćset y na samych kowalów, iż ich przymuszaią, także woli i listowi iego królewskiey mości sprzeciwiaią, świadczyli się. Gdzie stanąwszy za obwieszczeniem cech stolarski, kowalski, miecznniczy y rymarski z inszemi rzemieślnikami, do nichże przyłączonemi, pokładali przed nami wilkierz dany porządku cechowego, przytym przywileiów dwa iego królewskiey mości, ieden świętey pamięci Zygmunta trzeciego potwierdzenia wilkierza, a drugi confirmatią szczęśliwego panowania naiiaśnieyszego Władysława czwartego, króla pana naszego miłościwego, pod datą 1633, Junii wtórego dnia; a osobliwie pokładali uniwersał iego królewskiey mości do wszystkich urzędów grodzkich, zamkowych y mieskich pisany, aby swawolnych y cechowi nieposłusznych do posłuszeństwa złączali y winami w wielkierzu opisanymi karali; a że żałobliwi wdawszy niesłusznie w kancelaryi iego królewskiey mości list wyprawili, zneważaiąc pierwsze wilkierza y przywileia iego królewskiey mości dawne. Iakoż cech kowalski y wszystka bracia ich, przy przywileiach starych stoiąc, domawiali się, że ci, którzy się teraz odrywaią, osiadłości żaden z nich niemą, do tego y listów od urodzaiu nie pokazali, zaczym odłączać się nie mogą, wilkierzów żadnych y przywileiów, mieszkaiąc w komornym pod różnemi iurysdykami otrzymać nie mogą, ale iako swawolni podług uniwersału iego królewskiey mości artikułów w wilkierzu opisanych, winami karani byli, a potym przy tym cechu wspólnie wszysci dla porządku kościelnego y cerkiewnego, według przywileiów iego królewskiey mości zostawali. My urząd w sprawie stolarzów, snicerzów y szychterzów rzemiosła szynkowego z cechem kowalskim, ślosarskim, rymarskim y innemi rzemieślnikami do nich przyłączonemi, wysłuchawszy controwersyi obudwu stron a widząc być przywileia królów ich mościów, panów naszych miłościwych przed nami pokładane, z których zrozumiawszy, że ci wszyci rzemieslnicy, którzy się odrywaią, są w iednym przywileiu z dawnych czasów wpisane y złączone y przez przodków ich przyięte y wyprawione, a iż się też pokazało, że z nich żaden osiadłości niema y przez żadney przyczyny słuszney nie chcąc wspólnym cechu być, odrywaią się: zaczym my, postrzegaiąc praw y wolności mieskich, iż o przywileia iego królewskiey mości pana naszego miłościwego, y gdzie które pro sacrosancto zachowawszy, nie czyniąc na ten czas żadnego dekretu, cum toto causae effectu na rozsądek do sądu króla iego mości, pana naszego miłościwego, odsyłamy y termin obiema stronom, za obwieszczeniem któreykolwiek

strony, stanowić się naznaczamy od daty tego dekretu za niedziel sześć, po otworzeniu limitacii, w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset trzydziestym ósmym, a strony, tak powodowa, iako y pozwana, o szkody protestowali się. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 259—263.

43. Духовное завѣщаніе Брестской мѣщанки Екатерины Стетюковны Козловичовой.

Въ этомъ завѣщаніи Брестская мѣщанка Катерина Козловичовая завѣщаетъ похоронить ея тѣло въ церкви св. Троицы; этой же церкви записываетъ 5 злотыхъ, а церкви св. Воскресенья $4^1/_2$; распредѣляетъ также и все свое имущество между родными и родственниками.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 38 mensis Maii, anno Domini 1638.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Stanisławem Bobrowskim, Janem Jędrzeiewskim—burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Jaroszem Soroczyczem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym stanąwszy oblicznie sławni panowie Iwan Bielkiewicz, Stephan Rapowicz y Foltin Ryzler—rayce miasta Brzeskiego, z urzędu przydani, zeznali testament ostatniey woli niebożczki Katarzyny Steciukowny Siemionowey Kozłowiczowey, mieszczanki Brzeskiey, y ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich z podpisami rąk swych, na piśmie podali. Który, wpisuiąc słowo do słowa, tak się w sobie ma:

W Imie przenayświętszey Tróycy Oyca y Syna y Ducha świętego Amen. Ja Katarzyna Steciukowna Siemienowa Kozłowiczowa, mieszczanka Brzeska, oznaymuię tym moim testamentem ostatniey woli moiey, iż ia będąc na ciele chora, ale na umyśle dobrze z drowa, z dobrym rozmysłem takową ostateczną wolę moię mieć chcę. Naprzód duszę moię grzeszną w ręce miłosierdzia Bożego poruczam, a ciało ku pogrzebowi, które pochowane być ma przez miłego małżonka moiego Siemiona Kozłowicza w cerkwie świętey Tróycy w Brześciu obyczaiem chrześciańskim, aby w ziemi odpoczywało, aż przyidzie Sędzia sprawiedliwy sądzić żywych y umarłych. Maiętność moią leżącą y ruchomą, którą pan Bóg wszechmogący z łaski swey świętey na tym świecie użyczyć raczył, takim sposobem rozporządzam, to iest dom z gruntem wespołek z małżonkiem moim Siemionem Kozłowiczem kupiony, w mieście iego królewskiey mości Brzeskim, pod przysądem prawa magdeburskiego na ulicy Zauhrynki Wielkiey na gościńcu Wileńskim stoiący, ob miedze gruntów potomków niebożczyka Ihnata Korbickiego, z drugą stroną gruntu gołego Siemiona Huski, tyłem do gruntu Howszeiowskiego, a czołem do ulice gościńca

Wileńskiego, ten dom z gruntem mężowi Siemionowi Kozłowiczowi y synowi memu Pawłowi Kotowiczowi, z pierwszym małżonkiem spłodzonemu, wspólny y wieczny szafunek zapisuię;—pas śrebrny, także cztyry beczki słodu z chmielem, tego połowica mężowi Siemionowi, a druga połowica Pawłowi synowi memu należeć ma, które rzeczy małżonek móy Siemion Kozłowicz do wzrostu lat zupełnych syna mego Pawła dotrzymać y wcale onemu Pawłowi oddać ma. A ieśliby połowice pasa y dwie beczki słodu, synowi memu legowanych, mąż móy Siemion utracił, tedy syn móy Paweł Kozłowicz, na tym że domie y gruncie Lisiczymskim dochodzić powinien będzie. Waruiąc tym testamentem moim, gdzieby syn móy nie dorosłszy lat zupełnych z tego świata zszedł, tedy ten dom z gruntem, także pas śrebrny y wszystek słód y świniey troie, mężowi memu Siemionowi Kozłowiczowi należeć ma wiecznie; do czego krewni, przyiaciele moi u syna mego wstępować się nie maią, gdyż ia ich wiecznie oddalam; świniey troie mężowi, a synowi Pawłowi także świniey troie; a córce Maruszce Dawidowey podświnków troie, zarazem po śmierci moiey ma być oddano. Kożuch nowy, czapkę konia y sukman odziechalny czarny y chusty białe, koszul pięć y fartuch ieden, to córce mey Dawidowey zapisuię; Maruszcie Steciukownie, siestrze moiey starszey, letnik stary zielony y kożuch stary odziehalny; Małasie, Pacisie, siestrze moiey mnieyszey, sukman czerwony stary; babie Lewonszczance płótna łokci trzy y czepiec staroświecki leguię. Gotowych pieniędzy złotych czterdzieście y cztery y groszey siedemnaście, z których to pieniędzy małżonek móy Siemion Kozłowicz dług Piotrowi do Łyszczycz poddanemu iey mości paniey Dobroniżskiey za żyto y za słód winna została złotych dwadzieścia zapłacić ma; z tych że pieniędzy służebce Zośce zasłużonego złotych trzy zapłacić powinien będzie. A ostatek pieniędzy, co się zostanie, na pogrzeb, na pamięci y na insze ceremonie do pogrzebu należące zapisuię, którémi małżonek móy szafować y mnie utściwie pochować powinien będzie. Gryki miarek szesnaście, kupione po groszey czterdziestu, żyta pół czwartey miarki, obrusów trzy, płótna łokci piętnaście, albo y więcey znalezć się może y letnik turecki, to wszystko mężowi memu Siemionowi w wolny szafunek zapisuię. U Denisowicza z ulicy woytowskiey długu złotych dziewięć, a osobliwie u różnych ludzi długu winnego, kop trzy litewskich, które długi odzyskawszy małżonek móy sobie wziąć ma. Poduszek mężowi trzy, a córka moia Maruszka poduszek nowych dwie wziąć ma. U Woyciechowey Godeckiey, malarki, długu winnego kop trzynaście litewskich y groszey piętnaście. Z tych pieniędzy na cerkiew świętey Tróycy kop pięć litewskich, na cerkiew świętego Woskrzesienia półpięta złotego, siostrom moim Maruszcze y Mełasie poiedney kopie litewskiey, to iest złotych pięć zapisuię. A ostatek co się z tey summy zostanie, córka moia Maruszka Dawydowa sobie wziąć ma. Insze rzeczy, któreby w tym testamencie moim mianowane nie były, mężowi memu ze wszystkim gospodarstwem y z statkiem domowym należeć maią. Przy którym testamencie moim będąc z urzędu przydani sławni panowie Iwan Bielkiewicz, Stephan Rapowicz y Foltin Ryzler—rayce, których, prosiłam, aby ten testament móy do urzędu donieśli, ostatnię wolę moię przed niemi oświadczoną zeznali y do xiąg zapisać kazali. Działo się przy bytności Jarosza Korniło-

wicza, Łukasza Gury y Dawida zięcia mego. Pisan w Brześciu, dnia trzynastego miesiąca Maia roku Pańskiego tysiąc sześćset trzydziestego ósmego. Przeciwko któremu testamentowi Siemion Kozłowicz w tym punkcie przed nami raycami zwyszmianowanemi protestował się, że on dom z gruntem Lisiczyńskim za swoie pieniądze kupił, a osobliwie ten dom stary poprawił, y drugi dom nowy niedawnemi czasy zbudował—do czego syn iey Paweł Kotowicz nie należy, wolne sobie prawo zostawował, co iest zapisano. U tego testamentu podpisy rąk temi słowy: Foltin Ryzler—rayca, Иванъ Бѣльковичъ—райца рукою, Stephan Rapowicz rayca ręką swą. Który to takowy testament, oczewiście u sądu przez panów radziec, osób zwyszmianowanych, przyznany y do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest wpisany.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 243—244.

44. Продажная крѣпость отъ крестьянина Врестской ратуши Ивана Кондратовича Трофиму Манютичу крестьянину Козловскому.

Въ этой записи ратушный крестьянинъ Иванъ Кондратовичъ уступаетъ на вѣчныя времена два загона земли другому крестьянину тойже деревни Козловичъ Трофиму Манютичу на слѣдующихъ условіяхъ: Манютичъ обязывается содержать 4-хъ дѣтей Кондратовича до ихъ совершеннолѣтія; за это онъ получаетъ еще вола и корову, но приплодъ отъ коровы долженъ принадлежать дѣтямъ Кондратовича.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 14 mensis Mai, anno Domini 1638.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim stanąwszy oblicznie utściwy Janko Kondratowicz, poddany ratuszny mieski Brzeski, ze wsi Kozłowicz, iawnie y dobrowolnie zeznał, iż maiąc on we wsi Kozłowiczach dwa zagony pola we wszystkiey dzierżawie, tak w ogrodach, iako y w sianożęciach w wysłudze od Maniuty y małżonki iego w kopach sześciu dane y darowane na wieczność, leżące ob miedzę gruntu Trocia Kozłowca, a z drugą stronę Maniutczey, poddanych Kozłowskich, iakoż po zeyściu z tego świata małżonki Maruszki Maniutczey, pozostawszy się w sierotstwie z czworgiem dziatek, których nie mogąc czym wyżywić, dla niedostatku swego, te dwa zagony zwyż mianowane ze wszystką dzierżawą puścili w sposób darowizny Trocowi Maniuticzu, też poddanemu Kozłowskiemu na wieczność y zarazem w possesyią puściwszy, sam się Janko zrzekł wiecznie, y potomków swych oddalił, z tą kondicią, aby Troc Maniuticz dziatkom iego pozostałym słuszne wychowanie dał y one do lat zupełnych chował y w opiece miał; przytym krowę z cielęciem y woła Trocowi dał z wolnym szafunkiem, iednak przypłodku potomkom Jankowym, gdy lat dorostą udzielenia, iakoż Troc

udzielić przypłodku submitował się.—Które oczewiste zeznanie Janka Kondratowicza do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest zapisano.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 277—278.

45. Универсалъ подскарбія в. кн. Литовскаго объ отдачѣ въ арендное содержаніе чоповаго на два года жиду Мееровичу.

Подскарбій в. кн. Литовскаго симъ универсаломъ извѣщаетъ, что вслѣдствіе сеймоваго постановленія въ г. Берестѣ, передавшаго ему завѣдываніе сборами чоповаго въ Берестейскомъ воеводствѣ, онъ въ свою очередь отдаетъ это чоповое въ аренду на 2 года жиду Мееровичу. Посему онъ и увѣдомляетъ всѣхъ жителей воеводства о таковомъ своемъ распоряженіи.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 16 mensis Junii, anno Domini 1638.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mści Brzesckim, na zwykłym mieyscu sądowym stanąwszy oblicznie opatrzny Rachman Jakubowicz y Giecko Meierowicz—żydzi Brzescy, pokładali y ku aktikowaniu do xiąg mieskich Brzeskich podali list iaśnie wielmożnego iego mości pana Mikołaia Tryzny—podskarbiego wielkiego y pisarza w. x. Lit., na rzecz niżey mianowaną, o który żądali, aby był przyięty y do xiąg wpisany, który wpisuiąc słowo do słowa tak się w sobie ma:

W Bogu wielebnym iaśnie wielmożnym, zacnie urodzonym ich mościom panom obywatelom woiewodztwa Brzeskiego, moim miłościwym panom y łaskawey braci, a osobliwie panom urzędnikom mieskim—Mikołay Tryzna—podskarbi wielki y pisarz ziemski w. x. Lit., po zaleceniu powolnym służb mych w łaskę waszmościów oznaymuię.

Iż maiąc ia w administracyą moią poruczone czopowe na seymie Brzeskim sześcioniedzielnym w roku teraznieyszym tysiąc sześćset trzydziestym ósmym odprawowanym, na dwie lecie uchwalone, a chcąc im z iako naylepszym rzeczy-pospolitey pożytkiem disponować, arendowałem to czopowe w mieście y we wszystkim woiewodztwie Brzeskim w miastach, miasteczkach, słobodach, wolach i. k. mści, szlacheckich, duchownych y świeckich, karczmach sielskich y pokątnych Gieckowi Meierowiczowi, żydowi, które czopowe pomieniony arendarz sam przez się sprawić, sługi y arendarze swoie od wszelakich trunków przywoznych y tam robionych y od tego wszystkiego, od czego czopowe wybierać się zwykło, według uniwersałów seymowych dawnieyszych y uchwały teraznieyszey constitutiey wybierać ma, przez całe dwie lecie, począwszy od świętego Jana Chrzciciela w roku teraznieyszym, aż do takowegoż święta Jana świętego w roku da Pan Bóg przyszłym tysiąc sześćset czterdziestym. Co do wiadomości waszmościów przywodząc, z władze y należności urzędu mego żądam, abyście waszmościowie pomienionemu arendarzowi y komu to on od

siebie poruczy, wybierać tego czopowego nie bronili. A ten list móy aby u grodu y urzędu mieskiego Brzeskiego był publikowany, pilno o to proszę; łasce się zatym waszmościów, moich miłościwych panów y łaskawey braci, oddawam. Dan w Warszawie dnia czwartego miesiąca Maia roku pańskiego 1638.

U tego uniwersału iego mości pana podskarbiego pieczęć przyciśniona iedna, a podpis ręki tymi słowy: Waszmościów mych miłościwych panów y braci sługa cały Mikołay Tryzna—podskarbi własną ręką. Który to takowy uniwersał przez osob w wierzchu mianowanych ku aktikowaniu podany y do xiąg mieskich Brzeskich iest wpisany.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 306—308.

46. Опредѣленіе короля Владислава IV-го по дѣлу Брестскаго радцы Ивана Андреевскаго съ жидомъ Шмеркомъ Якубовичемъ.

Вслѣдствіе несогласія вышепоименованныхъ лицъ на судебное опредѣленіе Брестскаго магистрата по поводу спорнаго ихъ дѣла о лавкахъ, король постановилъ: постановленіе Брестскаго магистрата считать правильнымъ; лавки возвратить бургомистру Андреевичу съ обязательствомъ уплатить за нихъ жиду по оцѣнкѣ магистрата. Декретъ этотъ относится къ дѣлу напечатанному подъ № 39 стр. 295.

Władysław IV, z łaski Bożey król polski etc. Oznaymuiemy ninieyszym listem naszym, komu wiedzieć należy.

Iż się przytoczyła do nas y sądu naszego przez apellacyą od urzędu burmistrzowskiego y radzieckiego miasta naszego Brzeskiego założoną, sprawa y actia między sławetnym Janem Jędrzeiewskim — raycą Brzeskim y małżonką iego Maryną Sawonianką, powodową stroną, a Szmerkiem Jakubowiczem—żydem Brzeskim, pozwanym o niesłuszne y bezprawne trzymanie kramnic dwu Dacewiczowskich, które kramy nieboszczyk Adamaszka testamentem małżonce swey teraźnieyszey Jędrzeiewskiey legował. Których legaty dowodząc pokładał testament nieboszczyka Bohdana Adamaszki w roku 1638, miesiąca Maia siódmego dnia uczyniony, także protestacyą w roku 1631 Augusta óssmego dnia, na urzędzie burmistrzowskim Brzeskim uczynioną, do których to kramnic przypowiadanie czynił, domawiaiąc się przytym, aby te kramy Dacewiczowskie podług legaty wyżey pomienioney przysądzone były, żądali. W którey sprawie przerzeczony Szmerko, żyd Brzeski, przeciw testamentowi nieboszczyka Bohdana Adamaszki wnosił, że pomieniony Adamaszka, czego sam w ręku nie miał, drugiemu legować nie mógł, y prosił, aby actor prawo, ieśli te kramy Adamaszka w possesyi swoiey trzymał, pokazał; a przy tym produkuiąc artykuły o dawnościach opisane, na eviktora brał się. Który to eviktor stanąwszy dał sprawę, że te kramy Maryna Jędrzeiewska w długu we złotych stu puściła Kliszewiczowi

do oddania pieniędzy y prawo Dacewiczowskie, oblig na złotych sto dała, które kramy takimże prawem Dacewicz żydowi Szmerkowiczowi puścił. A iż te kramy pogorzały, gdy teraz po pogorzeniu nowe kramy pozwany żyd pobudował, o które Jędrzeiewski y małżonka iego do nich się nie odzywali, zaczym przy dzierżeniu tych kramów do przysięgi się brał, żądaiąc, aby przy nich zachowany był y od tey sprawy uwolnienia prosił. Przerzeczony urząd burmistrzowski y radziecki Brzeski, po długich controwersiach stron obudwu, uważywszy testament nieboszczyka Bohdana Adamaszki, przy zupełney mocy zostawił, mianowicie z tych raciey: ponieważ evictor Wasili Kliszewicz słusznego dowodu na ten dług nie ukazał. Jednak uznawaiąc, iż dawność zaszła, a strona powodowa pod iednym prawem będąc, tego nie dochodziła, bliższą aktorkę Jędrzeiewską do przysięgi na tym, iako długu Kliszewiczowi złotych stu nie winna y pomienionych kramów w tym długu nie zostawowała y prawa żadnego nie dawała, a po przysiędze, iż kramy zgorzały, tedy mieysca kramniczne Jędrzeiewskiey spłaceniem czynszu przysądził, zostawuiąc wolne okupno tych kramnic potomkom y przyiaciołom Dacewiczowskim, a żydowi Szmerkowi do Wasila Kliszewicza y do dóbr iego o summę kop trzydzieście litewskich na te kramy dane wolne prawo u sądu należnego zachował. Od którego dekretu strony obie w raciey swych do nas y sądu naszego appellowali, iako o tem proces tey sprawy szyrzey oświadcza. Na dzisieyszym tedy terminie z pomienioney appellacyi przed sądem naszym przypadaiącym y dotąd się kończącym, gdy strony wyżey pomienione powodowa Jan Jędrzeiewski y Maryna Sawonianka, małżonkowie, przez szlachetnego Stanisława Skorczyńskiego, a pozwany zaś żyd Szmerko przez szlachetnego Marcina Swierzyńskiego—plenipotenta, umocowanych swoich, staneli y tego terminu pilnowali, a controwersie swoie przed urzędem burmistrzowskim Brzeskim toczące się powtarzali: my przez pany rady nasze, controwersiey stron obudwu wysłuchawszy y one dobrze uważywszy, sententią pomienionego urzędu burmistrzowskiego y radzieckiego Brzeskiego z takową iednak melioratią naszą, aby pomienione kramy, które po pogorzeniu żyd pobudował za moderatią y taxą urzędową zapłacone, albo też zniesione były, approbować y umocnić umyśliliśmy, iakoż approbuiemy y umocniamy mocą tego dekretu naszego; na którego wykonanie odsyłamy strony obiedwie do tegoż urzędu radzieckiego Brzeskiego na terminie, kiedy strona stronę do tego przypozowie zawitym. Na co, dla lepszey wiary, pieczęć nasza wielkiego xięstwa Litewskiego iest przyciśniona. Dan w Warszawie, we środę w wilią świętego Jana Chrzciciela, roku Pańskiego tysiąc sześćset trzydziestego ósmego, panowania królestw naszych polskiego y szwedzkiego szóstego.

U tego dekretu iego królewskiey mości. .pieczęć wielkiego xięstwa Litewskiego mnieysza przyciśniona, a podpis ręki iego mości pana podkanclerzego tymi słowy: Stefan Pac—podkanclerzy wielkiego xięstwa Litewskiego, a przytym corygatia podpisana: Correxit Szapski m. pr. Który dekret za żądaniem pana Jana Jędrzeiewskiego. do xiąg mieskich Brzeskich iest wpisany.

1638 г.

Изъ книги за 1637 1642 г., стр. 282—283.

47. Консенсъ Берестейскаго магистрата на землю въ городѣ Брестѣ Грицу Левковичу.

Брестскій магистратъ, желая почтить заслуги своего мѣщанина Грица Левковича, пострадавшаго отъ пожара, уступаетъ ему на вѣчныя время ратушный плацъ на Ковальской (Кузнецкой) улицѣ, съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы оный никогда ни продовался, ни закладывался.

Burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzeskiego.

Czynimy wiadomo tym listem daniny naszey wieczystey każdemu, komu by o tem wiedzieć przynależało:

Będąc my w zupełney radzie, rozmnażaiąc pożytek mieski Brzeski, a doznawszy wszelkich posług utściwego Hrica Lewkowicza—mieszczanina Brzeskiego, chcąc y daley ku usługowaniu chętliwszego mieć, po pogorzeniu miasta Brzeskiego, daliśmy pomienionemu Hricowi Lewkowiczowi grunt ratuszny, leżący na ulicy Kowalskiey, idąc z rynku ku mostowi Dominikańskiemu, po lewey stronie ob miedze z iedną stroną gruntu Doroszewiczowego, a z drugą stroną od ulice na parkan ydącey, czołem na ulicę Kowalską, a tyłem ku ulice na wał idącey. Na którym to gruncie pobudowawszy się Hric Lewkowicz ma spokoynie trzymać on sam y potomki iego, na wieczne czasy, iednakże w obce ręce nikomu zawodzić, ani długami obciążać nie maią, wyiąwszy budynek, który zbudowany będzie, ten wolno z gruntu zniosłszy komu chcąc przedać y na swóy naylepszy pożytek obrócić. W czym żadney przeszkody my sami y successorowie nasi czynić nie maią. Z którego gruntu ratusznego Hric Lewkowicz y potomki iego, co rok o świątkach, do skrzynki mieskiey po kopie litewskiey płacić maią y powinni będą, żadnych dilacii, exceptii y appellacii nie zażywaiąc pod utraceniem tey daniny naszey. A zosobna wszelkie powinności mieskie do miasta pełnić y dosyć czynić maią. Na co dla lepszego świadectwa, pieczęć urzędową mieską radziecką Brzeską przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Brześciu, dnia 25 Junii, anno Domini 1638.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 297.

48. Отдача на чиншъ городскаго плаца въ Берестѣ жиду Нахману Шломичу.

Магистратъ заключаетъ условіе съ жидомъ Нахманомъ Шломичемъ, по поводу отдачи ему въ арендное содержаніе городскаго плаца; жидъ обязывается вносить за этотъ плацъ ежегодно чиншъ въ размѣрѣ восьми злотыхъ, а магистратъ увольняетъ его отъ всѣхъ городскихъ повинностей.

Actum in civitate Brestenši m. d. Lithuaniae, die 3 Julii, anno Domini 1638.

My burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzeskiego, czynimy wiadomo tym listem naszym, iż my wszyści spólnie naradziwszy się uczyniliśmy postanowienie z żydem Nachmanem Szłomowiczem, strony placu Charewiczowskiego w mieście iego królewskiey mości Brzeskim, w ulicy Kowalskiey leżącego, aby od powinności mieskich wolny był, który to żyd Szłomowicz postąpił ogułem w rok czynszu do skrzyni mieskiey po złotych ośmiu płacić na dzień świętego Marcina święta rzymskiego, nie wymawiaiąc się żadnemi libertatiami. A my, iako w rzeczy słuszney względem takowego czynszu postanowionego, pomienionego Nachmana Szłomowicza y dzierżącego od niego tego placu Charewiczowskiego od poborów, donatiw y od wszystkich ciężarów y okładek mieskich wolnym czynimy; a ieśliby którego roku na terminie przypadłym w dzień świętego Marcina czynszu nie oddał, tedy sowito zapłacić dzierżący tego placu powinien będzie, które postanowienie, my sami y successorowie nasi wiecznie trzymać mamy y maią. Na co dla lepszey mocy rękę swą podpisaliśmy y pieczęć urzędową mieską radziecką Brzeską przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Brześciu, dnia trzeciego miesiąca Lipca, roku Pańskiego 1638.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 302—304.

49. Привилегія короля Владислава IV, освобождающая Брестскихъ мѣщанъ на четыре года отъ всѣхъ податей.

Король Владиславъ IV, принимая во вниманіе опустошительныя турецкія и московскія войны 1637 и 1638 годовъ, разрушившія г. Берестъ, увольняетъ сею привилегіей Брестскихъ мѣщанъ

на 4-ре года отъ слѣдующихъ податей: отъ поборовъ, донативъ, чоповаго, капщизны, подводъ, мыта шляхетскаго, нововозвышеннаго, торговаго и отъ другихъ податей, означенныхъ въ конституціяхъ.

Actum in civitate Brestensi, die 3 mensis Julii, anno Domini 1638.

Władysław IV, z łaski Bożey król polski, etc. Oznaymuiemy tym listem naszym wszem wobec y każdemu z osobna, komuby to wiedzieć należało. Maiąc my wzgląd y miłościwe baczenie na poddanych naszych mieszczan Brzeskich, którzy zdawna, tak przez ogień, iako też przez żołnierza, czasu expeditii Tatarskiey y Moskiewskiey y przez inne różne przypadki, zniszczeni y zubożeni są, a osobliwie w roku przeszłym tysiąc sześćset trzydziestym siódmym, także y w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset trzydziestym ósmym, z nawiedzenia Pana Boga wszechmogącego, srogim ogniem będąc pokarani, iako to z świadectwa relacii ienerała iaśnie pokazuie się, y żądali nas o miłościwe baczenie. Jakoż my, poglądaiąc na pogorzałe y spustoszałe miasto Brzeskie, chcąc aby do dalszego zniszczenia nie przychodziło, za przyczyną niektórych panów rad naszych a za supliką radziec Brzeskich, te miasto Brześć, mieszczan wszystkich do iurisdiki prawa magdeburskiego przynależących, wyzwoliliśmy y tym listem naszym wyzwalamy od płacenia poborów, donatiw, czopowego, kapszczyzny, podwód, myta szlacheckiego y nowopodwyższonego, targowego y od wszelakich exactii, w constitutii opisanych, do lat cztyrech, po sobie idących, od daty tego listu naszego. Co wszystko y każdemu zosobna, wielmożnemu podskarbiemu, poborcom, dygnitarzom, urzędnikom y innym, którzy do wybierania podatków są naznaczeni, do wiadomości przywodząc, rozkazuiemy y chcemy mieć, aby przerzeczeni mieszczanie nasi Brzesci, wszystka iurisdika prawa magdeburskiego, dla przyczyn zwyż mianowanych, od płacenia tych podatków wolni byli, aż do wyścia lat cztyrych, dla łaski naszey. Dan w Warszawie, dnia XXI miesiąca Lipca, roku Pańskiego MDCXXXVIII (1638), panowania naszego polskiego y szwedzkiego szóstego roku U tey libertacyi pieczęć wielkiego xięztwa litewskiego mnieysza przyciśniona, a podpis ręki iego królewskiey mości tymi słowy: Vladislaus rex; tak też y podpis ręki pisarza iego królewskiey mości tymi słowy: Marcian Tryzna — referendarz, pisarz wielkiego xięstwa Litewskiego. Która libertatia do xiąg mieskich Brzeskich iest wpisana.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 312.

50. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу между цехмистромъ горшечниковъ и горшечникомъ Карловичемъ.

Старшина гончарнаго цеха и цеховой братъ Николай Демьяновичъ внесли въ магистратъ жалобу на своегоже собрата Ѳедьку Карловича въ томъ, что этотъ послѣдній переманилъ къ себѣ дво-

ихъ подмастерьевъ, вслѣдствіе чего они не могли исполнить заказанной имъ работы и понесли убытки. Ѳедько въ свою очередь заявилъ, что этимъ подмастерьямъ истекалъ уже срокъ контрактовъ и имъ о рождествѣ Христовомъ позволяется выжигать свои товары независимо отъ цеха. Судъ постановилъ: подмастерью старшины прослужить двѣ недѣли и получить расчетъ, а подмастерью Николая Демьяновича прослужить недѣлю и получить съ хозяина всю условленную плату; въ теченіи же 12-ти недѣль разрѣшить лицамъ постороннимъ выжигать кирпичныя издѣлія независимо отъ цеха.

Actum in civitate Brestensis m. d. Lithuaniae, die 17 Augusti, anno Domini 1638.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przypozwawszy stronę swą, utściwy Marko Jarmoszewicz—cechmistrz ganczarski y przy nim brat starszy tegoż cechu Mikołay Demianowicz, żałowali na Fiedka Karpowicza, brata tegoż cechu ganczarskiego, uiednanych do Bożego narodżenia roku 1638, to iest, pomienionemu Markowi cechmistrzowi Philipa, a Miskowi Demianowiczowi Łukasza, ganczarczyków, na którą czeladź zwysz pomienioną osoby będąc ubespieczeni, robotę przyięli, którzy roboty tak wielkiey sami bez czeladzi odprawić nie mogą, za którym odmówieniem ponosząc szkodę, żądali sprawiedliwości. A pozwany Fiedko dawał sprawę, że żadnego czeladnika nie odmawiał, ale pod ten czas nawiedzenia Bożego ogniem sami sobie robią i cech przebyć chcą, iakoż za pytaniem urzędowym tenże Fiedko zeznał przed urzędem, że Łukasz y Miska Demianowicza uiednał się robić do Bożego narodzenia za kop sześć litewskich y zadatku złotych trzy wziął, do czego się y sam Łukasz znał. Przeto my urząd, zrozumiawszy z zeznania Fiedkowego, nakazujemy, aby Łukasz ganczarczyk Mikołaiowi, iako się uiednał y zadatek wziął, do Bożego narodzenia dorobił, a Mikołay kop sześć zapłacić powinien będzie, podług umowy zastanowioney;—a strony uiednania Philipa, ponieważ się to pokazało z przyznania braci tegoż cechu, że Philip na tydzień umawiał się u Miśka robić, tedy nakazuiemy, aby Philip niedziel dwie u Marka przerobił, a Marko podług rachunku cechowego zapłacić powinien będzie, a po dwu niedzielach wolno będzie Philipowi u kogo chcąc bądź też y samemu na swym chlebie robić, iednakże cechowi posłuszny bydź ma. Waruiąc tym dekretem, aby cech ganczarski pod ten czas narodzenia Bożego ogniem, przychożym ganczarzom, którzy do miasta przydą, abo też zaciągnieni będą, w robocie przeszkadzać nie ważyli się, którym wolno robić będzie w Brześciu nie przebywaiąc cechu do niedziel 12 od daty tego dekretu naszego, iakoż cech ganczarski w pokoiu zachować się ma, y podług tego dekretu z obu stron dosyć czynić powinni będą pod winą na przeciwnego złotych pięciu, którą za dowodem słusznym na ratusz winy zapłacić ma. Co iest do xiąg mieskich Brzeskich zapisano.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 323.

51. Продажная запись Брестскаго мѣщанина Варяводы Лукомскому священнику Лаврентію Грудинскому на огородъ въ городѣ Брестѣ.

Названный въ этомъ документѣ мѣщанинъ продаетъ свою землю, находящуюся подъ юрисдикціей города Бреста, священнику Лукомской церкви за 20 злотыхъ на вѣчныя времена.

Actum in civitate Brestensis magni ducatus Lithuaniae, die 22 mensis Octobris, anno Domini 1638.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Łukaszem Pomarzańskim—subdelegatem, na miescu sławetnego pana Stanisława Bobrowskiego—burmistrza Brzeskiego będącym, Janem Jędrzeiewskim—burmistrzem religii greckiey, Stefanem Rapowiczem, Foltinem Ryzlerem—raycami, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie utściwy Ignat Warywoda—mieszczanin Brzeski, wespół z małżonką swą Owdotią Warywodziną, iawnie y dobrowolnie zeznali, iż maiąc oni ogród swóy własny przezywaiomy Lencowski, pod przysądem y posłuszeństwem prawa magdeburskiego leżący za Muchawcem, na ulicy Mudryckiey, ob miedzę z iedney stronę Mikołaia Rybaka, a z drugą stronę ogrodu Ławrysza Martinowicza, głową na ulice y wygon miescki, a tyłem do gruntu tegoż Mikołaia rybaka, tak w długości y szerokości, iako się ten grunt ogród w swym ograniczeniu zdawna zawiera, ni sobie samym przerzeczony Warywoda z małżonką swą w tym gruncie ogrodzie Lencowskim, ani potomstwu swemu, ani żadnemu z bliskich krewnych, powinnych przyiaciół żadnego prawa dziedzicznego, ani dożywotniego w żadney y naymnieyszey części nie zostawuiąc, ale wszystek plac ogród Lencowski przedali wielebnemu w Bodze oycu Ławrentiewi Grudzińskiemu—prezbiterowi Łukomskiemu y małżonce iego paniey Barbarze Martinownie y potomkom ich za dziewięćdziesiąt złotych polskich na wieczne czasy y zarazem pomieniony ogród urzędownie w moc w dzierżenie y w spokoyne używanie oycu Łukomskiemu y małżonce iego podali y postąpili z odebrania y spełna zapłacenia dziewięciudziesiąt złotych polskich oyca Łukomskiego kwitowali. Za którym dosyć uczynieniem Ihnat Warywoda z małżonką swą z tego gruntu y ogrodu Lencowskiego zrzekli się wiecznie y wszystkich przyiaciół y potomków swych oddalili, pozwalaiąc oycu Ławrentiewi Grudzińskiemu, małżonce y potomkom ich, tym ogrodem Lencowskim, iako swą własnością, disponować, dać, przedać, darować, zamienić, zastawić y na swoie naylepsze pożytki obrócić, w czym żadney przeszkody Ihnat Warywoda, małżonka, potomkowie y przyiaciele ich, sami przez się y przez osób subordynowanych, czynić nie maią y owszem od wszelakich osób w ten grunt y ogród Lencowski wstępuiących y przeszkodę czyniących ze wszystkich dóbr swych leżących y ruchomych, gdzieby się kolwiek teraz y na potem pod iakimkolwiek prawem być pokazali, za obwieszczeniem urzędowym u wszelakiego sądu y prawa, choćby też y za dworem króla ie-

go mości sprawa wytoczyła się, swym własnym kosztem y nakładem bronić, zastępować, zapisali się do wyiścia dawności w prawie magdeburskim opisaney. Po którym takowym przyznaniu, będąc z urzędu przydani na intromissyą sławni panowie Stefan Rapowicz y Foltin Ryzler— rayce miasta Brzeskiego, którzy zwróciwszy się u sądu doznali, iż podług zapisu przyznanego grunt Lencowski w moc w dzierżenie y w spokoyne używanie oycu Ławrentemu Grudzińskiemu, małżonce y potomkom ich, na wieczność podali, przy bytności przedawcy Ihnata Warywody. Którey intromissyi schizmackiey z swieszczennikiem Rożestweńskim schizmatyckim Brzeskim bronili, a Ihnat powtórze zastępować odzywał się. Które oczewiste zeznanie y intromissia urzędowa do xiąg wieczystych miesckich Brzeskich iest zapisana.

1638 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 327—328.

52. Реестръ приданнаго дочери Брестскаго мѣщанина Филиппа Букріевича.

Actum in civitate Brestensi, die 10 mensis Novembris, anno Domini 1638.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, stanąwszy oblicznie utściwa Dorota Tyczczanka Panasowa Wasilewiczowa Chaniukowa pokładała y ku aktikowaniu do xiąg miesckich podała regestr pisany w te słowa:

Regestr pisany, co Philip Bukriiewicz po córce mey wziął.

Naprzód: Pas śrebrny, waży kop trzydzieści lit., suknia czerwona z kształtem aksamitnym kosztuie złotych pięndziesiąt, druga suknia łazurowa odnoradkowa, baią żółtą podszyta, kosztuie złotych pięndziesiąt, sukman lazurowy oblekalny sukna lunskiego kosztuie złotych piętnaście, rantuchów sześć dała złotych siedm, rąbków dwa złotych trzy, koszul długich cienkich kramnych dziesięć, po kopie litewskiey, złotych dwadzieścia pięć, obrusów dwa cieńkich po półczwarta złotego, czyni złotych siedem, chustek iedwabnych dwie, po złotych trzy, czyni złotych sześć, czamara barszczowego muchoiaru złotych ośm, skrzynia złotych dwanaście, kapelusz złotych iedenaście, czepców cztyry po groszy cztyry, groszey szesnaście, ręczników dwa, złoty ieden, pierścionków srebrnych trzy po półzłotego, złoty ieden y groszy piętnaście, dziąg na sznurze kop półtrzeci, dzięga po groszey dwa, złotych pięć, krzyżyków dwa śrebrnych, kosztuią złotych dwa, koszul dwie męzkich złotych pięć, katanka lazurowa, kosztuie złotych cztyry; pościel—za pierzynę puchową, złotych piętnaście, za pierzynę spodnią, złotych pięć, poduszek dwie z poszewkami cwilichowemi, złotych sześć; podarki przyiaciołom na weselu, za dwie sztuce płótna złotych ośm, za sztukę cwilichu złotych sześć y groszey piętnaście, za dwa obrusy złotych siedm y groszy piętnaście, za ręczników sześć złotych trzy, za chustki złotych półtora. Który-to takowy regestr, za oczewistym podaniem osoby wyż mianowaney, do xiąg miesckich Brzeskich iest wpisany.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 346.

53. Консенсъ Брестскаго магистрата на пожизненное владѣніе сѣножатью, данный Ивану Диспуту и Мартину Пехрацкому.

Actum in civitate Brestensi, die 15 mensis Januarii, anno Domini 1639.

Burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzeskiego.

Czynimy wiadomo tym listem daniny naszey, komuby o tem wiedzieć przynależało, iż my, będąc w zupełnym zgromadzeniu, spólnie zezwoliwszy się, rozmnażaiąc rzeczpospolitą mieską Brzescką, a doznawszy wszelakich posług utściwych pana Jana Disputa—ławnika y pana Marcina Piechrackiego—mieszczan Brzeskich, a chcąc y daley ku usługowaniu chętliwszych mieć, za prośbą ich, daliśmy onym sianożęć mieską ratuszną, którą przed tym trzymał pan Łukasz Pomarzański—rayca, leżącą ob miedzę sianożęci pana Marcina Kaczyńskiego—raycy, na uroczyszczu na Pieczkach, przezywaiomą Korolkowiczowską, którą sianożęć zwyż mianowane osoby spólnie maią spokoynie trzymać y wszelakich pożytków zażywać aż do żywotów swych. Na co, dla lepszego świadectwa, pieczęć urzędową mieską radziecką Brzeską przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Brześciu, dnia piętnastego miesiąca Januarii, anno Domini 1639.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 353—354.

54. Реестръ аптекарскихъ и домашнихъ вещей, оставшихся по смерти Брестскаго бургомистра Станислава Бобровскаго.

Inwentarz spisania cyny, miedzi y naczynia aptekarskiego po nieboszczyku panu Stanisławie Bobrowskim — burmistrzu Brzeskim pozostałego, a podług testamentu nieboszczykowskiego panie Jagnieszce Ważyńskiey — doktorowey teraźnieyszey y panu Janowi Bobrowskiemu przynależącey, przez urząd burmistrzowski Brzeski spisany dnia siedmnastego Januarii, anno Domini 1639.

Naprzód w aptece.

Cyny: konewek cenowych z seropami niektóremi tszczemi 26, puszek cenowych wielkich 19, miedzi któremi wielkimi y małymi prożnich nie mało, puszek cenowych przez wierzchu dwie, puszek mnieyszych cenowych dziewięć, puszek blaszanych 32. Szkatuł malowanych aptecznych drzewianych z ziołami 56, puszek drzewianych malowanych wielkich y małych ogółem 300, pudeł malowanych 12, moździerzów wielkich dwa s pistolami, moździerzów małych dwa z pistolami, patel wielkich trzy, patel ręcznych cztyry, pa-

tel miedzianych dwie, szkatułeczka mała srebrem oprawna apteczna, szale troie, patela miedziana, do polewania świec, transmaryna niektóre, y insze proszki y materyie. Instrument z deklem miedzianym, form składanych marcepanowych skrzynia iedna pełna y szafa pełna, przy których formach xiąg czworo, to iest herbarzów dwa, antidotarium dwoie, alembików dwa, ieden mnieyszy, a drugi większy z czapkami y z rurą iedną. Stół apteczny z szufladami y szafa, w którey formy w sklepie, forma do wosku, flaszek trzydzieście szklannych większych z różnemi oleykami y z confectami, a małych flaszek szklannych siedm, także z oleykami. Zosobna kamieniczney cyny y miedzi do gospodarstwa należącey: garniec cynowy ieden, mis cynowych wielkich siedm, misa mnieysza iedna, talerzów tuzinów pięć przez dwóch, półmisków śrzednich iedenaście, półmisków z małemi kraincami siedm, miseczek siedm, naliwka iedna, miednica iedna, flaszek sześć, iaszczów dwa, flasza półgarcowa iedna, flaszka mnieysza iedna, kufel z nakrywką ieden, półgarcówek cenowych cztyry, kwarty dwie, półmisków małych sześć, półkwarcie iedne, półmisków z herbami iedenaście, lichtarzów cynowych dwa. Miedź: kociołków miedzianych miernych sześć, kociołek zosobna ieden większy, paneweczka mała iedna, patelka do smażenia pirożków mała iedna, z tey cyny pan Jan Lauerman doktor, paniey Stanisławowey dał ad fideles manus flaszek dwie, półgarcówkę iedną y iaszcz.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 414—417.

56. Закладная сдѣлка на четверть уволоки земли выданная мельникомъ Власомъ Антоновичемъ крестьянину Ивану Евхимовичу.

Брестскій мельникъ Власъ Антоновичъ отдалъ въ заставу (подъ залогъ) 1/4 уволоки земли королевскому крестьянину Ивану Евхимовичу на 15 лѣтъ за 20 литов. копъ.

Actum in civitate Brestensi mag. duc. Lith., die 28 mensis Maii, anno Domini 1639.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczyńskim — burmistrzem, Jaroszem Marcinowiczem — subdelegatem na miescu sławnego pana Wasila Soroki — burmistrza Brzeskiego będącym, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Stefanem Rapowiczem, Foltinem Ryzlerem — raycami, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie Ułas Antonowicz — młynarz ze wsi miesckiey Kozłowskiey, pokładał y oczewiście zeznał list swóy dobrowolny zapis, należący Iwanowi Jewchimowiczowi, na rzecz niżey mianowaną, o który żądał, aby był przyięty y do xiąg miesckich Brzeskich wpisany, który upisuiąc słowo do słowa, tak się w sobie ma:

Ja Ułas Antonowicz — mielnik ze wsi Kozłowicz, sam za siebie y za dwóch braci

moich młodszych, Lesia y Jarosza, y siostrę Ullanę Antonowiczów, iako na ten czas lat niedorosłych, a do rzeczy niżey mianowaney należących, iedna za dwie, a dwie za iednę osoby, obowiązuiąc się, wiadomo czynię, komu o tem wiedzieć będzie należało, iż ia ku pilney potrzebie, pod czas roku niedobrego y moich niedostatków y niesposobności, czymby bracią moią młodszą y siostrę wyżey pomienionych żywić i ich prowidować miał, czwierć włoki oyczyzny naszey, osób pomienionych, we wsi iego królewskiey mości Kozłowiczach, ob miedzę Grica Dudy, a drugą stroną ob miedzę mnie Ułasa Antonowicza, we dwu polach z ogrodem sielidnym, który iak na półwłoki w swey mierze z horożą zupełną, a ta czwierć włoki z sianożęciami z błotami, z chrostami, z brzegiem nad Bugiem do łowienia ryb godnym, z zatokami, owo zgoła ze wszystkimi należnościami y pożytkami, iako się ta czwierć włoki sama w sobie ma y mieć będzie, iedno bez zasiewku, zawiodłem y zastawiłem poddanemu iego królewskiey mości ze wsi Jachowicz Iwanu Jewchimowiczu na lat piętnaście, po sobie idących, to iest, od tego roku tysiąc sześćset trzydziestego dziewiątego od Bożego Narodzenia święta Russkiego, aż do roku tysiąc sześćset pięďziesiąt czwartego, takowegoż święta Bożego Narodzenia Russkiego, we dwudziestu kopach groszey litewskich. Ma tedy pomieniony Iwan Jowchimowicz tey czwierci włoki mnie y moiey braci y siestrze młodszym, połowicę iey należącą, do tego czasu y roku wyżey pomienionego y naznaczonego spokoynie dzierżeć y używać, wszelakich pożytków według upodobania swego przymnażać, a z tey czwierci włoki czynsz zwyczayny, iakom ia sam pełnił y insze powinności y panszczyznę, według prawa mego y uchwały iakiey pełnić powinien. A ia Ułas Antonowicz, żona moia y ci bracia młodszy moi, lat niedorośli, y siostra wyżey pomienieni, nie mamy przerzeczonemu Iwanowi Jowchimowiczowi, a po nim iego sukcessorom naturalnym, żenie, dzieciom iego, ten móy list maiącym, żadney przeszkody w dzierżeniu, spokoynym używaniu, sami przez się, y ni przez żadne insze osoby prawem wymyślnym czynić y onych zażywać, aż do wyścia lat piętnastu, pod zaręką, iako ważność samey rzeczy wynosi, to iest, kop dwudziestu litewskich, y nikomu na wieczność przedawać y takowymże prawem puszczać, my osoby pomienieni y ni który z nas, nie mamy y niepowinni będziemy, aż do wyścia lath piętnastu, pod tąż zaręką wyżey opisaną. A ieślibym ia Ułas, lubo brat móy który młodszy, lubo siostra, sposobiwszy się na pieniądze, chcieli tę czwierć włoki okupić y recuperować przed wyściem czasu lat piętnastu, to nam będzie wolno, iednak powinniśmy którakolwiek osoba któreykolwiek osobie, ten nasz list maiącey, wprzód przez woyta Kozłowskiego, który na ten czas woytem będzie, oznaymić o tem okupnie naszym, iednak od tego czasu, gdy mu oznaymimy, ma przecie spokoynie lat dwie spełna tę czwierć włoki dzierżeć y oney pożytecznie używać, aż do takowegoż czasu, którego od nas oznaymienie mieć będą po dwu leciech, a my nie mamy odbierać y przeszkody czynić aż iemu Iwanu Jochimowiczu, lubo ten nasz list maiącemu, te kop dwadzieścia groszy litewskich, w którycheśmy zastawili y zawiedli, oddawszy y dosyć uczyniwszy, dopiero recuperować mamy, pod tąż zaręką kop dwudziestą groszey litewskich. Także, gdy rok y czas przypadnie wykupna, a mybyśmy pieniędzy nie mieli, ale komu inszemu w zastaw

lubo w arendę puścić, lubo na wieczność przedać chcieli, tedy nie mamy mocy y mieć nie możemy, ieno temuż Iwanu lubo sukcessorom iego, żenie, dzieciom, ten nasz list maiącym, tymże prawem zastawnym lubo inszym y na wieczność przedać nikomu, ieno iemu, abo po nim będącym y ten nasz list maiącym. To też sobie waruiemy, że przez ten czas pomieniony Iwan Jowchimowicz, lubo iego successorowie, gnoiu niema nigdzie z domu swego wywozić, ieno na ten czwierć włoki, pod tąż zaręką wysz opisaną. A yż też na tey czwierci włoki iest dębowy las—dębina w Ostrowku na sianożęci y w polu na zadworzu, na różnych miescach, którey gdziekolwiek iest, pomieniony Iwan Jowchimowicz y iego successorowie, ten nasz list maiący, rąbać y na swóy pożytek obracać nie maią y niepowinni będą, y owszem postrzegłszy o takim szkodcy, nam lubo któreykolwiek osobie naszey oznaymić y opowiedzieć powinni, pod zaręką tąż kop dwudziestu groszy litewskich. Y to sobie waruiemy, iż iest na tem ogrodzie grusza, która ma w sobie barć, tedy z niey owoc Jowchim y każdy ten list maiący, używać powinien, iednak samey zagubiać nie powinni, pod tąż zaręką wyżey opisaną; a ieśliby w barci pszczoły osiedli, tedy z nami na każdy rok napół używać powinni. A ieśliby ia Ułas Antonowicz, żona moia, lubo ci bracia, lubo siostra, wyżey pomienieni, a do tey czwierci włoki należący, ten nasz list zastawny, y z nim punkta opisane, naruszyć chcieli, tedy yle razy tego się ważyć będziem, tyle razy zaręki kop dwadzieścia u każdego sądu y prawa, do którego będziemy przyciągnieni, zapłacić powinniśmy, a y po zapłaceniu tey zaręki, ten nasz list y w nim punkta opisane, u każdego sądu y prawa przy swey mocy zostawać ma, y pomieniony Iwan Jowchimowicz y iego sukcessorowie, ten list maiący, przy tey czwierci włoki zostawać maią; y owszem ia Ułas y moie bracia, lub siostra, lat dorosszy, pomienionego Iwana Jowchimowicza y iego successorów, ten list maiący, od każdego takowego, ktoby im przeszkodę czynił y w ten czwierć włoki, lubo w iaką należność iey wstępować się y wpierać się chciał, my zastępować y oczyszczać mamy y powinni będziemy, pod zaręką kop dwudziestą groszey litewskich. Przy którym zastanowieniu naszym, byli dobrzy ludzie, wiary godni, poddani iego królewskiey mości miasta Brzesckiego ze wsi Kozłowicz: Wasil Gniłopupowicz, Hrycow syn, woyt Kozłowski y Michno Hrycewicz z Jackowicz. Na co dla pewności y pamięci doskonałey pomienionemu Iwanowi Jowchimowiczu daię ten móy list, który y na urzędzie należącym przyznać powinienem. Pisan w Kozłowiczach, dnia dwunastego Kwietnia, roku tysiąc sześćset trzydziestego dziewiątego. Który to takowy list zapis oczewiście u sądu przez Ułasa Antonowicza przyznany y do xiąg wieczystych mieskich Brzesckich iest zapisany.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1624 г. стр. 402—404.

56. Протестъ Брестскаго соборнаго духовенства противъ цеховъ сапожничьяго и кожевничьяго по поводу отступленія ихъ отъ своего прихода.

Въ этомъ документѣ Брестскій капитулъ приноситъ въ магдебургскій судъ жалобу на цехъ сапожниковъ и кожевниковъ, что они бросили свою приходскую церковь св. Пречистой и перешли въ другой приходъ, къ церкви св. Симеона, и вслѣдствіе этого перестали участвовать въ церковныхъ церемоніяхъ и складчинахъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 2 mensis Maji 1639.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości, na zwykłym miescu sądowym stanąwszy oblicznie oyciec Michael Jaroszewicz— prezbiter cerkwie świętey Przeczystey, imieniem wszystkiey kapituły Brzeskiey, protestacyą na piśmie ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich podał, pisaną w te słowa:

Mości panie urzędzie Brzeski burmistrzowski y radziecki! Ja Piotr Rogoznicki— protopopa Brzeski, ze wszystką bracią, kapitułą, przy mnie będącą, zgodnie y iednostaynie w krzywdzie Bożey z wielkim a nieznośnym żalem naszym waszmościom żałuiemy y protestuiemy na odstępnych y swawolnych mieszczan iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, Brześcia, a zwłaszcza na cech szwiecki y garbarski, mianuiąc wprzód cechmistrza ich, na ten rok obranego, imieniem Hryca Hrehorowicza, a przy nim buntowników starszych, mianowicie: Jarosza Sorokę, Siemiona Borsuka, Fiedora Borsuka, Mikitę Filipowicza, Siemiona Korniłowicza, Jurasia Korniłowicza a Awerkia Jaskowicza Kunieia— szewca, Iwana Malca, Timosza Kupkę, Andrzeia Turoszkowicza, Waśka Szczawicza, Waśka Romanowicza, Hryca Paydiżyka, a przy nim y wszystkiemu cechu, tak starszym iako y mnieyszym, iż oni nabrawszy się swey woli, wypowiedziawszy posłuszeństwo w Bodze przewielebnemu, iego mości oycu Józefowi Mokosieiowi Buchowieckiemu, episkopowi Włodzimierskiemu y Brzeskiemu, panu y pastezowi naszemu y wszystkim nam duchownym Brzeskim religii greckiey, ostawiwszy prawie pustkami cerkwie y parafie swoie, z wieków im przynależące, udali się za odszczepieństwem do cerkwie świętego Siemiona pod iurisdikę y posłuszeństwo inszego pasterza, władyki Łuckiego, iego mości oyca Puziny, a tu w mieście Brześciu do cerkwie murowaney stołeczney katedralney świętego Mikołaia, matki swey, powinności swey zwykłey, którey z wieków powinni czynić, według przywileiów im na ten cech od nayiaśnieyszych królów polskich nadanych, w wielki piątek y sobotę y w niedzielę wielkonocną z świecami brackimi sami osobami swemi chodzić w procesiey powinni, także y w lichtarze wiszące świecy, aby zawsze byli powinni dawać, tedy oni y w przeszłym roku y w tem teraznieyszym roku tysiąc sześćset trzydziestym dziewiątym, na te wielkie falebne uroczyste święta wielkonocne świec nie

dali y kamchi do grobu Pańskiego od kilkunastu lat nie daią. O czym iuż protestacya pierwsza nasza w xięgach urzędowych mieskich Brzeskich, w latach przeszłych iest na nich uczyniona, iakoż y teraz w tym roku idącym, nie chcąc my tego zaniechać, ale za krzywdę Bożą chcemy z temi swawolnemi u każdego prawa, gdzie nam drogę z nimi ukaże, o to prawnie czynić; o co prosimy, aby ta nasza protestacya do xiąg urzędu waszmościów przyięta y zapisana była. U tey protestacyi podpisy rąk tymi słowy: Piotr Rogoznicki—protopopa Brzeski, ręką własną; Еронимъ Старовольскій — священникъ Спаскій, рукою власною; Яковъ Федоровичъ — священникъ Воскресенскій, рукою власною; Григорій Мартиновичъ — священникъ Светой Троицы, рукою власною; Michael Jaroszewicz—prezbiter świętey Przeczystey, ręką własną. Która to takowa protestacya, za oczewistym podaniem osoby zwysz mianowaney do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest zapisana.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 401—402.

57. Протестъ Брестскаго соборнаго духовенства (капитула) на цехъ скорняковъ о непослушаніи его каѳедральной церкви.

Уніатскіе священники приносятъ въ магистратскій судъ жалобу на цехъ скорняковъ по поводу ихъ нежеланія подчиняться юрисдикціи уніятовъ и перехода подъ юрисдикцію православнаго Луцкаго епископа Пузины, къ церкви св. Симеона.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 2 mensis Maji, anno Domini 1639.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym stanąwszy oblicznie oyciec Michael Jaroszewicz—prezbiter świętey cerkwie Przeczystey, imieniem wszystkiey kapituły Brzeskiey protestatią na pismie ku zapisaniu do xiąg mieskich podał, pisaną w te słowa:

«Mości panie urzędzie miasta iego królewskiey mości Brześcia, burmistrzowski y radziecki! Ja Piotr Rogoznicki—protopopa Brzescki, ze wszystką bracią kapitułą Brzeską, przy mnie będącą, zgodnie iednostaynie w krzywdzie Bożey z wielkim a nieznośnym żalem naszym waszmościom, iako urzędowi, żałuiemy y protestuiemy na odstępnych y swawolnych mieszczan Brzeskich, a zwłaszcza na cech kusznierski, mianuiąc wprzód cechmistrza będącego, imieniem Prokopa Jarmoszewicza — kusznierza, Iwana Nikonowicza, Chomę Nikonowicza, Andrzeia Lulkę, Iwana Chawraia, Chomę Bukatkę, Jarosza Korniłowicza, Iwana Chilkowicza, Andrzeia Malkowicza, a przy nich wszystkiemu cechowi, tak starszym, iako y mnieyszym, do tego cechu należącym, iż ci pomienieni, nabrawszy się swey woli y zbuntowawszy wszystko miasto, iednych prożbą y namową

łagodną, drugich przez gwałt y odpowiedź, grożąc zabiciem y utopieniem, ieśliby kto do ich sekty y zborzyska przystać nie chciał, iakoż tego rychło dokazawszy, wypowiedzieli posłuszeństwo w Bodze przewielebnemu iego mości oycu Jozephowi Mokosieiowi Bukowieckiemu, episkopowi Włodzimierskiemu y Brzesckiemu, pasterzowi swemu należnemu, ostawiwszy prawie pustkami cerkwie Boże y parafie swoie, z wieków im przynależące, udali się za odszczepieństwem do cerkwie świętego Siemiona, pod iurisdikę y posłuszeństwo inney diecezyi pasterza władyki Łuckiego Puziny, a tu w mieście Brześciu do cerkwie katedralney stołeczney murowaney świętego Mikołaia powinności tey zwykłey, którą z wieków pradziadowie y oycowie ych czyniwali y oni także powinni czynić, według przywileiów im na ten cech od nayiaśnieyszych królów polskich nadanych, w wielki piątek, także w sobotę y niedzielę Wielkonocną z świecami brackimi wszyści osobami swemi w processyi powinni chodzić, y ochędostwa, abo kamchi do grobu Pańskiego, także y w lichtarze, które poprzed cerkwie na łańcuchach wiszą, świece dawać powinni, tedy oni y w przeszłych leciech y w tym teraznieyszym roku tysiąc sześćset trzydziestym dziewiątym, na to wielkie uroczyste święto Wielkonocne, ani sami nie byli, ani kamchi y świec do lichtarzów wiszących nie dali, o co iuż protestacya pierwsza nasza w grodzie *) y xięgach mieskich iest na nich uczyniona, iakoż y teraz w tym roku idącym, ponawiając y niechcąc tego zaniechać, ale za krzywdę Bożą chcemy s temi swawolnemi u każdego prawa, gdzie nam porę y drogę ukaże, o to czynić nie zaniechamy, iakoż prosimy, aby ta nasza protestacya do xiąg mieskich przyięta y zapisana była.» U tey protestacyi podpis rąk tymi słowy: «Piotr Rogoznicki— protopopa Brzeski własną ręką;— Eponимъ Старовольскій—свещенникъ Спаскій рукою власною; —Michael Jaroszewicz— prezbiter świętey Przeczystey ręką własną; Григорій Мартиновичъ— свещенникъ Троицкій рукою власною, и Яковъ Федоровичъ—свещенникъ Воскресенскій рукою власною.» Która to takowa protestacya za oczywistym podaniem osoby wyszmianowaney do xiąg mieskich Brzesckich iest zapisana.

*) Брестскихъ гродскихъ книгъ за 1635 и 1639 годы въ Центральномъ архивѣ нѣтъ.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 408.

58. Продажная запись Брестскаго магистрата на городскую землю мѣщанину Андрею Ивашкевичу.

Брестскій Магистратъ продаетъ Брестскому же мѣщанину Ратушную землю за двадцать копъ Литовскихъ грошей на вѣчныя времена.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuniae die 11 mensis Maii, 1639.

Burmistrze y Rayce miasta króla iego mości Brześcia Litewskiego.

Czynimy wiadomo tym listem zapisem wieczystym, wszem wobec teraz y napotem będącego wieku ludziom, iżeśmy z wiadomością wszystkiego pospólstwa miasta Brzeskiego przedali grunt miescki ratuszny, w mieście Brzeskim, w rynku leżący, ob miedzę z iedney strony domu y gruntu pana Andrzeia Kuczwarewicza—podpiska ziemskiego Brzeskiego, a z drugą stroną dwu gruntów, które przypieraią do tegoż gruntu, ieden grunt farski, a drugi ichmościów oiców Jezuitów, tyłem do gruntu Łucznikowskiego, a głową do ulicy mimo cmentarz farski idącą, utściwemu panu Andrzeiowi Iwaszkiewiczowi y małżonce iego Oprany Stasiewnie—mieszczanom Brzeskim y potomkom ich za dwadzieścia kop groszey liczby y monety litewskiey na wieczne czasy przedali y pieniądze kop dwadzieścia spełna odebraliśmy y z odebrania y dosyć uczynienia kwituiemy y urzędownie na wieczność podaiemy. Któremu to panu Andrzeiowi Iwaszkiewiczowi, małżonce y potomkom ich, wspokoynym dzierżeniu żadney przeszkody czynić niemamy y owszem my sami, a po nas successorowie nasze od wszystkich osób, w ten grunt wstępuiących, u wszelakiego sądu y prawa, choćby też y zadworem króla iego mości, pana naszego miłościwego, sprawa wytoczyła się, kosztem wszystkiego miasta bronić, zastępować zapisuiemy się do wyścia dawności, w prawie magdeburskim opisaney, waruiąc tym zapisem, aby pan Andrzey Iwaszkiewicz, małżonka y potomkowie, tego gruntu nikomu w obce ręce, duchowieństwu, ani szlachcie, żadnym prawem zawodzić, ani legować nie ważyli się, tylko mieszczaninowi prawa magdeburskiego, pod utraceniem tego gruntu. Z którego to gruntu pan Andrzey, małżonka y potomkowie ich, wszelkie ciężary mieszkie do skrzynki mieysckiey pełnić powinni będą, nie szczycąc się żadnemi libertatiami; do którego listu zapisu wieczystego, pieczęć urzędową miescką radziecką Brzescką przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Brześciu, dnia iedenastego miesiąca Maia, anno Domini 1639. U tego listu zapisu pieczęć przyciśniona urzędowa miescka radziecka Brzescka, a podpis rąk temi słowy: Marcin Kaczyński—burmistrz Brześcki ręką swą, Василій Мартиновичъ Сорока—бурмистръ рукою власною; Stefan Rapowicz—rayca, Jan Jędrzeiewski—rayca Brześcki m. pr., Jarosz Marcinowicz — rayca Brześcki, Łukasz Pomarzański—rayca, Foltin Ryzler—rayca.

1639 г.

Изъ книги Брестскаго городскаго Магистрата, за 1637—1642. стр. 413.

59. Жалоба еврея Зельмановича на Торунскаго купца Фридриха по тому поводу, что онъ обманулъ его.

Брестскій жидъ приноситъ жалобу на Торунскаго купца Фридриха въ томъ, что онъ продалъ ему нѣсколько поставовъ (штукъ) сукна, завѣривши, что оно валеное, но потомъ оказалось, что оно неваленое, вслѣдствіе чего жидъ подвергся нареканіямъ отъ покупателей и убыткамъ.

Actum in civitate Brestensi M. d. Lithvaniae, die 27 mensis Maij, anno Domini 1639.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym

stanąwszy oblicznie opatrzny Jozeph Zelmanowicz, żyd Brzeski, podał protestacyą swą na piśmie w sprawie niżey mianowaney ku zapisaniu do xiąg miesckich prawa magdeburskiego, pisaną w te słowa:

«Mnie wielce łaskawy panie urzędzie miasta iego królewskiey mości Brześcia Litewskiego! Ja Józeph Zelmanowicz, kupiec y żyd Brzescki, donoszę to do wiadomości waszmościom urzędowey y żałośnie uskarżam na kupca Toruńskiego pana Frydrycha o to, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset trzydziestym dziewiątym, miesiąca Januarii siódmego dnia, to iest, w dzień trzech Królów święta rzymskiego, gdym był tam w Toruniu na iarmarku, tedym u tego pana Frydrycha kupił sukna Głogowskiego paklaku postawów wełnę, który mi szlubował, że to sukno iest stępowane, za którym szlubowaniem iego płaciłem za każdy postaw, iako za stępowane. A gdym ztamtąd przyiechał do domu y poczołem go przedawać w kramie swoim, tedym w tym suknie wielką szkodę y kłopot tak od szlachty, iako y od różnych ludzi miałem y mam, żem to sukno udawał, wierząc słowom iego Frydrycha, za stępowane, które nie było stępowane. O co wszystko, tak o szkody, iako y oszukanie mnie, chcąc z tym Frydrychem u sądu należnego, gdzie mi prawo drogę pokaże, prawnie czynić, tę protestacyą moią do xiąg waszmościów burmistrzowskich zanoszę, którę proszę, aby była przyięta y zapisana. Co iest zapisano.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 421—422.

60. Жалоба Пинскихъ мѣщанъ Кондрата Щасновича и Өедора Глушковича на Пинскаго мѣщанина Матөея Стряпку.

Пинскіе мѣщане заявляютъ Брестскому магистрату, что согражданинъ ихъ, Пинскій же мѣщанинъ и купецъ, нанялъ было ихъ къ себѣ въ услуженіе съ платою по 10 талеровъ твердыхъ трехзлотныхъ и отправился съ ними въ дорогу. Пріѣхавши къ польской границѣ, онъ объявилъ имъ, что они больше ему ненужны и отпустилъ ихъ незаплативши; кромѣ этого въ м. Ловичѣ онъ посадилъ было ихъ въ тюрьму. Жалующіеся мѣщане вслѣдствіе этого понесли убытку на 60 злотыхъ. Не желая терять своего, они просятъ Брестскій магистратъ внести протестацію въ свои книги, такъ какъ она пригодится имъ для дальнѣйшаго процесса, который начнутъ они въ Пинскѣ.

Actum in civitate Brestensis magni ducatus Lith., die 15 mensis Junii, anno Domini 1639.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym miescu sądowym stanąwszy oblicznie utściwi Kondrat Szczesnowicz y Fiedor Hłuszkowicz—mieszczanie Pińsci, protestatią swą na piśmie ku zapisaniu do xiąg miescckich Brzesckich podali, pisaną w te słowa:

«Nam wielce łaskawy panie urzę-

dzie burmistrzowski Brzescki! Ja Kondrat Szczesnowicz, ia Fiedor Hłuszkowicz — mieszczanie miasta iego królewskiey mości Pińska, z wielkim żalem obciążliwie protestuiemy się na pana Matfieia Strapkę—mieszczanina Pińskiego, iż on z domu s Pinska uiednał nas za parobki na tydnie do Rosławia (sic), gdzie we Wrocławiu zapewnie obiecał nam dać obiema po dziesięci talerów twardych trzy-złotowych, co nie tylko usty swymi, ale y ręki daniem stwierdził; niźli nas ubespieczywszy nie poiednokroć, tak w domu w Pińsku, iako y w drodze, a teraz słowa swego pańskiego y kupieckiego nie zdzierżał; nawet odprawić nas we Wrocławiu nie chciał, konie swe poprzedał, s którym panem naszym ze Wrocławia szliśmy do granice polskiey, dopiero nam wypowiedział służbę, powiadaiąc, że iuż was nie potrzebuię, a od samych zaś Łowicz—miasta, aż do Brześcia Litewskiego nas, ubogich ludzi, nie strawował. A gdyby nam pan Matfiey, według obietnice swey, we Wrocławiu zapłacił, tedy byśmy sobie mołodeckiego przykładu towaru legkiego, nie obciążaiąc bardzo wozu, nakupili y z tego byśmy, my ubodzy ludzie, pożytek sobie uczynili, który to pan Matfiey nas ubogich ludzi, sług swych, do wielkich szkod przywiodł, żeśmy się y sami strawowali w drodze, czego wszystkiego sobie szacuiemy szkod na złotych sześćdziesiąt polskich. Do tego nam niewinnie różne despekta wyrządzał, odpowiedź y pochwałkę na zdrowie nasze uczynił, a w Łowiczu mnie Kondrata niewinnie do turmy sadzał, pospołu kazał wsadzić y Wasila Huricza. Które takowe wielkie szkody y krzywdy nie chcieliśmy w drodze przeszkadzać, a z panem swym prawnie czynić, woleliśmy do swego urzędu do Pińska te wszystkie krzywdy y szkody nasze odłożyć. A chcąc my prawnie z panem swym czynić u sądu należnego, szyrzey czasu swego u prawa opowiemy, aby takowa protestacya nasza była do xiąg waszmościów urzędowych przyięta y zapisana, pilno prosimy. Która to takowa protestatia, za oczewistym podaniem osób zwyszmianowanych, do xiąg miesckich radzieckich Brzesckich iest zapisana.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 426—430.

61. Жалоба Пинскаго мѣщанина и купца Матеея Стрепковича на намѣстника Брестскато замка Сосновскаго, съ посвидѣтельствованіемъ вознаго.

Пинскій мѣщанинъ, Матвѣй Стрепковичъ, внесъ въ магистратскій судъ жалобу на Брестскаго намѣстника Сосновскаго по слѣдующему случаю: возвращаясь изъ *Шлюнской* земли съ товарами и торопясь поспѣшитъ скорѣе въ Пинскъ, чтобы въ свое время расчитаться съ кредиторами, Стрепковичъ остановился на нѣкоторое время въ Брестѣ; здѣсь подвернулся къ нему жидъ и взялъ 600 косъ съ обязательствомъ уплатить чрезъ нѣсколько дней деньги, но по истеченіи условленнаго срока, денегъ не заплатилъ. Стрепковичъ обратился съ жалобой къ намѣстнику. Намѣстникъ, разобравши дѣло, постановилъ: подвергнуть Стрепковича присягѣ, и жида обязать

заплатить ему слѣдуемое, но потомъ перемѣнилъ свое постановленіе, по соглашенію съ жидомъ и отсрочилъ уплату на 10 дней, не смотря на присягу Стрепковича и полученныя имъ увѣчья и лишенія 3-хъ пальцевъ. При этой жалобѣ находится и посвидѣтельствованіе вознаго.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithvaniae, die 18 mensis Junii, ánno Domini 1639.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brześckim, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie sławny pan Matis Strepka—mieszczanin Piński, podał protestacyą na pismie wsprawie niżey mianowaney ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzesckich, pisaną w te słowa:

Móy łaskawy panie urzędzie Burmistrzowski magistratu Brzesckiego! Ja Matis Strepkowicz—mieszczanin y kupiec z miasta iego królewskiey mości Pińska, z żalem moim opowiadam się waszmościom urzędowi y solenniter protestuię na iego mości pana Jozepha Sosnowskiego, na ten czas namiestnika grodzkiego Brzeskiego, o tem, iż gdy roku teraznieyszego tysiąc sześćset trzydziestego dziewiątego, miesiąca Iunia dwunastego dnia, iadąc z kraiów ziemie Szlonskiey z towarami różnemi, spiesząc się ku domowi, chcąc creditorom moim w Pińsku na terminie dosyć uczynić y assecuracye u nich oswobodzić y szkody uiścić, uczyniłem contrakt abo targ z żydem Brzesckim z Jakobem Józefowiczem, który u mnie kupił kos sześćset za złotych polskich czterysta dwadzieścia, rachuiąc sto po złotych siedemdziesiąt, gotowe pieniądze dać submitował się; a potem, odebrawszy kosy odemnie, nie oddawszy gotowych, według submissiey swey, pieniądzy, ale iakąś kartką mnie odbywał. A gdym o niedosyć uczynienie, według targu y przyrzeczenia słowa, pomieniony żyd się zachował, ale snać, iako zwyczay ich żydów niesie, chcąc mię oszukać, do prawa go przed pomienionego pana namieśnika pozwał, o niedosyć uczynienie w samey rzeczy o zatrudnienie y zahamowanie mię przez tego żyda y o szkody, to iest, żem z niemałą gromadą czeladzi przy towarach, iakom w Brześciu, przez nich będąc zatrudniony, mieszkać musiał, koszt ważył. A gdy się tego roku pomienionego miesiąca Junia dnia piętnastego przed sądem pana namiestnikowym sprawa przytoczyła, tedy pan Sosnowski—namiesnik Brzeski, odstąpiwszy temere prawa, które gościowi takiey conditiey, iako ia, sprawiedliwość święta stricte czynić każe, niepomniąc na nic, ale snać będąc corumpowany od żyda, przywiodszy mię do przysięgi, nie tylko w samey rzeczy o szkodę salve w dekrecie uczynił, ale de nowo czynić nakazał. A gdy czas przyszedł przysięgi, po którey pieniądze gotowe według dekretu na urzędzie żyd oddać powinien był, przy wykonaniu oney żadnych pieniędzy na urzędzie żydzi nie prezentowali y mnie tak w samey rzeczy, iako y o koszt podięty, dosyć nie uczynili; ale pan namiesnik na swóy dekret pierwszy nastąpiwszy, w którym wyraźnie ocerklował, że po przysiędze gotowe pieniądze żyd oddać był powinien, żydowi nakazuie, aby aż za niedziel półtory oddał mi pieniądze; gdzie tym niesprawiedliwym drugim dekretem pierwszy retraktowawszy, ieno żydowi, stronie swoiey przeciwney, favor pokazawszy, a sprawiedliwości świętey iawną krzywdę y mnie zwłokę w niey uczyniwszy, do kosztu y szkod, tak w tey sprawie z początku y do końca, przez się samego przywieść umyśliwszy, iako y w tym niemałą, że ia za niedosyć

uczynieniem mi od żyda w samey rzeczy, a od niego za nieotrzymaniem sprawiedliwości z towarami, iako z pieniędzmi na termin kreditorom obligowany, do Pińska stanąć, a przybywszy satisfactiey uczynić nie mogąc y o szkodę przez to nie mało podiąć muszę, iako też za zatrudnieniem żyda, a za nieuczynieniem oto sprawiedliwości przez pana namiestnika, na zgubę y obelżenie mię y okaleczenie przywodząc, znać za zmową iego w domu iego namiesnikowskim przez osobę niwczym mnie niewinną, iako y z mey strony nato okazyi iemu nie podawałem, zranienie y okaleczenie przez ucięcie trzech palców stalą. Lubo mię oto zagodzono, iednak z przyczyny pana namiesnika ten szwank otrzymałem, z członków pozbyłem, o co wszystko według opowiadania mego y punktów w protestacyi mianowanych chcąc z panem Sosnowskim, namiesnikiem Brzesckim, in foro fori prawnie czynić y sobie u należnego prawa sprawiedliwości dochodzić, proszę, aby to moie opowiadanie do xiąg urzędowych Burmistrzowskich było przyięto y zapisano. Co iest zapisano.

Przy którey protestacyi, tutże stawszy oblicznie ieneral iego królewskiey mości woiewodztwa Brzeskiego, pan Jan Nikodemowicz Biały, zeznał kwit swóy relacyiny w sprawie niżey mianowaney y ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzesckich podał, który tak się w sobie ma:

Ja Jan Nikodemowicz Biały—ienerał iego królewskiey mości woiewodztwa Brzesckiego, zeznawam tym moim relacyinym kwitem, iż roku teraznieyszego 1639, miesiąca Junia dnia piętnastego y siedmnastego, przy stronie szlachcie, panu Janie Paszkowskim a panu Bazylim Białym, za użyciem sławnego Matisa Strepkowicza—mieszczanina y kupca iego królewskiey mości z miasta Pińska, do sprawy niżey mianowaney, którego to dnia piętnastego Junia, w domu iego mości pana Józepha Sosnowskiego, namiesnika grodzkiego Brzesckiego, gdzie się sądy odprawuią, o rzecz w protestatiach y w dekrecie pierwszym pana namiestnikowym mianowaną, z żydem Brzesckim Jakubem Józefowiczem sprawa przytoczyła, tedy z obu stron strony stoiąc w controwersiach, a mianowicie strona powodowa Matis Strepkowicz przez umocowanego swego szlachetnego pana Alexandra Kniażyckiego, domawiał u sądu, aby przysięgę, którą pan namiestnik powodowey stronie nakazał, w samey rzeczy y na szkodach też, które przez zatrudnienie żyda Jakuba Józephowicza podiął, według prawa y na tem oraz przysięgę wykonał. A pan namiesnik, sprzeciwiaiąc się prawu sprawiedliwości świętey salvę niepotrzebną w dekrecie zachował, pokazuiąc fawor stronie przeciwney, o co się umocowany pana Matysa, pan Aleksander Kniażycki, mną ieneralem y stroną szlachtą świadczył y protestował. A gdy według nakazu y dekretu pana namiesnikowego dzień siedmnasty Iunia przysięgi przypadł, tedy ten że umocowany pan Kniażycki, z stroną szlachtą, będąc gotowy do przysięgi, domawiał, aby widział gotowe pieniądze, na co ma przysięgać strona. A pan namiesnik powiedział, po przysiędze gotowe pieniądze odda żyd Jakub, nie schodząc z urzędu, gdyż y dekret przedemną ieneralem pokazał, w którym wyraźnie pan namiestnik nakazuie, aby po przysiędze żyd gotowe pieniądze stronie powodowey złotych cztyrysta dwadzieścia, nie schodząc z prawa, oddał y zapłacił, y szkody, także u prawa stoiąc, tam że rozprawił się. Gdy tedy pan Matys Strepkowicz—kupiec Piński, przysięgę wykonał, zaczym

iawnie w tym się skorygowawszy z panem namiesnikiem, dekret pierwszy za nic ważąc, pieniędzy gotowych nie dali y niwczym dekretowi dosyć nie uczynili. A postępuiąc według prawa umocowany strony powodowey pan Kniażycki, iż się iawna zwłoka sprawiedliwości świętey dzieie przez pana namiesnika o nieuczynienie dosyć według dekretu pierwszego, w samey rzeczy o szkody u prawa podięte w tey sprawie, iako y o koszt, który za zatrudnieniem żyda, a za nieuczynienie sprawiedliwości przez pana namiesnika, niemały koszt podiął, bawiąc się z niemałą gromadą czeladzi y koni, którego kosztu na urzędzie y przedemną ienerałem na złotych sto ośmdziesiąt mianował, y coby daley podiąć miał w tey sprawie, także y o to, ieślibym za nieprzybyciem do domu do Pińska na termin, creditorowie iego prawo na nim przewiodszy, szkodę by on w tym poniosł, tedy iż się za zatrudnieniem żyda Brzeskiego Jakuba Józephowicza, a za zwłoką pana namieśnika, za nieuczynieniem sprawiedliwości skuteczney y prawney, to się dzieie, nie kontentuiąc się tym dekretem drugim, o wszystko pomieniony Matys mną ienerałem y stroną szlachtą świadczył się y protestował. A tak ia ienerał przy czym był, com słyszał y widział, to wszystko spisawszy na ten móy kwit relacyiny ku zapisaniu do xiąg burmistrowskich magistratu Brzeskiego podałem y na urzędzie tam że przyznał. Pisan roku, miesiąca y dnia zwyż mianowanego. U tey relacyi przy pieczęciach przyciśnionych, podpis ręki ienerała tymi słowy: Jan Nikodymowicz Biały—ienerał ręką. Która to takowa protestacya y relacya ienerała oczewiście u sądu dnia ośmnastego Iunii anno 1639 zeznana y do xiąg mieskich Brzesckich iest zapisana.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 435.

62. Продажная запись на участокъ поля отъ Брестскаго мѣщанина Богдана Сезевича ратушному крестьянину Михайлѣ Янковичу.

Брестскій мѣщанинъ Богданъ Сезевичъ продаетъ ратушному крестьянину свой участокъ земли за шестнадцать злотыхъ на вѣчныя времена.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith. die 7 mensis Julii, anno Domini 1639.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla i. mości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczynskim, Wasilem Marcinowiczem Soroką, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomaranskim, Janem Jędrzeiewskim, Stefanem Rapowiczem, Jwanem Bielkiewiczem, Foltinem Ryzlerem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie utściwy Bohdan Sieziewicz y małżonka iego Nastazya Jwanowna—mieszczanie Brzescy, iawnie y dobrowolnie zeznali, iż maiąc oni rezek pola swóy własny, od panów burmistrzów y rayców dany, dnia dziesiątego miesiąca Oktobra, w roku tysiąc sześćset ośmnastym, leżący pod przy-

sądem prawa magdeburskiego, za miastem Brzeskim, ob miedze z iedne strone rezu pana Jarosza Soroki, z drugą strone do rezu Doroszyszyne, tyłem do drożki Skakowskiey, a czołem do gościnca Wileńskiego, który to rezek przedali utściwemu Miskowi Jankowiczowi y małżonce iego Hannie Karpownie y potomkom ich, poddanym ratusznym mieskim Brzeskim Kozłowcom, za szesnaście złotych polskich na wieczność. Z wzięcia pieniędzy wszystkich szesnastu złotych Bohdan Seziewicz y małżonka iego kwitowali y wieczne zrzeczenie z tego rezka uczynili, także wszystkich przyiacioł, potomków y powinowatych swych oddali, pozwalaiąc Miskowi Jankowiczowi, małżonce y potomków ich, tym rezkiem pola, iako swą własnością szafować, dać, przedać, darować y na swoie naylepsze pożytki obracać, w czym żadney przeszkody czynić nie maią, y owszem od wszelakich osób w ten rezek wstępuiących, u wszelakiego sądu y prawa swym własnym kosztem y nakładem ze wszystkich dobr swoich leżących y ruchomych y z osób samych bronić, zastępować zapisali się, do wyścia dawności w prawie magdeburskim opisaney. Z którego rezka czynszu do skrzynki mieskiey co rok o świętym Marcinie groszy dziesięć lit. płacić maią. Co iest do xiąg mieskich Brzeskich zapisano.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 467—468.

63. Дарственная запись короля Владислава IV-го коронному стольнику Христофору Гембицкому на имущества ратмана Торунскаго.

Король Владиславъ IV симъ листомъ увѣдомляетъ Брестскія власти, что ему угодно было даровать коронному стольнику Гембицкому все движимое и недвижимое имущество Торунскаго радцы, переходящее въ распоряженіе короля *кадуковымъ* (выморочнымъ) *правомъ*. При этомъ король предписываетъ Брестскимъ купцамъ уплатить всѣ суммы, слѣдовавшія съ нихъ покойному, новому донаторіушу безъ всякаго промедленія.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie pan Jan Zaranek, pokładał y ku aktikowaniu do xiąg miescкich Brzeskich podał list iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, w sprawie niżey mianowaney y ku zapisaniu do xiąg miesckich podał, pisany w te słowa:

Władysław czwarty, z Bożey łaski król polski etc. Wszem wobec y każdemu zosobna, komu to wiedzieć należy, a mianowicie urzędowi tak grodzkiemu y miesckiemu miasta naszego Brześcia w. x. Lit. iako y innym, na iakimkolwiek urzędzie będącym, którym ten uniwersał nasz pokazany będzie, wiernie nam miłym, łaskę naszą królewską. Wiernie nam mili! Conferowaliśmy urodzonemu Krzysztofowi Gębickiemu — stolnikowi koronnemu, Gnieznieńskiemu staroście, dobra wszyst-

kie ruchome y nieruchome po śmierci sławetnego Gotfryda Krywessa, rayce y kupca Toruńskiego, z pewnych przyczyn do dispositiey naszey prawem kadukowym przypadłe. A iż mamy tę wiadomość, że u niektórych obywatelów y kupców pomienionego miasta naszego Brześcia, towary y summy pieniężne tegoż Krywessa są pozostałe, przeto rozkazuiemy surowie wiernościom waszym y to mieć koniecznie chcemy, abyście za requisitią przerzeczonego donatariusza naszego, albo umocowanego iego, na pomienione towary y summy pieniężne, u kogokolwiek by się teraz albo na potym przez pilną wiernościom waszym inquisitią, którą abyście uczynili, mocą tego listu rozkazuiemy, pokazali bez wszelakiey zwłoki y trudności, urzędownie areszt położyli y one w sequestrze swoim urzędowym do dalszey informatiey naszey mieli, inaczey nie czyniąc dla łaski naszey y s powinności urzędów swoich. Dan w Grodnie, dnia IX miesiąca Lipca, roku Pańskiego MDCXXXIX, panowania naszego polskiego VII roku. U tego uniwersału i. kr. mści pieczęć wielka w. x. Lit., a podpis ręki i. kr. mści y pisarskiey temi słowy: Vladislaus rex; Franciszek Dołmat Isaykowski—i. kr. mści sekretarz. Który to takowy list i. kr. mści ku aktikowaniu podany, y do xiąg miesckich iest upisany.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 440—442.

64. Уступочная запись третьей части доходовъ съ мельницы и земли, данная мельникомъ Власомъ Грицевичемъ крестьянину Калиху Семеновичу.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 15 mensis Julii, anno Domini 1639.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, przed nami Marcinem Kaczyńskim, Wasilem Soroką—burmistrzami, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Stephanem Rapowiczem, Joanem Bielkiewiczem, Foltinem Ryzlerem — raycami, na zwykłym miescu sądowym stanąwszy oblicznie utściwy Ułas Antonowicz—młynarz ze wsi mieśckiey Brzesckiey Kozłowskiey y przy nim Oleszko Sawczenia y Łukasz Szostakowicz Wasilewicz ze wsi Somowicz, wuiowie potomków pozostałych nieboszczyka Antoniego Hrycewicza młynarza y małżonki iego Nastazyi Sawczanki — poddanych miesckich, iawnie y dobrowolnie zeznali, iż trzecią część wymiaru wszelakiego zboża we młynie Kozłowskim, zaciągaiąc ku pomocy Kalicha Siemionowicza Zokczyna, postąpili onemu brać y na swóy pożytek obracać do lat ośmiu po sobie idących, od daty tego przyznania, a to względem młyna zepsowanego, który młyn ma Kalich swym kosztem naprawować, za co też nie tylko we młynie, ale y w ogrodziech, polach, sianożęciach, do młynu przynależących, postąpili spokoynie używać trzecią część, a ztąd słuszne wychowanie dawać po-

omkom Antonowym do lat ośmiu powinien będzie. A gdy lat ośm wynidzie, gdy potomkowie do wzrostu lat przydą, tedy iuż Kalich czwartą część wymiaru młynowego, także też pożytków do młynu przynależących w sianożęciach, polach y ogrodach czwartą część brać ma, któremu to pomienionemu Kalichowi Siemionowiczowi na wieczność zapisali. Ma y wolen będzie Kalich tę czwartą część spokoynie trzymać z małżonką swą przyszłą y z potomkami, ieśliby mu Pan Bóg dać raczył, wiecznie y tymże prawem komu inszemu zawieść. A pomieniony Ułas, małżonka, potomkowie ich y bracia, także też przyiaciele, pokrewni, żadney przeszkody w spokoynym dzierżeniu czynić nie maią y owszem przyznawaiące osoby ze wszystkich dóbr swoich bronić, zastępować u wszelakiego sądu y prawa swym własnym kosztem, zapisali się, od wszelakich osób, iednakże gdy dzieci dorostą lat, powinni też będą wszyści wspólnie z tego młyna y z tych dóbr, spłacaiąc Ulannie Antonownie, posagu każdy z osoby swey po złotych dziesięciu dać, to iest Ułas złotych dziesięć, Leś złotych dziesięć, Jarosz złotych dziesięć, Kalich złotych dziesięć, wszystkiego złotych czterdzieści, przy tym wniesieniu matki iey, wrócić krowę z cielęciem, także przypłodku od świniey, od kur y gęsi udzielić powinni będą. Co iest do xiąg mieyskich Brzesckich zapisano.

1739 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 98—99.

65. Опредѣленіе Брестскаго магистрата о совмѣстной уплатѣ долга жиду Литману Якубовичу мѣщанами, братьями Филипповичами.

По жалобѣ жида Якубовича на мѣщанъ Филипповичей въ неуплатѣ ими долга въ 120 злот., одинъ изъ братьевъ Филипповичей отказывался отъ уплаты долга, на томъ основаніи, что оный будто бы сдѣланъ былъ другимъ братомъ безъ его вѣдома; но другой братъ доказывалъ, что этого не могло быть, такъ какъ долгъ сдѣланъ былъ во время совмѣстнаго ихъ сожительства. Судъ приговорилъ уплатить долгъ обоимъ поровну.

Die 24 Julii, anno Domini 1637.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim żałował opatrzny Litman Jakubowicz — żyd Brzeski na panów Piotra y Iwana Philipowiczów — mieszczan Brzeskich, o dług na gołe rzeczenia słowa winno zostały złotych sto dwadzieścia, do którego długu Piotr Philipowicz znał się, a Iwan Philipowicz mienił, że te pieniądze Piotr brat iego bez wiadomości iego brał, aby też sam żydowi zapłacił. Na które słowa Piotra Philipowicza replikę daiąc powiedział, że na ten czas spólnie rzemiosło robili o iednym chlebie y w iednym domu mieszkali, maiętności nabywali, wszelkie ciężary mieskie ponosili, spólnie też y długi pożyczane płacić powinni. My urząd przychyliwszy się do prawa po-

spolitego, w zakonie o spólnym towarzystwie na liście 445 opisanym, ponieważ spólnie maiętności nabywali, spólnie też y długi znosić powinni, nakazuiemy Piotrowi y Iwanowi Philipowiczom ten dług złotych sto dwadzieścia spólnie żydowi Litmanowi za niedziel dwanaście od daty tego dekretu zapłacić y dosyć uczynić. Co iest do xiąg zapisano.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 471.

66. Дарственная запись Брестскаго магистрата крестьянину Ивану Селедцу и его дѣтямъ на пожизненное владѣніе третьею частью уволоки земли въ селѣ Козловичахъ.

Брестскій магистратъ въ видахъ увеличенія ратушныхъ крестьянъ, настоящимъ постановленіемъ отдаетъ въ пожизненное владѣніе 1/3 уволоки въ ратушномъ селеніи Козловичахъ крестьянскому семейству Ивана Селедца.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 1 mensis Septembris, anno Domini 1639.

My burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brześcia Litewskiego.

Czynimy wiadomo tym listem daniny naszey, komuby o tem wiedzieć należało, iż my będąc w zupełnym zgromadzeniu wszyscy spólnie, zezwoliwszy się, rozmnażaiąc poddanych ratusznych mieskich Brzeskich za pokazaniem daniny starey burmistrzowskiey y radzieckiey, dnia czwartego miesiąca Septembra w dacie roku tysiąc pięćset dziewięćdziesiąt ósmego Naści Denisowey Truchonowiczowey y dzieciom iey włoki ziemi we wsi Kozłowiczach do żywota daney, którey iuż z tego świata tak Denisowa, iako y potomkowie iey Marcin, Audisz y Ohapa, tak że y Hric, syn Truchonowiczowey pierwszego małżenstwa z tego świata zeszli, którą tę włokę ziemi przezywaiącą Bieniaszewską, poddani mieysci Kozłowci przez czas niemały swowolnie trzymali, nie maiąc na to żadnego prawa, iakoż w roku teraznieyszym tysiąc sześćset trzydziestym dziewiątym, gdy potomkowie Audisza Truchonowicza Fiedia y Owdosia z małżonkami swemi Chwediną y Chwedkiem Nakreykiem pozywali o trzecią część włoki Jwana Seledca, który także z małżonką swą Maruszą Hricewiczową przypisuią sobie dziedzictwo przynależące; i gdy, za okazaniem prawa dożywotnego w dacie zwysz mianowanego, odsądzeni są wszyscy dekretem tey włoki, niesłusznie trzymaiący od dziedzictwa wiekuistego, iednak uważaiąc daniny przodków naszych, iako przedtym dożywotnemi daninami, włok we wsi Kozłowiczach rozdawali, y my tymże sposobem rozmnażaiąc poddanych mieskich, aby się obficie pomnażali y roszerzali, ku ozdobie y większemu pożytkowi prowentów miasta Brzeskiego, daliśmy trzecią część włoki we wsi Kozłowiczach leżącey, ob miedzę Fediny, a z drugiey strony od młynarza krainy w

sielidbie, w ogrodach, w polach, łąkach, lasach y we wszystkiey dzierżawie Iwanowi Seledcowi y synom iego Sienkowi y Philipowi Seledcom do żywotów ich, którey to trzeciey części włoki, maią spokoynie trzymać y używać przez żadney przeszkody, z którey to trzeciey części włoki czynszu do skrzynki mieskiey co rok po groszey czterdziestu lith. płacić maią, także panszczyznę y wszelaką powinność pełnić maią. Pisan w Brześciu, dnia piątego Septembra, anno 1639.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 485.

67. Протестъ крестьянина Каплуника противъ Брестскаго ландвойта Ивана Курьяновича.

Крестьянинъ Каплуникъ приноситъ магистратскому суду жалобу на Брестскаго ландвойта въ томъ, что этотъ послѣдній производилъ разслѣдованіе по его дѣлу незаконно, не допустилъ къ разбирательству ни защитниковъ, ни лавицы и составилъ постановленіе въ интересахъ противной стороны. Дѣло крестьянина начато было по поводу нашествія на его домъ скорнячки Ярошовой.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 7 mensis Octobris, anno Domini 1639.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mści Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie p. Kazimierz Brzezicki, podał protestatią na pismie imieniem Stanisława Kapłunika y małżonki iego Maruszy ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich, pisaną w te słowa:

Mnie wielce łaskawy panie urzędzie radziecki miasta iego król. mości Brześcia! Ja Stanisław Kapłunik, ia Marusza Kapłuniczka, małżonkowie y mieszczanie Brześci, soleniter świadczemy, a prawie z wielkim żaliem protestuiemy się naprzeciwko sławetnemu Janowi Kurianowiczowi — lantwoytowi o to, iż my, maiąc w sądzie iego sprawę swoię z Jaroszową kusznierzką y mężem iey o nayście domu, zdespektowanie y o pochwałki na zdrowie, s których pochwałek iey Pan Bóg mi s tego świata dziecię wziął, iako szyrzey protestacya w tym uczyniona w. p. lantwoytu szyrzey w sobie świadczy, w którey to sprawie tak wielkiey, gdy plenipotentowie nasze przed sądem iego stawali y tych pochwałek inquisitią różnych y zacnych osób dowodzić chcieli, według biegu pewnego, on nic nie pomniąc na prawo pospolite, ani onego słuchaiąc, onym takowych dilacyi ad convincendum tey Jaroszowey nie pozwalał y urzędu ławice swoiey zsyłać nie chciał, ani na tę sprawę według domówienia się plenipotentów naszych zupełney ławicę obsyłał, ale sua privata authoritate onę samowtór tak wielką sprawę sądzić chciał, iakoż sądził y dekreta bez strony powodowey wydawał, faworuiąc stronie pozwaney, którą wiecznemi czasy absentibus actoribus wolną uczynił tey sprawie bez żadnych kontrowersyi obudwu stron. A gdy o takim dekrecie dowiedzieliśmy się, na

który termin, ani nas zapozywano, ale bez pozwu dekret uczyniono; zaraześmy protestatią de male obtento decreto tego wolności tamże przed sądem iego uczyniliśmy, do którey pozwawszy, gdy male obtenti plenipotentowie nasi znosić chcieli ten dekret, a pan landwoyt, z niektóremi ławnikami swemi on approbuiąc, controwertować nie dopuścił, alie y owszem na większą wzgardę prawa pospolitego, także y wielką szkodę strony powodowey plenipotenta naszego szlachetnego Kazimierza Brzezińskiego Grzymałę vi et violenter odpędził od sądu, winę onemu niezwyczayną płacić kazał; od którey sprawy y aprobaty tego dekretu gdy plenipotent nasz appellował, także od płacenia winy niesłuszney od wielmożnego iego mość pana woyta Brzeskiego, iako sędziego wysszego prawa magdeburskiego, onemu takowey appellatii nie dopuściwszy, ale y owszem, na większy contempt plenipotenta naszego, onego od sądów precz odegnał, zakazuiąc mu privata authoritate sua w sądzie swoim spraw więcey nie odprawować, o co szyrsza protestatia plenipotenta naszego w grodzie Brzeskim uczyniona szyrzey będzie świadczyła; o co wszystko tak o privatne sądzenie w tey sprawie, iako też niedopuszczenie dilacyi y niezesłanie ławicy na inquisitią, iako też o uwolnienie bez aktorów y pozwu onych, tak też o niedopuszczenie appellacyi, iako też o odegnanie plenipotenta od sprawy, iterum atque iterum protestuiemy się, obłecuiąc się o to wszystko prawnie z panem lantwoytem czynić, gdzie prawo drogę ukaże, która protestacya prosimy aby do xiąg zapisana była. U tey protestacyi podpis ręki tymi słowy: Kazimierz Brzeznicki imieniem Stanisława Kapłunika y małżonki iego. Która to takowa protestacya za oczewistym podaniem osoby wysz mianowaney do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 492.

68. Заявленіе Копысьскаго мѣщанина Андрея Корниловича противъ жида Зельмана Шмойловича.

Копысьскій мѣщанинъ приноситъ въ магистратскій судъ протестацію на Брестскаго жида Шмойловича въ томъ, что онъ не только не исполняетъ своихъ обязательствъ, не смотря на упоминальный листъ короля, но еще угрожаетъ ему побоями; посему Андрей Корниловичъ заявляетъ, что если съ нимъ и случится какое нибудь несчастіе, то виною онаго будетъ вышепомянутый жидъ.

Idem die 18 mensis Octobris 1639.

Przed urzędem burmistrowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, postanowiwszy się oblicznie uczciwy pan Andrzey Korniłowicz — mieszczanin Kopysky, podał protestatią swą na pismie w sprawie niżey mianowaney y ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich popodał, pisaną w te słowa:

«Moy łaskawy panie urzędzie burmistrzowsky Brzesky! Ja Jędrzey Korniłowicz—mieszczanin Kopyski, opowiadam się wmość urzędowi y protestuię na żyda Brzeskiego Zelmana Szmuyłowicza szkolnika, o to, yż roku teraźnieyszego 1639, miesiąca Oktobra siedmnastego dnia, gdym przy podaniu mandatów y listu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, upominalnego im żydom pewnym osobom w sprawie moiey z nimi o dług pewny y o wyswobodzenie żyda z więzienia fortelnie kú szkodzie moiey, osobą moią przy generale woiewodztwa Brzesckiego był, ten pomieniony Zelman, naprzód nieuważywszy y nieuszanowawszy zwierzchności iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, przeciwko listu iego królewskiey mości y mandatom słowami nieprzystoynemi targnoł się y liekce poważywszy, a potym y mnie, będąc snać zdawna nieprzyiacielem, słowami nieutściwemi y moyey potściwości y sławie nienależącemi, zelżył y połaiał y ieszcze snać maiąc zamysł fortelnie o zdrowie moie starać się, a ile widząc mnie iuż gotowego w drogę w tey sprawie za mandatami, gdy iuż według listu iego królewskiey mości upominaiącego dosyć nie uczynił, iawnie przed wielą ludzi odpowiedź y pochwałkę na zdrowie moie uczynił, y ieśliby mnie gdziekolwiek co potkało, tedy s przyczyny by to, iego stać miało, gdyż widzę, yż się różnemi sposobami gwoli tey sprawie, yż z nimi mam, na zdrowie moie usadzili, o co chcąc z nimi in foro fori u należnego prawa mówić y o tę pochwałkę sprawiedliwości dowodzić, proszę aby to moie opowiadanie do xiąg wmości urzędowych było przyięto y zapisano. Co iesth zapisano.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 годъ, стр. 485—489.

69. Протестъ Копысьскаго мѣщанина Андрея Корниловича противъ намѣстника Брестскаго замка Сосновскаго.

Копысьскій мѣщанинъ Андрей Корниловичъ приносить въ магистратскій судъ жалобу на Брестскаго намѣстника въ томъ, что этотъ послѣдній, по предъявленію Корниловичемъ королевскаго листа Брестскимъ жидамъ объ удовлетворенія его претензій, не только не принялъ его въ расчетъ, но еще не захотѣлъ принимать въ книги ни его жалобы на жида за ручательство, ни посвидѣтельствованія вознаго.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 18 mensis Octobris, anno Domini 1639.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczyńskim, Wasilem Soroką — burmistrzami, Łukaszem Pomarzańskim, Stephanem Rapowiczem, Jaroszem Soroczycem, Iwanem Bielkiewiczem — raycami, na zwykłym miescu sądowym, stanowszy oblicznie uczciwy pan Andrzey Korniłowicz — mie-

szczanin Kopyski, podał protestatią swą na piśmie ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzeskich prawa magdeburskiego, pisaną w te słowa:

«Moy łaskawy panie urzędzie burmistrzowsky Brzesky! Jędrzey Korniłowicz—mieszczanin Kopyski, opowiadam się ww. iako urzędowi y protestuię na pana Józefa Sosnowskiego— namiestnika grodzkiego Brzesckiego, który to gdy po podaniu listu iego królewskiey mości kopią z oryginału upominalnego w roku teraznieyszym, tysiąc sześćset trzydziestym dziewiątym, miesiąca Oktobra siedmnastego dnia, pewnym osobom Brzeskim, w liście tym iego królewskiey mości upominalnym, tak iako y samą rzecz specyfice wyrażoną, a za nieuczynieniem satisfactiey mnie według listu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, za podanie mandatów y czynienia processów, za podaną okazyą z żydów przyszłą, tedy pan namiestnik, snać za faworem, iako processów, tak relatii ienerała w tey sprawie moiey z żydami Brzeskiemi, przyiąć nie chciał y nie przyiął, zaczym mi za pokazaniem drogi do należnego forum i do zaniesienia tych processów przyszło, a z pomienionym panem namiestnikiem Brzeskim o to u należnego prawa y o szkody za nieprzyięciem podięte, prawnie czynić nie zaniecham, a teraz proszę, aby moie opowiadanie do xiąg urzędowych ww. było przyięto y zapisano. U tey protestacyi podpis ręki tymi słowy, iako pisać nieumieiętnego, za prośbą iego, imieniem iego rękę podpisał Jan Alexander Kniazycky.

Przy którey protestacyey tuż stanąwszy oblicznie ienerał iego królewskiey mości woiewodztwa Brzesckiego pan Jan Nikodymowicz Biały tegoż roku, miesiąca y dnia zwysz pisanego zeznał relatią swą w sprawie niżey mianowaney y ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzesckich na pismie podał, która tak się w sobie ma:

Ja Jan Nikodymowicz Biały — ienerał iego królewskiey mości woiewodztwa Brzesckiego, zeznawam tym moim relacyinym kwitem, iż roku teraz idącego tysiąc sześćset trzydziestego dziewiątego, miesiąca Oktobra siedmnastego dnia, przy stronie szlachcie panu Woyciechu Sieleńskim y panu Janie Zabłockim, będący mnie w mieście iego królewskiey mości Brzesckim, gdy mieszczanin Kopysky, na ymie pan Andrzey Korniłowicz, sprawy swoiey; to iest, list iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, do żydów Brzesckich, osób pewnych w tem liście mianowanych, copią z niego podawszy im, a gdy w nieuczynieniu satisfaktiey z nich według listu iego królewskiey mości y do podania mandatów przyiść musiało y do prosessów czynienia za obelżenie pana Andrzeia Korniłowicza — mieszczanina Kopyskiego przez Zelmana szkolnika słowy nieutściwemi y za odpowiedzi iegoż na zdrowie tego kupca, iawnie tedy te wszystkie processa, nie wiem z iakich przyczyn iego mość pan namiestnik przez mię podawanych przyiąć nie chciał y nie przyiął, tak mego przyzwania, iako y suscepty na processach uczynić nie chciał, co mieszczanin Kopyski mną ienerałem świadczył się. W którey tey sprawie będąc, dałem ten móy relacyiny kwit z moią pieczęcią y z podpisem ręki mey, także za pieczęćmi strony ku zapisaniu do xiąg burmistrzowskich Brzesckich. Pisan roku, miesiąca y dnia wyż pisanego. U tey relatii przy pieczęciach przyciśnionych podpis ręki ienerała, tymi słowy: Jan

Biały—ienerał ręką. Która to takowa protestatia także y relacya ienerała zwysz mianowanego oczywiście u sądu przyzwana y do xiąg miesckich Brzesckich prawa magdeburgskiego zapisana.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 497—499.

70. Заявленіе цеха Брестскихъ православныхъ сапожниковъ противъ протеста уніятскаго капитула

Цехъ сапожниковъ, по поводу протестацій поданной на него Брестскимъ капитуломъ, что онъ не исполняетъ своихъ религіозныхъ обязанностей, не ходитъ въ свою приходскую церковь, не вноситъ узаконенныхъ пожертвованій,— заявляетъ: такъ какъ члены его большею частію исповѣдаютъ религію греческую и не состоятъ въ уніи, а по смыслу конституціи имъ вольно избрать свою церковь православную и совершать въ ней греческое богослуженіе, то они и избрали церковь Пресвятой Богородицы, назначенную для лицъ религіи греческой королемъ, и исполняютъ относительно ея всѣ религіозныя требованія; подчиняться же уніи не хотятъ. А что касается до пожертвованій на уніятскія церкви, то хотя по сихъ поръ они ихъ и вносили, по вносили по своей доброй волѣ, а не по принужденію и думаютъ что приказать имъ этого, капитулъ не можетъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith. die 28 mensis Octobris, anno Domini 1639.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym mieyscu sądowym stanąwszy oblicznie utściwy pan Hrehory Hrehorowicz—cechmistrz szewiecki y garbarski religii Greckiey y przy nim Paweł Micuta—brat tegoż cechu, reprotestatią na piśmie, sami od siebie y imieniem wszystkiego cechu szwieckiego y garbarskiego nieuniiatów, ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich na piśmie podali, pisaną w te słowa:

Sławetny magistracie miasta króla iego mości Brześcia Litewskiego! Ja Hrehory Hrehorowicz—cechmistrz cechu szewieckiego y garbarskiego, ze wszystką bracią cechową starszą y młodczą, mieszczanie króla iego mości pana naszego miłościwego, z miasta Brzeskiego religii Greckiey nieuniiaci, wziąwszy my wiadomość pewną z xiąg waszmościów burmistrzowskich Brzeskich o uczynieniu niesłuszney protestacyi od oyca Piotra Rogoźnieckiego—protopopy Brzeskiego y od wszystkiey kapituły Brzeskiey uniatów o nieposłuszeństwo ich miłościom stałe; w tey materyi, iakobyśmy według praw przywileiów do nayiaśnieyszych świętey pamięci ichmościów królow Polskich, panów naszych miłościwych, cechowi naszemu nadanych, w wielki piątek, w sobotę y w niedzielę wielkanocną z świecami brackimi sami osobami swemi chodzić w processyi nie chcieli, także y w lichtarze wiszące do cerkwi katedralney murowaney y kamchi do grobu Pańskiego nie dali, mieniąc nas być swawolnikami y uniey nieposłusznemi, o czem szyrzey w pretestacyi niesłuszney kapitulney opisuie; w czym my wiadomości zasiągszy, przeciwko wszystkiey kapitule Brzeskiey reprotestuiemy się w

ten sposób: iż oycowie w kapitule Brzeskiey będące, nie poglądaiąc nic między unitami a nieuniatami na convocatii, także na szczęśliwey elektii iego królewskiey mości pana naszego miłościwego, na pokóy zawarty, gdzie deklaracyą oznaczoną na obiedwie strony, że każdemu wolno, niechcącemu być w unii, referować się do pasterza sobie należącego,nie unita, co we wszystkich diecesiach tak w koronie Polskiey, iako y w. x. Lit., ma się rozumieć, bez wszelakiey prepeditiey iednego od drugiego, którą deklaracią y wszystkie punkta potym w roku tysiąc sześćsetnym trzydziestym trzecim, przez iego królewską mość, pana naszego miłościwego,przywileiem iego królewskiey mości approbowane, z konsensem wszystkiey rzeczy-pospolitey oboyga narodów,w miastach y miasteczkach iego królewskiey mości, nam ludziom religiei Greckiey, niebędącym w unii, po iedney cerkwie dla odprawowania w nich nabożeństwa pozwolić raczył, między innemi miasty y w Brześciu Litewskim nam odprawowania nabożeństwa, w dobrach iego królewskiey mości stoiącą, Narodzenia Nayświętszey Panny Maryi dać raczył, y przez dworzanina iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, nam w possesią podana iest. Którą cerkiew my z łaski i. k. mości w possesyi maiąc nabożeństwa zażywamy, a kapituła Brzeska woli i. k. mości pana naszego miłościwego y rzeczy-pospolitey punktów, na szczęśliwey elekcii i. k. mości postanowionym dyplomy i. k. mości y constitutiey seymowey sprzeciwiaiąc się, nie słuszną protestację do ziąg waszmościów wnieśli, nie oglądaiąc się na zaręki sto tysięcy kop groszy litewskich na skarb i. k. mości y rzeczy-pospolitey, na każdego takowego, któreby decyzią i. k. mości wzruszał y przynagabanie iakie czynił ludziom w unii niebędącym. Wczym wszystkim zachowuiąc sobie z kapitułą Brzeską wolne prawo u sądu należnego, a na ten czas na ichmościów protestatią takową sprawę daiemy, że kamchi u nas nie prosili, którey lubośmy nie powinni dawać, iednak na zastawę wygodziliśmy, tak też dwie świece, pod wagą po półkamieniu wosku w każdey świece, względem niektórych uniatów w naszym cechu będących co rok daiemy. Wyciągać na nas więcey niepowinni, ieno to, co z dobrey woli naszey daiemy. To wszystko z dobrey woli czynimy, a nie z przymusu y nie z żadney powinności uprzywileiowaney strony, processii nigdziey, tylko w dzisieyszey swoiey w cerkwi nieuniackiey odprawuiemy, za czym nie maiąc do nas żadnego przystępu protestacią czynić, turbacią zadawać ważą się, reprotestuiemy się, że nie my, ale kapituła Brzeska pokóy wzrusza. Co wszystko czasu prawa chcąc prawnie rozprawić się y we wszystkim usprawiedliwić się, tę reprotestatią naszą dla czasu przyszłego zanosimy y prosimy, aby do xiąg waszmościów zapisana była, co iest do xiąg mieskich prawa magdeburskiego zapisano.

1639 г.

Изъ книги за 1623—1627 годы, стр. 525—527.

71. Королевское опредѣленіе по дѣлу Орловскаго мѣщанина Петр. Язвинскаго съ ландвойтомъ Иваномъ Курьяновичемъ.

Орловскій мѣщанинъ Язвинскій внесъ въ королевскій судъ апелляцію на декретъ Брестскаго магистрата по слѣдующему дѣлу: у Язвинскаго была украдена лошадь; воръ былъ пойманъ въ Брестѣ; но ландвойтъ посадилъ его не въ свою тюрьму, а въ замковую, откуда воръ ушелъ. По поводу этой лошади Язвинскій два раза ѣздилъ въ Бресть и обратно, вслѣдствіе чего понесъ убыт и. Магистратъ постановилъ: лошадь возвратить Язвинскому, предоставивши при этомъ право розыскивать вора; съ ландвойта взыскать убытки въ 100 злотыхъ, но послѣ присяги Язвинскаго. Король оставилъ въ силѣ постановленіе магистрата, измѣнивши только одинъ пунктъ, именно: взыскать съ ландвойта 70 злотыхъ безъ присяги.

Władysław IV, z łaski Bożey, król polski etc. Oznaymuiemy ninieym listem naszym wszem wobec y komu to wiedzieć należy; iż przytoczyła się do nas y sądu naszego, za apellatią od rządu radzieckiego Brzeskiego założoną sprawa y actia między utściwym Piotrem Jazwińskim—mieszczaninem Orlenskim,actorem, a sławetnym Janem Kurianowiczem—mietzczaninem a lantwoytem Brzeskim, pozwanym o niesłuszne pograbienie klaczy gniadey, za którym grabieżem y za przyiazdem dwoiakim z Orla do Brześcia, także za nierobieniem rzemiosła przez kilka niedziel y za nakłady prawne, szkody na złotych sto sobie stałe mianował, w którey sprawie gdy pomieniony pozwany sprawuiąc się, iż klaczę pomienioną względem winy złodzieyskiey, gdy szkodnika swego, który mu był konia wywiódł, w Brześciu pościągnowszy nie do więzienia lantwoytowskiego, iako był powinien, ale do zamku osadził, z którego więzienia potym ten szkodnik bez żadnego karania uszedł, słusznie go grabił, udawał y potem tęż klaczę grabieżną actorowi wracał. Urząd pomieniony mieyski z controwersyi stron pomienionych to upatrzywszy, ponieważ się to iaśnie pokazało, że pozwany lantwoyt niewinnie grabież uczynił, któremu żadna wina od tego, komu konia ukradziono nie przychodziła, tę klaczę bez sowitości wrócić nakazał, a na szkodach podiętych według protestacyi opisaney pozwanemu przysięgę uznał, a po przysiędze złotych sto na pozwanym Kuryanowiczu y na maiętności iego, actorowi przysądził: a strony złodzieia, ponieważ nie z przyczyny Kurianowicza y nie z więzienia lantwoytowskiego nciekł,onego pozwanego wolnym uczynił, wolne iednak prawo actorowi do złodzieia,gdzieby go pościągnąć mógł zachował. Od którego dekretu pomieniony pozwany względem nakazania złotych sta o szkody za przysięgą aktorową do nas y sądu naszego apellował, iako o tym postępek sprawy tey szyrzey w sobie zawiera. Na roku tedy dzisieyszym, z tey apellatii przypadaiącym y dotąd się kończącym, gdy strony pomienione, powodowa przez szlachetnego Stanisława Skorczyńskiego a pozwana przez szlachetnego Marcina Swierzyńskiego umocowanych swoich przed

sądem naszym staneli y tego roku pilnowali; My przez pany rady y urzędniki nasze na sądy assesorskie, od nas wysadzone, controwersyi stron pomienionych wysłuchawszy y one dobrze zrozumiawszy, ponieważ pomieniony pozwany lantwoyt Brzeski w kontrowersyą in negotio principali przed urzędem miesckim Brzeskim wdał się, przeto dekret pomienionego urzędu miesckiego Brzeskiego z tą melioratią naszą, aby nie złotych sto, alie tylko złotych siedmdziesiąt polskich bez przysięgi iednak aktorowey pozwany zapłacił, umocnić y utwierdzić umyśliliśmy iakoż umacniamy y utwierdzamy. Jednak aby na potym urząd burmistrzowski Brzeski lantwoyta Brzeskiego, ani lantwoyt osób urzędowych radzieckich przed sądy swoie nie evocovali, ale się in toto według plebiscitu Wileńskiego zachowali, nakazuiemy mocą ninieyszego dekretu naszego, na którego wykonanie odsyłamy sprawę teraźnieyszą do urzędu miesckiego Brzeskiego na roku, gdy strona stronę po wyściu niedziel czterech do tego przy pozwie zawitym; na co dla lepszey wiary pieczęć nasza wielkiego xięstwa Litewskiego iest przyciśniona. Dan w Warszawie, we środę przed świętem świętey Katarzyny panny y męczeniczki nayblizszą roku Pańskiego tysiąc sześćset trzydziestego dziewiątego, panowania królestw naszych siódmego, a szwedzkiego szóstego roku. U tego dekretu iego kr. mści, pana naszego miłościwego, pieczęć przyciśniona wielka wielkiego xięstwa Litewskiego, a podpis ręki temi słowy: Albricht Stanisław Radziwił—kanclerz, także podpis ręki pisarza assesorskiego: correxit Gostinski. Który-to takowy dekret iego kr. mości iest do xiąg miesckich Brzeskich wpisany.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 509—510

72. Жалоба Брестскихъ мѣщанъ Адама Козловскаго и Ивана Букріевича на ландвойта Ивана Курьяновича и писаря Николая Раповича.

Поименованные въ этомъ документѣ мѣщане приносятъ въ Магдебурскій судъ жалобу на ландвойта и писаря въ томъ, что первый изъ нихъ по пріѣздѣ изъ Варшавы напалъ на нихъ, по сѣдѣвшихъ уже въ судебныхъ дѣлахъ, и выгналъ изъ засѣданія въ присутствіи мѣщанъ, шляхты и жидовъ, обозвавши бунтовщиками; а второй—при выходѣ ихъ подтвердилъ, что такая росправа ожидаетъ еще и другихъ бунтовщиковъ. Желая судиться съ ландвойтомъ и писаремъ за такое оскорбленіе, они и подали настоящую протестацію для внесенія въ актовыя книги.

Die 10 mensis Decembris a. D. 1639,

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym stanowszy oblicznie sławni panowie Adam Kozłowski, Iwan Bukriewicz — ławnicy miasta Brzeskiego, protestatią swą na piśmie ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzeskich podali, pisaną w te słowa:

Móy łaskawy panie urzędzie burmistrzowski Brzescki! Ja Adam Kozłowski, a ia Iwan Bukriewicz, ławnicy y mie-

szczanie miasta króla iego mości Brześcia Litewskiego, z wielkim żalem naszym obciążliwie uskarżamy się y protestuiem mści, iako urzędowi, na pana Jana Kurianowicza—łantwoyta y na pana Mikołaia Rapowicza—pisarza łantwoytowskiego, także y na pana Stephana Kamieńskiego, którzy ci panowie przypomniawszy boiaźni Bożey y srogości win w sprawie pospolitym na takich opisanych, śmieli y ważyli się roku 1639, miesięca Decembra dnia wtórego, przyiechawszy z Warszawy, maiąc z dawnych czasów złe zamysły swe, których zwykli czynić, nas potściwych ludzi na urzędzie ławniczym wiek swóy przewiodszy nie mały podczas lat siwych naszżch, zuchwalstwa swego chcąc nas do obidy ubogich ludzi mieszczan Brzeskich przez wszelakiey przyczyny y winy naszey nas przy zgromadzeniu ludzi, tak mieszczan, iako y szlachty y żydów, na tenczas będących, przy odprawowaniu spraw śmieli y ważyli się nas z mieysca ławniczego rugować, iakoż rugowali y degradowali y z domu sądowego wyniść precz kazali, mówiąc, iż «wy z nami, buntownicy, siedzieć na urzędzie ławniczym niegodni», gdzie nam ze wstydem y z wielką hańbą ustąpić przyszło z domu sądowego, wołaiąc za nami pan Mikołay Rapowicz, gdyż to nie iednego z was buntownicy będzie z urzędów degradowanie. O którą zniewagę y żal nasz chcąc z każdym z nich tak z panem Janem Kurianowiczem— lantwoytem, także z panem Mikołaiem Rapowiczem — pisarzem łantwoytowskim y z panem Stephanem Kamieńskim u każdego sądu y prawa, gdzie nam prawo drogę ukaże, prawnie czynić nie zamieszkamy, a teraz prosim wmści, iako urzędu, aby ta nasza żałosna protestatia do xiąg waści burmistrzowskich Brzeskich przyięta y zapisana była. — U tey protestacyi podpis rąk tymi słowy: Adam Kozłowski ręką swą, Иванъ Букріевичъ рукою. Która takowa protestatia oczewiście do sądu podana y do xiąg miesckich Brzesckich iest zapisaną.

1639 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 509—510.

73. Опредѣленіе по дѣлу Семена Боровиковича съ Брестскимъ цехомъ скорняковъ о безчестіи.

Мѣщанинъ Боровиковичъ внесъ въ магистратскій судъ жалобу на цехъ скорняковъ, по поводу незаконнаго исключенія его изъ цеха. Во время судебныхъ преній скорнику заявили, что они исключили его изъ своей среды за убійство Ильи Ошомковича и непослушаніе цеху. Въ свою очередь Боровиковичъ представилъ письменное удостовѣреніе жены Ошомковича и сына, что въ смерти его онъ неповиненъ. Скорняки не могли доказать виновности исключеннаго. Судъ приговорилъ: снять съ Боровиковича обвиненіе и возвратить ему принадлежащее достоинство и честь; за непослушаніе цеху судить его цеховымъ судомъ съ правомъ апелляціи магистрату; обоюдныя претензіи считать поконченными, предоставивши при этомъ право недовольной сторонѣ подать апелляцію въ королевскій судъ, по истеченіи 4-хъ недѣль—въ Вильнѣ и 8-ми недѣль—въ Коронѣ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 10 mensis Januarii, anno Domini 1640.

Na urzedzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście iego królewskiey mości Brzeskim. Przed nami Marcinem Ka-

czyńskim, Wasilem Soroką — burmistrzami, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Stephanem Rapowiczem, Iwanem Bielkiewiczem, Jaroszem Soroczycem — raycami, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu utściwego Siemiona Borowikowicza z Prokopem Jarmoszewiczem — cechmistrzami cechu kusznierskiego y ze wszystką bracią starszą y młodszą kusznierską — mieszczany Brzeskimi, tedy obiedwie stronie w urzędu stanowili się. Jakoż strona powodowa Siemion Borowikowicz, dowiodszy pozwu przez sługę urzędowego Krzysztofa Gromackiego, słusznie podanego, żałował przez przyiaciela swego pana Iwana Bukreiewicza, bywszego cechmistrza kusznierskiego, na pomienionych cechmistrzów kusznierskich y wszystek cech, o to, iż oni w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym, przywodząc Siemiona Borowikowicza do wielkiey zguby y szkody, nie będąc żadnemi actorami, nie wiedzieć z iakich przyczyn sami swawolnie, nie przekonawszy prawem, zakazali rzemiosła kusznierskiego robić, nie maiąc tego w wielkierzu cechowym, aby rękę rzemiosła składać mieli; a co większa, zadali w cech niegodność, iakoby niegodzien był siedzieć w cechu, w czym wielki żal y szkodę ponosząc, żądał sprawiedliwości. A strona pozwana, panowie cechmistrze, znali się do tego, że posyłali dwu braci w dom do Borowikowicza zakazuiąc, aby rzemiosła robić nie ważył się, a to z tych miar niegodnym go uczynili, że Nikołaia Oszomczyka zabił, domawiaiąc się, aby cech przeiednał. A strona powodowa Siemion Borowikowicz, ukazuiąc niewinność swoię, pokładał kwitatią w dacie roku tysiąc sześćset trzydziestego dziewiątego, miesiąca Decembra trzydziestego dnia, od Sołomiy Chowrucianki Stephanowey Oszomkowey y syna iey Heliasza Oszomkowicza z pieczęćmi y z podpisami rąk ludzi zacnych, to iest iego mość pana Jerzego Woynowskiego — starosty Nepelskiego y Klenickiego, a sługą wielmożney paniey iey mość paniey Helżbiety Podbereskiey, bywszey paniey Dorohostayskiey, a teraźnieyszey paniey Teodory hrabiney s Tarnowa — staróściney Żyżmorskiey y Rzepickiey, także s podpisem ręki iego mość pana Józefa Sosnowskiego — namiestnika zamku Brzeskiego y iego mość pana Mikołaia Jarockiego y innych pieczętarzów, ludzi zacnych y wiary godnych, którą to kwitatią pomieniona Sołomia Oszomkowa z synem swym przerzeczonego Siemiona Borowikowicza, iako człowieka niewinnego od tego uczyku wezwała. A okazawszy strona powodowa słuszną kwitatią wskazania szkod za niewinną turbatią y przywrócenia utściwości domawiała się. A pozwany cech kusznierski, przez pana Jana Rodkiewicza y Jędrzeia Daniłowicza Lulkę, widząc kwitatią okazaną, w dalszym postępku prawnym dilacyi na przyiaciela brali do dnia czternastego Januaryi do soboty. Urząd dilacyę użyczył. Na terminie przypadłym względem spraw miesckich sądy nie odprawowały się. Zatym panowie cechmistrze kusznierzów w teyże sprawie przypozwali Siemiona Borowikowicza takoż dnia dwudziestego Januaryi, w tymże roku tysiąc sześćset czterdziestym obiedwie stronie oczewiście stanowili się y controwersye swoie pierwsze u sądu powtarzali, a potym panowie cechmistrze kusznierzsci, nie maiąc żadnego dowodu na to, aby miał być niegodnym człowiekiem, odstąpili żałoby swey; tylko o nieposłuszeństwo cechowe y o szkody na Siemiona Borowikowicza, który na kilku schadzkach ce-

chowych nie był, żałowali, y iako z sprzeciwnego sprawiedliwości żądali. My urząd w sprawie Siemiona Borowikowicza z cechmistrzami kusznierzskiemi y ze wszystką bracią starszą y młódszą, tegoż cechu kusznierskiego Brzesckiego, o zadanie nieutściwości, iakoby niegodzien być bratem cechowym y o zabronienie rzemiosła robić, a to względem, iakoby zabicia Oszomkowicza; którey sprawie ponieważ strona pozwana cechmistrze z bracią zadawszy nie dewodzili y na dowodzie ustali, a obwiniony Borowikowicz sprawuiąc się ukazał kwitatią od Sołomiey Chawrucianki Oszomkowey y syna iey Iliasza Oszomkowicza słuszną, że był niewinien obżałowany; z tych przyczyn przychilaiąc się do teyże kwitacii pomienionego Siemiona Borowikowicza przy utściwości y dobrey sśawie zostawuiemy, który będąc bratem cechcwym, ma rzcmiosła kusznierskiego zażywać, a żaden mu napotym, tak panowie cechmistrze, iako y bracia nagany czynić nie maią, pod zaręką na ratusz Brzescki kop pięciu litewskich. A strony nieposłuszeństwa cechowego odsyłamy do cechu y panów radziectwa do przysłukhania przydaiemy, iednak zostawuiąc wolną apellatią od dekretu cechowego do sądu burmistrzowskiego. A szkody z obudwu stron dochodzić na sobie odcinamy. A panowie cechmistrze z bracią, nie konteniuiąc się tym dekretem, apellowali cum toto causae effectu do dworu króla iego mości, pana naszego miłościwego; urząd apellacyi dopuścił y termin obiema stronom stanowić się przed sądem iego królewskiey mości, gdzie iego królewska mość dworem swym szczęśliwie bydź raczy, ieśli w Koronie polskiey—za ośm, a ieśli w wielkim xięstwie Litewskim — za niedziel cztery od daty tego dakretu po stworzeniu limitacii za przypozwem naznaczyliśmy. A Siemion Borowikowicz na wszystek cechże w iasney sprawie apellatią podniósł przeciwko prawa magdeburskiego, o szkody na złotych pułtrzeci sta protestował się. A panowie cechmistrze przechwalali się grabić Borowikowicza. Urząd pod apellatią nic wznawiać nie uznał według artwkułu w porząpku o postępkn sądowym, w części trzeciey opisanego, gdzie pisze: apellatia, póki się nie skończy, póty w sprawie oney nic niema bydź przez sędziego poczytano, ani przez stronę wznawiano. Spec. Sax. libr. 2, artic. 12 a 13 ex iure municipali. artic. 17. Która sprawe, iako się u sądu odorazywała, do xiąg mieysckich Brzesckich iest zapisana.

1640 г

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 194.

74. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу между мѣщаниномъ Станиславомъ Матисовичемъ и шляхтичемъ Казиміромъ Брезницкимъ.

Брестскій мѣщанинъ Станиславъ Матисовичъ внесъ въ магистратскій судъ жалобу на прокуратора своего Брезничкаго въ томъ, что этотъ послѣдній, во время защиты дѣла Матисовича о чародѣйствѣ, потворствовалъ противной сторонѣ. Брезницкій объяснялъ, что дѣло Матисовича не окончилось въ его пользу по винѣ ландвойтовскаго суда. Судъ поcтановилъ: по учиненіи

присяги Брезницкимъ, освободить его отъ обвиненія и на этомъ считать поконченнымъ самое дѣло. Матисовичъ подалъ на такое рѣшеніе апелляцію королю.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 15 mensis Februarii, anno Domini 1640.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczyńskim, Wasilem Soroką—burmistrzami, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Stephanem Rapowiczem, Jwanem Bielkiewiczem, Jaroszem Soroczycem—raycami, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu utściwego Stanisława Matysowicza y małżonki iego Maruszy Kapłuniczky, mieszczan Brzeskich, z panem Kazimierzem Brzeźnickim—plenipotentem, tedy obydwie stronie u sądu stanowili się y moc umocowanym swym Stanisław Matysowicz y małżonka iego panu Michałowi Dębowskiemu, a pan Kazimierz Brzeznicky panu Michałowi Skołtyckiemu zlecili. Zatym aktor Stanisław Matysewicz z małżonką swą, przez plenipotenta swego zwysz mianowanego, dowiodłszy pozwu przez sługę urzędowego Krzysztopha Gromackiego, oczewiście panu Brzeznickiemu danego, wywodząc z fundamentu sprawę, iako się u sądu lantwoytowskiego odprawowała o poczarowanie córki swey przez Jaroszową Kusznierzową, o nayscie na dom, o pobicie, pomordowanie Maruszki Garbarzowey, także odpowiedzi y pochwałki przez takie czary na zdrowie żony swoiey Maruszki Kapłuniczki, na dowod tego pokładał protestatią z xiąg lantwoytowskich Brzeskich w dacie roku 1639 miesiąca Septembra dwudziestego dnia; a okazawszy takową protestatią, żałował na pana Brzeznickiego o tem, yż on, będąc prokuratorem od przerzeczonego Stanisława Matysowicza y małżonki iego u sądu woytowskiego przeciwko Jaroszowey Kusznierzowey w tey sprawie, iako się zwysz opisało, a od tego czasu aż dotąd, coby ten mianowany prokurator sprawował y w iakich by terminach sprawa staneła, yż wiedzieć nie mogli, pokładali drugą protestatią świeżo przed urzędem burmistrzowskim w roku teraznieyszym 1640, miesiąca Februarii pierwszego dnia, na tego Brzeznickiego uczynioną, dowodząc tego, iako w sprawie ich fałszywie y na zmowie z stroną przeciwną będąc, postępował; biorąc sobie na pomoc pierwszą aktią, tu u sądu naszego radzieckiego z nim że stałą, to iest, nawet z nakazaniem dekretu radzieckiego, wyięcia dekretów w tamtey sprawie o czary stałych, y z samey pokilkakrotney snbmissiey stałey, yż dosyć nie uczynił dekretowi, pieniądze pobrawszy y do szkod nie małych przywiodłszy, nie powymował, tym samym w iawne podeyrzenie podał się, y stronę swą zdradliwie przeciwney stronie przezwyciężyć dopuścił; a co wieksza, na ostatek na dowod większey zdrady fałszywego prokuratora, nawet iuż pod czas pierwszey sprawy, przed tą zaczętey, zażywaiąc dillacyi, a prawie niesłusznych cavilacii obiecuiąc okazać, że wiernie służył. Za czym nie tylko by miał okazać, o czem pierwszy dekret w sobie szyrzey obmawia, ale poślednieysze postępki z pierwszemi fałszywemi postępkami złączywszy, wyniosł pozew na instantią swoią z teyże ławicy woytowskiey z pieczęcią ławniczą y z podpisem ręki pisarskiey do przyiaciela strony żałobliwey po szlachetnego pana Michała Dębowskiego y po ich samych,

to iest, stronę żałobliwą, którey pierwiey służył, iuż mimo onę zdradę pierwszą, teraz mere następuiąc od tamtey strony przeciwney Jaroszowey Kusznierzowey, służąc im iakoby w krzywdzie iey o niedowiedzenie czarów, aby sam stanął y tę stronę żałobliwą postawił, chcąc ich u tegoż sądu, gdzie ich pierwey gnębił y fałszywie w sprawie ich postępował, do ostatka zagubić y zniszczyć, a od sprawy tey zaczętey odstraszyć; czym pokazawszy iawną zdradę y wydanie swey strony, nie tylko żeby była tamta strona za występek swóy według prawa karana, ale iako wzieła strona żałobliwa wiadomość od ludzi, że impune albo raczey bez karania Kusznierzową uwolnić y prawo przewieść na stronie swoiey dopuscić pozwolił y widząc bezprawie do wyższego prawa nie apellował. A okazawszy to wszystko strona sama żałobliwa do przysięgi się brała, iako zdradliwie podstępuiąc w sprawach ich postępował, cituiąc prawo z porządku prawa magdeburskiego y z prawa cesarskiego o prokuratorach, domawiał się, aby na pomienionym Brzeznickim, iako na zdradliwym prokuratorze, wina bezecności była skazana Spec: Sax: libr. 1, articulo 60; a z stroną swą z Jaroszową Kusznierzową znowu o poczarowanie córki swey y o wszystkie szkody in foro fori czynić strona żałobliwa salve sobie zostawiła.

A strona pozwana—szlachetny pan Kazimierz Brzezinskiy, wysłuchawszy żałoby przez plenipotenta strony powodowey szlachetnego pana Michała Dębowskiego, bardzo uszczypliwey y honorowi szlacheckiemu bardzo szkodzącey, a praesertim a plebea vilique persona, tudzież też y protestacyey, którą zaniosł ten Matisowicz w sądzie radzieckim pod datą roku tysiąc sześćset czterdziestego, miesiąca Februarii pierwszego dnia, także barzo uszczypliwey y potwarzy pełney salvam viam agendi o to z Stanisławem Matysowiczem y małżonką iego, yż nie tak przez przyiaciela swego, którego do tey sprawy zażył, szlachetnego pana Mikołaia Skołdyckiego sprawuiąc się, powiedział, yż pozwany pan Brzezinski, iako co actus przeciw strony stawiaiąc tu przed sądem wmość, iako in foro incompetenti y stanu iego szlacheckiemu nienależącey, niemaiąc pozwu pisanego, tylko gołym słownym pozwem będąc zapozwany, z porady czyieyś uformowawszy sobie forum z urzędu iego prokuratorskiego, na większy dishonor pozwanego pana Brzeznickiego zadaiąc, iakoby miał zdradliwie podstępek czynić w sprawie tego Matisowicza na przeciw Jaroszowi Kusznierzowi y małżonce iego w poparciu sprawy u sądu woytowskiego o czary, o pochwałkę y o to wszystko, o co strona żałobliwa w controwersyi swey szyrzey opisuię, którą sprawę iakoby za przenaięciem od tego Jarosza Kusznierza y małżonki iego przęgrał, to się nigdy nie pokaże, gdyż iako cnotliwemu godziło się plenipotentowi tey sprawy popierał, a że pan lantwóyt Brzescky, gdy Stanisław Matisowicz y małżonka iego z przerzeczonym panem Brzezińskim, plenipotentem swym, przed sądem iego stawali y tych pochwałek inkwizitią zacnych osob dowodzić chcieli według biegu prawnego, lecz pan lantwóyt nie słuchaiąc onych takowych dillaciy, ad convincendum tey Jaroszowey nie pozwalał, y urzędu ławice swoiey zsyłać niechciał, ani na tę sprawę zupełną ławicę odsyłał, ale sva privata authoritate oną sprawę samowtór sądził, faworuiąc stronie, to iest, Jaroszowi Kusznierzowi y małżonce iego, których wiecznemi czasy absentibus actoribus wolną uczynił przez

żadnych kontrowersyi, o co protestatia Stanisława Matisowicza y małżonki iego w dacie roku 1639, miesiąca Oktobra siódmego dnia, na urzędzie burmistrzowskim uczyniona szyrzey w sobie oświadcza; do tego tenże pan lantwóyt szlachetnego pana Kazimierza Brzeznickiego Grzymałę od sprawy odpędził y apellatii do wyższego prawa nie dopuścił, y dekretu sądu swego z xiąg nie wydał. Zaczym okazawszy niewinność pana Brzeznickiego insuplementu przypowiadał go adversionem, iako nie był przynaięty y żadnego podstępku nie czynił, y iako dekretu z xiąg lantwoytowskich nie wydano, a po przysiędze salvam sobie o takową potwarz z tym Stanisławem y małżonką iego czynić zostawował.

My urząd w sprawie Stanisława Matysowicza y małżonky iego Maryny Kapłuniczki z pozwanym panem Kazimierzem Brzeznickim, prokuratorem, iakoby o podstępek w sprawie żałobliwych z Jaroszem Korniłowiczem y małżonką iego, gdy przed sądem lantwoytowskim sprawę mieli stały o czary y iakoby maiąc zmowę z stroną przeciwną dał przewieść prawo na stronie swey żałobliwey niewinnie; lecz pozwany pan Brzeznicki protestatią Stanisława Matysowicza y małżonki iego na urząd lantwoytowsky Brzesky o sąd uczynioną okazał, z tych przyczyn przy tey protestacyi, ponieważ na pana Brzeznickiego żadnych skarg takowych nie było, uznawamy blizszego do odprzysiężenia na tym, iako z stroną nie zmawiał się, podstępu żadnego nie czynił y iako dekretu z xiąg lantwoytowskich nie wydano, a po przysiędze wolnym pana Brzeznickiego czynimy, iednak obiedwie stronie iedna do drugiey o potwarz w tey sprawie żadnego przystępu mieć nie maią. Od którego dekretu strona żałobliwa apellowała do dworu króla iego mości, pana naszego miłościwego, yż żałobliwym samowtorym przysięgi nie uznano, iednak po stronie pozwaney poręki potrzebował, aby prawa dostał urząd nie uznał z tych przyczyn, yż pod apellatią niema być nic wznawiano, ani przez sąd ani przez stronę, aż się apellatia skończy, iakoż y termin ku rozprawie obudwom stronom naznaczono, gdzie i. k. mość szczęśliwie dworem swym być raczy, ieśli w Koronie Polskiey za ośm, a ieśli w. x. Lit. za niedziel cztery od daty tego dekretu po otworzeniu limitacyi w roku teraznieyszym tysiąc sześćset czterdziestym za przypozwem. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg miesckich Brzesckich iest zapisana.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 591—594.

75. Аренда села Козловичъ отъ Брестскаго магистрата Петру Уѣздовскому.

Брестскій магистратъ, желая выкупить изъ подъ залога свое имѣніе Козловичи, пустилъ оное въ арендное содержаніе за 300 злотыхъ Уѣздовскому на 5 лѣтъ на слѣдующихъ условіяхъ: въ теченіи 5 лѣтъ Уѣздовскому разрѣшается ежегодно взимать съ 8 чиншевыхъ уволокъ по 5 зл. чиншу, и пользоваться издѣльною повинностью крестьянъ; пользоваться сѣнокосами, рыбною ловлей въ Бугѣ и 4-мя огородами въ г. Брестѣ, а также и лѣсомъ для дровъ и изгоро-

ди. При этомъ магистратъ ограничиваетъ власть арендатора надъ крестьянами и позволяетъ ему судить ихъ только по дѣламъ, касающимся неуплаты чинша и неисполненія повинности.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 11 mensis Aprilis, anno Domini 1640.

My burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzeskiego, osoby niżey na podpisie mianowane, zeznawamy tym naszym listem, zapisem arendownym, iż my, eliberuiąc z zastawy wioskę mieską Kozłowicze od paniey Heleny Maliszewskiey, bywszey paniey Stanisławowey Bobrowskiey, a teraźnieyszey Janowey Funickiey, wzięliśmy gotowych pieniędzy trzysta złotych polskich u iego mość pana Piotra Uiazdowskiego y małżonki iego mości iey mość paniey Anny Bożemskiey Uiazdowskiey, ziemian iego kr. mości woiewództwa Płockiego, w którey to summie puściliśmy sposobem arendownym wioskę mieską ratuszną Kozłowicze, na wytrzymanie tey summy do lat pięciu; rok się zaczyna od przewodney niedzieli roku teraźnieyszego tysiąc sześćset czterdziestego, a kończyć się ma w roku, da Pan Bóg przyszłym, tysiąc sześćsetnym szóstym, także na przewodną niedzielę; którą wioskę arendowaliśmy s czynszami z włok ośmiu, przychodzącemi s każdey włoki po złotych pięciu, co rok poddani mieysci oddawać powinni będą, także pańszczyzny dzień ieden z włoki robić maią s czym rozkażą; a we żniwa z włoki po dwa dni przez niedziel cztery robotę odprawować powinni będą, nie wymawiaiąc się żadnymi przyczynami; do którey to arendy należeć ma włoka młynarska, na takowym że czynszu y powinności, y młynek za Kozłowiczami na rzece Bugu, z wolnym mlewem rozmaitego zboża na potrzebę domową przez czerhi, iednak bez uciążenia młynarskiego. Do tychże Kozłowicz przyłączamy sianożęć Husiatkową, s pożytkami co rok przychodzącemi, z iezïorami, zatokami y z wolnym łowieniem ryb na rzece Bugu, na miescu przyległym do Kozłowicz, co na woli ichmściów będzie, bądź to samym ryby łowić, bądź rybakom mieskim arendować, według starego zwyczaiu, iako przedtem zawsze tonie Kozłowskie arendowane bywały. Jakoż dla snadnieyszego wybrania arendy do tychże Kozłowicz przyłączamy, ogrodów cztyry mieskich ratusznych Rylskich za miastem Brzeskim, za Hołubkiem leżących, na których teraz pani Funicka żyto posiała, które żyto, gdy da Pan Bóg w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym zebrano będzie, wolno będzie iego mość panu Piotrowi Uiazdowskiemu y małżonce iego mści tych ogrodów spokoynie zażywać y wszelakich pożytków przywłaszczać, aż do wytrzymania arendy. Przy tym ich mośćm pozwalamy na mieskich sianożęciach, to iest, na uroczyszczu Napieczkach chróstu co rok wycinać na poprawę y ogrodzenie dworu y ogrodu Woronowiczowskiego mieskiego, od miasta z osobna ich mśćm zastawionego, waruiąc tym zapisem, aby ich mość Kozłowców poddanych mieskich w podwodę nie wypędzali, tylko do miasta Brzeskiego s Kozłowicz, abo też do lasu: to iest, do puszczy iego kr. mości pana naszego miłościwego, Gierszonowskiey, abo do puszczy iego mści xiędza biskupa Łuckiego y Brzeskiego, za wieś Kamienicę po drwa, a daley ieździć w podwodach nie maią y nie powinni będą y te podwody za pańszczyznę maią być poczytane. Do tego też waruiemy, strzeż Panie Boże, powietrza na poddanych Kozłowskich, żeby mieli poddani

wymrzeć, abo precz (bądź dla powietrza, albo dla zniszczenia żołnierzskiego) rozeiść się mieli, tedy my o to ich mśćm żadney turbacyi zadawać y do prawa pozywać nie mamy y mocy mieć nie będziemy wiecznie. A nadto, podług pomiarkowania przyiacielskiego za czynsze, których by czynszów którego roku s powietrza, abo za spustoszeniem żołnierskim brać nie mógł, nagrodzić mamy. Jednakże sądy poddanych mieskich Kozłowskich wyimuiemy sobie samym, o co by kolwiek spory między sobą wiedli, nie maią ich mść sądzić, tylko my, burmistrze y raycy, y żadnych win brać nie powinni będą, oprócz nieposłuszeństwa w pańszczyznie y wybraniu czynszów, o to ich mość każdego nieposłusznego Kozłowca y wszystkich ogółem karać pozwalamy. S tychże poddanych Kozłowskich ich mość poborów, z seymu uchwalonych, sami wybierać nie maią, tylko poddani, według dawnego zwyczaiu sami złożywszy, wcale do nas burmistrzów oddać maią. Także chróstu do grobel na gać w iesieni y na wiosnę Kozłowci do miasta Brzeskiego na potrzebę mieską wozić według potrzeby maią, y błoto z bruków y z mostów skrobać trzykroć powinni będą do roku, nie wymuiąc powinności arendarskiey; ciż Kozłowci nam burmistrzom y raycom, żadney powinności pełnić nie powinni będą. Którey arendy iego mość pan Piotr Uiazdowski y małżonka iego mości maią spokoynie dotrzymać przez żadney przeszkody; a my w tę arendę wstępować się nie mamy y owszem od wszelakich osób, w tę wioskę Kozłowicze y do niey przyległości wstępuiących y przeszkodę czyniących, u wszelakiego sądu y prawa tyle kroć ileby tego potrzeba ukazywała, bronić, zastępować kosztem wszystkiego miasta zapisuiemy się. A gdziebyśmy się sami wstępowali, abo przeszkodę czynili w dzierżeniu, bądź też bronić nie chcieli, tedy mamy y powinni będziemy zaręki stronie żałobliwey zapłacić półtorasta złotych polskich. I na tośmy dali ten nasz list arendowny za pieczęcią urzędową mieską radziecką Brzeską, y s podpisem rąk naszych. Pisan w Brześciu, dnia dwudziestego miesiąca Kwietnia, a. D. 1640. U tego zapisu arendownego, pieczęć mieska urzędowa przyciśniona, a podpis rąk tymi słowy: Foltin Ryzler—burmistrz Brzeski; Jarosz Soroka — burmistrz Brzeski; Jan Andrzeiewski — rayca Brzeski manu propria; Василий Мартиновичъ — райца; Marcin Kaczyński—rayca ręką swą; Wacław Barczewski—rayca; Łukasz Pomarzański—rayca manu propria; Stefan Rapowicz—rayca ręką swą; Иванъ Бѣлковичъ — райца рукою; Woyciech Rostek m. p.; Andrzey Czemiernicki—ławnik miasta kr. iego mości; Jan Dispot — ławnik miasta Brzeskiego ręką swą; Adam Kozłowski ręką swą własną. Który-to takowy list zapis arendowny do xiąg mieskich Brzeskich iest wpisany.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 600—609.

76. Листъ короля Владислава IV по дѣлу Брестскаго мѣщанина Барчевскаго.

Въ этомъ листѣ король Владиславъ IV напоминаетъ Брестскимъ мѣщанамъ, что они поступаютъ крайне несправедливо со своимъ радцею Барчевскимъ, которому не только не отдаютъ обѣщаннаго плаца, но еще не позволяютъ строиться на своихъ собственныхъ, не смотря на услуги, оказанныя послѣднимъ городу. Посему король предписываетъ Брестскимъ мѣщанамъ исполнить всѣ свои обязательства по отношенію къ Барчевскому и не мѣшать ему въ постройкахъ, въ противномъ же случаѣ обѣщаетъ подвергнуть ихъ денежному взысканію.

Actum in civitate Brestensi m. duc. Lithuaniae, die 11 mensis Maii, a. D. 1640.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie sławetny pan Wacław Barczewski—rayca y mieszczanin Brzeski, pokładał y ku aktikowaniu do xiąg mieśckich Brzesckich list iego kr. mości, pana naszego miłościwego podał, żądaiąc, aby do xiąg wpisany był, który wpisuiąc słowo do słowa tak się w sobie ma:

Władysław IV, z Bożey łaski król polski etc. Sławetnym burmistrzom, raycom, ławnikom y wszystkiemu urzędowi miasta naszego Brześcia, wiernie nam miłym, łaskę naszą królewską. Sławetni, wiernie nam mili! Przełożono nam iest imieniem sławetnego Wacława Barczewskiego—raycy Brzesckiego, że się mu w ugodzie, w roku przeszłym tysiąc sześćset trzydziestym ósmym przy bytności osób zacnych zawartey, niedosyć od wier. w. dzieie, osobliwie że ani placu Jakubowskiego, którzyście swym własnym kosztem nabyć y onemu w posessyą podać mieli, puściliście, ani na iego własnych placach, przy kramach będących, budować mu się podług upodobania iego pozwalacie, aże prace, fatygi y starania iego około publicznego dobra miesckiego od dawnich lat podięte ynakszą w dzięczność od wier. wasz. odnieść miał, a zwłaszcza że po zgorzeniu dóbr swoich dla podzwignienia niedostatków swych sposobu łatwego mieć a pogotowiu litis expensas zastępować nie może. Przeto rozkazuiemy wiernościom waszym, abyście go do nakładów prawnych nieprzywodząc, obowiązkom swoim w ugodzie mianowanym dosyć czynili, y budować się mu na iego własności tak iako y przed ogniem nie bronili. Inaczey, gdy ta sprawa przed sąd nasz przytoczona będzie, to serio animadvertować każemy, y żeby litis expensae pomienionemu Stanisławowi Barczewskiemu nie ginęły, postrzegać każemy, czego uchodząc, do tego, co słuszność y sama sprawiedliwość wyciąga, rzetelnie skłonicie się. Dan w Warszawie, dnia XXVII miesiąca Kwietnia, roku Pańskiego M. D. C. XX, panowania naszego polskiego y szwieckiego VII roku. U tego listu iego króla mości pieczęć przyciśniona W. X. Lit. a podpis ręki iego króla mości te-

mi słowy: Vladislaus rex. Tak też y podpis ręki pisarza iego kro. mości temi słowy: Marcian Tryzna—referendarz W. X. Lit. Który to takowy list iego król. mości, pana naszego miłościwego, przez osobę wierzchu mianowaną ku aktikowaniu podany y do xiąg wieczystych miesckich Brzesckich iest wpisany.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 606—607.

77. Протестъ Ломазскаго мѣщанина Адама Духновскаго на Ломазскаго войта Мартина Семятковскаго.

Ломазскій мѣщанинъ Адамъ Духновскій жалуется на своего войта въ томъ, что онъ 1, зазвалъ его въ свой домъ и избилъ невинно; 2, насылаетъ на него своихъ помощниковъ, съ обнадеживаніемъ не судить ихъ въ своемъ судѣ за наносимыя Духновскому обиды, и не судитъ; 3, изобрѣлъ на него какой-то заручный листъ и угрожаетъ ему королевскимъ повелѣніемъ въ то время, когда онъ не давалъ никакихъ листовъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithuaniae, die 8 mensis Maii, anno Domini 1640.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym miescu sądowym, stanowszy oblicznie utściwy pan Adam Duchnowsky — obywatel miasta iego królewskiey mości Łomazskiego, podał protestatią swą na pismie ku zapisaniu do xiąg miesckich magdeburskich, pisaną w te słowa:

Mnie wielce łaskawy panie urzędzie burmistrzowsky miasta iego królewskiey mości Brześcia! Ja Adam Duchnowsky—obywatel Łomazsky protestuie się y opowiadam się przed wmm. na urodzonego pana Marcina Siemiatkowskiego, woyta Łomazskiego, o to, yż mnie pan woyt zbiwszy, zmordowawszy, s panem Stanisławem Łomazskim, szwagrem swym, y innemi pomocniki w domu swym, zaprosiwszy mię w dom swóy, iako szyrzey protestatia opiewa.— Druga: rożnych osób naprawuie, aby mnie znieważali, a gdy pozwę przed sąd pana wóyta, sprawiedliwości czynić nie chce; niemało na tym maiąc ieszcze mandatem mię zapozwał o naruszenie listu zaręcznego przed iego królewskiey mości, którego ia listu nie podawał nigdy, ani wyprawował, o co się protestuię o niewinne turbowanie mandatem y o szkody na złotych pięćset, tak y o wzięcie korda mego, co się szyrzey czasu prawa niewinność moia dokumenty prawnemi okaże, a teraz proszę, aby ta protestatia moia do akt wmść przyięta y zapisana, Dat dnia pierwszego Maia, roku tysiąc sześćset czterdziestego.

U tey protestacyi podpis ręki tymi słowy: Adam Duchnowsky ręką swą. Która to takowa protestatiia do xiąg miesckich Brzesckich iest zapisana.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 603—604.

78. Опредѣленіе фельчерскаго цеха по дѣлу съ Юріемъ Сухорогомъ.

Цехъ Брестскихъ цирюльниковъ в есъ въ магистратскій судъ жалобу на своего старшину Юрія Сухорога въ томъ, что онъ, будучи избранъ въ цеховые старшины временно, забралъ въ себѣ на домъ цеховую казну и привилегіи и не отдаетъ ихъ цеху. Сухорогъ объявилъ, что онъ не возвращаетъ цеху королевскихъ привилегій потому, что цехъ не избиралъ другого старшины и не исполнилъ лежащихъ на немъ обязательствъ. Судъ приговорилъ—возвратить цеху привилегіи, а потомъ уже доискиваться на немъ удовлетворенія. Сухорогъ возвратилъ ихъ, но только съ условіемъ, чтобы они хранились въ магистратѣ впредь до исполненія цехомъ лежащихъ на немъ обязательствъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducat. Lit., die secunda mensis Maii, an. Dom. 1640.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście kr. iego mści Brzeskim, żałowali panowie cyrulicy miasta Brzeskiego pan Foltin Ryzler, pan Andrzey Czemiernicki y pan Marcin Piechrzacki na pana Jerzego Suchoroga, brata tegoż cechu cyrulickiego, któremu dali byli skrzynkę cechową do wiernych rąk do zachowania na czas krótki, a gdy w teraznieyszym roku tysiąc sześćset czterdziestym mśca Kwietnia dwudziestego trzeciego dnia, zeszła się pomieniona bracia dla oddawania suchedni y dla inszych spraw cechowych, chcąc porządek łepszy uczynić, prosili przerzeczonego pana Jerzego cyrulika, aby skrzynka cechowa otworzona była; tamże wyiąwszy przywileia iego król. mści pana naszego miłościwego z skrzynki cechowey położył na stole, które potym śmiał y ważył się do komory swey wziąść y zachować na wielką zniewagę braci cechowey. A pan Jerzy cyrulik znał się, że mu skrzynka powierzona była y bracia na schadzkę zeszli się byli y do przywileiów wziętych znał się, które wziół dla tego, że bracia cechowi dosyć nie uczynili y pieniędzy z krzynki cechowey wziętych nie oddali, zaczym przywileiów trzymać niepowinni, aż dosyć cechowi uczynią. Urząd nakazał przywileia do dnia trzeciego na urzędzie położyć, a ieźli by kto miał do którego brata o nieuczynienie dosyć cechowi po położeniu przywileiów, wolne prawo zostawił, a p. p. cyrulicy panu Jerzemu z urzędu nie zwierzali, iako nieosiadłemu. Urząd tę sprawę do piątku suspendował, warując tym dekretem, gdyby pan Jerzy Suchorog przywileiów cechowych na urzędzie nie położył na terminie naznaczonym, tedy z urzędu schodzić niema. Co iest do xiąg zapisano. Die 8 mai na terminie przypadłym pan Jerzy Suchorog, cerulik, przeciwko panom cerulikom Brzeskim stanowiłsię z obmową oświadczaiąc gotowość swoią do położenia przywileiów, a iż braci wszystkiey cyrulickiey nie było, tedy przywileiów pokładać nie chciał. Urząd nakazał położyć, iakoż pan Jerzy submittował się za godzinę przywileia położyć na urzędzie, których nie położył, y sam się

nie stanowił. A panowie cyrulicy o zniewagę praw przywileiów iego kro. mści y dekretów urzędnych protestowali się na pana Jerzego, przy tym y o szkody na złotych pięć protestowali się, co iest zapisano.—Die 10 m. Mai A. D. 1640 za przypozwem od panów cyrulików pan Jerzy Suchorog—cyrulik, według dekretu sądu panów burmistrzów przywileia iego kro. mści, pana naszego miłościwego, położywszy na urzędzie, aresztował do rozprawy, aby urząd nie ważył się tych przywileiów żadnemu cyrulikowi bez wiadomości iego wydawać, gdyż cechmistrza cerulickiego osiadłego, ani przysięgłego nie maią y cechowi wszyscy cyrulicy według artykułów w przywileiu iego kro. mści dosyć nie uczynili, zaczym przywileiów iego kro. mści u siebie trzymać niepowinni. Urząd te przywileia aresztowane na urzędzie zatrzymał do rozprawy. Co iest do xiąg mieskich Brzeskich zapisano.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 618—614.

79. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу священника Воскресенской Іакова Өедоровича съ мѣщанкою Ириною Куцовой.

Священникъ Воскресенской церкви внесъ въ судъ жалобу на мѣщанку Ирину Куцовую, что она во время моровато повѣтрія завѣщала было церкви свой участокъ земли, но потомъ отказалась отъ своего завѣщанія. Ирина Куцова по этому дѣлу пояснила, что землю свою она передавала церкви только въ случаѣ своей смерти; а такъ какъ она осталась въ живыхъ, то завѣщаніе ея потеряло силу. Впрочемъ вмѣсто земли она пожертвовала серебряную корону. Судъ постановилъ Ирину Куцовую отъ иска освободить.

Die 11 mensis Maji, anno Domini 1640.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Foltinem Rizlerem, Jaroszem Soroką—burmistrzami, Marcinem Kuczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Stephanem Rapowiczem, Wasilem Soroką, Iwanem Bielkiewiczem — raycami, żałował wielebny oyciec Iiakow Fiedorowicz— swieszczennik cerkwie Woskresienskiey Brzesckiey na Orynę Zakapiankę Andrzeiową Kucową — mieszczankę Brzeską o tem, iż ona podczas powietrza w roku tysiąc sześćset dwudziestym piątym legowała rez pola na cerkiew Woskresieńską na wieczność, którey legaty dowodząc, pokładał wielebny oyciec Iakow Fiedorowicz extrakt z xiąg burmistrzowskich Brzeskich w dacie roku tysiąc sześćset dwudziestego czwartego, miesiąca Augusta dwunastego dnia, kupna reza pola przez Andrzeia Kuca y małżonkę iego, z napisem na tym extrakcie od przeszłego swieszczennika Woskresieńskiego Ioanna Własowicza napisanym, a omawiaiąc się, aby ten rez na cerkiew legowany dekretem przysądzony był. A strona pozwana Andrzejowa Kucowa dawała sprawę, że ten rez pola czasu powietrza

legowała była na cerkiew Woskresieńską po śmierci swey, a iżem z łaski Pana Boga wszechmogącego żywa została, zatym ta legatia nic nieważy i owszem przyszedłszy do zdrowia, wzaiem tego koronę srebrną do cerkwie Woskresieńskiey sprawiła y oddała. Do którey korony, do cerkwie sprawioney y oddaney, wielebny oyciec Iakow Fiedorowicz znał się, iednakże mienił, że z osobliwey łaski swey, a nie względem reza pola legowanego Jędrzeiowa Kucowa koronę do cerkwie dała. My urząd, zrozumiawszy z teyże legaty privatnie napisaney, ponieważ po żywocie swoim rez pola legowała, a tey legaty przed urzędem nie zeznała, a potym przyszedszy do zdrowia wzaiem tego pola koronę do cerkwie Kucowa dała, z tey przyczyny tę legatią za niesłuszną y nieprawną poczytawszy y onę na stronę uchiliwszy, podług prawa kupna wieczystego, Andrzeiowey Kucowey rezek pola iey własność przysądzamy. Co iest do xiąg mieskich Brzeskich zapisano.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 695—705.

80. Привилегія короля Владислава IV-го данная Брестскимъ цехамъ сапожничьему и кожевенному.

Эти привилегіи заключаютъ въ себѣ уставъ для цеха сапожниковъ и кожевниковъ г. Бреста, въ которомъ подробно опредѣлены права и обязанности цеховыхъ. Къ цеху этому причислены также сафьянники, замшаники, шаповалы и ситники.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 8 mensis Nowembris, anno Domini 1650.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla i. mości Brzeskim, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie utściwi Gabryel Romanowski y Mikołay Batazy—cechmistrze starzy cecha szewskiego religii rzymskiey, pokładali i ku aktykowaniu do xiąg mieskich radzieckich Brzeskich podali przywiley iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, za pieczęcią wielką wielkiego xięstwa Litewskiego y z podpisem ręki iego królewskiey mości, złączenia cechu szewskiego religii Rzymskiey s cechem szewskim religii Greckiey, o czym szyrzey w przywileju iego królewskiey mości opisano jest, i żądali aby był do xiąg mieskich wpisany, który wpisuiąc słowo do słowa tak się w sobie ma:

Władysław IV, z Bożey łaski król Polski etc. Oznaymuiemy tym listem naszym, komuby o tem wiedzieć należało. Należy to z wierzchności y dostoieństwu naszemu królewskiemu nie tylko ab extra pokoiu publicznego, ale też ab extra rządu dobrego w państwach naszych, także y w miastach przestrzegać, który to porządek, że się naygruntowniey w społecznościach y w congregatiach, prawnymi obowiązkami i artykułami określonych, szyrzyć zwykł, łatwie się do te-

go zawsze skłaniamy, aby miastom nanaszym głównieyszym w porządku zawziętym wszystkie insze szczupleysze w rządzie dobrym, (przez który pomnożenie w dostatkach brać zwykły) correnspondowali: zaczym, przychylaiąc się miłościwie do proźby, przez pany rady i urzędników dworu naszego, imieniem sławetnych Gabriela Romanowskiego, Mikołaia Bałażewicza, Ferensa Kopytka, Pawła Byczkiewicza, Piotra Philipowicza, Siemiona i Fiedora Borsuków i innych mistrzów cechu szewskiego y garbarskiego, mieszczan Brzeskich, religii rzymskiey - katolickiey y uniatskiey do nas wniesioney, abyśmy im, dla zachowania między nimi dobrego porządku, cech nadali y na potomne czasy stwierdzili, odmówić im tego, co sama słuszność wyciąga y dawne porządki uczą, nie mogliśmy, takie artykuły im podaiąc:

Artykuł pierwszy. Postanawiamy to między wszystką bracią cechową, iż który by się rzemieślnik tego rzemiosła do cechu szewskiego albo garbarskiego wkupić chciał, ale dać przyiemnego kop ośm litewskich y collatią braci sprawić.

Artykuł drugi. Który by nie umieiąc rzemiosła ich chciał bractwo z nimi przyiąć, dla pogrzebu y przewodu ciała swego grzesznego, ma dać przyiemnęgo kop dwie litewskich.

Artykuł trzeci. Robotę szewską y garbarską mistrzowie tego cechu maią sprawiedliwie wyprawować y robić pod utraceniem tey roboty.

Artykuł czwarty. Gdyby który brat ich syn oycowski stolec chciał okupić, ma dać kop dwie litewskich y poczestne braci starszey tylko dać.

Artykuł piąty. Mistrz każdy, gdy w rzemiosło chłopca przyjmuie, tedy powinien dać do skrzynki na wosk do kościoła farskiego groszy sześć litewskich a cechmistrzowi groszy sześć y pisarzowi s klucznikiem groszy trzy.

Artykuł szósty. Gdy mistrz chłopca z rzemiosła wyzwala, powinien chłopiec dać do skrzynki złoty i pisarzowi grosz ieden litewski.

Artykuł siódmy. Każdy mistrz, gdy cech przebywa, ma list pokazać od urodzenia i od nauki swey, inaczey niema być przyięty za mistrza.

Artykuł ośmy. Aby się nikomu na rynku pospolitym przez wszystek targ skór surowych kupować, tak po iednemu, iako po dwie i po trzech nie godziło, iedno garbarzom y rzemiesnikom tym, którzy te skóry wyprawuią; ktemu żeby żaden z kupców, przekupników, albo też szewców samych, którzyby to dla przekupstwa czynili, nie wolno było skupować, dla zysku. Ktoby się tego dopuścił, tedy połowica skór na urząd woytowski, a połowica do panów burmistrzów cechu szwieckiego ma bydź wzięta.

Artykuł dziewiąty. Ieśliby który kupiec z obych miast y miasteczek przywiozł robotę szewskiego rzemiosła do Brześcia, niema iey przędawać y wozu rozwiązywać, aż się wprzód cechmistrzowi tego rzemiosła okaże. A dobroć tey roboty na uważeniu cechmistrzowskim y starszey braci należeć będzie. Toż rozumiey i o tych, którzy przyieżdżaią z iuchtami, ciemcami y skórami dębnymi, pod utraceniem towaru wszystkiego, którego połowica na urząd woytowski, a połowica na burmistrzowski y do cechu ma należeć.

Artykuł dziesiąty. Aby żaden tego rzemiosła mistrz nie ważył się roboty szewskiey albo garbarskiey i tey, która się wyżey pomieniła, robić w domach szlacheckich, kniażskich, pańskich, duchownych, klasztornych y pod zamkiem w mieście, aż cech przebędzie. A

któryby nie przebywszy cechu robił, winy zapłaci dziesięć kop na urząd woytowski, na burmistrzowski kop dziesięć litewskich, do cechu kamień wosku bez odpustu.

Artykuł iedynasty. Gdyby kto z obcych z skórami wyprawnemi, albo nie wyprawnemi do Brześcia przyiechał, a nie przedałby ich, tedy nigdzie indziey niema składać, iedno do starszego mistrza, gdzie skrzynka z karbem iest.

Artykuł dwunasty. Postanawiamy, aby cechmistrze dway doroczni—ieden z religii rzymskiey katolickiey, a drugi z religii greckiey, alternatim obierani bywali, którzy, spólnie na cechmistrzowstwo przysiągłszy, wespół sądy odprawować według artykułów przywileiowych maią, y pod iedną chorągwią czasu processyi kościelnych i innych popisów y potrzeb mieskich y cechowych chodzić powinni będą; a przy dokończeniu roku oba cechmistrze liczbę czynić maią z przychodów y rozchodów brackich. Przy których cechmistrzach w cechu kluczników dway—ieden z religii rzymskiey, a drugi greckiey, obierani bydź maią, którzyby alternatim mieysce y starszeństwo zasiadaiąc, do skrzynki brackiey dwa klucze mieli, a ieden bez drugiego otwierać iey nie ważył się. Także y inni bracia rzymska z grekami, tak szewcy, iako i garbarze, aby z cechu swym porządkiem zasiadali y rząd sobie należący odprawowali. Dochodami też wszystkimi, do cechu przychodzącymi, spólnie dzielili, to iest: połowica szewcom y garbarzom religii rzymskiey, a druga połowica religii greckiey należeć będzie, tak iednak, aby z tych dochodów szewci y garbarze religii rzymskiey świece do kościoła farskiego Brzezkiego, a grekowie do cerkwi katedralney świętego Mikoły, a nie gdzie indziey, dawali, y inne swe powinności odprawowali.

Artykuł trzynasty. Ieśliby którykolwiek uporny, albo nieposłuszny brat był, a powinności swey, którą by na sobie nosił, zaniedbywał, takowego starsza bracia karać y według występku winę wziąć będą moc mieli; wszakże ieśli by się któremu z braciey dekret cechowy y obciążony być rozumiał y do rady może appelować, tedy mu to nie ma bydź broniono.

Artykuł czternasty. Ieśliby który brat brata w cechu słowem, albo uczynkiem nieutścił, ma bydź karany pół-kamieniem wosku; a ieśliby rozkrwawił, ten do urzędu należnego ma bydź odesłany.

Artykuł piętnasty. Towarzysze tych rzemiosł, ktorzyby się tu w Brześciu rzemiosła nauczyli y chcieli bydź mistrzami, tedy pierwiey nie maią bydź mistrzami, aż pierwiey maią wędrować po inszych miastach, przypatruiąc się obyczaiom cudzym, a tam maią bydź przez dwie lecie, toż dopioro przywędrowawszy wolno im zostać mistrzem, iednakże cech przebywszy.

Artykuł szesnasty. Który chce do cechu wstąpić, ma siedm sztuk nauki swey pokazać, a to z wynalazku braciey starszey; a któryby nie chciał tych sztuk pokazać, złotych czytrnaście ma dać do skrzynki, a osobliwie cech przebyć.

Artykuł siedemnasty. Ieśliby towarzysz tego rzemiosła wdowę którego brata zmarłego za żonę chciał wziąć, ten do cechu wstępnego dać ma złotych pięć y sztuki według zwyczaiu odprawić y collatią braci sprawić.

Artykuł ośmnasty. Ieśliby brat cech przyimuiący w robieniu sztuki do-

syć nie uczynił, temu pięniądze, które za wstępne położył, maią bydź wrócone; takowy dotąd przewędrować się ma, aż się rzemiosła dobrze naucży y dobrym obyczaiem przypatrzy y tym sztukom dosyć uczyni.

Artykuł dziewiętnasty. Bracia garbarskiego rzemiosła aby skór surowych złych y zgniłych nie kupowali y każdy przekupiec, iak na rynku, tak na ulicach pod utraceniem tego towaru, który wszystek ma bydź do cechu wzięty.

Artykuł dwudziesty. Aby żaden brat nie ważył się ieździć popiołu skupować na przekup, tylko na swą potrzebę własną, tak też ziela, listu y materynki, dębiny nie kupował po nocy, aż dwie godziny na dzień, pod utraceniem towaru. Ieśliby się tego ważył obcy, a te rzeczy miał skupować w mieście, abo na przedmieściu, takowy każdy zapłaci winy kop dwie litewskich na urząd wóytowski y na burmistrzowski kop dwie y towar traci, a do cechu funtów wosku dziesięć. Obcy to rozumiey o tym, który nie robi tego rzemiosła.

Artykuł dwudziesty pierwszy. Żeby się żaden brat nie ważył zgniłych skór wyprawować, tak iuchtowych, iako dubiennych, tak też y w domu onych nie robił, pod utraceniem rzemiosła.

Artykuł dwudziesty wtóry. Ieśliby który młodszy brat cech przyiął, tedy wszelakie posługi cechowe odprawować ma według rozkazania starszych, co tak długo ma trwać, aż inszy nastąpi młodszy.

Artykuł dwudziesty trzeci. Każdy, który cech przyimie, ma przyiąć na mieysckie.

Artykuł dwudziesty czwarty. Ieśliby, który brat za obesłaniem do cechu, albo do pogrzebów, obchodów, zchadzek cechowych y tym podobnych y inszych powinności zaniedbywał, takowy ma bydź karan funtem wosku toties quoties, wyiąwszy, żeby się iaką słuszną przyczyną wymówił.

Artykuł dwudziesty piąty. Ieśliby między braty iaka potrzeba któremu przypadła, żeby towarzysza na potrzebę swą niemiał, a inszy brat towarzyszów dosyć miał; tedy drugi go w tey mierze ratować y towarzysza mu pożyczyć powinien będzie, gdyż tak tego potrzeba niesie.

Artykuł dwudziesty szósty. Ieśliby ieden drugiemu towarzysza z warstatu iawnie albo potaiemnie, sam przez się, albo przez kogo inszego, do warstatu swego przemawiał i odwodził, takowy ma bydź karan pół kamieniem wosku.

Artykuł dwudziesty siódmy. Ieśliby który mistrz tego rzemiosła w domu swym niepoćciwie y nie przystoynie żył, ten ma bydź do urzędu odniesion, którego rada według występku karać moc będzie miała.

Artykuł dwudziesty ósmy. Ieśliby towarzysz u mistrza, u którego robi, nie nocował, tedy wochlon traci, to iest zapłatę, którą zarobił za cały tydzień.

Artykuł dwudziesty dziewiąty. Ieśliby słudzi albo towarzysze ich na iakim szpetnym występku nalezieni byli, takowi od mistrzów nie maią bydź chowani, ale urzędowi maią oznaymieni.

Artykuł trzydziesty. I to warunkiem onym, aby żaden z miast, z miasteczek okolicznych i wsi nieśmiał kupować skór we dni targowe y nietargowe, aż się bracia cechowa nakupi, pod winą utracenia towaru y tego, który kupuie y tego, który przedaie, którego połowica na urząd wóytowski, a poło-

wica na burmistrzowski y na cech bez odpustu.

Artykuł trzydziesty pierwszy. Nie mnieysze y w tem praeiudicium y obowiążenie bydź obywatelom, tak woiewodztwa, iako i samego miasta naszego Brześcia, uważamy, że ludzie obcy (iako nam dano sprawę) żywych ieszcze bydląt skóry przed czasem potaiemnie zakupuiąc one z miasta Brzezkiego ogółem gdzie indziey wywożą, zkąd drogość niezwyczayna następuie y ściśnienie ludzi poddanych naszych, czego my zabiegaiąc, z władze, z wierzchności naszey królewskiey zostawuieny taki rząd, aby ludzie obcy teraznieysze y na potem będące, nie ważyli się nie tylko żywych bydląt skóry, tak że niewyprawnych, potaiemnie ale y publice na rynku poiedynkiem y ogółem skupować, aż po wyściu dwunastey godziny południoweу, tak podczas iarmarków, targow, iako i inszych dni, pod winą dwóch set kop litewskich, którey połowica na skarb nasz, a połowica na delatora spadać ma; pod tąż winą y rzeznicy Brześci nie maią ani będą powinni potaiemnie skór wszelakiego rodzaiu bydląt obcym przedawać.

Artykuł trzydziesty wtóry. Schadzkę cechową we cztery niedziele odprawować maią w swoiey własney gospodzie, a każdy z nich po groszu polskiemu na potrzeby kościelne dawać będzie powinien, także y czeladź mistrzowska rzemiosła szwieckiego y garbarskiego, gospodę swą w mieście mieć maią, według porządku inszych cechów, nie ważąc się odstawać od mistrzów swych na cztyry niedziele przed iarmarkiem pod winą cechową; a schadzkę we dwie niedziele przy bytności dwu mistrzów starszych od cechu przydanych odprawować maią.

Artykut trzydziesty trzeci. Chłopiec, gdyby się niewyuczywszy porządnie przed czasem od mistrza swego swawolnie odszedł, taki ma bydź za partacza miany, wszakże ieśliby się rzemiosła zaczętego douczyć chciał, tedy, łaskawie pokarany, ma bydź nazad od mistrza swego przyięty.

Artykuł trzydziesty czwarty. Każdy mistrz starszy nad dwu chłopców, a młodszy nad iednego niema więcey chować y każdy rzemiosła swego, którego się uczył, nie wtrącaiąc się w insze ma pilnować.

Artykuł trzydziesty piąty. Ruś na każde suchedni służbę Bożą w cerkwi soborney maią odprawować.

Artykuł trzydziesty szósty. Na sądach spraw brackich ze dwónastą tylko starszey braciey zasiadać będą powinni.

Artykuł trzydziesty siódmy. Do tego cechu szewskiego y garbarskiego przyłączamy y przydaiemy wiecznemi czasy safianików, gordybaników*) y tych, co zamsze robią, y szapowałów y sitarzów.

Artykuł trzydziesty osmy. Powinni będą mieć te pomienione rzemiosła spólną armatę podług przemożenia swego, bęben y chorągiew ku ozdobie y obronie miasta.

Artykuł trzydziesty dziewiąty. Przychylaiąc się do dawnego zwyczaiu tegoż cechu szewskiego y garbarskiego Brzeskiego, ustawuiemy, aby przekupnie y przyiezdży, którzy w mieście brzeskim skóry wyprawuią, na handel skupuią, od skóry bydła rogatego po groszu polskiemu, od mnieyszego po pół grosza

*) *Gordybanik* происходитъ отъ слова *gordyban* или kordyban иначе korduan или kurdwan, которые означаютъ козловую кожу, употреблявшуюся на дамскіе башмаки, которые носили при Сигизмундѣ III. Мастера, которые выдѣлывали этого рода кожи въ volumina legum, назывались кордыбаниками (томъ III, листъ 592).

dawali, które pieniądze na poprawę budy szewskiey obracać sie maią.

Artykuł czterdziesty. Niemniey też y to do dobrego porządku należy, żeby cechmistrzowie rzemiosł pomienionych, w cechu tym od nas confirmowanym będący, pobory i contributie publiczne od swoich braciey podług taxy ogólney, od urzędu mieskiego Brzeskiego na nich włożonego, ile każdego brata ich substantia y przemożenie zniesie, sami przez się proportionaliter odbierali, a odebrawszy do urzędu mieskiego Brzeskiego odkładali y zupełnie oddawali.

Artykuł czterdziesty pierwszy. Budy szewskiey spólnie zażywać y one budować y naprawować, y czynsz doroczny do skrzynki mięyskiey oddawać. A magistratowi na wszelakie rozkazanie posłuszeństwo we dnie y w nocy czynić y pod iego sądy podlegać maią. żadnemi iurisdictiami y protectiami, ani służbami dignitarskiemi y szlacheckiemi nie szczycąc się.

Artykuł czterdsiesty wtóry. Nadto y to postanawiamy, aby skrzynka bracka cechowa z przywilegiami alternatim iednego roku—u cechmiztrza szewskiego albo garbarskiego religii rzymskiey, a drugiego roku—u cechmistrza szewskiego albo garbarskiego religii greckiey. osiadłość swą pod miastem maiącego, chowana była.

Artykuł czterdziesty trzeci. Za to msze też aby na każde suchednie za zmarłą bracią w kościele farskim odprawowali. na których wszyści bracia starsi y młodsze religii rzymskiey y greckiey—unicy y dyzunici, także cechmistrze obóyga rzemiosła, bywać powinni, pod winą trzech groszy na wosk do kościoła farskiego.

Artykuł czterdziesty czwarty. Waruiemy też to, aby partaczom niewolno było kraiać roboty szewskiey y żeby szewci oboiey religiey nie ważyli się brać kraianey roboty od partaczów pod winą pół kamienia wosku.

My tedy Władysław IV, król, takowe artykuły zwyż opisane, mocą y powagą naszą królewską (in quantum iuris est) zmocniwszy y stwierdziwszy, one mistrzom starszym y młodszym rzemiosła szewskiego, garbarskiego i innych rzemiosł, przyłączonych y incorporowanych, tak religii rzymskiey katolickiey, iako też y greckiey, y do używania podaiemy. y aby się podług opisania ich na potomne czasy rządzili y sprawowali—chcemy y rozkazuiemy. Na ostatek pozwalamy y daiemy im zupełną moc y wolność te wzwyż rzeczone artykuły, ile czasu y samey rzeczy potrzeba będzie wyciągała y okazywała y co sprawa będzie, przydać y umnieyszyć y za confirmatią naszą y nayiaśnieyszych successorów naszych ich zażywać wiecznemi czasy. Na co dla lepszey wiary ręką się naszą podpisawszy, pieczęć wielkiego xięstwa litewskiego przycisnąć rozkazaliśmy. Dan w Warszawie, dnia szesnastego miesiąca Maia, roku Pańskiego MDCXXXX. panowania naszego polskiego VIII, a szwedzkiego IX roku. U tego przywileiu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, pieczęć zawiesista wielka wielkiego xięstwa litewskiego, a podpis ręki iego królewskiey mości tymi słowy: Vladislaus rex. Tak też y podpis ręki pisarza iego królewskiey mości tymi słowy: Marcyan Tryzna—referendasz pisarz wielkiego xięstwa litewskiego. Który to takowy przywiley iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, przez osób zwyż opisanych ku aktikowaniu podany y do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest wpisany.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 627—628.

81. Продажная запись священника Лаврентія Грудинскаго Тимоѳею Боровиковичу на огородъ въ городѣ Брестѣ.

Священникъ Лукомской церкви Лаврентій Грудинскій продаетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе крестьянину Гершоновицкому свой огородъ въ г. Брестѣ за 150 злотыхъ.

Actum in civitate Brest. mag. duc. Lith., die 21 mensis Maii, a. D. 1640.

Na urzędzie burmistrzowskim w mieście kr. iego mości Brzeskim, przed nami Foltinem Ryzlerem, Jaroszem Soroką— burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Stefanem Rapowiczem, Wasilim Soroką, Iwanem Bielkiewiczem — raycami, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie wielebny w Bodze ociec Ławrenty Grudziński — presbiter Łukomski, iawnie y dobrowolnie zeznał, iż maiąc on ogród swóy własny Lencowski, kupny od Ignata Warywody— mieszczanina Brzeskiego y na urzędzie burmistrzowskim Brzeskim, dnia dwudziestego wtórego miesiąca Octobra, w roku tysiąc sześćset trzydziestym ósmym przyznany, leżący też ogród pod przysądem prawa magdeburskiego w mieście iego kr. mości Brzeskim za Muchawcem, na ulicy Mudryckiey, ob miedzę z iedne strone gruntu Mikołaia rybaka, a z drugą stronę ogrodu Ławrysza Martinowicza, głową na ulicę y wygon mieski, a tyłem do gruntu tegoż Mikołaia rybaka, ze wszystkim, iako sam spokoynie trzymał y używał, żadnego prawa dziedzicznego, ani dożywotniego w namnieyszey części nie zostawuiąc, alie wszystek plac y ogród Lencowski, z budynkiem domowym, przedał utściwemu panu Timoszowi y małżonce iego Marynie Kodniance— poddanym iego kr. mości ze wsi Gerszonowicz, im samym y potomkom ich, na wieczne czasy, za pewną summę pieniędzy, to iest, za półtorasta złotych polskich, y zarazem pomieniony ogród z budynkiem domowym urzędownie w moc, w dzierżenia y spókoyne używanie podał y postąpił, z odebrania y spełna zapłacenia półtora set złotych Timosza Borowikowicza y małżonkę iego kwitował y s tego ogrodu Lencowskiego y budynku domowego wielebny ociec Ławrenty Grudziński — prezbiter Łukomski, zrzekł się wiecznie, y wszystkich przyiaciół y potomków swych oddalił. I iuż od daty tego przyznania wolno będzie Timoszowi Borowikowiczowi. małżonce y potomkom ich, tym ogrodem Lencowskim y budynkiem domowym, iako chcąc szafować, dać, przedać, darować y na swoie naylepsze pożytki obracać. W czym żadney przeszkody ociec Ławrenty Grudziński, małżonka, potomkowie y przyiaciele ich, sami przez się y przez osób subordynowanych, czynić nie maią y owszem od wszelakich osób, w ten grunt Lencowski wstępuiących y przeszkodę czyniących, ze wszystkich dóbr swoich leżących y ruchomych, gdzieby się kolwiek pokazali, za obwieszczeniem urzędowym u wszelakiego sądu y prawa, swym własnym kosztem y nakładem tyle kroć, gdzieby tego potrzeba ukazywała, bronić, zastępować,

zapisał się, do wyścia dawności w prawie magdeburskim opisaney, pod zapłaceniem zaręki stronie żałobliwey takoweyże summy pieniędzy półtorasta złotych polskich y pod nagrodzeniem szkod wyżey mianowanych, prócz żadnego dowodu y przysięgi cielesney, s którego placu ogrodu Lencowskiego wszystkie onera miesckie, także pobory, donatiwy do miasta maią być płacone wiecznemi czasy, nie szczycąc się żadnemi libertatiami, pod utraceniem tego gruntu y ogrodu Lencowskiego, na ratusz Brzescky. Który to ogrod z budynkiem domowym urzędownie przez sławnych panow Łukasza Pomarzańskiego y Wasila Sorokę — radziec miasta Brzesckiego, z urzędu przydanych, w posessyą wieczystą Timoszewi Awdiszewiczewi Borowikowiczowi y małżonce iego Marynie Kodniance y potomkom ych podług zapisu przyznanego, na wieczność iest podano, ten ogrod wpół dębu, który na granicy stoi, iako dzierżący przedtym Ignat Warywoda zeznał, że wpół dąb graniczy. Którey intromisyi nikt nie bronił y s prawem swym pierwszym y poślednim nie odzywał. Jednakże Ławrysz Marcinowicz — sąsiad pograniczny odzywał się przy intromisyi, że cały dąb iego. Które oczewiste zeznanie osoby wysz mianowaney y intromisya urzędowa do xiąg wieczystych miesckich Brzesckich iest zapisana.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 629—632.

82. Опредѣленіе по дѣлу между цехомъ сапожниковъ римско-католическаго и цехомъ сапожниковъ православнаго вѣроисповѣданій.

Старшина сапожническаго цеха, римско-католическаго исповѣданія, вмѣстѣ съ другими своими сотоварищами внесъ въ магистратъ жалобу на цеховыхъ православнаго исповѣданія въ томъ, что эти послѣдніе не ходятъ ни въ уніятскія, ни католическія церкви, не даютъ воску на свѣчи, не вносятъ пожертвованій и вообще нарушаютъ такимъ образомъ королевскія привилегіи. Уполномоченный отъ цеховыхъ православныхъ заявилъ, что искъ по такимъ дѣламъ можетъ быть вчиненъ властію духовною. Судъ, соглашаясь съ такимъ заявленіемъ, потребовалъ однакоже у православныхъ показать королевскія привилегіи и цеховыя правила. На это не согласились православные. Та и другая сторона потребовала апелляціи въ королевскій судъ. При этомъ старшина римско-католиковъ заявилъ, что онъ обозванъ былъ въ судѣ Іудой однимъ православнымъ цеховымъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithvaniae, die 21 mensis Maii, anno Domini 1640.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście iego królewskiey mości Brzeskim, przed nami Foltinem Ryzlerem — burmistrzem religii rzymskiey, Janem Jędrzeiewskim — subdelegatem na mieyscu sławnego pana Jarosza Soroki — burmistrza religii greckiey zasadzonym, Wacławem Barczewskim y Łukaszem Pomarzańskim, Wasilem Soroką, Iwanem Bielkiewiczem — raycami, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu, uczci-

wego pana Gabryela Romanowskiego — cechmistrza szewskiego religii rzymskiey, y wszystkiey braciey cechowey, z panem Jaroszem Soroką — cechmistrzem szewskim religii greckiey, nie-unitem, także ze wszelkiey braciey tegoż cechu religii greckiey, mieszczan Brzeskich; tedy obiedwie stronie u sądu stanowili się y moc umoczowanemu swemu cechu religii rzymskiey panu Mikołaiowi Skołdyczkiemu, a cech religii greckiey panu Michałowi Dębowskiemu ku mówieniu prawnemu zlecili. Zatym strona powodowa cech rzymski dowiodszy pozwu, cechowi greckiemu słusznie podanego, żałował przez plenipotenta swego zwysz mianowanego na cechmistrza szewskiego y wszystką bracią starszą y młodszą — w krzywdzie Bożey y w krzywdzie cechu ich szewskiego rzymskiego, to iest, o zniewagę wiary świętey katolickiey rzymskiey y o sprzeciwieństwo przywileiom iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, cechom nadanych, y o nieodprawowanie służby Bożey, na mieszczach w przywileiu opisanych, o nieoddanie wosku na świece i na inne potrzeby kościelne, także o nieoddanie wosku, świec y innych powinności do cerkwi katedralney soborney uniiackiey, o niechodzenie na żałobną mszę do kościoła farskiego y o niechodzenie na służbę Bożą do cerkwi świętego Mikoły, o nieoddanie dochodów brackich, cechowi rzymskiemu szewskiemu przynależących, o nieprzyięcie mistrzów wiary świętey katolickiey do starszeństwa y wolności cechowych. Na dowod tey żałoby pokładali protestacią przed urzędem burmistrzowskim Brzeskim, uczynioną pod datą roku tysiąc sześćset czterdziestego, miesiąca Maia piętnastego dnia, y żądali sprawiedliwości. A pozwany cech szwiecki grecki, przez plenipotenta swego pana Michała Dębowskiego, zachowawszy sobie wszystkie obrony prawne, wcale nie wstępuiąc w żadną controwersią zadawał, że cech szewski rzymski nie iest actorem tey sprawy, ale o wszelakie krzywdy kościelne y cerkiewne nie świecki człowiek, ale duchowieństwo, to iest, w Bodze wielebny iegomość oyciec władyka Włodzimirski Brzeski y kapituła Brzeska, także iegomość xiądz proboszcz albo podprobości farski o nieuczynienie czci kościołowi y cerkwie Bożey prawem czynić maią; a na żałobę cechu szewskiego rzymskiego odpowiadać nie powinny, y żądali wolności od pozwu y roku. Na co strona żałobliwa powiedziała, że cech szwiecki grecki nie chciał się usprawiedliwić na pierwszym terminie zbiiania pozwu na pismie nie wydanym, rok burzą, potym świętem ruskim szczycił się, naostatek dilacyi na przyszłym terminie przywodzić cech szewski rzymski do szkod żądali, że nie są actorami, zaczym brali się na plenipotencie iego mości xiędza farskiego y kapituły Brzeskiey, chcąc na terminie od urzędu naznaczonym pokazać. My urząd w sprawie cechu szewskiego rzymskiego z cechem greckim szewskim nie-unitami, przychilaiąc się do inszych cechów wszystkich, w Brześciu będących, iako się w porządkach kościelnych y cerkiewnych zachowuie, iakoż y w tym cechu szewskim upatruiąc, iż idzie o porządki kościelne y cerkiewne, a żałobliwi plenipotenciey od duchowieństwa nie okazali, zaczym cechowi szewskiemu religii rzymskiey plenipotentią pokazać y pozwanym także grekom wilkierz y przywiley iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, na cech służący, pokazać nakazuiemy, za tymże pozwem we środę, to iest, dnia dwudziestego trzeciego Maia, w teraźnieyszym roku zwyż

pisanym, a to dla lepszey informaciey nam urzędowi. A cech grecki szewski ze wszystką sprawą appelował do dworu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego; żałobliwy cech szewski religii rzymskiey, widząc wielkie uniżenie, że na zwłokę sprawiedliwości świętey cech grecki szewski appeluie o accessoria, nie o główną rzecz, dekret ieszcze wydany nie dla iakiey obciążliwości, tylko żeby im ubogim ludziom z dostatku swego sprawiedliwości przedłużali, dalszey controwersiey nie czyniąc—mandaty iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, tuż u sądu panu Jaroszowi Soroce — cechmistrzowi szewskiemu greckiemu y wszystkiey braciey, starszey y młodszey, przez ienerała iego królewskiey mości woiewodstwa Brzeskiego pana Jana Nikodemowicza Białego podali, y szkody na cech grecki szewski na złotych dwieście; także y pozwany cech szewski grecki na cech religii rzymskiey, uyściem szkody na złotych dwieście protestowali się. A po położeniu mandatu cech grecki po braciey cechowey religii rzymskiey y po samym panu cechmistrzu poręki potrzebowali o dosłanie prawa. My urząd poręki dać nie uznali z tych przyczyn, iż nie o dziedziczną rzecz, ale o porządki cechowe idzie. Żałobliwy pan Gabryel Romanowski—cechmistrz szewski religii rzymskiey, protestował się o zniewagę y o przymówkę na Semena Borsuka—cechowego z religii greckiey, że onego u sądu Judaszem nazwał, o co sobie wolne prawo zostanowił. Którey sprawy, iako się u sądu odprawowała, do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1640 г.

Изъ книги Брестскаго городскаго магистрата стр. 632—634.

83. Продажная запись мѣщанина Нестера Супруновича крестьянину Авдѣю Боровику на сѣножать.

Брестскій мѣщанинъ Супруновичъ продаетъ свою сѣножать, находящуюся подъ юрисдикціей магистрата, Гершоновицкому крестьянину Боровику за 150 злотыхъ на вѣчныя времена.

Actum in civ. Brestensi m. d. Lith., die 23 mensis Maii, a. D. 1640.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście kro: iego mści Brzeskim, przed nami Foltinem Ryzlerem, Jaroszem Soroką—burmistrzami, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Stephanem Rapowiczem, Wasilem Soroką, Iwanem Bielkiewiczem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym, stanowszy oblicznie utściwy Nescier Suprunowicz, wespół z małżonką swą, panią Owdotią Petriwolszczanką, mieszczanie Brzesci, iawnie y dobrowolnie zeznali, iż sianożęć swoią własną pod przysądem y posłuszeństwem prawa magdeburskiego, leżącą za miastem Brzeskim, na uroczyszczu na Hraznom u Łobotinie, ob miedzą z iedną stronę sianożęci pana Jarosza Soroki, a z drugą stronę sianożęci Chomy Nikonowicza, tyłem do Pianowca, a głową do gruntów ich mość oyców

iezuitow, gruntow Pełczyńskich, którą sianożęć pierwiey pomieniony Nescier Suprunowicz puścił był małżonce swey Owdotii Petriwolszczance y na urzędzie burmistrzowskim Brzeskim dnia ósmego Augusta, w roku tysiąc sześćset trzydziestym pierwszym zrzeczenie uczynił, a potym za pomiarkowaniem przyiacielskim Nescier Suprunowicz z małżonką swą spólnie, zgodnie y iednostaynie pomienioną sianożęć przedali utściwemu panu Audiszowi Borowikowi y małżoncę iego Stecyi Siemionownie, poddanym iego kro. mści ze wsi Gerszonowicz, im samym y potomkom ich, za pewną summę pieniędzy, to iest, za połtorasta złotych polskich na wieczność, y zarazem urzędownie w possesią podali y postąpili, z odebrania pieniędzy wszystkich kwitowali y s tey sianożęci Nescier Suprunowicz y małżonka iego zrzekli się wiecznie, y wszystkich przyiacioł y potomków swych oddalili, pozwolaiąc tą sianożęcią Audiszowi Borowikowi, małżonce y potomkom ich, iako chcąc, szafować, dać, przedać, darować, zamienić y na swoie naylepsze pożytki obrócić, w czym żadney przeszkody czynić nie maią, sami przez się y przez potomków swych; y owszem od wszelakich osób, w tę sianożęć wstępuiących y przeszkodę czyniących, ze wszystkich dóbr swych, leżących y ruchomych, gdzieby się kolwiek pokazali, za obwieszczeniem urzędowym u wszelakiego sądu y prawa, swym własnym kosztem y nakładem tylekroć, ile by tego potrzeba ukazywała, bronić, zastępować zapisali się do wyiścia dawności w prawie magdeburskim opisaney, pod zapłaceniem zaręki na ratusz Brzeski takoweyże summy pieniędzy półtaraset złotych polskich y pod nagrodzeniem szkod słownie mianowanych, prócz żadnego dowodu y przysięgi cielesney; z którey sianożęci wszystkie onera mieyskie, także popory y donatiwy Awdziey Borowik, małżonka iego, do skrzynki mieyskiey płacić maią y powinni będą wiecznemi czasy, nie szczycząc się żadnemi libertatiami pod utraceniem tey sianożęci na ratusz Brzeski; która sianożęć urzędownie przez sławnych panów Łukasza Pomarzańskiego y Jana Jędrzeiewskiego—radziec miasta Brzeskiego, z urzędu przydanych, w moc, w dzierżenia y w spokoyne używanie Andrzeiowi Borowikowi, małżonce y potomkom ich podług zapisu przyznanego na wieczność iest podana, przy słudze urzędowym Błażeiu Jurkowiczu, którey intromissyi nikt nie bronił y s prawem pierwszym y poślednim nie odzywał. Które takowe oczewiste przyznanie intromissya urzędowa do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest zapisana.

1640 г.

Изъ книги Брестскаго городскаго магистрата, стр. 634—635.

84. Дарственная запись священника Воскерсенской церкви Іакова Θеодоровича священнику Пречистенской церкви Михаилу Ярошевичу на огородъ въ городѣ Брестѣ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 26 mensis Mai, anno Domini 1640.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckym w mieście iego królewskiey mości Brzesckim, przed nami Foltinem Ryzlerem, Jaroszem Soroką—burmistrzami, Janem Jędrzeiewskim, Stepanem Rapowiczem, Iwanem Bielkiewiczem — raycami, na zwykłym miescu sądowym stanowszy oblicznie wielebny oyciec Jiakow Fiedorowicz—prezbiter cerkwie Woskresieńskiey Brzesckiey wespół z małżonką swą panią Ohapią Michayłowną Borowikowną, iawnie y dobrowolnie zeznali, yż maiąc oni grunt y ogród swóy własny po Michayłu Borowiku — oycu Ohafii Borowikowny pozostały, pod przysądem prawa magdeburskiego w mieście Brzesckim, na ulicy Zamuchawieckiey leżący, ob miedze z iednę stronę ogrodu pana Iwana Philipowicza, a z drugą stronę ogrodu Kinczychi, naprzeciwko ulicy Biskupiey, tyłem do Markowszczyzny, sianożęci pana Jana Malinuerna, a głową do ulicy gościńca Łuckiego, który to ogród pomienione osoby oyciec Jakow Fiedorowicz z małżonką swą, dozwoliwszy wielkiey życzliwości y przyiazności zięcia swego wielebnego oyca Michała Jaroszewicza — prezbitera cerkwie świętey Przeczystey y małżonki iego, a córki swey paniey Heleny Jakowowny, którym dali, darowali y na wieczne czasy zapisali, ym samym, y przodkom ych zwysz mianowany ogród na wieczne czasy, od którego ogroda inszych wszystkich potomków y przyiacioł swych oddalili, prawo swoie dziedziczne na wielebnego oyca Michayła Jaroszewicza y małżonkę iego wlali y prawa stare, na ten ogród służące, darownikom swym na urzędzie oddali y sami ociec Jakow Fiedorowicz z małżonką swą ogrodu zrzekli się wiecznie, y zarazem w possesią urzędownie podali y postąpili, pozwalaiąc tym ogrodem, iako swą własnością, szafować, dać, przedać, darować y na swoie naylepsze pożytki obrócić, w czym żadney przeszkody czynić, y w ten ogród od daty tego przyznania wstępować się nie maią wiecznie, po którym takowym przyznaniu, będąc z urzędu przydany sławny pan Iwan Bielkiewicz—rayca na intromissyą, który zwróciwszy się zeznał relatią swą u sądu, yż grunt y ogród Borowikowsky, podług zapisu przyznanego w moc, w dzierżenie y w spokoyne używanie wielebnemu oycu Michayłu Jaroszewiczu y małżonce iego Helenie Jakowownie y potomkom ych na wieczność podał, którey intromissyi nikt nie bronił y z żadnym prawem nie odzywał się; s którego ogrodu oyciec Michayło Jaroszewicz, małżonka y potomkowie ych y na potym dzierżący, wszystkie onera mieskie, także pobory y dowatiwy do miasta płacić maią y powinni będą, nie zasłaniaiąc się żadnemi libertatiami. Która darowizna y intromissya urzędowa do xiąg wieczystych mieskich Brzesckich iest zapisana.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 641—642.

85. Жалоба Брестскаго ратмана Луки Поморянскаго на свою жену о ея распутствѣ.

Брестскій ратманъ Лука Поморянскій жалуется на свою жену, что она ведетъ распутную жизнь, какъ онъ самъ удостовѣрился въ этомъ лично, заставши ее на мѣстѣ преступленія съ Вербицкимъ; что боясь отвѣтственности она ушла изъ дому и продолжаетъ распутствовать по разнымъ улицамъ; что вслѣдствіе этого онъ не желаетъ жить съ нею въ супружествѣ и думаетъ преслѣдовать ее судомъ.

Actum in civitate Brest. m. d. Lith., die 11 mensis Junii, anno Domini 1640.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście kr. iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie sławny pan Łukasz Pomorzański — rayca y aptekarz miasta Brzeskiego, protestatią swą na pismie ku zapisaniu do xiąg miesckich radzieckich Brzeskich podał, pisaną w te słowa:

Sławetny magistracie miasta kr. iego mości Brzeskiego! Z wielkim żalem moim protestuie się przed w. mość, iako urzędem, na małżonkę moią Helzbietę Szczupakównę, która zapomniawszy y boiaźni Bożey, y przysięgi na zachowanie czystości małżeńskiey uczynioną, śmiała y ważyła się nie poiednokroć wszeteczeństwem y piaństwem bawić się, com ia wszystko przez wszystek czas życia mego cierpliwie znosił, rozumieiąc, aby się na cnocie kiedykolwiek poprawić mogła, napominałem przez różne ludzie y białe głowy, aby się upamiętała; lecz pomieniona małżonka moia im daley, tym więcey przez wstydu w sprosności żyć nie przestała, ia iednak, pokim sam oczyma swemi nie doświadczył, mimo się puszczałem, iakoż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym, miesiąca Maia dwudziestego wtórego dnia, podczas pogrzebu iey mści paniey Woyciechowey Galimskiey, gdy się stypa odprawowała we dworze bywszey iey mści pani Piotrowey Piekarzskiey — sędziney ziemskiey Brzeskiey, a teraźnieyszey iey mość paniey Danielowey Naborowskiey — czasznikowey w. x. Lit., sędziney grodzkiey Wileńskiey, gdzie y ia w tym dworze mieszkanie swe mam, tamże tego czasu pomieniona małżonka moia udawszy się na cielesność wszeteczną, zmówiwszy się z czeladnikiem iego mść pana Woyciecha Galimskiego, przezywaiomym cudzołożnikiem Janem Wierzbickim, w dzień, niewstydliwie, nie pamiętaiąc na przykazanie Boże, na górę cudzołózstwo wszeteczeństwa popełnili, których ia sam na gorącym uczynku cudzołózstwa popełnionego znalazłem y ludziom potściwym, szlachcie na tenczas na stypie iey mość paniey Galimskiey będącym, oświadczyłem. A nie chcąc ia na ten czas na stypie żałobney pogrzebowey hałasu czynić, oświadczywszy ludźmi dobremi na dowód s cudzołożnika zwysz mianowanego Wierzbickiego zdiołem czapkę, pas, chustkę, naostatek y szablę od boku odpasałem, a małżonka

moia natychmiast z gorącego uczynku precz z domu z mieszkania mego, uchodząc karania, na takowych swawolnych białych głów opisanego, uciekła, y teraz, iako mam wiadomość, po różnych ulicach przemieszkiwaiąc, z różnemi ludźmi niepotściwemi wszeteczeństwem się bawi. S którą małżonką moią nie chcąc ia więcey w stanie małżeńskim, iako z niepotściwą wszetecznicą, żyć y owszem z nią o te popełnione cudzołożstwo u sądu należnego, gdzie mi prawo drogę ukaże, prawnie czynić, a teraz tę protestatią moię zanoszę y proszę, aby do xiąg w. mść zapisana była. W tey protestacyi podpis ręki tymi słowy: Łukasz Pomorzański — rayca. Która-to takowa protestatia za oczewistym podaniem osoby wysz mianowaney, do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 677.

86. Отдача третьей части уволоки земли крестьянину Агаеону Чайковскому Брестскимъ магистратомъ за чиншевую плату.

Actum in civitate Brestensi, m. d. Lithvaniae, die 10 mensis Septembris, anno Domini 1640.

Burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzesckiego, czynimy wiadomo tym listem daniny naszey, komuby o tem wiedzieć przynależało, iż my rozmnażaiąc poddanych mieskich ratusznych Kozłowskich, za prożbą Hapona Czaykowicza daliśmy trzecią część włoki golą, we wsi Kozłowiczach leżącą, w polach, sianożęciach, ogrodach y we wszystkim, iako się w sobie ma, ob miedze włoki Hapona Czaykowicza, a z drugą stronę Jaska Saymkowicza pomienionemu Haponowi Czaykowiczowi, którę tę trzecią część włoki Hapon Czaykowicz ma spokoynie trzymać, y wszelakich pożytków zażywać do wzrostu lat Konacha Niemkowicza, iakoż czynsz co rok o świętym Marcinie do skrzynki mieskiey oddawać y pansczyznę odprawować powinien będzie. Anienko Kowalewicz Bodulewicz ze wsi Nieczołstow y Siemen Dudka ze wsi Kozłowicz, którzy się z sobą o tę trzecią część włoki prawowali, a żaden z nich na ten grunt prawa nie okazał, pomienionemu Haponowi Czaykowiczowi żadney przeszkody w spokoynym dzierżeniu czynić nie maią; iakoż Hapon czynsz zatrzymany tak roczny kopę litewską oddał, którą kopę Konoch dorosszy lat y przykład prawny onemu Haponowi oddać ma. Do którey daniny dla lepszego świadectwa pieczęć urzędową mieską radziecką Brzescką przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Brześciu, dnia dziesiątego msca Septembra, roku 1640.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 684—687.

87. Духовное завѣщаніе Брестской мѣщанки Татьянны Никоновной.

Въ этомъ завѣщаніи мѣщанка Никиновна проситъ похоронить ее въ церкви св. Симеона и распредѣляетъ между своими дѣтьми свое движимое и недвижимое имущество; въ числѣ прочихъ вещей упоминаются и серебрянные кубки и ложки.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 17 mensis Octobris, anno Domini 1640.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Foltinem Ryzlerem, Jaroszem Soroką—burmistrzami, Wacławem Barczewskim, Stephanem Rapowiczem, Wasilim Soroką—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie sławetni panowie Łukasz Pomorzański, Jan Jędrzeiewski, Jwan Bielkiewicz—rayce miasta Brzeskiego, zeznali ten testament, pisany w te słowa:

Będąc my z urzędu przydani, ia Łukasz Pomorzański, ia Jan Jędrzeiewski, y ia Iwan Bielkiewicz—rayce miasta Brzeskiego, na testament ostatniey woli paniey Tatianny Nikonowey—mieszczanki Brzeskiey, która z dobrym rozmysłem takowy testament ostatniey woli swey sprawiła:

W Imie Pana Boga Wszechmogącego w Tróycy świętey iedynego, Oyca, Syna y Ducha świętego, Amen. Naprzód, gdy Pan Bóg wszechmogący rozłączy z tym żywotem doczesnym, duszę moią poruczyła w ręce miłosierdzia Bożego, a ciało ku pogrzebowi, które pochowane być ma w cerkwie świętego Siemiona przez syna icy Filipa Nikonowicza, kosztem niżeymianowanym. Maiętność swoią, leżącą y ruchomą, z pracy rąk nabytą, y drugą z rozdziałku z synamy wydzieloną, tym testamentem rozrządziła: Dom z gruntem, na ulicy Zamuchawieckiey nad ulicą y ułeczką leżący, ob miedzę Wasiliowey Bukriiewiczowey, tyłem do Chomy Nikonowicza, ten dom z gruntem ze wszystkim na wszystko, iako się w sobie ma, Philipowi Nikonowiczowi na wieczność w wolny szafunek legowała; od którego domu y gruntu wszystkich synów swych y córek y przyiaciół swych oddaliła wiecznie. Z którego domu y gruntu pogrzeb sprawić, także rokowe y pamięci za duszę matki swey Pana Boga wszechmogącego prosząc, za odpuszczenie grzechów odprawić Philip Nikonowicz powinien będzie. U tegoż Philipa pieniędzy pożyczanych kop dwadzieścia lith. y te pieniądze ku pomocy na pogrzeb obrócić ma. Sianożęć na uroczyszczu w Hruszewem leżącą, która swemi własnemi pieniądzmy wykupiła u nieboszczyka Szczęsnego Tatarzyna w kopach siedmiudziesiąt litewskich, tę sianożęć po śmierci swey Iwanowi y Demianowi w wolny szafunek na wieczność zapisała. A ieśliby żywa Tatiana Nikonowa została, tedy ta sianożęć przy paniey Nikonowey ma zostawać podług prawa iey należącego. Paniey Marynie Nikonowey Wasilowey Soroczyney—pół sianożęci, kupney

od Siemiona Bukriiewicza, która leży ob miedzę Chomy Nikonowicza, na Hrazkim, y ogrod na Osinkach z kłunią ob miedzę sianożęci Homszeia, z drugiey strony paniey Wasilowey Bukriiewiczowey, tę pół sianożęci na Hrazkim y ogród na Osinkach paniey Marynie Wasilowey Soroczyney legowała. Dwa pasy srebrne, w kopach ośmiudziesiąt litewskich w zastawie od Demiana y Marcina Nikonowiczów, które pasy ieden biały—paniey Marynie Soroczyney, a drugi pas pozłocisty—paniey Chwiedorze Iwanowey Chilkowiczowey zapisała; a ieśliby Demian Nikonowicz oddał kop ośmdziesiąt, tedy mu pasy maią bydź oddane, a pieniądze Marynie y Chwiedorze należeć maią. Dwie łyżce srebrne Demianowi należeć maią. Siana dwa stogi na sianożęci na Hrazkom Philipowi legowała, które siano sprzedawszy pogrzeb, podług utsciwości, ozdobnie odprawić powinien będzie. Skrzynię z chustami białemi y z odzieżą y ze wszystkim na wszystko, co kolwiek w skrzynie iest, paniey Marynie Wasilowey Soroczyney zapisała. Kubków dwa śrebrnych panienczyńskich zeznała pani Nikonowa, że przedała żydowi, których kubków w skrzynie niemasz. Pieniędzy gotowych niemasz. Cyn, miedź y pościel córkom dwóm Wasilowey y Chwiedorze w równy dział zapisała. Insze wszystkie rzeczy ruchome y statki domowe Philipowi Nikonowiczwi synowi swemu zapisała. W czym wszystkim ieśliby pomienioną panią Tatianę Nikonowę Pan Bóg wszechmogący do pierwszego zdrowia przyprowadzić raczył, wolny sobie szafunek we wszystkiem zostawiła. Działo się w domu paniey Nikonowey, przy bytności Iwana, Demiana, Saka, Chomy, Philipa Nikonowiczów, y przy bytności pana Wasila Soroki y małżonki iego Maryny Nikonowey, y przy bytności paniey Chwiedory Chilkiewiczowey. Pisan w Brześciu, dnia trzeciego miesiąca Oktobra, anno Domini 1640. U tego testamentu podpis rąk radzieckich temi słowy: Łukasz Pomarzański—rayca, Jan Andrzeiewski—rayca Brzeski, iako przytym będący. Który to takowy testament, przez osób zwyż mianowanych oczewiście u sądu zeznany y do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest upisany.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 689—691.

88. Духовное завѣщаніе Брестской мѣщанки Анны Кузьминой Филиповой.

Въ этомъ завѣщаніи мѣщанка Филипова устраняетъ своихъ дѣтей отъ правовладѣнія землей ея, которую она продала за долги Брестскому мѣщанину; заявляетъ, что всѣ цѣнныя ея золотыя и серебряныя вещи растратилъ ея зять Сорока и разрѣшаетъ своему внуку Порфирію отъ ея покойной дочери и Сороки доискиваться приданнаго своей матери, оцѣненнаго въ 200 зл. Противъ этого пункта сдѣланъ Сорокою протестъ, что онъ не получалъ за своей покойною женой никакого приданнаго.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lith., die 20 mensis Octobris, anno Domini 1640.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Foltinem Ryzle-

rem, Jaroszem Soroką—burmistrzami, Wacławem Barszczewskim, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Stephanem Rapowiczem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie sławni panowie Jan Jędrzeiewski y Wasili Soroka—rayce miasta Brzeskiego, zeznali testament ostatniey woli paniey Hanny Philipowey y ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich na piśmie podali, pisany w te słowa:

Będąc my z urzędu przydani ia Jan Jędrzeiewski i ia Wasili Soroka—rayce miasta Brzeskiego na testament ostatniey woli paniey Hanny Kuzmianki Philipowey, mieszczanki Brzeskiey, która z dobrym rozmysłem y z dobrą pamięcią, siedząc o swoiey mocy, takowy testament ostatniey woli swey sprawiła:

W imie Pana Boga wszechmogącego, w Tróycy świętey iedynego, Oyca y Syna y Ducha Swiętego, amen. Nayprzód gdy pan Bóg rozłączy z tym żywotem doczesnym, duszę swoią poruczyła w ręce miłosierdzia Bożego, a ciało ku pogrzebowi, które pochowane być ma w cerkwie świętego Siemiona przez przyiaciela iey Zacharyusza Starkowicza, w grobie podle córki iey Hanny Philipowny, kosztem Zacharyuszowym. Maiętność swoią, to iest, grunt z sadem Przepiorczyński, na ulicy Zamuchawieckiey, w pewnych miedzach y granicach leżący, który za żywota swego, zadłużywszy się różnym ludziom przedała panu Zacharyuszowi Starkowiczowi y małżonce iego na wieczność, w roku tysiąc sześćset trzydziestym ósmym miesiąca Julia trzeciego dnia, y na urzędzie burmistrzowskim Brzeskim przyznała; który to grunt z sadem teraznieyszym testamentem swoim w possessią wieczystą Zacharyuszowi y małżonce iego stwierdzała, oddalaiąc Piotra, Iwana y Hrehorego Philipowiczów y córkę swą Thomaszową Łyskowiczową od tego sadu y gruntu wiecznie, żadnego przystępu na potym po śmierci swey synom swym y potomkom ich nie zostawiła, pozwalaiąc Zacharyuszowi y małżonce iego y potomkom ich tym gruntem y sadem, iako chcąc szafować, dać, przedać y na swoie naylepsze pożytki obracać. W czym żadney przeszkody y turbacyi synowie iey y córka w spokoynem dzierżeniu y w wolnym szafunku czynić nie maią y mocy mieć nie będą wiecznie. Złota, srebra, cyny, miedzi, y gotowych pieniędzy, także szat, ani żadney ruchomości pani Hanna Philipowa zeznała, że niemasz y nie zostało niczego, gdyż wszystko zięć iey Tomasz Łyskowicz pobrał y potracił. Żadnych długów nikomu niewinna, oprócz panu Mirzeiewskiemu złotych trzy winna została. Szubkę y kożuszek do Piotra Philipowicza, syna swego starszego, odesłała, a sama Philipowa zeznała, że weszła w dom Zachariuszów przez żadnych szat, które złotych trzy dług panu Mirzeiewskiemu Piotr Philipowicz przedawszy, szubkę y kożuszek zapłacić powinien będzie. Wniesienie córki iey nieboszczki Hanny Philipowny przynaymniey rachuiąc na złotych dwieście, które pan Wasili Soroka, biorąc w stan święty małżeński, pobrał, te wniesienie wnuczkowi swemu z nieboszczką Hanną Philipową spłodzonemu, a synowi pana Wasila Soroki legowała, których złotych dwuset Perchur wnuczek iey na dobrach oyca swego pana Wasila Soroki dochodzić ma. Przeciwko któremu wniesieniu pan Wasil Soroka protestował się, że nieboszczyca Hanna Philipowna, małżonka iego, żadney ruchomości nie wniosła. Działosię w domu Zacharyasza Starkowicza przy bytności Bazylego Rapowicza—pisarza mieskiego Brzeskiego y przy byt-

ności Zacharyusza y małżonki iego. Pisan w Brześciu dnia dziewiątego miesiąca Octobra, roku Pańskiego 1640. U tego testamentu podpis rąk radzieckich tymi słowy: Васидій Мартиновичъ Сорока—радца рукою; Jan Andrzeiewski—rayca Brzeski, iako przy tym testamencie będący. Który to takowy testament oczewiście u sądu przyznany y do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest upisany.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 694.

89. Жалоба священника Пречистенской церкви Михаила Ярошевича на мѣщанина Ивана Бѣлькевича.

Священникъ Брестской Пречистенской церкви Ярошевичъ жалуется, на мѣщанина Бѣлькевича въ томъ, что онъ, бывши церковнымъ старостой, ограбилъ церковь и въ деньгахъ и въ вещахъ и въ землѣ и отступилъ отъ нея, увлекши за собой и другихъ прихожанъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 31 mensis Otobris, anno Domini 1640.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, stanąwszy oblicznie wielebny oyciec Michael Jaroszewicz — prezbiter cerkwi świętey Przeczystey, protestatią na piśmie ku zapisaniu do xiąg mieskich podał, pisaną w te słowa:

Łaskawy panie urzędzie burmistrzowski Brzescki! Ja Michał Jaroszewicz — prezbiter cerkwie świętey Przeczystey Brzeskiey, z parafianami do teyże cerkwi przynależącemi, opowiadamy się waszmościom, iako urzędowi, na pana Iwana Bielkiewicza—raycę, mieszczanina Brzeskiego, który będąc starostą cerkwie świętey Przeczystey, a nie potrzebuiąc urzędu swego, spustoszywszy cerkiew, od niey odstąpił, za którego powodem, iako za starszym starostą y insze parafianie odstąpili y świec do cerkwie Bożey od lat sześciu nie daią. Cerkiew z iedney strony obedrał, a z drugiey strony pokrył, dochody, do tey cerkwie należące, pobrał, mianowicie: pasów dwa Breczki—mieszczanina Brzeskiego, trzeci pas po Iliaszowey siestrze, korale y dzięg moskiewskich kop trzy, przytym pierścieni dwa złotych, pieniędzy gotowych (iako parafianie daią sprawę) złotych sześćdziesiąt wziął y niewiedzieć gdzie podział y liczby od lat ośmiu, iakom ia na prezbiterstwo nastąpił, nie czynił y czynić nie chce; przytym rezków Lapczyńskich dwa, na cerkiew legowanych, zabrał. O co protestatią zanoszę y proszę, aby do xiąg zapisana była. Co iest zapisano.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1624 г. стр. 745—746.

90. Протестъ Брестскаго сапожничьяго цеха греческаго исповѣданія противъ таковогожъ цеха римско-католическаго.

Старшина сапожническаго цеха Сорока по поводу привилегіи короля Владислава IV-го рим.-католикамъ, протестуетъ отъ имени своихъ сотоварищей религіи греческой, что эти послѣдніе никогда не заявляли просьбы королю о соединеніи ихъ съ цеховыми римско-католическаго исповѣданія, а напротивъ того желаютъ жить сами по себѣ на основаніи привилегіи, дарованной цеховымъ религіи греческой.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lith., die 22 mensis Decembris, anno Domini 1640.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie sławny pan Jarosz Soroka — burmistrz Brzeski y cechmistrz szewski religii greckiey y przy nim Siemion y Fiedor Borsuki, bracia tegoż cechu, imieniem swym y wszystkiey braci cechowey protestatią na piśmie ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich na piśmie podali, pisaną w te słowa:

Mości panie urzędzie radziecki miasta króla iego mości Brzeskiego! Ja Jarosz Marcinowicz Soroka — burmistrz y cechmistrz cechu szewskiego y garbarskiego religii greckiey, za wzięciem wiadomości z xiąg radzieckich Brzeskich, sam od siebie y imieniem wszystkich braci starszych y młodszych cechu naszego, do wiadomości waszmościów urzędowey donosim y protestuiemy, iż roku teraźnieyszego tysiąc sześćset czterdziestego, miesiąca Nowembra ósmego dnia, Gabriel Romanowski, Mikołay Bałazy, Ferens Kopytko y Paweł Byczkiewicz—bracia cechu szwieckiego religii rzymskiey, żaden z nich osiadłości nie maiąc, otrzymawszy przywiley króla iego mości, pana naszego miłościwego, na cech swóy szwiecki rzymski do xiąg radzieckich Brzeskich aktikować dali. W którym kazali wpisać bracią cechu naszego religii greckiey Piotra Philipowicza, Siemiona y Fiedora Borsuków, iakoby oni spólnie z nimiż mieli suplikować do króla iego mości, pana naszego miłościwego, abyśmy z onemi cech nasz szewski y garbarski religii greckiey, pominąwszy swóy nam od króla iego mości, pana naszego miłościwego, dany, czego iako żywo nigdy dowieść y dokazać nie mogą, gdyż o żadney suplice nie wiemy, o to nie prosim y nie prosili y na to nie posyłali; abowiem my z dawnych czasów za przywileiem króla iego mości, pana naszego miłościwego, nam nadanego, mieszkaiąc w pokoiu, wszelakie powinności na ozdobę miasta, tak też kościołowi y cerkwiom według zwyczaiu miasta Brzeskiego zawżdy czynim y pełnim. A oni pomienione osoby opacznie przed królem iego mością, panem naszym miłościwym, udawszy, śmieli y ważyli się, nie dbaiąc nic na winy y karanie na takowych opisane, pominąwszy przywiley króla iego mości nasz pierwszy, przyłączywaiąc nas do siebie otrzymali; lecz my, poczuwaiąc się, strzeż Boże, abyśmy w iakie winy

nie popadli y prawa swego ni w czym nie naruszyli, ale raczey przy przywileiu króla iego mości, pana naszego miłościwego, cechowi naszemu religii greckiey nadanego, trzymaiąc się, cale y mocno przy nim stoiąc, ni w czym onego nie naruszaiąc, a o takowe opaczne udanie na pomienionych osób tę protestatią naszą zaniosłszy, protestuiemy, chcąc o to z onemi w sądzie należnym, niemniey też y o szkody podięte, z których ieszcze podeymować musim, prawnie czynić, na ten czas prosim, aby to do xiąg urzędu waszmościów było zapisano. Co iest zapisano.

1640 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 736—737.

91. Жалоба мѣщанина Ивана Кобылинскаго на Брестскаго ландвойта Ивана Куріяновича о побояхъ.

Брестскій мѣщанинъ Иванъ Кобылянскій жалуется на Брестскаго ландвойта Куріановича по слѣдующему поводу: Кобылинскій зашелъ какъ-то къ жидовкѣ въ корчму, чтобы выпить полгарнца меду; когда медъ былъ поданъ, въ то время вошелъ въ корчму и ландвойтъ. Кобылинскій пригласилъ его отвѣдать меду, но ландвойтъ избилъ его саблей, такъ что онъ—Кобылинскій, на силу ушелъ отъ него.

Die 7 mca Decembris, anno Domini 1640.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie pan Jan Kobylińsky, protestatią swą na pismie ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzesckich podał, pisaną w te słowa:

Mnie wielce łaskawy panie urzędzie burmistrzowsky miasta króla iego mości Brzesckiego prawa magdeburskiego! Ja Jan Kobyliński — stelmach, mieszczanin króla iego mości, s pod iurisdiki zamkowey, uskarżam się w. m. iako urzędowi y boiaźliwie żałuię na pana Jana Kuryanowicza—lantwoyta miasta iego królewskiey mości Brzesckiego o to, yż w roku teraznieyszym 1640, msca Decembra wtórego dnia, gdym przyszedł do żydówki Leybowey Kunicy, tu w Brześciu, iako do domu karczemnego, chcąc sobie spokoynie miodu półgarca wypić, iakoż dała mi żydowka miodu półgarca, który miód tylkom począł pić, w tym tedy czasie przyszedł pomieniony pan lantwoyt do teyże żydówki, a nie maiąc do mnie żadney przyczyny, któremum nic nie winien, ale y owszem prosiłem, aby chciał ze mną posiedzieć; tamże, nie respektuiąc nic, wprzódy począł mnie łżyć, sromocić, nazywaiąc mnie niepotciwey matki synem, a potym mało maiąc w gębę mnie pięścią uderzył, a drugą razą kordem s pochwami w łeb mnie uderzył, aż do krwi przybił; a co większa, gdym go począł upominać y prosić, aby mi dał pokóy, więcey mię nie mordował, tedy porwał się do korda, zaledwom uszedł, snać chcąc mię zabić. O którą tą obelgę y zra-

nienie moie chcąc z nim, panem lantwoytem, prawnie począć, gdzie mi prawo drogę ukaże, a teraz proszę ww. m. panow, iako urzędu, aby ta moia protestatia była do xiąg zapisana. Co iest do xiąg zapisano.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 440—442.

92. Заявленіе мѣщанина Ивана Бейдовскаго противъ мѣщанина Василія Сороки.

Die 24 mensis Januarii, anno Domini 1641.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym mieysciu sądowym stanąwszy oblicznie pan Jan Beydowsky podał pilność swoię w sprawie niżeymianowaney, y ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich na pismie podał, pisaną w te słowa.

Мой ласкавый пане урадѣ мѣста Короля его милости Берестейского права магдебургского! Я Янъ Бейдовскій оповѣдаю и протестую се вашей милости яко урадови, на пана Василя Мартиновила Сороку — мѣщанина и райцу религіи грецкой мѣста короля его милости Берестейского о томъ, ижъ въ року прошломъ тысеча шестьсотъ чотырдестаго, помененый панъ Василій Сорока взялъ и пожичилъ у мене певного рукодайного долгу деветьдесятъ золотыхъ польскихъ, въ которыхъ то деветидесяти золотыхъ польскихъ заставилъ мнѣ крамницу свою тутъ у мѣстѣ короля его милости Берестейскомъ, въ рынку, на грунтѣ ратушномъ стоячую и на врадѣ вашей милости призналъ, и заразомъ до моцы держанія моего подалъ и описалъ ми се тую деветьдесятъ золотыхъ польскихъ всю сполна отдати и заплатити готовыми грошми въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ чотырдесетомъ первомъ мѣсеца Генваря двадцать четвертого дня на мѣстцу певномъ, тутъ у Берестью на врадѣ вашей мости бурмистровскимъ, а еслибы не отдалъ и не заплатилъ, теды панъ Василій Сорока позволилъ мнѣ тую крамницу вѣчне держати зъ вольною диспозыцію, а потомъ въ тую крамницу не вступовати и перешкоды не чинити, але еще боронити, заступовати своимъ коштомъ и накладомъ записалсе. Теды того дня вышъ менованого двадцать четвертого, мѣсяца Генвара, почавши съ поранку ажъ до вечера чинилъ пильность и готовъ былъ на врадѣ вашей мости тую деветьдесятъ золотыхъ польскихъ отобрати, крамницу ему пустити и зъ отданья деветидесятъ злотыхъ квитовати, а панъ Василій Сорока тому записови своему досыть не учинилъ, тыхъ деветидесятъ золотыхъ польскихъ не заплатилъ, теды о то се протестую на пана Василя Сороку и тое пильности моей на письмѣ подаю и прошу, абы до книгъ валмости урадовыхъ прынято и записано было. У тое пиль-

ности, podpis ręki tymi słowy: Янъ Бейдовскій рукою власною. Która to takowa pilność oczewiście u sądu przez osobę wierzchu mianowaną podana y do xiąg mieskich Brzesckich iest zapisana.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 807—811.

93. Духовное завѣщаніе Брестскаго мѣщанина Ивана Пацковича.

Въ этомъ завѣщаніи Брестскій мѣщанинъ Пацковичъ проситъ похоронить его въ церкви св. Симеона въ г. Брестѣ и распредѣляетъ между своими родными остающееся по немъ имущество— жилой домъ, пивницу, землю и свои слесарскіе инструменты.

Actum in civitate Brestensi mag. duc. Lith., die 23 mensis Martii, anno Domini 1641.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Foltinem Ryzlerem, Jaroszem Soroką— burmistrzami, Wącławem Barczewskim, Łukaszem Pomarzańskim, Wasilem Soroką — raycami, na zwykłym miescu sądowym oblicznie sławetni panowie Jan Jędrzeiewski, Stefan Rapowicz, Iwan Bielkiewicz—rayce, zeznali testament ostatniey woli Iwana Packiewicza— mieszczanina Brzeskiego y ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich na piśmie podali, pisany w te słowa:

Ja Jan Jędrzeiewski, ia Stefan Rapowicz y ia Iwan Bielkiewicz— rayce miasta Brzeskiego, będąc my z urzędu przydani, na testament utściwego Iwana Packiewicza, który o swey mocy siedząc, z dobrym rozmysłem, takowy testament ostatniey woli swey sprawił, w te słowa pisany:

W Imie Pana Boga Wszechmogącego, w Trócy Świętey iedynego, Oyca, Syna y Ducha świętego, amen. Ja Iwan Packiewicz—mieszczanin Brzeski czynię wiadomo tym moim testamentem każdemu, komu by o tem wiedzieć należało, teraźnieyszym y na potem będącym wieku ludziom, iż ia chcąc po żywocie moim w ubogim dziedzictwie moim między dziatkami pozostałemi rozporządzenie uczynić, aby na potym do żadnych praw y trudności nie przychodzili. Naprzód, gdy Pan Bóg s tego świata mizernego do chwały swey świętey powołać raczy, duszę moią w ręce miłosierdzia Pana Boga wszechmogącego oddaię, a ciało ku pogrzebowi, które pochowane być ma przy cerkwie Brzeskiey świętego Siemiona przez pana Mikołaia Terliczewicza, pasynka mego, y Wawrzyńca Wypisowicza, zięcia mego, kosztem moim z gruntu y budynku po mnie pozostałego Packiewiczowskiego. Grunt mój dziedziczny oyczysty, leżący w mieście iego królewskiey mości Brzeskim, w ulicy Kowalskiey, ob miedzę z iedney strony gruntu y domu Weromka Czerwiakowicza — miecznika y małżonki iego, a z drugą stroną gruntu y domu Ławryna Fiedorowicza, tyłem do ułeczki mimo parkan

idącey, a głową do ulicy Kowalskiey, na tymże gruncie po pogorzeniu miasta Brzeskiego nowy budynek, to iest, izbę nową z przykryciem y z piwnicą prócz sionek w tyle zbudowałem, którego to gruntu połowicę, także y budynku połowicę, iakom przyznał przed urzędem lantwoytowskim Brzeskim, zięciowi memu y córce mey na wieczność; tedy y teraz tym testamentem moim stwierdzam y zapisuię. A drugą połowicę tegoż gruntu mego Packowiczowskiego y połowicę budynku na tymże gruncie stoiącego, pasierzbowi memu, względem pobrania oyczyzny iego, gotowych pieniędzy y rzeczy ruchomych leguię y wiecznie zapisuię z wolną dispozytią, z którego to gruntu, z budynku wszystkie długi moie, któreby się słusznie pokazali, zięć móy wyż mianowany z pasierzbem moim Mikołaiem Terliczewiczem znosić y dosyć czynić powinni będą. A mianowicie: żyda Brzeskiego Nachmana Szłomicza za dług rodzicom iego winno zostały znosić spólnie. Któremu to Nachmanowi ia sam na ten dług pół dziesiąta złotego przez trzech groszey przez ręce małżonki mey Anny Zabłockiey oddałem, a potem robotą odeszło złotych pół iedenasta, według regestru mego osobliwie napisanego. A w ostatku porachowawszy dług Szłomiczowi oddać powinni będą. Ładzińskiemu zostałem winien długu złotych pięć, ten dług gotowemi pieniędzmi pasierb y zięć móy maią zapłacić, gdyż na ten dług pieniądze zostaią. Długu zostałem winien żydowi Leyzerowi Leyzerowiczowi złotych trzydzieści cztyry na list zapis obligowy, którego długu połowicę zięć móy Wawrzyniec Wypisowy, to iest, złotych siedmnaście oddać y zapłacić ma przez omieszkania. A drugie złotych siedemnaście pasierzb móy Terliczewicz temuż żydowi Leyzerowi zapłacić ma, z tych pieniędzy, co mnie winien został, długu z porachowania złotych trzydzieści y groszey dwanaście polskich, a ostatek reszty mnie samemu wrócić ma, ieślibym do zdrowia przyszedł, a gdyby mnie u żywocie nie stało, tedy tę resztę, co mnie przychodziło, do pogrzebu przyłożyć powinien będzie. Ogród na Łozkach z sadem, oprócz drzewa małego, które pan Łukasz Pomarzański, trzymaiąc wzastawie nasadził, ten ogród, iako się w swym ograniczeniu zdawna zawiera, przedaliśmy z małżonką moią panu Mikołaiowi Terliczewiczowi y na urzędzie lantwoytowskim na wieczność przyznaliśmy, y teraz tym testamentem moim tę przedażę stwierdzam; wolno będzie panu Terlewiczowi, iako swą własnością, szafować. Naczynie ślosarskie wszystkie od mała do wiela zięciowi memu Wypisowiczowi y córce mey Nastazyi Packiewiczównie zapisuię. Przy którym to zięciu y córce mey małżonka moia Anna Zabłocka mieszkać ma do żywota swego. Przytym też zeznawam tym testamentem moim, żem wziół parę szat y wołów dwa y konia z siodłem po nieboszczyku Timofeiu Terliczewiczu, pasierzbowi memu po oycu iego iemu successive przynależących, które rzeczy w opiece maiąc straciłem. Jakoż pasierzb móy siestrze swey a córce mey te szaty, woły y konia darował y iuż tych rzeczy na maiętności mey zięciowi córce mey legowaney dochodzić niema. Działo się przy bytności urzędu radzieckiego Brzeskiego y przy bytności pana Siemiona Borsuka. Pisan w Brześciu, dnia szóstego miesiąca Lutego, roku Pańskiego tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego.

U tego testamentu podpis rąk panów radziec tymi słowy: Jan Andrzeiewski— rayca Brzeski do tego testamentu podpisuię się; Stefan Rapowicz — rayca rę-

ką swą; Иванъ Бѣлковичъ—райца рукою. Który-to takowy testament osoby zwyż mianowaney do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich iest wpisany.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 793.

94. Выборъ попечителей Брестскаго русскаго госпиталя.

Брестскій магистратъ въ присутствіи всѣхъ членовъ магдебургіи избралъ новыхъ попечителей въ госпиталь, состоящій при церкви св. Николая съ тѣмъ, чтобы они завѣдывали его хозяйственною частію въ теченіи цѣлаго года и потомъ отдали отчетъ въ своемъ управленіи.

Die 26 mensis Februarii, anno Domini 1641.

Przy zgromadzeniu wszystkiey rzeczypospolitey miasta Brzeskiego na zwykłym mieyscu sądowym czasu schadzki ieneralney roczney, za zgodą panów burmistrzów, radziec, ławników y wszystkiego pospólstwa, uwolniwszy pana Jarosza Sorokę y Jwana Bielkiewicza—bywszych opiekunów szpitalnych, szpitala Russkiego uniackiego przy cerkwie katedralney soborney oyca świętego Mikoły stoiącego, iakosz wedle zwyczaiu starodawnego inszych opiekunów obrano, to iest: pana Jana Jędrzeiewskiego — raycę y pana Zachariasza Starkowicza—mieszczan Brzeskich na rok teraźnieyszy tysiąc sześćset czterdziesty pierwszy, którym to panom opiekunom regestra prowentów na szpital należących (od pana Jarosza Soroki odebrawszy) oddali, daiąc moc prowenta, także legatie testamentowe odbierać, pieniądze na potrzeby szpitalne obracać, ubogim wyżywienie y opatrzenie dawać, podług słuszności ubogich szpitalnych; iednak że w rok, to iest, o środopościu liczbę z prowentów y legacyi pobranych przed magistratem uczynić powinni będą y szafunek wydatku okazać maią, którzy za okazaniem słuszney uczynioney liczby z przychodów y rozchodów kwitowani bydź maią. Co iest do xiąg mieskich Brzeskich zapisano.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 797—799.

95. Опредѣленіе по дѣлу цеха сапожниковъ съ цехомъ шаповаловъ.

Сапожники внесли въ магистратъ жалобу на шаповаловъ, что эти послѣдніе не хотятъ имъ подчиняться, не смотря на привилегію короля Владислава IV по этому предмету. Шаповалы

въ свою очередь заявили, что они никогда не входили въ составъ сапожническаго цеха и составляли свой отдѣльный цехъ вмѣстѣ съ мыловарниками, маслобойщиками и обойщиками и показали свой цеховый уставъ. Судъ, разсмотрѣвши это дѣло, постановилъ: считать шаповаловъ самостоятельнымъ цехомъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die nona mensis Martii, anno Domini 1641.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu utściwych panów Gabryela Romanowskiego, Jarosza Soroki — cechmistrzów szwieckich y wszystkiey braci cechu szwieckiego religii rzymskiey y greckiey z cechem szapowalskim, tedy obiedwie stronie u sądu stanowili się. Jakoż strona powodowa cech szwiecki przez Gabryela Romanowskiego żałowali na cech szapowalsky, yż oni nie maiąc żadnego przywileiu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, cechem szapowalskim swawolnie szafuią, których to szapowałów w roku przeszłym tysiąc sześćset czterdziestym iego królewska mość, pan nasz miłościwy, nadaiąc cechowi szwieckiemu przywiley y szapowałów przyłączyć raczył, damawiać się, aby cech szapowalsky do cechu szwieckiego przysądzony był, albo też pewną solarium co rok do cechu szwieckiego dawał. A pozwany cech szapowalsky dawał sprawę, że nie swowolnie w mieście Brzesckim żyią, ale z dawnych czasów za prawem słusznym, to iest, za wilkierzem od magistratu nadanym y za konfirmatią nieboszczyka iaśnie wielmożnego iego mość pana woiewody y woyta Brzesckiego tym cechem szafuią, do którego cechu szapowalskiego inni rzemieśnici, mydlarze, oleyniki, zuyniki *) przyłączone są, iako o tem szyrzey wilkierz, cechowi szapowalskiemu nadany, w sobie opisuie, y pokładali wilkierz y konfirmatią nieboszczyka iego mość pana woiewody y woyta Brzesckiego, pod datą roku tysiąc sześćset dwudziestego wtórego, msca Septembra dnia pierwszego, według którego wilkierza sprawuiąc się cech szapowalsky bracią sądzi, processie zawsze kościołowi Bożemu odprawuie y cerkwie katedralney uniackiey w oddawaniu świec y w odprawowaniu nabożeństwa dosyć czyni, na który cech żadney skargi nie pokaże, y domawiali się, aby przy prawach y wolnościach swych cechowych zostawali. A panowie cechmistrze szwieccy na takowe obrony pozwanych powiedzieli, yż cech szwiecky pierwiey a niżeli szapowalsky ufundowany y wilkierzem obwarowany, w którym wilkierzu y szapowałów dołożono; y brali się na pokazanie wilkierza do dnia trzeciego do poniedziałku. Jakoż dnia iedenastego Marca teraznieyszego, zwysz pisanego, przypozwawszy stronę swą cech szwiecky szapowałów, pokładali wilkierz y confirmatią nieboszczyka iego mosci pana woiewody y woyta Brzesckiego pod datą roku tysiąc sześćset dwudziestego wtórego, msca Septembra trzeciego dnia, s którego wilkierza okazało się, że czapników, a nie szapowałów przydano. Przeto my urząd przywiley iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, cechowi szwieckiemu nadany, pro sacrosancto zachowawszy, a przychylaiąc się do wilkierzów od stron pokładanych, ponieważ się iaśnie pokazało z wielkierza, cechowi szwieckiemu nadanego, że szapowałów niemasz

*) Zuynik происходитъ отъ слова Zuia, которое означаетъ—мездра, отдѣляемая отъ вырабатываемыхъ кожъ и отъ старыхъ веревокъ, которою обыкновенно конопатятъ челны и вообще суда. И потому Zuynik значитъ конопатчикъ.

y nieprzydawano, y nigdy szapowałowie w cechu szwieckim nie byli y w przywileiu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, nie specificowano, aby cech szapowalsky z cechem szwieckim złączać się miał, ale tylko cech szwiecky religii rzymskiey z cechem także szwieckim religii greckiey złączony iest; zaczym my cech szapowalsky z innemi rzemiesnikami, w temże cechu będącemi. przy prawie y wilkierzu ich zostawuiemy, s tą konditią, aby o konfirmatią iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, starali się co naprędzey. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg miesckich Brzesckich iest zapisana.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 821—823.

96. Протестъ Брестскаго капитула противъ скорняцкаго цеху, отдѣлившагося отъ уніятовъ.

Брестскій капитулъ отъ имени своего епископа протестуетъ противъ цеха скорняковъ, которые своевольно отпали отъ унія и перешли къ церкви св. Симеона, находящейся въ вѣденіи православнаго луцкаго епископа Пузины; что примѣръ ихъ увлекаетъ зъ собой а другихъ мѣщанъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith. die octava mensis Maii, a. D. 1641.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście kró. iego mści Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, stanowszy oblicznie wielebny oyciec Michael Jaroszewicz — prezbiter cerkwie świętey Przeczystey Brzeskiey, podał protestatią imieniem wszystkiey kapituły Brzeskiey na piśmie ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich, pisaną w tę słowa:

Mści panie urzędzie burmistrowski Brzeski! My świeszczennicy kapituły Brzeskiey, sami od siebie y imieniem w Bodze przewielebnego iego mość oyca Jozefa Mokosieia—episkopa Włodzimierskiego y Brzeskiego, pana y pastyrza naszego, iakośmy w przeszłych leciech czynili protestatię, tak y teraz w tym roku 1641 czynimy protestatie na swawolnych y odstępnych nieposłusznych mieszczan miasta kró. iego mści, pana naszego miłościwego, Brzeskich, a zwłaszcza na cech kusznierski, na samego pana Jana Czwiera religii katolickiey y drugiego towarzysza iego cechmistra Andrzeia Siwkę religii ruskiey, którzy w iednymże cechu zasiadaią, a przy nich y na wszystką bracią ich cechową, iż ten cech, nabrawszy się swey woli, wypowiedziawszy pasterzowi swemu należne posłuszeństwo, a przystąpiwszy do schizmy, poddali się pod posłuszeństwo nieiakiego Puziny—schizmatyka, władyki nienależnego Łuckiego, tey cerkwie naszey katedralney Brzeskiey świętego Mikołaia murowaney żadney powinności y posłuszeństwa nie czynią od lat kilkunastu, które powinni czynić, iako przedtym z dawnych czasów czyniwali, w wielki piątek y w sobotę, także w niedziele

Wielkanocną bywali zawsze z świecami cechowemi na procesiach y przy grobie pańskim, do tego y kamchi dla ozdoby grobu pańskiego za oznaymieniem nas duchownych dawali, a teraz ten cech kusznierski nie tylko żeby miał sam bywać na processyi, ale y parobka nie poszle z świecami y żadney powinności od tego czasu nie czynią, iako otrzymali ś. Siemiona przez gwałt y obrócili ią na schizmą przeklętą, iakoż y insze cechy widząc tych dwóch cechów swowolnych y nieposłusznych, na nich wzorki zbieraiąc także sobie czynią y bardzo ich pomale bywa. O co my chcąc z takimi swowolnymi cechami u każdego prawa, gdzie nam forum drogę ukaże, o to prawnie czynić nie zaniechamy, a tak prosimy w. mść., aby ta protestatia nasza była do xiąg mieskich burmistrowskich przyięta y zapisana.

W tey protestatiey podpis rąk tymi słowy: Piotr Rogoznicki—protopopa Brzeski, ręką swą; Яковъ Федоровичъ—священникъ Воскресенскій, рукою власною; Михаилъ Ярошевичъ—священникъ Пречистенскій, рукою; Григорій Мартиновичъ—священникъ Троецкій. Która to takowa protestatia oczewiście do urzędu przez osobę zwyszmianowaną podana y do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisaną.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 823—825.

97. Протестъ Брестскаго капитула противъ цеха сапожниковъ и кожевниковъ.

Брестскій капитулъ отъ имени своего епископа Буковецкаго протестуетъ противъ цеха сапожниковъ и кожевниковъ вѣры греческой, что этотъ цехъ, по соединеніи съ таковымъ же религіи римской, не исполняетъ своихъ церковныхъ обязанностей, выраженныхъ въ его письменномъ обязательствѣ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 8 mensis Maii, anno Domini 1641.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim na zwykłym miescu sądowym stanąwszy oblicznie wielebny oyciec Michael Jaroszewicz — prezbiter cerkwie świętey Przeczystey podał protestatią na pismie ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich, pisaną w te słowa:

Mości panie urzędzie burmistrzowski Brzeski! My swieszczennicy kapituły Brzeskiey, imieniem iaśnie przewielebnego iego mości oyca Józefa Makosieia Bukowieckiego—episkopa Włodzimierskiego y Brzeskiego, pana y pastyrza naszego, z wielkim żalem naszem uskarżamy się y protestuiemy pierwiey słównie przed waszmościami, a potem y na piśmie protestatią podaiemy na swowolnych mieszczan miasta króla iego mości, pana naszego miłościwego, Brzeskich, a zwłaszcza na cech szwiecki y garbarski, mianuiąc wprzód cechmistrza ich katolickiego pana Gabriiela Romanowskiego, a przy nim towarzysza y brata ich Błażeia Mikołaia Zakrzewskiego, także z drugiey strony religii greckiey na cechmistrza pana Jaro-

sza Sorokę, który teraz pospołu w iednym cechu zasiadaią, a przy nich y na wszystką bracią ich—buntowników, w obudwuch cechach będących, tak starych iako y młodych, iż ci pomienieni cechowie, otrzymawszy przywiley y dekret od króla iego mości za atestatią naszą kapituły Brzeskiey obowiązali się listem zapisem swoim cerkwie murowaney katedralney, według dawnego zwyczaiu swego, nic nie pochibiaiąc, wszystkie powinności czynić, świece wielkie dawać, także y małe w lichtarzu wiszącym stawić, w wielki piątek, także w sobotę y w niedzielę Wielkanocną na iutrznią z bracią cechową z religii Greckiey dla processyi iey z świecami cechowemi posyłać y kamchi aksamitney do grobu Pańskiego mieli dawać, iako szyrzey ich list zapis w sobie zapisuie, co oni przepomniawszy tego wszystkiego, według listu zapisu swego, naymnieyszey rzeczy z tych wszystkich punktów cerkwie Bożey nic nie uczynili. O czem iuż protestatie pierwsze nasze w xięgach grodzkich Brzeskich także y w urzędzie mieskim w latach przeszłych iest na nich zaniesione y uczynione, iakoż y w tem roku teraz ydącym 1641, ponawiaiąc y nie chcąc tego zaniechać, ale za krzywdę Bożą chcemy z temi swawolnemi u każdego prawa, gdzie forum drogę ukaże, o to z nimi prawnie czynić nie zaniechamy, iakoż na ten czas prosimy, aby ta protestatia nasza do xiąg urzędu waszmościów burmistrzowskiego była przyięta y zapisana. U tey protestacii podpisy rąk tymi słowy: Piotr Rogoznicki—protopopa Brzeski, własną ręką, Иванъ Федоровичъ—священникъ Воскресенскій, рукою власною, Михаилъ Ярошевичъ—священникъ Пречистскій, власною рукою, ГригорійМартиновичъ—священикъ Троецкій. Która to takowa protestacya oczewiście do urzędu podana y do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 795—796.

98. Избраніе и утвержденіе бургомистровъ города Берестя.

Actum in civitate Brestensis m. d. Lithvania, die 26 mensis Maii, anno Domini 1641.

Na zwykłym mieyscu sądowym (podczas pogorzenia ratusza), w domu burmistrzowskim, przy zgromadzeniu wszystkiey r-ptey miasta Brzesckiego, była schadzka ieneralna roczna. Jakoż według dawnich zwyczaiów zasiadszy porządnie miesca swoie panowie burmistrze, rayce, ławnycy, cechmistrze, urzędnicy miasta króla iego mości Brzesckiego, y wszystko pospólstwo z pod urisdiki prawa magdeburskiego przynależące, a sprawuiąc się podług dekretu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, Grodzieńskiego, podaiąc wota swoie od starszych aż do namnieyszych, wszysci zgodnie, iednostaynie obrali na burmistrzowstwo panów Wacława Barczewskiego y Łukasza Pomarzańskiego z religii rzymskiëy, a z greckiey pana Jana Jędrzeiewskiego y Wasila Sorokę, s których iego mość pan woyt Jana Jędrzeiewskie-

go y Wasila Sorokę listem swym confirmował, a yż omyłka się stała, że dwu z religii greckiey przeciwko prawom miesckim confirmował, zaczym nie przymuiąc tey confirmatii y do przysięgi burmistrzów confirmowanych nie przypuszczaiąc, znowu drugim razem do iego mość pana woyta po confirmatią posłali, przydawszy y trzeciego electora na burmistrzowstwo pana Marcina Kaczyńskiego, a w tym czasie nim confirmatia nastąpi, pozwolono rządzić y sądzić bez przysięgi—panu Janowi Jędrzeiewskiemu z religii greckiey, burmistrzowi konfirmowanemu, który to pan Jędrzeiewsky sądy odprawował aż do dnia siedmnastego msca Maia, roku teraźnieyszego 1641; a gdy confirmatia iego mość pana woytowa nastąpiła, to iest, z religii rzymskiey pana Marcina Kaczyńskiego, a z religii greckiey pana Jana Jędrzeiewskiego confirmować raczył, tedy tegoż dnia 17 Maia przysięgę wykonali podług prawa. Co iest do xiąg zapisano.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 831—832.

99. Продажная запись на шестую часть уволоки крестьянина Каликста Семеновича крестьянину Терентію Манютику.

Ратушный крестьянинъ Каликстъ Семеновичъ уступаетъ $^1/_6$ часть своей уволоки другому крестьянину за 20 злотыхъ, съ обязательствомъ последняго уплачивать узаконенный чиншъ городу.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvanie, die 17 mensis Maii, anno Domini 1641.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, przed nami Marcinem Kaczyńskim, Janem Jędrzeiewskim—burmistzami, Wasilem y Jaroszem Sorokami, Stephanem Rapowiczem, Iwanem Bielkiewiczem — raycami, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie utściwy Kalich Siemionowicz — poddany ratuszny miescki Brzescky, ze wsi Kozłowicz, imieniem swym y małżonky swey, iawnie y dobrowolnie zeznał, yż sześcinę włoki we wsi miesckiey Kozłowiczach, leżącą ob miedzę Jaśka Szymkowica, a z drugą stronę Hapona Czaykowicza, przedał utściwemu Tereszkowi Maniutikowi y małżonce iego Maruszy Maniutczy, także poddanym miesckim Brzesckim Kozłowcom, ym samym y potomkom ich, za złotych polskich dwadzieścia na wieczność, z wzięcia pieniędzy kwitował, przyiaciół y potomków swych oddalił, y wiecznie s tey sześciny włoki zrzekł się, pozwalaiąc komu chcąc przedać y iako swą własnością szafować, a Kalich Siemionowicz bronić, zastępować zapisał się podług prawa magdeburskiego, które oczewiste zeznanie do xiąg miesckich Brzesckich iest zapisane, a czynsz roczny do skrzynki miesckiey co rok o ś. Marcinie Maniutik podług regestrów miesckich płacić powinien będzie. Co iest do xiąg zapisano.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 838.

100. Дозволеніе Брестскимъ магистратомъ мельнику Каликсту Семеновичу прокопать новый ровъ для мельницы черезъ городскія сѣножати.

My burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzeskiego. Dał nam sprawę Kalich Siemionowicz—młynarz Kozłowsky, że woda nurt ynszym miescem, a nie na młyn miescky wynalazła, zaczym młyn miesky Kozłowsky wakuie; żądał abyśmy mu w inszym miescu na sianożęciach mieskich kopać rów pozwolili. Iakoż my w słuszney rzeczy nie zbraniaiąc się, pozwalamy młynarzowi Kozłowskiemu rów kopać przez sianożęc i mieskie do młynu; a któremu by mieszczaninowi krzywda była, zastępować powinni będziemy. Do którego pozwolenia dla lepszego świadectwa przy podpisie pisarskim pieczęć urzędową mieską radziecką Brzeską przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Brześciu, dnia dwudziestego czwartego Maia anno Domini 1641.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 844.

101. Постановленіе Брестскаго магистрата и всѣхъ горожанъ о складкѣ на постройку ратуша.

Die 28 mensis Maii, anno Domini 1641.

Po pogorzeniu miasta Brzeskiego od lat trzech panowie burmistrze, rayce, ławnicy, cechmistrze y wszystko pospólstwo, do iurisdiki prawa magdeburskiego przynależące, uczyniwszy schadzkę ieneralną, a chcąc prawa, przywileia, dekreta i. k. mości, pana naszego miłościwego, wolności y xięgi mieskie bespieczniey y mocniey obwarować na potomne czasy, uchwalili zgodnie ratusz szczęśliwie za pomocą pana Boga wszechmogącego zmurować ze wszystkich prowentów mieskich y na składkę z cechów y z domów dać pozwolili. Co iest do xiąg zapisano.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 849—853.

102. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу между прихожанами Пятницкой церкви и мѣщанкою Мариною Каплуницкою о поземельной собственности.

Прихожане Пятницкой церкви внесли жалобу на мѣщанку Марину, что она незаконно владѣетъ землей и домомъ, завѣщанными церкви покойной мѣщанкой Гладкой. Марина заявила, что она владѣетъ этимъ домомъ по наслѣдству отъ брата Ивана, который въ свою очередь получилъ его отъ Гладкихъ. Такъ какъ Марина не представила никакихъ документовъ, то судъ присудилъ землю и домъ церкви съ тѣмъ, чтобы Марина платила ежегодный чиншъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 21 mensis Junii, anno Domini 1641.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczyńskim—burmistrzem Brzeskim religii rzymskiey, Iwanem Bielkiewiczem—subdelegatem na miescu sławnego pana Jana Andrzeiewskiego — burmistrza religii greckiey będącym, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomarzańskim, Stefanem Rapowiczem, Wasilem y Jaroszem Soroczycami — raycami, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu utściwego pana Jarosza Korniłowicza — starszego dozorcy cerkwie świętey Piatnickiey y wszystkich parafian, do teyże cerkwie przynależących, z Maryną Matisewiczową — mieszczanką Brzeską, tedy obie-dwie stronie u sądu stanowili się y moc umocowanemu swemu Maryna Matisewiczowa panu Mikołaiowi Skołdyckiemu ku mówieniu prawnemu zleciła. Zatym strona powodowa, parafianie cerkwie świętey Piatenki, dowiodłszy pozwu, słusznie podanego Matisowiczowey, żałowali przez pomienionego Jarosza Korniłowicza na Marinę Matisowiczową o tem, iż ona, niewiedzieć iakim prawem, dom z gruntem nieboszczki z tego świata zeszłey Połony Fiedorowey Gładkiey trzyma y wszelkich pożytków zażywa, a co do cerkwie Bożey żadnego czynszu, ani arendy przynależącey nie daie. Czego dowodząc, strona powodowa pokładała prawo stare prywatne, przed urzędem nieprzyznane, pod datą roku tysiąc sześćset wtórego, miesiąca Maia szesnastego dnia — kupno tego domu y gruntu, przez Fiedora Siemionowicza Gładkiego y małżonkę iego od Cimofieia Jakowowicza, mieszczanina Brzeskiego, za dwadzieścia y cztyry kopy litewskie na wieczność; który to dom z gruntem w mieście Brzeskim, na ulicy Piaseckiey leżący, zchodząc z tego świata Połonia Gładka, podczas morowego powietrza w mieście Brzeskim, testamentem na cerkiew Bożą świętey Piatonki legowała. Na dowód pokładany był testament wypisem z xiąg woytowskich Brzeskich, pod datą roku tysiąc sześćset dwudziestego piątego, miesiąca Oktobra dwudziestego dnia. Jakoż przerzeczona Maryna Matysowiczowa wszedłszy w ten dom Iwanowski, przez wiadomości dozorcy cerkiewnego, y mieszkaiąc przez lat szesnaście, izbę iedną z komorą za zło-

tych trzydzieście przedała, y tych pieniędzy parafianom nie oddała, o co protestatią przed urzędem burmistrzowskim Brzeskim zaniesioną świeżo w teraźnieyszym roku tysiąc sześćset czterdziestym pierwszym, miesiąca Kwietnia dwudziestego piątego dnia, pokładali: a zatym domawiali się parafiane, aby dom z gruntem Iwanowski, na cerkiew Bożą legowany, przysądzony był, także wskazania czynszu zatrzymanego za lat szesnaście y złotych trzydziestu za przedanie budynku domawiali sie. A strona pozwana Maryna Matisowiczowa, przez plenipotenta swego, szlachetnego pana Mikołaia Skołdyckiego, powiedziała, że parafianie niewinnie Marynę Matisowiczowę turbuią y do szkod przywodzą, abowiem ten grunt Iwanowski nieboszczyk Iwan, brat iey rodzony, miał darowizną w posagu od nieboszczyka Fiedora Gładkiego, na którym gruncie nieboszczyk Iwan brat iey swym własnym kosztem budynek zbudował; a potym w roku tysiąc sześćset dwudziestym piątym z tego świata zszedł. Po którego śmierci prawem Bożym y przyrodzonym, iako siostra po bracie, dom z gruntem successive obiąwszy przez lat szesnaście w spokoynym dzierżeniu była. Jakoż tymże testamentem od strony powodowey pokładanym szczyciła się, że iuż nieboszczka Gładka nie Gładkiego imieniem ten grunt nazywa, ale Iwanowskim w testamencie opisuie. Zaczym Połonia Gładka, co raz nieboszczyk Gładki wespół z małżonką swą nieboszczykowi Iwanowi darowali, to drugim razem na cerkiew legować nie mogła. A do tego gdy parafianie niedawnemi czasy odzywaiąc się do tego gruntu do prawa turbować chcieli, tedy zabiegaiąc zaciągowi prawnemu tychże parafian contentowała; iakoż częścią za successią po bracie, częścią też za kupnem od tychże parafian w pokoiu do tego czasu zostawała, które wszystkie prawa na ten dom y grunt służące, dała była do zachowania bratowi swemu parafianinowi Michałowi, potym brat iey za przedarowaniem do tychże parafian sprawy wszystkie na ten dom y grunt Marynie Matysownie należące parafianom oddał. Zaczym nie mogąc prawa ukazać, samo dawnością y prawem przyrodzonym, że iest siostra rodzona Iwanowa szczyciła się, domawiaiąc się, aby dom z gruntem Iwanowski po bracie przynależący stronie pozwaney przysądzony był. My urząd w sprawie Jarosza Korniłowicza — dozorce cerkwie świętey Piatonki y wszystkich parafian, do teyże cerkwie Brzeskiey przynależących, z Maryną Matisewiczową o bezprawne trzymanie gruntu y domu Iwanowskiego w mieście Brzeskim, na Piaskach leżącego, od Połony Gładkiey na cerkiew legowanego, wysłuchawszy controwersyi obudwu stron: ponieważ strona pozwana żadnego prawa od Fiedora Gładkiego y małżonki iego, bratowi iey Iwanowi należącego, kapłanowi nie pokazała, y żadnemi dowodami, aby parafiaaie za słuszną contentatią grunt y dom Iwanowski przedawać y potym znowu od brata iey prawa wszystkie pobrać mieli, nie dowiodła, tylko gołemi słowy mianowała, funduiąc się na dawności zamieszkałey, a strona powodowa testamentem nieboszczki Gładkiey, urzędownie sprawionym, legaty dowiodła; z tych przyczyn wszystkie obrony strony pozwaney na stronę uchyliwszy, podług testamentu nieboszczki Gładkiey sprawionego, grunt z domem Iwanowski, na cerkiew świętey Piatonki legowany, parafianom przysądzamy, s tą conditią, aby czynsz roczny na cerkiew y ozdobę cerkiewną oddawany był. Je-

dnak iurisdika miescka wcale zostawać y wszelakie połuszeństwo y powinność miastu należeć ma. A strony niepłacenia czynszów za przeszłe lata, także o przedanie izby, ponieważ parafianie nigdy o to processu prawnego nie czynili, wolną Marynę Matisowiczową czynimy. A strona pozwana Matisowiczowa, że ią gruntu y domu Iwanowskiego odsądzoną, apelowała do dworu iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego. Urząd appelacii dopuścił y termin obiema stronom, gdzie iego królewska mość szczęśliwie dworem swym bydź raczy, ieśli w Koronie polskiey—za ośm, a ieśli w wielkim xięstwie Litewskim—za niedziel cztyry, od daty tego dekretu, po otworzeniu limitacii w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym pierwszym stanowić się naznaczył. A strona powodowa o szkody złotych sto, także y pozwana wzaiem o szkody protestowali się. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 855—856.

103. Продажная запись на землю отъ мѣщанина Якова Семеновича Гущица крестьянину королевскихъ имѣній Григорію Щербинкѣ.

Брестскій мѣщанинъ Гущичъ продаетъ свою землю въ Брестѣ королевскому крестьянину с. Плоской за 7 копъ литовскихъ грошей на вѣчныя времена.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lith., die 25 mensis Junii, anno Domini 1641.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczyńskim—burmistrzem relii rzymskiey, Iwanem Bielkiewiczem—subdelegatem na miescu sławnego pana Jana Jędrzeiewskiego—burmistrza relligii greckiey będącym, Stefanem Rapowiczem, Wasilim y Jaroszem Soroczycami—raycami miasta Brzeskiego, na zwykłym miescu sądowym stanąwszy oblicznie utściwy Jakób Siemionowicz Huszczycz y siostra iego Maruszka Huszczanka—mieszczanie Brzesci, iawnie y dobrowolnie zeznali, iż przedali grunt swóy goły, leżący w mieście iego kr. mości Brzeskim, na Zawrzynce Wielkiey ob miedzę domu Siemiona Teluka, a z drugą stronę domu Kopciewiczowego, tyłem do ogrodu Szczęsney tatarki Szostakowszczyzny, głową do ulicy gościńca Wileńskiego, utściwemu Hricewi Szczerbince y małżonce iego Marynie Hricownie Szepełownie—poddanym iego kr. mości, ze wsi Płoskiey, y potomkom ich za kop siedm litewskich na wieczność, z odebrania pieniędzy wszystkich kwitowali, przyiaciół y potomków swych oddalili y sam Jakób Siemionowicz Huszczycz wespół z siostrą swą zrzekli się wiecznie, pozwalaiąc Hricowi Szczerbince, małżonce y potomkom ich, tym gruntem, iako chcąc szafować, dać, przedać, darować y na swoie naylepsze pożytki

obrócić, w czym żadney przeszkody czynić nie maią y owszem od wszelakich osób w ten gruncik wstępuiących u wszelakiego sądu y prawa swym własnym kosztem y nakładem bronić, zastępować do wyścia dawności w prawie magdeburskim opisaney, zapisali się; który to grunt Huszczyński urzędownie przez sławnego pana Wasila Sorokę—raycę miasta Brzeskiego, z urzędu przydanego, w posesyą wieczystą Hricowi Szczerbince y małżonce iego Marynie Szepelewnie y potomkom ich iest podano. Którey intromissyi nikt nie bronił y s prawem swym pierwszym y poślednim nie odzywał. Co iest do xiąg wieczystych mieskich Brzeskich zapisano.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 878—885.

104. Заставная запись отъ Брестскаго магистрата подписку гродскому Павлу Яголковскому на деревню Козловичи.

Брестскій магистратъ, нуждаясь въ деньгахъ, для возобновленія сгорѣвшей ратуши, занялъ подъ залогъ свой деревни Козловичъ у Яголковскихъ 800 злотыхъ и заключилъ съ ними трехлѣтній контрактъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lith., die mensis Augusti, anno Domini 1641.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie iego mość pan Paweł Rakowicz Jahołkowski—podpisek grodzki Brzeski, podał ku actykowaniu do xiąg list zapis zastawny wioski mieyskiey Kozłowicz od wszytkiego miasta Brzeskiego, iurysdiki iego kr. mości prawa magdeburskiego należącey, onemuż panu Jahołkowskiemu y małżonce iego mści na rzecz niżey mianowaną, pisany w te słowa:

My burmistrze, rayce, ławnicy, cechmistrze miasta kr. iego mści Brzeskiego, osoby niżey na podpisie mianowane, spólnie, zgodnie y iednostaynie czyniemy iawnie y wyznawamy sami na siebie tym naszym listem dobrowolnym zastawnym zapisem, komu by o tym wiedzieć należało: iż ku pilney potrzebie naszey spólney mieskiey, to iest na zmurowanie ratusza w Brześciu, wzięliśmy y pożyczyli za wiadomością wszystkiego pospólstwa miasta Brzeskiego, y rękoma naszemi odliczywszy spełna odebrali gotową, ręką-dayną summę pieniędzy ośmset złotych polskich, u ziemian iego kr. mści woiewództwa Brzeskiego urodzonych, pana Pawła Rakowicza Jahołkowskiego y małżonki iego pani Rayny Krasowskiey spólney; w którey to ich spólney summie pieniędzy ośmset złotych polskich zastawiliśmy imć panu Jahołkowskiemu y małżonce iego y zaraz w moc, dzierżenia y spokoyne używanie urzędownie przez panów rayców, to iest, pana Łukasza Pomarzańskiego, pana Wasila Sorokę y pana Foltyna Ryzlera, podaliśmy y postą-

pili wieś naszą ratuszną, nązwaną Kozłowicze, do miasta y prawa naszego magdeburskiego, za przywileiami y dekretami królewstwa, ich mość panów naszych miłościwych, zdawna nam należącą, na włokach ośmiu siedząc; s którey płata s każdey włoki po kop dwie groszy litewskich na każdy rok, a w każdym tygodniu s każdey włoki po iednemu dniu s czym rozkażą, a we żniwa po dwa dni przez niedziel sześć służyć powinni będą, y z młynem na rzecze Bugu, s którego płaci młynarz na każdy rok po kop dwie; ku teyże wsi przyległym y należącym z sianożęciami: iedna—na uroczyszczu Husiatkowie, a druga—na uroczyszczu Ladzkim lesie, z arendą rybacką doroczną według starego zwyczaiu trzymania, z iezіorami na Husiatkowey sianożęci będącemi, s polami, czterma ogrodami, z zasiwkiem żytnim ku temuż siołu przynależącym, z wolnym mlewem we młynie bez czerhi y bez miarki, z wygonami, wypustami, ze wszelakimi pożytkami y należnościami y ze wszytkim na wszytkim, iako się ta wieś, ten młyn, sianożęci, pola y ogrody sami w sobie, w miedzach, granicach y obychodziech swoich zdawna mieli, teraz maią y mieć będą, nic na siebie samych y ni na kogo inszego s tey zastawy naszey nie zostawuiąc, ani wymuiąc, tak iż rzecz mianowana niemianowaney, a niemianowana mianowaney, nic szkodzić y władzy uymować niema,—ze wszytkimi poddanymi w tey wsi mieszkaiącemi, z ich żonami, dziećmi y wszelakimi maiętnościami, leżącemi y ruchomemi, robotami y ze wszelakimi powinnościami, podług inwentarza, z ich imionami y przezwiskami mianowicie opisanemi. Do którey to zastawy, wierzchu mienioney, w teyże summie przydaiemy iemu panu Jahołkowskiemu y małżonce iego dom, przezywany Woronowiczowski, za prawem też wieczystym kupnym nam przynależącym, na ulicy Zauhryney Małey, za kładkami y odnogą rzeki Muchawca, w mieście Brzeskim leżącym, ze wszytkim budowaniem w nim będącym, z ogrodami, z sadami y ze wszytkim na wszytkim, iako się ten dom sam w sobie ma, z wolnym pastwiskiem na wygonach y wszytkich mieyscach, gdzie dobytki miesckie pasą, owo z goła, tak iakośmy sami tych wszytkich rzeczy, wierzchu mianowanych, spokoynie trzymali y używali, wolne, swobodne, nikomu ni w czym nie zawiedzione, ani żadnymi długami y przewodami prawnemi nie obciążone—na trzy lata zupełne, po sobie idące, począwszy w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym pierwszym, od dnia Panny Maryi Zielney, święta rzymskiego, to iest, dnia piętnastego Augusta, aż do roku, da Bóg, przyszłego tysiąc sześćset czterdziestego czwartego, do takowegoż święta według nowego kalendarza. Na którym to roku y dniu zwyż pomienionym tę summę ośmset złotych polskich mamy y powinni będziemy im panu Jahołkowskiemu, małżonce iego, y każdemu od nich dzierżącemu oddać, y wszytką spełna zapłacić, pieniędzmi gotowemi, monetą dobrą polską albo litewską, którаby w sobie żadnego braku nie miała, na miescu pewnym, w ratuszu Brzeskim. A za nieokupnem na tym roku tedy od trzech do trzech lat by y naydłużey, aż do oddania y spełna zapłacenia tey wszytkiey summy ośmiuset złotych polskich. A miedzy rokami tey zastawy naszey okupować nie mamy y mocy mieć nie będziemy; ale ieszcze przed rokiem okupna przez list nasz otworzysty urzędowy mamy dać znać za niedziel dwanaście, podaiąc ten list każdemu dzierżącemu oczewisto w ręce; a gdziebyśmy obwieszczenia nie

dali, tedy on, pan Jahołkowski, małżonka iego y każdy od nich dzierżący, summy od nas przymować y s tey zastawy naszey zstępować nie będą powinni; ieśliby też dawszy znać, a na roku tey summy pieniędzy nie oddali, tylko trudność y przeszkodę iemu panu Jahołkowskiemu, małżonce y dzierżącemu od nich uczynili, tedy za te szkody zapłacić mamy. Które te zastawy nasze, wieś Kozłowicze, y dom w mieście, z młynem y ze wszytkiemi przynależnościami do nich przysłuchaiącemi pan Jahołkowski, małżonka iego, maią spokoynie dzierżeć y używać, wszelakich pożytków podług woli y upodobania swego przywłaszczać; poddanych sądzić, rządzić, o nieposłuszeństwo według występku, winami, albo inaczey według zwyczaiu karać, a w sprawach kryminalnych, także dziedzicznych, spólnie z nami burmistrzami sądzić, lecz sprawiedliwość z nich ukrzywdzonym y w ich krzywdach onym dochodzić sami panowie zastawnicy maią y powinni będą, podwody też za mil pięć, a nie daley ci poddani im panom zastawnikom pełnić maią. A my osoby, wierzchu mianowane, sami przez się, dzieci bliskich krewnych y nie przez kogo inszego żadney przeszkody wstępu czynić y nieiakiey trudności zadawać nie mamy y owszem od każdego wstępcy, szkody y przeszkodę w tey zastawie czyniących, takteż od zysków, przezysków y wszelakich przewodów prawnych pierwszych y poślednich, ieśliby się iakie pokazać mieli, za daniem nam znać przez list otworzysty, u wszelakiego sądu y prawa swym własnym kosztem, nakładem oczyszczać, bronić y tę zastawę naszą wolną y swiebodną czynić powinni będziem. Pobory, ieśliby iakie z ufały seymowey ufalone były, wybierać s tychże poddanych my sami burmistrze mamy, a w inszych żadnych podatkach, iakieby się kolwiek w mieście naszym naydować miały, s tey zastawy naszey on pan Jahołkowski, małżonka y każdy dzierżący od nich, y te poddane płacić y żadney powinności czynić nie będą powinni, oprócz donatiwy z seymu ufaloney, także żołnierszczyzny y trzykroć do grobel wożenia chróstu na wiosnę y w iesieni na potrzebę mieską y chędożenia miasta przez tychże Kozłowców, prócz dzieła dni ośmiu w każdym tygodniu, co niema być na przeszkodzie zastawniczey. Przy tym y to waruiemy, ieśliby on pan Jahołkowski, s panią małżonką swą, byli potrzebni tey swey summy pieniędzy, tedy wolno im będzie tę zastawę naszą tymże prawem y w teyże summie pieniędzy, komu chcąc puścić y zawieść, s wiadomością naszą, a my, iako przeciwko iego pana Jahołkowskiego, małżonce iego y każdego od nich dzierżącego, tak y przeciwko każdego, podług tego zapisu y obowiązków, w nim opisanych, zachować się mamy; lubo li też nam ma dać znać, a my od podania obwieszczenia za niedziel dwanaście tę summę oddać winni będziemy. Y to iescze waruiemy: ieśliby on pan Jahołkowski, małżonka iego y dzierżący od nich, w tey zastawie naszey co kosztem swoim nowego przybudowali, albo budowanie iako stare y opadłe naprawuiąc wyłożyli, tedy to wszystko przy wykupnie, przy oddaniu pieniędzy pan Jahołkowski znieść ma; poddani też ieśliby przez głód, powietrze morowe, przez żołnierza y przez podatki precz się rozeszli, tedy o to wszytko za dzierżenia ich osób wierzchu mianowanych, tak przed wykupnem, iako y po okupnie, nigdy o to iego pana Jahołkowskiego, małżonkę, dzieci, potomków y dzierżącego od nich tey zastawy naszey, pozywać y ni iakiey trudności zadawać nie mamy y mocy mieć

nie będziemy, wiecznemi czasy; ale to, co zostanie poddanych, przyiąć z spustoszenia zwyż mianowanego zaraz przy oddaniu summy kwitować winni będziemy. Które te wszystkie punkta y paragrafy, w tym liście naszym wyżey y niżey wyrażone, wykonać, wypełnić y temu zapisowi naszemu dosić czynić winni będziemy, pod zaręką takoweyże summy ośmiuset złotych polskich y pod nagrodzeniem wszystkich szkod, nakładów na gołe rzeczenie słowa; a za niewykonaniem y niewypełnieniem któregokolwiek paragrafu daiemy moc pozwać siebie y zakazać wszytkich nas osób, w tym liście pomienionych, albo też tych, którzy w iakimkolwiek punkcie przeszkodę czynić będą, ze wszelakich dóbr naszych, leżących y ruchomych, y sum pieniężnych, do sądu iego kr. mści, pana naszego miłościwego, nam należnego, zadwornego, w który kolwiek termin mandatem podług prawa; a my osoby, wysz pomienione, nie wymawiaiąc się niestaniem, iedni drugich y zeyściem, śmiercią s tego świata, chorobą obłożną, powietrzem morowym, seymem walnym, posługą iego kr. mści y rzeczy-pospolitey, za pozwaniem w inszy powiat, w inszą sprawę y żadnemi inszemi przyczynami prawnemi, pogotowiu nieprawnemi, w przywileiach, porządku y saksonie, y we wszystkich prawach naszych magdeburskich opisanemi, wymysłem ludzkim wynaydzionemi y nowo przypadłemi, sami a nie przez umocowanego swego stać, a stawszy roki pozwu mandatu niczem nie burząc, kopii s tego listu nie potrzebuiąc, forum nie excypuiąc y ni w czym dobrodzieystw prawnych nie zażywaiąc, zarazem we wszytkim na żałobę pana Jahołkowskiego, małżonki iego y dzierżących od nich, usprawiedliwić się mamy. Jakoż sąd y urząd, tak za staniem, iako y nie staniem naszym, nie przymuiąc od nas obmowy, obron, by naprawnieyszych, tylko weyrzawszy w ten list dobrowolny zapis nasz, zarękę wysz pomienioną ośmset złotych polskich y wszystkie szkody, nakłady, na gołe rzeczenie słowa, na wszelakich maiętnościach naszych, leżących y ruchomych, a w niedostatku onych y na samych osobach naszych wskazawszy y przysądziwszy, moc ną odprawę za obwieszczeniem zdziałać ma; a my, nie apelluiąc nigdzie do żadney zwierzchności, sądu o zły wskaz, a strony o zaoczny przewod prawa pozywać y nieiakiey trudności zadawać nie mamy, pod tak wielką zaręką, iakoby na nas od tego sądu wskazana była, a y po zapłaceniu zaręki y szkod, przed się ten nasz list dobrowolny zapis u zadwornego sądu y prawa przy zupełney mocy zachowan y stwierdzon być ma. A ta zastawa przy dzierżących aż do oddania y we wszystkim dosyć uczynienia być ma. Y na to wszystko, iako się wysz pomieniło, my osoby, wyżey y niżey w tym liście imiony pomienione, daliśmy ten nasz list, dobrowolny zastawny zapis urodzonemu panu Pawłowi Rakowiczowi Jahołkowskiemu y małżonce iego pani Raynie Krasowskiey, za pieczęcią urzędową miasta Brzeskiego radziecką y s podpisami własnych rąk naszych, którzy z nas pisać umieli. Pisan w Brześciu, roku tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego, miesiąca Augusta czwartego dnia. U tego zapisu zastawnego, przy pieczęci przyciśnioney, podpis rąk tymi słowy: Marcin Kaczyński — burmistrz Brzeski, ręką swą; Иванъ Бѣлковичъ — субделегатъ, рукою; Jan Kuryanowicz — lantwoyt m. p.; Łukasz Pomarzański — rayca m. p.; Stefan Rapowicz — rayca ręką swą; Василей Мартиновичъ Сорока, рукою власною; Jarosz Marcinowicz Soroka — rayca y cechmistrz szwiecki ręką; Foltyn

Ryzler—rayca; Jan Dysput—ławnik ręką swą; Woyciech Rostek m. p.; Andrzey Czemerniczy—ławnik; Adam Kozłowski—ławnik, ręką swą własną; Федоръ Леоновичъ Борсуковичъ—лавникъ, рукою власною; Jan Wyczołkowski—ławnik; Иванъ Корниловичъ—лавникъ; Иванъ Бутрикевичъ—лавникъ, рукою власною, самъ за себе и именемъ цехмистра кушнерского Яна Радковича Чвира и Ендрея Тальковича, яко писать неумѣючихъ, руку подписалъ; Семенъ Аудиевичъ, рукою власною; Martinus Wolf—cechmistrz kowalski ręką, самъ одъ себе и именемъ цехмистра пекарского Захаріяша Статковича—руку подписалъ; Павелъ Тирута, рукою власною; Григорій Куриловичъ, рукою своею; устне прошоный, именемъ цехмистра рѣзницкого Ивана Радковича, руку подписалъ, на мѣспу его, Максимъ Череповичъ; Микита Филиповичъ Борсуковичъ, рукою власною; устне прошоный отъ пана Павла Кгикги Тимоша Филиповича, руку подписалъ. Tegoż roku tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego, miesiąca Augusta piętnastego dnia, będąc z urzędu przydani na intromissyą sławni panowie, Łukasz Pomarzański y Wasili Marcinowicz Soroka—raycy miasta Brzeskiego, którzy zwróciwszy się rellacyą swą u sądu zeznali, iż podług listu zapisu zastawnego za dobrowolnym pozwoleniem wszystkiego miasta Brzeskiego do iurysdyki prawa magdeburskiego przynależącego wioskę mieską Kozłowicze ze wszystkimi przynależnościami, z sianożęciami dwiema, iedna Husiatkowa, a druga po Mikołaiu Prużancu pozostała, w Ladzkim liesie leżąca, ze czterma ogrodami polnemi zasianemi Rylskiemi, za Hłubkiem, za miastem Brzeskim leżącemi, s poddanemi osiadłemi y z ich powinnościami y ze wszytkimi na wszytkimi, iako szerzey w zapisie opisano iest; przy tym dom miescki kupny wieczysty, przezywaiomy Woronowiczowski, w mieście Brzeskim, na ulicy Zawhrzynki Małey stoiący, z ogrodem y z sadem w pewnych miedzach y granicach zawieraiący się sposobem zastawnym, iego mość panu Pawłowi Rakowiczowi Jahołkowskiemu—podpiskowi grodzkiemu Brzeskiemu y małżonce iego Raynie Krasowskiey Jahołkowskiey w ośmiuset złotych polskich od trzech lat do trzech lat, aż do oddania spełna summy pieniędzy w moc, w dzierżenia y spokoyne używanie, podług inwentarza osobliwie spisanego, podaliśmy. Którey intromissyi takowego podania urzędowego nikt nie bronił y sprawom swym pierwszym y poślednim nie odzywał. Który to takowy list, zapis zastawny, y intromissya radziecka oczewiście u sądu zeznana y do xiąg mieskich Brzeskich prawa magdeburskiego iest zapisana.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 838.

105. Позволеніе Брестскаго магистрата кушнерскому цеху на постройку лавки на рынкѣ.

Брестскій магистратъ разрѣшаетъ скорнядкому цеху выстроить лавку на городской землѣ, но только съ условіемъ, чтобы между нею, и другими смежными лавками былъ оставленъ промежутокъ, въ которомъ бы можно было проѣхать одной повозкѣ.

Burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzeskiego.

Oznaymuiemy tym listem naszym każdemu, komuby o tem wiedzieć przynależało. Pokładany był przed nami list daniny antecessorów naszych extraktem z xiąg pod datą roku tysiąc sześćset trzynastego miesiąca Septembra trzeciego dnia, należący kusznierzom na zbudowanie szopy do przedania towarów kusznierskich na czynszu y powinności mieyskiey w mieście Brzeskim w rynku. O który grunt za pokazaniem daniny pierwszey żądali nas kusznierze y wszystek cech kusznierski, abyśmy onym na tym że mieyccu budę w posrzodku kramnic mieskich chrześciańskich y żydowskich pobudować pozwolili. Jakoż my, widząc bydź rzecz słuszną, onym budę iedną kusznierską podług prawa ich zbudować pozwoliliśmy y tym listem pozwalamy którą zbudowawszy spokoynie trzymać maią; iednak waruiemy, aby była przestronnosć szeroka w koło budy, iako wozem y szyrzey obiechać może, iakoby inszym kramnicam ściśnienia y zaciemnienie ku przeszkodzie nie była. Którego gruntu teraz y napotomne czasy nikomu zawodzić, przedawać, ani długami obciążać nie powinni będą, tylko budynek ten wolno będzie komu chcąc przedać y znieść podług upodobania cechu kusznierskiego. A czynsz do skrzynki mieskiey co rok o świętym Marcinie po trzy kopy płacić maią y powinni będą. Na co dla lepszego świadectwa przy podpisie pisarskim pieczęć urzędową mieską radziecką Brzeską przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Brześciu dnia szóstego miesiąca Augusta, roku Pańskiego tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 919.

106. Жалоба мѣщанина Андрея Чемерницкаго на ландвойта Ивана Куріяновича.

Брестскій мѣщанинъ Чемерницкій жалуется на ландвойта Куріяновича, что этотъ послѣдній, поселившись въ сосѣдствѣ съ нимъ, въ теченіи многихъ лѣтъ поносилъ его дочь самыми оскор-

бительными словами, и не перестаетъ поносить до настоящаго времени, побуждая къ этому еще и своихъ знакомыхъ; что онъ, Чемерницкій, долго это терпѣлъ, совѣстясь утруждать судъ такими дрязгами, но въ настоящее время вынужденъ жаловаться вслѣдствіе неисправимости своего зложелателя и невозможности сносить больше отъ него обидъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 26 mensis Septembris, anno Domini 1641.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym miescu sądowym, stanowszy oblicznie sławetny pan Andrzey Czemiernicky podał protestatią swą na pismie ku zapisaniu do xiąg miesckich, pisaną w te słowa:

Móy łaskawy panie urzędzie burmistrzowsky Brzescky! Z wielkim żalem moim opowiadam się w. m., począwszy od roku tysiąc sześćset trzydziestego czwartego, niżli ieszcze począł mieszkać podle mnie ten Jan złotnik Kurianowicz, iuż nie po iednokroć sromocił, co iest wiadomo w. m., iako urzędowi, żal swóy y niewinność swoię bez dania przyczyny na Jana złotnika Kurianowicza, który teraz do czasu iest lantwoytem, który mi czyni od dawnich lat krzywdę, iako o tem dawnieysze protestatie są uczynione, s którym dla spokoynego mieszkania przyiąłem zarękę przez dekret panów burmistrzów założoną; on, zapomniawszy Pana Boga, wstydu y boiaźni, y prawa nie boiąc się y zaręki niedbaiąc, będąc wysokiego animuszu, sam y z żoną swoią, córkę moię Dorotę plugawemi, bardzo y uszczypliwemi słowy złaiali y zesromocili przed ludźmi obcemi, a nie tylko sam łaie, ale y obcych ludzi naprawuie; a to w roku tysiąc sześćset czterdziestym pierwszym, msca Sierpnia dnia trzynastego, umyślnie naprawił na mnie wieczorem z domu swego, towarzysza swego Michała złotnika, tego umyślnie w dom moy przysłał, który mnie złaiał z naprawy onego, potym prędko dla szkody swoiey, którom miewał s podwórza iego za iego dziurą, w płocie iego na moie podworze będącą, którą dziurę różnemi czasy miewałem z iego podworza od niego szkody niemało, którą dziurę przeciwko iego płotu na swoim gruncie zagrodziłem swoim płotem, ten Jan złotnik za to zagrodzenie tey dziury samey, rozkazał złaiać córkę moię Dorotę plugawemi y uszczypliwemi słowy, y sam przyszedłszy do żony oboie złaiali y zsromocili, coby takowych zle na takę potsciwą dzieweczkę mowić, ledwoby to takiey mowie co w zamtuzie kilka lat takie słowa potsciwa panienka odniosła, a nie tylko tego raz, ale y kilkanaście było, co sromocili; ienośmy, iako sieroty, łzami zalawszy oczy swoie skromnie znosić musieli y do urzędu iuż tak s częstym opowiadaniem wstyd było, także y mnie, starego człowieka, w leciech podeszłego, złaiał, a pana Boratinskiego, w sieni stoiącego, co słyszał pan Boratynski stoiąc ze mną y towarzysz aptekarczyk, który był w aptece na ten czas, tę obelgę w. m. iako urzędowi opowiedziawszy, proszę aby mi ta moia protestatia była przyięta y do xiąg w. m., ostawuiąc sobie wolne we wszystkim prawo czasu słusznego y o szkody podięte, które tak za częstym czynieniem protestacyi w krzywdach odnoszących szkoduię niemało. Pisan w Brześciu, roku tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego, Sierpnia dnia szesnastego. U tey protestatiey podpis ręki tymi słowy: Andrzey Czemiernicky—ławnik, ręką swą. Która to takowa protestatia oczewiście u sądu padana do xiąg miesckich Brzesckych.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 годы, стр. 890—892.

107. Жалоба королевскаго землемѣра Станислава Чемерницкаго на лантвойта Ивана Куріяновича о поношеніи и побояхъ.

Королевскій землемѣръ Чемерницкій жалуется на Брестскаго лантвойта, что этотъ послѣдній, пригласивши его въ свой домъ, оскорбилъ неприличными словами, потомъ догналъ его на рынкѣ съ ружьемъ въ рукахъ и изранилъ, наконецъ пришелъ еще къ нему на квартиру къ ксендзамъ доминиканамъ и вступилъ въ новую драку, чему свидѣтелями были ксендзы и возный.

Die 20 mensis Augusti, anno Domini 1641.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście kró. iego mści Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie pan Stanisław Czemiernicki—komornik iego kro. mści podał protestatią swą na pismie ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich, pisaną w te słowa:

Sławetny magistracie miasta iego kró. mści, pana mego miłościwego, Brześcia wielkiego xięstwa Litewskiego! Ja Stanisław Czemiernicki—komornik iego kro. mści żałośnie się uskarżam y protestuię o to, iż ia będąc w sprawach iego kro. mści y rptey seymikowych y seymowych do różnych woiewództw y powiatów wysłanym, gdym przyiechał do Brześcia, takową od lantwoyta Brzeskiego Jana Kuryanowicza odniosłem zniewagę: Naprzód, gdy szedłem s trębaczem, mieszczaninem osiadłym Brzeskim mimo domu pomienionego lantwoyta, będąc proszony od lantwoyta, w dom iego własny w rynku będący, naypierwiey słowy uszczypliwemi, dobrey sławie dotykaiącemi się odniosłem przy bytności wielu różnych pospolitych ludzi, w domu iego będących, zniewagę; potym ustąpiwszy z domu iego znieważony, niedosyć na tym, ale ieszcze porwawszy miecz pomieniony lantwoyt, który miał w domu urzędowym, y gdy iuż odszedłem od domu iego potym on za mną przez rynek z gołym mieczem wypadszy z domu swego lantwoyt uganiał się; nie dosyć na tym ale tegoż dnia gdy do gospody swey odszedłem iuż będąc pobity, odarty ze wszystkiego, z gminem różnych ludzi pospolitego człowieka, gdzie odięto mi szablę, razy sinie, bite y okrwawione zadano bezbronnemu, potym pomieniony lantwoyt wziąwszy czeladnika swego, złotniczka, nadszedł na gospodę y wyzywał mnie bezbronnego, będący ia u oyców dominikanów uskarżaiący się w niewinności swoiey na taką zniewagę, tamże na cmętarz przyszedszy lantwoyt dobył korda na mnie bezbronnego chcąc ciąć, któremu gdym podpadł pod broń y gdym go wzioł na ten czas y rucznicżka od niego odpadła na ziemię, z którą był przyszedł, ważąc na zdrowie, a w tym oycowie dominikani wedle gospody moiey, kędy stoię, wzieli nas, iako tego obductia ieneraɫa iego k. mści, co oczyma swemi widział, iest do xiąg mieskich Brzeskich przyznana y zapisana. Działo się w Brześciu Lit., dnia dwudziestego Au-

gusta, roku Pańskiego tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego. U tey protestacyi podpis ręki tymi słowy: Tę protestatią podałem sam, na co się podpisuię Stanisław Czemiernicki. Która to takowa protestatia oczewiście przez osobę zwysz mianowaną do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisaną.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 917—918.

108. Отдача въ аренду погреба подъ зданіемъ ратуши жиду Шимону Шломчичу за 25 злотыхъ.

Die 13 mensis Septembris, anno Dni 1641.

Burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzeskiego, czynimy wiadomo tym naszym listem, zapisem urzędownym, każdemu, komuby o tem wiedzieć przynależało: iż my, po pogorzeniu miasta Brzesckiego, umyśliliśmy ratusz zmurować, iakoż na zmurowanie ratusza arędowaliśmy piwnicę, albo sklep nowo zmurowany, pod ratuszem, na lat trzy po sobie idące, na każdy rok po złotych 30, opatrznemu Szymonowi Szłomczyczowi—żydowi Brzeskiemu y towarzyszowi iego, kogo on w tym sklepie trzymać zechce, za złotych dziewięćdziesiąt; w którym to sklepie dwoie drzwi maią bydź—iedne drzwi ku kamienicy, a drugie na drugiey stronie ratusza ku miastu. Rok zaczyna się tey arendzie w roku, da Pan Bóg przyszłym, tysiąc sześćset czterdziestym wtórym od Środopościa, a kończyć sie ma także o Śrzodopościu, w roku tysiąc sześćset czterdziestym piątym; iakoż iuż dali nam gotowych pieniędzy złotych sześćdziesiąt, a do tych trzydzieście na dzień świętego Marcina w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym pierwszym, do nas burmistrzów oddać powinni będą. W którym sklepie żyd rozmaite trunki trzymać ma y wszelakich pożytków zażywać powinien będzie, a inszym tak chrześcianom, iako y żydom z stołkami wkoło ratusza siedzieć y trunków przedawać zabraniać mamy y my sami żadney przeszkody Szłomczycowi, żenie y potomkom iego w tey arendzie żadney przeszkody czynić nie mamy y successorowie nasi nie maią, y owszem od wszelakich osób, ktoby w tę arendę wstępować, abo przeszkodę czynić miał, bronić, zastępować mamy y powinni będziemy. Do którey arendy dla lepszego świadectwa ręce swe podpisaliśmy, y pieczęć urzędową mieską radziecką Brzeską przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Brześciu, dnia trzynastego miesiąca Septembra, anno Domini 1641. U tego listu arendownego pieczęć urzędowa miescka radziecka Brzescka a podpis rąk tymi słowy: Marcin Kaczyński—burmistrz Brzeski ręką swą: Иванъ Бѣлковичъ—райца рукою власною; Łukasz Pomarzański — rayca ręką swą; Jarosz Marcinowicz Soroka — rayca ręką swą; Andrzey Czemiernicki — ławnik; Adam Kozłowski—ławnik. Y to waruiemy Szymonowi żydowi, iż w ratuszu na górze żaden szynk nie ma być, tylko w piwnicy do wyiścia iego arendy. Która arenda dla pamięci do xiąg iest wpisana.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г. стр. 922—925.

109. Протестъ ландвойта Ивана Куріяновича противъ мѣщанина Андрея Чемерницкаго.

Брестскій ландвойтъ Куріяновичъ, вслѣдствіе жалобы на него мѣщанина Чемерницкаго, обясняетъ, что этотъ послѣдній пожаловался на него совершенно напрасно, такъ какъ первоначальный ихъ споръ законченъ былъ по суду, а къ новому онъ не давалъ никакихъ поводовъ. А что касается до оскорбительныхъ словъ его Куріяновича на дочь Чемерницкаго, то во 1-хъ о ней ходитъ между людьми худая слава, а во 2-хъ эта дочь изругала его жену самыми оскорбительными словами, за что въ свою очередь была обругана и сама.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die 28 mensis Septembris, anno Domini 1641.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie sławetny pan Kuryanowicz — lantwoyt Brzescky, podał protestatią swą na pismie ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzesckich, pisaną w te słowa:

Moy łaskawy panie urzędzie burmistrzowsky Brzescky! Ja Jan Kuryanowicz—lantwoyt Brzescky, opowiedam y protestuie się w. m., iako urzędowi, w niemałym żalu y obeldze mey, iakom wziął wiadomość, że Andrzeyko Czemiernicky, iako się sam zowie y pisze, rodzic s Czemiernik, balwierz, mieszczanin Brzescky, zapomniawszy boiaźni Bożey, nie maiąc wstydu w oczach swoich, który, iako widzę na stronę uchiliwszy, nic też niedbaiąc na srogość prawa, na takowych opisanego, nie ustawaiąc w przedsięwziętych nałogach y zamysłach swoich, iako zwykł czynić, śmiał yważył się, iuż po podaniu mandatu, mnie w niedziel kilka protestatią potwarną, a prawie zmyśloną, do xiąg w. m. zanieść, w rokn teraznieyszym tysiąc sześćset czterdziestym pierwszym, Septembra dwudziestego szóstego dnia, o iakieś iakoby krzywdy iemu ode mnie poczynione, o zarękę, o zelżenie córki iego Doroty, o szkody przez niezagrodzenie przecznice stałe, także o zelżenie iego samego odemnie y w naprawieniu czeladnika mego, o czym szyrzey w tey to iego żałobie mniemaney opisano iest. Na to tedy daię o sobie taką sprawę, yż ten pomieniony Andrzeyko—balwierz, od dawnego czasu targaiąc się na utściwość moię, którey podobno sam o male ma, a przywodząc mnie rozmaitemi sposobami do utrat y szkod niemałych, to co pisze, da Pan Bóg, na onego się obali y w tym wszystkim sam zostanie, gdyż wiadomo każdemu o potsciwym życiu moim, abowiem ieśliby miał ode mnie iaką krzywdę, proces było zanieść, zapozwać do urzędu, sprawiedliwość by miał otrzymać, ale raczey sam będąc powodem do złego uczynku, ustawicznie tak sam przez się, iako y przez niego posłanych córek y kucharek w uszkodzeniu gliny mey na podworzu rożnemi czasy czyni, iakoż w kilka punktach żałoby iego przez dekret urzędowy skończono, aż dopiero

w. lat siedm odezwawszy się niewinnie, niesłusznie mandaty podaie, processa zanosi, do szkod niepotrzębnych przywodzi y przywodzić umyślił, czego iako żywo tego słusznemi dowody na mię pokazać nie może, o co iuż nie po iednokroć na różnych urzędach na onego o krzywdy moie processa zaniesione są; a co się tknie córki iego Doroty, o którey lubo ta ugoda zaszła, ale iest wiadomo ludziom o życiu iey chędogim y sprawowaniu się, czegoby na potsciwą nie należało, ale ta córka iego małżonkę moią, białogłowę potsciwą w niewinności iey oczewiście tak przychodząc przed okno, iako y przez płot słowy wszetecznemi, barzo plugawemi, iako się oney upodobało, zelżyła, zesromociła, których słów dla uszanowania uszu w. m. wypisywać się niegodzi. O co wszystko, iako się pomieniło, na mianowanego balwierza Andrzeyka salvę sobie zachowawszy, u sądu należnego prawnie o to z nim czynić nie zaniecham, na onego się przeciwko iego potwarnym y nigdy niebyłym punktom w protestatiy napisanych reprotestnię, a za swoią żałobę protestuie się y proszę, aby mi to było do xiąg urzędu w. m. p. przyięto y zapisano. U tey protestacyi podpis ręki temi słowy: Jan Kuryanowicz — lantwoyt Brzescky. Która to takowa reprotestatia za podaniem osoby wysz mianowaney do xiąg miesckich Brzesckich iest zapisana.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 525—527.

110. Опредѣленіе короля Владислава IV о возвращеніи Пятницкой церкви дома въ г. Брестѣ.

Король Владиславъ IV симъ листомъ вполнѣ подтверждаетъ магистратское постановленіе по дѣлу прихожанъ Пятницкой церкви съ мѣщанкою Матисевичовой о возвращеніи послѣднею дома и земли, незаконно отнятыхъ ею отъ церкви.

Eodem die (17 mensis Decembris, anno Domini 1641).

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie Jarosz Korniłowicz— dozorca cerkwie świętey Piatnicy Brzesckiey, podał ku aktikowaniu dekret iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, do xiąg mieskich Brzeskich, pisany w te słowa:

Władysław czwarty, z łaski Bożey król polski etc. Oznaymuiemy ninieyszym listem naszym wszem wobec y komu o tem wiedzieć należy, iż przytoczyła się do nas y sądu naszego, za appelatią od urzędu miesckiego Brzeskiego, założona sprawa y actia między utściwym Jaroszem Korniłowiczem—starszym y dozorcą cerkwie świętey Piatnice Brzesckiey, aktorem, a Maryną Matisowiczowną — mieszczanką Brzeską, pozwaną o to, iż ona dom po nieboszyce Połoniey Fiedorowey Gładkiey, który testamentem ostatniey woli iey w

roku 1625 na pomienioną cerkiew legowany iest, bezprawnie trzyma, y pożytki sobie s tego domu przywodzi, w którey sprawie gdy pozwana inferowała, iakoby nieboszczyk Fiedor Gładki, małżonek testatricis, miał ten dom nieboszczykowi Iwanowi bratu iey darować, zaczym też ona, po zeyściu brata swego Iwana w possesiią swą obieła y praescriptione continuae possesionis przez lat szesnaście zaszczycała. Urząd mieyski Brzeski, controwersiey stron pomienionych wysłuchawszy, to upatruiąc, iż strona pozwana żadnego prawa od Fiedora Gładkiego y małżonki iego bratowi iey Janowi Kapłunowi należącego, nie pokazała y żadnemi dowodami, aby parafianie za słuszną contentatią grunt y dom Iwanowski przedawać y potem znowu od brata iey prawa wszystkie pobrać mieli nie dowiodła, tylko gołemi słowy mianowała, funduiąc się na dawności zamieszkałey; przeto, przychylaiąc się do testamentu od nieboszczyce Gładkiey sprawionego, grunt ten y z domem, na cerkiew świętey Piatnice legowany, parafianom (salva iurisdictione civili et omnibus civitatis) przysądził, z tą conditią, aby czynsz roczny na cerkiew y ozdobę cerkiewną oddawany był. A strony niepłacenia czynszów za przeszłe lata, także o przedanie izby, ponieważ parafianie nigdy o to processu prawnego nie czynili, Marynę Matysowiczowę wolną w tym punkcie uczynił. Od którego decretu przerzeczona pozwana do nas y sądu naszego appelowała, iako o tem process sprawy tey szyrzey w sobie opiewa. Na roku teraz dzisieyszym z tey appelacyi przypadaiącym y dotąd się kończącym, gdy strony pomienione, powodowa przez szlachetnego Stanisiawa Skarczyńskiego, a pozwana przez szlachetnego Jozepha Piotrowicza, umocowanych swoich, w sądzie naszym stanęły y tego terminu pilnowali, a o ważności pomienionego dekretu urzędu mieskiego Brzeskiego z sobą prawnie się rozpierali; My król, przez pany rady y urzędniki nasze na sądy zadworne assesorskie wysadzone, controwersiey stron pomienionych wysłuchawszy y one dobrze zrozumiawszy, a to upatruiąc, ponieważ pozwana Maryna Matysewiczowna absque iusto et legitimo possesionis titulo praescriptią się zasłania, przeto dekret przerzeczony urzędu miesckiego Brzeskiego, iako słuszny y prawny, umocnić y utwierdzić umyśliliśmy, iakoż umacniamy y utwierdzamy mocą ninieyszego dekretu naszego. Na którego wykonanie odsyłamy sprawę teraźnieyszą do przerzeczonego urzędu mieskiego Brzeskiego na roku, gdy strona stronę po wyściu niedziel ośmi od daty tego dekretu naszego, rachuiąc przy pozwie zawitym. Na co, dla lepszey wiary, pieczęć nasza wielkiego xięstwa litewskiego iest przyciśniona. Dan w Warszawie, w poniedziałek przed świętem świętego Szymona y Judy Apostołów naybliższy, roku Paskiego tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego, panowania królestw naszych polskiego dziewiątego, a szwedzkiego dziesiątego roku. U tego dekretu iego królewskiey mości pieczęć mnieysza wielkiego xięstwa litewskiego, a podpisy ręki tymi słowy: Marcin Tryzna — coadiutor biskupstwa Wileńskiego, podkanclerzy wielkiego xięstwa Litewskiego. Który to takowy dekret iego królewskiey mości, pana naszego miłościwego, ku aktikowaniu podany y do xiąg miesckich iest wpisany.

1641 г.

Изъ книги за 1637—1642 годъ, стр. 951—952.

111. Постановленіе объ отдачѣ мельнику Каликсту Семеновичу третьей части мѣрки.

Брестскій мельникъ Власъ Антоновичъ заявляетъ, что пригласивши къ себѣ другого мельника Каликсты въ сотоварищи, онъ уступилъ ему на 8 лѣтъ 1/8 мельничныхъ доходовъ, и потомъ 1/4 съ тѣмъ, чтобы Калинкстъ на свой счетъ починялъ мельницу. Но такъ какъ въ 1639 г. р. Бугъ перемѣнила свое русло и мельница должна была остановиться, вслѣдствіе чего Калинкстъ долженъ былъ рыть канаву для приведенія ея въ дѣйствіе, то Власъ Антоновичъ считаетъ нужнымъ уступить Калинксту 1/3 доходовъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithvaniae, die 13 Decembris, anno Domini 1641.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, przed nami Marcinem Kaczyńskim, Janem Jędrzeiewskim—burmistrzami, Łukaszem Pomarzańskim, Stephanem Rapowiczem, Foltinem Ryzlerem, Iwanem Bielkiewiczem, Wasilim y Jaroszem Sorokami — raycami, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie Ułas Antonowicz — poddany y młynarz miescky Brzescky, ze wsi miesckiey Kozłowicz, dobrowolnie zeznał, yż zaciągaiąc Kalicha Siemionowicza młynarza z Okczyna, zapisał był onemu trzecią część wymiaru wszelakiego zboża we młynie Kozłowskim y w polach ku pożytkowi iego brać do lat ośmiu, za co młyn Kalich swym kosztem naprawować miał, iakoż y naprawował. A gdy ośm lat wychodzić miało, tedy Kalich czwartą część wymiaru młynowego y pożytków s pol, sianożęci, ogrodów przychodzących, czwartą część miał brać z wolną dispositią wieczystą, iako o tem szyrzey w liście zapisie, na urzędzie burmistrzowskim przyznanym dnia 15 Julii, w roku 1639, szyrzey w sobie opisuie. Po którym to takowym postanowieniu, gdy rzeka Bug nurt inszy, młyn porzuciwszy miescky, inszą stroną poszła, zaczym młyn przez czas niemaly wakował, iakoż za przemysłem pomienionego Kalicha nawracaiąc wodę na młyn, rów przez sianożęci miesckie, spólnie z nim Ułasem Antonowiczem, naymuiąc grabarzów y różnych rzemieślników, kopał y do spólnego kosztu przykładaiąc się, Kalich dał grabarzom gotowych swych własnych pieniędzy złotych sześćdziesiąt; którą pracę y koszt nagradzaiąc nie czwartą część, iako w pierwszym zapisie opisano iest, ale trzecią część wymiaru młynowego, także też w sianożęciach, polach y ogrodach pożytków, do młynu przynależących, część trzecią Ułas Antonowicz, młynarz Kozłowsky, Kalichowi Siemionowiczowi zapisał wiecznie; y iuż od daty tego zeznania wolno będzie Kalichowi, małżonce y potomkom iego tę trzecią część zapisaną spokoynie trzymać y wszelakich pożytków zażywać, y tymże prawem komu inszemu, za wiadomością y pozwoleniem nas burmistrzów y radziec zawieźć; w czym żadney przeszkody Ułas, małżonka, potomkowie, bracia y przyiaciele iego w spo-

koynym dzierżeniu y w wolney dispositii czynić nie maią wiecznie; osobliwie Ułas od wszelakich osób bronić zapisał się, iednakże s tey trzeciey części zapisaney Kalich Ullanie Antonownie, podług pierwszego zapisu y porachowania, z swey części dać powinien będzie. A czynsz roczny do skrzynki miesckiey, co rok, o świętym Marcinie, według regestrów miesckich, oddawać y wszelakie posłuszeństwo pełnić y robotę odprawować powinien będzie. Co iest do xiąg wieczystych Brzesckich zapisano.

1642 г.

Изъ книги за 1642—1643 годы, стр. 192—193.

112. Определеніе Брестскаго магистрата по дѣлу мѣщанъ Симона Боровика съ Кондратомъ Кунеевичемъ.

Брестскій мѣщанинъ Боровикъ внесъ въ магистратъ жалобу на другого мѣщанина Кунеевича въ томъ, что этотъ послѣдній избилъ и изругалъ его въ присутствіи всего скорняческаго цеха самыми неприличными словами. Позванный къ суду Кунеевичъ не явился. Магистратъ постановилъ: за ослушаніе мѣстной власти исключить его изъ цеха и взыскать убытки, а Боровику предоставить при этомъ право за безчестіе доискиваться удовлетворенія по судебнымъ порядкомъ.

Die mensis Jannuarii, 1642.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczyńskim, Janem Jędrzeiewskim—burmistrami, Wacławem Barczewskim, Łukaszem Pomarzańskim, Stephanem Rapowiczem, Wasilem, Jaroszem Soroczycami — raycami miasta Brzeskiego, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie uczciwy Siemion Borowik—kusznierz y mieszczanin Brzeski, przekładał żałobę swą na Kondrata Kunieiewicza, tak że kusznierza y mieszczanina Brzeskiego, iż pomieniony Kunieiewicz niewinnie przez dania przyczyny w cechu przy otworzeniu skrzynki cechowey y przy braci cechowey, słowy nieuczciwemi zelżył, zesromocił y przymówkę uczynił, iakoby niemiał bydź godzien w cechu siedzieć. A na ostatek targnąwszy się ręką kilkakroć w twarz y w nos uderzył y wielki despekt uczynił. O którą zniewagę w cechu stałą, czyniwszy przed nami urzędem żałuiący protestatią, przypożywał pana Kondrata Kunieiewicza przez sługę urzędowego Błażeia Jurkowicza pozwami oczewistemi po trzykroć y nad prawo czwarty raz przez Krzysztopha Gromadzkiego pozywał. A pozwany z cechu y rzemiosła swego kusznierskiego do urzędu naszego nie stanowił się y żadney wiadomości o niestaniu swym nam urzędowi y stronie nie uczynił. Prze to my, wysłuchawszy sług urzędowych Błażeia Jurkowicza y Krzysztopha Gromadzkiego zeznania pozwów czterech oczewiście podanych, których pozwów strona żałobliwa w xięgach zapisanych dowiodła y o szkody na złotych trzydzieścia protestowała się. Przychiliwszy się do prawa pospolitego magdeburskiego w części pier-

wszey y trzeciey, w porządku praw mieskich o rzemiesnikach y oposłuszeństwie zwierzchności radzieckiey y o karaniu nieposłusznych opisanego, także przychiliwszy się do wilkierza Wileńskiego, miastu Brzeskiemu od i k. mści, pana naszego miłościwego, na sądzenie wszystkich cechów y braci swawolney w cechach będących opisanego, my urząd, zachowuiąc się według praw mieskich y artykułów zwysz opisanych, pomienionego Kondrata Kunieiewicza, iako y prawa y zwierzchności ikmści pana naszego miłościwego nieposłusznego, na upad w samey rzeczy, o co żałoba idzie y w szkodach podiętych wzdawszy, za takowe swawoleństwo w cechu stałe y za nieposłuszeństwo urzędowe z rzemiosła kusznierskiego zrzucamy. Który to Kondrat Kunieiewicz od pokazania tego dekretu mieysca w cechu mieć, ani czeladzi kusznierskiey trzymać niepowinien będzie, aż we wszystkim stronie żałobliwey y urzędowi w winie urzędowey dosyć uczyni; a strony zbicia y okrwawienia żałobliwemu Borowikowi do Kondrata Kunieiewicza wolne prawo u sądu należnego zostawuiemy. Która sprawa iest do xiąg mieskich Brzeskich zapisana.

1642 г.

Изъ книги за 1642—1645 годы, стр. 5—6.

113. Протестація урядника Иларіона Чижа противъ Брестскаго гродскаго писаря Сигизмунда Онихимовскаго по поводу дѣлаемыхъ имъ притѣсненій заарендованнымъ имъ крестьянамъ.

Слуга Иларіона Чижа Соколовскій, по случаю отсутствія своего господина заявляетъ, что Брестскій писарь Онихимовскій очень жестоко обращается съ крестьянами въ заарендованномъ имъ имѣніи, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ уже разбѣжались, а другіе готовы разбѣгаться.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die 25 mensis Januarii, anno Domini 1642.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie pan Marcin Sokołowski—urzędnik iego mości pana Hilarego Czyża, Patrzykowski, imieniem iego mości pana swego, protestatią na pismie ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzeskich podał, pisaną w te słowa:

Ja Marcin Sokołowski—sługa, urzędnik iego mści pana Hilarego Czyża—czesznika Lidzkiego, iako pod niebytność pana mego w tym woiewódzstwie Brzeskim, imieniem iego mści opowiadam się w. m. iako urzędowi, o tem, iż co iego mość pan Zygmunt Onichimowski—pisarz grodzki Brzeski zastawił poddanych swoich we wsi Maziczach, w Brzeskim woiewodztwie leżącey, ośmu z żonami, z dzieémi y powinnością wszelaką, nic sobie wolnego nie zostawiwszy w tych poddanych, iako to prawo na tę zastawę dostatecznie o tym w sobie opiewa. Niżli iego mość pan pisarz, nie pamiętaiąc nic na ten zapis swóy y obowiązki wszelakie,

w nim opisane, różne krzywdy tym poddanym, grabieże, pędzenie na podwody czyni y czynić nie przestaie. Zaczym poddany ieden, na imie Lewon, niemogąc na sobie takich ciężarów, od iego mści pana pisarza wkładanych, wytrzymać, tedy z żoną, z dziećmi, z bydłem y z sprzętem wszelakim w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym wtórym, miesiąca Januarii iedenastego dnia, precz zbiegł y nie wiedzieć gdzie się obrócił. Insi poddani powiedzieli to, iż ieśli będziemy takie bezprawie od pana swego dziedzicznego ponosić, tedy y nam wszystkim przydzie się rozeyść. Przeto obawiaiąc się ia, aby za taką przeszkodą iego mści pana pisarzową y inszy się nie rozeszli, do dalszey protestacyi iego mści pana mego, iż o tę przeszkodę y o zaręki czynić z iego mścią panem pisarzem nie zaniecha, a na tenczas ia zanoszę tę protestacyą moią, która żeby przyięta y zapisana była, proszę. U tey protestacyi podpis ręki tymi słowy: Marcin Sokołowski — urzędnik iego mści pana Czyża Patrzykowski ręką swą. Która to takowa protestacya przez osobę zwysz mianowaną podana y do xiąg mieskich Brzeskich prawa magdeburskiego iest zapisana.

1642 г.

Изъ книги за 1637—1642 г., стр. 985—987.

114. Опредѣленіе короля по дѣлу цеховъ сапожниковъ католическаго и уніатскаго вѣроисповѣданія.

Вслѣдствіе жалобъ римско-католиковъ и уніатовъ на дизунитовъ, что эти послѣдніе не хотятъ исполнять цеховыхъ повинностей костелу и уніатской церкви св. Николая, король, по выслушаніи обоюдныхъ заявленій той и другой стороны, постановилъ: предоставить дизунитамъ свободу только въ богослуженіи и пользованіи ремеслами, во всемъ же остальномъ обязать ихъ нести одинаковыя повинности съ римско-католиками и уніатами какъ по отношенію къ костелу такъ и уніатской церкви св. Николая.

Władysław IV, złaski Bożey król polski etc. Oznaymuiemy ninieyszym listem naszym wszem wobec y komu o tym wiedzieć należy, isz zapozwani byli do nas y sądu naszego pozwem mandatem naszym starszy y młodszy cechu szewieckiego y garbarskiego Brzeskiego religii greckiey, w uniey świętey nie będący, na instantią wielebnych kościoła farskiego Brzeskiego y religii greckiey kapituły Brzeskiey w uniey świętey będącey, przełożonych o to, iż oni ku iawney zniewadze wiary świętey katolickiey rzymskiey y ku sprzeciwieństwu przywileiowi od świętey pamięci króla iego mości pana oyca naszego nadanemu, za którym y oni pozwani swobod, wolności, porządków y pożytków niemałych zażywaią, służby Bożey na mieyscach wprzywileiach opisanych odprawować nie chcą do kościoła farskiego na żałosnę msze nie chodzą, ani wosku do niego y do cerkwie soborney uniatskiey nieoddaią, dochody brackie nie wiedzieć gdzie podziewaią, mistrzów

wiary świętey katolickiey rzymskiey, w uniey świętey będących, do starszeństwa, wolności cechowych y do dochodów brackich nie przypuszczaią y owszem onych różnemi czasy y sposobami aggrawuią, a na ostatek conditiom y obowiązkom w przywileiu opisanym niedosyć czynią, iako o tym pomieniony pozew, mandat nasz, szerszey w sobie opiewa. Na roku tedy dzisieyszym z pomienionego pozwu mandatu naszego przypadaiącym y dotąd się kończącym, gdy strony pomienione powodowa przez szlachetnego Stanisława Skurczyńskiego, a pozwana przez szlachetnego Woyciecha Hudzińskiego, umocowanych swoich, w sądzie naszym stawszy y tego terminu pilnowały, umocowany powodowey strony skargę swą przeciwko pozwanym z pomienionego pozwu mandatn naszego przekładał; y ponieważ pozwani za przywileiem naszym pomienionemu cechowi szewskiemu, garbarskiemu indifferenter nadanym, zarówno praw, wolności y pożytków z rzemiosła swego zażywaią, aby też zarówno z actorami powinności do kościoła farskiego Brzeskiego, lubo do cerkwie świętego Mikoły, w uniey świętey będącey, odprawowali y starszych do cechów pomienionych, absque discrimine unitów, podług przywileiu im odnas nadanego obierali, affectował. Przeciwnym zaś sposobem umocowany pozwaney strony, ysz oni żadney controwersii pomienionemu przywileiowi naszemu nie czynią, albowiem według uchwał seymowych onym religiiey y nabożeństwa swego pilnować nie zabroniono iest, inferował. My król przez pany rady y urzędniki nasze, na sądy nadworne assesorskie od nas wysadzone, controwersiey stron pomienionych wysłuchawszy y one dobrze zrozumiawszy: naprzód, co się tknie pełnienia powinności, mianowicie podawania wosków, podług przywileiu naszego, szewcom y garbarzom religii rzymskiey de data roku tysiąc sześćset czterdziestego, miesiąca Maia 16 dnia nadanego, które in debito robore zostawuiemy, a przywiley dyzunitom służący, vigore praesentium (oprócz nabożeństwa ich zwyczaynego) znosiemy y anihiluiemy, tedy te woski, pozwani disunici do cerkwie uniackiey, a katoliki do fary oddawać maią. A gdy się trafi, iż kto lubo z katolików, lubo też unitów braci pomienionych rzemiosł zemrze, tedy na takowego każdego pogrzebie y na quartalnych załomszach pomienieni pozwani bywać y ciała katolickie, tak do kościoła, iak też do cerkwie uniackiey spólnie prowadzić powinni będą. Wzaiem też katolicy y unici ciała zmarłych disunitów do cerkwie tylko zaprowadzić maią. Do tego strony electiey starszych w pomienionych cechach, tedy na takowe starszeństwo połowica braci religiey katolickiey, a druga połowica religii greckiey, tak z unitów, iako disunitów, absque ullo discrimine et differentia, obierani bydź powinni. Jednak authoritas albo powaga zwierzchności y starszeństwa w pomienionym cechu rzemiosła szewiedzkiego y garbarskiego przy braci religiey katolickiey, a nie przy braci religiey greckiey zostawać ma, y żadnego zgromadzenia albo z chadzki bracia cechowi religii greckiey bez bytności braci religiey katolickiey odprawować niepowinni, ato pod winami które w niedosyć uczynione mu dekretowi naszemu, na stronie przeciwney z wynalazku sądu naszego extendowane będą. A co się dotycze nieoddawania za przeszłe czasy wosków do cerkwie uniackiey przez pozwaną stronę, tedy od tego wolnemi ich uczyniwszy, na dalszy czas aby takowy wosk zawsze oddawali, waruiemy. Do budy y kramu

cechowego szewskiego y garbarskiego, których dotąd sami dizunici zażywali y dochody z nich przychodzące na swóy pożytek obracali, katolików y unitów przypuszczamy, tak aby onych spólnie z sobą zażywaiąc, spólnie też ciężary kościelne, cerkiewne, mieyskie y cechowe ponosili, zgodę y pokoy między sobę zachowali; nakazuiąc przytym, aby pomienione strony, według teraznieyszego dekretu naszego y podług przywileiu szewcom y garbarzom Brzeskim katolikom nadanego, się sprawowali y rządzili, na schadzkach cechowych y innych zgromadzeniach publice y privatim sobie nie przymawiali. Dekretowi temu naszemu w namnieyszey części sprzeciwiać się nie ważyli, zgodę y pokoy między sobą zachowali, pod winą tysiącę kop litewskich, którey połowica na kościoł farski, a połowicę na potrzeby cechowe zakładamy, mocą ninieyszego dekretu naszego. Na co dla lepszey wiary pieczęć nasza wielkiego xięstwa Litewskiego iest przyciśniona. Dan w Warszawie, w piątek w wigilią panny Maryi Gromniczney, roku Pańskiego tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego, panowania królestw naszych polskiego dziewiątego, a szwedzkiego dziesiątego roku.

1642 г.

Изъ книги за 1642—1645 г., стр. 27—29.

115. Протестъ Брестскаго протопопа Петра Рогозницкаго противъ всѣхъ прихожанъ Пятницкой церкви по поводу отступленія ихъ отъ своего прихода.

Брестскій протопопъ Рогозницкій отъ имени Владимірско-Брестскаго епископа Мокосея Буковецкаго протестуетъ противъ старосты Брестской церкви св. Пятницы и прихожанъ въ томъ, что они самовольно отклонились отъ своего прихода и перешли въ другой, подвѣдомственной другому епископу, переставши нести въ тоже время по отношеніи къ своей прежней церкви всѣ повинности.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die 15 mensis Martii, anno Domini 1642.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, stanowszy oblicznie wielebny oyciec Piotr Rogoznicki — protopopa Brzeski, podał protestacyą na pismie ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich, pisaną w te słowa:

Sławetni panowie burmistrze y rayce miasta króla iego mości Brzeskiego! Ja Piotr Rogoznicki—protopopa Brzeski, sam od siebie y imieniem iaśnie przewielebnego iego mści oyca Józefa Mokosieia Bukowieckiego—episkopa Włodzimirskiego y Brzeskiego, z wielkim żalem moim opowiadam y protestuię się w. m. iako urzędowi, na p. Siemiona Borsuka — mieszczanina Brzeskiego, starostę bywszego cerkwi świętey Piatnicy, y wszytkich parafian do tey cerkwi przynależących, o to, iż on pan Siemion Borsuk ieszcze w roku 1636, miesiąca Augusta 29 dnia, miał sprawę ze mną u sądu wasz mści

magdeburskiego o odstąpienie od cerkwi y parafii, także o branie czynszów z poddanych do teyże cerkwi należących, y nie wiedzieć gdzie obrócenie tych pieniędzy, o niedosyć czynienie powinności, to iest, o niepokrycie cerkwi, nieogrodzenie cmentarza, niedawanie świec, nieopieranie chust białych cerkiewnych, o nienaprawowanie dzwonów y obranie od mieysca ludzi umarłych, co na cmentarzu chowaią y o różne krzywdy, tak cerkwi Bożey, iako y mnie samemu udziałane. Gdzie sąd w. m. magdebursky z oczewistey controwersicy względem submissiey iego y przy tey cerkwi świętey Piatnicy sam y z parafiany miał mocno stać y nigdzie się indziey nie udawać, cerkiew Bożą nie tylko z czynszów, ale y z swoich osobliwych składek naprawować, świecie y wszytkie apparaty należące dawać mieli, na onczas od żałoby moiey uwolniwszy y żadnych win nie wskazawszy, aby podług submissiey swey to, co cerkwie Bożey należało, z wiadomością moią według dekretu y uznania w. mść urzędowego we wszytkim dosyć czynić y szkody mnie nagradzać nakazał. Na którym dekrecie rozumieiąc ia, iż on pan Siemion Borsuk z parafiany będzie też dosyć czynił, tedy z obudwu stron przestaliśmy na tym dekrecie; lecz on pan Siemion, przepomniawszy boiaźni Bożey, powinności y submissiey swoiey, podług dekretu nakazanęgo, nie tylko od daty onego za niedziel dwie, iako w tymże dekrecie opisuie, ale y do tego czasu za częstokrotnym upominaniem moim przez różne ludzie w żadnym punkcie y paragrafie ni w czym dosyć nie uczynił y czynić nie chce, y owszem sam ze wszytkimi parafiany udawszy się do inszey nienależney cerkwi, tę świętą cerkiew Piatnicy opuścił, spustoszył y w niwecz obrócił, bo nie tylko coby miał przywłaszczyć, ale ieszcze dom cerkiewny nazwany Sołtanichy, który odkazała żona Waśkowa na imie Mełacha Szołkowica, z gruntem, ze wszytkim budowaniem, żydowi Samelewi Hoszkowiczu za złotych czterdzieści legowany, wiecznością przedał, zawiódł y od tey cerkwi Bożey oddalił y pieniądze wszytkie za ten dom wzięte nie wiedzieć gdzie podział. A naostatek mnie y nikomu liczby nie uczyniwszy w niewiadomości moiey to starostwo cerkiewne y rząd swóy, iakom wziął teraz niedawnemi czasy wiadomość komu inszemu, a mianowicie p. Jaroszowi Korniłowiczu zdał z siebie ku wielkiey krzywdzie, żalu y szkodzie moiey, a ku zniszczeniu chwały Bożey. O co wszytko, iako się wyżey pomieniło, chcąc z nim p. Siemionem Borsukiem y wszytkimi parafiany prawnie czynić, tę protestatią moią zanoszę y proszę, aby do xiąg w. m. przyięta y zapisana była.

U tey protestacyi podpis ręki tymi słowy: Piotr Rogoznicki — protopopa Brzeski, własną ręką. Która to takowa protestacya oczewiście u sądu podana y do xiąg mieyskich Brzeskich iest zapisana.

1641 г.

Изъ книги за 1642—1645 г. стр. 103.

116. Жалоба Брестской мѣщанки Александры Стативчины на мужа своего Стефана Стативку о растратѣ имущества.

Брестская мѣщанка Александра Степановна жалуется на своего мужа, что онъ пропилъ все ея приданое, да еще угрожаетъ ей искалѣченіемъ; въ тоже время она проситъ судъ посовѣтовать ей — что дѣлать въ такомъ случаѣ и принять участіе въ ея судьбѣ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die decima mensis Julii, anno Domini 1642.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie utściwa pani Janowa Disputowa, imieniem pani Alexandry Jerofeiewny Stephanowey Staciwczyney, tę protestacyą na pismie ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzesckich podała, pisaną w te słowa:

Móy łaskawy panie urzędzie burmistrzowsky Brzescky! Ja Alexandra Jerofeiewna zanoszę do wmść protestacyię tę, iż na tak wiele wniesienia mego, com wniosła za swego męża Stephana Staciwkę, potracił to, to iest: tkankę perłową, kosztowała trzydzieści złotych, pas ieden pozłocisty—dziesięć kop litewskich, drugi pas mały śrebrny niepozłocisty—sześć kop litewskich, pierścionków dwa, po dwu czerwonych w każdym—czterdzieści złotych gotowizny wziął; to nie wiem, gdzie podziewał, potracił, popił, żadney rzeczy nie przepuści, cokolwiek porwie—przepiie, kształtki, fartuszki, moździerz, nawet prześcieradłow nie przepuścił, porwawszy zastawił, nie wiem co mam czynić, comkolwiek miała, tom z nim niebacznym utraciła, a ieszcze co większa, mówi mi to często: okaleczywszy cię póydę sam precz. Zatym proszę wm., aby ta protestacya do xiąg była wniesiona. Która to takowa protestacya iest do xiąg miesckich Brzesckich zapisana.

1642 г.

Изъ книги за 1642—1645 г., стр. 113—114.

117. Опредѣленіе Брестскаго магистрата о принятіи въ цырюльничій цехъ Павла Ельса.

Цеховой Павелъ Ельсъ внесъ въ магистратскій судъ жалобу на цехъ цырюльниковъ, что этотъ послѣдній не утвердилъ его въ званіи брата, не смотря на то, что онъ внесъ слѣдуемыя

деньги и заявилъ, что женится на дочери мастера. Магистратъ постановилъ: зачислить его въ цехъ въ присутствіи двухъ урядниковъ отъ магистрата.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die 23 mensis Julii, anno Domini 1642.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim, w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym mieyscu sądowym, żałował pan Paweł Jels, cerulik Brzeski, na bracią cechu cerulickiego, mianowicie na panów Foltina Ryzlera, Andrzeia Czemiernickiego, Jana Szpakowskiego y Stanisława Jasickiego, iż oni, nie sprawuiąc się według praw, cechowi cerulickiemu od iego k. mści, pana naszego miłościwego, nadanych, gdy do cechu cerulickiego wstąpić chciał y złotych dziewięć wstępnego do skrzynki brackiey cechowey, iako ten, który poiąwszy w stan święty małżeński córkę mistrzowską cerulicką, dawał; niżli bracia cerulicka, nie wiedzieć z iakich przyczyn, do cechu przyiąć nie chcieli y złotych dziewięciu nie przyięli. A pozwani dway cerulików starszych, pan Foltin Ryzler y pan Andrzey Czemiernicki, będąc oblicznie u sądu, nie sprawuiąc się na pozew wydany, ani na żałobę repliki nie daiąc, submittowali się Pawła Jelsa przyiąć do cechu. Przeto my urząd, podług submissyi p. Foltina Ryzlera y p. Andrzeia Czemiernickiego, cerulików Brzeskich, na urzędzie stałey, nakazuiemy cechowi cerulickiemu, aby pan Paweł Jels do cechu był przyięty y porządnie w xięgi cechowe wpisany w niedzielę przyszłą, przez żadney prolongatii, do którey sprawy cechowey dwóch panów radziec, Łukasza Pomarzańskiego y Jarosza Sorokę, zsyłamy do cechu. Jakoż we wszytkim podług przywileiu i. k. mści, pana naszego miłościwego, o takim ceruliku, który córkę mistrzowską poymuie, maią się zachować. A iż młodszey bracii pana Jana Szpakowskiego y pana Stanisława Jasickiego nie było u sądu przy tey sprawie, tedy pan Andrzey Czemiernicki y pan Foltin sami za siebie y za drugą bracią w zastępie stanęli y powtórnie przyiąć do cechu Pawła Jelsa submittowali się. Co iest do xiąg mieskich radzieckich Brzeskich zpisano.

1642 г.

Изъ книги за 1642—1643 г. стр. 147—143.

118. Жалоба Брестскаго мѣщанина Симона Сапальскаго на Гануша Стоквиша, аріанина о перэхватѣ имъ секретныхъ писемъ и о вскрытіи оныхъ.

Помянутый мѣщанинъ—золотыхъ дѣлъ мастеръ, внося въ судъ жалобу на аріанина въ распечатаніи его писемъ, предполагаетъ, что фактъ этотъ совершенъ преступникомъ или вслѣдствіе его ереси, или же вслѣдствіе желанія знать не пишуть ли чего-либо о еретикахъ христіане, а если пишутъ, то что именно.

Die 23 mensis Septembris anno Domini 1642.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości

Brzeskim, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie uczciwy pan Szymon Sapalski—złotnik Brzeski, podał protestacyą swą na piśmie ku zapisaniu do xiąg mieskich Brzeskich, pisaną w te słowa:

Mnie wielce łaskawy panie urzędzie burmistrzowski Brzeski! Ja Szymon Sapalski—obywatel wmść soleniter a prawie z wielkim żalem moim opowiadam się y protestuię przed wmść, iako urzędem, na Hanusa Stokwisza—ariana y złotnika, także obywatela wm., a to w ten sposób, iż on w roku teraznieyszym tysiąc sześćset czterdziestym wtórym miesiąca Septembra ośmnastego dnia, nic się nie oglądaiąc na surowość y srogość prawa pospolitego y winy w nim opisane, a mianowicie na takowych, którzy by cudze kursory przeymowali y listy od nich sekretne odeymowali, a odiąwszy pieczęci oddzierali y one czytali y komu ynszemu divulgowali. Tudzież też zapomniawszy boiaźni Bożey, za którą nic niedbaiąc, iako heretyk, któremu to nie nowina snać zdawna czynić, iako nieprzyiacielowi wiary świętey katolickiey y wszystkim w niey wiernym będącym; także zapomniawszy miłości bliźniego swego śmiał y ważył się, nie wiedzieć iakim duchem będąc nadchniony y nie wiedzieć dla iakiey przyczyny, kursora mego, który z listami pilnemi y sekretnymi szedł od żony moiey posłany, szedł z Lublina, także z rzeczami potrzebnemi y różnemi, a gdy do Brześcia przyszedł onego przeiąć y te wszystkie rzeczy, iako y listy do mnie należące, gwałtownie odebrać, iakoż y odebrał, a nie kontentuiąc się tym y nic nie pamiętaiąc na poczciwość swoię y rzemiosło, ani sędziwość swoią, ale na większy móy contempt y praeiudicium, one odpieczętowawszy, sam czytał y różnym czytać dawał, a nawet y w cechu swoim złotniczym one publice przy braci wszytkiey czytał, o których dowiedziawszy się pan Szymon Sapalski, one zarazem w cechu aresztował, aż do rozprawy o takowe rzeczy z Hanuszem złotnikiem, które to listy byli od różnych osob y przyiaciół moich y w rozmaitych y sekretnych rzeczach pisane, naybarziey ieden, którego wszędzie dywulgował, co czynił na przeciwko prawa pospolitego, które barzo srogo o karaniu takowych pisze, albo też snadź dla tego, aby się z tych listów dowiedział, iako nieprzyiaciel kościoła Bożego y wiary świętey katolickiey, ieżeli by katolicy ieden do drugiego nie pisał strony wiary onych heretickiey, aby onych między sobą nie przechowywali, z nimi nie conversowali, ani do żadnego urzędu nie przypuszczali y do cechu nie przyimowali. A tak ia przychilaiąc się do prawa pospolitego y extendowania win takowych, takową moią protestatią do xiąg wmść zanoszę, która proszę, aby była przyięta. U tey protestacyi podpis ręki tymi słowy: Szymon Sapalski, ręką swą. Która to takowa protestacya za podaniem osoby zwysz mianowaney do xiąg mieskich Brzeskich iest zapisana.

1642 г.

Изъ книги за 1642—1645 г., стр. 157—162.

119. Жалоба дворянъ Брестскаго воеводства на Фридриха Сапѣгу и другихъ его сподручниковъ.

Брестскіе дворяне протестуютъ противъ Городненскаго старосты Фридриха Сапѣгу, по слѣдующему случаю: когда отказался отъ своей должности земскій судья Кохлевскій и приступлено было къ избранію новаго кандидата; то между другими лицами избранъ былъ незначительнымъ меньшинствомъ и Сапѣга. Не смотря на то, что большинство избрало въ судьи Заранка, Сапѣга со своей партіей помѣшалъ ему произнести присягу съ явной цѣлію замедлить отсутствіе суда, которое длится уже седьмой срокъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die 13 mensis Octobris, anno Domini 1642.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczyńskim, Tomaszem Jędrzeiewskim—burmistrzami, Łukaszem Pomarzańskim, Stefanem Rapowiczem, Bazylim, Jaroszem Marcinowiczami Soroczycami, Foltynem Ryzlerem—raycami miasta Brzeskiego, na zwykłym mieyscu sądowym stanąwszy oblicznie iego mść pan Paweł Zaranek Horbowski—stolnik Brzeski, iego mość pan Jan Paral y pan Ławrenty Worotyniecki, imieniem swym y imieniem ich mościów panów urzędników ziemskich y wszystkiego rycerstwa szlachty obywatelów województwa Brzeskiego, tę protestacyą na pismie, za nieprzyięciem w grodzie Brzeskim, do urzędu mieyskiego Brzeskiego prawa magdeburskiego podali, pisaną w te słowa:

Wielmożny, miłościwy panie podczaszy wielkiego xięztwa Litewskiego, starosto Brzeski! My urzędnicy ziemscy, rycerstwo, szlachta, obywatele województwa Brzeskiego, którzyśmy się zjechali do Brześcia na roki Michałowskie w tym roku tysiąc sześćset czterdziestym wtórym przypadłe, a którzyśmy tu niżey rękoma naszemi podpisali, żałośnie opowiadamy wm., naszemu miłościwemu panu, iako urzędowi, na wielmożnego iego mci pana Frydrycha Sapiehę, Grodzieńskiego y Ostryńskiego starostę, iako samego pryncypała rzeczy niżey wyrażoney, a na iego mść pana Jakóba Kuncewicza—chorążego Lidzkiego, starostę Koniawskiego y Dubickiego, także naszego mości pana Jana Tryznę—stolnika Wołkowiskiego, iako na pomocników, do tego umyślnie przez iego mści pana starostę Grodzieńskiego przysposobionych y z niemałą gromadą, na opressią naszą szlachecką zaciągnionych, o to, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym wtórym, miesiąca Octobra wtórego dnia, na dniu trzecim, wołania roków teraźnieyszych Michałowskich, za nieprzybyciem iego mść pana Piotra Kochlewskiego—sędziego ziemskiego Brzeskiego, dla choroby, do sądzenia roków, gdyśmy urzędnicy y my szlachta, obywatele województwa Brzeskiego, zszedszy się do dworu iey mści paniey Naruszewiczowey—leśniczyney Niemonoyskiey, a w izbie na sądy ziemskie zaiętey y ustąpioney, gdy

iego mość pan sędzia o nieprzybyciu swoim y o chorobie oznaymił, zachowuiąc się według nauki, w prawie opisaney, maiąc ubliżenie w niesądzeniu iuż to siódmych roków, na mieysce iego mości pana sędziego subdelegata obierali y iego mości, pana starostę Grodzieńskiego także iego mości pana chorążego Lidzkiego y iego mości pana stolnika Wołkowickiego, lubo ich mość obadwa w tuteyszym woiewództwie osiadłości swoich nie maią, głosem wolnym na podanie subdelegata postanowili; ich mość widząc, że się według prawa dzieie, nic temu niecontradikuiąc, z miesc swoich iego mości pana Mikołaia Tabeńskiego — podstolego y podstarościego Brzeskiego, a drudzy iego mości pana Alexandra Szuyskiego — woyskiego Brzeskiego podawali, y aby się który ich mść tego podiął, wszyscy zgodnie prosiliśmy; lecz gdy się ich mść obadwa podiąć nie chcieli y wymówili się, my urzędnicy y my szlachta, obywatele woiewództwa Brzeskiego, zabiegaiąc dalszemu przedłużeniu sprawiedliwości świętey, ponieważ to nam dało w ręce prawo pospolite, tedyśmy zgodnie wszyscy obrali y uprosili, że się tey posługi przystoyney braci podiął iego mość pan Andrzey Zaranek Horbowski — komornik woiewództwa Brzeskiego; po którym obraniu, gdy pomieniony iego mość pan Zaranek przysięgę wykonać chciał, tamże iego mość pan starosta Grodzieński, iego mość pan chorąży Lidzki y iego mość pan stolnik Wołkowiski, w nadzieie potęgi swey, którey mieli barzo siła, to iest, wielu ich mość panów przyiaciół swoich, także sług, czeladzi, kozaków, haydukow, gromadę wielką sobie znaiomych, imiona y nazwiska wiadomych, krom dania żadney przyczyny naymnieyszey, tylko umyślnie gwałcąc zwierzchność króla iego mości, pokóy y prawo pospolite, a usiłuiąc aby roki sądzone nie byli, tłumiąc świętą sprawiedliwość, wyraźnie prawem pospolitem obwarowaną, uczynili tumult y hałas w izbie sądowey, iego mość pana Zaranka łaiąc słowy uszczypliwemi, porywaiąc się do niego bić y na sługi swoie wołaiąc, aby bili, a iego mość pan stolnik Wołkowiski, nie maiąc tu żadney na rokach sprawy y w tym woiewództwie osiadłości, tylko gwoli iego mości panu staroście Grodzieńskiemu, sam osobą swoią porwawszy za rękę iego mości pana Andrzeia Zaranka, nie dopuszczaiąc do przysięgi, tarmosił y odepchnął, a słudzy ich mść także hałas y tumult w izbie sądowey y około izby czyniąc, kilka ich szabel dobyli, okna w izbie gwałtownie potłukli y chcąc nas urzędników y nas szlachtę siec, bić y zabijać y aby natenczas nie byli przytomnemi wielmożny iego mość pan Paweł Sapieha — obozny wielkiego xięstwa Litewskiego, iego mość pan Kazimierz Tyszkiewicz — podkomorzy Brzeski y inych nie mało, a w tym y sam w. m. nasz miłościwy pan ku temu domowi sądowemu przyszedłszy, tego tumultu nie hamowali y nie uspokoili, pewnieby iego mści pana Zaranka przysięgę wykonywaiącego zabili, a przy nim y nas wszystkich o niebespeczność zdrowia przyprawili. A że to iego mość pan starosta Grodzieński uczynił umyślnie, gwałcąc prawo, lekceważąc zwierzchność króla iego mości, pana naszego miłościwego, na opressią nas wszystkich urzędników y obywatelów woiewództwa Brzeskiego przysposobiwszy sobie na pomoc nie mało ich mść panów przyiaciół, tu w tym woiewództwie Brzeskim osiadłości y żadnych spraw nie maiących, tedy z iego mością panem starostą Grodzieńskim, iako z samym pryncypałem, gwałtownikiem prawa, wzruszycielem pokoiu,

tumult podczas roków w izbie sądowey czyniącym, a z iego mcią panem chorążym Lidzkim y iego mość panem stolnikiem Wołkowiskim y s każdym, ktoby się do takowych gwałtowników prawa łączył, iako z pomocnikami, chcąc u sądu należnego prawem czynić, prosimy, aby ta nasza protestatia przyięta y do xiąg grodzkich Brzeskich zapisana była.

U tey protestacii podpis rąk tymi słowy: Teodor Stanisław Bukraba—podsędek Brzeski, ręką swą; Piotr Pociey — pisarz ziemski; Paweł Zaranek Horbowski—stolnik Brzeski m.·p.; Samuel Hornowski; Jan z Horbowa Zaranek; Jerzy Uszak Kulikowski; Jan Kos, ręką swą; Stanisław Hornowski, ręką swą; Marcin-Kazimierz Łysczyński, ręką własną; Jarosz Głuchowski, ręką swą; Krzysztoph Krupicki, ręką swą; Bazyley Starowolski, m. p.; Michał Pociey m. p.; Krzysztoph Barzikowski mp.; Woyciech Rakowicki; Jan Kamiński; Mikołay Kościa, ręką swą; Samuel Hornowski, ręką swą; Ławrenty Worotynicki, ręką; Heronim Zaranek Horbowski mp.; Paweł Haiko; Jerzy Zamoyski mp.; Kasper Hornowski mp.; Jan Kamieniecki, ręką swą; Jan Kazimierz Zalewski; Kaliksty Hornowski; Jan Pawłowski; Albrycht Grek, ręką swą; Andrzey Makowski, ręką swą; Kasper Sielecki, ręką swą; Samuel Horbowski z Horbowa, ręką swą; Daniel Horbowski, ręką swą; Krzysztoph Turowski, ręką swą; Mikołay Grek, ręką swą własną; Hektor Niepokoyczycki, ręką swą własną; Stephan Tur, ręką swą; Zygmont Młożewski; Andrzey Kościa, ręką; Lambert Grot, ręką swą; Fiedor Kościa; Woyciech Zadernowski; Woyciech Raczko; Jerzy Sawicki mp.; Stanisław Zdzitowiecki; Jerzy Wołkowicki, ręką; Jan Parul mp.; Wereszczaka Konstanty; Szczęsny Jerzy Wyszyński; Iwan Przyłucki; Krzysztoph Niepokoyczycki ręką swą; Krzysztoph Sawicki; Alexander Wiszniakowski, ręką swą; Stanisław Czechowski; Adam Burba, ręką swą; Jerzy Możeyko, ręką swą; Daniel Olechnowicz, ręką swą; Kazimierz Zutowicz, ręką swą; Samuel Gotowt, własną ręką; Marcin Gotowt, ręką swą; Jan Rywocki; Stephan Telatycki; Kazimierz Zamoyski; Roman Zahorski—ieneral i. k. mości; Bogusław Iwicki. Która to takowa protestacya oczewiście u sądu przez osób, obywatelów ichmców woiewództwa Brzeskiego, osób zwysz mianowanych podana y do xiąg mieysckich Brzeskich wpisana, y extractem stronie potrzebuiącey wydana.

1642 г.

Изъ книги за 1642—1645 годы, стр. 174—177.

120. Протестъ Брестскаго мѣщанина Гануса Митнахта противу протеста Симона Сапальскаго.

Ганусъ Митнахтъ, Брестскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, протестуетъ противъ жалобы на него Сапальскаго, будто онъ Ганусъ вскрылъ и читалъ письма, адрессованныя на имя Сапальскаго, и объясняетъ это дѣло такъ: однажды пришелъ къ нему неизвѣстный крестьянинъ изъ Словатичъ и передалъ ему два письма, изъ коихъ одно было распечатано. По прочтеніи этихъ

писемъ оказалось, что они были писаны не къ нему, а къ Сапальскому; но такъ какъ въ нихъ находились нѣкоторыя угрозы Сапальскому, могшія компрометировать цехъ, то онъ Ганусъ и передалъ ихъ ландвойту для свѣденія.

Die 24 mensis Novembris, anno Domini 1642.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie utściwy pan Hanus Mitnacht—mieszczanin Brzescky, podał reprotestatią swą na pismie ku zapisaniu do xiąg mieysckich Brzesckich, pisaną w te słowa:

Móy łaskawy panie urzędzie burmistrzowski Brzescky! Za wzięciem wiadomości z xiąg w. mć urzędowych o niesłuszney, zmyśloney y potwarney protestacyi przez nieiakiegoś Szymona Sapalskiego, świeżo tu do Brześcia przybyłego y przywendrowałego człowieka, na mnie Hanusa Mitnachta—złotnika Brzesckiego, w niewinności mey uczynioney, yż pomieniony Sapalsky, przepomniawszy boiaźni Bożey y nie maiąc wstydu w oczach swoich, śmiał y ważył się w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym wtórym, msca Septembra dwudziestego trzeciego dnia, na mnie człowieka spokoynego y przystoynie tu przez długi czas mieszkaiącego, o czym dobrze zacnym panom y tuteyszym obywatelom o potściwych postępkach moich iest wiadomo; ten tedy przybyły, nie wiedzieć zkąd, człowiek, nieosiadły, na potściwą sławę moią targnąwszy się z potwarnym swym procesikiem, iakobym ia w roku teraźnieyszym y miesiącu pomienionym ośmnastego Septembris, kursora iego z listami, od iego żony z Lublina idącego, tu w Brześciu przeiąć y te listy odpieczętować y rzeczy iakieś rożne gwałtownie od tego kursora odbierać y też listy rożnym osobom iakobym miał dawać czytać, iako to po dostatku ta protestacya iego potwarna y zmyślona w sobie opisuie. Takową tedy przeciwko tey potwarney y niesłuszney protestacii iego daię sprawę, iż pomienionego dnia ośmnastego Septembris, gdym ia iako człowiek z własnych rąk pracy mey czyniąc o sobie przystoyne staranię, zabiegaiąc potściwie pracowitego dnia na warstacie swym złotniczym na robocie siedział, tedy tegoż dnia chłop z Sławatycz przyszedł do mnie, którego żona moia gdy spytała, zkądby był—powiedział, że żyda Sławatickiego przywiózł tu do Brześcia, a tu pani woytowa Sławaticka te listy do was y potrzeby te złotnickie kazała oddać. A gdy dobył z zanadrza dwóch listów, tedy między nimi ieden odpieczętowany. Zaczym żona moia gdy pytała, czemuby był odpieczętowany, powiedział, że iakoś zanadrzem sam się odpieczętował. A gdy żona, widząc list odpieczętowany, załaiawszy tego chłopa, gdy poczęła list czytać od nieiakiegoś Balcera Bielewicza do niego Sapalskiego pisany, yż nieprzystoynie w tym liście zaleca go iako się to czasu prawa pokaże. Zaczym, iż rzemiosło potściwe nie potrzebuie takowego zalecenia, ale potściwszego, zabiegaiąc temu, aby ten Sapalsky nie zniosszy u siebie tego między nami potściwemi y niepodeyrzanemi w cechu naszym nie przebywał, zaraz ten list y drugi zapieczętowany z potrzebami do pana cechmistrza y lantwoyta Brzeskiego dla przestrogi, żebym sam napotym nie był winny, odniosłem, oddałem y na urząd położyłem. O czym gdy pan lant-

woyt dał mu wiedzieć, tedy on Sapalsky widząc z tego listu, iż bardzo do niego surowo ten Bielewicz pisze, obiecuiąc go nie bardzo w piękną sukienkę poubrać, ztąd wziąwszy na mnie rankor taką zmyśloną y potwarną zaniósł na mnie protestatią. A zaniosłszy protestacyą, ieszcze tegoż czasu publice na rynku odpowiedź y pochwałkę na zdrowie moie uczynił, łżąc y sromocąc y nazywaiąc mnie, człowieka osiadłego, niezwykłym iakimsi ymieniem stokwiszem. Przeto tak przeciwko tey niesłuszney y potwarney iego protestacii reprotestuię się, iako o odpowiedź y pochwałkę, iako z nieosiadłym człowiekiem, tak o posromocenie mnie prawem czynić chcąc, opowiadam się, prosząc, aby to opowiadanie moie było przyięte y do xiąg w-mść zapisane. U tey reprotestacii podpis ręki tymi słowy: Hanus Mitnacht, ręką swą. Która to takowa reprotestacya oczewiście do urzędu podana y do xiąg mieysckich Brzesckich iest zapisana.

1642 г.

Изъ книги за 1642—1615 г. стр. 177—179.

121, Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу мѣщанина Симона Сапальскаго съ Ганусомъ Митнахтомъ.

По поводу жалобы Сапальскаго на Гануса Митнахта въ распечатаніи и прочтеніи симъ послѣднимъ его писемъ, судъ постановилъ: обязать Гануса сдѣлать окно въ новой ратушѣ, извиниться предъ Сапальскимъ и заплатить 6 злотыхъ за судебныя издержки.

Actum in civitate Brestensi mag. ducatus Lithuaniae, die 27 mensis Novembris, anno Domini 1642.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, żałował Szymon Sapalsky—złotnik, przez plenipotenta swego pana Każimierza Brzeznickiego, na Hanusa Mitnachta, także złotnika Brzesckiego, o wzięcie listów z Lublina pisanych, sekretnych, od Bielewicza do pomienionego Sapalskiego y o odpieczętowanie onych, także o publikowanie y czytanie tych listów w cechu, osobliwie nieoddanie rzeczy do rzemiosła złotniczego należących, przez tegoż kursora posłanych, to iest, serwaseru nie oddał, a kresber odmienił, ku krzywdzie y szkodzie strony powodowey. A pozwany Hanus Mitnacht przez plenipotenta swego pana Zygmunta Jurkowskiego, nie wstępuiąc w controwersią paręki po Sapalskim, iako człowieku nieosiadłym, żądał; powód paręki dawać wzbraniał się, daiąc sprawę, że obadwa złotnicy osiadłości nie maią y w cudzych domach pokomornym mieszkaią. Urząd, uważaiąc, yż. tylko paręka w dziedzicznych rzeczach idzie, a yż o utściwe idzie między ludźmi nieosiadłemi, zaczym paręki dawać nie uznali; a umocowany strony powodowey zwyszmianowany też controwersie zwyszmianowane reiterował y we wszystkim według protestacii dnia 23 Septembra, w teraźnieyszym roku 1642, do urzędu burmistrzowskiego podaney, żałobę przekładał, a zatym wskazania na

więzienie na niedziel dwanaście, także płacenia winy na ratusz, strony przeproszenia y szkod nagrodzenia domawiał się. A strona pozwana, stoiąc przy obmowie swey, powiedziała, yż ta sprawa ieszcze strony odpieczętowania listów bydź nie może, aż pan Sapalsky te listy nie sekretne, ale o bardzo szpetney sławie y reputaciey iego od nieiakiegoś Balcera Bielewicza z Lublina pisane y przez poddanego Sławatickiego odpieczętowane przyniesione do Brześcia, z siebie zniesie, które listy u sądu czytane były, a yż pod pokrywką pisane, niespecifikowane o co idzie. Zaczym urząd, na stronę te listy uchiliwszy, pozwanemu odpowiadać nakazał. Pozwany odesłania do cechu tey sprawy potrzebował, daiąc sprawę, że każdy rzemieślnik, za którym listy szpetnie pisane posyłaią, przed bracią cechową wprzód sprawić się powinien. Urząd forum przed sądem burmistrzowskim sprawować się uznał. Jakoż pozwany w dalszym postępku prawnym według reprotestacii swey, dnia 24 msca Nowembra do urzędu zaniesioney, do odpieczętowania listów y do publikowania w cechu nie znał się, a zatym wolności od obżałowania żądał. My urząd w sprawie Szymona Sapalskiego z Hanusem Mitnachtem—złotnikami Brzesckimi, o odpieczętowanie listów, do Szymona Sapalskiego z Lublina pisanych, także o oddanie tych do cechu złotniczego y onych publikowanie w cechu, wysłuchawszy controwersyi obudwu stron, ponieważ strona pozwana do listów odpieczętowania nie zeznała się, nakazuiemy Mitnachtowi odprzysiąc się na tym, iako on sam y małżonka iego tych listów nie odpieczętowały, ale takie odpieczętowane od cursora wzięli, a yż się znał dobrowolnie Mitnacht, że listy do cechu odnosił y tam w cechu za iego powodem czytano ku uszczerbku sławie Sapalskiego, za to karząc, uznawamy do ratusza nowo zmurowanego za winę okno nowe zrobić y stronę przeprosić y onego Sapalskiego, yż actor należący Bielewicz na ten czas skargi nie przekładał, ani żadnych listów do urzędu y do cechu nie było, pomienionego Sapalskiego przy utsciwości zostawuiemy y onemu przykładu prawnego złotych sześć dać nakazuiemy. Jakoż Hanus Mitnacht dosyć dekretowi urzędowi za winę y stronie za wszystko uczynił. Co iest do xiąg zapisano.

1643 г.

Изъ книги за 1642—1645 г. стр. 204—206.

122. Опредѣленіе магистрата по дѣлу между священникомъ Брестской Пречистенской церкви Михаиломъ Ярошевичемъ и старостою церковнымъ Иваномъ Бѣлькевичемъ.

По жалобѣ священника Брестской Пречистенской церкви и прихожанъ на бывшаго церковнаго старосту въ растратѣ имъ церковнаго имущества, магистратъ, по выслушаніи показаній

обвиняемаго, постановилъ: 1, подвергнуть его присягѣ въ дѣйствительности израсходованной имъ части имущества на нужды церкви; 2, обязать внести плату за другую часть имущества, которая растеряна была по его упущенію.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie wielebny oyciec Michael Jaroszewicz — prezbiter cerkwi świętey Przeczystey Brzesckiey y przy nim parafianie, do teyże cerkwi przynależące, mianowicie—Artem Kunieiewicz, Prokop Jarmoszewicz — klucznik, Illasz Matfieiewicz, Iwan Oheyko, Jarmosz Iwanowicz, Stephan Kopaczewsky—mieszczanie Brzescy, żałowali na pana Iwana Bielkiewicza—raycę, iż on, będąc dozorcą cerkwi ś. Przeczystey, a nie przestrzegaiąc urzędu swego, spustoszywszy cerkiew, od niey odstąpił. Jakoż za powodem iego insze parafianie od cerkwi Bożey odstąpili y świec do cerkwi od lat sześciu nie daią, dochody do tey cerkwi należące pobrał, pasów trzy śrebrnych, korale y dzięg kop trzy, przytym pierścień na złotych dwa, pieniędzy gotowych złotych czterdzieścia wziął y liczby od lat ośmiu nie czynił. Do tego rezków dwa Łapczyńskich, na cerkiew ś. Przeczystey od nieboszczki Łapczyney legowanych, zabrawszy, nie ustępuie, ku krzywdzie cerkwi Bożey, czego dowodząc pokładali regestra rzeczy zabranych, także protestacyą na urzędzie burmistrzowskim Brzesckim uczynioną dnia 31 miesiąca Octobra, w roku 1640, a zatym domawiali się, aby te wszystkie rzeczy zabrane wrócił y szkody nagrodził. A pozwany pan Iwan Bielkiewicz — dozorca cerkiewny, sprawuiąc się, iako wiele rzeczy w dozór onemu po powietrzu w roku 1625 parafianie dali, pokładał regestr ręką własną pisany Piotra Bobrikowicza, parafianina teyże cerkwi, z którego regestru swego, także z regestrów, przez oyca Przeczyskiego okazanych, liczbę oycowi Przeczyskiemu y parafianom przed urzędem czynił, że s tych pieniędzy cerkiew poprawował y na różne potrzeby wydawał, na czym y do przysięgi brał się. A które rzeczy przy nim zostali, wrócić submitował się. My urząd, w tey sprawie wysłuchawszy controwersyi obudwu stron, przy regestrach wydatków na cerkiew wydanych, nakazuiemy panu Iwanowi Bielkowiczowi przysiądz na tym, iako sprawiedliwie szafował y nic na swoią potrzebę nie obrócił, do tego przy nim żadnych rzeczy z legaty na cerkiew danych, iako nie zostało, oprócz kubka śrebrnego, który przy przysiędze oddać nakazuiemy. A strony dzięg sześciudziesiąt cztyrech, krzyżyków dwu srebrnych, puklików dwu, koraley cztyrech, pierścienia złotego, które przy Bielkiewiczu zostali y do czego się Bielkiewicz sam znał; a yż te rzeczy poprzedał, uważaiąc szacunkiem urzędowym, za to wszystko nakazuiemy złotych dziesięć oycowi Przeczyskiemu y parafianom, także resztę od czterdziestu złotych została, złotych trzy y groszy dwadzieścia pięć, a przykładu prawnego złotych pięć, wszystkiego złotych ośmnaście przy przysiędze oddać nakazuiemy. A strony rezków dwu na cerkiew ś. Przeczystey legowanych, oycowi Przeczyskiemu y parafianom do pana Iwana Bielkiewicza wolne prawo zostawuiemy. Którą przysięgę trzeciego dnia wykonać powinien będzie. Którym dekretem oyciec Przeczyski z parafianami nie contentuiąc się, cum toto causae effectu, na rozsądek do sądu i. k. mci, pana naszego miłościwego, appelował; urząd

appelacyi dopuścił y termin obudwom stronom stanowić się, ieśli w Koronie polskiey za ośm, a ieśli w wielkim xięstwie Litewskim za niedziel cztyry założył. Die 28 Januaryi, anno Domini 1643, oyciec Przeczyskij z parafiany appelacyi odstąpił y na dekrecie urzędowym przestał. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg miesckich Brzesckich iest zapisana.

1643 г.

Изъ книги за 1642—1643 г. стр. 226—232.

123. Духовное завѣщаніе Берестейской мѣщанки Ульяны Хомичовой.

Въ этомъ документѣ мѣщанка Ульяна Хомичевая завѣщаетъ: церкви святаго Николая винокуренный котелъ и три огорода; церкви Воскресенья 10 злотыхъ и крамницу, заложенную въ 12 копахъ литов. грошей; Владимірско-Брестскому епископу домъ, выстроенный на его землѣ и 3 коровы съ телятами. Остальное имущество распредѣляетъ частію между своими родными, частію же на уплату долговъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae die 24 mensis Februarii, anno Domini 1643.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Marcinem Kaczyńskim—burmistrzem Brzeskim Wacławem Barczewskim, Iwanem Bielkiewiczem, Wasilim y Jaroszem Marcinowiczami, Foltinem Ryzlerem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie sławetni panowie Łukasz Pomarzański y Stephan Rapowicz—rayce miasta Brzeskiego, zeznali testament ostatniey woli paniey Ullany Charicowey Hrehorowey Chomiczowey — mieszczanki Brzeskiey, pod iurisdisdictią w Bodze przewielebnego iego mci oyca episkopa Włodzimierzskiego y Brzezkiego mieszkaiącey y ku zapisaniu do xiąg mieskich prawa maydeburskiego na piśmie podali, który upisuiąc słowo do słowa, tak się w sobie ma:

W imię Oyca y Syna y Ducha Świętego, amen. Ja Uliana Marmuzowna Charicicha, bywsza Stephanowa Jośkowiczowa, a po teraznieyszym małżonku pozostała Hrehorowa Chomiczowa—mieszczanka Brzeska, oznaymuię tym moim testamentem ostatniey woli mey, iż ia będąc na ciele chora, ale na rozumie y pamięci dobrze zdrowa, z dobrym rozmysłem takowe rozrządzenie po śmierci moiey mieć chcę. Naprzód duszę moię gdy z tego mizernego ciała, za powołaniem Bozskim wynidzie, w ręce miłosierdzia pana Boga wszechmogącego oddaię, a ciało ku pogrzebowi, które pochowane bydź ma w cerkwi Brzeskiey katedralney założenia ś. Mikołaia przez oyców kapituły Brzeskiey podług porządku cerkwi świętey katholickiey - uniackiey. Na pogrzeb ciała mego, także na pamięci doroczne, na odprawowanie służb Bożych y na inne ceremonie pogrzebowe y namieysce, gdzie leżeć będę, kocioł browarny leguię, który kapituła Brzeska przedawszy

pogrzeb ze wszystkim odprawić powinna będzie. Ogrodów trzy w iednym położeniu na przedmieściu miasta Brzeskiego, za Uhrynką Małą leżącé, pod przysądem prawa maydeburskiego; te trzy ogrody moie, własne kupne, wolne, żadnemi czynszami nieobciążone, na dzwon do cerkwi murowaney świętego Mikołaia zapisuię, z tym warunkiem, ieżeli by ktokolwiek z mieszczan według taxy urzędowey pieniądze odłożyć chciał, albo dzwon do cerkwi murowaney oddał,— tedy wolno będzie każdemu takowemu mieszczaninowi grunty moie, ogrody trzy pod iurisdiką mieską, na powinności mieskiey będące, wziąwszy intromissią od magistratu, trzymać wiecznie, o co nikt trudności y przeszkody w naymnieyszey rzeczy czynić niepowinien będzie wiecznie; y wolno mu będzie, ogrody trzymaiąc w posessyi swey, iak swemi własnemi disponować y ku naylepszemu pożytkowi swemu obrócić. Plewczyński ogród, na teyże ulicy leżący, ob miedzę z iedney strony gruntu Zdanowicza a z drugą stroną ogrodu Nakreykowicza, w zastawie w złotych dziesięciu, ten ogród gdy Plewka wykupi, złotych dziesięć na cerkiew świętego Woskrzesienia na ozdobę cerkiewną zapisuię a w tym czasie, póki Plewka pieniądze abo potomkowie iego oddadzą, arenda z tego ogrodu roczna przychodząca, na tęż cerkiew obracać się ma. Kramnicę w rynku od niebożczyka Stephana Jośkowicza, małżonka mego wtórego, legowaną testamentem na cerkiew świętego Woskrzesienia, którą ia będąc potrzebną pieniędzy panu Janowi Jędrzeiewskiemu w kopach dwunastu sposobem przedażnym przyznała na urzędzie burmistrzowskim, tedy tę kramnicę rachuiąc się z sumnieniem, iż to cerkwi należy, ieżeli oyciec prezbiter Woskrzesieński, abo parafianie tey cerkwi pieniądze kop dwanaście panu Jędrzeiewskiemu odłożą, tedy ten kram przy cerkwi Woskrzesieńskiey (z płaceniem czynszu do miasta) zostawić ma wiecznie. Dom ze wszystkim budynkiem, iako się w sobie ma, na gruncie w Bodze przewielebnego iego mości oyca episkopa Włodzimierskiego y Brzeskiego stoiący, ten dom z browarem y ze wszystkimi statkami do browaru należącemi, (oprócz kotła, który na pogrzeb przedać rozkazałam) iego mości oycu episkopowi Brzeskiemu, memu miłościwemu panu, po żywocie moim na wieczność zapisuię. Przy tym że domie iego mości krów dwie z cielętami należeć maią. A trzecią krowę z cielęciem ryżą, do tego sukmanów trzy y inne wszystkie suknie y wszystkie chusty białe y pościel y panewki dwie y wszystką ruchomość y statki domowe, ogułem, siestrze moiey Maryni Hawryłowey podmłodziney zapisuię. Którą ruchomość y krowę z cielęciem iego mość pan Juszkowski po śmierci moiey siestrze przez żadney trudności oddać powinien będzie. Maruszce Adamownie, siestrzance moiey, która iest w Prużaney, suknię iedną także szubkę iedną y poduszkę zapisuię której także wcale ma bydź oddano. Konia szerścią siwego do szpitala Uniackiego zapisuię, którego pan Juszkowski przedawszy pieniądze do szpitala oddać ma, przez żadney zwłoki. Żyta zasiewku żytnego na ogrodach beczka, ten zasiewek żytny, do tego świniey sześcioro oycom kapitule Brzeskiey zapisuię; sianożęci trzy pod iurisdictią iey mości paniey Dohostayskiey leżących, y dom pod iurisdiką farską, o które mnie pani Chomina pozywa, tedy tych sianożęci y domu iakom nietrzymała y teraz tę sianożęć y dom przy paniey Chominey zostawać y oney należeć maią. Strony sprawy pa-

niey Chominey zemną o wniesienie, iakoby Kopsta syna iey, męża mego Hrica Chomina do mnie, przytym o zarobek y ruchome rzeczy, których pieniądzy nie wnosił w dom móy y onych niewidziałam y żadnych rzeczy u mnie nie zostało y to pod śumnieniem przed pany raycami zeznawam y na sąd Boży odzywam się, tylko futer pięć wyrobionych, a nie dorobionych futer trzy zostało, te futra za długi niebożczykowskie urzędownie oddane bydź maią. Zosobna futer trzy u Stephana kusznierza zostały, te futra przedawszy, parobkowi dług zapłacić powinien będzie. U Perhura koń nieboszczyka małżonka iey Hrica zostawiła niezapłacony, które pieniądze odyskawszy długi nieboszczykowskie zapłacone bydź maią. A co naczynie nieboszczykowskie kusznierskie zostało, kos cztyry y kafta, te naczynie paniey Chominey wrócone ma bydź. O długach żadnych, które nieboszczyk Hric Chomicz, tak w Gdańsku, iako y w Łucku winien został, niewiem y pod sumnieniem zeznawam. Także długów żadnych ia sama nikomu niewinnam y mnie żaden nic niewinien. Złota, śrebra y pieniędzy gotowych niemam. A strony wydatku gotowych pieniędzy moich własnych za nieboszczyka małżonka mego Hrica Chomicza za różne excessa popłaconych, także o potracenie ruchomości moiey własney według regestru do urzędu burmistrzowskiego podanego, o te pieniądze y o ruchomość, ieżeli iegomość oyciec episkop kapitułą Brzeską zechcą panią Chominą pożywać, to na woli iego mości będzie. Do słuchania dekretu będąc ia chorą nie mogąc się stanowić, zlecam moc plenipotentowi memu iego mości panu Pawłowi Jahołkowskiemu, przymuiąc od niego zysk y stratę. A zamykaiąc tę ostatnią wolę moią, zostawuię executorami tego moiego testamentu we wszystkich punktach, to iest, magistrat Brzeski y iego mści pana Juszkowskiego. Przytym za żądaniem moim, będąc z urzędu do sprawowania tego testamentu przydani sławni panowie Łukasz Pomorzański, Stephan Rapowicz—rayca y Bazyli Rapowicz—pisarz mieski Brzeski, których proszę, aby ten testament móy rękoma swemi podpisawszy przed urzędem zeznali. Działo się przy bytności iego mości oyca Piotra Rogoznickiego—protopopy Brzeskiego y oyca Michaela Jaroszewicza — prezbitera Przeczyskiego y pana Juszkowskiego. Pisan w Brześciu, dnia dwudziestego trzeciego miesiąca Februariii, annoDomini 1643. U tego testamentu podpis rąk panów radziec y pisarza z urzędu przydanych tymi słowy: Łukasz Pomarzański--rayca, Stephan Rapowicz—rayca, Bazyli Rapowicz pisarz mieski Brzeski. Który to takowy testament oczewiście przez panów radziec u sądu przyznany y do xiąg wieczystych mieskich Brezskieh iest upisany.

1643 г.

Изъ книги за 1642—1645 г. стр. 265—272.

124. Судебное опредѣленіе по дѣлу Брестскаго мѣщанина Симона Теребеша съ Сусанною Вроблевской.

Брестскій мѣщанинъ Симонъ Теребешъ внесъ въ магистратъ жалобу на Сусанну Вроблевскую, что она незаконно владѣетъ домомъ, который долженъ принадлежать ему по правамъ наслѣдства. При разслѣдованіи этого дѣла оказалось, что Вроблевская получила его по завѣщанію отъ своей сестры, бывшей замужемъ сначала за Теребешомъ—отцемъ истца, а потомъ за Зубрицкимъ. Домъ этотъ послѣдняя получила отъ Зубрицкаго. Судъ нашелъ требованія истца незаконными и домъ присудилъ Вроблевской.

Die 27 mensis Aprilis, anno Domini 1643.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu pana Szymona Terebeszewicza — mieszczanina Brzeskiego z panią Zuzanną Wróblewską — popadią Stawską, tedy obiedwie stronie oczewiście u sądu stanowili się y moc umocowanym swym pan Symon Terebeszewicz panu Pawłowi Rakowiczowi Jahołkowskiemu, a Zophia Wróblewska panu Mikołaiowi Skołdzieckiemu ku mówieniu prawnemu zlecili. Za tym actor, dowiodszy pozwu słusznie przez sługę urzędowego Błażeia Jurkowicza Adamowi cieśli—komornikowi Wróblewskiey y samey Zophiey Wróblewskiey podanego, żałował w ten sposób: iż nieboszczyk Chwiedko Stephanowicz—mieszczanin Brzeski, brat cioteczno-rodzony żałuiącego Szymona Terebesza, zastawił dom swóy własny, na ulicy Rybackiey za Muchawcem leżący, w pewney summie pieniędzy, w złotych sześciudziesiąt polskich nieboszczykowi Jackowi Zubrzyckiemu — oyczymowi aktora wysz rzeczonego y małżonce iego, a matce Szymona Terebeszewicza Hannie Fiedorownie, do oddania summy pieniędzy, czego probuiąc, extract z xiąg mieskich burmistrzowskich w dacie roku tysiąc sześćset dwudziestego szóstego, miesiąca Marca dwudziestego dnia pokładał, po których to śmierci tak po nieboszczyku bracie, iako y po matce żałuiącemu według prawa przyrodzonego nikomu inszemu, tylko iemu należą. Lecz pozwana Zophia Wróblewska y Adam cieśla—komornik iey, nie maiąc żadnego prawa, nienależnie ten dom obiąwszy, trzymaią, pożytki na się wszelakie obracaią, a iemu actorowi, iako własnemu successorowi, za częstokrotnym napominaniem ustąpić nie chcą; a iż prawa nie pokazuią, za czym domawiał się plenipotent actorów, aby ten dom, iako właśnie iemu należący, actorowi był przysądzony. Przy którey sprawie pan Jan Jędrzeiewski—rayca y opiekun szpitala russkiego uniackiego, przypowiadał się y bronił połowicy tego domu, testamentem od nieboszczki matki Terebeszowey Zubrzyckiey na szpital russki zapisaney, a Zophia Wróblewska dilacyi podług prawa żądała. Urząd za pytaniem Adama Jabłońskiego cieśli, który nie znał się być dzierżącym tego domu, tylko przy przyiaciołach mieszkał

mianował, z tych przyczyn Adama Jabłońskiego na stronę odtrąciwszy, dzierżącą Wróblewską do pokazania prawa przypozwać nakazał, iakoż żałobliwy w odsądzeniu Adama Jabłońskiego na dekrecie przestał. Dnia ośmnastego miesiąca Maia na terminie przypadłym za pozwem plenipotent żałobliwego też controversie swoie pierwsze reiterował, a przysądzenia domu Szymonowi Terebeszewiczowi, iako należnemu successorowi, domawiał się. A strona pozwana Zuzanna Wróblewska, przez plenipotentów swych, pana Mikołaia Skołdyckiego y p. Kazimierza Brzeznickiego, czyniąc replikę na żałobę, powiedziała, iż ten dom, o który actor pozywa y niewinnie onę turbuie, iest iey własny po nieboszce Hannie Wróblewskiey, siestrze iey rodzoney, prawem Bożym y przyrodzonym przynależący, który przez czas nie mały obiąwszy w spokoynym dzierżeniu trzyma, od którego to domu matka pomienionego actora Lekka Terebeszowa, a wtórego małżeństwa Zubrzycka, żałobliwego syna swego Szymona Terebeszewicza wiecznie oddaliła, czego dowodząc pokładała testament nieboszczki Terebeszowey Zubrzyckiey, podług prawa pospolitego sprawiony y na urzędzie burmistrzowskim Brzeskim, dnia dwudziestego pierwszego Junii, w roku tysiąc sześćset dwudziestym dziewiątym przyznany, w którym to testamencie wyraźnie opisuie Jackowi Zubrzyckiemu, mężowi swemu wtóremu, pół domu zapisuie, a drugą pół domu na szpital russki uniacki leguie. Który to Jacko Zubrzycki po śmierci Terebeszowey małżonki swey poiąwszy drugą żonę Hannę Wróblewską, a siostrę pozwaney, z którą czas niemały mieszkawszy na tymże domie summę pewną, to iest złotych półtorasta oney pomienioney małżonce swey Hannie zapisał y na urzędzie woytowskim Brzeskim w roku tysiąc sześćset trzydziestym, miesiąca Februarii pierwszego dnia, przyznał, a strona żałobliwa milczała y na ten czas nieodzywała się y żadney protestacyi nie zanosiła. Zaczym po śmierci Hanny Wróblewskiey pomienioney dom po siestrze rodzoney Zophii Wróblewskiey, successiwe przynależy, y domawiała się, aby oney iako successorce wszystek dom, abo summa półtorasta złotych przysądzona była. A umocowany strony powodowey na obiectie Zophii Wróblewskiey daiąc replikę, powiedział, iż co tu pozwana pokłada testament nieboszczki matki actora Szymona Terebeszy, mianuiąc iakoby matka od tego domu syna swego teraźnieyszego żałuiącego oddalić miała, tego żadnym sposobem uczynić nie mogła, albowiem oyciec własny od dziedzicznego imienia potomstwa swego według prawa oddalić nie może. O czym wyraźnie w prawie opisuie Spec. Sax. libr. V. artic. 13 in glossa et libr. 3, art. 83 et libr. 1, artic. 52 et libr. art. 84, daleko barziey matka poszedłszy za drugiego męża testamentem potomka swego oddalić nie mogła, iako pisze w porządku na karcie 132, że żona mężowi dać ani darować w chorobie, ani za czasu dobrego zdrowia zapisać testamentem, od blizkich oddalić nie może, y w drugim mieyscu, iako piszę o niewiastach w tymże porządku, że żona bez mężowego przyzwolenia nie może nic utracić, także też y mężowi dać bez przyzwolenia dziedziców, ale dziedzicy tey swey należności zawsze prawem dochodzić mogą. Zaczym ten testament, zwłaszcza oyczymowi przeciwko prawu y słuszności uczynioney, żadney wagi niema, ale podług prawa przyrodzonego, iako pisze w prawie, gdy umrze niewiasta, imienie iey na dzieci przypada, a że tu żałobliwego actora oy-

ciec y matka za żywotów swych nie wydziedziczyli y onego się nie zrzekli, bo żadney przyczyny do niego nie mieli, ale ten testament z namowy albo z przymusu oyczyma względem nieprzyiaźni przeciwko pasierzbowi nieprawnie stał się, iako niesłuszny u sądu w. mści przymowan być nie może. A co zaś pokazuie tak Wróblewska, iakoby nieboszczyk Zubrzycki, oyczym iego żałobliwego, miał wszystek dom z summą, na nim będącą, żenie swey Hannie zapisać, tedy y ten zapis żadney wagi mieć niema, gdyż maiąc pierwszego męża szlubnego, podstępnie za tego Zubrzyckiego poszła y zdradę w tym uczyniła, za czym też iako nadder cudzołożnica iest, na gardle od pierwszego męża przekonana y samosiódm poprzysiężona, czego dowodząc pokładał dekret z xiąg woytowskich w roku 1630 *) dnia piątego miesiąca Septembra ferowany y wykonanie roty tegoż roku, miesiąca Septembra dziewiątego dnia. W którym obwinieniu y sam ten Jacko, iako o pierwszym mężu nie wiedział, wyzwalaiąc garło swoie musiał przysiąc. Zaczym taka przekonana mężatka, którąby miała od męża dożywotną oprawę albo opatrzenie według porządku prawa o niewiastach, w liście dziesiątym opisanego, maiętność swoią wiecznie traci. Y to ieszcze przed nami pokładał, że matka tego żałuiącego dobra oyca iego własne, nieboszczyka Piotra Terebesza, iemu potomkowi należące, wielką liczbę potraciła, różnym ludziom w małych leciech iego niesłusznie pozawodziła. A rzeczy ruchomych na kilkanaście set po oycu iego iemu Szymonowi, iako potomkowi należących, zabrawszy z oyczymem, marnie rostrwoniła, czego aprobuiąc list zapis pod datą roku 16.., Januarii wtórego dnia y regestr spisania rzeczy ruchomych y szkod pokładał. Nadto ten Jacko prawo zastawne tylko na połowicę summy, to iest, złotych trzydzieścia maiąc, śmiał y ważył się mimo prawo y słuszność nienależney osobie wszystek dom w półtoruset złotych zawodzić y ta Wróblewska teraz się siostrą tey Hanny nieboszczycy Wróblewskiey prawem przekonaney mieni y odzywa, a czemu w te czasy, kiedy ią prawem pociągano, we złym uczynku iey przekonywano, powinno nie odzywała, nie ratowała y żadną pomocą nie była. Jakoż tego żaden wiedzieć nie może, ieśli iest pokrewna albo nie, bo siostra nieboszczyca y nie znała, dla czego też żadnego zapisu, wlewku, ani testamentu y żadney naostatek noty, litery prawney na tę należność, którey teraz dochodzi, nie otrzymała, nie pokazuie y pokazać nie może. Pokazawszy tedy to, iż testament matki Terebeszowey y zapis Jacka niesłuszny y ta osoba, którey on był zapisał, na garle przekonana, a kożdy złoczyńca y cudzołożnica dobra swoie tracą, zaczym umocowany aktorów domawiał się, aby obrony pozwaney, iako niesłuszne na stronę uchyliwszy, actorowi dom, iako własnemu dziedzicowi, wszystek przysądzony był. My urząd w sprawie Szymona Terebeszewicza — mieszczanina Brzeskiego, actora, z pozwaną Zuzanną Wróblewską — popadią Stawską, wysłuchawszy controversyi obudwu stron y one dobrze uważywszy, ponieważ ten dom, o który spor idzie, nie był oyca Terebeszowego dziedziczny, ale przez Jacka Zubrzyckiego drugiego małżonka z matką Terebeszewicza spólnie nabyty, która-to Terebeszowa wychodząc z tego świata testamentem oddaliwszy syna swego Szymona Terebeszewicza, małżonkowi swemu nieboszczykowi Jackowi Zubrzyckiemu

*) Книга съ 1630 года не находится въ архивѣ.

pół domu zapisała, a drugie pół domu szpitalowi russkiemu uniackiemu legowała, przeciwko któremu testamentowi actor żadney protestacyi nie zaniósł, do tego żadney obrony przeciwko zapisowi Jacka Zubrzyckiego, oyczyma swego y przeciwko possesyi małżonki iego wtórey Hanny Wróblewskiey nieokazał y w milczeniu przez lat czternaście będąc pod iednym prawem trwał, zaczym w swey rzeczy upadł. Z tych przyczyn testament matki Terebeszowey, iako słuszny y prawny stwierdziwszy, pół domu szpitalowi uniackiemu russkiemu, a drugą pół domu Zuzannie Wróblewskiey, iako successorce po Hannie Wróblewskiey siestrze rodzoney, podług zapisu Jacka Zubrzyckiego, na wieczność przysądzamy. Jednak iż Zuzanna Wróblewska nie iest znaioma w mieście Brzeskim, ieżeliby była siostrą rodzoną Hanny Wróblewskiey, albo nie, nakazuiemy oney przysiąc na tym samo trzeciey z ludźmi wiary godnemi, iako właśnie iest prawdziwą siostrą rodzoną Hanny Wróblewskiey, a po przysiędze w posessyi swey tę pół domu (z płaceniem powinności mieskich) trzymać y disponować ma y wolna będzie. Którą przysięgę po świątkach dnia dwudziestego dziewiątego Maia w tymże roku 1643 naznaczamy. Na terminie przypadłym obiedwie strony do przysięgi personaliter stanowili się, iakoż Zuzanna Wróblewska gotowość swą do przysięgi samo trzecio z świadkami Marcinem Tomaszewiczem y Jędrzeiem Hendrysowiczem z Stawu oświadczała y przysięgę zarazem podług roty, w dekrecie opisaney, z Marcinem Tomaszewiczem samo wtóra wykonała, a iż drugi świadek iedney Hendrysowicz od sądu odszedł, tedy z nakazu urzędowego taż Zuzanna Wróblewska powtorze za siebie y za drugiego świadka przysięgę wykonała w te słowa: Ja Zuzanna Wróblewska przysięgam Panu Bogu wszechmogącemu, w Tróycy Świętey iedynemu, na tym, iżem iest siostrą rodzoną nieboszczki Hanny Wróblewskiey Zubrzyckiey. Na czym, iako sprawiedliwie przysięgam, tak mi Panie Boże pomóż y wszyscy święci. A po przysiędze odprawioney pół domu urzędownie przez panów Iwana Bielkiewicza y Wasila Sorokę — radziec, Zuzannie Wróblewskiey w intromissią na wieczność iest podano. Co iest do xiąg zapisano.

1643 г.

Изъ книги за 1642—1643 г. стр. 356—367.

125. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу между уніатскимъ священникомъ церкви св. Воскресенія Христова и старостою той же церкви Ярославомъ Сорокою.

Священникъ Брестской Воскресенской церкви внесъ въ магистратъ жалобу вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ прихожанъ на бывшаго церковнаго старосту Сороку въ томъ, что онъ, перешедши къ православной церкви св. Симеона, растратилъ церковное имущество, земли, деньги и вещи. Сорока показалъ, что одинъ участокъ земли принадлежалъ прихожанамъ и онъ продалъ его Шуйскому съ согласія самихъ же прихожанъ, другой принадлежалъ ему; что деньги израсходованы имъ на

нужды церкви, а серебряный поясъ взяла обратно жертвовательница. Судъ, по соображеніи обстоятельствъ дѣла, постановилъ: по тѣмъ пунктамъ по которымъ Сорока представилъ юридическія доказательства, т. е. документы, его считать оправданнымъ, по другимъ—присягнуть. Такимъ рѣшеніемъ остались недовольны обѣ тяжущіяся стороны и требовали разрѣшенія апелляціи къ королю, что имъ и было дозволено; при этомъ каждая сторона заявила объ убыткахъ на 300 злотыхъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die vigesima secunda mensis Septembris, anno Domini 1643.

Na urzędzie burmistrowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, przed nami Wacławem Barczewskim, Fiedorem Borsukiewiczem—burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Janem Jędrzeiewskim, Iwanem Bielkiewiczem, Foltinem Ryzlerem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym w ratuszu, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu wielebnego w Bodze oyca Jakowa Fiedorowicza — prezbitera cerkwi uniackiey Brzeskiey Zmartwychwstania Syna Bożego, y parafian teyże cerkwi, p. Jana Zdanowicza, Jakóba Pohłodyki, Mikołaia Stephanowicza, Waśka Łucewicza, Andrzeia Wronowicza, Łukasza Tendika, Hrehorego Pluticza—mieszczan Brzeskich, z panem Jaroszem Soroką, starszym dozorcą teyże cerkwi uniackiey, tedy obiedwie stronie oczewiście u sądu stanowilisię. Jakoż strona powodowa, oyciec prezbiter z parafiany zlecili moc ku mowieniu prawnemu umocowanemu swemu szlachetnemu panu Mikołaiowi Skołdyckiemu, który dowiodłszy pozwu słusznie podanego, żałował oto, iż pomieniony pan Jarosz Soroka, będąc dozorcą cerkiewnym, zawiaduiąc wszystkimi prowentami y wszystkim skarbem cerkiewnym, iakoż niedawnemi czasy, odstąpiwszy cerkwi Bożey uniackiey y dozórstwa rządu swego, udał się do cerkwi nienależney Siemionowskiey, która w iedności w unii świętey nieiest, a zatym, iako collator, coby miał cerkwi Bożey przywłaszczyć, to ieszcze krzywdzić waży się. Ktokolwiek na tę cerkiew legował, odpisał, nadał, to odeymuie. A mianowicie grunt cerkiewny, w kącie Mikulińskim leżący, przedał nieboszczykowi iego mości panu Andrzeiowi Szuyskiemu za złotych trzydzieścia polskich, które pieniądze na swóy pożytek obrócił. Drugi grunt Uszyński, na cerkiew legowany, na ulicy Zauhrynki Małey leżący, do swych gruntów przywłaszczył y sobie przyłączył. Zosobna gotowych pieniędzy podczas powietrza w roku tysiąc sześćset dwudziestym piątym Siemionowa Kuroszczyna legowała kop szesnaście, taż Kuroszczyna legowała kop dziesięć; Woszczyk kusznierz na tęż cerkiew gotowych pieniędzy legował złotych piętnaście. Te pieniądze dozórca cerkiewny pan Jarosz Soroka do siebie pobrał y nie wiedzieć gdzie podział. Marcinowa Zatepiaczyna, która ieszcze żywa iest, na tęż cerkiew pas śrebrny, kosztował złotych czterdzieścia pięć, dała y ten pas przy dozorcy cerkiewnym został. A zosobna na kantory, diaki y śpiewaki różne ten że prezbiter cerkiewny niemały wydatek swemi własnemi pieniędzmi uczynił, iako to na regestrze pokładanym szyrzey opisano iest. Które diaki y śpiewaki nie oyciec prezbiter, ale dozorca cerkiewny z prowentów cerkiewnych dla ozdoby cerkwiey chować y onym płacić powinnien. Zaczym oyciec prezbiter, okazawszy przedażę gruntu Falbierowskiego cerkiewnego, iego

mści panu Szuyskiemu od pomienionego dozorcy y parafian dnia trzeciego kwietnia w roku tysiąc sześćset trzydziestym siódmym, także y przypowiadanie capituły Brzeskiey do tegoż gruntu cerkiewnego, autentice z xiąg radzieckich Brzeskich wyięte, pokładał, pod datą roku tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego miesiąca Decembra ośmnastego dnia. A za tym domawiał się, aby ten grunt Falbierowsky, który teraz żyd Brzeski Jonas trzyma, cerkwi przysądzony był. A strony gruntu Uszyńskiego, nie maiąc oyciec prezbiter żadnego prawa, ani żadney legaty do przysięgi brał się, iako grunt Uszyński cerkiewny iest, a po przysiędze domawiał się, aby grunt Uszyński cerkwi przysądzony, także y wydatki na diaki, spiewaki wydane, nadgrodzone były. A pozwany pan Jarosz Soroka—bywszy dozorca cerkiewny, zachowawszy sobie wszystkie beneficia iuris, wcale nie wstępuiąc w żadną controwersią, zadawał oycowi prezbiterowi, że go niezna y niewie, ieżeli iest prezbiterem poświęconym, tylko wikarym, zaczym iż iest aktorem, sprawować się nie powinien. A żałobliwy oyciec prezbiter cerkwi zmartwychwstania Syna Bożego dowodząc, że iest prezbiterem tey cerkwi, pokładał listy na prezbiterstwo dane od w Bodze przewielebnych ich mścw oyców episkopów Władzimierskich y Brzeskich, ieden list nieboszczyka zeszłego z tego świata iego mości oyca Joakima Morochowskiego, a drugi list teraznieyszego episkopa iego mości Józepha Mokosieia Bukowieckiego. A okazawszy takowe listy świadeczne słuszne, że iest prezbiterem, a nie wikarem, za przymówkę uczynioną domawiał się, aby pan Jarosz Soroka karany był. My urząd ponieważ oyciec prezbiter ukazał y dowiodł listami ich mścw episkopów Włodzimierzskich y Brzeskich że iest prezbiterem, za czym przerzeczonego oyca za aktora uznawamy, a za przymówkę oycowi uczynioną, nakazuiemy panu Jaroszowi Soroce dzień ieden w ratuszu siedzieć, który dosyć dekretowi urzędowemu uczynił. Jakosz pan Jarosz Soroka—dozorca cerkiewny, widząc za aktora oyca prezbitera dekretem uznanego, nie wstępuiąc w dalszą controwersią dilacyi na wyięcie munimentów z xiąg do niedziel dwu potrzebował. My urząd pozwanemu dilacyi do niedziel dwu użyczyliśmy. Die septima mensis Octobris, na terminie przypadłym, obiedwie stronie stanowili się. Jakoż strona powodowa przez plenipotenta swego zwyszmianowanego pierwszą controversią swą reiterowała y reiestr pobrania różnych legatii y wydatków prezbiterskich pokładała. A pozwany pan Jarosz Soroka z regestru strony powodowey pokładanego copii przepisaney dla informatii potrzebował. My urząd copią z regestru żałobliwego prezbitera pozwanemu panu Jaroszowi Soroce dać uznaliśmy y tę sprawę do dnia czternastego Octobra suspenduiemy. Na którym terminie obiedwie stronie przez żadnych circumstantii y przez dalszey prolongatii rosprawować się powinni będą. A strona żałobliwa o zwłokę sprawiedliwości świętey y o szkody podięte na pana Jarosza Sorokę protestowała się. Die 14 mensis Octobris, z otkładu urzędowego za przypozwem obiedwie stronie stanowili się. Jakoż umocowany oyca prezbitera cerkwi Zmartwychwstanie Syna Bożego, podług regestru pokładanego domawiał się, aby pan Jarosz Soroka—dozorca cerkiewny, strony pobrania legatii y strony gruntu iego mości panu Szuyskiemu przedanego, usprawiedliwił się. A pozwana—pan Jarosz Soroka, po oycu prezbiteru, iako człowieku duchownym,

także y po parafianach, w różnych iurisdictiach kniażskich, pańskich na gruntach pańskich mieszkaią, a maiętności swych własnych nie maią, paręki potrzebował o dostanie prawa, gdzieby na nim nic prawem nie wygrali, aby szkoda, którąby za niesłusznym pociąganiem do prawa poniosł, nagrodzili; a żałobliwy prezbiter dawał sprawę, że o dobro cerkiewne paręka nie idzie, zaczym obrony strony pozwaney żądał, aby na stronę uchylone były. My urząd, uważaiąc, iż o legatie, o dobra cerkiewne idzie, a parafianie niektóre z iurisdiki mieskiey od cerkwi uniackiey oderwali się, a drudzy plenariam facultatem ku poparciu sprawy prezbiterowi zlecili, zaczym paręki nie uznawszy y obrany pozwanego na stronę odtrąciwszy, panu Jaroszowi Soroce directe na główną żałobę odpowiadać nakazuiemy. Jakoż w dalszym postępku prawnym pozwany bywszy dozorcą cerkwiewnym pan Jarosz Soroka, czyniąc odkaz na żałobę powiedział, iż co oyciec prezbiter z niektóremi parafiany żałuią, iakobym legatie różne zabrać y one na swóy pożytek obrócić miał, to się nie pokaże, abowiem cokolwiek podług regestru od strony żałobliwey pokładanego brał, to na tęż cerkiew na poprawę cerkiewną obracał, a mianowicie, grunt Falbierowski w kącie Mikulińskim leżący, parafianom, a nie cerkwi należący, przedałem nie sam przez się, ale z pozwoleniem wszystkich parafian iego mości panu Andrzeiowi Szuyskiemu za złotych trzydzieścia, a to z tey przyczyny obawiaiąc się, aby iego mość pan Szuyski przy swych gruntach kupnych y tego parafiańskiego ku dworowi swemu nie przyłączył. Na który żadney legatii ani żadnego prawa nie mieliśmy, którey przedaży dowodząc, że nie sam, ale spólnie z parafiany przedali y spólnie na urzędzie burmistrzowskim Brzeskim z parafiany przyznali, tym że extraktem przez oyca prezbitera pokładanym, pod datą roku tysiąc sześćset trzydziestego siódmego miesiąca kwietnia trzeciego dnia przyznanym szczycił się y na dowód sobie biorąc wolności od żałoby prezbiterskiey żądał. Z których to pieniędzy złotych trzydziestu, za grunt od iego mości pana Szuyskiego wziętych, ną poprawę cierkiewną złotych ośm wydał, a złotych dwadzieścia y dwa przy nim pomienionym Soroce zostało. Strony drugiego gruntu Uszyńskiego, iakoby na cerkiew od Uszykowey legowanego, ponieważ oyciec prezbiter żadney legaty nie ukazuie, ani żadnym dowodem słusznym nie dowodzi, zaczym pozwany Soroka dowodząc, że to grunt Uszyński nie cerkiewny, ale iego własny, kupny od mieszczanina Brzeskiego Iwana Kureczki, któremu to Kurecce Uszykowa, ciotka rodzona była, iakoż przerzeczony Kureczka successionaliter po śmierci ciotki swey Uszykowey ten grunt Uszyński obiąwszy wespółek z swym gruntem Kuroczczyńskim oycżystym y macierzystym, podług miedzy w zapisie opisaney granicząc po grunt cerkiewny zawiódł, przedał y w intromissią na wieczne czasy podał; którego kupna dowodząc pokładał autentik z xiąg woytowskich Brzeskich wydany y na tymże urzędzie przyznany pod datą roku tysiąc sześćset trzydziestego miesiąca Octobra siódmego dnia. A okazawszy list zapis przyznany domawiał się, aby przytym gruncie Uszyńskim zastanowiony był. Strony kop szesnastu litewskich od Siemionowey Kuroszczyney legowanych y na cerkiew wziętych, pozwany dozórca nie znał się. Zosobna od teyże Kureszczyney kop dziesięć, na tęż cerkiew legowanych znał się przerzeczony Jarosz Soroka, że wziął kop dziesięć

litewskich, które pieniądze wszystkie kop dziesięć wydał przeprawuiąc krzyż srebrny do cerkwi. Z legatii nieboszczyka Woszczyka—kusznierza, znał się do wzięcia złotych piętnastu, które wydał na poprawę y potrzeby cerkiewne. Strony pasa śrebrnego Marcinowey Zatepiaczyney, która z pobożności chrześcianskiey dała była na ozdobę cerkiewną, a potym przez ubózstwo nie maiąc się czym żywić, z cerkwi wzięła. Jakoż nie mogąc Zatepiaczyna dla choroby do urzędu przyiść przez pana Iwana Bielkiewicza—rayce zeznała, że pas śrebrny od pana Jarosza Soroki—dozorcy cerkiewnego, odyskała y na wyżywienie swoie obróciła. Strony diaków y śpiewaków, którym prezbiter płacił y na swoim ochędóstwie y chlebie ku służbie Bozkiey chował; to tedy powinność prezbiterska dla ozdoby cerkiewney y dla usługi prezbiterskiey chować, a nie parafiańska, gdyż przedtym nigdy parafianie diaków, śpiewaków nie chowali y onym płacić nie powinni y prowentów takich, z kądby im zapłata obmyślona miała bydź, niemasz. Zaczym wywodząc niewinność swoią, przy pokazanym prawie Kuroczczyńskim y przy dawney posessyi do przysięgi brał się, że grunt abo placyk Uszykowski iego własny, kupny, a nie cerkiewny y iako z legaty Kuroczczyney kop dziesięć litewskich przeprawuiąc krzyż do cerkwi, a zosobna z legaty Woszczyka Kusznierza złotych piętnaście na poprawę cerkwi y złotych ośm także na poprawę wydał, a po przysiędze wolności żądał. My urząd tę sprawę na dekret suspendowaliśmy do dnia dwudziestego pierwszego Octobra, na którym terminie obiedwie stronie do słuchania dekretu stanowili się. W sprawie w Bodze wielebnego oyca Jakowa Fiedorowicza— prezbitera cerkwi Brzeskiey Zmartwychwstania Syna Bożego y parafian do teyże cerkwi przynależących, z panem Jaroszem Soroką— raycą y dozorcą teyże cerkwi, controversiey stron pomienionych wysłuchawszy y onę dobrze zrozumiawszy: naprzód, co się tknie gruntu Falbierowskiego, który pozwany dozorca przedał nieboszczykowi iego mości panu Szuyskiemu za złotych trzydzieścia, tedy, iż żadnego prawa prezbiter nie pokazał, aby to grunt cerkiewny był, ieno parafiański, który dozorca wespołek z parafiany przedał, iakoż z tych pieniędzy na poprawę cerkiewną złotych ośm wydał, a złotych dwadzieścia y dwa przy dozorcy (iako się sam dobrowolnie znał) zostało, które pieniądze prezbiterowi y parafianom do dnia trzeciego z nagrodą od tych pieniędzy przychodzącą oddać nakazuiemy. Strony gruntu Uszyńskiego, ponieważ oyciec prezbiter żadney legatii, aby ten grunt na cerkiew legowany był, nie okazał, a pozwany Jarosz Soroka list zapis urzędowy od Iwana Kureczki na urzędzie woytowskim Brzeskim, w dacie roku tysiąc sześćset przyznany, okazał, z tych przyczyn przy liście zapisie y przy posessyi bliższego dzierżącego do przysięgi uznawamy, na tym, iako grunt Uszyński nigdy cerkiewnym nie był y iako sprawiedliwie od Kureczki przy Kuroszczyńskim gruncie za iedno spólnie y Uszyński kupił; także strony legatii, iako od Siemionowey Kuroszczyney kop szesnastu nie brał, od teyże z legatii kop dziesięć, które wziął przeprawuiąc krzyż cerkiewny wydał od Woszczyka złotych piętnaście wziętych także, iako złotych ośm z pieniedzy, za grunt od iego mości pana Szuyskiego wziętych na poprawę cerkiewną, wydał, przysiąc samemu iednemu nakazuiemy, którą przysięgę dnia trzeciego wykonać ma. Strony pasa śrebrnego, który Marcinowa Zatepiaczyna do cerkwi nadawszy, znowu

go od dozorcy wzięła y na swóy pożytek obróciła, od tego pasa pozwanego Sorokę wolnym czynimy, a prezbiterowi y parafianom do Marcinczey o wzięcie pasa wolne prawo zostawuiemy. A w ostatku strony diaków cerkiewnych, iż się to słusznie pokazało z innych parafii, y z samey starożytności, że prezbitere dla chwały Bożey y dla ozdoby cerkiewney mieć powinni, zaczym y od tego punktu dozorcę uwalniamy. Iednak szkody, nakłady prawne, podług szacunku urzędowego względem prolongatii sprawy na panu Jaroszu Soroce wskazuiemy, które prezbiterowi y parafianom przy oddaniu reszty złotych dwudziestu dwu oddać przysądzamy. A strona powodowa— oyciec prezbiter od dwu punktów, to iest, od iednego, żeśmy pieniądze za grunt Falbierowsky parafiańsky, panu Szuyskiemu przedany, oddać nakazali, a odmiany dać nie uznali; a od drugiego punktu, żeśmy pozwanemu dozorcy samo trzeciem przysiąc nie nakazali, apellował do dworu i. k. mci, pana naszego miłościwego, assesorskiego. Urząd apellacyi dopuścił y termin obiema stronom przed sądem i. k. mci, pana naszego miłościwego, od daty tego ostatniego dekretu, gdzie iego królewska mość szczęśliwie dworem swym bydź będzie raczył, ieśli w Koronie polskiey — za ośm, a ieśli w wielkim xięstwie Litewskim — za niedziel cztyry, w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym trzecim, stanowić się nakazał. A strona powodowa—oyciec prezbiter z parafiany, o szkody na pana Jarosza Sorokę na złotych polskich trzysta, także y pozwany Soroka o szkody, o takowąż summę na oyca prezbitera y parafian protestowali się. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg miesckich Brzesckich prawa magdeburskiego iest zapisana.

1643 г.

Изъ книги за 1642—1645 годы, стр. 391—395.

126. Ремиссійное опредѣленіе по дѣлу портняжескаго цеха съ портнымъ Николаемъ Лопотемъ.

Цехъ портныхъ внесъ въ магистратъ жалобу на портнаго же Лопотя въ томъ, что онъ, не исполнивши всѣхъ законныхъ требованій для поступленія въ цехъ, осмѣливается заниматься ремесломъ. Цеховой старшина Диспутъ представилъ при этомъ листъ короля Владислава IV о недопущеніи Лопотя въ цехъ впредь до исполненія имъ всѣхъ законныхъ требованій. Лопоть въ свою очередь представилъ копію съ декреталика по этому дѣлу и требовалъ, чтобы ему разрѣшено было заниматься ремесломъ. Магистратъ постановилъ: разрѣшить Лопотю исполнить только заказы и прекратить занятія впредь до окончанія этого дѣла королемъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die trigesima prima mensis Decembris, anno Domini millesimo sexcentessimo quadragesimo tertio.

Na urzędzie burmistrzowskym y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym mieyscu sądowym, w ratuszu, przed zupełnym magistratem, gdy

sprawa przypadła ku sądzeniu sławetnego pana Jana Disputa—ławnika y cechmistrza cechu krawieckiego y wszystkiey bracy cechowey krawieckiey Brzesckiey, z uczciwym Mikołaiem Łopociem — nowotnym krawcem Brzesckim, tedy obiedwie stronie oczewiście u sądu stanowili się. Jakoż żałował pan Jan Disput ymieniem swym y wszystkiego cechu na pomienionego Mikołaia Łopocia—krawca, iż on swowolnie rzemiosło krawieckie, miesckiego prawa nie przyiąwszy y cechu nie przeprawiwszy, robić waży się, ku naruszeniu praw y przywileiów i. k. mci, pana naszego miłościwego, pisany w te słowa:

Władysław IV, z Bożey łaski król polsky, etc. Sławetnym burmistrzom, raycom, lantwoytowi, ławnikom y wszystkiemu magistratowi miasta naszego Brześcia, wiernie nam miłym. Iż sprawa między cechem krawieckim Brzeskym oboiey religiey a uczciwym Mikołaiem Łopociem, krawcem, w sądzie naszym assesorskim agitowana na sądy nasze rellacyine wyłączyła się, przeto nim tam decizyą swą otrzyma, chcemy mieć po wierności waszey y roskazuiemy, abyście cechowi pomienionemu krawieckiewu, od świętey pamięci króla iego mości, pana oyca naszego y od nas samych uprzywileiowanemu y osobom w nim będącym, żadney praeiudicyey nie czynili y owszem się z niemi aż do rzetelney deciziey naszey spokoynie zachowali; a pomienionemu Mikołaiowi Łopociowi, ponieważ miesckiego prawa nie przyiął y cechu nie przyprawił, dotąd rzemiosła krawieckiego robić zakazali, aż się strony w sądzie naszym relacyinym rozprawią, ynaczey dla łaski naszey y sub gravi animadversione nostra nie czyniąc. Dan w Wilnie dnia dziesiątego miesiąca Decembra, roku Pańskiego 1643, panowania naszego polskiego XI, a szwedzkiego XII roku. U tego listu i. k. mci, pana naszego miłościwego, podpis ręki tymi słowy: «Vladislaus rex.» Także y pieczęć przyciśniona wielka wielkiego xięstwa Litewskiego y przytym podpis ręki referendarza i. k. mci, tymi słowy: Stanisław Naruszewicz—referendarz y pisarz.

A po przeczytaniu tego listu, żałobliwy Jan Disput domawiał się, aby Mikołay Łopeć rzemiosła krawieckiego robić nie ważył się, aż do rosprawy przed sądem i. k. mci rellacyinym.

A pozwany Mikołay Łopoć dawał takową sprawę, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym trzecim, miesiąca Kwietnia dwudziestego siódmego dnia była sprawa przed urzędem wmść radzieckim Brzesckim za żałobą mnie Mikołaia Łopocia z cechem krawieckim Brzesckim o niesprawowanie się w cechu krawieckim, podług wilkierzów y przywileiów i. k. mci, pana naszego miłościwego, o wyciąganie niesłusznie złotych sześciudziesiąt, przymuiąc do bractwa krawieckiego Brzesckiego. W którey sprawie wm. panie urzędzie burmistrzowsky Brzesćky, sprawuiąc się podług przywileiów i. k. mci, aby uciążenia w tym cechu nie było, mnie dosyć czynić podług submissyi moiey nakazali y rzemiosło w mieście robić y towarzysza iednego mieć pozwolili, a panowie krawce nie contentuiąc się tym dekretem apellowali do dworu i. k. mci, pana naszego miłościwego, assesorskiego, gdzie sąd i. k. mci assesorsky, widząc bydź dekret miescky słuszny y prawny, stwierdzić raczył, tedy y od tego dekretu assesorskiego pan Jan Disput na rellacie do sądu i. k. mci, pana naszego miłościwego, apellował, y w apellaciey na rellatiach sprawa zawisła. Zaczym pod apellatią wytoczoną pan Jan Disput żadnych listów u dworu i. k. mci wyprawować nie

mógł. Czego dowodząc dekretalik pisma ręki własney pisarza i. k. mci assesorskiego, pana Malchra Gostińskiego, w Wilnie, w dacie roku tysiąc sześćset czterdziestego trzeciego, feria quinta post festum sancti Andreae apostoli proxima między Mikołaiem Łopociem a starszemi cechu krawieckiego Brzeskiego pokładał, actor Bylińsky citatus, Simon Piotrowicz, który dekretalik tak się w sobie ma:

Ex apellatione ab officio consulari Brestensi, quando quidem citati privato motu auctionum quotae contra mentem privilegii s. r. m. exigere non poterunt, id eo approbata officii consularis Braestensis appellarunt citati ad sacram regiam maiestatem. U tego dekretaliku podpis ręki pisarza i. k. mci assesorskiego, tymi słowy: Ex protocollo transumpto Melchior Gostińsky. A po okazaniu takowego dekretaliku domawiał się pozwany Łopoć, aby mu rzemiosło krawieckie robić wolno było do rosprawy na rellatiach.

My urząd widząc, yż ydzie o prawa, przywileia, dekreta, listy króla iego mci, pana naszego miłościwego, nie czyniąc żadnego rozsądku cum toto causae effectu na rozsądek do sądu i. k. mci, pana naszego miłościwego, assesorskiego odsyłamy y termin obiema stronom stanowić się ku rozprawie przed sądem i. k. mci, gdzie i. k. mość, pan nasz miłościwy, szczęśliwie dworem swym bydź będzie raczył, ieśli w Koronie polskiey—za ośm, a ieśli w wielkim xięstwie Litewskim — za niedziel cztyry naznaczamy; iakoż od daty tego dekretu tylko niedziel cztery robot zawziętych dorabiaiąc rzemiosło z iednym towarzysyem robić ma, a więcey robić rzemiosła niepowinien będzie, aż do rozprawy prawney za remissyą uczynioną. Która sprawa, iako się u sądu odprawowała, do xiąg miesckich Brzeskich iest zapisana.

1644 г.

Изъ книги за 1642—1645 годы, стр. 409—416.

127. Протестація Каменецкой мѣщанки Анастасіи Кашубиной на сына ея Николая Кашубича Каменецкаго бургомистра.

Каменецкая мѣщанка Кашубова жалуется на своего сына Каменецкаго бургомистра въ томъ, что онъ поступилъ съ нею не какъ сынъ и урядникъ, а какъ разбойникъ, отнялъ у нея обманомъ разныя вещи, гнушается родствомъ съ отцемъ и кровными родными, и даже бросилъ однажды мать свою въ тюрьму и морилъ ее въ ней трехдневнымъ голодомъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die tertia mensis Martii, anno Domini millesimo quadragesimo quarto.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy oblicznie pan Iwan Bielkiewicz—rayca miasta Brzeskiego, podał per oblatam wypis z xiąg miesckich Kamienieckich, bez pieczęci, tylko z podpisem ręki pisarskiey, imieniem paniey Nasta-

syi Kaszubiney—mieszczanki Kamienieckiey, siostry swey, ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzesckich, który tak się w sobie ma:

Wypis z xiąg urzędowych miasta i. k. mci Kamienieckiego, roku tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego, miesiąca Decembra szóstego dnia.

Przede mnie Bohdana Stephanowicza—woyta Kamienieckiego, przyszedłszy pani Kaszubina, wespół z synem swym panem Alexandrem Kaszubiczem, podali opowiadanie na pismie na pana Mikołaia Kaszubicza — burmistrza Kamienieckiego w te słowa:

Móy łaskawy panie urzędzie miasta i. k. mci Kamienieckiego! Ja Anastazya Bielkowiczowna Marcinowa Kaszubina, z wielkim żalem moim y z płaczem wylewaiąc krwawe łzy moie, opowiadam się y protestuię na collegę wmść, na niezbożnego Mikołaia Kaszubicza—burmistrza na tenczas będącego, a własnego syna mego starszego, o to, yż on w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym pierwszym, miesiąca Nowembra dwudziestego dnia, iż on burmistrz, nie iako urzędnik, ale iako seditiator y gwałtownik, nie iako syn, ale iako niezbożny wyrodek y zdrayca, który niemało pakości y siła niezbożnych złości ieszcze panu Marcinowi Kaszubie—woytowi Kamienieckiemu, a oycowi swemu, małżonkowi memu, łżąc y sromocąc przez kartelusze y paszquile, pisząc ręką swą własną, ten Mikołay Kaszubicz, teraźnieyszy burmistrz, wyrzekał się y zapierał się oyca swego y mnie, matki swey, y wszystkich dóbr oyczystych y macierzystych wiecznemi czasy, a potym iuż od niemałego czasu nieprawnie y niesłusznie pierwiey wrzkomo sposobem pożyczanym oznicę moią własną, mnie po małżonku moim zostałą, z podworza mego z domu, w mieście Kamienieckim będącego, zabrawszy, na grunt swóy postawił y ku używaniu swemu obrócił. A gdym ia iednego czasu na swą potrzebę chciała słod w tey oznice wyrobić, tedy mi żadną miarą nie dopuścił, czyniąc mi ku szkodzie y naywiększy żal. A potym teraźnieyszego roku tenże Mikołay Kaszubicz, a syn móy, sam dobrowolnie z małżonką swoią, na niektórą potrzebę moią domową pożyczyli byli w zastawę z śrebrem moim pasa swego śrebrnego, łyżek pięć y guzików kilka, którą zastawę oddaiąc córkę moią w stan święty małżeńsky, rodzoną siostrę onego, przez drugich synów moich Fiedora y Alexandra złotych sto posłała do pana Łukasza Zysiewicza y zastawę odszukała, pas córki moiey, iey własny należący oddała, a drugie śrebro dłużey w zastawie zostawić musiała, gdyż on nie poglądaiąc nic na powinność swoią braterską strony wydania w stan święty małżeńsky siostry swoiey, a córki moiey, a on o tym weselu wiedzieć nie chciał y nie był, potym uróściwszy o tę zastawę swoią ze mną y z synami memi Fiedorem y Alexandrem bracią swoią, gdyż mię z onemi był zapozwał, tedym ia synów moich Fiedora y Alexandra o tym długu y strony zastawy iego, na ratuszu stanąwszy zastąpiła, wmść urząd y on sam Mikołay Kaszub—burmistrz przestał na tym zastępie moim; a potym roku teraźnieyszego, miesiąca Novembra dwudziestego dnia, kazawszy mnie na ratusz stanąć, na czasie determinowanym, strony tey zastawy na czasie okupna od wmść urzędu złożonym, chcąc satisfactią onemu za iego uczynić y ukazać, iedno pierwiey, żeby tam tę oznicę moię, kędy go zabrał, postawił y zarobkiem od pięciu lat, żeby się ze mną dzielić mieli, on Mikołay Kaszub — burmistrz, o to się na mnie roz-

gniewawszy, Fiedora brata swego, a syna mego, który ze mną na tenczas na ratusz był przyszedł, porwawszy się z mieysca swego, tamże na ratuszu zza stoła, nie iako urzędnik, ale iako iaky gwałtownik y siepacz, bez żadnego terminu prawnego, mnie na złość przed oczyma memi począł łaiać y za onym Fiedorem, synem moim, uganiać się y iuż raz na zastępie moim przestawszy, wiedząc to dobrze, żebym mu się, iako osiadła, w tym uyściła. Tedy, mimo to, swowolnie y lekkomyślnie onego Fiedora, syna mego, a brata swego, ułapiwszy, iako nieiakiego człowieka loznego y nieosiadłego, sam skarżył y sam sobie sprawiedliwość bezprawnie, a gwałtownie czyniąc, za gardło dłabił, dusił, któregom gdy wprzód dobremi słowy o to, nie iako urzędnika, ale iako syna, poczęła prosić y upominać, by mnie tey lekkości nie czynił, a bezwinnie syna mego, a brata swego Fiedora, nie łapał, za gardło nie dłabił y na ratuszu nie więził, z yzby do sieni na ratuszu wyszedłszy, gdy się uganiał za bratem swym Fiedorem, ze łzami poczęłam go prosić, aby onemu dał pokóy, a na zastępie moim, iako raz iuż przestawszy, z osiadłości moiey iego na mnie patrzał, iakoż y bydło moie pograbili byli, które mieli taxować y u siebie przez dwa dni trzymali. W czym ia przeczna ni wczym nie była y owszem onemu we wszystkim chciałem się uyścić, a on Mikołay Kaszub — burmistrz, swowolnie y lekkomyślnie, a prawie gwałtownie y bezprawnie, iako lozną białą głową, nie iako matkę, ale iako iaką hultaykę, nieosiadłą, wpół porwawszy mnie ze wszytkiey mocy, mało mi kości nie połamał y duszy ze mnie nie wydłabił, rękami swemi siepackiemi porwawszy z sieni do izby na ratusz przed wmśw wszystkich, urzędem, woytem, raycami y ławnikami, oczewiście wewlokł y do więzienia osadziwszy z ratusza nie spuścił, a mnie matkę swoią przez całe trzy dni y trzy nocy w tym więzieniu trzymaiąc, nie puścił, morząc mnie, nie dbaiąc nic na przytomność y na boiaźń Bożą, ani się obawiaiąc srogości prawa pospolitego, nie iako syn, ale iako złoczyńca, y nie iako urzędnik, ale iako iaky gwałtownik, w tym nam wielkie bezprawie y gwałt czyniąc, trapił y nade mną się pastwił. A co większa, gdy się dowiedzieli moi pokrewni, nawiedziwszy mnie w tym więzieniu moim, czemu ieszcze nie wierząc, żebym te więzienie od syna mego cierpiała, z onym pospołu z ratusza mieszczanina osiadłego, do domu iego burmistrzowskiego, a syna swego prosząc go w tym, iako matka, że tu w więzieniu będąc nic nie wysiedzę, obiecuiąc mu tak przed tym, iako y teraz na maiętności ten dług pokazać, ażeby zastawę swoią, któram ła zastawiła, na potrzebę swoią gwałtowną sam recuperował. Na co on żadną miarą pozwolić nie chciał, ale powiedział, na większy żal móy y wstyd, że nie wynidę z więzienia, aż zastawę moią wykupi. O co wszytko z onym Mikołaiem Kaszubiczem — burmistrzem, a synem moim, nie iako urzędnikiem, ale iako z gwałtownikiem, o tak wielky gwałt y o przymuszenie y wrzucenie do więzienia z onym Mikołaiem Kaszubiczem— burmistrzem, prawnie czynić chcąc, proszę, aby to opowiadanie moie było przyięte y zapisane do xiąg. U tey protestacyi podpis ręki tymi słowy: Za oczywistą prośbą paniey Nastazyey Bielkowiczowny, paniey Marcinowey Kaszubiney, do tey protestacyi ymieniem iey do urzędu podaię Fiedor Stephanowicz, ręką własną. Która to protestacya iest zapisana do xiąg urzędowych miesckich Kamienieckich, z których y ten wypis wydany

iest stronom potrzebuiącym pod pieczęcią urzędową miescką Kamieniecką. Pisan w Kamieńcu. U tego wypisu mieskiego podpis ręki pisarskiey temi słowy: Boris Czarnakowycz—pisarz miasta Kamienieckiego, ręką własną. Który to takowy wypis Kamieniecky, przez osobę wierzchu mianowaną, per oblatam podany, iest do xiąg mieskich Brzesckich prawa magdeburskiego wpisany.

1644 г.

Изъ книги за 1642—1645 г., стр. 439—441.

128. Упоминальный листъ короля Владислава IV Каменецкому магистрату.

Король Владиславъ IV напоминаетъ Каменецкому магистрату, чтобы онъ не смѣлъ скрывать угодливаго листа Михаила Кашубы, Каменецкаго войта, на основании котораго оный Кашуба долженъ расчитываться своимъ имуществомъ съ Трацевичемъ; въ противномъ же случаѣ самъ магистратъ заплатитъ тройную заруку (900 зл.). Король напоминаетъ объ этомъ магистрату потому, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ интересъ Каменецкаго ксендза, имѣющаго получить 150 злотыхъ съ Кашубы.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuniae, die 17 mensis Aprilis anno Domini 1644.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mści Brzeskim w Bogu wielebny iego mość xiądz Piotr Uszyński dziekan Łucki, pleban Kamieniecki, podał per oblatam do xiąg mieskich Brzeskich list i. k. mści, pana naszego miłościwego, napominalny do magistratu Kamienieckiego pisany o wydanie z xiąg extractem ugody, także o oddanie na kościoł Kamieniecki zaręki od pana Kaszubicza popadłey, o który przez list żądał, aby był do xiąg wpisany, który upisuiąc słowo do słowa tak się w sobie ma:

Władysław IV, z łaski Bożey król Polski etc. Sławetnym burmistrzom, raycom, ławnikom y magistratowi wszystkiemu miasta naszego Kamieńca łaskę naszą królewską. Sławetni, wiernie nam mili! Suplikował nam wielebny xiądz Piotr Uszyński—dziekan Łucki, pleban Kamieniecki, iż wy ku szkodzie kościoła tamecznego farskiego pewney summy pieniędzy na kościoł z occasiey w naruszeniu listu ugodliwego przez Mikołaia Kaszubicza burmistrza, na on czas, Kamienieckiego przypadaiącey, obiawić y z xiąg wypisem tego listu, w którym zaręka opisana iest, za częstokrotną requizitią wydać nie chcieliście, a że wielkie ubliżenie sprawiedliwości świętey przez niewydanie tego ugodliwego listu y utaiemnie takowey zaręki dzieie się, serio was napominamy y koniecznie roskazuiemy, abyście bez wszelakich zwłok list pomieniony ugodliwy extractem wydawszy na dobrach pomienionego Mikołaia Kaszubicza, na tenczas woyta Kamienieckiego, wszelakich tę zarękę w liście wyżrzeczonym wyrażoną podług processów w tey sprawie przez sławetnego Wasila Trocewicza, iako delatora, uroszczanych, także dekretu waszego z in-

stancyi tegoż Trocewicza z Fiedorem Ostaphiiewiczem w roku przeszłym tysiąc sześćset czterdziestym pierwszym miesiąca Junii dwudziestego ósmego dnia uczynionego, na kościoł farski złotych półtrzecia sta, a delatorowi drugą półtrzecia sta, za requisitią wielebnego xiędza dziekana Łuckiego przysądziwszy, dekret swóy nieodpustnie pod zakładem na wierność waszą win troiakich zarąk, które z uznania naszego na was extendowane będą, do exekutiey przywiedli, inaczey nie czyniąc dla łaski naszey y powinności swoiey. Dan w Wilnie roku tysiąc sześćset czterdziestego czwartego miesiąca Marca XXVIII dnia. U tego listu upominalnego pieczęć wielka wielkiego xięstwa Litewskiego przyciśniona, a podpis ręki temi słowy: Albricht Stanisław Radziwił, kanclerz wielkiego xięstwa Litewskiego; także y podpis ręki sekretarza ikmści tymi słowy: Jan Dowgiało Zawisza, sekretarz ikmści. Który to takowy list napominalny z kancellaryi ikmści pana naszego miłościwego wydany, ku aktykowaniu podany y do xiąg mieskich Brzeskich iest upisany.

1644 г.

Изъ книги за 1642—1645 г. стр. 441—446.

129. Опредѣленіе Каменецкаго магистрата по дѣлу Василья Троцевича съ бургомистромъ Николаемъ Кашубичемъ.

Каменецкій магистратъ, собравшись въ ратушѣ для исполненія своего приговора по дѣлу между мѣщаниномъ Троцевичемъ и Остафіевичемъ, былъ очень удивленъ, что въ засѣданіе не явился бургомистръ Кашубичъ. Посланные къ нему депутаты принесли отвѣтъ, что онъ бургомистръ не считаетъ дѣйствительными тѣхъ листовъ отъ короля и канцлера в. кн. литовскаго, на основаніи которыхъ магистратъ считаетъ нужнымъ рѣшить дѣло въ пользу Троцевича и думаетъ возобновить это дѣло Магистратъ, усматривая въ такомъ поступкѣ бургомистра явное потворство Остафіевичу, постановляетъ окончательный приговоръ въ пользу Троцевича и вмѣстѣ протестуетъ противъ самоуправства бургомистра.

Die 14 mensis Aprilis anno Domini 1644.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, na zwykłym miescu sądowym, stanąwszy oblicznie sławetny pan Wasili Trocewicz—mieszczanin Kamieniecki, pokładał y ku aktikowaniu do xiąg mieskich Brzeskich podał dekret urzędu Kamienieckiego, bez pieczęci urzędowey, tylko z podpisem rąk panów woytów y panów burmistrzów Kamienieckich, w sprawie niżey mianowaney, a który żądał aby był do xiąg wpisany, który upisuiąc słowo do słowa tak się w sobie ma:

Na terminie iuż po trzecie z odkładu naszego urzędowego odłożonym, a na dniu dwudziestym ósmym Junii przypadłym, zasiadłszy na ratuszu według zwyczaiu y porządku prawa pospolitego, ia woyt z collegami swemi y z urzędnikami bywszemi, chcąc przywodzić do exe-

cuciey dekret mieski Kamieniecki w sprawie Trocewicza z Ostaphiiewiczem według aprobacyi sądu ikmści assesorskiego y listu ikmści upominalnego, do nas urzędu przez Trocewicza wyniesionego, tak też y według listów pisanych od iaśnie oświeconego xięcia iego mści pana kanclerza wielkiego xięstwa Litewskiego, za któremi temi pomienionemi listami przed nami urzędem ustawicznie na kilku terminach, za wydaniem pozwu po Ostafiewicza Trocewicz requikował y pilnował, tak dnia dziewiętnastego Apryla, a potym z odkładu naszego dwudziestego pierwszego Junii, iako y teraz także z odkładu naszego 28 dnia Junii gotów był Trocewicz na tych teraz pomienionych terminach przysięgę przed nami na ratuszu na szkodach swych podiętych, wykonać. A że y na tym ostatnim terminie 28 Junii pan burmistrz nie tylko z pany raycami swemi do nas na ratusz nie przyszedł, faworuiąc iawnie Ostaphiiewiczowi, ale y pisarza iuż umyślnie, gwoli tey sprawie Trocewiczowey z domu swego nie puścił y acta onemu, aby Trocewiczowi szedłszy na ratusz roty nie pisał, pan burmistrz, odebrawszy, w domu swoim przy sobie gwałtem zatrzymał, czemu my urząd ieszcze temu nie wierząc, a czekaiąc czas niemały, na ratuszu naradziwszy się, posłaliśmy z pośrzodka siebie dwóch ławników przysięgłych, sławetnych pana Iwana Pankiewicza y Iwana Jachimowicza, w dom iego pana burmistrzów, prosząc y napominaiąc go, aby do nas na ratusz z collegami swemi y pisarzem przyszedł dla wydania Trocewiczowi roty przysięgi na szkodach iego podiętych, słuchali y odprawę na dobrach Ostaphiiewiczowych uczynili według approbacyi dekretu y listów ikmści, za Trocewiczem do nas urzędu pisanych; na które też ratusza posłańce nasze y listy pomienione y na winy, w ich opisane, pan burmistrz nic nie pamiętaiąc na powinność y na przysięgę swą urzędową, przed temiż ławnikami, których z ratusza po trzykroć w dom iego posyłaliśmy, powiedział: iakom tak tydzień tam na ratuszu nie był y teraz nie póydę y o tym niechcę wiedzieć, a nietylko rayców, ale y pisarza z domu swego nie puszczę, bo y acta onemu na tenczas odebrałem y do skrzynki mieskiey schowałem. A nadto przed temiż ławnikami chlubił się y mówił to: iż ia ieszcze z temi wszystkiemi listami, co xiąże iego mość pan kanclerz za Trocewiczem pisał, chcę sam iechać do Warszawy, do samego Władysława, gdyż te listy, mówi, snadnie mógł Trocewicz dostać od xiążęcia iego mci pana kanclerza za podarkami dobremi, tam że się, mówi, dowiem w Warszawie o liście upominalnym, ieżeli iest słuszny, albo nie, którego Trocewicz tam otrzymał za datkiem dobrym, gdyż y podpisu, mówi, własney ręki krolewskiey niemasz; y to powiedział, że ieszcze długo w tey sprawie końca Trocewicz z Ostaphiiewiczem otrzymać nie może, gdyż ia chcę z początku tę sprawę Ostafiowiczową przed samym królem iego mością wznowić. Za tym Trocewicz słysząc y mieniąc to, iż pan burmistrz, iako adversa pars, na zmowie z Ostaphiiewiczem y z naprawy iego iuż trzeci termin z otkładu naszego sam zwleka y umyślnie namówiwszy się z collegami swemi y pisarzem na ratusz nie poszedł, nie będąc ni w czym posłuszny rozkazaniu ikmści, Trocewicz domawiał się powtórzey, po trzecie, abyśmy dla tey zmowy y zwłoki nieprawney y z namowy iego burmistrza czyniący onego Fiedora Ostaphiiewicza w samey rzeczy wzdawszy, ten tysiąc złotych szkod iego podiętych, na których miał

przysięgać, bez przysięgi przysądziwszy, odprawę na maiętności Ostaphiiewiczowey uczynili. Przed nami tenże Trocewicz protestuiąc oświadczał na pana burmistrza o wzruszenie listu ugodnego, do którego się pan burmistrz y sam podpisał, a że tey sprawy pan burmistrz sam na tych trzech terminach pod nauszczeniem y buntami swemi ustawicznemi przysięgi Trocewiczowi wykonać nie dopuszczał, zaczym y niepłacenie zaręki tak na kościół farski Kamieniecki, iako y delatorowie w liście ugodnym opisane, płacić popadł. Co my urząd, widząc tak iawne y wielkie bezprawie y zuchwalstwo iego, a nadto zniewagę y nieposłuszeństwo tak dekretu iako y listu ikmci upominalnemu, protestowaliśmy się na pana burmistrza o tak iawny a znaczny upor iego, abyśmy gwoli iemu y collegom iego w paeny, które są w liście upominalnym opisane, nie popadli, a Trocewicz na nas wszystek urząd także o szkody dalsze, które sobie mianował na złotych tysiąc protestował, a na pana burmistrza także o szkody teraz nowo podięte, iako za zwłokami iego ustawicznemi, tak też y o pograbieniu onemu bygwałtem konia y nieprawnie oszacowanego na złotych pięćset przed nami urzędem protestował. O czym naradziwszy się z sobą, tam że na ratuszu, nie zaniechaliśmy do kancellaryi ikmści, o tym wszystkim przez tegoż Trocewicza pisaniem naszym oznaymić do wzięcia wiadomości z Warszawy, gdy żeśmy chcieli y gotowi byli ten dekret do exekucyi przywodzić ieszcze na pierwszym terminie, za requirowaniem Trocewiczowym, a za wydaniem po Ostaphiiewicza pozwa ieszcze na dniu 19 Aprila za pokazaniem listu ikmści upominalnego, iako y za listami po cztyry kroć za Trocewiczem do nas pisanemi, tak też y na drugim terminie iuż z otkładu naszego 21 Junii, iako y teraz na tym trzecim terminie 28 Junia, gotowiśmy byli tę sprawę Trocewiczową z Ostaphiiewiczem skończyć. Co iako się właśnie działo, ia woyt z collegami swemi y z urzędnikami bywszemi na ten czas na ratuszu będącemi, naradziwszy się z sobą, y czasu prawa, gdzie nam tego potrzeba będzie ukazowała u sądu ikmści stawszy, wszyści osobami swemi powinniśmy tę sprawę pod sumieniem sprawiedliwie, a nie inaczey zeznać; do którey tey deciziey y atestaciey naszey, iako bez bytności pisarza y nie maiąc act przy sobie, tedyśmy sami zgodnie iednostaynie ręce swe podpisaliśmy. Pisan w Kamieńcu, roku tysiąc sześćset czterdziestego pierwszego m-ca Junii dwudziestego ósmego dnia. U tego dekretu podpis rąk tymi słowy: Bohdan Stephanowicz—woyt Kamieniecki ręką; Fiedor Stephanowicz, woyt bywszy ręką; Fiedor Wonsowicz—woyt bywszy ręką swą, Marcin Zagurski — burmistrz bywszy ręką swą; ustnie a oczewiście proszony od pana Hrehora Worsicza o podpis rąk iako pisać nieumieiętnego Marcin Bocewicz ręką własną; proszony o podpis ręki od pana Iwana Pankowicza, iako pisać nieumieiętnego, Boris Czarnakowicz—pisarz starey rady ręką swą. Który to takowy dekret u sądu mieskiego Kamienieckiego ku aktykowaniu podany y do xiąg mieskich Brzeskich iest upisany.

1644 г.

Изъ книги за 1642—1645 годы, стр. 460—463.

130. Разслѣдованіе членовъ Брестскаго магистрата по дѣлу прихожанъ уніатской церкви св. Троицы съ Мискою и Дацомъ Кулбидами.

Вслѣдствіе жалобъ прихожанъ церкви св. Троицы на мѣщанъ Миску и Даца Кулбидовъ, Брестскій магистратъ отрядилъ изъ среды своей двухъ членовъ, которые производили въ разныхъ мѣстахъ дознанія; оказалось, что Кулбиды произносили угрозы противъ ткача, выбивали стекла и производили другія безчинства.

Die 10 mensis Maii, anno Domini 1644.

Przed urzędem burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzeskim, stanąwszy oblicznie sławetni panowie Iwan Bielkiewicz — rayca y Adam Kozłowski — ławnik zeznali inquizitią w sprawie niżey mianowaney y ku zapisaniu do xiąg miesckich Brzeskich na piśmie podali, która tak się w sobie ma:

Ia Iwan Bielkiewicz—rayca miasta Brzeskiego, będąc ia przydany z urzędu burmistrzowskiego, a ia Adam Kozłowski—ławnik także za przydaniem z urzędu lantwoytowskiego, na instantią parafian Brzeskich do cerkwi ś. Tróycy przynależących, Romana Jakowowicza, Siemiona Kozłowicza, Demiana Illaszewicza— starszych cerkwi świętey Troieckiey y Iwana Lasoty y innych wszytkich do parafiey cerkwi świętey Tróycy przysłuchaiących, za wywodzeniem chodziliśmy na inquizitią na ulicę Uhrynecką Brzeską, dowiaduiąc się o postępkach złych Miska y Daca Kułbidów, którzy różne przykrości w mieście Brzeskim mieszczanom wyrządzaią. Iakoż naypierwiey przyszedłszy do starey Krowczyney—mieszczanki Brzeskiey, którą wprzód boiaźnią Bożą napomniawszy, aby pod sumnieniem o Kułbidach, o uczynkach ich, powiedziała, która pod sumnieniem zeznała, że słyszała z ust Miska y Daca Kułbidów, którzy niewinnie łżyli, sromocili y pochwałkę czynili na tkacza, grożąc zabiciem na śmierć y ogniem spalenia chodoby iego, toż y niewiestka młoda Miskowa Krowczyna twierdziła, że o tym wszytkim, iako matka powiedziała y ona słyszała pochwałki od Daca y Miska Kułbidów na tkacza uczynione; także y Stanisław tkacz powiedział pod sumnieniem, iż na dom iego Dac y Misko Kułbidowie niewinnie nabiegaiąc przechwałkę czynili, sromocili, grożąc nocną porą zabić. Y zamordować onego y Korniło Czuprikowiec zeznał pod sumnieniem, że słyszał srogie pochwałki od Daca y Miska Kułbidów na Stanisława Tkacza uczynione, pochwalaiąc się ogniem spalić. Klim piwowarz uskarżał się: Dac y Misko Kułbidy u okna kamieńmi tłukli y mało dziecięcia iego nie zabili y nocną porą zabić zamordować Klima, przechwałkę czynili. Woszczyńskiey syn Panas Olichwierowicz powiedział y przyznał przed nami, że on słyszał, gdy Dac y Misko Kułbidowie na Stanisława Tkacza y na Klima piwowarza pochwałkę czynili, grożąc zabić, zmordować. Łukasz Boiarczy syn,

zeznał pod sumnieniem, że słyszał na Tkacza y na Klima, gdy Dac y Misko Kułbidy pochwałkę na zdrowie czynili, grożąc nocną dobą zabić. Iwan Snitka z żoną zeznali, że słyszeli, iż Misko y Dac Kułbidy Siemiona Kozłowicza łżyli, sromocili, nieuczciwego łoża synem nazywali, mówiąc, że Kozłowicz będzie w katowskich rękach. Jośko Kopet z żoną obie o sobie zeznali też słowa, co Snitka Iwan zeznał, iakoż y sam Siemion Kozłowicz uskarżał się przed nami, że Misko y Dac Kułbidy na niego oczewiście pochwałki uczynili pod domem iego, idąc z więzienia od pana lantwoyta, powiadaiąc y grożąc, że siedzisz Siemienie w białey izbie teraz, ale nie zadługo chałupa twoia obróci się w biały popiół, a nie tylko twoia izba, ale y cerkiew Troyca, tak iako Woskrzesieńska w popiół się obróci y iako tatarska kłunia dymem w zgórę póydzie. O którey takowey pochwałce słysząc panowie parafianie cerkwi świętey Tróycy na Daca y Miska Kułbidów protestowali się, a nie będąc bezpieczni zdrowia, chodoby y maiętności swych y cerkiewnych, świadczyli się y protestowali. Którą inquizitią uczyniwszy, cośmy słyszeli, to wszytko porządnie spisawszy do urzędu wnów podaiemy za pieczęćmi y z podpisami rąk naszych. Pisan w Brześciu, roku miesiąca y dnia wysz pisanego. U tey inquizitii podpis rąk temi słowy: Иванъ Бѣляковичъ рукою райца; Adam Kozłowsky—ławnik ręką swą. Która inquizycya dla czasu przyszłego, iest do xiąg miesckich Brzeskich zapisana.

1644 г.

Изъ книги за 1642—1645 г. стр. 546—554.

131. Опредѣленіе Брестскаго магистрата по дѣлу между священникомъ Брестской Спасской церкви Стефаномъ Концевичемъ и мѣщаниномъ Брестскимъ Тихономъ Некратовичемъ.

Священникъ Брестской Спасской церкви Стефанъ Концевичъ внесъ въ магистратъ жалобу на мѣщанина Тихона Некратовича, будто онъ неправильно завладѣлъ церковною сѣножатью. При разслѣдованіи дѣла оказалось, что священникъ не имѣетъ никакихъ документовъ въ доказательство своихъ правъ, а Некратовичъ подтвердилъ законность своего владѣнія, какъ документами, такъ и посвидѣтельствованіемъ лицъ достойныхъ вѣры. Магистратъ присудилъ землю отвѣтчику; но священникъ подалъ апелляцію къ королю. Въ дѣлѣ этомъ приводятся разныя привилегіи королей вообще на земли Спасской церкви.

Die tertia mensis Augustii, anno Domini 1644.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście króla iego mości Brzesckim, na zwykłym miescu sądowym w ratuszu przed nami Janem Kurianowiczem, Jaroszem Soroką—burmistrzami, Marcinem Kaczyńskim, Łukaszem Pomarzańskim, Foltinem Ryzlerem, Wasilim Soroką, Iwanem Bielkiewiczem—raycami, gdy sprawa przypadła ku sądzeniu wielebnego oyca Stephana Koncewicza—prez-

bitera cerkwi Brzeskiey założenia Przemienienia Pańskiego, a po russku założenia świętego Spassa, z Tichonem Nekratowiczem — mieszczaninem Brzeskim, tedy obiedwie stronie oczewiście u sądu stanowili się i moc umocowanym swym, ociec prezbiter Spasky — panu Mikołaiowi Skołdyckiemu, a Tichon Nekratowicz — panu Kazimierzowi Brzeznickiemu ku mówieniu prawnemu zlecili. Zatym umocowany strony powodowey pan Mikołay Skołdycky, dowiodłszy pozwu przez sługę urzędowego Krzysztopha Gromadzkiego słusznie podanego, żałował na pomienionego Tichona Nekratowicza, yż on niewiedzieć iakim prawem y od kogo sianożęć, z dawnych wieków cerkwi świętego Spasa należącą, dzierży y wszelakich pożytków zażywa, czego dowodząc pokładał testament priwatny Maryi Hucowey nadania połowicy Ostrowia sianożęci pod Murawcem do cerkwi świętego Spasa Brzesckiey. Pisan w Wilnie msca Jula siódmego dnia, indikta piętnastego *), bez żadnego podpisu, tylko z pieczęcią przyciśnioną. Przytym pokładał listów cztyry i. k. mci, pana naszego miłościwego, świętey pamięci Zygmunta, z łaski Bożey króla polskiego y wielkiego xiążęcia Litewskiego, Prusskiego, Żmudzkiego y innych, za napisaniem y czołobiciem od niegdy dawno zeszłych burmistrzów, radziec y wszytkich mieszczan Brzesckich, którzy wnosili prozbę swą do i. k. królewskiey mci, pana naszego miłościwego, za prezbiterem cerkwi świętego Spasa za Muchawcem, na ymie oycem Hrehorym, który to ociec Hrehory przekopał ziemicę cerkiewną, tey cerkwi należącą,—przez łąkę y rzekę Bug tym przekopem puścił, gdzie pierwiey rzeka Bug szła y tam w tym Bużyszczu ieziorko siało, y to ieziorko y z zatokami świętey pamięci Alexander król iego mość, pan nasz miłościwy, tey cerkwi Bożey świętego Spasa dał, tak daleko y szeroko, iako się ta ziemica cerkiewna zdawna podle Buga leży w wierzchu y w nizie, którą tę ziemicę y ieziorko Bużyszcze y z zawoniami, s toniami y z otmieli cerkwi świętego Spasa listem przywileiem swym utwierdzili na wieczne czasy przeszłemu oycu Hrehoremu y po nim będącym. Ten list i. k. mci pisany w Toruniu Septembra 29 dnia, indicta dziewiątego *). A na dalszy dowód pokładał list świętey pamięci tegoż Zygmunta króla iego mci, pana naszego miłościwego, pisany w te słowa, z pisma russkiego na polskie przetłumaczony:

Zygmunt, z Bożey łaski król polski etc. Marszałku naszemu, staroście Brzesckiemu y Lidzkiemu, panu Juriu Iwanowiczu Illiniczu y innym starostóm Brzesckim, kto y na potym od nas będzie Brześć trzymał. Bił nam czołem pop świętego Spasa z Brześcia, na ymie Hrehory, y powiedział przed nami, że on ma ziemicę cerkiewną podle Buga y na tey ziemicy przekopał rów przez łąkę, y iuż tym rowem przez cerkiewną ziemicę na łąkę Bug ydzie, y którędy ten Bug szedł, tedy w tym Bużyszczu trzy tońki stali się, iedna w wierzchu rowa, a druga podle rowa, a trzecia w mogiłce, które tońki brat nasz szczęśliwey pamięci Alexander król iego mość dał do tey cerkwi Bożey świętemu Spasowi, na wyżywienie popom na wieczność. Y na to list brata naszego przed nami pokazywał y bił nam czołem, abychmy onemu na to dali nasz list y potwierdzili to listem naszym do tey cerkwi Bożey na wieczność. Y my wysłuchawszy z tego listu brata nasze-

*) То есть 1632 года.

*) Т. е. 1506 года.

go, z łaski naszey nadali onemu ten list nasz y potwierdzamy te tońki tym naszym listem wiecznie świętey cerkwi Bożey—świętemu Spasu, podług listu brata naszego: niechay ten pop Hrehory y po nim będące popy, które w tey cerkwi Bożey będą służyć, te tońki ku tey cerkwi Bożey trzymać tak długo y szeroko, iako zdawna cerkiewna ziemica te Bużyszcze obięła na górę y w niz Buga y pożywienie z tego maią, a za nas Boga proszą, a ty by w to nie wstępował y rybakom naszym Brzesckim nie kazał wstępować się. Pisan w Brześciu Januaryii dziewiątego, indicta czwartego *). Ten lest i. k. mci bez żadnego podpisu, tylko z pieczęcią przyciśnioną pokładany był. Trzeci list tegoż Zygmunta króla iego mości, pana naszego miłościwego, popowi Spaskiemu Michayłowi nadany na tęż sianożęć y trzy tońki pokładał, pisany w Toruniu, Januarii dwudziestego ósmego dnia, indicta ósmego **), z pieczęcią y z podpisem ręki i. k. mci, w te słowa podpisaney: Sigismundus rex; także y podpis ręki pisarza i. k. mci tymi słowy: Kopot pisarz. Przytym y czwarty list i. k. mci Zygmunta pierwszego, pisany do starosty Brzesckiego, marszałka y dzierzawcy Wilkieyskiego y Ostryńskiego, pana Alexandra Iwanowicza Chodkiewicza na dowód pokładał, w którym liście i. k. mci opisuie, iż za prośbą prezbitera cerkwi świętego Spasa Afanasa, yż onemu mieszczanin Brzescky Onufry w ewanielii cerkiewney opisał y ziemicę nadał, z polmi y z sianożęciami, y z drzewem bartnym, ;y z ostrowem Hruszewcem y granicę tego ostrowia Gruszowca oznaczył w teyże iewanielii russkiey od Ternowey łąki po dolinę po Orłowo gniazdo k długiemu iezioru cerkiewnemu świętego Spasa. A yż niektóre panowie boiare, dworzanie, także y mieszczanie wiele ziemi, sianożęci y drzewa bartnego u pierwszych popów cerkiewnych pokupili, a insi swowolnie zabrali, tedy iego królewska mość staroście Brzesckiemu roskazywać raczy, aby od wszelakich krzywd Afanasa, popa Spaskiego, bronił y sianożęci cerkiewnych zabierać y przedawać nie dopuszczał. Data tego listu w Wilnie, roku Pańskiego tysiąc pięćset dwudziestego dziewiątego, mca Junii dziewiątego dnia, indicta wtórego.

A pokazawszy takowe iasne dowody listami y przywileiami i. k. mci, pana naszego miłościwego, przeszłym popom Spaskim nadane y confirmowane, teraznieyszy successor, wielebny ociec Stephan Koncewicz— prezbiter cerkwi Spaskiey, przysądzenia tey łąki, także iezиorek trzech, nazwanych uroczyszczami wysz mianowanemi, z zatokami, z toniami y z łowieniem ryb, także z używaniem sianożęci domawiał się.

A strona pozwana Tichon Nekratowicz, przez plenipotenta swego pana Kazimierza Borznickiego, czyniąc odkaz na żałobę, powiedział, iż co wielebny ociec Stephan Koncewicz — prezbiter cerkwi Spaskiey Brzesckiey, pozywa Tichona Nekratowicza o sianożęć iego dziedziczną, własną, za miastem Brzesckim, pod przysądem prawa magdeburskiego za Bugiem leżącą, pod Murawcem, ob miedze sianożęci popa Spaskiego, a z drugą stroną ob miedzę sianożęci Petoszyńskiey, czołem do Murawca, a tyłem do Bugu, iakoby miała bydź cerkiewną, do cerkwi świętego Spasa przynależącą, tedy tego żadnym sposobem dokazać nie może, niewinnie y nienależnie turbuie, abowiem ta sianożęć nigdy do cerkwi Spaskiey nie należała y nie należy, gdyż tę sianożęć nieboszczyka Konacha Abramowicza, ociec iego,

*) То есть въ 1516 году.

**) То есть 1520 года.

nieboszczyk Nekrat Chodorowicz wiecznością nabywszy, przez lat dwadzieścia y trzy w posessyi maiąc, spokoynie trzymał y używał, która sianożęć po śmierci iego oyca Nekrata successionaliter na Tichona Nekratowicza iure haerediiario spadła. A maiąc z fundamentu prawo oycowi iego wiecznością służące y na urzędzie burmistrzowskim Brzesckim przyznane, pokładał kupno wieczyste od Konacha Abramowicza list, zapis słuszny y prawny, pod datą roku tysiąc sześćset dwudziestego wtórego, miesiąca Junii dwudziestego dziewiątego na sianożęć Abramowiczowską, z którey antecessorowie iego y nieboszczyk ociec iego Nekrat Chodorowicz, pobory do skarbu i. k. mci, pana naszego miłościwego, y wszelaką powinność mieyscką pełnili, y teraźnieyszy pozwany Tichon Nekratowicz we wszelakich ciężarach miesckich, podług zastanowienia oyca iego dosyć czyni. Zaczym strona pozwana przy pokazanym prawie wiecznością przez oyca iego Tichona kupnym domawiała się, aby ta sianożęć, o którą oyciec Spasky niewinnie turbuie, Tichonowi Nekratowiczowi przysądzona była. A co ociec prezbiter cerkwi Spaskiey listy, przywileia i. k. mci, pana naszego miłościwego, pokazuie, tedy to nie na tą sianożęć Abramowiczowską należą, ale na drugą sianożąć Onofriiewską cerkiewną, którą sianożęć oycowie prezbiterowie cerkwi Spaskiey z dawnych czasów trzymali y teraźnieyszy ociec Spasky Stephan Koncewicz pomienioną sianożęć Onufriiewską, Ostrow ze trzema toniami, trzyma y używa, podług granic w prawach iego opisanych, ob miedzę teyże sianożęci leżącą, przy którey sianożęci cerkiewney y onemu Tichonowi ociec Spasky prawem wieczystym sianożęć nabytą, przyłączaiąc niesłusznie do cerkiewney sianożęci odeymować chce ku wielkiey krzywdzie y szkodzie. Jakoż na dalszy dowód obiedwie stronie żądali, aby urząd na te sianożęci wyszedłszy różnice gruntów sianożętnych, także y przekopania Bużyszcza oglądali y granice uznali. Y gdy my urząd na pomienione sianożęci wyszli, tedy naypierwiey ociec Spassky sianożęć cerkiewną, którą w possessyi swey trzyma, granice tey sianożęci okazywał, począwszy od Tarnowey łąki po dolinę, po Orłowe gniazdo ko długiemu iezioru cerkiewnemu, przy którey sianożęci y drugą sianożęć Abramowiczowską mianował bydź do teyże sianożęci cerkiewney należącą, na którą drugą sianożęć prawa żadnego nie okazał y w possessyi nigdy nie trzymał. Lecz strona pozwana Tichon Nekratowicz dawał sprawę, że ociec Spasky podług praw swych inszą sianożęć cerkiewną, w starych granicach będącą, trzyma, a tę sianożęć drugą w osobliwym ocerklowaniu okazywał, z iedney strony od sianożęci cerkwi Spaskiey wierzbami zasadzoną, z drugiey strony do rzeki Buga aż do sianożęci Petoszyńskiey, kończy się do rowu; na dowód stawił ludzi starych, postronnych, z Murawca, mianowicie Siemiona Steciewicza, drugiego Hrica Stephanowicza, trzeciego Hrica Jośkowicza, a czwartego Hrica Hucewicza, którzy pod sumnieniem na tych sianożęciach przed nami urzędem przy obecności oyca Spaskiego zeznali, iż granica sianożęci cerkwi Spaskiey kończy się po sianożęć Konacha Abramowicza y ta sianożęć, o którą prza idzie, nie do cerkwi Spaskiey, ale Tichonowi Nekratowiczowi należy.

My urząd w sprawie wielebnego oyca Stephana Koncewicza— prezbitera cerkwi Spaskiey Brzeskiey, z Tichonem Nekratowiczem— mieszczaninem Brzeskim, wysłuchawszy controversyi obudwu stron,

ponieważ ociec Spasky tylko na iedną sianożęć Hucewską y Onufriiewską na Ostrów ziemicy sianożętney, pod Murawcem leżącey, y trzech toniey z wolnym łowieniem ryb prawa listy i. k. mości, pana naszego miłościwego, pokazywał, które pro sacrosancto zachowawszy przy posessyi tego Ostrowia oyca Spaskiego y successorów iego zostawuiemy; a iż na drugą sianożęć Konacha Abramowicza prezbiter Spasky żadnego prawa ani świadectwa nie okazał, tylko gołymi słowy mianował, a strona pozwana Tichon list zapis urzędowy na urzędzie burmistrzowskim Brzeskim przyznany y possessią słuszną kupna tey sianożęci oyca swego Nekrata, pod datą roku tysiąc sześćset dwudziestego wtórego, miesiąca Junii dwudziestego dziewiątego dnia okazał y granice ludźmi staremi, postronnemi, wiary godnemi, świadectwem dowiodł, z tych miar przy liście zapisie urzędowym y przy posessyi, także y przy świadectwie ludzi postronnych na dalszy dowód nakazuiemy Tichonowi Nekratowiczowi przysiąc na tym, iako ta sianożęć Abramowiczowska nigdy cerkiewną nie była y sianożęć cerkiewna kończy się o sianożęć iego Abramowiczowską y onemu po oycu iego Nekracie dziedzictwem należy, a po przysiędze Tichonowi Nekratowiczowi sianożęć Abramowiczowską przysądzamy wiecznie. A ociec prezbiter Spasky, cum toto causae effectu, do sądu i. k. mści, pana naszego miłościwego, assesorskiego apellował. Urząd apellacyi dopuścił y termin obiema stronom przed sądem i. k. mści, gdzie i. k. mość szczęśliwie dworem swym bydź będzie raczył, ieśli w Koronie polskiey za ośm, a ieśli w wielkim xięztwie Litewskim— za niedziel cztyry, od daty tego dekretu po otworzeniu limitacyi w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym czwartym stanowić się naznaczył, a strony tak powodowa, iako y pozwana iedna na drugą o szkody po złotych pięciuset protestowali się, a w tym czasie siana złożonego w stogu z sianożęci brać nie maią, aż do rosprawy za apellatią. Co iest do xiąg mieskich Brzeskich zapisano.

1644 г.

Изъ книги за 1642—1645 г. стр. 611—644.

132. Арендная запись на лавку и другіе городскіе доходы въ городѣ Брестѣ жидамъ Брестскимъ.

Брестскій магистратъ, нуждаясь въ деньгахъ на подъемъ королевскому дворянину и Датскому послу, отдалъ за 500 зл. въ арендное содержаніе Брестскимъ жидамъ городскіе доходы, какъ то: сѣнную буду, мѣрное, солодовенное, мостовое, рѣзничное и другія мыта, срокомъ на одинъ годъ. Въ счетъ этой суммы магистратъ взялъ 100 зл., остальные же 400 будетъ брать по мѣрѣ надобности.

Die 29 mensis Octobris, anno Dni 1644. My burmistrze y rayce miasta Brzeskiego, czynimy wiadomo tym naszym arendownym listem zapisem każdemu, ko-

mu by o tem wiedzieć należało, iż będąc my pilnie potrzebni summy pieniędzy na podięcie dworzanina i. k. mci, pana naszego miłościwego, iego mci pana Kucborskiego, także na podięcie posła Duńskiego, który iechał do króla iego mci y na inne potrzeby miesckie różne, a nie mogąc zkąd pieniędzy nabyć, arendowaliśmy przed czasem na rok, da Pan Bóg przyszły 1645, budę sienną, pomierne od wszelakiego różnego zboża, także stołkowe, słodowe, do tego myto brukowe, mostowe, iatki rzeźnicze y dochody od każdego rogatego bydła bitego, po groszu litewskiemu, od drobnego po trzy pieniądze, łoiowszczyzny od rzezników brać w rok po złotemu iednemu od połca słoniny y od sadła po groszu litewskim y wszelakie dochody, według dawnego zwyczaiu na ratusz Brzescky przynależące, opatrznym Szmerkowi Jakubowiczowi y Mowszy Jozwowiczowi i Izraelowi żydom Brzesckim na rok cały za 500 złotych polskich. Rok zaczyna się tey arendzie od Srodopościa roku 1645, a kończyć się ma w roku, da Pan Bóg, przyszłym 1646, także o Środopościu; którą arendę pomienieni żydzi, małżonki y dzierżące od nich spokoynie dotrzymać maią przez żadney przeszkody. Także na tę arendę na przyszły rok gotowych pieniędzy ad rationem wzięliśmy złotych sto, a złotych cztyrysta, według potrzeby miesckiey, przyszłym panom burmistrzom y nam, raycom, oddawać maią y kwity od nas brać maią. Do którey arendy ręce swe podpisaliśmy y pieczęć przycisnęli. Pisan w Brześciu dnia 29 Octobra, anno Domini 1644.

1644 г.

Изъ книги за 1642—1645 г. стр. 197—201.

133. Опредѣленіе короля Владислава IV по дѣлу между Брестскимъ магистратомъ и мѣщаниномъ лавникомъ Станиславомъ Ясицкимъ.

Вслѣдствіе жалобы Брестскаго магистрата на мѣщанина Ясицкаго, что онъ самовластно завладѣлъ достоинствомъ лавника и, пользуясь покровительствомъ войта, производитъ разныя обиды мѣщанамъ—однихъ избиваетъ, у другихъ убиваетъ дѣтей, король, по выслушаніи обѣихъ тяжущихся сторонъ, постановляетъ: послать въ городъ Брестъ двухъ своихъ секретарей ксендзовъ для разслѣдованія этого дѣла на мѣстѣ въ присутствіи магистрата и общества мѣщанъ.

Władysław IV, z łaski Bożey, król polski, etc. Oznaymuiemy tym listem naszym wszem wobec y każdemu zosobna, komu by o tym wiedzieć należało, iż zapozwany był do nas y sądu naszego pozwem mandatem naszym sławetny Stanisław Jasicki — mieszczanin Brzeski, z sprawy niżey opisaney, na instantią y prawne popieranie sławetnego magistratu Brzeskiego, o to, iż on pozwany będąc nowo przybyłym do miasta, nie uczyniwszy żadney przysługi miastu, bez electiey rzeczy-pospolitey miasta Brzeskiego, ważył się, nie wiedzieć iakim prawem, na urząd mieyski ławniczy nastąpić, przysięgę, nie wiedzieć gdzie, a nie w ratuszu, wykonywać, na którym urzędzie nie zachowuiąc się podług praw

y przywileiów naszych, nie chcąc się w różnych krzywdach mieyskich przed magistratem sprawować, list od urodzonego woyta Brzeskiego wyprawiwszy, sługą się mieniąc, mieszczan naszych mieyskich oskarżał, na dekreta mandaty nasze, także na dekreta magistratu Brzeskiego następował, praw y wolności mieyskich nie przestrzegał, iakoż za przyczyną onego y lantwoyta Brzeskiego woyt tameczny, nie dbaiąc nic na zarękę, w dekrecie naszym opisaną y mieszczan naszych bezpieczeństwem zdrowia obwarowanych, roskazał w domu onego pozwanego, na sądach siedząc, nielitościwie zbić, zmordować y on sam pozwany osobą swą mieszczanina naszego na imie Jana Zdanowicza, naszedłszy w dom, iego małżonkę zbił, zmordował; drugiemu mieszczaninowi Oleszkowi Rymarowiczowi brodę wytargać y onego zdespectować ważył się, a nadto dziecie mieszczaninowi naszemu Mikołaiowi Kaczyczowi zabił y onego w więzieniu trzymał, na dom iego nachodził; do tego pochwałki na rożne mieszczany, a osobliwie na Jana Kaczyńskiego, na zdrowie iego przegrożki czynił, nic na list zapis na urzędzie mieyskim Brzeskim małżonce swey przyznany nie dbaiąc, cassatii iakiey się na pomienionym Kaczyńskim, strasząc zabiciem na śmierć, wymagał, Bazylemu Rapowiczowi — pisarzowi radzieckiemu miasta naszego Brzeskiego, wydawać intromissyi na Kotelnią potomkom niebosczyka „Aragoniego zabronił y zaręczył, nie dbaiąc nic na rozłączenie sądów', dekretem naszym y wielkierzem Wileńskim uspokoionych y wiele innych oppressyi mieszczanom naszym w nadziei łaski woytowskiey podziałał. Jako to szerzey w pozwie mandacie naszym opisano y dołożono iest. Na roku tedy dzisieyszym, z tego pozwu mandatu naszego przypadaiącym y dotąd się kończącym, gdy strony pomienione powodowa przez szlachetnego Józefa Piotrowicza, pozwana zaś sławetny Stanisław Jasicki, oczywiście y przez szlachetnego Stanisława Skurczyńskiego, umocowanych swoich, w sądzie naszym stanęły y tego terminu pilnowały. Zaczym umocowany powodowey strony skargę swą z pomienionego pozwu mandatu naszego przeciw pozwanemu przekładał; przeciwnym zaś sposobem pozwany, ponieważ iako priwatny mieszczanin, pominąwszy primae instantiae subsellium, prosto za dworem naszym iest zapozwany, forum w sądzie naszym excipował. My król, przez pany rady y urzędniki nasze, na sądy zadworne asessorskie wysadzone, controversyi stron pomienionych wysłuchawszy y one dobrze zrozumiawszy, ponieważ sprawa teraznieysza nie o privatną iniurię, ale de modo electionis, iakim prawem pozwany na urząd ławniczy obrany iest, toczy się do tego, iż magistrat trzymaiąc na sobie partes actoris w sprawie swoiey pro iudicio competenti nie mógłby censeri, przeto foro competenti adinvento stronie pozwaney daley in causa procedere nakazaliśmy. In procedendo tedy umocowany pozwaney strony naprzód, co się tknie electiey na ławnikowstwo, tedy iż legitime za zgodą y spólnym zezwoleniem magistratu y communitatis miasta Brześcia obrany iest y że iurament na ten urząd ławniczy bez żadney na tenczas contradictiey wykonał, inferował; co się zaś dotycze iakoby dziecie Mikołaiowi Kaczyczowi — mieszczaninowi Brzeskiemu zabić miał, tedy citra ullam agnitionem facti, ponieważ ta obiectio delicti w mieście Brzeskim facta, praetenditur remissyi w tym punkcie ad primae instatiae subsellium, kędy niewinność swoię oświadczyć y wywieść powinien będzie

affectował. Co się zaś tknie innych strony powodowey punctów, w pozwie mianowanych, tych absolute negował. My król przez też pany rady y urzędniki nasze controversyi stron pomienionych wysłuchawszy y one dobrze zrozumiawszy, ponieważ pozwany Stanisław Jasicki legitime się za ławnika obranym bydź mianuie, czemu iednak magistrat Brzeski nie przyznawaiąc, aby na takowe obranie na ławnikowstwo pozwanego consens tak onego magistratu, iako y communitatis (co krom samych tylko ławników, a urodzonego podkomorzego y woyta Brzeskiego) miał nastąpić, contradicuie, przeto tak strony takowey electiey, iako y innych contentów w pozwie mianowanych, do których się pozwany nie przyznawa, wyiąwszy obiectią strony zabicia dziecięcia iednego mieszczanina Brzeskiego, pozwanemu zadaną, który punct ad primae instantiae subsellium, to iest, do urzędu radzieckiego y sądu ławniczego Brzeskiego, tanquam ad locum delicti pro cognitione et decisione odsyłamy, żadney cognitiey y decisiey naszey na ten czas nie uczyniwszy y owszem onę in suspenso zostawiwszy, na sprawę tę pewnych inquisitorów naszych zesłać y deputować umyśliliśmy, iakoż zsyłamy y deputuiemy wielebnych xiędza Jerzego Niewiarowskiego y xiędza Krzysztofa Przecławskiego— sekretarzów naszych, którzy na dzień trzydziesty miesiąca Decembra w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset czterdziestym czwartym blisko przypadaiący, iako na rok zawity do miasta naszego Brześcia ziechać y stronom pomienionym stanowić się przed sobą roskazać maią y tam: naprzód strony electiey, weyrzawszy w prawa, przywileia y dekreta, tak relacyine, iako y sądu naszego assessorskiego, iakim porządkiem electia na ławnikowstwo odprawować się zwykła, przyzwawszy ku temu osób urzędowych z magistratu y ex communitate miasta Brześcia, którzy do takowey electiey należeć zwykli, tak ex circumstantiis przywileiów y dekretów naszych, iako y ex depositionibus testimoniorum praevio super eiusmodi depositionibus ipsorum iuramento corporali inquirowali y investigowali, ieżeli ten Stanisław Jasicki rite atque legitime, podług praw y przywileiów, miastu Brześciu na electią urzędników mieyskich nadanych, za ławnika obranym iest, tudziesz y o tym, ieżeli ten pozwany Jasicki takowe subordinatie na zniewagi y zdrowie ich y inne despecty, w pozwie mandacie naszym in vim propositionis, od strony powodowey podanym, specyfikowane, onym actorom, albo któremukolwiek z nich czynił y wyrządzał. Co tak z produkowanych przywileiów, munimentów y dowodów, albo świadectw od oboiey strony indukowanych na każdy punct, iako naylepiey wyrozumiawszy y deposicie każdego świadka (seorsive onych examinuiąc) wysłuchawszy, abyście to porządnie spisali y takowy act inquisitiey swey connotowawszy, przytym de actu et data wszytkie literatoria documenta oboiey strony, do sprawy tey należące, do nas y sądu naszego, nic uczyniwszy w tey mierze żadnego rozsądku swego pro cognitione finali, in occluso rotulo zapieczętowawszy, odesłali; nieprzybycie iednak iedney osoby na ten termin z pomienionych inquisitorów naszych nic to actorowi inquisitorskiemu szkodzić y denegować niema, ale ten, który przybędzie takową inquisitią odprawować y kończyć ma. Po którey inquisitiey odprawieniu y dokończeniu tedy znowu stronom obiema termin ku przysłuchaniu się dalszemu w tey sprawie dekretowi naszemu za niedziel dwie bez żadnych przypozwów naznaczamy y

conserwuiemy zawity mocą ninieyszego dekretu naszego. Na co dla lepszey wiary, pieczęć naszą wielkiego xięstwa Litewskiego przycisnąć roskazaliśmy. Dan w Warszawie, we czwartek nazaiutrz po święcie ś. Andrzeia apostoła, roku Pańskiego tysiąc sześćset czterdziestego czwartego, panowania królestw naszych polskiego y szwedzkiego dwunastego roku. Albrycht Stanisław Radziwił — canclerz wielkiego xięstwa Litewskiego. Co iest do xiąg miesckich zapisano.

1664 г.

Изъ книги з а 1661—1676 г. стр. 309—310.

134. Дарственная запись на сѣножать Брестской православной церкви св. Пречистой и Симеона Столпника отъ мѣщанъ Луки и Настасьи Хавраевичей.

Брестскіе мѣщане Хавраевичи, во исполненіе завѣщанія своего отца, записываютъ православнымъ церквамъ св. Пречистой и св. Симеона сѣножать, находящуюся на той сторонѣ Бужища.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lith., die vigesima quarta mensis Mai, anno Domini 1664.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście ikmści Breskim, przed nami Jędrzeiem Kąstanowiczem, Janem Hlebanowskim—burmistrzami, Romanem Matfieiewiczem, Grygierem Dziatkowiczem, Ostapem Marcinowiczem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym stanąwszy personaliter sławetny p. Fiedor Hłaholewicz y p. Łukasz Chawraiewicz wespół z pp. małżonkami swemi, ten zapis do xiąg mieskich burmistrzowskich Brzeskich podali, w te słowa pisany.

Ja Łukasz Chawraiewicz y ia Anastazya Chawraiowna Fedorowa Hłaholiczka, z przytomnością p. małżąka mego potomkowie pozostali p. Matfieia Chowraia—mieszczanina Brzeskiego, czyniemy iawno y dobrowolnie zeznawami tym listem naszym dobrowolnym zapisem, iż co pomieniony p. ociec nasz Matfiey Chawray, zchodząc z tego świata, dla zbawienia duszy swoiey, liegował na cerkwie prawosławne Brzeskie, to iest, narodzenie przeczystey Panny Boga Rodzicy y s. Symeona Stołpnika połowicę sianożęci Warywodzinskiey, leżącey za monasterem Rożestwieńskim, na tamtey stronie Bużyszcza, pod gaiem samym Płożyckiego, wedle Darek, iako też y druga połowica teyże sianożęci legowana iest na też cerkwie pomienione od nieboszczyka p. Iwana Chawraia, stryia naszego; tedy my, teraz tey świątobliwey y pobożney woli oyca swego niechcąc ni w czym naruszać, wiecznemi czasy tey połowicy sianożęci wstępuiemy y zrzekamy się, tak że ani my sami, ani potomstwo nasze po nas nigdy się do tego odzywać, ani żadnego pretextu mieć nie będziemy; ale wielebni oycowie zakonnicy, przy tych cerkwiach zostaiące, iako iuż po śmierci niebożczyka rodzica naszego zaraz tey sianożęci zażywać poczeli, tak y teraz niechay zdrowi zażywaią y z oney korzystaią, także y sukcessorowie po nich, którzyby w prawosławii statecznie y w posłuszeństwie zawsze metropolity prawo-

sławnego kiiowskiego znaydowali się, tey sianożęci używać y pożytki z niey zbierać będą. A że ta sianożęć od nieboszczyka pana Iwana Bułyhi zastawnym się sposobem nieboszczyku p. oycu naszemu y p. Iwanowi Chawraiowi stryiowi naszemu w pięciuset złotych dostała, którey summy ieszcze do tych czas nam ani p. oycu naszemu nie oddawano, tedy ieżeliby należna osoba do tego chciała tę sianożęć u oyców kupić y spełna wszystkie pięćset złotych polskich odłożyć, maią one pieniądze nie gdzie indziey, tylko na tęż cierkiew narodzenia przeczystey Panny Boga Rodzicy y s. Symona Stołpnika, z wiadomością bractwa cerkiewnego Brzeskiego prawosławnego, być obrócone y zupełna na potrzeby domu Bożego oddane. Których się my y potomstwo nasze odzywać y per successionem ich dochodzić nigdy nie będziemy. Owszem ieżeliby kto inszy miał o tę sianożęć, albo też o same pieniądze turbacye,krzywdy y przeszkody czynić, tedy my powinni będziem u każdego prawa y sądu stawać, bronić, zastępować y oswobadzać tyle, ile tego potrzeba ukaże, czyniąc to wszystko dla pomnożenia chwały Bożey y dla zbawienia duszy swoiey, także y dla zmarłego niebożczyka rodzica naszego. Prawa też na tę sianożęć tak od niebożczyka p. Iwana Bułyhi, iako y od p. oyca naszego y p. stryia poczynione, które teraz podczas inkursyi różnych nieprzyiaciół pogineli, ieśliby na potym się gdzie znaleźli, bona fide oddać to wszystko y wrócić przerzeczonym obiecuiemy. I natośmy dali ten nasz list, dobrowolny zapis z podpisem rąk przyiacielskich y z przyciśnieniem pieczęci ich. Działo się w Brześciu, roku Pańskiego tysiąc sześćset sześćdziesiąt czwartego, miesiąca Maia dwudziestego szóstego dnia.

U tego listu zapisu dobrowolnego podpis rąk temi słowy: Ustnie proszony o podpis ręki do tego zapisu od pana Łukasza Chawraiowicza, Andrzey Konstanowicz—burmistrz, iako pisać nieumieiącego; Өедоръ Глаголевичъ—райца Берестейскій—рукою моею, именемъ яко злетилъ тежъ рукою до сего запису подписуюся рукою властною; ustnie proszony do tego zapisu zobu stron o podpis ręki Roman Matfieiewicz—rayca miasta ikmści Brześcia. Który to list zapis dobrowolny do xiąg mieyskich Brzeskich wpisany.

1665 г.

Изъ книги за 1661—1676 г. стр. 391—392.

135. Духовное завѣщаніе мѣщанки Брестской Устинки Костюковичевой, которымъ она записала домъ своему мужу и кораллы церкви св. Симеона

Брестская мѣщанка Устинья Костюковичовая завѣщаетъ своему мужу домъ, доставшійся ей отъ перваго мужа, 30 *московскихъ денгловъ* на шнурѣ и 20 кораллов на образъ въ церковь св. Симеона.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithvaniae, die vigesima septima mensis Februarii, anno Domini 1665.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście i. k. m. Brzeskim, przed nami Jędrzeiem Kąstanowiczem y Janem

Hlebanowskim — burmistrzami, Romanem Matfieiewiczem, Fedorem Hłaholewiczem, Michałem Markiewiczem, Grygorem Dziatkowiczem, na zwykłym mieyscu sądowym stanowszy oblicznie sławetni panowie Hawryło Romanowicz y Ostap Marcinowicz—raycy miasta i. k. m. Brześcia, zeznali testament ostatniey woli utściwey Ustymki Manciukowny Fedorowny Konstantowey Kostiukowiczowey—mieszczanki Brzeskiey, pod iuryzdyką magdeburską mieszkaiącey y ku zapisaniu do xiąg miesckich burmistrzowskich Brzesckich podali na pismie, który to testament, wpisuiąc słowo do słowa, tak się w sobie ma:

W imie Oyca, y Syna y Ducha świętego, amen. Ja Ustymka Manciukowna Fedorowna Konstantynowna Kostiukowiczowa— mieszczanka Brzescka, czynię wiadomo tym moim ostatniey woli mey testamentem, iż ia, będąc na ciele chora, ale na umyśle dobrze zdrowa, z dobrym rozmysłem takowe rozporządzenie po śmierci moiey mieć chcę: naprzód duszę moię w ręce miłosierdzia P. Boga y Twórcy swego oddaię, a ciało moie grzeszne ku pogrzebom, które ma bydź pachowane w cerkwie Zamuchawieckiey świętego Symeona, według obrządku chrześciańskiego, przez małżonka mego Konstantego Kostiukowicza, imie moie aby w sobotnik było wpisane, na to zapisuię złotych pięć. Dom, z nieboszczykiem moim pierwszym postanowiony na gruncie ratusznym, to iest, Antonem Iwanowiczem, tedy ten dom ze wszytką ruchomością Kostiukowiczowi małżonkowi memu zapisuię. Od ruchomości y domu tego in genere wszystkich przyiaciół, krewnych moich, a nawet oyca mego, w Lublinie będącego, oddalam y przystępu do Kostiukowicza małżonka mego żadnemu nie zostawuię. Dzięhow moskiewskich na sznurku zostaiących trzydzieści daię; koralów dwadzieścia siedm ze dwoma krzyżykami srebrnemi na obraz nayświętszey Panny w cerkiew świętego Simeona ostaiącego, leguię y zapisuię. Do którego testamentu ostateczney woli mey, prosiłam o podpis rąk pp. radziec, p. Hawryła Romanowicza y Felicyana Czapowicza, których oraz prosiłam, aby ten testament podpisawszy, przed urzędem burmistrzowskim zeznali y do xiąg podali. Pisan w Brześciu, dnia dwudziestego siódmego Februaryi, 1665. U tego testamentu podpis rąk pp. radziec y pisarza, z urzędu przydanych, temi słowy: Гаврило Романовичъ — райца, прошоный одъ Устымки до того тестаменту о подпись руки; Остапъ Марцинковичъ, прошоный о подписъ руки до того тестаменту; oczewisto proszony od Ustymki Kostiukowiczowey, iako pisma nieumieiętney, do tego testamentu o podpis ręki, Felicyan Kazimierz Rapowicz — pisarz miescki Brzescki.

Który to testament oczewiście przez pp. radziec u sądu przyznany, iest do xiąg wieczystych miesckich Brzesckich burmistrzowskich wpisany.

1669 г.

Изъ книги за 1661—1676 г. стр. 699—701.

136. Дарственная запись на сѣножать Брестскимъ православнымъ церквамъ св. Симеона и Рождества пресвятой Богородицы отъ Брестскаго мѣщанина Николая Петровича Прилуцкаго.

Брестскій мельникъ, мѣщанинъ, Прилуцкій завѣщаетъ монастырю св. Симеона и церкви пресвятой Богородицы на Пескахъ свою наслѣдственную землю въ городѣ Брестѣ, состоящую изъ луга.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die quinta mensis Februarii, anno Domini 1669.

Na urzędzie woytowskim w mieście i. k. m. Brzesckim, przede mną Romanem Matfieiewiczem—lantwoytem, od wielmożnego i. m. p. Ostafiana z Łohoyska Tyszkiewicza — podkomorzyca y woyta dziedzicznego Brzeskiego będącym y wszystką ławicą przyległy, na zwykłym miescu sądowym stanowszy personaliter sławetny p. Jan Hlebanowski— burmistrz Brzescki y pan Gabryel Romanowicz—rayca, iawnie y dobrowolnie niżey mianowaną legatię przyznali, że oni będąc w domu pana Mikołaia Piotrowicza Przyłuckiego— młynarza mieszczanina Brzeskiego, który iuż na śmiertelney leżąc pościeli, iednak przy dobrey będąc pamięci y rozumie, takową przed niemi uczynił y podał niżey wyrażonym zakonnikom legatią, prosząc przerzeczonych osob, aby tę legatią iego przyznawszy przed urzędem do xiąg woytowskich Brzeskich podali y wypisać kazali, która legatia w te słowa pisana:

Ja Mikołay Piotrowicz Przyłucki—młynarz y mieszczanin Brzeski, pospołu z żoną y dziatkami memi, czynię wiadomo tym listem, moim zapisem, komu to o tem wiedzieć należało, iż my przez zruinowanie nieprzyiacielskie tak młynów, iako y wszytkiey maiętności swoiey utraciwszy, a ku temu y zdrowia swego przez długą chorobę pozbywszy, chcąc przynamniey iuż duszę swoią poratować y cokolwick dobrego za nię uczynić, łąkę moię własną, od dziadów y pradziadów samemu należną y wieczysto w Brześciu, to iest, za miastem y za Piaskami, miedzy Bugiem leżącą, która aż do tychczas u mnie samego y przodków moich w spokoynym dzierżeniu zawsze była, teraz ia wielebnym oycom zakonnikom przy cerkwiach Siemiona y Narodzenia Nayświętszey Panny, za Muchawcem, w Brześciu mieszkaiącym, pospołu z żoną moią y dziatkami memi, za duszę swoią daię, leguię y wiecznemi czasy zapisuię, cale się oney łąki, z żoną moią, dziatkami y wszytkiemi przyiaciołami swemi zrzekaiąc, a zakonników zaś przerzeczonych pilnie upraszam, aby oni za tę grzeszną duszę moię po śmierci Pana Boga prosili y ciało moie trybem chrześciańskim aby przy cerkwie Narodzenia Nayświętszey Panny pochowali. Zaczem się iuż nie upominaiąc u żony moiey za to dochodu sobie, y na to daię ten mόy list, dobrowolny zapis, z podpisem rąk przyiaciół moich, przy tem będących, niżey na podpisie mianowanych.

Działo się w Brześciu, w domu moim, roku Pańskiego tysiąc sześćset sześćdziesiąt dziewiątego, mca Januarii dwudziestego dziewiątego dnia. U tego listu, zapisu legacyinego, podpis rąk temi słowy: Ustnie proszony podpisuię się imieniem pana Hlebanowskiego — burmistrza Brzeskiego, iako pisma nieumieiętnego, Jan Kuncewicz; устне прошоный до подпису отъ пана Миколая, яко писма неумѣетнаго, абыхъ ся именемъ его подписалъ Левко Халкевичъ, за очевистою прозьбою до подпису одъ сознаваючихъ особъ, Габріель Романовичъ — райца. Który to list, zapis legacyiny, iest do ksiąg woytowskich Brzeskich wpisany y extraktem stronie potrzebuiącey wydany.

1669 г.

Изъ книги за 1661—1676 годы, стр. 727—728.

137. Вводъ въ владѣніе домомъ и плацомъ, въ городѣ Брестѣ базиліянъ Петропавловскаго монастыря.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lith. die decima mensis Aprilis anno Domini 1669.

Na urzędzie woytowskim po abdycatiey ikmści w mieście Brześciu na zwykłym mieyscu sądowym personaliter stanąwszy sławetni panowie Mikołay Pawłowicz y Jan Zielkiewicz — ławnicy, mieszczanie Brzeskie, kwit swóy intromisyiny przyznali, y do xiąg woytowskich Brzeskich wieczystych podali, w te słowa pisany:

Ja Mikołay Pawłowicz y ia Jan Zielkiewicz—ławnicy mieszczanie Brzescy, czyniemy wiadomo y zeznawamy tym naszym intronisyinym kwitem, iż my w roku teraznieyszym tysiąc sześćset sześćdziesiąt dziewiątym miesiąca Aprela dziewiątego, dnia będąc przydani z urzędu lantwoytowskiego na podanie domku Jurka Łuszczeiewskiego — szewca Brzeskiego y małżonki onego Heleny Żukowny Szmatkowny Jurkowey, na placu szpitalnym stoiącego, przeciwko cerkwie wierzchownych ss. Apostołów Piotra y Pawła, w długu imć panu Wawrzyńcowi Iwanowskiemu złotych siedmiu, a panu Jozephowi Sieńkiewiczowi sześciu złotych, a osobliwie imć panu Bazylemu Sofronowiczowi czterdziestu złotych polskich od nich przerzeczonych osób Jurka Łuszczeiewskiego y żony iego ichmć przerzeczonym osobom winnych, którzy to ichmć wszystkie trzy osoby osobliwemi pismami swoiemi, maiąc iuż na onym domku na placu szpitalnym, to iest, na izdebce białey małey tylko z sionką przy niey, także małą ob miedze z iedney strony placu nieboszczyka Jarmosza Soroki, z drugą stroną budynku przed tym nieboszczyka Kondrata Szmadka szewca, a teraz Romana Zborowicza, głową od ulicy Kowalskiey, a tyłem do rowu przekopanego, idącego pod Dominikany, a w niedostatku inszych dobr, y na samych osobach onych wyż mianowanego małżeństwa pewny wskaz, tedy tak od Jego mć pana Safranowicza y od pana Iwanowskiego y od pana Szymkiewicza, podług cessiey y prawa od wyżmianowanych trzech osób

ichmć oycom Bazylianom zakonnikom w monastyrze Brzeskim przy cerkwi wierzchownych ss. Apostołów Piotra y Pawła w Brześciu mieszkaiącym, na urzędzie tuteyszym Brzeskim woytowskim zeznawane y aktykowane, gdy w intromissyą prawną my ławnicy podawaiąc tymże ichmć oycom Bazylianom, wprzód kazali słudze mieskiemu woytowskiemu w głos obwołać, to że imć oyciec Maluszycki, iako namieśnik pomienionego monastera, ze wszystką bracią swą tegoż zakonu s. Bazylego wielkiego ten to domek w posesyą prawną obeymuie, zaczym ieśliby kto do pomienionego domku na placu szpitalnym, na którym on domek stoi, iaką pierwszość długu y przezysku za nim prócz sobie należytego na potym miał uzurpować, aby się teraz odzywał że wszelaką swą należytością długów, ieśli iakie kto ma, z przezyskami prawnemi, aby nam ławnikom okazał, za którym to po trzykrotnym wołaniem, niech się na onczas z żadnemi długami, zapisami, ani przezyskami prawnemi, a pogotowiu y z żadną należytością y pierwszością prawa do żadney rzeczy y domku nie odzywał, nie przypowiadał y temu prawu ichmć oyców Bazylianów Brzeskich od wyżmianowanych trzech osób nabytemu nicht nie kontradykował. Przeto my pomienieni ławnicy, z dobrowolnym nie tylko iego mść pana Sofronowicza, tak też iego mść pana Szymkiewicza y pana Iwanowskiego, stron powodowych, ale y od obżałowanych Jurka Łuszczeiewskiego y żony iego w ten domek na placu szpitalnym uwiązawszy, do spokoynego dzierżenia ichmć oycom Bazylianom w realną possesyą podaliśmy. Co wszystko, iako się pomieniło, doskonale wypisawszy zeznawamy y do xiąg prawa magdeburskiego Brzeskich woytowskich daiemy. Dat anno et die ut supra. U tego intromisyinego kwitu podpis rąk panów ławników temi słowy: Миколай Павловичъ—лавникъ рукою, Jan Zielkiewicz—ławnik ręką. Który to intromisyi kwit iest do xiąg woytowskich Brzeskich wpisany y extraktem wydany.

1669 г.

Изъ книги за 1661—1676 г., стр. 765—766.

138. Вводъ во владѣніе домомъ и плацомъ въ г. Брестѣ Василіянъ монастыря св. апостоловъ Петра и Павла.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 6 mensis Julii, a. D. 1669.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście i. k. mści Brzeskim, przed nami Matyaszem Franciszkiem Dzierzkowskim, Fedorem Hłaholewiczem—burmistrzami, Hawryłem Romanowiczem, Janem Hlebanowskim, Ostafim Marcinowiczem, Michałem Markiewiczem—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym w ratuszu stanąwszy panowie Roman Matfiewicz y pan Grygier Dziatkowicz—raycе, kwit swóy intromissyiny przyznali y do xiąg mieskich burmistrzowskich Brzeskich podali, w te słowa pisany:

Ja Roman Matwieiewicz y ia Grygier

Dziatkowicz—raycy miasta i. k. m. Brześcia, czyniemy wiadomo tym naszym intromissyinym kwitem, iż w roku teraznieyszym tysiąc sześćset sześćdziesiąt dziewiątym, miesiąca Julii dnia dwudziestego szóstego, będąc przydani od urzędu y magistratu Brzeskiego na podanie domu y gruntu od imć pana Jakóba Władysława Wierzbickiego—ziemianina woiewództwa Brzeskiego, przedanego ichmościom Bazylianom Brzeskim w pewnych miedzach y ograniczeniu, w zapisie opisanego, tedyśmy według zapisu przyznanego, ten dom y grunt wielebnym ichmom oycom Bazylianom Brzeskim na wieczne a nieodzowne czasy, za przełożeństwa przewielebnego iego mość oyca Pachomiego Ohilewicza—wikarego ieneralnego zakonu śgo Bazylego Wielkiego, starszego monasteru Brzeskiego świętych apostołów Piotra y Pawła, według zapisu wieczystego przyznanego podali. Którey intromissyi przez trzykrotne sługi urzędowego wołania nicht nie bronił, z prawem pierwszym, ani pośledniejszym żaden nie odezwał się. Y na to daiemy ten nasz intromissyiny kwit s podpisami rąk naszych ku zapisaniu do xiąg wieczystych mieskich burmistrzowskich Brzeskich. Pisan roku, miesiąca y dnia wysz pisanego. U tego intromissyinego kwitu podpis rąk panów radziec Brzeskich tymi słowy: Roman Matfieiewicz — rayca miasta iego królewskiey mości Brześcia Lit.; Grygier Dziatkowicz—rayca. Która intromissyia do xiąg mieskich burmistrzowskich Brzeskich podana y extraktem wydana.

1669 г.

Изъ книги за 1661—1676 годы, стр. 767—766.

139. Продажная запись на домъ и плацъ въ г. Брестѣ отъ земянина Владислава Вербицкаго Базиліанамъ монастыря св. апостоловъ Петра и Павла.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die vigesime sexta mensis Julii, anno Domini 1669.

Ja Jakub Władysław Wierzbicki—ziemianin woiewodztwa Brzeskiego, czynię wiadomo y zeznawam tym moim wieczystym przedażnym zapisem, iż maiąc ia dom w mieście Brześciu, przez Mikołaia Swiszczewskiego—tkacza, ieszcze w roku tysiąc sześćset pięćdziesiąt dziewiątym zbudowany, y mnie tak samy budynek, iako y plac w ograniczeniu niżey mianowaney, tak przez samego actora, iako y drugich różnych creditorów y dłużników za zniesieniem przez nie onych prawem wlewkowym służący, którego domu tylko com wszed w possesyą za nastąpieniem woyska moskiewskiego, za opanowaniem przez nich Brześcia, w roku tysiąc sześćset sześćdziesiątym, ten dom spalony został, po którym zruynowaniu y spaleniu tego domu, po ustąpieniu z fortecy Brzeskiey tego nieprzyiaciela woyska moskiewskiego, w roku tysiąc sześćset sześćdziesiąt pierwszym, na tymże własnym placu mnie służącym, swym własnym kosztem dom zbudowałem; a będąc na ten czas poniekąd potrzebny summy pieniędzy, ten pomieniony dwór przez mię cale na tym placu zbu-

dowany, to iest, na przeciw cerkwie murowaney świętego Mikołaia pod przesądem prawa maydeburskiego, ob miedzę z iedney strony gruntu Zmieninskiego, a z drugą stronę domu y placu nieboszczyka pana Jodłowieckiego, co teraz ichmć oycowie Bazylianie trzymaią zostaiący, a mnie za prawem słusznym zeznanym y wlewkowym y za libertacyą ikmć należący, pomieniony dwór s placem nic sobie samemu, małżonce, potomkom y successorom moim niewymuiąc, ani wyłączaiąc, w Bodze przewielebnemu iego mść oycu Pachomiemu Ohilewiczowi—wikaremu ieneralnemu zakonu świętego Bazylego wielkiego, starszemu monastyra Brzeskiego przy cerkwi założenia świętych Apostołów Piotra y Pawła, a potym następuiącym successorom imć na wieczny czas, za pewną rękodayną summę, złotych polskich trzysta, przedałem y przedaię, sam z osoby moiey tego domu ze wszystkiemi do niego, iako się w sobie ma, przynależnościami zrzekam y na ich mość wlewam, sobie samemu, małżonce, potomkom moim, żadnego prawa y przystępu nie zostawuię, w czem ia sam, a po mnie successorowie moi, żadney ichmć przeszkody w tym dworze czynić y niiakiey trudności zadawać niemam y niemaią, pod zaręką takowey że summy trzech set złotych polskich y nagrodzeniem szkod, nakładów, słównie mianowanych, wnosząc evictią za naruszeniem tego zapisu mego na dobra moie dziedziczne, w tymże woiewództwie Brzeskim będące, daiąc wolność, też za naruszeniem tegoż zapisu mego do wszelkiego sądu y prawa rokiem zawitym siebie samego, a po mnie y successorów moich pozwać, gdzie przed każdym sądem stanowszy, bez wszelkiey delacyi, skuteczną rozprawę przyiąć powinien będę, pod tąż wyszmianowaną zaręką, a po zapłaceniu tey zaręki, ten list y ta przedaża moia przy zupełney mocy zostawować ma. I na to wszystko daię ten móy list dobrowolny, przedażny zapis, s pieczęcią y z podpisem ręki mey, także z pieczęciami y z podpisami rąk ichmć panów przyiacioł, odemnie ustnie uproszonych, na podpisach niżey mianowanych. Pisan w Brześciu, roku tysiąc sześćset sześćdziesiąt dziewiątego m-ca Junii dwudziestego wtórego dnia. U tego wieczystego przedaży zapisu podpisy rąk temi słowy: Jakub Władysław Wierzbicki mp: Jako ustnie proszony pieczętarz od imć pana Jakuba Wierzbickiego do tego zapisu podpisuię się: Franciszek Gorecki—namiesnik Brzeski; proszony oczewisto pieczętarz do tego zapisu od imć pana Jakuba Władysława Wierzbickiego Paweł Jan Wierzbicki; ustnie proszony pieczętarz do tego zapisu od osoby w nim wyrażoney Wawrzyniec Popławski mp: Który to wieczysty przedażny zapis iest do xiąg mieskich burmistrzowskich Brzeskich wpisany.

1670 г.

Изъ книги за 1661—1676 г. стр. 913—919.

140. Привилегія короля Михаила IV, данная Брестскому цеху мясниковъ.

Въ этой привилегіи король Михаилъ подтверждаетъ всѣ права и преимущества цеху рѣзниковъ, дарованныя ему его предшественниками, въ особыхъ листахъ и привилегіяхъ, уничтоженныхъ во время Московскаго нашествія. Въ ней изложены: порядокъ поступленія въ цехъ членовъ, воспитаніе подмастерьевъ, обязанности къ римско-католическому костелу и уніятской церкви, и другія преимущества, спеціально дарованныя рѣзникамъ. Замѣчательно въ этой привилегіи то, что жидамъ рѣзникамъ вмѣнено въ обязанность вносить въ цеховую казну пошлины.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die decima tertia mensis Junii, anno Domini 1670.

Na urzędzie burmistrzowskim i radzieckim w mieście i. k. m. Brzesckim, przed nami Jędrzeiem Konstanowiczem y Hawryłem Romanowiczem—burmistrzami, Matyaszem, Franciszkiem Dzierzkowskim, Romanem Matfieiewiczem, Janem Hlebanowskim, Michałem Markiewiczem, Ostapem Marcinowiczem — raycami, na zwykłym mieyscu sądowym, stanowszy personaliter sławetny pan Paweł Panasewicz — ławnik, a na tenczas cechmistrz cechu rzeznickiego, mieszczanin Brzescki, podał przywiley od naiiaśnieyszego Michała króla i. mci, pana naszego miłościwego, cechowi rzeznickiemu nadany, do xiąg miesckich burmistrzowskich Brzesckich, w te słowa pisany:

Michał, z łaski Bożey król polski etc. Oznaymuiemy tym listem przywileiem naszym, komuby o tem wiedzieć należało. Ponieważ pomnożenie dostatków w miastach y miasteczkach naszych, od społeczności y mnóstwa ludzi pochodzi, lud zaś, in unum zebrany, porządku y prawnych obowiązków koniecznie potrzebuie, s tych miar chętnie się do tego skłaniamy, za przykładem innych głównieyszych miast naszych, miasto Brzesckie cechem rzeznicznym, które przedtym od naiaśnieyszych antecessorów naszych miłościwie nadane mieli, ale im w inkursyę moskiewską przez spalenie zamku y miasta Brześcia zginoł, miedzy innemi y punkta, albo raczey artykuły, niżey wyrażone, na przyczynę pp. rad y urzędników naszych, za supliką Pawła Panasewicza—cechmistrza, Bazylego y Sofroniego Rodkiewiczów, imieniem swoim y innych braci młodszych, cechowi Brzesckiemu nadaiemy wiecznemi czasy:

Artykuł pierwszy. Za zeyściem y zgromadzeniem się spólnym braci rzemiosła rzeznickiego na miesce pewne y czas na zapusty, co rok zgodnie w miłości, obierano ma bydź starszych, nie więcey, tylko czterech ludzi, dobrych, osiadłych, porządek y zgodę miłuiących, miastu przysięgłych.

Artykuł drugi. Z tych czterech osób starszych dway po kluczu, osobliwie maiąc skrzynkę cechową, szafować wiernie będą przywileia, porządki, regestra y insze listy, także y pieniądze cechowi należące, chować w niey powinni będą.

Artykuł trzeci. A po wyściu roku

zupełnego, także drudzy czterech starsi obrani, przyiąć skrzynkę ze wszystkiemi sprawami maią, teyże władze, iako się namieniło wyżey, zażywaiąc, y tak za czasem tę elekcyą czterech starszych na potomne czasy odprawuiąc, rachunek co rok z przychodów y rozchodów zdawać y czynić maią.

Artykuł czwarty. Ciż starsi bracia młodszą porządnie do cechu, tak iednak, aby utściwego urodzenia byli, przyimować maią, w regestr onychże wpisywać, nie brakuiąc narodem y religią.

Artykuł piąty. Dla wspomożenia skrzynki cechowey y innych potrzeb, każdy mistrz, wstępuiąc do cechu, po kop cztery litewskich ma dawać, a iak maią iakikolwiek przychód, powinni będą świecami woskowemi kościoł rzymski y cerkiew ruską uniacką murowaną ś. Mikoły czasu swego opatrywać; a gdy się za czasem skrzynka cechowa zapomoże, powinni będą bracia starsi y młodsi, dla processyey rynsztunek cechowy sporządzić.

Artykuł szósty. Schadzki co miesiąc przy teyże skrzynce, która w domu pod iurysdykcyą miescką ratuszną chowana być ma, powinni bracia, skromnie y utściwie w mowie y we wszelkich potrzebach zachować się; a pieniądze brackie cechowe bez wiadomości y pozwolenia starszych y młodszych braci rozdawać nie będą mogli.

Artykuł siódmy. Przyimowanie uczniów przy skrzynce bydź ma, którego imie wpisane bydź ma y paręczników, a tak ieśli mały y młody lat sześć ma w nauce trwać, dorosły zaś lat trzy a nie mniey; zatym wyzwolony także za wiadomością braci starszey bydź ma, a po wyzwoleniu tenże uczeń za towarzysza lat dwie u tegoż mistrza robić będzie popowinien, który czas wytrwa, mistrzem porządkiem swym zostanie, z takim dokładem, aby z robienia sztuki kop trzy litewskich do skrzynki cechowey, a starostom groszy sześć dał y odliczył.

Artykuł ósmy. Gdy też uczeń albo towarzysz, swego by cechu niewytrwawszy, od mistrza odszedł, bez wszelkiey a ważney przyczyny, takowy od rzemiosła odpaść ma, chyba żeby się zaś znowu wrócił y do czasu swego wytrwać chciał za pokaraiem słusznym.

Artykuł dziewiąty. Żaden mistrz chłopca albo ucznia y towarzysza nie tylko odmawiać od drugiego mistrza do siebie nie ma, ale ani zbiegłego przyimować, pod winą kamienia wosku do skrzynki.

Artykuł dziesiąty. Towarzyszom myto tygodniowe tylko po cztery grosze bydź ma tak, żeby na kop cztery za rok więcey nie wynosiło.

Artykuł iedenasty. Szkodę, ieśliby towarzysz mistrzowi swemu iaką uczynił w rzemieśle, za uznaniem starszych rocznych, onę płacić y nagrodzić powinien.

Artykuł dwanasty. Do kupowania bydła wszelakiego do dziesiątey godziny z poranku żaden się pokwapiać nie ma, y to potym sam tylko mistrz czynić ma, albo towarzysz iego na targu iawnym, a nie gdzie indziey, pod winą półkamienia wosku.

Artykuł trzynasty. Gdy sami mistrzowie, albo ich towarzysze, za mistrzowskim rozkazaniem kupiwszy bydło na rzeź, do miasta przypędzą, a żywcem przekupować nie będą, od tego nic płacić nikomu nie powinni.

Artykuł cztérnasty. Bydło wszelakie rogate y nierogate, świnie, wieprze aby zdrowe szynkowali bracia cechowi, pod winą y znacznym karaniem cechowym.

Artykuł piętnasty. Wdowa po mężu swym pozostała, do roku y sześciu

niedziel tylko iatkę trzymać ma, y to, ieżeliby zamąż nie poszła, wyiowszy iednak, żeby tegoż rzemiosła rzezniczego męża z woli Bożey nabyła.

Artykuł szesnasty. Po śmierci mistrza uczeń ieśliby się czasu swego zmówionego spełna nie douczył, takowy za wiadomością starszych u drugiego mistrza ostatek douczyć się może; toż się o służbie towarzyszów rozumieć ma, a mistrz każdy czeladzi więcey chować nie ma, tylko dwóch towarzyszów, a ucznia iednego, tak iednak, aby towarzyszom żadne bondy pozwolone nie byli, okrom słoniny y sadła starego, czego spólnie towarzysz z mistrzem zażywać ma połowicą zyskiem dzieląc.

Artykuł siedmnasty. Na każdy kwartał y suchedni do cechu wszyscy bracia powinni się, za obesłaniem, zeyść dla żałomszy, gdzie po groszu na wosk każdy do skrzynki dać ma, a gdzieby który nie przybył, takowy groszy dwa zapłaci. A gdzieby kto z braci, sam, żona, dzieci, towarzysz, uczeń umarł, takowego wszyscy bracia obesłani będąc od starszych przez młodszego, prowadzić y wszelką powinność chrześciańską odprawować maią, nie żałuiąc dla uboższych pieniędzy cechowych.

Artykuł ośmnasty. Towarzysz czas swóy wysłużywszy, gdydy gdzie indziey wędrować chciał, ma to za wiadomością mistrza swego, u którego robił, uczynić y list wychowania swego mieć.

Artykuł dziewiętnasty. Mieszczanie Brzescy y kusznierze, którzy nie będąc do cechu rzezniczego przyięci, wieprze y świnie skupuią na targu y w domach swoich biią, y to mięso iedni kupcom przedaią, drudzy do Gdańska wodą y lądem prowadzą, y częścią na pieniądze, częścią na towar sztychuią, a cechowi rzeznickiemu wielką przeszkodę czynią; żeby winę takowy kop dziesięciu, połowicę na urząd burmistrzowski y woytowski, a połowicę do cechu zapłacić byli powinni.

Artykuł dwudziesty. Oleyników, tudzież schabników, to iest, którzy zabiwszy w domu iałowicę, albo wieprza y inne bydle, żywe albo nieżywe na rynku przedaią, y ci, którzy w mieście żyiąc, po wsiach chodząc bydłem rogatym y nierogatym handluią, aby żadney protekcyey y ochrony tak od iurysdykcyey duchowney, iako y świeckiey nie mieli, ale aby wprzód cechowi dość uczynili, pod straceniem towaru.

Artykuł dwudziesty pierwszy. Waruiemy też y to, aby ten cech rzeznikom chrześcianom od nas nadany, nie ściągał do niewygody ludzi oboyga stanu duchownego y świeckiego obywatelów województwa Brzesckiego, tudzież przyiezdnych, ale y owszem, aby bracia cechowi ze wszech miar tego przestrzegali, aby nie tylko mięso wieprzowe, świnie, kozie y baranie, ale iałowicze, wołowe y cielęce ustawicznie in suffientia mieli y w post wielki dla chorych tylko mięso młode y cielęce szynkowali. Czemu gdy dosić czynić będą, tedy obowiązuiemy praesentes żydów rzezników Brzesckich, aby wspieraiąc wydatki cechowe poiedynkiem, co rok po złotych dziesięć do cechu dawali. Iako rzeznikom chrześcianom, tak y żydom, wolno będzie po wsiach, miasteczkach y dworach dla skupowania cieląt, iagniąt y innego bydła iezdzić y onemi w mieście Brześciu szynkować.

Te tedy artykuły do porządku cechowego rzezniczego należące, braci cechowey nadawszy, chcemy mieć, aby rzeznicy Brzescy cechowi na potomne czasy podług nich sprawowali się. A dla lepszey wiary ręką się naszą podpisawszy, pieczęć wielkiego xięstwa Litewskiego

przycisnąć rozkazaliśmy. Dan w Warszawie, die VII miesiąca Kwietnia, roku Pańskiego MDCLXX, panowania naszego pierwszego roku.

U tego przywileiu i. k. m., pana naszego miłościwego, podpis ręki temi słowy: Michał król; Waleryan Stanisław Judycki, archidyakon Wileński, Trocki, y Bialski proboszcz, pisarz w. x. Lit. Który to przywiley iest do xiąg mieskich burmistrzowskich Brzesckich wpisany.

1670 г.

Изъ книги за 1561—1676 годы, стр. 991—994.

141. Жалоба настоятеля Брестскаго базиліанскаго монастыря св. Апостоловъ Петра и Павла на ратмана Брестскаго Романа Матвѣевича о побояхъ причиненыхъ ихъ ученикамъ, съ посвидѣтельствованіемъ вознаго.

Настоятель Брестскаго базиліанскаго монастыря жалуется на мѣщанина Романа Матвѣевича по слѣдующему случаю: когда школьники этого монастыря, по своему обычаю, ходили по городу за собираніемъ милостыни и, останавливаясь предъ домами жителей, пѣли свои пѣсни, (колядьı), то случилось имъ побывать въ другомъ приходѣ, принадлежащемъ къ церкви св. Симеона. Въ то время вышепоименованный мѣщанинъ напалъ на нихъ, избилъ и прогналъ изъ своего прихода, произнося слѣдующія слова: «базиліане—это змѣиная кровь, да и не только они, но и всѣ тѣ, которые имъ служатъ.»

Actum in civitate Brestensi m. d. Lithvaniae, die vigesima sexta mensis Decembris, anno Domini 1670.

Na urzędzie woytowskim w mieście i. k. m. Brzeskim, przede mną Gabryelem Romanowiczem — lantwoytem, od wielmożnego i. m. pana Ostaphiana z Łohoyska Tyszkiewicza, podkomorzyca y woyta dziedzicznego Brzeskiego będącym, y wszystką ławicą przysięgłą, na zwykłym mieyscu stanowszy w Bodze wielebny ociec Joachim Bieluchowski, w monastyrze ichm. oyców bazylianów Brzeskim wice-namiesnikiem na ten czas zostaiący, podał ten proces do xiąg mieskich woytowskich Brzesckich, w te słowa pisany:

Żałował y z wielkim żalem protestował w Bodze wielebny iegomć ociec Pachomi Ohilewicz — wikary ieneralny zakonu ś-go Bazylego wielkiego, starszy monastyra Brzesckiego, tak sam od siebie, iako y całego zakonu imieniem, także y w nieznośney obeldze studentów szkółki swey, która dla pomnożenia chwały Bożey y rozszerzenia iedności świętey z kościołem rzymskim przy cerkwi świętych apostołów Piotra y Pawła, za staraniem żałuiących stała, na sławetnego pana Romana Matfieiewicza—raycę, mieszczanina Brzeskiego, y pomocników iego, iemu samemu imionami y nazwiskami dobrze wiadomemi y znaiomemi, mieszczan miasta i. k. m. Brzesckiego, o to y takowym sposobem: iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset siedmdziesiątym, mca Decembra dwadziestego czwartego dnia, zostaiąc przy szkole żałuiących młodzianów utściwych y ni w czym nikomu niewinnych kilku, nasługuiąc

cerkwi świętey y monastyrowi naszemu ubogiemu, a nie mogąc mieć nizkąd żadnego victu y wychowania, ieżeli u dobrodzieiów niektórych nie uproszą, nie nowinę ustawuiąc, ale starego obyczaiu trzymaiąc, poszli z szkółki do dobrodzieiów pauperibus na imie Chrystusa Pana prosić; y będąc na różnych mieyscach u zacnych ludzi, słowo Boże rozsiewaiąc, przyszli do domu sławetnego niegdy nieboszczyka pana Fiedora Hłaholewicza—burmistrza Brzeskiego, który stoi niedaleko cerkwi ś. Symeona za Muchawcem; tamże zacząwszy piosnkę o Nayświętszey Pannie skończyli. Aż po dokończeniu tey piosnki wynidzie z izby pan Roman z pomocnikami swemi y poczoł pytać z furią: zkądżeście wy psi tu w naszą parafią przyszli akcyzyą wybierać? Oni odpowiedzieli, że prawie iesteśmy z szkołki śś. Apostołów Piotra y Pawła, która w zawiadywaniu wielebnych ichmć oyców bazylianów zostaie. Tedy obżałowany pan Roman na to respondował temi słowy: że prawi nie iest oni bazylianie, ale krew wężowa, y którzy przy nich zostaią, w tegoż co y oni diabła wierzą. A tak oni widząc, że te słowa z gęby wypuszczaią na zadarcie, aby się przeciw ich słów uszczypliwych przeciwili, y nic z nimi nie sprzeciwiaiąc y na te słowa nic nie odpowiadaiąc, od nich poczeli uchodzić, a oni się za niemi uganiaiąc, nie pamiętaiąc na boiaźń Bożą y srogość prawa pospolitego, dopędziwszy, poczeli ich kiiami okrywać, bić, mordować y kaleczyć. A nie maiąc ieszcze na tym dozyć y czapki z nich pozrywali, które y do tych czas przy nich zostaią, y kiedyby z ich rąk nie pouchodzili, pewnieby ich o śmierć przyprawiwszy, w Muchawiec powrzucali, co szerzey w relacyi ienerálskiey iest opisano y dołożono. O co wszystko chcąc wielebny imć ociec Pachomi Ohilewicz—wikary ienerałny zakonu ś-go Bazylego wielkiego, starszy monastyra Brzesckiego, tak o swoią, iako tego zakonu opressią, iako y w nieznośney obełdze studentów swoich z wyszmianowanym panem Romanem prawem czynić y sprawiedliwość u należytego sądu dochodzić, dał ten proces do xiąg mieskich woytowskich Brzesckich zapisać.

Przy którey protestacyi relacya ieneralska oczewisto przyznana, w te słowa pisana:

Ja Andrzey Lenkusz—ienerał i. k. m. woiewodztwa Brzesckiego, zeznawam tym moim relacyinym kwitem, iż w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset siedmdziesiątym, mca Decembra dwudziestego piątego dnia, z stroną szlachtą panem Janem y Mikołaiem Lemieszewskiemi; z któremi byłem użyty od ichmciów oyców bazylianów monastyru Brzeskiego, do szkółki ichmć, która stoi przy cerkwi świętych apostołów Piotra y Pawła; tamże widziałem u pana Michała Skrzędziewskiego—szlachcica dobrego w głowie guz wielki, sinio spuchły, krwią naciekły, snać kiiem uderzony y pleca sinie spuchłe, krwią naciekłe, także snać kiiami zbite; u drugiego chłopca Jana Akoronka—szlachcica dobrego, widziałem gębę spuchłą, krwią naciekłą, snać pięściami zbitą y przez pleca szram sini, spuchły, snać kiiem uderzony, tamże będąc słyszałem od tychże zranionych, że pan Roman Fiedorowicz wielebnych ichmć oyców bazylianów słowami barzo uszczypliwemi, całemu zakonowi szkodzącemi, łżył, sromocił, mówiąc te słowa: że nie iest oni bazylianie, ale iest krew wężowa, y ci, którzy przy nich zostaią, w tegoż co y oni diabła wierzą. Które tak te zbicie y zranienie tych młodzi bez dania żadney przyczyny, iako y szkalo-

wanie słowy uszczypliwemi ichmć oycców bazylianów, mienili ciż ichmć oycowie bazylianie monastyra Brzeskieyo być sobie stałe od pana Romana Matwieiewicza — raycy, mieszczanina Brzeskiego y pomocników iego, które iemu samemu imiony y nazwiski dobrze świadome, y znaiome, o czym szerzey w procesie iest opisano y dołożono. A tak ia ienerał, com widział y słyszał, w tę moią relacyę spisawszy, s podpisem ręki mey, także s pieczęciami strony szlachty, na ten czas przy mnie będącey. Pisan roku, mca y dnia wyszmianowanego.

U tey relacyi podpis ręki ieneralskiey temi słowy: Andrzey Lenkusz — ienerał i. k. m. woiewodztwa Brzeskiego, ręką swą. Która protestacya y relacya ieneralska iest do xiąg mieskich woytowskich Brzeskich wpisana.

1672 г.

Изъ книги за 1661—1676 г. стр. 1179—1180.

142. Духовное завѣщаніе Іустины Миршиной Брестской мѣщанки.

Брестская мѣщанка Миршина завѣщаетъ похоронить ее въ церкви Пресвятой Богородицы и дѣлаетъ распредѣленіе всего своего имущества, въ томъ числѣ завѣщаетъ въ церковь Рождества Пресвятой Богородицы 53 злотыхъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die duodecima mensis Julii, anno Domini 1672.

Na urzędzie woytowskim w mieście i. k. m. Brzesckim, przede mną Gabryelem Romanowiczem — lantwoytem, od wielmożnego i. m. pana Ostaphiana z Łohoyska Tyszkiewicza — podkomorzego y woyta dziedzicznego Brzesckiego, będącym, y wszystką ławicą przysięgłą, na zwykłym mieyscu sądowym, stanowszy sławetni panowie Paweł Sidorowicz y Konstanty Iwanowicz, pan Felicyan Kazimierz Rapowicz — pisarz woytowski Brzescki, testament ostatniey woli Ustinki Mirszyney — mieszczanki Brzesckiey, będąc od urzędu przydani, ten testament zeznali y do xiąg woytowskich Brzesckich podali, w te słowa pisany:

W imie Oyca y Syna y Ducha Swiętego. Amen. Ja Ustinka Hawrilewna Oleszkowa Mirszyna — mieszczanka Brzescka, czynię wiadomo tym moim testamentem ostatniey woli moiey, iż ia, będąc na ciele chora, ale na rozumie y pamięci dobrze zdrowa, z dobrym rozmysłem y s poradą panów przyiaciół, takie rozporządzenie po śmierci moiey mieć chcę. Naprzód, gdy dusza z tego mizernego ciała wynidzie, w ręce Pana Boga wszechmogącego oddali, a ciało pogrzebowi, które ma być pochowane przy cerkwi Narodzenia Nayświętszey Panny. A sianożęci y grunta moie, za Muchawcem leżące, tak po śmierci moiey, rozporządzam: naprzód sianożęci dwie, w iednym położeniu, na Krowatynie, iedna sianożęć ob miedze iednę stronę sianozęci Jędrzeiowey Tymoniowey, z drugiey strony y tyłu opieraiąc się do Bugu, a głową do lasu oyców iezuitów; druga sianożęć w tymże położeniu będąca, ob miedzy ie-

dney sienożęci Homy Bukryiowicza, z drugiey strony Jędrzeia Tymonia, tyłem do rzeki Buga, a głową do sianożęci należącey do cerkwi Narodzenia Nayświętszey Panny, tedy te dwie sianożęci utściwemu Stephanowi Hilkiewiczowi — zięciowi swemu, zapisuię. Ogród zazywaiący się Jawtuchowski, od miedzy iedney strony pól Palczyckich, z drugiey strony do Skubniowa, tyłem do Dubrowa, a głową do wygonu miesckiego, potściwemu Samuelowi Jawtuchowiczowi— mieszczaninowi Brzesckiemu; zaś Katherzynie Oprasce Homiczownie—ogrodów dwa zapisuię y leguię,—ogród pierwszy na Uhan polu, drugi na Mudrycy. Długi zaś tak rozporządzam: Sawka Onofreiewicz zostaie winien trzydzieście złotych, te złotych trzydzieście na pogrzeb ciała pochowania mego grzesznego teyże cerkwi leguię; u Semenowey Strzyżkowey złotych dziesięć, te złotych dziesięć na tęż cerkiew zapisuię. U Samuyła Jawtuchowicza zostaie długu złotych trzynaście, to teyże cerkwi leguię y zapisuię. Piwnicę y beczki w tey piwnicy zostaiące utściwemu Stephanowi Chilkiewiczowi zapisuię y leguię. A zamykaiąc ostatnią wolę moią tego testamentu mego, zostawuię opiekunów utściwego Stephana Hilkiewicza y Samuela Jawtuchowicza. A będąc z urzędu przydani do sprawowania tego testamenta sławni panowie Paweł Sidorowicz y Konstant Iwanowicz—ławnicy przysięgłe od urzędu przydani, y Kazimierz Rapowicz—pisarz, których proszę, aby ten testament był ważny ostatni woli moiey przed urzędem zeznawszy, rękoma się podpisali. Pisan w Brześciu, dnia dwunastego Julii, roku tysiąc sześćset siedmdziesiąt wtórego.

U tego testamentu podpis rąk panów ławników y pisarza, temi słowy: Устне прошоный отъ славетного пана Павла Сидоровича—лавника, яко письма неумѣетнаго, до того тестаменту Матфей Букрієвичъ — лавникъ; устне прошоный отъ славетного пана Костантого Ивановича—лавника, яко письма неумѣетного, до того тестаменту Иванъ Майкевичъ; Felicyan Kazimierz Rapowicz—pisarz. Który to testament ostatniey woli Ustinki Mirszyney zeznany y do xiąg wpisany.

1673 г.

Изъ книги за 1661—1676 г. стр. 1217—1219.

143. Духовное завѣщаніе Брестской мѣщанки Евдокіи Бѣлоножки.

Брестская мѣщанка Авдотья Бѣлоножка завѣщаетъ тѣло ея похоронить въ православной свято-Троицкой церкви, что на Заугринчѣ. Этой же церкви передается плацъ, а священнику—поле и огородъ, съ обязательствомъ, чтобы этотъ послѣдній отслужилъ за упокой ея *сорокоустъ*.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuania, die duodecima mensis Aprilis, anno Domini 1673.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście i. k. m. Brzesckim, przede mną Gabryelem Romanowiczem — lant-

woytem, od wielmożnego i. m. pana Ostaphiana z Łohoyska Tyszkiewicza — podkomorzego y woyta dziedzicznego Brzesckiego, będącym, y wszystką ławicą przysięgłą, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy sławetny pan Matiasz Dzierzkowski — rayca, y pan Paweł Panasewicz—ławnik, y pan Paweł Piotrowicz—ławnik y pan Bazyli Bokoiemski, mieszczanie Brzeskie, testament ostatniey woli Owdotiey Białonoszczyney—mieszczanki Brzesckiey przyznali y do xiąg mieysckich woytowskich Brzesckich podali, w te słowa pisany:

W imie Oyca y Syna y Ducha świętego. Amen. Ja Owdotia Białonożka, Jędrzeiowa Szepielewiczowa — mieszczka Brzescka, czynię wiadomo tym moim testamentem ostatniey woli moiey, iż ia będąc na ciele chora, a na umyśle y pamięci dobrze zdrowa, takowe rozporządzenie po śmierci moiey mieć chcę. Naprzód: duszę moię w ręce Pana Boga miłosiernego oddaię, a ciało ku pogrzebowi, które ma być pochowane przy cerkwi świętey Tróycy religiey greckiey na Zawrynczu: naprzód do cerkwie świętey Tróycy grunt móy własny, po małżonku moim, na imie Jędrzeiu Szepioliowiczu, na Wietrzney ulicy leżący, niwczym nikomu niewinny, ani zawiedziony, długami żadnemi nie obciążony, ob miedzę z iedney strony gruntu sławetnego pana Pawła Panasewicza — ławnika y cechmistrza cechu rzeznickiego, a z drugiey strony gruntu nieboszczyka Martina Zalepiaki, tyłem w grunt nieboszczyka Jana Kaczyńskiego, głową do gościńca Rzeczyckiego; osobliwie w Bogu wielebnemu oycu Stefanowi Łozowickiemu—prezbiterowi świętey Tróycy leguię y zapisuię wiecznemi czasy, pola pod prawem magdeburskim leżące, ob miedzę z iedney strony pola i. m. pana Brzozowskiego, z drugą stronę Maxima Masłosia, także y ogród temuż wyż pomienionemu świeszczenikowi, ob miedzę strony ichmościów oyców bazylianów Brzesckich ogrodów, z drugiey strony Waśka Teluka, tyłem do ogrodów oyców bazylianów, a głową do gościńca Wileńskiego, nazywaiący się Kozczyński, y ten ni wczym nikomu niezawiedziony y niewinny, długami nieobciążony, temuż pomienionemu świeszczenikoni y małżonce iego y potomstwu, na wieczne a nieodzowne czasy leguię y zapisuię. A za duszę moię wielebny oyciec Stefan Łozowicki, względem tey legatii wieczystey, powinien sorokoust za duszę moię odprawić, według obrządku chrześciańskiego. A ieżeliby miał y ważył się kto temu moiemu testamentowi negować y kontradikować, takiego każdego na sąd Boży powoływam. Do którego testamentu ostatniey woli moiey będąc odemnie uproszeni, sławetny pan Matiasz Dzierzkowski— rayca Brzeski y pan Bazyli Bokoiemski, których proszę, aby ten testament ostatniey woli moiey rękoma swewi podpisawszy do xiąg magdeburskich Brzesckich podali. Pisan w Brześciu, dnia XX miesiąca Aprila, anno millesimo sexcentesimo septuagesimo tertio.

U tego testamentu ostatniey woli Owdotiey Białonożki podpis rąk temi słowy: ustnie proszony od Owdi Białonożki o podpis ręki do tego testamentu Matiasz Franciszek Dzierzkowski — rayca; ustnie proszony do podpisu od pani Owdiey Białonożki o podpis tego testamentu Paweł Panasewicz— ławnik y cechmistrz cechu rzezniczego; ustnie proszony od pani Owdi Białonożczyney o podpis tego testamentu Bazyli Wacław Bokoiemski,

ręką swą; ustnie proszony od Owdi Białonożczyney o podpis ręki do tego testamentu Paweł Piotrowicz—ławnik. Który to testament iest do xiąg woytowskich maydeburskich wpisany.

1674 г.

Изъ книги за 1661—1676 годы, стр. 1277—1280.

144. Жалоба землемѣра Александра Чеховскаго на Брестскихъ жидовъ о причиненныхъ ему побояхъ.

Въ этой жалобѣ повторяются общія мѣста всѣхъ вообще жалобъ на жидовъ въ несоблюденіи послѣдними законовъ и совершеніи разныхъ преступленій; въ числѣ послѣднихъ указывается между прочимъ и на *ночную покражу креста, стоявшаго на Козьмо-Демьянскомъ плацѣ, во кругъ котораго отправлялась церковная служба.*

Actum in civitate Bresten. magni ducatus Lith., die decima quinta mensis Februarii, anno Domini millesimo sexcentesimo septuagesimo quarto.

Na urzędzie woytowskim w mieście i. k. m. Brzeskim, przede mną Gabryelem Romanowiczem — lantwoytem, od wielmożnego imć pana Ostaphiana z Łohoyska Tyszkiewicza—podkomorzego y woyta dziedzicznego Brzeskiego będącym y wszytką ławicą przysięgłą, na zwykłym mieyscu sądowym, stanąwszy personaliter imć pan Alexander Czechowski— komornik województwa Brzeskiego, podał process do xiąg woytowskich Brzeskich, w te słowa pisany:

Opowiadał y żałośnie protestował y reprotestował imć pan Alexander Czechowski — komornik woiewódstwa Brzeskiego, namiesnik na ten czas od iaśnie wielmożnego imć pana Kurcza— woiewody Brzeskiego, dyrektora kapturu Brzeskiego, na niewiernych żydów Brzeskich, Jakóba Prochownika, Berecha, Lewka Brodawkę szkolnika, starszych Brzeskich, o to y takowym sposobem: iż gdy w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset siedmdziesiąt czwartym po wykonanym iuramencie przez iaśnie wielmożnych ich mść pp. sędziów kapturowych y ufundowaniu iurisdykcyi żałuiący został na tey funkcyi, obżałowani żydzi, maiąc z dawnych czasów ku żałuiącemn rankry, nienawiść względem wielu przyczyn,—pierwsza: że nie respektuiąc na constitutią o abiuratach, na podymnym postanowioney, zaprzysięgli z dymów stu trzydziestu trzech, a dymów wielkich więcey, niżeli ośmset z kamienicami w każdym dymie naydzie się więcey siedmiu gospodarzów, a w drugim czterech osobno, browarów więcey trzechset maią, w których chrześcian po sześciu z żonami chowaią, na seymikach nie po iednokroć mówił, aby iednako iako uboga szlachta, który ieden dym maiąc do skarbu dość czyni y uciemiężony przez podymne został; y względem tego, że miary każdy żyd swoie ma y iako chce zboże mierzy, od piw sobie niesłuszne szelężne biorą y iaką chcą cenę stawią, od lat dziesiątka na uciążenie ubogiey szlachty

nic nie respektuiąc na taxy y postanowę urzędów, iako teraz iuż garniec piwa po groszy pięciu przedaią; także względem tego, że krzyż święty na placu cerkiewnym Kuźmy y Demiana, przy którym ceremonia Pańska odprawowana była, w nocy na wzgardę wiary świętey chrześciańskiey wyrzucili y, nie wiedzieć gdzie podziawszy, mieysce te, gdzie umarłych chrześcian ciała leżą, zawzieli. O to mówił y narzekał, także względem summy winney po rodzicach żałuiących przez Jonasza żyda wziętey, tysiąca złotych upominał, zawziąwszy niechęć złą, żadney nie tylko od przyiezdzych żydów handluiących różnym towarem smędnym, ale y od chrześcian brać na rynku swoim nie pozwoliwszy, czeladnika żałuiącego Eliaszewicza potrącili y onemu brać nie pozwolili powiadaiąc, że my kapturu nie mamy y nie znamy, mamy swoie prawa y gospody, gdy żałuiący pozapisywał na ichmść panów sędziów kapturowych pościerali; a naostatek na dishonor, gdy żałuiący od imć pana Zygmunta Hornowskiego nad wieczor szedł do gospody dnia dziewiątego Februarii roku tysiąc sześćset siedmdziesiąt czwartego, obżałowani żydzi Brescy, informowawszy na dizhonor nie mało żydów, tak Brzeskich, iako y innych, żałobliwego niemiłosiernie tyrańsko s tyłu w pleca ohłoblą koniem potrącili, aż na ziemie szwankować musiał y teraz sini, spuchły zostaie, a gdy żałuiący chcąc wiedzieć, co to za żydzi, wóz wziąć chciał y czeladników wziąć kazał, tamże żydzi z kiymi bronili y żałuiącego niemi okrywać poczęli, miedzy którym hałasem w obronie żydowi płazem po rękach dostało, którzy to żydzi pomienieni Berech Jakób y Lewko Szkolnik, zniosszy się y cale namówiwszy proces potwarny, pomowny, honorowi szlacheckiemu szkodzący, zanieśli mieniąc, iakoby żałuiący skrzynię odbić miał, złotych trzysta pieniędzmi, muchaieru czerwonego łokci siedm, sztametu papużego łokci pięć, płótna szwabskiego sztuczek dwie, koszul białogłowskich ośm, fartuchów, koronek, farbot nie mało zabrać, czego żałuiący ani widział, ani się kiedy tym porać miał; także żydówkę zniewolić, zbić y zmordować y uczynek z nią popełnić; sługę imć pana Tumoskiego—namiesnika grodzkiego, pana Halickiego, zbić y tego samego obżałowanego po twarze pięścią uderzyć przy oczach imć pana pisarza Breskiego grodzkiego, sędziego kapturowego, czego w samey rzeczy nie było, iako tego pana Halickiego żałuiący nie bił, tak y tego obżałowanego potwarcę Lewka szkolnika tylko do sieni nie puścił, a gdy przyszedł obżałowany Jakób Prochownik, te żydowie ze wszytkim, mianowicie z wozem, koniem, leycem, a żadney rzeczy nie maiącey więcey wypuścił, którzy obiecali z żyda sprawiedliwość uczynić, a miasto sprawiedliwości za potrącenie, które na relacyey generalskiey iest opisano, tę potwarną, a honorowi szlacheckiemu szkodzącą, zanieśli protestatią. A ponieważ tak przeszłe constitutie, o abiuratach postanowione, iako y teraźnieyszy iaśnie oświeconego imć xięcia arcybiskupa Gnieznieńskiego opiewa uniwersał, rozprawę o tak wiele utaienie dymów w samych dworach, iako y browarów, tudzież o niesłuszne przez lat kilkanaście branie sobie szelężnego, podwyszenie ceny mimo wiadomość y miar tudzież y o ten tysiąc złotych winny przez Jonatasa y na kamienicy Jonatasowskiey będący, iako niemniey o tak wielką honorowi szlacheckiemu szkodzącą potwarz y kalumnią w procesie obżałowanych żydów szérzey opisaną, przytym o exces, paeny prawne, w statucie y konstitutiach opisane,

chcąc prawem czynić, tę solenną swoią protestacyą do xiąg zaniosł y protestował. Przy którey protestaciey stawszy oczewisto generał Andrzey Lenkusz, przyznał quit swóy relacyiny w te słowa pisany: Ja Andrzey Lenkusz—generał i. k. m. woiewództwa Brzeskiego, czynię wiadomo tym moim relacyinym quitem: maiąc ia przy sobie stronę szlachtę, pana Jana Terpiłowskiego, pana Symona Hurnowicza Tokarzewskiego, z którą stroną szlachtą w roku teraźnieyszym tysiąc sześćset siedmdziesiąt czwartym, miesiąca Februarii dziesiątego dnia, za wzywem od imć pana Alexandra Czechowskiego do gospody iego mści w Brześciu do dworu imć pana sędziego ziemskiego Mścisławskiego, a za okazowaniem na samym imć widziałem na ramieniu lewym niżey łopatki raz sini, spuchły y drugi raz pod oboyczykiem na piersiach w tymże boku sini, które razy mienił być sobie stałe od żyda uderzone hołoblą na zgardę, za naprawą Berecha, Jakóba Prochownika, Lewka szkolnika y innych żydów, dobrowolnie idącemu do gospody przeciw domu Michała — rayce, co szerzey w procesie iest opisano, oczewiście oświadczywszy protestował, y na to ia generał daię ten móy relacyiny quit z podpisem ręki mey przy pieczęci y pieczęciami strony szlachty. U tego quitu relacyinego przy pieczęciach, podpis ręki ieneralskiey temi słowy: Andrzey Lenkusz—ienerał i. k. m. woiewództwa Brzeskiego. Który to proces z relacyą za oczewistym zeznaniem ieneralskim, iest do xiąg woytowskich Brzeskich wpisany.

1674 г.

Изъ книги за 1661—1676 г. стр. 1291—1293.

145. Духовное завѣщаніе Брестскаго мѣщанина Димитрія Бѣликовича.

Брестскій мѣщанинъ Бѣликовичъ, умирая во Львовѣ, завѣщаетъ свое имущество, состоящее изъ земли въ г. Брестѣ, женѣ своей и дѣтямъ и проситъ Еремку Стельмака подтвердить его право на часть земли, принадлежащей ему въ Брестѣ же, такъ какъ онъ самъ не могъ этого сдѣлать до сихъ поръ и не можетъ, опекунами надъ дѣтьми назначаетъ Львовскихъ обывателей, братчиковъ церкви св. Николая.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die undecima mensis Maii, anno Domini 1679.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście ikmć Brzeskim, przed nami Michałem Markiewiczem y Ostapem Borowikiem — burmistrzami, Matiaszem Franciszkiem Dzierzkowskim, Romanem Matwieiewiczem, Jędrzeiem Konstanowiczem, Janem Hlebanowskim, Ostapem Markiewiczem, Ułazem Tysiewiczem, Pawłem Panasiewiczem, Jędrzeiem Krynką—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym stanowszy sławetna pani Haphia Demitrowa Bielkiewiczowa podała per oblatam (testament) z xiąg Lwowskich do xiąg mieskich burmistrzowskic Brzeskich, w te słowa pisany:

Dnia 3 Lipca według ruskiego kalendarza, roku Pańskiego tysiącznego sześćsetnego siedmdziesiątego trzeciego, we Lwowie przy bytności sławetnego bractwa cerkwi świętego Mikołaia, religiey greckiey, na przedmieściu Krakowskim Lwowskim zostaiącego, na tenczas przytym będących osób, panie Ferensie Grzebienniku—iako starszym bracie cerkwi zwyszmianowaney, y panie Bazylemu Kitowiczowi, ze wszystkim bractwem y Mikołaiu Hrehorowiczu, obywatelach Lwowskich, ia imieniem nazwany Dimitryi Bielkiewicz, z przodków swych obywatel będący sławetnego miasta Brześcia Litewskiego, widząc się bydż bliszym w chorobie moiey śmierci, aniżeli żywota, takową moią ostatnią wolą czynię: naprzód duszę moię w mocne ręce Stwórcy swemu oddaię, a potym ciało ziemi, z którey zlepione iest. Zeznawam przy pamięci dobrey ieszcze—zostaiąc małżonkę moię pospołu z dziatkami memi pozostałemi Panu Naywyższemu poruczam y Pannie Przenayświętszey w opiekę oddaię, a wiedząc dosię to: iż żadnych dóbr ruchomych po sobie nie zostawuię, tylko te grunty w Brześciu Litewskim nazwanych Bielkiewiczowskich, a primo genitu prawem mnie pospolitym przyrodzonym, iako po rodzicach moich zmarłych na mnie spadaiących, naprzód: za Muchawcem, także y na Zawrzyncu pierwszy grunt miedzy gościncami, gdzie dwór był, który kupiony od pana Szuyskiego, potym Hołowską, które trzymaią Chawraiowie, ogród Firsowski, który trzymaią oycowie, ogrod Łapczynski, Stepki znowu na Zawryncze grunta, także należące różnie, naprzód: pod Tiuchiniczami pod lasem samym rezów dwa, tak wzdłuż, iako y wszyrz w sobie maiące, także rez ieden blisko figury murowaney od gościnca rowem okopany, potym na drugiey stronie gościnca także rezów dwa za figurą murowaną, które trzymał na czynsz chłop nieiaki Niedzwiedź, która ieszcze w latach dziecinnych zostawiwszy, a na usługę się sama dawszy, a niemogąc sam przez czasy złe y niespokoyne tam bydź, iedną usługą obowiązany będąc wielmożnego imć pana starosty zwielkich Kaczyc mniszka Lwowskiego, druga że przez chorobę ściśniony niedostatkiem czasu mnie zbywało, które to grunta wyrazniey y szerzey pan Jaremko stelmach, chrzestny brat móy, ustnie opowie, któremu są świadome, boć ia wniedoyrzałym wieku, a z dziecińastwa na usługę udałem się, którego ia barzo upraszam, aby był w tych dobrach małżonce moiey y z dziatkami memi opiekunem y powodem, maiąc iedyne sumnienie, któremu Pan Naywyższy na serce podał, niech to uzna y obiawi, to tylko potwierdzam, aby woli moiey dosić się stało. Opiekunów woli moiey ostatniey wzwyszopisanych osób panów obywatelów Lwowskich tym testamentem moim naznaczam przosząc, aby inaczey nie było, powoływaiąc na sąd straszliwy Boski takowych lub z przyiaciół moich, tak bliskich, iak y dalszych, które by się w to wdzierali y tych, którzyby się na tych gruntach pobudowali, albo przez tak wiele lat w niebytności moiey aż do kresu ostatniego żywota mego zażywali, aby iey za to nagroda stanela y nie aggrawowano ni w czym nie zostawowało; także też wielce upraszam urząd magistratu całego sławnego miasta Brześcia Litewskiego, aby iey niwczym krzywdy ponosić nie dano, aby ciężko duszy moiey nie czyniono. Przy tem proszę ichmć panów braciey, z którеmi w congregaciey ś-go Mikołaia sam zostawałem, aby na ten testament podpisali się y wydać raczyli awtentycznie; na co się ręką moią wła-

sną podpisuię, a dla lepszey wiary y pewności y pieczęć zwykłą uprosiłem, aby przyciśniona była. U tego testamentu podpis rąk tymi słowy: Demitry Bielkiewicz mp. Mikołay Hrehorowicz—obywatel Lwowski, natenczas iako pisarz tego testamentu podpisuię się mp.; я iepoмонахъ Іоанъ Богушъ, яко духовный въ Богу зешлого, подписуюсе; Theodor Grzebiennik y Bazyli Kitowicz—starszy bracia y swoim braci wszystkiey imieniem. Który to testament do xiąg mieskich burmistrzowskich Brzeskich wpisany.

1674 г.

Изъ книги за 1661—1676 г. стр. 1331—1334.

146. Продажная запись на огородъ Берестейской мѣщанки Евстафьи Бѣльковичовой Берестейскимъ базиліанамъ монастыря св. Симеона.

Брестская мѣщанка Евстафія Бѣлькевичъ, оставшись вдовой и не имѣя средствъ къ содержанію и воспитанію малолѣтнихъ дѣтей, продаетъ Базиліанамъ монастыря св. Симеона за Мухавцемъ свой огородъ о 9 загонахъ за 60 польскихъ злотыхъ на вѣчныя времена.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lith., prima mensis Augusti, anno Domini 1674.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście i. k. m. Brzeskim, przed nami Michałem Markiewiczem y Ostapem Borowikiem—burmistrzami, Matiaszem Franciszkiem Dzierzkowskim, Romanem Matfieiewiczem, Jędrzeiem Konstanowiczem, Janem Hlebanowskim, Ostapem Marcinowiczem, Ułasem Tyszewiczem, Leontym Chilkiewiczem, Wasilim Chawraiewiczem, Pawłem Panasewiczem, Jędrzeiem Krynką—raycami, na zwykłym miescu sądowym w ratuszu, stanąwszy oczewisto utściwa Ostaphia Iwanowa Bielkiewiczowa list zapis w sprawie niżey mianowaney przyznała y do xiąg miesckich burmistrzowskich Brzestskich podała, w te słowa pisany:

Ja Ostaphia Iwanowna Dmitrowa Bielkiewiczowa, imieniem swym y dziatek swoich, z Dmitrem spłodzonych, ieszcze niedorosłych, iawnie czynię y dobrowolnie zeznawam tym listem zapisem moim, komu by o tem wiedzieć należało, iż ia zostawszy wdową po śmierci nieboszczyka małżonka mego pana Dmitra Bielkiewicza z dziatkami małemi, nie maiąc z nisków poratowania w tym sieroctwie swoim, a zwłaszcza tych czasów niespokoynych y trudnych, przedałam na wieczność ogród o dziewięciu zagonach, mnie y dziatkom moim należący, który na Osinkach leży, ob miedzę z iedney strony ogrodu Czerniawiczynego, a z drugiey strony ogrodu Łapczyńskiego, czołem do gościnca Wołyńskiego, a tyłem do ogrodu Chmielowskiego, wielebnym oycom zakonnikom reguły świętego Bazylego w Brześciu za Muchawcem przy cerkwie świętego Semiona mieszkaiących, za pewną summę złotych sześćdziesiąt polskich, iakoż tę summę wszytkę zupełnie do siebie odebrawszy, pomienionych oyców zakonników wiecznie kwituię z onych,

a im ogród w wieczną possesią puszczam y urzędownie pódaię, którego iuż ani ia sama, ani dziatki moie, ani żaden z krewnych, albo przyiaciół, iak moich, tak y Bielkiewiczowskich, upominać się y dochodzić nie mamy wiecznemi czasy; owszem ich ewinkować y bronić u każdego prawa y sądu, ieżeliby ich o to miał turbować, powinna będę z dziatkami memi, pod zakładem drugich sześciudziesiąt złotych polskich, pod nagrodzeniem szkod wszelakich. Waruię też tu y to wielebnym oycom zakonnikom przerzeczonym y tym moim zapisem zapisuię się, iż gruntu albo ogrodu, nazwanego Chmielowskiego tamże na Osinkach leżącego, którego im ieszcze nieboszczyk pan Iwan Bielkiewicz — burmistrz Brzeski, świekier móy, za duszę matki y żony swey legacyinym prawem puścił, tego ogrodu ani sama, ani dziatki moie upominać się y dochodzić nie mamy, ani będziem mogli, do wykupna iednak inszego iuż ogrodu, którego ani przerzeczeni zakonnicy wlewkowym prawem od pana Muszyńskiego trzymaią, wolne sobie y dziatkom moim prawo zachowuię. Na co wszytko dla lepszey wiary y pewności oycom zakonnikom pomienionym pismo moie z podpisem rąk przyiacielskich, dawszy one y przyznać przed urzędem należnym, kiedy się tego oycowie upominać y potrzebować będą, powinna iestem, pod zakładem takoweyże summy złotych sześćdziesiąt polskich. Działo się w Brześciu, roku Pańskiego 1674, miesiąca Julii dnia trzydziestego. U tego listu zapisu podpis rąk przyiaciół temi słowy: Ustnie proszony od pani Ostapiey Iwanowey Dmitrowey Bielkiewiczowey o podpis ręki do tego listu zapisu wieczystego Matyasz Franciszek Dzierzkowski — rayca i. k. m.; ustnie proszony od Ostaphiey Dmitrowey Bielkiewiczowey o podpis ręki do tego listu przyznanego według srzodka opisanego Roman Matfieiewicz — rayca starszy miasta i. k. m. Brześcia Lit.; ustnie proszony od p. Ohaphiey Iwanowey Dmitrowey Bielkiewiczowey o podpis ręki do tego listu zapisu wieczystego, Jan Hlebanowski — rayca i. k. m. ××× . Który list zapis wieczysty iest do xiąg miesckich burmistrzowskich Brzeskich wpisany.

1675 г.

Изъ книги за 1661—1676 г. стр. 1379—1382.

147. Духовное завѣщаніе Брестскаго мѣщанина мельника Тимоѳея Троцевича.

Брестскій мѣщанинъ мельникъ Тимоѳей Троцевичъ завѣщаетъ похоронить его въ церкви св. Симеона за Мухавцемъ и распредѣляетъ между дѣтьми и родными свое имущество; при этомъ онъ отказываетъ монахамъ коня за погребеніе своего тѣла.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die vigesima nona mensis Septembris, anno Domini 1675.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście i. k. mości Brzeskim, przed nami Matyaszem Franciszkiem Dzierzkowskim, Romanem Matfieiewiczem—burmistrzami, Michałem Markie-

wiczem, Janem Hlebanowskim, Ostapem Marcinowiczem, Leontym Chilkiewiczem, Wasilem Chawraiewiczem, Ułasem Tyszewiczem, Pawłem Panasewiczem, Jędrzeiem Krynką—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym stanowszy sławetny p. Jędrzey Kostanowicz y Ostap Borowik—rayce, z urzędu zesłani, testament ostatniey woli utściwego Tymofeia Trociewicza—młynarza w ratuszu przyznali y do xiąg mieskich burmistrzowskich Brzeskich podali, w te słowa pisany:

W Imie Oyca y Syna y Ducha świętego. Amen. Ja Tymosz Trociewicz—młynarz, mieszczanin Brzeski, czynię wiadomo tym moim testamentem ostatney woli moiey, yż ia będąc na ciele chory, ale na umyśle dobrze zdrowy, takowe rozporządzenie po śmierci moiey mieć chcę: Naprzód gdy za powołaniem Boga wszechmocnego z tego mizernego ciała dusza wynidzie w ręce Pana Boga oddaię, a ciało ku pogrzebowi, które ma bydź pochowane przez miłą małżonkę moią w cerkwie świętego Semiona za Muchawcem. Rzeczy ruchome y nieruchome y maiętnostkę swoię własnę tak rosporządzam: Młyn w Brześciu, na sluzie stoiący, małżonce moiey y dzieciom Semenowi y Awdusi, a Polusia Artemowna niema do tego młyna, także koło w wielkim młynie stoiące zadnie teyże małżonce y dzieciom mianowanym leguię y zapisuię z budynkiem, na połowicy tego gruntu stoiącego, drągowe w pół z panem Jaroszem Bukryiewiczem małżonce moiey y dzieciom tak też y sieci. Grunt Łomożecki nazywaiący się Pusty Polusi Artemownie, iako zaczeła tego dowodzić, niechay dochodzi, iey leguię y zapisuię; ogród nazywaiący się Łaczyński małżonce moiey y dzieciom łeguię y zapisuię, konia który zostaie u imć pana Brzozowskiego na paszy w Bogu wielebnym oycom Semenowskim za Muchawcem na pogrzeb leguię y zapisuię; klacze y zrzebie, u tegoż imć pana Brzozowskiego zostaiące, małżonce moiey miłey y dzieciom ze mną spłodzonym leguię y zapisuię. Szlomie winienem zostaię złotych siedmnaście, małżonka moia z dóbr moich ma oddać. A zamykaiąc ostatnią wolę moię zostawuię exekutorami tego testamentu mego utściwego Lukiana Kożyca—cechmistrza rzeznickiego y p. Gabryela Romanowicza—lantwoyta Brzeskiego, tak też y w Bogu wielebnego oyca Karasińskiego—ihumena monastera świętego Siemiona Brzeskiego, a pp. radziec z urzędu zesłanych, na podpisie tego testamentu mianowanych, upraszam, aby ten testament ostatney woli moiey rękoma swemi podpisawszy przed urzędem przyznali y do xiąg podali.

U tego testamentu podpis rąk temi słowy: z przydania od sławetnych pp. burmistrzów miasta i. k. mości Brześcia Litewskiego na ten testament w domu utściwego pana Tymosza Trociewicza, młynarza i. k. mości zesłani, podpisuie ręką Andrzey Konstanowicz—rayca; Съ приданья отъ славетныхъ пановъ бургомистровъ на тестаментъ уцтивого пана Тимофея Троцевича млынара Берестейского Остафій Боровикъ—райца Берестейскій, Felicyan Kazimierz Rapowicz—pisarz miasta i. k. mości Brześcia. Który to testament iest do xiąg mieskich burmistrzowskich Brzeskich wpisany.

1700 г.

Изъ книги за 1676—1708 г. стр. 349—356.

148. Жалоба Петра Огильвія на жида Файвиша Яхимовича, Тераспольскаго мѣщанина, по поводу неуплаты этимъ послѣднимъ долга.

Петръ Огильвій жалуется на жида Файвиша Яхимовича въ томъ, что онъ не только не возвращаетъ ему долга, несмотря на многочисленные декреты по этому дѣлу, но прибѣгаетъ еще къ обману и разнаго рода насиліямъ. Такъ помянутый жидъ выхлопоталъ себѣ ad male narrata листъ, на основаніи котораго дѣло это долженствовало рѣшиться компромисарскимъ судомъ; въ судъ были избраны только самые жиды и назначенъ срокъ засѣданія въ пятницу, но жидъ Файвишъ самовольно перенесъ этотъ срокъ съ пятницы на воскресенье, когда не могъ явиться Огильвій, вслѣдствіе религіозныхъ своихъ обязанностей. Но въ судѣ этомъ было постановлено, чтобы Файвишъ уплатилъ Огильвію въ четыре срока долгъ, а Огильвій освободилъ его домъ, бывшій въ залогѣ. Огильвій согласился и на такое рѣшеніе; но Файвишъ не только не исполнилъ его, но угрожаетъ еще отравой жильцамъ, находящимся въ его домѣ, изъ коихъ одинъ уже скоропостижно умеръ, а также и самому Огильвію.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith., die 11 Januarii, anno Domini 1700.

Na urzędzie woytowskim w mieście i. k. mści Brześciu Litewskim, przede mną Dymetrym Janem Bocianowskim — postanowionym lantwoytem od iaśnie wielmożnego i. m. pana Józepha Bogusława Słuszki—kasztelana Wileńskiego, hetmana polnego w. x. Lit., Lantskorońskiego, Jezieżyskiego, Punskiego, Pieniańskiego starosty, y woyta dziedzicznego Brzesckiego, żałował, protestował y soleniter się manifestował i. mć pan Piotr Ogilwii na niewiernego żyda Faywisza Jachimowicza — mieszczanina Teraspolskiego, o to, y takowym sposobem: Iż żałuiący i. mć za otrzymanemi dekretami, condemnatami, banicyami, od iaśnie wielmożnego i. mć pana marszałka wielkiego koronnego, iako też y od wielkiego xięstwa Litewskiego, na wysz pomienionego żyda, oraz y od iaśnie wielmożnego i. mć pana kasztelana Wileńskiego, hetmana polnego w. x. Lit., przez ichm. panów, iako to: i. m. pana Stanisława Janusza Podoskiego — woyskiego Brasławskiego y i. mć pana Stanisława Makowieckiego — stolnika Latyczewskiego, y list do executiey z Warszawy od tego wysz pomienionego iaśnie wielmożnego iegomości y samey iaśnie wielmożney iey mości, aby podług pomienionych dekretów za tym listem uczyniona była executia, iakoż się w samey rzeczy stało, że podano wysz mianowanemu i. mć panu Ogilwowi w intromissyą dom, który pacifice w posessyey swoiey przez niedziel kilkanaście trzyma; bacząc tedy obżałowany żyd, że się do słuszności bierze, czyniąc pod żałuiącym i. mć podstępek, biegł do Warszawy y ad male narrata otrzymał przeciwny list od iaśnie wielmożnego i. mć pana kasztelana Wileńskiego w ten sposób, aby spłacił podług obligów do dekretów stosuiących się, y które obligi zwysz pomienionych dekretów stanęli z woli y rozkazania i. mć pana woy-

skiego Brasławskiego, oekonoma ieneralnego iaśnie wielmożnego i. mć pana Wileńskiego y i. mć pana Michała Strzyżewskiego — podstarościego Teraspolskiego, obu stronom, to iest, i. mć panu Ogilwiowi y obżałowanemu żydowi na compromisarską ugodę, na którą obrano samych żydów starszych kahału Teraspolskiego z strony żałuiącego, a z strony obżałowanego żyda obrano rabina Pinskiego, na imie Frankiela y drugiego Zelmana, faktora wyż pomienionego iaśnie wielmożnego i. mć pana Wileńskiego, którym, gdy przyszło na compromis zasieść, nie zasiadali y zasiąść nie chcieli, że obżałowany żyd szalbierz y zawodzca, y tak chcąc zbić z terminu ten naznaczony dzień zwlekli, co przeciwko prawu naznaczonemu y samey słuszności się stało: bo na potym w nocy zprowadził obżałowany żyd innych dwóch żydów do zasiadania na ten compromis niesposobnych, co się miało stać w piątek, to iest, dnia ośmnastego Decembra, a dla zwłoki odłożono do świętego dnia niedzielnego, który dzień godzien uczczenia y poszanowania, czemu prawo pospolite waruie y przeciwko przykazaniu Boskiemu stało się, zasiedli zrania na ten compromis y nic skutecznego nie ukoiarzyli, bo żałuiący iegomość tego dnia nabożeństwem będąc zabawny absentować się musiał, iako w niesłuszny, nie spodziewaiąc się na ten dzień y przez niesłuszne osoby zasiadaiące od obżałowanego żyda uproszone y namówione, którzy na tenczas abstente żałuiącego i. mci uczynili między sobą decyzyą y iuż nie rychło zasiadłszy, dopiero dali znać w kilkanaście godzin żałuiącemu iego mości po deferowaney y uczynioney swoiey decyzyi, żadnego nie maiąc przed sobą prezentowanego dokumentu, przeszkadzaiącego żałuiącemu iego mości nic fundamentalnego nie postawiwszy, cztyry sobie punkta uformowali. Y gdy żałuiący i. mć, za daniem sobie znać, przyszedł do nich, pytali iego mości, na który by się chciał z decyzyi onych rezolwować punkt; żałuiący nie sprzeciwiaiąc się temu, ale czyniąc dość dekretowi, lubo niesłusznie y przez nienależące osoby ferowanemu, obrał sobie punkt ten, aby obżałowany żyd dwa tysiące żałuiącemu i. mci wypłacał, na dwie lecie czterma ratami, tym sposobem: pierwszą ratę w kilka dni, to iest, naydaley w tydzień, złotyrh pięćset; drugą ratę za sześć miesięcy; trzecią ratę item za sześć miesięcy, czwartą ratę przed wyiściem roku, da Bóg, przyszłego tysiąc siedmsetnego pierwszego, a inquantum by którąkolwiek pomienioną ratę obżałowany żyd miał uchybić y niedotrzymać, by dniem iednym, tedy dane, wprzód pieniądze złotych te pięćset maią przepadać, pro nihilo reputari, a samo prawo z żałuiącego iego mci na obżałowanego żyda otrzymuie, iako to, dekreta, intromissya y taxa na dom y domowstwo onego przy zupełney mocy y walorze zostawać, submissa dana s podpisem ręki żałuiącego, za niedotrzymaniem przez obżałowanego żyda tych wysz pomienionych w wypłaceniu rat ma być żałuiącemu iego mci powrócona y niczym obżałowany żyd ma się zasłaniać ku przeszkodzie pierwszemu żałuiącego i. mci prawu; bacząc tedy żałuiący i. mć pan Piotr Ogilwa, że w tym wielkie praeiuditium y nieznosną ponosi krzywdę, z oszukania y iednego szalbierstwa, niepotrzebnie od obżałowanego żyda Faybisza Jachimowicza obranych y namówionych na compromis żydów, a do tego nieumieiętnych y świadomych y w dzień świąt niedzielny, przeciwko przykazaniu Boskiemu zasiadaiących, nie maiących przy

sobie naznaczonego od ichmć panów commisarzów pisarza, mianowicie od i. mć pana Strzyżewskiego— podstarościego Teraspolskiego i. mć pana Gorszkowskiego, w niedziel trzy zcorumpować y namówił obżałowany żyd, aby inszy dekret ferowali, ponieważ z razu ferowanego dekretu żałuiącemu i. mci wydawać nie chcieli, w czym żałuiący i. mć niesłuszne widząc tych żydów decidowanie dekretu, ale iedno onych szalbierstwo, iako namówionych od obżałowanego żyda osób, opowiedział się żałuiący imć panu podstarościemu Teraspolskiemu tym się oświadczaiąc, że iedne ludibrium na osobie swoiey przez tego obżałowanego ponosi żyda y skuteczney rozprawy podług swoich dekretów, zapisów y decyzyi na obżałowanym żydzie nie otrzymuie. Widząc tedy obżałowany żyd oświadczenie się żałuiącego imci przed urzędem Teraspolskim, prosił żałuiącego imć pana Ogilwa o odebranie na drugi compromis osób chrześcian, bo wolał obżałowany żydówek niż swoich żydów, czemu żałuiący imść nie przecząc pozwolił, ale gdy miało do tego przyiść y aby się samy skutek refutował, obżałowany żyd do niczego przystąpić nie chciał, żałuiącego ie-mści coraz zwlekaiąc y zawodząc do większego a większego przyprowadzał kosztu, straty y przyprowadzać nie przestaie. Jeszcze y na tym nie dosyć, gospodarka w domie za dekretem y decyzyą od ichmć panów commissarzów za dług żałuiącemu imci godnie podanym, człowieka godnego, gdy w ten dom przyiął, obżałowany żyd po kilkakroć razy onego naszedł, zelżył, zbeształ, zdysfamował y różne przegrożki, pochwałki y odpowiedzi na zdrowie czynił, których pomieniony gospodarz obawiaiąc się, chciał z tego domu wyprowadzić do Brześcia, tedy przed wyprowadzeniem się w tym domie sam y wiele ich było zachorowali y ieden służący z tych miar umarł; y tym się ieszcze nie kontentuiąc, dnia piętnastego Januarii, w tymże samym domie maiącego stancyą żałuiącego samego iegomości naszedł, słowy nieuczciwemi zelżył, zesromocił, bez dania żadney sobie okazyi, grożąc sługę żałuiącego imci o śmierć przyprawić y samego żałuiącego imści koniecznie nieżywie inquantumby swoiey dochodził od obżałowanego żyda należytości y dotąd czynić nie przestaie. O co wszystko żałuiący imść chcąc z obżałowanym żydem prawnie czynić, szkod y paen prawnych requirować, dał tę swoią żałobę z dalszą oney melioratią do xiąg mieyskich Brzeskich magdeburskich zapisać. Która iest przyięta y zapisana.

1700 г.

Изъ книги за 1676—1708 г., стр. 365—368.

149. Посвидѣтельствованіе вознаго о насиліяхъ, дѣлаемыхъ жидомъ Файвишомъ Яхимовичемъ Огильвію.

Брестскій возный симъ свидѣтельствуетъ, что жидъ Файвишъ производитъ постоянныя угрозы жильцамъ, находящимся въ его домѣ, у Огильвія, изъ коихъ одинъ умеръ, и самому Огильвію, и что послѣдній передалъ его другимъ жильцамъ, такъ какъ прежніе были изгнаны Файвишемъ.

Actum in civitate Brestensi m. d. Lith. die vigesima quinta mensis Februarii, anno millesimo septingentesimo.

Na urzędzie woytowskim w mieście ikmści Brześciu Litewskim, przede mną Dymetrym Janem Bocianowskim—postanowionym lantwoytem od iaśnie wielmożnego imć pana Józepha Bogusława służki—kasztelana Wileńskiego, hetmana polnego w. x. Lit. Lantskorońskiego, Iezierskiego, Punskiego, Pieniańskiego starosty y woyta dziedzicznego Brzeskiego, za nieprzyięciem w grodzie Brzeskim, stanowszy oczewiście ienerał ikmści woiewodztwa Brzeskiego Samuel Jacewicz ten kwit swóy relacyiny zeznał, w te słowa pisany:

Ja ienerał ikmści woiewodztwa Brzeskiego, niżey na podpisie ręki mey mianowany, zeznawam tym moim relacyinym kwitem, iż w roku teraznieyszym tysiąc siedemsetnym miesiąca Januaryi dwudziestego piątego dnia, będąc ia użytym z stroną szlachty panami Stephanem y Jakubem Terpiłowskiemi, od imć pana Piotra Ogilwiego do domu Teraspolskiego, będącego za praesentowaniem od imci, widziałem dekreta iaśnie wielmożnych marszałków, tak wielkiego koronnego, iako też w. x. Lith., otrzymane na żyda Faywisza Jachimowicza—mieszczanina Taraspolskiego, iako też y od iaśnie wielmożnego imć pana kasztelana Witepskiego, hetmana polnego w. x. Lith. oraz y list od iaśnie wielmożney samey iey mości na podanie za dług winny domu y domowstwa wysz pomienionego żyda Faywisza Jachimowicza y za naznaczonemi y ordinowanemi commisarzami od iaśnie wielmożnych pomienionych osób, iako to: imć pana Stanisława Janusza Podoskiego—woyskiego, Brasławskiego y imć pana Stanisława Makowieckiego—stolnika Latyczewskiego, aby wyszpomieniony imć pan Piotr Ogiliwa otrzymał y w realną sobie wziął y odebrał posessyą, a że z zawziętości przez to swoiey obżałowany żyd y z rankoru na żałuiącego imści, który żałuiący imć był wpuścił do tego domu gospodarza, którego obżałowany żyd po kilka kroć razy nachodził y różne, iako mienił żałuiący, imci czynił przegrożki y pochwałki na zdrowie, z których pochwałek w tym domie u gospodarza służący umarł, gdyż y sami wszyscy w tym domie będące chorzeli, a do tego na sług żałuiącego imci na zdrowie y samego żałuiącego imci o śmierć przyprawić odpowiadał. Bacząc żałuiący imć, że z nim sprawy nie doydzie, iako z wykrętaszem wielkim zawodząc, odłożył do imć panów com-

misarzów, a sam gdy odieżdżał żałuiący imć dla pilnych swoich interessów, stróża, to iest, drugiego gospodarza za wypędzeniem pierwszego przez obżałowanego żyda ten dom iako obiął, w teyże samey całości temu zostawuie gospodarzowi, aby go miał w dozorze do powrotu żałuiącego imci y do skuteczniey-szey rozprawy, przedemną ieneralem oświadczał się, na dowód czego ia ieneral, com widział y słyszał, daię to moią relacyą z podpisem ręki mey własney.

1701 г.

Изъ книги за 1676—1708 годы, стр. 463—470.

150. Протестъ Якова Скальскаго на весь кагалъ Брестскихъ жидовъ объ убійствѣ ими фактора Юдка.

Брестскій земянинъ Скальскій заявляетъ, что Брестскій кагалъ—вообще,. и поименованные въ документѣ жиды — въ частности, изъ зависти и зложелательства убили его фактора жида Юдку преимущественно за то, что онъ былъ расположенъ къ христіанамъ; убивши они разграбили его имущество, въ числѣ котораго было и 140,000 талеровъ Скальскаго, повѣренныхъ Юдкѣ для торговыхъ оборотовъ. При жалобѣ находится и посвидѣтельствованіе вознаго.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die vigesima octava Novembris, anno 1701.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście iego królewskiey mości Brześciu-Litewskim, przed nami Szymonem Tryczką, Omelanem Sydorowiczem—burmistrzami, Stephanem Żysiewiczem, Artemem Andrzeiewiczem, Pawłem Panasewiczem, Janem Wasylewiczem y Kalichem Chylkowiczem — raycami za nieprzyięciem u ziąg grodu Brzeskiego, żałował, protestował solennie przed nami urzędem maydeburskim Brzeskim, manifestował imć pan Andrzey Jakób Skalski na cały kahał niewiernych żydów starszych, mianowicie na niewiernych Matysa Lapicza—teraźnieyszego starszego miesięcznego, krawca Jozepha y syna iego, żydów Brzeskich y na niewiernego żyda Jontofa z Terespola, iako samych principałów uczynku niżey pomienionego, o to y takowym sposobem: iż żałuiący imć pan Skalski wprzód dawszy na zapis pewny temu kahałowi Brzeskiemu cztery tysiące pięćset złotych polskich, iako ten zapis w sobie opiewa y wyraża, a obebrawszy sobie raz za faktora żyda Judkę Izraelowicza, który miał przed tym dom swóy y ma w Czarnawczyczach, dobrach iaśnie oświeconego xiążęcia imści krayczego w. x. Lit., starosty Lidskiego, w woiewództwie Brzeskim leżących, używaiąc iego szczerość w Czarnawczyczach będącego, który applikował do Brześcia, aby mógł mieć lepsze wyżywienie, kupiwszy mu dom w Brześciu mieście iego kr. mości, na ulicy Kowalskiey, przez niemały czas onemu kredituiąc gotowych pieniędzy, a to czyniąc dla tego, że był szczery nie tylko żałuiącemu imści panu Skalskiemu, panu swemu, ale y innym różnym ichmościom szlachcie, obywatelom woie-

wództwa Brzeskiego, w pokazaniu sposobów do fortuny, za którą szczerość nieraz grozili starszy żydzi onemu, klątwą y śmiercią, aby chciał tego zaniechać, iako y tey summy za zleceniem od żałuiącego iegomości nie upominał się, tedy trafiło się pomienionemu żydowi Judce bydź w łaźni z starszym żydem wysz obżałowanym Matysem, który mu rzekł też słowa: że Judko będziesz wyklęty, że hultaiowi szlachta wierzą pieniądze, za to, że im szczerze pokazuiesz pożytki, a nam osiadłym nie chcą pożyczać, zaniechay ty tego, bo y sam nie będziesz wiedział, gdzie się podzieiesz. Jakoż o to wysz rzeczony żyd Judka w przeszłym tygodniu ustawicznie żałuiącemu iegomości dokuczał y prosił, aby był żałuiący iegmść u tego Matysa żyda, który takową pochwałkę, iako się wyżey pomieniło, uczynił, y wszystkich starszych prosząc za nim, żeby byli łaskawi na niego, ale dla wielkich zabaw y trudności żałuiącemu ie-mści nie przyszło do tego. W roku zaś przeszłym tysiąc siedmsetnym niewierny żyd Terespolski na imie Jantof, także pomienionemu żydowi Judce odpowiadał y groził śmiercią, za to, że żałuiącego iego mści pieniądze za iakiś dług sobie u szwagra swego, który z rzeczonym faktorem Judką handlował, zabrał na dwa tysiące złotych polskich, y teraz one u siebie trzyma y ma, te słowa mówiąc: Jeszczeć mogę doyść, pieniądze dane panu, ale Judka, faktor, drugiey nie doczeka wiosny. Żyd zaś krawiec Jozeph z synem swoim, różne na tegoż faktora wysz specifikowanego czynił pochwałki y przegrożki, nieczynieniem za to, że u żałuiącego iegomości pokradł maszt lasu sztuczek piętnaście, a on go y s tey kradzieży wyznawał, którą takową obżałowani żydzi starsi, cały kahał y wysz rzeczeni, osobliwie żydzi, uczyniwszy pochwałkę ustawicznie na pomienionego faktora Judkę Izraelowicza czyhali, iakoby go zabić, zagubić, zamordować, lub iakimkolwiek sposobem z tego świata zgładzić. Jakoż po uczynionych pochwałkach nie poiednokrotnie w roku teraźnieyszym tysiąc siedmsetnym pierwszym, miesiąca Nowembra dwudziestego szóstego dnia w sobotę, to iest, po szabasie, gdy pomieniony Judka faktor żałuiącego iegomości z szkoły swey żydowskiey wyszedłszy, szed do dworu do pana swego, do dworu wysz pisanego xiążęcia iegomości, na Piaskach będącego, gdzie żałuiący iegomość zawsze stawał gospodą y teraz dotąd stawa, tam idąc z sobą in condicto z starszemi żydami całego kahału Brzeskiego, maiąc na niego zasadzkę, nic sobie niewinnego człowieka, iedno szczególnie dla tego, że był szczerym krwie chrześciańskiey, zastąpiwszy na dobrowolney drodze idącego pomienionego dworu, na Piaski, pana swego, przed mostkiem u młynów na odnodze Mielwieckiey iaśnie wielmożnego iegomości pana Kurcza, woiewody Brzeskiego, z iedną stronę, a z drugą w Bogu przewielebnych ichmościów panien zakonnych reguły świętey Brygidy, tyrańsko, okrutnie, niemiłosierdnie zbiwszy, ztłukszy, zkłówszy, zadusiwszy, iuż nieżywego w wodę utopili, pod wysz mianowanemi młynami, y takowy tedy niezbożny popełniwszy excess y mężobóystwo, ieszcze nicht nie wiedział, gdzieby się mianowany żyd Judka Izraelowicz, żałuiącego iegomości faktor, miał podziać, zaraz wrzkomo nie wiedząc ni o czym napadli na mieszkanie iego, z żydów kto mógł co zarwać, iako sami między sobą ogłaszaią y mowią, brali, co się komu upodobało, mianowicie żyd Picuchas Markowicz praetextem rodziczka zastawnego,

u nieboszczyka niewinnie zabrał w łup wilczurę nową, futer kotowych dwoie, który to pomieniony żyd miał u siebie żałuiącego iego mości, gotowych pieniędzy sobie powierzonych sto czterdzieście tysiąc talarów bitych, y te podczas rabunku gdzie się podziały wiedzieć nie mogą. O czym szerszey w relacyi ieneralskiey iest wyrażono. O co tedy wszytko chcąc żałuiący iegomść z obżałowanemi żydami prawnie czynić, y tego wszytkiego na nich dochodzić, iako y głowy wysz rzeczonego żyda, na ten czas dał tę swą solenną manifestacyą, z wolną oney melioratią, do xiąg magdeburskich mieyskich Brzeskich ku zapisaniu.

Przy którym opowiadaniu stanąwszy oczewiście ienerał i. k. mści woiewództwa Brzeskiego, Samuel Jacewicz, kwit swóy relacyiny obdukcyey zeznał w te słowa pisany:

Ja ienerał iego królewskiey mości woiewództwa Brzeskiego zeznawam tym moim relacyinym obdukcyey kwitem, iż będąc użytym w roku teraźnieyszym tysiąc siedmsetnym pierwszym, miesiąca Nowembra dwudziestego ósmego dnia, z stroną moią szlachtą panami Stephanem y Jakóbem Terpiłowskiemi, do iegomości pana Andrzeia Jakóba Skalskiego, do dworu iaśnie oświeconego xiążęcia iegomości krayczego w. x. Lit., starosty Lidskiego, na ten czas stoiącego gospodą na Piaskach, tu w mieście iego królewskiey mości Brześciu, będącego, z któremi za przybyciem moim y okazaniem iegomości widziałem żyda Judkę Izraelowicza, faktora iegomości, okrutnie, tyrańsko, niemiłosierdnie zabitego, na którym głowę wszytką widziałem zbitą, ztłuczoną snadź kiiami, oczy krwią naciekłe, prawie na wierzch łba wyleźli, także boki, pleca y wszytkie ciało zbite, zekrwawione, zkłóte; które te zbicie, zmordowanie y o śmierć przyprawienie mienił iegomość pan Skalski przede mną bydź stałe od żydów starszych w processie wyrażonych; przytym też mianował po zabiciu onego nayście na dom iego, na ulicy Kowalskiey w mieście Brześciu będący, zabranie niemało rzeczy, iako też y pochwałkę zdawna na tego żyda czynioną, przez tychże żydów starszych kahału Brzeskiego, y inne praetensie w processie dostatecznie. y obszernie wyrażone. Na dowód czego, ia ienerał będąc w tey sprawie użytym, com widział y słyszał, na to daię ten móy relacyiny obductiey kwit, z podpisem ręki mey y za pieczęćmi strony szlachty, przy mnie na ten czas będącey, ku zapisaniu do xiąg magdeburskich mieyskich Brzeskich. U tego relacyinego kwitu podpis ienerała temi słowy: Samuel Jacewicz — ienerał iego król. mości woiewództwa Brzeskiego. Któreż to oczewiste ienerała zeznanie iest do xiąg mieyskich magdeburskich Brzeskich przyięte y wpisane, z których y ten extrakt iegomości panu Andrzeiowi Jakóbowi Skalskiemu, z przyciśnieniem pieczęci mieyskiey radzieckiey y z podpisem ręki pisarskiey iest wydany. Pisan w Brześciu actum anno et die ut supra.

1702 г.

Изъ книги за 1676—1708 годы, стр. 507—510.

151. Духовное завѣщаніе Брестской мѣщанки Анны Кобылинской, которымъ она записала домъ свой монастырю св. Симеона Столпника.

Брестская мѣщанка Кобылинская завѣщаетъ монастырю св. Симеона Столпника за Муховцемъ свой домъ въ городѣ Брестѣ, крамницу, домъ деньги, шведку и гаруснуую юбку съ тѣмъ, чтобы монастырь молился за ея грѣшную душу.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae die quinta mensis Augusti, anno Domini 1702.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście iego królewskiey mości Brześciu Litewskim, przed nami Stephanem Zysiewiczem y Kalichem Chylkowiczem—burmistrzami, Pawłem Panasowiczem, Janem Wasilewiczem, Artem Andrzeiewiczem, Symonem Tryczką y Omielanem Sydorowiczem—raycami; postanowiwszy się personaliter wielebny ociec Hawryły Hermanowski—zakonnik monastera świętego Symeona Słupnika w Brześciu, za Muchawcem fundowanego, podał do act testament xiąg maydeburskich mieyskich Breskich, w te słowa pisany:

W Imie Oyca y Syna y Ducha świętego, Amen. Ja Anna Kobylińska—mieszczanka Brzeska, będąc w latach podeszłą y w starości moiey bardzo słabą, a od Naywyszego Pana Stwórcy mego chorobą nawiedzana, iednak przy rozumie y pamięci zostaiąc dobrey, a słysząc się blizką śmierci, takowem za żywota mego umyśliłam uczynić rozporządzenie. Naprzód, duszę moią w ręce Bogu Stworzycielowi memu y miłosierdziu iego świętemu poruczam, ciało zaś moie zmarłe w wierze świętey chrześciańskiey—ziemi, o które upraszam wielebnych oyców zakonnikow, zostaiących przy cerkwi świętego Symeona Słupnika w Brześciu za Muchawcem, aby było według porządku chrześciańskiego ich staraniem ze wszystkim pogrzebione, przy cerkwi świętego Symeona Słupnika. Dom móy zaś, tak rozporządzam, który stoi w rynku miasta Brześcia, ob miedzę sławetnego pana Symona Tryczki, a zdrugiey strony kramnicy alias klatki moiey, moim własnym kosztem z nieboszczykiem Janem Kobylińskim, małżonkiem moim na gruncie mieyskim ratusznym czynszowym wybudowany, ten dom móy leguię wielebnym oycom Siemienowskim za pogrzeb, aby za duszę moią służby Boże odprawowali y błagali maiestat Bozki, aby mi Pan Bóg raczył odpuścić grzechy moie. Kramnie zaś alias klatkę, tam że pobliżu domu moiego stoiącą, na gruncie mieyskim ratusznym czynszowym, tę daruię, leguię panu Janowi Kuleszy—zięciowi memu, lubo córce moiey żadnego potomstwa nie zostało, żeby tylko Pana Boga za mnie prosił, a niewinnie mnie po śmierci nie przeklinał, bom ia od niego na żaden budynek pieniędzy żadnych nie odbierałam; tymże wielebnym oycom Semenowskim, leguie Szwedkę sukienną moię y spodnice łazurową ha-

rusową, którą miała od święta, aby to odebrawszy za duszę moią Pana Boga prosili. Dziewczynie na imie . . . . która mnie usługiwała y doglądała y obiecała mnie aż do śmierci doglądać—tey daruię szwedkę moią starę y pościel moią, aby y ta nie była ukrzywdzona, a za duszę moią Pana Boga iako sierota prosiła. Summ pieniężnych żadnych niemam y nie zostawuię y żadney ruchomości. Co też mam długów mnie winnych, o te upraszam, aby według ostatniey tey woli moiey byli oddane: Naprzód imć pana Chocima zostaię winną za mieszkanie w domu moim, co mieszkał, złotych piętnaście, o te upraszam, aby oddał wielebnym oycom Siemienowskim; u iegomości pana Wybersa złotych pięć y o te upraszam iego mości, aby oddał z łaski swey oycom Semenowskim,—samam też na siebie długów żadnych nie zaciągnełam za żywota mego, y dla tego dom móy y kramnica legowane wolne zostawać moią; o który dom y kramnice nie będą wielebni oycowie turbować, ani pan Jan Kulesza—zięć móy, bo nato nic nikomy nie winno. Kończąc tedy ten móy ostatniey woli moiey testament, upraszam, aby był przyięty y niebył ni w czym naruszony, a ieśliby kto miał temu sprzeczyć y turbować, tedy takowego każdego na straszny sąd Bozki zapozywam. Do którego to tego testamentu ostatniey woli moiey napisania uprosiłam sławetnego pana Kalicha Chylkowicza—burmistrza na ten czas y sławetnego pana Pawła Panasowicza—raycy miasta Brześcia, będących przy napisaniu tego testamentu, dla stwierdzenia o podpisy rąk, y pana Hieronima Bugszewskiego, aby się podpisał do tego testamentu, iako pisarz miasta Brześcia. Działo się w Brześciu roku tysiąc siedmsetnego wtórego miesiąca Julii dnia trzydziestego.

U tego testamentu podpisy rąk temi słowy: przy krzyżyku Anna Kobylińska. Jako będący przy napisaniu tego testamentu podpisuię się Kalich Chylkowicz—burmistrz Brzeski; będący przy napisaniu tego testamentu podpisuię się Paweł Panasowicz—rayca miasta Brześcia; Hieronim Buguszewski — pisarz przysięgły miasta Brześcia, uproszony dla podpisania tego testamentu. Który to ten testament iest do xiąg maydeburskich przyięty y zapisany. Actum w Brześciu anno et die ut supra.

1703 г.

Изъ книги за 1676—1708 годы, стр. 519—526.

152. Жалоба шкипера ловчаго Волынскаго Яловецкаго на жидовъ Брестскихъ и Тераспольскихъ о разграбленіи ими судна съ разнымъ хлѣбомъ.

Повѣренный Волынскаго ловчаго Яловецкаго жалуется на Брестскихъ и Тераспольскихъ жидовъ, что они условившись цѣлымъ кагаломъ, пригласили шведскихъ солдатъ и вмѣстѣ съ ними напали на нагруженное судно Яловецкаго и ограбили все, что въ немъ было: рожь, пшеницу, макъ, пряжу, олово и другіе предметы.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, anno Domini millesimo septingentesimo tertio, nona die mensis Aprilis.

Przed nami Stephanem Żyszewiczem y Kalichem Chylkiewiczem — burmistrzami, Pawłem Panasewiczem, Artemem Andrzeiewiczem, Omelanem Sidorowiczem, Andrzeiem Romanowskim—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym, w ratuszu zasiadaiącemi, przed nami urzędem magdeburskim Brzeskim, imieniem wielmożnego i. mości pana Jana Jałowieckiego — łowczego Wołyńskiego, i. mć pan Antoni Sitarski — szyper wysz rzeczonego wielmożnego i. mć pana łowczego Wołyńskiego, za nieprzyięciem w grodzie Brzesckim, żałował solenniter opowiadaiąc urzędowi, protestował się na niewiernych żydów starszych, całą synagogę Brzescką y wszystkie pospólstwo żydów Brzesckich, także y na niewiernych żydów Teraspolskich, starszych kahału tamecznego Teraspolskiego. tudzież y na całe pospólstwo żydów Teraspolskich w spólney radzie y namowie z obżałowanemi żydami starszemi Brzesckiemi, iey pospólstwem będących osób, o to, iż obżałowani żydzi kahału Brzeskiego z Teraspolskiemi żydami, ieden uczyniwszy condyktament ku szkodzie y wielkiey ruinie wielmożnego i. mć pana Jana Jałowieckiego—łowczego Wołyńskiego, w roku teraźnieyszym tysiąc siedmsetnym trzecim, wziąwszy u i. mć pana Gabryela Horna — obersztерleytnanta, comendę maiącego nad ludem szwedzkim, niemało żołnierzów, za kontentacyą szpichlerz na Teraspolu będący nad rzeką Bugiem, nocną dobą, ze dnia trzeciego na dzień czwarty miesiąca Marca, obżałowani żydzi Brzescy y Teraspolscy z żołnierzami szwedzkiemi napadłszy odbili usypaną pszenicę y żyto ze szkutów, przez żałuiącego imci pana Antoniego Sitarskiego—szypra, a który dla szczupłości wody w Bugu nie mógł daley iść, chciwy naród żydowski pracy ludzkiey, obces rzuciwszy się, z worami, z wozami, tak żyto, iako y pszenicę pozabierali, nie dosyć y na tym maiąc, maku sypań dwie, cyny letko rachuiąc na trzy tysiące złotych polskich, przędziwa na trzy tysiące motków, leguminę wszystką, zabrali y funditus zrabowali, nawet statki do szkuty przynależące pozabierali, a po takowym popełnionym excesie, z żołnierzami szwedzkiemi cyną obżałowani żydzi, tak Brzescy, iako y Teraspolscy dzielili się y onych contentowali, na dalszą ieszcze zgubę y ruinę szkutę z subordynacyi tychże żydów Brzesckich y Teraspolskich, Szwedzi byli wzięli y most z innemi szkutami na Bugu, robili wniwecz szkutę popsowali y ledwo żałuiący mógł recuperować, bo Szwedzi z subordynacyi obżałowanych żydów Brzesckich y Teraspolskich mieli w Bugu zatopić; o którą tak znaczną szkodę żałuiący imć pan Antoni Sitarski—szyper wielmożnego imć pana Jana Jałowieckiego — łowczego Wołyńskiego, iterum atque iterum protestuiąc się na obadwa kahały Brzesckich y Teraspolskich żydów y wszystkie pospólstwo, na tenczas tę swoią żałobę, zostawiwszy salvam meliorationem, wielmożnemu iego mość panu Janowi Jałowieckiemu, iako panu swemu, za nieprzyięciem u xiąg grodzkich Brzesckich do xiąg urzędowych maydeburskich Brzesckich dał zapisać, która iest przyięta y zapisana.

1703 г.

Изъ книги за 1676—1608 г. стр. 524—534.

153. Жалоба войскаго Брестскаго Станислава Поплавскаго на Брестскихъ жидовъ, которые подговорили Шведовъ забрать привезенную имъ пшеницу.

Брестскій войскій Поплавскій жалуется на Брестскихъ же жидовъ, что эти последніе, желая ограбить его шкутъ съ пшеницей, остановившейся въ Брестѣ по случаю маловодія Буга, подговорили Шведовъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе, которые совмѣстно съ жидами и разграбили весь грузъ; при этомъ жиды посадили подъ стражу прикащика и заставили его выдать росписку, что разграбленіе совершено было по требованію Шведовъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, anno Domini millesimo septingentesimo tertio, nona die mensis Aprilis.

Przed nami Stephanem Żyszewiczem y Kalichem Chylkiewiczem—burmistrzami, Pawłem Panasowiczem, Artemem Andrzeiewiczem, Omelanem Siedonowiczem, Andrzeiem Romanowskim—raycami, na zwykłym mieyscu sądowym w ratuszu zasiadaiącemi, przed nami urzędem magdeburskim, Brzeskim imieniem wielmożnego imć pana Wawrzynca Stanisława na Taykurach y Melsku Popławskiego—woyskiego y pisarza grodzkiego, Łuckiego, imć pan Jan Pruchnicki—szyper pomienionego wielmożnego iego mości, za nieprzyięciem w grodzie Brzeskim żałował y solenniter protestował się na żydów starszych, całą synagogę Brzeską y na wszystkie pospólstwo żydow Brzeskich w iednostayney radzie y namowie z sobą będących, iż gdy w roku teraznieyszym tysiąc siedmsetnym trzecim miesiąca Marca wtórego dnia, imć pan Gabryel Horn—oberszter-leytnant z ludem pieszym szwedzkim do miasta i. k. mości Brześcia przybył, tedy obżałowani żydzi starsi kahału Brzeskiego, wiedząc dobrze, że szkuta z przenicą wielmożnego imć pana Wawrzyńca Stanisława Popławskiego y pisarza grodzkiego Łuckiego, w Brześciu iest lokowana dla szczupłości wody w Bugu przez żałuiącego imć pana Jana Pruchnickiego—szypera w spichlerzu wielmożnego imć pana Jana Nesterowicza—podstolego woiewodztwa Brzeskiego z tych racyi, że nie mógł daley do Gdańska żałuiący szyper płynąć y zaraz oznaymili imć panu oberszter-leytnantowi o tey pszenicy y subordynowali imści, aby zabrały między niemi obżałowanemi żydami starszemi, przed następuiącym obżałowanych świętemi peysachami, alias wielkonocą, onych rozdzielił, zapłatę pewną deklarowawszy y przy niey kontentacyą, iakoż imć pan oberszter-leytnant z instynktu y z subordynacyi obżałowanych zydów, starszych kahału Brseskiego, dnia czwartego miesiąca Marca praesentis anni posłał officerów y z samemi wozy ordynował, przy których wozach niemało y żydów z worami było Brzeskich, tamże szpichlerz odbiwszy, pszenicę w wory nasypuiąc, do wozów kładli y do Brześcia prowadzili, wartę do szpichlerza przydąli y samego żałuiącego imć pana Pruchnickiego pod wartę wzięli, a potem unikaiąc swego złego uczynku, obżałowani

żydzi wymogli na żałuiącym imć panu Pruchnickim kartę taką, iż oni z przymuszenia pszenicę od Szwedów muszą brać, do którey karty w niewoli bedąc imć pan Pruchnicki, iaką sobie kartę żydzi napisali, musiał się podpisać do niey y tak poczawszy od dnia czwartego aż do dnia dwudziestego ósmego miesiąca Marca praesentis anni pszenicę Szwedzkiemi podwodami obżałowani żydzi zabierali; iakoż beczek cztyrysta z spichlerza wzięli y między sobą ku pożytkowi swemu rozdzielili y przedawali, szkutę, z namowy obżałowanych żydow, Szwedzi byli wzięli, most na Bugu robili, wniwecz szkute podziurawiono, poswidrowana, żagel nowy podziurawili. Którą szkutę ledwie załuiący imć pan Pruchnicki odzyskał z niemałą speżą zniczyiey okazyi wielmożnemu iegomość panu Wawrzyncowi Stanisławowi na Taykurach y Melsku Popławskiemi—woyskiemu y pisarzowi grodzkiemu Łuckiemu, tak znaczna szkoda stanęła, ieno przez obżałowanych żydów starszych Brzeskich y całego pospólstwa, z ich instyktu y z subordynacyi, a zatym do położenia karty, od żałuiącego iego mości pana Pruchnickiego żydom Brzeskim daney, y do skasowania podpisaney, na ten czas tę swoią żałobę zostawiwszy, salvam melorationem oney, samemu wielmożnemu iegomości panu Wawrzyńcowi Stanisławowi na Taykurach y Melsku Popławskiemu—woyskiemu y pisarzowi grodzkiemu Łuckiemu, iako panu swemu, za nieprzyięciem, u xiąg grodzkich Brzesckich, do xiąg urzędowych Maydeburskich Brzeskich, dał zapisać. Która iest przyięta y zapisana.

1704 г.

Изъ книги за 1676—1708 г. стр. 561—565.

154. Определение Брестскаго магдебурскаго суда по поводу жалобы Гоголовскаго на воровъ, обокравшихъ дочь его.

Жалоба землянина на двухъ воровъ — батраковъ, обокравшихъ его дочь, остановившуюся на ночлегѣ у Вистицкаго мельника; магистратъ постановилъ подвергнуть виновныхъ пыткѣ; во время этой пытки они повторили уже прежде ими признанное, что дѣйствительно украли изъ коляски сундукъ съ разными вещами и продали послѣднія разнымъ жидамъ.

Actum in civitate Brestensi magni ducatus Lithuaniae, die decima octava mensis Januarii, anno Domini 1704.

Na urzędzie woytowskim, burmistrzowskim y radzieckim, w mieście iego królewskiey mości Brześciu Litewskim, przede mną Andrzeiem Kocem—wysadzonym od wielmożnego imć pana Reonarda Sadowskiego—pisarza ziemskiego woiewodztwa Brześria, y przed nami Stephanem Zysiewiczem, Kalichem Chylkowiczem—burmistrzami, Pawłem Panasowiczem, Artemem Andrzeiewiczem, Symonem Tryczką, Omelanem Sydorowiczem, Janem Wasylewiczem y Andrzeiem Romanowskim—raycami, Janem Skoyredą, Andrzeiem Jakonowiczem y Janem Borowikiem—ławnikami, na mieyscu sądowym zasiadaią-

cemi, agitowała się sprawa imści pana Alexandra Gogolewskiego naprzeciwko Tymoszowi Pogoreiowi—parobkowi Stupaka, młynarza Wistyckiego, a drugiemu Jaśku, wychowańcowi imci pana Kazimierza Radziminskiego, bezbożnym złoczyńcom, złodzieiom, przestępcom przykazań Bozkich, którzy, nie pamiętaiąc na boiaźń Bozką y na surowość prawa pospolitego, śmieli y ważyli się imé pannę Weronikę Gogolewską, córkę i. m. pana Alexandra Gogolewskiego, która przyiachała na odpust do Wisticz, podczas święta Nayświętszey Panny Szkaplerza, w roku tysiąc siedmsetnym trzecim, dnia szesnastego miesiąca Julii, y stanęła w Wisticzach, w domu Stupaka — młynarza Wystickiego, a kolaskę rozkazała do gumna uwieść, tamże będąc bezpieczna, iakoby w dobrey stancyi, że nie miałaby żadney szkody ponosić, a wtym po niemałym czasie złoczyńca, złodziey, na imie Tymosz Pogorey — parobek Stupaka młynarza Wystickiego, przyszedszy z karczmy do gumna, a nie zastawszy nikogo przy kolasie, wziął skrzynkę z kolaski i. mci panny Weroniki Gogolewskiey y dno wyłupał, a w tym czasie nadszedł złodziey drugi Jaśko — wychowaniec i. mci pana Kazimierza Radzimińskiego, który zastał Tymosza Pogoreia nad skrzynką, iuż rozłupaną, zawiiaiąc wybrane rzeczy z skrzynki, a boiąc się, że się to stało w gumnie iego gospodarza, zawinowszy te wszystkie rzeczy, zmówił się z Jaśkiem, y te wszystkie rzeczy oddał Jaśkowi, wychowańcowi i. m. pana Kazimierza Radzimińskiego, żeby te wszystkie rzeczy sprzedał, a pieniędzmi żeby się z sobą podzielili. Które takowe rzeczy i. m. pan Alexander Gogolewski opowiadał y mianował przed nami urzędem, z tey skrzynki wykradzione, naprzód: mant dwie, iedna z potrzebami złotemi rosetowa, druga halankowa bez potrzeb, spodnica adamaszkowa niebieska z potrzebami marcipanowemi, pereł sporych sznurków dwa, pierścień złoty z kamieniem amatystem, szponka śrebrna złocista, ubior panieński do głowy z wstęgami, mankietów z koron robionych par dwie, rękawiczki rzymskie, sznur paciórek, misiurek, kamiczków granatków sześćdziesiąt y dyamencików czeskich trzydzieście; tamże na tymże mieyscu wyronili pierścień złoty z dyamentem prawdziwym y obrączkę złotę, o te dwoie, że się znalazło, złoczyńców iego mość pan Alexander Gogolewski nie turbuie,— o które to pomienione szkodę przed nas urząd y sąd stawił złodzieiów, i. mć pan Alexander Gogolewski. Którzy złodzieie spytani byli, ieżeliby ten uczynek zły popełnić mieli, tedy naprzód Tymosz Pogorcy przyznał się dobrowolnie, że skrzynkę wyłupał, a w czasie zastał go Jaśko, wychowanek iego mości pana Kazimierza Radzimińskiego, któremu oddał te rzeczy do sprzedania, owo zgoła obadwa przyznali się, y gdzie y komu Jaśko te rzeczy poprzedał, iako to: mant dwie y spodnicę Chayce żydówce—arendarce karczmy maiętności Motykał, iego mości pana Stephana Grabowskiego — czesznika woiewodztwa Brzeskiego, a drugie rzeczy poprzedał Faywiszowi żydowi—arendarzu karczmy Rakowickiey iego mości pana Jana Duczymińskiego, to iest: pereł sznurków dwa, pierścień złoty z kamieniem amatystem, manktety, stróy od głowy panieńskiey, rękawiczki, paciórki, misiurki, kamyki granatowe y dyamenty czeskie, którey to tey swoiey szkody dochodzić i. mść pan Alexander Gogolewski domawiał się u sądu, aby Jaśko był dany na confesat. My tedy urząd, widząc y słysząc, że się obadwa złodzieie dobrowolnie przyznali, uważyliśmy y uznali na confesatę Jaśka wychowanka i. mści pana

Kazimierza Radzimińskiego, aby trzy razy był pociągniony sucho, ieżeli szalbieruie przyznanie prawdziwe, tę confessatę naznaczyliśmy, a była uczyniona dnia szesnastego miesiąca Januaryi, w roku 1704, y do przysłuchania tey confessaty przydaliśmy sławetnych panów, Andrzeia Jakowowicza y Jana Borowika — ławników, y pana Hieronima Bukszarskiego, przysięgłych. Na którey to uczynioney confessacie, za każdym pociągnieniem był pytany trzykroć; tedy słowo w słowo za każdym razem powiadał, że tym wysz mianowanym żydom, arendarzom Motykalskiemu y Bakowickiemu, te rzeczy wszystkie przedał za tynfów trzy, iako to: mant dwie y spodnicę żydówce arendarce Motykalskiey, a drugie rzeczy Faywiszowi żydowi arendarzowi Rakowickiemu, te wyżey specyfikowane rzeczy poprzedał, w osobliwym regestrem swoim pokaże iego mość pan Alexander Gogolewski, iak wiele te rzeczy kosztuią iego mości, oprócz wykładów prawnycch. Który to ten dekret iest do xiąg magdeburskich mieyskich wpisany.

1706 г.

Изъ книги за 1676—1708 годы, стр. 629—632.

155. Духовное завѣщаніе Брестскаго ратмана Артема Андреевича.

Брестскій ратманъ Артемъ Андреевичъ завѣщаетъ похоронить его въ церкви св. Симеона Столпника, по смерти жены своей — отдать монастырю корову, если оная переживетъ его жену, затѣмъ распредѣляетъ между родными свое имущество.

Actum in civitate Brestensi magni ducat. Lithvaniae, die vigesima tertia mensis Maii, an. D. 1706.

Na urzędzie burmistrzowskim y radzieckim w mieście iego kr. mści Brześciu-Litewskim, przed nami Symonem Tryczką, Jakóbem Skoybedą y Maksimem Kokowskim — burmistrzami, Janem Wasylewiczem y Andrzeiem Romanowskim — raycami, Andrzeiem Janowiczem y Janem Borowikiem — ławnikami, na zwykłym mieyscu sądowym w ratuszu zasiadaiącemi, utściwy pan Wasyli Andrzeiewicz — mieszczanin miasta Brześcia, podał do act xiąg magdeburskich mieyskich Brzeskich testament nieboszczyka rodzica swego Artema Andrzeiewicza, w te słowa pisany:

W Imie Oyca y Syna y Ducha świętego, amen. Ja Artem Andrzeiewicz — rayca miasta Brześcia, mieszczanin Brzeski, będąc ia w starości moiey bardzo na ciele chory, ale na umyśle y rozumie dobrze zdrowy, tedy za żywota swego umyśliłem takowe uczynić rozporządzenie y testament. Naprzód, gdy Pan Bóg duszę moię zbierze z ciała mego, tę w ręce miłosierdziu Jego świętemu polecam, a ciało zmarłe ziemi, które ma bydź pogrzebione przy cerkwi świętego Symeona Słupnika, przez synów moich Łukasza y Wasila Artemowiczów, których proszę, aby z nabożeństwem było pogrzebione; żegnaiąc też małżonkę moią miłą leguię iey krowę, którey, ieżeli nie straci a dochowa do śmierci swoiey, ta

po śmierci iey ma bydź oddana do manastera na służby Boże, aby tameczni oycowie prosili zaś Pana Boga. Domowstwo moie tak rozporządzywam; synom moim Łukaszowi y Wasylowi Artemowiczom leguię, aby się zpólnie w pół podzielili, tak budynkami, iako też placem y ogrodami, którem kupił od iey mości paniey Zabielskiey y synów iey, y napominam, aby z sobą synowie moi zgodnie żyli bez swarów, aby ciężkości dúszy moiey nie zadawali, a żonę moię aby do śmierci dochowali; a iak Pan Bóg ią z tego świata zbierze, tedy według porządku chrześciańskiego aby synowie moi pogrzebli z nabożeństwem. Ogród móy z siedzibą, do probostwa Brzeskiego należący, który teraz trzyma zięć móy Sliwski, który z córką moią nieboszczką spłodził dziewczynkę, ta ieżeli się będzie chowała na. świecie, tedy tey dziewczynie będzie należał ten ogród ze wszytkim, iako się teraz w sobie ma, a ieżeli Pan Bóg zbierzę tę dziewczynkę, tedy y ten ogród z budynkami leguię synom moim, Łukaszowi y Wasylowi Artemowiczom, aby się z sobą podzielili. Hołowską leguię synowi memu Wasilowi Artemowiczowi, przy którym Hołowsku iest ogród ob miedzę Karolichy wdowy gruntu y ogrodu y Ilasza Laskiewicza ogrodu; ten ogród leguię córce moiey Katarzynie Fiedorowey Kiermaszowey; ogród nazwany Pawłuczański y ten leguię synowi memu Wasylowi Artemowiczowi. Sianożęć na uroczyszczu Krowotynie leżącą, tę leguię y dzielę tym testamentem synów moich Łukasza y Wasila Artemowiczów w pół, iednę połowicę tey sianożęci od Buga do trzech wierzb starych—Wasylowi synowi memu z chrostami, a drugą połowicę tey sianożęci od lasa Polczyc wielebnych xięży Jezuwitów kolegium Brzeskiego, tę połowicę sianożęci aż do wierzb mianowanych trzech, ze wszytkim, iako się ta połowica sianożęci ma, leguię synowi memu Łukaszowi Artemowiczowi; sianem zaś spólnie zkosiwszy synowie moie Łukasz y Wasyl Artemowicze powinni będą z sobą podzielić tam przykazuię y utwierdzam. Sum pieniężnych, ani złota, śrebra, miedzi y mosiędzu, cyny nie mam; długów też żadnych za żywota mego nie zaciągnołem, od czego synowie moie wolne będą. Kończąc tedy ten ostatniey woli moiey testament proszę, aby był przyięty y ni od kogo nie był naruszony. A ieśliby kto miał ten móy testament w którymkolwiek punkcie naruszyć, takowego każdego na straszny sąd Bozki zapozywam. Przy którym sprawowaniu tego testamentu byli ludzie godni wiary z urzędu od sławetnych panów burmistrzów przydane, a odemnie uproszone,— sławetny pan Jan Wasylewicz— rayca miasta Brześcia y pan Hieronim Bukrzewski— pisarz miasta Brześcia przysięgły, Teodor Romanowicz. Do którego testamentu sam nie mogąc dla słabości moiey, a do tego będąc pisma nieumieiętny, uprosiłem o podpis ręki moiey pana Hieronima Bukrzewskiego— tychże o podpisy rąk samych uprosiłem. Działo się w Brześciu, na przedmieściu za-Muchowieckim, w domu sławetnego pana Artema Andrzeiewicza— raycy miasta Brześcia, roku tysiąc siedmsetnego szóstego, miesiąca Maia dnia dwunastego. U tego testamentu podpisy temi słowy: Artem Andrzeiewicz — pisma nieumieiętny; Jan Wasylewicz—rayca miasta Brześcia; Heronim Bukrzewski—pisarz przysięgły miasta Brześcia. Który to ten testament iest do xiąg mieyskich magdeburskich Brzeskich wpisany y przyięty. W Brześciu actum die et anno ut supra.

1750 г.

Изъ книги за 1750—1760 г. стр. 93—96.

156. Продажная запись на парня Ивана и дѣвушку Марину отъ Матѳея Рущица Рафаилу Масальскому.

Матѳей Рущицъ, подъ зарукой 500 злотыхъ, бандиціи и отвѣтственности всѣмъ своимъ имуществомъ выдаетъ Рафаилу Массальскому настоящую продажную запись на хлопа и дѣвку, съ обязательствомъ всегда возвращать ихъ по принадлежности, въ случаѣ еслибы они вернулись назадъ въ его имѣніе.

Roku tysiąc siedemset piędziesiątego mięsiąca Oktobra siedemnastego dnia.

Na urzędzie iego król. mści magdeburiey Brzeskiey woytowskim, lantwoytowskim, burmistrowskim y radzieckim, przedemną Antonim Hendrykiem z Laskowa Laskowskim—komornikiem ziemskim granicznym w. x. Lit. od iaśnieoświeconego x. i. mści Michała Czartoryskiego—podkanclerzego W. X. Lit., Homelskiego, Szadowskiego, Jurborskiego, Uświackiego; Poduświadckiego etc. starosty, a woyta dziedzicznego miasta iego król. mści Brześcia ustanowionym lantwoytem, oraz y nami Jakubem Demidowskim, Hrehorym Lawrynowiczem—burmistrzami y całym zupełnym magistratem na zwykłym mieyscu sądowym w ratuszu zasiadaiącemi, comparendo personaliter, w. imci pan Maciey Ruszczyc, stolnik Radomski, te prawo wieczysto przedażne na chłopa y dziewczynę ze wsi Strylowa w. imci państwu Masalskim daney służące, w sądach maydeburiey Brzeskiey w ratuszu przyznał y ku aktykowaniu podał, które wpisuiąc de verbo ad verbum tak się w sobie ma:

Ja Maciey Ruszczyc—stolnik Radomski, pod wszystkie niżney opisane vadia, zaręki, paeny y obowiązki poddaiąc się czynie iawno, wiadomo każdemu o tym teraz y w czas przyszły wiedzieć należało tym moim nie przymuszonym, wieczystym, dobrowolnym prawem, oraz assekuracyinym zapisem w. ich mość panom Rafałowi y Krystynie z Osolińskich Masalskim—sędziom ziemskim Wołkowyskim małżonkom y sukcessorom ich mościom danym na to, iż co ia Ruszczyc—stolnik Radomski maiąc dobra, nazwane Brylew y Borysowicze, w województwie Brzeskim leżące, od wielmożnych ich mściow panow Massalskich—sędzicow ziemskich Wołkowyskich prawem wieczystym na osobę moią danym y przyznanym ze wszystkiemi przynależytościami, iako zdawna w sobie miały więc z takowych dóbr z poddaństwa mego wieczystego nazwanego Brylewa y Borysowicz, w woiewodztwie Brzeskim leżących, chłopca ma imie Iwana Andrusiuka—kuchcika y dziewczynę Marynę Daniłownę wielmożnym ich mościom państwom Massalskim—sędzicom ziemskim Wołkowyskim małżonkom y sukcessorom ich mościow tym moim wieczystym prawem daię, zapisuię y z osoby mey wiecznie zrzekam się; wolni tedy w. ich mość państwo Massalscy

sędzicowie ziemscy Wołkowyscy małżonkowie y sukcerorowie ich mosciów iako chcąc temi ludźmi dysponować, dać, darować, zapisać bez żadney odemnie y sukcessorów moich przeszkody, iednak waruiąc to iw. ich mościom panom Massalskim—sędzicom ziemskim Wołkowyskim, małżonkom y sukcessorom ich mościów, ieżeliby z swywoli od ich mościów mieli uść te osoby zwyżwyrażone, a w dobrach moich lub u rodziców ich albo koligatów onych znaydowały się, tedy za naypierwszą ustną, czyli listowną rekwizycyą wraz ich mościom pp. Massalskim—sędzicom ziemskim Wołkowyskim lub sukcessorom ich mościów wydać assekuruię się y sukcessorów moich obowiązuię, co mam wszystkiego dotrzymać pod zaręką pięciuset złotych polskich y pod punktem banicyi doczesney, wieczney y infamii, o które niedotrzymanie tego moiego wieczysto zrzeczonego zapisu pro securitate evictią wnaszam na wszelkie dobra moie, ubique locorum będące leżące, summy ruchome pieniężne, wnaszam, in casu niedotrzymania daię moc y pozwalam mnie samego, a po mnie sukcessorów moich do wszelkiego sądu y urzędu ziemskiego; grodzkiego, trybunału, koła głównego w. x. Litt. compositi iuditii y skarbowego w. x. Litt. na każdey repartitii pozwem lub zakazem adcytować, gdzie bez żadnych dillacyi, obmów y munimentów rosprawić się assekuruię y sukcessorów moich obowiązuię. I na tom dał ten móy dobrowolny wieczysty, zrzeczony, oraz assekuracyiny zapis z podpisem ręki mey własney y z podpisami rąk ich mościów pp. pieczętarzów odemnie ustnie y oczewisto uproszonych. Pisan w Brylowie roku tysiąc siedmset pięndziesiątego miesiąca Junii dwudziestego czwartego dnia. U tego prawa wieczystego assykuracyinego podpis ręki tak samego aktora, iako też ich mościów panów pieczętarzów, temi słowy: Maciey Ruszczyc—ustnie y oczewiście proszony pieczętarz od imć pana Macieia Ruszczyca—stolnika Radomskiego, do tego wieczystego przedażnego prawa na chłopca Iwana y dziewczynę Marynę ze wsi Brylewa w. ich mściom panom Rafałowi y Krystynie z Osolińskich Masalskim—sędzicom ziemskim, małżonkom y sukcessorom ich mościow dane, podług prawa podpisuię się: Floryan Łyszczyński—susceptant, vices namiestnik y vices regent grodzki Brzeski. Ustnie y oczewiście proszony pieczętarz od osoby wyszwyrażoney do tego zapisu wieczystego danego w. ich mściom pp. Massalskim—sędzicom ziemskim Wołkowyskim podług prawa podpisuię się: Theodor Józef Błocki. Ustnie y oczywiście proszony pieczętarz od osoby wyżwyrażoney do tego przedażnego prawa podpisuię się w. i. Krasnicki. Które to takowe wieczyste prawo iest do xiąg magdeburiey Brzeskiey przyięte y wpisane, z których ten wypis pod pieczęcią radziecką y spodpisem ręki przysięgłego pisarza parti requirenti officiose iest wydane. Pisan anno, mense et die ut supra expressum.

1750 г.

Изъ книги за 1750—1760 г. стр. 27—33.

157. Продажная запись отъ Николая Жардецкаго Франциску Бахминскому на одного крестьянина.

Николай Жардецкій настоящею продажною записью свидѣтельствуетъ, что онъ продалъ капитану Бахминскому на вѣчныя времена своего холопа за 5 червоныхъ злотыхъ.

Roku tysiąc siedmset pięćdziesiątego, miesiąca Julii czwartego dnia.

Na urzędzie iego królewskiey mości magdeburgii Brzeskiey woytowskim, lantwoytowskim, burmistrzowskim y radzieckim, przede mną Antonim Henrykiem z Laskowa Laskowskim — komornikiem ziemskim granicznym woiewodztwa Brzeskiego, od i. o. x. imci Michała Czartoryskiego—podkanclerzego w. x. Lit., Homelskiego, Szadowskiego, Jurborskiego, Uświatskiego, Podusiadzkiego etc. starosty, woyta dziedzicznego miasta iego królewskiey mości Brześciu ustanowionym lantwoytem, oraz nami Hrehorym Ławrynowiczem, Jakubem Demideckim — burmistrzami, Janem Chawraiewiczem, Demianem Tatarynowiczem, Karolem Randzonem, Bazylim Omelianowiozem — raycami, y całym zupełnym magistratem miasta iego królewskiey mości Brześciu, na zwykłym mieyscu sądowym w ratuszu zasiadaiącemi, comparentes personaliter ww. ichmość państwo Mikołay y Marianna Żardeccy — strażnicy Orszańscy, małżonkowie, prawo wieczyste przedażne na chłopa z Maximczey urodzonego dane, w. imci panu Franciszkowi Bachmińskiemu—kapitanowi regimentu konnego buławy polney w. w. x. Lit. służące, na rzecz w nim niżey wyrażoną, w sądach magdeburgiey miasta iego królewskiey mości Brześciu w ratuszu przyznali y zroborowali, które, wpisuiąc de verbo ad verbum, tak się w sobie ma:

My Mikołay Antoni y Marcianna z Gurskich Żardeccy—strażnikowie Orszańscy, małżonkowie, pod wszystkie niżey wyrażone vadia y ligamenta prawnie podlegaiąc y poddaiąc się, czyniemy wiadomo y iawnie zeznawamy tym naszym dobrowolnym wlewkowym pawem wieczystozrzecznym zapisem, w. imci panu Franciszkowi Bachmińskiemu—kapitanowi iego królewskiey mości, regimentu konnego buławy polney w. x. Lit. danym na to, iż co my supra wyrażeni Żardeccy, małżonkowie, maiąc chłopa wieczystego, nazywaiącego się imieniem Onupria, z Hanuśki Maximczey — wdowy, we dworze Prusa spłodzonego, za prawem wieczystosprzedażnym od imci pana Jana Chrostowskiego, w roku tysiąc siedmsetnym dwudziestym ósmym, miesiąca Septembra dwudziestego dziewiątego dnia, datowanym, a w roku tysiąc siedmsetnym pięćdziesiątym, miesiąca Marca dwunastego dnia, w sądzie grodzkim Brzesckim aktykowanym; a oraz używaiąc wolności prawa pospolitego, które swoią własnością, iako chcąc dysponować pozwala, tedy tegoż pomienionego chłopa, imieniem Onofreia, w. im. panu Bachmińskiemu— kapitanowi iego królewskiey mości, regimen-

tu konnego buławy polney w. x. Lit., wziąwszy od tegoż imci czerwonych złotych poiedynkowych sześć y realnie do rąk naszych odliczywszy, wiecznemi a nigdy nieodzownemi czasy zbyliśmy, ustąpiliśmy et irrevocabiliter na tegoż w. im. pana kapitana y sukcessorów imci zrzekamy się, odtąd żadney salwy, accessu, regressu o wyż wyrażonego chłopa Onupreia, iako iuż imci ustąpionego, mieć nie powinniśmy y sukcessorowie nasi nie maią, wyż wyrażone prawo wieczyste przedażne od imci pana Jana Chrostowskiego na wyż wyrażonego poddanego nam dane, na osobę w. imci pana kapitana iego królewskiey mości y sukcessorów imci perpetuis temporibus wlewamy y oddaiemy. Wolen tedy y mocen iest y będzie w. i. m. pan Bachmiński—kapitan iego królewskiey mści y sukcessorowie imci tym chłopem, imieniem Onupriem, iako swym własnym dziedzicznym y potomstwo iego procreowanym lub procesować maiącym rządzić, dysponować, dać, przedać y komu chcąc darować, podług swego upodobania, bez żadney naymnieyszey od nas y sukcessorów naszych y kogo innego przeszkody, dla czego ewikcyą na dobra nasze wszelkie, leżące, ruchome, summy pieniężne, ubique locorum będące, wnosiemy, z których ewinkować y zastępować in casu takowego turbatora imci opisuiemy się et successores nostri tenentur, pod troiakiemi zarękami summy wyż wyrażoney wynoszącemi, oraz banicią doczesną, wieczną infamią, a w naruszeniu lub w naymnieyszym punkcie tego naszego legowanego dobrowolnego wlewkowego prawa zrzecznego zapisu, iako forum ubiquinarium w wielkim xięstwie Litewskim praktykuiące się naznaczamy, tak rosprawę bez żadnych dylacyi, godzin, obmów y munimentów, ad primam instantiam, nie burząc pozwów lub zakazów z każdego actoratu y regiestru, et etiam extra repartitionem przyiąć mamy zarękę troiaką, nie schodząc z sądu y nie uraszczaiąc żadnych appellacyi od dekretu etiam gravaminose ferowanego, zapłacić powinniśmy, którychby y nie poiednokrotnym zapłaceniu, przecież ten nasz dobrowolny wlewkowy y wieczysto-zrzeczny zapis nienaruszenie et irrevocabiliter perpetuis temporibus w swoiey mocy y walorze zostawać ma. Y na tośmy dali z podpisami rąk naszych własnych y z podpisami rąk ichmościów panów pieczętarzów, od nas ustnie y oczewisto uproszonych. Pisan w Brześciu, roku tysiąc siedmsetnego pięddziesiątego, miesiąca Julii czwartego dnia. U tego prawa wieczystego podpis rąk, tak samego aktora, iako też ichmościów panów pieczętarzów, temi słowy: Mikołay Żardecki, Marcianna Żardecka; ustnie y oczewiście proszony pieczętarz od ichmościów państwa Mikołaia y Anny Żardeckich—strażników Orszańskich, małżonków, do tego prawa wieczystego przedażnego chłopa Onupria z Maximczey urodzonego, danego w. imci panu Franciszkowi Bachmińskiemu—kapitanowi iego królewskiey mości regimentu konnego buławy w. x. Lit., ze wszelką w nim rzeczą wyrażone, podług prawa podpisuię się,—Kazimierz Wierząbowski—krayczy ziemsk[illegible] grodzki woiewodztwa Brzeskiego; ustnie y oczewisto proszony pieczętarz od osób wyż wyrażonych do tego dobrowolnego wlewkowego prawa wieczysto-zrzecznego zapisu, na rzecz w nim wyrażoną danego, podług prawa podpisuie się Floryan Thadeusz Łyszczyński—susceptant w zam. regenta grodzkiego Brzeskiego; ustnie y oczewisto proszony pieczętarz od osób wyż wyrażonych

do tego dobrowolnego wlewkowego prawa wieczysto-zrzecznego zapisu na rzecz w nim wyrażoną, podług prawa podpisuie się—Thomasz Winiarski mp. Które to takowe wieczyste prawo iest do xiąg magdeburyey miasta iego królewskiey mości Brześcia przyięte y wpisane.

IV.

АКТЫ КОБРИНСКОЙ МАГДЕБУРГІИ.

1524 г.

Изъ книги за 1664—1769годы, стр. 318.

1. Духовное завѣщаніе земянина Давида Игнатовича Чоповскаго.

Въ этомъ завѣщаніи земянинъ Чоповскій завѣщаетъ сыну своему похоронить его въ родовомъ имѣніи, выплатить Кіево-печерскому монастырю кадку меду, обѣщанную его родителями, выстроить церковь въ Чоповичахъ и не покидать земянской службы.

W imię Oyca y Syna y Ducha świętego. Amen. Ja Dawid, syn Jhnata, Czopowski z urządzenia Bozkiego ostawszy się ieden od pięciu braciey moich rodzonych, bywszych razem ze mną na woiennych usługach gospodarskich, a szóstego, zostawałego w maiętności naszey wsi Czopowiczach, Bazylego, takoż zmarłego, a wruciwszy się razem z synem swoim Stefanem, spłodzonym z żoną moią Zuzanną Rudymowną do oyczyzny y maiąc iuż zkołatane siły, które każą spodziewać się roztania się z tym doczesnym światem, bo na wieczność każdemu człowiekowi iść należy, a tak ia zważywszy to umyśliłem zrobić moiego maiątku rozporządzenie takie: wydzielone dla mnie synowcamy memy Waśilem Jwanem y Makarem, trzecie części z gruntów y poddanych dziesięć wyznaczonych bratem moim synowi swemu Jwanowi, któren zostaie się bez dzieci, a także moich własnych trzech boiarynów służaków zapisuię synowi swemu Stephanowi, którego upominam pod Bozkim y moim oycowskim błogosławieństwem, iak dusza moia od ciała rozłączona będzie, którą Panu Bogu moiemu w Tróycy przeświętey iedynemu, przenayświętszey Pannie Maryi, matce Bozkiey, y wszystkim świętym niebieskim oddaię, a ciało grzeszne, iak z ziemi wzięte, ziemi oddaię, które powinien syn móy pochować w Czopowiczach, maiętności familiney, na zwykłym mieyscu, gdzie y ciała zmarłych dusz spoczywaią. A po zeyściu moim upominam syna mego kochanego y przykazuię mu, aby dla zbawienia dusz przodków swoich y moiey, a także matki swoiey a żony moiey nie opuszczał chwały Bożey, a był przynależny y z swoiey części do wypłacenia kadzi miodu, zapisaney oycem moim na monastyr Kiiowski Pieczerski, do wybudowania w Czopowiczach cerkwi za zbawienie dusz umarłych przodków swoich y moiey grzeszney. I przytem upominam tego syna moiego kochanego y iego potomków pod Bożym y moim oycowskim błogosławieństwem, aby służby ziemskiey woienney i. k. mści rzeczy-pospolitey nieomieszkiwali, ale zawsze y zarówno one z inszemi ziemianami wypełniali y dobra swoie krwawemi pracami wysłużone bronili y szczerą usługę gospodarską zastępowali na wieczne y bezpotomne czasy, utrzymuiąc dla sukcessorów swoich, ktoby tey duchówney testamentowey moiey woli przeciwnym miał bydź, takowego każdego na straszny sąd Bozki pozywać y skarżyć będę; a przytem y daię błogosławieństwo oycowskie synowi mewu w imię Boga wszechmogącego, w Tróycy świętey iedynego, amen.

Pisan w Czopowiczach, lata od Narodzenia Syna Bożego tysiąc pięćset dwudziestego czwartego, Julii czternastego dnia, Dawid Ignatowicz Czopowski m. prop. Przy tey duchowney będący spowiednik, iako uproszony do potwierdzenia podpisu własnego y dobrey woli imci pana Dawida Czopowskiego подписываюсь—Ерей Ісаія. Ustnie y przytomnie proszony do podpisania za świadka tey ostatniey rozporządzenia woli imć pana Dawida Czopowskiego, iako obecnie znayduiący się, podpisuię—Marcin Witowski. Proszony za pieczętarza ustno od imć pana aktora y dziedzica Czopowickiego Dawida Czopowskiego podpisuię się—Stefan Skuratowski mp. A potym na obrocie wtorego listu testamentu tego suscepta grodu Owruckiego taka: Na rokach sądowych trzech królskich anno 1525, Martii 5 diei, ten testament imć pan Stefan Czopowski, iako przez oyca iego sporządzony, a iegomości służący do akt podał, który przyięty y wpisany, Antoni Hurynowicz Tokarzowski—sędzia grodzki Owrucki, starosta Kiiowski. Est in actis: Franciszek Przesłowski—pisarz grodzki Owrucki. L. s. № 53. A tak ten testament w sposobie oblaty y do xiąg magdeburgii Kobryńskiey iest co do słowa wpisany.

1549 г.

Изъ книги за 1664—1769 годы, стр. 976—977.

2. Инвентарь Кобринскаго монастыря св. Спаса.

Na urzędzie i. k. mści magdeburgii Kobryńskiey przede mną Piotrem Antonim Tadeuszem Kublickim—lantwoytem Kobryńskim Horodeckim y pisarzem Alexandrem Chaleckim—burmistrzem y całą ławicą stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim w. imć xiądz Andrzey Bieniecki—opat Kobryński, starszy Lepiesowski, inwentarz monasteru Kobryńskiego po russku pisany w roku 1549 ad acta maydeburgi i. k. mści Kobryńskiey w te słowa podał, któren tak się w sobie ma:

Подъ лѣто Божого Нароженья 1549, индикта семого, зъ розказанья господыни нашей Христовой королевой ей милости, великой княгини Боны, стался попись въ монастыри светого Спаса Кобринскомъ, черезъ мене дворянина ей королевской милости Семена Ескович Пришихвостсгаго.

Списанье скарбу церкви святого Спаса, то есть: Найпервей евангеліе, оправленое въ серебро, позолотисгое; крестъ сребрный святый позлотистый; келихъ серебреный; лыжица и дискосъ и звѣзда сребряные и воздухи оправленые; ризы адамашковые и зъ злотоглавомъ; ризы другіе атласовые и зъ оксамитомъ и зъ кареѳомъ золотымъ; ризъ трое подлѣйшихъ; стихаровъ три и порушни трое; петрахеловъ три; палица полуатласовая и зъ хрестомъ; стихаровъ дьяконскихъ два, оденъ безъ голку синяя и злотоглавомъ, орарь злотоглавый, другій стихарь бѣлый простый, окладка чермная; орарь тканый золотый; порушни два, одинъ шолко-

вый, а другій простый тканый; кадилъ двѣ мосяжновыхъ.

Попись образовъ въ церкви св. Спаса: образъ Преображенья Господня намѣстный, при немъ гривна сребра, малая и великая витая, а двѣма гривенъ витыхъ же, а гривна плоская невеликая, а другая гривна сребра плоская. Другій образъ старый Преображенья Господня, при немъ гривенъ сребреныхъ витыхъ двѣ зъ каменемъ, то есть, образъ оденъ на правомъ крилосѣ, а на лѣвомъ крилосѣ образъ Пресвятбй Богородицы со младенцомъ, гривенній сребра при немъ пять витыхъ а шостая пикая (sic), а другій образъ «О тебѣ радуется», при немъ три гривенъ малыи витыи, а образъ Спасовъ нерукотвореный, а деисусъ *)—сполный на золотѣ, а подъ деисусомъ празниковъ господнихъ образовъ пять, а десять не великихъ, а врата царскіе и съ кіотомъ на золотѣ, за правымъ крилосомъ распятіе Господне, въ ней на золотѣ въ олтарѣ деисусъ малый на золотѣ, а образъ вечери Господней на золотѣ; по середѣ церкви паникадило мосяжовое о девяти свѣчникахъ, а чотыри свѣчники деревяныхъ позлотистыхъ.

А на хорахъ книги церковные: Евангеліе въ сребро оправленое учительное въ десть; двѣ Тріоди въ десть, посиная, а другая цвѣтная; Октотховъ два, первого и пятого гласу въ пулъ дести; Минеи на всѣ дванадцать мѣсяцей новоприбавлены, а два Прологи на весь годъ; Требникъ въ десть зъ пуклями; Апостолъ въ десть съ пуклями; Уставъ у полъ дести; Служебникъ въ пулъ дести.

Въ предѣлѣ: воскресенья Господня образъ намѣстный воскресенья Христова на золотѣ, гривенка сребрная витая; на лѣвомъ крилосѣ Пречистой образъ со младенцомъ на крюжкахъ, а образъ невеликій святой Тройцы на золотѣ; деисусъ сполный на кружкахъ; сосудъ крунтофаловый, келихъ, миска, лыжица и звѣзда, свѣчникъ позлотистый, звоновъ всѣхъ пять, на звоницѣ чотыри, а на церкви оденъ.

Тежъ у свирни: въ монастерѣ двѣ комни сала, двое гусей, колбасъ, а кадка капусты.

Попись пашни гумна архимандрицкого: жита сто чтыридесятъ копъ, ячменю молоченого два соломяники, ярицы два сѣвень; быдла монастырского животини шестеро на десятеро, овецъ одинадцать.

Попись людей церковныхъ, зъ повинностями и службою ихъ:

С е л о К у с т о в и ч и: Грицъ Тышевичъ Дижма, Сенько Давидовичъ, Ярошъ Лесевичъ, Хведецъ Лесевичъ, Степанъ Тишевичъ, Василь Сенхретовичъ, Веремій Андроновичъ, Олешка Федоровичъ, Тимофей Федоровичъ, Ивашко Пашкевичъ. Тыи люди винни служити въ году: три дни за тыждень косити, день греблю сыплятъ, въ подводу, гдѣ кажутъ винни ѣхать, а по сѣно зъ дыму ихъ милости господину на монастырскую потребу, а подать винни двацатъ три давать.

С е л о Б р и л е в о: Иванъ Сеньковичъ, дымы, Федецъ Сеньковичъ, Остапко Сеньковичъ, Арцимонъ Остапковичъ, тые люде соботу винни служить, съ чимъ кажутъ, а толоки вольныи за хлѣбомъ монастырскимъ. Ставъ восполокъ Кустовичи ставять, нижели Иванъ Сеньковичъ два саки меду виненъ давать, а на будованье монастырское вси зъ дому повинни ходить.

Тогожъ монастырю село *Корчицы*, въ которомъ сѣли два жеребіи а Ри-

*) *Де'исусъ*—три иконы, ставимыя вмѣстѣ, изображающія Спасителя, Богоматерь и Іоанна Предтечу.

моновскихъ дымы . . . . *) Поликарпъ Соконевичъ, Артемъ Костановичъ, Өедецъ Кримузевичъ, Мишко Пухловичъ, Миско Хришушевичъ, Василь Ницевичъ, Степанъ Сохоневичъ, Левко Гришусевичъ, Сенько Челиповичъ. Съ того жеребя служба сполная, съ чимъ кажутъ; а готовыми грошми платятъ сорокъ пять грошей на вепря, осимъ грошей дани, меду осимъ саковъ, а десятскій зъ дыму по три гроши, овса косада, а четверть овса по людяхъ, за тымъ овсомъ двое куръ, прядива шесть повисемъ, а отъ кождой четверти овса по чтыри пѣнязи, а чотыри *бойтлни* (?), два саки хмелю, *азовъ* (?) даютъ сукно и грошъ о мней. Для другой жеребіей Здавновскихъ тогожъ села Корчицкого домы Дороты Бозановичъ Денысъ Вороновичъ, Астапъ Провизовичъ, Иванъ Провизовичъ, Заневичъ Жердуновичъ. Съ того жеребія службу служить такъ, якъ и Заримовсткого жеребіи, и всіи такъ дань медовую, такъ и иншими готовыми и вси податки военніи платятъ такъ, якъ есть въ варункахъ, яко было описано, а службу тяглую зободву жеребью винни служить недѣлю два человѣка, коли скажутъ; а на будованье монастырское вси повинни зъ дыму.

Тыи речи церковные, скарбъ и люди монастырскіе и вси иншіе решты, доходы достаточно пописавши въ реестры, ничимъ неодмѣняючи, слово въ слово одинъ есми регестръ акту архимандриту Кобринскому отцу копію далъ а себѣ другій зоставилъ. Року тысячь пятьсотъ четырдесятъ девятого. Podpis inwentarzu w te słowa: Roku 1549, inwentarz monastera Kobryńskiego, z rozkazania królowy Bony spisany y otcu archimandriy podany; który iest do akt maydeburskich Kobryńskich przyięty y wpisany, z którego y ten extrakt de verbo ad verbnm stronie potrzebuiącey iest wydan. Pisan w Kobryniu ut supra.

*) Въ подлиннѣ вырвано мѣсто.

1684 г.

Изъ книги за 1664—1769 годы, стр. 185—186.

3. Фундошовая запись Хвейданскаго старосты Казиміра Воловича Брестскому монастыру во имя свв. апостоловъ Петра и Павла.

Хвейданскій староста Воловичъ, желая облегчить бѣдность Брестскихъ базиліанъ, вмѣстѣ со своей женой записываетъ церкви св. апостоловъ Петра и Павла имѣніе Междулѣсье, доставшееся ему по наслѣдству и стоющее 20,000 злотыхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы базиліане выплатили до 6,000 злот. долговъ, числящихся на этомъ имѣніи. При этомъ жертвователь обязываетъ базиліанъ, чтобы доходы съ этого имѣнія шли исключительно на церковь.

Roku 1711 miesiąca Augusta 7 dnia. Przed urzędem miasta ikmści Kobrynia, sławetnym panem Janem Kaszubą, burmistrzem Kobrińskim, stanąwszy oczewisto w Bogu przewielebny imć xiądz Nikodem Kaszyc, zakonu świętego Ba-

zylego wielkiego, starszy y officiał Brzeski, ten list fundacyiny o rzecz w nim we srzodku wyrażoną do suscepty pokładał y do act mieyskich Kobryńskich magdeburskich podał, który iest przyięty y zapisany, słowo do słowa tak się w sobie ma:

W Imię Pańskie. My Jan Kazimierz Wołłowicz—starosta Feydański y Lubochnicki, pułkownik imci, ia Katarzyna Róża Naruszewiczowna Wołowiczowa, podkanclerzanka wielkiego xięstwa Litewskiego, starościna Feydańska y Lubochnicka, małżonkowie, czyniemy wiadomo y zeznawamy tym naszym dobrowolnym, wieczystym y nieodzownym zapisem, podaiąc każdemu teraznieyszego y na potym będącego wieku ludziom do wiadomości, iż ia starosta Feydański, maiąc maietność, nazwaną Międzylesie, w woiewodztwie Brzeskim leżącą, po zeyściu z tego świata imć pana Jerzego Władysława Grabińskiego — chorążego Brzeskiego, a szwagra mego, mnie prawem y testamentem legowaną, pod tą kondycyą, żebym długi niebożczykowskie, na tey maiętności pozostałe, znaszał, którey powinności włożoney od nieboszczyka na mnie według sumnienia mego dosyć czynić, iużem po większey części długi wypłacił, na co są wlewki w prawnych terminach na moie imię otrzymane, inne zaś ieśliby śię iakie pokazały, pro mullis maią być miane o krom sześciu tysięcy złotych zmniey albo więcey różnym za obligami ieszcze nie wypłaconych,—tą tedy maiętność naszą wyż mianowaną Międzylesie z zasiewkami, tak ozimemi, iako y wiesiennemi, ze żbożem w ziarnie, z oborą, iaka w sobie est pokądną w bydle rogatym y nierogatym, z owcami, swiniami, gęśmi, kurami y z całym gospodarstwem, nic na się ani na kogo innego nie wyłączaiąc, z dworem, budynkami, ze wsiami starym y nowym Sitockiem, z karczmą, poddanemi w Sudziłowiczach, Macieiewiczach, Marchowiczach, Zaleszemach zostaiącemi, z ich żonami, dziećmi, gruntami, oromemi y nieoromemi, sianożęciami, czynszami, danią miodową, robocizną, powinnościami, sadami owoszczowemi, chmielowemi, wypustami, zaroślami, gaiami, rzeką, rzeczkami y puszczą, do którey połowicy żaden wstępu nie ma, do drugiey maią wstęp ichmść panowie Jelcowie y xięża Jezuici, iako o tym szerzey prawa, do tey maiętności należące, opiewaią,—owo zgoła ze wszystkiemi do tey maiętności y tych poddanych należytościami, w osobliwym inwentarzu opisanemi, nic sobie nie zostawuiąc, ani od żadnych pożytków poddanych pomienionych odsądzaiąc, ale tak iako pod nami y zdawna zostawali we wszystkim zachowuiąc na cześć y chwałą wieczną Bogu w Tróycy świętey iedynego, Nayświętszey Pany cudowney Żyrowickiey, do którey osobliwych łask y dobrodzieystw, iako przedtym, tak y w teraźnieyszey potrzebie doznaliśmy y świętego protopatryarchi Bazylego wielkiego, zakonników reguły iego w uniey z kościołem świętym rzymskim będącym, widząc ich szczupłą w Brześciu prowisią na klasztor Brzeski świętych apostołów Piotra y Pawła y cały zakon wlewamy, daiemy, daruiemy y wiecznie zapisuiemy summę pieniędzy, to iest dwadzieścia tysięcy złotych polskich, przytym dworek u Brześciu, na Piaskach, nad Bugiem, ex opposito kościoła wielebnych panien Brygidek, z spichlerzem starym na gruncie ziemskim, oneribus civitatis nie podległe, tymże ichmościom wiecznie daruiemy, tą kondycyą, aby ww. oycowie resztę niewypłaconych ieszcze długów imć pana Jerzego Grabińskiego—chorą-

żego Brzeskiego y samey imści, któreby się za obligami pokazały, według sumienia wypłacili, iakoż się doskonale wypłacić obligowali; dwór zaś Międzyleski cały, iako w sobie iest, ze wszystkiemi budynkami, tak temuż klasztorowi Brzeskiemu daruię y zapisuię, że ex nunc wolno im będzie przenieść y na klasztorne budynki obrócić, excluduiąc go cale od otkupu, pod którym zostaie maiętność, którą to summę na maiętności naszey na ichmościów oyców Bazylianów wlawszy y urzędownie przez ienerała w dzierżenie ichmćw, intromittowawszy, sami się z niey wiecznie zrzekamy, nie zostawuiąc ani nam samym, ani potomkom naszym, ani żadnemu z krewnych successorów y następców naszych y naymnieyszey do tey maiętności cząstki y accessu żadnego. A ieśliby któ z krewnych abo successorów naszych po żywocie naszym chciał tę naszą wyż pomienioną maiętność okupić, tedy wprzód maią haeredes, vel successores do tey possessyi przychodzić, usurpować, albo strzeż Boże zaieżdżać, chcąc iakoby z ich ręku patrzali zakonnicy czynszów wyderkafowych, ażeby zupełnie oddane y wyliczone były te dwadzieścia tysięcy złotych polskich, a przytym y ta summa, ktora za długi pozostała imć pana chorążego wypłacić submitowali się y wypłacą monetą, która na tenczas w wielkim xięstwie Litewskim bez żadnego braku swóy waler będzie miała, do roku przełożonego na tenczas klasztora Brzeskiego, waruiąc y to, iż nie wprzód z tey maiętności ustępować maią, ażby przy wyliczeniu naznaczoney od nas summy wszystkie inne zniesione długi y expensa ad solidum wypłacone byłe. Obliguię przytym na wiekopomne czasy wielebnych oyców Bazylianów y cały zakon ichmćw, aby pamiętali na duszę ans oboygu dobrodzieiów, rodziców moich y miłey małżonki moiey, braci, siostr, krewnych, przyiaciół y nieprzyiaciół y sług naszych y tych, które żadnego w czystcu ratunku niemaią, iż wzaiemney a dyszkretney miłości in capto modum et numerum quotannis precum et suffragiorum kapłańskich y zakonnych perseveranter postanowili, w którey dobrowolney y ze wszelkim rozmysłem uczynioney wieczystey legaciey naszey, iako my sami dopomagać w czymby potrzeba ukazała ichmościom oycom Bazylianom submittuiemy się, tak też wielmożnego w Bogu przewielebnego imć xiędza Wincentego Wołowicza—arcydiakona y kanonika Wileńskiego nie tylko, iako brata naszego, ale iako oyca y dobrodzieia ze wszelką naszą submissią upraszamy, aby unitis viribus ze wszystkiemi krewnemi y przyiacioły naszemi, y w tey naszey zbawienney intenciey y w innych occurentiach ichmościom oycom Bazylianom, iako życzliwym sobie zdawna sługom y bogomodlcom zdrową zawsze radę, pomocą, promotorem y protektorem być raczył, iakoby ich żaden krzywdzić nie mógł, ani tych dóbr na chwałę Bożą y samych tylko zakonników przystoyne wyżywienie legowanych, na żadne prywatne, a bardziey, strzeż Boże, prałata biskupa iakiego wygody y pożytki usurpować y obracać nigdy nie dopuszczał y nie dopuszczali. Aby zaś tey stateczney woli y dispositii naszey wieczystey nie mógł żaden wykrętnemi iakiemi sposobami, prawnemi wynalazkami, a daleko bardziey violentibus, consilio aut opere contravenire, taki każdy nie tylko infelix sacri operis violator będzie, ale się też z nami rozprawi o to przed surowym naywyższego Boga sądem y przed Jego świętym obliczem, iako uymuiący chwałę iego y Matki Nayświęt-

szey w Żyrowickim obrazie cudami iaśnieiącey rigidas violati iuris incurret paenas. Na co dla lepszey wiary tak ręką naszą własną podpisaliśmy y pieczęciami utwierdzili, iako też uprosiliśmy ichmościów panów pieczętarzów niżey na podpisach specifikowanych. Dat w Międzylesiu, dnia ośmnastego miesiąca Marca, roku od Narodzenia Pana y Boga naszego tysiącznego sześćsetnego ośmdziesiątego czwartego.

U tego zapisu fundacyinego podpisy napisane ręką tymi słowy: Jan Kazimierz Wołowicz — Chweydański, Lubochnicki starosta, ręką własną; Katerzyna Róża Wołowiczowa, Chweydańska, Lubochnicka starościna. Ichmościów panów pieczętarzów podpisy napisane ręką tymi słowy: ustnie y oczewisto proszony pieczętarz do tego listu od wielmożnych wyszmianowanych osób imć pana Jana Kazimierza Wołowicza, Chweydańskiego, Lubochnickiego starosty, y samey iey mci pani Katerzyny Róży Wołowiczowey, Chweydańskiey, Lubochnickiey starościney, ręką mą podpisuię: Kazimierz z Buczacza Tworowski—cześnik Rzeczycki manu propria; ustnie y oczewisto proszony pieczętarz według prawa od osób wysz mianowanych do tego listu funduszowego podpisuię: Józeph Wołowicz ręką własną. Na tym zapisie fundaciynym przyznanie napisane tymi słowy: roku tysiąc sześćset ośmdziesiąt siódmym, miesiąca Augusta dwudziestego dnia, ten list fundaciyny ichmościom oycom Bazylianom ss. apostołów Piotra y Pawła w Brześciu zostaiących, stanąwszy oczewisto przed urzędem maydeburskim Kobryńskim miasta i. k. mości wielmożny imć pan Jan Kazimierz Wołowicz, starosta Feydański, y sama ieymość przyznali podpisy napisane przy tym przyznaniu ręką tymi słowy: Bazyli Raphałowicz—lantwoyt, Jan Sewerynowicz—burmistrz Kobryński; Heronim Matyaszewicz--pisarz miasta i. k. mości Kobrynia manu propria. Co iest przyięto y zapisano do xiąg mieyskich maydeburskich Kobryńskich. Anno et die ut supra. Extrakt wydany y widymus wydany.

1687 г.

Изъ книги за 1664—1769 г., стр. 534—535.

4. Фундушовая запись на уволоку земли для Здитовецкой церкви св. великомученика Николы отъ Александра Непокойчицкаго.

Названный въ этомъ документѣ Непокойчицкій, убѣдившись въ несправедливомъ завладѣніи церковною землею, возвращаетъ церкви одну уволоку оной обратно.

Anno 1745. Dokument do cerkwy Zdzytowskiey, ad acta podany dnia siedymnastego Decembra.

Na urzędzie i. k. mci magdeburgii Kobryńskiey, przede mną Piotrem Ant. Tadeuszem Kublyckym—lantwoytem Kobryńskym horodeckym y pisarzem Onufrym Sacewiczem — burmistrzem Kobryńskim,

stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim w. imć xiądz Jan Grudziński— prezbiter cerkwi Zdzitowskiey, dokument wieczysty na włokę na Uyściu leżącą, od imci pana Alexandra Kazimierza. Niepokoyczyckiego nadany, w te słowa pisany, podał ad acta, któren tak się w sobie ma:

Ja niżey na podpisie mianowany, daię tę kartę moią, iżem dał pola szmat na Uściu od Pawłowskych gruntów, od miedzy imci pana Jana Fediuszki— stolnyka Brzeskiego, na szanków pięć, niezasianego gruntu pustego, względem ukrzywdzenia przez niemały czas, iako to statutowe prawo świadczy, że niewolno przez rzekę graniczyć; a ia teraz poznawszy grzech, że nie statuta, ale przykazania Jego Bożego Pan Bóg będzie sądził, daię te pole wiecznemy czasy do cerkwi Zdzitowskiey w uniey świętey imć xiędzu Janowi Narukiewyczowi, prezbiterowi cerkwi Zdzitowskiey; na co y ręką moią podpisuię się, roku tysiącznego sześćsetnego osymdziesiątego siódmego, dnia trzeciego Stycznia. Pisana karta w Niepokoyczycach, u którey karty podpys imci aktora w te słowa: Aleksander Kazimierz Niepokoyczycky—mp. Podpisy zaś ichmościów panów pieczętarzów, przy podpisie y pieczęci iego, w te słowa pisane: азъ Петръ Яголковскій, маючи отъ его милости письмо пана Алексанра Казимира Непокойчицкого. абыхъ до сего листу отцу Іоанну Нарукевичу, до храму святого мученика Николы церкви Здитовской, вѣчне наданого поля на Устью, за давніе кривды, его рукою власною писаного и подъ печатью, которое поле лежитъ при поли Павловскимъ, на загоновъ двадцать и усимъ широкое, а вздовжъ отъ рѣки Мухавца по рѣчку Жабинку, вѣчными часы тому храму служити маетъ, до которого листу его милости пана Непокойчицкого, якъ право кажетъ, печатарь подписуюся — Петръ Яголковскій рукою своею; ustnie oczewisto proszony pieczętarz imci pana Aleksandra Kazimierza Niepokoyczyckiego, podpisuię się ręką moią Józef Niepokoyczycky. Która to takowa karta iest do akt magdeburskych i. k. mci Kobryńskych przyięta y wpisana.

1700 г.

Изъ книги за 1766—1799 г., стр. 320—321.

5. Описаніе земли принадлежащей, Хабовицкой церкви, составленное королевскими коммиссарами.

Королевскіе коммиссары, прибывши въ Хабовичи по повелѣнію короля, разсмотрѣли документы, предъявленные имъ Кобринскимъ протопопомъ Корытинскимъ на земли, во избѣжаніе захватовъ оной, точно ограничили и обозначили всѣ земли, принадлежащія Хабовицкой церкви, и утвердили за ней подъ зарукой 1,000 злотыхъ.

Roku tysiąc siedymsetnego sześćdziesiątego wtórego, miesiąca Maia dwudziestego dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburyi Kobryńskiey, przede mną Piotrem Ant. Tadeuszem Kublickim—lantwoytem Kobryń-

skim, Horodeckim, y pisarzem, Bazylim Jacewiczem — burmistrzem y całą ławicą, stawszy personaliter w ratuszu Kobryńskim wielebny ociec Jan Skabałanowicz — prezbiter cerkwi Chabowieckiey, opisanie gruntu swoiey cerkwi, od kommisarzów i. k. m. nadany, na papierze pisany, rękami własnemi tychże ichm. panów komissarzów podpisany y pieczęciami trzema, na laku wyciśnionemi, korrobowany, cały, zupełny, żadney w sobie wątpliwości nie maiący, do akt podał y o wpisanie nas prosił, który, wpisuiąc słowo w słowo, tak się ma:

Ja Stanisław Godlewski—regent koronny, starosta Nurski........ *) kreski, chorąży ziemie Wielonskiey, Jakób Zygmont Rybiński—dworzanin pokoiowy, kommissarz generalny i. k. m., po wysłuchaney płaczliwey suplice przewielebnego oyca Tadeusza Korytyńskiego—protopopy Kobryńskiego y całego woytowstwa Chabowieckiego, poddanych i. k. m., z władzy nayiaśnieyszego króla i. m., pana naszego miłościwego, Augusta wtórego do tey cerkwi Chabowieckiey, aby się w niey chwała Boża sprawowała, y dusze ludzkie przez ofiary święte były ...... nadaliśmy my kommissarze i. k. m. fundusz, w którym funduszy nie zdało się nam więcey wyrazić, iak tylko nazwisko nadanych włok, to iest—Hawryszowska, Żołobkowska, Żmoydycz .... wicz y Paczkowicz włokę, które to włoki nie wiedz... .... y nie są ciągłe, procz placu, na którym cerkiew za domem iaśnie wielmożnego imci pana Józefa Bogusława Służki, kasztelana Wileńskiego, hetmana polnego w. x. Lit., administratora ekonomiey Kobryńskiey, iest postanowiona y plebania cerkiewna, którey to plac w szerz ma sto dwadzieścia zagonów, każdy zagon po siedym skib ma, iak może pług (zaiąć), wzdłuż; na tey stronie, gdzie cerkiew stoi z gaiem ..... ciągle aż do błota, a iakoż y na drugiey stronie ku południowi ciągle z ługami, popławami, iak się w sobie ma, aż do błota, a reszta tych włok ostrowy w różnych mieyscach pomiędzy błotami znayduią się, więc my kommissarze i. k. m. uznaliśmy za rzecz potrzebną z tey przyczyny, aby w poźnieyszym czasie tak iaśnie wielmożny ichmć panowie administratorowie y ichmć panowie dzierżawcy ekonomii Kobryńskiey, iako też y włościanie Chabowieckie y Ruchowieckie do onych ostrowów nie wdzierali się y za własne nie przywłaszczali, rozkazaliśmy wszystkie ostrowy, iak te, które do włok należą, iako też morgowe y nadatkowe poszczególnie każdego właściwym nazwiskiem nazywaiącego się, opisać, iako to: Wałyła, Iwoniuki, Zazerowo, Korowie, Zarokatyca, Borkowo średnie, Hryciow Les, Podteresze, Hłazoma, Czerteż, Ponykartowo, dwa ostrowy, Chwoszczyna, Borkowo pierwsze, od Subrania, Moszeńskie, Zaylicze, Soska, Sawczanka, Pacynne, Tewelowo, Dubie trzy ostrowy, Berozka, Sosnowata, Kyie dwa ostrowy, Orłowo, Temeryszcza, dwa ostrowki, Baran, Jamka, Horyłyca, Czmelowatyk, Zabubno, Hryciow dub z małemi ostrowkami, Kleszcze dwa ostrowy, Zabołoto, Medweże, małe Bołoto, Kozak, Uszowata, Kletka z wygonem, w koło Mogiłek y brodu Hackiego, Peszkowo, Ruchowo, Kasza, Swinia, Peczkowskie, Zarowy, Jamiszcza co od Zaylicz aż do łozy y Brodu, Kozeł, morgowe Chwoyne y Syniaczycha. A że z pomiędzy wyżey opisanych ostrowów wiele iest bardzo podłych, zapadłych, bagnistych, nieużytecznych, wydmów, na które nadaiemy

*) Мѣста, обозначенныя въ этомъ документѣ точками, показываютъ, что ихъ нельзя было вычитать потому что мѣста эти совершенно изглажены.

uroczysko Puszkowszczyznę z łąkami, cały ostrow y w rogu włoki zwaney Puzkowicz, od miedzy poprzeczney do brodu zwanego Kapustnym, cały klin z Popławem, które ostrowy z lasami, borami, barciami, brodami, zatokami, iazami, łowieniem w nich ryb, sianożęciami, zaroślami y ze wszystkiemi do nich przynależytościami, tak iako się w sobie maią y żadnym chłopskiego niema. Aktoby temu opisaniu funduszowemu w naymnieyszym punkcie miał być sprzecznym y neguiącym, nakładamy na takowego buntownika sztrafu tysiąc złotych na króla iego mści, a też y stronie ukrzywdzoney. Do którey to opisania naszego funduszowego, my kommissarze rękami naszemi podpisawszy się, pieczęci przycisnąć rozkazaliśmy. Pisan w Kobryniu, roku Pańskiego tysiąc siedmsetnego, miesiąca Augusta die dwudziestego ósmego. U tego opisania podpisy wielmożnych ichmściów panów kommissarzów w te słowa: Reminiscitur rewizyi generalney et recomendatur w Kobryniu dwudziestego ósmego Augusti, anno tysiąc siedmsetnego: Stanisław Godlewski—regent koronny, starosta Wieluńskiey ziemie, kommissarz i. k. m.; Cypryan Kre.....—chorąży ziemie Wieluńskiey, kommissarz i. k. m.; Jakób Zygmont Rybiński—dworzanin pokoiowy, kommissarz i. k. m. Które to takowe opisanie gruntu cerkwi Chabowickiey, do xiąg magdeburyi Kobryńskiey przyięte iest y wpisane.

1700 г.

Изъ книги за 1664—1769 годъ, стр. 538—541.

6. Фундушовая запись на Рогознянскую церковь, сдѣланная въ ея пользу Полоцкимъ стольникомъ Франциском Федюшкомъ и его женою Анною Княжевичовною Ѳедюшковою.

Полоцкій стольникъ съ сестрой князя Ѳедюшка, выстроивши въ своемъ имѣніи Рогозняхъ церковь во имя Бога Отца во святой Троицѣ, Воздвиженья честнагоКреста, св.Іоанна Крестителя и св. Екатерины, надѣляютъ ее землей 2 уволоками, изъ коихъ $1^1/_2$ уволоки отдаютъ въ вѣчную собственность церкви и священника, а $^1/_2$ ув. во временное ея пользованіе; даютъ также священнику право на полученіе торговаго и безплатное куреніе вина въ помѣщичьей винокурнѣ во время храмовыхъ праздниковъ. При этомъ они обязываютъ, чтобы церковь эта никогда не превращалась въ католическую, и чтобы священникъ два раза въ недѣлю служилъ обѣдни за фундаторовъ и ихъ родныхъ—живыхъ и умершихъ. На такія обѣдни вино и воскъ должны быть выдаваемы изъ помѣщичьяго двора. Починка церкви должна совершаться также на счетъ фундаторовъ. При заложеніи этой церкви присутствовалъ Кіевскій митрополитъ Заленскій.

Roku Pańskiego tysiąc siedmsetnego czterdziestego piątego, miesiąca Decembra siedmnastego dnia.

Na urzędzie i. k. mci magdeburgii Kobryńskiey, przede mną Piotrem Ant. Tadeuszem Kublickym—lantwoytem Kobryńskim, Horodeckym y pisarzem, Onufryem Sacewyczem — burmistrzem Kobryńskym y całą zupełną przysięgłą ławicą, stanąwszy personaliter w ratuszu Kobrynskym

wielebny i. mość xiądz Hochol Oleszkiewycz—prezbiter cerkwi Rohozniańskiey, fundusz wieczysty, cerkwi swoiey służący, cały, zupełnie y żadney wątpliwości w sobie niemaiący, w te słowa pisany, ad acta podał:

W Imię Boga Oyca, Boga Syna, Boga Ducha świętego, w Trócy świętey iedynego, ku którego chwale niech się to stanie na wieki. Ja Franciszek Fediuszko—stolnyk Połocki y ia Anna Kniażewiczowna Fediuszkowa — stolnikowa Połocka, pragnąc usylnie małżonkowie z professyi naszey katolickiey, aby naywiększa chwała Boża w świątnicach katolickych przy nieustannym honorze Matki Bożey Nayświętszey Maryi, iako nayozdobnieyszym nabożeństwem serce prawowiernych cerkwi świętey cum fructu bonorum operum, y day Boże aeterno praemio na duszę onych sanguine precioso Syna Bożego, Boga Pana y Odkupiciela naszego odkupione assequenda szerzyła się y pomnażała, dla tego my małżonkowie, z pomocą Bozką zbudowawszy cerkiew świętą, chcemy y pragniemy tego, aby honor Bożey Matky Przenayświętszey y świętych Bożych ludzkiemy modłamy był condecorowany; my tedy małżonkowie wyż mianowany na własnym naszym gruncie, częścią testamentem dobrodzieia oyca, sławney pamięci nieboszczyka i. mci pana Jana Fediuszka—stolnika Połockiego, nam zapisanym, częścią z medyacyi przyiacielskiey y komplenacyi naszey między nami bracią rodzoną utwierdzonym, na gruncie naszym wieczystym, własnym dziedzicznym, we wsy Rohozney leżącym, w woiewodztwie Brzeskym, cerkiew pobudowaliśmy za konsensem iaśnie wielmożnego imci xiędza Leona z Szlubycz Załeńskiego — metropolity Kyiowskiego, Halickiego y wszystkiey Rusi, episkopa Włodzimirskiego y Brzeskiego, przy założeniu kamienia y benedykowania natenczas złożoney, od i. w. wyż mianowanego imci xiędza archipasterza, który kamień y mieysce pobłogosławił imć xiądz Prokopowycz — officiał Brzeski; a że ta cerkiew nowo fundowana bez kapłana nie ma być ustawycznego y mieszkaiącego przy tey cerkwi, aby przez bogaboyność iego tym większy ludzie pochop do nabożeństwa braly y administracyi sakramentów śś. nie zostawaly, dla którego to prezbytera, yako iurato parocho, ia Francyszek Fediuszko — stolnyk Połocki y ia Anna Kniaziewiczowna Fediuszkowa—stolnikowa Połocka, wiecznie daruiemy y do tey naszey cerkwi łączemy grunt nasz, wydzielaiąc naprzód włokę gruntu naszego we wsy Rohozney, ze wszystkiemy przydatkamy, na którym gruncie przedtym siedział poddany móy Klewiec; w drugym mieyscu puszczam półwłok grunt nasz w Rochozney wsy, na którym siedział Semen Sywy—poddany móyże, na którymże półwłoki y cerkiew od nas pobudowana; a do tey półtora włoki, ażeby się niezdały być szczupłemi, przydaię na trzecym mieyscu Hranic y łąkę do tey cerkwy, które to wyż specifikowane grunty, pola y z sianożęciami, z lasami, gaiami, zaroślami, które być mogą, wedle tychże pol zostaiącemi y do nich należącemy, z dawnych czasów ze wszystką do nych cyrkumferencyą należącą, wiecznemi czasy a nieodzownemi, do cerkwi moiey Rohozniańskiey łączę y wdzielam, to iednak sobie waruiąc excypuię, aby przy tym gruncie Hranicy, pastwiska, alias wygony, od dawnego wieku na bydło, iak należą, do dworu megoż Hatowszczyzny, Zdzitowców, tak ażeby y napotym należely do dworu tegoż y do tey maiętnoscy, a inne grunta, iako wyż specyfykowane, z sianożęciami wyż specifikowanemy, do cerkwi mey

przyłączone, wiecznemi czasy daruię na cerkiew moią y zapisuię, oddalaiąc blizkych naszych krewnych, dziatky nasze własne, sukcessorów y każdego po mnie zostaiącego w teyże maiętnoscy;—y owszem, ktobykolwiek ten nasz fundusz wieczysty chciał ruynować, na takiego zakładamy zarąk sześć tysięcy złotych polskich, sprzeciwiaiącego się naszemu funduszowi wolno będzie pozwać iaśnie wielmożnemu imci xiędzu episkopowi Brzeskiemu, iako maiącemu zwierzchność nad tąż cerkwią, przed sąd Brzeski ziemski, albo grodzki, a tamta osoba sprzeciwiaiąca się temu naszemu funduszowy, niepowynna używać dyllacyi prawnych, ale zaraz zaręki zapłacyć, a y po zapłaceniu zaręk, przecie ten nasz fundusz ma być przy swey mocy, a ta cerkiew nasza, wybudowana na chwałę Panu Bogu w Trόycy świętey iedynewu y Matce Jego y podniesienia świętego krzyża y świętego Jana Krzciciela y śwtętey Katarzyny męczenniczki, pod których to tytułem y protekcią na wieki ta cerkiew zostawać ma y będzie, upraszaiąc maiestatu Nayświętszego, za przyczyną Bozkiey Matky, aby mnie nie karał według grzechów wielkoscy, ale według wielkiego myłosierdzia swego był miłoścyw duszy moiey y małżonki moiey y dziatek moych; z których to wyż specyfikowanych prazników y targowe od wszystkiego powynno na oyca prezbytera y sukcessorów iego perpetuis temporibus, y ma pochodzić y dwór Hateczyzna nygdy pod zaręką wyż wyrażoną wtrącać się niepowinien; a że daię beneficium propter officium mieć powynien pomieniony prezbyter, przy tey cerkwi assiduus zostaiący, kożdego tygodnia annuatim na intencią panów fundatorów tey cerkwi żywych, a po długim wieku onych y umarłych, za odpuszczenie onym grzechów, w sobotę odprawić mszą świętą, na którą obligę y wyna y wosku z maiętnoścy naszey procurare powynny będziemy y po nas sukcessorowie nasy, w drugy zaś tydzień w piątek mszą mieć tenetur za fundatorskych zmarłych oyca Jana y matky Joanny y krewnych wspomnieć wszystkych, y na tę mszę w funduszu dołożone dwór Hateczyzna oblygowany, et tenetur wyna y wosku dawać, a zaś na insze msze, którybykolwiek z parafianów będzie naymował, tedy na takie mszy extra ordynaryine, sam oyciec prezbyter procurabit wyno y wosk, y tak consequenter sepite annuatim quolibet anno tym porządkiem sine intermissione na wieki odprawować będzie praefatus presbiter. A gdyby impediret aliqua solennitas, albo broń Boże choroba, dla czegoby nie mógł praedictus presbyter odprawić obligi ex fundatione naznaczoney, tedy zdrowszego czasu y dnia wolnieyszego powetować, et oneri ma imposito satisfacere hoc addito, ażeby diaka do posługy swoiey ad commodum nabożeństwa procuraret oyciec presbyter; ieśliby zaś per vetustatem tak cerkiew, iako y aparaty popsowały się, procurare tenetur ze dworu Hateczyzny pan naprawyć te dobra dzierżący, addita clausula, aby tę naszą cerkiew, przez nas fuudowaną, nikt nie ważył się w kościoł przemieniać, iako unitam ecclesiam, sub vadiis wyżey specificatis. Presbyterowi zaś na prazniki, iako piwa, tak gorzałky w browarze dwornym zrobyć wolno będzie; a że wioski różnych ichmościów pobliziu cerkwi Rohozniańskiey zostaiące, ad parochiam teyże cerkwi, za consensem archipasterskym iaśnie wielmożnego imci xiędza metropolity y episkopa Brzeskiego, dla większey dusz wygody y blyzkoścy łonczą się dobrowolnie ex instantia samychże panów dziedziców, którzy aby żadney presbiterowy agrawacyi nie czynili y

zwierzchnoścy nad prezbyterem tey cerkwi nie miely, sami my fundatorowie postrzegać będziemy, hoc addito, ieżeli uproszą sobie y zagodzą prezbytera za podiętę fatygę za duszę ich w nabożeństwie, inaczey żadney zwierzchnoścy panowie sąsiedzy y nad prezbyterem moiey cerkwi nie będą mieć y nie powynny y owszem dziękować wynny iaśnie wielmożnemu ichmci xiędzu archipasterzowy y episkopowi Brzeskiey diecezyi, że maiąc wzgląd na dusze ych, że za wodą nie mogą mieć wygody, za przeprawą do nabożeństwa, tu w Rohozney w cerkwi prezbyterowi zostaiącemu nad niemi administracią dusz zleca y tey strony Muchawca wiosky do tey cerkwi Rohozniańskiey łącząc, to iest, Busnię wioska, Fedkowicze wioska y Zamszany wioska. W których to wioskach różnych ichmć, iako dziedzice poddanych swoich maiąc, łączą do cerkwi Rohozniańskiey dla wygody swych poddanych duszę onych oycowy prezbyterowy Rohozniańskiemu do cerkwi w administracią oddaią, aby dotąd bez cerkwi będących y bez nabożeństwa, uczył boiaźni Bożey, tudzież y nasy poddani nas czterech brácy Feduszków do cerkwi Rohozniańskiey do parochyi należeć maią, ponieważ cerkiew w teyże panszczyznie zbudowaua iest. Które to punkta y ligamenta cum conditionibus apertis ad probationem iudicii et discussionem illustrissimi domini loci ordinarii porrigimus y one własnemi naszemy rękoma podpisuiemy, uprosywszy ichmców panów pieczętarzów do podpisu. Dat w Hateczyznie, roku Pańskiego siedmsetnego, wtórego dnia miesiąca Septembra. U tego funduszu przy pieczęcy podpisy rąk własnych ichmców panów aktorów y fundatorów, w te słowa: «Franciszek Fediuszko — stolnyk Połocki, ręką swoyą; Anna Kniaziewiczowna Fediuszkowa—stolnikowa Połocka, ręką własną. Podpisy zaś ichcmców pieczętarzów przy podpisach aktorskych temy się wyrażayą słowy: Będąc proszony pieczętarz od osób wyz mianowanych do tego funduszu podpisuię się—Andrzey Narkowycz—pułkownik i. k. mci ręką swą; będąc proszony pieczętarz podług prawa podpisuię się—Stanysław Chrzanowski podk. Orsz. ręką własną. Tudzież approbacya pomienionego funduszu przez iaśnie wielmożnego imci xiędza metropolity, podpys w te słowa wyrażona: Zezwalaiąc na wszystkie punkta, w tym funduszu specyfykowane, y stosuiąc się do świątobliwey uczynnoścy ichmców fundatorów, do tego funduszu podpisuię się—xiądz Leon z Lubic Załeński— archiepiskop, metropolita wszystkiey Russi, Włodzimierski y Brzeski episkop, archimandryta Kobryński, ręką własną.

Który to takowy fnndusz iest do akt magdeburskych miasta i. k. mci Kobryńskych przyięty y wpisany.

1704 г.

Изъ книги за 1664—1769 г., стр. 538.

7. Фундушовая запись Александра Русецкаго Здитовецкой церкви на три четверти поля.

Anno 1745, miesiąca Decembra siedmnastego dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburgii Kobryńskiey, przede mną Piotrem Antonim Tadeuszem Kublickim, lantwoytem Kobryńskim Horodeckim y pisarzem, Onufryem Sacewiczem—burmistrzem Kobryńskym, stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim wielebny imć xdz Jan Grudziński, prezbiter cerkwi Zdzitowskiey, skrypt wieczysty na trzy ćwierci pola od wielmożnego imci pana Aleksandza z Rusca Rusieckiego—kasztelana Mińskiego nadany, swey cerkwi służący, w te słowa pisany, originalny y żadney wątpliwości nie maiący, ad acta podał, któren tak się w sobie ma:

Czynię wiadomo tym moym skryptem, iż widząc potrzebę cerkwi moiey Zdzitowieckiey, która dotąd bez dziaka zostawała, za czym nadaię na pewney części pola, to iest Popławszczyznę, od miedzy cerkiewney, po którey ćwierci pola, od drugiey miedzy imci pana Krzysztofa Niepokoyczyckiego, drugą połtory ćwierci od miedzy cerkiewney ma być z zasiewem żytnym, drugą żaś połtory ćwierci od miedzy pomienionego imci pana Niepokoyczyckiego na ugor z sianożęciami, do tychże gruntów należącemi, także z zaroślami przeciw tych gruntów, którey to ia woli moiey dość czyniąc, tem skriptem moym stwierdzam perpetue, iednak appendicem kładnę do dalszey melioracyi moiey y pro firmiori documento pieczęć moią kładę y ręką się moią własną podpisuię. Działo się roku tysiącznego siedmsetnego czwartego dnia dziewiątego Junii. U którego skryptu przy pieczęci na papierze wyciśnioney podpis ręki iaśnie wielmożnego imci pana aktora temi się wyraża słowy: Aleksander z Rusca Rusiecki-Kamiński mp. Który to takowy skrypt iest do akt magdeburgskich miasta i. k. mości Kobryńskych przyiety y wpisany.

1706 г.

Изъ книги за 1664—1769 г., стр. 30.

8. Духовное завѣщаніе Самуила Прилуцкаго.

Самуилъ Прилуцкій завѣщаетъ: тѣло свое похоронить на Старомъ кладбищѣ въ Остромечи; дать 11 злот. въ три церкви: Горбанскую, Лепесовскую и Кобринскую, чтобы тамъ молились за упокой его души; имѣніемъ владѣть женѣ; а дочери записываетъ 200 зл. приданнаго и проситъ не обижать ей при выходѣ замужъ.

Roku 1706, miesiąca Nowembra 21 dnia.

Przed urzędem miasta i. k. mści Kobrynia, imć panem Michałem Franciszkiem Kościuszkiem-Siechnowickim—stolnikiem Owruckim, Kobryńskim y Horodeckim woytem, imć pan Jan Andronowski ten testament do suscepty pokładał y do xiąg mieyskich Kobryńskich magdeburskich podał, który iest przyięty y zapisany słowo w słowo, aż do końca, tak się w sobie ma:

W imię Boga,. w Trócycy Przenayświętszey iedynego, rzeczy niżey w tym testamencie wyrażone y opisane niech się staną na potomne czasy z wolą Jego świętą, amen. Ja Samuel Iwanowicz Przyłucki czynię wiadomo y wyznawam sam na siebie tym moim dobrowolnym ostatniey woli testamentem, iż ia będąc od Pana Naywyższego ciężką chorobą nawiedzony, z którey niespodziewaiąc się wyniść y żyć dłużey na tym padole, ale stosuiąc się do woli Jego Przenayświętszey, tak rosporządzam y na potomne czasy mieć chcę: Naprzód, ieżeli mię Pan Bóg, Stwórca móy, z wyroku swego świętego, z tym światem mizernym rozłączy, duszę moią grzeszną w ręce Jego Przenayświętsze poruczam, prosząc Panny Przenayświętszey o przyczynę, aby się z aniołami y ze wszytkiemi świętemi przez ważną przyczynę swoią do miłosierdzia Jego świętego wstawić raczyła. A ciało moie grzeszne małżonka moia ieymść pani Krystyna Bosiacka Samuelowa Przyłucka obrzędem chrześciańskim, z rodzonym moim panem Stefanem Przyłuckim, spólnym kosztem na mogiłach za rzeką Starych, gdzie rodzice moie leżą. Za duszę moią aby Pana Boga prosili przez mszy święte kapłani, do cerkwi Horbańskiey złotych trzy, do cerkwi Lepiosowskiey złotych pięć, do cerkwi świętego Mikołaia w Kobryniu złotych trzy. Na to ma iałowicę przedać miła małżonka moia, a za duszę moią dosić uczynić. A co się zaś tknie maiętności moiey w dobrach oyczystych y macierzystych, tak rozporządzam y na potomne czasy mieć chcę zapisy, którem dał zwyż narzeczoney małżonce moiey, ażem dotychczas onych nie przyznał y aktami starościńskiemi urzędownie nie obwarował, tedy tym testamentem moim one stwierdzam y na potomne czasy mieć chcę, aby miła małżonka moia we wszytkim spokoynie w dzierżeniu nienarusznie była zachowana na całey maiętności y ze wszytką ruchomością według zapisów od mała do wiela. Y to też waruię na

potomne czasy, aby ich mość panowie bracia moi y kożdy, ieżeliby przyszło do podziału w budynkach, względem części pana Stefana rodzonego mego, tedy excepto dwóch chlewów, którem kupił za własne pieniądze małżonki moiey, do których nie maią się interesować. A co się tknie dziecięcia córki moiey Konstancyi Przyłuckiey, która po mnie in minori subselio zostaie, ta przy matce y maiętności ma zostawać, tę którą z teyże maiętności zapisuię y lokuię złotych polskich dwieście, a to z łaski moiey oycowskiey krom dziedzictwa y według statutowego prawa y nauk będzie należała, a te złotych dwieście córce moiey zwyż narzeczone y odemnie zapisane, ma miła małżonka moia za wzrostem iey oddać do iakiego by ią Pan Naywyższy chciał powołać stanu, sobie bez uszczerbku iey dziedzictwa, ale względem odemnie danych zapisów z dożywociem na zupełney maiętności y ruchomością iuż to małżonka moia z tey oprawy ma oney nie krzywdzić. Ratione długów, które mnie różni ichmć winni, to iest: iegomć pan Jerzy Buchowiecki tynfów dziesięć, imć pan Judwiłowicz tynfów dziewiętnaście, imć pan Alexander Przyłucki tynfów dziesięć, w Ostromeczu we wsi u Hryca tynfów trzynaście, we wsi Jowchimowiczach u chłopów tynfów dziesięć, to wszytko małżonce moiey odebrać pozwalam y zapisuię. Za opiekunów naznaczam y proszę z upodobania y woli moiey imci pana Jana Andronowskiego y imć pana Maximiliana Bosiackiego. Na ostatek żegnam ichmw panów przyiaciół, braci, sąsiadów y proszę, aby mi przebaczyli w czym się komu naprzykrzył, a żem przy sprawowaniu tego testamentu mego nie mogłem mieć urzędu grodzkiego, ani ziemskiego y sam pisać nie umiem, tedym uprosił za dobrey moiey pamięci ichmściów panów przyiaciół o podpis rąk ichmw, którzy ichmść na prośbę moią podpisać się raczyli. Pisan w Ostromeczu, roku Pańskiego tysiąc siedmsetnego szóstego, miesiąca Septembra piętnastego dnia.

U tego zapisu testamentu podpisy rąk temi słowy: oczewisto proszony pieczętarz od imć pana Samuela Przyłuckiego do tego testamentu, iako pisać nieumieiętnego, na mieyscu iego mci podpisuię się: Franciszek Buchowiecki; ustnie proszony pieczętarz od osoby w tym testamencie wyrażonego, do którego się podpisuię—Hrehory Laskowski mp.; oczewisto proszony pieczętarz od imć pana Samuela Przyłuckiego do tey ostatniey woli podpisuię się—Józeph Ostachy Ostrowicki.

1707 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 77.

9. Жалоба цыганки Анны Васильевичовой на цыгана Степана Александровича о побояхъ и грабежѣ.

Цыганка Анна жалуется на цыгана Степана Александровича, что онъ обманомъ заманилъ ее въ свой домъ, ограбилъ и подвергъ страшнымъ истязаніямъ, при этомъ взялъ еще съ нея росписку, будто она должна ему 30 злотыхъ. При жалобѣ находится посвидѣтельствованіе и лавника.

Roku 1707, miesiąca Julii dwunastego dnia.

Przed urzędem miasta i. k. mści Kobrynia, sławetnym panem Stefanem Ja-

chimowiczem—burmistrzem Kobryńskim, ieczyniła opowiadanie, żałośnie się protestowała, donosząc do urzędu, Anna Jendrzeiowa Wasilewiczowa — cyganka z przyiacielmi swoiemi, którym iest ciotka, Jerzym Marcinowiczem, Michałem Krzysztofowiczem—cyganami, na Stefana Alexandrowicza—cygana o to y takowym sposobem: Iż obżałowany Stefan Alexandrowicz, przepomniawszy boiaźni Bożey y srogości prawa pospolitego, przyszedł do Wasila Markowicza, w ogrodnikach mieszkaiącego, u którego gospodę miała actorka, tego gospodarza prosił obżałowany o deski na trunę żonie iego, Anny actorki prosił, żeby z nimi poszła ciało omyła żony iego, obiecuiąc nagrodę. Taż Anna cyganka, nic nie wiedząc poszła do Stefana cygana z gospody swoiey do iego gospody do Kondrata Sytnika, tam że wprowadziwszy, za łeb wziął o ziemię rzucił, płat z głowy zdarł, za włosy włoczył, nogami deptał, kolanami bił w piersi y wszystkie ciało mordował, iako się onemu podobało y kiyem obracaiąc smarował, nie maiąc ią więcey żywą zostawić. Co miała gotowe pieniądze, płótna y różne fanty, to wszystko zabrał, rachuiąc na złotych dziewięćdziesiąt. Po zabraniu rzeczy przymusił Annę cygankę, żeby mu kartę dała na złotych trzydzieści, mówiąc oney, iako mi niedasz karty, to cię w kaydany okuię y więcey żywić nie będę. Taż aktorka zmordowaną będąc y iedno nie pamiętaiąc o sobie, druga z bolu y z boiaźni musiała pozwolić na kartę nie będąc onemu szeląga winną, dała na iego przymuszenie kartę na siebie na złotych 30. I w tym się też actorka z przyiacielmi swoiemi protestuię na obżałowanego, ieżeliby miała w tym roku umrzeć, tedy nie z czyich inszych rąk tylko z Stefana Alexandrowicza.

O czym y relacia ławnicza tak świadczy. Roku 1707 miesiąca Julii 12 dnia. Ja, niżey na podpisie mianowany, czynię wiadomo tą moią relacią, iżem był użyty od Anny Wasilewiczowey—cyganki, na oglądanie ran y zbicia oney, którey widziałem głowę pobitą, włosy y kołtuny powyrywane, piersi kolanami zbite y nogami ciało podeptane. Na prawey ręce znak od podkówki, na samym łokciu tak wielki iako podkówka, na teyże ręce, nad palcami ręka sinia y na palcu paznogiec zbity y palec skaleczony na ręce lewey, łopatka sinio zbita, krwią nabiegła, od powrozów znaki na ręku obudwóch, na nodze prawey pod kolanem raz siny, krwią nabiegły y skórka strącona, znać od kiia. Nakoniec związaną nożem pchnął razy trzy niżey piersi w brzuch. Które to zbicie y tyrańskie zmordowanie y rzeczy zabranie y karty dania przymuszenie, być sobie stałe mianowała od Stefana Alexandrowicza—cygana. Jam, co widział y słyszał z ust żałuiących, wydaię tę moią relacią z podpisem ręki temi słowy: Michał Marcin Milewski—ławnik Kobryński. Co iest do xiąg mieskich Kobryńskich przyięto y zapisano, z których y ten extrakt z pieczęcią mieyską y z podpisem ręki pisarskiey stronie potrzebuiącey wydany. Pisan roku, miesiąca y dnia iako wyżey mianowanego. W niebytności pana pisarza, Michał Marcin Milewski — ławnik Kobryński.

1709 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 122.

10. Судебное опредѣленіе по дѣлу Кобринскаго мѣщанина и купца Осипа Токаревича съ войтомъ Бѣльскимъ Гавріиломъ Дмитровичемъ о денежной кражѣ.

Кобринскій мѣщанинъ и купецъ Токаревичъ внесъ въ магистратъ жалобу на Бѣльскаго войта Дмитровича по слѣдующему случаю: въ бытность свою на ярмаркѣ въ Ловичѣ, онъ заночевалъ въ квартирѣ Дмитровича по егоже приглашенію; ночью послышался ему звонъ денегъ, Токаревичъ проснулся и бросился къ своей коробкѣ, у которой и ощупалъ неизвѣстнаго человѣка. На крикъ его, неизвѣстный человѣкъ назвалъ себя Дмитровичемъ и сказалъ, что дьяволъ привелъ его къ его деньгамъ, и при этомъ просилъ у Токаревича извиненія. На другой день узнали объ этомъ другіе купцы и стали упрашивать Токаревича не поднимать дѣла и не срамить купечества. Токаревичъ согласился не подавать на вора жалобы, лишь бы возвращены были ему украденные Дмитровичемъ 30 талеровъ. Но такъ какъ Дмитровичъ уѣхалъ ночью изъ Ловича и денегъ не отдалъ, то Токаревичъ и подалъ на него настоящую жалобу. Судъ приговорилъ взыскать съ вора всѣ проторги и убытки Токаревича.

Roku tysiącznego siedmsetnego dziewiątego, miesiąca Apryla trzeciego dnia.

Przede mną Ambrożym Kazimierzem Kościuszkiem-Siechnowickim—podczaszym Owruckim, Kobryńskim y Horodeckim woytem, y przed nami Bazylem Rafałowiczem — burmistrzem starey rady, na mieyscu sławetnego pana Hrehorego Szeszkiewicza—burmistrza tegorocznego, zasiadaiącym, y przed nami Hrehorym Eliaszewiczem, Stanisławem Słupskim, Samuelem Jarmochowiczem—raycami y całym magistratem Kobryńskim miasta i. k. mci, gdy z porządku regestrowego ku sądzeniu przypadła sprawa uczciwego Józefa Tokarewicza — mieszczanina iurysdyki zamkowey, miasta i. k. mci Kobrynia, y sławetnego pana Andrzeia Jachimowicza—raycy starey rady, cechmistrza cechu krawieckiego, mieszczanina Kobryńskiego, z sławetnym panem Gabryelem Dymitrowiczem—woytem dawnieyszey residentiey iurysdiki podzameckiey, miasta i. k. mci Bielska, za remissą y dekretem sądu naszego, z oczewistey obudwuch stron controwersiey w roku przeszłym tysiącznym siedmsetnym ósmym, miesiąca Octobra siedmnastego dnia, w Kobryniu ferowanym, którym tó dekretem ta sprawa na inquisitią zesłana iest, a po wyprowadzeniu oney do przyięcia w samey rzeczy skuteczney rosprawy, za żałobą uczciwego Józefa Tokarewicza—mieszczanina Kobryńskiego, w dekrecie pierwszym inserowaną, mieniąc o to: iż gdy żałuiący w roku 1695 w święta świętego Mateusza, iako kupiec z różnemi towarami był na iarmarku w mieście Łowiczu, na którym mieyscu był y sławetny Gabryel Dymitrowicz z towarami, iako kupiec, u którego tenże żałuiący niektóre pokupował towary y kupieckie zabrał siabrostwo y confidentią, vigore którey to confidentiey y siabrostwa kupieckiego przerzeczony Gabryel Dymitrowicz—woyt iurysdyki podzameckiey, mieszczanin Bielsky, u żałuiącego wpraszał się, ażeby w iego stancii mógł nocować, który na

to chętnie pozwoliwszy, w stanciey swoiey noclegu bezpiecznie z nim zażywszy braterskiego, zwieczora conwersatiey noclegowali z sobą, y gdy żałuiący dobrze się uspał, tedy obżałowany Gabryel Dymitrowicz — woyt iurisdiki podzameckiey Bielskiey, nie pomniąc na wstyd y na honor mieszczański y kupiecki, w same pierwospy się do krobie żałuiącego, zdarłszy zamknięcie, pieniądze w talerach twardych wyiął. A zatym Bóg wszechmogący ze snu cudem swoim Bozkim ocuciwszy, przestrzegł y pokazał szkodnika, iż żałuiący porwawszy się z pościeli, a usłyszawszy dzwięk talerowy, namacał w nocy człowieka przy krobie stoiącego y porwawszy onego za rękę, zawołał wielkim głosem, iako będąc przestraszony: ktoś ty iest, po kilkakrotnie, aż Gabryel Dymitrowicz — woyt iurysdiki Bielski, iako siabr odezwawszy się, powiedział, żem to ia iest, mnie diabeł do twoiey, Józefie, a móy miły siabrże, krobie y pieniędzy pobudził. A w tym czasie, gdy Bóg wszechmogący oświecił, tedy żałuiący rzucił się do pieniędzy, aż w krobie pięćdziesięciu talerów twardych, co tylko wspomnieć mógł, niemasz, y gdy wielki lament y płacz żałuiący iuż po dniu uczynił, zbiegli się różni kupcy, a mianowicie sławetny pan Andrzey Jachimowicz y szwagier iego pan Jan Buda y inni około legowiska iego naleźli coś pieniędzy y oraz strofować onego, iako winowaycę przylicznego, poczęli, a w tym czasie żałuiący do imć pana sędziego iarmarkowego tamecznego pobieżeć chciał y tę krzywdę swoią opowiedzieć y dowieść chciał. Tedy sławetny pan Andrzey Jachimowicz, z szwagrem swym Budą, zażywszy compassiey nad honorem kupieckim, iść żałuiącemu nie dopuścili, obiecuiąc, że wszystkim stanie się restitucya od Gabryela y za niego się ręczyli. Ten niezbożny człowiek, miasto restituciey z gospody kryiomo wyiechał, po którym wyiechaniu żałuiący chciał bieżeć do sędziego, zaś go nie dopuścili, powiedaiąc: dla Boga nie osławiay kupiectwa, a to niemiey zkąd iest, pewnie cię uspokoi. I tak do tego czasu ani restituciey, ani uspokoienia niemasz, zaczym miasto zysku y handlu swoiego przyiechawszy do domu, zalawszy się łzami, do magdeburga Kobryńskiego zaniosłszy protestacyą per oblatam do Bielska, ubi bona consistunt podał, za które to protestant za nieszczęśliwymi zamieszaninami, które teraz w rzeczypospolitey dotąd zostaią, dochodzić żałuiącemu nie przyszło. O to tedy pozwem żałuiący zapozwał, a za żałobą pana Andrzeia Jachimowicza mieniąc, iż swóy dobry affect wyświadczywszy, wziął na parękę w Łowiczu, a obżałowany nie dotrzymawszy słowa swego, uiechał nocnym sposobem. Zatym o peny prawne y szkody do przyięcia w samey rzeczy skuteczney rosprawy, do poparcia żałoby pana Gabryela Dymitrowicza, a za niepopieranie do skasowania oney w pierwszym dekrecie naszym wyrażony, do przysłuchania inquisitiey w tey sprawie odprawioney, do którey sprawy za przywołaniem przez ienerała stron do prawa od actorów umocowany onych za mocą, ustnie sobie zleconą, przy bytności actorów swoich, imć pan Theofil Kazimierz Ruscyc do prawa stanowił, a pozwany Gabryel Dymitrowicz do prawa nie stanowił, ani żadney wiadomości o niestaniu swoim nam urzędowi y stronie swey przeciwney nie uczynił. Zatym tenże plenipotent actorów termin tey sprawy dekretem oczewistym dowiodłszy wzdania pozwanego pana Gabryela Dymitrowicza — mieszczanina Bielskiego, na upad w samey rzeczy, na gardło, na łapanie, oraz y infamią, summy pokradzioney trzechset

złotych talarami, sowito sześciuset tynfów, za podięte w tey sprawie koszty złotych pięćset, na pozwanym panu Gabryelu Dymitrowiczu y wszelkich dobrach onego leżących, ruchomych, summach pieniężnych, gdziekolwiek u kogokolwiek będących, actorom wskazania u nas sądu prosił y domawiał się. W którey sprawie, iż obżałowany sławetny Gabryel Dymitrowicz — mieszczanin Bielski, będąc o to prawnie pozwanym przed nami do prawa nie stanowił, przeto my sąd pozwanego Gabryela Dymitrowicza, iako prawa nieposłusznego, w roku zawitym, na upad w samey rzeczy wzdaiemy, a wedle prawa y domawiania się plenipotenta strony powodowey, za pokradzenie pieniędzy sławetnemu Józefowi Tokarewiczowi trzechset złotych talerami bitemi, sowito sześćset tynfów, za podięte szkody złotych pięćset na obżałowanym sławetnym Gabryelu Dymitrowiczu — mieszczaninie Bielskim y wszelkich dobrach onego leżących, ruchomych summach pieniężnych, gdziekolwiek y u kogokolwiek będących, u samego obżałowanego Gabryela Dymitrowicza, za pokradzenie pieniędzy na iarmarku Łowickim, na garło, na łapanie, a dla snadnieyszego poścignienia, stosuiąc się do ordinatiey trybunalskiey, na infamią sławetnemu panu Józefowi Tokarewiczowi y panu Andrzeiowi Jachimowiczowi — mieszczanom Kobryńskim, wskazuiemy, oraz dnia dziewiątego Apryla przez ienerała sądowego pana Jana Malickiego, obżałowanego Gabryela Dymitrowicza proclamować naznaczamy. A gdy dzień dziewiąty praesentis przypadł, tedy ienerał szlachetny pan Jan Malicki, czyniąc dość dekretowi naszemu, wyszedłszy z izby sądowey, obżałowanego pana Gabryela Dymitrowicza za infamisa proclamował y tę proclamatę urzędownie zeznał. A za wyż mianowany wskaz, to iest, za tysiąc sto tynfów na wszelkich dobrach pozwanego leżących, ruchomych, pod którym się urzędem pokażą, żałuiącym actorom porządkiem prawnym przychodzić do exekucyi wolność zostawuiemy, a żałobę pozwanego Gabryela Dymitrowicza, iako niesłuszną, wiecznie kasuiemy y anihiluiemy. Która sprawa, iako się agitowała, iest do xiąg mieyskich Kobryńskich prawa magdeburskiego przyięta y zapisana, z których y ten dekret pod pieczęcią mieyską y z podpisem ręki pisarskiey stronie potrzebuiącey iest wydan. Pisan anno et die et supra.

1709 г.

Изъ книги за 1664—1769 г., стр. 125.

11. Судебное опредѣленіе надъ Кобринской мѣщанкой Аполлоніей Павловичовой о колдовствѣ.

Въ очередное засѣданіе магистратскаго суда разсматривалось дѣло о колдовствѣ Кобринской мѣщанки Аполлоніи Павловичовой. Сначала Аполлонія запиралась въ своемъ преступленіи, но потомъ созналась, что, по наущенію одной женщины изъ Чернавчицъ, она посовѣтовала

дѣвицѣ Марьянѣ Геричовой умыться разными вѣтками и цвѣтками, чтобы ее любили молодцы; эти то вѣтки и цвѣты она закопала въ ночь на русскую Пасху возлѣ дома Герича, въ которомъ жилъ молодой парень. Судъ приговорилъ: подвергнуть преступницу 50 ударамъ на рынкѣ и заставить ее пролежать *крыжемъ* (крижемъ) всю обѣдню въ Кобринской Пречистенской церкви. Герича же обязать дать два фунта воску церкви св. Пречистой.

Roku 1709, miesiąca Maia 15 dnia.

Z odkładu sprawy sądziła się sprawa uczciwego Onufrya Sacewicza — mieszczanina Kobryńskiego, actora, z pozwaną y oraz którą podał do więzienia z licem Apolonią Kuszelowną—żonę Stephana Pawłowicza, która zakopała pod chlew actorów na Wielkanoc russką z różnych drzew, gałązek z kwiatem y kość iedna wielka, a drugie kości małe . . . . *) gdzie ta będąc podana do więzienia z licem Apolonia ynaczey zeznawała, a teraz na tey kadentiey. . . . . . . niewolnica będąc pytana przed sądem ynaczey zeznała, która zeznała się y powtórnie do tego drzewa zakopała . . . . kości się nie znała y to zeznała, że na tenczas przy pierwszym pytaniu dla niesławy córki Maryanny Jana Herycza — mieszczanina Kobryńskiego nie powiadała, która to Maryanna tym drzewem umywała się, a że iey tey Apoloniey z więzienia na parękę nie chciał wziąść Jan Herycz, tedy teraz zeznała, że ią tąż Apolonią nauczyła Baranowska z Czarnawczyc—kowalicha na to, żeby dziewkę młodzieńcy lubili, która obmywszy się tym drzewem z kwiatem na Wielkąnoc russką pierwszego dnia przed słońcem wschodu taż Maryanna, córka Herycza, a ta Apolonia zaniosła w iedney koszuli przed wschodem słońca y zakopała pod chlew tegoż Onufra, żeby brat tegoż Onufrya, młodzieniec, co lubił tąż Maryannę, córkę Heryczową, gdzie dali actor w swoiey żałobie nie dowodził niczym, albo broń Boże, żebym miał mieć iaki wypadek z obory przeto albo w domu. A tak sąd wysłuchawszy kontrowersiey oczewistey, ponieważ że ta Apolonia tak wielkiego święta Wielkanocnego nie uszanowała y znała się do tego zakopania drzewa y za powtórnym pytaniem zeznała, że to dla dziewki córki Maryanny Jana Heryczowy uczyniła, żeby ią lubili młodzieńcy, za czym taż Apolonia Pawłowiczowa ma leżeć krzyżem w cerkwi przez mszą świętą u świętey Przeczystey w przyszłą niedzielę przez iednę, a za te zakopanie publiczną karę, w rynku przed ratuszem, to iest plag pięćdziesiąt postronkiem, a po uczynioney świętey sprawiedliwości ma być wolna z więzienia. A ponieważ że się to stało w domu Jana Herycza, za ten nieporządek, o którym wiedziała y córka Jana Herycza Maryanna, tedy tenże pomieniony Herycz powinien do teyże cerkwi świętey Przeczystey wosku dać funtów dwa y świece z niego zrobić y kartę powinien otrzymać od oyca cerkwi świętey Przeczystey na to, żeby to doszło na niedzielę teraźnieyszą przyszłą, co maią uczynić na terminie naznaczonym pod winą kop dwie na urząd przynależny. A ieśliby się co na potym pokazało na Apolonią Stephanową przeciwko domu Onufryowego, lub też komu innemu z iey okazyiey, tedy mu w tym y każdemu salvę zachowuiem, czym się strony kontentowały obie. Co iest zapisano do xiąg.

*) Мѣста обозначенныя точками, вылиняли и не могли быть прочтены.

1709 г.

Изъ книги за 1664—1769 годы, стр. 134.

12. Опредѣленіе Кобринскаго магистрата по дѣлу между ратманомъ Станиславомъ Слупскимъ и лавникомъ Карпомъ Олексѣевичемъ объ оскорбленіяхъ.

Ратманъ Слупскій внесъ въ магистратъ жалобу на лавника Карпа, что будучи посланъ бурмистромъ для собиранія поруба, онъ встрѣтилъ въ домѣ Карпа сопротивленіе и подвергся ругательствамъ отъ самого Карпа и его жены. Судъ приговорилъ: жена должна дать въ двѣ церкви 3 ф. воску, а мужъ долженъ высидѣть два дня подъ арестомъ.

Roku 1709, miesiąca Julii 17 dnia.

Sądziła się sprawa sławetnego pana Stanisława Słupskiego — raycy Kobryńskiego, actora, z pozwanymi sławetnymi Kasprem Olexieiowiczem, ławnikiem bywszym y żoną iego, o zelżenie słowami nieuczciwymi, gdzie actor dowodził, iż będąc posłany od pana burmistrza porub wybierać z poborcami, przyszedłszy w dom Karpa Olexieiowicza upominaiąc się porubu, którego nie chciano dać, tedy actor kazał pograbić, pozwani nie dali się grabić, ale się porywali bić y słowami wprzód poczęła lżyć żona Karpa Olexieiowicza, actora, którey konfuzyiey swoiey actor dowodził świadkami. Pozwani stawali, iakoby nieznaiąc się do tego, ale się uskarżał Karp Olexieiowicz, iakoby mu żonę miał łaiać actor y zamek kazał odbić. Sąd w tey sprawie wysłuchawszy obu stron z oczewistey kontrowersiey: ponieważ się pokazało ze świadków, że żona Karpa Olexieiowicza nie chciała porubu dać y grabieży broniła y lżyła actora słowy nieuczciwymi, że kazał grabież brać, za nieoddanie porubu, za co, według prawa, powinnaby żona Karpowa siedzieć w kunie; ale respectuiąc sąd na to, że iey mąż był w urzędzie, w nagrodę tego, powinna dać wosku funtów trzy do dwóch cerkwi, to iest, półtora funta do świętey Przeczystey, a półtora do świętego Piotra y Pawła, na co y kartę powinni otrzymać od tychże kapłanów tychże cerkwi, że ten wosk oddano. A że sam Karp Olexieiowicz był przy tym, iak żona iego lżyła actora, ieszcze y sam dopomagał, a żony swey nie powściągał, ma za to dwa dni siedzieć w alkierzu, co instante powinien zasieść nie schodząc z ratusza y publiczną deprecatią powinni oboie uczynić actorowi przed sądem. A w niedosyć uczynieniu temu dekretowi albo li też, żeby się która strona na przeciw którey strony w dalszy czas miała targnąć słowy nieuczciwymi, za przeświadczeniem godnych ludzi, naznaczamy na imć pana woyta winy kop pięć y wosk, żeby przed niedzielą był oddany. Czym się strony obie kontentowały.

1709 г.

Изъ книги за 1664—1769 годы, стр. 137.

13. Жалоба Кобринскаго мѣщанина Антона Семеновича на мѣщанъ Ивана и Григорія Васильевичей, на Онуфрія Сацевича и Карпа Алексѣевича по поводу нанесенныхъ ими побоевъ въ корчмѣ въ пьяномъ видѣ.

Roku 1709, miesiąca Augusta 27 dnia. Przed urzędem miasta i. k. mści Kobrynia, sławetnym panem Andrzeiem Jachimowiczem—burmistrzem Kobryńskim, czynił opowiadanie y solenniter protestował się uczciwy Anton Semenowicz—mieszczanin iurysdyki w Bogu przewielebnego imć xdza Puchalskiego, plebana Kobryńskiego, na sławetnych pana Jana Wasilewicza—raycę bywszego y Hrehorego Wasilewicza—raycę teraźnieyszego y na Onufrya Sacewicza—ławnika tegorocznego y na Karpa Olexieiewicza—ławnika bywszego, mieszczan Kobryńskich miasta i. k. mści, o to y takowym sposobem: Naprzód, iż obżałowani, przepomniawszy boiaźni Bożey y srogości prawa, kary y win na takich w prawie opisanego, siedząc sobie żałuiący spokoynie u niewierney żydówki Rynki, w sieniach, kazał sobie wódki dać z Mikołaiem Kaluchowiczem, spokoynym także człowiekiem, nie spodziewaiąc się żadney zdrady y boiu, ponieważ z nikim nie miał żadnego zayścia y okazyiey ku temu nie dał nikomu, aż obżałowani Jan Wasilewicz y Hrehory Wasilewicz y Onufry Sacewicz y Karp Olexieiewicz, iako ludzie niespokoyni y z dawnych czasów zapamiętali, zawołali do izby Mikołaia Kaluchowicza bez żadney okazyiey y rozmowy, prawie zdradziecko, upiwszy się, zaraz mu piwem oczy zaleli y potym go poczęli bić y mordować. W tym przychodzi do nich żałuiący Anton Siemenowicz, mówiąc do nich łagodnemi słowy y prosząc obżałowanych, aby nie zabiiali y nie mordowali nic niewinnego człowieka; a w tym czasie nie mogąc dosyć swoiey zawziętości uczynić nad Mikołaiem Kaluchowiczem z tym impetem na niego wszyscy obżałowani skoczyli, iako iacy zapamiętali, porwawszy Antona Semenowicza, żałuiącego, za łeb o ziemię uderzywszy, okrutnie zbili kyimi, skaleczyli, zmordowali, kości poprzebiiali, włosy z głowy powyrywali, po ziemi włócząc y gdyby ludzkiego ratunku nie było, podobnoby żałuiącego albo zabili, albo wiecznym kaleką uczynili, gdyż się iuż byli na to zasadzili y mieli to wykonać samą rzeczą, iakoż do tego czasu ieszcze się tym chlubią codzienne czyniąc pochwałki.

O czym szerzey relatia ławnicza świadczy, tak się w sobie ma: Roku Pańskiego tysiącznego siedmsetnego dziewiątego, miesiąca Augusta dwudziestego siódmego dnia, ia niżey na podpisie wyrażony czynię wiadomo tą moią relatią, iżem był użyty w dom uczciwego Antona Semenowicza na oglądanie pobicia y zbicia onego samego, tam za przybyciem moim, u któregom widział razy tyrańskie zbite, to iest, na głowie znaki krwawe, spuchłe, krwią naciekłe, kiiem pobite, na czele rana kiiem rozbita, krwią naciekła, twarz poszarpana, plecy wszytkie potłuczone, znaki krwawe, sinie, spuchłe, kiiem potłuczone, po nogach

także znaki krwawe, spuchłe, sinie, kiiem potłuczone, niemiłosiernie wszytek pobity, owo zgoła tyrańsko zbity, skaleczony y zmordowany; a to pobicie stało się w domu niewierney żydówki Kobryńskiey Rynki, które to pobicie mianował sobie być stałe od sławetnych pp. Jana Wasilewicza y Hrehorego Wasilewicza, Onufrya Sacewicza, Karpa Olexieiewicza. Jam co widział y słyszał z ust pomienioney osoby, wydaię tę moią relatią z podpisem mey ręki własney.

U tey relatiey podpis ręki tymi słowy: Konstanty Sewerynowicz — ławnik miasta i. k. mści Kobrynia. O te wszytkie praetensie, chcąc sobie prawnie postąpić, uczciwy Anton Semenowicz z sławetnymi pany Janem Wasilewiczem — raycą bywszym y Hrehorym Wasilewiczem — raycą teraźnieyszym y Onufrym Sacewiczem—ławnikiem teraźnieyszym y Karpem Olexieiewiczem—ławnikiem bywszym, dał te opowiadanie do xiąg mieyskich Kobryńskich prawa magdeburskiego za susceptą burmistrzowską zapisać. Co iest przyięto y zapisano.

1709 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 138—139.

14. Опредѣленіе Кобринскаго магистрата по дѣлу Самуила Ярмоховича— ратмана и Ивана Яцевича о прелюбодѣяніи сего послѣдняго.

По жалобѣ ратмана Самуила Ярмоховича на Ивана Яцевича и собственную жену въ незаконномъ сожительствѣ, судъ, разслѣдовавши дѣло, постановилъ: Яцевича подвергнуть тѣлесному наказанію 100 ударамъ посторонками, а въ случаѣ повторенія жалобы — казнить смертію; жену же подвергнуть трехдневному аресту *въ кунѣ* и въ теченіи четырехъ недѣль обязать въ церквахъ лежать крыжемъ (крестомъ), а въ случаѣ продолженія распутной жизни—казнить смертію. Такое снисходительное наказаніе назначено виновнымъ вслѣдствіе болѣзни ратмана.

Roku 1709, miesiąca Septembra 6 dnia, przed urzędem miasta i. k. mci, imścią panem Marcinem Onichimowskim — lantwoytem Kobryńskim y sławetnymi panem AndrzeiemJachimowiczem—burmistrzem y pany Stanisławem Słupskim, Jerzym Korniłowiczem, Hrehorym Wasilewiczem — raycami y ławnikami y całym magistratem Kobryńskim miasta i. k. mci, tudzież y przy bytności sławetnych panów Hrehorego Szyszkiewicza, Józepha Archimowicza— burmistrzów starey rady y pana Hrehora Eliaszewicza — raycy bywszym, od nas całego magistratu do tey sprawy uproszonych, sądziła się sprawa z odkładu sławetnego pana Samuela Jarmochowicza—raycy bywszego, actora, z osadzonemi y do nas urzędu podanemi do więzienia o cudzołostwo, to iest, Janem Karłowskim alias Jacewiczem — obywatelem Kobryńskim, także y z żoną swoią Udocią Hordziewiczową Samuelową Jarmochowiczową—raycową bywszą. Stawał actor y zeznawał, że okazyey żenie swoiey nigdy nie dawał do tego uczynku y nigdy iey nie widział na tym uczynku, tylko

iednego czasu przyszedłszy z miasta zastał ich zamknionych ...... *) Jana Jacewicza y żonę swoią u siebie w domu, ale uczynku żadnego nie widział; drugi raz także z Tewelów powróciwszy na ś. Wasila, Jarmochowicz zastał Jacewicza y żonę swoią biesiadę czyniących alias piiących u siebie w domu; trzeci raz tenże actor powiedał przed sądem, że na iarmarku na ś. Spasa, w Kobryniu odprawuiącym się, tenże Jacewicz po białogłowsku ubrawszy się chodził; zeznawszy to pomieniony actor przed sądem, sprawy swoiey odstępuie, y nie instygował na żonę swoią, ale ią wolną czyni, biorąc w tey sprawie sobie na dalszą deliberatią, ieżeli się poprawi, albo nie, ieżeliby się w tym uczynku nie miała poprawić y nie poprzestać tego, tedy obligował się do sądu do należytey exekucyi sądowey onę podać, przy którey sprawie submitował się y ręczył Jan Hordzieiewicz—brat iey rodzony, mieszczanin iurydyki imć pana Piotra Guzelfa — skarbnika Wiłkomierskiego, w tym, że na zdrowiu pewien może być Samuel Jarmochowicz od żony swey, a siostry iego, także y za daniem znać, ieżeliby Samuel Jarmochowicz miał co postrzedz nierządnego po swoiey żenie, aby w naymnieyszym podobieństwie iakiegokolwiek uczynku lub też y nieposłuszeństwa małżeńskiego, tedy powinien za to Jan Hordzieiewicz siostrę swoią napominać y karać, a ieżeliby tego potrzeba było, tedy y do sądu należytego obligował się onę postanowić. Ratione zaś Jana Karłowskiego alias Jacewicza, y na tego actor nie instygował, ale go wolnym czyni, iednak go w tym sądowi, podaie do należytego rozsądzenia w tey sprawie. Obwiniony Jan Karłowski alias Jacewicz, stawaiąc swoią osobą przed sądem, znał się do tego, że natenczas iak byli w Jewni, miał społeczność z żoną Samuela Jarmochowicza pierwszy raz, także y drugi raz znał się do tego, iak z Tewelów powrócił Samuel Jarmochowicz, że biesiadował w domu u niego y pił z żoną iego, ale społeczności uczynku żadnego nie było; trzeci raz także znał się do tego, że był na iarmarku na ś. Spasa tu w Kobryniu po białogłowsku ubrany, ale żadney społeczności nie miał z żoną Jarmochowiczową, bo nie przyszło do tego, tylko mu niektóre fanty żona Jarmochowiczowa z workiem do ogrodu przyniesła sama y oddała. Sąd w tey sprawie wysłuchawszy stron z oczewistey kontrowersiey, że się znał obwiniony do tych uczynków wyżey wyrażonych, a aktor tey sprawy odstępuie, tylko do sądu podaie Jana Jacewicza y nie instyguie na niego; a lubo by w tey sprawie według prawa opisanego, żeby gardłem za ten exces powinien być karany, a że instygatora niemasz, tedy sąd widząc obrazę Bozką y przestąpienie Bożego przykazania, y zabiegaiąc dalszym takowym swywolom y rosterkom, nakazuie, ażeby Jan Jacewicz odniósł publiczną karę, to iest, w rynku przed ratuszem postronkiem plag sto, a w dalszy czas, ieżeliby się ważył tego uczynku y społeczności z tą wyżey pomienioną Samuelową Jarmochowiczową, żeby kto miał przeświadczyć, lub z nią mówiącego na iakimkolwiek micyscu potaiemnym, lubo niepotaiemnym, tedy gardłem ma być karany. Ratione zaś pomsty iakieykolwiek tu w mieście Kobryniu lub gdziekolwiek, komuby ieno mogła być przez tegoż Jana Jacewicza, w tym ręczyli się y assekurowali oyciec iego Jac Archimowicz y z synem swoim starszym Iwanem, że tego nie uczyni, a ieżeliby się ważył pomstę iaką czynić, tedy ciż

*) Одно слово вырвано.

pomienieni Jacewiczowie powinni za to odpowiadać y onego, ieżeliby tego była potrzeba, do sądu należytego maią postawić. W sprawie zaś żony Samuela Jarmochowicza, lubo ią mąż uwalnia y do łaski małżeńskiey przypuszcza, względem niedołężności y kalectwa swego, także y za wniesioną prośbą do sądu przez brata iey Jana Hordzieiewicza, ponieważ assekurował się y ręczył się za siostrę swoią o poprawie, w dalszy czas żyć w zgodzie małżeńskiey, tak y na zdrowiu, żeby był bezpieczny, Samuel Jarmochowicz, a mąż iey, od żony swoiey; sąd uwolniwszy ią od publiczney kary y plag pośród rynku, iednak dla występku swego y Bożego przykazania przestąpienia, a ponieważ się sama do tego uczynku dobrowolnie znała, nakazuie ażeby żona Samuela Jarmochowicza w kunie przy ratuszu przez dni trzy stała za szyię, także każdey niedzieli przez niedziel cztery w każdey cerkwi przez mszą świętą śpiewaną krzyżem leżeć ma. Które więzienie ex nunc zaraz nie schodząc z ratusza, powinna zasieść; a w dalszy czas, ieżeliby się tego uczynku ważyła, lub z tym Jacewiczem, lub y też z kim inszym, albo z nim rozmawiać miała, tak widomie, lub na potaiemnym mieyscu, a za przeświadczeniem godnych ludzi, tedy gardłem ma być karana, w czym pomieniony Jan Hordziewicz powinien onę we wszystkim napominać y karać według assekuratiey swoiey, a ieżeliby tego potrzeba było, tedy powinien żonę Samuelową, a siostrę swoią, do sądu należytego postanowić, a ieżeliby tego nie nczynił, tedy sam tey karze y sądowi podlegać ma,— czym się strony kontentowały. Co iest zapisano do xiąg mieyskich Kobryńskich.

1709 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 144.

15. Заявленіе судьи земскаго Криштофа Грабовскаго на сына своего Осипа Грабовскаго и на франциска и Осипа Захаревичей о похищеніи у него денежной суммы.

Брестскій земскій судья Грабовскій жалуется на своего сына и другихъ шляхтичей, что они, во время его болѣзни, подговорили его слугъ украсть шкатулку съ деньгами, которыхъ было до 20,000 въ золотѣ и серебрѣ, потомъ деньгами завладѣли, а слугъ куда-то упрятали.

Roku tysiąc siedmsętnego dziewiątego miesiąca Octobra dwudziestego dnia.

Przed urzędem miasta i. k. mości, sławetnym panem Andrzeiem Jachimowiczem—burmistrzem Kobryńskim, stanąwszy oczewisto imć pan Jan Tokarzewski — sługa wielmożnego imć pana Krzysztofa Grabowskiego—sędziego ziemskiego woiewodztwa Brzeskiego, tę protestatią o rzecz w niey niżey wyrażoną do susceptu pokładał y do act mieyskich Kobryńskich prawa magdeburskiego podał, która iest przyięta y zapisana, słowo do słowa tak się w sobie ma:

Żałował się y solenniter protestował się imć pan Krzysztof z Kobylnicy Gra-

bowski — sędzia ziemski woiewodztwa Brzeskiego, na niechętnego y podstępnego syna swego iegomći pana Józepha Grabowskiego — horodniczego woiewodztwa Brzeskiego y na ichmściów Franciszka y Józepha Zacharowiczów, o to y w ten sposób: yż w roku teraznieyszym tysiąc siedmsetnym dziewiątym, miesiąca Octobra dziesiątego dnia, ichmść obżałowane osoby, będąc iednostayney rady y namowy z sobą, na wielką szkodę y zgubę imć pana Krzysztopha Grabowskiego—sędziego ziemskiego Brzeskiego, widząc bardzo chorego, prawie na śmiertelney pościeli leżącego, namówiwszy y subordynowawszy chłopca na imię Mikołaia Kozłowskiego y Jerzego Kozaka—poddanych y wychowańców imć pana Krzysztopha Grabowskiego — sędziego ziemskiego Brzeskiego, do takowego bezbożnego zapamiętałego uczynku, którzy to wyż mianowane osoby, chłopiec y kozak, widząc żałuiącego imć pana sędziego ziemskiego barzo schorzałego, którzy ustawicznie pilnowali y przy żałuiącym sypiali, tedy będąc subordynowani od imć pana horodniczego y ichmw panów Zacharowiczów do takowego bezbożnego uczynku, w nocy wziąwszy szkatułę z pod łóżka, odemknęli y wzięli dwadzieścia tysięcy w dobrey monecie, w złocie, w talarach, a resztę w kopiykach y łańcuch złoty ważący trzydzieści czerwonych złotych, tę wszystką summę y łańcuch oddali do imć pana Józepha Grabowskiego—horodniczego Brzeskiego y ichmćw panów Zacharewiczów, którzy na ten czas w tey że maiętności Witorożu byli, którzy to ichmć obżałowane tę summę od onych zdrayców y łańcuch odebrawszy, samych zdrayców gdzieś daleko zasłali, o których sami ichmć obżałowani lepiey wiedzą. O co wszystko żałuiący imć pan Krzystoph Grabowski—sędzia ziemski Brzeski, chcąc z obżałowanemi prawnie czynić y tych szkod y summy dochodzić, na dobrach ichmw, dał tę swoią solenną protestatią do xiąg mieyskich Kobryńskich prawa magdeburskiego zapisać. Co iest przyięto y zapisano za susceptą burmistrzowską y extrakt imć panu Krysztophowi Grabowskiemu z pieczęcią mieyską y z podpisem ręki pisarskiey iest wydano.

1710 г.

Изъ книги за 1664—1769 годы, стр. 152.

16. Право на священство, данное епископомъ Перемышльскимъ Юріемъ Винницкимъ бурмистру г. Кобриня Осипу Архимовичу.

Перемышльскій епископъ Винницкій доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что онъ даруетъ право священства бургомистру г. Кобрина Архимовичу, который отличается особенною религіозною ревностію, и разрѣшаетъ ему открыть особый алтарь въ церкви Пресвятой Богородицы. Этой же церкви бургомистръ обѣщаетъ оставить послѣ себя свою землю и церковную утварь.

Roku 1710, miesiąca Februarii 6 dnia. Przed urzędem miasta i. k. mści Kobrynia, wielmożnym imć panem Ambrożym Kazimierzem Kościuszkiem-Sechno-

wickim—podczaszym Owruckim, Kobryńskim y Horodeckim woytem, ta praesenta od kapituły Brzeskiey cerkwi katedralney świętego Mikołaia do suscepty pokładana była y do xiąg mieyskich Kobryńskich magdeburskich podana przez sławetnego pana Józefa Archimowicza—burmistrza y lantwoyta bywszego miasta i. k. mści Kobrynia, która iest przyięta y zapisana słowo do słowa, tak się w sobie ma:

Jerzy Winnicki, z Bożey y stolicy ś. apostolskiey łaski Przemyślski, Samborski, Sanocki episkop, administrator metropoliey wszytkiey Rusi w iedności ś. tudzież Włodzimierskiey, Brzeskiey episcopii administrator, Dermański, Dubieński archimandryta. Przewielebnym, wielebnym protoprezbiterom, parochom do dioecezyey Brzeskiey należącym, tudzież sławetnym panom parochianom Kobryńskiey ś. Przeczystey cerkwi, y komu o tym wiedzieć należy, czynię wiadomo, iż kiedy sławetny pan Jozeph Archimowicz—burmistrz starey rady Kobryńskiey, zapalony miłością ku Panu Bogu y Matce Przeczystey, dla zbawienia duszy swoiey, ku czci Ich życie swoie ofiaruie na usługi Bozkie, żądaiąc być ucharakterowanym godnością kapłaństwa przy iedney altaryey ołtarza Nayświętszey Panny cudowney. cerkwi Kobryńskiey, pod tytułem Narodzenia Nayświętszey Panny, na ufundowanie akafistu teyże Matce Bozkiey, wiecznemi za żywota y po śmierci iego czasy dotąd niebywałego, co sobota, zrania nadać ma, z przyznaniem y wlewkiem prawa wolny grunt stu złotych wart, nadatek swóy własny dziedziczny, wolny od wszelkich ciężarów, o miedzę pana Marka Puchlakowicza z iedney, a z drugiey strony tegoż pana Archimowicza, tylko do śmierci usum sobie rezerwuiąc, akafist iednak exolwuiąc przy inney administracyey straszney ofiary Bozkiey y innych sakramentów, sine praeiudicio bonis mobilibus et iuribus parochialibus, tam teyże cerkwi (chybaby tak Bogu podobało się) y z swym kielichem śrebrnym y apparatami cum reparatione altaris y co możność cerkwi swoim własnym kosztem, żyiąc tę usługę ofiaruie, a post fata ten nadatek na akafist y pomieniony splendor leguie wieczysto cerkwi, na co dana iest assekuratia;—więc kiedy producowane są y listy originalne nieboszczykowskie metropolitańskie, to y więcey pozwalaiące z władzy urzędu mego sobie do super danego nad tą dioecezią Brzeską piis desideriis annuens nie tylo pozwalam ordines sacros starać się do tey altaryey Kobryńskiey cerkwi na budynki gruntu udzieliwszy cerkiewnego, ale y dopomoc obligor, non obstante ulla renitentia iniusta, dla waloru przy pieczęci katedralney stwierdzam w katedrze ręką własną roku y dnia trzeciego ut supra Februarii. U tey praesentii podpisy rąk tymi słowy podpisane: xiądz Stephan Kwaszyński, surrogator officiał dioecezyi Brzeskiey mp.; O. Nestor Wotkowicz p. s.; Michałowski—regent katedralny ręką swą. Jest w xięgach, anno 1710. Co iest do xiąg mieyskich Kobryńskich prawa magdeburskiego za susceptą wielmożnego imć pana woyta przyięto y zapisano. Extract wydany.

1710 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 11.

17. Заручный листъ Брестскаго старосты Ивана Фридриха Сапѣги, служащій Казиміру Глинскому.

Брестскій староста Иванъ Фридрихъ Сапѣга сообщаетъ игумену Кобринскаго монастыря Пахомію Ольшевскому, что онъ совмѣстно съ другими монахами производитъ разныя насилія крестьянамъ въ имѣніяхъ Глинскаго—Кобельницѣ и Котовѣ, и предписываетъ ему впредь сего не дѣлать подъ зарукой 10,000 копъ литовскихъ грошей.

Roku tysiącznego siedmsetnego dziesiątego, miesiąca Julii 15 dnia.

Przed urzędem miasta i. k. mci Kobrynia, sławetnym panem Janem Kaszubą—burmistrzem miasta i. k. mci Kobrynia, ten list zaręczny o rzecz w nim wyrażoną, imć pan Kazimierz Gliński stanąwszy personaliter do suscepty pokładał y do act mieyskich Kobryńskich prawa magdeburskiego podał, który iest przyięty y zapisany słowo do słowa, tak się w sobie ma: Jan Fryderyk na Kodniu y Dorohostaiach Sapieha — starosta Brzeski, w Bodze wielebnemu imć xiędzu Pachomiusowi Olszewskiemu—starszemu monastyra Kobryńskiego świętego Spasa y wszystkim zakonnikom tegoż monastyra. Oznaymuię wm., iż dał nam sprawę imć pan Kazimierz Gliński y małżonka iegomci ieymść pani Teresa Popewska Glińska, iż wm. mimo wszelką słuszność maiętność Kobelnicę y Kotowkę, dobra w woiewodztwie leżące, actorom dziedzicznym prawem należące, niesłusznie zaymuiesz, budynki zabierasz, poddanych zaymuiesz, pszczoły powykurzywałeś; przeto z władzy urzędu mego starościńskiego przykazuię wmci y tym listem zaręcznym zaręczam, ażebyś wmć nie ważył się pomienionych dóbr Kobelnicy y Kotowki ruynować, poddanych tamecznych podatkami różnemi nie agrawował, budynków nie rozbierał, żadnych hibern z chłopów nie wybierał, pod zaręką dziesięciu tysięcy kop groszy litewskich, aż do rozprawy prawney te dobra w całości zachował, na co ten list zaręczny wydaię. Pisan w Kodniu, roku Pańskiego 1710, miesiąca Julii dnia dwudziestego. U tego listu zaręcznego podpis napisany ręką tymi słowy: Jan Fryderyk xiąże Sapieha. (L. S.).

1711 г.

Изъ книги за 1664—1769 г., стр. 537.

18. Письмо гетмана в. кн. Литовскаго Людовика Потѣя къ ловчему Браславскому Станиславу Райскому.

Священникъ Здитовецкой церкви, явившись въ магистратъ, предъявилъ письмо Людовика Потѣя, адресованное на имя Браславскаго ловчаго Райскаго, чтобы этотъ послѣднiй не захватывалъ церковной земли и возвратилъ назадъ заграбленную лошадь, и просилъ, чтобы въ огражденiе его правъ, это письмо было принято и внесено въ магдебургскiя книги.

Roku 1745, miesiąca Decembra 17 dnia. Na urzędzie i. k. mści magdeburii Kobryńskiey, przede mną Piotrem, Ant. Tadeuszem Kublickim—lantwoytem Kobryńskim, Horodeckim y pisarzem Onufryem Sacewiczem — burmistrzem Kobryńskim y całą przysięgłą zupełną ławicą, stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim wielebny imć xdz Jan Grudziński—prezbiter cerkwi Zdzitowskiey, list pisany od i. w. imć pana Ludwika Pocieia — horodniczego wielkiego xtwa Litewskiego do w. imci pana Stanisława Rayskiego — łowczego Brasławskiego, datowany z Bulkowa dnia 31 Januarii 1711 in faworem ś. p. imć xdza Jana Zdanowicza — antecessora swoiego, parocha Zdzitowskiego, że tenże imć pan Rayski do gruntów cerkwi Zdzitowskiey, za Muchawcem leżących, na uroczyszczu Kury nazwanych, począł się był wdzierać y grabić, a potym wraz za przeczytaniem tego listu odstąpił, do niegò się nie wracał y żadney prepedycyi nie czynił, które y teraźnieyszy imć xiądz Grudziński spokoynie z łąkami y lasami używa, prezentował y iako sobie służący y possesią tych gruntów zdawna funduszowych wzmiankuiący, w te słowa pisany ad acta podał:

Mości panie łowczy Bracławski, mój mości panie y bracie! Swieszczennik Zdzitowski skarżył mi się tu, że w. pan onemu włoki, do cerkwi należące, zabierasz y funduszu uymuiesz nienależycie, bo ieżeli w. m. pan iaką pretensią miałeś, toś powinien odezwać się do mnie samego, a wm. pan mimo mnie klacz temuż świeszczennikowi kosztuiącą złotych sto zagrabić kazał; upraszam tedy wmć pana, ażebyś do pomienionych gruntów interesować się nie chciał y zagrabioną klacz wrócić ią instanter kazał, co gdy wyrażam, piszę się wmci pana życzliwym bratem y sługą. U którego listu podpis ręki i. w. imć pana aktora temi się wyraża słowy: Ludwik Pociey—hetman wielkiego xtwa Litewskiego, z Bulkowa, dnia 31 Januarii, 1711. Superscripcia zaś na wierzchu w te słowa pisana: Imci panu Stanisławowi Rayskiemu — łowczemu Bracławskiemu y ichmość panu y bratu oddać należy.

Który to takowy list iest do akt magdeburskich miasta i. k. mści Kobryńskich przyięty y wpisany.

1711 г.

Изъ книги за 1664—1769 годы, стр. 175.

19. Донесеніе вознаго объ избитіи монаховъ Кобринскаго Спасскаго монастыря Домбровскимъ и Абрамовичемъ.

Возный Брестскаго воеводства симъ свидѣтельствуетъ, что онъ осматривалъ раны, нанесенныя монахамъ Кобринскаго Спасскаго монастыря Домбровскимъ и Абрамовичемъ во время рыбной ловли на Мухавцѣ; раны эти были видны по всему тѣлу отъ головы до ногъ; однѣ изъ нихъ нанесены были саблей, другіе огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Roku 1711, miesiąca Februarii 25 dnia. Ja niżey na podpisie ręki moiey mianowany ieneral i. k. mci woiewodztwa Brzeskiego, zeznawam tym moim relacyinym kwitem, maiąc ia przy sobie stronę szlachtę, panów Łozowickich Michała y Jana y Jakuba Przyłuckiego, z któremi byłem użytym od wielebnych w Bogu ocyów zakonników świętego Spasa, to iest, od samego imci xiędza Pachomiusza Olszewskiego, do klasztoru Kobrynia świętego Spasa na sprawę y potrzebę takową, yż roku teraznieyszego tysiąc siedmsetnego iedynastego, miesiąca Lutego dnia dwudziestego czwartego, byłem użytym, gdzie ia za przybyciem moim z tą pomienioną stroną szlachtą zastałem na pościeli w klasztorze leżących zakonników bardzo chorych, posieczonych, pobitych, imionami y nazwiskami ichmć iego mci xiędza Makariego Markiewicza, imci xiędza Genadiego Roszkiewicza, kapłanów tegoż zakonu świętego Spasa, których ocyów zakonników oglądałem rany posieczone, pobite, tyransko, niemiłosiernie, nieruszaiąc głowy, począwszy pleca, ręce aż do samych nóg zbito, skaleczono, oycowi Markiewiczowi nawet trzewiki szablą na sztuki porąbano, drugiemu oycowi Roszkiewiczowi także sutannę postrzelano w kilku mieyscach, dosić na tym, że tyrańsko, niemiłosiernie posiekli, oycowi Markiewiczowi palec odcięto w prawey ręce y nogę prawą na samey stopni, drugich mało nie potopili w rzece Muchawcu, bo to się działo to pobicie na własnych łaniach Muchawcu, gdziem te znaki widział, na którym mieyscu bito, sieczono. Które to takowe zabóystwo, posieczenie, pokaleczenie y Pan Bóg wie z tych takowych ran zbicia, ieżeli będą żywi, co szyrzey y dostateczniey iest w protestacyi dołożono. Które to skaleczenie, posieczenie tyrańskie, niemiłosierne zabóystwo mienili to sobie ichmć oycowie zakonnicy Spasa świętego, iegomść xiądz Olszewski być stałe, y zadane od iego mość pana Michała Dąbrowskiego y od iegomość pana Abramowicza, iako pomocnika, iegomość wie sam ymiona y nazwiska onych. Przy którey to sprawie będąc w oglądaniu, com widział y słyszał, na dowod tego wydałem tę moią relatię z pieczęcią y z podpisem ręki moiey y za pieczęciami strony szlachty natenczas przy mnie będących. Pisan roku, miesiąca y dnia zwyż mianowanego. Ta relatia iest do xiąg mieskich Kobryńskich podana y zapisana.

1711 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 192.

20. Жалоба Кобринскаго мѣщанина цехмистра Осипа Токаревича на бургомистра Андрея Яхимовича о нанесенныхъ ему побояхъ и другихъ обидахъ.

Кобринскій мѣщанинъ и цехмистръ скоряческаго цеха Токаревичъ жалуется на бывшаго бургомистра Андрея Яхимовича, что этотъ послѣдній, негодуя на него за участіе въ избраніи новаго бургомистра, воспользовался жалобой на него какого-то шляхтича, позвалъ въ цехъ и подвергъ его чрезмѣрному наказанію,— аресту, штрафу и лишенію права заниматься ремесломъ; потомъ подвергъ его еще побоямъ на рынкѣ.

Roku 1711, miesiąca Octobra 12 dnia.

Przed urzędem miasta i. k. mści Kobrynia, sławetnym panem Józefem Archimowiczem— burmistrzem, czynił opowiedanie y żałośnie się protestował uczciwy Józef Tokarewicz — cechmistrz cechu kusznierskiego, obywatel Kobryński, na sławetnego pana Andrzeia Jachimowicza—burmistrza, bywszego cechmistrza cechu krawieckiego, mieszczanina Kobryńskiego o to y takowym sposobem: Naprzód, iż obżałowany pan Jachimowicz, przepomniawszy boiaźni Bożey y srogości prawa, zawziąwszy do żałuiącego Tokarewicza, iakowąś niechęć przy obraniu na ten rok 1711 nowego magistratu, w domu wielmożnego imć pana woyta Kobryńskiego y Horodeckiego miast i. k. mści, z tey okazyiey, że kiedy iuż po obranym de novo urzędzie wielm. imć pan woyt pokazywał elekcią na woytowstwo Kobryńskie daną imć panu Sawickiemu y podpisaną przez kilku osób, na ten czas rzekł żałuiący Tokarewicz te słowa do wielmożnego imć pana woyta, żem się ia do tey elekcyi nie podpisował, chocem y ia cechmistrz; posłyszawszy te słowa mówiące, obżałowany pan Jachimowicz, zaraz pochwałkę y pogróżkę uczynieł, mówiąc te słowa: że ia tobie podpiszę, ale na skórze twoiey; gdzie żałuiący na te słowa nic nie odpowiedział, ale zamilk, iakoby tego nie słyszał. Czekaiąc tedy obżałowany pan Jachimowicz po tym przez niedziel kilka, iakoby się mógł zemścić tych słów na żałuiącym Tokarewiczu, zbiera bracią do cechu krawieckiego do siebie w dom, iako zwyczay cechmistrzowski, gdzie y po żałuiącego Tokarewicza posyłano, który żałuiący Tokarewicz przyszedł, iako zwyczay, do cechu, tam zaraz przeciw żałuiącemu Tokarewiczowi począł wynaydować sposób, iakoby się zemścić słów tych, które żałuiący wymówił przed wielmożnym imć panem woytem, zaraz żałuiącemu obżałowany pan Jachimowicz począł mówić: żeś ty źle skroił iukę imć panu Tyszy, którą robił sławetny Konstanty Sewerynowicz — ławnik Kobryński y zaraz żałuiącego począł sądzić sądem uciążliwym, według dekretu w cechu krawieckim ferowanego, dwa dni w kłodzie braterskiey siedzeniem y dziesięć funtów wosku y rzemiosła robić zabronieniem. Przeciwko któremu dekretowi tak uciążliwemu protestował się żałuiący Tokarewicz, ale obżałowany pan Jachimowicz, nieuważaiąc na to, sam z kiiem wyszedłszy, kazał żałuiącego za no-

gi gwałtem do kłody wsadzić y więzić, gdzie żałuiący Tokarewicz, widząc zawziętość przeciwko sobie obżałowanego pana Jachimowicza, wszytkę tę swoią konfuzyą y obelgę musiał cierpliwie ponosić. Teraz zaś znowu na dniu wyżey wyrażonym y roku, żałuiący Tokarewicz obaczywszy obżałowanego pana Jachimowicza, stoiącego w rynku, przyszedł do niego y począł go prosić łagodnemi słowy, mówiąc: panie cechmistrzu, proszę waszeci, ażebyś mi waszeć rzemiosła nie kazał zabraniać robić, gdyż to iuż ia niedziel trzy, iako z domu na żadną robotę nie mogę poiechać robić do różnych ichmścw panów szlachty, którzy nieraz, ale iuż kilkokrotnie po mnie przysyłaią, a waszeć mnie zabraniasz, bo iuż robotę u nich pozaczynałem robić, to mnie na potym zkonfunduią, a wszytko przez waszeci; ieżeli co będzie należało do cechu, to oddam iak zarobię, wszakem nie zbiegły człowiek, ani też dla tego uciekać nie będę. W tym czasie nie wiele myśląc obżałowany pan Jachimowicz zaraz kiiem żałuiącego Tokarewicza chciał uderzyć w głowę, ale się ręką założył, to go w rękę uderzył y dali począł bić y gonić z kiiem po rynku targowego dnia, gdzie żałuiący Tokarewicz musiał uchodzić od zawziętości obżałowanego. Ieszcze nie dosyć na tym, ale y słowy nieuczciwymi łżył y sromocił nazywaiąc z kurwy synem, pochwałki czyniąc na żałuiącego, że ieszcze się tobie dobrze dam we znaki, popamiętasz ty mnie y cechmistrzowstwo, iutroć każę odebrać; y braci cechu kusznierskiego niektórych pobuntował y zakazał im, ażeby żałuiącego za cechmistrza nie mieli y onego nie słuchali ni w czym y na schadzkę ażeby nie chodzili; iako o tym relatia ławnicza obszernie świadczy w te słowa pisana: Roku 1711, miesiąca Octobra 12 dnia, ia niżey na podpisie mey ręki wyrażony, czynię wiadomo tą moią relatią, iż byłem uproszony w dom uczciwego pana Józefa Tokarewicza—cechmistrza cechu kusznierskiego, na oglądanie pobicia onego samego. Tam tedy za przybyciem moim widziałem rękę prawą siną, spuchłą, krwią naciekłą, którą ledwo co mógł nią władać, znać kiiem uderzono y pobito. Które to uderzenie y pobicie mianował być sobie stałe od sławetnego pana Andrzeia Jachimowicza—burmistrza bywszego, w rynku publicznie, dnia targowego poniedziałkowego. Jam co słyszał y widział z ust wyżey pomienioney osoby, wydaię tę moią relatią z podpisem mey ręki własney. Pisan w Kobryniu, anno et die ut supra. U tey relatiey podpis napisany ręką tymi słowy: Naum Wasilewicz—ławnik Kobryński miasta i. k. mści. Chcąc sobie prawnie postąpić żałuiący Tokarewicz z obżałowanym panem Jachimowiczem o te wszytkie praetensie tak y o pochwałki, dał tę swoią protestacią do xiąg mieyskich Kobryńskich magdeburskich zapisać. Co iest przyięto y zapisano za susceptą burmistrzowską anno et die ut supra.

1711 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 193.

21. Жалоса Кобринскихъ мѣщанъ Осипа Токаревича, Онуфрія Сацевича и Ивана Подоровскаго на бургомистра Андрея Яхимовича о побояхъ и другихъ обидахъ.

Означенные въ этомъ документѣ мѣщане жалуются на бывшаго бургомистра Яхимовича по слѣдующему случаю: Когда подходило время Пасхи, то цеховой старшина скорняковъ Токаревичъ оповѣстилъ младшихъ цеховыхъ, чтобы они созвали цехъ на засѣданіе для взаимнаго соглашенія о выдѣлкѣ свѣчей для церкви; оказалось, что Яхимовичъ взбунтовалъ цехъ и когда Подоровскій явился къ Яхимовичу, то онъ заковалъ его въ колодки и подвергъ ругательствамъ, на Токаревича послалъ своихъ цеховыхъ, которые повыколачивали въ его домѣ окна и двери и пограбили имущество; при этомъ онъ запрещалъ скорнякамъ собираться на засѣданіе и произносилъ угрозы противъ истцевъ.

Roku 1711 miesiąca Octobra 27 dnia. Przed urzędem miasta i. k. mości Kobrynia, sławetnym panem Józephem Archimowiczem—burmistrzem, czynili opowiedanie y żałośnie się protestowali uczciwi Józeph Tokarewicz—cechmistrz cechu kusznierskiego y sławetny Onufry Sacewicz—rayca y brat cechu kusznierskiego y uczciwy Jan Podorozki—klucznik cechu kusznierskiego, mieszczanie y obywatele Kobryńscy, y imieniem swoim y imieniem całego cechu y wszystkich braci tegoż cechu kusznierskiego, na sławetnego pana Andrzeia Jachimowicza—burmistrza bywszego, cechmistrza cechu krawieckiego y na uczciwego Hryca Saweryca—klucznika krawieckiego cechu y na bracią młodszych tegoż cechu krawieckiego y kusznierskiego, iako pryncypałów, o to y takowym sposobem:

Naprzód iż, zawziąwszy iakowąś niechęć obżałowany pan Andrzey Jachimowicz naprzeciw żałuiącemu Tokarewiczowi pobuntował y zakazał obżałowany pan Jachimowicz młodszym cechu kusznierskiego, ażeby nie słuchali żałuiącego Tokarewicza, iako cechmistrza, ni w czym y żadnego posłuszeństwa onemu nie czynili, teraz zaś na dniu wyżey wyrażonym, żałuiący Tokarewicz, iako cechmistrz, widząc, iż święta blizko nadchodzą, dla świecz nasukania kazał młodszym, ażeby bracią obeszli na schadzkę, iako zwyczay do cechu. Żaden niechciał posłuchać y nie poszedł, musiał klucznika swego posłać dla zebrania braci do cechu, to iest Podorozkiego, który poszedł y zebrał bracią. Gdzie na tę schadzkę do tego cechu kusznierskiego przyszło trzech cechmistrzów starych bywszych y innych braci tegoż rzemiosła, prosili tedy tak żałuiący Tokarewicz, iako y inni bracia uczciwego Podoroskiego, iako klucznika y drugiego brata z nim Hrehorego Jakubowicza, aby poszli do obżałowanego pana Andrzeia Jachimowicza, prosząc go o to, ażeby młodszym nie bronił na schadzkę do cechu kusznierskiego, ponieważ w cechu krawieckim niemal co tydzień albo dwie niedzieli schadzka bywa, a w kusznierskim ledwo mógł zebrać raz bracią y to dla nasu-

kania świecy. Żałuiący Jan Podorozki y z drugim bratem tegoż cechu, według braterskiey prośby, poszli do obżałowanego pana Jachimowicza w tym prosić, po co ich posłano. Obżałowany pan Jachimowicz, przepomniawszy boiazni Bożey y srogości prawa y na większą konfuzyą tym posłanym y całemu cechowi kusznierskiemu, nie dawszy wprzód audycyi' żałuiącemu Podorozkiemu, kazał go zaraz gwałtownie za obiedwie nogi do kłody wsadzić y więzić przez cały dzień aż do nocy, zabraniaiąc tego, ażeby na schadzkę do cechu kusznierskiego nie chodził. A potym osadzonego, ordynowawszy obżałowany pan Jachimowicz Hryca Sawczyka, także klucznika, kazał bić, kaleczyć y mordować żałuiącego Podorozkiego siedzącego za obiedwie nogi w kłodzie, ieszcze się tym nie kontentuiąc obżałowany pan Jachimowicz, posłał z cechu swoich młodszych do domu żałuiącego Podorozkiego kazał go zgrabić. Którzy to młodzi za rozkazaniem pana Jachimowicza, na większą zgubę y ruynę żałuiącego Podorozkiego poszedłszy, okna, drzwi powybiali, fanty różne w grabieżą pozabierali, dzieci y żonę żałuiącego przestraszyli y dalsze pochwałki uczynieł obżałowany pan Jachimowicz na zdrowie wszystkich braci cechu kusznierskiego, bo młodszym rozkazał, ieżeliby im do cechu kusznierskiego miał kiedy kto lub cechmistrz, lub klucznik, albo który brat zakazywać, żeby go zaraz srzód głowy uderzył kiiem tego, mówiąc te słowa: że ia za was zapłacę winę urzędową y sam za was odpowiem.

Jako o tym relatia ławnicza obszerniey świadczy w te słowa pisana: Roku 1711, miesiąca Octobra 27 dnia, ia niżey na podpisie mianowany czynię wiadomo tą moią relatią, iż byłem uproszony w dom uczciwego Jana Podorozkiego na oglądanie pobicia; tam tedy za przybyciem moim ławniczym widziałem na ręce prawey na samych członkach znaki krwawe, sine, spuchłe, kiiem pobito, od tego uderzenia nie może ręką władać, siedząc w kłodzie, z dawnych okazyi na niego rankoruiąc, a to pobicie stanęło u sławetnego pana Andrzeia Jachimowicza w domu cechmistrza krawieckiego, a to pobicie mianował sobie stałe uczciwy Jan Podorozki—klucznik cechu kusznierskiego od uczciwego Hrehorego Sawczyca — klucznika. Jam co widział y słyszał z ust pomienioney osoby wydaię tę moią relatią z podpisem ręki moiey ławniczey. U tey relacyi podpis ręką temi słowy podpisany: Naum Wasilewicz—ławnik miasta i. k. mści Kobrynia. Chcąc sobie prawnie postąpić żałuiące z obżałowanym o te wszystkie praetensie, tak o szkody, iako y wykłady prawne, dali tę swoią protestacią do xiąg mieyskich y z relatią ławniczą zapisać. Co iest przyięto y zapisano za susceptą burmistrzowską. Anno et die ut supra.

1712 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 194.

22. Осмотръ тѣла королевскаго крестьянина Степана Васильчика, убитаго жидами.

Означенные въ этомъ документѣ лавники, мѣщане и другіе депутаты свидѣтельствуютъ, что они нашли у жидовки Болны убитаго королевскаго крестьянина; освидѣтельствовавши его раны, они возили его по городу и оглашали объ этомъ событіи. Въ городѣ ходили слухи, что убійство это было совершено сыномъ жидовки Болны вмѣстѣ съ другими жидами.

List obductii ławników Kobryńskich miasta i. k. mci, podany do xiąg roku 1712, miesiąca Septembra siódmego dnia.

Przed nami urzędem miasta i. k. mci Kobrynia, Janem Kaszubą—lantwoytem, Józephem Archimowiczem—burmistrzem, raycami y ławnikami całego magistratu miasta i. k. mci Kobrynia, ta relacya y obdukcya przez imć pana Samuela Piotra — królewskiego namiestnika klucza Czerewaczyckiego y z innymi do tey sprawy należącemi, o rzecz w niey wyrażoną, do suscepty była pokładana y do xiąg mieyskich Kobryńskich prawa magdeburskiego iest podana, która iest przyięta y zapisana słowo w słowo, tak się w sobie ma:

My ławnicy miasta i. k. mci Kobrynia, niżey na podpisach rękami naszemi własnemi wyrażeni, zeznawamy tym naszym relacyinym obdukcyinym kwitem, iż w roku teraznieyszym tysiącznym siedmsetnym dwunastym, mca Septembra siódmego dnia, będąc przy nas sługa mieyski przysięgły, na imie Jawchim Stephanowicz, także y ze dworu Kobryńskiego przydany, na imie Jaśko Lihatowiec, tudzież y z pospólstwa y gminu różnych ludzi, tak mieszczan, iako y stanu szlacheckiego, byliśmy użytymi od imć pana Samuela, królewskiego namiestnika klucza Czerewaczyckiego, także y od Uliany Wasilczykowey, żony nieboszczyka Stephana Wasilczyka y od siostr iey, do domu w Bogu przewielebnego imć xiędza plebana Kobryńskiego — kościoła farnego w mieście i. k. mci Kobryniu, w rynku stoiącego, mieszkaiącego w nim, niewierna żydówka, na imie Bołna, wdowa y z synami swemi, ieden Icko żonaty y z drugimi synami, lepiey onym wiadomemi; gdzie my za przybyciem naszym z pomienionym sługą mieyskim y ze dworu przydanym, także pospólstwem y gminem różnych ludzi, na ten czas będących, zastaliśmy w sieniach u wysz pomienioney żydówki Bołny, człowieka nieżywego, na śmierć zabitego, leżącego, pokaleczonego, na imie Stephana Wasilczyka, poddanego i. k. mci, ze wsi Piasków, do klucza Czerewaczyckiego należącego, oekonomiey Kobryńskiey. Widzieliśmy na lewym skroniu krwią nabiegło, spuchło, znać uderzenie, na piersiach w samym dołku sino, na ręce prawey razów sinych cztery, znać kiiem uderzono, plecy wszytkie całe sine spuchłe, którego tak tyrańskie bicie mianowali być sobie stałe w wysz pomienionym domu dnia poniedziałkowego, w roku teraznieyszym ty-

siącznym siedmsetnym dwunastym, miesiąca Septembra piątego dnia, od niewiernych żydów kahału Kobryńskiego, to iest, od Icka syna Bolniny y innych pomocników iego, lepiey onemu wiadomemi. Tedy to wysz pomienione nieboszczyka Stephana Wasilczyka ciało, za dozwoleniem dworu y całego magistratu i. k. mci Kobryńskiego, według prawa pospolitego y zwyczaiu było praesentowane y obwołane po wszystkich czterech rogach w rynku y przed zamkiem, przy zebraniu różnych ludzi, tak mieszczan, iako duchownych y szlachty, przez sługę mieyskiego obwołano. Na dowód tego, cośmy widzieli y słyszeli z ust wyżey pomienionych, wydaiem ten nasz kwit relacyiny obdukcyiey z podpisem rąk naszych własnych. Pisan w Kobryniu, anno et die ut supra. U tey relacyey obdukcyey podpisy podpisane ręką tymi słowy: Choma Jarkowicz—ławnik Kobryński miasta i. k. mci Kobrynia, ręką swą własną. Co iest do xiąg mieyskich przyięto y zapisano, za susceptą całego magistratu Kobryńskiego i. k. mci miasta, z których y ten extrakt pod pieczęcią woytowską y z podpisem ręki pisarskiey imć panu Samuelowi Piotrowi — królewskiemu namiestnikowi klucza Czerewaczyckiego iest wydany. Pisan w Kobryniu, anno et die ut supra.

1713 г.

Изъ книги за 1664—1769 г., стр. 235.

23. Опредѣленіе Кобринскаго магистрата по уголовному дѣлу Ульянны Романовны.

Въ этомъ процессѣ разсматривается слѣдующее дѣло: крестьянка Ульяна Романовна жила въ услуженіи у жидовъ и связалась незаконною связью съ батракомъ, отъ котораго забеременѣла. Чувствуя приближеніе родовъ, она отошла къ своимъ роднымъ; но они ея не приняли. Ульяна вернулась назадъ въ Кобринъ и остановилась у одной мѣщанки, гдѣ и родила дитя. Ночью она вынесла его изъ дому и зарыла въ землю въ огородѣ своей хозяйки Гребенничихи, съ вѣдома послѣдней. Судъ принимая во вниманіе, что Ульяна еще прежде сидѣла нѣсколько времени въ тюрьмѣ, постановилъ—подвергнуть ее 300 ударамъ розгами у позорнаго столба и навсегда изгнать изъ города, подъ штрафомъ въ 10 копъ лит. грош. съ тѣхъ, которые бы приняли ее въ свой домъ; Гребенничиху же призвать къ отвѣту впослѣдствіи.

Roku 1713, miesiąca Novembra 22 dnia. Przy zupełnym urzędzie y bytności na ten czas imć pana Franciszka Kruhelskiego — administratora klucza Kobryńskiego, sądziła się sprawa Ulany Romanowny, poddanki i. k. mści ze wsi Stołpów, do klucza Wiczeckiego należącey, która siedziała w kaydanach przez pół roka za osądzeniem całego magistratu Kobryńskiego za exces pewny popełniony, to iest, że służywszy u żyda w Głębokiem na imię Michiela—arendarza karczmy iaśnie wielm. imć pana kasztelana Brzeskiego, tam się swey woli cielesney y społeczności dopuściła z parobkiem dobrowolnie, a synem woytowym, na imię Swirydem Demidowym, poddanym tegoż iaśnie wielmożnego imć pana kasztelana

Brzeskiego, o którym to złym uczynku y ich społeczności gospodyni, żydówka wiedziała, ale im tego nie broniła, to iest, w roku przeszłym 1712, a potym taż żydówka gospodyni postrzegłszy ią iuż blizką do porodzenia, odesłała ią precz od siebie trzema niedzielmi przed rokiem, gdzie taż pomieniona Ulana Romanowna poszła do swoich krewnych Stołpów, którzy iey nie przyięli. Na ten czas był w Stołpach kowal z miasta Kobrynia y Ewa Hrebienniczka, mieszkaiąca na iurysdyce tu w Kobryniu .... *) wozem u swoich krewnych. Taż pomieniona Ulana Romanowna przyszła za nimi tegoż czasu tu do Kobrynia y poszła na noc do teyże Hrebienniczki, tam tedy nocuiąc, w nocy porodziła w izbie przy nogach leżącey syna przed samym dniem na świtaniu, którego nie okrzciwszy zaraz udusiła y zaniosła go w ogród teyże Hrebienniczki przy podmecie go zakopała w ziemi. Do czego się taż Ulana Romanowna znała, że iey własne to dziecię było, które praezentowane było w rynku tu w mieście i. k. mści w Kobryniu, na które to zakopanie tego dziecięcia y ta Hrebienniczka miała patrzyć, iako iest o tym osobliwsze dobrowolne zeznanie ich. A tak sąd w tey sprawie, ponieważ instygatora dotychczas nie było y nie masz, któryby ią poprzysiągł, maiąc wzgląd na to, że siedziała w więzieniu w kaydanach przez pół roka, luboby zasłużyła na gardło według prawa pospolitego, na takich występnych opisanego, taż Ulana Romanowna, sąd onę od gardła wolną czyni, iednak za iey występek sąd naznacza iey plag trzysta rózgami, które zaraz ma odebrać publicznie w rynku przy słupie przywiązawszy po przeczytaniu tego dekretu y zaraz z miasta ma być wygnana, nie zachodząc ni do kogo, która tu niema u żadnego gospodarza, tak z chrześcian, iako y żydów w mieście służyć, ani się bawić. Jeżeliby ią zaś który gospodarz, tak z chrześcian, iako y żydów, miał do siebie przyiąć iakimkolwiek sposobem, taki kożdy powinien kop dziesięć winy zapłacić na urząd przynależny. Jeżeliby zaś ta pomieniona Ulana Romanowna nie powściągnęła się od takiego złego uczynku, tedy za dowiedzeniem tego przez ludzi wiary godnych, tedy gardłem ma być karana. Ratione zaś Ewy Hrebienniczki, u którey to dziecię porodziła y udusiwszy one tam w ogrodzie zakopała, która na to miała patrzeć według Ulany Romanowny zeznania, sąd widząc tę Ewę Hrebienniczkę teraz ciężarną, salwą sobie zachowuie z nią aż do porodzenia y uwolnienia się iey z tego brzemienia. Ale iednak na affektacią całego urzędu, kiedykolwiek tego będzie potrzeba, powinna się stawić przed tenże urząd Kobryński y sąd y ma się z tego wywodzić y oczyszczać. Co iest zapisano do xiąg mieyskich.

*) Мѣсто вырвано.

1714 г.

Изъ книги за 1664—1769 г., стр. 241.

24. Обеспечительная запись Кобринскаго кагала, служащая жиду Михелю Ицковичу.

Кобринскій кагалъ въ лицѣ своихъ старшинъ симъ обязательствомъ ручается за своего члена Михеля Ицковича, что этотъ послѣдній исправно уплатитъ долгъ въ 1,000 злотыхъ, сдѣланный имъ на свое имя, но въ пользу кагала, въ теченіи 8 лѣтъ; при этомъ кагалъ, за такую услугу Михеля Ицковича, освобождаетъ его и семейство отъ государственныхъ податей.

Roku 1714 miesiąca Marca siódmego dnia.

Przed urzędem miasta i. k. mści Kobrynia sławetnemi pany Stanisławem Sylwestrem Słupskim—burmistrzem, Hrehorym Wasilewiczem, Onufrym Sacewiczem, Łukaszem Lewaszkowiczem, Chomą Jurkiewiczem raycami y ławnikami, stanąwszy personaliter w sądowey izbie na mieyscu ratusza Szmóyło Joselowicz y Józeph Maierowicz—żydzi starsi miasta i. k. mści Kobrynia, imieniem swoim y imieniem wszystkich żydów całey synagogi Kobryńskich, tę assukuracyą o rzecz w niey wyrażoną we srzodku, służącą Michelowi Jckowiczowi y żonie iego Sarze Oszarownie — małżonkom, żydom Kobryńskim y dzieciom y successorom ich, przyznali. Co iest do xiąg mieyskich magdeburskich przyięto y zapisano, słowo do słowa tak się w sobie ma:

Ja Leyba Zielmanowicz y ia Szmóyło Joselowicz y ia Józeph Meierowicz y ia Abram Jerszowicz y ia Józeph Jckowicz y ia Zawel Józephowicz y ia Leyba Heselowicz y ia Chemia Jckowicz y ia Jersz Joselowicz y ia Wiktor Mędelowicz y ia Fanio Leybowicz y ia Mowsza Gierszonowicz y ia Abram Thodorsowicz—żydzi starsi y sędziowie kahału miasta i. k. mści Kobrynia, imieniem naszym y imieniem wszystkich żydów y całey synagogi żydowskiey, tegoż miasta i. k. mści Kobrynia daiemy tą assekuracyą na siebie, przy prawie osobliwszym obligu naszym, także y przy osobliwszym prawie y zapisie naszym, danym, po żydowsku, napisanym, Michielowi Jckowiczowi y żonie iego Sarze Oszarowiczowey—małżonkom, żydom Kobryńskim, y sukcessorom iego w tym, iż pomieniony Michiel Jckowicz wziął y pożyczał na swoię osobę summy pieniędzy, to iest tysiąc złotych polskich w śrebrney monecie, twardey talerowey y tynfowey, u pewnego imci na naszą pilną gwałtowną potrzebę całego kahału Kobryńskiego, na lat ośm po sobie ydących, to iest, na zniesienie różnych długów całego kahału y na wypłacenie wiel. imć panu Romanowskiemu—podkomorzemu ieneralnemu ziemi Chełmskiey, którą to summę wziął y pożyczał w roku teraznieyszym tysiącznym siedmsetnym czternastym y nam oddał do rąk naszych własnych miesiąca Februarii dnia ośmnastego, od którey wyżey wyrażoney summy tysiąca złotych pomienioney summy Michiel Jckowicz podiął się y obligował się temuż iego mci kwotę coroczną płacić do oddania summy bez żadney turbaciey kahału Kobryńskiego. Jeżeliby

zaś tenże imć, który summę wyliczał, te tysiąc złotych przed terminem nalegał y upominał się Michielowi Jckowiczowi y żonie iego, lub sukcessorom onego, tedy tenże pomieniony Michiel Jckowicz powinien się starać o to, choćby y ten samże oblig zastawił u kogo inszego w tey pomienioney summie tysiącu złotych aż do wyścia ośmiu lat, to iest, aż do roku tysiąc siedmsetnego dwudziestego pierwszego. Jeżeliby zaś kto przeciw tey assekuraciey y temu obligowi y prawu, po żydowsku napisanemu, które ma być na polski ięzyk wytłumaczono y do akt mieyskich podane, uczynił manifest, tedy to za nieważne ma być poczytano y anihilowano. Za iego zaś świadczoną całemu kahałowi Kobryńskiemu wygodę pomienionemu Michielowi Jckowiczowi y żonie iego Sarze y sukcessorom onego declaruiemy się y assekuruiemy w tym, przez te lat ośm onego Michiela Jckowicza y żony iego Sary y sukcessorów onego do żadnych podatków, tak skarbowych rzeczy-pospolitey, seymem uchwalonych, iako y prywatnych uchwalonych, iako to: czopowego y szelężnego y sosowego podymnego, pogłównego, arendy y do krobek naszych żydowskich y innych długów różnych wypłacenia różnym ich mościom y naszych prywatnych różnych składek, tak na żołnierszczyznę, iako y na inne wszelkie podatki, iakieby ieno kolwiek mogły być y mogą, od tych wszystkich podatków pomienionych uwalniamy y onego wolnym czyniemy y żonę iego y sukcessorów wszystkich onego, po które to pomienione podatki wszystkie y wszelkie, ieśliby kto przyiechał, lub ich exequował, tedy my wyż pomienione osoby powinniśmy te wszelkie podatki y wszystkie za pomienionego Michiela Jckowicza y żony iego Sarę y sukcessorów onego wypłacać y oddawać, także y od wszelkich impetycyi y ciężarów, któreby ieno na nasz cały kahał Kobryński miały być, powinniśmy onego bronić y zastępować swoim własnym kosztem. I to waruiemy Michielowi Jckowiczowi y żonie iego Sarze y sukcessorom onego, ieślibyśmy nie mieli dotrzymać tey assekuraciey naszey w naymnieyszym pnnkcie iakim, także y obligu naszego y prawa, po żydowsku pismem od nas danego, tedy pozwalamy nas do wszelkiego sądu zapozwać, tak duchownego żydowskiego, iako y dwornego magdeburskiego commissarskiego, gdzie nayprędsza sprawiedliwość może być, a my się w tym nie powinni sprzeciwiać, ale y owszem przed wszelkim sądem, gdzie nayprędsza satysfakcia może być, powinniśmy się usprawiedliwić, nie poczytaiąc sobie tego za niesłuszne prawo. Mieszczanie zaś wolne pomienionemu Michielowi Jckowiczowi y żonie iego, gdzie sami zechcą, lub w rynku, czy iurysdyce któreykolwiek, lub gdzie sami zechcą, które mieszkanie maią mieć wolne, bez wszelkiey od nas przeszkody, w którym mieszkaniu maią mieć wszelkie handle, towary y szynki według ich możności, tak piwa, miody, gorzałki, śledzi y soli szynkowanie bez żadney od nas przeszkody y sukcessorów naszych. Także od żołnierza przechodzącego, lub na zimowy chleb stawaiącego, powinniśmy bronić y zastępować, tak powinien wolny być, iako y dom szkolników y rabinów; w naruszeniu zaś tey naszey assekuraciey w naymnieyszym punkcie, także y obligu osobliwszego od nas danego y prawa, po żydowsku napisanego, zakładamy zarękę y winę, to iest, złotych tysiąc, którey połowa ma iść na urząd przynależny, do których by się ta sprawa, czego Boże uchoway, wy-

toczyć miała złotych pięćset, a drugie złotych pięćset ukrzywdzoney stronie ma należeć, nie wprzód do prawa powinniśmy przystąpić, aż wprzód tę zarękę y winę zapłacimy, którą to zarękę według prawa po żydowsku napisanego y w dalszych procederach onę referuiemy y tak się sprawić mamy. Na co dla lepszey wiary y większey wagi daiemy tę naszą assekuracyą z podpisami rąk naszych własnych y z podpisami rąk ichmcw panów pieczętarzów, do tey assekuraciey uproszonych, iako przy tym będących, którzy na prośbę naszą podpisać raczyli. Pisan w Kobryniu dwudziestego dnia miesiąca Februaryi anno 1714. U tey assekuraciey podpisy po żydowsku rękami napisane, tych wszystkich, iako są wyżey wyrażeni w tey assekuraciey. Jchmcw zaś panów pieczętarzów podpisy podpisane tymi słowy: Ustnie oczewisto proszony pieczętarz do tey assekuraciey od całego kahału Kobryńskiego podpisuię się ręką moią: Franciszek Kruhelski—zawiadowca Kobryński zamku i. k. mści; ustnie y oczewisto proszony pieczętarz od żydów całego kahału miasta i. k. mści Kobrynia do tey assekuraciey ich podpisuię się: Mikołay Laskowski—vice-regent grodzki Brzeski; ustnie proszony pieczętarz od całego kahału miasta i. k. mci do tey assekuraciey podpisuię się: Józeph Laskowski. Co iest zapisano do xiąg. Anno et die ut supra.

1715 г.

Изъ книги за 1664—1769 годы, стр. 261.

25. Опредѣленіе Кобринскаго магистрата надъ Мариною Давидовною, родившею незаконнымъ образомъ дитя.

Въ этомъ процессѣ излагается слѣдующее дѣло: дѣвица Марина Давидовна родила незаконнымъ образомъ дитя и скрыла его въ землѣ; его нашли свиньи и съѣли. Спрошенная на судѣ, Марина во всемъ созналась и объявила сначала, что ее изнасиловалъ Иванъ Вевейковъ, потомъ Θедоръ Ягнюковичъ, когда она ѣхала съ нимъ на ярмарку. Рожденіе совершилось въ домѣ сестры Марининой. Судъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, постановилъ: Марину подвергнуть 300 ударамъ розгами и изгнать изъ города; сестру ея подвергнуть 50 ударамъ посторонками; Θедора Ягнюковича заставить во всѣ праздники Срѣтенія Господня во время обѣдни лежать въ церкви крестомъ (крыжемъ) и пожертвовать 2 ф. воску.

Roku 1715, miesiąca Februaryi dnia 12.

Przed urzędem miasta i. k. mci Kobrynia y przy bytności in assistentia imć pana Franciszka Kruhelskiego — podstarościego Kobryńskiego, sądziła się sprawa ad instantiam instigatora sądowego z powtórnego zeznanią Maryny Dawidowny—obywatelki Kobryńskiey, która swywolnie dziecięcia nabywszy, a potym go porodziwszy nieżywe, straciła, bo go świnie ziadły. Także y Anny Kozakowny y siostry iey Zofiey, które natenczas były w izbie, iak to dziecię porodziła y z nią za pospół mieszkały; także y Chwe-

dora Jagniukowicza—miesczanina Kobryńskiego, który iakoby z nią społeczność miał iadąc na iarmark do Kiwatycz na Boże Ciało w roku 1714, którą to społeczność iakoby iey gwałtownie miał uczynić, ale tego gwałtu nikomu nie opowiadała, ani oznaymowała, iakoż y na dzisieyszym terminie to samo zeznawała; a że zaś w pierwszym zeznaniu ynaczey zeznawała y pomieniła była, iakoby iey także miał gwałt uczynić Iwan syn Weweyków, tego się teraz zapierała y powiedała, że iakoby ią miały insze niewiasty namówić, żeby Iwana syna Weweykowego pomówiła, że iey uczynił gwałt, to iest: Tosia Kułaiewna, a druga żona Filipa Burewicza; teraz zaś sama zeznała, że to dziecię nieżywe porodziła na dworze pod płotem, które świnie ziadły, a tego Kozaczka ani siostra iey porodzenia nie widziała y nie były przy tym porodzeniu, ale ieszcze iak porodziła y nalazła tu Kozaczka, iak wstała plugawstwo w izbie y zaraz tego dziecięcia szukała z nią pod płotem, gdzie go zakopała, ale nie znalazła. A tak sąd w tey sprawie wysłuchawszy stron y zrozumiawszy sprawę, ponieważ się to pokazało z dobrowolnego zeznania powtórnego Maryny Dawidowny, że tego dziecięcia swywolnie nabyła, które porodziła nieżywe y zaraz go straciła, bo go świnie ziadły, ale iey do społeczności gwałtu żadnego nie było, kiedy o tym nikomu nie powiedała, iakoż y sam czas ieszcze nie był porodzenia według zwyczaiu:—zaczym sąd nakazuie, ażeby za zły występek y zły uczynek ta Maryna trzysta plag u słupa publicznie w rynku rózgami, nago rozebrawszy ią, odebrała, y z miasta zaraz precz ma być wygnana. A ktoby ią zaś miał przyiąć do siebie, tak z chrześcian mieszczan y żydów, taki każdy ma winę zapłacić kop dziesięć litewskich na urząd przynależny. Także y. siostra rodzona tey Maryny, na imię Zophia, ponieważ zaiedno w tey chałupie mieszkała y nie doyrzała w tym siostry swoiey, żeby tego dziecięcia nie straciła, a do tego, że się y sama tymże ladaczym bawiła, zaczym nakazuiemy, ażeby w rynku publicznie położywszy ią, postronkiem pięćdziesiąt plag odebrała, a w dalszy zaś czas, ieżeliby tą swywolą bawiła, tedy z miasta ma być wygnana y wypędzona. Ratione zaś Anny Kozaczki, że się to pokazało, że tego dziecięcia szukała, ale nie nalazła, bo go świnie iuż były ziadły—ta się od tey kary uwalnia. Jednak za niedopatrzenie tego, a mieszkaiąc zaiedno, maiąc tedy wzgląd na iey ubóstwo, nakazuie się, ażeby funt wosku do cerkwi świętey Preczystey w Kobryniu za tę winę, zaraz nieodwłocznie pod sowitością. Ratione zaś Chwedora Jagniukowicza, ponieważ się to pokazało, ze zeznania teyże Maryny, że z nią społeczność miał, ale nie gwałtownie, do którey się on nie znał y do przysięgi się na tym zabierał, a do tego, że y żonę ma swoię, a natenczas, kiedy ieździł na ten iarmark do Kiwatycz, tedy byli z nim y insi ludzie, to iest, Jawdokimowicz, który teraz niedawno umarł, a inszego słusznego dowodu nie było; zaczym nakazuiemy, ażeby ten Chwedor Jagniukowicz krzyżem w cerkwi świętey Przeczystey publicznie przez wszystkie wielkie nabożeństwo podczas święta russkiego Nayświętszey Panny Gromniczney leżał y dwa funty wosku do cerkwi świętego Mikołaia w Kobryniu, żeby oddał y winę urzędową podług prawa powinien zapłacić. Co ma uczynić wszystko zaraz nieodwłocznie pod sowitością tego wszystkiego. Co iest zapisano.

1715 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 537.

26. Запись Магдалены Островской на ярмарочное священнику Здитовецкой церкви.

Магдалина Островская, свѣдавши, что въ Здитовцѣ во время ярмарки многіе жиды курятъ вино, варятъ меды и торговой пошлины не даютъ церкви, въ то время какъ по контракту курить вино имѣетъ право только одинъ ея корчемный арендаторъ, симъ листомъ предписываетъ арендатору давать священнику гарнецъ водки.

Anno 1745, miesiąca Decembra siedmnastego dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburyi Kobryńskiey, przede mną Piotrem Ant. Tadeuszem Kublickim—lantwoytem Kobryńskim, Horodeckim y pisarzem Onufryem Sacewiczem—burmistrzem Kobryńskim y całą zupełną ławicą przysięgłą, stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim wielebny imć xiądz Jan Grudziński—prezbiter cerkwi Zdzitowskiey originalny y żadney w sobie wątpliwości niemaiący na kiermaszowe coroczne do plebanii Zdzitowskiey należące służącey, w te słowa pisany ad akta podał, którego dokumentu takowy tenor:

A ponieważ daliśmy kontrakt żydowi Wigderowi Szmuyłowiczowi, arendarzowi naszemu na karczmę Rawską, a że się pokazało, że przed tym podczas kiermaszu przy cerkwi Zdzitowskiey, to iest, na święty Jerzy Russki, także na Wniebowzięcie Nayświętszey Panny odprawuiących się y na świętego męczennika (sic) Mikoły wolno było y postronnym żydom szynkować gorzałkę, y piwo y miody, od których trunków kiermaszowe należało y należy z dawnych czasów na prezbitera cerkwi Zdzitowskiey, gdyż my, dawszy kontrakt wyżey pomienionemu arendarzowi naszemu, dołożyliśmy y to, aby żaden z postronnych żydów nie przedawał gorzałki pod czas kiermaszów wyżey mianowanych, iednak z tym dokładem, aby nie ginęła intrata według zwyczaiu prezbiterowi Zdzitowieckiemu, co brał przedtym od obcych żydów, powinien nasz arendarz Rawski każdego kiermaszu dawać gorzałki garniec ieden do plebanii Zdzitowskiey, które ia daię świadectwo. Na co, dla lepszey wiary y wagi, ręką moią własną podpisuię. Datum w Zdzitowcu, roku Pańskiego tysiąc siedmset piętnastego, miesiąca Augusta dwudziestego trzeciego dnia.

U którego to dokumentu podpis własney ręki w. imci pani aktorki temi się wyraża słowy: Magdalena Zylkiewiczowa Dominikowa Ostrowska mp. Który to takowy dokument iest do akt magdeburskich miasta i. k. mści przyięty y wpisany.

1745 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 535—536.

27. Подтвердительная фундушовая запись на землю для Здитовецкой церкви, данная стражникомъ в. кн. Литовскаго Антоніемъ Потѣемъ.

Стражникъ в. кн. Литовскаго Антоній Потѣй симъ листомъ подтверждаетъ всѣ земли, когда-либо дарованныя Здитовецкой церкви, и отъ себя жертвуетъ крестьянина, три морга и три сажени поля, лугъ съ берегомъ Мухавца и лѣсъ, съ тѣмъ, чтобы священники служили въ недѣлю одну обѣдню *за души страждущихъ въ чистилищѣ*.

Roku 1745, miesiąca Decembra siedmnastego dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburyi Kobryńskiey, przede mną Piotrem Ant. Tadeuszem Kublickim—lantwoytem Kobryńskim, Horodeckim y pisarzem, Onufryem Sacewiczem—burmistrzem y całą zupełną ławicą przysięgłą, stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim wielebny imć xdz Jan Grudziński—prezbiter cerkwi Zdzitowskiey, prawo dziedziczne funduszowe konfirmuiące wszystkie prawa dawnieysze fundusze, a mianowicie potwierdzaiące skripty iaśnie wielmożnego imci pana Ludwika Pocieia—woiewody Wileńskiego, hetmana wielkiego xięstwa Litewskiego, cerkwi świętey Zdzitowskiey służące, całe, zupełne y żadney w sobie wątpliwości nie maiące, na arkuszu pisane, podpisane y pieczęcią stwierdzone od i. w. imci pana Antoniego Pocieia—strażnika wielkiego wielkiego xięstwa Litewskiego nadane, ad akta podał, który tak się w sobie ma:

Antoni na Włodawie, Rożance, Rzeczycy, Terespolu, hrabia Pociey—strażnik wielkiego xięstwa Litewskiego, Wołkowyski sądowy, Żyżmorski etc. starosta. Wszem w obec y każdemu zosobna, teraz y na potomne czasy wiedzieć potrzebuiącym, czynię wiadomo tym moim listem approbacyinym, oraz wieczystego nadania praw wielebnemu imci xdzu Janowi Grudzińskiemu—prezbiterowi cerkwi Zdzitowieckiey y następcom iego na też beneficium danym, na to, iż ia pragnąc, aby chwała Pana Boga swoie pomnożenie miała y w dobrym opatrzeniu prezbiterowie cerkwi wymienioney zostawali, nie tylko wszelkie dawne fundusze, prawa, nadania, od predecessorów moich approbuię, umacniam y utwierdzam, ale też specialiter skriptem i. w. imci pana Ludwika Pocieia—woiewody Wileńskiego, hetmana wielkiego wielkiego xięstwa Litewskiego, w roku tysiąc siedmsetnym dwudziestym trzecim, miesiąca Junii dnia dziesiątego, podpisanym, pół morga gruntu, w tymże prawie specyfikowanego, approbuię, drugie pół morga ob miedzę plebanii przeciwko Pawłowszczyzny nad rzeką Muchawcem, z brzegiem y z wolnym w nim ryb łowieniem przydaię, tudzież morg za Mityszczem, nazwany Kowalewszczyzna, trzy sążni z łąką całą w tymże Mityszczu z lasem wiecznemi czasy approbuię y plebanom Zdzitowieckim utwierdzam, umacniam y nadaię, przytym chłopa Daniła Kusztę na ćwiercyznie pola z naddatkami mieszka-

iącego we wsi Pantiuchach, ze wszelką iego przynależytością, wiecznemi czasy do plebana Zdzitowieckiego przyłączam y nadaię, hrunt także Faybiszowski nazwany, wziowszy od Pompi aż do przewozu imci pana Gabriela Fediuszki, do wiecznego używania presbiterom Zdzitowieckim incorporuię y przyłączam, vigore którey wieczystey ode mnie approbacyi y nadania tak teraźnieyszy, iako y przyszły cerkwi Zdzitowieckiey pleban tego wszystkiego, co praedecessores moi nadali y przyłączyli y na czym to beneficium ufundowali, tudzież co ś. p. imć pan Alexander Rusiecki—kasztelan Miński, i. w. imć pan Ludwik Pociey— woiewoda Wileński, hetman wielkiego xięstwa Litewskiego, y cokolwiek ia antecessor (sic) Pociey — strażnik wielkiego xięstwa Litewskiego, nineyszym prawem stwierdziłem, nadałem y przyłączyłem y wiecznemi czasy incorporowałem, tego wszystkiego, iako swey własności używać y wiecznemi czasy trzymać wolni y mocni będą, bez żadney ode mnie y successorów moich, tudzież dzierżawców, ekonomów, zawiadowców y iakimkolwiek tytułem y zwierzchnością w dobrach Zdzitowieckich maiących, praepedycyi, którey czynić nie mogą y nie powinni będą. Wkładam tylo na tychże plebanach Zdzitowskich obligacią, aby wiecznemi czasy msza święta za dusze w czyscu żadnego ratunku nie maiących, w tydzień iedna odprawiała się. Y na tom dał te approbacyinego nadania prawo z podpisem ręki mey własney y przy pieczęci. Anno Domini tysiącznego siedmsetnego trzydziestego szóstego, Junii dnia dwunastego.

U którego prawa przy pieczęci na laku wyciśnioney, podpis własney ręki iaśnie wielmożnego imci pana aktora y fundatora temi się wyraża słowy: Antoni Pociey— strażnik wielkiego xięstwa Litewskiego. Które to prawo takowe wieczyste funduszowe approbacyine iest do akt magdeburskich miasta i. k. mści Kobryńskich przyięte y wpisane słowo w słowo.

1748 г.

Изъ книги за 1748—1749 годы, стр. 1—2.

28. Дарственная запись отъ Павла и Адама Буховецкихъ Кобринскому монастырю св. Спаса на денежную сумму.

Павелъ и Антоній Буховецкіе сею записью приносятъ въ даръ Кобринскому монастырю св. Спаса три долговыхъ росписки на сумму 3,108 тынфа и 600 злот., которые должны имъ Кобринскіе жиды и другія лица.

Roku tysiąc siedmsęt czterdziestego ósmego, mca Marca dwudziestego ósmego dnia.

Na urzędzie i. k. mci magdeburyi Kobryńskiey, przede mną Piotrem Thadeuszem Kublickim — lantwoytem Kobryńskim, Horodeckim, y pisarzem, Theodorem Filonowiczem — burmistrzem y całą ławicą, stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim ichm. pp. Paweł oyciec y Adam syn Buchowieccy, list dobrowolny wieczysto zrzeczny donacyiny zapis na

rzecz w nim niżey wyrażoną wielmożnemu imć xiędzu Andrzeiowi Bienieckiemu — opatowi Kobryńskiemu, officiałowi Brzeskiemu y całemu klasztorowi zakonu ś. Bazylego wielkiego, pod tytułem cerkwi ś. Spasa, w mieście i. k. mci Kobryniu będącemu, dany, służący y należący, oczywisto przyznali y ku zapisaniu do xiąg magdeburskich Kobryńskich podali, sequenti tenore:

My Paweł — oyciec y Adam syn Buchowieccy, in persona nas samych y iey mość pani Rozalii z Zarzeckich, mnie Pawła małżonki, a mnie Adama Buchowieckiego matki, iako naturalney sukcessorki y aktualney aktorki (in cuius executionem) zapisuiąc się pod wszélkie niżey opisane wadya, ligamenta, obowiązki prawne, libere na się przyięte y opisane, poddaiąc się, czyniemy wiadomo każdemu o tym, ad praesens et in posterum wiedzieć potrzebuiącemu, y zeznawamy tym naszym listem dobrowolnym, wieczysto zrzecznym, donacyinym zapisem wielmożnemu imć xiędzu Andrzeiowi Bienieckiemu — opatowi Kobryńskiemu, officyałowi Brzeskiemu y całemu klasztorowi zakonu ś. Bazylego wielkiego, pod tytułem cerkwi ś. Spasa, w mieście i. k. mci Kobryniu będącemu, danym na to, iż my wyż specyfikowani Buchowieccy, będąc w osobie iey mość pani Rozalii z Zarzeckich Buchowieckiey, po w Bogu zeszłym imć panu Dominiku Korwinie Zarzeckim — woyskim ziemi Łukomskiey y samey iey mość pani Ewhi z Kuczewskich Zarzeckiey — woyskiey Łukomskiey, małżonkach, dzierżawcach klucza Kobryńskiego, sukcessorki wszelkich dóbr, summ pieniężnych, za obligami, kartami, cerografami ubique locorum y od kogokolwiek należących, aktorami, a oraz maiąc plenum ius petendi y dochodzenia onych, in virtute czego maiąc obligacyine strictissimi iuris zapisy na summy rękodaynie, realiter et effective wyięte y pożyczone, ieden na tynfów dwa tysiące pięćset piędziesiąt ośm, sub actu roku tysiąc siedmset wtórego, mca Julii dwudziestego trzeciego dnia, drugi similiter na tynfów pięćset pięćdziesiąt w śrebrney niebrakowney monecie, trzeci na summę złotych polskich sześćset, per transfusionem od imć pana Adama Buchowieckiego, od całego kahału y pospólstwa niewiernych żydów miasta i. k. mci Kobrynia, zeszłemu imć panu Dominikowi Kazimierzowi Korwinowi Zarzeckiemu — woyskiemu ziemi Łukomskiey y samey ieymć pani Ewhi z Kuczewskich Zarzeckiey — woyskiey Łukomskiey daney służące, tudzież niemałe retenta rozdanych zbóż na mieszczan, obywatelów tegoż miasta i. k. mci Kobrynia y włości ekonomii Kobryńskiey (iako patet z regestrów), zaległe i dotąd za wielokrotnemi requizycyami nieoddane, a używaiąc w tym wolności, prawem pospolitym pozwoloney, (które każe swoią własnością iako chcąc szafować y dysponować). Tedy my wyż specyfikowani, Paweł — oyciec y Adam syn Buchowieccy, nie ex privato aliquo praetextu, iedynie tylko na pomnożenie chwały Pana Boga, ducti zelo pietatis, też pomienione summy za obligami od kahału Kobryńskiego winne y należące, una cum provenienti od tych summ za wszystkie lata provisione y wszelkie de super pretensye do miasta y włości Kobryńskiey reguluiące się, w. imć xiędzu Andrzeiowi Bienieckiemu — opatowi Kobryńskiemu y całemu klasztorowi zakonu oyca ś. Bazylego wielkiego, pod tytułem ś. Spasa, w mieście i. k. mci Kobryniu będącemu, wiecznemi a nigdy nieodzownemi czasy daiemy, daruiemy, żadney naymnieyszey sobie y sukcesso-

rom naszym salwy, praetextu y akcessu, directe vel indirecte, nie zachowuiąc y' z actorstwa naszego wieczyście zrzekaiąc się y na przerzeczony zakon y klasztor wlewaiąc, ustępuiemy. Dokumenta wszelkie, alias obligacyine zapisy, tudzież karty, regestra ad manus w. imć xiędza opata Kobryńskiego do dochodzenia oddaiemy. Wolen tedy y y mocen będzie w. imć xiądz Andrzey Bieniecki — opat Kobryński, w osobie swey y całego przerzeczonego klasztoru summ pomienionych za obligami, od kahału Kobryńskiego należących y zboż na retentach od miasta zaległych, dochodzić, requirować, a doszedłszy z odebranych plenarie quietować. W czym my sami y sukcessorowie nasi żadney przeszkody y interesowania się czynić nie mamy y niepowinni będą; owszem od każdego intruzora y iakikolwiek praetext o te summy ścielącego turbatora u każdego sądu y prawa zastępować y ewinkować pod zaręką equivalentiae rei mamy y powinni będziemy, wnaszaiąc ewikcyą na wszelkie dobra nasze leżące, ruchome summy pieniężne, ubique locorum będące, o którą zarękę y w naymnieyszym punkcie naruszeniu tego naszego wieczysto darownego zapisu, do zapozwania nas samych y sukcessorów naszych, ubiquinarium w wielkim xięstwie Litewskim forum, abscissis omnibus generaliter dilationibus et beneficiis iuris, ad respondendum naznaczamy. Y na to ten nasz dobrowolny, wieczysto zrzeczny, donacyiny zapis z podpisem rąk naszych y ww. ichm. pp. przyiaciół ustnie y oczewisto od nas uproszonych, daiemy. Pisan w Kobryniu, roku tysiąc siedmsetnego czterdziestego ósmego, mca Marca dwudziestego siódmego dnia. U tego dobrowolnego, wieczysto zrzecznego, donacyinego zapisu, podpisy rąk tak samych aktorów, iako też y ww. ichm. pp. przyiaciół, his exprimuntur verbis: Paweł Buchowiecki, swoim imieniem y małżonki swey, Adam Buchowiecki, iako nieumieiętny pisma kładnie znak krzyża świętego † † †. Ustnie y oczewisto proszony od ichm. Pawła oyca y Adama syna Buchowieckich, do tego wieczysto darownego na summy za obligacyinemi zapisami, od całego kahału miasta i. k. mci Kobrynia, w. imć xiędzu Andrzeiowi Bienieckiemu—opatowi y całemu klasztorowi Kobryńskiemu zakonu ś. Bazylego wielkiego, zapisu danego, na summy intro wyrażone, winne podług prawa, iako pieczętarz podpisuię się: Rafał Massalski ręką; ustnie proszony od osób wyż wyrażonych do tego donacyinego zapisu na rzecz w nim wyrażoną, podług prawa iako pieczętarz podpisuię się: Kasper Antoni Zaborowski — regent ziemski w. B. mp.; iako pieczętarz podpisuię się Woyciech Bedliński — chorąży i. k. mci. Który to takowy wieczysto zrzeczny donacyiny zapis, za oczewistym przyznaniem y podaniem onego ad acta, iest do xiąg magdeburskich Kobryńskich przyięty y wpisany.

1748 г.

Изъ книги за 1748—1749 г. стр. 20—21.

29. Мировая и квитаціонная сдѣлка между Лепесовскимъ монастыремъ и маіоромъ Войтѣхомъ Легуцкимъ по поводу спора о землѣ.

Настоятель Лепесовскаго монастыря и владѣтель Лепесъ Легуцкій заключили между собой слѣдующія условія: Настоятель соглашается допустить крестьянъ къ присягѣ, чтобы они засвидѣтельствовали вѣрность границъ монастырской земли; за это Легуцкій обѣщаетъ уступить монастырю 2 морга изъ захваченной имъ земли и разрѣшить пользоваться рыбною ловлею въ Мухавцѣ, въ мѣстахъ, пограничныхъ съ монастырскою землей.

Roku tysiąc siedmset czterdziestego ósmego miesiąca Maia siódmego dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburskim Kobryńskim, przede mną Piotrem Antonim Thadeuszem Kublickim—lantwoytem Kobryńskim Horodeckim y pisarzem Teodorem Filonowiczem—burmistrzem y całą ławicą miasta i. k. mści Kobrynia, stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim wielmożny w Bogu przewielebny imć xdz Bieniecki—opat Kobryński, tudzież wielm. imć pan Legucki—maior i. k. mści, opowiadali, prezentowali y przyznali zapis intercyzyiny ad invicem między sobą uczyniony, który po przyznaniu prosili nas urzędu, aby pomieniony zapis cum tota eius essentia był do xiąg magdeburskich Kobryńskich przyięty y wpisany. Jakoż my urząd ony przyiąwszy w xięgi wpisać pozwoliliśmy, który wpisuiąc de verbo ad verbum tenore sequitur estque talis:

Między mną Andrzeiem Bienieckim—opatem Kobryńskim, officyałem Brzeskim, imieniem moim y imieniem klasztoru ś. Bazylego wielkiego pod tytułem Podwyższenia ś. Krzyża, w Lepiosach ufundowanego, w akcyi niżey exprymowaney intuitu gruntów y przysiedlenia na pomieniony klasztor podług cyrkumskrypcyi funduszów nadanych, a nie dostarczaiących przezemnie in foro spirituali patentowaney z iedney strony, a mną Woyciechem Leguckim—maiorem i. k. mści, z drugiey strony, takowy stanął za medyacyą użytych z obu stron wiel. ichmcw pp. przyiaciół, intercyzyiny, nigdy nieporuszny, wieczysto ugodliwy, oraz kwitacyiny zapis w ten niżey opisany sposób: iż ia Andrzey Bieniecki—opat Kobryński, ex numere officii mei, przestrzegaiąc tego, aby dobra duchowne zakonne podług funduszów y ograniczeń in suo esse były y avulsa rekuperowane, ponieważ tak w morgach przysiedlenia na klasztor Lepesowski nadanego, iako też podług praw, zapisów y ograniczeń, przez fundatorów opisanych gruntów nadanych nie dostarczała zupełność, między które oraz wsi Lepesowskiey pozachodzili sznurami grunta nad cyrkumskrypcyą ograniczeń y dyzlimutuiących kupców, tudzież o wolne łowienie na rzece Muchawcu, y w tem wstawku do dworu Lepesowskiego należącym y we młynku mliwo y o inne podług osobliwszych punktów pretensye, aby pomieniony klasztor Lepesowski podług funduszów, sobie służących, non patiatur detrimentum, zwyż specyfikowanym wiel.

imć panem Leguckim — maiorem i. k. mści, iako teraznieyszym dziedzicem dóbr maiętności, Lepiosy nazwanych, w woiewodztwie Brzeskim sytuowanych, in foro regulari w prześwietnym konsystorzu, iako o dobra duchowne intentowałem akcyą. A tak mediante wiel. ichmć. pp. przyiaciół, przez nas z obu stron wziętych, compositione, tak się kontentowałem: ponieważ poddani w. i. pana Leguckiego—maiora i. k. mści, z pomienioney wsi Lepios, dobrowolnie z całą gromadą do iuramentu in evandendo zabierali się na tym, iako nic wcale klasztornego gruntu, funduszami nadanego, kopcami y miedzami obwarowanego, sobie nie przywłaszczyli, ani przyorali, za czym takową przez iurament ewazyą kontentuiąc się, ia Andrzey Bieniecki— opat Kobryński, pozwoliłem cum consensu samegoż w. imć pana Leguckiego— maiora i. k. mści, aby ze wsi maiętności Lepios sześciu mużów, ad libitum mnie opata wyłączonych, in fundo klasztoru Lepiesowskiego, to iest, w cerkwi tegoż mieysca świętego na dniu dziesiątym mensis et anni praesentium, in praesentia mnie opata lub pode mną zostaiących zakonników, rotą, dla siebie podaną, na tym, iako sami ad praesens w tey wsi żyiący, ani antecessorowie onych, to iest, dziadowie, pradziadowie, naymnieyszey cząstki gruntu klasztornego, funduszami nadanego y ograniczeniami opisanego, kopcami osypanego, nie przywłaszczyli y nikomu nie pozwolili, miedz starodawnych y kopców niepopsowali, iurament wykonali, a po wykonanym iuramencie, przy tych że gruntach poddani Lepiesowscy, ad praesens przez siebie y dotąd używanych y wyrobionych maią wiecznemi czasy zostawać, y ia Andrzey Bienicki— opat, cum succedaneis meis o to więcey turbować niemam y nie powinien będę y temi gruntami, które klasztor ad praesens ma, w używaniu kontentować się teneor. Intuitu zaś pięciu morgów na przysiędlenie klasztoru Lepiesowskiego, prawami y zapisąmi od fundatorów nadanych, ponieważ z wymiaru in praesentia wielm. ichm. pp. przyiaciół, ab utraque parte użytych, zupełność onych nie pokazała się, za czym ia Legucki—maior i. k. mści, dziedzic teraznieyszy maiętności Lepios, kontentuiąc w Bogu wielebnych ichmść xx. Bazylianów tegoż klasztoru Lepiesowskiego, za niedostarczenie w pięciu morgach, ab antiquo nadanych, do tegoż przysiedlenia morg móy własny przezemnie Leguckiego nabyty, Sykutyński nazwany, przy morgu klasztornym ob miedzę sytuowany, przyłączam y ony napomieniony klasztor abevictione ab onere podatków miasta i. k. mści Kobrynia wiecznemi czasy daię, daruie, y zapisuię, w czym ia sam przez się y sukcessorowie moi żadney przeszkody y interessowania się czynić nie mam y niepowinni będą. In super na dalsze pomnożenie chwały pana Boga, konformuiąc się ad sonantiam praw, zapisów, od fundatorów pomienionemu klasztorowi uczynionych, ia Legucki— maior i. k. mści w niwczym onych nie naruszaiąc, wolne łowienie ryb w rzecze Muchawcu, w toniach y zatokach niewodowych, to iest toni cztery, nazywaiące się iedna Zacharówkę, druga na Wirze, trzecia Rosochatkę, czwarta za Rowem przeciwko gruntu klasztornego, przytym wolne similiter łowienie ryb w stawku, tudzież wolne mliwo we młynku wiecznemi, a nieodzownemi czasy, pozwalam y ustępuię, żadney sobie y sukcessorom moim salwy o to y praetextu nie zachowuiąc. Ad haec ia Legucki—maior, na restauracyą tegoż mieysca świętego y fundowanie klasztoru, za

pretensye różne, przez kombinacyą przyiacielską, punktami umorzone y one rekompensuiąc, drzewa półczwarty kopy, tarczyc, gątów kop sto, y gontalów kop dwieście, ex nunc dać deklaruię y tym zapisem dotrzymać obowiązuię się. A ia Andrzey Bieniecki—opat Kobryński, post satisfactionem in toto pomienionemu zapisowi, proceder zaczęty w konsystorzu Janowskim z wielmożnym imć panem Leguckim—maiorem i. k. mści umarzam, kasuię, annihiluię y ony z akt eliminować pozwalam y tym wieczystym zapisem wielm. imć. pana Leguckiego y suk cessorów imci wiecznemi czasy kwituię, żadney o pretensye de super wyrażone sobie et succedaneis tegoż klasztoru salwy, praetextu y akcesso nie rezerwuiąc. Wzaiemnie y ia Legucki—maior i. k. mści, względem uroszczoney pretensyi niby o iakoweś sprzęty, zboża et id genus złożone y do rąk oddane imć xdzu Połuwce, starszemu klasztoru Lepiesowskiego, tegoż w Bogu wielebnego imć xiędza Połuwkę y cały klasztor Lepiesowski, z pomienioney pretensyi wiecznemi czasy sobie y sukcessorom moim żadney o to salwy nie zachowuiąc, kwituię, co wszystko my obie strony, zwysz wyrażone, zyścić, y dotrzymać mamy y powinni będziemy, pod zaręką trzech tysięcy złotych polskich et sub paenis banitionum ac infamiae, wnaszaiąc ewikcyą ex parte mnie Leguckiego na wszelkie dobra leżące, ruchome summy pieniężne ubique locorum będące. O którą zaręke y niedość uczynienie, albo w naymnieyszym punkcie naruszenie tego naszego wieczysto ugodliwego, oraz kwitacyinego zapisu, forum ubiquinarium w w. x. Lit do zapozwania, abscissis omnibus dillationibus et beneficiis iuris, ad respondendum naznaczamy y na to ten nasz dobrowolny daiemy, wieczysto ugodliwy, oraz kwitacyiny zapis, z podpisem rąk naszych y wielm. ichmościów pp. przyiaciół, z obu stron od nas za pieczętarzów uproszonych. Pisan w Lępiosach roku tysiąc siedmset czterdziestego ósmego miesiąca Maia siódmego dnia. U tego zapisu wieczysto ugodliwego podpisy rąk, tak samych aktorów, iako też y ichmćw pp. pieczętarzów his exprimuntur verbis: xiądz Andrzey Bieniecki—archimandryta Kobryński, oficyał Brzeski; mości pan Woyciech Legucki—maior i. k. mści. Ustnie y oczewisto proszony pieczętarz od osób wysz wyrażonych do tego zapisu wieczysto ugodliwego y kwitacyinego na rzecz w tym zapisie wyrażoną, ad invicem sobie stronom de super exprymowanym danego, podług prawa podpisuię się: Dominik Antoni Wereszczaka — chorąży Nowogródka Siewierskiego m. p. Ustnie y oczewisto proszony od osób wyż wyrażonych do tego zapisu wieczysto ugodliwego, iako pieczętarz podług prawa podpisuię się: Jan Antoni Bęklewski—starosta Pod. Ustnie proszony od osób wyż wyrażonych do tego zapisu, iako pieczętarz podpisuię się: Kasper Antoni Zaborowski—regent ziemski woiewodztwa Brzeskiego. Ustnie y oczewisto proszony od wyż wyrażonych osób podług prawa podpisuię się: Rafał Massalski s. z. w. Ustnie y oczewisto proszony pieczętarz od osób wyż wyrażonych do tego zapisu intercyzyinego, oraz kwitacyinego, ad invicem danego, podług prawa podpisuię się: Stanisław Laskowski mp. Który to takowy zapis wieczysto ugodliwy, ad in vicem uczyniony, za oczewistym przez wyrażone osoby zeznaniem, iest do xiąg magdeburskich Kobryńskich przyięty y wpisany.

1748 г.

Изъ книги за 1664—1767 г. стр. 679.

30. Жалоба настоятеля Лепесскаго монастыря Андрея Вѣнецкаго на маіора Войтѣха Легуцкаго о захватахъ монастырской собственности.

Настоятель Лепесовскаго монастыря заявляетъ, что вслѣдствіе постоянныхъ захватовъ монастырской земли Войтѣхомъ Легуцкимъ, онъ настоятель жаловался на Легуцкаго по этому поводу, боясь чтобы со временемъ эти земли не отошли отъ монастыря. Легуцкій, по совѣту своихъ знакомыхъ, вступилъ съ настоятелемъ въ *извѣстную комбинацію*; но такъ какъ до сихъ поръ ничего не исполнилъ, то настоятель и подаетъ настоящее заявленіе съ цѣлію вести процессъ.

Roku 1748, miesiąca Oktobra ósmego dnia.

Na urzędzie i. k. mci magdeburyi Kobryńskiey, przede mną Piotrem Antonim Tadeuszem Kublyckym—lantwoytem Kobryńskym Horodeckym y pisarzem, Teodorem Filonowyczem—burmistrzem y całą ławicą, stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskym w. imć xiądz Andrzey Bieniecky — opat Kobryńsky, officyał Brzesky, starszy Lepiesowsky, imieniem swoym y wszystkych zakonników, tak konwentu Kobryńskiego, iako y Lepiesowskiego, solenniter manifestuiąc się, protestował się przecywko w. imć panu Woyciechowy Leguckiemu—maiorowy i. k. mci, a dziedzycowy dóbr Lepios y sukcessorom y następcom onego, tych dóbr posyduiących, o to, iż w. imć pan Legucky, nabywszy tych dóbr Lepios nazwanych, w woiewodztwie Brzeskym sytuowanych, nieznośne krzywdy, tak przez antecessorów y posessorów Lepiesowskych temu klasztorowi Lepiesowskiemu ustawycznie czynily y czynić nie przestaią, zaczym modernus manifestans, zostawszy od zakonu świętego Bazylego wielkiego dożywotnym starszym Lepiesowskym, a wydząc, że vigore funduszów, ab antiquo nadanych, mało co partycypuie klasztor Lepiesowsky, tylko imć pan Legucky podgarnął pod swoią posessyą y per vim wszystko odebrał, co w funduszn iest wyrażono, y o to wszystko pozwawszy do konsystorza Janowskiego process in ultimario grodu otrzymał y wszędzie vigore processu onego klątew publykowano, co wydząc, w. imć pan Legucky przez iaśnie wielmożnych ww. ichmcw panów przyiaciół perswaziią uprosył u modernego manifestanta, że się zdał na kombynacią, lubo wiedział y wydział, że non infundamento prawa duchownego, ale dla inportunii wielkiey, tantisper musiał na tę kombynacyą pozwolyć, sine consensu superiorów swoich, do tego klasztoru należących, po którey kombinacyi nie tylko periurium się pokazało poddanych Lepiesowskych, ale y sam w. imć pan Legucki —maior i. k. mci, we wszystkych punktach w tey kombynacyi opisanych, in pleno, satysfakcią nie uczynył y owszem contra venit. Zaczym wydząc w. imć xiądz opat y zakonnycy, pod nym mieszkaiące, aby przez to in posterum nie miał detrymentum klasztor Lepiesowsky, a przestrzegaiąc integritatem funduszów klasztoru Lepiesowskiego, solenniter

et cum magno dolore de nullitate tey complanacyi, stosuiąc się do manyfestów, od całego zakonu ś. Bazylego wielkiego coram notario apostolico uczynionego, manifestował się, kasuiąc, anihiluiąc y unieważniaiąc w każdym subselium, poczytaną tę kombynacyią y o zaczęty process z wielmożnym imć panem Leguckym w konsystorzu Janowskym konkludować deklaruie. Który to takowy manyfest iest przyięty y wpysany.

1749 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 8—9.

31. Продажная запись на двухъ крестьянъ, данная отъ Непокойчицкихъ Яхимовичамъ.

Супруги Непокойчицкіе продаютъ на вѣчныя времена двухъ своихъ «*выростковъ*» крестьянъ за 200 тынфовъ Яхимовичамъ.

Na urzędzie i. k. mści magdeburgii Kobryńskiey, przede mną Piotrem Ant. Tadeuszem Kublickim — lantwoytem Kobryńskim y Horodeckim, Prokopym Józefowiczem — burmistrzem y całą ławicą, stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim w. ichmść państwo Józef y Katarzyna z Protasewiczów Niepokoyczyccy — mostowniczowie woiewództwa Brzeskiego, małżonkowie, prawo wieczyste na dwóch chłopów Nowosadzkich w ichmw państwu Jachimowiczom wiecznością przyznali y ku zapisaniu do xiąg magdeburskich Kobryńskich w te słowa podali:

Ja Józef Sebestyanowicz Niepokoyczycki — mostowniczy woiewództwa Brzeskiego, względem małżeńskiego starszeństwa, y ia Katarzyna z Protasewiczów Niepokoyczycka, ad prezens małżonkowie, iedna za drugą osobę ręcząc, poczytaiąc y obowiązuiąc się pod wszystkie poniżey wyrażone punkta, paragrafy, klawzuli y obowiązki y peny prawne, oraz podlegaiąc y onym, poddaiąc się czyniemy wiadomo y iawnie wyznawamy kożdemu, teraz y w przyszły czas będącego wieku ludziom, o tym wiedzieć potrzebuiącym, tym naszym dobrowolnym strictissime inscriptionis wieczysto przedażnym, a nigdy w potomne wieki, tak przeze mnie, iako y sukcessorów naszych nieodzownym y nieporuszonym zapisem w. ichm państwu Jachimowiczom — stolnikom powiatu Mozyrskiego y sukcessorom ichmć danym na to, iż co ia Józef Sebestyanowicz Niepokoyczycki, wraz z żoną moią, małżonkowie — mostowniczowie woiewództwa Brzeskiego, zpłaciwszy braci moich rodzonych z dóbr maiętności Nowosad nazwanych, w woiewództwie Brzeskim leżących, spadłych na nas po świętey pamięci nieboszczyku oycu y dobrodzieiu naszym iako aequali iure na toż et qualiter do równego działu należących, tąż fortunę vigore scorsim uczynionego od ichmcw panów braci zrzeczenia, iako też judicialiter et oficiose sporządzonych y danych, my od wszystkich ieneraliter kompetytorów y pretensorów wieczysto przedażnych praw y

kwitacyi, używszy wolności prawa statutowego, które pozwala dobrami swemi, iako chcąc szafować, dać, zapisać, przedać, darować, też Nowosady w ograniczeniu swoim będące, cum omnibus adtinentis et pertinentiis, ut fusius w prawie y inwentarzu wyraża się opisanemi, nic na siebie nie excypuiąc, ani wyłączaiąc, zgodziwszy się na dziedzictwo z wielmożnym ichmć panem Stanisławem Jachimowiczem— stolnikiem powiatu Mozyrskiego, nikomu pierwszym, ani pośledniejszym prawem niezawiedzionym, zbyłem, przedałem y ustąpiłem, excypuiąc tylko sobie z tychże wieczysto-przedażnych Nowosad inwentarzów dwóch wyrostków na imię iednego Trochima Kozluka, a drugiego Hawriłka Marczuka, któremi ia aż do daty ninieyszey, iako własnemi poddanemi miałem moc y prawo, iako chcąc dysponować, dać, zapisać, przedać, a że ciż sami chłopcy odemnie zbiegli ad fundum tychże Nowosad, maiąc tam krewnych swoich, a ad praesens dziedzicznych dóbr w. ichmw państwa Jachimowiczów, stolników powiatu Mozyrskiego, więc ciż ichmć państwo Jachimowiczowie rekrutuiąc substancią życząc sobie propter aurem (?) poddanych y obóch dwóch chłopców z nimi zgodzić się uczyniliśmy, to my małżonkowie spólnie, zgodnie y iednostaynie, iżeśmy tych dwóch chłopców Trochima Kozluka y Hawryła Marczuka nikomu żadnym pierwszym ani pośledniejszym prawem niezawiedzionych, zgodziwszy się, dobrowolnie za dwieście tynfów currentis in regno monetae ustąpili, zbyli y na dziedzictwo wiecznemi czasy przedali tymże w. ichmćm państwu Jachimowiczom— stolnikom powiatu Mozyrskiego, samym ichmcm y sukcessorom ichmcw, nie zachowuiąc sobie do tychże chłopców, iako y do całey substancyi Nowosad żadney salwy, ani pretextu y sukcessorom naszym nie zostawuiąc, których z aktorstwa y dziedzictwa nadaiemy, my sami y sukcessorowie nasi ustępuiemy y zrzekamy się, dać, darować, zamieniać y komu chcąc przedać, samym w. ichm państwa Jachimowiczom y sukcessorom ichmw pozwaliamy, moc zupełną daiemy y sukcessorowie nasi bronić nie powinni będą, także omni modo z sukcessorami naszemi ewinkuiemy się y asekuruiemy od wszelkich pretensorów y turbatorów bronić y zastępować w. ichmcw państwa Jachimowiczów y sukcessorów ichmcw. Czego wszystkiego perpetue dotrzymać submittuiemy się y sukcessorowie nasi powinni będą, pod troiakiemi zarękami y pod punktem banicii doczesney y wieczney y infamii; pod którą zarękę oraz y ewikcyą w niezastępowaniu od turbatorów y pretensorów wszelkie dobra nasze, summy pieniężne, ubique locorum będące, teraz y w przyszły czas okazuiąc się, oneruiemy y poddaiemy, tudzież w naruszeniu tego wieczystego zapisu do zapozwania nas y sukcessorów naszych forum ubiquinarium naznaczamy y moc zupełną daiemy, tak samym ichmcm państwu Jachimowiczom, iako y sukcessorom ichmw. Y na tośmy dali ten dobrowolny wieczysty zapis z podpisami rąk naszych y zapisami rąk ichmościów panów pieczętarzów, ustnie y oczewisto od nas uproszonych. Datum w Nowosadach, roku tysiąc siedmsetnego czterdziestego dziewiątego, miesiąca Apryla siedmnastego dnia. U tego prawa wieczystego podpisy ichmcw państwa aktorów temi słowy: Józef Niepokoyczycki; Katarzyna Niepokoyczycka. Podpisy ichmw panów pieczętarzów temi słowy: ustnie y oczewisto uproszony pieczętarz od ichmw państwa Józefa y Katarzyny Niepokoyczyckich, małżonków —mostowniczych woie-

wództwa Brzeskiego, do tego wieczystego zapisu na rzecz w nim wyrażoną danego w. ichmościom państwu Jachimowiczom — stolnikom powiatu Mozyrskiego, podług prawa podpisuię się: Emanuel Lewkowicz; ustnie y oczewisto proszony pieczętarz, do tego zapisu zwyż mianowanego podpisuię się — Stefanowski. Które to takowe prawo przyznane, iest do xiąg magdeburskich Kobryńskich przyięte y zapisane. Pisan ut supra.

1749 г.

Изъ книги за 1749—1750 г., стр. 54—56.

32. Закладная запись Апполинарія Янушкевича, выданная Антопольскому базиліанскому монастырю на имѣніе Корсунь.

Аполинарій Янушкевичъ взялъ у базиліанскаго монастыря 10,000 злотыхъ подъ залогъ своего имѣнія Корсуня на одинъ годъ; вслѣдствіе чего и выдаетъ настоящую запись съ обязательствомъ, въ случаѣ нарушенія оной, подвергнуться штрафу въ 10,000 злотыхъ, банниіи и безчестію.

Na urzędzie i. k. mości magdeburgii Kobryńskiey, przede mną Piotrem Antonim Tadeuszem Kublickym — lantwoytem Kobryńskim y Horodeckym y pisarzem, Prokopem Józefowyczem — burmistrzem y całą ławicą miasta i. k. mci Kobrynia, comparens personaliter w ratuszu Kobryńskym imci pan Apolinary Januszkewycz—skarbnikowycz woiewodztwa Brzeskiego, prawo zastawne na maiętność Korsunie, w summie dziesięciu tysięcy złotych polskich w Bogu przewielebnemu imć xiędzu Ignacemu Ulyńskiemu — starszemu klasztoru Antopolskiego y wszystkym ww. ichcm xięży bazylianom tegoż klasztoru dany y służący, oczewisto przyznał y ku zapisaniu do xiąg magdeburskych Kobryńskych w te słowa podał:

Ja Apolinar Merło Januszkewicz—skarbnikowycz woiewodztwa Brzeskiego, pod wszystkie wadyia, ligamenta, niżey exprimowane, samego siebie y dobra moie libere ac sponte poddaiąc, iawno czynię y wyznawam sam na siebie tym moym dobrowolnym, w żadnym punkcie y paragrafie nieporuszonym zapisem, w Bogu przewielebnemu imć xiędzu Ignącemu Ulinskiemu—starszemu y wszystkim w Bogu wielebnym ichcm xięży bazylianów klasztoru Antopolskiego, zakonu ś. Bazylego wielkiego danym na to, iż co ia będąc pilnie potrzebny summy pieniędzy dziesięciu tysięcy złotych polskych, tedy takową summę u imć xiędza Ignacego Ulińskiego y wszystkich ichcw xięży bazylianów Antopolskich wziąłem y pożyczyłem y spełna, a nie po częśći odebrałem, gotowey rękodayney, a nie z żadnego kontraktu urosłey summy, in specie te dziesięć tysięcy złotych polskych, która przedtym na dobra Korsunie przez ichcw panów Zalenskych— chorążych Litewskych y zeszłego w Bogu brata mego imć pana Bazylego Januszkiewicza była zaciągniona idque czerwonymi złotyma trzysta

pięćdziesiąt y pięć, rachuiąc kożdy czerwony złoty po złotych polskych ośmnastu, residuum zaś białą śrebrną, niebrakowaną talarową y tynfową monetą, rachuiąc talar bity po złotych ośm, a tynf po złotemu, groszy ośm; w której to summie dziesięciu tysięcy złotych polskych maiętność moią, nazwaną Korsunie, w woiewodztwie Brzeskym leżącą, wolno, swobodno, żadnemi długami, ani przewodami prawnemi nie onerowaną, mianowicie sam dwor Korsunsky, z budynkami mieszkalnemi, gumiennemi y wszelkym budowaniem, w tym dworze będącym, z gruntamy, ogrodamy, sianożęciamy, z poddanemy, do tey maiętności należącemi, ich domami, dziećmi, gruntamy, robociznamy, czynszamy y wszelką powinnością, w ynwentarzu opisaną, z boramy, zaroślamy, sadzawkamy, z wolnym ryb łowieniem y w lasach zwierza y ptastwa biciem, cum omnibus pertinentiis, nullis exceptis ac excipiendis, na mnie samego y sukcessorów moich, lecz ze wszystkiemy pożytkamy do tey maiętności należącemy, w moc, w dzierżenie y spokoyne używanie, urzędownie przez ienerała i. k. mci woiewodztwa Brzeskiego na rok ieden do świętego Jana Krzciciela, święta rzymskiego, to iest, do dnia dwudziestego czwartego Junii w roku, da Bóg przyszłym, tysiącznym siedmsetnym pięćdziesiątym, według nowego kalendarza przypadaiącego, w realną posessyą przewielebnemu imć xiędzu Ignacemu Ulyńskiemy—starszemu, y wszystkym wielebnym ichcm xięży bazylianom klasztoru Antopolskiego, zakonu św. Bazylego wielkiego, podałem y intromiłowałem. Wolni tedy y mocni ichmć xięża bazylianie Antopolscy tą wyż wyrażoną maiętnością Korsuniamy, iako swoią własnością rządzyć, szafować y dysponować, pożytków wszelkych wynaydować, aż do oddania y spełna sobie wyliczenia dziesięciu tysięcy złotych polskich monetą wyż wyrażoną, bez żadney ode mnie samego y sukcessorów moich przeszkody, pod zaręką takoweyże summy dziesięciu tysięcy złotych polskich, tudzież pod punktem banicyi doczesney y wieczney y infamii, wnosząc ewikcyą super haereditatem tychże samych dóbr Korsunie, o którą zarękę y ewikcyą in casu naruszenia, by w naymnieyszym punkcie, tego moiego dobrowolnego zastawnego zapisu, daię moc y pozwalam w Bogu przewielebnemu imć xiędzu ignacemu Ulińskiemu — starszemu y wszystkim ichcm xięży bazylianom klasztoru Antopolskiego, zakonu ś. Bazylego wielkiego, mnie samego y sukcessorów moich do wszelkiego sądu, prawa y urzędu ziemskiego, grodzkiego, trybunału głównego wielkiego xięstwa Litewskiego, i. k. mci zadwornego asessorskiego, a czasu interegnum y kapturowego, w który chcąc termin, woiewodztwo y powiat zapozwać; gdzie ia będąc zapozwany abscisis omnibus dilationibus beneficiisque iuris, nie biorąc na munimenta, obmowy, na chorobie lub na większości spraw, stanąć y usprawiedliwić się mam y sukcessorowie moi powinny będą. Sąd też y urząd wszelki, tak w staniu, iako y w niestaniu moim do prawa, wolen y mocen będzie, weyrzawszy w ten móy zastawny zapis, zaręką wyż mianowaną wskazać mnie na trzy lucra wydać y mocną a nieodwłoczną odprawę na dobrach moich, Korsunie mianowanych, uczynić, a ia sądu o zły wskaz, a stronę o zły przewod prawa nigdzie pozywać y turbować niemam, pod tą wyrażoną zaręką, po któreyby y nieraz zapłaceniu, przecie ten móy dobrowolny zastawny zapis in pleno robore et valore do dość onemu we wszystkim

uczynienia zostawać ma, y na tom ony podpisem ręki moiey własney y podpisami rąk ichmcw panów pieczętarzów, ustnie y oczewisto uproszonych, korrobuiąc, w Bogu przewielebnemu imć xdzu IgnacemuUlińskiemu—starszemu y wszystkim wielebnym ichcm xięży bazylianom klasztoru Antopolskiego, zakonu świętego Bazylego wielkiego, oddałem w Korsuniach, roku tysiąc siedmset czterdziestego dziewiątego, mca July piątego dnia.

U tego prawa zastawnego podpis aktora temi słowy: Apolinar Merło Januszkiewicz — skarbnikowicz woiewodztwa Brzeskiego; podpisy ichmc panów pieczętarzów temi słowy: ostnie y oczewisto proszony pieczętarz od imć pana Apolinara Januszkiewicza — skarbnikowicza woiewodztwa Brzeskiego, do tego prawa zastawnego w Bogu przewielebnemu imć xiędzu Ignacemu Ulińskiemu — starszemu y wszystkim ichcm xięży bazylianom klasztoru Antopolskiego, zakonu świętego Bazylego wielkiego, na maiętność Korsunie, w woiewodtwie Brzeskim leżące, w summie dziesięciu tysięcy złotych polskich, na rok ieden, od roku teraznieyszego tysiąc siedmsetnego czterdziestego dziewiątego do roku tysiąc siedmsetnego pięćdziesiątego, do dnia świętego Jana Krzciciela święta rzymskiego, dnia dwudziestego czwartego miesiąca Junii—podług prawa podpisuię się: Ludwik Tadeusz Kościuszko— miecznik woiewodztwa Brzeskiego; ustnie y oczewisto proszony pieczętarz od imć pana Apollinara Januszkiewicza do tego prawa zastawnego na rzecz we sredzinie wyrażoną, danego w Bogu przewielebnemu imć xiędzu Ignacemu Ulińskiemu — starszemu kłasztoru Antopolskiego y wszystkim xiężom Antopolskiego klasztoru służącego, podlug prawa podpisuię się: Franciszek Alexander z Konopnicy Grabowski— oboźny woiewodztwa Brzeskiego; ustnie y oczewisto proszony pieczętarz od osoby wyż wyrażoney do tego prawa zastawnego, podług prawa podpisuię się: Kasper Kosciuszko — cześnikowicz woiewodztwa Brzeskiego. Które to takowe prawo zastawne iest przyznane y do xiąd magdeburskich Kobryńskich przyięte y wpisane.

1749 г.

Изъ книги за 1749—1750 г., стр. 77.

33. Заявленіе разныхъ обывателей противъ Кобринскаго архимандрита и противъ маршалка Орѣшка о захватѣ земли.

Дворяне, поименованные въ этомъ документѣ, жалуются на Кобринскаго архимандрита Бенецкаго и Пинскаго маршалка Орѣшко по слѣдующему случаю: у дворянъ съ монастыремъ были спорные земли; дѣло это разсматривалъ на мѣстѣ Браціавскій подкоморій, за тѣмъ оно перешло въ Литовскій трибуналъ. Трибуналъ поручилъ окончить оное маршалку Орѣшку; Орѣшко явился на мѣсто спора, но не окончивши дѣла и не назначивши срока для его окончанія, уѣхалъ, чѣмъ ввелъ дворянъ въ убытки.

Roku Pańskiego tysiąc siedsetnego czterdziestego dziewiątego, miesiąca Octobra dwudziestego ósmego dnia.

Na urzędzie i. k. mci magdeburgii Kobryńskiey, przede mną Antonim Piotrem Kublickim — lantwoytem Kobryńskim y

Horodeckim, Prokopym Józefowiczem — burmistrzem y całą ławicą, w ratuszu sądownie zasiadaiącemi, comparentes personaliter ichmć panowie Kazimierz Grudziński, Franciszek Horain, Konstanty y Jakób Stachowscy, Karol Kazimierz y Alexander Łazowscy y inni ichmć dóbr Nowosiołek posessores y dziedzice, tudzież ichmć panowie Jakub, Michał, Paweł y Theodor Chodyniccy Kulmowiccy, Józef y Adam Wasiewscy, Benedykt y Stefan Puchalscy, Bogusław Sławko, Kazimierz Bosiacki, Bazyli Załuszczyński y inni ichmć dóbr Chodynicz y Liszakowszczyzny posessores y dziedzice, Dominik y Piotr Chodyniccy, Franciszek Woroszyło, dóbr Neskroczych toż posessores y dziedzice, w woiewodztwie Brzeskim leżących, solenniter manifestuiąc się protestowali się przeciwko wielmożnemu ichmci panu Michałowi Stanisławowi Oreszkowi—marszałkowi powiatu Pińskiego, tudzież imci xiędzu Andrzeiowi Bienieckiemu—archimandrycie y wszystkim wielebnym w Bogu ichcm xięży divi Basili magni klasztoru Kobryńskiego, in uno consilio et condictamine z sobą zostaiącym, mieniąc o to: yż co po zaszłym dekrecie oczywistym sądów podkomorskich Bracławskich, między żałuiącemi dellatorami, a ichmciami xięży archimandrytą y wszystkiemi xięży bazylianami Kobryńskiemi, także z imcią panem Janem — podstolim Rzeczyckim, ciż ichmć xięża archimandryt y bazylianie Kobryńscy znaki y kopce graniczne, przez wielm. imci pana Antoniego Dusiatskiego Rudominę — podkomorzego Bracławskiego, starostę Lubeckiego, dekretem trybunalnym wielkiego xięstwa Litewskiego, koła compositi iuditii, ad id negotium desygnowanego, poczynione, porozrzucawszy, gwałt, wiolencye y expulsye z gruntów, łąk y lasów do dóbr Nowosiółek y Chodynicz ab aevo należących y dekretem sądów podkomorskich Brasławskich dellatoribus adiudikowanych, uczynili, iako fusius zaszły a parte dellatorum proceder rem w sobie obloquitur; o co gdy się agitowała sprawa po zaszłey apellacyi a parte ichmcw xięży archimandryty y oyców bazylianów Kobryńskich w trybunale Litewskim wielkiego xięstwa Litewskiego, tedy tenże sąd trybunału głównego wielkiego xięstwa Litewskiego inductią do uroczyszcz Pierohi, Zupełney, Podwersza, Zubliszczu, Liszczywla, Lisyc, Sieniatycz, Stebnoi, Dydnia, Breezowa, pol Ukałki, Niza y innych, w dekrecie wyrażonych, uznał, a oraz grunta supra wyrażone per iuridicam traditionem dellatoribus obeymować pozwolił, w samey zaś sprawie pro finali disiudicatione totius negotii y do approbaty, czyli też do melioraciey dekretu sądów podkomorskich Bracławskich przed sąd wielm. imci pana Oreszki—marszałka powiatu Pińskiego, naznaczywszy dwóch ichmćw panów komissarzów odesłał, vigore którego dekretu wielm. imć pan Michał Słanyk Buczyński—oboźny y sędzia grodzki woiewodztwa Brzeskiego, ad fundum dóbr Nowosiółek y Chodynicz ziechawszy, grunta uroczyszczami, w dekrecie trybunału głównego wielkiego xięstwa Litewskiego y w liście podawczym wyrażone, per reinductionom dellatoribus podał postque per acta imć xiądz archimandryta y wszyscy oycowie bazylianie Kobryńscy, iterite expulsi z gruntu y teraznieyszych uroczyszczach u Kałki y Stebney sytuowanych, uczynili. Tandem wiel. imć pan Oreszko — marszałek powiatu Pińskiego, vigore wydanych od siebie sołta praxi iuris obwieszczeń y odroczeń do miasta i. k. mci Kobrynia, in termino w odroczeniach expresse et

in fundo differentiarum iurisdictią, ufundowawszy y sądy swoie obwołać kazawszy, ex loco competenti iurisdictią sądów swoich marszałkowskich y komissarskich do miasta Kobrynia, vetante lege, przeniosł, gdzie po kontrowersyach in accessorio a parte dellatorów o kontrawencyą w nieoddaniu solucyey, iako też o reinductią do gruntów uroczyszczami, u Kałki y Stebney nazwanych, sytuowanego, przez list wielm. imci pana sędziego grodzkiego Brzeskiego delatoribus podanego y o summę, dekretem oczewistym trybunału wielkiego xięstwa Litewskiego, za kondemnaty grodzkie Brzeskie, na ichmć xięży archimandrycie y bazylianach Kobryńskich adiudykowane, feruiąc, z wielmożnemi ichmościami pany komissarzami decyzyą, reinductią y kontrawencyą pretendowane, a parte dellatorów ad principale iudicatum suum suspendowawszy, oraz omnimodam securitatem ab utrinque gruntów, łąk y lasów in possesso procedentium będących, obwarowawszy, sądy swoie marszałkowskie y komissarskie do dnia dwudziestego siódmego Octobris zalimitował, na który termin, znać in condicto wstaiąc, wielmożny imćpan marszałek powiatu Pińskiego z w Bogu przewielebnym y xiędzem Bienieckim — archimandrytą y xiężą bazylianami tegoż klasztoru, ad fundum po zaszłych wielu deklaracyach swoich nie ziechał, a do dalszego terminu sądów swoich nie odroczył, przez co summum detrimentum dellatoribus uczyniwszy, do szkod znacznych y expens przywiódł. O co żałuiące dellatores, chcąc iure agere, antę omnia do uznania reindukcyi do gruntów y sianożęci w uroczyszezach Kałce y Stebney, także całego Zarzecza, in circuitu uroczyszcza Berezowa zostaiących, y do przysądzenia noviter gruntów, łąk y lasów, począwszy od młynku Nowosieleckiego, przy ścienie Lachczyckiey, aż do Lisic ciągnących się, vigore expressy rewizyi, przez Dmitra Sapiehę czynioney, do approbatv dekretów sądów podkomorskich, hac in causa ferowanego, in simul z listem podawczym wielm. imć pana sędziego grodzkiego woiewodztwa Brzeskiego, vigore których do obwarowania omnimodam securitatem gruntów, łąk, lasów, a praecipue w uroczyszczach Pierosie, Podwerszu, Zubliszczach, Sieniatyczach, Stebney, Dydyniu, Liszczywlu, Lisicach, Berezowie, na Zarzeczu, u Kałki, Nizu, Izbiszczach, Czerniszczu, Repiechowce, Kulikowce y innych, ab aevo do dóbr Nowosiołek, Chodynicz, Liszakowszczyzny, Nestorowych łoz y Jahołek y Tyzawy należących, niemniey też do przysądzenia summy y sowitości oney, tak dekretem podkomorskim Bracławskim przysądzonych, iako też nowo erogowany przez żałuiących dellatorów, y o to wszystko, co czasu prawa przez kontrowersyą ichmw panów patronów dowiedziono będzie, salva też żałoby melioratione, reservata wyż wyrażeni dellatores iterum iterumque manifestowali się, y takowy swóy manifest ad acta i. k. mci magdeburgii Kobryńskiey podali. Który iest przyięty y wpisany.

1750 г.

Изъ книги за 1676—1708 годы, стр. 734—735.

34. Жалоба настоятеля Кобринскаго монастыря Андрея Бѣлецкаго на шляхтичей Осипа Славку, Зарембу и др. о разореніи граничнаго копца.

Настоятель Кобринскаго монастыря Бѣнецкій, жалуется на поименованныхъ въ этомъ актѣ шляхтичей, что они уничтожили пограничный знакъ и на половину снесли копецъ, разграничивавшій монастырскія земли отъ шляхетскихъ съ цѣлью завладѣнія монастырской землей, не смотря на то, что копецъ этотъ былъ подтвержденъ коммиссарами и посвѣдѣтельствованъ 22-ю свѣдѣтелями.

Roku tysiąc siedmset pięddziesiątego miesiąca Maia wtórego dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburskim Kobryńskim, przede mną Piotrem Antonim Tadeuszem Kublickim—lantwoytem Kobryńskim Horodeckim y pisarzem Bazylem Onufryiewiczem.— burmistrzem y całą ławicą miasta i. k. mści Kobrynia comparendo personaliter w ratussu Kobryńskim w. imć xdz Andrzey Bieniecki—opat Kobryński y oficyał Brzeski, nomine suo et totius conventus Cobrinensis, żałował y soleniter manifestuiąc się protestował się na ichmośw pp. Bogusława y Józefa Sławków, Zarembę Ostrowskiego grodzkiego y innych in uno consilio et condictamine z obżałowanemi ich pp. szlachtą Chodynickiemi y Nowosieleckiemi zostaiących, o to, iż co obżałowani postponendo prawa duchowne y świeckie, de securitate bonorum opisane, nie kontentuiąc się różnemi wiolencyami w gruntach ab antiquo przysiągłych chłopskich, do archimandryi Kobryńskiey należących które ustawicznie się dzieią, lecz pejora peius cumulando, kiedy czyniąc in condicto z obżałowanemi ich mość panami szlachtą Nowosielską y Chodynicką, czyhaiącemi na zgubę y ruinę archimandryi Kobryńskiey, krzyż z dawua stoiący na kopcu Humenowka nazwanym, dla pamięci y duktu granicy gruntów archimandryi Kobryńskiey, który kopiec nietylko dekretem kommissarskim approbowany, ale też y dwunastu ludzi zaprzysiężony został, tandem ciż obżałowani ichmć studio ich mość pp. szlachty Nowosieleckich y Chodynickich, chcąc aby in posterum żadnego vestigium granicy gruntów archimandrytskich nie zostawić, takowy krzyż wyrąbawszy wyrzucili, iednak pro vestigio pień od tego krzyża został się, na ostatek y kopca połowę rozorali, szczegulnie chcąc, aby łatwiey do reszty zabrania gruntów archimandryi Kobryńskiey przyść było. Za czym żałuiący dellator, praevidendo indemnitati suae, aby przez to iakowego detrimentum archimandrya Kobryńska nie ponosiła, a chcąc z obżałowanemi ichmcmi o takowe bezprawia summario ac abbreviato processu iuris iure agere, ante omnia do pokarania paenami prawnemi za wyrąbanie krzyża y kopca rozoranie, denique za violencye, że się ważyli na zaprzysiężony kopiec nastempować y onego kopca ad refusionem damnorum litisque expensorum y o to wszystko, quod iuris et praetensionis

bydź może y co czasu prawa deducetur, salva melioratione tey żałoby.

Po którym zaniesionym manifeście Hrehory Baranowski — ienerał i. k. mości woiewodztwa Brzeskiego, będąc użytym z stroną szlachty ichmśw pp. Franciszkiem Starowolskim y Pawłem Andronowskim dla uczynienia wizyi wyrąbanego krzyża y rozoranego kopca przez ichmościów pp. Sławków, Zarębę— grodzkiego Ostrowskiego ex condicto ichmościów pp. szlachty Nowosieleckich y Chodynickich y innych oczewisto zeznał:

Ja ienerał i. k. mści woiewodztwa Brzeskiego zeznawam tym moim relacyinym czynioney wizyi kwitem: iż w roku teraźnieyszym tysiąc siedmsetnym piędziesiątym miesiąca Maia wtórego dnia z tym iż ichmć pp. szlachtą de super wyrażoną ziechąwszy do kopca, Humenowka nazwanego, widzieliśmy krzyż wyrąbany, tylko pień, gdzie był krzyż zostawiony, y kopiec rozorany przez połowę y kiedyśmy pytali, przez kogoby się to stało, tedy uczynili nam relacyą, że przez ichmościów pp. Sławków, Zarembę—grodzkiego Ostrowskiego y innych studio ich mościów pp. szlachty Nowosieleckich, Chodyńskich y innych. Za czym po uczynioney takowey wizyi żałuiący dellator takowy krzyż w magdeburgii Kobryńskiey prezentował, po którey prezencii dał tę swoią solenną manifestacyą, in simul cum visione, do xiąg magdeburskich zapisać. Co iest zapisano.

1752 г.

Изъ книги за 1750—1760 г. стр. 852.

35. Жалоба прокуратора Кобринскаго монастыря Өомы Радкевича на Антонія Волынскаго, о причиненіи монастырю разныхъ убытковъ.

Прокураторъ Кобринскаго монастыря Өома Радкевичъ жалуется на коммиссара имѣній кн. Огинскаго, что онъ подъ видомъ интересовъ своего владѣльца, для собственной надобности забираетъ у евреевъ и крестьянъ подводы и перевозитъ на нихъ свои собственные же предметы; что перевозя однажды клади, онъ остановился на монастырской землѣ и потравилъ луга и поля; въ это же время произносилъ разныя угрозы противъ прокуратора и монастыря.

Roku 1753, miesiąca Maia 21 dnia.

Comparendo personaliter w Bogu przewielebny imć xiądz Tomasz Radkiewicz— zakonnik świętego Bazylego wielkiego opactwa Kobryńskiego prokurator, nomine w. imci xdza Andrzeia z Bieniedzic Bienieckiego— opata Kobryńskiego et totius conventus Kobrynensis, solenniter manifestuiąc protestował się na i. w. imści pana Michała Ogińskiego—pisarza polnego wielkiego xtwa Litewskiego, starosty Pińskiego, qva pana, a naybardziey przeciwko wielm. imci pana N. N. kommissarza dóbr iaśnie wielm. imci mieniąc o to, iż wielmożny N. kommissarz nie postokrotne razy biorąc w protekcyę swoią u żydów różnych wozy y pędząc one do przedania niby samego i. w. imci pana Ogińskiego — pisarza wielkiego xtwa Litewskiego, niby z starostwa Pińskiego,

in praedam skarbu rzeczy-pospolitey, a naybardziey postpositione wyż wyrażonych dellatorów, nie tylko myta nie oddawał, ale w roku teraźnieyszym 1753, miesiąca Maia 7 dnia, subordynowawszy ludzi, lepiey po imieniu y przezwisku imci wiadomych, żydówkę arendarkę karczmy na Piaskach, delatorów będące y ludzi modernych aktorów zbił, ztłuk y porozpędzał, nawiększy kontempt wołów więcey sta na grunt klasztoru opactwa Kobryńskiego zapędziwszy, nim odbył komorę y myto w Kobryniu, przez cały dzień y noc sianożęci y zboże różne pospasywał y podratował. Co widząc modernus manifestans takową ruinę klasztoru swego, woła waloru talerów bitych trzy, na swoim gruncie zagrabił, y kiedy żyd tenże z Pińska iadąc przy wołach swoich chciał uspokoić za myto spasienie sianożęci, ludzie subordynowane od wyż wyrażonego imci pana kommissarza onemu tego zabronili, a co większa do takowey odwagi tenże de super wspomniony imć pan kommisarz przyszedł, że nie tylko przed godnemi ludźmi wielm. imci xdza opata szkalował, dyffamował, ale naszedłszy sam na klasztor opactwa Kobryńskiego, kiedy w. imć xdz opat tego wołu oddawał, łaiał, beształ y haec formalia powiedział: że choć sobie w garło wbiy tego woła y różnemi przechwałkami na zdrowie y życie tak duchownych osób, iako y arendarza pozuchwalił się. O co to wszystko żałuiące delatores, providendo securitatem fortun duchownych, zdrowia, życia swego, tudzież y czeladzi y poddanych y żydów arendarzów y chcąc z obżałowanym imci in qvovis foro jure prosequi, ante omnia do obwarowania omnimodam securitatem pomienionych dóbr y karczem, zdrowia y życia ab impetitione et violentia obżałowanych, ad refusionem et restitutionem za tak wiele wołów pędząc, pod protekcyą swoią myta nieoddania, za spaszenie łąk y różnego zboża, ad minimum na złotych pięćset szkody poczynioney, do nagrodzenia y zapłacenia ludziom pobitym, bolów y ran, ad statuitionem et comparitionem przybranych sobie ludzi, praeciso tego żyda, który był przy wołach, lepiey po imieniu y przezwisku wmości wiadomego, do pokarania paenami prawnemi za violentią y inwazyą na klasztor opactwa Kobryńskiego (et distinctim) za dyffamacyą osób duchownych et ausu criminali, z prawa duchownego hac in causa ściągaiącemi się y o to wszystko, co czasu prawa y produktu przez kontrowersyą imść pp. patronów fusius deducetur, salva melioratione tey żałoby, in aviendo vel minuendo.

1754 г.

Изъ книги за 1766—1799 г., стр. 278—279.

36. Продажная запись Кобринскихъ мѣщанъ, данная женѣ священника свято-Никольской церкви Александра Павловича на два морга земли.

Кобринскіе мѣщане — братчики свято-Никольскаго братства, усматривая, что землею, завѣщанною Лябахомъ церкви, пользуются священники, продали оную (2 морга) за 100 злот. священнику Павловичу, въ чемъ и выдаютъ женѣ его настоящую продажную запись.

Anno 1754, miesiąca Junii 24 dnia.

Na urzędzie i. k. mości magdeburgii Kobryńskiey, przede mną Piotrem Ant. Tadeuszem Kublickim — lantwoytem Kobryńskim, Horodeckim y pisarzem, Alexandrem Maleckim — burmistrzem y całą ławicą, stanowszy personaliter w ratuszu Kobryńskim sławetny Stefan Kozakiewicz brat starszy, Chwedor Jakusz, Anton Jakubowicz — klucznicy y całe bractwo śgo Mikołaia, prawo wieczyste na dwa morgi gruntu za ulicą Ostromęcką Labachowską wielebney Anastazyi z Olexiewiczów Alexandrowey Pawłowiczowey wiecznością przyznali y ku zapisaniu do xiąg magdeburskich Kobryńskieh, w te słowa podali:

My Stefan Kozakiewicz — brat starszy, Chwedor Jakusz — klucznik y całe bractwo ś. Mikołaia należące, spólnie, zgodnie y iednostaynie czyniemy iawno, wiadomo y wyznawamy sami na siebie każdemu, komu o tym teraz y w czas przyszły wiedzieć będzie należało, tym naszym dobrowolnym, wieczysto - przedażnym prawem zapisem: iż my bractwo świętego Mikołaia, maiąc grunt mieyski, po w Bogu zeszłym Labachu — mieszczaninie Kobryńskim legowany na xięgę, to iest, na prazdnik do teyże cerkwi ś. Mikolskiey, a że od niemałego czasu w Bogu zeszły plebani teyże cerkwi, odebrawszy w swoią possesyią morgów dwa za ulicą Ostromęcką, a nie czyniąc zadosyć woli testamentowey, zaczym my widząc takową krzywdę świątnicy pańskiey, a nie maiąc inszego sposobu na aparamenta, których iuż nie stawało, zgodziwszy się za zgodą całego bractwa takowy grunt morgów dwa otaxowaliśmy za summę złotych polskich sto, chcąc one sprzedawszy aparat sporządzić, widząc w Bogu zeszły xiądz Alexander Pawłowicz — pleban cerkwi śto Mikolskiey takowy nasz umysł, z nami całym bractwem zgodziwszy się, za takowąż summę złotych polskich, takowe pomienione dwa morgi Labachowskie, nie na siebie, ani sukcessorów tey plebanii, ale dla dziecy swoich kupił, którę to pomienionę summę złotych sto, my bractwo śgo Mikołaia z rąk pomienionego w Bogu zeszłego Alexandra Pawłowicza odebrawszy, iednakże przy iego staraniu sporządziliśmy aparat axamitny zielony z galonem złotym, do teyże cerkwi, przyłożywszy niemało summy. A że nie przyszło nam za różnymi naszemi interesami do przyznania prawa wieczystego na te dwa morgi, w obmiedz iedney strony Konona Szymkowicza, a z drugiey strony Romana Chweśnika, tak iak inne

w sobie maią, w Bogu zeszłemu morgi Alexandrowi Pawłowiczowi, zaczym teraz po w Bogu zeszłym Pawłowiczu plebanie cerkwi ś. Mikołynskiey, my wyż wyrażeni bractwo tym naszym prawem wieczysto-przedażnym daiemy y przyznaiemy wielebney Anastazyi z Oleszkiewiczów Alexandrowey Pawłowiczowey, dzieciom spłodzonym z w Bogu zeszłym Alexandrem Pawłowiczem. Wolna y mocna będzie pomieniona oycowa Pawłowiczowa temi dobrami, iako chcąc rządzić, szafowac, dysponować, komu chcąc dać, darować, przedać, zamieniać y ku nayłepszemu pożytkowi obracać, waruiąc iednak to, ieżeliby sama lub dzieci tych w teyże plebanii zostawali za kapłanem, tedy pomieniony grunt morgów dwa nie powinni będą należeć do plebanii funduszu, tylko do miasta y kożdy imć xiądz pleban nie ma y nie powinien będzie należeć, pod utraceniem y kasowaniem takowego naszego prawa, tylko pomieniona Alexandrowa Pawłowiczowa trzymać, zasiewać, podatki zaś wszelakie do miasta i. k. m. płacić, a my osoby zwyż wyrażone y sukcessorowie nasi o to wiecznie mylczeć mamy, nie maiąc żadnego przypomnienia y wstępu, prawnie y nieprawnie nie czynić, szkody y trudności nie zadawać, pod zaręką kop dziesięciu na urząd mieyski Kobryński, a druga kop dziesięć stronie ukrzywdzoney, a po zapłaceniu zaręki y po nagrodzeniu szkod y wykładów prawnych, na gołe rzeczenie słowa, przecie ten list dobrowolny zapis u kożdego sądu y prawa swym własnym kosztem, oczyszczać, bronić y oswobadzać. Y na tośmy dali ten nasz zapis z podpisem rąk naszych własnych przy położonych krzyżykach y z podpisem rąk panów urzędowych od nas ustnie y oczywisto za pieczętarzów uproszonych, przed którym urzędem oraz y przyznaliśmy. Pisan w ratuszu Kobryńskim, roku tysiąc siedymsetnego pięddziesiąt czwartego, miesiąca Junii dwudziestego czwartego dnia. U tego prawa wieczystego podpisy aktorów przy położonych trzech krzyżów: Stefan Kozakiewicz — brat starszy; Chwedor Jakusz — klucznik; Anton Jakubowicz, tudzież przy położonych drugich trzech krzyżów: Szymon Chwedorowicz; Staś Kozakiewicz; Iwan Pawłowicz; Iwan Doroszewicz. Podpisy p. pieczętarzów temi słowy: ustnie y oczywisto proszony pieczętarz od sławetnych Stefana Kozakiewicza, Chwedora Jakusza, Antona Jakubowicza, Szymona Chwedorowicza, Stasia Kozakiewicza, Iwana Pawłowicza, Iwana Doroszewicza— mieszczan Kobryńskich, bractwa świętego Mikołaia, do tego prawa wieczystego przedażnego na morgów dwa Labachowskich wielebney oycowey Anastazyi z Oleszkiewiczów Pawłowiczowey, za summę złotych sto polskich danego, podług prawa podpisuię się: Piotr Ant. Kublicki — lantwoyt Kobryński, Horodecki y pisarz. Które to takowe prawo przyznane iest do xiąg magdeburskich Kobryńskich przyięte y wpisane. Pisan w Kobryniu ut supra. Ustnie proszony od wyż wyrażonych osób do tego prawa wieczystego podpisuię się: xiądz Grzegorz Pawłowicz— prezbiter cerkwi ś. Przeczystey Kobryńskiey. Które to takowe prawo przyznane iest do xiąg przyięte y wpisane.

1754 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 932—933.

37. Продажная запись отъ Леона Махвица Антонію Ратолту Задерновскому на одного крестьянина съ его семействомъ.

Леонъ Махвицъ продаетъ за 1,000 польскихъ злотыхъ крестьянское семейство со всѣмъ его движимымъ имуществомъ Задерновскому на вѣчныя времена.

Anno 1755 miesiąca Junii 30 dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburgii Kobryńskiey, przede mną Piotrem Antonim Tadeuszem Kublickim—lantwoytem Kobryńskim,Horodeckim y pisarzem, Alexandrem Chaleckym—burmistrzem y całą ławycą stanąwszy personaliter w ratuszu Kobryńskim w. imć pan Leon Machwyc—podsętek woiewodztwa Brzeskiego, prawo wieczyste na chłopa w prawie wyrażonym w. imć panu Antoniemu Ratoltowi Zadernowskiemu — chorążemu i. k, mści wiecznością przyznał y ku zapisaniu do xiąg magdeburskich Kobryńskich w te słowa podał:

Ja Leon Machwyc—podsędkowicz woiewodztwa Brzeskiego, pod wszystkie niżey wyrażone wadyia, warunki y obowiązki prawne poddaiąc się y one na się y sukcossorów moich libere ac sponte przyimuiąc, czynię wiadomo y sam na siebie wyznawam, komu o tym teraznieyszego y na potym będącego wieku ludziom wiedzieć będzie należało, tym moim dobrowolnym, nieprzymuszonym a nie wymożonym strictissime iuriis wieczysto przedażnym zapisem wielm. ichmośćiom paustwu Antoniemu y Alexandrze z Wengrzyckich Zadernowskim—chorążym i. k. mści małżonkom danym na to, iż co ia de super wyrażony Machwic, maiąc poddanego mego wieczystego z maiętności Lisowczyc, dóbr w woiewodztwie Brzeskim leżących, excipowanego, kowala, nazywaiącego się Jwana Stepanowicza, z żoną Ulaną z synami dwóma Bazyliem y Oxeniem, tudzież z córką iedną Hanusią, oraz z ruchomością wszelką y z sprzętem gospodarskim, iako to z końmi, z wołami, owcami, swiniami et id generis, cokolwiek ruchomością nazwać się może, także z całym y wszystkim rzemiosłem kowalskim, nikomu pierwszym, ani poślednieyszym prawem nie zawiedzionego, ani onerowanego, lecz wolnego, nikomu nie zaprzedanego, a maiąc wolność prawa pospolitego, które pozwala swemi poddanemi, iako chcąc dysponować, przez to zażywaiąc takowego prawa wolności, pomienionego Jwana Stepanowicza, kowala, z żoną onego, dziećmi, dobytkiem y rzemiosłem kowalskim za summę tysiąc złotych polskich curentis in regno monetae w. ichmcm państwu Zadernowskim—chorążym i. k. mści małzonkom y sukcessorum imci na wieczne, a nigdy nieodzowne czasy, przedałem, a przedawszy z osoby moiey na osobę ichmćw zrzekłem się y prawa mego na potomne, a nigdy nie odzowne czasy ustąpiłem. Wolni tedy y mocni będą ichmść panowie Zadernowscy—małżonkowie y sukcessorowie ichmościów pomienionym Jwanem kowalem, żoną onego y dzięćmy, tudzież wszelką

ruchomością y rzemiosłem kowalskym, iako chcąc szafować y dysponować, z wolnym onego na wieczność, lub na zastaw, komu chcąc przedaniem, zawodzeniem y zamienieniem, swywolnego y wystęmpnego z wolnym tam in civilibus, quam in criminalibus karaniem, bez żadney odemnie samego y sukcessorów moich dependencyi;dla pewności czego wszystkiego wnoszę ewikcyą na wszelkie dobra moie leżące, ruchome, summy pieniężne, gdzie y u kogokolwiek będące, z wolnym onych mocą tego prawa aresztowaniem y przyparęczeniem, a in casu naruszenia przezemnie samego, lub sukcessorów moich, tak blizkich, iako y dalszych, daię moc y pozwalam do każdego sądu y prawa, iako to grodzkiego, ziemskiego, trybunału głównego, composyti iudicii y skarbowego, a podczas interregnum y do kapturowego, pozwem zapozwać, lub zakazem, gdzie ia y snkcessorowie moy ad primam instantiam stanąć mam, a stanąwszy bez żadnych dylacyi, godzyn, obmów y munimentów, oraz bez dylacyi korekturowey rozprawić się powinien będę et successores mei tenebuntur, wskazom wszelkim y przewodom prawnym bez rozczenia aminori ad maius subsellium apellacyi, powolnym y posłusznym być obowiązuię się, pod punktem banycii doczesney y wieczney y infamyi y na tom dał ten móy wieczysto-przedażny zapis z podpisem ręki mey własney, oraz ustnie y oczewisto upraszonych ichmościów pp. pieczętarzów. Pisan w Bochalu alias Czerniczyn roku tysiąc siedmsetnego pięćdziesiątego czwartego miesiąca Nowembra piątego dnia. U tego prawa wieczystego podpis w. imci pana aktora temi słowy: Leon Machwyc. Podpisy ichmćw pp. pieczętarzy od w. imci pana Leona Machwica—podsędkowicza woiewodztwa Brzeskiego, do tego wieczysto przedażnego zapisu za tysiąc złotych polskich na poddanego wieczystego z maiętności Lysowszczyc excypowanego Jwana Stepanowycza, kowala, z dwoma synami Bazylim y Oxeniem, tudzież z córką iedną Hanusią, oraz z ruchomością wszelką y z rzemiosłem kdwalskim w. ichmcm państwu Antoniemu y Alexandrze z Wengrzyckich Zadernowskim—chorążym i. k. mści, małżonkom, danego podług prawa podpisuię się: Jgnacy Onichimowski. Ustnie y oczewisto proszony pieczętarz od osoby wyż wyrażoney do tego prawa wieczystego podług prawa podpisuię się: Felyciian Ratolt Zadernowski; ustnie y oczewiście proszony pieczętarz od osoby wyż wyrażoney do tego prawa wieczystego podług prawa podpisuię się: Maciey Laskowski. Które takowe prawo przyznane iest do xiąg magdeburskich Kobryńskich przyięte y wpisane.

1755 г.

Изъ книги за 1664—1769 г. стр. 971.

38. Жалоба настоятеля Лепесовскаго монастыря Андрея Бенецкаго на шляхту и на весь Брестскій гродскій судъ по поводу сдѣланныхъ монастырю насилій и захватовъ.

Настоятель Лепесовскаго монастыря жалуется на разныхъ шляхтичей, въ особенности на Нѣмцевичей, которые не только запрещаютъ монастырю пользоваться рыбною ловлею въ Мухав-

цѣ, но стараются еще завладѣть монастырской землей и корчмой. Жалуется также и на Брестскій гродскій судъ, что онъ производилъ пристрастное дознаніе по этому дѣлу и составилъ пристрастное опредѣленіе, приказавши снести корчму, выстроенную на монастырской землѣ, вопреки закону и фундушовымъ записямъ.

Roku tysiąc siedmset pięćdziesiąt piątego, miesiąca Januarii piętnastego dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburyi Kobryńskiey, przede mną Piotrem Antonim Tadeuszem Kublickim— lantwoytem Kobryńskim y Horodeckim y pisarzem, stanąwszy personaliter w. imć xiądz Andrzey Bieniecki ord. S. D. Basilii magni, opat Kobryński, starszy dożywotni Lepiosowski, nomine suo et nomine totius communitatis suae klasztoru Lepiosowskiego, żałował y solenniter manifestował się na ww. ichmcw pp. Alexandra — miecznego Brzeskiego oyca, Ignacego y Marcellego — miecznikowiczów Brzeskich, synów Ursynow Niemcewiczów, tudzież imć pp. Michała Swiętochowskiego, Benedykta Sęckowskiego, Żardeckiego, sług, masztalerzów, pachołków, stangretów, variae conditionis ludzi y poddanych ichmcw Lepiosowskich, oraz w. ichmcw panów Karola z Wieszczyc Wieszczyckiego—podstolego y podstarościego sądowego, Stanisława Kropińskiego— miecznego Nowernskiego sędziego, Ignacego Wygonowskiego — pisarza, urzędników grodzkich woiewództwa Brzeskiego, mieniąc o to: iż co żałuiące dellatores, maiąc sobie funduszami od zeszłych niegdy ww. imć pp. Przyszychockich grunta na klasztor Lepiosowski nadane y perpetuis temporibus applikowane w przesiedleniu morgów pięć y inne w polach specyfice w tychże funduszach y dostatecznie opisane y ograniczone, oraz tymiż funduszami wszelkich generaliter omni meliori modo z pomienionych gruntów ad libitum wynaydywanie profitów y pożytków pozwolone, in virtute onych ad suffiuntiorem sustitament zakonników y konserwacyą cerkwi, karczmę na własnym gruncie klasztornym przy gościńcu z Kobrynia do Buchowic idącym, erygowali; quo motivo obżałowani wwpp. Niemcewiczowie, do żałuiących dellatorów zabrawszy odium et invidiam, wszelkie swoie ad oppressionem klasztoru żałuiących dellatorów obrócili starania, iakoż różne krzywdy, wiolencye, prepedycye w łowieniu ryb na toniach y zatokach Muchawcowych Lepiosowskich broniący, praepedycye czyniąc, znaczne y z paszy y dalsze nieopisane krzywdy w żałobach y całym procederze grodzkim Brzeskim czyniąc y czynić nie przestaią. Eoque intuitu, gdy ta sprawa przed sąd grodzki woiewództwa Brzeskiego między żałuiącemi dellatorami a obżałowanemi w. i. pp. Niemcewiczami do rozsądzenia przypadła; obżałowani w. i. pp. urzędnicy grodzcy Brzescy nie tylko, że czasu expedyącey się inquizycyi znaczny fawor dla obżałowanych w. i. pp. Niemcewiczów pokazali, ponieważ świadków wiadomych y widomych wszelkich tranzakcyi y wiolencyi przez żałuiących dellatorów stawionych, do inquizycyi nie przyięli, onych słuchać nie chcieli y takową inquizycyą ad placitum et favorem w. i. pp. Niemcewiczów expedyowali, ale też czasu pryncypalney rozprawy, contra omneius et aequum, przeciwko wszelkiemu prawu pospolitemu y konstytucyom seymowym, fundusze tak dawne, przyznane y zaprzysiężone, per totum pokassowawszy, y karczmę żałuiących dellatorów per totum demoliować kazali, wolnego łowie-

nia ryb na toniach y zatokach Muchawcowych, do Lepios należących, dekretem swoim oczewistym, sub actu roku tysiąc siedmset pięćdziesiąt piątego, miesiąca Januarii trzynastego dnia ferowanym, zabronili y dalsze znaczne praepeditia klasztorowi żałuiących dellatorów, w tymże dekrecie expressa, poczynili. Ratione praemissorum żałuiące dellatores, chcąc y obżałowanymi ichmościami via apellationis w trybunale głównym wielkiego xięstwa Litewskiego jure agere, ante omnia do approbaty wszytkich y wszelkich funduszów, zapisów et omnis tituli dokumentów, pro parte actorea służących, vigore których do zachowania klasztoru żałuiących dellatorów per totum circa immunitatem et integritatem dóbr funduszowych, do skasowania per totum dekretu grodzkiego Brzeskiego in anno praesenti Januarii trzynastego dnia, iako contra omnia documenta et legem positivam favorabiliter przez obżałowanych w. i. pp. urzędników grodzkich Brzeskich ferowanego, nullitate, do wskazania paen, win, de lege et merito actionis distinctim ściągaiących się et refusionem omnium damnorum litisque expensarum y o to wszytko, co czasu prawa fusius deducetur; żałuiący dellator dał tę swoią manifestacyą, salva oney melioratione, do xiąg urzędowych magdeburskich zapisać. Co iest zapisano.

1755 г.

Изъ книги за 1664—1769 годы, стр. 716.

39. Жалоба настоятеля Кобринскаго монастыря Андрея Бѣлецкаго на Босяцкаго и Пухальскихъ о побояхъ и грабежѣ, причиненныхъ монастырскимъ крестьянамъ.

Настоятель Кобринскаго монастыря Бенецкій жалуется на Босяцкого и Пухальскихъ по поводу захвата ими воловъ и топоровъ у монастырскихъ крестьянъ, когда они везли домой дрова изъ Верхолѣской королевской пущи; при этомъ Бенецкій заявляетъ, что эти шляхтичи больше ничѣмъ не занимаются, какъ только разбоями, грабительствомъ и наѣздами.

Roku tysiąc siedmset piędziesiątego, miesiąca Januarii dwudziestego trzeciego dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburskim Kobryńskim, przede mną Piotrem Antonim Tadeuszem Kublickim— lantwoytem Kobryńskim, Horodeckim y pisarzem, Prokopim Józefowiczem— burmistrzem y całą ławicą miasta i. k. mości Kobrynia, comparendo personaliter w. imć xiądz Andrzey Bieniecki— opat Kobryński y officyał Brzeski, żałował y solenniter manifestuiąc się protestował się na ichmć pp. Piotra Bosiackiego, oraz Benedykta, Józefa, Jana y Stefana Puchalskich, in uno consilio et condictamine z ichmć pp. szlachtą Nowosielecką y Chodynicką zostaiących, o to, iż co obżałowani ichmść do ustawicznych przyzwyczaieni violencyi, boiów, naiazdów y grabieży czynienia, .które mniey uważaiąc na rigor prawa pospolitego de securitate każdego opi-

sany, continuando, a chcąc takowy swóy umysł ad effectum przyprowadzić, napadłszy na chłopów Korczyckich y Pełkowskich, do archimandryi Kobryńskiey należących, idque pracowitych, Jakowa Illasiuka, ze wsi Owadów, tudzież Ostapa Stołczuka y Semena Tałana, ze wsi Pełków, powracaiących z puszczy królewskiey Wierzcholeskiey, którzy za wkupieniem się do teyże puszczy, in nulla disquisitione et controverso, w żadnym sądzie z obżałowanemi ichmćmi nie będącey, gdy powracali z drwami do domow swoich, aż ichmość, violando jura patriae, zastąpiwszy na dobrowolney drodze pomienionych ludzi, których nic sobie paenitus niewinnych, enormissime zbiwszy y tam viae vivos na drodze zostawiwszy, siekiery pozabierali, od którego tak ciężkiego zbicia ciż ludzie, laethaliter przez niemały czas decumbendo, zaledwie z tym się nie pożegnali światem, uti obdukcya ieneralska fusius rem w sobie enarrat y gdy żałuiący dellator, dowiedziawszy się o tak nieznośney krzywdzie poddanym swoim poczynioney, przez niepoiednokrotną requizycyą o oddanie wołów y siekier, violenti modo zabranych u obżałowanych ichmościów requirował, na tenczas obżałowani ichmć, czas niemały woły głodem morząc, zaledwie żywe pooddawali, a siekiery y do tychczas u siebie zatrzymuią; przez które zabranie wołów pomienieni poddani do szkod w opuszczeniu robocizny w gospodarstwie przyszli y przez nieodbywanie pańszczyzny niemałe dworowi uczynili detrimentum. Y tym się ieszcze obżałowani ichmść nie kontentuiąc, lecz pejora peius cumulando, tylko ustawicznie ieżdżąc po drogach y czyhaiąc na chłopów poddanych klasztornych, kiedy y na dniu onegdayszym zastąpiwszy ciż obżałowani ichmć na własnych funduszowych klasztornych gruntach, o które grunta nec jus vertebatur, chłopa Wasila Dziatluka z synem onego, robiących gałęzie na węgle, których enormiter zbiwszy, siekiery pozabierali, oraz ustawiczne odpowiedzi na zdrowie y życie tak żałuiącego dellatora, iako też y poddanych czynią y czynić nie przestaią. Zaczym żałuiący dellator, praevidendo indemnitati suae, aby takowe wiolencye ustawiczne nie działy się y do ostatniey ruiny chłopi nie przyszli y reszta się nie rozeszła, o co żałuiący dellator usilnie o to się stara, a chcąc z obżałowanymi ichćmi summario ac abbreviato processu juris, tanquam in causa violentiarum jure agere, ante omnia do obwarowania securitatem zdrowia y fortun, tak samemu żałuiącemu aktorowi, iako też ludziom y poddanym imci, od dalszey impetycyi obżałowanych ichmw vigore dekretu marszałkowskiego, do pokarania paenami prawnemi, wespół z nawiązkami, vigore prawa statutowego za pobicie enormiter poddanych y onych zastąpienie na dobrowolney drodze, oraz wołów y siekier poodbieranie, do restytucyi szkod, za niefruktyfikacyą w robociznie przez zabranie wołów y rozeyście tychże chłopów, denique do nagrodzenia za wzięte chłopom siekiery lub onych oddania, tudzież do nagrodzenia szkod, strat y expens prawnych exinde poniesionych y o to wszytko, quod juris et praetensionis bydź może y co czasu prawa fusius deducetur, salva melioratione tey żałoby.

Po którym zaniesionym manifeście Hrehory Baranowski — ienerał i. k. mści województwa Brzeskiego, obdukcyą czynioną pobicia chłopów y ran przez ichmć pp. Bosiackiego y Puchalskich na dobrowolney drodze, cum consensu ichm. pp. szlachty Nowosieleckiey y Chodynickiey zadanych, oczewisto zeznał, w te słowa

Ja ienerał i. k. mości woiewództwa Brzeskiego, zeznawam tym moim relacyinym czynioney obdukcyi kwitem, iż w roku teraźnieyszym tysiąc siedmsetnym pięḑziesiątym, miesiąca Januarii dwudziestego pierwszego dnia, cum assistencia nobilitatis, ziechawszy na te mieysce, gdzie się poddanym wiolencya y bóy na dobrowolney drodze iadącym z puszczy królewskiey Wierzcholeskiey stał się, gdzie widziałem chłopa Jakowa Illasiuka, ze wsi Owadów, niemiłosiernie pobitego, razy nie małe po głowie y plecach krwią naciekłe, oraz y chłopom Wasilowi Dziatlukowi y synowi onego także po ciele sinie rany, krwią nabiegłe zadane, y gdym się pytał, od kogo tak wielkie rany zadane były, tedy uczyniona mi relacya, że od ichmość pp. Bosiackiego y Puchalskich. Zatym żałuiący dellator dał tę swoią solenną manifestacyą in simul cum obductione do xiąg magdeburskich zapisać. Co iest zapisano.

1755 г.

Изъ книги за 1661—1676 г. стр. 341.

40. Жалоба прокуратора Кобринскаго монастыря Ѳомы Радкевича на регента іезуитской бурсы Михаила Ломинскаго о причиненіи обидъ, побоевъ монастырскимъ людямъ и о неуплатѣ пошлинъ.

Прокураторъ Кобринскаго монастыря Ѳома Радковичъ жалуется на Пинскихъ іезуитовъ вообще и въ частности на регента іезуитской бурсы Ломинскаго, что онъ прогоняетъ чрезъ монастырскія земли чужой скотъ подъ видомъ своего и не уплачиваетъ монастырю пошлинъ, чѣмъ наноситъ ему великій ущербъ; кромѣ этого онъ подговорилъ коммиссара Звадскаго арестовать въ Пинскѣ лошадей, принадлежащихъ монастырю.

Roku 1755 miesiąca Julii 30 dnia.

Na urzędzie i. k. mści magdeburgii Kobryńskiey, przede mną Piotrem Antonim Tadeuszem Kublickim — lantwoytem Kobryńskim y Horodeckim, oraz y pisarzem, Alexandrem Chaleckim — burmistrzem y całą ławicą miasta i. k. mści Kobrynia, comparendo personaliter w ratuszu Kobryńskim, w Bogu przewielebny imć xdz Tomasz Radkiewicz—ordinis s. B. magni procurator conventus Kobrynensis, nomine w. imci xdza Andrzeia Bienieckiego, opata Kobryńskiego starszego dożywotniego Lepiesowskiego oraz y wszystkich imć xx. Bazylianów konwentu Kobryńskiego, soleniter una cum reprotestatione manifostował y protestował się, tak przeciwko w Bogu przewielebnemu imć xdzu Jgnacemu Wilkinowiczowi—rektorowi zakonu św. Jgnacego, collegium Pińskirgo, iako też y wszystkich imć xx. tegoż collegium et praecipue przeciwko wielebnemu w Bogu imć xdzu Michałowi Łomińskiemu—regensoni bursy tegoż collegium Pińskiego, w sens następuiący y o to: iż co całe collegium Pińskie s. Jesu, a naybardziey imć xdz Łomiński, niekontentuiąc się dawnieyszemi et sine numero poczynionemi krzywdami, wiolencyami, to iest, przez lat kil-

kanaście na zgubę całego klasztoru Kobryńskiego, ważył się brać w protekcyą różnych osób, żydów, kupcow, woły, od których za każdego woła maiącego w swey protekcyi, brał po czerwonemu złotemu, a z swoiemi na przedaż wraz pędząc myta, ani mostowego w karczmach, do archimandryi Kobryńskiey należących, przez te wszystkie lata nie oddawał, lecz zawsze, armata manu broniąc się, przechodził, a naybardziey w roku 1754 miesiąca Augusta 14 dnia kiedy upominał się karczmarz, na Piaskach będący, o mostowe, tedy imć xdz Łómiński sam onego bił y za nim się uganiał, potym z ludźmi drzwi do komory wybiwszy, wszystkich z karczmy powypędzali y porozpędzali, potłukli y pokrwawili. Na ostatek tegoż dnia tenże imć xiądz Łomiński, naszedłszy na klasztor Kobryński zakonu św. Bazylego wielkiego wszystkich zakonników bez respektu lżył, beształ, łaiał et indecentibus dyfiamował verbis, co wszystko fusius iest w dawnieyszych wyrażono manifestach. Teraz zaś w roku teraznieyszym 1755 miesiąca Julii trzeciego dnia, kiedy na affektacyą i. w. iey mość pani Sałohubowey — woiewodziney Brzeskiey za zbiegami dwóch husarów do pomocy w pogoń idącemu wachmistrzowi tegoż dworu dał w. imć xiąd opat swoich ludzi, którzy, czyniąc rozkaz pana swego, dogonili onych w Pińsku y stanęli na gospodzie, o czym gdy się dowiedział imć xiądz Łomiński, poszedł in kondicto z imć panem Zawackim—kommissarzem i. w. imci xiędza Bułhaka—biskupa Pińskiego, z imć panem Dubowickim—namieśnikiem Pińskiego zamku, gdzie ludzi w. imci xiędza opata wzięto bez dania przyczyny w areszt do imci pana namieśnika, a konie do imci pana Zawadzkiego, których to ludzi, zostaiących w areszcie, gdy imć pan namiesnik zważył być niewinnych, wypuścił, a imć pan Zawadzki, vigore aresztu imci xdza Łomińskiego, klacz valoris czerwonych złotych dwadzieścia gniadą turecką, rosłą zatrzymał y za kilkokrotną rekwizycyą imć xdz Łomiński nie chciał aresztu relaxować y klaczy nie wydano. Co widząc modernus manifestans tak wielką szkodę klasztoru, laesią honoru w. imci xdza opata y całego konwentu Kobryńskiego, kiedy przeieżdżał żyd Morduch Litmanowicz — furman z iurysdyki ww. imć xx. Jezuitów Pińskich, mimo karczmy opactwa Kobryńskiego, na gruncie klasztornym zatrzymał trzech podiezdków, (które iak otaxowano niewarte y dziesięciu talarów bitych), póki nie przyprowadziły klaczy, niewinnie aresztowaney y wziętey; o co wszystko soleniter protestant remanifestuie y protestuie się, salwa tey żałoby melioratione, pleno in robore reserwata et praecustodito facultate. Który to takowy solenny z reprotestacyą manifest iest do xiąg i. k. mści magdeburskich Kobryńskich przyięty y wpisany.

V.

АКТЫ КАМЕНЕЦКОЙ МАГДЕБУРГИИ.

1724 г.

Изъ книги за 1752—1760 годы, стр. 181.

1. Заявленіе ксендзовъ Луцкой капитулы о пожарѣ, истребившемъ костелъ и архивъ съ документами на поземельное владѣніе.

Ксендзы Луцкой капитулы, явившись въ гродскій судъ, просили допустить ихъ къ присягѣ на томъ, что во время нечаяннаго пожара въ городѣ, сгорѣли каөедральный костелъ, капитула и всѣ документы на право владѣнія землей въ разныхъ мѣстахъ, а также и разныя долговыя записи на разныхъ лицахъ. По учиненіи присяги, имъ и выдана была копія съ ихъ заявленія.

Roku 1759, miesiąca Maia 5 dnia.

Na urzędzie iego król. mośći magdeburgii Kamienieckiey comparendo personaliter w Bogu przewielebny imć xiądz Woyciech Wohiński — proboszcz Kamieniecki, manifest anterius uczyniony, przed aktami grodzkiemi w zamku iego królew. mści Łuckim, pod datą 1724, miesiąca Junii 23 dnia podał do akt magdeburgii Kamienieckiey, który wpisuiąc de verbo ad verbum sequitur tenor talis:

Na urzędzie grodzkim w zamku iego królew. mści Łuckim, przede mną Adamem Antonim Niemirowskim — skarbnikiem Sanockim, namiesnikiem burgrabstwa zamku Łuckiego y xięgami mnieyszemi grodzkiemi Łuckiemi, comparentes personaliter perillustres, rewerendissimi et admodum rewerendi domini Constantinus de Wysokie Kaszewski — decanus et officialis generalis, Vladislaus Sudkowski — cantor, Thomas Kuszewski — prokurator, Martinus Uszyński — prelati et canonici ecclesiae cathedralis Luceoriensis swoim y iaśnie wiel. nayprzewielebnieyszego Stephana Bogusława z Rupniewa na Januszewicach Rupniewskiego — z Bożey łaski y stolicy apostolskiey biskupa Łuckiego y Brzeskiego imieniem, praecavendo integritati et indemitati fortunae et substantiae bonorum episcopatus et reverendissimi capituli eclesiae catedralis Luceoriensis, ażeby in eadem fortuna nie ponieśli szkody y ruiny, solennissime coram presentie officio świadczy y manifestuię in eum modum: iż ex permissione divina ogień przypadkowy z nagła napadłszy, nie tylko na kościoł katedralny Łucki, ale też y na rezydencye, wszytko manifestów teraźnieyszych funditus w ieden popioł y perzynę, sola rudera zostawiwszy, spalił, gdzie in ar-

chiva wszytkie munimenta y papiery, listy y graniczne zapisy, zapisy wyderkafowe wszytkich dóbr tak illustrissimi episcopi, quam reverendissimi capituli pogorzeli, ściągaiące się y należące tak do dóbr klucza Tarczyńskiego y Chodiaczowskiego, iako też dóbr kapitulnych, wszytkich in genere et spetie mianowanych, tenże ogień in unicam favilam et cinerem, conversit combussit w roku teraźnieyszym 1724, dnia 14 Junii, przez które pogorzenie papierów wszytkich dóbr, jak manifestów samych et totius reverendissimi capituli, quam illustrissimi episcopi do wielkiey ruiny y szkody dobra y fortuna wszytka duchowna przyszła, dla czego podatki wszelkie czopowego, szelężnego, podymnego y różne od rzeczy-pospolitey uchwalone, tak z Kamienic, iako domów pogorzałych, do iurisdykcyi kościoła cathedralnego należących, płacone bydź nie maią, o co thedy wszytko, ut praemissum est in continenti ratione premissorum omnium propter meliorem realitatem et fidem ciż comparentes prosili mnie urzędu, o wydanie rothy iuramentu, z którey manifestów iednemu w. imć xiędzu Thomaszowi Kaszowskiemu— prokuratowi cathedrali Luceoriensi wydałem iurament, który super evangelio Domini nostri Jesu Christi iuramentum w tę wykonał słowa:

Ja Thomasz xiądz, przysięgam Panu Bogu wszechmogącemu, w Trócy świętey iedynemu, na tym, iż wszytkie listy graniczne, zapisy wyderkafowe, na różne summy, membrany, cyrografy, dokumenta, papiery, tak na dobra iaśnie wielmożnego imci xiędza biskupa, iako na dobra klucza Torczyńskiego y Potiaczowskiego, iako też y na dobra kapitulne wszytkie służące, to iest: na Smoleiow, Bokowny, Czołkow, Oprzyławce, Wyktorzany, Dołhiwoli, Poszizin, Sadowo, Rzeplina, Lubaszek, Szebrynia y Drzeczyna y Zeleniowo exceptis xięgi białey y niektórych dokumentów ogień przypadkowy funditus spalił, similiter zapisy na kahałach Łuckim, Lubelskim, Włodzimierskim, Kowelskim, Janowskim, Zabłudowskim, Torczyńskim, Ołyckim, Łokackim będące y inne wyderkafowe zapisy, to iest: na Mielnicy, Wyszenki, Rykanie, Dopolna, Zwiniaczc, Chocim, Rosniki, Czemernie, Sokale, Włodzimierzec y inne dokumenta in archivo capitulari będące, dekreta grodzkie, assesorskie, tak trybunalskiego przywileia, fundacye od nayiaśnieyszych królów y od rzeczy-pospolitey dane y aprobowane, tenże ogień z całym kościołem y rezydencyami in favillam obrócił, naczym iako sprawiedliwie przysięgam, tak mi Panie Boże dopomoż y niewinną męką Chrystusa Pana.

Po którym wykonaniu iuramentu ciż comparentes et manifestantes prosili mnie urzędu, ad totum actis connotari, co y otrzymali. Xiądz Konstanty Kaszewski— dziekan y officiał Łucki kanonik Gnieznińskí m. p.; Thomas Kuszewski — kanonik y prokurator m. p.; xiądz Władysław Sudkowski — kantor Łucki m. p.; xiądz Marcin Łukasz Uszyński—kanonik Łucki. Z których xiąg y ten wypis pod pieczęcią grodzką Łucką iest wydany. Pisan w zamku Łuckim. Co iest przyięto y wpisano do xiąg magdeburskich Kamienieckich, z których y ten wypis pod pieczęcią urzędową y z podpisem ręki pisarskiey wydany. Pisan w Kamieńcu ut supra.

1733 г.

Изъ книги за 1664—1769 годъ, стр. 25—26.

2. Духовное завѣщаніе священника Каменецкой Семеновской церкви Антонія Шульжича, которымъ онъ распредѣляетъ свое убогое имущество между дѣтьми и посторонними лицами.

Testament oyca Antoniego Szulżyca—prezbitera cerkwi święto Siemienowskiey Kamienieckiey roku 1733 dnia 28 Nowembra.

Na urzędzie i. k.. mści magdeburskim Kamienieckim stanąwszy oczewisto pan Jan Karpowicz testament ostatniey dyspozyciey nieboszczyka oyca Szulżyca do act podał w te słowa pisany.

W imię Oyca y Syna y Ducha świętego, amen. Ją Antoni Szulżyc—prezbiter cerkwi świętey Siemienowskiey, będąc chory na ciele, zdrowy iednak na umyśle, będąc podległy dekretowi Bozkiemu, którym naznaczył każdemu umierać ieżelimi go w tey chorobie wykonać każe, takowy ostatnią moią czynię dyspozycią. Naprzód za duszę moią leguię klacz, za którą dałem złotych trzydziźścia y sześć, z kfórych złotych trzydziestu sześciu, złotych dawdziecścia na mszę świętą zapisuię, a resztę za taxy, co ona będzie warta, na inszey roschód pogrzebowy ma się obrócić. Jmć xiędzu Szyszewsktemu leguię żyta szanek, ięczmienia szanek, hryki szauek. Dzieciom moim miłym, to iest, synowi memu Łukaszowi Szulżycowi y córce moiey Frosynie z zięciem moim p. Janem Karpowiczem zapisuię ostatnią wolą moią: budynki wszelkie z placem y sadem y ogrodem kapustniczem, iak się plac ma y domówstwo wszelkie, którym placem y domowstwem wszelkim maią się na wpuł podzielić, syn móy Łukasz z córką moią Frozyną y zięciem moim p. Janem Karpowiczem. A cokolwiek się pokaże reparaciy przez pana zięcia moiego Jana Karpowicza, któremu ma być przyięto przy podziele od syna moiego. Z tego placu y budynków wszelkich maią syn móy y córka moia Frozyna z zięciem moim panem Janem Karpowiczem maią dać na dzwonek do bani cerkwi Siemionowskiey—tynfów trzydzieścia. Jmć xiędzu dziekanowi za rok tysiąc siedmset trzydziesty trzeci winno talar bity ieden za ratę w iesienną y expens Szostaków siedm, w tym że roku za ratę iesienną winny temu imści talar bity ieden. Karta dana od imć xiędza Bocewicza imć xiędzu dziekanowi Kamienieckiemu na pewną summę na cerkiew Siemionowsky legowaną, na którą nic niewinny y ostatnią wolą moią tę kartę kasuię y na straszny sąd Bozki zapozywam, bom cerkwi Bożey zadość uczynił ile mogłem. A in quantum by imć xiądz dziekan miał nie słusznie dzieci moie turbować y następować na onych, tedy tę summę tynfów trzydzieście legowałem na dzwonek do bani cerkwi Semenowskiey, gdyż ta summa tey samey cerkwi Bożey była y tam się znów ma obrócić, według legaciey moiey. Długu winnego diakowi winno myta złotych pięć Chiedorowi oddać z krescenciy, Michałowi porobkowi myta winno złotych cztyry oddać, żydowi Hołoborskiemu winno złotych dziesięć oddać z krescenciy; Orusiowi Kazaniukowi winno złotych

dziesięć, oddać z krescenciey, pani Wiąckowskiemu winay złotych ośm, oddać z krescenciy, iey mci pani Matusewiczowey winny za szanek zboża z złych czazów złotych dziesięć, imści xiędzu y pisarzowi winno żyta szanków trzy bez ćwierci y tynfa iednego, oddać, pani Łukaszewiczowey winno złotych ośm, oddać z krescenciy, żydówce Smusi się winno złoty ieden, szelągów dwa, Mowszyny żydówce winno złotych dwa, cerulikowi Mowsze dać żyta pół szanka, żydowi temu, co na iurysdyce cerkiewney siedzi, nic niewinno. Wieprzów dwa, które na pogrzeb móy maią się obrócić, puł sznura pola cerkiewną zasiana kapłanowi przyszłemu Siemienowskiemu ma bydź wolna do zebrania. Jnsze grunta cerkiewne, co zięć móy zasiał swoim własnym nasieniem, w tym się maią z przyszłym kapłanem z sobą pogodzić. Z tey półsznury pola, która wolna do zebrania bez żadnego trzeciaku, upraszam o mszę świętą według możności. Gotowego zboża przyszłemu kapłanowi oddać według regiestru tego, co ia wziąłem sznur pola y trzecinnik, w polach Ledymskich leżące, zięciowi z córką moią leguię y zapisuię, do których syn móy Łukazz nie ma się interesować. Plac w ulicy Brzeskiey dawany mnie od nieboszczyka teścia mego pana Theodora Kiersnowskiego zięciowi y córce moiey, za ich wierną usługę, daruię, do którego syn móy nic nienależy, babie Michalisie żyta szanek, Denizemu Kiersnowskiemu żyta szanek, gumno z krescencią wszystko oddaię w opiekę zięciowi moiemu, który ma dysponować, a mnie w chorobie ma należycie doglądać. Do którego ostatniey woli testamentu mego upraszam ichmościów pp. przyiaciół o podpis, iako to: imć xdza pisarza Kamienieckiego, imć pana lantwoyta Sakowicza, imć pana Pawła Woyciechowskiego imć pana Andrzeia Kaszubę—burmistrza y pana Piotra Woyciechowskiego, aby byli łaskawi na duszę moią y na dzieci moich pozostałych. Do którego testamentu podpisuię się dla lepszey wiary y wagi ręką moią własną. Pisan w Kamieńcu anno tysiąc siedmset trzydziestego trzeciego miesiąca Nowembra dwunastego dnia. U tego testamentu podpisy rąk temi słowy: Antoni Szulżyc P. S. S. Daniel Sakowicz—lantwóyt miasta i. k. mości Kamienca, Andrzey Kaszuba — burmistrz Kamieniecki, będąc proszony za przyiaciela do tego testamentu czynionego od przewielebnego w Bogu oycu Szulżyca—plebana cerkwi Semenowskiey, iako pieczętarz podług prawa podpisuię się: Paweł Woyciechowski, Piotr Woyciechowski—rayca miasta i. k. mści Kamienca. Umnie oczewisto proszony pieczętarz od wielebnego pana Szulżyca do tego testamentu dobrowolney dyspozyciey podług prawa podpisuię się: Mikołay Jaroszewicz Kwaczyński — pisarz magdeburgiey Kamienieckiey. Który to testament za podaniem onego iest do xiąg magdeburskich Kamienieckich przyięty y wpisany.

1737 г.

Изъ книги за 1752—1760 годы, стр. 75.

8. Подтвердительная фундушовая запись на Пашуцкую церковь, данная Александромъ Гедеономъ Тышковскимъ.

Александръ Тышковскій симъ листомъ подтверждаетъ земли и разныя льготы, дарованныя его предками Пашуцкой церкви; назначаетъ сына настоящаго священника номинатомъ и обѣщаетъ считать вольными его дѣтей, въ случаѣ если таковыя у него родятся.

Roku **1764**, miesiąca Marca 26 dnia.

Na urzędzie iego królewskiey mści magdeburyi Kamienieckiey, przed nami Marcinem Jaroszewiczem—woytem, Andrzeiem Lisowskim—burmistrzem, raycami y ławnikami, protunc in solito, iako zasiadaiącemi, comparendo personaliter imść xiądz Bazyli Makowelsky — pleban Paszucki, ten fundusz służący cerkwi Paszuckiey, do akt ku zapisaniu podał, który, wpisuiąc de verbo ad verbum, sequitur tenor talis:

Alexander Gedeon Tyszkowski — starosta Klepacki, aby chwała Boża w cerkwie Paszuckiey, maiętności moiey, w woiewodztwie Brzeskim leżącey, pod tytułem Narodzenia Panny Maryi będącey, nie tylko uymy y uszczerbku nie cierpiała, lecz coraz większę w nabożeństwie pomnożenie brała, a Pan Bóg, którego imieniowi ś. ten dom poświęcony, nieustaiącym sposobem powinnie był chwalony, idąc tedy torem świętobliwym antecessorów moich, a do pobożney onych skłoniwszy się intencyi, listy iaśnie wielmożney niegdy iey mości pani Ahafiy Sapieżanki Bohdanowney—woiewodziney Mińskiey, Mikołaiewey Pacowey—podkomorzyney Brzeskiey, w dacie roku tysiąc sześćset trzydziestym, miesiąca Maia dnia dwudziestego, przez wielebnego oyca Mateusza Makowelskiego — prezbytera Kamienieckiego y administratora cerkwi Paszuckiey, przede mną prezentowany fundusz y pokładany we wszystkim aprobuię, to iest: wydawszy prezentę na syna pomienionego wielebnego oyca Makowelskiego, na imie Bazylemu Makowelskiemu, na tę moię cerkiew Paszucką, zachowuię tegoż nominata Paszuckiego przy siedlisku, gdzie iego antecessorowie mieszkali, przy wsi Paszukach y wszystkie do tego siedliska przynależytościach y wolnościach, oraz y dziesięcina z Podbiałey ze wszystkiego zboża, iako dawniey antecessorowie iego używali y po nim sukcessorowie iego będą wolni, y tę włość trzy gruntu oromego w używaniu, zdawna cerkiewnym będącego, w ich ograniczeniu przy cerkwi Paszuckiey utwierdzam, po trzy rezy w każdym poletku, do tych włok z naddatkami, z łąkami, gaiami, zaroślami, także wolne mlecie we młynach Paszuckich, bez miarki, bądź do dworu, bądź do arendy należącym, na rzecze teyże wolne ryb łowienie, piwa robienie y gorzałki kurzenie na swoie potrzeby, bez przeszkody arendzie, do dworu należącey. Potomstwo zaś tego nominata, wzwyż specyfikowanego, ieżeli mu Pan Bóg da, do poddaństwa y inwentarza, tak samego, iako y sukces-

sorów iego należeć nie będą, chcąc mieć teraz y potym następuiących sukcessorach moich, aby tey woli y dyspozycyi w tym liście teraznieyszym fundacyinym zawartym cale dosyć czynili y w niwczym sprzeczni nie byli, wkładaiąc to na teraznieyszego nominata y po nim następuiących, aby według obfitości sustentamentu, tym listem obiaśnionego obfitey pracy, nieleniwego starania w obrządkach cerkiewnych y ochędostwie nieustaiącym ku zbudowaniu ludzkiemu, osobliwie parafian dusz chrześciańskich, krwią Chrystusa Pana odkupionych, świątobliwemi postępkami y przykładami do nabożeństwa pobudzali y swoiey dosyć czynili powinności. Na co wszytko, dla lepszey wiary y wagi ten list funduszu, przy przyciśnięciu zwykłey pieczęci, ręką własną podpisuię. Pisan w Klepaczach, dnia ósmego Junii, roku tysiąc siedmsetnego trzydziestego siódmego. U tego funduszu podpis ręki kollatorskiey taki: Alexander Gedeon Tyszkowski—s. k. mp. Co iest zapisano.

1741 г.

Изъ книги за 1664—1769 г., стр. 101.

4. Письмо стражника в. к. Литовскаго Антонія Потея къ сестрѣ своей, служащее священнику Еленской церкви.

Стражникъ в. к. Литовскаго Потѣй пишетъ своей сестрѣ, чтобы она согласилась на просьбу священника Еленской церкви дать землю четыремъ сыновьямъ церковныхъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они за нее несли повинности и оставить за церковью торговое.

List od iaśnie wielmożnego imć pana Antoniego Pocieia—strażnika w. x. Litewskiego, służący w. oycowi Tokarzewskiemu—prezbiterowi cerkwi Jeleńskiey, do akt podany sub data 1741 miesiąca Maia 15 dnia.

Wielmożna imści pani podkomorzyna Brzeska, moia wielce msci pani y siostro! Doszła mnie suplika oyca duchownego od cerkwi Jeleńskiey, abym pozwolił na pustych gruntach osieść synom czterem poddanych do cerkwi przyłączonych. Więć gdy to iest bez krzywdy moiey y wm. pani owszem z przyczynieniem intraty wszelkiey powinności, danin y podatków, od nich w przyszły czas przyległey, wydałem onym instrument, aby się na pustkach, gdzie sobie opatrzą mieysca, locowali. Upraszam uniżenie, abyś y wielm. pani, iednego w tym punkcie ze mną zostaiąc zdania, onym osiadłości y budowania się nie tamowała, ile gdy rzecz ta emolantur profitu przynosi, tak wmć pani przy iey possesyi mnie zaś choć w przyszły czas staranie moie nadgrodzić się może. Tak że iż targowe podczas prążnika dziesiątuchi arędarz za siebie zabiera, które wszystkiem y confirmacyami kollatorów do cerkwi tameczney iest applikowane, więć y w tym punkcie moią wyrażam do wielm. pani intercessyonalne perswazye, aby to, co osądzone Bogu, ku Jego sziło ofiarze, a żyd do tego nie należał, co od niego dalsze bydź

powinno. Przy wyrażeniu tedy w inney weneracyi moiey wielm. pani ponawiam w tych punktach z przyczyny słuszności postulacye, z tą niemylną nadzieią, że obiedwie cathegorye przyięte łaskawie będą y uznam skutek expressyi moiey, a ia inrealiatią iey acceptacyi wzaiemną być zechce na zachodzące rekwizycye acceptacyi iakoż y dopiero zapisuię się, że iestem wiel. m. pani y dobrodzieyki życzliwym bratem y sługą uniżonym Antoni Pociey—strażnik wielki wielkiego xięstwa Litewskiego.

1742 г.

Изъ книги за 1729—1150 г. стр. 122.

5. Дарственная запись (легація) на церковь Рождества Христова въ мѣстечкѣ Каменцѣ отъ Лаврентія Костюшка и его жены Анны.

Супруги Костюшки, владѣвшіе участкомъ земли Каменецкаго мѣщанина, записываютъ его Каменецкой Рождественой церкви съ тѣмъ, что если кто пожелаетъ возвратить себѣ эту землю, то долженъ будетъ заплатить церкви 100 тынфовъ.

Roku tysiąc siedmsetnego czterdziestego drugiego miesiąca Octobra piętnastego dnia. Wielebny oyciec Mateusz Makowelski—prezbiter cerkwi Narodzenia Bożego Kamienieckiey, dokument z rzeczą w nim wyrażoną do akt podał pisany w te słowa:

List dobrowolny y zapis ode mnie Wawrzynca Kościuszka y Anny Kościuszkowey dany wielebnemu oycu Mateuszowi Makowelskiemu—prezbiterowi Święto-Rozeszkiemu, iż my maiąc w possesyi w Lidymskich polach leżący, od świętey pamięci Wasila Sawicza Łucznika y Anny Sienkowiczowny Wasilowey małżonków, mieszczan Kamienieckich, wnosiemy legacyą in perpetuam do cerkwi Różeskiey Kamienieckiey w summie obligu tynfow sto rachuiąc talar bity po złotych sześć, tynf po złotemu śrebrną monetą, a inquantum by znalazł się kto do okupna tego gruntu, iednakże legacya z obligacyą ginąć nie powinna. Za którą legacyą corocznie obliguiemy odprawić in vim summy mszy 10, to iest we dni piątkowe, prosząc maiestat Bozki za dobre zdrowie y powodzenie y sukcessorów naszych, a po śmierci y za dusze nasze mszy trzy, za dusze, które nizkąd ratunku nie maią, mszy trzy, za dusze antecessorów naszych dobra te trzymaiących, mszy trzy, dziesiąta msza za poddanych, tak żywych, iako y umarłych. Co approbuiąc rękami naszemi własnemi roboruiąc, podpisuiemy się. Pisan w Leniewiczach roku tysiącznego siedmsetnego trzydziestego siódmego dnia pierwszego Sierpnia, według kalendarza rzymskiego, ut supra. Przy uproszonych ichmw. panów pieczętarzach we srzedzinie podpisuię: Wawrzyniec Kościuszko y Anna Kościuszkowa.

1746 г.

Изъ книги за 1729—1750 годы, стр. 9.

6. Подтвердительный листъ стражника в. кн. Литовскаго Антовія Потея на всѣ земли и луга, также на двухъ крестьянъ, принадлежащихъ Еленской церкви.

Стражникъ в. кн. Литовскаго Антоній Потей симъ листомъ подтверждаетъ Еленской церкви всѣ документы на право владѣнія землей и двумя крестьянами, выданные ей королями, предками Потея и другими лицами. При этомъ онъ оговариваетъ, что два крестьянина должны только работать священнику, подати же вносить и повинности должны отбывать владѣльцу—помѣщику.

Roku 1746, miesiąca Lipca 18 dnia list confirmacyalny, służący cerkwi Jeleńskiey.

Na urzędzie i. k. mci magdeburgii Kamienieckiey, przed nami Marcinem Jaroszewiczem—lantwoytem, Janem Kuiawskim — burmistrzem, radzcami y ławnikami', in solito loco zasiadaiącemi, stanąwszy personaliter wielebny w Bogu oyciec Jan Tokarzewski— praesbiter cerkwi Jeleńskiey list konfirmacyiny, służący cerkwi Jeleńskiey, do act podał, który wpisuiąc de verbo ad verbum sequitur tenor talis:

. Antoni na Włodawie, Rożance y Rzeczycy Pociey—strażnik wielki wielkiego xięstwa Litewskiego, Wołkowiski sądowy, Żyżmorski, Suraski, Radomski etc. starosta, czynię wiadomo, iż skłoniwszy się do supliki wielebnego w Bogu oyca Hrehorego Tokarzewskiego — praesbitera cerkwi moiey Jeleńskiey świętego Mikołaia, ritus graeci uniti, który pokładał listy różne, tąk od pomierczych, według funduszu od nayiaśnieyszych królów ichmcw, na włoki w Żyliczach y grunta różne teyże cerkwi nadane y wymierzone, ieszcze w roku tysiąc pięćsetnym siódmym, miesiąca Julii dwudziestego czwartego dnia, y drugi w roku tysiąc pięćset sześćdziesiątym piątym, dwudziestego piątego miesiąca Decembra, od antecessorów moich utwierdzone y aprobowane, iako fusius też same listy w sobie obloquuntur, tudzież przez tychże antecessorów moich poddanych dwóch samą tylko robocizną, ze wsi Żylicz, iako to, od wielmożnego imć pana Kazimierza Paca— pisarza wielkiego xięstwa Litewskiego, w roku tysiąc sześćsetnym czterdziestym wtórym, miesiąca Augusta dziewiętnastego dnia, potym od iaśnie wielmożnego imć pana Gedeona Michała Tryzny — podskarbiego wielkiego wielkiego xięstwa Litewskiego, w roku tysiąc sześćset pięćdziesiątym pierwszym, miesiąca Marca iedynastego dnia, do teyże cerkwi Jeleńskiey przydanych, y naostatek przez wielmożnego imć pana Marka na Międzylesiu y Opolu Butlera— starosty Drogickiego y Preńskiego aprobowanych w roku tysiąc sześćset ośmdziesiątym wtórym, miesiąca Decembra dwudziestego ósmego dnia; a że ciż poddani przez różne rewolucye od teyże cerkwi odeszli byli, y dotąd żadney powinności w robociźnie do teyże cerkwi Jeleńskiey nie pełnili; zaczym dla pomnożenia więk-

szey chwały Boskiey, y aby tym bardziey czuynieysi byli, tak teraznieyszy wielebny oyciec Hrehory Tokarzewski — praezbiter Jeleński, iako y po nim sukcessorowie iego w pomnożeniu chwały Boskiey y pracowaniu około zbawienia dusz poddanych moich Jeleńskich, approbowawszy te wszystkie grunta, łąki, antiquitus do teyże cerkwi nadane, z targowym na iarmarkach przy teyże cerkwi odprawuiących się, podług dawnych zwyczaiów, y tych poddanych dwóch we wsi Żyliczach będących, półwłocznych, imionami nazwanych: Kondrata Bartnika y Demiana Demidiuka, do teyże cerkwi tak teraznieyszemu wielebnemu Hrehoremu Tokarzewskiemu — praesbiterowi Jeleńskiemu y sukcessorom iego, z samą tylko robocizną wszelką, tak męzką, iako y białogłowską, podług inwentarza y dawnych ich zwyczaiów y powinności przywracam y wiecznemi czasy nadaię. Podatki zaś wszelkie, od nich należące, tak czynsze, iako y dziakła, in recognitionem domini do dworu Jeleńskiego ciż poddani oddawać powinni będą, iako też podatki wszelkie rzeczy pospolitey y składki do gromady Żylickiey zarówno z drugiemi oddawać y płacić tenebuntur. Na co dla większey wagi, przy zwykłey pieczęci moiey, ręką moią własną stwierdzam. Działo się w Rzeczycy, roku tysiąc siedmsetnego trzydziestego wtórego, miesiąca Nowembra dwudziestego ósmego dnia. U tego listu podpis temi słowy: Antoni Pociey — strażnik wielki wielkiego xięstwa Litewskiego. Co iest przyięto y zapisano.

1756 г.

Изъ книги за 1752—1760 годы, стр. 126—127.

7. Протестъ помѣщика Казиміра Выгановскаго противъ Фаустина Сузина о буйствѣ и насиліи крестьянъ сего послѣдняго.

Помѣщикъ Выгановскій протестуетъ противъ другаго помѣщика Сузина, въ особенности противъ крестьянъ послѣдняго, которые, встрѣчая въ своемъ владѣльцѣ поддержку своимъ беззаконіямъ, выгоняютъ свой скотъ изъ деревни Ляшевичъ и производятъ опустошенія въ его поляхъ. Кроткія мѣры его ни къ чему не повели: крестьяне Сузина не только не перестаютъ опустошать его полей, но произносятъ еще угрозы противъ его людей и намѣреваются умертвить ихъ; такъ они хотѣли убить стангрета (кучера) его Грицка и свидѣтеля шляхтича Домбровскаго.

Roku 1756, miesiąca Septembra 1 dnia. Na urzędzie iego król. mości magdeburgii Kamienieckiey, przed nami Marcinem Jaroszewiczem — woytem, Józefem Bańkowskim — burmistrzem, radcami, ławnikami protunc in solito loco zasiadaiącemi, comparendo personaliter imć pan Józef Dąbrowski, qua przyiaciel proszony od w. imć pana Kazimierza Wyganowskiego — podczaszego Brzeskiego, dla obeyrzenia szkod w życie chłopów Barankowskich przez chłopów w. imć pana Faustyna Suzina chorążego Jelickiego, wsi Laszewicz podzielonych, manifestował się imieniem w. imć pana Kazimierza Wyganowskiego — podczaszego Brzeskiego,

mieniąc o to, iako na dniu wczorayszym poddanego Barankowskiego, imieniem Onyska Tarasiuka, zastawszy ludzie dworscy woły poddanych ze wsi Laszewicz, pasionych w tymże życie, też woły chciał zaiąć ze szkody do dworu swego Barankowskiego, natychmiast parobcy sueto more pomienioney wsi Laszewicz wprzód osobami swemi broniąc, nie tylko grabić nie dopuścili, ale ieszcze krzyknowszy na gospodarzów, całą wieś wzruszyli, którzy konno y pieszo za ludźmi dworskiemi Barankowskimi, z kołami, aż za granicę gonili, w borze ludzi pilno szukali uciekłych, a nienalazłszy w borze na drugą stronę boru wybiegli szukaiąc, y tu nie uyrzawszy, dopiero z pochwałkami nazad reyterowali się, o które to szkody y wiolencyę do kryminałów iuż nieraz przygotowanych y rezerwowanych chłopów Laszewskich, tudzież o przywodzenie, własczenie pasz, sienożęci, borów wycinania, tenże w. imć pan Wyganowski conveniendo przez przyiaciół nieraz y teraz użył za przyiaciela pana Felicyana Janowskiego, dopraszaiąc się o karę y poskromienie buntów, iż wszelka sprawiedliwość u imć pana Faustyna Suzina na chłopach Laszewickich imć pan Suzin zwyczaiem nałożonym chłopów do swywoli pobudzonych nie tylko weyrzawszy w szkodę nie chciał sprawiedliwość uczynić, szerzących się excesami nie poskromił, ale owszem do manifestuiącego się imć p. pretensye zmyślaiąc, roszcząc, pochwałki na ludzie protestuiącego osobliwie na stangreta Hryca, zabić go usiłuiąc, czynił. Słysząc tę słowa imć p. Suzina chłopi, pod ten czas będący, za panem swoim tę słowa powtarzali, palec na palec zakładaiąc, przy tymże imć panu Janowskim przyiacielu wziętym, że Hrycka zabiiem. Gdy tenże imć pan Jankowski, qua przyiaciel perswadował imć panu Suzinowi y żeby poskromił tę auram chłopskie, imć pan Suzin powtarzaiąc odpowiedział w tę słowa: że to nie moie poddani, ale poddanych moich parobcy, więc im zabronić tego nie mogę; pogotowiu karać nie myślę. Gdy z takową relacyą y pochwałkami imć pan Janowski powracał, a że nieustaiące szkody, pochwałki y uganianie się ludźmi dworskimi Barankowskimi dziać się nie przestaią w. imć pan Wyganowski od przyiętey przez iego mość pana Suzina tey wioski Laszewicz wcale zruynowany, skrzywdzony bydź nie przestaie y tylko przez przyiaciół certuie o takowe krzywdy y violencye, dzieiące się przez pomienionych chłopów, do mnie tegoż dnia przybyłego imć pana Józefa Dąbrowskiego, proszonego dla dowodu y lepszey wiary w poparciu swey krzywdy y prawdziwey niewinności, iako się ustawnie excesa dzieią, przez chłopów z poduszczenia pańskiego Laszewickich, upraszał, ażeby z ludźmi imć pan Józef Dąbrowski in crastinum ich na granicy poszedł, assekuruiąc, że zostanie bydło w szkodzie y chłopskiey zawziętości doświadczy. Iakoż rano wstawszy imć pan Józef Dąbrowski, wraz z ludźmi dworskimi, to iest, z stangretem y dwóma chłopcami, zwykłych dla dowodzenia tey szkody, z nimi poszedł, gdzie przeszedłszy ieden bór mnieyszy, do drugiego szli polem y zaraz na polach Barankowskich w życie uyrzeli woły y ci, którzy paśli, widząc do siebie przychodzących wołów, z żyta blizko swey granicy nie spędzili, tylko opodal zaszłe woły ku swey granicy pędzili; a za tym czasem postrzegłszy chłopów trzech w rogu borku mnieyszego niedaleko wioski żyta owego na koniach, czyli na klaczach siedzących y wnet za obaczeniem do wioski śpieszyli y w prędce z wioski, iak ciż wybiegli, tak cała

wieś za niemi z kołami, którzy prosto biegli na ludzie w. imć pana Wygonowskiego, a mianowicie stangret Hryc, nayprzód uciekać począł, widząc, że go zabić chcieli, za nim chłopcy dway, a pomieniony imć pan Dąbrowski sam został zważaiąc ten impet niepohamowany zaiadłych chłopów, gdzie słysząc tę słowa, iako ieden drugiego uprzedzaiąc biegli y wołali: того великого имаймо, чимъ борзѣй и забьемъ его. Jednakże ten stangret y chłopce do borku salwowali się, chłopi wyuzdani po borze szukaiąc z hałasem, tak iako y wczoray czynili, aż za bór na drogę gonili, którey nieobaczywszy na polu nazad się wrócili, a pomieniony imć pan Dąbrowski na mieyscu stoiąc z podziwieniem takowey transakcyiey przypatrzywszy się tych roziuszonych chłopów, którzy nie postrzegłszy biegli z wielkim impetem do niego y z kołami nad głową zamierzaiąc się bić chcieli, wołaiąc ieden na drugiego: біймы того! Ale się im ekskuzował, mówiąc, żem wam nic nie winien, bom ia tu proszony, aby tę szkodę obaczył, ale teraz widzę wcale, co się dzieie, a gdyby nie dworski człek, tego imć pana Suzina, co y chłop im perswadował, zapewna by zabili y tak z wielkim grozieniem mówili: Коли ты паничъ, по що тутъ пришовъ, бо такъ ты згинешь, якъ и тые собаки погинутъ. O takowe tedy excessa kryminalne y wiolencyę solenny w. imć pan Kazimierz Wygonowski — podczaszy Brzeski, przez imć pana Józefa Dąbrowskiego zaniósł manifest przeciwko imć panu Faustynowi Suzinowi y na poddanych imści wsi Laszewicz, protestuiąc się iterum atque iterum, cum salva onego melioratione, co iest przyięte y zapisane.

Конецъ VI-го тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Акты Брестскаго Городскаго Суда.

(Поточные)

1629 г.

II.

Акты Брестскаго Подкоморскаго Суда.

III.

Акты Брестской Магдебургіи.

1638 г.

IV.

Акты Кобринской Магдебургіи.

V.

Акты Каменецкой магдебургіи.

I.

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ФАМИЛІЙ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

M.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Я.

Ө.

УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

M.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Ю.

Я.

ОПЕЧАТКИ.

стр.		*напечатано*	*слѣдуетъ читать.*
22	12 стр. сн.	войта Кленачовскаго	войта Клепачовскаго.
33	1 — св.	1586	1589
35	14 — —	врочищомъ Уградъ	врочищомъ у Градъ
42	въ оглавл.	Каменецкаго магдебургіи	Каменецкой магдебургіи
44	— —	въ каменьщикомъ	съ каменьщикомъ
—	1 стр. св.	съ кахли	съ капли
45 и 46		имѣніе Шлаковичи	имѣніе Шпановичи
48	въ оглавл.	состоящіее	состоящее
50	12 стр. св.	мости	милости
—	15 — —	ихъ націей	на цель
57	3 — —	Дворъ Пришифошскій.	Дворъ Пришифостскій.
63	2 — —	Малоцевичу	Малошевичу
71	въ оглавл.	и произведенные	и о произведенныхъ
72	6 стр. сн.	Осексу	Олексу
74	» — св.	Воил Лютое	Воли Лютое
78	1 — сн.	оевводства	воеводства
102	въ изложен. содер.	попалъ... съ четверьмя	напалъ... съ четырьмя
119	въ оглавл.	1625 г.	1620 г.
131	— —	о побѣгѣ	объ увезеніи
143	20 стр. сн.	про мыту	промыту
146	12—13 —	до Кориныхъ	до Козиныхъ
165	14 стр. св.	по кгрунтахъ	на кгрунтахъ
168	13 — сн.	были мѣщане	были мѣстскіе
172	7 стр. сн.	до насъ	Панасъ
194	3 — св.	Скорощина	съ Корощина
220	— —	1062 г.	1602 г.
263	въ изл. содер.	фадыша... колондскаго	фалендыша... коленскаго
265	въ оглавл.	Привилея	Привилегія
331	11 стр. сн.	Zokczyna	z Okczyna
353	въ оглавл.	Воскресенской	Воскресенской церкви
435	въ изл. содер.	Эти привилегіи заключаютъ замшаники,	Эта привилегія заключаетъ замошники,
368	въ оглавл.	Татьянны Никоновной	Татьяны Никоновны
400	— — —	по судебнымъ	судебнымъ
421	въ прим. внизу	Книга	Книги
459	въ излож. сод.	въ православной	въ уніятской
465	въ оглавл.	базиліанамъ	православнымъ инокамъ
483	8 стр. сн.	Hrylowa	Brylowa
492	4 — —	голку синяя златоглавомъ,	шолку, окладка синяя въ злато-главомъ,
493	10 — —	Октотховъ	Октоиховъ
497	2 — —	horodeckym	y Horodeckym
500	въ излож. содерж.	При заложеніи этой церкви присутствовалъ Кіев. митр. Заленскій.	Церковь эта заложена за консенсомъ и по благословенію Кіев. митр. Заленскаго.

стр.		*напечатано*	*слѣдуетъ читать.*
I	въ текстѣ 4 стр. св.	зданію	изданію
V	— — —	стѣнѣ	стѣнѣ
VI	въ прим. 10 стр. св.	въ Руско ольняхъ»	въ Русокольняхъ»
—	— 15 — —	ъ селѣ,	въ селѣ,
VI	въ текстѣ 4 — сн.	V VII	V—VII
IX	3 стр. св.	не принимали непосредственнаго, равнаго участія	принимали непосредственное, равное, участіе
—	13 — сн.	памятнымъ заложить копу:	закрыть копу, уплативъ ей памятное (memoriale), т. е. извѣстную сумму за ея судъ
XIII	въ примѣч.	дочки ржи	бочки ржи
XXIII	въ текстѣ 2 стр. сн.	находившейся	находиться
XXIV	— — 1 — св.	и угловъ	и какихъ-то
XXVII	— — 15 — —	русскіе	русскія
—	— — 14 — сн.	находиться	находится
XXVIII	— — 7 — —	V томѣ	VI томѣ
XXXIII	— — 1 — св.	котору	которую
XXXV	— — 14 — сн.	настоящей привилегіи	настоящаго декрета
XLIII	— — 10 — св.	во ниманіе	во вниманіе
L	— — 14 — —	съ образованію	къ образованію
—	— — 4 — —	наѣмревался	намѣревался
LII	— — 8 — сн.	нойска	войска
LXII	— — 15 — св.	1491 г. и,	1491 г.,
—	— — 16 — —	заводиться *)	заводиться въ предѣлахъ Вел: Кн. Литовскаго *)
LXIII	— — 8 — сн.	распостершись	распростершись